КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

АРСЕНІЙ МОГИЛЯНСКІЙ

— И —

СОСТОЯНІЕ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ

ВЪ ЕГО ПРАВЛЕНІЕ (1757—1770 Г.).

Свящ Николая Шпачинскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица д. № 14.
1907.

391
37

Арсеній Митрополитъ Кіевскій

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . V—XII
Глава I-я Жизнь и дѣятельность Арсенія Могилянскаго до назначенія на Кіевскую каѳедру . . . 3— 86
„ II-я Арсеній Могилянскій—митрополитъ Кіевскій. Составъ Кіевской епархіи . . . . . 87—114
„ III-я Управленіе Кіевской епархіи . . . 115—180
„ IV-я Устройство епархіи и церквей. . . 181—226
„ V-я Монастыри Кіевской епархіи . . . 227—291
„ VI-я Приходское духовенство Кіевской епархіи. 292—398
„ VII-я Школы Кіевской епархіи. Академія . 399—465
„ VIII-я Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь 466—480
„ IX-я Кіевское духовенство и Комиссія Уложенія. 481—556
„ X-я Заграничные монастыри Кіевской митрополіи 557—657
Заключеніе. . . . . 658—566
Приложенія . . . . . 1—16

Предисловіе.

Кіевская митрополія въ XVIII в. является съ характеромъ института *епархіи*, входящей наравнѣ съ другими епархіями въ составъ всероссійской православной Церкви. Такой характеръ, или организацію, отличную отъ той организаціи, какую она имѣла со времени самаго учрежденія ея, она получила въ 1685—1686 г., когда Кіевскій іерархъ подчинился власти и вліянію Московскаго патріарха.

До конца XVII в. исторія Кіевской митрополіи была не исторіей епархіи, а скорѣе исторіей *всей* русской Церкви или значительной части ея, Западно-русской Церкви. А когда случилось подчиненіе Кіевскаго іерарха Московскому патріарху, тогда Кіевская митрополія приняла организацію собственно *епархіи*, и исторія Кіевской митрополіи съ этого времени является собственно исторіей Кіевской епархіи.

Правда, въ ту пору, когда совершалось подчиненіе Кіевскаго іерарха Московскому патріарху, предѣлы Кіевской митрополіи были еще значительны, а вліяніе Кіевскаго митрополита не ограничивалось одними предѣлами собственно Кіевской епархіи, а распространялось и на другія области. Но это была такая черта или особенность въ жизни Кіевской митрополіи, которая не могла долго оставаться: съ вступленіемъ Кіевской митрополіи въ составъ всероссійской православной Церкви—наравнѣ съ другими епархіями, несомнѣнно, эта особенность

должна была въ свое время уничтожиться. Да не только указанная, но и другія мѣстныя, малороссійскія черты въ жизни Кіевской митрополіи—епархіи, касавшіяся преимуществъ Кіевской каѳедры, устройства и организаціи управленія, суда, быта духовенства, которыя отличали Кіевскую митрополію отъ другихъ епархій русской православной Церкви, съ подчиненіемъ центральному правленію высшей русской церковной власти, неизбѣжно должны были сгладиться, смягчиться до такой степени, чтобы Кіевская митрополія сдѣлалась не больше, какъ одной изъ епархій, подобной по типу другимъ русскимъ православнымъ епархіямъ.

Такой процессъ въ судьбахъ Кіевской митрополіи неизбѣжно выдвигался исторіей со времени подчиненія Кіевскаго іерарха Московскому патріарху, а затѣмъ Свят. Синоду, ставшему (съ 1721 г.) во главѣ управленія всею русскою православною Церковью.

Выдвинутая исторіей эта задача выполнялась постепенно въ теченіе цѣлаго столѣтія,—со времени подчиненія патріарху (1685—1686 г.) и до введенія (1786 г.) въ каѳедрѣ и епархіи штатовъ. При этомъ выполненіе этой исторической задачи въ теченіе цѣлаго столѣтія шло то болѣе, то менѣе интенсивно. Прежде всего это зависѣло отъ того, какія были теченія *сверху*, т. е. кто стоялъ во главѣ управленія всѣмъ государствомъ, а также во главѣ управленія всею русскою Церковью. Такъ, при Петрѣ I теченіе къ преобразованію внѣшняго и внутренняго быта отдѣльныхъ епархій, въ томъ числѣ и Кіевской митрополіи, было сильнѣе и интенсивнѣе. При Петрѣ I Кіевскій іерархъ, издавна носившій титулъ *митрополита*, былъ лишенъ этого титула, и Кіевскою епархіею управлялъ только архіепископъ. При Петрѣ же I былъ изданъ Духовный Регламентъ, въ которомъ опредѣленно начертаны тѣ принципы, идеи и формы, по которымъ должно было пойти преобразованное управленіе епархіями.

При Елизаветѣ Петровнѣ Кіевская епархія получила обратно утерянную при Петрѣ I привиллегію своей каѳе-

дры; іерарху Кіевской епархіи возвращенъ былъ титулъ митрополита. Въ то же время сохранялись въ силѣ и многія другія особенности малороссійскихъ епархій въ ихъ внутренней жизни, бытѣ и устройствѣ.

При Екатеринѣ II, наоборотъ, опять начались сильныя теченія сверху, направлявшіяся къ окончательному отнятію и ограниченію мѣстныхъ, малороссійскихъ особенностей тѣхъ или другихъ епархій, въ томъ числѣ и Кіевской митрополіи—епархіи. Эти теченія кончились, наконецъ, въ 1786 г. введеніемъ въ Малороссіи и въ Кіевской епархіи штатовъ для каѳедры, консисторіи и епархіи.

Но тѣ теченія, которыя направлялись *сверху*, отъ высшаго правительства и имѣли въ виду объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ епархій въ единое цѣлое, которыя поэтому могутъ быть названы централизаціонными стремленіями высшаго правительства, въ жизни Кіевской епархіи также вызывали извѣстнаго рода теченія. Этого рода теченія (теченія *снизу*) далеко не всегда согласовались въ XVIII в. съ централизаціонными мѣропріятіями высшей правительственной власти; наоборотъ, нерѣдко проявлялись съ особенною силою и на время задерживали теченія сверху. Это зависѣло 1) отъ того, насколько въ тѣ или другіе моменты кіевское духовенство,—представители епархіи,—находило въ себѣ силъ, возможности и самосознанія для извѣстнаго реагированія на централизаціонныя стремленія высшей правительственной власти; 2) съ другой стороны, отъ того, кто стоялъ во главѣ Кіевской іерархіи. Одни изъ Кіевскихъ іерарховъ *болѣе*, а другіе *менѣе* подчинялись централизаціоннымъ стремленіямъ высшей церковной власти. Соотвѣтственно этому и исторія Кіевской митрополіи—епархіи съ конца XVII и до конца XVIII в. распадается на нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, въ которые замѣчается то усиленіе, то ослабленіе централизаціонныхъ стремленій къ реформированію епархіи.

Предметомъ настоящаго опыта является изслѣдованіе исторіи Кіевской митрополіи *въ половинѣ XVIII в.*, при м. Арсеніи Могилянскомъ, при которомъ, съ одной стороны, началась наиболѣе интенсивная централизаціонная дѣятельность высшей правительственной и церковной власти, а съ другой—съ особенною полнотою проявлялись теченія въ средѣ духовенства и епархіи къ сохраненію прежнихъ старинныхъ правъ и привиллегій епархіи, каѳедры и духовенства.

Для обнаруженія послѣднихъ теченій въ половинѣ XVIII в. нашлись благопріятныя обстоятельства: приглашеніе Св. Синода малороссійскому духовенству заявить Комиссіи Уложенія (1767 г.) о всѣхъ нуждахъ и выгодностяхъ тамошняго духовенства.

Авторъ и поставилъ своею задачею изслѣдовать, въ какомъ состояніи находилась Кіевская епархія въ это именно время, показать, каковы были предѣлы и границы митрополіи, ея управленіе и организація, устройство ея и церквей, въ какомъ положеніи, въ частности, находились монастыри, приходское духовенство Кіевской епархіи, также академія и каѳедральный монастырь Кіевскаго іерарха; затѣмъ, какія заявленія о нуждахъ и преимуществахъ представила, съ своей стороны, Кіевская епархія предъ Комиссіей Уложенія. А такъ какъ Кіевская митрополія въ половинѣ XVIII в. еще состояла частью въ заграничныхъ областяхъ, гдѣ оставалось много православныхъ монастырей, причисленныхъ къ Кіевской митрополіи, то автору нельзя было обойти безъ обозрѣнія, по крайней мѣрѣ, въ общихъ и главнѣйшихъ чертахъ, историческихъ судебъ православныхъ заграничныхъ монастырей вообще и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности.

При обозрѣніи историческихъ судебъ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII в., авторъ обращалъ вниманіе на дѣятельность стоявшаго въ то время во главѣ Кіевской епархіи митрополита Арсенія Могилянскаго и указываетъ, какія распоряженія издавались м. Арсеніемъ во время его

управленія Кіевской епархіей, и въ какомъ отношеніи они стояли къ тѣмъ или другимъ централизаціоннымъ мѣропріятіямъ высшей церковной и правительственной власти. При этомъ авторъ, съ цѣлью дать представленіе вообще о личности самого м. Арсенія Могилянскаго, въ I главѣ обозрѣваетъ его жизнь и дѣятельность, предшествовавшую назначенію на Кіевскую каѳедру,—указывая время его рожденія, обстоятельства его воспитанія и обученія, его жизни и дѣятельности на учебномъ и административномъ поприщѣ, а особенно на Переславской каѳедрѣ (1744—1752 г.), а въ заключеніи говоритъ о его смерти, погребеніи, нѣкоторыхъ чертахъ его личнаго характера и, наконецъ, о его литературныхъ трудахъ.

При своемъ изслѣдованіи автору пришлось пользоваться, главнымъ образомъ, сырымъ, архивнымъ матеріаломъ, собирая его въ архивахъ Св. Синода, въ Московскихъ архивахъ М—ва Юстиціи и М—ва Иностранныхъ Дѣлъ, Троицкой Лавры, старой Кіевской консисторіи, Кіево-Печерской Лавры, Кіево-Выдубицкаго монастыря,—рукописяхъ Кіевской Духовной Академіи, Кіево-Софійскаго Собора и др.

Изъ этихъ матеріаловъ только самая незначительная часть, и то только въ послѣднее время, издана въ печати профф. Н. И. Петровымъ въ его „Актахъ и документахъ“, относящихся къ Академіи, Ѳ. И. Титовымъ въ его „Памятникахъ“, относящихся къ исторіи Западно-русской Церкви, С. Т. Голубевымъ въ его „Матеріалахъ“, также разными археографическими комиссіями и нѣкоторыми журналами.

А весьма значительная часть остается неизданной, причемъ пользованіе, напр., архивомъ старой Кіевской консисторіи представляло значительныя затрудненія въ виду обветшалости, растрепанности и того безпорядка, въ какомъ находились документы и дѣла половины XVIII в.

Мы не станемъ указывать всѣхъ отдѣльныхъ статей, извѣстій и замѣтокъ, которыя разсѣяны въ разныхъ пе-

родическихъ изданіяхъ, особенно епархіальныхъ вѣдомостяхъ, „Кіевской Старинѣ“ и проч. Укажемъ только главнѣйшія изъ сочиненій, служившія для насъ руководящими пособіями при изученіи матеріала и при изложеніи нашего изслѣдованія.

Таковы:

Собраніе сочиненій Е. М. Крыжановскаго, особенно его „Очерки быта южно-русскаго сельскаго духовенства въ XVIII в.“ и очерки изъ исторіи Кіевской консисторіи, печатавшіеся въ Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей за 1861—1864 г. и въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1862 г., а потомъ вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ въ собраніи сочиненій. Мы пользовались послѣднимъ изданіемъ 1890 г. (Кіевъ, т. I).

2) статьи и примѣчанія проф. Н. П. Петрова, относящіяся къ исторіи Кіевской Духовной Академіи и напечатанныя въ его „Актахъ и документахъ“, т. I, II и III.

3) сочиненія проф. прот. Ѳ. П. Титова: „Русская Православная Церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.“, т. I и II, Кіевъ, 1905 г., а также и др. историч. статьи, относящіяся къ исторіи Академіи.

4) монографія Костомарова „Послѣдніе дни Рѣчи Посполитой“, Спб. 1886, т. I.

5) изслѣдованіе С. Рункевича „Исторія Минской Архіепископіи“, Спб. 1893 г.

Кромѣ того, мы пользовались отдѣльными монографіями, относящимися къ исторіи Харьковскаго коллегіума (свящ. Н. Стеллецкаго), Троицкой Семинаріи (проф. Смирнова), Троицкой Лавры (проф. Горскаго), кіевскихъ монастырей, Кіевской Академіи (Серебренникова и др.), Комиссіи Уложенія малороссійскаго духовенства предъ Комиссіей Уложенія (Теличенко, Діанина), украинскихъ монастырей (Иваницкаго „Гервасій Линцевскій“), и др.

Къ сочиненію приложены: а) портретъ м. Арсенія Могилянскаго въ его автографическою подписью, б) кар-

та Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII в., и въ нѣсколько грамотъ и документовъ.

Копія портрета издана по карточкѣ, снятой съ портрета, находящагося въ залѣ Кіевской Духовной Академіи. Карта, изданная нами, представляетъ собой только общій очеркъ главнѣйшихъ, административныхъ пунктовъ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII в.; поэтому въ ней напрасно было бы искать указанія на то, какіе именно приходы и поселенія входили въ составъ Кіевской епархіи въ разсматриваемое нами время; по ней можно только наглядно представить, по какую именно сторону Днѣпра и до какихъ приблизительно предѣловъ простиралась Кіевская епархія при м. Арсеніи Могилянскомъ.

Что касается заграничной части Кіевской митрополіи, бывшей въ вѣдѣніи м. Арсенія Могилянскаго, то въ виду того, что подобная карта издана проф. Ѳ. И. Титовымъ при его монографіи о заграничныхъ монастыряхъ, мы считали лишнимъ прилагать такую же карту при своемъ сочиненіи.

Въ числѣ приложенныхъ документовъ помѣщены нами далеко не всѣ тѣ акты и документы, которые нами были первоначально намѣчены для этой цѣли. Въ виду обширности своего сочиненія мы вынуждены были оставить первоначальный планъ и ограничились только самымъ немногимъ, что относится ко времени Арсенія Могилянскаго, къ исторіи малороссійскаго духовенства, а отчасти можетъ служить къ уясненію обстоятельствъ и характера жизни и дѣятельности самого митрополита.

Въ заключеніе просимъ читателя быть снисходительнымъ къ обилію цитатъ и ссылокъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, а также къ тѣмъ сокращеніямъ, которыя допускались нами при цитированіи какъ источниковъ, такъ и пособій. Обиліе ссылокъ объясняется какъ свойствомъ самаго предмета, основывающагося, главнымъ образомъ,

на архивныхъ матеріалахъ, такъ и тѣмъ, что мы старались возможно документальнѣе подтверждать высказываемыя нами положенія. Что касается сокращеній, то они допускались нами по необходимости для экономіи мѣста и времени.

Главнѣйшія сокращенія, встрѣчающіяся въ книгѣ:

А. К. К.=Архивъ Кіевской Консисторіи.
Ак. В. Ар. К.=Акты Виленской Археографической Комиссіи.
А. К. Печ. Л.=Архивъ Кіево-Печерской Лавры.
А. С. С.=Архивъ Свят. Синода.
А. Ю. З. Р.=Архивъ Юго-Западной Россіи.
В. З. Р.=Вѣстникъ Западной Россіи.
И. П. Б.=Императорская Публичная Библіотека.
К. Е. В.=Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.
К. С. С.=Кіево-Софійскій Соборъ.
П. =Пунктъ.
П. С. З. Р. П.=Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.
Р. Д. С. П.=Руководство для Сельскихъ Пастырей.
Сб. И. И. О.=Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества.
Тр. К. Д. А.=Труды Кіевской Духовной Академіи.

ГЛАВА I-я.

Жизнь и дѣятельность Арсенія Могилянскаго до назначенія на Кіевскую каѳедру.

Происхожденіе и первоначальное воспитаніе Арсенія Могилянскаго (въ мірѣ Алексѣя). Поступленіе въ Кіевскую академію; переходъ въ Харьковскій коллегіумъ. Вызовъ А. Могилянскаго въ Тверскую семинарію. Переходъ на службу въ Московскую академію. Постриженіе въ монашество. Переходъ въ Троицкую семинарію. Назначеніе въ придворные проповѣдники. Проповѣдническіе труды А. Могилянскаго въ 1742—1744 г. Назначеніе въ ректора Троицкой семинаріи и возведеніе въ архимандриты. Возстановленіе Переславской епархіи и посвященіе А. Могилянскаго въ архіепископы епархіи. Ходатайство о причисленіи къ Троице-Сергіевой Лаврѣ нѣкоторыхъ церквей. Органы управленія въ Переславской епархіи. Учрежденіе въ епархіи коадъюторства. Установленіе опредѣленныхъ отношеній между архіеп. Арсеніемъ и его коадъюторомъ. Походная контора при архіеп. Арсеніи. Ставленническое производство. Выдача грамотъ приходскому духовенству. Содержаніе духовенства. Разборъ духовенства. Ревизія грамотъ приходскаго духовенства. Условія назначенія на приходъ. Заботы о просвѣщеніи духовенства. Заботы о проповѣданіи слова Божія. Церковное благоустройство въ Переславской епархіи. Заботы архіеп. Арсенія о приведеніи церквей къ благоустройству. Мѣры къ поднятію нравственной жизни духовенства. Троице-Сергіева Лавра и приписные къ ней монастыри. Владѣнія Лавры. Управленіе вотчинами. Учрежденный Соборъ. Опредѣленіе служителей Лавры. Сборы съ лаврскихъ крестьянъ. Замѣчаніе о хозяйственной части въ Лаврѣ. Призрѣніе бѣдныхъ. Заботы архіеп. Арсенія о благоустройствѣ строеній Лавры. Распоряженія архіеп. Арсенія относительно веденія расходовъ въ Лаврѣ и контроль надъ нимъ, относительно ризницы, богослуженія. Ходатайство о дарованіи Лаврѣ новой жалованной грамоты и другихъ привиллегій. Заботы о Троицкой семинаріи. Введеніе преподаванія иконописи. Заботы объ устройствѣ библіотеки; о подготовленіи учениковъ къ проповѣдничеству; объ обезпеченіи учителей и учениковъ. Мѣры воспитательнаго воздѣйствія на учениковъ семинаріи. Заботы о привлеченіи учащихся въ семинарію. Вниманіе императрицы Елизаветы Петровны къ архіеп. Арсенію. Увольненіе Арсенія на покой и переѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь.

I.

Кіевскій митрополитъ, Арсеній Могилянскій, былъ родомъ изъ м. Рѣшетиловки Полтавскаго полка. По матери своей онъ

происходилъ изъ рода Могилъ. Прадѣдъ Арсенія Симеонъ Тимоѳеевичъ Могила былъ священникомъ въ м. Рѣшетиловкѣ и извѣстенъ, какъ проповѣдникъ и духовный писатель; ему принадлежитъ сборникъ проповѣдей на малорусскомъ языкѣ. [1]) Дѣдъ Арсенія Могилянскаго, Ѳеодоръ Симеоновичъ Могила былъ священникомъ въ томъ же приходѣ м. Рѣшетиловки, вѣроятно, послѣ смерти своего отца. Дочь о. Ѳеодора, Ирина была въ замужествѣ за Ѳеодоромъ Поповичемъ, уроженцемъ м. Голтвы. Судя по фамиліи „Поповичъ“, можно полагать, что и этотъ послѣдній происходилъ изъ духовнаго званія, но онъ не занималъ никакого священническаго мѣста. У помянутыхъ сейчасъ Ѳеодора и Ирины Поповичей 17 марта 1711 г. [2]) родился сынъ, названный въ честь св. Алексѣя Человѣка Божія, память коего 17 марта, Алексѣемъ. По свидѣтельству біографа митрополита Арсенія Могилянскаго, Іакова Воронковскаго, [3]) Алексѣй былъ

---

[1]) Этотъ сборникъ рукописный и носитъ такую надпись: „Наука Христіянская до Ев̃лія въ коротчѣ з̀ложоная, въ каждую неделю и празники Господскія и Богоматерны'я; на увесь цѣлый рокъ. Барзо простою мовою и діялектемъ и жъ и напростѣшему человѣкови снадно понятая... Изложилося помощію Божіею и мл̃твами Прест̃ыя Б̃цы и всѣхъ святыхъ: многогрѣшнымъ велице недостойны̑ слугою слугъ Христовыхъ Семіономъ Тимофѣевичемъ: с̃щенникомъ на то̃ча̂ Решетиловски̑ трак̃ту Полтав̂скаго сослужителе̑ храму и престола Успенія Пр̃ Б̃цы. Списа же року Б—жа̂х̃о“. Эта рукопись хранится въ Кіево Софійской библіотекѣ. На этой рукописи съ 4 листа идетъ подпись сына о. Симеона, Ѳеодора Могилы, завѣщавшаго своему сыну и внуку хранить рукопись, 29 октября 1713 г. Упоминаемая рукопись, по весьма вѣроятному [предположенію проф. Н. И. Петрова,]передана въ библіотеку К. Соф. Собора самимъ митрополитомъ Арсеніемъ, или поступила послѣ его смерти.

[2]) У м. Евгенія, Аскоченскаго и другихъ годъ рожденія — Арсенія Могилянскаго указанъ „1704-й“. Но это невѣрно. Одинъ изъ біографовъ, Воронковскій говоритъ, что А Могилянскій родился въ 1711 г. Это показаніе подтверждается и другими данными: въ рукописи Синод. архива („Списки архіереевъ по 1800 г.) объ Арсеніи замѣчено, что онъ умеръ на 60-мъ году, противъ 8 іюня. Свидѣтельство 2-хъ рукописныхъ памятниковъ о годѣ рожденія [находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ томъ, что, по показанію І. Воронковскаго и другихъ, А. Могилянскій поступилъ въ школы для обученія въ 1721 г., т. е. на 11 году твоей жизни. Это возрастъ обычный при поступленій дѣтей въ школу. Съ принятіемъ же года рожденія 1704 (вм. 1711) выйдетъ, что А. Могилянскій поступилъ въ школу на 17-мъ году, что бывало очень рѣдко.

[3]) Біографія, составленная Іаковомъ Воронковскимъ, найдена въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти каѳедр. протоіерея П. Г. Лебединцева и переданныхъ въ 1904 г. въ библіотеку Церковно-Археолог. музея при Кіевской Духовной Академіи. І. Воронковскій былъ каѳедральнымъ писаремъ и намѣстникомъ Кіев. каѳедры, а съ 1767—1774 г. настоятелемъ Выдубицкаго монастыря.

первенцемъ въ семьѣ. Въ семьѣ, кромѣ Алексѣя, были еще братья Евстафій и Василій и сестра Анна. Алексѣй и былъ будущій митрополитъ Арсеній; Евстафій—сначала былъ полтавскимъ протопопомъ, а потомъ (съ 1761 г.), послѣ пострижения въ монашество съ именемъ Епифанія, архимандритомъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго и (съ 1768 г.) Златоверхо-Михайловскаго монастыря; Василій былъ впослѣдствіи войсковымъ товарищемъ въ с. Будищекахъ [1]). Семья была благочестивая, съ добрыми христіанскими навыками. Большое вліяніе на воспитаніе дѣтей оказывалъ дѣдъ по матери, о. Ѳеодоръ Могила. По словамъ—біографа Воронковскаго, Алексѣй былъ воспитанъ своимъ дѣдомъ о. Могилой потому, что отецъ его, Ѳеодоръ Поповичъ, умеръ еще до рожденія его, Алексѣя. Если принять во вниманіе, что тотъ же Воронковскій говоритъ, что Алексѣй былъ первенцемъ у своихъ родителей, то остается предположить, что или Воронковскій ошибается въ своихъ замѣчаніяхъ о смерти отца Алексѣя Ѳеодора

---

[1]) А. К. К., сб. п. 1766 г. № 11. Въ этой семьѣ Могилянскихъ былъ семейный споръ между братьями Василіемъ и Епифаніемъ. Споръ относится къ тому времени, когда Алексѣй уже былъ митрополитомъ; онъ начался изъ за попокупки у Епифанія грунтовъ и неуплаты Василіемъ денегъ. Епифаній продалъ Василію свои грунты за 5000 руб.; Василій уплатилъ первоначально 2400 руб., а остальныя обязался уплачивать по частямъ; но внесши 400 руб., онъ отказался платить остальныя деньги. Епифаній обратился къ Арсенію и просилъ его содѣйствія. М. Арсеній написалъ Василію письмо и велѣлъ ему уплатить оставшуюся сумму сполна, въ противномъ случаѣ грозилъ, что грунты булутъ проданы въ другія руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ м. Арсеній писалъ къ полтавскому игумену Антонію Почекѣ, къ нѣжинскому протопопу Іоакиму и священнику Воскресенской церкви въ Нѣжинѣ Мануилу, чтобы они произвели оцѣнку грунтовъ, захваченныхъ у Епифанія Василіемъ, и, послѣ полученія резолюціи, продали бы ихъ въ уплату долга. Но Василій не хотѣлъ допустить продажи грунтовъ безъ суда. Тогда м. Арсеній написалъ къ полтавскому полковнику Андрею Горленку и просилъ его содѣйствія означеннымъ духовнымъ лицамъ и Епифанію и просилъ у него совѣта, какимъ бы образомъ оттягать землю у Василія. Какой совѣтъ далъ Горленко, неизвѣстно. Но митрополитъ Арсеній написалъ той же коммиссіи (Антонію Почеку и другимъ), чтобы они съѣхались въ домъ Василія и при другихъ свидѣтеляхъ объявили ему, что если онъ будетъ упорствовать, то отъ него отказываются родственники. Эта угроза подѣйствовала на Василія; онъ согласился помириться съ братомъ Епифаніемъ и уплатить требуемую сумму. Арсеній былъ очень доволенъ примиреніемъ и велѣлъ игумену Антонію при 2 свидѣтеляхъ священникахъ передать Василію и всему дому его архипастырское благословеніе (А. К. К., сб. пис. 1766 г. № 11, 12, 15, 59; 1767 г. № 16).

Въ этомъ спорѣ м. Арсеній дѣйствовалъ, видимо, съ авторитетомъ не столько Кіевскаго владыки, сколько—старшаго брата въ отношеніи къ младшимъ.

О другихъ семейныхъ дѣлахъ и огношеніяхъ Арсенія къ братьямъ и сестрѣ ничего неизвѣстно намъ.

Поповича, или мать Алексѣя была въ замужествѣ 2-й разъ, и отъ этого 2-го брака родились братья Алексѣя, Евстафій, Василій и сестра Анна. Повидимому, Воронковскому совершенно ничего не было извѣстно о существованіи этихъ послѣднихъ членовъ семьи. Предположеніе о 2-мъ бракѣ матери Алексѣя ничего, конечно, невѣроятнаго не заключаетъ; но намъ думается, что Воронковскій, какъ не располагавшій достаточнымъ количествомъ біографическихъ данныхъ [1]), могъ ошибиться относительно смерти отца Алексѣя, Ѳеодора Поповича. Ошибка могла явиться какъ плодъ пытливыхъ желаній біографа объяснить, почему Алексѣй получилъ воспитаніе и самую фамилію отъ дѣда своего. Съ своей стороны мы полагаемъ что, и при жизни своего отца, Алексѣй могъ быть случайно (или по какой либо болѣе основательной причинѣ, напр., въ виду опасности для матери) рожденъ не на мѣстѣ жительства отца (Воронковскій говоритъ, что Ѳеодоръ Поповичъ былъ уроженцемъ Полтвы), а у родителей матери, въ Рѣшетиловкѣ, въ домѣ своего дѣда Могилы. Это обстоятельство и естественная любовь дѣда къ первенцу внуку могли послужить и поводомъ къ тому, что и самое воспитаніе Алексѣя происходило въ домѣ дѣда, священника Могилы въ Рѣшетиловкѣ. Быть можетъ, у дѣда, а вмѣстѣ и у матери было желаніе дать воспитаніе Алексѣю спеціально церковное, чтобы, такимъ образомъ, подготовить къ занятію дѣдовскаго прихода при Успенской церкви м. Рѣшетиловки. Несомнѣнно, воспитаніе это было самое благотворное, такъ какъ велось въ духѣ церковномъ. Вмѣстѣ съ Алексѣемъ, можно думать, воспитывался и братъ его Евстафій; они оба росли, такимъ образомъ, при добромъ благотворномъ вліяніи строго благочестивой семьи малороссійскаго священника, и изъ нихъ выросли—одинъ—Кіевскій митрополитъ, а другой священникъ, а потомъ архимандритъ одного изъ знаменитыхъ Кіевскихъ монастырей. Отъ своего дѣда, воспитателя, Алексѣй и Евстафій получили и свою фамилію „Могилянскій“.

---

[1]) Если обратить вниманіе на самую надпись надъ біографіей А. Могилянскаго, въ которой указывается на послѣдняго, какъ „новоназначеннаго митрополита“, то естественно предположить, что біографія была составлена въ годъ назначенія его на Кіевскую каѳедру; тогда недостаточность біографическихъ данныхъ въ рукахъ біографа Воронковскаго является вполнѣ допустимой, а черезъ это и нѣкоторая ошибочность въ его другихъ предположеніяхъ и данныхъ вполнѣ естественна.

Послѣ домашняго воспитанія Алексѣй поступилъ для обученія въ низшій классъ Кіевской академіи. По свидѣтельству біографа Воронковскаго, это было на 11-мъ году отъ рожденія, (въ 1721 г.).

Кіевское училище, въ которое поступилъ Алексѣй, въ то время славилось какъ главный и замѣчательный центръ просвѣщенія не въ одной Малой Россіи, но и въ Великороссіи. Это было время, когда въ Кіевской академіи жилъ духъ и характеръ бывшаго сначала ректоромъ (1693—1697) академіи, а потомъ (1707—1718) и митрополитомъ Кіевскимъ Іосафа Кроковскаго, который самъ непосредственно наблюдалъ за чтеніемъ академическихъ уроковъ, старался освободить высшія науки отъ подчиненія давно принятымъ Аристотелевскимъ началамъ и своимъ вліяніемъ поставилъ академію на высокую степень славы [1]). Префектомъ, а потомъ и ректоромъ академіи былъ въ это время Іосифъ Волчанскій. [2]) Изъ учителей болѣе знаменитыхъ были въ это время: Амвросій Дубневичъ [3]) и Стефанъ Калиновскій [4]) Кто былъ учителемъ Алексѣю Могилянскому во время обученія его въ Кіевской академіи, трудно сказать; по крайней мѣрѣ, по извѣстнымъ въ печати спеціальнымъ изслѣдованіямъ (проф. Н. И. Петрова, Д. Вишн-

---

[1]) „Кіевъ"... Аскоченскаго, II, стр. 17 и 21.

[2]) І. Волчанскій былъ профессоромъ богословія и ректоромъ съ 1721 г. до 23 февр. 1727 г., затѣмъ былъ назначенъ архимандритомъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря; въ 1735 г. посвященъ въ епископа Бѣлорусскаго, въ въ 1742 г. назначенъ архіепископомъ Московскимъ. Умеръ 10 іюля 1745 г. Отъ него осталось Theologia Christiana orthodoxa 1721—1727 г. Д. Вишневскій „Кіев. академія въ 1-й пол. XVIII в.", Кіевъ 1903 г. стр. 24, 34, 193—194; 250—251.

[3]) А. Дубневичъ былъ учителемъ философіи съ 1725 по 1729 г.; съ 1729—1733 г. преподавалъ богословіе; префектомъ состоялъ съ 1725 г., а ректоромъ съ 1731 г.; въ 1737 г. назначенъ архимандритомъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря; въ 1738 г. перемѣщенъ архимандритомъ въ Троице Сергіев. Лавру; въ 1742 г. посвященъ въ епископа Черниговскаго. Умеръ въ 1750 г. Отъ него осталось 2 философскихъ курса: Cursus philosophicus biannalis 1725—1727 г. и Philosophia peripatetika 1727—1729, а также Cursus quadriennalis Theologiae Christianae. Д. Вишневскій, цит. соч., стр. 26, 36, 196—197, 253—254.

[4]) С. Калиновскій былъ учителемъ риторики въ 1727—1725, и философіи 1728—1733; въ 1733 г. переведенъ на должность префекта въ Московскую академію и скоро назначенъ здѣсь ректоромъ; ректоромъ состоялъ съ 1733—1736 г.; въ 1736 г. назначенъ архимандритомъ Александро-Невскаго монастыря; въ 1739 г. посвященъ въ епископа Псковскаго, въ 1745 г. назначенъ Новгородскимъ архіепископомъ. Умеръ 16 сент. 1753 г. Отъ него остались рукописные учебники по риторикѣ и философіи и до 12 печатныхъ проповѣдей. Д. Вишневскій, цит. соч 155, 197—198. Проф. Н. И. Петровъ „Акты и документы", т. 1, ч. 1, отд. II, стр. 288—289.

ковскаго, относящимся къ исторіи даннаго времени, можно указать лишь 3—4 учителей [1]) за время пребыванія Алексѣя Могилянскаго, въ академіи: но это учители не изъ тѣхъ классовъ, въ какихъ могъ быть въ данномъ году А. Могилянскій. Впрочемъ, хотя неизвѣстны имена учителей, которыхъ слушалъ А. Могилянскій, однако извѣстно, что въ академіи въ это время жилъ духъ и характеръ І. Кроковскаго, ректора І. Волчанскаго. — Поэтому Алексѣй Могилянскій могъ проходить здѣсь ученіе и обогащать свой умъ и развивать свои способности при болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Правда, покровитель и ближайшій начальникъ академіи І. Кроковскій попалъ въ опалу и былъ взятъ подъ надзоръ, что производило нѣкоторое смущеніе и броженіе и въ академіи. Но ближайшій преемникъ Кроковскаго, Варлаамъ Ванатовичъ, какъ извѣстно, былъ приверженцемъ старинныхъ правъ и привилегій своей митрополіи и старался поддерживать прежній духъ и характеръ въ академіи; новыя вѣянія и теченія, которыя направлялись въ жизнь митрополіи и академіи отъ централизаціоннаго правительства и шли въ духѣ появившагося въ свѣтъ Духовнаго Регламента, Ванатовичъ признавалъ лишь настолько, насколько они не противорѣчили стародавнимъ правамъ и привилегіямъ митрополіи [2]).

Въ академіи Алексѣй Могилянскій пробылъ до 1727 г. Въ этомъ году мы видимъ его въ спискѣ учениковъ риторики [3]). Если принять во вниманіе время поступленія Алексѣя въ академію въ 1721 г. и упоминаніе его въ 1727 г. въ числѣ учениковъ риторики, то естественно заключить, что Алексѣй Могилянскій послѣдовательно проходилъ всѣ классы фары, инфимы, грамматики, синтаксимы, піитики и риторики, и въ каждомъ классѣ оставался цѣлый годъ. Такимъ образомъ, первоначальное обученіе и развитіе его шли нормальнымъ путемъ, что очень важно для выработки положительнаго, устойчиваго міросозерцанія.

Въ 1727 г. А. Могилянскій перешелъ изъ академіи въ новооткрывшійся Харьковскій коллегіумъ. Въ то время было обычнымъ явленіемъ оставленіе среднихъ классовъ академіи. Многіе

---

[1]) Таковы: кромѣ вышеупомянутыхъ Дубневича, Калиновскаго, Викторъ Лубенецкій (Любинецкій), учитель инфимы 1720—1721 г., Нектарій Трояновскій учитель грамматики 1720—1721 г., синтаксимы 1721—1722, піитики 1723—1724; Иннокентій Нероновичъ, учитель піитики 1727—1728 г., Митрофанъ Слотвинскій-учитель піитики 1726—1727 г. Проф. Н. Петровъ, цит. соч., стр. 285—288.

[2]) Проф. Н. И. Петровъ, цит. соч. т. 1, ч. I, XII и XIV.

[3]) Ibidem, т. 1, ч. II, стр. 9.

выходили для поступленія на приходъ, иные для продолженія образованія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, русскихъ и заграничныхъ. Изъ русскихъ учебныхъ заведеній пользовались большою славою въ это время Черниговскій коллегіумъ, заведенный въ 1700 г., и Харьковскій. Харьковскій коллегіумъ былъ основанъ въ 1726 г. на мѣстѣ закрытой въ Бѣлгородѣ архіерейской славянорусской школы. Въ немъ были учреждены всѣ классы, по богословіе включительно. На первыхъ порахъ онъ представлялъ изъ себя копію съ Кіевской коллегіи и заимствовалъ изъ послѣдней не только учителей, но и учениковъ. Первыми учителями и начальниками въ коллегіумѣ были исключительно кіевляне [1]).

Сюда-то, въ коллегіумъ, и перешелъ для продолженія своего образованія А. Могилянскій. Что касается побужденій къ переходу изъ Кіевской коллегіи въ Харьковскій коллегіумъ, то, можно думать, въ этомъ случаѣ не мало имѣла значенія близость Харькова къ Рѣшетиловкѣ и отдаленность Кіева.

Въ годъ поступленія Алексѣя въ Харьковскій коллегіумъ здѣсь было всего 8 классовъ, до философіи включительно (богословскій классъ открытъ въ 1731 г.). Хотя въ то время латинскій языкъ былъ главнымъ предметомъ во всѣхъ тогдашнихъ школахъ и занималъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ учебномъ курсѣ и въ коллегіумѣ, тѣмъ не менѣе отличительная особенность послѣдняго была та, что въ немъ большое мѣсто и значеніе отводилось русскому языку. На ряду съ экзерциціями въ латинскомъ языкѣ ученики непремѣнно упражнялись въ составленіи экзерцицій по русскому языку. Такъ, въ классѣ піитики ученики упражнялись съ сложеніи стиховъ не только латинскихъ, но и россійскихъ [2]). Это придавало всему ходу обученія въ коллегіумѣ русскій колоритъ и дѣлало коллегіумъ русско латинскимъ учебнымъ заведеніемъ. Потому Харьковскій коллегіумъ становился для русскихъ людей болѣе подходящимъ учебнымъ заведеніемъ, чѣмъ даже сама Кіевская коллегія. Особенно важно было то, что даже сама императрица Анна Іоанновна въ своемъ указѣ требовала, чтобы преподаваніе особенно высшихъ наукъ вводилось „на собственномъ русскомъ языкѣ“ [3]). Въ то время это

---

[1]) Проф. Н. И. Петровъ, цит. соч., т. 1, ч. II, 384 „Харьк. Коллег.“ свящ. Н. Стеллецкаго, стр. 165.

[2]) Свящ. Н. Степлецкій, цит. соч., стр. 172.

[3]) Ibibem стр. 168.

было новостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ выполненіе этого указа сопровождалось большими трудностями, такъ какъ въ то время не было даже русскихъ книжныхъ магазиновъ.

Тѣмъ не менѣе шагъ былъ сдѣланъ—въ пользу русскаго языка, съ цѣлію поднятія его, какъ учебнаго предмета въ русскихъ школахъ. Для насъ это является очень важнымъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, именно здѣсь, въ коллегіумѣ Алексѣй Могилянскій могъ ознакомиться съ преимуществами преподаванія на русскомъ языкѣ. Мало того; если принять во вниманіе дальнѣйшую дѣятельность Могилянскаго, его распоряженія касательно академіи, издававшіяся имъ, когда онъ былъ митрополитомъ, то нельзя не прійти къ предположенію, что многія изъ его распоряженій могли быть вызваны подъ вліяніемъ воспоминаній о годахъ его собственнаго обученія въ коллегіумѣ. Къ такимъ распоряженіямъ мы относимъ мѣры относительно русскаго языка. Правда, историки Кіевской академіи (Аскоченскій, Булгаковъ и послѣдній изъ нихъ г. Серебренниковъ) не указываютъ такихъ распоряженій. Но если присмотрѣться, напр. къ инструкціи 1763 г., то необходимо прійти къ заключенію, что одной изъ заботъ А. Могилянскаго было желаніе поднять значеніе и преподаваніе русскаго языка въ академіи. Сюда относятся требованія, чтобы классиковъ „переводить на русскій языкъ, только-жъ весьма крѣпко наблюдать, чтобъ тотъ переводъ былъ чистъ и россійскому языку свойственный, а непростый и грубый, съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный.“ Средства для этого указывались слѣдующія: во-первыхъ, образцовый переводъ со стороны самого учителя „самымъ настоящимъ чистымъ россійскимъ стилемъ“, во 2-хъ, чтеніе переводовъ и разныхъ сочиненій академіи наукъ и сухопутнаго кадетскаго корпуса [1]). Также и въ классѣ піитики требовалось по инструкціи изучать „сокращенную россійскую поэзію, напечатанную при императорской академіи санктпетербургской,“ и самые стихи, назначаемые для оккупацій и экзерцицій, переводить на русскій языкъ по правиламъ россійской поэзіи (сначала должны были *такъ* переводить сами учители, а потомъ и ученики) [2]). При изученіи піитики ставилась задача научить слагать стихи не только латинскіе, но и русскіе [3]). Затѣмъ инструкція вмѣняла въ обязанность учителямъ синтаксимы и грамматики наблюдать за чистымъ переводомъ съ польскаго и

---

[1]) Кіев. Еп. В. 1893 г., стр. 518.
[2]) Ibidem, п. 3 и 4.
[3]) Ibidem, п. 5 и 6.

латинскаго на „россійскій діалектъ“ [1]. Та же чистота перевода требовалась и отъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ.

Словомъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ ходомъ преподаванія въ Кіевской академіи, согласно инструкціи 1763 г., оказывается, что митрополитъ Арсеній далеко не послѣднее мѣсто отводилъ русскому языку. Онъ въ свое время,—можно смѣло сказать,—стоялъ на высотѣ тогдашняго интереса къ изученію отечественнаго языка и требовалъ, чтобы послѣдній преподавался именно въ той формѣ, въ какой онъ былъ въ употребленіи въ академіи наукъ.

Въ этомъ, думается, отразилось вліяніе той школы, въ которой, во время обученія Алексѣя Могилянскаго, русскій языкъ былъ однимъ изъ важныхъ предметовъ преподаванія, и черезъ это всему учебному заведенію сообщался характеръ россійской школы.

Изъ коллегіума А. Могилянскій могъ вынести и любовь къ иностраннымъ новымъ языкамъ, на преподаваніе которыхъ въ Кіевской академіи онъ въ свое время, когда былъ митрополитомъ, обращалъ особое вниманіе: въ академіи при А. Могилянскомъ преподаваніе новыхъ языковъ замѣтно оживилось, благодаря настойчивымъ стараніямъ самого Могилянскаго. Несомнѣнно, эта настойчивость пробуждалась у Могилянскаго въ виду сознанія имъ всей пользы новыхъ языковъ, любви къ нимъ и интереса, пробужденныхъ у него еще на школьной скамьѣ, въ коллегіумѣ, гдѣ новые языки были введены въ числѣ первыхъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ [2]). Правда, новые языки и другіе предметы (географія, исторія), какъ новшества, были введены въ коллегіумѣ въ послѣдніе годы пребыванія А. Могилянскаго въ послѣднемъ; но, можно думать, Могилянскій, при своей любознательности успѣлъ ознакомиться съ ними и оцѣнить ихъ пользу и значеніе и полюбить ихъ.

Остается добавить, что весь ходъ преподаванія въ коллегіумѣ шелъ большею частью чисто практическимъ способомъ. Такъ шло обученіе въ школѣ піитики и риторики [3]). Тѣ же практическія занятія въ формѣ диспутовъ были и въ философіи, и въ богословіи [4]). Эта раціональная постановка преподаванія составля-

---

[1]) Ibidem, 541 и 542 стр.

[2]) Свящ. Н. Стеллецкій, цит. соч. стр. 193 и 189.

[3]) Харьков. Кол. стр. 177.

[4]) Ibid. 181—186.

етъ заслугу Харьковскаго коллегіума, такъ какъ практическое преподаваніе содѣйствовало надлежащему развитію учениковъ и раскрытію ихъ способностей. По крайней мѣрѣ, Алексѣй Могилянскій успѣлъ вполнѣ развить свои дарованія, такъ что обратилъ на себя вниманіе своихъ наставниковъ [1]), и былъ вызванъ даже въ учители.

Могилянскій поступилъ въ коллегіумъ въ 1727 году, по всей вѣроятности въ реторику гдѣ курсъ ученія, какъ и въ философіи, продолжался не 1 годъ, какъ въ младшихъ классахъ, а 2 года [2]) тогда какъ богословіе преподовалось цѣлыхъ 4 года [3]). Такимъ образомъ, выходитъ, что Алексѣй Могилянскій, поступивъ въ въ 1725 году въ классъ реторики, могъ окончить курсъ лишь въ 1735 году и былъ однимъ изъ учениковъ 1 го выпуска коллегіума.

Какого рода занятія были у Алексѣя Могилянскаго въ періодъ времени съ 1735 года по 1737 годъ, трудно сказать по недостатку свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, одно можемъ сказать, что имя Могилянскаго не значится въ спискахъ учителей Харьковскаго коллегіума. Нѣтъ его и въ спискахъ учениковъ [4]). Быть можетъ, эти годы Алексѣй Могилянскій посвятилъ себя дѣлу проповѣдничества, которое съ теченіемъ времени выдвинуло его въ ряды знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ своего времени. Между тѣмъ около этого же времени оканчивалъ курсъ ученія въ коллегіумѣ младшій братъ Алексѣя Могилянскаго, Евстафій, также знаменитый въ свое время проповѣдникъ и бывшій, подобно старшему брату, придворнымъ проповѣдникомъ. Окончилъ курсъ этотъ братъ, по всей вѣроятности, спустя 2—4 года послѣ Алексѣя, такъ какъ въ то время выпуски дѣлались чрезъ 2 года, и не позже 1739 года, такъ какъ въ 1739 году онъ уже былъ вызванъ въ новозаведенную Великоустюжскую семинарію [5]).

Присутствіе въ стѣнахъ коллегіума младшаго брата, вѣроятно, удерживало и Алексѣя Могилянскаго въ Харьковѣ, чтобы

---

[1]) Учителями въ коллегіумѣ во время пребыванія Алексѣя Могилянскаго были: въ сингаксимѣ и грамматикѣ іеромонахъ Авксентій Кивачинскій, въ піитикѣ іеродіаконъ Гавріилъ Краснопольскій и въ философіи префектъ Митрофанъ Слотвинскій (Харьков. Коллегіумъ стр. 13).

[2]) Харьков. Кол., стр. 176 и 179.

[3]) Ibid. 181.

[4]) А. С. С. д. № 1737, № 380.

[5]) Слов. ист. ч. I, стр. 164. Кіев. Аскоч. II, стр. 128.

вмѣстѣ съ братомъ заниматься любимымъ дѣломъ, одинаково прославившимъ того и другого, т. е. проповѣдничествомъ, и пользоваться тѣми пособіями и средствами, какія можно было найти въ коллегіумѣ, его библіотекѣ [1]).

II.

Въ 1739 году братья Алексѣй и Евстафій Могилянскіе судьбою были раздѣлены: тотъ и другой были вызваны для заведенія новыхъ школъ, 1-й въ Твери, а 2-й въ Великомъ Устюгѣ. Вызваны они были своими бывшими наставниками, замѣтившими, безъ сомнѣнія, ихъ дарованія.

Обстоятельства, при которыхъ Арсеній былъ вызванъ въ Тверь, были слѣдующія.

Бывшій ректоръ Харьковскаго коллегіума, Митрофанъ Слотвинскій [2]) въ 1738 году былъ назначенъ епископомъ Тверскимъ. По вступленіи на каѳедру, Слотвинскій узналъ, что при Тверскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ есть школа, въ которой былъ въ то время учителемъ Иванъ Евдокимовъ, прошедшій до риторики и греческой грамматики [1]). Преподаваніе въ этой школѣ ограничивалось самыми элементарными предметами обученія; здѣсь учили славянской грамматикѣ, отчасти греческой, букварю, содержавшему одни только начатки христіанскаго ученія и назначенному собственно для народа, и ариѳметикѣ [2]). Человѣкъ

---

[1]) Библіотека же коллегіума къ этому времени была уже, если и не вполнѣ достаточной, то значительной. Еще основатель ея, еп. Епифаній пожертвовалъ въ нее всѣ свои книги духов. содержанія (до 50 № и 80 экземпл.) на греческомъ и латинскомъ яз. Потомъ въ 1732 г. библіотека особенно обогатилась передачей въ нее, по указу императрицы Анны Іоанновны, книгъ митрополита Стефана Яворскаго, въ числѣ коихъ было 165 книгъ богословскихъ, 19 философскихъ и 65 историческихъ и словесныхъ. (Харьков. кол., стр. 205).

[2]) Митрофанъ Слотвинскій—воспитанникъ Кіевской академіи, по окончаніи ея, былъ вызванъ въ число учителей знаменитаго въ то время Харьковскаго коллегіума, гдѣ занималъ должность сперва префекта, а потомъ и ректора. Отсюда въ 1737 году онъ былъ переведенъ ректоромъ въ Московскую академію, а 6 Декабря 1738 г. назначенъ епископомъ Тверскимъ (Твер. Епар. Вѣд. 1889 г. стр 329).

[3]) Твер. Епар. Вѣд. 1884 г. стр. 672.

[4]) „Тверскіе архипастыри, ревнители духовнаго просвѣщенія въ XVШ“ Н. А. Криницкаго Тверь 1887 г., стр. 11.

очень даровитый и рѣшительный, обладавшій уже въ то время большимъ запасомъ педагогической опытности и твердо убѣжденный въ необходимости образованія, Митрофанъ Слотвинскій нашелъ греко-славянскую школу недостаточной для подготовленія пастырей и рѣшилъ приступить къ основанію на ея мѣстѣ семинаріи. Иванъ Евдокимовъ былъ отставленъ; греческая школа 25 января 1739 г. уже не существовала [1]). Пользуясь своимъ знакомствомъ съ образованными людьми, Митрофанъ Слотвинскій скоро подыскалъ способныхъ людей для Тверской семинаріи, и 16 февраля 1739 года въ ново-основанной семинаріи уже началось преподаваніе латинскаго языка и латинской грамматики по новымъ методамъ и новыми учителями [2]).

На первыхъ порахъ были открыты классы аналогіи, инфимы грамматики и синтаксимы. И въ этой новозаведенной семинаріи, на самыхъ 1-хъ порахъ существованія ея, учителемъ явился Алексѣй Могилянскій, вмѣстѣ съ другимъ учителемъ Василіемъ Трояновскимъ, который такъ же былъ питомцемъ коллегіума и въ свое время, вѣроятно, какъ даровитый, былъ замѣченъ высокообразованнымъ Митрофаномъ Слотвинскимъ. Могилянскій и Трояновскій явились въ Тверскую семинарію, безъ сомнѣнія, по зову своего бывшаго префекта и ректора, а въ то время епископа Тверскаго, и взялись за дѣло преподаванія, 1-й синтаксимы и грамматики, а 2-й инфимы и аналогіи. На первыхъ порахъ, конечно, эти новые учителя воспользовались трудами своего предшественника, Ивана Евдокимова, этого беззавѣтно преданнаго своей школѣ учителя, и изъ учениковъ старой греческой школы успѣли составить въ первые же ½ года 4 класса, вплоть до піитики. Эти классы существовали до 1740—1741 учебнаго года, когда былъ открытъ уже классъ піитики. На первыхъ порахъ здѣсь было около 130 учениковъ [3]). Первымъ началъ обученіе Трояновскій, съ 16 февраля 1739 года, а Могилянскій, лишь съ 20 февраля 1739 года, „вступивъ въ семинарское училище“, сталъ „учителемъ Тверской епархіальной семинаріи и приступилъ ко обученію семинаристовъ“ [4]).

---

[1]) Твер. Епар. Вѣд. 1886 г. стр. 107.
[2]) Ibidem, стр. 26 и 108.
[3]) Ibidem 112.
[4]) Твер. Епар. Вѣд. 1886 г. стр. 110—111.

Какой характеръ получила новозаведенная семинарія, легко догадаться, если принять во вниманіе, кто былъ въ ней основателемъ и учителями. Какъ самъ преосвященный Митрофанъ, такъ и Могилянскій съ Трояновскимъ были питомцы Кіевской академіи и птенцы Харьковскаго коллегіума, т. е. тѣхъ именно школъ, въ которыхъ господствующимъ и главнымъ предметомъ былъ латинскій языкъ. Поэтому вполнѣ естественнымъ является и то, что латинскій языкъ также сдѣлался главнымъ предметомъ преподаванія въ Тверской семинаріи [1]). Ученіе началось по новымъ методамъ—именно изученіемъ латинской грамматики. Учебникомъ по латинскому языку была знаменитая грамматика Альвара [2]). Въ дѣлѣ преподаванія Могилянскій пользовался латино-славянскимъ лексикономъ, латинской синонимикой и латинскимъ великимъ „кпаціумомъ“ [3]). Содержанія получалъ Могилянскій въ годъ 100 руб., тогда какъ Трояновскому давалось 70 руб. въ годъ [4]). Это даетъ основаніе историку Тверской семинаріи заключать, что Могилянскій считался старшимъ преподавателемъ въ семинаріи, а Трояновскій младшимъ [5]).

Но недолго Могилянскій имѣлъ своимъ товарищемъ по службѣ и занятіямъ Трояновскаго: послѣдній къ началу 1739—1740 учебнаго года выбылъ изъ семинаріи, и на его мѣсто учителемъ инфимы и аналогіи поступилъ Павелъ Квяткевичъ. Въ слѣдующемъ 1740—1741 году, когда былъ заведенъ въ семинаріи новый классъ піитики, долженъ былъ явиться и новый, 3-й преподаватель. Такой и былъ, дѣйствительно, Семенъ Яновичъ; при этомъ, конечно, соблюдался тотъ обычный въ исторіи школъ XVIII вѣка порядокъ, по которому каждый изъ учителей по возможности велъ самъ своихъ учениковъ въ слѣдующій классъ. А именно: новый учитель Семенъ Яновичъ былъ приглашенъ не для старшаго класса—піитики, а для самаго младшаго: ему былъ порученъ классъ инфимы и аналогіи. Учитель инфимы и

---

[1]) Ibidem, стр. 111.

[2]) Съ первыхъ же дней своего преподаванія Могилянскій, завѣдывавшій книжнымъ складомъ при семинаріи, продалъ 124 латинскихъ альвара и роздалъ 17.

[3]) Ibid. стр. 113.

[4]) Ibid. стр. 109.

[5]) Ibid. стр. 112.

аналогіи Павелъ Кваткевичъ сталъ преподавать синтаксиму и грамматику, а Могилянскій Алексѣй—піитику [1]).

Преподаваніе піитики Могилянскій велъ по лекціямъ, которыя долженъ былъ самъ составлять [2]). Какова же была система піитики Могилянскаго, объ этомъ нѣтъ никакой возможности судить, такъ какъ лекціи его не сохранились.

Не долго, впрочемъ, Могилянскій преподавалъ піитику въ Тверской семинаріи. Въ 1741 году онъ уже отбылъ изъ Тверской семинаріи въ Московскую славяно-греко-латинскую академію [3]).

Сюда онъ былъ вызванъ другимъ изъ своихъ наставниковъ по коллегіуму, Кирилломъ Флоринскимъ [4]), ректоромъ Московской академіи. Флоринскій былъ человѣкъ очень даровитый и дѣятельный въ свое время педагогъ; вызывая къ себѣ Могилянскаго, своего бывшаго ученика, очевидно, онъ искалъ въ немъ дѣятельнаго сотрудника на педагогическомъ поприщѣ. Алексѣй Могилянскій, явившись по зову Флоринскаго, получилъ себѣ въ удѣлъ преподаваніе инфимы и грамматики. Зачисленіе его въ учители этихъ предметовъ, вѣроятно, произошло въ ноябрѣ 1741 года, а вступленіе въ должность учителя, полагаемъ, должно быть отнесено еще къ ноябрю 1741 года. Мы различаемъ здѣсь 2 момента и вотъ почему. Въ архивѣ Св. Синода [5]) находится указаніе, что Алексѣй Могилянскій, былъ учителемъ инфимы и грамматики съ *сентября* 1741 года, а въ „Исторіи Московской академіи“ говорится, что назначеніе учителемъ грамматики въ академіи состоялось въ *ноябрѣ* 1741 года. Мы отдаемъ предпочтеніе именно послѣднему указанію, полагая, что къ ноябрю относится именно утвержденіе Могилянскаго въ должности. Если въ документахъ Св. Синода и говорится, что Могилянскій былъ учителемъ съ сентября, то, во 1-хъ, нерѣдко бывали случаи, что

---

[1]) Твер. Епар. Вѣд. 1886 г., стр. 26—27.

[2]) Ibidem, стр. 41.

[3]) Твер. Епар. Вѣд. 1886 г. стр. 27.

[4]) Кириллъ Флоринскій былъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ сперва учителемъ, а потомъ префектомъ; указомъ Св. Синода отъ 6 іюля 1736 года онъ былъ переведенъ въ префектыМосковской академіи и читалъ богословіе; въ 1737 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Заиконо-Спасскаго монастыря, гдѣ въ то время помѣщалась академія, а потомъ, съ іюля 1741 года,—и ректоромъ академіи, и былъ въ этой должности до 1742 г. „Истор. Москов. Акад.“ стр. 198—199.

[5]) Д. 1742 г. № 589, л. 1.

въ документахъ ошибочно указывался одинъ учитель—въ теченіе цѣлаго учебнаго года, хотя ихъ иногда бывало и по 2 и по 3. Быть можетъ, и въ данномъ случаѣ такая же ошибка. Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что самъ Флоринскій былъ опредѣленъ ректоромъ академіи лишь въ іюлѣ 1741 года, то трудно допустить, чтобы сразу же, въ теченіе одного мѣсяца и состоялось уже перемѣщеніе Могилянскаго въ Московскую академію и опредѣленіе въ должность учителя. Быть можетъ, только къ началу учебнаго года былъ возбужденъ Флоринскимъ вопросъ о перемѣщеніи Могилянскаго въ академію, а, пожалуй, даже состоялся и вызовъ Могилянскаго. Послѣдній могъ по пріѣздѣ приступить къ обученію: но формальное утвержденіе его въ должности состоялось позже. Надо сказать, что въ жизни Могилянскаго еще былъ такой случай (при переходѣ въ Троицкую семинарію) изданія формальнаго опредѣленія какъ бы заднимъ числомъ. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь. Теперь же скажемъ, что мы склонны объяснить это разногласіе показаній именно такъ: формальное и полное вступленіе Могилянскаго въ должность учителя грамматики въ Московской академіи состоялось не въ самомъ началѣ 1741—1742 учебнаго года, а спустя мѣсяца 2,—въ ноябрѣ.

Послѣ сказаннаго о событіяхъ въ жизни Могилянскаго, само собою падаетъ мнѣніе Аскоченскаго и другихъ біографовъ, которые растягиваютъ время пребыванія Алексѣя Могилянскаго въ коллегіумѣ до 1741 г., когда онъ будто бы удалился въ Москву для окончанія своего образованія. Въ этомъ году, какъ видно изъ предыдущаго, Алексѣй Могилянскій явился въ Москву, но не столько для своего образованія, сколько для обученія другихъ.

Московская академія во время Флоринскаго имѣла наставниковъ большею частію изъ Кіева, которые въ преподаваніи слѣдовали кіевскимъ учебнымъ руководствамъ и ввели въ жизнь академіи кіевскіе порядки, сообщили послѣдней свой духъ и направленіе. Всѣ уроки преподавались на латинскомъ языкѣ. [1]) Впрочемъ, сущность ученія въ академіи оставалась неизмѣнной и строго православной, какъ и при Лихудахъ. [2]) Современникомъ Могилянскаго въ академіи, кромѣ Флоринскаго, былъ

---

[1]) Истор. Москов. Акад., стр. 81—82.

[2]) Ibidem, стр. 83—84.

здѣсь Порфирій Крайскій—въ 1741—1742 г. префектъ, а съ 1742 г. ректоръ Академіи. [1]).

Служеніе Алексѣя Могилянскаго въ Московской академіи происходило при неблагопріятныхъ для занятій условіяхъ: академія не имѣла удобнаго помѣщенія для себя, такъ какъ школы при Заиконоспасскомъ монастырѣ были уничтожены большимъ пожаромъ 29 мая 1737 года [2]). Префектъ академіи, Кириллъ Флоринскій, поэтому въ началѣ 1741 года просилъ, чтобы хоть 5 классовъ были переведены въ другое какое либо мѣсто. Св. Синодъ велѣлъ осмотрѣть монастыри Греческій и Богоявленскій,—не пригодятся ли они для помѣщенія академіи,—а въ Заиконоспасскомъ монастырѣ—произвести поправки. Однако дѣломъ возобновленія академіи не спѣшили, такъ какъ для этого нужны были деньги; кромѣ того, не рѣшенъ былъ вопросъ о перенесеніи академіи въ другое мѣсто,—отдаленное отъ города. [3]).

Академія такъ и оставалась на мѣстѣ. Флоринскій же подалъ императрицѣ докладъ о переведеніи академіи въ Донской монастырь. Дѣло это затянулось рѣшеніемъ. Тѣмъ временемъ Флоринскій вышелъ изъ академіи и назначенъ былъ для заведенія и устройства новой семинаріи, Троицкой. За нимъ скоро вышелъ и Могилянскій, не дождавшись перемѣщенія академіи въ лучшее и болѣе удобное мѣсто, и перешелъ также въ Троицкую семинарію.

Въ академіи Алексѣй Могилянскій, по донесенію ректора Кирилла Флоринскаго, „жилъ безпорочно и трудился по мѣрѣ званій своихъ.“ По обязанности учителя грамматики, онъ вмѣстѣ съ учителемъ синтаксимы, имѣлъ по 5 часовъ въ день и долженъ былъ толковать „Санк.-Петербургскую грамматику“, съ дополненіемъ синтаксическихъ правилъ, на которыя долженъ былъ назначать экзерциціи ученикамъ, и поправлять съ ними экзерциціи, указывая при томъ правила. Затѣмъ, онъ обязанъ былъ читать, наблюдая порядокъ, грамматику и задавать для выучиванія Лангіевы разговоры и Целлярієвы вокабулы [4]).

Кромѣ обязанностей учителя, Могилянскій несъ еще въ это время и обязанности „предиканта“, или проповѣдника. Въ эту должность онъ былъ назначенъ вскорѣ по прибытіи въ Москву. [5])

---

[1]) Ibidem, стр. 198—199.

[2]) Ibidem, стр. 89.

[3]) Ibidem, стр. 91—92.

[4]) Истор. Москов. Акад., стр. 113—114.

[5]) Москов. Любот. М-цеслов. на 1776 г., стр. 106—107.

Вѣроятнѣе всего, эта должность была при той же академіи, гдѣ служилъ Могилянскій, и состояла она въ очередномъ проповѣданіи Слова Божія. Важно здѣсь то, что, получивъ назначеніе на должность проповѣдника, Алексѣй Могилянскій отдался этому дѣлу со всѣмъ рвеніемъ и стараніемъ, и усердіемъ проповѣданіемъ Слова Божія успѣлъ въ свое время снискать славу краснорѣчиваго проповѣдника. На это же время пребыванія въ академіи падаетъ еще одинъ важный шагъ въ жизни Алексѣя Могилянскаго: 21 ноября 1741 г. въ ЗаконоСпасской обители совершилось постриженіе Могилянскаго въ монашескій чинъ, при чемъ ему было дано имя Арсенія [1].—Какими побужденіями руководился Арсеній (отселѣ мы будемъ называть его этимъ именемъ), принимая монашество?

Для объясненія этого намъ не приходилось встрѣчать никакихъ указаній въ оставшихся отъ Арсенія письмахъ и другихъ его сочиненіяхъ; поэтому можно строить лишь одѣ догадки или предположенія. Надо думать, что строгія правила христіанской жизни, господствовавшія въ благочестивой семьѣ малорусскаго священника, еще въ юныхъ лѣтахъ производили сильное впечатлѣніе на душу Арсенія и служили благопріятными обстоятельствами для проникновенія духомъ христіанскаго аскетизма. Потомъ, дѣятельность „при боку" наставника и строгаго монаха, Митрофана Слотвинскаго, и постоянное общеніе съ нимъ могли оказать рѣшающее вліяніе на волю Могилянскаго который для избѣжанія мірской суеты и для того, чтобы лучше и съ большимъ удобствомъ предаться дѣлу учительства, а также проповѣдничества,—и рѣшилъ принять постриженіе въ монашество. Слѣдуетъ припомнить, что въ то время, да и потомъ, вплоть до конца XVIII вѣка, учителя духовныхъ школъ въ большинствѣ случаевъ были именно въ монашескомъ санѣ.

Послѣ постриженія въ монашество Арсеній былъ посвященъ

---

[1]) Рук. Ар. Св. Синод., Списки. Архіер. по 1800 г. л. 372. Имя Арсенія дано въ честь св. Арсенія, еп. Тверскаго. Постриженіе въ монашество для жившихъ въ синодальной области и въ великороссійскихъ епархіяхъ лицъ духовнаго званія, также отставныхъ, окончившихъ ученіе семинаристовъ и разночинцевъ, по синодальнымъ указамъ могло совершаться только на 30-мъ году жизни, какъ того требовалъ Духов. Регл. (прибав. 1722 г. § 1). Въ 1741 г. 26 мая было дозволено Синодомъ постригать въ монашество, лишь по истеченіи 6 мѣсячнаго „искуса", тогда какъ раньше искусъ длился 3 года. А. Могилянскій по своему возрасту (1711 г. род.—1741 постриж.) удовлетворялъ требованію Дух. Регл. въ отношеніи же искуса онъ, вѣроятно, воспользовался изданнымъ льготнымъ указомъ 1741 г.—Объ огранич. указ. см. проф. Н. И. Петрова, Ак. ака. I, т. I, отд. II, стр. 99—108.

въ іеродіаконы. Въ новомъ санѣ Арсеній усилилъ свои труды, особенно по части проповѣдничества. Слава о его проповѣдническомъ талантѣ дошла и до императрицы Елизаветы Петровны. Арсеній приглашенъ былъ произнести проповѣди въ придворной церкви. Въ 1742 году онъ произносилъ слова въ придворной церкви, въ Москвѣ, въ недѣлю XI по пятидесятницѣ (22 августа) и въ XVI недѣлю (26-го сентября). Произнесенныя имъ здѣсь проповѣди были отпечатаны [1]). Императрицѣ Арсеній понравился своими проповѣдническими дарованіями, и она назначила его своимъ придворнымъ проповѣдникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Арсеній перешелъ изъ академіи въ новое мѣсто служенія,—въ Троицкій монастырь и въ лаврскую семинарію.

Обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія этотъ переходъ, были слѣдующія.

Въ началѣ 1742—1743 учебнаго года въ составѣ учителей Московской академіи произошли перемѣны: учитель піитики, Ѳеофанъ Чарнуцкій просилъ увольненія отъ службы. Тогда ректоръ академіи, Флоринскій, предложилъ школу піитики учителю синтаксимы, Гедеону Антипову, школу же синтаксимы іеродіакону Арсенію Могилянскому, а на мѣсто Арсенія предлагалъ вызвать изъ Ахтырскаго монастыря Бѣлгородской епархіи іеромонаха Іоанна Селунскаго [2]) и сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ Св. Синодъ.

Но Св. Синодъ предложилъ избрать въ школу синтаксимы кого либо другого, вмѣсто Арсенія Могилянскаго, очевидно намѣтивъ его для какого то другого дѣла. Какъ разъ въ это время ректоръ академіи, Кириллъ Флоринскій, оставилъ академію и былъ вызванъ для заведенія и устройства при Троице-Сергіевой Лаврѣ—Троицкой семинаріи. Еще въ 1738 году 21 сентября императрица Анна Іоанновна велѣла Св. Синоду завести здѣсь семинарію [3]). Но устройство семинаріи могло состояться лишь въ 1742 году, когда былъ найденъ вполнѣ способный для этого человѣкъ—въ лицѣ Заиконо-Спаскаго архимандрита — Флоринскаго. Флоринскій и отбылъ въ Лавру въ началѣ сентября 1742 года [4]).

---

[1]) Эти проповѣди, какъ и нѣкоторыя другія, встрѣчались намъ въ Имп. Пуб. Биб.

[2]) А. С. С. 1742 г. № 589, 70. 1.

[3]) Истор. Москов. Еп. Упр. ч. 3, кн. 1, стр. 199. Истор. Троиц. Сем., стр. 3—4.

[4]) Указъ Св. Синода о назначеніи Флоринскаго въ Троицкій монастырь состоялся 1-го сентября. Арх. Мин—ва Юстиц., д. $^{36}/_{793}$, № 57, р. 795 (по Св. Син.).

Вмѣстѣ съ нимъ, или лучше—вслѣдъ за нимъ, отбылъ изъ Московской академіи—любимый сотрудникъ его,—Арсеній Могилянскій 20 сентября 1742 г. новый ректоръ академіи, Порфирій Крайскій доносилъ, что Арсеній Могилянскій отбылъ въ Троицкую Лавру [1]). Тѣмъ не менѣе лишь 1-го октября 1742 года состоялся указъ императрицы о томъ, чтобы для заведенія въ немъ семинаріи перевести іеродіакона Арсенія Могилянскаго въ Троицкій монастырь, и отыскать въ Троицкую семинарію еще другого учителя [2]). Поэтому Св. Синодъ велѣлъ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому выслать кого либо изъ двухъ: или монаха Кіево-Печерской Лавры, Арсенія Пятницкаго, или учителя піитики Кіевской академіи, Сильвестра Добрыню [3]). Но митрополитъ Рафаилъ отправилъ учителя грамматики Ѳеодосія Сморжевскаго [4]) и еще двухъ человѣкъ. Этими присланными людьми,—какъ доносилъ отъ 22 февраля 1743 г. на требованіе Св. Синода Кириллъ Флоринскій, — „Троицкая семинарія для новости ея довольна“ [5]).—Спрашивается: какъ могъ Арсеній Могилянскій еще до полученія указа и даже до изданія его—оставить Московскую академію и перейти въ Троицкій монастырь?

Объясненіе этому, надо полагать, заключается въ особыхъ милостяхъ къ нему императрицы. Обративъ свое вниманіе на молодого и краснорѣчиваго проповѣдника, Елизавета стала осыпать его милостями и, прежде всего, вѣроятно, указала ему на новое служеніе, ожидавшее его,—въ Троицкомъ монастырѣ, при заведеніи новой семинаріи. Быть можетъ, даже предложено было ему отправиться къ новому мѣсту и ознакомиться съ нимъ; съ другой стороны, къ этому новому переходу могъ склонить и начальникъ Арсенія и сослуживецъ его—Кириллъ Флоринскій, по уговору котораго тотъ и могъ остаться на службѣ при Троицкомъ монастырѣ и семинаріи. Во всякомъ случаѣ, хотя Арсеній и перешелъ въ Троицкую семинарію раньше изданія указа императрицы, милости послѣдней стали изливаться на него одна за другою. Такъ 10 октября 1742 года Елизавета велѣла іеродіакона Арсенія Могилянскаго произвести—17 октября въ придворной церкви „по кіевскому обыкновенію въ іеромонахи“; [6]) около этого же времени онъ былъ назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ.

---

[1]) А. С. С. 1742 г. № 589, л. 7.
[2]) А. С. С. 1742 г. № 589, л. 13.
[3]) ibidem, л. 16
[4]) ibidem, л. 39.
[5]) ibibem, л. 43.
[6]) А. С. С. 1742 г. № 294.

III.

Съ назначеніемъ въ придворные проповѣдники Арсеній долженъ былъ часто произносить проповѣди въ придворныхъ Московскихъ и Петербургскихъ церквахъ, а потому онъ скорѣе номинально числился при Лаврѣ и при Троицкой семинаріи. Къ этому времени относятся слѣдующія поученія его: 1) „Слово на день Срѣтенія иконы Владимірской Богородицы, проповѣданное іеродіакономъ Арсеніемъ Могилянскимъ“ (М. 1742 г. 4⁰), 2) „Слово въ недѣлю XI по Сошествіи св. Духа, проповѣданное въ Москвѣ, въ придворной церкви, іеродіакономъ Арсеніемъ Могилянскимъ“ (М. 1742 г., 4⁰), 3) „Слово въ недѣлю XVI по Сошествіи св. Духа, проповѣданное въ придворной церкви іеродіакономъ Арсеніемъ Могилянскимъ“ (М. 1742 г.), 4) „Слово въ похвалу угодниковъ Божіихъ, проповѣданное въ Троицкой Церкви препод. Сергія, въ высочайшемъ вторичномъ присутствіи Елизаветы Петровны 1742 г. 8 декабря“ (СПБ. 1743 г.). 5) Слово въ понедѣльникъ Св. Духа, сказанное 7 іюня 1742 г. въ придворной церкви, въ Москвѣ, іеродіакономъ Арсеніемъ Могилянскимъ [1])“. Въ 1743 г. были произнесены Арсеніемъ поученія въ Петербургѣ: 1) „Слово въ недѣлю мясопустную—6 Февраля“ (Петербургъ 1743 г. 4-⁰), 2) „Слово въ недѣлю IV великаго поста, проповѣданное въ Петербургской придворной церкви“ (С.П.-Б. 1743 г. 4-⁰) (13 марта)—Сколько и гдѣ именно было произнесено Арсеніемъ Могилянскимъ словъ и поученій, сказать трудно, такъ какъ далеко не всѣ его поученія были напечатаны. Кромѣ указанныхъ выше, еще были изданы: 1) „Слово на день Успенія Пресвятой Богородицы“, М. 1743 г., 4-е, 2) „Слово въ недѣлю XXIV-ю“, М. 1744 г., 3) „Рѣчь Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, къ Троице Сергіевой Лаврѣ пѣшей приближавшейся“ (М. 1744 г.) 4), „Слово на миръ со шведами“ [2]).

Укажемъ здѣсь содержаніе нѣкоторыхъ изъ проповѣдей Арсенія.

---

[1]) Рук. К. П. Лав. „Разные предики“, собранныя 1765 г. 14 ноября.

[2]) Изъ этихъ словъ въ Имп. Пуб. Биб. хранятся слѣдующія слова: 1) Слово въ недѣлю мясопустную (СПБ. 1743 г.), 2) Слово въ IV-го нед. поста (СПБ. 1743 г.), 3) Слово въ похвалу угодниковъ Божіихъ (СПБ. 1743 г.) и 4) Рѣчь Елизаветѣ Петровнѣ, къ Троице Сергіевой Лаврѣ приближавшейся (Зал. 18, шп. 213, № 3—13, пол. 4; ibidem шк. 126, полк. 2, № 285—287). Арсенію же принадлежитъ и служба съ акаѳистомъ Св. Димитрію Ростовскому, изд. въ Кіевѣ („Обзоръ Р. д. литературы“ кн. II стр. 341—342. „Справочный словарь о русск. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, Берлинъ 1876 г. стр. 45—46. Опис. Истор. Библ. Сопикова 371. IV, стр. 401—402 ч. V стр. 207).

Въ словѣ на IV-ю недѣлю поста Арсеній говоритъ о молитвѣ и постѣ, какъ средствахъ противъ діавола,—врага рода человѣческаго. Послѣ приступа, въ которомъ указывается и предметъ слова, и цѣль,—(поощреніе къ добродѣтелямъ), Арсеній переходитъ къ изъясненію понятія о молитвѣ и указываетъ свойства ея: 1) возношеніе ума къ Богу и 2) умягченіе сердечное, которое, однако, служитъ къ большей силѣ и крѣпости человѣка, необходимойему въ борьбѣ противъ враговъ. Затѣмъ, онъ рѣшаетъ возраженіе: почему не всякая молитва бываетъ услышана, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „зане злѣ просятъ. Нніи бо больше о тѣлесныхъ благахъ, а не о душевныхъ молятся, или безъ всякой нужды нужное царствіе небесное получить хотяще, или и паче того во всякомъ довольствіи и въ сластяхъ токмо, а не по Бозѣ жити промышляюще". Иные же, говоритъ онъ, просятъ, но просьба ихъ не исполняется потому, что Господь имъ лучшее готовитъ: другіе, прося богатства и чести и т. под., молятся не Богу, но вещи, которую желаютъ получить. Иные, хотя и достойнаго просятъ, но невнятно, не разсуждая, что говорятъ. Иные же, хоть и внятно просятъ, но не очищаютъ своей совѣсти отъ беззаконій.

Во 2-й части Арсеній опредѣляетъ, что такое постъ,—пользуясь, впрочемъ, опредѣленіемъ—блаженнаго Августина. Постъ,—говоритъ онъ,—есть воздержаніе отъ брашенъ по закону и правиламъ церковнымъ. Потомъ указываетъ начало поста (въ раю) и потребность его. „Аще бо вѣруемъ;—говоритъ онъ,—одѣяніе души не отъ тлѣннаго злата и сребра, но отъ добродѣтелей состоящее, то кто удобнѣе составити оное можетъ, якоже постъ? Гдѣ бо всегдашняя молитва, гдѣ бодрость—всѣхъ страстей отчужденіе, свирѣпѣющей плоти духу покореніе, удобнѣйшая ко всякому благому дѣлу склонность, негли особливо и собственно въ постницѣхъ? Которыми умерщвляя себе по вся дни, вся труды и подвиги тамо склоняли, дабы приличное на бракъ Агнчій устроити себѣ добродѣтелей одѣяніе". Затѣмъ онъ указываетъ на значеніе поста, какъ—средства приближенія къ ангеламъ (примѣръ-Предтечи) и рѣшаетъ возраженіе противъ трудности поста, указывая словами Златоуста на плоды его [1]). Въ заключеніе преподаетъ общее назиданіе.

Въ этомъ поученіи Арсеній взялъ темой истину нравственно практическаго характера, на которую указываетъ рядовое вос-

---

[1]) Имп. Пуб. биб. 18. 213. 4, 11; М, 1743 г.

кресное евангеліе въ недѣлю IV-ю. Строй мыслей у него, какъ видно, такой: послѣ приступа, гдѣ указывается предметъ и цѣль поученія, слѣдуетъ самое изложеніе. Въ послѣднемъ сперва дается опредѣленіе каждаго изъ понятій—и въ большинствѣ случаевъ, на основаніи Златоуста, Августина, Іеронима и др. отцовъ и учителей Церкви. При развитіи мыслей онъ предвидитъ возможныя возраженія своихъ слушателей и отвѣчаетъ на нихъ.

Въ другомъ словѣ, въ недѣлю мясопустную, Арсеній въ основаніе кладетъ текстъ: „Егда пріидетъ Сынъ человѣческій... тогда сядетъ на престолѣ славы своея“. Въ приступѣ онъ указываетъ на особенное свойство Іисуса Христа, проявившееся въ этомъ откровеніи,—любовь къ роду человѣческому,—и причину, по которой открыто о послѣднихъ судьбахъ міра,—именно:—„дабы ничто неоткровенно осталось, что до пользы нашея могло касаться“. Затѣмъ указываетъ на тѣ явленія, которыя послѣдуютъ при страшномъ судѣ: 1) явленіе Христа, 2) откровеніе всѣхъ дѣлъ и добрыхъ и злыхъ и 3) воздаяніе за дѣла, и указываетъ тѣ части въ избранномъ имъ предметѣ, о какихъ онъ намѣренъ былъ „глаголати во славу Грядущаго судити живыхъ и мертвыхъ, въ пользу чающимъ пришествія Господа“, т. е. 1) о будущей славѣ, 2) откровеніи дѣлъ и 3) достойномъ воздаяніи.

Въ изложеніи, въ 1-й части Арсеній сперва указываетъ на прообразъ славы Божіей (въ лицѣ Іисуса Навина) и явленіе ея на Ѳаворѣ, а потомъ изъясняетъ, въ чемъ будетъ заключаться и самое прославленіе. Указавъ на величіе славы Божіей, Арсеній приглашаетъ перенестись мыслію къ сему видѣнію и „поставить себя таковыми, каковыми тогда предстояти подобаетъ“. Изображая необходимость измѣненія изъ тлѣнія въ нетлѣніе, въ славу, онъ сейчасъ же мыслію переносится къ настоящему состоянію людей и, указавъ на примѣръ іудеевъ, которые хвалились исполненіемъ закона, а между тѣмъ хулили имя Божіе, говоритъ: „Мы въ законѣ нашемъ не меньше хвалимся, какъ іудеи въ своемъ ветхомъ хвалились. И по истинѣ, ни единъ бо законъ толикихъ правилъ и уставовъ не имѣетъ, каковыя имѣемъ мы къ большему прославленію Божію и чистѣйшаго житія содержанію. Якоже благая дѣла, посты, церковныя молитвы и иные благочестивые и святые уставы церковные, яже вся вѣрою объемлю и лобзаю. Егда убо проповѣдуя благая дѣла, злая творимъ, напримѣръ: вмѣсто отпущенія памятозлобіе, вмѣсто чистоты всякія осквернѣнія, вмѣсто христіанской любви вражду и ненависть, вмѣсто заступленія обиды и ругательства, вмѣсто милостыни грабленія, вмѣсто правды лжу и лесть, вмѣсто повиновенія властямъ

коварная ухищренія, вмѣсто простоты сердца обманъ и лукавство и прочая симъ подобная; егда завѣщавая богоугодныя посты, не только въ сластолюбіи, но и въ вышшемѣрномъ употребленіи оныя разоряемъ; егда обычныя соборныя молитвы хваляще, о церковномъ моленіи небрежемъ, егда глаголю, тако творимъ, негли законъ нашъ преступаемъ? и тако иже въ законѣ хвалимся, преступленіемъ закона и мы Бога безчествуемъ. О, безчестія тяжчайша нежели іудейскаго! Іудеевъ бо за преступленіе единаго ветхаго закона Павелъ порицаетъ богохуленіемъ; мы колико хулити Бога возмнимся, или и ветхій законъ и новый, и правила Св. Отецъ, и уставы церковные и гражданскіе всегда преступаемъ? Тако убо хвалы Божія ищуще, котораго еще въ день славы христіанскаго ожидаемъ прославленія?...".

Указывая на то, что „Богъ обидливъ не бываетъ и всякому воздаетъ по заслугамъ", Арсеній переходитъ къ слѣдующей части—откровенію дѣлъ. Здѣсь, сказавъ, въ чемъ будетъ состоять откровеніе дѣлъ, и, указавъ на неизбѣжность этого, приглашаетъ всѣхъ, не желающихъ оказаться написанными со злыми дѣлами, воспользоваться исповѣдью и, прежде всего, не осуждать другихъ. „Но у насъ,—онъ говоритъ переходя мыслію къ настоящему,—не тако бываетъ, не токмо бо сами себѣ внутрь насъ не судимъ, но во всемъ оправдываемъ, не токмо предъ единымъ точію на то учрежденнымъ отъ Бога священникомъ открыти скверныя совѣсти нашея стыдимся, но и аще Слова Божія проповѣдники по должности своей общія грѣхи обличаютъ, не любимъ и гнѣваемся". „Не чувствуешь ли",—продолжаетъ онъ, обращаясь къ нелюбителю обличенія,—„яко Господь учрежденіемъ проповѣдниковъ Слова своего на покаяніе тя ведетъ?"... И приводитъ слова блаженнаго Августина (въ словѣ I о времени...), сравнивающаго проповѣдниковъ съ священными трубами, бывшими при паденіи Іерихона, которыя должны возвѣщать страшный судъ и вѣчную погибель.—Затѣмъ Арсеній указываетъ, что есть и такіе, которые проникнутся словами проповѣдника, но, лишь выйдутъ изъ церкви, забываютъ проповѣданное; это—„приходящіе къ свѣту Слова Божія, которые видятъ въ немъ какъ бы въ зеркалѣ пороки на лицѣ души своей, начинаютъ очищаться сокрушеніемъ, но отшедъ мало, абіе, каковы суть, забываютъ".

Здѣсь переходъ къ 3-й части. Переходя къ воздаянію, онъ сначала объясняетъ, въ чемъ 1) царствіе и 2) геенна; а потомъ, почему то и другое назвалъ онъ воздаяніемъ; объясняетъ на основаніи Слова Божія и Златоуста и затѣмъ указываетъ на ту главную добродѣтель, которая—по евангельскому чтенію—даруетъ царствіе,—милосердіе, и рѣшаетъ недоумѣніе: почему за одно

милосердіе дается вѣчное царство, а за немилосердіемъ слѣдуетъ лишеніе царствія.—Рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: „милосердіе состоитъ въ любви, якоже самарянинъ онъ, сотворивый милость человѣкамъ впадшимъ въ разбойники, отъ милосердія любити оправдася.“ „Любяй же друга, глаголетъ Павелъ, тако исполни, а сотворивый та, сіе есть заповѣди закона, человѣкъ живъ будетъ въ нихъ...“ Въ заключеніе приглашаетъ къ дѣламъ милосердія и къ воздержанію отъ блуда, нечистоты, сквернословія и другихъ пороковъ, и указываетъ на побужденія къ воздержанію: смерть, судъ, геенну, царство небесное.

Въ этомъ поученіи раскрывается истина догматическаго содержанія. Однако при раскрытіи ея Арсеній не ограничивается однимъ холоднымъ, разсудочнымъ развитіемъ мыслей, а постоянно обращается къ нравственному состоянію слушателей и старается раскрытіемъ догматическихъ истинъ возбудить у нихъ нравственно благотворную дѣятельность. Такой пріемъ сообщаетъ проповѣдямъ Арсенія жизненное, практическое направленіе. Такое направленіе въ проповѣдяхъ Арсенія объясняется тѣмъ воззрѣніемъ, какое онъ имѣлъ на проповѣдника. Проповѣдники,—по его воззрѣнію,--слуги Божіи, которые должны вести людей къ покаянію, подобно трубамъ іерихонскимъ, которыя должны были возвѣщать жителямъ Іерихона о страшномъ судѣ Божіемъ и вѣчной погибели Поэтому „проповѣдники по долгу своему постоянно должны обличать людей, или лучше не людей а вообще грѣси“ (слово въ нед. мясоп. ст. 10—11) Если затѣмъ, принять во вниманіе, что мысль Арсенія, какъ видно изъ отрывка, приведеннаго нами изъ слова въ недѣлю мясопустную, движется въ противоположеніяхъ одного предмета другому, а также предвидитъ возможныя возраженія и разбираетъ ихъ, то легко понять, почему поученія его возбуждали такой интересъ у слушателей: живое слово и свѣжая, здравая мысль—отличительная черта проповѣдей Арсенія. Его проповѣди можно прочесть съ интересомъ даже въ настоящее время, если не смущаться той формой, въ какой онѣ написаны,—тяжелыми оборотами рѣчи. Но винить Арсенія въ этомъ нельзя. Въ то время языкъ русскій былъ очень мало развитъ, а тѣмъ болѣе языкъ церковныхъ поученій. Знаніе текстовъ Священнаго Писанія, также Отцевъ и Учителей Церкви—свидѣтельствуетъ о большой начитанности Арсенія въ Священномъ Писаніи и въ отеческихъ твореніяхъ.

Впрочемъ, не одними только отеческими твореніями пользовался Арсеній. Въ его проповѣдяхъ встрѣчаются даже разска-

зы изъ языческой миѳологіи, но, приводя эти разсказы, онъ придаетъ имъ особый смыслъ и значеніе. Такъ, въ словѣ въ недѣлю IV-ю поста онъ, между прочимъ, говорилъ: „творцы, описуя возстановленіе рода человѣческаго по потопѣ, обыкновеннымъ творческимъ слогомъ баснословятъ, аки бы оставшіе по немъ Девкаліонъ и Пиррга, жена его, вмѣсто, якоже истинствуется у насъ, праведнаго Ноя, возставляли человѣческій родъ верженіемъ камней по себѣ, и сколько камней верже Девкаліонъ, столько мужеска пола, сколько Пиррга верже, столько женска пола раждалось. Вещь се невѣроятная,—продолжаетъ онъ,—и неподобная, но мнѣ видится, творцы черезъ сію баснь хотѣли изобразить твердость и неудобосклонность человѣка къ повелѣніямъ Божіимъ, о которой Господь чрезъ пророка Исаію, обличая Израиля, глаголетъ (Иса. гл. 48)."—[1]).

Въ нѣкоторыхъ торжественныхъ рѣчахъ Арсеній впадаетъ въ преувеличенія. Такъ, въ рѣчи, сказанной при встрѣчѣ императрицы Елизаветы въ Троицкой Лаврѣ, восхваляя Елизавету за то, что она вошла пѣшей въ Лавру, говорилъ: „ни кроткому Царю соравняешися въ кротости, не всѣдши бо ни на что, якоже той поне на жребя, но пѣше шествуя даже до самаго святаго мѣста достигла" [2]).

Вотъ еще одно изъ оригинальнѣйшихъ мѣстъ въ проповѣдяхъ Арсенія. Въ словѣ въ похвалу Угодниковъ Божіихъ, сказавъ, что ученики Іисуса Христа по примѣру самого Божественнаго учителя терпѣли поношеніе, затѣмъ—дѣлаетъ слѣдующій переходъ:„ сія словеса речена быша о безчестіи, и отъ Господа ко ученикамъ сущимъ другомъ его низводимая. Но азъ вопреки о чести и отъ друговъ Господнихъ до самаго Господа возводя, тако возражаю: аще домашнія кто честны творитъ, молится и покланяется имъ, кольми паче господину сія воздаетъ. Ктомужъ самъ Господь тако съ ними сочеталъ себе, яко ихъ честь свою,

---

[1]) Слово въ IV недѣлю поста, стр. 6—7.

[2]) Имп. Пуб. Биб. Зал 18, шк. 126, № 285—267. Помѣщенная здѣсь рѣчь хотя написана языкомъ тяжелымъ, но просто, безъ всякой напыщенности. Въ это же время (въ 1744 г.) были сказаны (помѣщенныя въ одной же книжкѣ) 1) слово „о дѣлахъ мздовоздмятельныхъ отъ Бога", іером. Панкратіемъ Чарнускимъ, проповѣдникомъ Лавры, 2) рѣчь—учителемъ Ѳеод. Ляшевецкимъ, 5) стихи по вопросамъ и отвѣтамъ „сложенныя, отъ двоихъ учениковъ, сказованныя также", 4) рѣчь на латинскомъ языкѣ и діалогъ на рус., лат., и греч. яз. и, наконецъ, канты.

и безчестіе ихъ безчестіе свое вмѣняетъ, глаголя (Мѳ. гл. 25): „ниже аще сотвориша единому сихъ меньшихъ,...“ [1]).

Таковы проповѣдническія дарованія и ораторскіе пріемы Арсенія Могилянскаго!

IV.

Живость и оригинальность мысли, практическій характеръ проповѣдей, какъ мы сказали уже, пріобрѣли Арсенію славу весьма краснорѣчиваго проповѣдника и снискали ему вниманіе императрицы Елизаветы, которая весьма любила проповѣдниковъ и отличала ихъ.

Обративъ вниманіе на молодого проповѣдника, императрица стала возвышать его и осыпать своими милостями.

Такъ, 9 января 1744 года умеръ ректоръ Троицкой семинаріи, Кириллъ Флоринскій. Спустя 5 дней послѣ смерти Флоринскаго, императрица уже назначила Арсенія ректоромъ семинаріи и архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря. [2]) 29 января, послѣ обычнаго приведенія къ присягѣ, синодальнымъ членомъ Іосифомъ, архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ, совершено было въ придворной церкви возведеніе Арсенія въ санъ архимандрита. [3]) 8-го же февраля того же года Елизавета назначила Арсенія и членомъ Свят. Синода, на мѣсто умершаго Кирилла Флоринскаго. [4])

Мы выше указали, какое воззрѣніе имѣлъ Арсеній на проповѣдническое служеніе. Это служеніе онъ считалъ необходимымъ долгомъ священника и смотрѣлъ на него, какъ на средство привлеченія и приведенія людей къ покаянію.

Съ этой точки зрѣнія назначеніе Арсенія ректоромъ въ Троицкую семинарію,—этотъ питомникъ пастырей церкви,—пріобрѣтаетъ очень важное значеніе; ибо естественно было ожидать, что Арсеній,—самъ краснорѣчивый проповѣдникъ, высоко ставившій дѣло проповѣдничества,—постарается вдохнуть ту же лю-

---

[1]) Сл. въ Имп. Пуб. Биб. 18. 213, 4, 13. Слово это было сказано при вторичномъ посѣщеніи Елизаветой Лавры.

[2]) А. С. С. 1744 г. № 213, л. 1.

[3]) Указъ о назначеніи Арсенія архимандритомъ былъ посланъ къ Арсенію, къ келарю, намѣстнику и казначею Троицкаго монастыря—для объявленія и всѣмъ слугамъ и крестьянамъ монастыря.

[4]) А. С. С 1744 г. д- № 220, стр, 1. Арх. Мин. Юст. по Св. Син. д. $^{40}/_{802}$ № 10, л. 222—223.

бовь къ проповѣданію Слова Божія и въ своихъ питомцевъ,— будущихъ пастырей церкви.

Для Троицкой семинаріи, далѣе, и для Троицкаго монастыря назначеніе Арсенія начальникомъ было весьма полезно и выгодно и съ той стороны, что онъ былъ близокъ къ императрицѣ и пользовался милостями ея [1]).

Какія были благотворныя послѣдствія поставленія Арсенія начальникомъ Троицкой семинаріи и Троицкаго монастыря,—мы увидимъ ниже. Теперь еще добавимъ, что не прошло 5 мѣсяцевъ —со времени назначенія Арсенія архимандритомъ Троицкаго монастыря, какъ императрица Елизавета повелѣла посвятить Арсенія въ санъ архіепископа Переславля Залѣсскаго. Указъ императрицы объ этомъ состоялся 8 іюня 1744 года. Одновременно съ этимъ, императрица Елизавета именнымъ указомъ, даннымъ Св. Синоду въ тотъ же 8-й день іюня, велѣла Троицкій— Сергіевъ монастырь именовать во всѣхъ дѣлахъ „Троице—Сергіевою Лаврою.“ [2])

Переславская епархія, на которую былъ назначенъ Арсеній Могилянскій, предъ тѣмъ долгое время оставалась не замѣщенной и даже считалась упраздненной, а теперь была спеціально возстановлена для Арсенія. Она выдѣлена была изъ Московской синодальной епархіи. Въ послѣдней къ данному времени было до 5000 церквей и до 200 монастырей, съ которыми не по силамъ было управлять одному епископу. Вслѣдствіе этого изъ Московской епархіи въ 1744 году было образовано нѣсколько епархій: Владимірская, [3]), Костромская [4]), Тамбовская [5]) и Переславская. Къ послѣдней были отдѣлены: 253 церкви въ уѣздѣ Переславскомъ съ г. Переславлемъ Залѣсскимъ и Александровской слободою, 139 церквей въ Дмитровскомъ уѣздѣ съ г. Дмитровымъ, 40 въ Верейскомъ уѣздѣ, 83 въ Можайскѣ съ

---

[1]) „Истор. Троиц. Семин“ стр. 8—9.

[2]) Арх. Мин. Юст., д. по св. Син. № $^{40}/_{802}$ л. 893, № 57.

[3]) Къ Владимірской епархіи были отдѣлены города: Ярополь, Вязники, Гороховецъ, Лука, Кинешма. Арзамасъ, Юрьевецъ Поволжскій и Балахна, также 684 церкви и 31 мужскій и 14 женскихъ монастырей.

[4]) Къ Костромской были отдѣлены города: Унжа, Соль Галицкая, также 786 церквей, 27 муж. и 8 дѣвичьихъ монастырей.

[5]) Къ Тамбовской епархіи отошли города: Козловъ, Добрый Борисоглѣбскъ Петровскъ, Красная Слобода, Темниковъ, Верхній Ломсвъ и Нижній Ломовъ Керенекъ, Пенза, Сарайскъ, Инзара, Корсунь, также 1066 церквей и 24 мужскихъ и 12 женскихъ монастырей.

Гжатью и съ уѣздомъ, 46 въ Волоколамскомъ, 44 въ Рузѣ, а всего 605 церквей [1]).

Кромѣ того, къ Переславской епархіи было отчислено 15 монастырей мужскихъ, а именно: въ Переславлѣ Залѣсскомъ 1) Горицкій, 2) Даниловъ и 3) Никитскій: въ уѣздѣ Переславскомъ —4) Никольскій, 5) Борисоглѣбскій на Пескахъ, и пустыни: 6) Введенская, 7) Лукьянова, 8) Николаевская—на Солбѣ, 9) Борисоглѣбская; въ г. Дмитровѣ 10) монастырь Борисоглѣбскій; въ Можайскѣ— 11) Лужецкій и въ уѣздѣ Можайскомъ 12) Колоцкій, въ г. Верет—13) Входо-Іерусалимскій и, наконецъ въ г. Волоколамскѣ—14) Іосифовъ и 15) Возмицкій; также 10 женскихъ монастырей: при г. Переславлѣ—Залѣсскомъ 1) Ѳеодоровскій, 2) Срѣтенскій, 3) Вознесенскій, 4) Князе—Андреевскій, 5) Введенскій; въ слободѣ Александровской—6) Успенскій, 7) въ г. Дмитровѣ—Пятницкій, 8) Петровскій—въ Можайскомъ уѣздѣ, 9) Власьевскій и 10) Варварскій—Волоколамскіе.

Въ эту то епархію и былъ назначенъ Арсеній Могилянскій, По докладу Св. Синода отъ 8 Іюня, ему велѣно было именоватся епископомъ Переславскимъ и Дмитровскимъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этимъ онъ оставленъ былъ архимандритомъ Троице - Сергіевой Лавры и членомъ Св. Синода. Для содержанія ему былъ отданъ Переславскій Горицкій монастырь со всѣми доходами денежными и хлѣбными, при чемъ монастырь этотъ былъ исключенъ изъ вѣдомства Коллегіи экономіи, вслѣдствіе чего велѣло было не брать съ него никакихъ доходовъ въ нее и освободить его отъ постоя штабъ и оберъ офицеровъ и солдатъ [2]). Такимъ образомъ, въ пользу епископа Переславскаго поступало средствъ среднимъ числомъ 1370 руб. и 1093 четверти хлѣба. [3])

Нареченіе архимандрита Арсенія во епископа было совершено 18 іюля, а потомъ, 25 іюля, была совершена и хиротонія его въ епископа [4]). Послѣ посвященія въ епископы, Арсеній отправился въ Кіевъ и, вѣроятно, побывалъ на родинѣ. На время

---

[1]) Кромѣ этихъ, еще было приписано много церквей къ сосѣднимъ малочисленнымъ епархіямъ,—Тверской, Смоленской (А. С. С. 1744 г. № 83, л. 12).

[2]) Ibid. л. 12—13.

[3]) Эти доходы распредѣлялись такъ: окладного оброку съ крестьянъ 1189 р. 28 1/4 к., неокладного за хлѣбъ 89 руб, за скотъ 39 р., съ бобылей 3 р., съ мельницъ 14 р. 20 к., приказного дохода 10 р., выводныхъ за вдовъ и дѣтей 26 руб. 37 коп., итого 181 р. 57 к., а всего 1370 р. 85 1/4 коп.; хлѣба же неокладного съ пашни и прикладного—ржи и ярового—1093 четверти и 3 четверика (А. С. С. Синд. № 83, 1744 г. л. 48—49).

[4]) Ibid. л. 28.

его отсутствія, епархія Переславская по его просьбѣ была поручена Московскому архіепископу Іосифу [1]). Въ отпускѣ Арсеній пробылъ мѣсяца два. По возвращеніи же Арсенія изъ Кіева, 15 октября уже было велѣно все слѣдовавшее Арсенію отдать ему. Тогда то изъ Московской консисторіи были посланы къ нему архіепископомъ Іосифомъ всѣ дѣла, касавшіяся новоучрежденной епархіи, вмѣстѣ съ канцелярскими служителями [2]).

16 октября 1744 года Св. Синодомъ велѣно было преосвященному Арсенію составить опись Переславскаго Горицкаго монастыря и все принять по ней. Опись стала составляться [3]), но безъ участія Арсенія, который вовсе не намѣренъ былъ поселиться въ Переславѣ Залѣсскомъ, а сталъ жить въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

Знакомъ милости и особаго расположенія императрицы Елизаветы къ Арсенію на первыхъ же порахъ его архіепископства служитъ алмазный крестъ съ рубинами, съ вензелевыми буквами императрицы [4]).

Какова была дѣятельность Арсенія на Переславской каѳедрѣ? Въ отвѣтъ на это мы укажемъ его заботы 1) о епархіи, 2) о Лаврѣ и 3) о Троицкой семинаріи.

V.

Каковъ былъ составъ Переславской епархіи, мы уже указали; въ ней числилось 605 церквей—въ нѣсколькихъ уѣздахъ и 25 мужскихъ и женскихъ монастырей. Кромѣ того, Арсеній считался священно-архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря, и потому ему принадлежала власть и надъ церквями вотчинъ Троицкаго монастыря.

Впрочемъ, подлѣ самаго монастыря въ разныхъ слободахъ было шесть приходскихъ церквей, которыя состояли въ вѣдѣніи Св. Синода, такъ какъ Троицкій монастырь считается синодальной ставропигіей. Вслѣдствіе подчиненія подмонастырскихъ церквей вѣдѣнію Св. Синода, и всѣ доходы, какъ то: сборныя деньги, пошлины, сборы за вѣчныя памяти, поступали въ экономическое правленіе. Какъ архимандритъ Троицкаго монастыря, Арсеній возъимѣлъ желаніе принять указанныя шесть церквей въ свое вѣ-

---

[1]) ibid. л. 57—58.

[2]) А. С. С. 1744 г. № 83, л. 194.

[3]) Эта опись была составлена лишь въ 1747 году. Она помѣщена въ А. С. С. 1744 г. № 83 на л. 670—826.

[4]) Крестъ этотъ хранится въ ризницѣ Кіево-Софійскаго Собора. Оп. К. С. С., стр. 52.

дѣніе, чтобы пользоваться доходами съ нихъ. Поэтому онъ обратился въ Св. Синодъ съ просьбой, чтобы указанныя шесть церквей были переданы въ его вѣдѣніе, такъ какъ онъ состоялъ архимандритомъ Троицкаго монастыря, вблизи котораго и были расположены села. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы всѣ сборы съ церквей и вотчинъ было разрѣшено собирать именно ему. Св. Синодъ потребовалъ вѣдомость изъ экономическаго правленія о томъ, сколько и чего именно слѣдовало взимать съ указанныхъ церквей: затѣмъ, лишь велѣлъ собирать всѣ деньги въ Троицкій монастырь, а оттуда все таки отсылать ихъ въ синодальную канцелярію экономическаго правленія. Указъ объ этомъ былъ посланъ 7 декабря 1744 года [1]).

На этотъ разъ, стало быть, Арсеній потерпѣлъ неудачу.

Кромѣ указанныхъ шести подмонастырскихъ церквей, былъ еще цѣлый округъ церквей,—ближайшихъ къ Троицкому монастырю,—который составлялъ Троицкую десятину. Послѣдняя до 1742 г. состояла въ вѣдѣніи духовной дикастеріи, а съ 1742 г. по 1744 г. въ вѣдѣніи Московскаго архіепископа. Въ нее входило 55 церквей, 18 изъ Московскаго уѣзда, 11 изъ Дмитровскаго и 26 изъ Переславскаго; кромѣ того, было еще 4 пустыхъ церковныхъ земли. Когда изъ экономическаго правленія былъ присланъ указанный выше отвѣтъ о шести подмонастырскихъ селахъ (чтобы собирать съ нихъ деньги въ Троицкій монастырь, а потомъ отсылать въ Синодъ),—тогда о церквяхъ Троицкой десятины ничего не было сказано. Сборъ денегъ экономическое правленіе поручило производить поповскому старостѣ Троицкаго монастыря, священнику Ѳеодору Симеонову,—но опять таки ясно не указано было, сколько именно и съ какихъ церквей слѣдовало собирать денегъ.

Вслѣдствіе этого архіепископъ Арсеній обратился въ Св. Синодъ съ представленіемъ и спрашивалъ, куда именно причислить Троицкую десятину, какъ и куда собирать съ нея деньги [2]). Надо замѣтить, что съ учрежденіемъ Троицкой семинаріи Троицкая десятина была причислена къ ней и какъ бы входила въ ея училищный округъ; священно-церковно служители этой десятины должны были отдавать своихъ дѣтей въ Троицкую семинарію и вносить въ нее деньги на содержаніе воспитанниковъ [3]). Въ своемъ представленіи Св. Синоду Арсеній выражалъ мнѣніе,

---

[1]) А. С. С. 1744 г. д. № 83. л. 207.
[2]) А. С. С. 1744 г. № 83, л. 337—338.
[3]) ibidem, л. 341.

что Троицкой десятинѣ слѣдовало бы быть причисленной не только къ Троицкому училищному округу, или семинаріи, но и къ Троицкому монастырю и Переславской епархіи.

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ указанное представленіе архіепископа Арсенія, согласился съ мнѣніемъ послѣдняго и отдалъ въ его полное вѣдѣніе всѣ тѣ церкви Троицкой десятины, которыя были въ уѣздѣ Переславскомъ и Дмитровскомъ.

Такимъ образомъ, Арсеній достигъ того, что въ предѣлахъ его епархіи не было церквей и приходовъ, стоявшихъ особнякомъ, внѣ его власти и вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и общее число церквей въ Переславской епархіи до 648[1]).

Органами управленія Переславской епархіей служили: 1) Переславская духовная консисторія. 2) духовный соборъ Троице-Сергіева монастыря или Лавры, затѣмъ духовныя правленія, поповскіе старосты или заказчики.

Духовный соборъ Лавры завѣдывалъ не только дѣлами Троицкой Лавры, но также и всѣми церквами, состоявшими въ вотчинахъ лаврскихъ и въ подмонастырскихъ селахъ, а также и дѣлами касательно этихъ церквей и ихъ священно-церковно служителей; но о компетенціи и дѣлахъ духовнаго собора мы будемъ говорить ниже еще подробнѣе.

Что касается Переславской консисторіи, то надо полагать, она представляла обычный типъ такого рода учрежденій въ тогдашнее время; въ ней сосредоточивались и дѣла административныя, и судебныя, и дѣла ставленническаго производства, и о сборахъ на содержаніе каѳедры. Сказать болѣе что либо о ней не можемъ, такъ какъ не имѣемъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находятся дѣла ея. Равнымъ образомъ и о низшихъ органахъ епархіальнаго управленія, о поповскихъ старостахъ и другихъ, трудно сказать что либо, кромѣ извѣстнаго вообще о ихъ правахъ и полномочіяхъ,—трудно за отсутствіемъ данныхъ.

На первыхъ же порахъ управленія епархіей Арсеній выпросилъ себѣ для дѣлопроизводства секретаря изъ бухгалтеровъ Государственной вотчинной коллегіи, Алексѣя Недликова. [2])

Однако Арсеній и съ опытнымъ секретаремъ не въ состояніи былъ управиться съ дѣлами по епархіи. Епархія его, правда,

---

[1]) Впрочемъ, церкви Троицкой десятины, послѣ ухода Арсенія съ Переславской каѳедры на покой, снова были отчислены отъ Переславской епархіи. „Истор. Москов. епар. Управ." ч. II, кн. I, стр. 87.

[2]) Арх. Мин. Юст. по Св. Синоду д. $^{40}/_{802}$, № 1234—1235.

была не изъ большихъ, но если принять во вниманіе, что Арсеній числился членомъ Св. Синода и долженъ былъ поэтому часто переѣзжать изъ Москвы въ Петербургъ, [1]) то станетъ понятнымъ, что управленіе и этой епархіей для Арсенія было дѣломъ не очень удобнымъ. Въ виду этого Арсеній рѣшилъ для завѣдыванія дѣлами епархіи Переславской учредить вспомогательный органъ, и въ качествѣ послѣдняго рѣшилъ избрать себѣ коадъютора. Вліятельный въ то время у императрицы, онъ очень легко выхлопоталъ себѣ такого коадъютора [2]). По словесному докладу Арсенія, императрица Елизавета 24 марта 1745 г. велѣла архимадрита Тверского Колязина монастыря, Серапіона Лятошевича, произвести въ епископы и назначить его викаріемъ къ архіепископу Переславскому [3]). 30 марта 1745 года Серапіонъ и былъ посвященъ въ Петропавловскомъ соборѣ во епископы. [4])

Для жительства этому викарію былъ назначенъ Никитовъ монастырь близъ Переславля Залѣсскаго. [5])

Каковы были отношенія викарія къ архіепископу Арсенію, на первыхъ порахъ, и были-ль эти отношенія опредѣлены и разграничены какою либо инструкціею викарію, — свѣдѣній не имѣется. Быть можетъ, Серапіонъ на первыхъ порахъ былъ опредѣленъ къ архіепископу Арсенію викаріемъ для того, чтобы помогать ему въ посвященіи ставленниковъ, что особенно было необходимо во время отлучекъ Арсенія въ Петербургъ, для присутствованія въ Синодѣ. Но въ слѣдующемъ году отношенія Серапіона къ Арсенію получили болѣе опредѣленный характеръ.

По словесному докладу архіепископа Арсенія въ зимнемъ дворцѣ, Елизавета 17 февраля 1746 года изустнымъ указомъ Св. Синоду велѣла викарію Переславскому, епископу Серапіону, быть епископомъ Можайскимъ и Волоколамскимъ и коадъюторомъ

---

[1]) Онъ участвовалъ въ хиротоніи митрополита Тимоѳея Щербацкаго (9 марта 1748 г.) и, по званію члена Св. Синода, подписался на грамотѣ, данной Тимоѳею Щербацкому при его поставленіи въ Кіевскіе митрополиты. (см. коп. грам. въ приложеніи къ опис. Кіево-Соф. Соб., стр. 193 и 196).

Нѣкоторые изъ біографовъ говорятъ, что Арсеній, со времени назначенія въ члены Синода, не покинулъ Петербурга и постоянно присутствовалъ въ Синодѣ; однако это не вполнѣ вѣрно. Такъ въ 1746 г. Арсеній прибылъ въ Петербургъ лишь въ декабрѣ (Прот. Троиц. Собор. Лавр. 1747 г. № 720, л. 59.d

[2]) Истор. р. іер. Амвр. т. I, 232 стр. „Твер. Еп. Вѣд.“ 1884 г. стр. 676, примѣч.

[3]) А. С. С. 1744 г., № 83, л. 236.

[4]) Арх. Мин. Юст. д. по Св. Синод. № $^{44}/_{806}$. л. 5, № 2.

[5]) А. С. С. 1744 г. № 83, л. 237.

Переславской епархіи. [1]) Съ этого времени Серапіонъ получилъ въ свое вѣдѣніе опредѣленный округъ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ—опредѣленный кругъ дѣлъ и дѣйствій, какъ епископъ и какъ коадъюторъ архіепископа Переславскаго. Арсеній назначилъ для него церкви въ г.г. Можайскѣ и Волоколамскѣ съ уѣздами и подчинилъ полному вѣдѣнію его какъ самыя церкви, такъ и всѣхъ священно и церковно служителей—этихъ церквей. По всѣмъ дѣламъ (ставленническимъ, административнымъ и судебнымъ) духовенство этихъ уѣздовъ подлежало вѣдѣнію епископа Серапіона и должно было обращаться къ нему. По дѣламъ же назначенія настоятелей монастырскихъ, по силѣ данной Арсеніемъ инструкціи, епископъ Серапіонъ долженъ былъ справляться въ консисторіи архіепископа Арсенія какъ о строеніи, такъ и о доходахъ монастырскихъ, потомъ, по испытаніи качествъ кандидатовъ, Серапіонъ долженъ былъ представлять одобрительные отзывы („аппробаціи") о нихъ архіепископу Арсенію.

Серапіону Арсеній поручалъ дѣла и своей епархіи, въ случаяхъ своихъ отлучекъ въ Петербургъ, при чемъ Серапіонъ обязанъ былъ о разсмотрѣнныхъ и произведенныхъ имъ дѣлахъ посылать сообщенія архіепископу Арсенію. А такъ какъ Серапіону приходилось управлять и Переславской епархіей, то Арсеній нашелъ необходимымъ назначить для жительства Серапіону, во время своихъ отлучекъ за предѣлы Переславской епархіи,—г. Переславль и обязалъ его, чтобы онъ, въ случаяхъ отлучекъ въ свою собственную епархію, непремѣнно доносилъ объ этомъ ему, Арсенію, и ожидалъ его согласія; для жительства же въ остальное время Серапіону былъ отведенъ Волоколамскій Іосифовъ монастырь. [2]).

Для лучшаго управленія Переславской епархіей и епархіею Можайско-Волоколамскою Арсеній распорядился, чтобы въ г. Можайскѣ или Волоколамскѣ было учреждено при каѳедральномъ монастырѣ духовное правленіе, какъ учрежденіе зависимое отъ Переславской консисторіи: послѣдняя посылала указы въ правленіе, а правленіе въ свою очередь по важнѣйшимъ дѣламъ обязано было представлять доношенія въ консисторію и отсылать самыя дѣла для рѣшенія. Послѣ рѣшенія всѣ дѣла касательно администраціи и суда по обѣимъ епархіямъ, а дѣла о посвященіи—

---

[1]) А. С. С. 1744 г. № 83, л. 573. Арх. Мин. Юст. д. по Св. Синоду № $^{41}/_{806}$, л. 1011.

[2]) А. С. С. 1744 г. № 83, л. 643—644, донесеніе отъ 18 іюня 1746 года.

лишь по одной Переславской епархіи—Серапіонъ обязанъ былъ представлять для утвержденія („конфирмаціи“) Арсенію.

При архіепископѣ Арсеніи, во время его пребыванія въ Петербургѣ, существовала домовая контора, въ которую поступали всѣ доношенія изъ духовнаго собора и Переславской консисторіи; потомъ, по разсмотрѣніи дѣлъ архіепископомъ Арсеніемъ контора посылала указы въ духовный соборъ и консисторію съ резолюціями Арсенія и исполняла всѣ его распоряженія. Указы походной конторы такъ и писались съ титуломъ архіепископа Арсенія. Съ такимъ же титуломъ писались вначалѣ и всѣ дѣла въ духовномъ соборѣ (до 1749 года), пока особымъ распоряженіемъ Св. Синода не было велѣно писать всѣ указы съ высочайшимъ титуломъ императрицы. [1]).

Походная контора, вмѣстѣ съ другими служащими, составляла свиту архіепископа Арсенія, которая постоянно сопровождала его въ Москву и Петербургъ. Въ составъ этой свиты входили слѣдующія лица: 3 канцеляриста, 2 подканцеляриста, 3 слуги, 4 подъячихъ, 14 конюховъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 хлѣбникъ, 2 приварщика, 1 пивоваръ, 1 кузнецъ, 1 бронникъ, 2 портныхъ, 3 плотника, 4 столяра, 1 колесникъ, 1 шорникъ, 2 сапожника, 1 садовникъ, 2 истопника и 1 псаломщикъ, всего 52 человѣка [2]).

VI.

Посмотримъ, каково было ставленническое производство и состояніе духовенства въ Переславской епархіи.

Назначеніе во священники и діаконы было какъ бы совмѣстнымъ дѣломъ архіепископа и прихожанъ. Говоримъ: совмѣстнымъ, потому, что кандидатами на приходъ являлись тѣ, кого избирали прихожане. Избранные и заключившіе условіе съ прихожанами относительно вознагражденія за требы, запасшись одобрительными отзывами со стороны прихожанъ и со стороны поповскаго старосты или духовнаго правленія, являлись въ каѳедру, къ архіепископу или въ духовную консисторію въ Переславлѣ, или въ духовный соборъ Лавры. Въ духовномъ соборѣ Лавры сосредоточивались дѣла ставленническія и другія дѣла касательно священниковъ и церквей уѣздовъ Переславскаго и Дмитровскаго, Троицкой десятины и тѣхъ 6, которыя были подлѣ Лавры; остальныя церкви Переславкой епархіи подлежали вѣдѣнію Переславской конси-

---

[1]) Протоколы д. собор. Лавр. 1740 г. ч. 2-я № 724, л. 472.

[2]) Арх. Троиц. Сер. Лавры, указы 1753 г. № 774, указ. № 1.

сторіи: въ послѣдней сосредоточивались ставленническія дѣла по уѣздамъ Можайскому, Волоколамскому и другимъ. Переславская консисторія даже не должна была принимать прошеній о назначеніи и посвященіи къ церквамъ Троицкой десятины и Переславскаго съ Дмитровскимъ уѣзда, [1]) а направлять просителей въ учрежденный соборъ Лавры. Соборъ же въ свою очередь о произведеніи священниковъ долженъ былъ сообщать Переславской консисторіи [2]).

Явившіеся просители подвергались допросу, при чемъ происходила провѣрка и приложенныхъ къ прошенію одобрительныхъ свидѣтельствъ и контрактовъ съ прихожанами. Затѣмъ, производился экзаменъ кандидату на приходъ. По указу архіепископа Арсенія (отъ 26-го іюля 1746 года), ставленники отсылались къ учителю Лавры или проповѣднику, или протопопу церкви, ближайшей къ Лаврѣ - для наученія катихизису. Послѣ экзамена и исповѣди у духовника, они являлись къ Арсенію лично, или же къ нему отсылалось дѣло, заключавшее акты допроса и экзамена [3]).

Послѣ утвержденія (конфирмаціи) дѣла архіепископомъ Арсеніемъ и приведенія къ присягѣ, производилось самое посвященіе въ священный санъ, которое совершалъ въ большинствѣ случаевъ викарій Арсенія, епископъ Серапіонъ [4]), такъ какъ Арсеній подолгу проживалъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Затѣмъ, по обычаю шло обученіе церковному служенію и выдача ставленнической грамоты [5]), съ взысканіемъ пошлинъ (въ какомъ размѣрѣ, неизвѣстно)—въ казну архіерейскую. Замѣтимъ, что въ Переславской епархіи многіе изъ священниковъ имѣли еще писанныя ставленническія грамоты. Арсеній же велѣлъ (въ 1745 году) выдавать всѣмъ новопосвященнымъ священникамъ и діаконамъ ставленническія грамоты—печатныя. Впрочемъ, и послѣ этого Переславская консисторія долго еще не выдавала печатныхъ грамотъ, такъ какъ у нея ихъ не было въ запасѣ, [6]) а Лавра не спѣшила съ высылкой грамотъ.

Иногда просителями прихода являлись уже состоявшіе въ священномъ санѣ,—священники и діаконы изъ безмѣстныхъ,

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. проток. 1747 г. № 720, указъ отъ 22 февр 1746 г
[2]) Арх. Троиц. Лавры, кн. прот. 1748 г., № 721, стр. 97.
[3]) Арх. Троиц. Лавры, кн. проток. 1747 г., № 720, л. 248—249.
[4]) Арх. Троиц. Лавр., книга указ 1752 г. № 774, л. 331, № 112.
[5]) Арх. Троиц. Лавры, книга указ. 1752 г. № 774, л. 101, № 26.
[6]) Арх. Троиц. Лавры, кн. указ. 1746 г. № 769, л. 215, № 88.

оставшихся при разборахъ вне штата, или вдовые. Въ такомъ случаѣ просители должны были представить непремѣнно свою ставленническую грамоту, а также одобрительные отзывы о своемъ поведеніи и жизни. Потомъ этихъ кандидатовъ на приходскія вакансіи испытывали въ священномъ служеніи, въ знаніи катихизиса, исповѣдывали, и, если они оказывались достойными, то имъ выдавалось разрѣшеніе на священнослуженіе при той или другой церкви: если священникъ былъ вдовъ, разрѣшеніе на священнослуженіе Арсеній выдавалъ на ограниченный срокъ,— 1 или 2 года [1]), послѣ истеченія которыхъ опять священникъ долженъ былъ явиться въ каѳедру для освидѣтельствованія и и испытанія, при чемъ выдавалась новая эпитрахильная грамота (діаконъ получалъ постихарную грамоту) [2]).

Какъ священники и діаконы получали ставленническія грамоты, такъ дьячки и пономари получали памятныя записи, или „памяти", за которыми они обязаны были являться въ Переславскую консисторію (а принадлежавшіе къ Лаврѣ—изъ духовнаго приказа). Дѣло назначенія дьячковъ и пономарей главнымъ образомъ сосредоточивалось и зависѣло отъ Переславской консисторіи [3]) и поставлено было въ связь съ изученіемъ символа вѣры и заповѣдей; безъ знанія того и другихъ памяти дьякамъ не выдавались [4]). Поступленіе дьячка на приходъ могло произойти лишь съ согласія священника и прихожанъ [5]).

Со всѣхъ выдаваемыхъ священникамъ эпитрахильныхъ грамотъ или новоявленныхъ грамотъ и дьячковскихъ памятей консисторія должна была снимать копіи и хранить ихъ при дѣлахъ [6]). Распоряженіе о снятіи копій съ грамотъ и памятей было издано архіепископомъ Арсеніемъ въ 1746 году (26 марта). Изданіе его имѣло очень важное значеніе въ томъ отношеніи, что давало возможность консисторіи всегда имѣть надлежащія справки о посвященіи искавшихъ прихода лицъ, ибо въ то время нерѣдко являлись лица, называвшія себя священниками и не

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры книга указ. 1752 г., указ. № 8.

[2]) Выдача эпитрахильныхъ и орарныхъ или постихарныхъ грамотъ производилась по указу Св. Синода, изданному еще 22 марта 1723 года, при чемъ было велѣно производить и вдовымъ священникамъ испытаніе при архіерейскихъ домахъ и взимать пошлины за грамоты.

[3]) Арх. Троиц. Лавр., кн. указ. 1752 г., № 774, л. 105—106.

[4]) Арх. Троиц. Лавр., кн. журн. 1750 г. № 738, л. 91.

[5]) Ibidem.

[6]) Арх. Троиц. Лавр. кн. прот. 1747 г., № 720, л. 248—249, № 28.

представлявшія никакихъ ставленническихъ грамотъ, или же имѣвшія—грамоты очень сомнительныя.

Содержаніе духовенства состояло 1) изъ руги, 2) доходовъ или платы за требы. Размѣръ какъ руги, такъ и доходовъ опредѣлялся по уговору съ прихожанами или съ хозяевами прихода,—сиротами или ихъ опекунами. Точныхъ указаній о томъ и другомъ не встрѣчалось намъ, а потому мы и не можемъ сдѣлать обобщеній о содержаніи духовенства. Мы можемъ лишь указать, на какихъ условіяхъ поступали на приходъ викарные священники, или тѣ изъ послѣднихъ, которые являлись помощниками настоятелю, простыми требоисправителеми. Положеніе викарныхъ представляется въ такомъ видѣ. Викарные получали себѣ половину всѣхъ денежныхъ доходовъ (иногда и $^1/_3$ часть), также исповѣдныя и за молитвы—цѣликомъ; изъ ружной земли, которая считалась принадлежностью хозяевъ прихода, викарій получалъ иногда какую нибудь пономарскую долю [1]). Иногда викарію отдавались всѣ проскомидійные доходы и, кромѣ того, хлѣбъ въ зернѣ—по особому договору съ приказчикомъ или владѣльцемъ [2]). Иногда викарій обязывался изъ своей части „довольствовать“ всякихъ пріѣзжихъ по дѣламъ людей [3]).

Вслѣдствіе того, что многія вдовы, сироты и даже священники принимали къ себѣ викаріевъ—священниковъ, число духовенства въ Переславской епархіи въ то время нерѣдко превышало положенное по штату количество священнослужителей. Съ другой стороны, иногда сироты и другія дѣти духовенства не успѣвали получить приходъ или закрѣпить за собою отцовское мѣсто; въ такомъ случаѣ они все таки старались какъ нибудь пристроиться при церкви, присваивали себѣ и часть церковной земли и пользовались ею и церковными доходами, въ ущербъ штатнымъ священно-церковно-служителямъ церкви. Въ результатѣ того и другого было размноженіе духовенства, увеличеніе, такъ сказать, духовнаго пролетаріата и пониженіе общей доходности церквей и т. д. Противъ подобныхъ явленій правительство русское предпринимало неоднократно разборъ духовенства, съ цѣлію очистить составъ его отъ сверхштатныхъ членовъ его, причислившихся къ причту.

Такіе разборы были произведены и въ Переславской епархіи при архіеп. Арсеніи.

---

[1]) Арх. Троиц. Лавр., кн. прот. 1749 г. 2 ч. № 724 л. 392—393.

[2]) Арр. Троиц Лавр., кн. прот. 1748 г., № 722, л. 570—574.

[3]) Ар. Тр. Лав., кн. прот. 1749 г. ч. 2, № 724, ук. № 446.

Разборъ (или ревизія) духовенства въ Переславской епархіи былъ произведенъ въ 1747 году, вслѣдствіе особаго синодальнаго указа отъ 7 августа. Въ основаніе разбора была принята инструкція 1743 года. По этой инструкціи штатъ духовенства при церквахъ долженъ былъ быть въ такомъ видѣ: при церкви соборной архіерейской—1 протопопъ, 2 ключаря, 5 поповъ, 1 протодіаконъ, 4 діакона, 2 псаломщика и 2 пономаря, въ прочихъ соборахъ—въ каждомъ изъ нихъ: 1 протопопъ, 2 попа, 2 діакона, 2 дьяка, 2 пономаря и 2 сторожа; при церквахъ великихъ приходовъ—по 2 попа, по 2 дьячка и 2 пономаря; а гдѣ 2 попа не могли управиться съ приходомъ, тамъ должно быть 3 попа, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть и соотвѣтствующее число причетниковъ, т. е. на каждаго священника—по 1 дьячку и 1 пономарю. За основную единицу для опредѣленія величины приходовъ слѣдовало принять 1 сотню дворовъ, а именно: 1 священникъ долженъ быть тамъ, гдѣ 100 и не болѣе 150 дворовъ; 2 священника тамъ, гдѣ 201—250 дворовъ, 3 священника,— гдѣ 300 дворовъ.

Когда былъ присланъ указъ произвести ревизію духовенства, въ духовномъ соборѣ Лавры былъ поднятъ вопросъ, кому именно произвести ревизію, собору или Переславской консисторіи. По видимому, подобнаго вопроса не должно было быть: духовному собору должно было бы обревизовать церкви, бывшія въ его вѣдѣніи (т. е. Троицкую десятину и подмонастырскихъ селъ) а Переславской консисторіи—всѣ свои церкви. Но дѣло въ томъ, что съ ревизіей духовенства связанъ былъ и вопросъ о заполненіи мѣстъ, которыя при ревизіи могли оказаться праздными или свободными. Въ виду этого и въ виду наибольшихъ удобствъ размѣщенія лишнихъ членовъ духовенства и замѣщенія свободныхъ мѣстъ при ревизіи со стороны одного учрежденія-консисторіи, духовный соборъ Лавры и составилъ мнѣніе о необходимости передать вопросъ о ревизіи церквей и Троицкой десятины въ Переславскую консисторію. Однако архіепископъ Арсеній велѣлъ самому собору произвести ревизію ближайшихъ церквей, а Переславской консисторіи—обревизовать всѣ остальныя церкви.

Какіе были результаты ревизіи всей епархіи Переславской, къ сожалѣнію, нельзя сказать, такъ какъ у насъ есть свѣдѣнія лишь о ревизіи церквей, произведенной духовнымъ соборомъ.

Въ подмонастырскихъ 6 селахъ оказалось 9 церквей [1]) и во всѣхъ нихъ 14 престоловъ; при этихъ церквахъ состояло въ наличности 6 священниковъ, 6 діаконовъ, 6 дьячковъ, 3 пономаря, а дѣтей духовенства 33 и еще 1 воскресенскій пономарь, всего 55 душъ. Изъ дѣтей духовенства 16 за малолѣтствомъ оставались дома, 16 находилось въ семинаріи и въ живописной школѣ при Лаврѣ, а 1 былъ „праздно шатающимся." При церквахъ въ общемъ оказалось 1355 дворовъ. Но это число дворовъ при каждой изъ церквей не соотвѣствовало указанному выше штатному количеству ихъ; при томъ еще не хватало, въ соотвѣтствіе съ наличнымъ числомъ дворовъ и лицъ церковнаго причта. Поэтому духовный соборъ Лавры предлагалъ сдѣлать такое распредѣленіе дворовъ: 1) къ церкви Рождества Христова, гдѣ было всего 110 дворовъ, прибавить 140 дворовъ изъ Воскресенскаго прихода,—чтобы дать возможность наличному составу причта [2]) имѣть содержаніе: 2) въ Введенскій приходъ, гдѣ былъ всего 111 двор. и гдѣ состояли: 1 священникъ, 1 діаконъ, 1 дьячекъ и пономарь, добавить еще 36 дворовъ изъ Вознесенскаго прихода; 3) въ Вознесенскомъ приходѣ, въ которомъ числилось 186 дворовъ, 36 дворовъ исключить для присоединенія къ предыдущему приходу, но къ наличному составу причта (здѣсь были на лицо 1 священникъ, 1 діаконъ, 1 дьячекъ) прибавить еще 1 пономаря; 4) въ Ильинскомъ приходѣ также исключить 24 лишнихъ двора и оставить всего 300 дворовъ, и назначить сюда къ бывшимъ здѣсь: 1 священнику, 1 діакону и 1 дьячку—2 священника, 1 діакона и 2 дьячка; 5) въ Воскресенскомъ приходѣ отнять 140 дворовъ и причислить ихъ къ Рождественскому приходу, оставивъ въ 1-мъ всего 300 дворовъ и въ соотвѣтствіе съ этимъ къ бывшимъ на лицо прибавить 1 священника, 1 діакона, 2 дьячковъ и 2 пономарей, да кромѣ того, исключить изъ духовнаго званія 1 діаконскаго сына „праздно находящагося", 6) къ Успенскому приходу причислить къ 184 дворамъ 24 двора, отчисленныхъ отъ Ильинскаго прихода, и въ соотвѣтствіе съ чис-

---

[1]) Церкви эти слѣдующія: 1) церковь Рождества Христова съ придѣлами во имя а) Рождества Богородицы и б) Іоанна Богослова; 2) церковь Введенія съ придѣломъ во имя Равноапостольныхъ Константина и Елены и 2-я церковь св. муч. Параскевы; 3) церковь Вознесенія Господня и 2-я Трехъ Святителей; 4) церковь св. пророка Иліи, 5) 1-я церковь Воскресенія Христова и 2-я св. Апостоловъ Петра и Павла, 6) церковь Успенская съ придѣлами а) во имя св. Предтечи Іоанна и б) во имя Св. Николая Чудотворца.

[2]) Въ этомъ приходѣ оказался 1 священникъ, 1 діаконъ и 1 дьячекъ.

лемъ дворовъ опредѣлить сюда 2 священниковъ, 1 діакона, 2 дьячковъ и 2 пономарей. Такимъ образомъ, необходимо было вновь добавить 6 священниковъ, 2 діакона, 6 дьячковъ и 9 пономарей [1]).

Надо полагать, что подобное же превышеніе количества дворовъ, затѣмъ несоотвѣтствіе священно и церковно-служителей штатамъ или указанному числу дворовъ—было и въ другихъ мѣстахъ Переславской епархіи: былъ излишекъ дворовъ, недостатокъ по штату священниковъ, или наоборотъ, излишекъ духовенства.

Излишекъ духовенства особенно увеличивался отъ проживанія при церквахъ и въ домахъ священниковъ и церковниковъ людей, не состоявшихъ въ духовномъ санѣ и не несшихъ никакихъ другихъ обязанностей, хотя и вышедшихъ изъ среды духовныхъ. Это были упомянутые нами, „праздно-пребывающіе". Такого рода лица, помимо того, что являлись людьми безполезными для государства и церкви, приносили даже ущербъ церковному имуществу и семьямъ наличнаго духовенства. Ибо вмѣсто того, чтобы нести какую либо службу или, по крайней мѣрѣ, общегосударственныя повинности, они жили въ праздности. Мало того, укрываясь подъ гостепріимнымъ кровомъ духовенства или церковнаго причта, они нерѣдко присваивали себѣ церковныя земли, если не цѣликомъ—такъ въ частяхъ [2]). Въ виду такихъ то обстоятельствъ и предпринимались ревизіи духовенства Послѣ каждой ревизіи, оказавшіеся праздными, безъ всякихъ занятій, исключались изъ духовнаго сословія и причислялись къ крестьянамъ и должны были платить всякія подати [3]). Безъ сомнѣнія, положеніе исключенныхъ изъ духовенства и причисленныхъ къ крестьянамъ праздныхъ людей было тяжелымъ. Не привыкшіе къ труду крестьянина, къ постоянной необходимости руками съ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе, они испытывали великую тяготу физическую и нравственную, такъ какъ

---

[1]) Арх. Троиц. Лавр., кн. прот. 1748 г. № 722, л 460—472, № 146.

[2]) Арх. Троиц. Лавр., кн. прот. 1750 г. № 725, л. 852.

[3]) Такъ, послѣ ревизіи 1750 г. между прочимъ было причислено къ крестьянамъ 29 духовныхъ душъ, которыя должны были внести въ годъ по 6 р. 23½ к. и, кромѣ того, ржи 3 четверти, 6 четвериковъ, 7¾ гарнца, ярицы 3 четвер. ¼ гарнец, овса 3 четверти, 2 четверика, 3 гарнца, пшена 6 четвер, ячменя 7 гарнцевъ, гречневыхъ крупъ 7¼ гарнцевъ. (Арх. Троицкой Лавры, кн. проток. 1751 г. № 726, л. 62 № 17).

ко всему прочему крестьяне не соглашались выдѣлить имъ земли изъ своего надѣла, безъ принятія тягла, а требовали, чтобы причисленные къ нимъ церковники наравнѣ съ ними самими (крестьянами) приняли тягло, платили всякія государственныя подати, вносили въ казну Лавры хлѣбные и денежные доходы, несли разныя казенныя работы и, наконецъ, своихъ дѣтей отдавали въ рекруты вмѣсто крестьянскихъ [1]).

Такъ очищалось и освобождалось духовенство отъ лишнихъ и праздныхъ, „недѣйствительныхъ“, т. е. не состоявшихъ на службѣ, церковниковъ и ихъ дѣтей. Этому содѣйствовалъ правительственный разборъ духовенства.

Но среди духовенства—служащаго, т. е. состоявшаго на службѣ, также было много лицъ, которыхъ слѣдовало выдѣлить изъ среды духовенства, чтобы не было лишнихъ тамъ, гдѣ по штату было положено опредѣленное количество членовъ причта. Необходимо было очистить духовенство отъ такихъ, которые были недостойными или сомнительнаго достоинства служителями церкви.

Очищеніе духовенства отъ такихъ лицъ производилъ архіепископъ Арсеній уже по личному почину—и опять таки посредствомъ ревизіи духовенства.

Прежде другихъ Арсеній обратился къ священникамъ и поручилъ обревизовать всѣ вѣдомости о священникахъ. Были потребованы въ консисторію и въ духовный соборъ всѣ ставленническія грамоты священниковъ и діаконовъ, равно епитрахильныя или орарныя грамоты—для освидѣтельствованія архіерейской подписи. При освидѣтельствованіи представленныхъ грамотъ въ 1747 году оказалось, что 1) въ Троицкой десятинѣ у 18 священниковъ и діаконовъ были старыя грамоты, не засвидѣтельство-

[1]) На такого рода тяжелыя обстоятельства и на такую „немалую досаду“ жаловались въ соборъ Лавры недѣйствительные церковники села Дубровъ, приселка Талысина—Филиппъ и Иванъ Алексѣевы, с. Сухорукова, приселка Богородскаго Савва Савинъ, Андрей Петровъ. При этомъ они указывали на то, что они, даже послѣ записи въ подушный окладъ, живя при церквахъ, пользовались участками пашенной и сѣнокосной земли и платили подушную подать; съ новою же ревизіею, священники сгоняли ихъ съ церковныхъ участковъ, а крестьяне не принимали ихъ безъ указанныхъ выше условій.—Соборъ Лавры, разсмотрѣвъ эту жалобу, велѣлъ отдѣлить для поселенія церковниковъ усадебную, пашенную и сѣнокосную землю изъ крестьянскихъ земель,—дать каждому участокъ равный тому, какой имѣли тяглые крестьяне, наложить на нихъ тягло, но въ теченіе перваго года не принуждать ихъ къ уплатѣ всѣхъ казенныхъ повинностей и не требовать ихъ къ разнымъ работамъ, чтобы дать возможность лучше устроиться. (Арх. Троиц. Лавры, кн. проток. 1750 г. № 725, проток № 274, л. 852—853.)

ванныя архіерейскою подписью, съ 1716 года; 2) 17 священниковъ вовсе не имѣли епитрахильныхъ грамотъ, и они не могли указать, съ какого именно года; 3) 2 священника вовсе не имѣли грамотъ ставленническихъ, хотя показывали, что они посвящены были архіереями еще до назначенія Арсенія архіепископомъ; 4) 20 священниковъ и діаконовъ, посвященныхъ уже Арсеніемъ (въ 1743—1746 г.), также не имѣли ставленническихъ грамотъ; наконецъ 5) 2 старыхъ священника вовсе не явились къ освидѣтельствованію [1].

Когда архіепископу Арсенію былъ представленъ докладъ объ этомъ, онъ велѣлъ, прежде всего, священниковъ, не представившихъ архіереямъ грамотъ для освидѣтельствованія, исключая тѣхъ, которые имѣли грамоты за подписью Московскаго архіепископа Іосифа,—допросить, почему они не представляли своихъ грамотъ для освидѣтельствованія никому изъ прежнихъ архіереевъ, и всѣ показанія ихъ основательно провѣрить; затѣмъ, велѣлъ допросить и тѣхъ священниковъ, которые не позже года предъ тѣмъ овдовѣли и не имѣли епитрахильныхъ и постихарныхъ грамотъ, и послѣ допроса выдать имъ грамоты, если они окажутся достойными: тѣхъ же, которые болѣе года предъ тѣмъ овдовѣли и не имѣли епитрахильныхъ и постихарныхъ грамотъ,— Арсеній „за оную продерзостную вину“ велѣлъ отрѣшить отъ церквей, разослать ихъ по монастырямъ и назначить имъ—по усмотрѣнію монастырскихъ строителей послушанія, при чемъ, если не окажется за ними никакихъ дурныхъ винъ и пороковъ, предоставилъ дозволять имъ священнодѣйствіе,—но только въ монастырскихъ церквахъ. Велѣно было снять допросъ и съ священниковъ, посвященныхъ прежними архіереями, до Арсенія, вовсе не имѣвшихъ грамотъ, и съ тѣхъ, которые были посвящены самимъ Арсеніемъ и не имѣли грамотъ. Впрочемъ, если кто либо изъ послѣднихъ могъ представить указъ о своемъ назначеніи, такимъ разрѣшалось священнослуженіе,—въ случаѣ же какихъ либо сомнѣній и отсутствія доказательствъ посвященія—священнодѣйствіе запрещалось [2].

Пошли послѣ этого допросы. На допросѣ нѣкоторые изъ священниковъ Троицкой десятины показывали, что они вовсе не получали указа о явкѣ въ консисторію за полученіемъ грамотъ или для засвидѣтельствованія послѣднихъ, такъ какъ до 1743 г.

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. указ. 1747 года № 771, л. 90—92.
[2]) Ibidem.

они состояли въ вѣдѣніи Св. Синода и Московской духовной дикастеріи, потомъ, до декабря 1744 года—въ вѣдѣніи Московскаго архіепископа Іосифа, а—въ вѣдѣніе архіепископа Арсенія они собственно поступили въ 1745 году (8 іюня). Духовный соборъ Лавры разсмотрѣлъ это объясненіе и, хотя Переславская консисторія показывала, что распоряженіе о явкѣ съ грамотами въ консисторію было общее для всей епархіи (о томъ былъ ли посланъ указъ въ Троицкую десятину,—консисторія умалчивала),—рѣшилъ оказать снисхожденіе симъ священникамъ, а именно: потребовать высылки грамотъ для новаго засвидѣтельствованія, а прежнюю невысылку не считать большой виной [1]).

Вдовые священники, не получившіе епитрахильныхъ грамотъ и не имѣвшіе малолѣтнихъ дѣтей, были разосланы по монастырямъ. Соборъ Лавры даже рѣшилъ—вопреки резолюціи архіепископа Арсенія—не опредѣлять на ихъ мѣста новыхъ священниковъ изъ монастырей, чтобы не причинить разоренія имъ,—а исправленіе требъ поручить ближайшимъ священникамъ [2]). Арсеній съ этимъ согласился.

Одновременно съ священниками и діаконами произведена была ревизія и низшимъ членамъ причта, дьячкамъ и пономарямъ.

Въ Троицкой десятинѣ при ревизіи оказалось, что 19 дьячковъ и пономарей вовсе не имѣли явленныхъ памятей; 14 дьячковъ имѣли памятныя грамоты изъ Св. Синода и Московской дикастеріи, и лишь 20 изъ нихъ имѣли грамоты отъ поповскихъ старостъ. Когда объ этомъ было доложено Арсенію, онъ велѣлъ собору освидѣтельствовать всѣхъ вообще дьячковъ и пономарей, и тѣмъ изъ нихъ, которые окажутся годными къ прохожденію должности,—выдать изъ собора новоявленныя памяти, а остальныхъ негодныхъ отрѣшить отъ мѣстъ и вмѣсто нихъ опредѣлить новыхъ изъ достойныхъ лицъ [3]).

VII.

Отрѣшая недостойныхъ членовъ причта и опредѣляя на ихъ мѣста новыхъ, архіеп. Арсеній желалъ видѣть въ священно и церковно-служителяхъ, вотъ какія качества.

Пастыри церкви—по взгляду и требованіямъ архіепископа Арсенія—должны были, кромѣ нравственныхъ качествъ, отли-

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры., кн. проток. 1749 года ч. 2, № 724, л. 634—637.

[2]) Арх. Троиц. Лавры., кн. протокол. 1748 года № 722, л. 214—219,—№ 67.

[3]) Арх. Троиц. Лавры., кн. указ. 1747 года № 771, л, 93—96.

чаться, главнымъ образомъ, учительностью. Также точно и церковно-служители должны были удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ нравственной чистоты и умственныхъ знаній. Въ числѣ нравственныхъ качествъ, требовавшихся отъ священно и церковно-служителей, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, требованіе семейной чистоты и, такъ сказать, цѣлости семейнаго союза. Лица овдовѣвшія—считались какъ бы ниже въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ не вдовые, и должны были ежегодно являться въ каѳедру для испытанія своей совѣсти предъ архіерейскимъ духовникомъ и для полученія епитрахильной или постихарной грамоты. Пожалуй, такой взглядъ на вдовство былъ какъ бы оффиціальнымъ взглядомъ русской церкви; но и самъ архіепископъ Арсеній строго смотрѣлъ на несчастныхъ вдовцовъ изъ духовенства,—нерѣдко отрѣшая ихъ отъ мѣста. Такъ же неодобрительно Арсеній смотрѣлъ и на 2-й бракъ причетниковъ; вдовцы причетники, женившіеся вторично, „отрѣшались отъ мѣста и могли быть лишь звонарями [1]).

Въ отношеніи умственныхъ качествъ требованія архіепископа Арсенія сводились къ слѣдующему: дьячки и пономари должны были твердо знать символъ вѣры и молитвы. Испытаніе въ знаніи этого производилось въ консисторіи или въ духовномъ соборѣ, при выдачѣ явленныхъ памятей—причетникамъ; если испытуемый былъ не твердъ въ знаніи, то лишался права на приходъ и на полученіе памятной грамоты. Арсеній даже распорядился вызывать дьяковъ и пономарей въ духовный соборъ именно для наученія или для повторенія символа вѣры: если испытуемые оказывали успѣхи, то Арсеній велѣлъ такихъ причетниковъ посвящать въ стихарь и изготовлять для нихъ „камчатые“ и „выбойчатые“ стихари въ поощреніе [2]).

Затѣмъ, отъ священниковъ требовалось больше: знаніе катихизиса и навыкъ къ проповѣдыванію Слова Божія. Арсеній, конечно, понималъ, что сразу же сдѣлать всѣхъ священниковъ учительными и проповѣдниками—дѣло трудное и даже невозможное, что постепенно слѣдуетъ развивать проповѣдническіе навыки и что можно лишь содѣйствовать развитію учительности. По этому Арсеній обратилъ главное вниманіе на семинарію, какъ на разсадникъ просвѣщенія и учительныхъ кандидатовъ священ-

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. журн. 1750 г. стр. 91, № 90.

[2]) Ibidem.

ства, и, прежде всего, чтобы заставить семинаристовъ усердно заниматься ученіемъ, сталъ отдавать предпочтеніе при раздачѣ приходовъ именно успѣшно обучавшимся семинаристамъ [1]). Съ другой стороны и родителей—священниковъ, имѣвшихъ дѣтей, заставлялъ отдавать своихъ дѣтей въ семинарію для обученія. Но отдавая предпочтеніе семинаристамъ, Арсеній не терпѣлъ недоучекъ и строго запретилъ семинаристамъ просить приходовъ раньше окончанія семинаріи, и преслѣдовалъ выходъ изъ нея [2]). Строгость Арсенія въ требованіи окончанія образованія въ семинаріи была такова, что онъ предпочиталъ даже для „укомплектованія церквей", т. е. для пополненія церковныхъ причтовъ вызывать всѣхъ праздныхъ священниковъ, [3]) жившихъ при монастыряхъ, чѣмъ соглашаться на выходъ учениковъ изъ семинаріи.

Затѣмъ, Арсеній обратилъ вниманіе вообще на развитіе проповѣдничества и навыка къ нему со стороны духовенства. Озабоченный мыслью о томъ, чтобы священники были, „подобно трубамъ іерихонскимъ, служителями Слова Божія", Арсеній, прежде всего, потребовалъ, чтобы священники и діаконы изучали катихизисъ настолько, чтобы могли на задаваемые вопросы давать надлежащіе отвѣты („хотя не до слова"). Для этого онъ велѣлъ префекту Троицкой семинаріи назначать изъ катихизиса уроки для священниковъ и діаконовъ и потомъ экзаменовать ихъ. Неявившихся велѣно было штрафовать.

Ближайшимъ поводомъ къ этому распоряженію было то, что церковнаго поученія въ церквахъ не бывало, а не бывало, конечно, потому, что приходскіе священники сами не въ состояніи были учить другихъ.

Указъ архіепископа Арсенія былъ разосланъ по епархіи и сталъ исполняться во всей строгости. Отъ ближайшаго духовенства Переславскаго и Дмитровскаго уѣздовъ были отобраны подписки въ томъ, что оно непремѣнно будетъ являться въ Лавру, въ семинарію для экзамена въ знаніи катихизиса.

Тяжело было сельскому причту ѣхать за нѣсколько десятковъ верстъ въ Лавру, получать урокъ и потомъ изучать его:

---

[1]) Въ данномъ случаѣ архіеп. Арсеній, вѣроятно дѣйствовалъ въ согласіи съ требованіями Духов. Регламента о предпочтеніи учительныхъ кандидатовъ не учительнымъ (Дух. Регл. ч. II, § 9, 10; о домахъ учил. §§ 16 и 20), также и съ указаніями Св. Синода (объ обязательности духовенства отдавать дѣтей въ школы, о повышеніи образовательнаго ценза для духовенства и проч.).

[2]) Ibidem. Также Арх. Троиц. Лавры, кн. протокол. 1748 г. № 721, л. 162.

[3]) Арх. Троиц. Лавры, кн. указ. 1752 г. № 774, указ. № 9, и кн. проток. 1748 г. № 721, проток. № 26.

многіе изъ причта отвыкли отъ ученія и заучиванія, а другіе и совсѣмъ не привыкали къ нему. Но дѣлать было нечего. Уже въ январѣ 1748 года (указъ былъ разосланъ въ сентябрѣ 1747 года) священники Переславскаго и Дмитровскаго уѣздовъ явились въ Лавру, и каждому изъ нихъ были заданы уроки изъ катихизиса [1]).

Но Арсеній понималъ, что недостаточно лишь наличныхъ членовъ причта побуждать къ изученію катихизиса. Требованіемъ изученія катихизиса еще нельзя было научить священниковъ дѣлу проповѣди. Для этого нужно было обратить вниманіе на дѣло проповѣди въ самой школѣ, которая подготовляла кандидатовъ священства. Арсеній, дѣйствительно обратилъ на это вниманіе и въ томъ же указѣ велѣлъ установить постоянное проповѣданіе Слова Божія въ Лаврѣ: 1) въ церкви преподобнаго Сергія трапезной и 2) въ приходской Лаврской церкви во имя Рождества Христова. Въ трапезную церковь, гдѣ должны были проповѣдывать учители семинаріи, должны были ходить монашествующіе (кромѣ соборныхъ, которые могли ходить по желанію) и священно и церковно-служители ближайшихъ 6 приходскихъ церквей; въ церковь Рождества Христова должны были ходить семинаристы и всѣ мірскіе обыватели, жившіе при Лаврѣ. Никто не долженъ былъ уклоняться отъ присутствія на проповѣди подъ страхомъ наказанія [2]) и не долженъ былъ отговариваться незнаніемъ: для этого велѣно было опубликовать это распоряженіе, и о началѣ проповѣди оповѣщать звономъ.

Проповѣдь начиналась въ Лаврѣ въ 3 часа пополудни. Въ трапезѣ проповѣдывалъ префектъ семинаріи, іеромонахъ Аѳанасій, а въ приходской Христо-Рождественской церкви—учитель іеромонахъ Кириллъ. Предметомъ проповѣди долженъ былъ быть катихизисъ, изъ котораго надо было поучать народъ (какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ) разнымъ добродѣтелямъ по десятословію, также учить символу вѣры, молитвѣ Господней, 9 блаженствамъ евангельскимъ. Проповѣдь Слова Божія должна была быть строго православной; проповѣдники должны были

---

[1]) Истор Троиц. Лавр. Семин., Смирнова, стр. 62.

[2]) За небытіе на проповѣди монашествующіе подвергались штрафу по усмотрѣнію намѣстника Лавры; священники платили 1 рубль, діаконы по 50 коп. а причетники по 25 коп, внося штрафъ въ интендантскую контору на содержаніе семинаріи. О семинаристахъ велѣно было чинить—по разсмотрѣнію учительскому (Арх. Троиц. Семинаріи 1747 г., св. № 4. указ. № 452).

толковать Слово Божіе „не отъ себе, но якоже православныя восточныя каѳолическія церкви свѣтильницы и учители истолковаша, а толкованій и разсужденій не нашея восточныя церкве учителей, каковыя бы они ни были, отнюдь при томъ не употреблять, но смотрѣть наприлежнѣйше, дабы тое преподаваемое ими ученіе было отъ истолкованій и разсужденій единыхъ учителей нашея православныя греко-восточныя церкве". Поученія должны были продолжаться по 1 часу каждый воскресный день. Проповѣдникъ долженъ былъ произносить ихъ съ амвона въ мантіи и епитрахили [1]).

Помимо ближайшей цѣли—воздѣйствія на слушателей, присутствовавшихъ при проповѣди, при изданіи этого указа имѣлось въ виду еще и то, чтобы семинаристовъ практически ознакомить съ дѣломъ проповѣди настолько, чтобы они сами потомъ могли быть „служителями Слова Божія".

Навыкъ къ проповѣди Слова Божія или, по крайней мѣрѣ, твердое знаніе катихизиса, было выставлено архіепископомъ Арсеніемъ, какъ одно изъ условій, открывавшихъ доступъ къ священству и дававшихъ право на посвященіе. При Троицкой Лаврѣ „Учрежденный Соборъ", завѣдывавшій дѣлами посвященія, непремѣнно испытывалъ ставленниковъ въ знаніи катихизиса и умѣньѣ истолковывать его. Вслѣдствіе этого, ставленники обыкновенно отсылались въ семинарію къ учителямъ для наученія [2]).

VIII.

Посмотримъ теперь на состояніе церковнаго устройства въ Переславской епархіи и укажемъ заботы архіепископа Арсенія о приведеніи церквей въ благоустройство.

Желая узнать, въ какомъ видѣ и состояніи были церкви и церковныя принадлежности, Арсеній рѣшилъ обревизовать всѣ церкви епархіи; но самъ онъ, по званію члена Св. Синода, не имѣлъ свободнаго времени и не могъ произвести ревизію лично, а потому избралъ для этого довѣренныхъ лицъ. Такимъ довѣреннымъ лицомъ для ревизіи церквей Троицкой десятины былъ избранъ соборный іеромонахъ Товія. Послѣдній осмотрѣлъ церкви Троицкой десятины и нашелъ, что въ Киржачскомъ, Пѣшношскомъ, Стромынскомъ и Махрищскомъ монастыряхъ и въ цер-

---

[1]) Арх. Троиц. Сем. 1747 года, связ. 44, указ. № 452.
[2]) Арх. Троиц. Лавр., прот. 1747 года, № 72, л. 95—102.

квахъ подмонастырскихъ селъ — Трехъ-Святительской, Петро-Павловской и Воскресенской, также въ селахъ: Озерецкомъ, Кончининѣ, Ситковѣ, Ивановскомъ, Подчерковѣ, Пневицахъ, Костянтиновкѣ, Выпусковѣ, Говеновѣ, Поречьѣ, Андреяновѣ, Махрѣ, Сродиніѣ, Сватковѣ, Маломъ, Олексинѣ, Снятиновѣ, Семеновскомъ, Шуйскомъ, Селивановой горѣ, Шарановѣ, Ферезиніѣ, Погостахъ, въ погостѣ Покровской церкви, въ погостѣ Кумышѣ —св. антиминсы потеминѣли; въ другихъ мѣстахъ, хотя и были св. антиминсы, но на нихъ не было указаній, кѣмъ они освящены и для какой именно церкви они предназначены; въ одномъ селѣ (Селивановой горѣ) въ придѣлѣ церкви на престолѣ вовсе не было антиминса, а лишь илитонъ съ губой. Затѣмъ оказались въ 8 церквахъ старопечатныя книги; въ нѣкоторыхъ церквахъ не было вовсе запасныхъ Св. Даровъ, въ другихъ—Св. Дары хранились въ недостойномъ видѣ, несоотвѣтствующемъ святости ихъ; св. миро и св. елей были въ иныхъ церквахъ также въ неисправномъ видѣ; священные сосуды и облаченія были жалки; въ одной церкви была деревянная лжица, во 2-й очень ветхія напрестольныя одежды; въ 5 церквахъ для таинства Евхаристіи употреблялся несоотвѣтствующій важности сего таинства хлѣбъ,—черный. Таковы были нарушенія и отступленія отъ церковныхъ правилъ—въ отношеніи къ священнымъ предметамъ. Подобныя же нарушенія церковныхъ правилъ допускались и въ совершеніи самаго богослуженія,—литургіи, вечерни и утрени [1]).

Архіепископъ Арсеній, послѣ доклада объ этомъ, распорядился, во-1-хъ, чтобы изъ Московской Синодальной Конторы было выписано необходимое число антиминсовъ и богослужебныхъ книгъ, главнымъ образомъ, апостоловъ; выписанные антиминсы велѣно было отослать къ Сераніону, епископу Можайскому, для освященія, а затѣмъ, раздать въ церкви подъ росписки священниковъ; старые антиминсы Арсеній велѣлъ собрать къ экклесіарху Лавры и св. мощи положить въ церкви на престолѣ, а самые антиминсы хранить въ пристойномъ мѣстѣ. [2]) Духовный Соборъ, дѣйствительно, выписалъ изъ Синодальной Конторы антиминсы [3])

---

[1]) Арх. Троиц. Лав., кн. ук. 1747 г. № 771, л. 95.—102.

[2]) Ibidem, кн. проток. 1747 г. № 720, л. 382—383.

[3]) Въ Синодальной Конторѣ антиминсы печатались съ большой мѣдной доски (размѣромъ 1 арш.), съ каменной средней (въ 3/4 арш.) и съ оловянной малой (3/4 арш.); печатаніе 1-го антиминса стоило 1 р. 75 к., 2-го 50 к., и 3-го 4 к. (ibidem).

и разослалъ ихъ по всѣмъ церквамъ, гдѣ были темные антиминсы и безъ опредѣленной надписи.

Затѣмъ, Арсеній велѣлъ послать особаго нарочнаго осмотрѣть всѣ придѣлы въ церквахъ и представить свѣдѣнія, можетъ ли въ нихъ продолжаться служба, и тогда выдать антиминсы. Также были выписаны и розданы по церквамъ апостолы и св. миро: священники же, хранившіе въ небрежномъ видѣ св. миро и Св. Тайны или запасные Дары, были подвергнуты Арсеніемъ строгому наказанію: одинъ изъ нихъ былъ запрещенъ въ служеніи, другіе должны были положить при свидѣтеляхъ по 100 поклоновъ; 100 поклоновъ было назначено и строителю монастыря за неимѣніе запасныхъ Св. Даровъ и священникамъ—за изготовленіе просфоръ изъ черной муки и за употребленіе деревянной ложицы, при чемъ велѣно было впредь не допускать всего этого. Тѣ же священники, которые допускали отступленія отъ богослужебнаго чина въ совершеніи литургіи, вечерни и утрени, были вызваны для наученія богослужебному чину. [1])

Такъ архіепископъ Арсеній исправлялъ недостатки и неисправности въ церковномъ устройствѣ и благочиніи.

Надо еще отмѣтить одно изъ распоряженій архіепископа Арсенія, имѣвшее въ виду поднять нравственное состояніе духовенства.

Понимая, что однимъ изъ средствъ къ нравственному самоисправленію служитъ частое исповѣданіе грѣховъ, благодаря которому человѣкъ, очищая свою совѣсть отъ грѣховъ, улучшается въ нравственной жизни и совершенствуется, архіепископъ Арсеній распорядился, чтобы священники, а равно и монахи непремѣнно исповѣдывались во всѣ 4 поста. Чтобы имѣть возможность слѣдить за исполненіемъ этого долга—священниками и монахами, архіепископъ Арсеній велѣлъ избрать особыхъ духовниковъ по всѣмъ церковнымъ округамъ и въ каждомъ монастырѣ. Священники Троицкой десятины и 6 подмонастырскихъ церквей должны были исповѣдываться у іеромонаха Лавры Товіи, избраннаго духовникомъ для всѣхъ лаврскихъ монаховъ, или же избрать изъ своей среды одного общаго духовника. Духовникамъ вмѣнено было въ обязанность завести особыя книги и послѣ каждаго поста представлять архіепископу Арсенію вѣдомости о бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди священно и церковно-служителяхъ.

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. указ. 1747 года, № 771 л. 90—104, № 53.

Въ Троицкой десятинѣ, гдѣ приходы были на 100 верстъ одинъ отъ другого, было, впрочемъ, избрано 4 духовника, такъ какъ духовенству тяжело было ѣхать къ духовнику иногда за сотню-другую верстъ. Впрочемъ, и послѣ избранія нѣсколькихъ духовниковъ далеко не аккуратно священники являлись къ исповѣди. Поэтому Арсеній опредѣлилъ неисповѣдавшихся въ теченіе поста штрафовать наказаніемъ по 100 поклоновъ, которые должно было положить во время литургіи. Также 100 поклоновъ было назначено и за уклоненіе священниковъ отъ исповѣди у общаго духовника. Впрочемъ, по просьбѣ духовенства было разрѣшено ему исповѣдываться у общаго духовника лишь 1-жды въ годъ, а въ другіе посты—разрѣшалось исповѣдываться у ближайшихъ священниковъ, но требованіе вѣдомостей и свѣдѣній объ исполненіи долга исповѣди оставалось въ силѣ. [1])

Слѣдуетъ замѣтить, что требованіе обязательнаго исполненія долга исповѣди распространялось и на мірянъ; о всѣхъ не исповѣдавшихся собирались свѣдѣнія, которыя и представлялись свѣтскимъ властямъ, и при этомъ взимался штрафъ за неисполненіе долга исповѣди. [2])

IX.

Переходя къ разсмотрѣнію дѣятельности архіепископа Арсенія въ отношеніи къ Троице-Сергіевой Лаврѣ, мы укажемъ, прежде всего, на то, въ какомъ состояніи находилась въ данное время Троицкая Лавра.

Троицкая Лавра была своего рода метрополіей, къ которой было приписано много монастырей, и во владѣніи которой было много деревень, хуторовъ, угодій со многими сотнями дворовъ.

Приписныхъ монастырей за Лаврою въ разсматриваемое нами время числилось до 15, а именно: 1) Казанскій (въ Казанскомъ уѣздѣ), 2) Свіяжскій (въ Свіяжскомъ уѣздѣ), 3) Алатырскій (въ Алатырскомъ уѣздѣ), 4) Киржачскій (въ Переславскомъ уѣздѣ), 5) Никольскій-Пѣсношскій (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), 6) Бѣлопесоцкій (въ Каширскомъ уѣздѣ), 7) Богоявленскій (въ Москвѣ), 8) Стромынскій (въ Московскомъ уѣздѣ), 9) Авнежскій и 10) Чухченемскій (въ Вологодскомъ уѣздѣ), 11) Хотьковъ (близъ Троицкой обители) 12) Махрищскій, 13) Георгіевскій,

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. проток. 1747 года № 720, л. 576—582, № 156.
[2]) Арх. Троиц. Лавр., кн. журн. 1750 г., № 738, л. 178.

14) Астраханскій и 15) Троицкая Сергіева Пустыня [1]). За этими монастырями числилось въ 1747 г. 2,510 дворовъ и 14,815 душъ. [2])

Кромѣ монастырскихъ поселковъ, за Троицкой Лаврой числилось до 80-ти селъ, не считая деревень, приселковъ, и въ нихъ состояло въ 1747 году 82,766 душъ [3]). Къ 1752 году число душъ возросло до 100 слишкомъ тысячъ, именно было 104.939 душъ. [4])

Само собою понятно, что при такихъ обширныхъ владѣніяхъ Лавры, раскинутыхъ на далекомъ разстояніи отъ нея, управленіе ими было дѣломъ не легкимъ и требовало сложной организаціи. Дѣйствительно, при Лаврѣ существовало много разныхъ канцелярій, конторъ, въ которыхъ и сосредоточивались всѣ дѣла по всѣмъ отраслямъ управленія, производства и распоряженія какъ вотчинами, такъ и лицами, состоявшими въ вѣдѣніи Лавры и на службѣ у нея. Вотъ эти учрежденія: 1) приказная канцелярія, съ разрядным повытьемъ: въ ней же сосредоточивались спорныя дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ и земляныя дѣла—

---

[1]) Истор. опис. св. Троиц. Лавр. А. Горскаго, М. 1890 г., стр. 207. Арх. Троиц. Лавр. 1752 г., кн. проток. № 774 л. 140—141.

[2]) Вотъ сколько дворовъ и душъ числилось за каждымъ монастыремъ. За Свіяжскимъ 356 дворовъ и 3190 душъ, за Алатырскимъ 498 дворовъ и 2810 душъ, за Киржачскимъ 397 дворовъ и 1783 души, за Николаевскимъ-Пѣсношскимъ 412 дворовъ и 2305 душъ, за Бѣлопесоцкимъ 230 дворовъ и 1201 душа, за Богоявленскимъ 232 двора и 1303 души, за Махрищскимъ 97 дворовъ и 624 души, за Стромынскимъ 116 дворовъ и 645 душъ, за Казанскимъ 116 дворовъ и 645 душъ, и за Авнежскимъ 56 дворовъ и 309 душъ (кн. указ. 1747 г., № 771, л. 28—30).

Въ 1752 году число душъ въ монастыряхъ измѣнилось, а именно: въ Свіяжскомъ 2525, въ Алатырскомъ 5248 душъ, въ Киржачскомъ 1929 душъ, въ Пѣсношскомъ 3250 душъ, въ Бѣлопесоцкомъ 1541 душа, въ Богоявленскомъ 1876 д., въ Стромынскимъ 810 душъ, въ Казанскомъ 989 душъ, въ Авнежскомъ 330 душъ, всего 19.499 душъ, кромѣ Махрищскаго монастыря (Арх. Троиц. Лавр., кн. проток. 1752 г. л. 139—141). По 2-й вѣдомости за тотъ же годъ числилось душъ: 1) за Стромынскимъ 996, 2) за Авнежскимъ 134, 3) за Алатырскимъ 3596, 4) за Киржачскимъ 2277, 5) за Пѣсношскимъ 4149, 6) за Хотьковскимъ 147, 7) за Семеновскимъ 434, 8) за Махрищскимъ 790 душъ. всего 12,486 (Вѣд. 1752 г. № 680, л. 20—21). Надо полагать, послѣдняя вѣдомость—не полная: въ ней указаны далеко не всѣ монастыри, за которыми числились души.

[3]) Кн. указ. 1747 г., № 771 л. 28—30.

[4]) Вотъ сколько душъ состояло въ уѣздахъ: 1) въ Московскомъ 10810, 2) въ Тарусскомъ 373, 3) въ Дмитровскомъ 3672; 4) въ Звенигородскомъ 571, 5) въ Боровскомъ 790, въ Малоярославскомъ 1394, 7) въ Коломенскомъ 1015, 8) въ Клинскомъ 10331, 9) въ Вереевскомъ 1418, 10) въ Русскомъ 341, 11) въ Переславль-Залѣсскомъ 10291, 12) въ Ростовскомъ 1367, 13) въ Серпейскомъ 1411, 14) въ Юрьево-Полѣсскомъ 2301, 15) въ Углицкомъ 1923, 16) въ Бѣжецкомъ 1868, 17) въ Кашинскомъ 511, 18) въ Суздальскомъ 4582, 19) въ Владимірскомъ 3871,

въ 2-хъ повытьяхъ, постороннемъ и спорномъ; разрядное повытье завѣдывало пріисканіемъ и опредѣленіемъ слугъ; 2) хлѣбная экспедиція, завѣдывавшая сборомъ и расходомъ оброчнаго и десятиннаго хлѣбовъ; 3) духовная канцелярія, или духовный приказъ,—завѣдывавшая дѣлами ставленническими, о проступкахъ духовныхъ лицъ, о принятіи въ монастырь и др. [1]); 4) казенная канцелярія, въ которой производились дѣла, касающіяся прихода и расхода денегъ; при этой же канцеляріи состояло мастерское и матеріальное повытье, завѣдывавшее дѣлами о промысловыхъ сборахъ, о мастерствахъ и о высылкѣ людей на работы [2]); 5) посельская контора, завѣдывавшая разными постройками и вообще всею экономическою частью; 6) счетная и подушная контора, гдѣ производился реестръ всѣмъ душамъ.—Здѣсь же, при соборѣ, была конюшенная, жительная контора, интендантская контора (—послѣдняя завѣдывала экономическою частью Троицкой семинаріи). Затѣмъ, было особое повытье Замосковное и Галицкое.

Всѣ эти конторы и канцеляріи были частными, второстепенными учрежденіями, и имъ принадлежала скорѣе исполнительная роль или подготовительная работа. Во главѣ всѣхъ этихъ канцелярій стоялъ духовный „Учрежденный Соборъ Лавры“. Послѣдній былъ учрежденъ въ 1746 году. По указу архіепископа Арсенія, онъ долженъ былъ чинить производство и высказывать свое мнѣніе по разнымъ дѣламъ—„важнымъ, спорнымъ и вотчиннымъ, также по присланнымъ къ нему изъ конторы указамъ, и творить все—по силѣ генеральнаго регламента и указовъ“. При этомъ велѣно было собору завести и писать книги: 1) входящій реестръ,

---

20) въ Муромскомъ 2793, 21) въ Ярославскомъ 1448, 22) въ Костромскомъ 1848, 23) въ Люблинскомъ 862, 24) въ Пошехонскомъ 392, 25) въ Сулимовскомъ 3079, 26) въ Гороховскомъ 185, 27) въ Елецкомъ 613, 28) въ Ливенскомъ 250, 29) въ Донковскомъ 626, 30) въ Печимковскихъ волостяхъ 35, 31) въ Симбирскомъ 1361, 32) въ Свіяжскомъ 3526, 33) въ Самарскомъ 95, 34) въ Казанскомъ 985, 35) въ Пензенскомъ 2253, 36) въ Рязанскомъ 22, 37) въ Нижегородскомъ 4097, 38) въ Балахнинскомъ 916, 39) въ Юрьевскомъ 800, 40) въ Арзамасскомъ 2020, 41) въ Алатырскомъ 1656, 42) въ Новгородскомъ 404, 43) въ Двинскомъ 158, 44) въ Солигалицкомъ 286, 45) въ Тверскомъ 5043, 49) въ Старицкомъ 674, 47) въ Новоторжскомъ 1029, 48) въ Зубцовскомъ 139, 49) въ Вологодскомъ 36 душъ (Арх. Троиц. Лавр., вѣд. 1752 года, № 680 л. 20—21), всего 92450; да за монастырями числилось 12480 душъ.

[1]) Арх. Троиц. Лавры 1751 г., кн. проток. № 726, л. 44, 1750, № 725, проток. № 262, 209.

[2]) Арх. Троиц. Лавры, кн. проток. 1750 г., № 725, проток. № 242, 210, кн. проток. 1749 г., ч. I № 725, л. 100.

2) журналъ присутствія, 3) протоколъ подписанныхъ мнѣній, 4) исходящій реестръ и 5) особую настольную книгу. Во входящій реестръ велѣно было вносить всѣ входящіе указы; въ журналъ присутствія—заносить всѣ бумаги, бывшія на разсмотрѣніи и рѣшеніи собора;—въ протоколѣ записывать рѣшенія за подписью бывшихъ въ засѣданіи; въ исходящій журналъ вносить запись всѣхъ „промеморій", указовъ, доношеній и другихъ бумагъ, исходившихъ изъ собора. Эти 4 книги велѣно было помѣсячно или по третямъ перенумеровывать и снабжать алфавитами. Въ настольную книгу велѣно было вносить запись всѣхъ рѣшенныхъ и приведенныхъ въ исполненіе бумагъ, а о нерѣшенныхъ—имѣть всегда запись на столѣ [1]).

Такимъ образомъ, въ учрежденномъ соборѣ, получались всѣ указы Св. Синода и конторы архіепископа Арсенія. По всѣмъ дѣламъ учрежденный соборъ представлялъ свои мнѣнія и доклады архіепископу Арсенію; тамъ же, въ духовномъ соборѣ велась протокольная запись всѣхъ дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи собора и такъ или иначе рѣшенныхъ имъ. Послѣ утвержденія соборнаго мнѣнія архіепископомъ Арсеніемъ, соборъ направлялъ дѣла для надлежащаго исполненія по экспедиціямъ, конторамъ или повытьямъ [2]).

Въ учрежденномъ соборѣ засѣдали: ректоръ Троицкой семинаріи, префектъ, келарь Лавры, ризничій и соборные старцы. Они должны были собираться въ камеру соборную по звону колокола къ божественной литургіи [3]).

Канцеляристовъ въ каждой конторѣ было отъ 3—до 5 [4]).

---

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. журн. 1745, № 735, № 25—26.

[2]) Когда былъ учрежденъ духовный соборъ, приказный Сумароковъ представилъ собору, что по генеральному регламенту должно сдѣлать: 1) по „секретарской и нотаріусской должности" 2 стола съ крѣпкими замками у ящиковъ, покрыть сукномъ, и пріобрѣсти звонки для зова сторожей, 2)—шкафъ для указовъ и подлинныхъ протоколовъ, 3) сдѣлать шкафы и столъ съ ящиками въ контору при соборѣ—отдѣльно для каждаго повытья, 4) заказать печать, и 5) никого, безъ зову не пускать въ соборъ; назначить для наблюденія за чистотою 1 унтеръ-офицера и 2 сторожей и 2 разсыльныхъ. Соборъ, дѣйствительно, распорядился сдѣлать все по предложенію Сумарокова, изготовить печать съ изображеніемъ герба императрицы и съ подписью по краямъ: „Печать Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Учрежденнаго Собора", и хранить ее за именною печатью Сумарокова (Арх. Троиц. Лавры, книг. проток. 1746 г. № 685, л. 63—64).

[3]) Ibidem, кн. жур. 1746 г., № 735, л. 29.

[4]) Такъ, у записи протоколовъ въ соборѣ былъ 1 канцеляристъ и 4 подъячихъ или подканцеляриста, въ приказной канцеляріи у разряднаго повытья 1—канцеляристъ и 3 подъячихъ; у постороннихъ и спорныхъ дѣлъ по приказной

Затѣмъ, канцелярскіе служители или записчики были при каждомъ лицѣ, несшемъ какое либо послушаніе со стороны Лавры, какъ то: при чашникѣ, хлѣбникѣ, при поварѣ, подкеларѣ, въ трапезѣ, у ружейнаго, въ рухлядной, въ площадной палатѣ. Всего, такимъ образомъ, было канцелярскихъ служителей въ Лаврѣ до 60 человѣкъ; старшіе изъ канцеляристовъ—назывались приказными, и такихъ по главнымъ конторамъ было 8 человѣкъ.

Кромѣ того, Троицкая Лавра имѣла еще особеннаго повѣреннаго изъ стряпчихъ въ Москвѣ и Петербургѣ; на обязанности послѣднихъ было ходить по разнымъ мѣстамъ, особенно судебнымъ, и собирать справки по разнымъ дѣламъ и отстаивать интересы Лавры во всѣхъ спорныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ ея съ помѣщиками, съ крестьянами. У стряпчаго всегда было много дѣлъ, такъ что и при немъ существовала особая канцелярія изъ 4—5 лицъ. [1])

Въ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ Лаврѣ, были особые приказчики и управители, назначавшіеся по выбору духовнаго собора, которые обязаны были оберегать интересы Лавры, собирать доходы въ лаврскую казну, а также чинить судъ и расправу крестьянамъ по разнымъ дѣламъ. Для руководства управителямъ выдавалась особая инструкція и особыя дополненія къ ней, въ которыхъ опредѣлялось содержаніе ихъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что по инструкціи управители не только должны были быть приказчиками или судьями и отстаивать интересы Лавры, но должны были оказывать и нравственно

канцеляріи—1 канцелярист, 2 подъячихъ; въ Замосковномъ и Галицкомъ повытьѣ у спорныхъ дѣлъ—1 канцелярист и 2 подканцеляриста; въ хлѣбной экспедиціи у прихода оброчнаго хлѣба—1 канцелярист и 2 подканцеляриста, и у прихода десятиннаго хлѣба—1 канцелярист и 1 подъячій; въ Замосковномъ и Галицкомъ повытьѣ у паспортныхъ дѣлъ—1 канцелярист и 1 подъячій,; у архива всякихъ дѣлъ—1 канцелярист; въ духовной канцеляріи—1 канцелярист и 2 подъячихъ; въ казенной канцеляріи у прихода оброчныхъ дѣлъ 1 канцелярист и 3 подъячихъ; въ мастерскомъ повытьѣ—1 канцелярист и 1 подъячій, столько же въ расходномъ повытьѣ, также въ посельской и въ конюшенной конторѣ; въ подушной, житенной и мельничной конторѣ по 1 канцеляристу; въ интендантской —1 канцелярист и въ счетной конторѣ—1 канцелярист и 3 подъячихъ.

[1]) Арх. Троиц. Лавры, кн. указ. 1752 г. № 774, л. 144—148. Московскій стряпчій до 1743 г. получалъ 750 и 515 р., а съ 1743 г. по 400 р. и по 15 р. на „выдачу въ почетъ къ Петрову дню барановъ“, и соборную порцію, а петербургскій по 150 р. въ годъ и 20 р. прогоновъ и съѣстные припасы. Петербургскій стряпчій меньше получалъ, такъ какъ у него было и меньше дѣлъ; онъ также

воспитательное вліяніе на подданныхъ Лавры. Такъ, правителямъ вмѣнялось въ обязанность ни въ какомъ случаѣ не наряжать крестьянъ на работы въ высокоторжественные и праздничные дни, а внушать имъ ходить въ церковь, также наблюдать, чтобы не было воровъ, разбойниковъ, чтобы никто не производилъ безчинія, особенно ночью [1])

Назначеніе приказчиковъ и управителей производилось обыкновенно только на годъ, въ виду чего всѣ управители и должны были являться въ Лавру ежегодно къ 1-му января, подъ опа-

---

правилъ текущими дѣлами въ конторѣ Арсенія (прот. 1748 года, № 751, л. 140). Въ 1748 году стрѣлочему было дано 36 руб. для раздачи въ награду за сочиненіе жалованной грамоты на вотчины (ibidem л. 141).

[1]) Вотъ, напр., одна инструкція. Правителю вмѣнялось: 1) принять дворъ по описи (л. 1), 2) въ воскресные дни и высокоторжественные на работы крестьянъ не наряжать, а ходить въ церковь (л. 2), о чемъ объявлять за 3 дня; 3) помнить указы царскіе и дѣлать сборъ по тяглу, а не съ души, взыскивать начеты, самовольныхъ сборовъ не дѣлать (л. 3) и не мѣшать крестьянамъ въ работахъ; въ рекруты отдавать прежде всего гулякъ, а потомъ уже, за недостаткомъ полнаго числа, выбирать изъ тяглыхъ и бобылей (ibidem); 4) смотрѣть, чтобы не было воровъ и разбойниковъ и впрочемъ, и выбирать для себя добрыхъ десятскихъ и сотскихъ (л. 7); 5) чинить расправу въ спорахъ вотчинныхъ крестьянъ, безъ волокиты, и обидъ не чинить, особенно отлучившимся въ Лавру съ челобитной (л. 8); 6) бѣглыхъ не принимать, а объявлять (л. 9); 7) выдавать по прошенію или по приговору мірскому паспорты (л. 10), и прописывать срокъ возврата; 8) свою землю знать и особо спорныя земли обмѣрить при священникѣ и старожилахъ (л. 10), отнюдь не заводить ссоръ и дракъ по сему случаю,—а дерущихся наказывать плетьми (л. 11); 9) гуляющихъ и праздношатающихся, пьяныхъ ловить и творить имъ внушеніе (л. 11 обор.); 10) запретить выходить вдовамъ и дѣвкамъ замужъ въ сосѣднія чужія вотчины безъ отпускного письма (при семъ должны были платить изъ дворцовыхъ, синодальныхъ и монастырскихъ селъ за человѣка по 2—4 руб., и болѣе, съ бобылей за сиротъ 1 руб., съ зажиточныхъ—по усмотрѣнію, а съ помѣщичьихъ до 10 р., но не ниже 5 р., вдовы по смерти мужей не должны были болѣе, чѣмъ на 3 дня, являться къ своимъ роднымъ безъ отпуска) (л. 12); 11) на расходы по вотчинѣ собирать со всего мірского валового по приговору; 12) не отпускать крестьянъ въ другія вотчины на жительство, иначе они должны были уплачивать и тамъ и здѣсь по 1 руб.; запретить братьямъ дѣлиться (л. 13); сиротъ бездомныхъ назначать для воспитанія (съ принужденіемъ) въ села, гдѣ родились, къ зажиточнымъ и освободить послѣднихъ до 20 лѣтъ отъ тягла; 13) беречь отъ пожара; 14) репортовать о всемъ (л. 15); во всемъ остальномъ правителю велѣно было поступать со всякою ревностію, сообразно съ тѣмъ, какъ повелѣваютъ государственныя правила. Управителю дозволялось во всѣхъ вотчинахъ косить сѣно, пахать при помощи крестьянъ 4 десятины подъ яровой хлѣбъ, 4 десят. подъ рожь (замѣтимъ, что 1 десят.=(80×40) саж., а 1 с.=3 арш.), но—сѣять свое зерно; имѣть 1 дворника 2 сторожей въ большихъ селахъ, а въ меньшихъ—по 1 человѣку.

сеніемъ штрафа [1]) за неявку. Духовный соборъ при этомъ не долженъ былъ никого принимать на службу безъ указа архіепископа [2]). Опредѣляемые въ служители Лавры обязывались „отбывать свою службу аккуратно, не чинить никакихъ убытковъ Лаврѣ своимъ нерадѣніемъ, не творить пьянства и другихъ поступковъ". Они принимали присягу, которая была обязательна для всѣхъ, начиная отъ старшихъ и кончая послѣднимъ „воловикомъ" [3]).

Архіепископъ Арсеній, желая заставить всѣхъ служащихъ и канцеляристовъ аккуратно и добросовѣстно исполнять порученныя имъ дѣла, сталъ контролировать ихъ дѣйствія и понуждать всякими другими мѣрами къ исполненію порученныхъ имъ обязанностей и сохраненію дѣлъ въ должномъ порядкѣ. Такъ, онъ велѣлъ, чтобы ему ежемѣсячно подавались вѣдомости о всѣхъ дѣлахъ, поступившихъ въ канцелярію, съ указаніемъ, какія изъ нихъ рѣшены и какія оставались нерѣшенными и по какой причинѣ; неисправныхъ—велѣлъ ближайшимъ начальникамъ понуждать къ исполнительности [4]). Опредѣленному къ архиву, напр., внушалось провѣрить весь архивъ при самомъ вступленіи въ должность, держать всѣ книги и „крѣпости" (т. е. крѣпостныя записи) въ твердомъ храненіи и, безъ присланныхъ изъ собора указовъ и безъ росписокъ,—никому ничего „изъ той архивы не давать". За всякую утрату книги или дѣла велѣно было подвергать взысканію не только утратившаго, но—въ случаѣ его смерти и его наслѣдниковъ [5]). Такое же аккуратное отношеніе къ дѣламъ—и должности требовалось и отъ другихъ.

X.

Состояніе Лавры въ матеріальномъ отношеніи заключалось главнымъ образомъ, въ крѣпостныхъ крестьянахъ, которыхъ какъ мы сказали выше, числилось у нея свыше 100 тысячъ душъ. Крестьяне, числившіеся за Лаврою, служили для нея 1) своимъ

---

[1]) Управители должны были платить по 25 р. штрафа, приказчичьи слуги 12½ руб. и подъячіе 1 р. 25 коп. (Арх. Троиц. Лавры 1747 года, книг. проток. № 720, л. 131).

[2]) Арх. Троиц. Лавры 1747 г., кн. проток. № 720, л. 415. Указъ объ этомъ состоялся 27 февраля и 1 іюня 1746 года.

[3]) Книга биб. Троиц. Лавры 1745 года № 753.

[4]) Ар. Тр. Лав., кн. жур. 1746 г., № 735, л. 27.

[5]) Ibidem, кн. проток. 1750 г., № 726, л. 697—698.

трудомъ и руками, 2) были для нея источникомъ прямыхъ налоговъ, поступавшихъ въ лаврскую казну.

Крестьяне обязаны были работать для Лавры и производить работы по наряду и опредѣленію приказчиковъ. Такъ, когда предпринималась какая либо постройка, напр. устройство колокольни, стѣнъ, исправленіе мостовъ и дорогъ, назначался нарядъ крестьянъ для этихъ работъ [1]). Оставляя свои обычныя работы, крестьяне должны были по очереди, недѣли на 2, являться въ Лавру—подносить матеріалы и т. д. Нужно было перевезти архіепископа Арсенія со свитою въ Петербургъ или отправить припасы для него,—также высылались подводы изъ лаврскихъ селъ.

Затѣмъ, лаврскіе крестьяне должны были платить разные взносы. За аренду земли они вносили отъ 7 до 25 коп. съ десятины [2]). Затѣмъ, они вносили отсыпной хлѣбъ (рожь, ячмень и др.) также съ десятины („десятичное") или по особой раскладкѣ („окладное"). Съ крестьянъ, далѣе, собиралось „дымное", „ямское", „прогонное" и за холсты, за бѣлый хлѣбъ, на жалованье и на расходы стряпчему [3]), на покупку гербовой бумаги [4]). Съ нихъ же собирался хрѣнъ на расходы Лавры (до 100 пудовъ) или же деньги на хрѣнъ (по 1 коп. съ души) [5]), на покупку малины, угольевъ [6]). Когда предпринимались постройки, производились новые сборы—на наемъ плотниковъ (по 2 коп. съ оброчнаго и по 1 коп. съ пашеннаго крестьянина) и другихъ работниковъ (съ оставшихся въ вотчинахъ—по 4 и по 2 коп.) [7]).

Это были окладные сборы. Были еще и другіе сборы, которые платили не всѣ подданные Лавры, а только нѣкоторые. Таково было „выводное",—сборъ, который взимался при выходѣ замужъ дѣвицъ лаврскихъ вотчинъ въ другія села и вотчины [8]).

---

[1]) Такъ, въ 1749 году къ каменнымъ строеніямъ Лавры были высланы по 1 человѣку съ 460 пашенныхъ и по 1 человѣку съ 230 оброчныхъ крестьянъ; остальные пашенные должны были внести по 2 коп., а оброчные по 4 коп. съ души (Кн. оклад. 1749 г. № 705, л. 1).

[2]) Библ. Троиц. Серг. Лавры, кн. доход. за озер. зем. 1751 г., № 700.

[3]) На стряпческія дѣла взималось съ 1701 г. съ крестьянъ отъ двора по 5 к., съ бобылей по 2 коп. и съ захребетниковъ по 1 коп., всего со всѣхъ вотчинъ 779 р. $83^3/_4$ коп. (кн. проток. 1748 г. № 721, л. 137—138.)

[4]) Кн. прот. 1748 г., № 721, л. 138.

[5]) Книга окладная 1751 г., № 716; кн. проток 1747 г. № 720, л. 565—566.

[6]) Кн. проток. 1747 г., № 720, л. 565—566.

[7]) Кн. проток. 1748 г., № 721, л. 45—46.

[8]) При этомъ, если дѣвица выходила въ сосѣднее лаврское село, должна была платить 1 и 2 р., если въ чужое—синодальное или монастырское—2 и 3 р., а если въ чужое помѣщичье, то до 10 р. (кн. прот. 1749 г. ч. 2, № 924, л. 534).

Въ общемъ, окладныхъ сборовъ въ казну лаврскую ежегодно поступало около 10163 руб. 20¾ коп., а неокладныхъ до 5788 рублей [1]). Но, конечно, сборы въ казну поступали далеко неаккуратно. Чуть не ежегодно бывали недоимки, такъ какъ народъ былъ крайне обремененъ этими налогами. Въ 1748 году числились недоимки еще съ 1730 г. [2]); въ 1750 году числилось недоимокъ 2322 р. 90½ коп., [3]) въ 1752 году 1971 р. 65½ к. [4]). Для выправки денегъ посылались приказчики, но разоренные крестьяне, пришедшіе „во всеконечную скудость", не въ состояніи были уплатить недоимки. Въ заключеніе производилась раскладка на всѣхъ и недоимочныхъ денегъ. Такъ, въ 1751 году 2319 р. 30 коп. были разложены на всѣхъ крестьянъ, которые должны были внести по 2¼ к. [5]). Крестьяне при этомъ должны были платить и за всѣхъ „убылыхъ" изъ своей вотчины крестьянъ,—умершихъ, бѣжавшихъ, перешедшихъ въ другія мѣста,—и, такимъ образомъ, „къ платежу недоимокъ пришли въ крайнее несостояніе".

Неудивительно, что нерѣдко крестьяне поднимали бунтъ и вовсе отказывались платить подати и разные другіе сборы [6]).

Кромѣ податей и сборовъ, Лавра получала доходы и отъ разныхъ угодій, бывшихъ въ ея владѣніи. У нея были особые

---

[1]) Такъ, въ 1749 г. до марта поступило окладныхъ 6463 р. 20¾ коп. и неокладныхъ 3555 р. 95½ к., а еще ожидалось поступленій окладныхъ до 3700 руб. и неокладныхъ до 2233 р. Сборы поступали или весною или осенью, но не лѣтомъ, такъ какъ лѣто время заработковъ и страдная пора для крестьянина (кн. проток. 1749 г, ч. 1, № 723, л. 424).

[2]) Ар. Тр. Лав., кн. проток. 1748 г., № 721, л. 29.

[3]) Ibidem, кн. прот. 1751 г., № 726, л. 365.

[4]) Ibidem, кн. прот. 1752 г., № 727, л. 47.

[5]) 3 р. 60½ к. оставались неразложенными (кн. проток. 1351 г. № 726, л. 365).

[6]) Таковъ былъ бунтъ въ с. Присѣкахъ Бѣжецкаго уѣзда. Въ этомъ селѣ Ив. Грязевъ, вотчинный управитель, сталъ собирать съ крестьянъ много лишняго, сверхъ установленныхъ государственныхъ и монастырскихъ сборовъ, и собранныя деньги сталъ употреблять въ свою пользу. Крестьяне подали жалобу архіепископу Арсенію и въ духовный соборъ и указывали, что у нихъ взято 8814 р. 55 к. и 1441 четверть хлѣба (А. С. С д. 1749 г., № 108, л. 11—12). Арсеній для изслѣдованія дѣла назначилъ слѣдователей—іеромонаховъ Леонтія и Онуфрія. Но крестьяне заподозрили самыхъ слѣдователей въ пристрастіи,—наученные, очевидно, горькими опытами, что посланные Лаврою защищали своихъ же и обвиняли ихъ—крестьянъ, и не хотѣли являться къ слѣдствію. Тогда Арсеній рѣшилъ перенести дѣло въ учрежденный соборъ и велѣлъ крестьянамъ выслать въ Лавру—своихъ повѣренныхъ. Крестьяне однако никакъ не хотѣли избрать новаго выборнаго вмѣсто того, который былъ устраненъ еще въ самомъ

соляные сады, въ которыхъ выварилось въ общемъ слишкомъ до 7000 пудовъ соли [1]).

Впрочемъ, не смотря на то, что владѣнія Лавры были обширны, велики и содержали въ себѣ много богатствъ, требовавшихъ разработки, хозяйство Лавры нельзя признать цвѣтущимъ. Крестьяне были обременены налогами, обѣднѣли и неисправно платили взносы; приказчики и управители мало радѣли объ имуществѣ и развитіи хозяйства въ Лаврѣ; кромѣ того, многое употребляли въ свою пользу; богатства, сокрытыя въ угодьяхъ Лавры, оставались неразработанными, были отданы на откупъ и едва доставляли доходъ Лаврѣ. „Недаромъ митрополитъ Платонъ замѣтилъ на одной рукописи Лавры, что хозяйство Лавры было негодное [2])“

началѣ. Тогда для усмиренія крестьянъ, по представленію и ходатайству Арсенія былъ посланъ новый повѣренный отъ правительства для объявленія всѣмъ возмутившимся крестьянамъ, чтобы они никому не вѣрили, будто „окладное“ должно давать лишь по 40 коп. съ души (А. С. С. д. 1749 г., № 108, л. 84). Дѣло это продолжалось и въ 60-хъ годахъ.—Другое подобное дѣло было въ вотчинѣ Пѣсношско-Никлаевскаго монастыря, въ с. Рогачевкѣ Здѣсь пронесся слухъ, что явились въ Москвѣ указы о томъ, что крестьяне, приписанные къ монастырямъ, подчиненнымъ Лаврѣ, будутъ освобождены отъ подчиненія Лаврѣ совсѣмъ и будутъ подчинены бригадиру лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, Гавріилу Семенову. Слухъ этотъ принесли въ Рогачевку 2 повѣренныхъ. Созванъ былъ сходъ, на которомъ рѣшено было отдѣлиться отъ Троицкой Лавры; послѣ этого былъ отрѣшенъ отъ должности земскій староста, Козьма Ивановъ, и смѣненъ монастырскій староста, Иванъ Степановъ, такъ какъ они не соглашались отдѣлиться отъ Троице-Сергіевой Лавры. Присланнаго же сюда капитана Зорина крестьяне прибили, а бывшихъ съ нимъ солдатъ окружили и также избили. Объ этомъ было доложено императрицѣ; Елизавета велѣла назначить слѣдствіе и, по окончаніи слѣдствія, немедленно представить ей докладъ о всемъ. Для слѣдствія былъ посланъ примьеръ-майоръ Сафоновъ. Послѣдній взялъ съ собою достаточный отрядъ солдатъ началъ производить допросы, прибѣгая и къ пыткамъ. Подъ стражу было заключено 27 человѣкъ, а остальные крестьяне обязаны были вносить всѣ подати и за взятыхъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько лѣтъ, крестьяне подали императрицѣ прошеніе объ освобожденіи заключенныхъ крестьянъ изъ подъ стражи и о снятіи съ нихъ обязательства платить подати за заключенныхъ; но имъ было велѣно обратиться за ходатайствомъ къ архіепископу Арсенію. Крестьяне обратились съ повинной и обѣщали быть во всемъ послушными Лаврѣ (Арх. Минист. Юст., д. по Св. Синоду 1744 г., № 504/42, л. 1—5, 9, 17 36—39—40, 413).

[1]) Въ 1745 году было въ выварѣ 49 садовъ соли для продажи и 28 садовъ для надобностей Лавры, а выварено было всего 7436 пуд. соли (Арх. Троиц. Лавры, д. № 697 о выварѣ соли за 1754 годъ, л. 9).

[2]) Эти слова относительно митрополита Платона мы встрѣтили въ рукописи Лавры записанными на поляхъ карандашомъ; полагаемъ, что эта надпись принадлежитъ автору описанія Троице-Сергіевой Лавры, знаменитому ректору Мо-

Впрочемъ, не смотря на неустройство въ хозяйствѣ, Лавра оказывала благодѣяніе бѣдному люду: почти при каждомъ подчиненномъ Лаврѣ монастырѣ и при самой Лаврѣ были богадѣльни, въ которыхъ призрѣвалось по нѣсколько бѣдныхъ лицъ. Дѣло благотворительности Лавры, впрочемъ, не было организовано опредѣленно. Скорѣе это было обязательное для всѣхъ тогдашнихъ монастырей—содержаніе разныхъ инвалидовъ, предписанное правительствомъ. Съ другой стороны, Лавра съ монастырями въ своихъ богадѣльняхъ призрѣвала тѣхъ изъ своихъ же подвластныхъ крестьянъ, которые, оставаясь безпріютными сиротами, предпочитали лучше жить на даровомъ монастырскомъ хлѣбѣ, чѣмъ отбывать разныя повинности и платить подати и недоимки. Конечно, Лавра призрѣвала такихъ приходившихъ къ ней не даромъ, а за „послушаніе“, т. е. другими словами: заставляла ихъ работать и исполнять разныя работы при самомъ же монастырѣ. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь призрѣваемые были свободны отъ платежа податей и имѣли даровой хлѣбъ, не имѣя заботъ о его приготовленіи и пріобрѣтеніи. Конечно, Лавра всегда оказывала предпочтеніе своимъ же нуждающимся прихожанамъ, „за благо вмѣняя яко своихъ неимущихъ призрѣть и милосердіе показать, нежели кого со стороны принявъ удовольствовать, оставя своихъ“ [1]). Что касается содержанія, то не только призрѣваемые въ богадѣльняхъ, но и служители Лавры и даже монахи получали не большое жалованье. Напр., монахи получали по 5 р. въ годъ, большій посельскій монахъ 15 р., и ризничій 20 р. въ годъ. При этомъ всѣмъ монахамъ вмѣнялось въ непремѣнную

ковской академіи, протоіерею Горскому, который просматривалъ лаврскій архивъ и дѣлалъ свои замѣтки на поляхъ каждой книги. Поводомъ къ такому, вполнѣ справедливому, замѣчанію м. Платона служитъ слѣдующее.

Одинъ крѣпостной монахъ, Іосифъ Постниковъ, объявилъ собору, что, по хранящимся въ Троицкомъ (крѣпостномъ) архивѣ указамъ, купчимъ, даннымъ крѣпостямъ и по грамотамъ, въ г. Балахнѣ „состоитъ соляной промыселъ, который въ то время стоялъ въ опустѣніи, токмо того соляного промыслу дворовыми мѣстами владѣютъ купцы Осонины изъ оброку“; но этотъ промыселъ, по представленію Постникова, можно было бы содержать такъ, чтобы Лавра имѣла съ него прибыль, а не ущербъ, и Постниковъ предлагалъ возобновить варницу.—Соборъ и велѣлъ Постникову отправиться въ г. Балахну съ копіями крѣпостей на соляныя варницы, осмотрѣть ихъ, опредѣлить смѣту на починку и реставрацію соляныхъ варницъ и провѣрить всѣ угодія Лавры, данныя Осонинымъ, а варницы пока опечатать (кн. проток. 1750 года, № 725, л. 624—626). „Честь и слава библіотекарю Іосифу, видно онъ былъ хозяинъ и благопопечительный старецъ“,—справедливо замѣчаетъ анонимный читатель.

[1]) Ар. Тр. Лав., кн. проток. 1746 г., № 735, л. 648—650.

обязанность имѣть приличную одежду и обувь, „какъ подобаетъ монахамъ знатной Лавры“ [1]). Остальные служащіе, коихъ числилось до 330 человѣкъ, получали въ годъ всѣ до 340 руб., старшіе по 1½—2½ руб., а младшіе по 50 коп. въ годъ жалованья. [2])

О какихъ либо улучшеніяхъ архіеп. Арсенія въ содержаніи какъ богадѣльни, такъ и служившихъ при Лаврѣ и ея монастыряхъ, неизвѣстно.

Но зато извѣстно о другихъ дѣяніяхъ Арсенія на пользу Лавры. Много видавшій на своемъ вѣку, онъ съ первыхъ же шаговъ управленія Лаврою, заявилъ себя не только способнымъ администраторомъ, но и расчетливымъ хозяиномъ. Онъ держался правила—разныя строенія въ Лаврѣ производить не подрядомъ, а „казенными же“, лаврскими мастеровыми людьми [3]), и напоминалъ объ этомъ и учрежденному собору.

Обративъ, прежде всего, вниманіе на устройство Лавры съ внѣшней стороны, Арсеній велѣлъ производить новыя строенія, починять старыя, чтобы всѣ лаврскія строенія имѣли вполнѣ приличный видъ. Къ этимъ постройкамъ вынуждало несчастіе, постигшее Лавру и произведшее въ ней большія опустошенія; разумѣемъ пожаръ 1746 года, уничтожившій много строеній лаврскихъ. Затѣмъ, вообще, Арсеній старался привести въ благообразный видъ всѣ строенія Лавры (особенно въ виду прибытія императрицы Елизаветы въ Лавру).

Прежде всего, Арсеній распорядился перестроить зданія на, такъ называемой, казначейской линіи; и зданія, дѣйствительно, были перестроены (1743—1745 г.). Здѣсь были прибавлены въ свѣту окна и двери, а для хода въ намѣстничьи покои была сдѣлана каменная башня [4]). Случившійся въ 1746 году, 17 мая, внѣ монастыря пожаръ перешелъ въ Лавру и уничтожилъ всѣ братскія келліи и церковь Рождества Предтечи со всею утварью [5]). Архіепископъ Арсеній возобновилъ лаврскимъ иждивеніемъ келліи—въ болѣе правильномъ и однообразномъ видѣ [6]). Затѣмъ,

---

[1]) Ibidem, кн. проток. 1747 г., № 720, л. 152.

[2]) Ibidem, кн. проток. 1748 г, № 721, л. 227—228, л. 153—154.

[3]) Богосл. Вѣст., 1903 г. іюнь, стр. 239. Чтобы разныя работы выполнять своими мастерами, для этого нужно было обучать мастерству. Арсеній и старался объ этомъ; онъ велѣлъ опредѣлять служительскихъ дѣтей къ мастерамъ для обученія мастерству, „дабы Лавра снабдѣна была всякими мастеровыми людьми своими изобильно“.

[4]) Истор. опис. Св. Троиц. Лавр., стр 15.

[5]) Ист. Рос. Іер. II, 73—84.

[6]) Ibidem, стр. 72.

было предпринято обновленіе живописи въ Лаврѣ. Для этой цѣли былъ приглашенъ въ Лавру живописецъ, іеромонахъ Павелъ Казановичъ, съ 2 малярами, съ обязательствомъ производить необходимыя малярныя работы, а также обучать присланныхъ къ нему для этого дѣтей [1]). Казановичъ въ 1748 году успѣлъ произвести слѣдующія работы: 1) нарисовалъ на церкви І. Предтечи отъ святыхъ вратъ на стѣнѣ икону Христа Спасителя, Божіей Матери и прочихъ святыхъ, 2) изобразилъ около окошекъ и оконъ „вверху надъ крышею и ниже крышки компердыменты и ангеловъ съ фруктами“, 3) образъ Спасителя и Предтечи на золотомъ флюгерѣ, 4) разрисовалъ стѣны на архіерейскихъ покояхъ и произвелъ разныя мелкія работы, а также образъ Господа Саваоѳа съ Св. Духомъ и Нерукотвореннымъ Спасомъ—при трапезѣ на паперти [2]).

Затѣмъ, для производства архитектурныхъ работъ, въ Лавру былъ приглашенъ архитекторъ Мичеринъ, а также Гезель. [3]) Первый осмотрѣлъ всѣ строенія Лавры и нашелъ, что, такъ называемая, Каличья башня совершенно пришла въ ветхость и угрожала паденіемъ, также 2-я отъ Каличьихъ воротъ къ пивоваренному заводу башня и 3-я хмѣлевая—въ линіи при житенномъ базарѣ—требовали немедленной починки. Нужно было разобрать Каличьи башни до 2-го этажа и строить вновь [4]). Предпринята была перестройка башенъ. Одновременно съ этимъ производилась по приказу Арсенія починка трапезной и великой церкви препод. Сергія: производилось покрытіе той и другой желѣзомъ [5]), а также предпринята была перестройка каменной колокольни. Постройка колокольни длилась нѣсколько лѣтъ (съ 1747 по 1751 г.) и требовала не мало денегъ и рабочихъ рукъ. Духовный соборъ даже представлялъ, въ 1749 году, что въ „денежной суммѣ крайняя нужда“, и предлагалъ отложить постройку колокольни на 1 годъ [6]). Но Арсеній не согласился съ этимъ и велѣлъ продолжать постройку. Кромѣ колокольни, производилась

---

[1]) Ар Тр. Лав., прот. 1747 г., № 720, л. 386.

[2]) Ibidem, кн. проток. 1748 г. № 721, л. 197—198, № 56.

[3]) Ibidem, кн. журн. 1747 г. № 767, л. 16.

[4]) Ibidem, кн. проток. 1747 г. № 720, л. 310—389

[5]) Ibidem, кн. проток. 1748 г. № 722, л. 180—181. Деньги на починку собирались изъ окладной и десятичной четверти по 1 р. 20 к. (ук. 1747 л. № 771, л. 44).

[6]) Ibidem, кн. прот. 1749 г. ч. 1, № 723, л. 70.

перестройка главъ на церкви Успенія Божіей Матери [1]). Затѣмъ, въ Лаврѣ, по распоряженію архіепископа Арсенія, были произведены и другія постройки, а именно: 1) присутственныя палаты для собора, 2) учительскія келліи и при нихъ столбы, 3) столбы за больницей подъ переходами и при томъ поварня, 4) кузница, 5) пономарскія кельи; также произведена починка снаружи и внутри башни--по линіи отъ Троицкой церкви, исправлена и выбѣлена снаружи Успенская церковь и церковь препод. Михея, исправлены каменный колодезь близъ Успенской церкви и разныя другія работы,--плотины, мосты [2]). Затѣмъ, архіепископъ Арсеній велѣлъ устроить балдахинъ надъ престоломъ въ Успенскомъ соборѣ, украсить алтарь, почистить, подмазать и убрать въ трапезной церкви, разобрать заложенныя окошки, прочистить и исправить иконостасъ въ церкви преп. Никона [3]), раскрасить царскія палаты, „отдѣлавъ штукатурными фигурами“ въ 4 покояхъ царскихъ, въ столовой и угольной близъ галлереи и изобразить на потолкѣ исторію Петра Великаго [4]), украсить царскія палаты рѣзьбой [5]). Наконецъ, въ виду того, что многіе и богомольцы изъ простого народа и знатныя лица посѣщали Лавру

---

[1]) Перестройка 4 боковыхъ главъ на Успенской церкви, по представленію собора, была предпринята на счетъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи мѣди, оставшейся отъ литья колокола. По смѣтѣ составленной охотникомъ казенной канцеляріи, было предположено уменьшить окружность новыхъ главъ противъ тогдашнихъ на 5 арш. Но по книгѣ съ планами, утвержденной императрицей Елисаветой, всѣ главы новоустроенныя должны были быть „сходственны во всемъ съ бывшими главами“. Соборъ въ виду этого рѣшилъ представить всѣ составленные планы и рисунки новыхъ главъ, изъ которыхъ (рисунковъ) одинъ былъ съ большею окружностью и величиною, чѣмъ старыя главы, а 2 другихъ рисунка были „не сходственны со старыми главами“. Арсеній велѣлъ строить главы по какому угодно—собору рисунку, но лишь соблюдать пропорціональность боковыхъ главъ съ средней. Соборъ такъ и сдѣлалъ и пригласилъ для постройки подрядчиковъ с. Покровскаго Сергѣя Ѳомина и Гавріила Васильева и обѣщалъ платить имъ, кромѣ разныхъ припасовъ, по 14 к. съ пуда (прот. 1751 г. № 756, л. 302 и 75).

[2]) Ар. Тр. Лав. кн. проток. 1749 г., ч. 1, № 723, л. 423. Для означенныхъ построекъ, а также для постройки колокольни было собрано по 2 к. съ оброчныхъ и по 1 к., съ пашенныхъ крестьянъ, а также наряжено было въ работу по 100 чел. подносчиковъ въ помощь особымъ мастерамъ (кн. прот. 1748 г. № 721, л. 45—46).

[3]) Ibidem., кн. указ. 1752 г. № 774, л. 283, кн. жур. 1751 г. № 739, л. 88.

[4]) Ibidem., кн. указ. 1746 г. № 769, л. 56.

[5]) Ibidem., кн. прот. 1748 г. № 722, л. 182.

и останавливались въ ней, Арсеній велѣлъ устроить для пріѣзжихъ гостинный дворъ [1]).

Такъ какъ указанныя сейчасъ многочисленныя постройки требовали и много денежныхъ средствъ, то, конечно, архіепископъ Арсеній долженъ былъ обратить вниманіе и на эту сторону лаврскаго благосостоянія. Архіепископъ Арсеній не придумалъ какихъ нибудь новыхъ источниковъ дохода для лаврской казны, но онъ старался упорядочить самое поступленіе доходовъ и производство расходовъ. Съ этою цѣлью онъ, прежде всего, велѣлъ присылать ему ежемѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ денегъ и хлѣба [2]). Чрезъ годъ онъ снова подтвердилъ распоряженіе о присылкѣ ему каждый мѣсяцъ выписки о расходѣ денежныхъ суммъ и зерна и хлѣба—въ отдѣльности по каждой службѣ—келарнической, рухлядной и погребной [3]). На основаніи представляемыхъ вѣдомостей, Арсеній всегда имѣлъ возможность судить о средствахъ Лавры и производить соотвѣтствующія работы и постройки. Не говоримъ о томъ, что требованіе каждый мѣсяцъ отчетности о приходѣ и расходѣ предупреждало злоупотребленіе со стороны служителей Лавры. Затѣмъ, архіепископъ Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы духовный соборъ заранѣе представлялъ ему мнѣніе о томъ, сколько и чего необходимо покупать каждый мѣсяцъ на расходы для братіи и Лавры, и безъ резолюціи не производилъ расхода [4]). Далѣе, съ цѣлью упорядочить расходованіе суммъ, Арсеній издалъ распоряженіе чтобы выдача денегъ изъ казны на расходы производилась по письменнымъ указамъ учрежденнаго духовнаго собора и чтобы никто не выдавалъ денегъ безъ письменнаго разрѣшенія собора [5]). Чтобы привести въ порядокъ расходованіе разныхъ матеріаловъ и припасовъ, пріобрѣтаемыхъ въ Лавру и выдаваемыхъ изъ нея, Арсеній велѣлъ духовному собору: 1) выдать особыя книги для лаврскихъ служителей (келаря, кузнеца, хлѣбника и др.), въ которыя вносить запись а) всѣхъ купленныхъ матеріаловъ и б) выданныхъ въ расходъ,—съ точною записью, на что

---

[1]) Объ этомъ приказъ былъ данъ еще въ 1741 году 23/XI, но въ виду множества разныхъ друг. работъ и въ 1752 г. еще не была начата постройка гостиннаго двора Арсеній въ этомъ году велѣлъ непремѣнно начать постройку. (кн. указ. 1752 г. № 774, л. 14).

[2]) Ibidem., кн. журн. 1750 г., № 738, л. 38.

[3]) Ibidem., кн. журн. 1751 г., № 739, л. 3, № 2.

[4]) Ibidem., кн. прот. 1748 г.. № 721, л. 127.

[5]) Кн. проток. 1749 г. ч. 2, № 724, л. 68. Указъ объ этомъ былъ повторенъ 2 раза: 1 февраля 1748 г. и 8 іюня 1749 г.

и сколько употреблено матеріаловъ; 2) безъ записокъ никакихъ матеріаловъ никому не выдавать; 3) на разные мелочные расходы въ мѣсяцъ выдавать до 100 руб., но расходовать ихъ непремѣнно съ разрѣшенія каждый разъ духовнаго собора [1]). Арсеній даже вовсе запретилъ производить какіе либо расходы безъ разрѣшенія по резолюціи [2]). Наконецъ, съ цѣлію контролировать дѣйствія лаврскихъ служителей—въ приходѣ и расходѣ денегъ и матеріаловъ, Арсеній велѣлъ учредить особую счетную контору и, прежде всего, поручить ей провѣрку прихода и расхода суммъ съ 1744—1751 г., такъ какъ оказались злоупотребленія въ расходованіи суммъ со стороны приказнаго Башилова и монаха Ханинына.

Счетную контору Арсеній велѣлъ поставить подъ наблюденіе собора Лавры и, приказавъ наполнить ее необходимымъ числомъ канцеляристовъ,—велѣлъ ей производить—немедленно и на основаніи данной инструкціи и законовъ—повѣрку счетовъ за каждый годъ, и представлять ему, Арсенію, обстоятельныя, перечневыя выписки и вѣдомости о приходѣ и расходѣ суммъ. Если на комъ либо окажется начетъ, велѣно было немедленно взыскать и представить о всемъ этомъ Арсенію. Соборъ постановилъ: въ учрежденную счетную контору представить изъ всѣхъ конторъ всѣ приходорасходныя книги для провѣрки и ежегодно представлять въ февралѣ всѣ книги для провѣрки, а всякіе начеты—непремѣнно взыскивать—въ возможной исправности и скорости [3]).

XI.

Не оставлено было Арсеніемъ безъ вниманія и собственно церковное благоустройство въ Лаврѣ. Такъ, Арсеній учредилъ въ Лаврѣ очередное постоянное проповѣданіе Слова Божія. Затѣмъ, онъ вызвалъ знатока пѣнія и устроилъ прекрасное пѣніе въ Лаврѣ [4]). Любимыми его напѣвами были греческіе, и духовенство обязано было въ торжественные дни служить молебенъ по

---

[1]) Впрочемъ, духовный соборъ просилъ Арсенія разрѣшить выдачу лѣсныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ съ одною лишь записью въ расходныя книги, а также безъ доклада собору производить единовременно расходъ до 10 руб., такъ какъ распоряженіе Арсенія служило поводомъ къ остановкамъ въ работахъ. (Кн. проток. 1748 г., № 731, л. 180).

[2]) Кн. проток. 1748 г., № 721, л. 127.

[3]) Кн. проток. 1751 г., № 726, л. 276—278.

[4]) Истор. Троиц. Семинар., л. 51.

греческому напѣву [1]). Объ украшеніи церквей живописью мы упоминали. Для наблюденія за богатой лаврской ризницей и содержанія ея въ исправности, Арсеній велѣлъ, „по примѣру Кіево-Печерской Лавры" избрать экклесіарха, составить ему опись дорогихъ вещей, и выдачу облаченій къ богослуженію и пріемъ ихъ производить подъ наблюденіемъ самого экклесіарха и подъ отвѣтственностью послѣдняго [2]). Заботясь о надлежащемъ благолѣпіи церковной ризницы, Арсеній вошелъ къ императрицѣ съ представленіемъ, чтобы ризы и другія церковныя вещи, пришедшія въ ветхость и сдѣлавшіяся негодными къ употребленію, замѣнять новыми. Императрица Елизавета поэтому велѣла „изъ ризницы Троицкія Лавры разныя церковныя вещи и ризы, обветшавшія или поврежденныя — по надлежащему церковному благолѣпію перестраивать", но съ тѣмъ, чтобы „ежели съ оныхъ обветшалыхъ и поврежденныхъ вещей наипаче драгихъ имѣются отъ вкладчиковъ данныя, оныя устроя на новыя, именовать тѣмъ же вкладомъ, отъ кого даны" [3]). И, дѣйствительно, послѣ сего былъ произведенъ осмотръ ризницы, и многія вещи были передѣланы наново (напр. митры). Мало этого Арсеній даже свои собственныя драгоцѣнныя вещи,—крестъ, панагію подарки императрицы,—считалъ какъ бы принадлежностью лаврской ризницы и велѣлъ передать ихъ въ нее и хранить въ ней [4]). Понятно, что за драгоцѣнными вещами, ризницей и вообще всѣмъ церковнымъ имуществомъ требовался и особый присмотръ. Кромѣ приставленныхъ къ ризницѣ и къ храмамъ служителей, должны были особенно бдительно смотрѣть за храненіемъ церковнаго собора отъ воровъ сторожа при ночныхъ обходахъ [5]).

При Арсеніи былъ, наконецъ, установленъ однообразный порядокъ въ начатіи благовѣста. Обыкновенно приходскіе священники всегда ожидали начала лаврскаго благовѣста и лишь тогда разрѣшали благовѣстить и въ своихъ церквахъ. По благовѣсту же лаврскому должны были собираться и присутствующіе въ духовный соборъ для рѣшенія дѣлъ. Но точно опредѣленнаго часа для начатія благовѣста не существовало; отсюда нерѣдко и присутствія собора были неаккуратными, а у приходскихъ

---

[1]) Арх. Троиц. Лавр., кн. указ. 1747 г. № 771, л. 1-13.

[2]) Кн. указ. 1746 г., № 769, л. 126.

[3]) Кн. проток. 1746 г., № 685, л. 213—218.

[4]) Панагія, подаренная Елизаветой Арсенію, и нынѣ хранится въ ризницѣ лаврской, а она еще въ то время оцѣнивалась въ 60,000 руб.

[5]) Кн. журн. 1746 г., № 735, л. 96—97.

священниковъ, ожидавшихъ по долгу лаврскаго звона,—случались препятствія къ исполненію требъ. Посему и было велѣно начинать благовѣсть—съ благословенія намѣстника—по русскимъ часамъ (въ 4 часа къ вечернѣ,—въ 9 къ литургіи). [1]).

Самое главное, что сдѣлалъ архіепископъ Арсеній для Троице-Сергіевой Лавры, это то, что онъ исходатайствовалъ у императрицы Елизаветы Петровны подтвержденіе жалованной грамоты на вотчины Лавры.

Именнымъ императорскимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 8 іюня 1744 года, императрица Елизавета велѣла—не въ примѣръ прочимъ монастырямъ—„той Троицкой-Сергіевой Лаврѣ на всѣ приписные монастыри и вотчины и на возвращенные изъ за Александро-Невскаго монастыря Троицкія же вотчины, для неподвижнаго впредь Троицкой-Сергіевой Лавры владѣнія, сочинить жалованную грамоту, въ подтвержденіе прежнихъ,“ [2]) и представить ее для подписи. Вслѣдъ за этимъ, 1 іюля императрица велѣла генералъ-прокурору, князю Трубецкому, „для скорѣйшаго освидѣтельствованія прежнихъ пожалованныхъ Троицкой-Сергіевой Лаврѣ жалованныхъ грамотъ, послать сенатскаго секретаря.“ Посланный секретарь, Андрей Суровцовъ, сталъ заниматься освидѣтельствованіемъ разныхъ грамотъ, хранившихся въ Лаврѣ, и снялъ необходимыя копіи. Составленіе и подписаніе императрицей новой жалованной грамоты затянулось на нѣсколько лѣтъ. Причиной этому была утрата или отсутствіе многихъ грамотъ на приписанные къ Лаврѣ дворы и дворовыя мѣста; еще необходимо было отыскать въ разныхъ мѣстахъ если не самыя грамоты, то, покрайней мѣрѣ, хоть сохранившіяся гдѣ либо копіи съ древнихъ грамотъ. По отысканіи крѣпостей снимались съ нихъ копіи, скрѣплялись надлежащимъ образомъ въ учрежденномъ соборѣ и препровождались въ Правительствующій Сенатъ для надлежащаго посвидѣтельствованія. При этомъ духовный соборъ внушалъ своему стряпчему „наиприлежнѣйшее и тщательное имѣть стараніе, дабы въ сочиняемую жалованную грамоту изъ объявленныхъ съ крѣпостей копіевъ, дворы и дворовые мѣста все, что ни есть, вписаны были безъ изъятія, и о учиненіи той жалованной грамоты до кого принадлежитъ имѣть ходатайство.“ [3]). Всего было

---

[1]) Кн. журн. 1746 г., № 735, л. 41—43.
[2]) Пол. собр. зак. т. XII, № 8960, п. 5.
[3]) Кн. проток. 1750 г., № 725, л. 97—98.

представлено въ Сенатъ для засвидѣтельствованія въ 1749 году (23 декабря) 249 копій съ разныхъ грамотъ, которыя (копіи) по надлежащей провѣркѣ и были возвращены въ Лавру въ 1751 году, въ сентябрѣ [1]). Наконецъ, въ 1752 году 11 іюня жалованная грамота была подписана императрицей. Какъ драгоцѣнное сокровище, эта грамота была написана съ особою тщательностію на 12 пергаментныхъ листахъ, съ золотомъ и разными живописными украшеніями. Сочиненіе и переписка ея обошлись Лаврѣ не дешево. На одно украшеніе грамоты золотомъ и красками было употреблено до 500 рублей, а сколько было дано въ подарокъ и „для почтенія“ приказнымъ въ Сенатѣ. [2])

Подлинная грамота была привезена въ Лавру изъ Петербурга самимъ архіепископомъ Арсеніемъ Могилянскимъ, который и объявилъ ее учрежденному собору 28 іюня 1752 года. Соборъ сдѣлалъ постановленіе: 1) отслужить съ пушечною пальбою молебенъ о здравіи императрицы Елизаветы Петровны, наслѣдника ея, великаго князя Петра Ѳеодоровича, и супруги его, великой княгини Екатерины Алексіевны; 2) снять съ пожалованной грамоты 3 копіи для разныхъ справокъ и одну изъ нихъ отправить въ государственную вотчинную коллегію—для засвидѣтельствованія, 2-ю въ вотчинную лаврскую канцелярію, а 3-ю хранить при лаврскомъ архивѣ. Самую подлинную грамоту соборъ опредѣлилъ оклеить „пристойно“, заключить въ приличный футляръ и „содержать ее, за замкомъ и печатью учрежденнаго собора, въ Троицкой Лаврѣ при ризной казнѣ, въ наивящемъ и крайнемъ по охраненію оной наблюдательствѣ“ [3]).

---

[1]) Ар. Мин. Юст., д. по Св. Синоду, № 47/809, л. 398.

[2]) За сочиненіе 2-хъ грамотъ на монастыри и на дворовыя мѣста было выдано Лаврою оберъ-секретарю Невежину 230 р., секретарю Суровцову 105 руб. и бѣлуга, 12 ф. семги, хлѣбъ, медъ и др. припасы, вотчинному канцеляристу 75 р., отборная бѣлуга, 2 ведра пива, 1 ведро меду, 6 ф. семги и отъ дворовой грамоты 30 руб.; подканцеляристъ получилъ отъ вотчинной грамоты бѣлугу отборную, 2 ведра пива, 1 ведро меду, 6 ф. семги, хлѣбъ; копіистъ за написаніе грамоты получилъ 25 руб., 3 хлѣба, 3 четверти муки ржаной, $1^1/_2$ ведра водки, 1 ведро пива медъ, рыбу—мѣрную бѣлугу и 20 ф. семги; да въ награду за написаніе грамоты было дано 9 четвертей ржаной муки, 2 четверти солоду, 1 четверть пшеницы, 4 четверика гречневой крупы, 4 ведра вина, 4 пуда бѣлуги. Кромѣ того, было дано еще 40 руб.—для почтенія приказныхъ,—какъ требовалъ стряпчій Репьевъ. (Проток. 1749 г. № 724, ч. 2, л. 513).

[3]) Кн. проток. 1752 г., № 727, л. 375. Футляръ былъ сдѣланъ изъ голубого бархата съ малиновымъ трипомъ (тамъ же, л. 391). На 1-мъ листѣ грамоты изображенъ былъ государственный гербъ, на 2-мъ портретъ императрицы. Въ заголовкахъ остальныхъ листовъ изображены были: образъ Господа Іисуса Христа,

Это—одна грамота, данная императрицей Троицкой Лаврѣ на монастыри и вотчины, принадлежавшія Лаврѣ. Но въ нее не были внесены разные дворы и дворовыя мѣста, соляныя варницы, бывшія во владѣніи Лавры. О внесеніи въ жалованную грамоту этихъ дворовыхъ мѣстъ, правда, ходатайствовалъ духовный соборъ Лавры чрезъ своихъ стряпчихъ, которые даже представили въ Сенатъ и копіи съ крѣпостей на дворовыя мѣста, принадлежавшія Лаврѣ въ разныхъ городахъ Россіи. Однако эти дворовыя мѣста такъ и остались не внесенными въ указанную выше грамоту. Спустя нѣсколько годовъ послѣ выдачи грамоты на вотчины, была выдана изъ Сената и другая, дополнительная грамота—на дворовыя мѣста. Такъ же, какъ и первая, она была дана Троицкой Лаврѣ императрицей Елизаветой—„для почтенія угодниковъ Божіихъ, святыхъ Сергія и Никона Радонежскихъ,“ но съ такимъ ограниченіемъ: „ежели отъ кого происходить будутъ какіе споры (по крѣпостямъ), то въ судебныхъ мѣстахъ поступать по Указамъ Ея Императорскаго Величества“ [1]). Годъ утвержденія этой послѣдней грамоты точно неизвѣстенъ, но несомнѣнно это случилось уже послѣ архіепископа Арсенія [2]), хотя дѣло о ней началось и раньше, при немъ.

Чтобы оцѣнить по достоинству исходатайствованіе архіепископомъ Арсеніемъ жалованной грамоты на вотчины Лавры, нужно принять во вниманіе, какое значеніе имѣла для монастырей жалованная грамота въ то время.

Разсматриваемое нами время, половина XVIII столѣтія, было временемъ частыхъ поземельныхъ споровъ монастырей, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ сосѣдними помѣщиками. Монастыри вели тяжбы изъ-за владѣнія и земельныхъ грунтовъ—въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, истрачивая на эти тяжбы много средствъ, чуть не все свое достояніе, такъ какъ нужно было содержать и стряпчихъ для ходатайствъ по судамъ, и давать взятки и посулы по разнымъ канцеляріямъ. Троицкая Лавра въ этомъ отношеніи была не изъ послѣднихъ; она также вела

Всевидящее Око, образъ Св. Духа и разныхъ святыхъ. Вокругъ листовъ на поляхъ—сдѣланы разные орнаменты по лазоревому полю изъ золота, серебра и красокъ. Листы переложены красною тафтою и прошиты шнуромъ изъ шелковыхъ нитокъ и золота, съ печатью и 2 кистями. (Истор. описаніе Св. Троиц. Лавр., М. 1890 г., ч. 2-я, стр. 458).

[1]) Истор. опис. Троиц.-Серг. Лавр. ч. 2, стр. 167.

[2]) Ibidem, стр. 166.

споры и тяжбы изъ-за земель[1]). При этихъ спорахъ правымъ оказывался тотъ, кто успѣвалъ представить подтвердительную грамоту на спорныя земли отъ царствующаго императора. Естественно послѣ этого желаніе у всѣхъ монастырей—исходатайствовать себѣ подтвердительную грамоту на всѣ свои владѣнія. Для Троицкой Лавры полученіе новой жалованной грамоты на всѣ владѣнія и вотчины было тѣмъ важнѣе, что владѣнія ея исчислялись десятками, а число ея крестьянъ превышало сотни и тысячи.

Не говоримъ уже о томъ, что въ выдачѣ новой жалованной грамоты Троицкая Лавра видѣла знакъ благоволенія императрицы къ ней, а это послѣднее также отчасти обусловливалось личнымъ расположеніемъ и благоволеніемъ императрицы Елизаветы Петровны къ священно-архимандриту Лавры, Арсенію Могилянскому. Затѣмъ, надо полагать и самое именованіе Троицко-Сергіевскаго монастыря Лаврою, оффиціально усвоенное ему императрицей, также было утверждено за Лаврою въ силу личнаго расположенія императрицы къ Арсенію и, быть можетъ, по его ходатайству, такъ какъ указъ объ именованіи Троицкаго монастыря Лаврою былъ данъ императрицей одновременно съ повелѣніемъ Арсенію быть архіепископомъ Переславскимъ, именно 8 іюня 1744 года[2]).

Далѣе, архіепископъ Арсеній постарался выхлопотать для Лавры и нѣкоторыя другія привиллегіи. Такъ, воспользовавшись прибытіемъ императрицы въ Лавру (въ 1744 г.), Арсеній обратился къ ней съ ходатайствомъ о томъ, чтобы 1) было разрѣшено пропускать въ Лавру изъ Малой Россіи вина до 3000 ведеръ безпошлинно; 2) чтобы убавочныя у монаховъ и приказчичьи половинныя деньги, которыхъ собиралось въ коллегію экономіи до 1459 руб. 49 коп., изъ Лавры не брать, а оставить на семинарію и аптеку, аптекаря съ лѣкарями и медиками, а также не посылать въ Лавру отставныхъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ; 3) оставить для обихода Лавры мельницы въ вотчинахъ с. Воры и Ратовой и не взыскивать недоимокъ съ нихъ и съ

---

[1]) Такъ, Троицкая Лавра имѣла споръ съ помѣщикомъ с. Передольскаго, Василіемъ Зыковымъ, по дѣлу о захватѣ Передольскихъ пустошей, съ помѣщикомъ примеръ-майоромъ Ушаковымъ—изъ-за спорныхъ земель с. Образцова и дер. Еремина, съ помѣщицей Чертковой изъ-за земель деревень: Бабина, Зеленаго и Мистрино (кн. проток. 1750 г., № 725, л. 154 и 1099; кн. указ. 1752 г., № 774, л. 293).

[2]) Истор. Рос. іер. Амвросія, ч. II, М. 1810, л. 174.

другихъ монастырскихъ мельницъ: 4) выслать межевщиковъ изъ вотчинной коллегіи для разграниченія спорныхъ земель Лавры и произвести обмѣнъ земель, гдѣ лаврскіе грунты находились въ срединѣ помѣщичьихъ или наоборотъ (помѣщичьи въ срединѣ лаврскихъ). Послѣднее особенно было важно для Лавры, такъ какъ именно изъ за такихъ грунтовъ и происходили споры между Лаврою и сосѣдними владѣльцами.

Императрица Елизавета благосклонно отнеслась къ ходатайству Арсенія и, для почтенія угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, Радонежскихъ чудотворцевъ, велѣла: 1) дозволить вывозъ въ Лавру изъ Малой Россіи безпошлинно 3 тысячъ ведеръ вина, или, вмѣсто того, покупать въ Великороссіи по подрядной цѣнѣ, „безъ прибыльныхъ" въ казну; 2) убавочныхъ и приказчичьихъ не брать, а давать ихъ на ангелу и семинарію, и не посылать отставныхъ офицеровъ для пропитанія въ Лаврѣ; 3) оставить въ пользу монастыря мельницы Ворову и Ратову, не взимать недоимокъ и вовсе исключить мельницы изъ оклада; 4) для прекращенія споровъ и ссоръ изъ за грунтовъ посылать межевщиковъ и производить обмѣнъ лаврскихъ полей, взимая при этомъ лишь четвертныя пошлины по прежнимъ указамъ, а съ написанныхъ за перехожія четверти денегъ брать пошлину, какъ съ продажныхъ, по гривнѣ съ рубля. Наконецъ, императрица Елизавета по ходатайству Арсенія велѣла отпустить изъ артиллерійскаго склада на перелитіе разбитаго колокола вѣсомъ въ 3,500 пудовъ 20 фунтовъ—175 пудовъ мѣди и 250 пудовъ олова, и даже согласилась уволить отъ постоевъ лаврскія подворья въ Москвѣ и Петербургѣ.

Все это было пожаловано Лаврѣ „не въ образецъ монастырямъ" [1]). За всѣ эти милости и привиллегіи, исходатайствованныя у императрицы, Троицкая Лавра должна сохранить навсегда память о священно-архимандритѣ Арсеніи Могилянскомъ.

XII.

Переходимъ къ Троицкой семинаріи и къ указанію распоряженій архіепископа Арсенія, касавшихся Троицкой семинаріи.

Мы уже сказали, что Троицкая семинарія была устроена въ 1742 году, при ректорѣ Кириллѣ Флоринскомъ, котораго чрезъ полтора года (въ 1744 г.) смѣнилъ Арсеній; не долго онъ

---

[1]) Указъ 1744 г. 8 іюня. (Брош. И. П. Б., № 287, 3, 18, шк. 126, пол. 2, стр. 53 - 58).

считался ректоромъ семинаріи; но, по возведеніи въ санъ архіепископа, онъ имѣлъ возможность еще больше, чѣмъ по обязанности ректора, вліять на семинарію въ отношеніи учебномъ, матеріальномъ и другихъ. Скажемъ о состояніи семинаріи въ томъ и другомъ отношеніи.

Ученіе въ Троицкой семинаріи началось съ 2 октября 1742 года, и на первыхъ порахъ въ ней была открыта школа фары, гдѣ обучали письму и чтенію. На первыхъ порахъ учителями были: Иванъ Лелеяцкій и Семенъ Литецкій. Въ мартѣ 1743 года была открыта слѣдующая школа инфимы, въ сентябрѣ—грамматика, а въ началѣ 1744 года синтаксима. Такимъ образомъ, ко времени вступленія Арсенія въ должность ректора, въ Троицкой семинаріи существовало 4 школы. Съ вступленіемъ Арсенія на архіерейскую каѳедру, началось послѣдовательное открытіе въ Троицкой семинаріи остальныхъ классовъ. Такъ, съ 1 сентября 1744 года открылась школа піитики, чрезъ годъ риторика. Не извѣстно, по какимъ причинамъ это случилось,—но школа философіи открылась не черезъ 2 года, какъ бы слѣдовало ожидать [1]), а черезъ 4,—именно въ 1749 году [2]).

Чрезъ 2 года послѣ этого открылась, наконецъ, послѣдняя школа богословіи. „Его преосвященство (архіепископъ Арсеній), —читаемъ въ указѣ 1751 года отъ 1 сентября,—усмотря изъ присланнаго изъ интендантской конторы о школьномъ ученіи обучающихся въ семинаріи семинаристовъ за 1750 годъ рапорта и вѣдомости и пріобщеннаго при томъ семинарскаго ректора, іеромонаха Аѳанасія письма, которымъ представлено, что съ сентября мѣсяца текущаго (1751 г.) года ученикамъ должно преподавать богословію, приказалъ: въ означенной семинаріи ученикамъ богословію, такожъ и прочія ученія съ сентября мѣсяца преподавать и учителемъ быть, а именно: семинаріи ректору іеромонаху Аѳанасію—богословіи, префекту іеромонаху Кириллу—философіи“ [3]).

Такимъ образомъ, полное открытіе семинаріи послѣдовало лишь въ 1751 году, въ предпослѣдній годъ служенія Арсенія въ

---

[1]) Школа риторики продолжалась 2 года.

[2]) Истор. Троиц. Семинаріи стр. 35—36.

[3]) Указ. инт. конт. (Арх. Троиц. сем.) 1751 г., связ. 4, д. № 160. Другіе предметы были поручены слѣдующимъ лицамъ: еврейскій языкъ—соборному іеродіакону Иннокентію, риторика—іеромонаху Игнатію, піитика—іеродіакону Авксентію, синтаксима и грамматика—Стефану Гординскому, греческій языкъ—семинаристу Сергію Попову, фара и инфима —Игнатію Калинину (жур. соб. Троиц. Лавр. 1751 г., № 739, л. 123 об)

Переславлѣ. На ряду съ общими предметами были открываемы въ Троицкой семинаріи и классы второстепенныхъ предметовъ. Такъ, еще въ 1743 году былъ открытъ классъ ариѳметики, геометріи и тригонометріи. Открытіе этого класса, по разсужденію духовнаго собора Лавры, было „весьма надобно Троицкому монастырю", такъ какъ Лавра нуждалась въ людяхъ годныхъ для приказничьей службы [1]).

Первымъ учителемъ въ этой школѣ былъ отставной поручикъ Селезневъ.

Въ 1746 году указомъ Арсенія, присланнымъ изъ конторы отъ 6 октября, было велѣно при школѣ ариѳметики ввести еще преподаваніе географіи, исторіи и архитектуры и пригласить для этого знающаго учителя, котораго обязать обучать назначенныхъ къ обученію семинаристовъ [2]). Стали искать человѣка, и лишь въ 1748 году былъ приглашенъ изъ адмиралтейской коллегіи прапорщикъ Иванъ Размысловъ. Ему было поручено преподаваніе ариѳметики, географіи, тригонометріи, географіи и сочиненіе ландкартъ. Въ науку Размыслову, кромѣ семинаристовъ, которые не могли слишкомъ много удѣлять времени на занятія математикой и географіей, велѣно было отдѣлить еще 20 человѣкъ изъ подъяческихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе неотлучно были при Размысловѣ. Изъ семинаристовъ по выбору учителей было отдѣлено для обученія у Размыслова 45 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы они учились этимъ наукамъ по часу каждый день, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Размысловъ, однако, отказывался обучать 20 человѣкъ подъяческихъ дѣтей, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли свыше 20 лѣтъ, и предлагалъ, чтобы было назначено 2 часа, а не 1 для ученія, иначе не ручался за успѣхъ. Духовный соборъ, по совѣту съ учителями, велѣлъ, однако, Размыслову заниматься по 1 часу и учить, какъ семинаристовъ, такъ и подъяческихъ дѣтей [3]), и распорядился отпустить ему для занятій всѣ необходимыя принадлежности. Тогда Размысловъ предлагалъ, чтобы ученіе продолжалось и во время вакацій. По отзыву учителей и это было отвергнуто, чтобы предоставить ученикамъ необходимый отдыхъ и возможность видѣться съ родными [4]).

---

[1]) Истор. Троиц. Семинар., стр. 50.

[2]) Арх. Троиц. Лавр., кн. журн. 1746 г., № 735, л. 792—793.

[3]) Проток. Лавр. 17 8 г.. № 721, л. 83—85.

[4]) Проток. 1748 г., № 722, л. 176, № 53.

Однако многіе изъ опредѣленныхъ въ школу ариѳметики дѣти подъяческія, стали просить увольненія отъ занятій ариѳметикой, такъ какъ за „умноженіемъ лѣтъ въ той наукѣ быть имъ не способно“ (многіе имѣли 25-26 лѣтъ [1]). Они были уволены, и на ихъ мѣста избраны другіе, въ возрастѣ 15—18 лѣтъ. У Размыслова въ 1748 году было 45 человѣкъ; а съ 1750 года училось 17 человѣкъ ежедневно [2]). Впрочемъ, Размысловъ не обучалъ всѣмъ тѣмъ предметамъ, для преподаванія которыхъ былъ онъ приглашенъ: въ 1752 году онъ показалъ, что обучалъ лишь ариѳметикѣ, геометріи и географіи, но вовсе не обучалъ сочиненію ландкартъ и исторіи, а просилъ за послѣднее прибавки соборной порціи. Соборъ Лавры, однако, нашелъ его неспособнымъ и къ преподаванію трехъ первыхъ предметовъ,—и Размысловъ былъ уволенъ [3]). Такимъ образомъ, исторія и особенно сочиненіе ландкартъ, что было по мнѣнію собора особенно важно въ виду частныхъ земельныхъ споровъ,—не были преподаваемы.

Затѣмъ въ 1746 году при семинаріи былъ открытъ классъ иконописи. Соборъ пригласилъ для преподаванія живописнаго мастера, Николая Каменскаго. Каменскій былъ приглашенъ въ Лавру въ 1744 г. „для исправленія случившагося живописнаго и рисовальнаго мастерства и для обученія этому мастерству 10-ти семинаристовъ — за 100 рублей содержанія въ годъ при квартирѣ со столомъ. Онъ не лишенъ былъ эстетическаго вкуса, хорошо владѣлъ карандашемъ и былъ вполнѣ подготовленъ къ тому, чтобы руководить классомъ рисованія. Но ни въ 1744, ни въ 1745—1746 учеб. году классъ еще не былъ открытъ; Каменскій съ февраля до мая 1744 г. былъ въ Петербургѣ. а потомъ—не спѣшилъ начинать ученіе. Лишь въ 1746 г. (послѣ пожара) арх. Арсеній потребовалъ докладо почему нѣтъ свѣдѣній о ходѣ обученія живописи. Интендантская контора, завѣдывавшая дѣлами по семинаріи, 22 сентября 1746 г. поспѣшила назначить 8 человѣкъ для обученія живописи, [4]).

Арсеній велѣлъ избрать еще 2 человѣка [5]) и потребовать отъ Каменскаго, подъ угрозой вычета изъ жалованья,

---

[1]) Ibidem, л. 79—80, № 19.
[2]) Истор. Троиц. Семинар., стр. 51.
[3]) Ар. Тр. Лав. указ. 1752 года, № 774, л. 249, № 73.
[4]) Ibidem. журн. 1746 г. № 735, л. 833, № 481.
[5]) Ibidem, л. 1025.

чтобы онъ нелѣпостно обучалъ ихъ и по третямъ доносилъ о ходѣ обученія.

Эти ученики были набраны изъ дѣтей нижнихъ служителей Лавры, такъ какъ они должны были учиться „въ пользу Троицкой Лавры:“ Лавра считала себя въ правѣ распоряжаться судьбою всѣхъ состоявшихъ при ней на службѣ и требовать отъ ихъ дѣтей служенія на пользу Лавры: дѣтей же священническихъ, дьячковскихъ соборъ уволилъ отъ обученія живописному мастерству, „понеже оніе должны были учиться въ греколатинской школѣ въ надежду священства“ [1]). Набранные 10 учениковъ и составили 1-й курсъ живописной лаврской школы. Съ чего началось и какъ велось обученіе ихъ, изъ архива Троицкой Лавры не видно. Но успѣхи обученія скоро стали обнаруживаться, такъ что не только Каменскій не подвергся вычету изъ жалованья, но даже нѣкоторымъ изъ учениковъ его, уже чрезъ годъ, было назначено вознагражденіе. [2]).

Съ 10 марта 1748 года, вмѣсто Каменскаго, живопись сталъ преподавать Павелъ Казановичъ, іеромонахъ, прибывшій изъ Кіева (онъ былъ вызванъ 28 мая 1747 г. а прибылъ 18 іюля) вмѣстѣ съ 2 учениками, Іаковомъ и Игнатіемъ Бороховичами. Эти ученики, подъ руководствомъ Казановича, кромѣ обученія семинаристовъ живописи, занимались исполненіемъ разныхъ малярныхъ и иконописныхъ работъ въ Лаврѣ послѣ пожара 1746 года. Самъ Казановичъ составлялъ рисунки, изготовлялъ проэкты смѣты и проч. [3]).

Казановичъ подтянулъ дисциплину въ рисовальной школѣ и былъ строгимъ наставникомъ руководителемъ: самъ не лѣнился, не любилъ, чтобы и другіе бездѣльничали. Въ своемъ преподаваніи онъ шелъ по пути, намѣченному предшественникомъ Направленіе, какое сообщалось иконописи въ лаврской школѣ, было западное и, хотя не вытѣсняло стариннаго византійскорускаго стиля, но успѣло, повидимому, прочно осѣсться въ раскрашенныхъ въ это время храмахъ [4]) и покояхъ лаврскихъ. Въ это время въ лаврской школѣ не только разрабатывались темы на

---

[1]) Ibidem, л. 838.

[2]) Богосл. Вѣст., 1903 г., іюнь, стр. 244—245.

[3]) Такъ, были исполнены слѣдующія работы: написана икона Спасителя, Божіей Матери и прочихъ святыхъ—на вратахъ Лавры, на церкви Св. Іоанна Предтечи, орнаменты около оконъ и т. д. (Истор. Троицкой Семинаріи, л. 52, примѣчаніе (V). Проток. 1748 г. № 722, л. 354—355).

[4]) Богосл. В. 1903 г., іюнь, стр. 254.

сюжеты западнаго искусства (напр. изображеніе ангеловъ съ фруктами, Спасителя мучимаго при столпѣ), но даже такія иконы, какъ явленіе Богоматери преп. Сергію передавали и стали писать на западный манеръ. При чемъ замѣчательно, что это направленіе встрѣчено было иноками Лавры очень благосклонно [1]).

Затѣмъ, при семинаріи существовалъ классъ нотнаго пѣнія (съ 1743 года), гдѣ происходило обученіе пѣнію; изъ этого класса выходило много искусныхъ пѣвчихъ, сопровождавшихъ архіепископа Арсенія въ Москву и Петербургъ. [2]).

Изъ языковъ главнымъ былъ латинскій, такъ какъ на этомъ языкѣ читались лекціи; кромѣ латинскаго языка, преподавался греческій и еврейскій.

Преподаваніе въ семинаріи въ это время не возвышалось надъ общимъ характеромъ преподаванія, господствовавшимъ въ духовныхъ школахъ, какъ, напр. въ Московскій академіи. Такъ, напр. богословіе іеромонаха Аѳанасія было почти копіей съ богословія Ѳеофана Прокоповича; методъ его былъ схоластическій [3])

Арсеній Могилянскій понималъ, конечно, что одного класснаго преподаванія для развитія учениковъ недостаточно, а потому старался обогатить библіотеку, какъ вспомогательное учрежденіе при семинаріи, разными книгами и сочиненіями, полезными для учителей и для учениковъ. Для этого онъ выписывалъ для семинаріи книги на разныхъ діалектахъ изъ заграницы и покупалъ въ академіи наукъ въ Петербургѣ [4]). Такъ, въ 1744 году было куплено на счетъ суммы, пожертвованной Елизаветой Петровной, 57 экземпляровъ латинской грамматики,—затѣмъ, 2 драгоцѣнныхъ изданія Chrysostom, Opera въ 13 томахъ, изд. Монфокона и Historia Byzantina variorum scriptorum Byzantinorum, въ 37 томахъ. Въ 1745 году были выписаны: Церковная исторія Евсевія, исторія Флорентійскаго Собора, сочиненія Дамаскина и много другихъ. Покупка и выписка книгъ продолжалась и въ слѣдующіе годы, до 1752 [5]) включительно,—и именно благодаря архіепископу Арсенію. Наконецъ, въ библіотеку Троицкой семинаріи были переданы изъ книго-хранилища

---

[1]) Ibidem, 255.

[2]) Истор. Троиц. Семинар., стр. 51—52.

[3]) Ibidem, стр. 52.

[4]) Ар. Тр. Лав. указ. 1752 г., № 774, л. 369, № 127.

[5]) Истор. Троиц. Сем., стр. 55.

Лавры „за куріозъ почитаемыя книги“. [1]) Библіотека семинаріи на первыхъ порахъ не имѣла опредѣленнаго помѣщенія. Архіепископъ Арсеній въ 1746 году велѣлъ для нея отвести мѣсто „впредь до устроенія новыхъ по назначенному плану семинарскихъ покоевъ“, подъ чертогами царскими, „гдѣ обучаются семинаристы“, отвести палату отъ новостроющейся колокольни въ правой сторонѣ и приготовить шкафы подъ стекломъ. Но до сентября палата еще не была приготовлена и не были сдѣланы шкафы. Посему для библіотеки были отведены писарскія палаты подъ чертогами [2]).

XIII.

Мы уже упомянули о томъ, какъ смотрѣлъ Арсеній на дѣло проповѣди и какія издавалъ онъ распоряженія относительно проповѣданія Слова Божія. Считая необходимымъ еще на школьной скамьѣ приготовлять добрыхъ проповѣдниковъ, Арсеній, конечно, долженъ былъ обратить вниманіе на улучшеніе проповѣдничества въ самой семинаріи. Потому то онъ и привлекалъ къ этому дѣлу преподавателей семинаріи и назначилъ префекта и учителя очередными проповѣдниками. Учителей же онъ привлекъ и къ преподаванію катихизиса для священно-церковнослужителей. Префектъ Аѳанасій долженъ былъ, кромѣ очередныхъ проповѣдей, еще вести еженедѣльно катихизацію въ Троицкой церкви для монашествующихъ, а также давать священникамъ и діаконамъ Троицкой десятины—катихизисъ „при нѣкоторомъ задаваемаго истолкованіи“, а потомъ экзаменовать ихъ [3]). На учителей же было возложено и испытаніе ставленниковъ въ знаніи катихизиса. Словомъ, учителя семинаріи [4]) по требованію архіепископа Арсенія, должны были быть образцомъ для своихъ учениковъ и въ ревности, и въ занятіяхъ, и должны были воспитывать изъ нихъ надлежащихъ служителей Слова Божія.

Впрочемъ, требуя отъ учителей дѣятельныхъ трудовъ, Арсеній постарался и обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Учителя Троицкой семинаріи,—по замѣчанію историка ея,—жили почти роскошно. [5]) Во всякомъ случаѣ, содержаніе ихъ было

---

[1]) Ар. Тр. Лав. указы 1747 г., № 771, л 151, № 95.
[2]) Ibidem, кн. указ. 1746 г., № 770 л. 169, № 65.
[3]) Арх. Троиц. Сем. 1747 г., связ. № 4, д. № 452.
[4]) Жур. Троиц. Сем., стр. 63; протокъ. учр. соб. 1747 г. № 72.
[5]) Истор. Троиц. Сем., стр. 18.

болѣе обезпечено, чѣмъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Учителя семинаріи получали изъ Лавры даже одежду, да, кромѣ того, значительное содержаніе. Такъ, въ 1747 году ректоръ, префектъ и учитель іеродіаконъ получали по 227 руб. 92½ коп.; интендантскій учитель Бѣлецъ—129 руб. 92½ коп.; учитель геометріи и ариѳметики 108 р. [1]). Въ общемъ на семинарскихъ учителей расходовалось слишкомъ до 1400 р. Жалованье выдавалось по третямъ года.

Не только содержаніе учителей, но и содержаніе учениковъ было предметомъ заботъ архіепископа Арсенія и обставлено было возможно лучше. Семинарія была помѣщена въ царскихъ чертогахъ, бывшихъ при Лаврѣ, въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь ученики и обѣдали, и ужинали въ тѣхъ же комнатахъ (палатахъ), гдѣ обучались. Арсеній Могилянскій нашелъ это неудобнымъ и приказалъ „для трапезованія учениковъ построить внѣ Лавры за Каличьею башнею особливые деревянные покои, состоящіе изъ 4 свѣтлицъ“, и тутъ же устроить поварню. Тѣснота помѣщенія побудила Арсенія озаботиться устройствомъ новыхъ покоевъ для семинаріи. Составленъ былъ планъ зданія, но утвержденъ не былъ [2]). Содержаніе учениковъ такъ же, какъ—учителей, было безбѣдно. Ученики получали изъ лаврской казны одежду и пищу [3]).

Архіепископъ Арсеній постоянно слѣдилъ за семинаріей, за ходомъ въ ней учебнаго дѣла, требовалъ отъ интендантской конторы ежемѣсячныхъ рапортовъ объ учителяхъ семинаріи и объ ученикахъ,—ихъ усердіи и занятіяхъ, всѣ ли обучаются „добре и постоянно и какія произошли непостоянства“ [4]). При этомъ учениковъ, оказывавшихъ успѣхи въ ученіи, онъ старался

---

[1]) Арх. Троиц. Сем. 1747 г., № 98. Въ 1750 г. жалованье было выдано такое: ректору келарю Лавры Аѳанасію 229 р. 99½ коп.; префекту Кириллу—229 р. 99½ к., учителю Чишкевичу 150 р., Чепелевскому—109 р. 99⅜ к., Размыслову 108 р.; учитель греческаго языка,—Сергѣй Поповъ и учитель инфимы,—Игнатій Калининъ (изъ семинаристовъ) получали по 50 руб. въ годъ и надлежащую порцію (Кн. прот. Лавры 1751 г., № 726, л. 349).

[2]) Истор. Троиц. Семинар., стр. 17.

[3]) Ibidem. стр. 22—23. Одежда была у семинаристовъ форменная: суконные мундиры васильковаго цвѣта съ красными лацканами. (Проток Лавры, 1749 г. ч. I № 723, л. 376).

[4]) Указ. отъ 25 февраля 1746 г. Кн. указ. 1746 г., № 769.

поощрить выдачей денежнаго пособія или обуви, или припасовъ [1]). Нѣкоторые обучались на полномъ казенномъ содержаніи, которое выдавалъ соборъ Лавры, съ цѣлью поощренія къ ученію [2]), даже дѣтямъ лаврскихъ подъячихъ.

Если кто, по усмотрѣнію семинарскаго начальства, оказывался „къ обученію нерачительнымъ и безнадежнымъ къ понятію", о такихъ архіепископъ Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы опредѣлять ихъ къ какому нибудь другому мастерству [3]), сообразно съ способностями ученика,—лишь бы дать возможность дѣтямъ чему нибудь научиться и быть полезными для Лавры и общества.

Но если архіепископъ Арсеній замѣчалъ, что кто либо изъ семинаристовъ вовсе не занимался дѣломъ, а допускалъ какіе-либо важные проступки,—съ такими онъ распоряжался рѣшительно. Такъ, узнавъ, что 3 семинариста говорили напрасно „слово и дѣло государево", Арсеній велѣлъ „на страхъ прочимъ семинаристамъ"—отдать виновныхъ въ рекрутскій наборъ [4]).

Такъ же строго Арсеній относился къ тѣмъ изъ семинаристовъ, которые хотѣли оставить семинарію до окончанія въ ней курса—для занятія прихода: онъ разъ навсегда запретилъ оставлять семинарію, подъ угрозой неполученія никакого мѣста, и подвергалъ штрафу и лишенію мѣста. Нужно сказать, что тогдашнее духовенство не только въ Переславской епархіи, но и въ другихъ епархіяхъ очень мало чувствовало потребности и мало сознавало важность образованія своихъ дѣтей; не смотря на строгіе приказы архіереевъ, духовенство не посылало своихъ дѣтей въ училище, а держало ихъ дома при себѣ. Такъ было и въ Переславской епархіи.

Не смотря на безбѣдное, сравнительно, положеніе учениковъ въ Троицкой семинаріи, не смотря на заботы Арсенія о лучшемъ преподаваніи, не смотря на обѣщанія и награды соединившіяся съ обученіемъ въ семинаріи, семинарія съ трудомъ пополнялась учениками. Однихъ не желали отпускать отцы; дру-

---

[1]) Такъ, ученику Сидору Ленькову и Ивану Мигоневскому „для искуснѣйшаго въ рисовальномъ мастерствѣ понятія", онъ велѣлъ выдавать по 4 р. въ годъ и по 3 четверти ржи и овса, а Ивану Желтухину, Ѳеодору Кириллову и Алексѣю Муратову по 3 руб. и по 3 четверти ржи и овса. (Проток. 1749 г., ч. 2, № 724, л. 506). Подобное пособіе выдано и въ 1748 г., Ibidem. № 722, л. 322.

[2]) Арх. Тр. Лав., указ. 1747, № 771, л. 43.

[3]) Ibidem. кн. прот. 1748 г., № 722, л. 322, указ. 1 апрѣля, № 104

[4]) Ibidem., кн. указ. 1749 г., № 769, л. 44.

гіе сами бѣгали изъ семинаріи, и для отысканія ихъ надо было прибѣгать къ полиціи. Противъ всего этого принимались строгія мѣры. Но укрывательство все-таки продолжалось. Тогда Арсеній предписалъ вызвать въ семинарскую контору всѣхъ дѣтей священно-церковно-служителей Троицкой десятины, равно и дѣтей „приказнаго и служилаго чина“, и пересмотрѣть ихъ (1746 г.) и представить вѣдомость о всѣхъ дѣтяхъ школьнаго возраста учившихся и не учившихся въ семинаріи [1]). Духовенство ссылаясь обыкновенно на дальность разстоянія, и Синодъ, въ виду этого, указомъ 28 іюля 1755 года предписалъ брать дѣтей не дальше 200 верстъ. Арсеній, однако, обязательно требовалъ, чтобы непремѣнно всѣ дѣти духовенства Переславской епархіи, въ возрастѣ отъ 7—15 лѣтъ, обученныя грамотѣ,—были отсылаемы для образованія въ Лавру. Съ цѣлію привлеченія дѣтей къ образованію, Арсеній старался обезпечить дѣтей бѣдныхъ родителей и дѣтей сиротъ. Тѣ и другія были, содержимы, по распоряженію архіепископа Арсенія, на счетъ Переславской консисторіи, которая для сего уполномочена была по силѣ Духовнаго Регламента (11 п. гл. о еп., брать съ монастырей $^1/_{20}$ сбора хлѣбомъ и деньгами и $^1/_{30}$ съ церковныхъ земель. Въ 1746 году уже было принято изъ Переславской епархіи въ семинарію 26 человѣкъ, а въ 1747 году еще 56. Они получали изъ Переславской консисторіи одежду, обувь и бумагу. За пищу же консисторія платила Лаврѣ деньгами, которыхъ за содержаніе 26 учениковъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ было потребовано изъ первой 223 р. 38 к. [2]). Тѣмъ пособіемъ пользовались бѣднѣйшіе изъ учениковъ. Тѣ же изъ Переславской епархіи, которые изъявили желаніе быть при Лаврѣ безвозвратно, получали пищу вмѣстѣ съ другими семинаристами на счетъ Лавры. А священно-церковно-служители, у которыхъ въ приходѣ было не менѣе 100 дворовъ

---

[1]) Истор. Троиц. Сем., стр. 27. Указ. 6 окт. 1746 г.

[2]) Консисторія, впрочемъ, не всегда, не вдругъ и не скоро высылала деньги, вслѣдствіе чего происходили непріятныя сношенія начальства семинарскаго съ консисторіей. Такъ, въ 1752 году Переславская консисторія выслала въ семинарію 500 р. въ счетъ суммы 1142 руб. 53¼ коп, израсходованной въ 1749 и 1750 г. (кн. жур. 1751 г. № 739, л. 176). Въ 1752 году консисторія отказалась содержать на свой счетъ 40 учениковъ и соглашалась выслать деньги лишь за 26 человѣкъ. Мотивированъ былъ отказъ тѣмъ, что въ семинаріи содержатъ учениковъ слишкомъ роскошно и слишкомъ дорого. Но въ 1753 г. она все таки должна была уплатить долгъ за прежніе годы (1200 р.). Тогда же была понижена плата до 8 р. за содержаніе каждаго ученика (Истор. Троиц. Семинар., стр. 31—32).

должны были содержать дѣтей на свой собственный счетъ [1]). Такими заботами о матеріальномъ обезпеченіи старался привлечь Арсеній учениковъ въ семинарію. Но заботы эти, помимо индефферентизма родителей, которые въ большинствѣ случаевъ удерживали своихъ дѣтей дома, сообщая имъ самыя ограниченныя познанія въ письмѣ и грамотѣ, встрѣчали противодѣйствіе даже въ средѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи Переславской епархіи: консисторія отказывалась вносить плату за содержаніе учениковъ.

XIV.

Такова дѣятельность Арсенія на Переславской каѳедрѣ. И епархія Переславская, и Троицкая Лавра, и Троицкая семинарія въ лицѣ Арсенія имѣли очень дѣятельнаго архипастыря, который заботился, главнымъ образомъ, о поднятіи образованія духовенства, о развитіи проповѣдническаго дѣла и благоукрашеніи церквей (какъ, напр. въ Лаврѣ), и въ тоже время не оставлялъ безъ вниманія и заботливости и матеріальнаго быта не только тружениковъ на нивѣ просвѣщенія, но даже учениковъ, лишь готовившихся къ той или иной дѣятельности.

Въ то же время Арсеній не оставлялъ своихъ проповѣдническихъ трудовъ въ Петербургѣ. Еще 25 ноября въ 1744 году императрица Елизавета пожаловала Арсенію „шапку“, которую онъ бралъ въ Москву и Петербургъ,—съ бриллiантами, яхонтами, съ образами Спасителя и Божіей Матери, Предтечи, Ангела Хранителя, праведной Елизаветы, св. Захаріи, преп. Сергія Радонежскаго, Николая Чудотворца, съ надписью Елизаветы Петровны [3]). Затѣмъ, Елизавета, въ знакъ отмѣннаго благоволенія къ Арсенію и въ вознагражденіе проповѣдническихъ трудовъ его, пожаловала ему бриллiантовую панагію въ 60000 рублей [4]). Затѣмъ, она

---

[1]) Истор. Троиц. Семинар., стр. 31—32.

[2]) См. примѣчаніе на предыдущей стр.

[3]) Арх. Троиц. Лавр., указ. 1752 г., № 774, указ. № 116, л. 339—343.

[4]) Панагія эта была бриллiантовая, осыпанная еще алмазами и рубинами. На лицевой сторонѣ было изображеніе на финифти Нерукотвореннаго образа Спасителя, а на обратной сторонѣ было вензелевое изображеніе Божіей Матери, на западной сторонѣ подвѣски былъ портретъ Елизаветы Петровны и вензелевое изображеніе имени ея (Истор. Троиц. Лавр. 57 стр., Сл. Иск. м. Ев., стр. 341).

пожаловала Арсенію Новослободскій домъ въ Москвѣ (въ 1744 г.) [1]) и Головинскій дворъ въ Петербургѣ [2]).

Неустанные труды по обязанностямъ члена Св. Синода и неусыпное рвеніе въ трудахъ проповѣдническихъ сильно ослабляли здоровье архипастыря Арсенія. Такъ, въ 1751 году императрица Елизавета велѣла чрезъ своего духовника, протоіерея Ѳеодора Дубянскаго, чтобы Арсеній „за болѣзнію" успокоилъ себя отъ занятій въ Синодѣ, по епархіи и отъ домовыхъ дѣлъ на 6 мѣсяцевъ". Послѣ этого архіепископъ Арсеній велѣлъ собору Лавры не представлять ему въ этотъ промежутокъ времени никакихъ дѣлъ и маловажныя дѣла рѣшать самому собору, а по неотложнымъ дѣламъ, требовавшихъ архіерейскаго разсмотрѣнія, обращаться съ представленіями къ епископу Сераніону [3]). Отдыхъ Арсенія продолжался съ мая до декабря, хотя и въ это время онъ не оставлялъ безъ вниманія дѣлъ епархіи и даже сдѣлалъ собору внушеніе за назначеніе помимо его, Арсенія, строителя одного монастыря. Въ концѣ 1751 года Арсеній снова принялся за дѣла, но не надолго. Весной 1752 года онъ сталъ просить императрицу уволить его на покой. Императрица Елизавета, дѣйствительно, уволила архіепископа Арсенія и архимандрита Троицкой Лавры, по его прошенію, „за болѣзнію" отъ присутствованія въ Св. Синодѣ и управленія епархіей и Лаврой, и опредѣлила ему для пожизненнаго пребыванія Новгородъ-Сѣверскій монастырь. При этомъ она велѣла Св. Синоду архимандрита Новгородъ-Сѣверскаго монастыря перевести въ какой либо другой монастырь, Арсенію же,—кромѣ монастыря назначеннаго для него,—не вмѣшиваться ни въ какія сторонніе дѣла. Кромѣ того, ему было дозволено, при отправленіи изъ Лавры въ Новгородъ Сѣверскъ, взять архіерейскую ризницу и все потребное для поѣздки (на сумму до 6000 руб.) и изъ монаховъ 4 человѣка. Арсенію были прощены императрицей казенныя монастырскія деньги, взятыя имъ на собственныя нужды въ теченіе его архіерейства (съ 1745 по 1752 г.), до трехъ тысячъ. Панагію же, подаренную Арсенію, Елизавета разрѣшила Арсенію по его желанію отдать въ Троице-Сергіевскую Лавру на вѣчныя времена [4]). Послѣ этого Св. Синодъ разрѣшилъ Арсенію взять 15 подводъ для переѣзда изъ Троицкой Лавры въ Новгородъ-

---

[1]) Ibidem, указ. 1752 г. № 774, л. 373, указ. № 129.
[2]) Ibidem. № 108, л. 323.
[3]) Арх. Троиц. Лавр., кн. жур. 1751 г., № 739, л. 81.
[4]) А. С. С. д. 1752 г., № 69, л. 1.

Сѣверскъ. Монастырь Новгородъ-Сѣверскій былъ оставленъ въ вѣдѣніи Синода до той поры, пока тамъ будетъ жить Арсеній; архимандритъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, Соспатръ Карповичъ,—который былъ подъ слѣдствіемъ въ то время,—впредь до окончанія слѣдствія долженъ былъ перейти въ Гамалѣевскій монастырь. Управленіе Переславской епархіей было поручено коадъютору Переславскаго архіепископа, Сераѳіону Можайскому, а управленіе Троицкой Лаврой—намѣстнику Лавры, Ѳеофану Чарнуцкому [1]).

6-го іюня еще архіепископъ Арсеній отдалъ распоряженіе дворецкому при Троицкомъ подворьѣ въ Петербургѣ, чтобы для остававшихся при подворьѣ людей были куплены необходимые припасы [2]), а скоро послѣ этого — отправился изъ Петербурга въ Троицкую Лавру и прибылъ въ нее 27 іюня. Пробывъ здѣсь всего 3 дня, Арсеній 1-го іюля уже отбылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, взявъ съ собою 3 іеродіаконовъ и 1 соборнаго іеромонаха, Кирилла Жуковскаго. На путевые расходы было выдано Арсенію 400 рублей на наемъ лошадей, также даны повозки, оси, колеса, роспуски и т. д. Для провожанія его было назначено 4 конюха, 3 солдата, 2 повара, 1 пирожникъ, 2 колесника, 5 воловиковъ, также назначенъ былъ 1 столяръ для годичнаго пребыванія [3]). Изъ ризничныхъ вещей Арсеній взялъ съ собою 4 саккоса, 1 митру, 2 омофора, 3 плата на посохъ и др. Изъ панагій было взято 2: одна алмазная—звѣздой на золотой цѣпи, пожалованная имератрицей Анной Іоанновной архимандриту Варлааму, и 2-я также алмазная, съ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ [4]). При отбытіи Арсеній велѣлъ не исключать этихъ панагій и митръ изъ ризничной описи, такъ какъ обязался оставить свидѣтельство, чтобы вещи эти послѣ его смерти непремѣнно были возвращены въ Лавру.

Прибылъ—Арсеній Могилянскій въ Новгородъ-Сѣверскъ, спустя 3 недѣли послѣ выѣзда изъ Лавры (около 21 іюля). 22 іюля Арсеній уже отослалъ въ Лавру взятую въ путь казенную сбрую, посуду и разныхъ людей, конюховъ и т. д., и благодарилъ Лавру за учтивость братіи и за угощеніе [5]). Соспатръ, архиман-

---

[1]) Ibidem, л. 2—3. Арх. Троиц. Лавр., указ. Св. Синода 1752 г., № 774, л. 382—383, указ. № 133.

[2]) Арх. Троиц. Лавр, проток. 1752 г., № 727, л. 417.

[3]) Ibidem, л. 401, № 122.

[4]) Ibidem, л. 71—72.

[5]) Арх. Троиц. Лавр., указ. 1752 г., № 774, л. 419, письм. № 150.

дритъ Новгородъ-Сѣверскій, еще оставался въ монастырѣ и сказалъ Арсенію въ свое оправданіе, что онъ еще не получилъ указа [1]). Онъ потомъ былъ переведенъ въ Ставропольскій Саввинъ монастырь архимандритомъ [2]). Арсеній жилъ въ монастырѣ Новгородъ-Сѣверскомъ, не занимаясь никакими дѣлами правленія Памятникомъ пребыванія Арсенія и его управленія этимъ монастыремъ осталась устроенная при немъ богатая сребропозлащенная дарохранительница [3]).

Пребываніе на покоѣ въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ для Арсенія было лишь отдыхомъ предъ другимъ, очень важнымъ дѣломъ служенія на древле православной и великой каѳедрѣ Кіевской.

---

[1]) Ibidem, л. 88.

[2]) Ibidem, л. 117.

[3]) На этой дарохранительницѣ находится такая надпись: „благословеніемъ господина нашего архіепископа Арсенія, коштомъ монастыря Новгородскаго сооружися, року 1756, марта 15, сребра фунтовъ 39 и лотовъ 32". I (Черн. Еп. Вѣд. 1861 года).

ГЛАВА II-я.

Арсеній Могилянскій—митрополитъ Кіевскій. Составъ Кіевской епархіи.

Назначеніе Арсенія Могилянскаго Кіевскимъ митрополитомъ. Походная каѳедральная контора. Переѣздъ въ Кіевъ. Первыя распоряженія митрополита Арсенія. Предѣлы Кіевской митрополіи. Число протопопій въ епархіи и измѣненія въ составѣ ихъ. Число церквей въ епархіи. Подчиненіе Кіевской каѳедрѣ Кіево-Печерскихъ и другихъ церквей и образованіе Кіево-Печерской протопопіи. Перечень монастырей, бывшихъ въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII в. Ходатайство о назначеніи викаріи. Вопросъ объ учрежденіи коадъюторства.

I.

Пять лѣтъ Арсеній Могилянскій оставался на покоѣ, успѣвъ оправиться отъ болѣзни и утомленія. Императрица Елизавета вспомнила объ Арсеніи, и въ 1757 году снова вызвала Арсенія на дѣятельное служеніе на каѳедрѣ Кіевской.

Арсеній смѣнилъ на Кіевской каѳедрѣ митрополита Тимоѳея Щербацкаго, который еще въ 1754 году былъ предназначенъ императрицей Елизаветой къ переводу на праздную Новгородскую епархію [1]). Желаніе императрицы объ этомъ перемѣщеніи Тимоѳея было объявлено Св. Синоду чрезъ синодальнаго оберъ прокурора Львова. Св. Синодъ послѣ этого, 2 октября 1754 года, представилъ императрицѣ докладъ и испрашивалъ, кого именно назначить въ Новгородскую епархію. Потомъ еще нѣсколько разъ Синодъ подносилъ Елизаветѣ докладъ о праздной Новгородской епархіи и другихъ епархіяхъ,—Московской, Псковской, Тамбовской и Астраханской [2]).

Неизвѣстно, почему Елизавета удерживала эти доклады и не давала никакой резолюціи; можетъ быть, императрица Елиза-

---

[1]) А. С. С., д. 1754 г., № 174, л. 2.

[2]) Такіе доклады были поднесены въ 1755 году въ январѣ, августѣ, октябрѣ и декабрѣ.

вета ожидала того времени, когда архіепископъ Арсеній оправится, чтобы можно было его назначить на какую нибудь знатную каѳедру. Лишь въ іюнѣ 1757 года, Елизавета сама потребовала къ себѣ докладъ о праздныхъ епархіяхъ [1]). На этотъ разъ дѣло о замѣщеніи праздныхъ епархій приближалось къ концу. Быть можетъ, этому способствовало то обстоятельство, что митрополитъ Кіевскій, Тимоѳей, незадолго предъ тѣмъ сталъ просить увольненія на покой въ Выдубицкій монастырь [2]). По представленіи доклада, Елизавета изъявила желаніе сама назначить епископовъ въ важнѣйшія епархіи: Кіевскую, Московскую и Новгородскую [3]). А 22 октября состоялся и указъ о назначеніи въ эти епархіи іерарховъ. По этому указу въ Новгородъ былъ назначенъ Димитрій, епископъ Рязанскій; Тимоѳей Щербацкій былъ переведенъ въ Московскую епархію, а на Кіевскую каѳедру былъ вызванъ Арсеній Могилянскій [4]).

Св. Синодъ, въ силу этого, велѣлъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому ѣхать въ Москву на коштѣ Кіевской епархіи, для чего было велѣно выслать изъ Москвы „достойный поѣздъ". Для принятія же Арсенія Могилянскаго, Св. Синодъ велѣлъ отправить „пристойное" число священнослужителей въ Новгородъ Сѣверскій монастырь [5]) и, по прибытіи Арсенія въ Кіевъ, объявить всенародно въ Софійскомъ соборѣ указъ о назначеніи Арсенія митрополитомъ. Это былъ своеобразный обычай въ Малороссіи: о назначеніи или избраніи высшихъ административныхъ

---

[1]) Ibidem, л. 17.

[2]) Эта просьба была подана 30 апрѣля 1757 года (ibidem, № 28). Митрополитъ Тимофей просилъ увольненія на покой въ Кіево-Выдубицкій монастырь по слабости здоровья. Но если принять во вниманіе, что, когда онъ былъ переведенъ въ Москву, то поѣхалъ въ послѣднюю и правилъ ею еще около 10 лѣтъ довольно энергично, и сопоставить этотъ фактъ съ указаннымъ выше фактомъ,—желаніемъ императрицы Елизаветы еще въ 1754 году перевести митрополита Тимоѳея изъ Кіева,—то приходится заключить, что смѣщеніе митрополита Тимоѳея съ каѳедры Кіевской—было дѣломъ давно обдуманнымъ императрицей и, безъ сомнѣнія, вызвано было какими то особенными соображеніями ея. Укажемъ на предположеніе проф. Н. И. Петрова, что поводомъ къ перемѣщенію Щербацкаго послужило столкновеніе его съ архимандритами: Братскаго монастыря, Сильвестромъ Ляскоронскимъ, бывшимъ Никольскимъ—Назаріемъ Солониной и бывшимъ Михайловскимъ—Модестомъ Стефановичемъ. („Акты"... Отд. II, т. II, стр. XXIV—XXV).

[3]) Ibidem, л. 29.

[4]) Ibidem, л. 41.

[5]) Новгородъ-Сѣверскій монастырь было велѣно отдать Ираклію, епископу Черниговскому.

лицъ, какъ-то: гетмана и митрополита, всегда объявлялось публично и всенародно. Дѣлая уступку этому обыкновенію, Елизавета, очевидно, хотѣла этимъ почтить своего любимца и выразить къ нему свое благоволеніе.

Отъ Арсенія было велѣно отобрать подписку въ томъ, чтобы онъ никого и ничего не бралъ съ собою изъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря: ни монашествующихъ, ни чего либо изъ монастырской казны [1]). Вмѣстѣ съ указомъ о назначеніи Арсенія Могилянскаго митрополитомъ, было послано въ Кіевскую консисторію распоряженіе о томъ, чтобы за богослуженіемъ возглашать имя митрополита Арсенія [2]). Назначеніе въ Кіевъ было большою радостію для Арсенія Могилянскаго, что замѣтно въ разныхъ письмахъ его, посланныхъ къ наслѣднику престола, Петру Ѳеодоровичу, синодальному оберъ-прокурору и къ другимъ лицамъ [3]). Арсеній счелъ своимъ долгомъ отправить въ Петербургъ архимандрита Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Модеста, для засвидѣтельствованія благодарности императрицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ чрезъ него указанныя сейчасъ письма.

Въ Кіевъ Арсеній, впрочемъ, выѣхалъ не сейчасъ. Онъ хотѣлъ, отправиться изъ Новгородъ-Сѣверска еще въ декабрѣ 1754 г., но наступившіе холодъ и стужа удержали его, потому что онъ едва сталъ выходить на дворъ и привыкать къ холоду, какъ опять занемогъ. Свой отъѣздъ онъ отложилъ до прекращенія стужи [4]). Но эта задержка продолжалась до наступленія весны.

Между тѣмъ, епархія Кіевская поджидала своего архипастыря. Кіевская консисторія, получивъ синодальный указъ о назначеніи новаго митрополита, озаботилась тѣмъ, чтобы устроить ему достойную встрѣчу. Въ засѣданіи консисторіи, 26 ноября 1757 года, былъ составленъ планъ и порядокъ церемоніальной встрѣчи новаго митрополита, и при этомъ было предположено устроить 4 встрѣчи. Первая встрѣча должна была произойти на послѣдней предъ Кіевомъ станціи; въ этой встрѣчѣ должны были принять участіе протопопы и священники ближайшихъ церквей. Вторая встрѣча назначена была при р. Днѣпрѣ, гдѣ должны были собраться архимандритъ Манассія съ братіею—отъ Братскаго монастыря, игумены съ братіею—отъ Кіево-Греческаго Екатерининскаго и Кіево-Петропавловскаго монастыря, Кіево-

---

[1]) А. С. С., д. 1754 г., № 174, л. 42.

[2]) А. К. К., указ. 1757 г., № 3470.

[3]) См. приложенія.

[4]) См. въ приложеніи, письмо къ царскому духовнику.

Подольскій протопопъ съ 3 священниками крестовымъ намѣстникомъ и крестовыми іереями. Третья встрѣча назначена была при въѣздѣ въ верхній Кіевъ, гдѣ надлежало собраться архимандритамъ и игуменамъ остальныхъ кіевскихъ монастырей съ братіею Златоверхо-Михайловскаго монастыря,—Верхне-Кіевскому протопопу съ священниками, крестовому священнику и студентамъ—„по ихъ порядку". Здѣсь же долженъ былъ быть приготовленъ весь архіерейскій уборъ и „прочее къ церемоніи приличное". Наконецъ, четвертую встрѣчу долженъ былъ сдѣлать каѳедральный намѣстникъ, Лука, съ братіею у святыхъ воротъ. При этомъ было назначено при всѣхъ встрѣчахъ произнести краткія привѣтственныя слова [1]).

Тѣмъ же указомъ консисторіи опредѣлено было выслать необходимое число лошадей и повозокъ для переѣзда новаго митрополита. Тогда же, 26 ноября, былъ приведенъ въ исполненіе указъ синодальный о возглашеніи имени митрополита Арсенія на всѣхъ церковныхъ службахъ: изъ консисторіи былъ разосланъ указъ по всѣмъ церквамъ епархіи.

До прибытія митрополита Арсенія непосредственное управленіе епархіей Кіевской сосредоточивалось въ Кіевской консисторіи, которая принимала разные указы, доношенія и дѣлала разныя распоряженія,

При митрополитѣ же Арсеніи въ маргѣ учреждена была временная „походная каѳедральная контора", въ составъ которой входили—каѳедральный духовникъ, іеромонахъ Петръ, и архидіаконъ Мелхиседехъ. Эта контора была какъ бы канцеляріей митрополита Арсенія. Въ нее присылались изъ Кіевской консисторіи синодальные указы, а также разныя необходимыя дѣла по епархіальному управленію, не терпѣвшія отлагательства и замедленія; контора принимала всѣ эти бумаги, записывала ихъ въ книгу и представляла митрополиту Арсенію для разсмотрѣнія, а потомъ, сдѣлавъ надлежащія помѣтки, вмѣстѣ съ резолюціей митроличьей, отсылала обратно въ консисторію для соотвѣтствующихъ распоряженій. 16 декабря 1757 года былъ присланъ въ консисторію приказъ выслать въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь квитовыя деньги за сентябрьскую треть [2]). Затѣмъ, митрополитъ Арсеній позаботился привести въ порядокъ и свой гарде-

---

[1]) А. К. К., указ кн. 1767 г., л. 386.
[2]) Реестр. кн. 1757—58 гг., № 1 и 2.

робъ; была сдѣлана закупка бархату, крепу и др. матеріаловъ [1]). 15 января 1758 года ветѣю ризничему, иеродіакону Никону, доставить ризницу въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, и опять поручено было протопону глуховскому закупить разныхъ вещей для нужъ митрополита [2]). Затѣмъ, намѣстнику каѳедральному, Лукѣ, былъ посланъ изъ Новгородъ-Сѣверска трикирій съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ такой же и дикирій съ изображеніемъ Софіи (Премудрости Божіей) по срединѣ [3]). Арсеній велѣлъ выписать и новый правильникъ [4]). Консисторія, однако, до 1/2 января вовсе не представляла митрополиту Арсенію дѣлъ на утвержденіе, исключая весьма немногихъ, а ставленниковъ и вовсе не высылала. Митрополитъ Арсеній выразилъ по этому поводу крайнее удивленіе своей свитѣ. Написали изъ походной конторы въ консисторію, и послѣднія донесла, что ставленническія дѣла изготовлены, а многіе изъ ставленниковъ уже посвящены митрополитомъ Тимоѳеемъ (который оставался въ Кіевѣ); лишь не выданы имъ грамоты. При этомъ консисторія спѣшила послать дѣла, вступившія на личное усмотрѣніе митрополита, и нѣкоторые другіе пакеты, а также представляла ставленниковъ [5]). Ставленниковъ митрополитъ Арсеній посвятилъ. Послѣ посвященія они отправлялись для наученія богослуженію въ Гамалѣевскій монастырь, гдѣ жили два монаха, Виторъ и Израиль, и іеромонахъ Варлаамъ—изъ свиты митрополита Арсенія [6]). Потомъ они возвращались въ Новгородъ-Сѣверскъ за ставленнической грамотой [7]). Иногда, впрочемъ, для прохожденія чреды служенія ставленники были отсылаемы и въ какую нибудь приходскую церковь или къ крестовому намѣстнику [8]). Грамоты ставленникамъ выдавались рукописныя [9]). Кромѣ ставленниковъ, въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, къ митрополиту Арсенію должны были являться и вдовые священники для полученія или утвержденія эпитрахильныхъ грамотъ, о чемъ былъ разосланъ указъ въ мартѣ 1758 года [10]).

---

[1]) Ibidem, № 3.
[2]) Ibidem, № 4.
[3]) Ibidem, № 25.
[4]) Ibidem, № 31.
[5]) А. К. К. 1758 г., ук. 20 января.
[6]) Реестр. исх. бум. 1757—58 г. № 8 и 10.
[7]) Ibidem, № 40.
[8]) Ibidem, № 48 и 69.
[9]) Ibidem, № 20 и 21.
[10]) Ibidem, № 26 и 27.

Съ наступленіемъ весны 1758 года, начались приготовленія и сборы митрополита.

Въ маѣ митрополитъ Арсеній поручилъ Новгородъ-Сѣверскій монастырь намѣстнику, іеромонаху Ѳеодосію, съ братіею [1]) и взявъ съ собою іеромонаха Кирилла, который вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь изъ ТроицкойЛавры еще въ 1752 году [2]), двинулся въ Кіевъ. Путь для переѣзда въ Кіевъ митрополитомъ Арсеніемъ былъ избранъ еще за нѣсколько времени предъ выѣздомъ и направлялся по мѣстамъ Кіевской епархіи. Ко времени своего отъѣзда митрополитъ Арсеній, между прочимъ, получилъ было отъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры приглашеніе ѣхать чрезъ Черниговъ, а оттуда чрезъ вотчины лаврскія, гдѣ все могло быть готово къ услугамъ и къ пользованію митрополита Арсенія. Однако, митрополитъ Арсеній предпочелъ еще ранѣе избранный имъ путь—по Кіевской епархіи, чтобы „не возмнѣлся, какъ епархіи Кіевской аки обходя оную и аки бы неусерднымъ до ней“ [3]).—Такъ осторожно относился митрополитъ Арсеній къ своему поведенію въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ: онъ остерегался, какъ бы не подать какого либо повода къ слухамъ о нетвердости въ словахъ.

1-го мая митрополитъ Арсеній писалъ къ Черниговскому епископу, что онъ намѣренъ двинуться въ Кіевъ и взять Кирилла [4]). Какого именно числа выѣхалъ митрополитъ Арсеній изъ Новгородъ-Сѣверска и чрезъ какія именно мѣста проѣзжалъ онъ, неизвѣстно; лишь предъ отъѣздомъ митрополитъ Арсеній писалъ къ игумену Батуринскому, что онъ въ Батуринскомъ монастырѣ проѣздомъ—посвятитъ ставленниковъ [5]). Затѣмъ, изъ дѣлъ консисторіи видно, что съ половины мая 1758 года онъ пребывалъ въ Максаковскомъ монастырѣ. Изъ этого монастыря духовникъ Іакинѳъ и каѳедральный писарь Петръ 20 мая доносили въ духовную консисторію о полученныхъ указахъ изъ Синода и высылали ихъ въ консисторію вмѣстѣ съ другими дѣлами, уже разсмотрѣнными митрополитомъ [6]). Слѣдованіе въ Кіевъ, очевидно, сопровождалось остановками въ Батуринскомъ и Максаковскомъ монастыряхъ—болѣе или менѣе продолжительными. Съ митропо-

---

[1]) Арх. К. К. 1758 года, репор. № 59.
[2]) См. прилож. письмо къ епископу Черниговскому. Кириллу.
[3]) См. прилож. письм. къ архимандриту Кіево-Печерскія Лавры.
[4]) А. К. К. 1758 г, № 59.
[5]) Реестр. кн. 1757—58 г., № 53 и 63.
[6]) Указ. кн. 1758 г., № 33, л. 131.

литомъ слѣдовала и походная контора. Первая встрѣча м. Арсенію была устроена не на послѣдней предъ Кіевомъ станціи,— такъ какъ назначенная здѣсь встрѣча была признана „самократчайшей",—а въ Нѣжинѣ: здѣсь встрѣчалъ митрополита игуменъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, Антоній [1]).

Въ Кіевъ прибылъ митрополитъ Арсеній лишь 9 іюня 1758 года [2]). Здѣсь, конечно, онъ былъ встрѣченъ съ подобающими церемоніями, былъ привѣтствованъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ стольный градъ князя Владиміра и самъ всѣхъ привѣтствовалъ съ ласковостію и вниманіемъ [3]). Впрочемъ торжественный, въѣздъ совершился не сразу: м. Арсеній по пріѣздѣ остановился на Лыбеди Печерской и отдыхалъ тамъ нѣсколько дней, не принимая никого изъ посѣтителей и просителей (послѣднее было запрещено распоряженіемъ митрополита, полученнымъ 3 іюня). Самый въѣздъ совершился съ Печерска въ Золотыя Ворота [4]). Изъ этого можно заключить, что далеко не вся программа встрѣчи могла быть выполнена, какъ, напр., о встрѣчѣ на Подолѣ.

Первымъ дѣломъ митрополита Арсенія, по прибытіи въ Кіевъ, было ознакомленіе со всѣми подчиненными ему учрежденіями, какъ то: консисторіей, каѳедральнымъ монастыремъ и академіей. Отъ консисторіи были потребованы свѣдѣнія о томъ, сколько въ ней засѣдающихъ членовъ, и кто именно, съ какого времени и кѣмъ опредѣлены, а также сколько повытьевъ въ вѣдѣніи каѳедральной конторы, какіе и съ какого времени засѣдали тамъ люди; какія, затѣмъ, отправлялись въ консисторіи и конторѣ дѣла, кѣмъ разсматривались и исправляемы были ставленническія и другія дѣла, непосредственно имѣвшія отношеніе къ митрополиту. Изъ послѣднихъ словъ можно, пожалуй, выводить заключеніе, что, до пріѣзда митрополита Арсенія въ Кіевъ, никакія дѣла и бумаги не поступали на его разсмотрѣніе. Однако, такое предположеніе не будетъ основательно; иначе непонятно было бы, зачѣмъ же при митрополитѣ была походная

---

[1]) Арх. К. К., ук. 13 мая 1758 г., № 415.

[2]) Въ книгѣ протокольной за 1758 г., № 44, послѣ 78 номера (по порядку) находится такая приписка: „по сіе мѣсто вышеписанные дѣла отпусканы до пріѣзду въ катедру, съ пріѣзду же Его Преосвященства въ катедру того же іюня 9 числа, каковы дѣла въ отпускѣ отправляемы были, слѣдуетъ ниже сего". Эти слова подтверждаютъ такимъ образомъ слова митрополита Евгенія: (см. „Оп. К. С. Соб"., стр. 228).

[3]) Кіевъ, Аскоч. II, стр. 220.

[4]) А. К. Кон. ук. 1758 г., № 524.

контора и что она дѣлала, такъ какъ прямое назначеніе ея состояло именно въ томъ, чтобы вести переписку по всѣмъ неотложнымъ дѣламъ епархіальнаго управленія, требовавшимъ митрополичьяго разсмотрѣнія. Но со стороны митрополита Арсенія было, конечно, вполнѣ естественнымъ, при вступленіи на каѳедру справиться, какія дѣла оставались еще не разсмотрѣнными. Правда, какъ мы сказали выше, консисторія вызвала удивленіе самого митрополита Арсенія тѣмъ, что не высылала ни бумагъ, ни ставленниковъ; но это была лишь временная задержка: и ставленники и дѣла посылались къ митрополиту Арсенію даже въ то время, когда онъ уже путешествовалъ въ Кіевъ.

Докладъ на требованія митрополита Арсенія былъ, дѣйствительно, представленъ консисторіей въ концѣ августа. По разсмотрѣніи доклада, резолюціей отъ 2 сентября 1758 года, митрополитъ Арсеній повелѣлъ каѳедральному писарю, іеромонаху Петру и архимандриту Мелхиседеку быть у дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному и собственному разсмотрѣнію его, митрополита, а также велѣлъ имъ по прежнему завѣдывать сборами въ каѳедральную казну и вообще содержаніемъ каѳедральнаго дома [1].

Въ то же время былъ, конечно, представленъ и докладъ относительно всѣхъ повытьевъ, церквей и приходовъ Кіевской митрополіи, вообще о составѣ епархіи и области, которая ввѣрена была управленію новаго митрополита.

II.

О предѣлахъ Кіевской митрополіи въ разсматриваемое нами время можно судить по числу протопопій, входившихъ въ составъ ея. Свѣдѣнія же о числѣ этихъ протопопій находятся въ вѣдомостяхъ о числѣ церквей, о сборахъ въ каѳедру и т. д. Правда, всѣхъ этихъ вѣдомостей, за періодъ времени правленія митрополіей Арсеніемъ Могилянскимъ не сохранилось, но и оставшихся достаточно для болѣе или менѣе точнаго указанія границъ Кіевской епархіи.

Прежде всего, мы имѣемъ въ виду вѣдомость о числѣ церквей за 1757 годъ. Хотя той вѣдомости, которая была представлена митрополиту Арсенію по прибытіи въ Кіевъ, и не сохранилась, однако, указанная сейчасъ нами вѣдомость не менѣе цѣнна, такъ какъ она была представлена въ Св. Синодъ—имен-

[1] А. К. К. 1758 г., д. № 97.

но въ годъ назначенія Арсенія Кіевскимъ митрополитомъ. По этой послѣдней къ Кіевской митрополіи принадлежали слѣдующія протопопіи: [1]) 1) Верхне-Кіевская, 2) Нижне-Кіевская, 3) Трипольская, 4) Козелецкая, 5) Кролевецкая, 6) Воронежская, [2]) 7) Глуховская, 8) Прилуцкая, 9) Ичанская, 10) Лубенская, 11) Пирятинская, 12) Лохвицкая, 13) Роменская, 14) Миргородская, 15) Сорочинская, 16) Гадячская, 17) Опошнянская. 18) Полтавская, 19) Кобеляцкая, 20) Нѣжинская, 21) Борзенская, 22) Конотопская [3]). Отсюда видно, что Кіевская епархія въ 1757 году занимала большую часть нынѣшней Полтавской [4]) и Черниговской [5]) епархіи и была расположена преимущественно по лѣвую сторону Днѣпра; по правой же сторонѣ Днѣпра Кіевскому митрополиту подчинены были протопопіи—Нижне-Кіевская, Верхне-Кіевская и Трипольская, занимавшія территорію нынѣшняго Кіевскаго уѣзда.

Всѣ остальныя церкви и монастыри по правую сторону Днѣпра, отъ рѣки Стугны, входящія въ составъ нынѣшнихъ 10 уѣздовъ Кіевской епархіи, вмѣстѣ съ другими церквами Подольской Украины, за исключеніемъ монастырей: Лебединскаго,

---

[1]) Эти протопопіи въ вѣдомости называются „уѣздами“, которыхъ однако нельзя приравнивать къ нынѣшнимъ уѣздамъ, такъ какъ послѣдніе больше первыхъ.

[2]) Послѣдней нѣтъ въ вѣдомости 1746 г. (Указн. кн. 1746—1747 гг. № 59); въ той же вѣдомости нѣтъ протопопій Батуринской и Опошнянской; зато упоминаются Конотопская и Зѣньковская.

[3]) Указ. кн. 1757 г., л. 446—452. Такое же число (и тѣхъ же самыхъ) протопопій было и въ 175б г. (Оп. К. С Соб, стр 248).

[4]) Въ составъ нынѣшней Полтавской епархіи изъ бывшихъ въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита вхсдятъ протопопіи или уѣзды: Прилуцкій, Полтавскій, Лубенскій, Пирятинскій, Лохвицкій, Роменскій, Миргородскій, Гадячскій, Сорочинскій, Опошнянскій и Кобеляцкій.

[5]) Въ Черниговской епархіи теперь состоятъ бывшіе въ Кіевской митрополіи уѣзды: Борзенскій, Конотопскій, Нѣжинскій, Козелецкій, Кролевецкій, Воронежскій, Глуховскій и Ичанскій.

Указанныя выше протопопіи сводились въ 4 повытьяхъ такъ: Кіево-Подольская, Верхне-Кіевская и Трипольская входили въ Кіевское повытье; сюда же причислялись всѣ Кіевскіе монастыри—городскіе и подгородные; Козелецкая протопопія, Нѣжинская, Борзенская, Воронежская, Конотопская, Кролевецкая и Глуховская съ монастырями Нѣжинскимъ, Глуховскимъ, Гамалѣевскимъ, Максаковскимъ, Козелецкимъ и Батуринскимъ составляли Нѣжинское повытье; протопопіи Пирятинская, Лубенская, Лохвицкая, Роменская, Прилуцкая и Ичанская съ монастырями Лубенскимъ и Густынскимъ составляли Лубенское повытье; Полтавская, Миргородская, Сорочинская, Кобеляцкая, Гадячская протопопія съ монастырями Полтавскимъ, Нехворощанскимъ, Сорочинскимъ, Гадяцкимъ и Скельскимъ составляли Полтавское повытье.

Медвѣдовскаго, Жаботинскаго и Чигиринскаго, были подчинены особому, независимому отъ Кіевскаго митрополита, епископу и входили въ составъ особой епархіи, Переяславской [1]).

То же самое число протопопій было и въ 1759—1760 г. [2]) Съ 1761 года мы встрѣчаемъ новую протопопію—Старокодацкую. Но эта протопопія предъ тѣмъ въ качествѣ намѣстніи входила въ составъ Полтавской протопопіи, а въ 1761 году она была выдѣлена изъ нея и подчинена непосредственному вѣдѣнію митрополичьей конторы [3]). Старокодацкая намѣстнія обнимала церкви въ области Запорожской Сѣчи; ея выдѣленіе въ независимый отъ Полтавской протопопіи округъ и переименованіе въ протопопію произошло, вѣроятно, вслѣдствіе своеобразнаго положенія церквей и духовенства въ земляхъ казаковъ и, должно быть, по ходатайству атамана казаковъ, Калынишевскаго, съ которымъ митрополитъ Арсеній былъ въ переписке и дружескихъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, отъ прибавленія къ общему числу протопопій—Старокодацкой протопопіи территорія митрополичьей епархіи не увеличивалась. Въ послѣдующее время также происходило увеличеніе общаго числа протопопій, но отъ этого не измѣнялась территорія Кіевской епархіи, такъ какъ новыя протопопіи образовались чрезъ переименованіе многихъ намѣстниковъ священниковъ въ протопопы и чрезъ изъятіе первыхъ изъ-подъ вѣдѣнія протопоповъ. Возведеніе же намѣстниковъ въ протопопы совершалось въ награду за какія либо заслуги. Иногда даже простые священники (не бывшіе намѣстниками) возводились въ протопопы. Обыкновенно священники, возведенные въ протопопы въ награду за заслугу, имѣли въ своемъ вѣдѣніи не болѣе одной церкви; наградой для нихъ служилъ 1) самый титулъ, 2) освобожденіе отъ подчиненія протопопскому правленію; вмѣсто этого они были подчинены непосредственному вѣдѣнію каѳедральной конторы и митрополита. Такъ, напр., въ 1763 году священникъ Пѣсковскій (въ Лубенскомъ повѣтѣ) былъ возведенъ въ протопопы и получилъ право быть въ непосредственномъ подчиненіи митрополиту [4]). Такіе протопопы носили названіе крестовыхъ протопоповъ. Въ такомъ

---

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1861 г., ч. неоф., стр. 11—12.

[2]) Указ. кн. 1759—1760 г., № 17.

[3]) А. К. К. 1765 г. № 48.

[4]) Впрочемъ, въ 1764 году этотъ протопопъ самъ просилъ митрополита Арсенія, чтобы ему было позволено отсылать всѣ деньги чрезъ протопопа, такъ какъ онъ имѣлъ лишь 1 приходъ и терпѣлъ неудобство въ пересылкѣ денегъ.

же положеніи были и крестовые намѣстники. Понятно, отъ количества *такихъ* протопопій и намѣстній не зависѣло измѣненіе территоріи епархіи.

Не измѣняя территоріи епархіи и образованіе новыхъ протопопій съ нѣсколькими или многими церквами въ ихъ округахъ, если только такія протопопіи являлись *вмѣсто* намѣстній, которыя, хотя и имѣли по нѣсколько церквей и приходовъ въ своемъ округѣ, но были въ общемъ подчиненіи ближайшему протопопскому правленію. Въ разсматриваемое нами время было нѣсколько случаевъ образованія протопопій изъ намѣстній, какъ равно происходило и перенесеніе административнаго центра (т. е. духовнаго правленія) изъ одного мѣстечка въ другое, отъ чего происходило и самое переименованіе протопопій. Такъ, въ 1763 году намѣстникъ Рѣшетиловскій былъ сдѣланъ протопопомъ, и намѣстнія Рѣшетиловская стала протопопіей. Впрочемъ, въ составъ этой протопопіи была отдѣлена изъ Миргородской протопопіи еще Остановская намѣстнія [1]). Ближайшимъ поводомъ къ выдѣленію Рѣшетиловской [2]) протопопіи изъ Полтавской послужило, между прочимъ, раздѣленіе окружнаго духовенства при избраніи протопопа на 2 партіи: одна избрала Полтавскаго намѣстника, Іоанна Яновскаго, а другая священника Злотаревскаго, намѣстника Рѣшетиловскаго. Митрополитъ Арсеній и нашелъ наиболѣе удобнымъ раздѣлить Полтавскую протопопію на 2 и выдѣлить Рѣшетиловскую намѣстнію въ отдѣльную протопопію [3]). Потомъ (въ 1770 году), Рѣшетиловская протопопія снова была соединена съ Полтавскою протопопіей.

Затѣмъ, въ числѣ новыхъ протопопій, образовавшихся на мѣстѣ прежнихъ протопопій, но съ перенесеніемъ административнаго центра въ другое мѣсто, можно указать для примѣра на Зѣньковскую протопопію. Послѣднюю въ разсматриваемое на-

---

Митрополитъ Арсеній согласился на просьбу Пѣсковскаго, но велѣлъ подтвердить ему, чтобы онъ заблаговременно отсылалъ всѣ деньги къ Лохвицкому протопопу, чтобы послѣдній безъ задержки могъ отсылать взносы въ каеедру (А. К. К. 1764 года, № 315).

[1]) А. К. К. 1764 г., № 12.

[2]) Проф. о. Ѳ. И. Титовъ говоритъ, что упоминаніе о Рѣшетиловской протопопіи встрѣтилось ему лишь въ вѣдомости 1770 года. Изъ приведенныхъ сейчасъ данныхъ ясно, что протопопія эта учреждена гораздо раньше 70-хъ годовъ, при этомъ учрежденіе этой протопопіи не сопровождалось разширеніемъ территоріи Кіевской епархіи. (Стр. „Русск. Прав. Церк."... Прот. Ѳ. И. Титова, т. II, стр. 61).

[3]) А. К. К. 1763 года, № 130.

ми время мы впервые встрѣчаемъ въ дѣлахъ съ 1767 года [1]), но одновременно съ тѣмъ не встрѣчается упоминаемой въ предыдущіе годы протопопіи Опошнянской. Полагаемъ, въ данномъ случаѣ именно было перенесеніе административнаго центра изъ г. Опошни въ м. Зѣньковъ. По крайней мѣрѣ, въ вѣдомости 1768 года [2]) духовное правленіе Зѣньковской и Опошнянской протопопіи упоминается одно [3]).

Такимъ образомъ, въ теченіе 12—13 лѣтъ правленія митрополита Арсенія въ Кіевской епархіи происходило: 1) перенесеніе административныхъ центровъ изъ одного мѣста въ другое, 2) образованіе новыхъ протопопій чрезъ выдѣленіе намѣстній въ самостоятельныя протопопіи; но все это не сопровождалось измѣненіемъ территоріи Кіевской епархіи. Отсутствіе или неупоминаніе нѣкоторыхъ протопопій въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документахъ за разсматриваемое нами время еще ничего не доказываетъ; равно какъ упоминаніе нѣкоторыхъ новыхъ протопопій еще ничего не говоритъ объ измѣненіи предѣловъ Кіевской епархіи. Такъ, напр., въ рукописи Кіевской Лавры упоминается „Тыковская протопопія“. Но это была протопопія крестоваго намѣстника Пѣсковскаго, о которомъ мы упоминали выше, и состояла она изъ 1-й церкви. Въ той же рукописи, какъ равно и въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“ (т. 43) подъ кіевскими пунктами нѣтъ подписей протопоповъ нѣкоторыхъ протопопій, которыя мы перечисляли выше, какъ входившія въ составъ Кіевской епархіи. Однако это еще не значитъ, что самыхъ протопопій въ то время не было. Какъ извѣстно, далеко не всегда можно встрѣтить и теперь подписи всѣхъ бывшихъ въ засѣданіи членовъ какой нибудь комиссіи; но это еще не говоритъ о томъ, что пропущенные среди подписавшихся члены вовсе не были въ комиссіи. При томъ, отсутствіе подписей подъ кіевскими пунктами произошло по той причинѣ, что нѣкоторые изъ протопоповъ, подписавшихся подъ кіевскими пунктами, явились представителями не только отъ своихъ, но и отъ сосѣднихъ протопопій и намѣстній. Такъ, намѣстники: Веприцкій—Максимъ Андреевъ, Гадячскій—Василій Яковлевъ и другіе священники, а также священники Зѣньковской, Лохвицкой и Рѣ-

---

[1]) Эта протопопія встрѣчается впервые гораздо раньше; въ 1723 г. она упоминается въ универсалахъ; затѣмъ, она упоминается въ вѣдомостяхъ 1746 г. (Проф. Ѳ. И. Титовъ „Русск Прав. Церк.“... Т. II, 58 и 59).

[2]) Оп. К. С. Соб., прилож. № 44,, стр. 249—253

[2]) Ibidem., стр. 252.

шетиловской протопопіи избрали депутатомъ въ Комиссію Уложенія Гадячскаго протопопа, Григорія Щербацкаго и дали ему „обрядовое полномочіе“ для заявленія своихъ нуждъ [1]).

Послѣ сказаннаго ясно, какъ ошибочно дѣлалъ свои заключенія о предѣлахъ Кіевской епархіи г. Рождественскій, [2]) руководившійся показаніями лаврской рукописи.

Такимъ образомъ, Кіевская епархія, какъ и доносила Кіевская консисторія Свят. Синоду [3]), въ своей области заключала слѣдующіе болѣе или менѣе крупные центры (мѣстечки и города): Кіевъ, Козелецъ, Нѣжинъ, Борзну, Конотопъ, Кролевецъ, Воронежъ, Глуховъ, Прилуки, Ичню, Лубны, Пирятинъ, Лохвицу, Ромны, Миргородъ, Сорочинцы, Гадячъ, Опошню, Полтаву, Кобеляки, м. Зѣньковъ и м. Триполье. Около этихъ центровъ группировались и протопопіи.

Замѣтимъ, что территорія Кіевской епархіи измѣнилась въ 1769 году, когда къ ней прибавилась одна совершенно новая протопопія, Кіево-Печерская.

Послѣдняя образовалась изъ переданныхъ въ вѣдѣніе митрополита церквей Кіево-Печерской Лавры, вмѣстѣ съ тѣмъ отошли къ Кіев. митрополиту и церкви К. Межигорскаго монастыря, бывшія до 1769 года внѣ вліянія и вѣдѣнія Кіевскихъ митрополитовъ. Но объ этой передачѣ духовенства вотчинъ лаврскихъ мы скажемъ ниже. Теперь же укажемъ число церквей, входившихъ въ составъ Кіевской епархіи.

III.

Въ 1757 году, ко времени назначенія преосвящ. Арсенія Кіевскимъ митрополитомъ, въ Кіевской епархіи числилось всего соборныхъ, ружныхъ и приходскихъ 1150 церквей, а именно: а) въ верхнемъ Кіевѣ 3 ружныхъ церкви, 4 приходскихъ и въ уѣздѣ 7 приходскихъ церквей, б) въ нижнемъ Кіевѣ 1 соборъ и 41 приходская церковь, да въ уѣздѣ 17 церквей, в) въ Триполье 1 соборъ и 2 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 15 приходскихъ церквей, г) въ г. Козельцѣ 1 соборъ, 4 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 1 соборъ и 48 приходскихъ церквей, д) въ г. Нѣжинѣ 1 соборъ и 9 приходскихъ церквей и въ уѣздѣ 85 при-

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 2046—2048.

[2]) „Самуилъ Мирославскій“. стр. 56.

[3]) А. С. С. д. 1764 г., № 47,

ходскихъ церквей, е) въ Борзнѣ 1 соборъ, 3 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 2 собора и 38 приходскихъ церквей; ж) въ Конотопѣ 1 соборъ, 5 приходскихъ церквей и въ уѣздѣ 1 соборъ и 31 приходская церковь; з) въ Кролевцѣ 1 соборъ и 3 приходскихъ церкви, въ уѣздѣ 20 приходскихъ церквей, и) въ Воронежѣ 1 соборъ и 5 приходскихъ церквей, въ уѣздѣ 1 ружная церковь и 16 приходскихъ церквей, і) въ Глуховѣ 1 соборъ и 7 приходскихъ церквей, въ уѣздѣ 1 соборъ и 60 приходскихъ; к) въ Прилукахъ 1 соборъ, 1 ружная и 4 приходскихъ церкви, въ уѣздѣ 3 собора и 66 приходскихъ; л) въ Ичнѣ 1 соборъ, 3 приходскихъ церкви, а въ уѣздѣ 1 ружная и 40 приходскихъ церквей; м) въ Лубнахъ 1 соборъ и 2 приходскихъ церкви, да въ уѣздѣ 72 приходскихъ церкви, н) въ Пирятинѣ 1 соборъ, 2 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 1 соборъ и 59 церквей; о) въ Лохвицѣ 1 соборъ и 4 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 44 приходскихъ церкви; п) въ Ромнахъ 1 соборъ и 3 приходскихъ церкви, да въ уѣздѣ 1 соборъ и 43 приходскихъ церкви; р) въ Миргородѣ 1 соборъ и 2 приходскихъ церкви, и въ уѣздѣ 1 соборъ 48, приходскихъ церквей и 1 ружная церковь; с) въ Сорочинахъ 1 соборъ и 2 приходскихъ церкви и въ уѣздѣ 3 соборныхъ, 51 приходская и еще 1 праздная церковь; т) въ Гадячѣ 1 соборъ, 5 приходскихъ церквей и въ уѣздѣ 59 приходскихъ церквей; у) въ Опошнѣ 1 соборъ, 7 приходскихъ церквей, и въ уѣздѣ 48 приходскихъ церквей; ф) въ Полтавѣ 1 соборъ и 5 приходскихъ и въ уѣздѣ 109 церквей; х) въ Кобелякахъ 1 соборъ и 8 приходскихъ церквей и въ уѣздѣ 4 соборныхъ и 18 приходскихъ церквей,—всего 1144 церквей, въ томъ числѣ 39 соборовъ, 7 ружныхъ, 1097 приходскихъ и 1 свободная или праздная; къ нимъ причисляются еще 6 новоустроенныхъ церквей [1]).

Въ 1759 году, по свидѣтельству самого митрополита Арсенія, состояло въ епархіи 1157 церквей,—въ томъ числѣ 1110 церквей приходскихъ и 47 соборныхъ (очевидно, въ послѣднемъ случаѣ

---

[1]) Вновь были простроены въ 1757 г. слѣдующія церкви: 1) въ нижнемъ Кіевѣ, на Куреневщинѣ—Св. Ап. Петра и Павла, 2) въ Трипольскомъ уѣздѣ, въ с. Куковцахъ Богоявленская, 3) въ Ичанскомъ уѣздѣ, въ д Шуровкѣ—Никольская и 4) въ д. Галицѣ Воскресенская; 5) въ Пирятинѣ, въ предмѣстьѣ Заруцкомъ—Троицкая, и 6) въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ слободкѣ Демьяновкѣ—Никольская (А. К. К., указ. кн. 1757 г., Вѣдомость о церквахъ Кіевской епархіи).

посчитаны и ружныя) [1]). Потомъ къ 1764 году число церквей Кіевской епархіи увеличилось до 1174 [2]).

Въ 1767 году число собственно приходскихъ церквей указывается 1126 [3]; по вѣдомости 1768 года, напечатанной въ приложеніи къ „Описанію Кіево-Софійскаго Собора", число церквей [4]) снова увеличилось въ общемъ до 1141. Впрочемъ, дѣйствительное число приходскихъ церквей, полагаемъ, и въ 1767—1768 г., должно быть, было не менѣе 1170, какъ и въ предшествующіе, —1757, 1764 годы. Если мы и указали, что количество церквей въ 1767 было 1126, то, вѣдь, въ это число не вошли 46 приходскихъ церквей, бывшихъ въ вѣдѣніи монастырей, такъ какъ изъ [illegible] консисторіи не видно никакихъ причинъ такого значительнаго въ теченіе 3-хъ лѣтъ уменьшенія общаго количества церквей съ 1174 до 1126; напротивъ, есть основаніе предполагать, что въ общее число церквей въ 1757 и 1764 года также входили приходскія церкви монастырскихъ селъ, что количество всѣхъ цер-

---

[1]) „Полтав. Епарх. Вѣд." 1882 г. стр. 941. Это показаніе относительно числа церквей сдѣлано митрополитомъ Арсеніемъ на докладѣ ректора академіи, Давида Нащинскаго о маломъ числѣ дѣтей духовенства среди учащихся академіи.

[2]) Это число указано въ вѣдомостяхъ Св. Синода (А. С. С 1764 года № 51).

Въ одной рукописи К. С. Соб. (№ 177) на л. 35 указано число церквей то же, т. е. 1174, а на л. 33-мъ 1172. Полагаемъ, что, въ виду совпаденія указаній 35-й стр. съ вѣдомостями Св. Синода слѣдуетъ признать дѣйствительнымъ количествомъ церквей 1764 г. 1174. Замѣтимъ, что и на 35 стр. было написано сперва „1180", но рукою переписчика это число было зачеркнуто и сверху написано „1174". Очевидно, самъ переписчикъ сдѣлалъ ошибку, показавъ 1180 церквей, и исправилъ ее самъ, согласно съ дѣйствительными данными. Вѣроятно, и число 1172 (на 33 страницѣ) также указано ошибочно.

[3]) Указ. кн. 1767 г. указ. № 56. Въ рукописи Кіево-Печерской Лавры № 209, стр. 1 на оборотѣ, содержится указаніе членовъ Комиссіи Уложенія Кіевской епархіи, что всѣхъ церквей въ 1767 и было 1171; но въ этомъ числѣ показаны 45 приходскихъ церквей, находившихся въ вѣдѣніи монастырей (ibidem), а именно: Кіево-Софійскаго монастыря 7 церквей, Кіево-Пустынно-Николаевскаго 4, Нѣжинскаго Благовѣщенскаго 4, Лубенскаго 4, Кіево-Выдубицкаго 3, Кіево-Петро-Павловскаго 1, Полтавскаго 1 и Скельскаго 1, всего 25, да монастырей Гамалѣевскаго 7, Батуринскаго 6, Глуховскаго 4, Максаковскаго 1, Гадяцкаго 2, Сорочинскаго 1.

[4]) Опис. Кіево-Соф. Соб., стр., 249—253. Считаемъ необходимымъ произвести поправку въ этой вѣдомости, именно: на стр. 251 указано въ вѣдѣніи Лубенскаго духовнаго правленія „14" церквей, слѣдуетъ считать „74", такъ какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ вѣдомостей указывается отъ 74 до 80 церквей, а именно: въ вѣдомости 1757 года 75, а въ 1764—81, въ 1761 г.—74 и въ 1770—79; указаній на то, чтобы по какой либо причинѣ число церквей уменьшилось до 14, нигдѣ не встрѣчалось.

квей въ епархіи въ общемъ въ каждый годъ колебалось около числа 1170,—съ разницею въ 2—5 церквей (т. е. каждый годъ могло быть 2—5 церквами то больше, то меньше). Къ такому предположенію приходитъ мысль при разсмотрѣніи сравнительной таблицы распредѣленія церквей по протопопіямъ за нѣсколько лѣтъ, а именно:

	1757 г.	1764 г.	1767 г.	1768 г.	1770 г.	
	Указ. Кн.	Ар.Св. Син.	Указ. Кн.	По пл. къ Оп. К. С. С.		
Верхне-Кіевская прот.	14	46	14	15	20	(—5 причисл. изъ Кіев. монастыр.)
Кіево-Подольская . . .	32		29	29	32	
Кіево-Печерская	„	„	„	„	32	
Борзенская прот. . . .	44	43	43	43	44	
Воронежская	23	27	23	23	27	
Ичанская	45	49	48	49	52	(—2 причисл. изъ вотч. Лавры.)
Зѣньковская (Опошнян)	56	55	55	55	56	
Глуховская	69	70	56	61	73	
Конотопская	38	37	37	35	37	
Кролевецкая	24	20	21	22	22	
Козелецкая	54	54	46	47	64	(—Здѣсь 7 изъ Кіев. Меж. монастыр.)
Лубенская	75	81	74	14	79	
Лохвицкая	49	47	47	47	48	
Гадячская.	65	67	64	64	67	
Миргородская	53	63	55	57*)	60	(—4 новыхъ.)
Рѣшетиловская	—	—	14	14	—	
Прилукская	75	76	75	75	73	
Кобеляцкая	31	35	33	33	38	
Сорочинская	58	51	51	56	57	
Пирятинская	63	65	65	65	65	
Старокодацкая	—	—	9	8	—	
Тыковская	—	—	1	—	—	
Нѣжинская, ...	95	99	93	92	98	(—3 причисл. изъ вотч. Лавры.)
Трипольская	18	21	21	21	21	
Роменская	48	49	51	51	60	(—10 причисл. изъ владѣній Кіево-Печерской Лавры.)
Полтавская	115	119	101	101	128	
Итого . . .	1144	1174	1126	1077	1253	

Разница, напр. въ количествѣ церквей Нѣжинской протопопіи легко наводитъ на предположеніе, что въ 1767 и 1768 году пропущены 4 церкви Нѣжинскаго монастыря; то же слѣдуетъ сказать относительно Лубенской протопопіи и даже Трипольской (какъ извѣстно, въ Трипольской протопопіи были церкви владѣній Кіево-Выдубицкаго и Кіево-Софійскаго монастыря). Если принять то предположеніе, что въ числѣ церквей Кіевской епархіи, въ 1767 году и 1768 году должно считать и 45—46 церквей монастырскихъ селъ, тогда легко объясняется и сравнительная устойчивость общаго количества церквей,— т. е. числа 1170—1180 церквей. Разница въ 4—10 церквей можетъ быть объяснена обычнымъ явленіемъ: постройкой нѣсколькихъ новыхъ церквей или уничтоженіемъ нѣсколькихъ—пожаромъ, временемъ (разумѣемъ обветшаніе церквей и закрытіе ихъ).

Къ 1770 году общее число церквей Кіевской епархіи, какъ видно изъ представленной таблицы, увеличилось до 1253 церквей [1]). Но въ этомъ числѣ посчитаны и церкви Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря, бывшія до 1769 года внѣ вѣдѣнія Кіевскаго митрополита и состоявшія въ завѣдываніи архимандритовъ и духовныхъ соборовъ указанныхъ монастырей; такихъ церквей было въ общемъ до 60. За исключеніемъ 59 церквей, вошедшихъ въ составъ новой протопопіи, Кіево-Печерской и частію Верхне-Кіевской и другихъ, остается 1190 слишкомъ церквей,—число не слишкомъ большое по сравненію съ вышеуказанными числами 1174—1180. Разница въ 9—10 церквей въ показаніяхъ вѣдомостей за 2—3 года (1768—1770 г.) можетъ быть объяснена вышеуказанной причиной—постройкой новыхъ церквей.

Въ 1770 году въ числѣ 1253 церквей состояло 44 собора, 16 ружныхъ церквей и 1193 приходскихъ [2]).

Какъ видно изъ приведенной выше таблицы, церкви распредѣлялись по протопопіямъ далеко не равномѣрно: въ однихъ протопопіяхъ было 1—2 десятка церквей; въ другихъ 4, 5, 6 и до 10 десятковъ церквей.

Иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, было выдѣленіе изъ одной протопопіи 2-й, новой протопопіи; тогда въ 1-й количество церквей уменьшалось было и наоборотъ: количество церквей увеличивалось отъ присоединенія къ одной—другой цѣлой протопопіи или только нѣсколькихъ церквей. Такъ, въ 1767 г. была выдѣлена изъ

---

[1]) Вѣдомость 1770 года л. 137—153.

[2]) Ibidem. Въ вѣдомости ошибочно указано „1249,"

Полтавской Рѣшетиловская и Старокодацкая протопопія, которыя въ 1770 году опять уже были соединены съ нею. Въ другихъ случаяхъ само духовенство просило отчислить ту или другую церковь изъ одной въ другую протопопію. Такъ, Короповскій намѣстникъ просилъ отчислить его съ приходомъ изъ Борзенской въ Кролевецкую протопопію [1]), такъ какъ Кролевецкое правленіе было ближе къ нему. Другой священникъ—с. Спасскаго, вслѣдствіе жалобы на Батуринскаго архимандрита Варсонофія, былъ причисленъ къ Кролевецкой протопопіи [2]).

Теперь скажемъ объ учрежденіи новой протопопіи Кіево-Печерской.

Кіево-Печерская протопопія была образована изъ приходскихъ церквей, находившихся въ вѣдѣніи Кіево-Печерской Лавры.

Послѣдняя, какъ получившая право ставропигіи еще въ 1156 году [3]) и сохранившая его до конца XVIII вѣка, сама, независимо отъ Кіевскаго митрополита, избирала своихъ настоятелей, завѣдывала всѣми своими дѣлами и была независимой въ дѣлахъ распоряженія приходскимъ духовенствомъ въ своихъ вотчинахъ. Для ближайшаго надзора за вотчиннымъ духовенствомъ, а также за всѣми прихожанами, Лавра сама избирала и протопоповъ [4]). Отношеніе митрополита къ приходскому духовенству лаврскихъ вотчинъ ограничивалось лишь однимъ посвященіемъ въ священный санъ представленныхъ Лаврою кандидатовъ [5]). Но и въ этомъ отношеніи вліяніе митрополита на духовенство ограничивалось архимандритами Лавры, которые нерѣдко предпочитали обращаться и по дѣламъ посвященія ставленниковъ не къ Кіевскому митрополиту, а къ Черниговскому или Переяславскому епископу [6]).

Однако такой порядокъ независимости приходскаго духовенства отъ епархіальнаго архіерея былъ въ противорѣчіи съ Духовнымъ Регламентомъ, который со времени Петра I сталъ

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 2049.

[2]) А. К. К. 1766 г., № 1518.

[3]) Оп. К. С. Соб., стр. 253.

[4]) Ibidem. 253—254.

[5]) Обыкновенно ставленниковъ, избранныхъ въ тотъ или другой приходъ, подвергали въ каѳедрѣ митрополита допросу прежде посвященія. Но Лавра сама дѣлала допросъ избраннымъ кандидатамъ, испытывала ихъ въ своемъ духовномъ соборѣ, послѣ чего архимандритъ Лавры простымъ письмомъ просилъ митрополита посвятить избраннаго и представленнаго кандидата.

[6]) Рук. д. с. паст. 1862 года, томъ II, стр. 313.

основнымъ закономъ церковной жизни въ Россіи и сталъ постепенно входить въ дѣйствіе и въ Малороссіи. Поэтому изъятіе приходскаго духовенства изъ вѣдѣнія Лавры, какъ равно и Кіево-Межигорскаго монастыря (ибо духовенство Кіево-Межигорскаго монастыря было въ тѣхъ же условіяхъ) рано или поздно должно было случиться.

Впервые вопросъ объ изъятіи приходскаго духовенства изъ вѣдѣнія Лавры былъ поднятъ въ Св. Синодѣ въ 1764 году [1]); но въ этотъ разъ Кіевская Лавра, благодаря стараніямъ своего повѣреннаго въ Петербургѣ, успѣла замять дѣло объ изъятіи духовенства.

Спустя 3 года, когда были потребованы въ Комиссію Уложенія заявленія о нуждахъ отъ всѣхъ сословій, вѣдомствъ и учрежденій, Кіевскій митрополитъ Арсеній внесъ въ число пунктовъ отъ Кіевской епархіи и заявленіе о томъ, что де въ предѣлахъ Кіевской епархіи есть Кіево-Печерская Лавра и Кіево-Межигорскій монастырь, въ вотчинахъ которыхъ состоитъ приходское духовенство, не подлежащее вѣдѣнію митрополитовъ Кіевскихъ; указывая на то, что жалованными грамотами велѣно Кіевскому митрополиту посвящать для Лавры и ея вотчинъ необходимыхъ лицъ, митрополитъ Арсеній предсгавлялъ о семъ чрезъ Св. Синодъ въ Комиссію Уложенія; хотя онъ не высказывалъ своего желанія, но оно ясно вытекаетъ изъ представленія. Св. Синодъ обратилъ вниманіе на это ненормальное явленіе и нашелъ нужнымъ своимъ указомъ прекратить означенный безпорядокъ. 11 февраля 1769 г. состоялось постановленіе Св. Синода о томъ, чтобы архимандриты Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря передали всѣ церкви своихъ вотчинъ и состоявшихъ при нихъ священно и церковно-служителей и всѣхъ мірскихъ людей—по духовнымъ дѣламъ—въ полное вѣдѣніе епархіальныхъ архіереевъ а сами ни въ какія дѣла, исключая избранія и представленія ставлен-

---

[1]) Вопросъ объ изъятіи приходскаго духовенства изъ вѣдѣнія Лавры поднятъ былъ случайно по слѣдующему поводу. Св. Синодъ изъ одного спорнаго дѣла о бракѣ, представленнаго архимандритомъ Лавры въ Синодѣ на разрѣшеніе усмотрѣлъ, что священники лаврскихъ вотчинъ „вѣдомй въ Лаврѣ, а не въ епархіалныхъ архіереевъ".

Подробнѣе о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ можно найти указаніе въ нашей замѣткѣ по данному вопросу, напечатанной въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1893 года, № 19, стр. 861—869.

никовъ, не вмѣшивались [1]). По полученіи синодальнаго указа объ этомъ, Арсеній Могилянскій обратился къ архимандриту Лавры Зосимѣ съ письмомъ, въ которомъ требовалъ вѣдомостей о церквахъ и священно-церковнослужителяхъ лаврскихъ вотчинъ. Такое же письмо съ копіей синодальнаго указа отъ 16 февраля 1769 года было послано и архимандриту Кіево-Межигорскаго монастыря.

Архимандриты, дѣйствительно, представили вѣдомости о церквахъ и священнослужителяхъ своихъ вотчинъ. Какъ имъ ни непріятно было это, но они должны были передать всѣ свои вотчинныя церкви въ вѣдѣніе митрополита. Лаврой было передано митрополиту 47 церквей, а Кіево-Межигорскимъ монастыремъ 12, всего 59 церквей. Изъ этого числа церкви Кіевскаго полка въ крѣпости Печерской, на Звѣринцѣ, въ м. Васильковѣ, въ с. Богдаевкѣ, с. Безрадичѣ, Хотовѣ, Пироговѣ, Романовкѣ, Слободкѣ, Кухмистерѣ, Димеркѣ, Богдановкѣ, Вышедкѣ, Гнѣдинѣ, Шуховѣ, Рожновкѣ, Новоселкахъ, Сваромлѣ, Тарасовичахъ, въ м. Броварахъ, Красиловкѣ, Перебуховѣ, Дударковѣ, Осокиркахъ и въ с. Троещинѣ,—всего въ числѣ 32 (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было по 2 церкви) составили особую протопопію, Кіево-Печерскую. Остальныя церкви были распредѣлены такъ: 1) Нѣжинскаго полка 2 церкви въ с. Лосинокъ и Омбышѣ причислены къ Нѣжинской протопопіи, 2) церкви с. Буромки и Шиловичъ присоединены къ Ичанской протопопіи; 3) въ Лубенскомъ полку 6 церквей м. Смѣлы и въ селахъ Томашевкѣ, Гриневкѣ, Бесѣдовѣ, Чернечой Слободкѣ—приписаны къ Роменской протопопіи. Изъ церквей Кіево-Межигорскаго монастыря бывшія въ селахъ Евлишкѣ, Чернику, Урочищѣ-Есковой Греблѣ, с. Сорокошицахъ, Глѣбовѣ, Ошиткахъ, Жукинѣ—отчислены къ Козелецкой протопопіи, а остальныя приписаны къ Верхне-Кіевской протопопіи. Это были церкви: с. Вышгорода, Новыхъ Петровецъ, дер. Старыхъ Петровецъ, Летежа и д. Борки. [2]) Такъ произошло увеличеніе числа церквей Кіевской епархіи въ 1769 году.

Дворовъ въ приходахъ Кіевской епархіи считалось всего свыше 90 тысячъ, не считая дворовъ, числившихся за монастырями, у которыхъ, въ общей сложности, было во владѣніи свыше 4 тысячъ.

---

[1]) Ар. Кіево-Печер. Лавр. д. № 251.

[2]) А. К. Кон. 1770 г., постан. № 901.

Такъ, по вѣдомости 1768—1769 г. о взносахъ на канцелярію консисторіи, значится дворовъ въ протопопіяхъ: Верхне—Кіевской 583, Нижне-Кіевской 2125, Борзенской 3854, Воронежской 154[illegible], Гадячской 5964, Глуховской 3000, въ Зѣньковской 4267, въ Ичанской 3801, Кобеляцкой 1299, Козелецкой 3973, Конотопской 3176, Кролевецкой 3721, Миргородской 4721, Лубенской 5285, Лохвицкой 4232, Нѣжинской 8425, Полтавской 9580, Пирятинской 5554, Прилуцкой 6670, Роменской 4169, Рѣшетиловской 1030, Сорочинской 4062, Трипольской 697, Пѣсковской 144 и Старокодацкой 600 [1]).

IV.

Кромѣ указаннаго числа приходскихъ церквей, въ предѣлахъ Кіевской епархіи, ко времени прибытія митрополита Арсенія въ Кіевскую каѳедру,—числилось 46 монастырей, а именно: 1) Каѳедральный Кіево-Софійскій и приписные къ нему: 2) Моровскій Онуфріевскій, 3) Задесенскій Николаевскій и 4) Трехсвятительскій Кіевскій; 5) Кіево-Пустынно-Николаевскій и приписной къ нему 6) Пивогородицкій Николаевскій; 7) Кіево-Златоверхо-Михайловскій и два приписныхъ къ нему: 8) Красногорскій Чернускій и 9) Онуфріевскій въ Липянскомъ скитѣ, 10) Кіево-Братскій училищный Богоявленскій, 11) Кіево-Выдубицкій Михайловскій, 12) Кіево-Кирилловскій Троицкій; 13) Кіево-Греческій, 14) Кіево-Петро-Павловскій, 15) Козелецкій Свято-Георгіевскій и приписной къ нему 16) Козелецкій въ скиту Троицкій; 17) Нѣжинскій Благовѣщенскій и приписной къ нему 18) Ветхорождественскій, 19) Максаковскій Преображенскій, 20) Батуринскій Николаевскій, 21) Гамалѣевскій Харлампіевскій, 22) Глуховскій Петро-Павловскій, 23) Мгарскій Лубенскій и приписной къ нему 24) Слѣпородскій Онуфріевскій въ скиту; 25) Густынскій Троицкій и приписной къ нему 26) Дейманскій въ скитку, 27) Сорочинскій Михайловскій, 28) Нехворощанскій Успенскій и приписной къ нему 29) Сокольскій въ скитку; 30) Полтавскій Крестовоздвиженскій и приписной къ нему 31) Боленовскій въ скитку, 32) Пустынно-Скельскій Преображенскій 33) Красногорскій Гадяцкій и приписной къ нему 34) Преображенскій въ скитку.

---

[1]) А. К. К., дон. 1768 г., № 582; Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1764 г., № 22.

Остальные монастыри женскіе: 1) Кіево-Флоровскій, 2) Кіево-Богословскій, 3) Кіево-Іорданскій, 4) Козелецкій Богословскій, 5) Нѣжинскій Введенскій, 6) Новомлинскій Успенскій, 7) Пустынно Мутинскій, 8) Глуховскій Успенскій, 9) Ладинскій Покровскій, 10) Великобудинскій Преображенскій, 11) Пушкаровскій Покровскій, 12) Быстрицкій Вознесенскій [1]). Тѣ же монастыри, исключая приписныхъ, перечисляются и въ книгѣ указовъ 1759—1760 г. [2])

Правда, въ нѣсколькихъ актахъ консисторіи упоминаются не всѣ монастыри, сейчасъ перечисленные. Такъ, въ раскладочной вѣдомости 1761 года о взносахъ на консисторію пропущены Козелецкій Георгіевскій, Ладинскій дѣвичій, Кіево-Богословскій дѣвичій, и нѣкоторые приписные монастыри [3]). Но это не значитъ что эти пропущенные монастыри въ 60-хъ годахъ не входили въ составъ Кіевской епархіи; что пропущены приписные,—это понятно: главное хозяйство и управленіе монастырями сосредоточивалось не въ приписныхъ монастыряхъ, а въ тѣхъ, къ которымъ послѣдніе причислены; потому то они и не указаны въ вѣдомости о взносахъ. Что касается другихъ, не приписныхъ монастырей, то пропускъ ихъ объясняется, вѣроятно, какими нибудь исключительными обстоятельствами. Что это были за исключительныя обстоятельства, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ вѣдомостяхъ 1767 года за Козелецкимъ монастыремъ не числится никакихъ дворовъ, также и въ вѣдомости 1768 года, представленной въ Комиссію Уложенія пропущены, за неимѣніемъ дворовъ, тотъ же Козелецкій Георгіевскій и Греческій Екатерининскій монастыри и 3 женскихъ: Нѣжинскій Введенскій, Пустынно-Мутинскій и Пушкаровскій Покровскій [4]). Значитъ пропускъ монастырей въ раскладочной вѣдомости и 1761 г. и 1768 года объясняется просто тѣмъ, что монастыри не могли участвовать во взносахъ, вслѣдствіе отсутствія дворовъ. Всѣ же указанные выше монастыри числились въ Кіевской епархіи и въ 1767—1768 г., а общее число монастырей не мѣнялось и въ 1764 году [5]). Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ указаній на какія либо измѣненія въ количествѣ состава монастырей въ Кіевской епархіи.

---

[1]) Указ. кн. 1757 г., № 452. Всѣ эти монастыри перечислены и въ вѣдомости 1756 г., („Опис. К. С. Соб". прибавл. „стр. 246; „Сборн. Матер. Истор. Топогр. Кіева", Кіевъ 1874 г., III т. 158—159 стр.)

[2]) Указ. кн. 1759—1760, л. 17.

[3]) Тр. К. А. 1894 г. № 7, стр. 481—484.

[4]) Лавр. рук. № 210.

[5]) Рук. К. С. Б., № 177, л. 33.

Потому и отсутствіе въ раскладочныхъ вѣдомостяхъ нѣкоторыхъ изъ монастырей не доказываетъ, что ихъ не было въ составѣ Кіевской митрополіи. Такое же количество монастырей оставалось въ Кіевской епархіи и до 70-хъ годовъ, до кончины митрополита Арсенія.

Кромѣ этихъ, въ предѣлахъ Кіевской митрополіи было еще 2 монастыря: Кіево-Печерская Лавра и Кіево-Межигорскій монастырь. Но монастыри эти были ставропигіальными [1]) и оставались

---

[1]) Кіево-Печерская Лавра получила право ставропигіи еще въ 1159 году, а потомъ испросила у Константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1592 году подтвержденіе этого права (Кіев. Стар. 1886 г. XVI, 252). Въ 1688 году Кіево-Печерская Лавра изъята изъ подчиненія Константинопольскаго патріарха и подчинена Московскому патріарху. Грамотою 1689 года, Кіево-Печерскій архимандритъ былъ уволенъ отъ необходимости пріѣздовъ въ Софійскій соборъ къ молебнамъ въ господскіе, богородичные и торжественные дни и получилъ право служить молебны въ самой Лаврѣ, съ лаврскою братіей. По праву ставропигіи самой Лаврѣ принадлежало право избранія своего архимандрита вольными голосами, который, затѣмъ, утверждался самимъ Св. Синодомъ. По всѣмъ дѣламъ своего управленія и суда Лавра непосредственно относилась къ Св. Синоду. Съ Кіевскимъ же митрополитомъ и съ консисторіею Лавра находилась въ отношеніяхъ равныхъ учрежденій и лицъ; сносилась съ ними письмами и промеморіями. Митрополитъ лишь иногда, по промеморіи духовнаго собора или по просьбѣ архимандрита, рукополагалъ священниковъ въ лаврскія вотчины, а также и лаврскихъ монаховъ. Но Лавра такъ ревниво охраняла свою независимость отъ митрополитовъ, что даже избѣгала случаевъ сношеній съ митрополитомъ и по ставленническимъ дѣламъ и посылала избранныхъ кандидатовъ для посвященія къ епископу Черниговскому или Переяславскому, хотя Кіевъ былъ всего въ 2-хъ верстахъ отъ нея. И не только черное, но даже и приходское бѣлое духовенство, бывшее въ лаврскихъ вотчинахъ, было независимымъ отъ митрополитовъ, и по всѣмъ дѣламъ подлежало исключительно вѣдѣнію духовнаго собора. Такая независимость духовенства продолжалась до 1769 года, когда все бѣлое духовенство Кіево-Печерской Лавры было передано въ вѣдѣніе Кіевскаго митрополита. Архимандритъ Лавры пользовался даже и внѣшними отличіями и преимуществами: ему принадлежало право выхода къ литургіи со славою въ мантіи и съ патерицею, въ предшествіи священниковъ и діаконовъ, входъ въ церковь при пѣніи „Достойно есть“, входъ въ мантіи въ царскія врата, возложеніе митры, палицы и панагіи, осѣненіе дикиріемъ и трикиріемъ, принятіе Даровъ по великомъ выходѣ въ царскихъ вратахъ, безъ выхода изъ алтаря, и прочія дѣйствія по чину архіерейскому. Когда и кѣмъ установлены эти привиллегіи и дарованы архимандриту, не выяснено еще. Всѣ эти привиллегіи отняты и потеряли свое значеніе въ 1786 году.

Равными правами съ Лаврой пользовался и Кіево-Межигорскій монастырь, который имѣлъ въ своемъ завѣдываніи даже цѣлую область—всю Запорожскую Сѣчь, куда посылались изъ Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахи и священники для отправленія церковныхъ службъ и требъ. И этотъ монастырь, подобно Лаврѣ, также отстаивалъ свою независимость (Кіев. Епарх. Вѣд. 1895 года, стр. 855).

независимыми отъ Кіевскаго митрополита, а потому они и не могутъ быть строго причисляемы къ митрополичьей области.

Кромѣ этихъ монастырей, въ составъ Кіевской епархіи входило еще много монастырей заграничныхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши. Вотъ перечень этихъ монастырей: Виленскій Свято-Троицкій мужескій монастырь и приписные къ нему а) мужескіе: Кронскій Троицкій (въ повѣтѣ Ковенскомъ), Кейданскій Преображенскій (въ Жмудскомъ княжествѣ), Сурдецкій Св. Духовскій (въ Видкомирскомъ повѣтѣ), Друйскій Благовѣщенскій (въ г. Друѣ Браславскаго повѣта), Минскій Петро-Павловскій, Грозовскій Богословскій (въ Новгородскомъ воеводствѣ), Вевейскій Успенскій (въ Троецкомъ воеводствѣ); б) женскіе: Благовѣщенскій Виленскій и Минскій братскій Петро-Павловскій; 2) Слуцкій предмѣсскій Троицкій и къ нему приписные а) мужескіе: Слуцкій братскій Преображенскій, Заблудовскій Успенскій (въ 50 миляхъ отъ г. Слуцка), Старчицкій Успенскій (въ 4 миляхъ отъ Слуцка), Грозовскій Николаевскій (въ 3-хъ миляхъ отъ Слуцка), Мороцкій Успенскій (въ 9 миляхъ отъ г. Слуцка), и б) женскій Слуцкій Ильинскій

Затѣмъ, вѣдѣнію митрополита принадлежали украинскіе монастыри: 1) Пустынно-Жаботинскій Онуфріевскій мужескій, 2) Пустынно-Медвѣдовскій Николаевскій мужескій и подчиненный ему 3) Чигиринскій Троицкій дѣвичій [2]), 4) Лебединскій мужескій Георгіевскій, а равно монастыри Бѣлорусскіе: 1) Буйницкій Духосошественскій (близъ г. Могилева), 2) Марковскій Троицкій, 3) Яблоченскій Онуфріевскій, 4) Бѣльскій Николаевскій, 5) Брестскій Замухавецкій во имя Св. Симеона Столпника, 6) Пинскій Богоявленскій, 7) Туничевскій Мстиславскій, 8) Кутейнскій Богоявленскій (близъ г. Могилева), 9) Дрогичинскій Подляссскій-Троицкій и подчиненный ему 10) Дрогичинскій Преображенскій; и женскіе: 1) Борколабовскій дѣвичій Вознесенскій и 2) Кутейнскій дѣвичій Покровскій и Успенскій [1]).

Такимъ образомъ, предѣлы Кіевской епархіи, ко времени вступленія митрополита Арсенія на каѳедру, распространялись да-

---

[1]) Оп. К. С. С, прилож. 247 стр., вѣдомость 1766 года.

[2]) Чигиринскій Троицкій подлѣ г. Чигирина, въ 1/4 вер. отъ него, надъ р. Тясминымъ. Онъ существовалъ въ началѣ 17 вѣка и былъ мужескимъ; а въ 1735 году обращенъ въ женскій. Время основанія точно неизвѣстно.

[3]) Оп. К. С. С., прил. 248 стр.

леко на цѣлыя сотни верстъ отъ каѳедры. Хотя жизнь заграничныхъ монастырей протекала почти внѣ вліянія и зависимости отъ Кіевскаго митрополита, тѣмъ не менѣе Кіевская епархія была слишкомъ велика, и управленіе его было слишкомъ тяжело и требовало большихъ усилій и трудовъ. По обширности и трудности управленія, въ виду множества церквей и монастырей, въ виду своеобразнаго устройства епархіи, преобладанія въ ея строѣ, управленіи и составѣ многихъ особенностей чисто малороссійскаго быта и организаціи. Кіевская епархія превосходила Переславскую епархію, управленіе которой привело Арсенія Могилянскаго къ разстройству и болѣзни. Правда, на Переславской каѳедрѣ Арсеній былъ обремененъ обязанностями члена Св. Синода, вслѣдствіе чего ему постоянно приходилось переѣзжать въ Москву, Петербургъ и долго оставаться тамъ. Если въ Кіевской епархіи м. Арсенію и не приходилось нести обязанностей по званію члена Св. Синода, то зато онъ явился на Кіевскую каѳедру съ ослабленными силами и организмомъ. Назначеніе на Кіевскую митрополію, правда, подняло духъ и энергію Арсенія, что отражалось въ его письмахъ къ знакомымъ. Но мы уже упомянули, что Арсеній долго не ѣхалъ въ Кіевъ именно вслѣдствіе слабости организма. Нездоровье чувствовалось Арсеніемъ и по переѣздѣ въ Кіевъ и часто не давало ему покоя и возможности заниматься дѣлами правленія. Особенно тяжело было митрополиту Арсенію посвящать необходимое число ставленниковъ для епархіи, такъ какъ для этого ему необходимо было часто служить, что при его слабомъ здоровьѣ было для него обременительно.

Эта настоятельная необходимость въ частыхъ служеніяхъ для посвященія ставленниковъ, а также и другія заботы о епархіальномъ благоустройствѣ—съ одной стотоны, немощь и болѣзненность—съ другой стороны—и заставили Арсенія просить о назначеніи викарія—епископа.

Просьба о назначеніи викарія была возбуждена митрополитомъ Арсеніемъ, какъ и на Переславской каѳедрѣ, скоро послѣ назначенія митрополитомъ. Спустя всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи въ Кіевъ, именно, 11 ноября 1758 года, митрополитъ Арсеній отправилъ въ Св. Синодъ донощеніе о томъ, чтобы, для вспомоществованія ему въ рукоположеніи ставленниковъ, Св. Синодъ пожаловалъ опредѣлить въ викаріи греческаго архіепископа острова Анды, Герасима, проживавшаго въ то время въ Кіево-Печерской Лаврѣ и изъявившаго на то свое согласіе. Для содержанія и постояннаго мѣстопребыванія этому ви-

карію митрополитъ Арсеній назначилъ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь, гдѣ въ то время свободна была вакансія архимандрита и настоятеля.

Послѣ доклада объ этомъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Св. Синодъ, согласно просьбѣ митрополита Арсенія,—19 января 1759 года, опредѣлилъ: архіепископу Герасиму быть викаріемъ Кіевскаго митрополита, съ пребываніемъ въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, и помогать ему въ священнослуженіи и рукоположеніи ставленниковъ [1]).

Но прежде, чѣмъ пришелъ въ Кіевъ синодальный указъ объ этомъ, предназначенный коадъюторъ, или викарій, архіепископъ Герасимъ скончался: онъ умеръ 22 декабря 1758 года и былъ погребенъ митрополитомъ Арсеніемъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ [2]).

Снисходя къ немощамъ митрополита Арсенія, Св. Синодъ, по смерти архіепископа Герасима, поручилъ помогать ему въ священнослуженіи и посвященіи ставленниковъ другимъ епископамъ, имѣвшимъ пребываніе въ Кіевѣ [3]). Но эти епископы лишь временно пребывали въ Кіевѣ, проѣздомъ въ другіе города, какъ, напр., Симеонъ Концаревичъ и Ѳеофилъ Пассичъ; потому митрополитъ Арсеній мало могъ пользоваться ихъ помощію. Въ виду крайней нужды въ постоянномъ викаріи, Арсеній Могилянскій вторично обратился въ Св. Синодъ съ прошеніемъ о назначеніи постояннаго викарія. Въ 1761 году, въ доношеніи отъ 24 декабря, указывая на слабость своего здоровья и нужду въ помощникѣ, онъ представлялъ Синоду, что быть въ званіи викарія при немъ изъявилъ согласіе Далматскій епископъ Симеонъ Концаревичъ, выѣхавшій изъ за рубежа и обѣщавшій чрезъ годъ совсѣмъ переѣхать въ Кіевъ. Этому викарному митрополитъ обѣщалъ дать для содержанія и мѣстопребыванія тотъ же Кіево-Пустынный монастырь, который былъ обѣщанъ и предоставленъ архіепископу Герасиму. Св. Синодъ, указомъ отъ 1 марта 1762 года, отвѣтилъ митрополиту Арсенію, что Далматскій епископъ Симе-

---

[1]) Указ. кн. 1759 г, № 18.

[2]) „Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи въ XVIII стол“. Терновскаго. стр. 21.

[3]) Такихъ епископовъ при митрополитѣ Арсеніи Могилянскомъ: въ придѣлахъ Кіевской митрополіи было нѣсколько: Далматскій епископъ, Симеонъ Концаревичъ (1779—1760, 1765—1769 г.г.), Кроатскій епископъ, Ѳеофилъ Пассичъ (въ 1759 г., а потомъ съ 1764 г.), Анатолій Мелесъ (1759 г.) („Описаніе Кіев. Софійскаго Собора“, стр. 228 –230).

онъ Конпаревичъ отпущенъ изъ Россіи на родину, и о времени его возвращенія въ Россію Синоду-де ничего неизвѣстно. Въ то же время, входя въ крайнее положеніе слабаго митрополита, Св. Синодъ рѣшилъ назначить ему викарія изъ русскихъ архимандритовъ, съ возведеніемъ его въ санъ епископа. „Такого викарія, —писалъ Св. Синодъ,—судитъ онъ быть достойна и рекомендуетъ митрополиту Арсенію въ лицѣ архимандрита и ректора Московскаго Заиконо-Спасскаго училищнаго монастыря, Гедеона Слонимскаго", которому Синодъ и послалъ указъ о переведеніи его въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь въ настоятели. Переводя Г. Слонимскаго въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь, Св. Синодъ предоставилъ самому митрополиту Арсенію ходатайствовать о посвященіи его въ викаріи [1]).

Но Арсеній Могилянскій искалъ себѣ только помощи для рукоположенія ставленниковъ и не намѣренъ былъ съ кѣмъ нибудь дѣлить свою епархію. Гедеонъ Слонимскій былъ человѣкъ энергичный и рѣшительный и не согласился бы быть въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи митрополита. Поэтому Арсеній Могилянскій лишь отвѣтилъ Св. Синоду, что онъ согласенъ принять Г. Слонимскаго настоятелемъ въ Пустынно-Николаевскій монастырь, а о посвященіи его въ викаріи обѣщалъ сообщить современемъ [2]).

Слонимскій замѣтилъ, что Арсеній Могилянскій относится къ нему холодно и недружелюбно, а потому и не спѣшилъ въ Кіевъ, а продолжалъ жить въ Москвѣ, ожидая распоряженій Св. Синода о посвященіи въ епископы. Въ Москвѣ онъ прожилъ около 2 лѣтъ, но не дождался посвященія. Получивъ, затѣмъ, строгій указъ изъ Синода о немедленномъ отъѣздѣ изъ Москвы, Слонимскій отправился въ Кіевъ и принялъ въ управленіе назначенный ему монастырь. Митрополитъ Арсеній ограничился лишь тѣмъ, что назначилъ его первымъ членомъ консисторіи, а о посвященіи въ епископы вовсе не представлялъ доклада въ Синодъ. Гедеонъ Слонимскій такъ и скончался въ санѣ архимандрита [3]).

Очевидно, Арсеній вовсе не желалъ имѣть у себя викарія съ опредѣленною территоріею. У него могли быть опасенія, что

---

[1]) Терновскій „Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи", стр. 21.

[2]) А. К. К., донес. 1762 г. отъ 16 апр.

[3]) Онъ умеръ 26 сентября 1772 г. на должности архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря. („Опис. К. С. Соб.", стр. 230.).

викарій съ опредѣленною областью современемъ можетъ совершенно обособиться отъ Кіевскаго митрополита, и такимъ образомъ Кіевская епархія опять раздробится и уменьшится въ своихъ предѣлахъ. Примѣръ этому былъ на лицо: Переяславское коадъюторство совершенно выдѣлилось въ самостоятельную Переяславскую епархію. Такимъ образомъ, попытка учредить викаріатство при м. Арсеніи такъ и осталась неосуществленной. По крайней мѣрѣ, м. Арсеній искалъ себѣ викарія только, какъ помощника для рукоположенія ставленниковъ. О дробленіи же епархіи не могло быть и рѣчи. Напротивъ, митрополитъ самъ и все кіевское духовенство въ 1767 году думали совсѣмъ о другомъ, о томъ, какъ бы опять возстановить всѣ древніе предѣлы Кіевской епархіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она была въ годы подчиненія ея Московскому патріарху.

Что касается рукоположенія ставленниковъ, то митрополитъ Арсеній обращался за помощью въ этомъ дѣлѣ къ сосѣднимъ епископамъ (Черниговскому и Переяславскому) или къ тѣмъ, которые пребывали въ Кіевѣ на покоѣ (напр., Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ Тобольскій) [1]).

Такимъ образомъ, м. Арсеній правилъ епархіею единолично, безъ викарія или коадъютора.

---

[1]) Такъ, въ октябрѣ—ноябрѣ 1764 г. Гервасій Переяславскій рукоположилъ до 15 ставленниковъ, а Кириллъ, архіепископъ Черниговскій, столько же—въ декабрѣ 1764 г. Потомъ, напр. въ 1767 г., Кириллъ рукоположилъ 3 монаховъ въ іеродіаконы и 3 въ іеромонахи (Сб. пис. въ Ар. К. К. 1767 г., № 18 и 28, пис. къ Гервасію отъ 19 ноября 1764 г., № 657 и отъ 16 декаб., № 709).

Безъ сомнѣнія, были и другіе случаи рукоположенія ставленниковъ: митрополитъ Арсеній по болѣзни не могъ служить, и по-неволѣ ему приходилось обращаться за помощью.

ГЛАВА III-я.

Управленіе Кіевской епархіи.

Каѳедральная контора. Учрежденіе и составъ конторы. Средства содержанія каѳедры. Сборы въ каѳедральную казну. Консисторія: присутствіе и канцелярія консисторіи. Назначеніе членовъ консисторіи. Правители и регенты канцеляріи. Штаты канцеляріи и проэкты о пополненіи ихъ. Архивъ консисторіи; архиваріусъ. Помѣщеніе канцеляріи и содержаніе канцеляристовъ. Дѣлопроизводство консисторіи. Мѣры направленныя къ устраненію недостатковъ консисторскаго производства. Судопроизводство консисторіи. Мѣры наказаній по суду консисторіи. Помѣстные органы епархіальнаго управленія; намѣстники; протопопы; духовныя правленія; крестовые протопопы; депутаты; духовники.

Органы епархіальнаго управленія въ Кіевской митрополіи въ половинѣ XVIII вѣка были главные и второстепенные. Первые находились при самой каѳедрѣ; это были: а) Кіевская каѳедральная контора и б) Кіевская консисторія. Вторые были помѣстными учрежденіями, стоявшими во главѣ отдѣльнаго округа, большаго или меньшаго по объему, въ зависимости отъ того, какая компетенція управленія и суда имъ принадлежала. При этомъ помѣстными органами въ однихъ мѣстахъ являлись отдѣльныя лица, въ другихъ—корпораціи, стоявшія во главѣ управленія. Таковы: 1) митрополичьи намѣстники. 2) протопопы, 3) намѣстники окружные; I) монастырскія правленія и II) протопопскія или духовныя правленія.

I.

Каѳедральная контора въ половинѣ XVIII вѣка явилась на смѣну того каѳедральнаго правленія въ Кіевской епархіи, которое завѣдывало такъ называемыми ставленническими и омофорными дѣлами, а также сборами въ каѳедральную казну. Исторія каѳедральной конторы тѣсно связана съ личностью митрополита Арсенія.

До прибытія послѣдняго въ каѳедральную контору поступали: 1) указы Синода, по которымъ дѣлались протокольныя постановленія: 2) изъ епархіи—репорты о состояніи епархіи и о „колодникахъ“ (т. е. о заключенныхъ въ монастыряхъ), вѣдомости о исповѣдавшихся и неисповѣдавшихся, о родившихся, сочетанныхъ бракомъ, умершихъ, о наличности церквей и служащихъ при нихъ, о церквахъ монастырскихъ съ годовымъ богослуженіемъ (непрестаннымъ), о властяхъ монастырскихъ, монашествующихъ, бѣжавшихъ и умершихъ монахахъ, объ учащихся въ академіи [1]).

Но пріѣздѣ въ Кіевъ, митрополитъ Арсеній сейчасъ потребовалъ отъ консисторіи справки о состояніи всей епархіи, самой консисторіи, академіи и др. учрежденій. Выслушавъ докладъ консисторіи о составѣ ея самой, о присутствующихъ въ ней лицахъ, о текущихъ дѣлахъ и т. д., онъ нашелъ нужнымъ, для разсмотрѣнія дѣлъ „надлежащихъ къ собственному его преосвященства разсмотрѣнію“, также для завѣдыванія сборами въ каѳедральную казну и всѣмъ вообще содержаніемъ архіерейскаго дома, учредить „особливую катедральную его преосвященства канторy.“

Вслѣдъ за этимъ, 11 сентября 1858 года, была выдана особая инструкція для этой конторы, а именно: 1) въ случаѣ присылки протопопами въ каѳедральную казну денегъ, немедленно доносить преосвященному митрополиту и, безъ разрѣшенія послѣдняго, денегъ не принимать и не записывать въ приходѣ; 2) послѣ резолюціи митрополита записывать присланныя деньги на приходъ въ прошнурованныя книги и выдавать протопопамъ квитанціи въ пріемѣ денегъ; 3) въ случаѣ надобности денегъ на расходы, представлять преосвященному доношенія отъ конторы помѣсячно, или „инако по разсмотрѣнію, прописывая въ нихъ, на якіе именно потребности надобны и сколько на всякую по примѣру, показуя и то, сколько въ наличности денегъ въ казнѣ имѣется, а безъ того и, не получа отъ его преосвященства резолюціи, денегъ изъ казны ни на что не брать“ [2]).

На первый разъ въ эту контору были опредѣлены: каѳедральный писарь, іеромонахъ Петръ и архидіаконъ Мелхиседекъ.

---

[1]) А. К. К., 1762 г., „Справка о укомплектованіи канцеляріи Кіевской духовной консисторіи.“

[2]) А. К. К., 1758 г., д. № 97.

Съ выдѣленіемъ изъ консисторіи и ея канцеляріи новаго учрежденія, каѳедральной конторы, съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлопроизводства и занятій, необходимо было найти особое помѣщеніе для нея и назначить штатъ служителей. Докладъ о всемъ этомъ былъ представленъ митрополиту, и, согласно резолюціи митрополита Арсенія, были установлены слѣдующіе пункты касательно каѳедральной конторы:

1) „Къ отправленію дѣлъ по катедральной конторѣ и для содержанія оныхъ и для жилья потребнимъ людямъ“, необходимо было отвести особую „избу съ пристойными чуланами“,—для чего была признана годной келлія близъ консисторіи, въ которой раньше жилъ „судовый консисторскій писарь.“

2) Къ писанію дѣлъ нужно было быть 3 копіистамъ, 2 подканцеляристамъ и 2 канцеляристамъ, съ такимъ содержаніемъ: канцеляристу 12 руб. въ годъ, подканцеляристу 6 руб. въ годъ, копіисту 3 руб. въ годъ, а также и доходы, издавна „безъ вымагательства за труды бываемые.“

3) для храненія дѣлъ—быть сторожу, а „далѣе по усмотрѣнію, ежели за умноженіемъ канцеляристовъ, въ духовной ясне въ Богу преосвященства консисторіи быть имѣющихъ, тамо поваръ самъ поуправится не возможетъ, въ помощь оному и другаго повара надобножъ.“

Далѣе, для веденія дѣлъ, отписки и т. д., въ конторѣ было учреждено 4 протокольныхъ стола: въ 1-й протоколъ вписывались всѣ доношенія, поступавшія на имя преосвященнаго, и синодальные указы, а также отмѣтки на дѣлахъ, куда направить послѣднія, въ контору ли консисторіи, или въ духовный соборъ. Этотъ протоколъ былъ настольнымъ реестромъ. Во 2-й протоколъ вписывались одни доношенія о присылаемыхъ деньгахъ; въ 3-й вносилась запись всѣхъ дѣлъ, поступавшихъ на личное усмотрѣніе митрополита, кромѣ доношеній о сборныхъ деньгахъ; наконецъ, въ 4-й протоколъ вносились случавшіяся требованія о деньгахъ или о чемъ либо другомъ, поступавшія на разсмотрѣніе конторы. Для записи „отпусковъ“ или резолюцій митрополита былъ особый протоколъ.

Относительно выдачи ставленническихъ и усыновительныхъ грамотъ, а также грамотъ на основаніе и освященіе церквей, грамотъ отпускныхъ (изъ епархіи въ полки) и перехожихъ (съ прихода на приходъ) и антиминсовъ, митрополитъ Арсеній издалъ такое распоряженіе: дѣла относительно выдачи этихъ грамотъ представлять изъ консисторіи ему, преосвященному, доношеніями, а „слѣдовавшія на доношенія резолюціи для исполненія и вида за-

писывать въ консисторіи въ протоколѣ за закрѣпою одного или двухъ засѣдающихъ.“ Самыя доношенія должны быть оставляемы въ конторѣ, такъ какъ при выдачѣ грамотъ по нимъ должны были поступать особые спеціальные сборы; да, кромѣ того, они были необходимы для разныхъ справокъ при счетахъ.

Что касается составленія необходимыхъ для представленія въ Синодъ вѣдомостей о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ, о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, о наличности церквей и священно и церковно-служителей, о монастыряхъ, о монахахъ наличныхъ, бѣжавшихъ, умершихъ и новопостриженныхъ, то сочиненіе этихъ вѣдомостей оставлено было по прежнему за консисторіей [1]).

Такимъ образомъ, каѳедральная контора при митрополитѣ Арсеніи получила слѣдующій видъ. Вѣдѣнію ея переданы всѣ, такъ называемыя, ставленническія и омофорныя дѣла. Сюда относились дѣла по рукоположенію священниковъ и діаконовъ, постриженію въ стихарь, дѣла о перемѣщеніи священно и церковно-служителей, о построеніи и освященіи церквей, а также дѣла брачныя. По этимъ дѣламъ посылались указы изъ каѳедральной конторы [2]).

Въ тоже время контора завѣдывала и всѣми сборами въ каѳедру (какіе были сборы, объ этомъ рѣчь впереди) и завѣдывала всѣми имѣніями архіерея, т. е. деревнями, хуторами, озерами, лѣсами и т. п. Завѣдываніе всѣмъ этимъ принадлежало конторѣ до тѣхъ поръ, пока не была учреждена для этого особая вотчинная канцелярія. Отъ конторы зависѣло опредѣленіе и увольненіе низшихъ служителей при митрополичьемъ домѣ, какъ-то: смотрителя дома, ключника, которымъ было поручено все хозяйство, утварь, кладовая и т. п., и на которыхъ было возложено производство разныхъ мелкихъ расходовъ по хозяйству (съ надлежащею записью въ шнуровыя книги). Контора же опредѣляла и увольняла лакеевъ, конюшихъ и другихъ лицъ (мастеровъ, ремесленниковъ) при архіерейскомъ дворѣ [3]).

---

[1]) А. К. К., 1758 г., № 97.

[2]) Такъ, напр., указомъ изъ каѳедральной конторы отъ 13 сентября 1758 г., священникъ Іоаннъ Богаевскій по синодальному указу назначенъ священникомъ въ армію, а въ помощники по приходу с. Остановки назначенъ викарій, который и долженъ былъ вести всю переписку и исполнять въ приходѣ требы. (Указ. кн., К. К., 1758 г., № 42, л. 159).

[3]) А. К. К., 1758 г., д. № 97.

Составъ конторы былъ слѣдующій.

На первыхъ порахъ въ ней засѣдало 3 члена. Потомъ (съ какого именно времени, точно неизвѣстно) въ составъ ея стали входить слѣдующія лица: намѣстникъ, каѳедральный писарь, архидіаконъ, духовникъ, экзаменаторъ и крестовый іеромонахъ Все это были лица изъ состава братіи каѳедральнаго монастыря и составлявшія свиту митрополита. Каѳедральный намѣстникъ считался первымъ по степени послѣ настоятелей первыхъ въ епархіи монастырей. Въ каѳедральномъ монастырѣ онъ былъ первымъ лицомъ послѣ митрополита и предсѣдателемъ въ духовномъ соборѣ монастыря. Катедральный писарь одно изъ важнѣйшихъ лицъ въ епархіи: онъ докладывалъ митрополиту всѣ дѣла, поступавшія отъ всѣхъ учрежденій, лицъ и просителей, записывалъ и передавалъ по назначенію резолюціи митрополита управлялъ каѳедральною и, большею частью, консисторскою канцеляріею. Степень онъ имѣлъ послѣ настоятелей среднихъ въ епархіи монастырей. Архидіаконъ всегда избирался изъ „ученыхъ“, т. е. учившихся въ академіи, занимался обученіемъ ставленниковъ катихизису, смотрѣлъ за поведеніемъ ихъ и могъ своимъ мнѣніемъ уничтожить одобрительный отзывъ и представленіе протопопа и преградить ставленнику дальнѣйшій ходъ; онъ также надзиралъ за обученіемъ діаконовъ богослуженію и завѣдывалъ выдачею архіерейскихъ грамотъ. А такъ какъ при выдачѣ грамотъ взимались извѣстныя пошлины и сборы всякаго рода, то архидіаконъ завѣдывалъ и сборами со ставленниковъ въ пользу архіерейской каѳедры.

Нерѣдко указанныя сейчасъ лица, кромѣ архидіакона, были и настоятелями монастырей. Такъ, намѣстникъ Лука Кременецкій былъ произведенъ (1758 г.) въ Мгарско-Лубенскій монастырь настоятелемъ; намѣстникъ Іосифъ Миткевичъ (1760—1761) былъ въ то же время игуменомъ Густынскаго монастыря (съ 24 апр. 1760 г.) [1]). Чаще всего, по словамъ Е. Крыжановскаго, намѣстники считались архимандритами Кіево-Выдубицкаго монастыря.

Духовникъ каѳедральнаго монастыря испытывалъ совѣсть всѣхъ ставленниковъ и кандидатовъ на приходы, также вдовыхъ священниковъ, которые обязаны были ежегодно являться въ каѳедру за полученіемъ епитрахильной грамоты. Экзаменаторъ испытывалъ и свидѣтельствовалъ познанія и умственныя способ-

---

[1]) Кі. Еп. В. 1864 г. стр. 418. Арх. К.—Выд. мон. ук. кн. 1760 г. № 20.

ности ставленниковъ: крестовый іеромонахъ былъ настоятелемъ домовой архіерейской церкви и руководилъ ставленниковъ при обученіи богослуженію послѣ рукоположенія [1]).

Въ зависимости отъ каѳедральной конторы находился и духовный соборъ каѳедральнаго монастыря, насколько дѣло касалось экономической части послѣдняго. Зависимость обусловливалась тѣмъ, что доходы монастыря были вмѣстѣ съ тѣмъ и доходами каѳедры. Каѳедральная контора, въ составъ которой какъ мы видѣли, входили многіе изъ братіи каѳедральнаго монастыря, принимала въ соображеніе доходы, поступавшіе въ монастырскую казну, повѣряла и расходы, производившіеся по монастырю. Это было очень важно для каѳедральной конторы при веденіи, составленіи и выполненіи своего бюджета.

II.

Посмотримъ, каковы были средства содержанія каѳедры.

Доходы каѳедры составлялись изъ 4 главныхъ сборовъ, которые съ давнихъ поръ поступали въ архіерейскую казну. Это были сборы: 1) столовые, 2) мировые (за св. миро), 3) солодовые и 4) вѣнечные.

Три первыхъ сбора были, такъ сказать, постоянными и составляли фондъ или основное содержаніе каѳедры. Они взимались съ каждаго приходскаго двора, и потому, сколько было въ каѳедрѣ дворовъ, столько было и единицъ въ доходахъ каѳедры. Каждый дворъ вносилъ по 2 к. столовыхъ, по 1 деньгѣ мировыхъ и по 1 полушкѣ солодовыхъ. Среднимъ числомъ этихъ сборовъ поступало въ годъ около 3000 руб. Иногда, впрочемъ, бывало и меньше сбора: это происходило не отъ уменшенія количества дворовъ, а отъ недоимокъ въ поступленіяхъ или отъ утайки священниками числа приходскихъ дворовъ [2])

Вѣнечный соборъ взимался за выдачу разрѣшеній на безпрепятственность вступленія въ бракъ, или, какъ тогда выражались „за вѣнечныя памяти“ [3]). Этотъ соборъ установленъ былъ въ стародавнія времена и взимался по малороссійскимъ обычаямъ ещевъ то время, когда Кіевская митрополія состояла въ вѣдѣніи Константинопольскихъ патріарховъ. Взиманіе этого

---

1) Рук. д. С. П. 1862 г. II, стр. 299—300.

2) Эти сборы прекращены въ 1783 г. при митрополитѣ С. Мирославскомъ (Оп. К. С. С. стр. 266.)

2) Оп. К. С. С. стр. 259.

сбора производилось въ духовныхъ протопопскихъ правленіяхъ предъ бракомъ, при чемъ первобрачущіеся платили по 24 к., второбрачущіеся по 50 к., полувторобрачущіеся по 36 к., а третьебрачущіеся по 60 к. [1]) Изъ этого видно, что вѣнечный сборъ, помимо прямой цѣли предупреждать неправильное заключеніе браковъ въ недозволенныхъ законами случаяхъ, имѣлъ, по видимому, въ виду и нравственное воздѣйствіе на приступавшихъ къ браку: вѣдь, второбрачные и третьебрачные платили больше первобрачныхъ; въ этомъ, можно думать, отразилось воззрѣніе церкви, лишь допускающей 2-й и 3-й бракъ.

Вѣнечнаго сбора въ лучшіе годы поступало до 4.700 руб. и болѣе [2]). По распоряженію митрополита Арсенія, этотъ сборъ присылался въ каѳедру по третямъ года (въ маѣ, сентябрѣ и январѣ) вмѣстѣ съ столовыми, мировыми и солодовыми [3]). Взимался онъ до 1765 г., а затѣмъ, по высочайшему указу отъ 21 іюня 1765 г. онъ былъ отмѣненъ во всемъ государствѣ.

Затѣмъ, доходы каѳедры слагались изъ пошлинъ всякаго рода, взимавшихся въ пользу архіерейской казны, при выдачѣ епитрахильныхъ и постихарныхъ, ставленническихъ грамотъ, грамотъ на построеніе и освященіе храмовъ, при выдачѣ антиминсовъ, при ставленническомъ дѣлопроизводствѣ.

При посвященіи ставленниковъ обыкновенно взималось „подворное“ и „кондиціальное“. Подворное вносилось по числу приходскихъ дворовъ, при чемъ посвящаемые въ настоятели „цѣлопарохіальные“ платили по 20 к. отъ двора; посвящаемые на половину прихода платили половинную часть, „третинные“, т. е. поступавшіе на 3-ю часть прихода, а также викарные платили за 1/3-ю часть приходскихъ дворовъ. Діаконы платили по 5 к. за каждый дворъ. „Кондиціальное“ представляло сборъ, взимавшійся въ пользу („кандиціи на подѣлъ“) каѳедральнаго намѣстника, писаря, духовника, архидіакона, экзаменатора, крестоваго іеромонаха, эклесіарха, уставщика, клирошанъ, архіерейскихъ діаконовъ, пѣвчихъ, пономарей, и проч. лицъ, присутствовавшихъ при посвященіи ставленниковъ.

Кондиціальное также платилось сообразно съ величиной прихода. Такъ, поступавшіе на приходъ величиной отъ 80 и бо-

---

1) Сб. И. И. Об., т. 43, стр. 520.
2) Ibidem.
3) А. К. К. 1762 г. ук. 21 окт.

лѣе дворовъ платили по 13 р. 5 к.—13 р. 11¾ к., именно: при посвященіи въ стихарь 2 р. 19¾ к., при посвященіи въ діаконы 4 р. 39½ к., при посвященіи въ священники 6 р. 52½ к. Поступавшіе на приходы съ числомъ дворовъ отъ 50 до 80 платили по 8 р. 66¼ к., а поступавшіе въ меньшіе приходы (до 50 дворовъ) платили 6 р. 52½ к. Викарные и діконы, независимо отъ величины прихода, платили по 4 р. 39¼ к. „кондиціальнаго", а посвящавшіеся въ стихарь—2 р. 19¾ к.

При выдачѣ грамотъ на основаніе новыхъ церквей и на освященіе ихъ также взимался сборъ, пропорціонально количеству приходскихъ дворовъ, каждый разъ по 5 к. съ каждаго двора. При выдачѣ антиминсовъ каѳедра взимала деньги, смотря по тому, изъ какого матеріала сдѣланъ антиминсъ: за шелковый („матеріальный") антиминсъ уплачивалось по 4 руб., за полотняный („алендарскаго полотна") по 2 р. 50 к. или 1 р. 50 к. (2 р. 50 к. за антиминсъ голландскаго полотна, а 1 р. 50 к. за антиминсъ московскаго ивановскаго холста). Затѣмъ, при выдачѣ грамотъ еще взималось особо за подпись, сдѣланную архіерейскою рукою. Производимые въ санъ архимандрита, игумена, протопопа, намѣстника и священника—настоятеля платили по 2 руб.; за остальныя грамоты, выдававшіяся викарнымъ, діаконамъ и стихарнымъ причетникамъ, также за грамоты на построеніе, починку и освященіе церквей, постановку и освященіе иконостасовъ и жертвенниковъ, на испрошеніе милостыни на церковь, а также за концессы на приходы взималось по 1 руб. [1])

Были еще сборы эпитрахильные и орарные, взимавшіеся при выдачѣ грамотъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ на право совершенія богослуженія.

Какъ велика была въ общемъ ежегодная сумма этихъ сборовъ сказать трудно; вѣроятно, она была не меньше 800—1000 руб. за грамоты. Указанные сборы за грамоты были запрещены указомъ Екатерины II отъ 18 апр. 1765 г., а вмѣсто нихъ были установлены такіе сборы: 2-хъ рублевый съ священниковъ и діаконовъ и 1—рублевой съ дьячковъ и пономарей [2]) Впрочемъ, и послѣ полученія указа объ отмѣнѣ епитрахильныхъ, постихарныхъ и прочихъ сборовъ, они еще продолжали существовать въ Кіевской

---

[1]) А. К. К. Вѣдом о сборахъ, сочин. въ 1770 г. реентомъ [illegible]ас. Самойловичемъ.

[2]) Сп. К. С. С. Стр. 261. П. С. З. Р. И., т. XVII, № 12379.

епархіи до конца правленія епархіяе Арсенія Могилянскаго, какъ это видно изъ вѣдомости, составленной Вас. Самойловичемъ въ 1770 г.

Наконецъ, въ каѳедру поступали еще переходящія суммы, которыя назначались на содержаніе канцеляріи консисторіи, на вспомоществованіе заграничнымъ церквамъ и монастырямъ, на академію, на постройку школъ или бурсы, или консисторскихъ зданій. Одни изъ этихъ сборовъ носили болѣе или менѣе опредѣленный характеръ и вносились въ опредѣленной пропорціи, а другіе были болѣе или менѣе случайнаго характера. Такъ на содержаніе канцеляріи консисторіи взималось ежегодно по ½ к. съ каждаго приходскаго двора. Затѣмъ, нѣкоторые изъ кіевскихъ монастырей обложены были опредѣленнымъ денежнымъ окладомъ, а другіе должны были доставлять содержаніе на канцелярію съѣстными припасами; потомъ, съ 1764 года и эти послѣдніе стали вносить деньги вмѣсто съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того, на канцелярію производился сборъ и при ставленническомъ дѣлопроизводствѣ: съ каждой выданной грамоты на архимандрію, игуменство, протопопство и намѣстничество взималось по 2 руб.; съ грамоты данной священнику, діакону и на испрощеніе милостыни взималось по 1 руб. 10 коп.; съ дьячковъ, пономарей, съ концесовъ, съ грамотъ на основаніе, освященіе и починку церквей, постановку иконостаса и жертвенника, за выданный антиминсъ взималось по 60 коп., да съ нѣкоторыхъ указовъ по 10 коп. Каковы были эти указы, неизвѣстно; можетъ быть, это были указы, разсылавшіеся въ видѣ циркулярныхъ предписаній по епархіи. Въ общемъ, на канцелярію (съ 1740—1761 г.) собиралось до 400 руб., а съ 1761 года—по 500 р. [1])

Далѣе, существовалъ опредѣленный сборъ на заграничные монастыри и церкви. Онъ установленъ по указу Св. Синода въ 1763 году [2]). Монастыри, по утвержденному докладу консисторіи, стали платить по 5 коп. съ каждаго приходскаго двора и по 2 к. съ бездворной хаты, при томъ этотъ сборъ, монастыри должны были давать изъ своей собственной казны, а не взимать его съ крестьянъ. Этотъ сборъ поступалъ, въ среднемъ, въ такомъ количествѣ отъ каждаго монастыря: отъ Кіево-Софійскаго 41 р. 10 к., отъ Кіево Пустынно-Николаевскаго 21 р. 15 к., отъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго 15 р. 40 к., отъ Кіево-Братскаго 23 р. 5 к., отъ Кіево-

---

[1]) Ар. К. К., Справка о укомплектованіи консисторіи, доношеніе отъ 19 мая 1763 года.

[2]) Ар. К. К. 1764 г. № 70.

Выдубицкаго 12 р. 85 к., отъ Кіево-Петро-Павловскаго 71 коп., отъ Кіево-Кирилловскаго 1 р. 90 к., отъ Кіево-Богословскаго 1 руб., отъ Кіево-Флоровскаго 30 р. 10 к., отъ Нѣжинскаго 5 р. 45 к., отъ Лубенскаго Мгарскаго 18 р. 25 к., отъ Густынскаго 10 р., 30 к., отъ Ладинскаго 4 р. 90 к., отъ Максаковскаго 9 р. 12 к., отъ Глуховскаго 8 р. 70 к., отъ Сорочинскаго 50 к., отъ Полтавскаго 11 р. 65 коп., отъ Нехворощанскаго 2 р. 45 к., отъ Галицкаго 2 р. 49 к., отъ Козелецкаго 52 коп., отъ Гамалѣевскаго 35 р. 39 к., отъ Батуринскаго 7 р. 45 к. [1]). Приходскія же церкви для этого сбора спеціально завели особые кошельки, и, если сбора въ кошелекъ за годъ попадало меньше рубля, то остальное количество до полнаго рубля церковь должна была пополнять изъ своихъ средствъ. Въ общемъ поступало отъ монастырей 287 руб. 9 коп. и отъ церквей 1182 рубля, всего 1469 р. 9 к. [2]).

Что касается сборовъ на академію, то послѣдніе были самаго неустойчиваго, случайнаго характера. На этотъ предметъ поступали штрафныя деньги—за уклоненіе отъ обученія въ академіи или за выходъ изъ нея до окончанія въ ней курса. Платили этотъ штрафъ посвящаемые во священниковъ и діаконовъ—священническіе сыновья, не обучавшіеся или не окончившіе курса въ академіи,—внося его „по разсмотрѣнію митрополита, иные большимъ, а иные меньшимъ числомъ“ [3]). Сюда же относятся штрафные сборы за неисполненіе священниками указовъ и за другія вины, а также за небытіе мірянъ у исповѣди. Въ разное время такихъ сборовъ поступало различное количество; иногда сборъ этотъ доходилъ до 170 слишкомъ руб. [4]). Сюда же относятся судебныя пошлины при подачѣ аппеляціонныхъ челобитныхъ; при подачѣ аппеляціи—въ 1 разъ пошлинъ взималось 1½ р., а 2-й—3 руб.; при митрополитѣ Гавріилѣ пошлины были увеличены вдвое [5]). Наконецъ, на академію собирались въ контору парохіальные доходы съ нѣкоторыхъ вакантныхъ приходовъ: до вступленія въ должность новаго священника или въ отсутствіе отбывавшаго епитимію священника ½ до-

---

[1]) Ар. К. К. 1765 г. № 261.

[2]) Тр. К. Д. А. 1894 г. Іюнь, стр. 316.

[3]) отъ 3 до 20 руб.

[4]) Такъ въ 1762 г. было выдано штрафныхъ на починку школъ 80 р. 23 к., да на строеніе бурсы 30 р. 50 коп. (А. К. К. 1765 г. № 410, л. 76). Надо думать, что это далеко не все то, что поступило за годъ.

[5]) Ар. К. К. ук. книг. 1771 г. № 54.

ходовъ обыкновенно поступало въ пользу священника наблюдавшаго за приходомъ, а другая половина или 4/5 часть собиралась и, потомъ, отсылалась въ консисторію [1]). Количество послѣднихъ, „вакансовыхъ", сборовъ въ иной годъ доходило до 500 руб. Такъ, напр., въ 1761 году было собрано 509 рублей 51 3/4 коп. [2]).

Такимъ образомъ, средства содержанія катедры представляются въ такомъ видѣ: столовыхъ, солодовыхъ и мировыхъ около 3000 р.; вѣнечныхъ 4709 р. (до 1765 г.); кошельковыхъ на заграничные монастыри 1469 р. 9 коп., канцелярскихъ 450 р., штрафныхъ 100—200 р., вакансовыхъ 500 р. да консоляціонныхъ, кондиціальныхъ, за грамоты среднимъ, числомъ около 1000 р., всего же приблизительно до 12 тысячъ. Сюда нужно прибавить еще жалованье каѳедральному монастырю натурою и деньгами въ количествѣ 250 руб. [3]), а также доходы съ вотчинъ каѳедральнаго монастыря, которые поступали въ общую казну каѳедры, и нѣкоторыя пожертвованія отъ монастырей. Такъ, изъ Нѣжина отъ братства (съ 1733 г.) присылалось ежегодно въ Софійскій домъ по 2 пуда воску и 1 пуду ладона [4]). Въ 1766 году св. Петро-Павловское братство Глуховскаго монастыря прислало на домъ—куфу горѣлки, 4 осетра, 4 севрюги, икры 1 пудъ [5]). Впрочемъ, каѳедральная казна не всегда имѣла въ своемъ распоряженіи всѣ эти суммы. Недоимки за церквами и монастырями были явленіемъ обыкновеннымъ въ разсматриваемое нами время. По вступленіи на каѳедру митрополитъ Арсеній скоро издалъ повелѣніе, чтобы всѣ сборныя деньги непремѣнно присылались въ свое время въ каѳедру [6]). Однако, поступленія сборовъ происходили съ большими задержками. Такъ, въ 1760 г. не были присланы деньги на канцелярію консисторіи изъ про-

---

[1]) Вѣдом., состав. въ 1770 г. реен. Вас. Самойловичемъ.

[2]) Изъ этой суммы половина была послана на покрытіе академическихъ школъ, а 2-я на бурсу (А. К. К. 1763 г. д. № 175). Въ 1765 г. было выслано изъ Лохвицкаго правленія 17 р. 95 к., Пирятинскаго 4 р. 22 к., Ичанскаго 4 р. 42 к., Роменскаго 39 р. 36 к., Борзенскаго 12 р. 94 1/4 к., Полтавскаго 11 р. 51 1/2 к. Гадячскаго 12 р. 31 1/2 к., Зеньковскаго и Опошняскаго (ibidem, л. 64) 57 р. 70 3/4 к., Лубенскаго 8 р. 2 к.,—всего 152 р. 52 к. (А. К. К. 1765 г. д. 16 ноября л. 80—62). Но это, конечно, не все, такъ какъ здѣсь указаны лишь не высланныя до м. ноября деньги.

[3]) Оп. К. Соф. Соб., 265 стр.

[4]) А. К. К. 1764 г. д. № 215.

[5]) Сб. письм. къ митр. Арсенію, А. К. К. 1766 г., № 21.

[6]) А. К. К., 1758 г., ук. 24 октября.

топопіи Полтавской, Глуховской, Сорочинской, Козелецкой, Борзенской, Конотопской и Воронежской [1]). Въ 1767 году недоимки по той же статьѣ были за протопопіями: Ичанской, Лохвицкой, Зѣньковской, Сорочинской и др., и за нѣкоторыми изъ монастырей [2]). 17 іюля 1767 года канцелярія консисторіи докладывала, что „въ содержаніи служителей канцеляріи—крайній недостатокъ за неприсылкою опредѣленныхъ харчевыхъ припасовъ изъ монастырей Кіевской епархіи" за 1767 годъ и др. годы. Задержка происходила въ высылкѣ денегъ столовыхъ, мировыхъ и солодовыхъ [3]), также кошельковаго сбора на заграничные монастыри. Посылались изъ каѳедры указы съ напоминаніемъ о высылкѣ, съ угрозами оштрафованія, но указы часто оставались безъ исполненія [4]). За выправкою недоимокъ командировались даже изъ консисторіи чиновники—на счетъ монастырей недоимщиковъ, но и командированныя лица не всегда успѣвали вытребовать недоимки [5]). Особенно тяжелымъ казался для духовенства сборъ кошельковый, объ отмѣнѣ котораго духовенство Кіевской епархіи даже внесло особый пунктъ въ Комиссію Уложенія. Съ другой стороны, духовенство и церкви въ дѣйствительности были обременены епархіальными налогами слишкомъ тяжело, такъ что и винить въ неисправной высылкѣ сборовъ нельзя, тѣмъ болѣе, что, кромѣ указанныхъ постоянныхъ сборовъ, бывали еще экстраординарные, чрезвычайные сборы, какъ, напр., въ 1768 году на постройку особаго зданія для консисторіи (тогда было собрано болѣе 1162 р.) [6]).

Во всякомъ случаѣ, даже и при недоимкахъ казна каѳедральная обладала значительными по тому времени средствами, дававшими возможность митрополиту Арсенію производить значительные расходы на приведеніе каѳедральнаго монастыря въ благоустроенный видъ, также оказывать значительныя пожерт-

---

[1]) Ар. К. К. 1760 г., ук. № 297.

[2]) А. К. К. 1767 г., ук. № 325, 326, 327; 332—334.

[3]) А. К. К. 1767 г., № 281, ук. отъ 13 іюля; № 1833.

[4]) А. К. К. 1760 г., 2 авг. № 297 и др.

[5]) Такъ, въ 1769 г. былъ посланъ подканцеляристъ Григорій Плѣсковскій за выправкою недоимокъ за 1765 г.; но скельскій игуменъ Ѳеофилъ совсѣмъ отказался платить (1766 г. постанов. 4 апрѣля). Недоимки по статьѣ столовыхъ, солодовыхъ и мировыхъ числились за Ичанскою, Полтавскою, Пѣсковскою, Сорочинскою, Роменскою и Лубенскою протопопіями (А. К. К. 1767 г. ук. № 1780—1764),—за монастырями Скельскимъ, Новомлинскимъ дѣвичьимъ (ук. № 1831, 1760 г.).

[6]) К. Е. В. 1852 г., стр. 20—22.

вованія академіи на постройку бурсы, покрытіе школъ, на консисторію и др. нужды.

Съ прекращеніемъ вѣнечнаго сбора (въ 1765 г.), съ отмѣной нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ сборовъ (въ томъ же 1765 г.), средства каѳедры уменьшились не меньше, чѣмъ на $^1/_3$. Тѣмъ не менѣе и тогда средства каѳедры были еще значительны. Кромѣ того, на содержаніе каѳедральнаго монастыря еще поступали доходы съ вотчинъ, бывшихъ у монастыря.

Въ виду нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ расходовъ, напр., при ремонтѣ монастыря, каѳедра еще обращалась за милостынными подаяніями въ Запорожскую Сѣчь и къ разнымъ благотворителямъ, и въ этихъ подаяніяхъ черпала для себя подспорье своимъ доходамъ.

III.

Духовная консисторія въ системѣ епархіальнаго управленія въ половинѣ XVIII вѣка занимала такъ же, какъ и каѳедральная контора, очень важное мѣсто и значеніе. Консисторіи принадлежала административная, исполнительная и, главнымъ образомъ, судебная власть. Въ консисторію поступали дѣла изъ каѳедральной конторы, когда нужно было произвести какое нибудь разслѣдованіе по случаю неисправности, неточности, въ случаѣ недоимокъ, растраты и проч. Отъ консисторіи зависѣла и академія, главнымъ образомъ по экономическимъ дѣламъ, а нерѣдко и по дѣламъ объ избраніи или назначеніи учителей, ректора. Кіевская консисторія оказывала вліяніе на академію. Но главнѣйшія функціи консисторіи были судебныя.

Названіе консисторіи въ малороссійскихъ епархіяхъ сдѣлалось извѣстнымъ еще съ конца XVII вѣка, по заимствованію отъ католическихъ епархіальныхъ управленій [1]). Въ XVIII вѣкѣ Кіевская консисторія на языкѣ мѣстнаго духовенства называлась „священнымъ консисторомъ“, „священною консисторіею“, „священнымъ соборомъ делегатовъ кіевскихъ“, „капитуломъ митрополитанскимъ“ [2]). Въ оффиціальныхъ бумагахъ, репортахъ, донесеніяхъ встрѣчается почти исключительно названіе „священная Кіевская консисторія“.

Такія именованія удерживались за консисторіей вплоть до 1786 года, а въ этомъ году, съ преобразованіемъ епархіи, велѣно было консисторію переименовать въ дикастерію, при чемъ въ нее

---

[1]) Е. Крыжановскій. „Собраніе сочиненій“. Кіевъ, 1890 г., т. I, 441.

[2]) Ibidem, стр. 445.

были переданы и всѣ дѣла по епархіальному дѣлопроизводству, такъ какъ каѳедральная контора была закрыта [1]).

Обращаясь къ отправленіямъ и положенію консисторіи въ епархіальномъ управленіи, мы должны отмѣтить, прежде всего, тотъ фактъ, что при митрополитѣ Арсеніи, по традиціонному обычаю, нѣкоторые репорты и доношенія въ Синодъ посылались не отъ митрополита, а отъ консисторіи. Это были донесенія о состояніи епархіи. Въ консисторію обыкновенно присылались доношенія о числѣ церквей, табель о монастыряхъ, о престолахъ и монастырскихъ церквахъ, о монастыряхъ съ повседневнымъ богослуженіемъ, о постриженіи монаховъ и о бѣжавшихъ и умершихъ монахахъ. На основаніи этихъ доношеній консисторія составляла общій отчетъ, съ вѣдомостями и табелью, и сама отъ себя посылала въ Св. Синодъ. Такой порядокъ удерживался почти до конца правленія епархіей митрополита Арсенія. Лишь въ 1769 году Св. Синодомъ было велѣно, въ виду того, что указы синодальные посылались не въ консисторію, а къ митрополиту, и доношенія о состояніи епархіи и репорты о полученіи указовъ присылать отъ митрополита, а не отъ консисторіи [2]). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что обычай присылать доношенія изъ консисторіи, не имѣя никакихъ основаній за собой, существовалъ въ епархіи Кіевской, какъ традиціонное отступленіе отъ законнаго порядка. По всей вѣроятности, онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что въ отсутствіе митрополита (за смертію или за непріѣздомъ) синодальные указы направлялись въ консисторію, и въ свою очередь послѣдняя отъ себя доносила о полученіи указовъ, а равно о состояніи епархіи.

Въ консисторіи слѣдуетъ различать, а) присутствіе, б) канцелярію и в) архивъ.

а) Присутствіе консисторіи составляли члены ея. Послѣдними были почти исключительно лица монашествующія: настоятели кіевскихъ монастырей по старшинству [3]), каѳедральный намѣстникъ, каѳедральный писарь, архидіаконъ и соборные іеро-

---

[1]) Памятная кн. Кіев. епар. 1882 г., стр. 15—16.

[2]) Ук. книг. К. К. 1769 года, № 16.

[3]) На первомъ мѣстѣ считался архимандритъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря; за нимъ слѣдовали: архимандритъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, архимандритъ Кіево-Братскаго монастыря, Кіево-Выдубицкаго, затѣмъ игумены: каѳедральный намѣстникъ, игуменъ Кіево-Петро-Павловскаго, Кіево-Кирилловскаго Троицкаго монастыря. Если же въ каѳедральномъ монастырѣ пребывалъ какой либо архимандритъ, то считался на послѣднемъ мѣстѣ среди архимандритовъ предъ игуменами. (Ук. кн. К. К. 1764 г., № 100).

монахи или проживавшіе въ каѳедральномъ монастырѣ архимандриты и игумены [1]).

---

1) Вотъ списокъ членовъ консисторіи съ 1757 по 1770 годъ. Никифоръ, архимандритъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря (до 31 авг. 1758 г.).

Модестъ, архимандритъ Златоверхо-Михайловскій (съ 1758 по 1768 г.) Давидъ Нащинскій, архимандритъ Кіево-Братскій (съ 25 іюля 1758 г. до 19 января 1761 г.). (А. С. С. 1766 г., № 100).

Самуилъ Мисловскій, сначала архимандритъ Кіево-Братскаго (съ 16 янв. 1761 г.), а потомъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря (до 12 сент. 1768 г.). (Рождественскій „Самуилъ Мисловскій", стр. 42—44).

Тарасій Вербицкій (съ 14 сент. 1764 г.), игуменъ Кіево-Кирилловскаго монастыря и (съ 7 октября 1768 г.) архимандритъ Кіево-Братскаго монастыря.

Гедеонъ, архимандритъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря (съ 1761—1768 г.).

Епифаній, архимандритъ Нѣжинскаго монастыря (съ 1764—1768 г.) и (съ 1768 г.) архимандритъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Антоній Почека, игуменъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (съ 1757—1760 г.).

Митрофанъ, архимандритъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (съ 1760—1765 г.).

Іаковъ, игуменъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (съ 1766—1774 г.).

Викторъ Ладыжинскій, игуменъ Кіево-Петро-Павловскаго монастыря (съ 1763—1786 г.) и (съ 23 октября 1766 года) намѣстникъ Кіево-Софійскаго монастыря.

Рувимъ, игуменъ Кіево-Петро-Павловскаго монастыря (съ 1766—1768 г.).

Архимандритъ Иларіонъ (Ростовской епархіи), пребывавшій на покоѣ въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ (1764—1766 г.).

Ѳеоктистъ, архимандритъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря (съ 1770 г.).

Сифъ, уставникъ и намѣстникъ каѳедральнаго монастыря (съ 5 сентября 1761 г. до 27 марта 1764 г.), Виленскій старшій, потомъ пребывавшій въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ и состоявшій въ это время членомъ консисторіи (съ 31 авг. 1765 г.) игуменъ Кіево-Выдубицкаго монастыря

Ѳеофанъ, игуменъ Кіево-Кирилловскаго (съ 1758 г. до половины января 1760 года).

Павелъ Волчанскій, игуменъ Кіево-Кирилловскій (съ конца января 1760 г. до 3 ноября 1763 года).

Лука Кременецкій, намѣстникъ каѳедральнаго монастыря (съ 1755 г. до 2 августа 1758 года).

Іосифъ Миткевичъ (съ 1758 года), намѣстникъ каѳедральнаго монастыря, (съ 24 апрѣля 1760 г.), игуменъ Густынскаго монастыря и членъ консисторіи, (съ 1 августа 1761 г.), архимандритъ Благовѣщенскаго Нѣжинскаго монастыря.

Антоній Леонтовичъ-Московченко (съ 1761 г. до 24 апрѣля 1762 г.), намѣстникъ Кіево-Софійскаго монастыря (24 апрѣля 1762 г., опредѣленъ игуменомъ Красногорскаго монастыря).

Азарія (съ 26 апрѣля 1762 года до 4 апрѣля 1763 года; отлущенъ въ 1763 году въ Московскую епархію, а потомъ съ 20 мая 1764 года произведенъ въ виленскіе старшіе).

Іосифъ Черниговскій (съ 1760 года до 7 марта 1763 года), игуменъ Кіево-Петро-Павловскаго монастыря, (съ 7 марта этого года до 23 октября 1766 года), намѣстникъ каѳедральнаго монастыря.

Изъ лицъ бѣлаго духовенства среди членовъ консисторіи былъ лишь одинъ священникъ Набережно-Николаевской церкви Романъ (Лубенскій).

Но это былъ исключительный случай въ это время. Романъ Лубенскій былъ опредѣленъ въ консисторію въ награду за долгую и полезную службу [1]). Въ консисторіи онъ занималъ самое послѣднее мѣсто, рѣдко являлся въ консисторію, пропускалъ въ теченіе года разъ 100 засѣданіе, извиняясь тѣмъ, что „отягощенъ тяжелою болѣзнью". Онъ оставался членомъ консисторіи до 1767 г., а въ этомъ году по прошенію былъ уволенъ отъ должности члена консисторіи. Послѣ него митрополитъ Арсеній не думалъ было уже опредѣлять на его мѣсто кого либо другого изъ бѣлаго духовенства. Но въ октябрѣ 1768 года указомъ Св. Синода велѣно было по всѣмъ епархіямъ назначать въ члены консисторіи и лицъ бѣлаго духовенства, изъ протопоповъ или достойныхъ священниковъ [2]). Поэтому необходимо было назначить и въ Кіевскую консисторію кого либо изъ бѣлаго духовенства. Выборъ митрополита остановился на правителѣ дѣлъ („писарѣ") въ консисторіи, Нѣжинскомъ намѣстникѣ Іаковѣ Бѣлявскомъ, очень дѣятельномъ и ревностномъ къ своей службѣ Бѣлявскій былъ возведенъ въ протопопы (Лохвицкіе) и опредѣленъ членомъ консисторіи (1768 г.) [3]).

Что касается назначенія въ члены консисторіи, то оно почти всегда происходило одновременно съ назначеніемъ въ настоятели того или другого кіевскаго монастыря; съ обязанностями по управленію монастыремъ назначаемый (настоятель) принималъ обязанности члена консисторіи, такъ что званіе настоятеля того или другого изъ кіевскихъ монастырей было нераздѣльнымъ съ званіемъ члена консисторіи. Остальные члены консисторіи, соборные іеромонахи, получили назначеніе въ консисторію по усмотрѣнію и опредѣленію самого м. Арсенія.

Содержанія по своей должности они не получали никакого. Эта должность была для настоятелей кіевскихъ монастырей своего рода монашескимъ послушаніемъ, при томъ почетнымъ дѣломъ,

---

[1]) Е. Крыжановскій, цит. соч., т. 1, стр. 446. Крыжановскій говоритъ, что Романъ Лубенскій опредѣленъ м. Тимоѳеемъ Щербацкимъ и засѣдалъ впервые въ 1758 г. Надо думать, опредѣленіе его въ консисторію состоялось значительно раньше 1758 года, такъ какъ въ половинѣ 1757 г. м. Тимоѳей уже былъ переведенъ въ Москву.

[2]) Указ. кн. К. К. 1768 г., № 62.

[3]) А. К. К. 1769 г., вѣдом. о писаряхъ консисторіи.

которое, по выраженію митрополита Арсенія, члены консисторіи „должны были творить для Господа, какъ дѣло Божіе“ [1]). Насколько, впрочемъ, добросовѣстно выполнялось это дѣло, объ этомъ уже можно судить по тому, что Романъ Лубенскій очень рѣдко являлся въ консисторію; да и другіе члены являлись не очень аккуратно и, видимо, тяготились занятіями въ консисторіи. Но объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже (при изображеніи консисторскаго дѣлопроизводства). А теперь перейдемъ къ слѣдующимъ лицамъ, которыя вели все дѣлопроизводство въ консисторіи. Это была канцелярія консисторіи.

IV.

Для производства дѣлъ при консисторіи была канцелярія. Во главѣ канцеляріи стоялъ правитель, который 1) наблюдалъ за всею консисторіею и 2) въ то же время входилъ къ митрополиту Арсенію съ докладами. Онъ обыкновенно записывалъ (въ большинствѣ случаевъ) и резолюціи митрополита, которыя слѣдовали за докладомъ. Этотъ правитель консисторіи носилъ названія: „судовый писарь“, „реэнтъ судовыхъ дѣлъ“, „консисторскій писарь“. Должность особаго консисторскаго писаря впервые была учреждена лишь въ 1745 г. 9 января, а до той поры обязанности консисторскаго писаря отправлялъ каѳедральный писарь [2]). Первымъ писаремъ консисторіи былъ іеродіаконъ Кіево-Братскаго монастыря, Антоній Московченко, который въ 1746 году былъ опредѣленъ и каѳедральнымъ писаремъ; 2-мъ писаремъ, съ 13 октября 1748 года, былъ іеромонахъ Кіево-Софійскаго монастыря, Антоній Почека, бывшій Нѣжинскій священникъ. Послѣ Антонія дѣла консисторскаго писаря отправлялъ Іосифъ Галяховскій, тогдашній каѳедральный писарь; 3-й писарь былъ Лука Кременецкій (съ 19 февраля 1752 г. по 1754 г.), которому митрополитъ Тимоѳей ведѣлъ не имѣть отдѣльнаго голоса и не засѣдать вмѣстѣ съ членами консисторіи, но сидѣть за отдѣльнымъ столомъ и лишь представлять дѣла на разсмотрѣніе и обсужденіе консисторіи. Съ 1754 по 1755 г. писаремъ былъ іеромонахъ Петръ Артовскій; за нимъ слѣдовалъ Сифъ, Гамалѣя, бывшій реэнтъ каѳедральной канцеляріи, а, затѣмъ, іеромонахъ каѳедральнаго монастыря, Іакинѳъ Костенецкій (съ 16 марта 1758 года). Въ одномъ изъ документовъ находится замѣчаніе, что должность особаго писаря учреждена лишь съ

---

[1]) А. К. К. 1761 г., резолюція отъ 12 марта.

[2]) А. К. К. 1769 г., вѣдомость о писар. консисторіи.

1748 года, а до той поры были: 1) каѳедральный писарь, который исправлялъ дѣла и въ консисторіи, и 2) реэнтъ-помощникъ его [1]. Но справедливѣе согласиться съ тѣмъ, что должность особаго писаря консисторіи, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ вѣдомость 1769 года, была учреждена въ 1745 году. Объясняется это разногласіе документовъ тѣмъ, что 1-й консисторскій писарь—Антоній Московченко былъ изъ консисторскихъ реэнтовъ и могъ, слѣдовательно, ошибочно быть принятъ за реэнта, а не самостоятельнаго писаря, между тѣмъ какъ 2-й писарь, Антоній Почека (съ 1748 г.), былъ назначенъ не изъ реэнтовъ, а изъ простыхъ іеромонаховъ. Съ прибытіемъ же митрополита Арсенія въ Кіевъ, въ консисторіи уже является по 2 судовыхъ писаря. Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію должности 2-го судоваго писаря послужила замѣченная митрополитомъ Арсеніемъ въ консисторіи волокита въ отправленіи дѣлъ. Чтобы прекратить остановку и задержку въ отправленіи дѣлъ, митрополитъ Арсеній и велѣлъ „укомплектовать“ канцелярію консисторіи надлежащимъ числомъ служителей. Тогда же и была учреждена должность 2 писаря. Должность обоихъ писарей несли монахи Кіево-Софійскаго монастыря до той поры, пока правители дѣлъ [2]) или судовые писари не были сравнены по рангу съ губернскими секретарями.

---

[1]) А. К. К. 1767 г., по оп. № 80.

[2]) Вотъ эти правители: 1) іеродіаконъ Кіево-Софійскаго монастыря Іаковъ, изъ реэнтовъ каѳедральной канцеляріи (1758—1762 г.). 2) Вмѣстѣ съ Іаковомъ былъ писаремъ іеродіаконъ каѳедральнаго монастыря Азарія Рубановъ-Ясноводскій, бывшій соборный писарь, съ 1759 г. 11 марта и. д. каѳедральнаго писаря, а съ 15 сентября того же года опредѣленный каѳедральнымъ писаремъ. 3) Послѣ Азаріи былъ писаремъ іеромонахъ каѳедральнаго монастыря Рафаилъ (съ 25 сентября 1759 г. до сентября 1760 г.; до той поры шафаръ дома архіерейскаго, а послѣ—шафаръ „муровой“). 4) За Рафаиломъ слѣдовалъ іеромонахъ каѳедральнаго монастыря, Ѳеофилактъ Добрицкій; за нимъ 5) іеромонахъ Савва Тихоновичъ Пахмѣскій (сент. 1760—1761 г.), бывшій учитель школы инфимы въ Кіевской академіи; а, затѣмъ, 6) іеромонахъ Венедиктъ Богдановичъ, бывшій реэнтъ каѳедральной канцеляріи. Богдановичъ былъ писаремъ (съ котораго времени, точно неизвѣстно, приблизительно съ 1762 г.) до 1765 г. 23 февраля, когда по прошенію былъ уволенъ отъ должности писаря, но 23 декабря снова опредѣленъ въ канцелярію для представленія въ консисторію давнихъ не рѣшенныхъ дѣлъ, а потомъ, 1 декабря 1767 г., уволенъ за нанесеніе побоевъ одному казаку и отпущенъ къ намѣстнику Кіево-Софійскаго монастыря, для опредѣленія ему самаго тяжкаго послушанія. 7) Іакова въ 1762 г. 6 апрѣля смѣнилъ іеромонахъ Иродіонъ Искробатъ (изъ нѣжинскихъ священниковъ), который по болѣзни, согласно прошенію, 18 іюня 1764 г. былъ уволенъ отъ должности писаря, но съ полученіемъ ½ доходовъ писаря. 8) Послѣ Иродіона къ правленію дѣлами былъ опредѣленъ пребывавшій въ каѳедральномъ монастырѣ монахъ Гамалѣевскаго монастыря

Этотъ указъ не ограничивался только сравненіемъ секретарей по рангу: онъ требовалъ также того, чтобы вмѣсто монаховъ, какъ незнакомыхъ съ государственными установленіями и потому допускавшихъ много безпорядковъ въ консисторскихъ дѣлахъ, были опредѣлены въ секретари служители Св. Синода изъ приказныхъ безпорочныхъ и неподозрительныхъ людей [1]). Е. Крыжановскій говоритъ, что вслѣдъ за этимъ указомъ послѣдовало назначеніе писаря Бѣлявскаго членомъ консисторіи и опредѣленіе въ правители реэнта Василія Самойловича (бывшаго комнатнаго надзирателя консисторскихъ приказныхъ) [2]), какъ будто на его мѣсто. Но имѣющіяся у насъ данныя (вѣдомость о писаряхъ, принадлежащая, по всей вѣроятности, одному изъ писарей,—Кириллу Тарловскому [3]), бывшему въ 1769 году) ясно говорятъ, что Бѣлявскій былъ назначенъ членомъ консисторіи

Іакинѳъ Костровскій (съ 18 іюля 1764 г. до 29 октября 1765 года). Костровскому еще 23 февраля 1765 года было велѣно отправиться въ Гамалѣевскій монастырь по дѣлу архимандрита Давида, но онъ не поѣхалъ и правилъ дѣлами до конца октября, когда былъ опредѣленъ на пребываніе въ Златоверхо-Михайловскій мостырь. Съ 1765 г. мы видимъ въ числѣ правителей консисторіи лицо бѣлаго духовенства,—Іакова Бѣлявскаго. 9) Іаковъ Бѣлявскій, нѣжинскій намѣстникъ, былъ опредѣленъ въ должность писаря на мѣсто Венедикта, согласно прошенію, по утвержденному митрополитомъ Арсеніемъ мнѣнію консисторіи, 23 февраля 1765 года; вступилъ въ должность 18 апрѣля и при вступленіи далъ подписку прослужить, по крайней мѣрѣ, 3 года. 23 апрѣля 1768 года, онъ былъ произведенъ въ лохвицкіе протопопы, а когда вышелъ указъ Св. Синода объ опредѣленіи въ члены консисторіи лицъ изъ бѣлаго духовенства (10 сентября 1768 года), Бѣлявскій былъ опредѣленъ присутствующимъ въ консисторію (17 октября 1768 года) съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы исправлялъ и дѣла по должности писаря и наблюдалъ за порядками въ консисторіи. За свою усердную службу онъ получилъ 18 августа 1765 года благословеніе на ношеніе скуфіи. 10) Съ опредѣленіемъ въ Златоверхо Михайловскій монастырь Іакинѳа, на должность писаря былъ опредѣленъ 5 октября 1765 года бывшій на пребываніи въ каѳедральномъ монастырѣ іеромонахъ Владиміръ Жураковскій; но онъ не успѣлъ вступить въ должность, такъ какъ (чрезъ 10 дней) былъ опредѣленъ присутствующимъ въ каѳедральную вотчинную канцелярію.

[1]) Указ. кон. 1765 г., № 83.

[2]) Е. Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 448.

[3]) Основаніемъ къ этому предположенію служитъ слѣдующее: во 1-хъ, въ вѣдомости приводятся свѣдѣнія о писаряхъ какъ разъ до 1769 года, до Кирилла Тарловскаго; во 2-хъ curriculum vitae послѣдняго—подробно и такъ велико, по сравненію съ свѣдѣніями о другихъ писаряхъ, даже современныхъ автору, что невольно напрашивается предположеніе о томъ, что curriculum vitae Тарловскаго написано самимъ Тарловскимъ.

въ 1768 году, а до той поры, очевидно, оставался писаремъ; мало того, даже и по назначеніи въ члены, Бѣлявскому было поручено отправлять дѣла по писарской должности. Если же Бѣлявскій оставался писаремъ до 1768 года и далѣе, то очевидно, не на мѣсто Бѣлявскаго былъ назначенъ Самойловичъ. Послѣдній могъ смѣнить (и смѣнилъ) другого писаря изъ іеромонаховъ, Владиміра Жураковскаго, который едва предъ симъ былъ назначенъ и, конечно, не могъ быть знакомъ съ порядками въ консисторіи и съ государственными установленіями: между тѣмъ, какъ намѣстникъ Бѣлявскій уже съ апрѣля 1765 г. служилъ писаремъ и имѣлъ репутацію дѣловитаго писаря; съ него даже взята была подписка въ томъ, что онъ будетъ нести свою службу не менѣе трехъ лѣтъ. Наконецъ, синодальный указъ прямо и не относился къ Бѣлявскому, такъ какъ онъ былъ не изъ монаховъ, а потому весьма естественно, что именно Жураковскій былъ уволенъ отъ должности писаря, чтобы дать мѣсто свѣтскому лицу, Самойловичу.

Насколько высоко цѣнились дарованія и опытность Бѣлявскаго, какъ секретаря или писаря консисторскаго, видно изъ того, что къ нему даже былъ опредѣленъ для пріученія къ писарской должности кандидатъ въ писари на его мѣсто, который имѣлъ смѣнить его по истеченіи трехлѣтія его службы. Это случилось въ 1767 г., 19 мая, а прикомандированнымъ къ Бѣлявскому кандидатомъ въ писаря былъ іеромон. Моисей Несторовичъ.

Спрашивается: почему митрополитъ Арсеній прикомандировалъ для пріученія къ дѣламъ одного изъ монаховъ, когда предъ тѣмъ, лишь недавно Св. Синодъ велѣлъ не назначать въ секретари монаховъ?

Въ отвѣтъ на это скажемъ слѣдующее. Св. Синодъ, издавая указъ о назначеніи въ секретари не монаховъ, а лицъ знакомыхъ съ правительственными установленіями, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду полное и точное согласованіе всѣхъ порядковъ консисторскаго судопроизводства и дѣлопроизводства съ правительственными узаконеніями [1]), которыя оставались для монаховъ камнемъ претыканія и были не вполнѣ извѣстными. На первомъ мѣстѣ, конечно, стояло здѣсь согласованіе съ синодальными постановленіями и отмѣна всѣхъ мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ.

---

[1]) Въ указѣ 8 іюня 1767 года, сказано, что Синодъ усматриваетъ въ малороссійскихъ консисторіяхъ „многіе непорядки“ и въ рѣшеніи дѣлъ—несогласіе съ государственными узаконеніями и вмѣшательство консисторіи въ непринадлежащія до духовнаго суда дѣла (Е. Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 448).

Что это такъ, видно изъ того, что Св. Синодъ рекомендовалъ въ писаря не просто свѣтскихъ лицъ, а преимущественно изъ синодальныхъ канцеляристовъ. Но именно съ этой точки зрѣнія этотъ указъ долженъ былъ встрѣтить, если не противодѣйствіе, то обходъ со стороны Кіевской епархіальной власти. Дѣло въ томъ, что Кіевская епархія сохраняла еще много особенностей въ строѣ своей жизни и узаконеній, не совсѣмъ подходившихъ подъ общій уровень всѣхъ другихъ русскихъ епархій и лишь пощаженныхъ временемъ отъ окончательнаго уничтоженія ихъ Одна изъ такихъ особенностей заключалась и въ своеобразныхъ порядкахъ консисторіи, сгладить которые имѣлъ въ виду Синодъ, издавая указъ о свѣтскихъ секретаряхъ.

Но митрополитъ Арсеній оказался твердымъ и ревнивымъ хранителемъ „обычныхъ правъ своей епархіи“. Поэтому, хотя онъ и смѣнилъ Жураковскаго Самойловичемъ, но на будущее время, было видно,—онъ рѣшился поставить себя въ независимое положеніе по отношенію къ Св. Синоду въ дѣлахъ назначенія опытныхъ и знакомыхъ съ дѣлами писарей; онъ рѣшилъ подготовить писаря, хотя бы изъ монашествующихъ, и велѣлъ Несторовичу пріучаться къ дѣламъ.

Несторовичъ, впрочемъ, не остался писаремъ, а былъ опредѣленъ митрополитомъ Арсеніемъ въ Яблоченскій монастырь во игумены (1768 года 21 сентября).

Вмѣсто Несторовича въ канцелярію консисторіи опредѣленъ былъ писаремъ іеродіаконъ Кириллъ Тарловскій (5 февраля 1769 года)

При этомъ Кириллъ Тарловскій долженъ былъ докладывать дѣла въ консисторіи по 2-мъ повытьямъ: Кіевскому и Нѣжинскому; доклады же по остальнымъ двумъ повытьямъ (Полтавскому и Лубенскому) дѣлалъ реэнтъ Василій Самойловичъ. Тарловскій вступилъ въ должность 10 февраля 1769 года, съ жалованьемъ по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ; 7 іюня онъ былъ рукоположенъ во іеромонаха, а съ 17 октября сталъ получать по 2 руб. 50 коп. жалованья въ мѣсяцъ,—какъ и реэнтъ Самойловичъ [1]). До какой поры онъ былъ писаремъ, неизвѣстно; Самойловичъ же оставался писаремъ до 1783 года [2]).

Въ составъ канцеляріи входило много служащихъ лицъ разнаго чина и ранга. Это были должностныя лица, которыя

---

[1]) А. К. К., вѣдомость о писаряхъ 1769 г.

[2]) К. Е. В. 1862 г, стр. 17.

размашистою рукою подписывались: „канцелярист‌ъ“, „подканцелярист‌ъ“, „копіист‌ъ“ и „писчикъ.“ Канцелярист‌ъ обыкновенно составлялъ бумаги; онъ имѣлъ для этого еще помощника—„подканцеляриста.“ „Копіист‌ъ“ же и „писчикъ“ или „писецъ“ переписывали составленныя бумаги набѣло,—послѣдній—разныя мелочи. По должности канцелярист‌ъ соотвѣтствовалъ нашему столоначальнику и завѣдывалъ дѣлами одного повытья или округа въ епархіи. Стало быть, по числу повытьевъ въ канцеляріи было число и канцеляристовъ и соотвѣтствующее число другихъ чиновниковъ, хотя, впрочемъ, общее число чиновниковъ или канцелярскихъ служителей въ разные годы было неодинаково.

Всѣхъ повытьевъ въ Кіевской епархіи было четыре: Кіевское, Полтавское, Лубенское и Нѣжинское. Кромѣ этихъ четырехъ столовъ (повытческихъ), былъ еще особый столъ—протокольный. Затѣмъ, въ половинѣ XVIII в., упоминается и генеральное повытье [1]). Генеральное повытье завѣдывало дѣлами заграничныхъ монастырей, церквей, монаховъ и христіанъ, дѣлами о произведеніи монаховъ, игуменовъ, о принятіи православной вѣры, о сборахъ милостыни въ пользу заграничныхъ обителей и т. дал. Протокольный же столъ былъ выдѣленъ въ консисторіи въ 1758 году,—съ той поры, какъ отъ консисторіи была отдѣлена, какъ самостоятельное учрежденіе, каѳедральная контора. Въ послѣднюю, какъ мы знаемъ, поступали всѣ бумаги, доклады и указы, поступавшіе на личное усмотрѣніе митрополита. Однако всякій синодальный указъ или указъ синодальной конторы непремѣнно поступалъ и въ консисторію для снятія копіи и для разсылки по епархіи. Кромѣ того, въ консисторіи необходимо было вести и общую запись всѣхъ входившихъ изъ разныхъ повытьевъ бумагъ и исходившихъ изъ консисторіи распоряженій и указовъ; необходимо было вести и настольный реестръ всѣхъ синодальныхъ указовъ, которые не предназначались для того или другого повытья, но имѣли значеніе руководственное и на будущее время. Все это и требовало учрежденія общаго стола въ консисторіи. Такимъ былъ столъ протокольный, который, кажется, на первыхъ порахъ и былъ объединенъ вмѣстѣ съ генеральнымъ повытьемъ, такъ какъ послѣднее не имѣло отдѣльнаго и самостоятельнаго стола въ консисторіи. Мы сказали, что общее число канцеляристовъ зависѣло отъ числа повытьевъ. Но общее число канцеляристовъ въ разные

[1]) Указ. кн. К. К. 1759—60, л. 17.

годы было неодинаково. Это оттого, что штатъ канцеляристовъ въ разные годы мѣнялся. До митрополита Арсенія въ канцеляріи бывало отъ 12 до 15 человѣкъ (столько ихъ бывало съ 1740 года, а о томъ, сколько было раньше, уже въ 1762 году не найдено было справокъ). Съ 1741 по 1748 годъ было въ канцеляріи служителей: 1 реэнтъ, 4 канцеляриста (или повытчика), 5-й протоколистъ, который завѣдывалъ и конторой, 4 подканцеляриста и 2 копіиста. Реэнтъ считался, обыкновенно начальникомъ канцеляріи и наблюдалъ за правильнымъ веденіемъ дѣлъ въ канцеляріи и поведеніемъ всѣхъ канцеляристовъ даже въ обыкновенной жизни. Онъ былъ помощникомъ писаря. Съ 1748 года реентъ сдѣлался помощникомъ писаря и каѳедральнаго, и консисторскаго. Съ 1752 года (по 1757 г.) во главѣ повытьевъ стояли лица монашествующія; въ это время въ канцеляріи находилось отъ 15 до 20 человѣкъ, изъ которыхъ въ каждомъ изъ повытьевъ было по 1—2 подканцеляриста и по 2—3 копіиста. Съ вступленіемъ на Кіевскую каѳедру митрополита Арсенія, учреждена должность 2-го писаря: 1-й писарь завѣдывалъ дѣлами Полтавскаго и Кіевскаго повытьевъ, а 2-й—Нѣжинскаго и Лубенскаго. Съ учрежденіемъ должности 2-го писаря, была учреждена и должность 2-го реэнта, какъ его помощника. Учрежденіе этихъ новыхъ должностей было вызвано увеличеніемъ дѣлъ въ консисторіи. Митрополитъ Арсеній на первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Кіевѣ ознакомился съ волокитой въ консисторіи и уже 31 августа 1758 года отдалъ приказъ о томъ, чтобы канцелярія была наполнена потребнымъ числомъ служащихъ, чтобы не было никакой остановки въ рѣшеніи и даже перепискѣ дѣлъ. Потомъ, 14 октября 1758 года, митрополитъ Арсеній велѣлъ консисторіи составить штатъ необходимыхъ для канцеляріи служителей, съ назначеніемъ каждому особой суммы.

Въ отвѣтъ на это консисторія предположила увеличить число копіистовъ до 15, а, затѣмъ, въ засѣданіи 7 ноября, составила и проэктъ штата канцеляріи. По этому проэкту для каждаго повытья опредѣлялся штатъ изъ 5 человѣкъ: 1 канцеляристъ, 2 подканцеляриста и 2 копіиста, да, кромѣ того, въ протокольномъ столѣ—1 канцеляристъ и 1 копіистъ. Всего служащихъ по проэкту должно было быть 22 человѣка, да въ каѳедральной конторѣ 2 канцеляриста, 2 подканцеляриста и 3 копіиста,—итого 29 человѣкъ. При этомъ самъ собою выдвигался вопросъ 1) о пріисканіи способныхъ и „охочихъ людей“ въ канцелярскіе служители и 2) о снабженіи ихъ необходимымъ содержаніемъ.

Тотъ и другой вопросъ былъ очень важный, потому что не только предъ этимъ, но и послѣ этого, во все разсматриваемое нами и дальнѣйшее время, въ канцеляріи мало было способныхъ служащихъ; если кто и былъ, то онъ спѣшилъ уйти куда нибудь въ другое, болѣе выгодное мѣсто. Поводомъ же къ уходу было крайне скудное содержаніе въ консисторіи.—Консисторія не задумалась надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ,—она постановила: во 1-хъ, если не найдется охотниковъ изъ способныхъ людей—занять службу при консисторіи, то требовать изъ академіи, изъ разныхъ школъ—разночинцевъ, которые бы изъявили согласіе служить, при чемъ для привлеченія ихъ на службу было положено обнадежить ихъ, кромѣ жалованья, и предоставленіемъ имъ за ихъ службу въ консисторіи праздныхъ священническихъ мѣстъ; во 2-хъ, если бы дѣти разночинцевъ не захотѣли поступить на службу, то привлечь къ этой службѣ однихъ дѣтей священниковъ съ объявленіемъ, что служба въ канцеляріи будетъ зачтена, какъ служба при церкви и въ качествѣ церковной службы. Замѣчательно при этомъ, что въ отношеніи къ священническимъ дѣтямъ предположено было прибѣгать даже къ мѣрамъ насилія и строгости: еслибы никто не изъявилъ согласія добровольно, то предположено было брать насильно и объявить имъ, что, въ случаѣ отказа, они будутъ лишены „наслѣдныхъ отческихъ парохій."

Охотниковъ занять мѣсто при консисторіи изъ способныхъ разночинцевъ, дѣйствительно, не оказалось, и тогда обратились въ академію, съ приглашеніемъ поступить на службу въ канцелярію.

Видимая несправедливость въ отношеніи къ священническимъ дѣтямъ бросается въ глаза. Но это станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что, во 1-хъ, консисторія только и имѣла власть надъ дѣтьми духовенства, а, во 2-хъ, она, дѣйствительно, находилась въ затруднительномъ положеніи. Въ объясненіе послѣдняго мы скажемъ слѣдующее.

Пока канцелярская служба была дѣломъ монаховъ, до той поры и консисторія не чувствовала затрудненія въ своемъ дѣлопроизводствѣ. Когда же канцелярія стала пополняться лицами свѣтскими, людьми наемными, то затрудненія явились сами собою, такъ какъ недостатокъ рабочихъ рукъ явился неизбѣжнымъ, какъ слѣдствіе того скуднаго содержанія, которое давалось служащимъ при канцеляріи. Что исполняли почти за долгъ послушанія монахи, того не соглашались исполнять наемные люди. Особенно скудно было содержаніе низшихъ служителей, подкан-

целяристовъ, копіистовъ и писцовъ, отъ чего обыкновенно и мало было охотниковъ занимать эти мѣста (мѣста канцеляристовъ попрежнему занимали монахи). Естественно было со стороны консисторіи стараться привлекать къ службѣ въ канцеляріи разными выгодами, льготами, обѣщаніями. Одно изъ такихъ привлекающихъ средствъ и заключалось въ обѣщаніи засчитать службу въ канцеляріи въ качествѣ церковной службы и въ предоставленіи канцелярскимъ служителямъ священническихъ мѣстъ. 1759 года 8 января митрополитъ Арсеній велѣлъ объявить, что желающіе служить при канцеляріи учительные разночинцы за свою службу могутъ быть удостоены празднаго священническаго мѣста [1]).

Это обѣщаніе произвело, дѣйствительно, свое дѣйствіе. Многіе молодые люди стали охотно поступать на службу при консисторіи, а нѣкоторые даже ради этой службы оставляли академію [2]), предпочитая вмѣсто труднаго пути науки идти по другому пути, болѣе выгодному въ практическомъ отношеніи. Расчетъ здѣсь былъ прямой: не имѣвшіе за собой наслѣдственныхъ правъ на приходъ пріобрѣтали права на приходъ за свою службу; они могли высмотрѣть приходъ получше, не тратясь на долгое и трудное хожденіе въ контору, что было обыкновеннымъ удѣломъ искавшихъ священства. Да, и по вступленіи на приходъ, бывшіе приказные канцелярскіе, особенно реэнты всегда были на виду у начальства, какъ люди знакомые съ канцелярскимъ производствомъ и законами, и были первыми кандидатами на должности членовъ духовныхъ правленій, протопоповъ, намѣстниковъ и занимали градскіе приходы [3]). Нѣкоторые даже поступали въ канцелярію лишь за 1—2 года до указнаго возраста (до 30 лѣтъ), необходимаго для поступленія во священники. Само собой понятно, что всѣ эти лица, смотрѣвшія на службу въ канцелярію, лишь какъ на средство для достиженія священства, были привязаны къ своей службѣ чисто внѣшнимъ образомъ и, при первомъ удобномъ случаѣ, готовы были уйти, и уходили изъ канцеляріи. Были здѣсь еще и такіе, которые поступали въ канцелярію не изъ академіи и имѣли въ виду лишь пріучиться къ канцелярскому дѣлопроизводству, такъ какъ они не

---

[1]) А. К. К. 1759 г., ук. № 53.

[2]) Такъ, учитель Моисей Хоменко просилъ митрополита Арсенія принять его въ канцелярію, гдѣ онъ „могъ бы служить съ таковою ревностію, чтобы тая служба его за церковную могла быть вмѣнена ему“ (Ар. К. К. 1765 г., № 106).

[3]) А. К. К. 1769 г., № 267.

имѣли правъ на приходъ, какъ неученые, и, потомъ, переходили на болѣе выгодную и обезпеченную службу при какихъ либо свѣтскихъ канцеляріяхъ. Такимъ образомъ, не смотря даже на льготы и привилегіи, привлекавшія служащихъ въ канцелярію, консисторія терпѣла затрудненія въ своемъ канцелярскомъ производствѣ.

Поводомъ къ этому служила именно та мѣра, которая вызвала приливъ служащихъ въ канцелярію. Такъ какъ послѣдніе поступали изъ-за выгодъ и спѣшили воспользоваться ими, то постоянно происходилъ приливъ и отливъ служащихъ изъ консисторіи,—отсюда постоянное обновленіе: одни выходили, другіе входили. Отъ этого происходилъ ущербъ въ дѣлопроизводствѣ: едва одинъ успѣвалъ пріучиться къ порядкамъ и службѣ, какъ уже необходимо было пріучать къ той же службѣ новаго, такъ какъ тотъ успѣвалъ уйти на приходъ или перейти въ другое вѣдомство.

Вслѣдствіе этого епархіальное начальство вынуждено было прибѣгать къ ограничительнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ частой смѣнѣ канцелярскихъ служителей. Вмѣстѣ съ обѣщаніемъ привилегій были принимаемы мѣры къ тому, чтобы привязать канцелярскихъ служителей къ службѣ. Такъ, въ 1758 году 14 октября было постановлено, чтобы всякій прослужилъ при канцеляріи не менѣе 5—6 лѣтъ, а если оставитъ службу до истеченія этого срока, то не получитъ священническаго мѣста [1]). Въ 1764 году 15 декабря это опредѣленіе снова было подтверждено [2]), при чемъ было сказано, что ушедшіе до срока не получатъ аттестата. Но и послѣ этого были случаи оставленія службы до истеченія 5 лѣтъ. Канцеляристу Стефану Михайловскому, дѣйствительно, было отказано въ посвященіи во священники, такъ какъ онъ не выслужилъ 5 лѣтъ, согласно подпискѣ [3]). Въ виду частыхъ случаевъ ухода изъ консисторіи до истеченія пятилѣтняго срока, въ 1767 году 28 марта было опять постановлено: отъ опредѣлявшихся на службу отбирать подписки въ томъ, что они прослужатъ при канцеляріи не менѣе узаконеннаго срока,—„подъ неполученіемъ за нарушеніе подписки священническаго мѣста“, при чемъ самый срокъ обязательной службы былъ увеличенъ до 6 лѣтъ [4]).

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр 459.
[2]) А. К. К. 1766 г., № 126, Кіев. пов.
[3]) А. К. К. 1767 г., № 58.
[4]) А. К. К. 1767 г., № 121.

А въ 1769 году было постановлено: потребовать подписки въ томъ, что монахи будутъ служить при консисторіи не менѣе 7 лѣтъ [1]. Что касается тѣхъ, которые переходили на службу въ свѣтскія канцеляріи, то для удержанія ихъ при канцеляріи консисторіи митрополитъ Арсеній также изыскивалъ мѣры и хотѣлъ обнадежить ихъ правомъ полученія прихода, а потому и ходатайствовалъ въ 1768 году предъ Св. Синодомъ и Комиссіею Уложенія о предоставленіи права на приходъ и неученымъ канцелярскимъ служителямъ, для поощренія ихъ къ службѣ [2]. Но это ходатайство не было удовлетворено. Лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка, по указу Св. Синода (1799 г. 24 марта), было велѣно предоставлять приходы въ награду за службу и приказнымъ консисторіи и духовныхъ правленій [3].

Такъ какъ всѣ свѣтскіе канцеляристы часто все таки оставляли службу при консисторіи, то митрополитъ Арсеній по возможности старался заполнять мѣста канцеляристовъ хоть лицами монашествующими. Съ этою цѣлію, между прочимъ, былъ изданъ указъ о томъ, чтобы „во всѣхъ монастыряхъ усматривать монаховъ до канцеляріи способныхъ и высылать ихъ въ консисторію для опредѣленія въ канцелярію“ [4]. На сколько этотъ указъ былъ выполненъ, не знаемъ. Но извѣстно, что въ консисторской канцеляріи, дѣйствительно, на ряду съ лицами свѣтскими были и монашествующіе, которые такъ и подписывались: „канцеляристъ іеромонахъ Петръ, Георгій, іеродіаконъ Венедиктъ“, не смотря на то, слово „канцеляристъ“, съ отдѣленіемъ каѳедральной конторы отъ консисторіи, сдѣлалось обозначеніемъ не должности только, но и чина или ранга. Это продолжалось до той поры, пока Св. Синодомъ не были запрещены такія подписи [5].

---

[1]) А. К. К. Д. 1769 г., д. № 109, объ опредѣленіи въ консисторію Мартина Стефановскаго.

[2]) П. Сб. Им. И. И О. т. 43, стр. 523.

[3]) Рук. К. С. биб. № 379, л. 106.

[4]) А. К. К. 1760 г., № 584, ук. 4 апр. №

[5]) Случилось это въ 1762 году. Въ этомъ году одинъ изъ священниковъ лохвицкихъ, протопопъ Іаковъ Лисовскій отправился въ Петербургъ съ паспортомъ на которомъ была подпись монаха канцеляриста Петра. Св. Синодъ при заявленіи паспорта замѣтилъ это и 17 іюня издалъ указъ о томъ, чтобы монахи не именовались канцеляристами. Тогда и были уволены канцеляристы Нѣжинскаго и Лубенскаго повытья, іеромонахи Георгій и Петръ, а на ихъ мѣсто опредѣлены свѣтскіе (А. К. К. 1762 г. приказ. стол. № 61).

VI.

Какъ консисторія рѣшила вопросъ о пополненіи канцеляріи, такъ же рѣшила она и вопросъ и о снабженіи служащихъ необходимымъ жалованьемъ. Свободно въ умѣ распоряжаясь суммами, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было и неоткуда было взять, консисторія назначала жалованье канцеляристамъ и не указывала, гдѣ взять денегъ на жалованье; поэтому и сей проэктъ постигла та же судьба, какова въ большинствѣ случаевъ постигаетъ проэкты. Проэктъ остался безъ всякаго приложенія къ дѣлу, а сохранился, лишь какъ памятникъ канцелярской дѣятельности членовъ консисторіи.

Представленные консисторіей митрополиту Арсенію проэкты о пополненіи служащихъ и снабженіи ихъ жалованьемъ вызвали резолюцію митрополита Арсенія о томъ, чтобы составить штатъ служащихъ съ содержаніемъ изъ суммъ, собиравшихся отъ дворового числа безъ всякой прибавки, а по проэкту требовалось прибавки, по крайней мѣрѣ, 100 руб. въ годъ [1]). Повидимому, распоряженіе это такъ и осталось не исполненнымъ, ибо въ особой запискѣ объ укомплектованіи канцеляріи, находившейся у насъ подъ руками, нѣтъ вовсе никакихъ указаній на это. И такое событіе, какъ неисполненіе резолюціи митрополита не должно удивлять никого, такъ какъ, дѣйствительно, многія распоряженія митрополита оставались безъ исполненія (для примѣра можно указать на распоряженіе о скоромъ рѣшеніи дѣлъ въ консисторіи и неопустительномъ посѣщеніи присутствія членами консисторіи), а тѣмъ болѣе могло остаться безъ исполненія такое распоряженіе, которое имѣло отношеніе къ несуществовавшимъ суммамъ.

Да и сама консисторія даетъ ключъ къ объясненію этого. Въ упомянутой запискѣ объ укомплектованіи канцеляріи говорится, что многія распоряженія, дѣла, и даже синодальные указы остались не рѣшенными, не разсмотрѣнными и не исполненными въ свое время. Какая же причина этому? Отвѣтъ находимъ здѣсь же. Въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1758 по 1761 г.) въ канцеляріи смѣнялись канцелярскіе служители почти каждый мѣсяцъ; за этотъ промежутокъ всего перемѣнилось болѣе 50 лицъ; до года оставались лишь немногіе, да и то лишь такіе, которые не могли писать исправно и не могли служить даже копіистами, остальные, видя массу и трудность работы и въ то же время скудость содержанія, скоро оставляли службу и уходили даже

---

[1]) А. К. К., резол. 1758 г., отъ 14 октября.

безъ всякихъ отпусковъ. Всего въ 1761 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, было 4 канцеляриста (въ томъ числѣ 2 изъ монашествующихъ, 1 изъ послушниковъ), 5 подканцеляристовъ и 4 писца, а остальные 6 человѣкъ лишь „присматривались“ къ дѣламъ. Противъ предположеннаго штата, если даже считать канцелярскими служителями послѣднихъ „присматривающихся“, не хватало 3 человѣкъ. Въ это время была упразднена недавно предъ тѣмъ учрежденная должность реэнтовъ, такъ какъ послѣдніе своею небрежностію, а также „причастіемъ къ дѣлу“ [1]) затрудняли и безъ того медленное дѣлопроизводство.

Консисторія опять, по резолюціи митрополита Арсенія, занялась обсужденіемъ мѣръ къ привлеченію въ канцелярію служащихъ и удержанію ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. По мнѣнію консисторіи, для этого нужно было увеличить содержаніе канцелярскихъ служителей консисторіи. Для этого, во 1-хъ, слѣдовало не раздѣлять каѳедральной канцеляріи,—гдѣ канцеляристы получали содержаніе и отъ доброхотныхъ подаяній,—отъ консисторской канцеляріи, и всѣ доходы и доброхотныя подаянія дѣлить между всѣми служащими при консисторской и каѳедральной канцеляріи. Во 2-хъ, нужно было выдавать жалованье въ такомъ размѣрѣ: канцеляристу 20—30 руб., подканцеляристу 12—20 р., писцу отъ 6 до 12 руб., и выдавать это жалованье сообразно съ числомъ прослуженныхъ годовъ: въ 1-й годъ канцеляристу 20, во 2-й—22, 3-й—24, 4-й—26, 5-й—28 и 6-й—30 руб.; остальнымъ выдавать такъ же. Деньги для этого предположено было брать, въ дополненіе къ сбору на канцелярію консисторіи, изъ епархіальнаго сбора въ каѳедру.

Приведенное сейчасъ мнѣніе консисторіи и на этотъ разъ потерпѣло туже удачу, что и первый разъ: проектъ, не смотря на всю его разумность, остался лишь проектомъ, не принеся ничего новаго ни въ пользу канцеляріи, ни въ пользу канцеляристовъ. Митрополитъ Арсеній, по разсмотрѣніи проекта, 30 апрѣля 1761 года и 22 мая 1762 года, потребовалъ справки о деньгахъ, собираемыхъ на канцелярію, всѣ ли онѣ исправно посту-

---

[1]) Чтобы объяснить это, слѣдуетъ припомнить тотъ порядокъ дѣлопроизводства, какой существовалъ въ консисторіи. Обыкновенно, по выслушаніи въ консисторіи дѣла, писарь поручалъ его реэнту для написанія приговора; реэнтъ передавалъ его канцеляристу, канцеляристъ подканцеляристу, послѣдній писцу, потомъ дѣло съ приговоромъ совершало обратный переходъ отъ писца къ подканцеляристу, отъ этого къ канцеляристу отъ этого же къ реэнту, отъ послѣдняго къ писарю. Въ этомъ корень волокиты.

нали и надлежаще расходовались, и не было ли недоимокъ по этой статьѣ, а также—о штрафныхъ деньгахъ, сколько ихъ поступало и куда расходовались, и сколько именно содержалось канцелярскихъ служителей и на какомъ жалованьѣ.

На этотъ запросъ консисторія представила дополненіе лишь 19 мая 1763 года, въ которомъ, между прочимъ, представила новый проектъ штата канцелярскихъ служителей въ консисторіи, а именно: въ Лубенскомъ повытьѣ, какъ „многолюдномъ"— 1 канцелярист, 2 подканцеляриста, 3 копіиста; въ Кіевскомъ, Полтавскомъ и Нѣжинскомъ повытьѣ 1 канцелярист, 2 подканцеляриста и 2 копіиста; въ протоколѣ 1 канцелярист и 2 копіиста,—всего 24 человѣка. При этомъ было предположено выдавать имъ и жалованье въ такомъ размѣрѣ: канцеляристу по 15 р., подканцеляристу по 10 р., копіисту по 5 р., не считая харчевыхъ, которыхъ въ годъ необходимо было до 217 рублей. Не смотря на то, что въ этомъ проектѣ общая сумма содержанія была уже уменьшена (сверхъ получаемыхъ 500 рублей, еще не хватало до 275 рублей а раньше, по проэкту 1761 года 4 апрѣля, не хватало 400 рублей); но и на этотъ разъ (15 іюня 1764 года) митрополитъ Арсеній не утвердилъ проэкта, въ виду того, что неоткуда было пополнить недостающіе 275 руб., а потому митрополитъ велѣлъ оставить въ силѣ всѣ прежніе штаты и размѣръ жалованья, утвержденные въ 1758 г., подтвердивъ, чтобы не содержать излишнее число канцеляристовъ [1]), другими словами,—сверхъ комплекса, утвержденнаго 1758 года 8 октября.

Хотя въ 1764 году и не былъ утвержденъ проэктъ штата канцеляріи, однако число канцелярскихъ служителей, въ виду развитія дѣлопроизводства и увеличенія всякаго рода судебныхъ и другихъ процессовъ, все таки увеличивалось. Такъ, въ 1767 г. въ канцеляріи было 3 канцеляриста, 7 подканцеляристовъ, 14 копіистовъ и 9 писцовъ, всего 33 человѣка (кромѣ 5 человѣкъ при конторѣ), не считая 2-хъ писарей [2]). Съ какого именно времени въ консисторіи явились эти лица сверхъ комплекса, точныхъ свѣдѣній не имѣется. По всей вѣроятности, принятіе въ канцелярію сверхъ комплекса совершалось по мѣрѣ надобности. какъ то: въ виду накопленія дѣлъ, также въ видахъ пріученія новыхъ лицъ къ работѣ на случай выбытія наличныхъ. Что это

[1]) А. К. К. 1766 г., № 125, Кіев. пов.
[2]) А. К. К. 1767 г., д. № 80.

могло быть дѣломъ случайнаго характера и вызывалось лишь потребностями времени,—доказательства этому заключается въ томъ, что лица служившіе сверхъ комплекса (9 писцовъ) служили вовсе безъ жалованья [1]); очевидно, они были приписаны къ канцеляріи для пріученія къ дѣламъ.

Такъ какъ, однако, не всѣ 33 человѣка канцелярскихъ служителей были способны къ прохожденію канцелярской службы, и притомъ не всѣ состояли въ штатѣ канцеляріи, то отсюда возникала потребность опредѣлить новый штатъ канцелярскихъ служителей. Къ этому понуждало еще и то, что не смотря на видимое значительное число служителей, дѣлопроизводство не ускорилось и волокита въ дѣлахъ оставалась попрежнему. Это происходило оттого, что въ то время, какъ важнѣйшими дѣлами занимались два писаря, канцелярскіе служители, за отсутствіемъ надзирателя, оставались праздными. Консисторія, обративъ вниманіе на это, составила протоколъ о томъ, что необходимо учредить должности 4 писарей (по числу 4 повытьевъ), съ жалованьемъ по $2^1/_2$ руб., и снова учредить должность реэнта для наблюденія за всей канцеляріей. При этомъ писарь Бѣлявскій просилъ о назначеніи реэнтомъ канцеляриста Самойловича (который служилъ съ 1759 года), а также оставить всего 28 человѣкъ канцелярскихъ служителей, а именно: въ каждомъ повытьѣ по 4, въ протоколѣ 3, писцовъ 4, да у дѣлъ экспедиціи благочинія и въ конторѣ 5 человѣкъ. Консисторія и опредѣлила оставить 28 человѣкъ, уволить неспособныхъ и назначить реэнтомъ Вас. Самойловича на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ раньше реэнты служили при канцеляріи [2]). Когда объ этомъ было доложено митрополиту Арсенію, то онъ посмотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе. Онъ, во 1-хъ, велѣлъ всѣмъ канцелярскимъ служителямъ быть подъ вѣдѣніемъ каѳедральнаго писаря Іереміи, который и долженъ былъ наблюдать за своевременнымъ исполненіемъ работъ (это наблюденіе, правду сказать, было не совсѣмъ то удобно, потому что канцелярія консисторіи была отдѣльно отъ каѳедральной конторы); во 2-хъ, велѣлъ по прежнему оставаться 2 писарямъ до выбытія одного изъ нихъ, а потомъ оставить лишь одного писаря, а вмѣсто 2-го назначить опять реэнта. Кромѣ однообразія въ дѣлахъ и единства надзора, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ имѣлось въ виду сдѣлать экономію въ деньгахъ и употребить послѣднія на содержаніе канцеляристовъ. Въ 3-хъ, м. Арсеній

---

[1]) Ibidem.

[2]) А. К. К. 1767 года 11 декабря, № 2302.

велѣлъ всѣ доклады касательно канцеляріи и канцелярскихъ служителей представлять въ духовную консисторію—съ согласіемъ и рукоприкладствомъ каѳедральнаго писаря, что неизбѣжно приводило опять къ подчиненію консисторской канцеляріи каѳедральной канцеляріи. При этомъ митрополитъ назначилъ слѣдующихъ лицъ повытчиками: въ Лубенское повытье подканцеляриста Самуила Бутовскаго, очень прилежнаго (прослужилъ 6 лѣтъ), въ Полтавское—подповытчика Григорія Плѣсковскаго за его понятливость въ дѣлахъ (онъ былъ изъ академистовъ и служилъ 5 лѣтъ), въ Нѣжинское—Іакова Базилевскаго и въ Кіевское—Леонтія Александровскаго, съ обѣщаніемъ, въ награду за службу, священническаго мѣста [1]). Число всѣхъ остальныхъ служителей въ общемъ было оставлено то же, что было предложено консисторіей, и канцелярія оставалась болѣе или менѣе въ такомъ же видѣ до начала 70 годовъ, т. е. до смерти митрополита Арсенія.

VII.

До митрополита Арсенія, и даже долгое время при немъ особаго лица, которое бы завѣдывало архивомъ, при консисторіи не было. Самый архивъ помѣщался не въ зданіи консисторіи, а на хорахъ въ Софійской церкви въ придѣлѣ Вознесенія, за перегородкой [1]), ключъ отъ котораго хранился въ приказной избѣ: обыкновенно всякій приказный, по окончаніи дѣла, относилъ всю пачку бумагъ въ этотъ придѣлъ и бросалъ на полъ въ общую кучу; въ случаѣ, когда необходимо было найти какую либо справку за прошлые годы, одинъ изъ приказныхъ отправлялся „на поиски“ на хоры и рылся въ кучѣ бумагъ; при этомъ только одна случайность могла помочь въ отысканіи нужнаго дѣла. Ни реестровъ, ни описей дѣлъ не существовало. Такъ какъ всѣ дѣла валились въ общую кучу, то отъ этого только страдалъ архивъ и приходилъ въ большой безпорядокъ и порчу, лишаясь многихъ дѣлъ—вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ ними. Въ одномъ изъ документовъ находится указаніе, какихъ дѣлъ не хватало еще тогда, и отъ какихъ причинъ произошло это. Такъ, при сдачѣ архива архиваріусу, въ 1768 году не оказалось вовсе дѣлъ Нѣжинскаго повытья: за 1758 годъ 15 номеровъ и надписанныхъ 20, за 1759 годъ 18, за 1760—7, за 1761 3, за 1762—5, за 1763—7, за 1764—3, за 1765—2, за 1766—3; да изъ генеральнаго повытья за 1758 и 1759 г.—7 дѣлъ; только изъ этихъ 2-хъ

[1]) А. К. К. 1768 г., д. Кіев. пов. № 9.

повытьевъ не хватало уже до 90 дѣлъ [1]). Сколько же могло пропасть дѣлъ со всѣхъ повытьевъ?!

Причины порчи и пропажи архива заключались въ слѣдующемъ: 1) „Въ давнихъ годовъ дѣла были съ извѣстнымъ титуломъ и съ ними по силѣ указовъ поступаемо было", т. е. нѣкоторыя изъ бумагъ предназначались къ сообщенію въ другія учрежденія и посылались туда въ подлинникѣ, безъ снятія копій: 2) многія дѣла страдали отъ течи въ архивѣ, которая портила стѣну и всѣ дѣла, лежавшія подлѣ нея; другія же—разрывались отъ неосторожнаго обращенія съ ними; 3) ключъ отъ архива находился въ канцелярской избѣ, и всякій, кому была надобность, бралъ его, шелъ въ архивъ, отыскивалъ дѣла и забиралъ ихъ безъ всякой записки и распоряжался по своему желанію: наконецъ, 4) многія дѣла поступали въ новыя учрежденія, каѳедральную контору, а потомъ въ экспедицію благочинія, а оттуда не возвращались.

Такое состояніе архива, конечно, обращало на себя вниманіе консисторіи. Послѣдняя еще въ 1761 году, въ докладѣ 4 апрѣля, говорила о необходимости учредить „архиварія для порядочнаго расположенія и приведенія въ надлежащее состояніе дѣлъ", имѣющихся при консисторіи и при конторѣ. На „архиварія" же предположено было возложить и веденіе протокола, и сочиненіе указныхъ вѣдомостей, такъ какъ всѣ необходимыя для этого свѣдѣнія у него находились бы подъ рукой. Онъ имѣлъ быть въ подчиненіи у каѳедральнаго писаря; для помощи же ему предположено было дать, по крайней мѣрѣ, 6 человѣкъ, а жалованья ему назначалось по 4 руб. въ годъ.

Но за недостаткомъ средствъ и способныхъ лицъ, это благое предположеніе осталось неисполненнымъ, и архивъ продолжалъ оставаться въ томъ же видѣ, какъ былъ, и дальнѣйшее время. Лишь въ 1768 году указомъ Московской синодальной конторы, отъ 1-го сентября, велѣно было учредить должность архиваріуса и содержать въ порядкѣ архивъ [2]). Это распоряженіе было общимъ для всей Россіи и касалось всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Св. Синодъ велѣлъ 1) избрать въ архиваріусы лю-

---

[1]) А. К. К. 1768 г., № 9, и 1770 г., вѣдомость о консисторіи.

[2]) Указ. кн. К. К. 1768 г. № 59. А. К. К. 1768, д. Кіев. пов. № 9.

дей трезваго и неподозрительнаго житія и безъ пороковъ и 2) архивы каждый годъ одинъ разъ присутствующимъ ревизовать и свидѣтельствовать, и за всякія упущенія архиваріусовъ подвергать штрафу. Когда этотъ указъ былъ полученъ, то въ Кіевской консисторіи рѣшено было опредѣлить архиваріуса и самый архивъ привести въ порядокъ. Но для того, чтобы содержать въ порядкѣ архивъ, необходимо было установить порядокъ и въ сдачѣ разныхъ дѣлъ въ архивъ, а для того, чтобы дѣла сдавались въ порядкѣ, нужно было, чтобы они надлежащимъ образомъ и производились, переписывались и сшивались. Для всего этого необходимо было наблюдать за канцелярскими служителями. Всѣ эти обязанности консисторія и рѣшила возложить на архиваріуса, который, поэтому, сдѣлался не только наблюдающимъ за порядкомъ въ архивѣ, но и надзирателемъ надъ самими канцелярскими служителями [1]), замѣнивъ, такимъ образомъ, прежняго реэнта.

Первымъ архиваріусомъ въ Кіевской консисторіи былъ назначенъ софійскій библіотекарь, іеромонахъ Мелхиседекъ Вербицкій (бывшій въ послѣдствіи игуменомъ Выдубицкаго монастыря). Указомъ консисторіи (11 августа 1769 г.) по распоряженію митрополита Арсенія, ему было велѣно произвести слѣдующее:

1) всѣ прежніе указы собрать по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ и расположить ихъ по годамъ, составить реэстръ, указы переплесть и хранить за замкомъ; 2) собрать и расположить по годамъ всѣ опредѣленія, рѣшенія и мнѣнія консисторіи, и сочинить реэстръ ихъ, собрать черновыя записи и подлинныя резолюціи архіерейскія; 3) снять копіи съ синодальныхъ указовъ, съ резолюцій митрополита и приговоровъ консисторіи и хранить ихъ въ консисторской избѣ, на судейскомъ столѣ, для руководства и справокъ и для постояннаго пользованія, также снимать копіи съ указовъ, требующихъ исполненія, сшивать вмѣстѣ всѣ доношенія и репорты и „отпуски“ по резолюціямъ; 4) выдѣлять дѣла различныхъ предметовъ и содержаній [2]); 5) выдавать дѣла повытчикамъ подъ росписку.

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 455.

[2]) Отдѣльно выдѣлить: 1) реэстры и книги о собираніи каѳедральныхъ сборовъ, 2) дѣла объ академіи (назначеніи служащихъ лицъ, уставахъ, жалованьи), 3) вѣдомости объ учащихся, родившихся, умершихъ, о наличныхъ церквахъ и служителяхъ церкви, о монастыряхъ, объ исповѣдникахъ, 4) о новыхъ сборахъ, 5) вѣдомости о новообращенныхъ изъ другихъ исповѣданій, 6) справки о чудесахъ при Воронежской иконѣ Троеручницы, 7) о кошельковомъ сборѣ для Св.

Вмѣстѣ съ этой инструкціей велѣно было: 1) чрезъ каждые 2 мѣсяца требовать справокъ, по какимъ указамъ не получено въ теченіе мѣсяца репортовъ; 2) собирать всѣ дѣла и репорты по таблицамъ; 3) вести реэстръ всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ и нерѣшенныхъ, а также наблюдать за чистотой въ избѣ и за исполненіемъ канцелярскими служителями добрыхъ порядковъ и порученныхъ имъ дѣлъ—внутри канцеляріи.

Самъ архиваріусъ долженъ былъ подавать примѣръ въ добромъ житіи и въ исполненіи дѣлъ; ему для отдыха полагались лишь 10, 11, 12, 1, 2 и 3-й часъ ночи, а все остальное время онъ долженъ былъ наблюдать за всѣми, слѣдить за поступками канцелярістовъ, наблюдать чтобы послѣдніе непремѣнно собирались въ „противную консисторской избу„ въ 6 часовъ утра и сидѣли въ ней до 2-хъ часовъ,—чинно, безъ всякихъ разговоровъ [1]).

Мелхиседекъ Вербицкій, вступивъ въ должность архиваріуса, ревностно принялся за предстоявшую ему трудную работу. Прежде всего онъ потребовалъ для архива новаго помѣщенія. Архивъ былъ перенесенъ сначала на чердакъ трапезы Софійскаго монастыря, а потомъ въ домъ митрополита, гдѣ помѣщено было тогда консисторское присутствіе и комната для канцелярскихъ служителей. Эти перемѣщенія были сдѣланы въ теченіе года [2]).

Принявшись за разборъ кучи бумагъ и сортировку послѣднихъ, Мелхиседекъ приложилъ много старанія и усердія. Но это усердіе оказывалось почти безполезнымъ, такъ какъ веденіе дѣлъ было далеко не безукоризненнымъ. Самъ Вербицкій „въ приказныхъ канцелярскихъ порядкахъ нигдѣ не имѣлъ упражненія“, не знакомъ былъ ни съ канцелярскимъ уставомъ, ни съ судопроизводствомъ, а потому и распредѣленіе дѣлъ по группамъ было у него не совсѣмъ удачнымъ. Самымъ общимъ началомъ для сортировки дѣлъ онъ избралъ раздѣленіе по повытьямъ; за-

---

Синода, 8) о канцеляристахъ, 9) о расходахъ на Виленскій монастырь, 10) о назначеніи священниковъ и т. д.

[1]) А. К. К. 1768 г., № 9, Кіев. пов.

[2]) 20 августа 1769 г. духовный соборъ доносилъ, что въ починенномъ каменномъ строеніи (гдѣ была и трапезная) можно помѣстить архивъ, но еще слѣдовало бы ремонтировать внутри на консисторскій счетъ. Но консисторія имѣла недочетъ въ деньгахъ и перенесла сюда архивъ и безъ внутренняго ремонта помѣщенія (А. К. К. 1768 г., № 9).

тѣмъ, дѣленіе по предметамъ въ этихъ кругахъ было такое: „дѣла о спорахъ, о смертоубійствѣ, о разводахъ, о бракѣ, о воровствѣ, о святотатствѣ, о построеніи церквей, объ освященіи церквей, о церемоніяхъ, о умертвіи поповъ, о умертвіи начальниковъ, объ опредѣленіи канцеляристовъ, о выдачѣ канцелярскимъ награжденія“, и проч., и проч. Одинъ отдѣлъ назывался „разнымъ“; въ него входили дѣла, которыхъ Мелхиседекъ не умѣлъ уже подвести подъ эти рубрики, напр., объ описи церковнаго имущества, о выдачѣ паспортовъ и билетовъ [1]) и т. п.

Уже изъ этого видно, какъ сортировалъ дѣла Мелхиседекъ: у него каждое дѣло могло составить новую рубрику или группу. А въ такой массѣ, конечно, очень трудно было бы при подобномъ распредѣленіи найти какую нибудь справку. Если прибавить къ этому, что писцы и помощникъ Мелхиседека были люди не свѣдущіе, даже малограмотные, да и самъ Мелхиседекъ не далеко ушелъ отъ нихъ, то станетъ понятнымъ, почему надписаніе дѣла не всегда точно соотвѣтствуетъ его содержанію.

Мелхиседекъ успѣлъ разсмотрѣть и разобрать лишь дѣла повытья—Нѣжинскаго, Лубенскаго и генеральнаго, а остальныя дѣла повытьевъ Кіевскаго и Полтавскаго такъ и не были приведены въ порядокъ [2]). Онъ оставался еще и послѣ 1770 года архиваріусомъ, пока самъ не убѣдился въ безполезности своихъ усилій привести въ порядокъ архивъ. 18 января 1772 г. онъ подалъ въ консисторію прошеніе объ увольненіи отъ завѣдыванія архивомъ, котораго де онъ не въ состояніи привести въ порядокъ, такъ какъ съ одной стороны, онъ „въ канцеляріи не служилъ и порядка дѣлъ не знаетъ“, а съ другой,—какъ надзиратель приказныхъ, обремененъ множествомъ другихъ занятій. Консисторія, съ своей стороны, припомнила, что еще въ 1768 году Св. Синодъ запретилъ лицамъ монашествующимъ писаться свѣтскими чинами и рѣшила уволить Мелхиседека, „поелику онъ именуется и пишется свѣтскимъ чиномъ архиваріемъ“. На мѣсто Мелхиседека былъ опредѣленъ одинъ изъ приказныхъ, но дѣло приведенія стараго архива въ порядокъ такъ и осталось недоконченнымъ. Насколько неисправно шло дѣло содержанія архива въ порядкѣ, это видно изъ того, что еще митрополитъ

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 485.

[2]) А. К. К. 1768 г., № 9, Кіев. пов.

Самуилъ Миславскій жаловался на это и указывалъ на небрежность сортировки и несоотвѣтствіе надписаній существу дѣла [1]).

VIII.

Помѣщеніе для канцеляріи консисторіи и для канцеляристовъ (вмѣстѣ) находилось въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ. Жили всѣ монахи канцеляристы по келліямъ. Когда же въ числѣ канцеляристовъ оказались свѣтскіе люди, то для нихъ было отведено особое помѣщеніе въ деревянномъ зданіи, бывшемъ на мѣстѣ нынѣшней консисторіи [2]). Здѣсь, въ 2-хъ комнатахъ, и кухнѣ помѣщались всѣ 15—25 человѣкъ приказныхъ, для которыхъ эти комнаты съ кухней были и квартирой и канцеляріей вмѣстѣ. Жизнь ихъ здѣсь была подчинена строгому надзору одного, болѣе другихъ честнаго и болѣе служившаго, котораго выбирала консисторія изъ тѣхъ же приказныхъ. Это былъ *регентъ*, должность котораго нѣсколько разъ была учреждаема. Онъ слѣдилъ за жизнью и поведеніемъ приказныхъ, за исполненіемъ ими служебныхъ обязанностей, а также завѣдывалъ всею экономическою частью въ канцелярской избѣ (распоряжался съѣстными припасами, пріобрѣталъ канцелярскія принадлежности и т. д.). Съ учрежденіемъ должности архиваріуса, всѣ эти обязанности надзирателя и экономa перешли къ послѣднему.

Совмѣщеніе въ 2-хъ комнатахъ канцеляріи и квартиры для 20 и болѣе человѣкъ, которые по необходимости должны были, напр., для отдыха ложиться на печи, на лавкахъ, на полу, затѣмъ, постоянное бѣганіе изъ этой избы въ другую по сосѣдству, гдѣ помѣщалось присутствіе, конечно, представляло массу неудобствъ. На послѣднія обратилъ, наконецъ, вниманіе отзывчивый къ разнымъ епархіальнымъ нуждамъ митрополитъ Арсеній. По его распоряженію приступили къ сбору пожертвованій на постройку зданія консисторіи, и было собрано для этой цѣли 1162 руб. 38 коп. А пока, до постройки новаго зданія консисторіи, митрополитъ Арсеній отвелъ въ своихъ покояхъ (гдѣ нынѣ помѣщается Софійское духовное училище) одну комнату для присутствія, а другую для нѣсколькихъ приказныхъ, чтобы они не бѣгали за каждой справкой или бумагой въ канцелярскую избу. Но это переведеніе присутствія въ покои митрополи-

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 487 и 486.

[2]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 450.

та отодвинуло на нѣсколько времени дѣло постройки новой консисторіи, на которую уже была собрана тысяча слишкомъ руб. Члены консисторіи испросили разрѣшеніе передѣлать бывшія при 2-хъ комнатахъ, отведенныхъ въ митрополичьемъ домѣ, сѣни—въ 2 комнаты и помѣстить въ одной изъ нихъ остальныхъ приказныхъ, а другую отвести для посѣтителей. Такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла само собою произошло отдѣленіе канцеляріи отъ жилого помѣщенія канцелярскихъ служителей. Осталось перевести еще архивъ, который, дѣйствительно, скоро и былъ помѣщенъ внизу—противъ отведенныхъ для канцеляріи комнатъ [1]).

Въ этомъ помѣщеніи консисторія оставалась съ своей канцеляріей до конца XVIII вѣка.

Канцелярскіе служители консисторіи до 1740 года пользовались общею монашескою трапезою (2 раза въ день) и получали къ вечеру по 1 порціи хлѣба. Такъ какъ содержаніе это было скудно, то въ пользу канцеляріи консисторіи былъ учрежденъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ особый сборъ со всей епархіи: съ каждаго двора приходской церкви взималось по $^1/_2$ коп., а съ каждой приходской бездворной хаты по $^1/_4$ коп. [2]).

Этотъ сборъ взимался также и съ монастырей Кіевской епархіи, исключая кіевскихъ монастырей, настоятели коихъ были и такъ обременены извѣстными обязательствами въ пользу консисторіи: они считались членами консисторіи и должны были служить безплатно. Этого сбора поступало въ казну 450—500 р. въ годъ. Изъ этой суммы въ пользу канцеляріи выдавалось жалованья отъ 8 до 10 руб. въ годъ, да по 1 руб. на харчи. Съ 1748 года, по представленію каѳедральнаго писаря Антонія, выдавалось реэнту 30 руб., канцелярістамъ (5) по 24 руб. въ годъ, подканцелярістамъ (4) по 18 руб. и копіістамъ (2) по 12 руб. въ годъ, вмѣстѣ съ харчами, на что расходовалось 246 руб. въ годъ. Съ 1752 по 1757 годъ, когда въ повытчикахъ были монашествующіе, а канцелярскихъ служителей бывало отъ 15 до 20 человѣкъ, жалованье было меньшее: подканцеляристы получали по 6 руб. въ годъ, а копіисты по 3 руб. Но, кромѣ жалованья, на харчи для всѣхъ выдавалось по 13 руб. ежемѣсячно, причемъ канцеляристы еще пользовались (съ 1755 г.) и трапезой монастырской по 3 раза въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч. 451, стр. 21.

[2]) Сборъ этотъ, по словамъ Крыжановскаго, былъ учрежденъ еще въ 1733 году.

субботамъ). Если прибавить къ этому, что, кромѣ опредѣленнаго жалованья, канцелярскіе служители пользовались еще и частію пошлинныхъ денегъ за грамоты и концессы, а также доброхотными подаяніями со стороны просителей (за трудъ канцелярскій), то станетъ понятнымъ заявленіе, „чтобъ, когда до 1758 года канцелярскихъ денегъ на расходы канцелярскіе не доставало или на дачу жалованья канцелярскимъ служителямъ деньги епархіскіе давани, того по дѣлу не является“ [1]). Кажется, не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что содержаніе канцелярскихъ служителей до 1758 года, то есть, до вступленія митрополита Арсенія, было еще сносно. Съ вступленіемъ же митрополита Арсенія, содержаніе канцеляристовъ консисторіи ухудшается. Жалованье канцелярскимъ служителямъ консисторіи осталось почти прежнее. Такъ, копіистъ получалъ жалованья всего лишь 3½ руб. въ годъ [2]), подканцеляристъ, обучавшійся даже въ академіи до философіи, 6 р. въ годъ [3]), а канцеляристъ 18 р. въ годъ или 1½ р. въ мѣсяцъ [4]); писари получали по 3 рубля въ мѣсяцъ, а реэнты по 2½ руб. Но этого жалованья не хватало „на снабдѣніе“ [5]). Хотя канцелярскіе служители и ходили въ трапезу по 3 раза въ недѣлю, но все таки содержаніе ихъ было очень скудно. Виною этому не былъ, конечно, самъ митрополитъ, а тѣ обстоятельства, которыя измѣнились, съ вступленіемъ митрополита Арсенія на Кіевскую каѳедру. Скудость содержанія канцелярскихъ служителей консисторіи увеличилась оттого, прежде всего, что была выдѣлена каѳедральная контора; вслѣдствіе этого, для канцелярскихъ служителей пресѣклись всѣ доходы отъ разныхъ пошлинъ за выдаваемыя грамоты и отъ разныхъ добровольныхъ подаяній, каковые цѣликомъ пошли въ пользу канцелярскихъ служителей конторы. Такимъ образомъ, оскудѣніе содержанія первыхъ произошло на счетъ улучшенія содержанія послѣднихъ; для канцелярскихъ же служителей консисторіи остались лишь общіе сборы по епархіи (по ½ и ¼ коп. съ двора или хаты).

Консисторія, какъ мы видѣли выше, правда, предлагала нѣсколько проэктовъ улучшенія содержанія канцелярскихъ слу-

---

[1]) А. К. К. 1763 г., донес. конс. отъ 19 мая.

[2]) А. К. К. 1762 г., указ. 18 іюня, № 155.

[3]) А. К. К. 1762 г., указ. 14 іюля, № 149.

[4]) А. К. К. 1769 г., 2 октября, № 497.

[5]) Ibidem. На это жаловался даже іеромонахъ Кириллъ, который имѣлъ пищу отъ монастыря. Что же должны были чувствовать копіисты и др.?

жителей, какъ напр., введеніе прибавокъ къ жалованью за каждый прослуженный годъ, назначала и бо́льшіе оклады жалованья; но она не указывала никакихъ источниковъ для выполненія этихъ проэктовъ. Правда, она говорила о томъ, чтобы недостающую сумму 50—400 руб., восполнять изъ общихъ епархіальныхъ средствъ, или даже изъ каѳедральныхъ доходовъ,—для чего предлагала снова объединить консисторскую и каѳедральную канцеляріи и всѣ доходы дѣлить не только между канцелярскими служителями каѳедры, но и—консисторіи. Но ни тотъ, ни другой проэктъ не находилъ сочувствія со стороны митрополита Арсенія: каѳедральную контору онъ не хотѣлъ снова соединять съ консисторіей, а епархіальные доходы нужны были и для другихъ надобностей (на академію и бурсу, на Кіево Софійскій соборъ и др.) И каждый разъ митрополитъ Арсеній на докладахъ консисторіи отмѣчалъ, чтобы канцеляристовъ держать безъ излишка и на прежнемъ жалованьѣ.

Но митрополитъ Арсеній не оставался, однако, равнодушнымъ къ положенію канцеляристовъ консисторіи. Такъ, онъ изъ своихъ средствъ жертвовалъ ежегодно къ праздникамъ Рождества Христова, св. Пасхи, къ Троицѣ и ко дню именинъ по 1 руб. и больше,—по крайней мѣрѣ, ближайшимъ и старшимъ изъ консисторскихъ служителей. Затѣмъ, онъ обратилъ вниманіе на выдачу харчей канцелярскимъ служителямъ и заботился, чтобы канцеляристы получали харчей по возможности въ достаточномъ количествѣ. Такъ какъ всѣхъ необходимыхъ припасовъ не могъ, безъ обремененія для себя, выдавать Кіево-Софійскій монастырь, то митрополитъ Арсеній распорядился, чтобы содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ возложено было на всѣ, кромѣ бѣднѣйшихъ, монастыри Кіевской епархіи. По его распоряженію, въ консисторіи была составлена (1761 г.) вѣдомость о томъ, сколько каждый монастырь ежедневно долженъ былъ доставлять въ каѳедру, на продовольствіе канцелярскихъ чиновниковъ, съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, т. е. муки, пшена, крупъ, сала, масла конопляннаго и коровьяго, овецъ, кабановъ и т. д., водки, пива, меду, сивухи и т. д. По этой раскладочной вѣдомости [1]), на консисторскихъ чиновниковъ должно было поступать: водки 47 ведеръ, сивухи 137 ведеръ, сала 41 („сало бордюгъ"—изъ кабана, въ которомъ помѣщалось 2—4 пуда сала), пива 5 куфъ

---

[1]) Она напечатана въ Трудахъ Кіев. дух. акад. за 1894 г., № 7, стр. 481—484.

(1=40 вед.), барановъ 44, яловицъ 6, кабановъ 11, рыбы вялой 8 тысячъ и 3 головы, просольной рыбы 3 бочки, пшена 10 четвертей, крупъ гречневыхъ 11½ четвертей, муки сѣяной пшеничной 12½ четвертей, маку 10½ четвертей, соли 26 пудовъ, масла коровьяго до 20 пуд., конопляннаго масла 9 ведеръ, сыру 3 бочки и 35 ведеръ, гороху 9 четвертей. Кромѣ того, Софійскій монастырь долженъ былъ ежегодно доставлять хлѣбъ и дрова. Предъ Рождествомъ Христовымъ и Пасхой доставлялось не въ зачетъ 5 кабановъ и 5 ведеръ водки [1]).

Такъ какъ каждый монастырь долженъ былъ давать сообразно съ своими средствами, то, по всей вѣроятности, подобныя расписанія составлялись каждый годъ.

Этихъ съѣстныхъ припасовъ было, повидимому, достаточно для содержанія 22—25 чиновниковъ консисторіи. Но, въ дѣйствительности, консисторскіе чиновники пользовались гораздо меньшимъ: причиной этого была неаккуратность въ доставкѣ припасовъ.

Всѣ пищевые припасы монастыри обязаны были доставлять въ каѳедру на свой счетъ. Само собою разумѣется, доставка припасовъ не могла не составлять тягости для монастырей, особенно отстоявшихъ далеко отъ Кіева, напр., Глуховскаго, Полтавскаго и др., тѣмъ болѣе, что доставлять припасы нужно было въ январѣ, когда въ Малороссіи всегда возможна распутица. Поэтому доставка припасовъ была неисправна: одни изъ монастырей жаловались, что они не могутъ доставить всего въ исправности и въ должномъ количествѣ—по случаю неурожая; другіе жаловались, что нечѣмъ послать припасы,—всѣ лошади переболѣли.

А канцелярскіе служители отъ этого вынуждены были терпѣть недостатокъ въ пропитаніи, тѣмъ болѣе, что недоимки повторялись почти изъ года въ годъ. Такъ, въ 1767 году уже въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ крайній недостатокъ „въ трактаментѣ“, за неприсылкою опредѣленныхъ харчевыхъ припасовъ изъ монастырей Кіевской епархіи за 1767 годъ и предыдущіе годы [2]). Такія же недоимки были и по другой статьѣ,—по денеж-

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., стр. 452—453.

[2]) А. К. К. 1767 г., № 1833;А р. К.-Выд. М., д. 1767 г. № 47.

нымъ взносамъ на содержаніе канцеляріи [1]). Хотя консисторія и разсылала указы о немедленной высылкѣ всего, положеннаго на содержаніе канцеляріи консисторіи, со всѣми недоимками,— но они по обычаю часто оставались неисполненными, а положеніе канцелярскихъ служителей не только не улучшалось, но все больше ухудшалось, такъ какъ недоимки съ каждымъ годомъ росли больше и больше [2]).

Улучшеніе въ содержаніи канцелярскихъ служителей послѣдовало уже при преемникѣ митрополита Арсенія, Гавріилѣ Кременецкомъ, когда 1) съѣстные припасы были замѣнены денежнымъ взносомъ отъ монастырей (всего 650 р. [3]), и 2) въ пользу канцелярскихъ служителей обращены были штрафныя и пошлинныя деньги, которыхъ иногда собиралось до 400 руб. [4])

Слѣдуетъ также замѣтить, что изъ общей кухни съ канцеляристами кормились и „колодники“, т. е. заключенные при консисторіи,—и на тѣ же средства, какія были ассигнованы на харчи канцелярскимъ служителямъ, что также невыгодно отзывалось на содержаніи послѣднихъ. Потому еще въ 1758 году, 8 окт. консисторія составила докладъ о томъ, чтобы „колодниковъ“ разсылать по монастырямъ; но этотъ докладъ не былъ утвержденъ.

На канцелярскія и другія надобности ежегодно изъ тѣхъ же собираемыхъ суммъ расходовалось 70—100 р. и болѣе. Такъ, въ 1763 году было израсходовано на бумагу, сургучъ, оправу указовъ и приговоровъ 76 руб.; а на покупку дровъ—со свозкой и порубкой 80 руб., на свѣчи 30 руб., и на мелочи 10 р., всего до 200 руб. [5]).

---

[1]) А. К. К. 1767 г. №№ 1789,—1793, 1831. Нѣкоторые изъ настоятелей и протопоповъ отказывались совсѣмъ высылать взносы на канцелярію и въ каѳедру и ссылались на указъ 1765 г. 15 февраля, которомъ всѣ де сбора были отмѣнены. Консисторія указывала что 1) въ этомъ указѣ ничего не было сказано о столовыхъ и мировыхъ сборахъ, 2) взамѣнъ отмѣненныхъ сборовъ не было назначено штатной суммы изъ коллегіи экономіи, и, въ виду крайней нужды въ деньгахъ и матеріалахъ для каѳедры и канцеляріи, опредѣлила послать указы о высылкѣ денегъ безъ всякихъ отговорокъ, а упрямыхъ намѣстниковъ и священниковъ отрѣшать отъ приходовъ и управленія дѣлами. (Ар. К.-Выд. м. 1768 г., № 4).

[2]) Ар. К.-Выд. мон. 1768 г., ук. № 69.

[3]) Это случилось въ 1772 г, (А. К. К. 1772 г. № 421).

[4]) Крыжановскій, цит. соч. т. I стр. 453—454.

[5]) А. К. К., докладъ 1764 г. 15 іюня.

IX.

Обращаясь отъ внѣшняго устройства къ порядкамъ, царившимъ въ консисторіи, мы должны отмѣтить слѣдующія черты, наиболѣе рѣзко выдѣлявшіяся въ характерѣ консисторіи.

Консистористамъ и канцеляристамъ при вступленіи въ консисторію вмѣнялось: 1) „исполнять свои обязанности и добросовѣстно трудиться въ порученномъ дѣлѣ, 2) никому не чинить никакихъ обидъ и не вмѣшиваться въ не порученныя дѣла, подъ опасеніемъ штрафа и 3) не нарушать государственной тайны и не писать о ней въ частныхъ письмахъ“ [1]). Таковы были требованія относительно службы въ консисторіи. Но, какъ и всегда почти бываетъ, эти требованія оставались лишь идеаломъ, къ которому дѣйствительность не совсѣмъ подходила. Въ историческихъ очеркахъ консисторіи Крыжановскаго дана яркая характеристика Кіевской консисторіи,—всего ея дѣлопроизводства. Въ его очеркахъ, безспорно много исторической правды, подтверждаемой архивными документами.—Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, тѣ матеріалы, которые имѣлись у насъ подъ руками, мы укажемъ, съ своей стороны, тѣ характеристическія черты дѣлопроизводства консисторіи, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить волокиту въ консисторскомъ производствѣ. „Откладываніе въ долгій ящикъ“, или неисполненіе въ свое время многихъ дѣлъ, даже предписаній или указовъ синодальныхъ, требовавшихъ немедленнаго рѣшенія, или исполненія, разныя проволочки въ писаніи докладовъ и постановленій,—все это было почти зауряднымъ явленіемъ въ консисторіи. На волокиту указывали многіе: на нее указывалъ и Св. Синодъ, требовавшій, напр., въ 1770 году исполненія и представленія вѣдомостей годовыхъ, полугодовыхъ и третныхъ еще за 1768 и 1769 годы [2]); на нее указывалъ и съ нею боролся и Арсеній Могилянскій; на нее жаловались и имѣвшіе дѣло и отношеніе къ консисторіи [3]).

---

[1]) Ар. К. К., инстр. 1754 г., № 485.

[2]) А. К. К. 1770 года, ук. 3 апрѣля.

[3]) Крыжановскій, цит. соч. ч. I, сотр. 981. Что было въ консисторіи, то было и въ другихъ учрежденіяхъ,—протопопскихъ и духовныхъ правленіяхъ. Такъ Роменское духовное правленіе дѣло о продажѣ грунтовъ священника Дучинскаго за долгъ іеромонаху Софійскаго монастыря, продержалъ съ обнадеживаніемъ скораго рѣшенія, отъ 1-й недѣли великаго поста до вѳоминого понедѣльника и, потомъ, отъ вѳоминого понедѣльника до святой недѣли, и только на святой было дѣло рѣшено. (А. К. К. 1766 г., № 49).

М. Арсеній очень скоро познакомился съ волокитой въ консисторіи и замѣтилъ причины ея. Одно изъ первыхъ его распоряженій въ этомъ отношеніи касалось тѣхъ канцеляристовъ, которые не занимались положенное время въ канцеляріи и оставляли службу раньше времени и безъ всякаго вѣдома старшихъ. Такихъ канцеляристовъ Арсеній велѣлъ штрафовать за 1 пропущенный часъ удержаніемъ жалованья за 1 недѣлю, за пропущенный день—удержаніемъ жалованья за цѣлый мѣсяцъ [1]).

Это уклоненіе отъ урочныхъ занятій въ опредѣленное, назначенное время было одной изъ причинъ, обусловливавшихъ медленность всѣхъ консисторскихъ дѣйствій. Это и понятно: какъ могло быть сдѣлано все во время и въ пору, когда канцеляристы уходили изъ канцеляріи раньше времени, когда консистористы не являлись во время, когда наконецъ, и тѣ и другіе мало занимались дѣлами.

Въ виду этого митрополитъ Арсеній велѣлъ каѳедральному писарю наблюдать за канцеляріей каѳедры, а консисторскому писарю за консисторіей, чтобы всякій канцелярист непремѣнно являлся во время и „безостановочно отправлялъ свои дѣла“ [2]); чтобы каждый изъ нихъ непремѣнно во время и въ срокъ писалъ доклады, переписывалъ рѣшенія, указы и т. п. Съ этой стороны пришлось побуждать даже судовыхъ писарей. Такъ, въ 1764 году митрополитъ Арсеній передалъ чрезъ архимандрита Самуила, чтобы судовымъ писарямъ, іеромонахамъ Венедикту и Продіону, были объявлены сроки для написанія мнѣній и предписаній, подъ опасеніемъ штрафа за несвоевременное представленіе тѣхъ и другихъ [3]).

Но рѣшеніе дѣлъ не могло происходить аккуратно и своевременно, такъ какъ въ канцеляріи не всегда были способные къ службѣ люди, да и вообще канцелярскихъ служителей не всегда бывало достаточно.

Мы уже говорили о томъ, что канцелярскихъ служителей, знающихъ дѣло, было въ канцеляріи маловато. Въ теченіе иного года успѣвало много лицъ пройти въ канцеляріи и посидѣть за канцелярскимъ столомъ, иной разъ безъ всякой подготовки; пока, бывало, подучатъ и пріучатъ къ обращенію съ

---

[1]) А. К. К. 1758 г., № 5, 21 декабря.
[2]) А. К. К., указъ 1760. г., 10 Августа.
[3]) А. К. К. 1764 г., № 440 (реэстры).

сумагами,—пройдетъ времени немало, а, затѣмъ, подученные—оставляли службу при консисторіи, и тогда приходилось принимать новыхъ лицъ и снова пріучать къ работѣ въ канцеляріи. Въ промежутокъ времени съ 1758—по 1761 г. перемѣнилось болѣе 50 канцелярскихъ служителей. Цифра почтенная! Большая половина въ теченіе года успѣвала перемѣняться. Поэтому неудивительно, что не скоро исполнялись и рѣшались даже дѣла маловажныя, не требовавшія и большого труда, что отмѣтилъ митрополитъ Арсеній въ 1761 г. [1])

Митрополитъ Арсеній побуждалъ канцеляристовъ всякими мѣрами къ аккуратной работѣ, убѣждая дѣлать „все—Господа ради", не съ небреженіемъ, а какъ дѣло святое, обѣщая и награды и выдавая поощренія. И дѣла каждый день и писались и переписывались, но всѣ волокита въ дѣлахъ оставалась.

Причиной этому было и то что накопилось много дѣлъ не рѣшенныхъ съ давняго времени, начиная съ 1741 года, [2]) а ежегодно было отпускаемо болѣе 3½ тысячъ номеровъ, кромѣ мнѣній, опредѣленій и т. д. [3]) Разобрать всѣ дѣла и за прошедшіе годы и—вновь поступившія и рѣшить ихъ своевременно—это былъ трудъ чрезвычайный, требовавшій усилій отъ членовъ консисторіи.

Между тѣмъ, послѣдніе мало были заинтересованы въ исполненіи своихъ обязанностей по должности члена консисторіи и смотрѣли на нихъ, какъ на излишнее обремененіе для себя. Одному мѣшали хозяйственныя дѣла монастыря, другому—служеніе указныхъ панихидъ, тотъ считалъ себя больнымъ, а у того не было хорошихъ лошадей,—и они являлись въ присутствіе далеко не всегда и не своевременно. Собирались члены консисторіи не ранѣе 10 часовъ утра, а около 12 часовъ уже начинали разъѣзжаться; многіе совсѣмъ не ѣздили въ консисторію, другіе же не подписывались подъ дѣлами и не представляли своихъ мнѣній.

Въ виду постоянныхъ и ежегодныхъ жалобъ на волокиту митрополитъ Арсеній отдалъ приказъ, чтобы непремѣнно всѣ члены консисторіи съѣзжались въ короткіе зимніе дни въ 8 часу, а въ долгіе въ 6 часу утра и сидѣли по 5 часовъ непремѣнно; въ случаяхъ, окажутся какія либо важныя дѣла, мит-

---

[1]) А. К. К. 1761 г., резолюція отъ 13 марта.

[3]) А. К. К. 1759 г., д. № 136, Кіев. пов.

[2]) Такъ, до октября, лишь за 9 мѣсяц., въ 1759 г. было отпущено 3240 № (Ibidem).

рополитъ Арсеній приказалъ съѣзжаться еще раньше, и, потомъ, „съ низу, не впадая одинъ другому въ рѣчь, голоса свои давать, и записывать всякаго мнѣніе по надлежащему и каждому своею рукою закрѣпить", потомъ „имѣть диспуты" и рѣшать по большинству голосовъ и подписывать „общую сентенцію"; если же кто не будетъ согласенъ съ общимъ рѣшеніемъ, то входить съ особымъ мнѣніемъ. Еслибы кого нибудь не было, велѣно было посылать ему извѣщеніе и дѣло на домъ, для закрѣпы или для подачи особаго мнѣнія.

По истцовымъ и челобитнымъ дѣламъ было велѣно давать указы и „чинить рѣшенія немедленно и безволокитно". Писаря, по прочтеніи написаннаго прошенія, должны спрашивать каждаго члена порознь и записывать отдѣльно мнѣніе каждаго [1]).

Потомъ, спустя 2 года послѣ изданія этого приказа, митрополитъ Арсеній болѣе точнѣе распредѣлилъ время занятій разными дѣлами: такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ консисторіи были вмѣстѣ и членами экспедиціи благочинія гдѣ занятія происходили въ 9 и 10 часу утра, то митрополитъ Арсеній велѣлъ до 10 часовъ разсматривать въ консисторіи дѣла, не требовавшія общаго разсмотрѣнія и согласія, т. е. дѣла менѣе важныя, а, потомъ, съ 10 часовъ сходиться всѣмъ вмѣстѣ и разсматривать дѣла важныя, требовавшія общаго соглашенія. Послѣдними дѣлами можно было заниматься и раньше, но, потомъ, заключеніе дѣлъ прочитывалось и членамъ экспедиціи благочинія, и требовалось ихъ мнѣніе. Важнѣйшія же дѣла, не допускавшія отлагательства и малѣйшей проволочки, велѣно было рѣшать и не въ урочные дни и часы. На этотъ разъ велѣно было съѣзжаться всѣмъ въ 8-мъ часу [2]).

Для того, чтобы въ консисторіи укоренились добрые порядки, митрополитъ Арсеній назначилъ игумена Сифа (бывшаго Виленскаго игумена), жившаго въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, дѣйствительнымъ членомъ консисторіи, и поручилъ ему общее наблюденіе за судовыми писарями и за всей канцеляріей консисторіи [3]). Но и эта мѣра мало помогала улучшенію порядковъ въ консисторскихъ дѣлахъ.

Спустя годъ, Арсеній снова вынужденъ былъ внушать членамъ консисторіи, „ чтобы они, памятуя порученную имъ судейскую должность и присяжность и опасаясь, дабы за неисполне-

---

[1]) А. К. К., указъ 1762 г., 23 мая.
[2]) А. К. К, указъ 1764 г., 10 сентября, д. 1767 г., № 55.
[3]) А. К. К., указъ 1764 г., 17 ноября (Д. 1767 г. № 55).

ніе одной должности не подпасть отвѣту, съѣзжались въ консисторію всѣ въ указанные дни и часы безъ упущенія, непремѣнно, и производили и рѣшали дѣла со всякою прилежностію, но, указамъ безостановочно, и пока давніи дѣла рѣшены не будутъ, то тому консистористѣ, кто зачѣмъ въ которой указный день въ собраніи быть или въ указніи часы пріѣхать не могъ, подавать репорты во всякую недѣлю чистосовѣстно“ [1]).

На этотъ разъ даже справились съ Регламентомъ о томъ, когда съѣзжаться, и было велѣно съѣзжаться непремѣнно въ 6 часу утра, по генеральному [2]).

Но члены консисторіи подали митрополиту Арсенію доношеніе о томъ, что послѣднее требованіе неисполнимо, такъ какъ и ворота городскія бываютъ заперты, а другіе изъ членовъ заняты указными панихидами или живутъ далеко, да и нѣтъ дѣльныхъ секретарей, которые бы за всѣмъ слѣдили. Консисторія доносила, что одни совсѣмъ не бываютъ, 2-е рѣдко, а 3-и засѣдаютъ въ экспедиціи благочинія. Въ виду этого митрополитъ Арсеній велѣлъ съѣзжаться въ 7-мъ часу или, въ крайнемъ случаѣ въ 8-мъ часу и непремѣнно присутствовать въ консисторіи по 5 часовъ ежедневно (ежедневныя занятія въ консисторіи, установлены еще въ 1759 году [3]) и отправлять важныя дѣла съ 11-го часа, когда придутъ и члены экспедиціи благочинія.

Однако приказы оставались приказами, а члены консисторіи продолжали относиться равнодушно къ нимъ и къ самымъ дѣламъ, которыя подолгу лежали не рѣшенными. Наконецъ митрополитъ Арсеній потребовалъ отъ членовъ консисторіи собственноручныхъ записокъ въ томъ,—можетъ ли каждый изъ нихъ, являться въ засѣданіе не позже 8 часовъ, а если нѣтъ, то по какой причинѣ.

Отвѣты были даны оченъ замѣчательные. Въ этихъ отвѣтахъ есть ссылки и на болѣзнь, и на дальность разстоянія, и на безпутицу, закрытіе городскихъ воротъ, невозможность проѣхать чрезъ торговую площадь, отсутствіе лошадей и т. д. Нѣ-

---

[1]) А. К. К. 1765 г., 14 декабря, указъ № 414.
[2]) Д. 1765 г., № 163, Кіев. пов. проток. ст.
[3]) А. К. К. 1765 г. 5 янв., д. 1765 г. 23 декабря, № 124.

которые указывали на 6—8 причинъ разомъ [1]). Лишь одинъ Епифаній [2]) обѣщалъ пріѣзжать въ свое время.

Митрополитъ Арсеній пришелъ въ гнѣвъ отъ такихъ объясненій и отдалъ строгій приказъ [3]), чтобы непремѣнно всѣ члены являлись въ консисторію въ указное время, подъ опасеніемъ лишиться игуменства въ монастырѣ, а архимандритамъ—подвергнуться взысканію со стороны Св. Синода.

При этомъ намѣстнику было предложено подать прошеніе объ увольненіи, архимандриту Златоверхо-Михайловскаго монастыря оставленъ свободный день-вторникъ (для служенія акаѳиста), а остальнымъ, не исключая и Самуила Кіево-Братскаго, было велѣно непремѣнно съѣзжаться въ свое время [4]).

Послѣ этого консистористы volens-nolens должны были являться въ консисторію поусерднѣе и заниматься дѣлами подольше

Другая выдающаяся черта въ консисторскомъ производствѣ —„поклоны“ и посулы всякаго рода, безъ которыхъ, можно сказать, не обходилось ни одно дѣло. Подарки, приносимые въ поклонъ, съ цѣлью снискать благоволеніе власть имущихъ или

---

[1]) Вотъ эти отвѣты: I, Модестъ, архимандритъ Златоверхо-Михайловскаго, монастыря, просилъ отпуска по вторникамъ для служенія по обѣту; II, Самуилъ доносилъ, что онъ занятъ въ 10 часу по богословію, а раньше нельзя проѣхать по торговой площади; III, намѣстникъ каѳедральный, Викторъ былъ занятъ въ 8-мъ и 9 часу въ духовномъ соборѣ; IV, Кіево-Выдубицкій игуменъ, Іаковъ являться не могъ, такъ какъ 1) Выдубицкій монастырь отдаленъ отъ консисторіи и раздѣленъ мѣстностію съ рогатками на пути, 2) дорога гориста, для чего надо было бы имѣть много лошадей; 3) не было лошадей для смѣны, и 4) былъ боленъ самъ; 6) Кіево-Кирилловскій Тарасій указывалъ 1) на дальность разстоянія, 2) безпутицу, 3) закрытіе городскихъ воротъ, 4) необходимость служить указныя паннихиды, 5) необходимость подготовки къ проповѣди, 6) изнуреніе лошадей, 7) монастырскія нужды и 8) болѣзни; VI, Кіево-Петропавловскій Петръ—ссылался 1) на болѣзнь, 2) невозможность проѣхать чрезъ торговую площадь и 3) отсутствіе лошадей; VII, Кіево-Подольскій прот. Романъ указывалъ 1) на отсутствіе перемѣны лошадей, 2) скудость прихода, 3) необходимость присутствовать въ духовномъ правленіи, и обѣщалъ ѣздить лишь въ понедѣльникъ, вторникъ и среду; VIII, архидіаконъ Иларіонъ бывалъ съ докладами у митрополита въ 9 и 10 часу утра.

[2]) Онъ былъ опредѣленъ въ консисторію 1764 г. 5 марта (А. К. К. 1767 г., д. № 55).

[3]) М. Арсеній отмѣтилъ въ своей резолюціи, что консистористы „не имѣютъ надлежащаго раченія къ дѣламъ по своей должности“, между тѣмъ „указы должно исполнять, такъ какъ въ нихъ источники всякой пользы“ и, кромѣ того изъ Синода былъ полученъ указъ объ аккуратномъ посѣщеніи присутственныхъ мѣстъ; поэтому онъ и велѣлъ съѣзжаться въ свое время. (Ар. К.-Выд. мон. 1767 г., № 64)

[4] А. К. К. 1767 г., № 55.

выразить имъ благодарность за содѣйствіе, были явленіемъ также распространеннымъ, повседнезнымъ. Въ описываемое время поклоны были чѣмъ то формально-признаннымъ и какъ бы общеобязательнымъ для всѣхъ низшихъ чиновъ по отношенію къ высшимъ, даже независимо отъ дѣла, которое они имѣли къ постѣднимъ Подарки отъ себя посылалъ и митрополитъ Арсеній; съ поклонами и подарками обращались и къ нему самому, и онъ принималъ ихъ (хотя,—къ чести его сказать,—далеко не всегда Въ консисторіи же безъ подарковъ, повидимому, не обходилось ни одно дѣло: при полученіи грамоты на постройку церкви, при испрошеніи концесса на пріисканіе прихода, тѣмъ болѣе при ставленническомъ производствѣ нельзя было обойтись безъ подарковъ и поклоновъ. Въ случаяхъ какихъ либо провинностей, когда приходилось „ходить по дѣламъ“, тѣмъ болѣе нельзя было обойтись безъ поклоновъ. Нерѣдко, послѣ нѣсколькихъ аудіенцій въ консисторіи, и богатые протопопы и намѣстники слезно просили отпустить ихъ домой и говорили, что они „на все согласны“, только бы судъ надъ ними производился безъ нихъ [1]).

IX.

Что касается основаній, на которыхъ производился консисторскій судъ, или той основы, на которой покоилось консисторское судопроизводство, то объ этомъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Консисторія въ данное время не имѣла какого нибудь опредѣленнаго кодекса или устава, которымъ могла бы руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ.

Когда подавали митрополиту какое нибудь дѣло на разсмотрѣніе, то онъ нерѣдко писалъ: „Разсмотрѣть въ консисторіи въ силу правилъ и указовъ“ [2]). При самомъ назначеніи въ члены консисторіи имъ внушалось: 1) являться въ указные дни и часы и вести дѣла безъ упущенія, чтобы не было никакихъ волокитъ и обидъ; 2) „разсматривать дѣла“, какъ правила Св. Отецъ, Духовный Регламентъ и монаршіе указы повелѣваютъ, безъ всякаго упущенія“ [3]).

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I стр. 481.

[2]) А. К. К. 1767 г., рез. № 1119.

[3]) А. К. К. 1763 г., ук. № 239, 11 дек. Это былъ указъ о назначеніи Варлаама архимандритомъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Замѣчательно, что здѣсь же назначено Варлааму занимать 2-е мѣсто, 1 послѣ настоятеля Кіево-Пустыннаго монастыря.

Если дѣло касалось ставленническаго производства, построенія церквей, освященія храмовъ, то руководящими правилами для конторы служили синодальные указы, высочайшія повелѣнія (о постройкѣ храмовъ и проч.), а главнымъ образомъ Духовный Регламентъ. Тогда контора въ своемъ докладѣ митрополиту, послѣ изложенія прошенія, приводила выдержки и дѣлала ссылки на всѣ предшествующія распоряженія и указы и высказывала свое общее заключеніе, которое и представляла „въ волю и разсмотрѣніе“ митрополита. Здѣсь было дѣло ясное: когда кандидатъ былъ указныхъ лѣтъ (25--для посвященія въ діаконы и 30—для посвященія во священники), когда были представлены всѣ документы (презенты, увольнительный билетъ, одобрительные отзывы отъ протопопскаго правленія), необходимыя справки (свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ приходѣ, опись церковнаго имущества--при освященіи церкви, обязательство снабдить церковь всѣмъ необходимымъ при устройствѣ церкви), дѣлать постановленіе было не трудно. Если не было соблюдено какихъ либо изъ принятыхъ условій производства во священники (напр., въ случаѣ неимѣнія полныхъ лѣтъ, отсутствія увольнительнаго аттестата и проч.), консисторія не сомнѣвалась писать отрицательное рѣшеніе. То же было и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось постройки и освященія алтаря, храма и т. п.

Труднѣе было консисторіи въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Въ этомъ случаѣ консисторія не имѣла твердо установленныхъ правилъ и законовъ или уставовъ; больше руководилась примѣромъ прошлаго, преданіемъ или обычаемъ. Духовный Регламентъ, изданный въ руководство при устройствѣ епархіальныхъ учрежденій, не касался епархіальныхъ судовъ, а оставлялъ ихъ на усмотрѣніе епархіальнаго архіерея [1]). Поэтому консисторія въ XVIII в. продолжала пользоваться тѣми нормами, какія издавна употреблялись въ ней. То были: правила Соборовъ и Св. Отцовъ (собранныя въ Кормчей книгѣ), постановленія южно-русскихъ соборовъ и митрополитовъ, затѣмъ Литовскій Статутъ. Со времени Петра I, въ измѣненіе лишнихъ обычаевъ и древнихъ установленій, стали издаваться новыя постановленія, которыя разсылались изъ Синода во всѣ епархіи и въ томъ числѣ и въ Кіевскую. Съ введеніемъ новыхъ постановленій, консисторія должна была строго сообразоваться съ ними и быть на сторожѣ, чтобы какъ нибудь не нарушить ихъ и за то не подвергнуться карѣ („за слово и дѣ-

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 462.

до государево"). При отсутствіи систематическаго свода синодальныхъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, положеніе консисторіи къ половинѣ XVIII в. становилось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что прямыхъ распоряженій объ отмѣнѣ старыхъ порядковъ и обычаевъ не издавалось. Въ постановленіяхъ консисторіи получался хаосъ: продолжали существовать порядки въ духѣ стараго малороссійскаго кодекса, но они мало согласовались съ новыми запросами времени, а особенно съ правительственными видами и распоряженіями: а правительственныя распоряженія оставались безъ приложенія къ дѣлу, такъ какъ не всегда были извѣстны консистористамъ. Поэтому оберъ-прокуроръ Св. Синода въ 1767 г. указывалъ Синоду, что въ малороссійскихъ консисторіяхъ, „какъ въ произвожденіи дѣлъ происходятъ многіе непорядки, такъ и въ рѣшеніи оныхъ поступаютъ несходственно съ государственными узаконеніями, а, сверхъ того, консисторіи вступаютъ и не въ принадлежащія до духовнаго суда дѣла, отъ чего Св. Синоду бываетъ напрасное затрудненіе и въ прочихъ дѣлахъ помѣшательство". Св. Синодъ опредѣлилъ, чтобы консисторія строго сообразовалась съ законами государственными, а оберъ-прокуроръ предложилъ дѣйствительное средство для исполненія этого приговора: замѣнить прежнихъ писарей секретарями изъ приказныхъ, знающихъ правительственныя распоряженія [1]). Этимъ былъ нанесенъ окончательный ударъ старому малороссійскому кодексу, хотя въ то же время все-таки не давалось прочнаго начала для судопроизводства, такъ какъ не было издано судебнаго кодекса (хотя бы въ видѣ устава или наказа консисторіи). Поэтому консисторія продолжала возвращаться къ прежнему своему кодексу, къ старымъ обычаямъ, и въ дальнѣйшее время когда она не находила для себя указаній въ новѣйшихъ распоряженіяхъ правительства или въ примѣрахъ позднѣйшаго времени.

Такъ, когда возникало дѣло о какихъ нибудь суевѣріяхъ, консисторія всегда имѣла въ виду, какъ бы не подпасть винѣ за нарушеніе Петровскихъ указовъ о подобныхъ случаяхъ. По этимъ указамъ за суевѣріе было положено очень тяжкое наказаніе,— пытки, ссылки и каторга; но притомъ, къ суевѣріямъ относились всякаго рода явленія изъ религіозной жизни, какъ то: объявленія о новооткрытыхъ явленныхъ иконахъ, кликушество, юродство и т. п. Петръ I, какъ извѣстно, слишкомъ подозрительно от-

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 465.

носился ко всѣмъ подобнымъ явленіямъ и обвинялъ, такъ называемыхъ, ханжей и юродивыхъ въ мошенничествѣ и обманахъ. Такое воззрѣніе отразилось въ Петровскихъ указахъ, которыми должна была руководиться консисторія. И вотъ, когда возникало подобное дѣло (о явленной иконѣ или ч. н. другомъ), консисторія прибѣгала къ сыску, признавала причастныхъ лицъ плутами, мошенниками, заключала подъ стражу, ставя въ вину разглашеніе мнимыхъ чудесъ. Бывали и такіе случаи, что консисторія старалась совершенно замять дѣло или отсылала отъ себя заподозрѣнныхъ лицъ въ свѣтскія команды, чтобы только избѣжать непріятной исторіи. Такъ, житель городисскій, Савва Терентіевъ Рудикъ сдѣлалъ въ хижинѣ изъ драницъ моленную, передѣлалъ у порога дверь на подобіе церковныхъ (царскихъ), устроилъ чашки, крестики, полотняные покровы, воздухъ и ризы: входилъ въ моленную каждый день, одѣвался въ ризы, что то отправлялъ и пріобщался подобно священнику. Иваницкое сотенное правленіе прислало Рудика въ Ичанское правленіе, а послѣднее представило рапортъ консисторіи. Консисторія опредѣлила отослать Рудика обратно въ Иваницкое сотенное правленіе, и указывала на то, что свѣтскія правленія не имѣютъ права представлять о лицахъ подлежащихъ духовному суду [1]). Такъ и уклонилась консисторія отъ разбора дѣла по существу: очевидно, недоумѣвала, какъ поступить съ такимъ „колодникомъ“.

Не меньше хлопотъ было консисторіи и по дѣламъ другого рода, „объ ущербѣ Высочайшей чести“. Зная, какъ строго тогда смотрѣли на всякаго рода—не проступки, а оплошности въ отношеніи къ Высочайшей чести, консисторія приходила въ большое смущеніе, когда ей приходилось разбирать такія дѣла, какъ неслуженіе молебна въ царскій день, или неявка къ указной панихидѣ или къ молебну, хотя бы виновный въ этомъ имѣлъ вполнѣ уважительныя къ тому причины. „Страхъ жестокихъ наказаній за послабленіе суда,—говоритъ Крыжановскій,—не могъ быть обманчивъ, и потому консисторія рѣшительно терялась, не зная что дѣлать, и спѣшила поскорѣе сбыть съ рукъ дѣло“ [2]).

---

[1]) А. К. К., 1767 г. д. № 1612 и 1690.

[2]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 46 . Однажды полков. сотникъ, И. Кулябка прислалъ жалобу на священника Лубенской церкви А. Александровича, что онъ помимо ктитора самъ распоряжается церковными суммами; въ прошеніи были описки (ывм и) и слушено было слово *Высочайшій* въ титулѣ. На этомъ основаніи консисторія возвратила прошеніе безъ всякаго разсмотрѣнія (А. К. К. 1767, № 1730 и 1785).

Не мало хлопоть и волненій причиняли консисторіи и вообще всякаго рода правительственные указы, распоряженія, которыя присылались при вѣдѣніи или промеморіи для распубликованія по церквамъ. Консисторія обычно спѣшила поскорѣе исполнить такого рода требованія, чтобы не навлечь на себя обвиненій въ замедленіи; съ своей стороны она понуждала и всѣхъ бывшихъ въ ея вѣдѣніи властей, настоятелей, чтобы они также немедленно исполняли правительственныя распоряженія о публикаціяхъ (а чего только тогда не публиковали въ церквахъ). Все это дѣлалось, чтобы не возникло какое нибудь непріятное дѣло, съ обвиненіемъ въ ущербъ Высочайшей чести (тогда было сильно „слово и дѣло государево"). Если дѣло возникало, консисторія судила строго, по новымъ законамъ [1]).

Гораздо легче чувствовалось консисторіей, когда ясно было изъ дѣла, къ какой группѣ послѣднее принадлежало, и когда было указаніе въ различныхъ правилахъ, постановленіяхъ, какому наказанію подвергнуть виновнаго. Сюда относятся дѣла о бракахъ въ близкихъ степеняхъ родства, объ убійствѣ одного изъ супруговъ другимъ, о нарушеніи законовъ брака, о чародѣяніяхъ и т. п. Тогда поступали такъ: въ постановленіи выписывали (въ справку) то или другое правило и на этомъ основаніи присуждали къ наказанію.

Наказанія, практиковавшіяся въ то время были такія: церковное покаяніе, запрещеніе духовныхъ лицъ въ служеніи, отлученіе отъ Св. Таинъ, а также сажаніе въ холодную комнату на цѣпь и тѣлесныя наказанія. Перваго рода наказанія налагались по правиламъ Св. Отцовъ и Соборовъ: а второго рода—(сажаніе въ тюрьму на цѣпь и тѣлесныя наказанія) были въ ходу по

---

[1]) Ibidem, стр. 470. О небывшихъ на указныхъ молебнахъ или паннихидахъ синодальнымъ указомъ 1766 г. 22 іюня велѣно было производить строгое разслѣдованіе въ духовномъ правленіи, наказывать ихъ штрафомъ въ пользу богадѣльни или епитеміей; предписывалось и заставить непремѣнно отправить пропущеннную службу (А. К. К. 1766. реест. кн. № 1262, 1559). Иногда за опущеніе богослуженія въ высокоторжественный день консисторія опредѣляла сослать на 1 м-цъ въ монастырь. Такъ, свящ., с. Лѣсникъ Вересовичъ былъ сосланъ въ Выдубицкій монастырь даже за то, что въ день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны не отправилъ всенощнаго бдѣнія (А. К. К., ук. 1759 г. № 269). Карѣ подвергались даже тѣ изъ священниковъ, которые не доносили своевременно объ упущеніяхъ служенія въ торжественные дни. Такъ, Нѣжинское правленіе присудило священника Вакуловскаго за несвоевременный доносъ къ епитеміи въ монастырѣ на 1 мѣсяцъ, съ лишеніемъ половины доходовъ. Консисторія замѣнила кару штрафомъ 2 руб. на бурсу (А. К. К. 1769 г. № 558).

обычаю малороссійскому издавна. Впрочемъ, нерѣдко наказанія опредѣлялись просто по усмотрѣнію консисторіи, безъ всякаго соотвѣтствія съ проступкомъ или преступленіемъ. Такъ, за опущеніе богослуженія въ торжественные дни, а также за недонесеніе о такомъ поступкѣ назначалась ссылка въ монастырь на покаяніе на 1 мѣсяцъ [1]). Самымъ мягкимъ наказаніемъ было „держаніе на хлѣбѣ и водѣ". Приговоренный къ этому наказанію долженъ былъ просидѣть безвыходно въ консисторской или правленской тюрьмѣ извѣстный срокъ и употреблять въ пищу хлѣбъ и воду. Такъ наказывали за легкія вины въ оскорбленіи чиновниковъ, за ссоры и брань, За болѣе важныя вины въ этомъ родѣ приговаривали къ тѣлеснымъ наказаніямъ („батогами", „барбарати" или „кійками"). Опальнаго наказывали въ самой консисторіи или въ духовныхъ правленіяхъ, въ собраніи всѣхъ священниковъ или братіи. Отъ тѣлеснаго наказанія не освобождались и духовныя лица. Тѣлесное наказаніе священныхъ лицъ было отмѣнено Екатериною II лишь въ 1767 г. Болѣе суровымъ наказаніемъ считалось заключеніе въ темницу на цѣпь [2]). Въ случаяхъ самыхъ рѣшительныхъ употреблялось лишеніе священнаго сана за которымъ слѣдовало и наказаніе по свѣтскимъ или гражданскимъ законамъ. Кіевская консисторія лишала сана сама, не испрашивая на то разрѣшенія Св. Синода и даже не донося ему объ этомъ. Лишь въ 1765 г. (14 сентября) запрещено было лишать свящ. сана безъ синодальнаго указа; за архіереями оставлено право лишь временнаго запрещенія въ служеніи [3]). Что касается монашествующихъ, то они лишались монашества, остригались и запрещались въ правѣ ношенія монашескаго клобука, нерѣдко, помимо вѣдѣнія консисторіи, по одному распоряженію настоятеля монастыря.

Слѣдуетъ отмѣтить, что съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній для духовенства, съ отняніемъ у консисторіи права, безъ синодальнаго указа, лишать свящ. сана, само духовенство много возвышалось въ нравственномъ отношеніи, въ своемъ самосознаніи. Такъ, въ числѣ кіевскихъ пунктовъ, напр. есть пунктъ о томъ, чтобы монашествующіе и священники давали показанія безъ присяги, по священству или по даннымъ обѣтамъ монашества; также о томъ, чтобы за преступленія священники не отсылались и къ

---

[1]) А. К. К. 1769 г. № 558; 1759 г. ук. № 269.

[2]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 471.

[3]) Ibidem, стр. 473. Рук. К. С. Биб. № 429. ук. № 17.

свѣтскимъ судамъ для наказанія, а чтобы только лишались свящ. сана.

Надо думать, что съ ослабленіемъ „батьковщины" въ консисторскомъ судопроизводствѣ, съ ограниченіемъ мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, съ установленіемъ точной регламентаціи всякихъ дѣлъ, подлежавшихъ консисторскому суду, много бы выигралъ этотъ послѣдній, а съ другой стороны, и само духовенство возвысилось бы въ нравственномъ отношеніи; да и сами бы консистористы не трепетали бы за свою судьбу, отъ неустойчивости въ формахъ судебнаго производства, и творили бы судъ справедливый, по совѣсти.

X.

Кіевская митрополія при митрополитѣ Арсеніи въ административномъ отношеніи была раздѣлена на отдѣльные округа, подчиненные протопопамъ, отъ чего и самые округа назывались протопопіями. Округа протопопскіе по своей величинѣ или пространству были различны; они заключали въ себѣ отъ 4 до 60 и болѣе церквей. Во главѣ протопопіи стоялъ протопопъ, которому принадлежало управленіе и ближайшій надзоръ надъ церквами своей протопопіи, исполненіе разныхъ административно-церковныхъ и епархіальныхъ распоряженій, производство дознаній и слѣдствій и ближайшее разбирательство и судопроизводство по дѣламъ священника съ причетниками или прихожанами. Протопопы, надо полагать, вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ великороссійскимъ заказчикамъ и десятоначальникамъ. Такъ, еще въ 1765 году былъ разосланъ изъ консисторіи указъ о томъ, чтобы нигдѣ не выставляли иконъ на улицахъ, и за этимъ обязаны были слѣдить заказчики и десятоначальники [1]). Впослѣдствіи протопоповъ смѣнили благочинные (при митрополитѣ Самуилѣ и Іерофеѣ). Протопопы въ большинствѣ случаевъ жили въ городахъ при городскихъ церквахъ, но бывали и въ малыхъ мѣстечкахъ и другихъ болѣе или менѣе центральныхъ пунктахъ епархіи, къ которымъ причислялись ея округа.

При протопопахъ, со времени учрежденія Св. Синода, были открыты по протопопіямъ духовныя правленія [2]). Но какъ особыя учрежденія, эти правленія выступаютъ со всею ясностію лишь

---

[1]) А. К. К., указъ 1765 г., 17 октября.
[2]) Опис. К. С. С., стр. 252.

въ царствованіе Екатерины II [1]). Впрочемъ, духовныя правленія не представляли и при Екатеринѣ II чего либо новаго по сравненію съ предыдущимъ: и раньше протопопы имѣли канцелярію при себѣ, въ которой помощниками протопопу были ближайшіе священники, составлявшіе протопопское правленіе; они то въ отсутствіе протопопа или за его смертію вели текущее дѣлопроизводство. Со времени Екатерины II протопопскія правленія были лишь болѣе опредѣленно организованы. Замѣтимъ, что до 1786 года обыкновенно въ документахъ рядомъ встрѣчаются названія: „№ духовное правленіе“ и „духовное протопопіи № правленіе“. Общій составъ духовныхъ правленій былъ таковъ: сюда входили тотъ же протопопъ, намѣстникъ и 2 или 3 ближайшихъ священника. При каждомъ духовномъ правленіи была канцелярія, въ которой было 1—3 приказныхъ служителя,—смотря по величинѣ протопопіи, „посыльщикъ“ (разсыльной), а иногда еще и сторожъ.

Намѣстники, входившіе въ составъ духовнаго правленія, это десятоначальники, которые, повидимому, имѣли одинаковыя съ протопопскими—обязанности и были только ниже протопоповъ по рангу и имѣли въ своемъ вѣдѣніи меньшее число церквей. Въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ, значительныхъ по величинѣ, было до трехъ намѣстниковъ, которые составляли въ свою очередь небольшія намѣстническія правленія, подчиненныя, конечно, духовнымъ протопопскимъ правленіямъ. Намѣстники обыкновенно выступали—какъ самостоятельные тогда лишь, когда не было въ наличности протопопа. Намѣстники были болѣе благонадежные въ протопопіи священники, которые въ болѣе важныхъ дѣлахъ помогали своему протопопу. Если необходимо было сдѣлать обзоръ церквей въ протопопіи (въ виду устройства новой или освященія устроенной уже), то исполненіе этого возлагалось на протопопа или на его намѣстника [2]).

Протопопы и ихъ намѣстники—были лица выборныя. Они выбирались самимъ духовенствомъ, которое всегда очень ревниво отстаивало свои права на свободное избраніе должностныхъ лицъ. Избранные духовенствомъ и чиновными людьми утверждались въ своей должности митрополитомъ, который въ такихъ случаяхъ выдавалъ отъ себя особую грамоту протопопу и на-

---

[1]) Проф. Н. И. Петровъ „Руков. для сельскихъ пастыр.“, 1880 г., II, 349.

[2]) Такъ, въ 1768 году митрополитъ Арсеній повелѣлъ протопопамъ или же намѣстникамъ объѣхать приходы и посмотрѣть, устроены ли ограды около церквей (Рук. К. С. Б., № 605. „Сбор. пис. къ м. Арсенію за 1768 г., № 80).

мѣстнику. При назначеніи намѣстниковъ или протопоповъ непремѣнно требовалось соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) ходатайство духовнаго правленія и 2) рекомендація свѣтскихъ чиновниковъ, какъ то: комиссара земскаго округа [1]), войскового старшины съ сотниками, канцеляристовъ и др. Если же кандидатами въ протопопы выступало нѣсколько лицъ,—что бывало очень часто, такъ какъ кандидатами считались почти всѣ намѣстники,—тогда дѣло не обходилось безъ борьбы; въ такихъ случаяхъ митрополитъ Арсеній, съ своей стороны, назначалъ какого либо депутата, для наблюденія за правильностью выборовъ и добросовѣстностью въ подачѣ голосовъ, и даже запретилъ дѣлать выборы раньше резолюціи архіерейской на репортѣ о смерти того или другого протопопа или намѣстника. При самыхъ выборахъ обращалось вниманіе, кромѣ нравственныхъ качествъ, на учительность, продолжительность службы и даже на національное происхожденіе, а въ концѣ все сводилось къ числу поданныхъ голосовъ въ пользу того или другого. Само собою понятно, что уроженцы Малороссіи брали первенство. Такъ, когда одинъ изъ намѣстниковъ Лубенскихъ, Ѳеодоръ Барвѣнскій сталъ располагать священниковъ къ подачѣ голосовъ въ его пользу (дѣло касалось избранія протопопа), тогда противная ему партія, во главѣ съ другими намѣстниками, указывала именно на то, что Барвѣнскій „*неродимецъ Малороссійскаго отечества*“. Въ свою очередь и Барвѣнскій указывалъ на то, что, хотя онъ и не уроженецъ Лубенскій,—но долго жилъ и „*настоящій патріота*“ [2]). Замѣтимъ,—митрополитъ утвердилъ Барвѣнскаго въ должности протопопа, такъ какъ онъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ.

Для полученія грамоты необходимо было являться въ каѳедру и принести указную присягу. По этой грамотѣ протопопу предоставлялось 1) право въ высокоторжественные и викторіальные дни отправлять молебны, а равно указныя панихиды въ своей приходской церкви или въ соборѣ, 2) по всѣмъ указнымъ и другимъ дѣламъ сноситься сообщеніями съ духовнымъ правленіемъ, 3) представлять въ консисторію всѣ указныя вѣдомости, исповѣдныя росписи и т. д. [3]).

---

[1]) А. К. К., д. о назначеніи Пирятинскаго протопопа за 1765 годъ.

[2]) А. К. К. 1764 г., № 60.

[3]) Вотъ тѣ вѣдомости, которыя сообщались въ духовное правленіе для отсылки въ консисторію: 1) росписи о исповѣдывавшихся и причастившихся съ записью по душамъ и дворамъ (въ каждомъ дворѣ по 6 душъ), 2) сказки о свя-

Что касается компетенціи протопопскихъ и намѣстничьихъ правленій, то ясное свидѣтельство объ этомъ самого кіевскаго духовенства находится въ кіевскихъ пунктахъ. „Въ канцеляріяхъ при духовныхъ епархіи Кіевскія протопопопскихъ и намѣстничьихъ правленіяхъ,—говорится въ 12 пунктѣ,—всякія, по примѣру свѣтскихъ правленій, какъ указныя, такъ и тяжебныя судебныя не только до духовныхъ, но и до свѣтскихъ касающіяся духовныя дѣла теченіе имѣютъ и производятся, и для исправленія тѣхъ дѣлъ съ найму содержатся писари со служителями то есть съ писцами, посыльщиками и сторожами“ [1]). Отсюда ясно видно, что 1) вѣдѣнію протопопскихъ правленій подлежали тѣ же дѣла, что вообще подлежали вѣдѣнію епархіальнаго архіерея („какъ указныя, такъ и тяжебныя судебныя, не токмо до духовныхъ, но и до свѣтскихъ, касающіяся духовныя дѣла“); 2) протопопскія правленія были вспомогательными органами епархіальнаго управленія, чрезъ которые проходили дѣла, подлежавшія вѣдѣнію епархіальной власти (...„дѣла теченіе имѣютъ“); 3) они были главнымъ образомъ органами исполнительными; впрочемъ, и сами имѣли право рѣшать нѣкоторыя дѣла („....указные дѣла производятся“).

Протопопы и протопопскія правленія принимали изъ консисторіи указы, о полученіи которыхъ немедленно обязаны были доносить въ консисторію, а потомъ разсылали ихъ по протопопіи священникамъ для свѣдѣнія и исполненія; исполняли различныя распоряженія консисторіи по церковному благочинію, допросу, производству дознаній и слѣдствій. Затѣмъ, они обязаны были по третямъ ежегодно представлять въ консисторію донесенія съ вѣдомостями о томъ, какія начались справки или дѣла, рѣшены они или нѣтъ, и почему не рѣшены [2]).

щенно и церковно-служителяхъ и ихъ дѣтяхъ—только мужескаго пола, 3) объ обучавшихся въ академіи дѣтяхъ священно и церковно-служителей, 4) метрическія книги, съ экстрактами о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ, 5) донесенія о суевѣріяхъ въ приходѣ; 1-я роспись представлялась къ осьминой, 2 и 3 вѣдомость къ 1-му сентября, 4-я при окончаніи года; 5-я въ іюнѣ и декабрѣ каждаго года.

[1]) Сборн. И. И. О., т. 43 стр. 457.

[2]) Вотъ, напр., репортъ Гадячскаго духовнаго правленія: „Какови по заводнимъ доношеніямъ, поданнимъ въ духовное правленіе протопопіи Гадячской, въ ономъ правленіи сего 1765 года въ генварской трети справи точились и рѣшени или нѣтъ и почему, о семъ въ катедральную митрополіи Кіевскія канцеляріи за закрепою обстоятельная прилагается вѣдомость“ (Репортъ 1765 г. 30 апр.). Самыя же дѣла эти были такого рода: 1) о взятіи іереемъ за долгъ самовольно лошади

Затѣмъ, духовныя протопопскія правленія или сами протопопы принимали отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ прошенія объ опредѣленіи на мѣста, о построеніи и освященіи церквей и т. п., и, по засвидѣтельствованіи ихъ, представляли на усмотрѣніе епархіальнаго начальства. Правда, порядокъ представленія прошеній епархіальному начальству иногда нарушался: нерѣдко прошенія присылались въ каѳедру, помимо духовныхъ правленій. Но митрополитъ Арсеній въ этомъ отношеніи былъ строгъ: всякое написанное и представленное не по порядку, помимо духовныхъ правленій и протопопа, прошеніе не принималось. Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ случаевъ, когда кто либо не могъ совсѣмъ получить одобренія и посвидѣтельствованія со стороны ближайшаго начальства (напр., если кто нибудь подавалъ жалобу на духовное правленіе [1]). Въ приходскихъ выборахъ священника протопопы принимали живѣйшее участіе: они обязаны были руководить выборами и дѣйствовать согласно съ предписаніями епархіальнаго начальства.

Далѣе, на протопопахъ лежала обязанность дѣлать указные сборы съ духовенства въ каѳедральную казну, т. е. сборы мировыхъ, столовыхъ и солодовыхъ и т. п., которые они представляли при особыхъ доношеніяхъ. На обязанности же протопоповъ лежало производство описей церковнаго имущества предъ освященіемъ церквей, самое заложеніе и освященіе церквей, запечатываніе старыхъ [2]).

Кромѣ того, имъ принадлежала и судебная власть—по тяжбамъ причта съ прихожанами и между собою,—по крайней мѣрѣ, въ первой инстанціи,—при чемъ протопопамъ же поручалось произвести и мировую между противниками.

у жителя Барковскаго; 2) о невозвращеніи денегъ, данныхъ іерею на храненіе; 3) о недозволеніи похоронить умершаго крестьянина; 4) о недопущеніи до очереднаго седьмичнаго служенія и о захватѣ доходовъ; 5) о начетѣ прихожанами церковныхъ денегъ и хлѣба на іереѣ (Это дѣло было поручено намѣстнику съ 2 іереями); 6) о принятіи на службу и неотпусканіи домой служителя и невозвращеніи послѣднему денегъ; 7) о невозвращеніи дьячкомъ іерею долга; 8) о враждѣ сотника къ іерею, 9 и 10) объ опорочепіи іереемъ атамана и сотника; 11) объ отнятіи отъ церкви земли, а также ктитора и пономаря по враждѣ сотника; 12) о захватѣ доходовъ, поступавшихъ во время болѣзни іерея и т. д.

[1]) А. К. К. 1760 г., № 60.

[2]) А. К. К. 1765 г., указъ отъ 25 октября.

Исполненіе этихъ же обязанностей лежало и на намѣстникахъ, имѣвшихъ въ своемъ вѣдѣніи по нѣсколько приходскихъ церквей [1]).

Бывало, что иногда духовныя правленія допускали себѣ превышеніе своей власти: они разсматривали и даже рѣшали такія дѣла, которыя непосредственно относились къ суду и власти архіерейской или консисторскому суду, напр. дѣла о воровствѣ, сквернодѣйствіяхъ, убійствѣ и т. п. [2]). Но, конечно, такое превышеніе власти вызывало соотвѣтствующее внушеніе со стороны консисторіи.

При духовныхъ протопопскихъ правленіяхъ были канцеляріи, въ которыхъ сосредоточивалось все дѣлопроизводство протопопскаго правленія. Содержаніе такой канцеляріи лежало на духовенствѣ цѣлой протопопіи. Обыкновенно въ пользу канцелярскаго писаря взималось по 1 коп. отъ каждаго двора, да сверхъ того, отъ каждаго квита брачнаго по 2 коп. на содержаніе канцеляріи [3]). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, протопопіяхъ дѣлался взносъ по 3 коп. [4]).

Само собою разумѣется, что копеечнаго взноса отъ каждаго двора далеко не было достаточно для содержанія духовныхъ правленій, а между тѣмъ „къ произведенію дѣлъ,—какъ писало духовенство въ Комиссію Уложенія,—„употребляется не малымъ числомъ бѣлая бумага, сургучъ и прочее, и строятся и починяются для присутствующихъ и для канцелярскихъ служителей избы“ [5]). Казна ничего не давала на содержаніе духовныхъ правленій. Само духовенство тяготилось взносами на содержаніе духовныхъ правленій, особенно съ тѣхъ поръ, какъ указомъ отъ 17 февраля 1765 года велѣно было сельскимъ священно и церковно-служителямъ брать за исправленіе требъ у прихожанъ по таксѣ, которая была гораздо ниже мѣстной обычной таксы, и довольствоваться лишь доброхотнымъ подаяніемъ. Для духовенства тяжело было еще и потому, что были прекращены всѣ

---

[1]) А. К. К. 1760 г., № 132 и др. Оп. К. С. С. прил. стр. 250, 252—253.

[2]) Ар. К. К. 1771 г., указ. кн., № 53.

[3]) А. К. К. 1769 г., № 7.

[4]) А. К. К., 1774 г., 21 марта. Правленіе Кіево-печерской протопопіи доносило въ консисторію, что еще во время зависимости отъ Кіево-Печерской Лавры отъ заднѣпровскихъ намѣстній: Пакульской, Смѣловской, Мижицкой и отъ кіевскихъ церквей, кромѣ Кіево-Печерской Вознесенской, Воскресенской, Владимірской, Преображенской, Ѳеодосіевской, Предтеченской, вносилось отъ каждаго двора по по 3 коп. (А. К. К. 1773 г. № 133).

[5]) Сб. И. И. О., т. 43. стр. 457.

бывшіе по древнемумалороссійскому обыкновенію доходы, а потому духовенство и жаловалось въ Комиссію Уложенія на свою бѣдность и указывало, что оно не въ состояніи содержать на своемъ иждивеніи духовное правленіе [1]).

При томъ скудномъ содержаніи духовныхъ правленій, какое составлялось изъ копеекъ, конечно, неудивительно, что въ духовныхъ правленіяхъ были упущенія и безпорядки. Скудость матеріальная, естественно, вызывала за собою и безпорядки въ правленіи. Въ самомъ дѣлѣ, сами протопопы и намѣстники, не получая никакого жалованья и содержанія, должны были исполнять разныя порученія и распоряженія консисторіи и митрополита, производить слѣдствія, вести судъ и расправу не иначе какъ только въ ущербъ своимъ приходскимъ обязанностямъ, а равно и своимъ доходамъ. Такъ какъ протопопы пользовались одинаковою частью доходовъ съ другими священниками въ приходѣ, то имъ приходилось выбирать между исполнительностію и аккуратностію по службѣ—съ одной и заботливостью о семьѣ и приходѣ, матеріальными выгодами—съ другой стороны. Нѣкоторые изъ протопоповъ, правда, имѣли при себѣ викаріевъ, но они обязаны были содержать ихъ на своей части въ приходѣ; значитъ—выходило одно и то же: ущербъ въ доходности при исполненіи служебныхъ обязанностей или—въ противномъ случаѣ—наоборотъ: неисполнительность по службѣ. И такъ какъ труднѣе было найти лицъ, жертвующихъ своею матеріальною выгодою для исполненія постороннихъ занятій, то неудивительно, что нѣкоторые изъ протопоповъ оказывались неисправными по службѣ и безпорядочно вели дѣла въ духовныхъ правленіяхъ.

Кромѣ того, самая канцелярія протопопская была въ такихъ условіяхъ, что порядокъ и аккуратность въ дѣлопроизводствѣ были почти невозможны. „Находящіяся при духовныхъ правленіяхъ писари, посыльщики и сторожа, по словамъ кіевскихъ пунктовъ, отъ общенародныхъ повинностей, податей и постоевъ не увольняются и мірскою командою отъ дѣлъ отрываются, и чрезъ то часто оныя духовныя правленія остаются безъ канцелярскихъ служителей; да за тѣмъ же самымъ въ канцеляріяхъ при тѣхъ духовныхъ правленіяхъ никто приказными служителями быть не хотятъ, а въ отправленіи по тѣмъ духовнымъ прав-

---

[1]) Ibidem. 458.

леніямъ дѣлъ бываютъ остановки, неисправности и упущенія"[1]. Картина очень выразительная. На этотъ безпорядокъ жаловалось кіевское духовенство въ Комиссію Уложенія. Но никакихъ мѣръ общаго характера, направленныхъ къ устраненію этого безпорядка, при митрополитѣ Арсеніи, повидимому, не было издано. За всякое лишь уклоненіе отъ порядка, неисполненіе указа и даже нерепортованіе о полученіи указа консисторія налагала штрафъ на членовъ духовнаго правленія. Такъ, въ 1769 году Сорочинское правленіе прислало неполную вѣдомость объ исповѣдныхъ. За это велѣно было священника І. Сталинскаго посадить на цѣпь, до представленія надлежащей росписи, и оштрафовать[2]. 31 октября 1766 года велѣно было штафовать всѣ присутственныя мѣста за нерепортованіе о полученіи указовъ[3]. Но какъ можно было по справедливости штрафовать, когда, въ дѣйствительности, духовныя правленія были безпомощны. Если въ самой консисторіи не было свѣдущихъ и способныхъ лицъ для должностей канцелярскихъ служителей,—если въ консисторскомъ архивѣ содержался безпорядокъ, если въ консисторіи была волокита и продолжительная проволочка, были взятки и подкупы, то что уже говорить о духовныхъ правленіяхъ, которыя были еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ консисторія.

Лишь преемникъ митрополита Арсенія, Гавріилъ Кременецкій, издалъ нѣсколько распоряженій относительно протопопскихъ канцелярій, напр. 1) рѣшать дѣла безъ всякой волокиты; 2) доносить ежемѣсячно о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, и 3) никого не опредѣлять въ канцеляристы, безъ испытанія со стороны консисторіи[4]) Но эти постановленія, конечно; не въ силахъ были устранить безпорядки,—лишь отчасти могли предупреждать ихъ.

Округи, большіе протопопскихъ, находились въ завѣдываніи намѣстниковъ митрополичьихъ. Митрополичьи намѣстники—это высшая инстанція окружнаго управленія, развившаяся къ ½ XVIII-го столѣтія. Въ завѣдываніи этихъ намѣстниковъ были болѣе или менѣе значительныя области (расположенныя за границей), принадлежавшія къ Кіевской митрополіи и, въ свою очередь, дѣлившіяся на протопопіи и приходы. Такимъ намѣстникомъ въ половинѣ XVIII в. въ предѣлахъ Кіевской митрополіи

---

[1]) Ibidem, стр. 456.
[2]) А. К. К. 1769 г., № 2140.
[3]) А. К. К. 1766 г., № 2211.
[4]) А. К. К., 1778 г., № 7.

считался Слуцкій архимандритъ, завѣдывавшій всѣми монастырями и приходскими церквами, входившими въ составъ Слуцкой архимандріи. Чѣмъ былъ въ Бѣлоруссіи Слуцкій архимандритъ, тѣмъ же въ Литвѣ былъ настоятель Виленскаго монастыря; онъ завѣдывалъ монастырями и церквами, приписанными къ Виленскому Св. Духовскому и бывшимъ вблизи него.

Настоятель Виленскаго монастыря лишь былъ въ санѣ игумена и именовался „старшимъ“. Кромѣ того, еще можно упомянуть о намѣстникѣ Матронинскомъ, который, хотя и былъ въ подчиненіи епископа Переяславскаго, но имѣлъ очень частыя сношенія съ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ. Эти митрополичьи намѣстники сами избирали кандидатовъ въ настоятели приходскихъ церквей и монастырей, завѣдывали и благочинническими и распорядительными дѣлами въ своемъ округѣ, а митрополиту лишь представляли избранныхъ кандидатовъ къ посвященію и присылали донесенія о состояніи церквей и монастырей Слуцкій архимандритъ имѣлъ даже право посвящать въ низшія церковныя степени въ своей архимандріи собственнымъ изволеніемъ и, наконецъ, право суда надъ священно-церковнослужителями [1]).

Кромѣ этихъ лицъ, состоявшихъ на опредѣленныхъ ступеняхъ административной лѣстницы, были еще нѣкоторыя лица, которыя, хотя и не принадлежали къ администраціи, однако занимали исключительное положеніе среди духовенства, или какъ крестовые намѣстники и протопопы, или какъ духовники, увѣщатели и депутаты.

Крестовые намѣстники и протопопы—это были лица бѣлаго духовенства, которыя какими нибудь особыми заслугами пріобрѣтали независимость отъ мѣстныхъ протопоповъ и духовныхъ правленій. Это особое положеніе они получали, конечно, какъ награду отъ митрополита. Число такихъ протопоповъ бывало ограниченно. Въ 1758 году было 4 крестовыхъ намѣстника: Голтвянскій, Краснянскій, Чарнускій и Лохвицкій [1]). До митрополита Арсенія они подлежали лишь вѣдѣнію митрополита и консисторіи и „по всѣмъ дѣламъ прямо до нихъ и до прихода касавшимся“ относились непосредственно въ консисторію и къ митрополиту, помимо протопоповъ. Крестовые протопопы судились въ консисторіи; но указы получали отъ настоящихъ про-

---

[1]) С. Рункевичъ, „Истор. Мин. Архіеп.“, стр. 68.

[2]) А. К. К. реэстр. кн. 1758 г. № 69, 78, 94 и 121.

тополовъ, коимъ должны были представлять и вѣдомости. Но пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, крестовые намѣстники нерѣдко вступали въ борьбу съ собратіями и даже съ протопопами, и, въ свою очередь, оказывались подчасъ неисправными по службѣ. На крестовыхъ іереевъ сыпались челобитныя въ консисторію, отъ чего умножалась волокита и затрудненія въ дѣлахъ. Въ виду этого еще митрополитъ Тимоѳей велѣлъ подавать челобитныя и на крестовыхъ протопоповъ по инстанціямъ, въ духовныя правленія, а если отвѣтчикомъ выступалъ протопопъ, то онъ не долженъ былъ тогда присутствовать въ духовномъ правленіи [1]). Указъ объ этомъ былъ разосланъ по епархіи. Однако не всѣ крестовые намѣстники согласились подписаться въ выслушаніи указа. Нашлись такіе, которые сочли этотъ указъ посягательствовалъ на свою независимость и отказались дать подписки. Такъ поступилъ Барвѣнскій, намѣстникъ Лубенскій; другіе отказались даже явиться въ правленіе для выслушанія указовъ (крестовый намѣстникъ, Матѳей Лашевскій). Консисторія рѣшила за это лишить того и другого ихъ крестовыхъ грамотъ [2]). Но несмотря на упомянутый указъ м. Тимоѳея, затрудненія въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ всетаки оставались. Затрудненія были слѣдующія: въ 1-хъ, въ каѳедральной канцеляріи по необходимости нужно было производить излишніе расходы на канцелярскія принадлежности, на лишнихъ людей, такъ какъ приходилось писать указы отдѣльно къ каждому крестовому намѣстнику; во 2-хъ, приходилось всѣ вѣдомости и донощенія группировать также и по числу крестовыхъ намѣстниковъ; причемъ всѣ вѣдомости сплошь и рядомъ присылались не по указамъ; съ другой стороны, для самихъ крестовыхъ намѣстниковъ были неудобства: приходилось держать разсыльнаго для доставки указовъ, вѣдомостей и т. п.

На это обратилъ вниманіе митрополитъ Арсеній и, скоро по вступленіи въ Кіевъ, (19 сент. 1758 г.) издалъ распоряженіе о томъ, чтобы всѣ крестовые намѣстники и протопопы подлежали—по всѣмъ дѣламъ касательно прихода и по личнымъ дѣламъ—духовнымъ протопопскимъ правленіямъ и были судимы здѣсь же. Такъ, по указу 1758 года крестовые намѣстники должны были получать всѣ указы отъ протополовъ и представлять имъ всѣ вѣдомости, также брать вѣнечныя памяти отъ протополовъ или

---

[1]) А. К. К. указ. 1757 года, 6 іюня.
[2]) А. К. К. 1758 г., 10 апрѣля.

дѣйствительныхъ намѣстниковъ. Это относилось къ тѣмъ крестовымъ намѣстникамъ, которые не имѣли въ своемъ вѣдѣніи никакихъ другихъ приходовъ. А кто имѣлъ еще и другіе приходы въ своемъ вѣдѣніи (были, такимъ, образомъ „командными"), тѣ, по примѣру другихъ намѣстниковъ [1]), выдавали вѣнечныя памяти по прежнему, а всѣ собранныя деньги должны были отсылать протопопамъ. Гдѣ же были протопопы, тамъ крестовые намѣстники и сами для себя и для другихъ въ своемъ вѣдомствѣ должны были брать вѣнечныя памяти у протопопа. Кромѣ того, всѣмъ намѣстникамъ было велѣно являться ко всѣмъ указнымъ церемоніямъ, т. е. молебнамъ и паннихидамъ. Если же возникало дѣло между крестовыми священниками и кѣмъ либо изъ присутствующихъ въ духовномъ правленіи, то въ такомъ случаѣ велѣно было обращаться къ суду консисторскому [2]). Вслѣдствіе этого крестовые намѣстники и протопопы при митрополитѣ Арсеніи сохраняли лишь одно почетное названіе, безъ всякихъ преимуществъ предъ другими священниками.

Впрочемъ, даже самое названіе не было оставлено для нихъ; признавалось болѣе приличнымъ вовсе не именоваться крестовыми [3]).

Многіе крестовые намѣстники и послѣ этого предпочитали для себя болѣе выгоднымъ подчиняться только протопопу, но не духовному правленію (таковъ напр., былъ Іоаннъ Губковскій, намѣстникъ Иванпольскій), и въ случаѣ нужды обращались въ консисторію непосредственно, минуя духовныя правленія. Но еще въ 1758 году (24 декабря) и 30 апрѣля 1759 года было велѣно: помимо духовныхъ правленій не обращаться въ консисторію. Потомъ, въ 1762 году было постановлено, чтобы намѣстники подчинялись духовнымъ правленіямъ, такъ какъ протопопъ не самъ рѣшаетъ дѣла, да и не всегда онъ присутствуетъ въ духовномъ правленіи [4]). Крестовые священники вынуждены были смириться и подчиниться требованію консисторіи.

Депутаты были представителями отъ духовенства въ свѣтскихъ судахъ. Послѣ синодальнаго указа 1759 года, 16 сентября, они должны были участвовать въ свѣтскихъ судахъ по разнымъ дѣламъ объ обидахъ и тяжбахъ духовныхъ лицъ съ свѣтскими [5])

---

[1]) Объ этомъ былъ посланъ ордеръ 1758 г. 19 сентября

[2]) А. К. К. 1759 г., постанов. консисторіи № 29, также дѣло пов. генер. № 1.

[3]) А. К. К. 1758 г., № 387, постан. кон.

[4]) А. К. К. 1767 г., № 88, 27 мая.

[5]) Сб. И. И. О., т. 43 стр. 536.

и наблюдать при рѣшеніи этихъ дѣлъ за точнымъ исполненіемъ свѣтскими судьями высочайшихъ указовъ, а также за тѣмъ, чтобы обижаемые священно-церковно-служители получали „достойное удовольствіе и сатисфакцію по сущей справедливости“ [1]. Эти депутаты были выборными и назначались по избранію самого духовенства [2]).

Впрочемъ, депутаты почти не играли никакой роли въ дѣлахъ тяжебныхъ, такъ какъ свѣтскія власти и судьи обыкновенно производили судъ и относительно духовныхъ лицъ, не приглашая депутатовъ отъ духовенства, и дѣлали нѣкоторыя распоряженія, касавшіяся и духовныхъ лицъ, безъ всякихъ депутатовъ со стороны духовенства [3]).

Наконецъ, въ каждой протопопіи были особые духовники духовенства [4]), а въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ еще и увѣщатели для вразумленія впадающихъ въ преступленія. Тѣ и другіе были выборными и избирались изъ лицъ почтенныхъ и честнаго житія; увѣщатели же въ большинствѣ случаевъ—изъ ученыхъ или „учительныхъ“. Они назначались по важнѣйшимъ городамъ [5]).

Изъ сказаннаго объ управленіи и органахъ управленія вы-

текаетъ, что епархіальное управленіе, не смотря на слабыя стороны, общія многимъ другимъ епархіямъ, вытекавшія изъ духа того времени, всетаки было организовано при митрополитѣ Арсеніи стройно и разумно. Митрополитъ Арсеній,—по справедливости сказать,—постарался бывшія до него учрежденія епархіальнаго управленія утвердить прочно, каждому указать опредѣленный кругъ обязанностей, и требовалъ отъ нихъ исполненія этихъ обязанностей. Онъ старался облегчить все дѣлопроизводство, устранить волокиту, заставить всѣхъ трудиться. Но, конечно, не всего онъ достигъ, не на все онъ указывалъ: обстоятельства были сильнѣе его, и многія изъ его распоряженій не всегда вызывали соотвѣтствующія дѣйствія.

---

[1]) Ibidem., 537 стр.
[2]) Ibidem., 536 стр.
[3]) Ibidem., п. 59, стр. 537, 580.
[4]) А. К. К. 1764 г., № 310 и др.
[5]) А. К. К. 1767 г., д. № 353, 1765 г., д. 1 нояб.

ГЛАВА IV.

Устройство епархіи и церквей.

Постройка храмовъ и колоколенъ. Кладбища и приведеніе ихъ въ порядокъ. Украшеніе храмовъ. Св. иконы. Малярни. Отобраніе неискусныхъ и старинныхъ иконъ. Изслѣдованіе явленныхъ иконъ. Церковная утварь. Богослужебныя книги. Мѣры къ снабженію церквей богослужебными книгами. Свѣчная продажа. Братство и шпитали. Безпорядки при богослуженіи. Особенности въ совершеніи таинствъ. Условія заключенія браковъ. Отмѣна сбора за вѣнечныя памяти. Умноженіе случаевъ незаконныхъ браковъ. Состояніе церковнаго письмоводства. Распоряженія о записи и храненіи церковныхъ суммъ. Ревизіи церквей. Экспедиція благочинія. Распоряженія о представленіи точныхъ свѣдѣній по дѣламъ, о разборѣ жалобъ на мѣстѣ, о соблюденіи церковнаго устава. Проповѣдническое дѣло и распоряженія митрополита Арсенія относительно проповѣданія Слова Божія. Отношеніе духовенства къ проповѣдническому дѣлу.

I.

Постройка церквей въ половинѣ XVIII вѣка была самымъ трудным дѣломъ въ деревнѣ [1]), такъ какъ для этого требовалось не мало денегъ, а между тѣмъ народное благосостояніе было далеко не цвѣтущее. Въ виду недостатка средствъ обыкновенно прибѣгали къ сбору доброхотныхъ подаяній. Прихожане, затѣвая постройку или „репарацію“ (починку) церквей, обращались къ митрополиту съ прошеніемъ выдать грамоту на сборъ подаяній. По выдачѣ изъ консисторіи просительной книги [2]), избранные прихожанами сборщики отправлялись по селамъ и мѣстечкамъ, пробирались и въ Запорожье и всюду просили на Божій храмъ.

---

[1]) Руковод. д. С. П. 1862 г. II, 483.

[2]) Эта выдача производилась лишь по уплатѣ въ каѳедру архіерейскую 2 р. денегъ за грамоту (Рук. д. С. П. 1862 г., II, 484).

[3]) „Кіево Под. Добро-Николаевская Цер.“, Георгіевскаго 46—47 стр.

Но преимущественно мѣстомъ для сбора подаяній были площади во время ярмарки, при чемъ обыкновенно выставлялись и св. иконы со свѣчами, и сборщикъ громкимъ голосомъ приглашалъ жертвовать на построеніе храма.

Когда бывала собрана достаточная сумма, прихожане обращались къ митрополиту съ прошеніемъ о выдачѣ благословительной грамоты на заложеніе церкви [1]), при чемъ вносили за грамоту 60 коп. Грамота обыкновенно выдавалась протопопу, который обязанъ былъ самъ или чрезъ намѣстника совершить чинъ основанія церкви.

Въ постройкѣ церкви принимали участіе и владѣльцы, которые, съ своей стороны, давали строительные матеріалы или какую либо другую значительную лепту, и священникъ, бывшій большею частію распорядителемъ при постройкѣ церкви. Иногда священники являлись и сборщиками [2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ постройка церкви производилась исключительно на личныя средства владѣльца или священника, и тогда церковь поступала почти въ полное завѣдываніе того или другого. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы считали себя полными хозяевами всего церковнаго имущества и даже самую церковь передавали своимъ наслѣдникамъ, какъ обыкновенное имущественное наслѣдство. Священники, выстроившіе церкви, также считали ихъ своею собственностію, при чемъ это обстоятельство являлось для нихъ достаточнымъ основаніемъ къ закрѣпощенію за собою и своими наслѣдниками прихода [3]).

Такимъ образомъ, церковь являлась какъ бы собственностію строителей. Они обязаны были и снабдить ее всѣмъ необходимымъ для богослуженія (книгами, церковною утварью, облаченіями, колоколами) и для содержанія причта (усадьбою, земельными угодіями и т. п.).

Но существованіе такихъ порядковъ въ дѣлахъ храмозданія имѣло свои недостатки и дурныя стороны. Не говоримъ уже о

---

[1]) Церкви въ XVII и XVIII в. строились деревянныя и каменныя по, такъ называемому, малороссійскому типу. Архитектура была особая: притворъ дѣлался длинный, средняя часть храма устраивалась выше другихъ частей, съ куполомъ. Купола устраивались больше по 1, но бывало и 3 купола. Въ церквахъ устраивались окна въ 2 ряда, нижнія—прямоугольныя, верхнія надъ нижними—круглыя. Въ половинѣ XVIII в. старый малороссійскій стиль начинаетъ исчезать и замѣняться стилемъ сѣверноруссскимъ.

[2]) А. К. К. 1761 г. № 77.

[3]) Рук. для сельск. паст. 1862 г. т. II, 488.

томъ, что приравниваніе церкви или храма ко всякому другому имуществу и проистекавшій отсюда обычай передавать церковь наслѣдникамъ, какъ и всякое другое имущество, носитъ характеръ, совершенно чуждый понятію о святости и неприкосновенности христіанскихъ храмовъ. Нерѣдко завѣдываніе строителей церковнымъ имуществомъ на дѣлѣ приводило храмы къ обѣднѣнію, а строителей къ обогащенію. Съ другой стороны, храмоздатели нерѣдко строили храмы „не изъ Божіей славы", а для одной лишь своей чести, и считали лишнимъ снабдить ихъ необходимою церковною утварью и необходимыми средствами для содержанія ихъ и причта. Даже самый способъ собиранія подаяній на храмъ на площадяхъ, выставленіе съ этого цѣлію иконъ и зажиганіе свѣчей подавало поводъ разнымъ проходимцамъ подъ тѣмъ же предлогомъ—собиранія подаяній на храмъ—дѣлать сборы въ свою пользу и обманывать народъ. Наконецъ, было и такъ, что выданная изъ каѳедральной конторы грамота, съ разрѣшеніемъ сбора подаяній, и сборная книга священникомъ или ктиторомъ отдавалась на откупъ постороннимъ лицамъ [1]).

Митрополитъ Арсеній обратилъ вниманіе на это и издалъ распоряженіе о прекращеніи такихъ безпорядковъ. Поэтому консисторія, во 1-хъ, разослала синодальный указъ, чтобы „нигдѣ отъ церквей святыхъ образовъ на улицахъ отнюдь выставляемо, а особливо по городамъ, по ярмаркамъ, по торгамъ, гульбищамъ и уѣздамъ для того збору со святыми образами и свѣчами ни подъ какимъ видомъ никого ходить недопускаемо было" [2]). Во 2-хъ, строго было запрещено отдавать сборныя книги и грамоты на откупъ, и велѣно самимъ ктиторамъ и священникамъ ходить за сборомъ подаяній [3]).

Въ 3-хъ, было велѣно, чтобы непремѣнно всѣ новыя церкви были снабжаемы церковною утварью и необходимымъ количествомъ земли [4]). Съ этою цѣлію велѣно было всѣмъ протопопамъ, при испрошеніи разрѣшенія на построеніе церквей, собирать справки: 1) для какой цѣли и чьимъ иждивеніемъ строится церковь, 2) есть ли деньги и матеріалъ на постройку, 3) уступаетъ ли владѣлецъ землю для церкви на вѣки, 4) сколько дворовъ и

---

[1]) Такъ, священники с. Комаровки отдали 3-мъ лицамъ на откупъ сборную грамоту за 50 руб. (Ар. К. Выд. мон. 1767 г., № 56).

[2]) А. К. К. 1765 г., указъ 17 октября № 494.

[3]) Ар. К. Выд. мон. 1767 г., № 56.

[4]) А. К. К. 1765 г. 29 октября, указъ № 374. Ар. К. Выд. мон. 1765 года, № 84.

хать, людей, 5) не будетъ ли оскудѣнія для той церкви, къ которой была приписана деревня, 6) чьимъ коштомъ строится ограда, иконостасъ и церковная колокольня [1]).

Еще въ 1742 году указомъ Св. Синода велѣно было разрѣшать помѣщикамъ строить новыя церкви, если они обяжутся снабдить ихъ всѣми потребностями и отвести потребное количество земли для причта, при чемъ велѣно было составлять и описи церковнаго имущества и подавать ихъ архіерею [2]). Но этотъ указъ не исполнялся, отъ чего и происходила переписка,—„помѣшательство въ дѣлахъ". Митрополитъ Арсеній велѣлъ подтвердить этотъ указъ и, при испрошеніи разрѣшенія на освященіе церквей, велѣлъ представлять описи церковнаго имущества [3]).

Въ описи требовалось написать, на какомъ мѣстѣ построена церковь, какого размѣра она, въ указную ли мѣру устроенъ престолъ и жертвенникъ, сколько всей утвари, изъ какого она вещества, какова ризница,—есть ли полный кругъ богослужебныхъ книгъ. При этомъ взималось по установленному порядку въ архіерейскую каѳедру по 5 коп. отъ приходскаго двора, за указъ 60 коп. и особо за антиминсъ смотря по качеству послѣдняго (за антиминсъ полотна „алендарскаго" или голландскаго 2 р. 50 к., полотна московскаго 1 р. 50 к., за „матеріальный" т. е. атласный—4 руб.).

Лишь послѣ просмотра описи церковнаго имущества и послѣ уплаты денежныхъ сборовъ, митрополитъ Арсеній выдавалъ разрѣшеніе на освященіе храма. Замѣтимъ, что митрополитъ Арсеній осторожно выдавалъ разрѣшеніе и на постройку храма. При испрошеніи разрѣшенія на постройку новой церкви, митрополитъ Арсеній повелѣвалъ справляться, 1) на сколько настоятельна нужда въ построеніи новой церкви, а затѣмъ, какъ мы выше упомянули, о томъ, кто и ради чего строитъ храмъ,—не изъ честолюбія ли,—и обязывается ли строитель надѣлить церковь всѣмъ необходимымъ [4]). Однако изъ этого не слѣдуетъ дѣлать заключенія, чтобы митрополитъ Арсеній не сочуствовалъ постройкѣ новыхъ церквей. Такая осторожность въ выдачѣ раз-

---

[1]) Дѣло о постройкѣ церкви въ с. Клепачахъ, Лубенской протопопіи. 1767 года № 128.

[2]) П. С. З. Р. И., т. XI, 8625.

[3]) А. К. К. 1765 г. 29 сентября, № 374.

[4]) А. К. К. д. 1767 г., № 128 о постройкѣ церкви въ с. Клепачахъ, 1767 г., № 132 д. о постройкѣ церкви за р. Ворсклой Кобелякской протопопіи.

рѣшеній на постройку церквей являлась вполнѣ согласной съ императорскими указами и была дѣломъ необходимости. Еще императрица Елизавета Петровна въ 1756 году запретила выдавать разрѣшеніе на постройку церквей въ малыхъ приходахъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда поселенія не ближе 20 верстъ [1]). Затѣмъ, многіе изъ владѣльцевъ, какъ уже мы сказали, при строеніи храмовъ больше искали своей чести и пользы, чѣмъ руководились настоятельною нуждою въ храмѣ для окрестныхъ жителей, при чемъ выстроенные храмы оставляли въ убожествѣ, не снабдивъ ихъ церковной утварью и священническими облаченіями, и безъ всякаго земельнаго надѣла. На самомъ дѣлѣ новыя церкви при митрополитѣ Арсеніи строились, и строились даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до ближайшей церкви было и меньше 20 верстъ,—гдѣ дальность разстоянія ближайшей церкви не превышала 12 и даже 6 верстъ, напр., тамъ, гдѣ протекавшая между 2-мя селами рѣчка особенно бывала капризна и затрудняла сообщеніе раздѣленныхъ рѣчкою поселеній. Послѣднее могло быть и въ одной и той же деревнѣ, и въ такомъ случаѣ здѣсь являлось 2 церкви и 2 самостоятельныхъ прихода [2]). Такъ какъ многіе изъ помѣщиковъ и чиновниковъ доносили объ обветшалости церкви и просили строить новыя вмѣсто нихъ, но безъ всякихъ свидѣтельствъ объ обветшалости церкви, то митрополитъ Арсеній требовалъ, чтобы непремѣнно духовныя власти—въ случаѣ нужды строить новую церковь—свидѣтельствовали ветхія церкви и дѣлали надлежащія справки по синодальнымъ указамъ 1742 г. о „надлежащемъ снабдѣніи церковною утварью, книгами и землями“, и потомъ представляли въ каѳедру [3]).

Въ случаѣ обветшанія церкви, дѣлалось распоряженіе о закрытіи ея, при чемъ старая церковь разбиралась, а годный матеріалъ употреблялся на постройку церкви или на „здѣланіе колокольни или на ограду церковную“, а остальной негодный матеріалъ—на печеніе просфоръ, а самый пепелъ, оставшійся послѣ сожженія, высыпался въ рѣку.

Затѣмъ, митрополитъ Арсеній приказалъ освидѣтельствовать всѣ вообще церкви и представить свѣдѣнія о томъ, когда и

---

[1]) П. С. З. Р. И т. XIV, № 10780

[2]) А. К. К. указ. кн. 1757 г., № 442.

[3]) А. К. К. 1765 года, д. № 374.

[4]) Рук. К. С. Б. № 604, указ. № 43 о построеніи церкви въ Чигиринскомъ монастырѣ.

кѣмъ онѣ построены [1]). При освидѣтельствованіи оказалось, что нѣкоторыя приходскія церкви пришли въ такую ветхость, что въ нихъ опасно было совершать богослуженіе; не смотря на это, и прихожане и владѣльцы не хотѣли строить новыхъ церквей.

Поэтому м. Арсеній распорядился, чтобы тамъ, гдѣ опасно было совершать богослуженіе, взять антиминсы и запасные св. Дары и перенести ихъ въ сосѣднюю церковь, ветхія церкви запечатать, а прихожанъ причислить къ сосѣднимъ приходскимъ церквамъ. Гдѣ же еще можно было починить церковь, тамъ м. Арсеній велѣлъ духовнымъ властямъ увѣщевать владѣльцевъ и прихожанъ къ починкѣ ветхой церкви, въ противномъ случаѣ—угрожать запечатаніемъ церкви [2]).

Колокольни при церквахъ устроялись иногда отдѣльно отъ нихъ, иногда и вмѣстѣ. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ онѣ служили не только для звона къ началу богослуженія или во время службы, но также и для набатнаго звона. Нерѣдко цѣлая толпа врывалась въ колокольню, выламывала двери и производила тревогу (иногда совершенно напрасную [3]).

Затѣмъ, при церквахъ нерѣдко были и усыпальницы: погребеніе умершихъ производилось обыкновенно подлѣ и вблизи церкви, и такимъ образомъ, церковные погосты являлись приходскими кладбищами. Конечно, ничего предосудительнаго въ этомъ не было. Но дѣло въ томъ, что погребеніе умершихъ вблизи церкви, или—что тоже—среди деревни, являлось дѣломъ опаснымъ въ санитарномъ отношеніи, особенно если припомнить тогдашній обычай зарыванія гробовъ; послѣдніе лежали въ верхнемъ слоѣ, почти подъ поверхностью земли. Затѣмъ, такой обычай и порядокъ зарыванія покойниковъ являлся, при нѣкоторыхъ условіяхъ, источникомъ другого зла: при отсутствіи оградъ животныя свободно ходили по могиламъ, разрывали ихъ и вырывали кости умершихъ. Это уже было не простымъ безпорядкомъ, а поруганіемъ вѣры христіанской. Это 2-е. Наконецъ, устройство кладбищъ при церквахъ, при отсутствіи оградъ, приводило нерѣдко къ скорому обветшанію и разрушенію церквей.

На эти явленія обратилъ вниманіе митрополита Арсенія графъ Румянцевъ-Задунайскій, который самъ былъ очевидцемъ разрытія могилъ при одной изъ глуховскихъ церквей. Онъ и

---

[1]) А. К. К. указ. 1765 г. 28 ноября, № 450.
[2]) А. К. Выд. мон. 1766 г., № 38.
[3]) Указн. кн. 1771 г., № 121.

предложилъ митрополиту Арсенію, чтобы 1) церкви были обнесены оградою и 2) чтобы погребеніе умершихъ производилось не внутри городовъ и селъ, а за поселеніями, на особо отведенныхъ кладбищахъ [1]).

Митрополитъ Арсеній, по полученіи письма Румянцева, во 1-хъ. издалъ приказаніе, въ предупрежденіе разрушенія и обветшанія церквей, не погребать умершихъ вблизи церквей и монастырей, но на разстояніи не менѣе 3-хъ саженъ отъ церкви [2]). Затѣмъ, былъ изданъ другой указъ о томъ, чтобы „въ городахъ мертвыхъ человѣческихъ тѣлесъ, кромѣ знатныхъ, не погребать, а погребать ихъ въ монастыряхъ и при приходскихъ церквахъ внѣ градовъ, а ежели которые изъ градскихъ жителей пожелаютъ тѣлеса мертвецовъ своихъ погребсти гдѣ внутръ градовъ, тѣмъ, за силу указа 1723 года ноября 19-го, указывать, ямы копать въ три аршинную глубину и выкладывать оные кирпичемъ, и сводить надгробные кирпичные своды, и сверхъ того насыпать землю въ равность съ мѣстоположеніемъ, такожъ гдѣ внѣ градовъ монастырей и приходскихъ церквей — не имѣется, то и тамъ, доколѣ нарочито вновъ для погребенія померших правовѣрныхъ тѣлесъ загородныя церкви будутъ устроены, дотолѣ по прежнему погребеніе умершихъ правовѣрныхъ чинить по древнему христіанскому обычаю“... „на площадяхъ и дорогахъ никого отнюдъ не погребать“ [3]).

Съ этого времени впервые стали устрояться особыя кладбища отдѣльно отъ приходскихъ церквей и при нихъ иногда кладбищенскія церкви. Однако и послѣ этого кладбища еще оставались безъ оградъ, а погребеніе производилось при церквахъ и не въ глубокихъ ямахъ. На это указывалъ митрополиту тотъ же Румянцевъ, (въ 1768 году 1-го мая) и предложилъ обносить церкви оградой и производить погребеніе внѣ поселеній. Митрополитъ Арсеній снова повелѣлъ издать подтвержденіе указа 1765 года 25 мая и велѣлъ протопопамъ самимъ лично, или вмѣсто нихъ намѣстникамъ,—съ однимъ или двумя священниками осмотрѣть всѣ приходскія кладбища при церквахъ и понуждать прихожанъ къ заведенію церковныхъ оградъ и къ

---

[1]) Письмо Румянцева отъ 25 апрѣля 1765 года.

[2]) А. К. К., указ. 1765 года, 4 мая № 433; арх. К. Выд. мон, 1765 г., указъ № 33.

[3]) А. К. К. Указ. 1765 г., № 451, 27 мая.

устройству особыхъ кладбищъ внѣ поселеній и велѣть погребать въ ямахъ трехъ-аршинной глубины [1]).

Но и послѣ этого были уклоненія отъ изданнаго указа, о чемъ Румянцевъ доносилъ и Св. Синоду. Тогда Св. Синодъ послалъ архіепископу Тверскому Гавріилу указъ о томъ, чтобы въ въ Комиссію Уложенія былъ внесенъ пунктъ и о кладбищахъ [2]), а потомъ Св. Синодомъ было издано общее распоряженіе объ отведеніи кладбищъ, касавшееся не только Кіевской епархіи, но и всей Россіи.

II.

Церкви Кіевской епархіи были очень бѣдны со стороны внѣшняго благоукрашенія: иконы во многихъ церквахъ были „ветхи, неискуснаго письма, расколоты, съ поврежденіями полущены". Особенно много было иконъ неискуснаго письма. Впрочемъ, обиліе неискусныхъ иконъ въ церквахъ было не только въ Кіевской епархіи, но, кажется, это было явленіе общее всей Россіи. По крайней мѣрѣ, противъ этого издавались распоряженія, притомъ неоднократно, самимъ Св. Синодомъ. Такъ, въ 1759 году 16 марта синодальнымъ указомъ велѣно было отбирать неискусно написанныя иконы изъ церквей и монастырей (а равно изъ иконныхъ лавокъ) и присылать ихъ въ Св. Синодъ или въ синодальныя конторы [3]). Потомъ указъ этотъ былъ повторенъ еще нѣсколько разъ: 9 апрѣля [4]), 31 августа 1759 года [5]), 22 января 1761 года [6]) и 11 іюня 1767 г. [7]), при чемъ велѣно было, при отбираніи неискусныхъ иконъ, прибѣгать и къ содѣйствію свѣтскихъ властей [8]).

Въ силу этихъ указовъ митрополитъ Арсеній распорядился, чтобы по епархіи были посланы изъ духовныхъ лицъ „знающіе

---

[1]) Рук. К. С. Б., № 605, пис. № 80 (1768 г.), отвѣтъ митрополита Арсенія.

[2]) Указ. кн. 1768 года, № 60.

[3]) П. С. З. Р. И., т. XV, 10, 935. Арх. К.-Печ. Лавр., № 95, связ. 9. Указ. кн. 1759 г., л. 47, № 17.

[4]) П. С. З. Р. И., т. XV, 10,977. Въ это время было запрещено продавать неискусно писанныя иконы.

[5]) П. С. З. Р. И., т. XV, 10,984.

[6]) П. С. З. Р. И., т. XV, 10,189.

[7]) Послѣднимъ указомъ, по предложенію оберъ-прокурора Мелиссино, запрещено было изображать Св. Троицу съ 3 лицами и 4 глазами, равно дѣлать другія нелѣпыя изображенія на иконахъ. (Ар. К. Выд. мон. 1767 г., № 54).

[8]) Ар. К.-Печ. Лавр., № 95.

иконное „писаніе“ съ порученіемъ: 1) отбирать неискусныя иконы, 2) на мѣсто неискусныхъ иконъ въ иконостасахъ приготовлять новыя, лучшія иконы и замѣнять ими какъ неискусныя, такъ и потемнѣвшія отъ времени. Посланные ревизоры, дѣйствительно, нашли въ разныхъ мѣстахъ Кіевской епархіи не мало неискусныхъ иконъ, которыя они собирали и отсылали въ каѳедру. Такихъ неискусныхъ иконъ во всей Кіевской епархіи было собрано такое множество, что для временнаго храненія ихъ даже потребовалось отвести особое помѣщеніе. Послѣднее было отведено въ большой каѳедральной церкви, въ придѣлѣ Св. Іоанна Предтечи, гдѣ не отправлялось богослуженіе [1]). Эти иконы должны были быть отправлены въ Московскую синодальную контору; но сколько и когда онѣ были отправлены, неизвѣстно.

И послѣ этого, въ 1767 году, былъ снова разосланъ по духовнымъ правленіямъ указъ о томъ, чтобы, подъ страхомъ наказанія штрафомъ, нигдѣ въ церквахъ не было неискусно написанныхъ иконъ [2]), и тогда же было запрещено дѣлать нелѣпыя изображенія на иконахъ.

Спрашивается: если депутаты, посланные для отбиранія неискусныхъ иконъ, ставили на мѣсто отобранныхъ другія, новыя, —то гдѣ же доставали новыхъ иконъ для замѣны старыхъ?

Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ сказать, что въ Кіевѣ были иконныя лавки и мастерскія иконописей. При каѳедральномъ монастырѣ также была особая „малярня“, гдѣ приготовлялись иконы. Когда и кѣмъ она была основана, неизвѣстно; но въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія она была уже организованнымъ иконописнымъ заведеніемъ и имѣла цѣлію не только благоукрашеніе храмовъ болѣе или менѣе искусными иконами, но также и приготовленіе иконописныхъ мастеровъ. Такъ, въ 1756 году въ этой малярнѣ было 6 „молодиковъ могшихъ малювать“, которые были главными мастерами и занимались иконописью; кромѣ молодиковъ, были еще подготовлявшіеся къ „малюванью“ (8 человѣкъ) и 14 „хлопцивъ“, которые занимались приготовленіемъ красокъ [1]).

---

[1]) Указ. кн. 1759 г., № 17.

[2]) Указ. кн. 1767 года, № 38 и 45. Таково упомянутое изображеніе Св. Троицы.

[3]) Ученики этой малярни были, большею частью, изъ поповичей, которые, не попавъ въ академію, служили при каѳедральномъ монастырѣ, чтобы выслужиться и получить діаконское или священническое мѣсто. Въ 1775 г. въ малярнѣ была 2 іеродіакона и 8 поддьяковъ малярей (А. К. К. 1755, № 179 и 183).

Малярня содержалась на счетъ каѳедральнаго монастыря, именно: на каждаго изъ маляровъ отпускать по 10 руб. для пріобрѣтенія обуви и одежды: всѣ остальные ученики получали отъ монастыря и одежду (кожухъ, свиту, рубашки, шапки и обувь); харчи также выдавались изъ монастыря. За получаемое изъ монастыря содержаніе хлѣбомъ и одеждою маляры обязаны были при выходѣ изъ школы нарисовать по 10 „блятиковъ“ (иконъ) по указанію начальника.

Получая отъ монастыря одежду и столъ, маляры обязывались, „кромѣ одного монастырскаго казеннаго иконописнаго дѣла, побочнаго уже дѣла не дѣлать во всѣ рабочіе дни“ [1]). Главная обязанность ихъ была раскрасить великую каѳедральную церковь и приготовить иконы въ подарки для поднесенія разнымъ господамъ и пріѣзжимъ лицамъ [2]).

Другая малярня была при Кіево-Печерской Лаврѣ; здѣсь для производства монастырскихъ работъ также было болѣе 10 „молодиковъ“, при которыхъ обучались малярному мастерству и мальчики. Кромѣ нихъ, было еще много свободныхъ маляровъ, которые келейно, или въ келліяхъ, преподавали малярное искусство. Впрочемъ, постановленіемъ духовнаго собора въ 1763 году было запрещено преподавать въ келліяхъ мастерство малярное, а вмѣсто этого рѣшено было лишь содержать при малярнѣ не болѣе 10 „молодиковъ“ и не болѣе 20 учениковъ [3]). Эти то маляры, по всей вѣроятности, и поставляли иконы для замѣны старыхъ.

Иногда случалось, что въ томъ или другомъ мѣстѣ объявлялась икона якобы чудотворная.

Такъ какъ нерѣдки были случаи, что о появленіи якобы чудотворныхъ иконъ объявляли проходимцы или бродячіе монахи (какъ, напр., Савватій), то относиться къ такимъ слухамъ нужно было въ высшей степени осторожно. Поэтому, когда монахъ Савватій сталъ провозглашать, что у него есть якобы чудотворная икона Владимирской Божіей Матери, у него сейчасъ отобрали ее и поставили въ церковь (письмо ея было удовлетворительное) лишь было запрещено именовать ее чудотворной. Въ другихъ случаяхъ, когда распространялись слухи о новой чудотворной иконѣ, митрополитъ Арсеній сейчасъ велѣлъ собирать

---

[1]) А. К. К. 1766 г., № 107.
[2]) Ibidem.
[3]) Ар. К.-Печ. Лавр., д № 204.

обстоятельныя свѣдѣнія и свидѣтельствовать икону. При свидѣтельствованіи же нерѣдко оказывалось, что иконы—письма старинаго и совсѣмъ неискуснаго. Оставалось въ такомъ случаѣ отнять икону и поставить на ея мѣсто другую. Такъ и было, напр., въ Пирятинской протопопіи. Пирятинскій протопопъ при осмотрѣ церквей своей протопопіи замѣтилъ въ с. Лазоркахъ, въ церкви икону Св. Николая съ привѣсками; объ этой иконѣ говорили, что она чудотворная. Для изслѣдованія была назначена комиссія, въ которую вошелъ архимандритъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря Паисій и Гадяцкій игуменъ Антоній. Комиссія съѣхалась и узнала, что нѣкоторые господа съѣзжались сюда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, служили здѣсь акаѳисты и молебны. При свидѣтельствованіи же иконы оказалось, что она „изображеніемъ весьма стариннымъ, ужасно безобразно, самыми простыми красками богомазко или по обычаю раскольническому написанная, безъ всякой должной пропорціи, и полущенная, и прикладываться зазорно, и почитать нѣдочего". Вслѣдствіе этого велѣно было взять эту икону въ монастырь, а на ея мѣсто поставить другую [1]).

Подобное же было и въ Кролевцѣ, гдѣ было объявлено о чудесахъ отъ иконы Пресвятой Богородицы въ церкви Рождества Богородицы [2]).

Церковная утварь по преимуществу была бѣдной. По крайней мѣрѣ, при выдачѣ грамотъ на освященіе церквей требовалось, чтобы священные сосуды, въ виду крайней нужды, были хоть оловянные, а священническія облаченія были бы не изъ крашенинной матеріи, а хотя бы полотняныя; если оловянные сосуды и полотняныя облаченія были допускаемы, то можно судить, какъ бѣдна была тогда церковная утварь и ризница. Лучше и богаче церковная утварь и ризница была, конечно, въ монастыряхъ и въ болѣе богатыхъ приходахъ.

Бѣдныя утварью и ризницею, церкви были бѣдны и богослужебными книгами и терпѣли большую скудость и затрудненіе въ отправленіи богослуженія. Въ однихъ церквахъ не хватало книгъ до полнаго богослужебнаго круга, особенно болѣе дорогихъ книгъ, напр. мѣсячныхъ миней; въ другихъ, хотя и были книги, но старой печати, неисправленныя, со многими ошибками. Печать этихъ книгъ въ большинствѣ случаевъ была южнорусская, съ большими особенностями, по сравненію съ велико-

---

[1]) А. К. К. 1765 г., резол. 12 апрѣля, № 421.

русскими изданіями, такъ какъ южнорусскіе издатели были совершенно свободны отъ всякой цензуры и не стѣснялись одною какою либо общепринятою редакціею той или другой книги [1]. Южнорусскія книги, далѣе, заключали въ себѣ не мало неисправностей и ошибокъ, которыя, впрочемъ, продолжали перепечатываться и въ слѣдующія книги [1]). За недостаткомъ лучшихъ исправленныхъ книгъ, богослуженіе продолжало отправляться по этимъ книгамъ съ грѣхомъ по поламъ, къ соблазну народа православнаго [2]).

Нужда въ богослужебныхъ книгахъ особенно давала себя знать, въ виду необходимости снабжать богослужебными книгами и заграничные монастыри, находившіеся въ самомъ плачевномъ положеніи. Эту нужду видѣлъ и чувствовалъ митрополитъ Арсеній: еще въ 1765 году, 2 апрѣля, онъ велѣлъ составить вѣдомости о всѣхъ книгахъ на русскомъ и греческомъ языкѣ и о разныхъ рукописяхъ въ монастырскихъ библіотекахъ [3]). Быть можетъ, причиною этого распоряженія было ходатайство архіепископа Георгія о высылкѣ всѣхъ книгъ, которыя могли бы способствовать защитѣ православія отъ поляковъ. Но, съ другой стороны, митрополитъ Арсеній могъ имѣть и ту цѣль, чтобы привести въ наличность библіотечное имущество монастырей, составить себѣ представленіе о томъ, насколько необходимо заведеніе типографіи для печатанія новыхъ богослужебныхъ книгъ, а отчасти, быть можетъ, и для того, чтобы изъ богатыхъ хранилищъ монастырскихъ библіотекъ удѣлить бѣднѣйшимъ приходскимъ церквамъ. Одно несомнѣнно: знать это имущество библіотечное было „весьма небезпотребно“ [4]). Какія свѣдѣнія пришли въ консисторію, точно неизвѣстно.

Извѣстно лишь, что нѣкоторые изъ монастырей, дѣйствительно, прислали вѣдомости о своихъ библіотекахъ. Затѣмъ, митрополитъ Арсеній требовалъ нѣкоторыя книги и рукописи и высылалъ ихъ архіепископу Георгію. Вѣроятно, часть книгъ бывшихъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ монастыряхъ была потребована и для бѣднѣйшихъ приходскихъ церквей.

---

[1]) Рук. д. с. паст. 1862 г. II, 493.
[1]) Ibidem, 1864 г., I, 217.
[2]) Сбор. Им. Ист. Об., т. 43 стр. 518.
[3]) А. К. К., указъ 1765 г., № 387.
[4]) Ibidem.

Во всякомъ случаѣ, удовлетворить всѣ церкви не только заграничныя, но и собственно Кіево-епархіальныя, нуждавшіяся въ книгахъ, было невозможно безъ типографіи. Правда, въ Кіевѣ была типографія при Кіево-Печерской Лаврѣ, но въ виду большого спроса на книги, предъявлявшагося не только кіевскими приходскими, но и греческими и славянскими церквами, эта типографія не могла доставлять достаточное, необходимое количество книгъ. Притомъ лаврская типографія продолжала печатать книги съ прежнихъ изданій Малорусскихъ, съ ошибками, и несогласно съ московскими изданіями. Не могла удовлетворять всѣхъ требованій и Московская синодальная типографія, такъ какъ была далеко и должна была доставлять книги для Великорусскихъ епархій.

Вслѣдствіе этого кіевское духовенство внесло въ Комиссію Уложенія ходатайство о заведеніи въ Кіевѣ особой типографіи при каѳедрѣ [1]), съ тѣмъ, чтобы въ ней печатать книги на славянскомъ и греческомъ языкѣ и, такимъ образомъ, удовлетворять запросу и нуждѣ какъ Кіевской епархіи, такъ и другихъ мѣстъ.

Эта мысль вполнѣ справедливая, тѣмъ болѣе, что устроить типографію предполагалось на широкихъ началахъ, а именно: въ типографіи должно было происходить: 1) печатаніе богослужебныхъ и учительныхъ книгъ какъ для Кіевской митрополіи, такъ и для заграничныхъ церквей, 2) печатаніе ставленныхъ и благословительныхъ грамотъ, а также 3) разныхъ, книгъ на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкѣ, 4) разныхъ ученыхъ сочиненій и переводовъ. Присматриваясь къ этимъ широкимъ началамъ, можемъ сказать, что въ нихъ виденъ просвѣщенный взглядъ митрополита Арсенія, ибо, во 1-хъ духовенство едвали могло и мечтать о такой широкой постановкѣ, когда у него былъ болѣе насущный вопросъ—о печатаніи однѣхъ богослужебныхъ книгъ. Высокое юридическое обоснованіе всѣхъ кіевскихъ пунктовъ не ослабляетъ этого, ибо формулировка ихъ также одобрялась и, быть можетъ, даже производилось по руководству митрополита Арсенія. Во 2-хъ, намъ извѣстенъ высокій и ясный взглядъ на значеніе и пользу типографій самого митрополита Арсенія. Послѣдній въ письмѣ къ одному преосвященному писалъ между прочимъ слѣдующее: „У насъ оскудѣваютъ овцы отъ пищи, у насъ типографія сего не приноситъ. О, когдабъ и мы такого

---

[1]) Сбор. Им. И. Общ., т. 43, 518.

счастья дождались, чтобъ и у насъ размножились типографіи, какъ и въ прочихъ иностранныхъ земляхъ, отъ коихъ мы получаемъ наживъ духовную, хотя не вси и не для всѣхъ, да и дорого" [1].

Однако и этому благому желанію митрополита Арсенія не суждено было осуществиться. Св. Синодъ лишь назначилъ этотъ пунктъ къ разсмотрѣнію синодальнымъ депутатомъ, а потомъ, вопросъ о типографіи былъ забытъ совсѣмъ. Впрочемъ кое что все таки было сдѣлано Св. Синодомъ для улучшенія положенія церквей въ отношеніи богослужебныхъ книгъ. Такъ, Св. Синодъ обратилъ вниманіе на лаврскую типографію и рѣшительно велѣлъ ей бросить всѣ южнорусскія изданія и только перепечатывать слово въ слово изданія московскія [2]).

Этотъ указъ былъ изданъ 2 раза: въ 1766 и 1772 году. Въ послѣднемъ году, между прочимъ, Св. Синодъ издалъ распоряженіе и о томъ, чтобы всѣ церкви постарались пріобрѣсти сначала болѣе необходимыя, а потомъ, и всѣ остальныя книги, и издалъ даже точный реестръ книгъ, подлежащихъ выпискѣ [3])

Впрочемъ, не смотря на эти требованія, указы и распоряженія какъ Св. Синода, такъ и преемниковъ митрополита Арсенія, книгъ при церквахъ не хватало даже въ болѣе поздніе годы —при митрополитахъ Гавріилѣ, Самуилѣ, а, съ другой стороны, были въ большомъ ходу книги уніатскихъ изданій.

Монополія свѣчной продажи была усвоена церквамъ при Петрѣ I въ 1721 году, при чемъ доходъ отъ нея былъ назначенъ на устроеніе при церквахъ богадѣленъ. Но въ Кіевской епархіи продажа свѣчей была дѣломъ приходскихъ настоятелей. Такъ, митрополитъ Рафаилъ Забороскій доносилъ Синоду, что свѣчи продаются священниками, а доходы употребляются на богадѣленныя и церковныя нужды, а также на починку школъ.

Св. Синодъ (1740 г.) дозволилъ, чтобы этотъ обычай сохранялся и въ послѣдующее время. Впрочемъ, м. Рафаилъ для обезпеченія вдовъ священниковъ предоставилъ право продажи свѣчъ вдовамъ. Но и священники продолжали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удерживать за собою свѣчную продажу. Происходили недоразумѣнія между женами священниковъ и вдовыми. Еще больше было недоразумѣній тамъ, гдѣ было 2—3 вдовы.

---

[1]) Письмо это, хотя и въ черновомъ видѣ попалось намъ, однако несомнѣнно подлинное, какъ писанное характернымъ почеркомъ митрополита Арсенія. Оно относится къ 1770 году и помѣчено № 104.

[2]) Рук. д. сел. паст., 1862 г., т. II, 495.

[3]) Ук. кн. К. К. 1772 г., № 102.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ: въ одномъ приходѣ: каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ старалась подорвать торговлю другой, отъ чего и выходили споры и безчинія въ самыхъ храмахъ, тяжбы, доходившія до митрополита [1]). Поэтому еще митрополитъ Тимоѳей Щербацкій въ 1748 году закрѣпилъ право свѣчной продажи за женою приходскаго священника [2]), а вдовамъ и сиротамъ назначилъ другіе источники содержанія. Тотъ же порядокъ оставался и при м. Арсеніи. Иногда м. Арсеній право свѣчной продажи предоставлялъ и другимъ бѣднымъ членамъ причта, не состоявшимъ въ наличномъ штатѣ при церкви [3]).

Женѣ же священника принадлежало и право продажи просфоръ. Если въ приходѣ бывало 2 священника, то свѣчи и просфоры продавала жена того священника, чья была седьмица.

Однако въ половинѣ XVIII вѣка свѣчная продажа опять стала источникомъ содержанія и доходовъ вдовъ, и такъ шло это дѣло вплоть до 80-хъ годовъ и даже до конца XVIII в. [4]).

Значительный подрывъ доходамъ духовенства отъ свѣчной продажи былъ нанесенъ таможеннымъ уставомъ 1753 г., дозволившимъ и крестьянамъ торговать свѣчами наравнѣ съ другими мелочными товарами [5]). Но это было невыгодно для приходскаго духовенства, а потому послѣднее и просило запретить частную свѣчную продажу [6]).

III.

При церквахъ Кіевской епархіи во 2-й половинѣ XVIII в. продолжали существовать *братства*, или особыя общины, состоявшія изъ тѣхъ-же прихожанъ, которыя составляли приходъ. Это были остатки тѣхъ братствъ, которымъ въ XVI и XVII в.

---

[1]) Рук. д. с. пас. 1864 г., т. I, 220.

[2]) „Акты и документы“ Проф. Н. И. Петрова, т. I, стр. 23.

[3]) Такъ, было предоставлено право свѣчной продажи діакону с. Лѣтокъ (владѣнія Выдубицкаго монастыря), Павлу Коржевскому, который по болѣзни совершенно лишенъ былъ возможности служить при церкви. (Ар. К. Выд мон., 1768 г., № 45).

[4]) А. К. К. кн. журн. 1731 г., посг. № 24, 17 март.; указ. к. 1798, № 70. Въ 1798 г. Св. Синодъ, по одному частному спору прихожанъ и причта Царе-Константиновской церкви, разъяснилъ, что священники неправильно захватили себѣ свѣчной доходъ, который долженъ идти въ пользу церквей, и велѣлъ учредить должность старостъ для продажи свѣчъ и для храненія свѣчныхъ доходовъ.

[5]) „Прих. духов.“ проф. Знаменскаго, стр. 808.

[6]) А. К. К. 1756 г., д. № 41.

принадлежала великая роль въ дѣлѣ защиты и поддержки православія и церкви среди гоненій и преслѣдованій со стороны уніатовъ и католиковъ. Главною цѣлью ихъ была поддержка храмовъ, заботливость о его благолѣпіи, устроеніе обѣдовъ въ храмовой день, пособіе бѣднымъ нуждающимся и погребеніе ихъ, обученіе грамотѣ, и поддержаніе нравственной чистоты въ обществѣ [1]). Свои нравственныя силы братства находили въ лицѣ, главнымъ образомъ, оставшихся вѣрными православію мелкихъ дворянъ, шляхтичей, а также мѣщанъ и простолюдиновъ. Дѣятельность братствъ, по словамъ Крыжановскаго, въ XVIII в. сдѣлалась такъ же проста, бѣдна и незнатна въ сравненіи съ дѣятельностью ихъ въ XVI и XVII вв., какъ проста, бѣдна и незнатна была та среда, изъ которой пополнялся контингентъ братствъ.

На существованіе братствъ указываютъ отрывочныя и случайныя данныя архива Кіевской консисторіи, а также кіевскіе пункты. Тѣ и другія данныя говорятъ, впрочемъ, лишь о фактѣ существованія братствъ; но въ нихъ не заключается данныхъ объ устройствѣ, дѣятельности и средствахъ братствъ, и даже о томъ, вездѣ ли были братства.

Средства братства почерпали, между прочимъ, отъ продажи кануннаго меду въ храмовые праздники, взиманія платы за свѣчи и хоругви, употреблявшіяся при требахъ, изъ пожертвованій и штрафовъ за проступки прихожанъ противъ вѣры и нравственности. Распоряженіе суммами принадлежало старшему братчику и ключнику и цехмистру, которые обыкновенно избирались братчиками на 1 годъ. Судъ братскій простирался на всѣхъ отъ мала до велика, и никто не въ правѣ былъ противиться рѣшенію суда. Судъ братскій назначалъ и наказанія (большею частью, штрафы въ пользу братской казны), которыя имѣли цѣлью нравственное исправленіе провинившихся.

Нѣкоторыя братства (напр. нѣжинское) разсматривали даже исковыя дѣла между братчиками и священниками. Такъ, консисторія, по жалобѣ одного грека Сердюка на мѣстнаго (нѣжинскаго) священника Троицкой церкви, постановила: „ожидать Сердюку рѣшенія въ греческомъ нѣжинскомъ братствѣ по имѣющемуся въ томъ братствѣ онаго іерея Іоанна Даниловскаго на него грека первоначальному иску“. Митрополитъ Арсеній на

[1]) К. Е. В. 1862, стр. 270.

докладѣ написалъ такую резолюцію: „учинить по сему, ежели нѣжинское братство имѣетъ право таковыя дѣла разсматривать и рѣшать, и ежели въ ономъ братствѣ подлинно есть объявленный искъ“ [1]).

Вездѣ ли, т. е. при всѣхъ ли приходскихъ церквахъ существовали братства, нельзя сказать опредѣленно. Но можно думать, что исключенія были рѣдки. Братства были явленіемъ общенароднымъ, церковнымъ въ южной или Малой Россіи; вызваны были къ жизни не предписаніями сверху, а движеніемъ самого народа къ защитѣ и охранѣ интересовъ приходскаго храма, а потому они могли быть вездѣ, гдѣ были храмы, гдѣ были дьячки съ своими школами, „старці“ и другія лица, составлявшія какъ бы особый штатъ южнорусскаго приходскаго причта.

Братства не ограничивались мѣстомъ: они существовали при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, заключались иногда въ одномъ городѣ или приходѣ, иногда простирались на нѣсколько протопопій.

Хотя въ половинѣ XVIII в. дѣятельность братствъ становится менѣе примѣтною, тѣмъ не менѣе и въ это время братства ставили своею цѣлью оказаніе помощи нуждающимся, содержаніе братскихъ домовъ, шпиталей и школъ.

Въ кіевскихъ пунктахъ мы видимъ указаніе на существованіе особыхъ „братскихъ домовъ“, на продажу кануннаго меду, на подаяніе христолюбцевъ (братчиковъ), на исправленіе или устройство всѣхъ „потребностей къ церковно-служенію“, возобновленіе церквей и церковнаго благолѣпія, на содержаніе школъ для церковниковъ и госпиталей или богадѣленъ „для немогущихъ сыскать себѣ пропитанія“ [2]).

При церквахъ существовали и школы, въ которыхъ жили дьячки и обучали школяровъ граматкѣ, часловцу и псалтыри, а также „шпитали“.

О приходскихъ школахъ—рѣчь впереди. Замѣтимъ теперь, что школы содержались на средства церкви, а такъ какъ средства для церкви доставлялись братствами, то, полагаемъ, не ошибемся, если скажемъ, что школы содержались братствами. Впрочемъ, при церквахъ существовали особые кошельки для сбора пожертвованій на школы,—на постройку ихъ и починку, какъ равно существовалъ и другой кошелекъ для сбора подаяній для

---

[1]) А. К. К. 1762 г., постан. 22 мая, № 106.

[2]) Сб. И. И. О. т. 43, стр. 454.

пропитанія живущихъ въ богадѣльняхъ или шпиталяхъ, какъ было, напр., въ Борисо-Глѣбской церкви на Подолѣ [1]).

„Шпитали" — это были пріюты для призрѣнія бѣдныхъ *„старцівъ"* и разныхъ безпріютныхъ, бездомныхъ и убогихъ въ приходѣ. Въ то же время, при какихъ нибудь повѣтріяхъ или болѣзняхъ они являлись и госпиталями въ собственномъ смыслѣ и служили для всѣхъ вообще больныхъ жителей прихода [2]) На ихъ содержаніе, какъ выше упомянуто, поступали добровольныя пожертвованія прихожанъ въ особый кошелекъ. Шпитали существовали почти при всѣхъ церквахъ.

Конечно, въ шпиталяхъ не могли найти пріюта всѣ увѣчные, больные: шпитали были не помѣстительны, средствъ у нихъ было не много, а нуждающихся, больныхъ было слишкомъ много. При томъ, въ такихъ, напр. городахъ, какъ Кіевъ, всегда бывало много богомольцевъ, среди которыхъ попадались увѣчные больные, которые увеличивали число, и безъ того не малое, собственно кіевскихъ больныхъ, страждущихъ. Чтобы судить намъ о числѣ призрѣваемыхъ въ церковныхъ шпиталяхъ, приведемъ данныя по г. Кіеву за 1768 г. Въ этомъ году призрѣніе получали въ шпиталяхъ: Успенскаго Собора—19, Притиско-Никольской церкви—19, Васильевской—7, Царе-Константиновской—10, Введенской—12, Воскресенской—13, Преорской—10, Набережно-Никольской—11, Ильинской—4, Свято-Духовской—10, Борисоглѣбской—5, Рождественской—5, Покровской—7, Добро-Никольской—18, въ Дворцовомъ 9, Головинскомъ на Крещатикѣ 4; итого 163 человѣка; въ шпиталѣ на Печерскѣ Никольскомъ 10, крѣпостномъ 50, при Кіево-Софійскомъ монастырѣ—18, при Михайловскомъ—7, въ Смородиновскомъ 27 человѣкъ [3]), а всего 275 человѣкъ—цифра для того времени очень почтенная.

Однако, уже въ то время предъявлялись гораздо большія требованія къ шпиталямъ и къ церквамъ, при которыхъ существовали шпитали. Кіевское губернское правленіе писало: „Слава не малая простирается, что отъ Кіево-Печерскія Лавры и отъ прочихъ монастырей, такъ и во всякомъ приходѣ для призрѣнія бѣдныхъ и странствующихъ гошпитали или больницы содержатся, но видно только однимъ словомъ, а не самымъ дѣломъ". При этомъ указывалось на то, что много страждущихъ и ну-

---

[1]) „Кіев. Рожд. Пред Церк." Проф. Н. И. Петрова, К. 1896, стр. 36.
[2]) „Кіев. Тод. Церк. Никол. Добраго", Георгіевскаго, стр. 162,
[3]) А. К. К. 1768 г., д. № 25, о смерти людей.

ждающихся въ помощи валялось на улицѣ. Генералъ-губернаторъ Воейковъ обратился тогда къ м. Арсенію и къ архимандриту Кіево-Печерской Лавры Зосимѣ съ предложеніемъ подобрать всѣхъ страждущихъ въ приходскія и монастырскія больницы и госпитали, и содержать ихъ тамъ, и вообще наблюдать, чтобы впредь никогда, особенно же въ ночное время, нищіе не валялись по улицамъ, а если бы гдѣ такіе появились,—немедленно подбирать ихъ въ ближайшіе госпитали. То же было предписано и магистрату.

Митрополитъ Арсеній отвѣтилъ, что онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ распоряженіе о призрѣніи нищихъ. Что касается архимандрита Зосимы, то онъ отвѣтилъ, что Лавра по штату имѣетъ мѣста для призрѣнія 20 мужчинъ и 10 женщинъ; больше—свободныхъ помѣщеній не имѣетъ, а принимать сверхъ нормы—будетъ обидно для штатныхъ призрѣваемыхъ и разорительно для монастыря. Поэтому онъ просилъ, чтобы полиція не посылала нищихъ въ госпитали сверхъ нормы, а обращалась бы въ другіе монастыри [1]).

Совершенно справедливо. Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что въ кіевскихъ шпиталяхъ призрѣвалось все-таки немалое число нищихъ. Требовать призрѣнія *всѣхъ* нищихъ, которые бы могли оказаться на улицѣ, едва ли было бы справедливо, особенно въ виду скудости доходовъ на содержаніе шпиталей и при отсутствіи пособій на ихъ содержаніе со стороны правительства.

Какъ ни бѣдны и просты были приходскія школы, какъ ни бѣдны и убоги были шпитали въ приходахъ, какъ ни скромны и не видны были приходскія братства въ половинѣ XVIII в., однако они дѣлали свое дѣло, и жизнь приходская теплилась подъ покровомъ храма и въ союзѣ съ церковью. Тогда приходы были живыми приходскими организмами. Въ нихъ чувствовалась связь народа съ церковью, въ нихъ проявлялась струя христіанской любви къ храму, къ дѣтямъ, которыхъ обучали въ школахъ, къ бѣднымъ, которыхъ призрѣвали въ шпиталяхъ. Правда, все это сохранялось по древнимъ малороссійскимъ обычаямъ и носило слѣды приходской автономіи, хотя въ то же время мало согласовалось съ централизаціонными видами высшаго церковнаго правительства.

---

[1]) Андріевскій, „Истор. Матер.“ вып. 8, 209—211.

IV.

Богослуженіе въ приходскихъ церквахъ въ половинѣ XVIII вѣка далеко не всегда совершалось такъ, какъ слѣдовало бы: при совершеніи его бывало много безпорядковъ. Такъ, даже начало литургіи часто зависѣло отъ произвола помѣщиковъ—владѣльцевъ села, которые своимъ насиліемъ нарушали церковное благочиніе, а иногда прерывали и самый богослужебный чинъ. Духовенство жаловалось въ Комиссію Уложенія на владѣльцевъ, что они „принуждаютъ священниковъ божественную литургію безвременно зачинать и спѣшить, или приказываютъ имъ, священникамъ, ожидать ихъ съ литургіею по то время, пока они прикажутъ звонить, когда имъ угодное дня время покажется, и потому иногда литургія отправлена бываетъ пополудни, въ отмѣну Святыхъ Отецъ правилъ“ [1]). Вотъ фактъ подобнаго своеволія владѣльцевъ. Атаманъ с. Тростянки Борзенской протопопіи, Аврикъ съ сообщниками ворвался во время богослуженія въ церковь, нанесъ побои священнику о. Іоанну въ церкви Архангела Михаила, окровавилъ его и пролилъ на землю Божественныя Тайны, разорилъ и самую церковь [2]). Особенно же часты были случаи притѣсненія и насилія надъ священниками и вмѣшательства въ отправленіе богослуженія со стороны владѣльцевъ въ церквахъ и монастыряхъ, бывшихъ въ Польшѣ и принадлежавшихъ Кіевской митрополіи. Жалобъ на это немало было подано митрополиту Арсенію и представлено даже въ Св. Синодъ. Таковы жалобы Онуфріевскаго, Жаботинскаго, Медвѣдовскаго и другихъ монастырей. Пожалуй, еще религіозная нетерпимость поляковъ и ихъ вражда и ненависть къ православнымъ могли служить для нихъ основаніемъ (какъ извѣстно, не въ это только время) для вмѣшательствъ въ дѣла богослуженія православной церкви и даже для запрещенія православнаго богослуженія. Но если то же вмѣшательство допускали и русскіе, какъ выше упомянутый Авдикъ или гусары, нападавшіе на Онуфріевскій монастырь [3]), то это уже изъ ряда выходящіе случаи. Они показываютъ только то, до чего могло доходить своеволіе владѣльцевъ въ то время.

---

[1]) Сб. Им. Ист. Об. т. 43, стр. 449—450.
[2]) А. К К указ. книг. 1767 г., № 76.
[3]) Рук. К. Соф. Б. № 605, письма за 1768 г., № 96 и 110.

Для устраненія безпорядковъ этого рода митрополитъ Арсеній обращался къ защитѣ свѣтской власти, въ Кіевскую губернскую канцелярію или къ малороссійскому генералъ-губернатору. По дѣламъ же защиты православныхъ церквей въ Польшѣ онъ писалъ Св. Синоду и просилъ заступничества со стороны Сената.

Но бывали нерѣдко случаи безпорядковъ въ богослуженіи и по винѣ самихъ служащихъ.

Правда, ставленниковъ обучали въ каѳедрѣ всему богослужебному чину и порядку, и, при выдачѣ ставленной грамоты, требовали отъ нихъ росписокъ въ томъ, что они будутъ совершать богослуженіе такъ, какъ научены въ каѳедрѣ [1]). Затѣмъ, замѣченныхъ въ отступленіи отъ принятаго порядка въ совершеніи богослуженія вызывали въ каѳедру, какъ бы для повторенія и „для апробаціи ихъ въ священнослуженіи“[2]). Но отступленія отъ церковно-богослужебнаго порядка и чина все таки бывали и иногда очень значительныя. Нужно, впрочемъ, сказать, что такія отступленія и упущенія допускались священниками безпорядочными въ своей жизни, для которыхъ какъ бы вовсе не существовало никакихъ ни уставовъ, ни церковныхъ обычаевъ. Такъ, напр., одинъ священникъ отправлялъ литургію Іоанна Златоуста въ недѣли великаго поста, въ великій пятокъ служилъ литургію Василія Великаго; совершалъ службы въ одной епитрахили почти всегда—даже въ пасхальную заутреню и во всю свѣтлую седьмицу, прерывалъ службу на половинѣ и т. д.[3]).

Прекращеніе службъ, особенно обряда на половинѣ, несоблюденіе церковнаго устава было почти общимъ обычаемъ въ церквахъ Кіевской епархіи. „Католическая надменность, формализмъ, систематическое и положительное устраненіе народа отъ всякаго значенія въ обрядѣ,—говоритъ авторъ „Малороссійскихъ очерковъ“,—холодное самовластіе въ раздаяніи ему благодатныхъ даровъ выразились... въ малорусскомъ священникѣ простымъ безотчетнымъ произволомъ священника въ отношеніи къ обряду и къ народу, прибѣгающему къ обряду... Южно-русскій священникъ... хочетъ, крестить младенца полнымъ обрядомъ, не хочетъ—велитъ окрестить изъ воды и подождать, пока онъ самъ соберется окрестить,... онъ прерветъ обрядъ на половинѣ, чтобы дать рас-

---

[1]) Рук. д. с. п. 1862 г., II, 368.

[2]) Idibem. 495.

[3]) А. К. К. 1758 г. д. безъ № (Обвинительный пунктъ на отдѣльномъ листѣ въ отрывкахъ).

поряженіе по хозяйству, дому, повести посторонній разговоръ.. побранить, вместить за провинность, даже прогонить отъ обряда и не докончить его" [1]). Вотъ нѣсколько случаевъ своеволія священниковъ.

Одинъ священникъ во время совершенія службы велѣлъ прочитать анаѳему чиновникамъ, пріѣхавшимъ для описи его имущества, и такими дѣйствіями совершенно поставилъ въ тупикъ пріѣхавшаго для описи сотника [2]). Настоятель Глуховской Николаевской церкви Лука Бажинскій, при отправленіи божественной литургіи, публично на амвонѣ, за данную ему плату, произносилъ имена и молился о избавленіи такихъ людей, которые были осуждены монаршей волей и содержались подъ арестомъ, что почиталось въ то время величайшимъ преступленіемъ [3]).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію особенностей богослуженія. Начнемъ съ таинствъ.

Таинство крещенія совершалось, надо полагать, чрезъ обливаніе чаще, чѣмъ чрезъ погруженіе: таковой общій обычай югозападной Россіи. При крещеніи, какъ и теперь ведется во многихъ мѣстахъ Малороссіи, бывало по нѣсколько паръ воспріемниковъ. Между тѣмъ, это, повидимому, неважное обстоятельство на практикѣ вызывало много послѣдствій, непріятныхъ для самихъ воспріемниковъ. Дѣло въ томъ, что всѣ воспринявшіе ребенка считались какъ между собою, такъ и съ родителями въ духовномъ родствѣ, а духовное родство служило не малымъ препятствіемъ при заключеніи браковъ, или, по крайней мѣрѣ, вызывало большую переписку по дѣламъ такого рода и длинную проволочку. Поэтому еще при митрополитѣ Тимоѳеѣ Щербацкомъ запрещено было принимать даже 2-хъ воспріемниковъ, а допускался лишь 1 воспріемникъ при крещеніи мальчика и 1 воспріемница при крещеніи дѣвочки [4]) (точка зрѣнія, которая теперь принята при разсмотрѣніи степеней духовнаго родства). Но не смотря на это, обычай присутствованія многихъ воспріемниковъ оставался. Въ виду этого комиссія дѣлъ церковнаго благочинія признала необходимымъ не допускать 2-хъ воспріемниковъ. Вслѣдъ за этимъ, 25 января 1765 года было вновь издано распоряженіе о томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать

---

[1]) Крыжановскій, „Рук. д. с. паст." 1864 г. II стр. 249.
[2]) А. К. К., д. 1762 г., № 254.
[3]) А. К. К., д. 1763 г., № 149.
[4]) Ар. К. Выд. мон. 1765 г., № 12; указъ м. Тимоѳея 23 ноября 1748 г.

при крещеніи двухъ воспріемниковъ, за чѣмъ обязаны были строго слѣдить (по метрическимъ записямъ) духовныя власти [1]) и священники, которымъ за неисполненіе указа грозило лишеніе священства. Затѣмъ, для наставленія въ вѣрѣ желавшихъ принять крещеніе были назначены священники, „имущіе вѣжденство въ божественныхъ писаніяхъ". Послѣ поученія истинамъ вѣры они должны были доносить духовнымъ правленіямъ, а послѣднія митрополиту и просить благословенія и дозволенія на крещеніе [2]).

Таинство миропомазанія совершалось вмѣстѣ съ крещеніемъ. Какъ часто совершалось мироваренiе при м. Арсеніи, сказать трудно. Но извѣстно, что въ половинѣ XVIII в. взимался особый сборъ „мировое" за Св. Миро, выдававшееся церквамъ. Этотъ сборъ назначенъ былъ для уплаты за тѣ матеріалы или вещества, которыя употреблялись при мироваренiи. Отъ этого сбора свободны были нѣкоторыя заграничныя церкви. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Кіево-Печерскую Лавру нерѣдко выписывалось миро изъ Московской синодальной конторы [3]).

О таинствѣ священства: не будемъ здѣсь говорить о ходѣ дѣла ставленническаго производства (объ этомъ рѣчь впереди). Что касается обычая посвящать за одной литургіей нѣсколькихъ ставленниковъ въ одну и ту же степень, то нѣтъ данныхъ, оставался ли этотъ обычай въ Кіевской епархіи и въ ½ XVIII вѣка. Скорѣе надо думать, что не было уже этого обычая: въ Кіевѣ при м. Арсеніи немало было пріѣзжихъ архіереевъ, проживавшихъ здѣсь долгое время, и м. Арсеній часто обращался къ нимъ, какъ равно и къ сосѣднимъ епископамъ, Черниговскому и Переяславскому, съ просьбой посвятить ставленниковъ; затѣмъ, извѣстно, что м. Арсеній сразу, же по пріѣздѣ въ Кіевъ, возбудилъ предъ Св. Синодомъ ходатайство о назначеніи викарія—для рукоположенія ставленниковъ; если бы м. Арсеній призналъ законнымъ обычай посвященія многихъ ставленниковъ заразъ, ему не нужно было бы и просить особаго викарія.

При таинствѣ брака допускалось много неблагопристойностей и своеволія какъ самими брачущимися, такъ и духовенствомъ.

---

[1]) А. К. Выд. мон. 1765 г., № 12.
[2]) А. К. К. 1765 г., № 484.
[3]) Арх. Кіево-Печ. Лавр., д. 1762 г., № 145, 12 связ.

Комиссія благочинія въ 1764 году обращала вниманіе на то, что браки въ Кіевской епархіи не отправлялись съ должнымъ благоговѣніемъ, а напротивъ,—сопровождались многими неблагопристойными дѣйствіями; по дѣламъ было видно, что при бракахъ были совершенно обычными „крики, вопли, плесканія, плясанія, пѣнія, скверныя и срамословныя и иныя многія безстудія и народныя соблазни". Вслѣдствіе этого было опредѣлено: 1) послать указы священникамъ вразумлять людей „приватно" и въ церкви не допускать никакихъ безчиній, плясокъ и другихъ безобразій: 2) въ случаѣ люди не послушаютъ,—смирять ихъ отлученіемъ отъ общенія въ молитвѣ и даже отъ причащенія Св. Таинъ, впредь до исправленія; и 3) требовать въ случаѣ надобности—содѣйствія „мірской команды". Указъ былъ публикованъ въ церкви въ воскресные и праздничные дни, при чемъ было опредѣлено требовать ежегодныхъ донесеній о бракахъ въ началѣ года [1]).

Нѣкоторые изъ священниковъ стали по полученіи указа немедленно доносить о всякихъ случаяхъ при бракахъ и тѣмъ уже причиняли безпокойство консисторіи.

Послѣ этого было велѣно присылать донесенія лишь въ январѣ и одновременно о всѣхъ случаяхъ, бывшихъ при бракахъ [2]).

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить одно распоряженіе Св. Синода, которое измѣнило въ корнѣ бывшую дотолѣ форму заключенія брачныхъ союзовъ. Разумѣемъ указъ о сборахъ за вѣнечныя памяти.

Въ XVIII вѣкѣ, особенно въ 1-й половинѣ, въ предупрежденіе случаевъ незаконныхъ браковъ, противныхъ каноническимъ правиламъ, существовалъ такой порядокъ: желавшіе вступить въ бракъ обращались къ священнику съ заявленіемъ; священникъ о всякомъ желаніи вступить въ бракъ дѣлалъ 3 раза оглашеніе въ церкви, не заявитъ ли кто нибудь препятствій къ браку. Кромѣ того, священники предъ бракомъ сообщали и протопопу, который, по изслѣдованіи степеней родства между женихомъ и невѣстою, если не встрѣчалось препятствій, выдавалъ разрѣшеніе, извѣстное подъ именемъ „вѣнечныя памяти", предварительно взыскавъ сборъ „за вѣнечныя памяти" [3]). Такой порядокъ имѣлъ много хорошаго, такъ какъ священники обязаны были сами надлежа-

---

[1]) А. К. К 1764 г., 23 декабря, № 159 и 24 дек., № 776.

[2]) А. К. К., указ. 1767 г., № 104.

[3]) Основанія для такого порядка заключались въ требникѣ Петра Могилы и въ Духовномъ Регламентѣ (II ч. § 2, 11, 12).

щимъ образомъ спросить брачущихся объ ихъ лѣтахъ, желаніи вступить въ бракъ, родствѣ плотскомъ и духовномъ, и должны были прописывать о всѣхъ сомнѣніяхъ, какія возникали у нихъ по поводу предполагаемаго брака. Все это принуждало священниковъ къ осторожности при заключеніи брачныхъ союзовъ. Далѣе, протопопъ и духовныя правленія еще контролировали показанія священника и разбирали всѣ недоумѣнія—о свойствѣ и родствѣ, о перехожихъ людяхъ и т. д. Въ результатѣ, конечно, бывали и отказы въ выдачѣ вѣнечныхъ памятей, вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ документовъ или по причинѣ близкаго родства и т. д. За все это былъ положенъ сборъ съ брачущихся. Этотъ обычай соблюдался во всей силѣ при м. Арсеніи. Послѣдній, съ своей стороны, велѣлъ завести протопопамъ книги для записи о лицахъ обвѣнчанныхъ и о томъ, когда выданы разрѣшенія на вступленіе въ бракъ [1]).

Въ 1765 году, 12 іюня, императрица Екатерина II-я собственноручно написала указъ о томъ, чтобы сборъ за вѣнечныя памяти прекратить вовсе, а вѣнчать всѣхъ брачущихся, по ихъ желанію, однимъ священникамъ, безъ разрѣшенія протопоповъ,— на основаніи однихъ каноническихъ правилъ. Вслѣдъ за этимъ указомъ Св. Синодъ установилъ такой порядокъ: желающіе вѣнчаться должны были заявить священнику о своемъ желаніи за недѣлю; священникъ долженъ былъ произвести обыскъ и, если не окажется препятствій, вѣнчать съ одной записью въ метрическую книгу, а потомъ, по полугодіямъ представлять вѣдомость о числѣ браковъ [2]).

Уничтоженіе вѣнечныхъ квитовъ и прекращеніе контроля надъ брачными дѣлами вызвало массу злоупотребленій въ брачныхъ лѣтахъ. По свидѣтельству кіевскихъ пунктовъ, и священники и міряне, какъ бы почувствовали свободу, одни къ заключенію брачныхъ союзовъ, а другіе къ вѣнчанію. Въ дѣлахъ брачныхъ водворился полный произволъ, а за нимъ послѣдовали безчинія и незаконные браки, принужденія къ послѣднимъ и т. д. „Во многихъ приходахъ Кіевской епархіи мужья отъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей, а иные въ сомнительныхъ по родству плотскому и духовному степеняхъ, иные безъ воли родителей, иные въ неправильныхъ лѣтахъ, иные въ чужихъ приходахъ и другихъ епархій священниками и четвертымъ бракомъ пообвѣнчивано".

---

[1]) Ар. К. К. 1762 г., № 62.

[2]) А. К. К, указ. кн. 1765 г., № 49.

Нѣкоторые изъ владѣльцевъ, произвольно понимая указъ о прекращеніи выдачи вѣнечныхъ памятей въ смыслѣ полнаго разрѣшенія на всякій бракъ, принуждали священниковъ къ повѣнчанію безъ всякихъ справокъ о родствѣ, лѣтахъ, вдовствѣ и т. д.

Легковѣрные священники не чинили никакихъ справокъ и даже не дѣлали оглашенія церковнаго, а нѣкоторые и явныя препятствія презирали и рѣшали „сумнительства“ по своему мнѣнію, и вѣнчали безъ всякихъ видовъ, незаконно [1]). Иные, впрочемъ, и при добромъ желаніи быть осмотрительными, допускали незаконности, ибо были такъ просты, что не въ состояніи были сдѣлать и роспись родства или свойства между брачущимися [2]). Въ виду этого кіевское духовенство ходатайствовало о возстановленіи прежняго порядка, о выдачѣ вѣнечныхъ памятей.

Были еще и другія нестроенія въ дѣлахъ этого рода.

Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами священники выдавали разводныя письма супругамъ [3]), вѣнчали по нимъ мужей при живыхъ женахъ, женъ при живыхъ мужьяхъ; иногда вѣнчали такихъ лицъ и совсѣмъ безъ всякихъ разводныхъ писемъ [4]) и видовъ [5]), вѣнчали въ простыхъ избахъ [6]).

Въ 1767 году, 8 іюня, и было запрещено приходскимъ священникамъ выдавать разводныя письма, а также вѣнчать по такимъ письмамъ которыя выданы не консисторіей, а священниками [7]).

Затѣмъ, въ 1769 г. было запрещено, во избѣжаніе тайныхъ

---

[1]) Сбор. Им. Ист. Об., т. 43 стр. 463 Такъ, напр., былъ случай вѣнчанія, безъ вѣнечныхъ памятей и безъ обыска родственниковъ, состоявшихъ въ 6 ст. родства (Арх. К.-Выд. мон. 1763 г., ук. № 2).

[2]) Сб. Им. И. Об., т. 43, 460.

[3]) Ар. К.-Выд. мон. 1767 г., ук. № 65.

[4]) Такъ, жена солдата Волкова, Ульяна Лукьяновна, жившая въ Москвѣ, пріѣхала въ Кіевъ на богомолье, гдѣ встрѣтилъ ее бывшій въ Москвѣ и переведенный въ Кіевъ поручикъ Андрей Панютинъ. На разспросы послѣдняго она отвѣтила, что мужъ ея умеръ, и потому (въ 1763 году въ январѣ) Панютинъ взялъ въ Братскомъ монастырѣ у протопопа вѣнчальное свидѣтельство и обвѣнчался въ приходѣ Св. Николая Добраго, хотя Волкова имѣла живого мужа (А К. К., указ. кн. 1765 г, указ. № 50). Такіе случаи въ то время въ Кіевской епархіи были не рѣдкостію: мужья вступали въ новые браки при живыхъ женахъ, жены выходили замужъ при живыхъ мужьяхъ; нѣкоторые вступали въ 4-й бракъ. (А. К. К 1767 г., пост. конс. № 41).

[5]) Священникъ С. Позняковъ І. Чжелевскій повѣнчалъ поручика Пономарева безъ всякаго вида (А. К К. 1766, рее. кн. № 696).

[6]) А. К. К., 1767 г., рее. кн., № 437.

[7]) А. К. К., указ. кн. 1767 г., № 48.

и незаконныхъ браковъ, вѣнчать въ часовняхъ, а въ случаяхъ крайней нужды дозволялось испрашивать каждый разъ разрѣшеніе митрополита [1]).

Что касается разводовъ, то послѣдніе совершались въ консисторіи на основаніи Кормчей книги. Къ разводу присуждали, въ случаяхъ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, въ случаѣ двоеженства, заключенія брака въ родствѣ плотскомъ и духовномъ, въ случаѣ физической неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, (въ послѣднемъ случаѣ прибѣгали къ лѣкарскому свидѣтельствованію). Виновные въ незаконныхъ бракахъ,—какъ то: въ случаѣ близкаго физическаго и духовнаго родства, а также—двоеженства и т. п. подвергались епитеміи по церковнымъ канонамъ. Этому наказанію подвергались и священники, совершившіе бракъ, и сами обвѣнчанные, а бракъ расторгался. Обличенные въ нарушеніи супружеской вѣрности, двоеженцы, и под., кромѣ того, лишались права на вступленіе въ новый бракъ [2]).

Обрученіе по Петровскимъ указамъ совершалось за нѣсколько времени до вѣнчанія. По тѣмъ же указамъ обрученные считались уже связанными какъ бы брачнымъ союзомъ. На этомъ основаніи ставленникамъ, разошедшимся съ обрученною дѣвицею, было отказываемо въ посвященіи. Также, если становилось извѣстнымъ, что кто либо обручился, требовалось непремѣнно, чтобы обрученные были обвѣнчаны: такъ, дѣвицѣ Ксеніи Дашенковой, обрученной съ канцеляристомъ полковой Прилуцкой канцеляріи, велѣно было непремѣнно обвѣнчаться съ нимъ [3]).

Что касается таинства покаянія и исповѣди, то и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить болѣе внѣшнія обстоятельства, нежели внутреннія, такъ какъ послѣдняя сторона, по свойству самаго предмета, осталась въ тайнѣ и неизвѣстною.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ таинство это совершалось священниками съ тою же формальностью и надменностью, какъ и все другое. Оттого то исповѣдь являлась въ рукахъ священника средствомъ для мщенія и наказанія чѣмъ нибудь провинившихся противъ него прихожанъ. Конечно, это больше относилось къ самимъ священникамъ, чѣмъ къ таинству.

Для исповѣди духовенства по распоряженію митрополита Арсенія были избраны особые духовники. Какихъ либо инструк-

---

[1]) А. К. К., указ. кн. 1769 г., ук. № 18 авг.

[2]) Арх. К. К. 1779 г. № 106; 1767 г. № 71 и 248.

[3]) А. К. К. 1767 г., № 407; Ар. К.-Выд. мон. 1767 г., № 65.

ціи для этихъ лицъ мы не встрѣчали. Такіе духовники были въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ въ Кіево-Братскомъ, а также и въ протопопіяхъ.

О таинствѣ елеосвященія мы ничего не встрѣчали.

V.

Въ какомъ состояніи было дѣло церковнаго письмоводства (т. е. веденіе всѣхъ документовъ, метрикъ, прошнурныхъ книгъ приходо-расходныхъ, вѣдомостей и т. д.) до митрополита Арсенія, не знаемъ точно. Безъ сомнѣнія, священники должны были вести запись рожденій, браковъ и погребеній запись прихода и расхода церковныхъ суммъ и представлять въ духовныя правленія вмѣстѣ съ денежными взносами и вѣдомость о представляемыхъ взносахъ. Самое представленіе этихъ вѣдомостей также было пріурочено къ опредѣленнымъ срокамъ въ теченіе года.

Но, на самомъ дѣлѣ, очень часто духовенство оказывалось неисправнымъ и не представляло ни денежныхъ взносовъ, ни необходимыхъ указныхъ вѣдомостей: протопопы не собирали и не представляли денегъ по третямъ года, нѣкоторые же передерживали деньги у себя и не доставляли ихъ въ каѳедру по 2 и по 3 года.

По докладу каѳедральной конторы, митрополитъ Арсеній и велѣлъ вести запись всѣхъ обвѣнчанныхъ по квитовымъ записямъ („вѣнечной памяти“) протопоповъ или ихъ намѣстниковъ, всѣ же деньги за квиты собирать намѣстникамъ и представлять въ каѳедру по третямъ года, въ тѣ же сроки, что и столовыя: за январскую треть въ м. маѣ,—за майскую въ сентябрѣ, за сентябрьскую же—въ январѣ слѣдующаго года. Тогда же намѣстники должны были представлять и всѣ отчеты по денежной части[1]). Что касается сроковъ представленія въ консисторію разныхъ вѣдомостей, то митрополитъ Арсеній установилъ слѣдующій порядокъ: въ половинѣ ноября должно было представлять вѣдомости о монастырскихъ церквахъ и времени служенія въ нихъ; въ 1-хъ числахъ декабря о монастырскихъ настоятеляхъ и монашествующихъ[2]), въ половинѣ же ноября присылались и вѣдомости о церквахъ приходскихъ и церковно-служителяхъ, а въ 1-хъ числахъ января о рожденіяхъ, бракахъ и

---

[1]) А. К. К., 1762 г., № 62, окт. 21.

[2]) А. К. К. 1768 г., 17 марта.

погребеніяхъ умершихъ [1]). Въ маѣ былъ срокъ представленія исповѣдныхъ вѣдомостей; о состояніи епархіи—въ іюнѣ и въ декабрѣ; о колодникахъ въ маѣ, сентябрѣ и декабрѣ. Когда именно были установлены эти сроки, точно неизвѣстно; надо полагать, что сроки представленія тѣхъ или другихъ вѣдомостей или отчетовъ устанавливались одновременно съ распоряженіемъ о собираніи данныхъ свѣдѣній. Извѣстно, впрочемъ, что духовенство очень мало придерживалось указанныхъ сроковъ и задерживалось въ представленіи срочныхъ вѣдомостей на годъ и болѣе. Такъ, уже въ 1765 г. было подтверждено всѣмъ духовнымъ властямъ непремѣнно присылать требуемыя вѣдомости въ опредѣленные сроки, въ противномъ случаѣ консисторія угрожала посылать особыхъ нарочныхъ на счетъ неисправныхъ и штрафовать послѣднихъ [2]). Не смотря, впрочемъ, на это, напр. въ 1768 году многіе не представили всѣхъ свѣдѣній за предыдущій годъ, а нѣкоторые и вовсе не представили никакихъ вѣдомостей. Поэтому въ 1769 году 18 февраля митрополитъ Арсеній велѣлъ строго подтвердить, чтобы немедленно были высланы вѣдомости и чтобы всегда онѣ высылалиськ сроку [3]).

Что касается собиранія и храненія разныхъ сборовъ при церквахъ, то въ этомъ отношеніи, повидимому, не было ни единообразія, ни опредѣленности. Правда, при церквахъ были ктиторы, которые приставлены и избраны были для собиранія и храненія церковныхъ денегъ. Но, какъ доносило Кіево-Подольское правленіе, ктиторы распоряжались церковными дѣлами по произволу и не записывали своевременно въ прошнурныя книги ни расхода, ни прихода; при нѣкоторыхъ церквахъ даже совсѣмъ не было прошнурныхъ книгъ для записи прихода и расхода церковныхъ денегъ; деньги хранились не въ церковномъ „скарбцѣ“ или сундукѣ, а въ домѣ ктиторовъ, которые иногда отдавали деньги постороннимъ взаймы. Вмѣстѣ съ деньгами ктиторы хранили у себя дома также и документы церковные, какъ то: крѣпости на церковныя земли и угодья, планы, отъ чего иногда бывало, и такъ, что церковные сѣнокосы и другія угодья по смерти ктиторовъ отходили въ другія руки [4]). Если

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ вѣдомостей представлялись въ Свят. Синодъ, а именно: 1) табель о монастыряхъ, 2) табель о церквахъ и священно и церковнослужителяхъ, 3) вѣдомости о бракосочетавшихся, умершихъ, 4) о престолахъ для служенія и о монастыряхъ съ повседневнымъ служеніемъ, 5) о постриженіи монаховъ, 6) о бѣжавшихъ и умершихъ монахахъ.

[2]) Арх. К.-Выдуб. мон. 1765 г., № 80.

[3]) А. К. К. 1769 г., № 71 указ.

[4]) А. К. К. 1769 г., № 12.

такъ было въ кіевскихъ церквахъ, то такъ же, если не хуже, могло быть и въ приходскихъ сельскихъ церквахъ, гдѣ еще меньше бывало порядка и благоустройства.

Были-ль какія либо распоряженія со стороны митрополита Арсенія по этому поводу, неизвѣстно. Извѣстно лишь, что само Кіево-Подольское духовное правленіе въ виду такихъ безпорядковъ ходатайствовало о томъ, чтобы 1) установить выборы ктитора при участіи священника и прихожанъ, завести прошнурныя книги для записи прихода и расхода денегъ, въ которыя ктиторы обязаны были бы вписывать приходъ и расходъ немедленно, при священникѣ, а также завести книгу для записи всего церковнаго имущества; 2) при постройкѣ церквей также имѣть записныя прошнурныя книги, въ которыя вносить всѣ приходы и расходы, и производить запись при ктиторѣ и священникѣ; 3) ни священникъ ни ктиторъ не должны дѣлать никакихъ расходовъ изъ церковныхъ денегъ, безъ общаго согласія; 4) денегъ всѣхъ сборовъ ни подъ какимъ видомъ не держать въ своихъ домахъ, но въ церковномъ скарбцѣ, за замкомъ ктиторскимъ и печатью священника; тамъ же, при церкви хранить и крѣпости на земли и угодья; 5) церковныхъ земель, съ которыхъ взимались куничныя деньги, не продавать мірскимъ людямъ.

Этотъ проектъ Кіево-Подольскаго духовнаго правленія былъ представленъ въ 1769 году митрополиту Арсенію, но за смертью послѣдняго остался неутвержденнымъ; потомъ, въ другой разъ онъ былъ представленъ митрополиту Гавріилу; но какая судьба постигла его, неизвѣстно [1]).

За веденіемъ въ исправномъ видѣ метрическихъ книгъ, по распоряженію митрополита Арсенія, наблюдали духовныя правленія, которыя обязаны были просматривать метрическія книги, свидѣтельствовать своею подписью о исправномъ или неисправномъ веденіи ихъ и, потомъ, доносить митрополиту. При свидѣтельствованіи книгъ, какъ видно изъ донесенія Борзенскаго духовнаго правленія, обращалось особенное вниманіе на то, по скольку записано воспріемниковъ, бывшихъ при актѣ крещенія [2]). Надо полагать, это свидѣтельствованіе метрическихъ книгъ введено было впервые еще при м. Тимоѳеѣ Щербацкомъ, когда было издано распоряженіе о допущеніи всего одного воспріемника.

[1]) А. К. К. 1769 г., № 12.

[2]) Борзенское духовное правленіе доносило 20 января 1770 года, за № 12, что „метричніе зашнурніе книги всѣхъ церквей Борзенской протопопіи въ духовномъ Борзенскомъ правленіи свидѣтельствовали, и явились поправки, и что при крещеніи младенцевъ по единому точію воспріемнику и воспріемницѣ бываетъ, въ оныхъ метричныхъ книгахъ означается". А. К. К. 1770 г., № 12 стр. 29.

При митрополитѣ Арсеніи распоряженіе объ этомъ было повторено и подтверждено 25 октября 1762 года [1]).

VI.

Для лучшаго благоустройства церквей и для приведенія въ лучшій порядокъ церковнаго хозяйства, очень важно было какъ можно чаще подвергать свидѣтельствованію церкви, и замѣченныя нестроенія и упущенія устранять. Такъ и дѣлалъ м. Арсеній. Извѣстно, что скоро, послѣ своего прибытія въ Кіевъ, онъ велѣлъ протопопамъ осмотрѣть всѣ церкви, каковы въ нихъ антиминсы, съ какого времени и съ какою надписью [2]). Эти свѣдѣнія были очень важны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ церквахъ (напр., въ Харлампіевскомъ Гамалѣевскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богородицы) были антиминсы безъ надписи, къ какой церкви они выданы [3]), въ другихъ же были очень старые антиминсы, еще со времени м. Іоасафа Кроковскаго, и также безъ указанія храмовъ, къ которымъ были выданы; а отсутствіе надписи на антиминсѣ могло послужить поводомъ къ тому, что на одномъ и томъ же антиминсѣ могли совершать литургію въ различныхъ храмахъ. Затѣмъ, важно было опредѣлить, нѣтъ ли гдѣ либо антиминсовъ дырявыхъ, пропаленныхъ и совершенно потемнѣвшихъ. Потому м. Арсеній и велѣлъ духовнымъ начальникамъ провѣрить, каковы антиминсы въ церквахъ, и, если бы гдѣ нашлись ветхіе и съ поврежденіемъ антиминсы,—замѣнять ихъ новыми [4]). Освидѣтельствованіе показало, что, дѣйствительно, были и такіе, на которыхъ давно нельзя было совершать литургію. Такъ, въ Выдубицкомъ монастырѣ найдено было 2 антиминса очень ветхихъ и притомъ безъ означенія храма, для коего назначены [5]). Конечно, было велѣно замѣнить ихъ новыми, при чемъ было издано и такое распоряженіе, чтобы непосвященныя лица не являлись за новыми антиминсами [6]).

Не имѣя возможности лично обревизовать епархію, митрополитъ Арсеній въ 1760 г. рѣшилъ освидѣтельствовать церкви

---

[1]) Ар. К. Выд. мон. 1765 г., № 12.

[2]) А. К. К. 1759 г., 14 нояб., № 313. Потомъ, въ 1763 г., 22 окт. было велѣно прислать въ каѳедру всѣ старые антиминсы.

[3]) Ар. К. Выд. мон. 1758—1759 г., ук. 9 іюл. 1759 г., № 1203.

[4]) Ibidem.

[5]) Ар. К. Выд. мон., 1764 г., № 18.

[6]) Ар. К. Выд. мон. 1759 г., ук. 14 янв., № 23.

чрезъ нарочно избранныхъ и довѣренныхъ лицъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи находятся церкви и церковное благочиніе, а также поведеніе приходскаго и монастырскаго духовенства, и вообще, дѣлаютъ ли что нибудь начальники и священники для улучшенія церковнаго благочинія и своего поведенія. Ревизія эта была задумана лично митрополитомъ Арсеніемъ, который рѣшилъ устроить ее по примѣру ревизіи, бывшей въ 1734 году при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ. Съ этою цѣлью митрополитъ Арсеній велѣлъ консисторіи избрать „делегатовъ“ къ обозрѣнію всей епархіи и дать имъ инструкціи для ревизіи. Кромѣ того, онъ велѣлъ объявить всѣмъ протопопамъ, чтобы они каждый годъ по 2 раза посѣщали всѣ церкви своей протопопіи и наблюдали за благочиніемъ въ церквахъ и за поведеніемъ духовенства.

26 іюня консисторія, дѣйствительно, избрала архимандрита Мгарскаго Преображенскаго монастыря, Луку, и члена духовной консисторіи, Кіево-Подольскаго протопопа Романа, и опредѣлила дать имъ особую инструкцію по примѣру инструкціи, данной делегатамъ при митрополитѣ Рафаилѣ, и написать въ ней, „какъ делегатамъ исправлятись“,—т. е., какія нести обязанности, за чѣмъ именно смотрѣть и какъ исправлять неблагочиніе,—и потомъ, отправить делегатовъ на ревизію епархіи на епархіальный счетъ. При этомъ было опредѣлено: ту же составленную инструкцію разослать и протопопамъ, чтобы они по ней исправляли неблагочиніе.

Митрополитъ Арсеній, однако, не согласился съ этимъ опредѣленіемъ консисторіи. Не желая, чтобы протопопы и монастырскія власти исправляли благочиніе только по инструкціи, данной делегатамъ, чтобы, такимъ образомъ, не подгоняли все благочиніе къ ревизіи делегатовъ,—онъ своей резолюціей (отъ 17-го іюля 1760 года) велѣлъ сперва сочинить инструкціи,—одну для монастырскихъ властей, а другую для протопоповъ,—и изложить въ нихъ, опредѣленно и подробно, обязанности каждаго изъ нихъ и по утвержденіи разослать ихъ ко всѣмъ властямъ, чтобы делегаты могли уже требовать отъ всѣхъ отчета въ исполненіи этихъ инструкцій [1]). Это обстоятельство имѣло важное значеніе: всѣ протопопы и монастырскія власти должны были не подтасовывать, не подгонять всѣ порядки въ церквахъ къ ожидаемой ревизіи, а твердо знать и основательно исполнять свои опредѣ-

---

[1]) А. К. К. 1760 г., № 509.

ленныя обязанности такъ, чтобы всякому ревизору могли показать, что они, и не ожидая ревизора, исполняютъ обязанности свои—всегда аккуратно. Такъ смотрѣлъ на дѣло митрополитъ Арсеній.

Но что было сдѣлано по этой резолюціи?

Долго консисторія откладывала составленіе инструкціи, долго она думала о томъ, какъ исполнить резолюцію митрополита. Въ 1764 году, въ сентябрѣ, м. Арсеній спросилъ, что сдѣлано для дѣла обозрѣнія епархіи,—и ему отвѣтили (10 сентября), что еще делегаты не были отправлены и инструкція не сочинена, и вообще ничего не сдѣлано для исполненія упомянутаго повелѣнія митрополита.

Мало этого. Въ разное время митрополитъ Арсеній издавалъ повелѣнія собрать свѣдѣнія касательно епархіальнаго устройства и состоянія приходовъ, монастырей, церквей, проповѣдей, духовенства, пономарей, вдовъ, безмѣстныхъ священниковъ, викаріевъ и т. д.

Изъ консисторіи были посланы указы по всей епархіи о представленіи необходимыхъ свѣдѣній по даннымъ вопросамъ. Но многія духовныя правленія и протопопы даже вовсе не репортовали о полученіи тѣхъ или иныхъ указовъ, не смотря на то, что за это угрожалъ штрафъ [1]). И вообще много дѣлъ въ самой консисторіи—было въ застоѣ; дѣла долго ожидали своей очереди: консисторія въ это время была обременена множествомъ судебныхъ дѣлъ и занималась однимъ разборомъ челобитныхъ всякаго рода—„по наглымъ и докучливымъ просьбамъ“. Поэтому многія распоряженія митрополита Арсенія относительно епархіальнаго благоустройства оставалась безъ всякаго движенія и исполненія по нѣсколько лѣтъ.

Когда консисторія доложила м. Арсенію, что она занята разсмотрѣніемъ однихъ челобитныхъ дѣлъ, то онъ, видя, что мало надежды на уменьшеніе дѣлъ, нашелъ лучшимъ и нужнымъ учредить особую комиссію для разсмотрѣнія всѣхъ лежавшихъ и ожидавшихъ очереди дѣлъ, а также для исполненія своихъ неотложныхъ распоряженій по благоустройству епархіи. Въ комиссію эту были избраны: Самуилъ, архимандритъ Кіево-Братскій, Епифаній, архимандритъ Нѣжинскій, и іеромонахъ Петръ Артовскій. Для веденія протоколовъ былъ назначенъ въ комиссію канцеляристъ Василій Самойловичъ. Указаннымъ лицамъ

---

[1]) Ар. К. К. 1766 г., № 2211. Ар. К. Выд. мон. 1766 г., ук. № 58.

велѣно было разсматривать „всѣ дѣла, до благосостоянія епархіи Его Преосвященства церквей и всего причта церковнаго касающіяся“ [1]). Самая комиссія получила названіе „экспедиціи благочинія“. Въ нее поступали всѣ дѣла объ освященіи церквей, исправленіи ихъ, о выдачѣ разрѣшеній на сборъ милостыни для церквей, о выдачѣ антиминсовъ, мира, о выдачѣ разныхъ грамотъ искателямъ прихода, о выдачѣ паспортовъ для заграничныхъ поѣздокъ духовныхъ лицъ, о сборѣ различныхъ взносовъ въ каѳедральную казну, на академію, о проповѣданіи Слова Божія въ церквахъ; дѣла о священникахъ вдовыхъ, викарныхъ, безмѣстныхъ; о собираніи и представленіи различныхъ вѣдомостей о церквахъ, о священнослужителяхъ, монастыряхъ, о высылкѣ дѣтей въ академію, о различныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ въ церквахъ епархіи, о кликушахъ и т. п. [2]).

Всматриваясь въ перечень тѣхъ дѣлъ, которыя были переданы на разсмотрѣніе экспедиціи благочинія, мы видимъ, что большинство изъ этихъ дѣлъ подлежало вѣдѣнію каѳедральной конторы. Очевидно, дѣятельность послѣдней мало удовлетворяла м. Арсенія, когда онъ нашелъ нужнымъ изъ членовъ консисторіи составить особую комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ, которыми вѣдала контора. Быть можетъ, м. Арсеній, учреждая экспедицію благочинія, желалъ ввести больше единства въ разрозненныя дотолѣ дѣйствія конторы и консисторіи, а, съ другой стороны,—придать постановленіямъ по административной части больше авторитета и значенія, ибо извѣстно, что контора не имѣла право посылать указы отъ себя, а экспедиція благочинія состояла изъ членовъ консисторіи и потому въ нужныхъ случаяхъ могла пользоваться правомъ посылать указы. Впрочемъ, указы посылались не отъ самой экспедиціи, а отъ консисторіи, но на основаніи постановленій экспедиціи.

Экспедиція благочинія засѣдала каждый день по утрамъ, до 11 часовъ, послѣ чего назначалось общее присутствіе всѣхъ членовъ консисторіи. На сколько успѣшна и благотворна была дѣятельность экспедиціи благочинія, не можемъ сказать. Несомнѣнно только, что введено было больше единства въ дѣла административнаго характера. Съ другой стороны, всѣ епархіальныя учрежденія были подчинены контролю: духовныя протопопскія правленія и монастырскія власти должны были строго, безъ волокитъ и замедленій, исполнять

---

1) А. К. К. 1764 г., указ. 10 сент.; 1767 г., № 55.

2) А. К. К. 1765 г., д. № 410. л. 70; 1767 г., №№ 2, 13, 55, 59, 189.

всѣ распоряженія епархіальной власти, такъ какъ имъ грозило наказаніе по суду консисторіи; о всѣхъ дѣлахъ, поступавшихъ къ нимъ, они должны были по третямъ доносить экспедиціи благочинія, съ указаніемъ, сколько поступило въ правленіе дѣлъ и сколько изъ нихъ рѣшено и не рѣшено [1]).

VII.

Въ представляемыхъ въ контору и въ консисторію вѣдомостяхъ требовалась всегда точность, опредѣленность и согласіе съ дѣйствительными данными. Особенно эта точность требовалась относительно количества дворовъ [2]), а также относительно лѣтъ бывшихъ на исповѣди [3]). Первое важно было въ томъ отношеніи, что направлялось противъ злоупотребленія многихъ священниковъ и ставленниковъ,—нарочно утаивавшихъ количество дворовъ, чтобы меньше платить взносовъ, а это утаиваніе отзывалось на казнѣ каѳедральной; второе же имѣло значеніе съ той стороны, что не давало повода дѣтямъ священно-церковно-служителей въ однихъ случаяхъ скрываться отъ школы, а въ другихъ случаяхъ получать приходы раньше установленнаго срока (т. е. ранѣе 25 и 30 лѣтъ). Наблюденіе за исправностью писанія вѣдомостей было возложено на духовныя правленія на ихъ личную отвѣтственность, подъ опасеніемъ штрафа [4]). Виновные въ

---

[1]) А. К. К. 1765 г., репор. Лохвиц. д правленія.

[2]) Объ утаиваніяхъ количества дворовъ въ приходахъ м. Арсеній узналъ изъ дѣлъ о посвященіи ставленниковъ, такъ какъ данныя, заключавшіяся въ выданныхъ презентахъ, не сходились съ тѣми данными, какія находились въ консисторіи; иногда же возникали и жалобы, доносы, изъ которыхъ была видна неправильность въ количествѣ дворовъ. Митрополитъ Арсеній, въ предупрежденіе доносовъ и излишнихъ дѣлъ, велѣлъ безъ замедленія произвести повѣрку, сколько было дворовъ въ каждомъ приходѣ и сколько числилось душъ обоего пола; протопопы обязаны были составить опись приходскихъ дворовъ въ 2-хъ экземплярахъ и 1 изъ нихъ оставить въ духовномъ правленіи, а 2-ю представить въ консисторію (Ар. К. Выд. мон. 1759 г., ук. 24 авг., № 1733). Потомъ, указъ былъ повторенъ еще въ 1764 г., такъ какъ по прежнему количество дворовъ не показывалось точно (Ар. К. Выд. мон. 1764 г., ук. № 2).

[3]) Исповѣдныя росписи писались обыкновенно очень неисправно, то съ прибавкой, то съ утайкой лѣтъ. Митрополитъ Арсеній поэтому утвердилъ опредѣленіе консисторіи, чтобы, согласно съ формой, изданной Сенатомъ 16 апрѣля 1737 г. (П. С. З. Р. П., X, 7226), каждый годъ прибавлялось въ росписяхъ лишь по 1 году. При этомъ велѣно писать росписи въ 3 экземплярахъ: 1 для духовнаго правленія, 1 для приходскаго священника и 1 для консисторіи (Ар. К. Выд. мон. 1758—1759 г., ук. 1759 г., № 167).

[4]) Ар. К. Кон. 1767 г., № 105.

утайкѣ дворовъ подвергались штрафованію посредствомъ взысканія двойной суммы, слѣдовавшей за утаенное число дворовъ [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить и то, что м. Арсеній былъ противникомъ всякихъ доносовъ, требовалъ, чтобы всякія жалобы разбирались на мѣстѣ же низшими епархіальными органами, протопопами и членами духовныхъ правленій—совмѣстно. Если по какому либо дѣлу не было подписи членовъ правленія, м. Арсеній не безъ основаній усматривалъ какое либо упущеніе въ дѣлѣ или пристрастіе со стороны протопопа, а потому требовалъ надлежащаго объясненія, почему нѣтъ подписи членовъ духовнаго правленія; затѣмъ, за неисполненіе этого требованія даже штрафовалъ протопоповъ [2]), и не разъ повторялъ, чтобы доношенія присылались за подписью всѣхъ членовъ духовнаго правленія [3]). Затѣмъ, во избѣжаніе излишней переписки, м. Арсеній требовалъ, чтобы духовныя правленія на мѣстѣ производили разслѣдованіе по всякой жалобѣ и по разслѣдованіи представляли свое заключеніе. Мало этого. Было запрещено даже обращаться въ каѳедру и къ митрополиту съ челобитными, помимо духовныхъ правленій, исключая жалобъ на самихъ членовъ правленія, и запрещенъ былъ пріѣздъ въ каѳедру съ челобитными. Всѣ челобитныя подлежали разсмотрѣнію самихъ духовныхъ правленій, для чего въ каждомъ правленіи должно было засѣдать не меньше, какъ 3—4 искусныхъ священника [4]).

Требуя аккуратнаго и своевременнаго представленія разныхъ вѣдомостей, отчетовъ и исполненія своихъ распоряженій, митрополитъ Арсеній требовалъ отъ духовенства и исполненія церковнаго устава относительно отправленія церковныхъ обрядовъ и времени совершенія церковныхъ службъ. Такъ, онъ издалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ монастыряхъ Кіевской епархіи не отправлялось всенощное бдѣніе съ вечера, а въ свое, опредѣленное уставомъ время, причемъ велѣно было запирать всѣ

---

[1]) За утайку дворовъ священникъ с. Серединобуды Милѣтанскій уплатилъ взносы вдвойнѣ. (А. К. К. 1767 г., № 2045. Также А К. К. 1762 № 118).

[2]) Ар. К. Выд. мон., 1764 г., ук. № 19.

[3]) Ibibem.

[4]) Ар. К. Выд. мон. 1758 г., ук. 24 декабря № 1951; ук. 1759 г., 26 іюня № 1482.

Въ 1770 г. 26 апрѣля подтверждено было, чтобы никто изъ духовенства не отлучался изъ прихода въ Кіевъ, до рѣшенія дѣла въ духовномъ правленіи. А. К. К. № 859.

монастырскія ворота отъ вечерней зари до начала утренняго звона, исключая праздниковъ Рождества Христова, Крещенія, Благовѣщенія, Пасхи и храмового дня. Хотя это распоряженіе ближайшимъ образомъ касалось монастырей, но о немъ было объявлено и приходскому духовенству, впрочемъ, съ предоставленіемъ права послѣднему совершать всенощное бдѣніе въ лѣтнее время по усмотрѣнію настоятеля—съ вечера или утромъ [1]). Заботятъ также о благоговѣйномъ совершеніи богослуженія въ приходскихъ храмахъ, митрополитъ Арсеній распорядился, чтобы по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторые праздники богослуженіе совершалось соборнѣ—съ діакономъ [2]). Но, конечно это распоряженіе не вездѣ могло быть выполнено, такъ какъ вообще діаконовъ не много было въ Кіевской епархіи.

VIII.

Митрополитъ Арсеній обратилъ надлежащее вниманіе на дѣло проповѣдничества, чтобы пасомые могли слушать при богослуженіи проповѣдь Слова Божія.

Съ нѣкоторыми его взглядами на проповѣдь мы уже ознакомились. Теперь добавимъ слѣдующее.

Митрополитъ Арсеній считалъ „проповѣданіе Слова Божія для человѣческой души столь же нужнымъ, какъ—хлѣбъ для тѣла,—по оному слову: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ*. Вслѣдствіе этого митрополитъ Арсеній вскорѣ же, по прибытіи на Кіевскую каѳедру, сталъ принимать мѣры къ развитію проповѣдническаго дѣла въ Кіевской митрополіи. Прекрасно понимая, что для такого важнаго и труднаго дѣла нужна подготовка, митрополитъ Арсеній, прежде всего, обратилъ вниманіе на то, чтобы къ проповѣдничеству готовились студенты академіи еще на школьной скамьѣ. Съ этою цѣлію въ академіи заведено было преподаваніе великой и малой инструкціи. Затѣмъ, студенты практически готовились къ проповѣдническому дѣлу, слагая проповѣди и представляя ихъ на просмотръ учителямъ; по одобреніи проповѣдей, произносили ихъ въ разныхъ церквахъ [3]). Студенты подготовлялись къ дѣлу проповѣдничества подъ живымъ примѣромъ своихъ же наставниковъ, которые преподавали изъясненіе Закона по инструкціи и сами же проповѣ-

---

[1]) Рукоп. К. С. Биб. № 603, указ. 17 апр., 1770.

[2]) Ар. К. К. 1761 г., 19 января, № 29.

[3]) Акты. Брат. мон., собр. Аскоченск. т. II, л. 269.

дывали въ церкви Братскаго монастыря. Конечно, проповѣдничество тогдашняго времени и въ академіи носило всѣ качества тогдашней схоластической проповѣди и было дѣломъ сухимъ, отвлеченнымъ, искуственнымъ. Во всякомъ случаѣ и схоластическая проповѣдь имѣла свое значеніе, и стараніе митрополита усилить развитіе проповѣди было очень важно.

Однако, ожидать, пока всѣ студенты, начавшіе изучать искусство проповѣди, не пройдутъ полнаго курса, пока академія не выпуститъ изъ своихъ стѣнъ достаточно подготовленныхъ къ дѣлу проповѣдничества кандидатовъ священства, было бы слишкомъ долго, а дѣло проповѣдническое, дѣло наставленія народа въ истинахъ христіанской вѣры и жизни не терпѣло отлагательствъ. Потому митрополитъ Арсеній и велѣлъ начать проповѣданіе Слова Божія въ приходскихъ церквахъ епархіи. Къ этому дѣлу онъ старался привлечь по возможности всѣхъ способныхъ лицъ священства и велѣлъ разослать указы, чтобы непремѣнно во всѣхъ городскихъ церквахъ, равно въ церквахъ полковыхъ и намѣстническихъ, соборныхъ и другихъ, особенно посѣщаемыхъ народомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ священниками произносились проповѣди. Къ этому привлекались ученые или, лучше сказать, учившіеся въ академіи, при чемъ въ нѣкоторыхъ соборныхъ и особенно посѣщаемыхъ народомъ храмахъ обязаны были проповѣдывать не только наличные священники, но и священники ближайшихъ селъ. Послѣ составленія должно было представлять проповѣди цензору-протопопу на разсмотрѣніе и одобреніе.

Если гдѣ либо не могло быть произнесено составленной изустной проповѣди, то митрополитъ Арсеній велѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ читать поученія изъ бесѣдъ Златоуста или нравоучительныя статьи изъ Пролога, или предлагать толкованіе символа вѣры, объясненіе заповѣдей Закона Божія и молитвы „Отче нашъ“ [1]). Прекрасно понимая, сколько добраго вліянія на паству можетъ произвести священникъ, представляющій въ своей собственной жизни возможное осуществленіе тѣхъ требованій вѣры и жизни христіанской, о которыхъ онъ говоритъ въ проповѣди, митрополитъ Арсеній обратилъ вниманіе и на эту сторону жизни священника. Издавая распоряженія касательно обязательнаго и неопустительнаго проповѣданія Слова Божія, онъ въ то же время требовалъ, чтобы священники показывали себя „*образомъ для своихъ*

[1]) А. К. К. указ. 1760 г., 27 декабря.

словесныхъ овецъ, жизнью, любовью, вѣрою, духомъ, чистотою", не дрались и не ссорились братъ съ братомъ, уклонялись отъ вражды и тяжбъ, „какія (замѣчаетъ митрополитъ Арсеній) весьма умножились, такъ какъ при подобныхъ ссорахъ, дракахъ и злобныхъ тяжбахъ ни служеніе и никакая жертва не можетъ быть пріятна Богу, а для народа это служитъ большимъ соблазномъ. И самое непочтеніе народа къ духовенству зависитъ отъ того, что онъ замѣчаетъ въ своихъ наставникахъ пьянство, лихоимаіе и другія непостоянства". Въ виду этого митрополитъ Арсеній, одновременно съ изданіемъ распоряженій относительно проповѣдничества велѣлъ протопопамъ и духовнымъ правленіямъ строго наблюдать,—подъ опасеніемъ лишенія сана за плохое наблюденіе,—за жизнью духовенства, добрыхъ изъ него побуждать и поощрять, а злыхъ отвращать всѣми возможными способами отъ ихъ дѣйствій [1]).

Протопопы и члены духовныхъ правленій для прочаго духовенства должны были служить образцомъ въ проповѣданіи Слова Божія и въ своей жизни [2]). Они, затѣмъ, обязаны были по третямъ года доносить о состояніи проповѣдническаго дѣла въ своихъ округахъ и представлять самыя проповѣди и доносить особо о нерадивыхъ и небрежныхъ въ этомъ дѣлѣ, а равно представлять вѣдомости о всѣхъ ученыхъ священникахъ и діаконахъ [3]).

Въ то же время митрополитъ Арсеній организовалъ дѣло проповѣди въ самой каѳедрѣ. Для этого было составляемо ежегодно расписаніе, кому и въ какой день проповѣдывать. Къ проповѣданію въ каѳедральномъ монастырѣ привлекались учителя Кіевской академіи и настоятели кіевскихъ монастырей изъ ученыхъ, и священники г. Кіева [4]). Каждый, имѣвшій проповѣдывать въ монастырѣ, предварительно обязанъ былъ являться къ ректору академіи, настоятелю Кіево-Братскаго монастыря, для выслушиванія въ чтеніи проповѣди и, послѣ надлежащей провѣрки и разучиванія проповѣди, уже отправлялся въ монастырь Кіево-Софійскій для проповѣди [5]). Кромѣ того, при Кіевскомъ каѳедральномъ монастырѣ были заведены м. Арсеніемъ особые по-

---

[1]) Ар. К. Выд. мон. 1761 г., № 8.; Акт. К. Брат. мон. собр. Аскочен., т. III № 5 ук. 31 дек. 1760 г.

[2]) Ibidem.

[3]) А. К. К. указ. 1760 г., 27 декабря.

[4]) Труд. К. Д. Ак. 1894 г., т. III, 313—314.

[5]) Резолюція митроп. Арсенія 1760 г., 22 д. № 207.

стоянные проповѣдники, коихъ было 2—3. Въ эту должность избирались лица послѣ особаго испытанія[1]).

Но благія желанія, и добрыя намѣренія митрополита Арсенія не всегда сопровождались успѣхами. Такъ было и съ дѣломъ проповѣдничества. Духовенство не только сельскихъ приходовъ, но даже и городскихъ—Кіевскихъ всячески отказывалось отъ проповѣди Слова Божія. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ и вовсе не оказывалось лицъ, способныхъ къ проповѣди Слова Божія, такъ какъ бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ священники были неучеными и въ школахъ не учились.

Справки о всѣхъ кіевскихъ священникахъ,—ихъ образованіи и способностяхъ къ проповѣди,—были потребованы еще 19-го ноября 1760 года. Въ отвѣтъ на это священники Кіево-Подольской протопопіи отказывались отъ непривычнаго для нихъ дѣла проповѣди—одинъ по старости лѣтъ, другіе—„за давнею отлучкою изъ школъ“, т. е. вслѣдствіе ослабленія способностей и уменьшенія познаній, третьи—ссылались на церковныя, парохіальныя или приходскія, наконецъ, личныя, домашнія нужды, отвлекающія якобы всѣ ихъ часы къ другимъ заботамъ. Въ своихъ отвѣтахъ священники указывали, что „должность проповѣдника требуетъ покоя, обхожденія съ учительными людьми, упражненія въ книгахъ и „безъ клопотнаго во всемъ снабдѣнія“,—такъ какъ по ихъ словамъ всякія заботы и хлопоты совершенно несовмѣстимы съ обязанностями проповѣдника[2]). Изъ другихъ же протопопій долгое время не было никакихъ отвѣтовъ; поэтому въ 1761 году, 26 сентября, былъ посланъ указъ изъ консисторіи съ запросомъ, почему не прислано никакихъ отвѣтовъ, и съ требованіемъ немедленно репортовать объ учительныхъ священникахъ и дѣя-

---

[1]) Каѳедральнымъ проповѣдникомъ былъ назначенъ (13 окт. 1758 г.) учитель нѣмецкаго языка, священникъ К. Крыжановскій и учитель піитики, іеромонахъ Игнатій (13 іюля 1861 г.). Митрополитъ Арсеній велѣлъ, чтобы Крыжановскому всегда давалась подвода изъ Братскаго монастыря въ Софійскій, а съ своей стороны, онъ всегда выдавалъ проповѣдникамъ наградныя. Проповѣдь въ Софійскомъ монастырѣ произносилась не каждый праздникъ: въ 1769 г., съ 1 января по 1 іюля было произнесено всего 14 проповѣдей, изъ нихъ 7 въ великій постъ. Въ числѣ проповѣдниковъ въ 1769 упоминаются учители: іеромонахи Ѳеодосій и Иринархъ. Амвросій, Кассіанъ; священники Іоаннъ Леванда, Яновскій, Іоаннъ Трохида, Іоаннъ Воронковскій, іеромонахъ Мелхиседекъ, іеродіаконы Владиміръ, Іоаннъ (Акт. К. Бр. мон., Аскдченскаго, т. II. № 11 и 32).

[2]) Ар. К. К 1761 г., № 14 кіев пов.

тельности ихъ въ качествѣ проповѣдниковъ. Нескоро послѣ этого стали получаться репорты съ подобными вышеприведеннымъ отговорками. Такъ, въ Верхне-Кіевской протопопіи по донесеніямъ „вовсе не было священниковъ учительныхъ и могущихъ наизусть говорить проповѣди“ [1]). Въ Трипольской протопопіи также не было ученыхъ священниковъ, при чемъ указывалось и то, „зане народъ простъ, и разумѣть не можетъ, если-бы и говорили проповѣди“ [2]). Кіево-Подольское правленіе писало, что оно потому не доносило о проповѣдникахъ, что „писаря мѣняются, а писарей держать нельзя, такъ какъ протопопія скудная и малая“ [3]).

Въ виду этого снова былъ повторенъ указъ о томъ, чтобы непремѣнно священники занимались проповѣдью, чтобы составленныя проповѣди представляли для провѣрки и исправленія въ духовныя правленія. Для этого было велѣно избрать во всѣхъ протопопіяхъ одного или двухъ цензоровъ изъ способныхъ и ученыхъ, священниковъ, чтобы они просматривали всѣ проповѣди. Для лучшей же подготовки къ проповѣдямъ было велѣно заранѣе составлять расписаніе на цѣлый годъ.

Когда указъ объ этомъ былъ полученъ въ епархіи, то изъ нѣкоторыхъ протопопій поступили заявленія, что въ числѣ членовъ духовныхъ правленій вовсе нѣтъ священниковъ способныхъ быть цензорами проповѣдей, нѣтъ и способныхъ, къ проповѣдничеству. Другіе священники заявляли, что члены духовныхъ правленій подвергаютъ насмѣшкамъ проповѣди, представленныя для просмотра. Поэтому они просили, чтобы были запрещены всѣ насмѣшки, чтобы въ цензора были назначены учительные протопопы и священники. При этомъ замѣчательно, что само духовенство указывало на необходимость въ разныхъ пособіяхъ для составленія проповѣдей и указывало на необходимость заведенія въ каждой протопопіи библіотекъ для лучшей подготовки къ проповѣдямъ [4]). Мысль вполнѣ вѣрная и знаменательная. Видно, что духовенство въ лучшихъ случаяхъ отзывчиво относилось къ распоряженіямъ митрополита и сознавало важность и необходимость серьезной подготовки къ проповѣдническому дѣлу. Къ сожалѣнію, не встрѣтилось намъ указаній на то, чтобы мысль объ учрежденіи библіотекъ нашла себѣ осуществленіе. Что же каса-

---

[1]) Ар. К. К. 1764 г., 30 августа репортъ.
[2]) Ар. К. К. 1765 г., 24 января,
[3]) Ар. К. К. 1764 г., № 9 репортъ.
[4]) А. К. К. репор. Лохв. д. прав. 1764 г., 1 августа.

ется поддержки или сочувствія ей со стороны митрополита Арсенія, то, въ этомъ едвали можно сомнѣваться.

Благодаря неоднократнымъ побужденіямъ, дѣло проповѣди если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ, отчасти начинало прививаться. То изъ тѣхъ, то изъ другихъ протопопій поступали заявленія, что проповѣдь была въ тѣ или другіе дни; иные объясняли Законъ Божій, символъ вѣры и молитву Господню. Были, впрочемъ, и такіе, которые все таки указывали на разныя затрудненія въ проповѣди.

Въ Кіевѣ проповѣдывали: священникъ Добро-Николаевской церкви Савва Помаранскій [1],—который, стяжавши еще въ академіи проповѣдническій навыкъ, отличался нелѣпостнымъ проповѣданіемъ Слова Божія [2]), діаконъ Покровской церкви Симеонъ Глядиковскій [3]); наибольшею же ревностью отличался священникъ Успенской церкви, Іоаннъ Леванда, въ свое время знаменитый проповѣдникъ. Онъ часто, почти каждый воскресный день, объяснялъ катихизисъ и проповѣдывалъ въ разные другіе дни [4]). И въ это то время у него развивалась та проповѣдническая опытность, которая снискала ему въ послѣдствіи славу знаменитаго для своего времени проповѣдника. И не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ мѣстахъ раздавалось проповѣдническое слово. Въ Ичанской Успенской церкви проповѣдывали: священники Романъ Яжевскій (9 мая и 6 августа), Іоаннъ Тимошевскій (15 августа и въ день Благовѣщенія), Симеонъ Солнянскій (24 ноября), Гмиранскій Алексѣй (8 ноября) и многіе другіе [5]). Въ Роменской протопопіи произносили проповѣди въ 1765 г. намѣстникъ Хмѣловскій, Даніилъ (на Пасху), священникъ с. Лозова, Головчанскій (6 мая и на Рождество Христово), и діаконъ Іоаннъ Румнѣцкій (1-жды) [6]); въ слѣдующемъ году (1766 г.) проповѣдывали намѣстникъ Даніилъ Базилевскій, священникъ Иванъ Савицкій, Петръ Левандровскій и Румнѣцкій по 1 разу.

Въ Пирятинской протопопіи проповѣдывало много священниковъ: священникъ Чарнуцкой церкви, Іосифъ Котляревскій (въ

---

[1]) Онъ говорилъ въ 1761 г., проповѣдь въ день св. Андрея Первозваннаго, въ 1762 г. въ недѣлю 8-ю и въ день св. Андрея, въ 1763 г., въ недѣлю о блудномъ сынѣ и въ 3-ю недѣлю в. поста.

[2]) Ар. К. К. 1767 г., № 4.

[3]) Произнесъ проповѣдь въ 1761 г. въ день Успенія.

[4]) Такъ, ему принадлежатъ проповѣди: на день Успенія 1763 г., на Великій пятокъ 1764 г., на день св. Василія Великаго и на недѣлю Сыропустную 1764 г.

[5]) Репор. 1765 г., № 680.

[6]) Репор. 1765 г., 31 августа.

недѣлю Праотецъ, на Рождество Христово, въ сыропустную недѣлю и въ среду 1-й седьмицы), священникъ Кириллъ Мстиславскій (6 декабря, 1 января, въ среду 1-й седьмицы и четвергъ, въ Воскресеніе Христово и 15 августа); Василій Петрановскій Бондаровской церкви (25 ноября, 25 декабря, 23 апрѣля, въ Воскресеніе Христово); Ковалевской церкви Трофимъ Яцевичъ (8-го ноября и 24 ноября), с. Воронково Ѳеодоръ Множицкій (въ м. Городищѣ 5 сентября), Андрей Жураковскій и др. [1]).

Въ Кролевецкой протопопіи особенною ревностію къ проповѣдничеству отличался священникъ Кролевецкой Варваринской церкви, Власій Мирославскій: онъ произносилъ проповѣди каждый праздникъ, а въ воскресные дни истолковывалъ 10 заповѣдей. Мирославскій былъ при этомъ такъ ревностенъ къ проповѣди, что даже просилъ у митрополита Арсенія разрѣшенія проповѣдывать въ храмовые праздники и внѣ г. Кролевца, въ ближайшихъ церквахъ. Такою же ревностью отличался и священникъ Воронежской протопопіи Гавріилъ Яновскій, который также просилъ разрѣшенія на проповѣданіе Слова Божія за чертою своего прихода [2]). Нечего и говорить о томъ, что они получили разрѣшеніе отъ митрополита Арсенія. Мало этого; съ цѣлію возбудить благородное соревнованіе и охоту къ занятію проповѣдническимъ дѣломъ митрополитъ Арсеній дозволилъ и всѣмъ другимъ учительнымъ священникамъ и діаконамъ произносить проповѣди въ храмовые и другіе праздники по желанію, не только въ своихъ, но и въ чужихъ церквахъ, лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы священники предварительно точно уговаривались относительно времени начала службы [3]).

Душа съ удовольствіемъ останавливается на этихъ священникахъ, отзывчивыхъ на призывы митрополита къ проповѣдничеству. Каковы были проповѣди этихъ священниковъ, судить трудно за неимѣніемъ ихъ подъ руками. Трудно говорить и о плодахъ этихъ проповѣдей. Но важно то, что митрополитъ Арсеній своими трудами и требованіями заставилъ, если не всѣхъ, то лучшихъ изъ священниковъ проповѣдывать Слово Божіе народу. Даже тѣ, которые отказывались отъ проповѣдничества, ссылаясь

---

[1]) А. К. К. 1762 г., № 1312
[2]) А. К. К., 1764 г., № 351.
[3]) А. К. К. 1764 г., 19 августа.

на „немогущество подготовиться къ проповѣди“, все таки, хоть изрѣдка, произносили проповѣди [1]).

Съ своей стороны, митрополитъ Арсеній старался облегчить дѣло составленія проповѣдей изданіемъ разныхъ сборниковъ проповѣдей изъ Златоуста, Пролога и проч. Эти сборники провѣряли и составляли, подъ руководствомъ м. Арсенія, учители академіи [2]).

IX.

М. Арсеній обращалъ вниманіе и на то, чтобы приходскія церкви не оставались въ праздничные и воскресные дни безъ богослуженія и безъ священника. Послѣднимъ даже запрещено было оставлять свои приходы, безъ разрѣшенія ближайшаго начальства, и уѣзжать куда либо дальше 20—30 верстъ; особенно не дозволялось оставлять свои приходы наканунѣ праздниковъ, высокоторжественныхъ дней и торжественныхъ паннихидъ. Въ случаѣ нужды отлучиться изъ прихода священники, кромѣ того, что должны были взять паспортъ и разрѣшеніе, еще должны были оставить на своемъ мѣстѣ кого либо изъ сосѣднихъ священниковъ, чтобы богослуженіе не было пропущено и чтобы приходъ не терпѣлъ затрудненій въ исполненіи требъ [2]).

Мы отмѣтили сейчасъ распоряженія митрополита Арсенія относительно епархіальнаго и церковнаго устройства и указывали разные обычаи, порядки и нестроенія, бывшія въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII вѣка.

Конечно, далеко не всѣ распоряженія объ устройствѣ епархіи мы могли обозрѣть; многое, можетъ быть, будетъ открыто еще при болѣе кропотливомъ изысканіи. Далеко не все, что творилось въ Кіевской епархіи, въ церквахъ кіевскихъ, было из-

---

[1]) Такъ. Алексѣй Петровъ, Григорій Гмирскій, Михаилъ Ржавскій, Левъ Девтовскій говорили, что они не могутъ подготовиться къ проповѣди, однако проповѣдывали. Намѣстникъ Хмѣловскій Романъ, священникъ Иванъ Савицкій, хотя указывали на слабость свою и старость, на хозяйственныя работы, однако учили народъ Закону Божію, объясняли символъ вѣры, и раза 2—3 въ треть слагали свои проповѣди (А. К. К. 1765 г., № 1702.)

[2]) А. К. К. 1762 г., ук. 9 іюля.

[3]) А. К. Выд. мон. 1758—1759 г., ук. 1759 г., 30 апр. № 781.

вѣстно и митрополиту Арсенію. Многое, конечно, ускользнуло отъ его вниманія; многое не дошло до него. Самъ лично онъ не могъ (по болѣзни) обозрѣть своей епархіи и своимъ непосредственнымъ глазомъ замѣтить неисправности, нестроенія, своимъ непосредственнымъ вліяніемъ исправить то или другое нестроеніе. Онъ поднялъ вопросъ о ревизіи епархіи делегатами консисторіи; но проектъ о посылкѣ ревизоровъ остался, повидимому, не осуществленнымъ. При консисторіи была учреждена экспедиція благочинія для приведенія въ порядокъ дѣлъ епархіальнаго и церковнаго устройства. Но экспедиція состояла изъ членовъ консисторіи, которые и такъ были обременены дѣлами и занятіями въ консисторіи. При томъ, это были лица, которыя не имѣли возможности обозрѣвать епархію, церкви, а судили о дѣлахъ церковнаго устройства, о епархіальномъ устройствѣ больше по бумагамъ, чѣмъ по личному наблюденію. Поэтому и дѣятельность экспедиціи была больше бумажною. Для приведенія въ извѣстность состоянія церквей, приходовъ, очень важно было бы собрать делегатовъ изъ среды приходскаго же духовенства и отъ нихъ непосредственно услышать о нуждахъ церквей и приходовъ. При томъ, важно было бы, чтобы собранные делегаты были просвѣщенными пастырями, которые бы могли отличать въ состояніи церквей и приходовъ правое, согласное съ церковными правилами, и неправильное,—уклоненія отъ церковныхъ правилъ,—чисто народное, національное отъ посторонняго, наноснаго, которые бы, послѣ обсужденія нуждъ и потребностей церковныхъ въ каѳедрѣ, при участіи самого митрополита и подъ руководствомъ его, могли бы уяснить себѣ и сопастырямъ своимъ, что нуждается въ исправленіи, а что—въ поддержкѣ и сохраненіи на будущее время. Нужно было бы и очень важно было бы, чтобы митрополитъ Арсеній лично и непосредственно принялъ участіе въ обсужденіи церковныхъ нуждъ, обычаевъ, потребностей. Но этого не было. Правда, при митрополитѣ Арсеніи работала при консисторіи особая комиссія, подготовлявшая извѣстные пункты въ Комиссію Уложенія. Но эта комиссія имѣла спеціальное назначеніе, и въ ея пунктахъ далеко не все изъ жизни церквей и епархіи нашло себѣ выраженіе.

Впрочемъ, и то важно, что м. Арсеній признавалъ необходимымъ производить ревизію епархіи и, съ своей стороны, принималъ мѣры къ исправленію замѣченныхъ недостатковъ въ церковномъ и епархіальномъ устройствѣ. О созывѣ же

депутатовъ на епархіальный соборъ или съѣздъ и объ обсужденіи на этомъ соборѣ всѣхъ церковныхъ нуждъ и всѣхъ мѣръ къ уясненію и устраненію разныхъ недостатковъ, видно, трудно было думать. О соборахъ, нѣкогда бывавшихъ въ митрополіи, въ XVII в., забыли и не вспоминали.

ГЛАВА V.

Монастыри Кіевской епархіи.

Число и составъ монашествующей братіи. Значеніе монастырей и характеръ ихъ дѣятельности въ половинѣ XVIII в. Поступленіе въ монастырь и постриженіе въ монашество. Монастырское управленіе. Обязанности настоятеля и другихъ монастырскихъ властей и служащихъ. Средства содержанія монастырей и матеріальный бытъ ихъ. Состояніе нравственной жизни въ монастыряхъ и недостатки монастырской жизни. Правительственныя распоряженія и виды относительно монастырей; подготовленіе къ введенію штатовъ въ Малороссіи. Распоряженія м. Арсенія объ упорядоченіи монастырской жизни.

I.

Какіе монастыри числились въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII вѣка, мы указывали во II-ой главѣ. Всѣхъ ихъ было 46, въ томъ числѣ мужескихъ 34 и женскихъ 12.—Въ нихъ жило свыше 1300 монашествующихъ. Такъ, въ 1757 г. числилось 729 монаховъ и 592 монахини [1]).

---

[1]) Вотъ вѣдомость о томъ, сколько монашествующихъ числилось въ 1757 году:

въ каѳедральномъ Кіево-Софійскомъ всего	115
„ Моровскомъ Онуфріевскомъ	7
„ Задесенскомъ Николаевскомъ	1
„ Трехсвятительскомъ Кіевскомъ	1
„ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ	50
„ Пивогородицкомъ Николаевскомъ	33
„ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ	63
„ Красногорскомъ Чернускомъ	11
„ Онуфріевскомъ Липянскомъ скитѣ	3
„ Кіево-Братскомъ училищномъ	35
„ Кіево-Выдубицкомъ Михайловскомъ	30
„ Кіево-Кирилловскомъ Св.-Троицкомъ	21
„ Кіево-Петро-Павловскомъ	12
„ Кіево-Греческомъ	4
„ Козелецкомъ Георгіевскомъ	13

Наиболѣе многолюдными были мужескіе монастыри: каѳедральный Кіево-Софійскій, Кіево-Златоверхо-Михайловскій, Кіево-Пустынно Николаевскій, Полтавскій Крести-Воздвиженскій, Кіево-Братскій училищный, Мгарскій Лубенскій, Густынскій Троицкій, а изъ женскихъ: Кіево-Іорданскій, Кіево-Флоровскій, Кіево-Богословскій, Пушкаровскій Покровскій, Ладинскій Покровскій.

Наименьшее число братіи было въ приписныхъ монастыряхъ или скитахъ. Такъ, напр., въ Задесенскомъ Николаевскомъ, въ Трехсвятительскомъ Кіевскомъ было по 1-му человѣку; въ Троицкомъ Козелецкомъ скиту было 2, а въ Преображенскомъ скиту, приписномъ къ Гадяцкому монастырю, въ 1757 г. даже не было и одного монаха.

въ Троицкомъ Козелецкомъ скитѣ	2
„ Благовѣщенскомъ Нѣжинскомъ	14
„ Ветхо-Рождественскомъ	4
„ Максаковскомъ Преображенскомъ	23
„ Батуринскомъ Николаевскомъ	25
„ Гамалѣевскомъ Харлампіевскомъ	31
„ Глуховскомъ Петро-Павловскомъ	21
„ Мгарскомъ Лубенскомъ	38
„ Слѣпородскомъ Онуфріевскомъ скитѣ	5
„ Густынскомъ Свято-Троицкомъ	35
„ Дейкановскомъ скитѣ	6
„ Сорочинскомъ Михайловскомъ	12
„ Нехворощанскомъ Успенскомъ	15
„ Сокольскомъ скитѣ	9
„ Полтавскомъ Кресто-Воздвиженскомъ	41
„ Болемовскомъ скитѣ	4
„ Пустынно-Скельскомъ Преображенскомъ.	28
„ Красногорскомъ Гадяцкомъ	17
„ приписномъ Преображенскомъ скитѣ	0
Въ то же время въ женскихъ монастыряхъ состояло:	
въ Кіево-Вознесенскомъ	103
„ Кіево-Богословскомъ	84
„ Кіево-Іорданскомъ	136
„ Козелецкомъ Богословскомъ	22
„ Нѣжинскомъ Введенскомъ	36
„ Новомлинскомъ Успенскомъ	36
„ Пустынно-Мутинскомъ	12
„ Глуховскомъ Успенскомъ	13
„ Ладинскомъ Покровскомъ	44
„ Великобудинскомъ Преображенскомъ	35
„ Пушкаровскомъ Покровскомъ	48
„ Быстрицкомъ Вознесенскомъ	23

(А. К. К. Указ. кн. 1757 г., л. 452).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что количество монашествующихъ въ разные годы подвергалось колебаніямъ, въ зависимости отъ разныхъ причинъ. Такъ, въ нѣкоторые годы бывалъ особый приливъ монашествующихъ въ монастыри, что особенно наблюдалось во время притѣсненій заграничныхъ монастырей со стороны поляковъ или турокъ: бывало, что цѣлые заграничные монастыри удалялись изъ своихъ мѣстъ и поселялись въ кіевскихъ монастыряхъ. Съ другой стороны, бывало, что въ монастыряхъ наличное число монаховъ было гораздо меньше обычнаго числа. Это происходило отъ бѣгства нѣкоторыхъ монашествующихъ изъ монастырей. Такъ, въ 1757 г. было бѣглыхъ (въ бродяжествѣ) 22 монахини, 2 монаха, 1 іеродіакона и 3 іеромонаха [1]).

То же наблюдалось и въ другіе годы,—въ большей или меньшей степени [2]).

Пребывавшіе въ кіевскихъ монастыряхъ—монашествующіе по сану распредѣлялись приблизительно такъ: 9 архимандритовъ, 11 игуменовъ, 5 строителей, 21 намѣстникъ, 14 экономовъ, 11 казначеевъ, до 200 іеромонаховъ, свыше 100 іеродіаконовъ и свыше 300 служащихъ монаховъ и больничныхъ; въ женскихъ монастыряхъ было 9 игуменій, 10 намѣстницъ, 7 казначей и свыше 500 монахинь [3]).

Особыхъ штатовъ въ монастыряхъ не было (штаты были введены въ 1786 г.), и число братіи опредѣлялось болѣе или менѣе случайно; въ монастыри принималось столько, сколько человѣкъ могло помѣститься въ зданіяхъ. Нѣкоторые монастыри оказывались настолько переполненными, что отказывались принимать вновь приходящую братію. Такое, напр., переполненіе было въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ были заполнены всѣ келліи [4]).

---

[1]) Это были бѣжавшіе. изъ Кіево-Братскаго монастыря 1 іеродіаконъ, Кіево-Кирилловскаго 1 монахъ, Нѣжинскаго Благовѣщенскаго 1 монахъ, Мгарскаго Лубенскаго 1 монахъ, Полтавскаго 1 іеродіаконъ и 2 монаха. (Ар. К. К., указ. кн. 1757 г., л. 452).

[2]) Такъ, въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ въ 1762 г. было столько братіи: 1 архимандритъ, 1 намѣстникъ, 1 экклесіархъ, 3 іеромонаха, 4 іеродіакона, 3 грамотныхъ монаха и 4 неграмотныхъ (А. К. Выд. мон. 1762 г., указ., кн. л. 190—192), всего 17 монашествующихъ, т. е. почти вдвое меньше противъ 1757 г. (Ср. 1 примѣч. къ этой гл.).

[3]) Въ 1757 г., кромѣ монастырскихъ властей (настоятелей, казначеевъ и т. д.) въ кіевскихъ монастыряхъ было: 199 іеромонаховъ, 113 іеродіаконовъ, 334 служащихъ монаховъ и 12 больничныхъ, 563 монахини и 3 больничныхъ монахини. (Ар. К. К., указ. кн. 1757 г., л. 452).

[4]) Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1767 г., № 22.

Изъ монастырскихъ вѣдомостей и изъ дѣлъ о постриженіи видно, что большинство монашествующихъ было изъ Малороссіи; за ними слѣдуютъ выходцы Польши, Молдавіи и Волошской земли и другіе иноземцы; менѣе всего было здѣсь уроженцевъ великорусскихъ губерній.

Уроженцы Польскаго Королевства и Волошской земли нерѣдко были постриженцами заграничныхъ монастырей, но отъ преслѣдованій со стороны уніатовъ и турокъ они вынуждены были убѣгать въ предѣлы Россіи и въ большинствѣ случаевъ находили пріютъ въ кіевскихъ монастыряхъ. Этотъ приливъ въ кіевскіе монастыри изъ Польши и Волошской земли особенно усиливался въ годины озлобленія поляковъ противъ русскихъ и православныхъ. Иногда цѣлые монастыри (заграничные) подвергались нападенію со стороны поляковъ. Тогда всѣ монахи оставляли свой монастырь и, расходясь по разнымъ мѣстамъ, то скрывались въ чащѣ украинскихъ лѣсовъ, то уходили за Днѣпръ, являлись въ Кіевѣ или кіевскихъ монастыряхъ, прося защиты или пріюта. Таковы, напр., были монахи и монахини Чигиринскаго, Лебединскаго, Мошиногорскаго, Онуфріевскаго [1]) и другихъ украинскихъ или заграничныхъ монастырей.

Являлись монахи и изъ другихъ монастырей. Такъ, въ 1769 году къ графу Румянцеву-Задунайскому явилось два монаха изъ Драгоминскаго монастыря, Лукіанъ и Климентъ и изъ Паянскаго монастыря игуменъ Гудіилъ, съ 8 монахами и 2 мальчиками, и просили мѣста для жительства. Самъ Румянцевъ, впредь до распоряженія митрополита, опредѣлилъ ихъ въ Мгарскій Лубенскій монастырь [2]).

Обыкновенно же монастырскіе настоятели, движимые состраданіемъ и любовію къ собратіямъ по вѣрѣ и обѣту, принимали къ себѣ этихъ несчастныхъ на время,—почему и считали лишнимъ доносить митрополиту о каждомъ новоприбывшемъ въ монастырь. Потомъ, эти пришельцы настолько осваивались съ своимъ пребываніемъ подъ кровомъ кіевскихъ монастырей, что оставались въ нихъ, если не навсегда, то на болѣе или менѣе продолжительное время.

Другой разрядъ монашествующихъ составляли—малороссіяне, жители Кіевщины и Украины. Приливъ этихъ жителей въ

---

[1]) Такъ, игуменъ Онуфріевскаго монастыря Ефремъ Быковскій съ братіею переселился въ Красногорскій Гадяцкій скитокъ. (Арх. К. К. 1769 г., д. генер. пов., № 2).

[2]) А. К. К. 1769 г., д. генер. пов., № 3.

Присланные были приняты въ Лубенскомъ монастырѣ архимандритомъ Паисіемъ. (Ар. К. К. 1769 г., д. № 25).

кіевскіе монастыри былъ, конечно, совершенно естественнымъ явленіемъ: гдѣ монастыри, тамъ являлись и желающіе поступить въ нихъ, конечно, изъ ближайшихъ же жителей. Иные приходили въ монастыри съ цѣлью понести подвижническіе труды и найти въ подвижнической жизни удовлетвореніе своей душѣ, ищущей нравственнаго совершенства. Другимъ —жизнь въ монастырѣ казалась болѣе или менѣе легкою и въ то же время обезпеченною. Особенно это слѣдуетъ сказать о тѣхъ, которые были изъ низшаго сословія, о крестьянахъ, казакахъ и мѣщанахъ; кстати слѣдуетъ замѣтить, что число послѣднихъ среди монашествующихъ было больше, чѣмъ изъ другихъ сословій. Посполитые, казаки и мѣщане, приходившіе въ монастыри на богомолье или по какой нибудь надобности, видѣли, что здѣсь жизнь, повидимому, легче: есть достаточно хлѣба, подъ часъ и свои рыбныя ловли, пасѣки, шинки, нѣтъ притѣснителей и господъ, заставлявшихъ работать барщину и гнавшихъ на тяжелыя работы,—нѣтъ властей, въ лицѣ сотника, полковника; видѣли, что здѣсь многіе изъ собратій достигли уже сана священнаго, а жизнь вели свободную, иногда веселую, и—оставались на житье въ монастыряхъ. Нѣкоторые, какъ казаки, приходили сюда на старости лѣтъ замаливать свои грѣхи. Оставшіеся въ монастырѣ привлекали сюда своихъ родныхъ знакомыхъ. И вотъ, въ монастыри спѣшили многіе изъ окрестныхъ селъ (по заключенію А. М. Лазаревскаго не далѣе 50 верстъ въ радіусѣ [1]), приходили сюда въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, обучались здѣсь ремеслу, рукодѣлію и грамотѣ, послѣ чего въ 25—30 лѣтъ постригались въ монашество и, затѣмъ назначались къ различнымъ „послушаніямъ“, т. е. къ исполненію тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ обязанностей въ самомъ монастырѣ (въ кухнѣ, въ „пекарнѣ“, въ „шафарнѣ“, въ „пономарнѣ“, „крилошанское“) и внѣ монастыря. Приливъ людей изъ низшихъ сословій объясняется тѣмъ характеромъ, какой носили монастырскія общины. Послѣднія, какъ извѣстно, были болѣе или менѣе съ характеромъ матеріально экономической, сельскохозяйственной общины. Благодаря этому, жизнь въ этой общинѣ для низшихъ сословій казалась отчасти знакомой. Тѣ же сельскохозяйственные труды и работы, что и дома; но только жизнь въ монастырѣ казалась свободнѣе, обезпеченнѣе,—а это то и было важно для простолюдина. Одинъ изъ изслѣдователей быта монастырей въ половинѣ XVIII столѣтія говоритъ: „монастыр-

---

[1]) „Описаніе Стар. Малороссіи“, т. II. Кіевъ, 1893 г., стр. 298—299.

ская община, носившая болѣе характеръ сельскохозяйственной общины, чѣмъ религіозной,—привлекала въ свою среду, вѣроятнѣе всего, своимъ даровымъ содержаніемъ молодыхъ дѣвушекъ, обучала ихъ рукодѣлію и отчасти грамотѣ, нужной при исполненіи того или другого „послушанія“, а затѣмъ, прикрѣпивъ къ себѣ такую дѣвушку посвященіемъ въ монашество, начинала пользоваться ея трудомъ въ различнаго рода послушаніяхъ“ [1]),

Замѣчательно, что въ монастыряхъ искали убѣжища отъ крѣпостной работы многіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Правда, правительство неоднократно издавало запрещенія принимать въ монастыри крестьянъ безъ увольнительныхъ паспортовъ; тѣмъ не менѣе, въ монастыряхъ являлись люди вовсе безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ и принимались монастырскими властями: это было явленіемъ далеко не рѣдкимъ. Причина заключалась въ томъ, что, во 1-хъ, крѣпостная работа у помѣщиковъ была очень тяжела и побуждала многихъ изъ крестьянъ спасаться отъ нея бѣгствомъ; во 2-хъ, выкупъ и полученіе отпускного увольнительнаго свидѣтельства были очень трудными и дорогими, такъ что гораздо легче было совершенно уйти и укрыться отъ господъ, чѣмъ заплатить выкупъ. Наконецъ, 3) монастырскія власти, отчасти по чувству состраданія, отчасти изъ за разсчетовъ—имѣть лишняго человѣка работника, охотно соглашались принимать къ себѣ въ монастыри бѣглыхъ крестьянъ. Для монастырскихъ властей это было тѣмъ легче, что вслѣдствіе отсутствія строгаго контроля со стороны епархіальнаго начальства, самовольство ихъ въ принятіи въ монастырхъ было почти безнаказаннымъ. Что касается монастырскихъ подданныхъ, то ихъ меньше другихъ оказывалось въ монастыря, такъ какъ монастырскія власти принимали своихъ подданныхъ для постриженія не прежде, чѣмъ они откупались или ставили на свое мѣсто кого либо въ качествѣ замѣстителей.

II.

Въ церковно-общественномъ отношеніи монастыри представляли изъ себя извѣстнаго рода пункты, возлѣ которыхъ сосредоточивались нерѣдко цѣлыя группы или поселенія; они были своего рода общинами, объединявшими цѣлыя села и деревни Какъ извѣстно, монастыри владѣли разными вотчинами съ крестьянами, подсусѣдками, которыхъ въ иномъ монастырѣ насчи-

---

[1]) Лазаревскій „Опис. Стар. Малор.“, т. II, стр. 298—299.

тывалось нѣсколько сотенъ. Изъ этихъ крестьянъ составлялись цѣлые приходы, даже нѣсколько приходовъ, бывшихъ въ вѣдѣніи монастырей. Такъ, въ вѣдѣніи Кіево-Софійскаго монастыря было 7 приходскихъ церквей, Кіево-Пустынно-Николаевскаго 4, Нѣжинскаго Благовѣщенскаго 4, Лубенскаго 4, Кіево-Выдубицкаго 3, Кіево-Петро-Павловскаго 1, Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго 1 и Скельскаго 1, Гамалѣевскаго 7, Батуринскаго 6, Глуховскаго 4, Максаковскаго 1, Гадяцкаго 2 и Сорочинскаго 1 [1]). При этихъ церквахъ былъ особый причтъ, при чемъ какъ церкви, такъ и причтъ состояли въ непосредственномъ завѣдываніи монастырскихъ настоятелей.

Въ иныхъ случаяхъ ближайшіе монастырскіе подсусѣдки не имѣли особой церкви и причта и не составляли отдѣльнаго прихода, а получали удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей въ монастырѣ: іеромонахи совершали для нихъ не только молебны, паннихиды, но и таинства, отъ крещенія и до брака включительно. Такъ было, напр., въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ: жители деревни Звѣринца, въ количествѣ 112 душъ при 21 дворѣ, не имѣя особой церкви и причта, пользовались для совершенія всѣхъ требъ услугами іеромонаховъ Выдубицкаго монастыря [2]).

Бывало и такъ, что одна и та же деревня находилась во владѣніи нѣсколькихъ господъ, даже нѣсколькихъ монастырей; такъ, напр., м. Лѣтки и д. Свиноиды принадлежали Кіево-Выдубицкому и Кіево-Межигорскому монастырю [3]).

Но каждый монастырь непремѣнно старался оградить своихъ подчиненныхъ крестьянъ отъ всякаго вліянія (въ религіозномъ, а чрезъ это и въ бытовомъ отношеніи) со стороны другихъ владѣльцевъ—монастырей. Доходило чуть не до запрещенія ходить въ чужую церковь, если только здѣсь же, въ селѣ была своя монастырская приходская церковь, или если вблизи былъ монастырь. Такъ, напр., по сосѣдству съ подчиненными Выдубицкому монастырю жителями Звѣринца была приходская лаврская церковь, саженяхъ въ 300; Выдубицкій монастырь не могъ устроить для своихъ подсусѣдковъ особой церкви, тѣмъ не менѣе монастырь, „опасаясь притѣсненій со стороны Лавры“, а въ сущности опасаясь потерять вліяніе и власть надъ своими подданными, никакъ не могъ допустить, чтобы прихожане—звѣри-

---

[1]) Рук. К. Печ. Лав., № 209, стр. 1.

[2]) Ар. К.-Выд. мон., указ. кн. 1765, доношеніе на ук. № 35.

[3]) Ibidem, указ. кн. 1761 г., ук. № 4 и 5.

нецкіе жители ходили въ чужую приходскую церковь, и просилъ чтобы по прежнему всѣ требы для нихъ совершались іеромонахомъ [1]).

Это свидѣтельствуетъ о томъ громадномъ значеніи въ религіозно-общественной жизни, какое принадлежало кіевскимъ монастырямъ въ XVIII вѣкѣ. Этому много способствовало самое количество монастырскихъ владѣній и даже разбросанность ихъ. Владѣя многими селами и деревнями, иной разъ даже нѣсколькими дворами въ извѣстномъ селѣ, монастыри пользовались этимъ для участія въ религіозно-общественной жизни жителей монастырскихъ вотчинъ. Особенно замѣтно было это вліяніе при сельскихъ выборахъ священника, псаломщика, сотника и др. представителей. Та самая разбросанность монастырскихъ вотчинъ, которая не позволяла монастырямъ вести разумно хозяйство монастырское, при какихъ нибудь общественныхъ выборахъ служила въ пользу монастырей: она создавала монастырямъ въ глазахъ сосѣднихъ господъ какое то величіе владѣтельныхъ господъ; и сами монастыри смотрѣли на себя, какъ на полноправныхъ хозяевъ въ приходѣ, и старались вмѣшаться въ дѣло религіозно-бытовой жизни вотчинныхъ селъ.

Не этимъ ли желаніемъ непремѣнно оградить неприкосновенность своихъ вотчинныхъ крестьянъ отъ вліянія со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ и священниковъ объясняется общеизвѣстный фактъ,—что монастырскими правителями (шафарами и городничими) были монахи?

Монастыри особенно отстаивали свои права по дѣламъ распоряженія приходскимъ духовенствомъ. Мы уже упоминали о ревнивомъ отношеніи Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря къ приходскому духовенству и о томъ неудовольствіи, съ какимъ эти монастыри передали свое вотчинное духовенство кіевскому митрополиту въ 1769 г. Эти монастыри были ставропигіальными и не подчинялись митрополиту.

Но то же отношеніе къ вотчинному приходскому духовенству замѣтно и у другихъ, подчиненныхъ Кіевской каѳедрѣ, момонастырей. Съ другой стороны, само приходское духовенство монастырскихъ вотчинъ отказывалось отъ повиновенія мѣстнымъ духовнымъ правленіямъ и протопопамъ.

Такъ, священники Кіево-Флоровскаго монастыря и Кіево-Греческаго Екатерининскаго не являлись по зову Кіево-Подольскаго духовнаго правленія, когда правленіе; донесло объ этомъ Кіевской консисторіи, и консисторія опредѣлила причислить

---

[1]) Арх. К.-Выд. мон., указ. кн. 1765 г., доношн. на указъ № 36.

ихъ къ Кіево—Подольскому духовному правленію, то монастыри не хотѣли подчиняться этому опредѣленію и, отстаивая свои права на завѣдываніе приходскимъ духовенствомъ, указывали на то, что священники получаютъ „презенты“ изъ монастырскаго правленія (духовнаго собора) и при назначеніи даютъ подписку во всемъ подчиняться монастырскимъ властямъ. Тогда митрополитъ Арсеній велѣлъ исключить этихъ священниковъ изъ Кіево-Подольской протопопіи [1]). Такимъ образомъ, приходское духовенство монастырскихъ владѣній оставалось въ исключительномъ положеніи: оно не подчинялось протопопскимъ правленіямъ. Надо, впрочемъ думать, что такое положеніе продолжалось недолго: когда, по указу Св. Синода, были переданы въ вѣдѣніе митрополита церкви и духовенство лаврскихъ и межигорскихъ вотчинъ, тогда же отчислены къ протопопіямъ и церкви остальныхъ монастырей Кіевской епархіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что кіевскіе монастыри въ XVIII вѣкѣ служили и мѣстами ссылки духовныхъ лицъ для исправленія и наказанія. Сюда ссылали священниковъ и діаконовъ по приговору консисторіи за разные проступки или преступленія, и они должны были во время пребыванія въ монастырѣ нести различные труды и послушанія (сѣять муку, носить или рубить дрова и т. д. [2]).

Кромѣ духовныхъ, въ монастыри ссылались и мірскіе, присужденные къ церковному покаянію [3]), также больные и обличаемые въ разныхъ преступленіяхъ—для испытанія ихъ умствен-

---

[1]) Ар. К. К. 1765 г., ук. № 66.

[2]) Такъ, викарный священникъ Михайловской церкви села Березовки Прилуцкой протопопіи, Савва Дроздовскій былъ сосланъ въ Кіево-Выдубицкій монастырь на цѣлый годъ, безъ права священнослуженія. Священникъ села Лѣсникъ Вересовичъ, за неотправленіе всенощнаго бдѣнія въ день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, былъ сосланъ въ тотъ же монастырь на одинъ мѣсяцъ съ правомъ священнослуженія (Арх. К Выд мон., кн. указ. 1759 г., указы № 269 и 499). Священникъ с. Кручъ Пирятинской протопопіи былъ сосланъ въ тотъ же монастырь за непорядочную жизнь, при чемъ ему велѣно было не пьянствовать, не ходить никуда безъ вѣдома настоятеля, не священнодѣйствовать; настоятель назначилъ ему послушаніе въ хлѣбопекарнѣ и на клиросѣ (Ibidem. ук. кн. 1760—1761 г., ч 2 ук. № 4). Іеродіаконъ Выдубицкаго монастыря, Сильвестръ, за пьянство былъ сосланъ въ Гамалѣевскій монастырь, подъ начальство Давида Нащинскаго, который, видимо, извѣстенъ былъ, какъ строгій настоятель (Ibidem, ук. кн. 1762 г., л. 137, ук. № 29).

[3]) Такъ, въ Выдубицкій монастырь были посланы изъ инженерной команды Андрей Кунинъ и Иванъ Аздроновъ на 6 недѣль, для церковнаго покаянія за убійство (Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1758 г., указ. № 335).

ныхъ способностей [1]). Бывало и такъ, что свѣтскія власти посылали въ монастыри (для содержанія подъ карауломъ), разныхъ преступниковъ (колодниковъ), также сумасшедшихъ [2]). Но монастырскія власти нерѣдко отказывались ихъ принимать. Противъ этого протестовала и консисторія съ митрополитомъ [3]). Митрополитъ Арсеній даже писалъ письмо Румянцеву, чтобы онъ распорядился о неприсылкѣ, въ монастыри колодниковъ. Румянцевъ, дѣйствительно, обѣщалъ исполнить просьбу митрополита Арсенія [4]).

III.

Постриженіе въ монашество совершалъ игуменъ или архимандритъ. Обычный порядокъ былъ таковъ: приходившаго въ монастырь и искавшаго постриженія опредѣляли, послѣ приведенія къ присягѣ, на трехлѣтній искусъ или испытаніе, и подвергали его особому надзору; въ теченіе каждаго поста искавшій монашескаго сана долженъ былъ очищать свою совѣсть (въ таинствѣ покаянія); затѣмъ онъ обязанъ былъ нести разныя послушанія и проводить трезвую жизнь. По истеченіи 3-хъ лѣтъ настоятель монастыря доносилъ митрополиту о томъ, что *такой то* кандидатъ „послушанія опредѣляемые проходилъ безъ роптанія радѣтельно, пребылъ въ монастырѣ три лѣта въ кротости и трезвости, на всякъ годъ во всѣ четыре поста исповѣдывался и пріобщался Святымъ Тайнамъ, долгами необовязанъ, не бѣгалъ отъ суда за воровство, и Государева дѣла за нимъ нѣтъ и подозрѣній никакихъ не было“ [5]).

Необходимыми условіями для постриженія въ монашество было слѣдующее: 1) увольненіе отъ полковой или подданической службы, 2) отсутствіе всякихъ подозрѣній въ совершеніи преступленій, 3) отсутствіе долговыхъ обязательствъ и 4) трехлѣтній искусъ.

Указомъ Св. Синода въ 1764 году, кромѣ того, было велѣно производить постриженіе непремѣнно „при свѣтскихъ честныхъ

---

[1]) Въ Выдубицкій монастырь былъ сосланъ солдатъ Кіевской гарнизонной канцеляріи Пановъ для испытанія, по болѣзни ли ума или по злости онъ закололъ свою жену (Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1758 г., ук. № 315).

[2]) Такъ, Кіевская консисторія отказалась помѣстить въ какой либо монастырь сумасброда, называвшагося Евтихомъ Ивановымъ (Ар. К. Кон. 1767 г., промемор. № 1372; подоб. № 1767, № 749).

[3]) Ар. К. К., реест. кн. 1767 г., № 206 и 369.

[4]) Ар. К Кон., сб. писемъ 1767 г., п. № 39 и 48.

[5]) А. К. К. 1768 г., д. Нѣжин. пов. № 96.

и достовѣрныхъ свидѣтеляхъ", [1]) кои бъ могли засвидѣтельствовать о вольномъ и непринужденномъ постриженіи въ монашество и о томъ, что постриженіе совершено на основаніи Духовнаго Регламента [2]).

Обращая вниманіе на указанныя условія постриженія въ монашество, можемъ замѣтить, что одни изъ нихъ опредѣляли гражданскія права, а другія нравственныя качества постригаемаго. Такъ, согласно съ этими требованіями, въ монастырь могли поступать только лица, не имѣвшія ограниченій въ своихъ правахъ,—и прежде всего свободныя отъ подчиненія кому либо. Крѣпостные подданные могли вступать лишь по представленіи увольнительнаго свидѣтельства отъ своихъ господъ. Это было очень важно: не одинъ разъ правительствомъ издавались распоряженія, чтобы никто не принималъ крѣпостныхъ крестьянъ безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ господъ. Равнымъ образомъ требовались увольнительныя свидѣтельства отъ ближайшаго начальства и отъ людей болѣе свободныхъ. Это необходимо было для того, чтобы отвратить монастыри отъ всякихъ столкновеній и непріятностей изъ за—принятія людей, въ чемъ нибудь повинныхъ предъ кѣмъ нибудь, такъ какъ нерѣдко разные преступники и бѣглецы искали въ монастырѣ только спасенія отъ властей и господъ. Такое же важное значеніе имѣло и другое условіе,—свобода отъ долговыхъ обязательствъ, а также отсутствіе всякихъ подозрѣній въ совершеніи преступленія.

Монашество всегда считалось очень великимъ служеніемъ а обѣты монашества—отреченіе отъ своей воли и послушаніе—очень высокими. Но какъ могъ бы кто нибудь отречься отъ своей воли, если бы на немъ лежало какое либо внѣшнее обязательство (какъ напр., обязательство возвратить долгъ, отбыть наказаніе за преступленіе)? Поэтому требованіе отсутствія всякихъ подозрѣній и всякихъ другихъ обязательствъ, долговыхъ или служебныхъ, является вполнѣ справедливымъ и понятнымъ: монастыри могли быть убѣжищами для людей нравственно достойныхъ: сюда не должны были попадать лица низкія въ нравственномъ отношеніи, которыя могли бы служить къ униженію монастырей. 4-е условіе опредѣляло нравственную стойкость монашествующихъ и способность ихъ къ несенію разныхъ подвиговъ монашеской жизни. Что же касается указа, требовавшаго, чтобы при постри-

---

[1]) П. С. З. Р. И., т. XVI, № 12,234.
[2]) А. К. Кон. 1768 г., д. № 3 ч 95.

женіи присутствовали постороннія лица, то этимъ указомъ имѣлось въ виду положить конецъ насильственному постриженію въ монахи, которое нерѣдко допускалось въ Россіи. Къ этому постриженію вынуждали особенно вдовыхъ священниковъ и діаконовъ.[1])

Затѣмъ, отъ постригаемыхъ требовалось, чтобы они имѣли возрастъ не меньше 30 лѣтъ.

Требованіе 30-лѣтняго возраста при постриженіи въ монашество стояло въ полномъ соотвѣтствіи, какъ съ требованіями Духовнаго Регламента (прибав. „о монахахъ", § 1), такъ и съ позднѣйшими синодальными указами и распоряженіями. Такъ, 11 іюня 1722 г. Синодомъ было сообщено Кіевскому митрополиту, въ отвѣтъ на его запросъ, что требованіе Духовнаго Регламента должно быть соблюдаемо неотмѣнно, какъ въ отношеніи къ ученымъ, такъ и къ неученымъ, и что отступленія отъ требованій о 3-хъ лѣтнемъ „искусѣ" могутъ дѣлаться въ исключительныхъ случаяхъ, лишь съ разрѣшенія Св. Синода [2]). Въ 1724 г. Св. Синодъ разрѣшилъ Кіевскому митрополиту В. Ванатовичу постричь студентовъ въ монашество, засчитавъ имъ вмѣсто 3-хъ лѣтняго искуса 12-лѣтнее пребываніе въ школахъ [3]). Затѣмъ, Св. Синодъ въ 1733 г. издалъ распоряженіе, чтобы никого изъ студентовъ не постригать ранѣе 3-хъ лѣтняго искуса; впрочемъ, допустилъ для студентовъ, находящихся въ школахъ, засчитывать 3 года ученія какъ 3-хъ лѣтнее испытаніе [4]). Въ 1739 г. Св. Синодъ сдѣлалъ облегченіе для тѣхъ желающихъ постричься въ монахи, которые были въ священномъ санѣ и обучались въ школахъ риторики, философіи и богословія: разрѣшилъ постригать ихъ по шестимѣсячномъ испытаніи [5]). Затѣмъ, Св. Синодъ распространилъ эту льготу и на „отставныхъ отъ службы разныхъ чиновъ" и разночинцевъ, лишь велѣлъ требовать свидѣтельствъ о безпорочной жизни, по крайней мѣрѣ, отъ 3—4 свидѣтелей изъ честныхъ людей [6]). Въ это же время разрѣшеніе ходатайствъ о постриженіи въ монашество было предоставлено епархіальнымъ архіереямъ, тогда какъ раньше изданными указами (1737, 1738 и 1739 г.) постриженіе въ монашество разрѣшалось лишь по ус-

---

[1]) А. К. К., указн. кн. 1763 г., № 16.

[2]) „Акты и документы..." Н. И. Петрова, отд. II, т. I, ч. 1, стр. 99.

[3]) Ibidem, стр. 101.

[4]) Ibidem, стр. 102.

[5]) Ibidem, стр. 105.

[6]) Ibidem, стр. 107.

мотрѣнію Св. Синода и Кабинета. Ослабленіе ограничительныхъ указовъ о постриженіи въ монашество послѣдовало, затѣмъ, въ 1749 г., при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая благоволила къ монахамъ, особенно изъ малороссіянъ и, несомнѣнно по вліянію послѣднихъ издала указъ, разрѣшавшій постригать въ монашество малороссіянъ лишь по усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ, а въ Кіево-Печерской Лаврѣ—по усмотрѣнію архимандрита Лавры [1]). При этомъ, хотя и было велѣно соблюдать требованія Духовнаго Регламента, но, видимо, въ отношеніи возраста постригающихся сдѣлано было также облегченіе: установлено было лишь не постригать въ монашество раньше 17-лѣтняго возраста, а о постриженныхъ велѣно было по истеченіи каждаго года лишь представлять вѣдомости въ Св. Синодъ. Что касается 3-хъ лѣтняго искуса предъ постриженіемъ въ монашество, то, видимо, этотъ порядокъ былъ оставленъ въ силѣ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ неученымъ и не состоявшимъ въ свящ. санѣ. Упомянутый же выше указъ Св. Синода (1741 г.), допускавшій шестимѣсячное испытаніе, какъ изданный въ правленіе Анны Леопольдовны, по словамъ проф. Н. И. Петрова, по низложеніи ея потерялъ свою обязательную силу [2]).

Впрочемъ, при постриженіи въ монашество священниковъ, при Арсеніи Могилянскомъ допускалось сокращеніе срока испытаній по усмотрѣнію настоятеля.

Что касается требованій, 1) чтобы не было никакихъ подозрѣній за ищущими постриженія (очевидно, разумѣется благонадежность этихъ лицъ), 2) никакихъ личныхъ обязательствъ или долговъ, 3) чтобы были увольнительныя свидѣтельства отъ начальства (полкового, сотника и проч.) или отъ господъ, владѣльцевъ, и т. д., то и эти требуемыя условія были точно опредѣлены синодальными указами въ первой половинѣ XVIII в. (ук. 12 августа 1737 г., 7 ноября 1738 г., 22 декабря 1740 г. [3]).

Само собою разумѣется, что въ монастырь могли вступать лишь не связанные брачными узами. Если же постричься въ монашество хотѣли супруги, то отъ нихъ требовалось въ такомъ случаѣ: 1) чтобы жена имѣла свыше 50 лѣтъ, 2) чтобы дѣти (если только они были) были совершенно пристроены, 3) чтобы по-

---

[1]) Ibidem, стр. 108.
[2]) Ibidem, стр. 107.
[3]) Ibidem, стр. 103, 104, 105.

слѣ пострижения оба супруги жили въ разныхъ монастыряхъ [1]). Этимъ ограждалась одна изъ основъ семейной жизни: обязательство родителей воспитывать своихъ дѣтей и жить въ согласіи до устройства судьбы дѣтей, а, затѣмъ, обязательство выполнять принятый обѣтъ воздержанія.

Впрочемъ, бывали случаи пострижения въ монашество и до устройства судьбы дѣтей. Такъ, напр., священникъ села Ярославки, Коколнѣцкій былъ постриженъ въ монашество, хотя у него еще была непристроенная семья; поддержаніе семьи было возложено на зятя постригавшагося,—священника, который получилъ приходъ въ с. Ярославкѣ [2]).

Въ половинѣ XVIII в. въ Кіевской епархіи нерѣдко производилось пострижение въ монашество безъ указовъ и даже совсѣмъ тайно, безъ вѣдома епархіальной власти. Число неуказно постриженныхъ, притомъ постриженныхъ тайно, безъ соблюденія формальностей и даже безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ надлежащихъ командъ, было въ разсматриваемое нами время болѣе или менѣе достаточно [3]).

Постриженные безъ указовъ и безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ были, большею частію, изъ бѣглыхъ подданныхъ, желавшихъ избѣжать разныхъ повинностей. Въ виду отсутствія дѣйствительнаго контроля со стороны епархіальной власти, монастырскіе настоятели почти совершенно свободно могли принимать ихъ къ себѣ, и постригали ихъ, даже не испрашивая разрѣшенія митрополичьяго. Контролировать въ этомъ отношеніи дѣйствія монастырскихъ настоятелей было и трудно, такъ какъ до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія даже совсѣмъ не представлялось

---

[1]) Такъ, мѣщане, г. Нѣжина, Григорій Проскуренко и жена его Евдокія, проживъ 29 лѣтъ въ супружествѣ, испросили себѣ у магистрата увольненіе и, пожелавъ принять пострижение, просили о расторженіи брачнаго союза. Консисторія сняла съ нихъ допросъ, нѣтъ ли какихъ либо дѣлъ за ними въ магистратѣ, пристроены ли дѣти и есть ли женѣ 50 лѣтъ (А. К. К. 1773 г., № 578).

[2]) Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1769 г., ук. № 3.

[3]) Такъ, по спискамъ Чигиринскаго женскаго монастыря 1776 года значатся постриженными безъ указа и безъ вѣдома митрополита—игуменія Елизавета, монахини: Мастридія, Вѣра, Софія, Меланія, Матрена; безъ письменныхъ свидѣтельствъ: Надежда, Тавифа, Ромаида и др. (А. К. К., вѣдомость 1776 г., № 53).

Кіево Кирилловскаго монастыря Ѳеодотъ, „по тамошнему обыкновенію, безъ вѣдома архіерейскаго", поступилъ въ Преображенскій монастырь; іеродіаконъ Варлаамъ въ 1764 году вступилъ въ монастырь безъ увольненія отъ команды и безъ паспорта, принятъ безъ вѣдома архіерейскаго и безъ указу.

изъ монастырей никакихъ вѣдомостей и репортовъ о состояніи монастырей и о монашествующихъ [1]).

Кромѣ того, нерѣдко были случаи постриженія женщинъ въ мужескихъ монастыряхъ. Если принять во вниманіе, что по установленному порядку постриженіе могло быть произведено лишь послѣ трехлѣтняго испытанія, то станетъ понятнымъ все неблагочиніе, которое могло происходить отъ принятія въ мужескіе монастыри женщинъ на постриженіе: при значительной деморализаціи и распущенности монастырской жизни,—что имѣло мѣсто во многихъ монастыряхъ въ XVIII вѣкѣ,—пребываніе при мужескомъ монастырѣ женщинъ, хотя бы и готовившихся къ постриженію, было, конечно, большимъ соблазномъ и искушеніемъ для жившихъ тамъ монаховъ. Что это было такъ,—объ этомъ засвидѣтельствовано въ распоряженіи архимандрита Кіево-Печерской Лавры Зосимы—о недопущеніи лицъ женскаго пола для пребыванія въ Лаврѣ, на Пещерахъ и въ больничномъ монастырѣ, по келліямъ и мастерскимъ.

Если постриженіе въ монашество священниковъ, не пристроившихъ дѣтей, представляло собою явленіе нежелательное, не согласное съ закономъ, и допускалось митрополитомъ Арсеніемъ только подъ условіемъ порученія дѣтей кому либо изъ родственниковъ, то постриженіе въ монашество безъ указовъ или постриженіе въ мужескихъ монастыряхъ женщинъ—было слишкомъ уже большимъ отступленіемъ отъ нормальнаго порядка, при томъ далеко не безразличнымъ съ нравственной точки зрѣнія. Безуказное постриженіе, пожалуй, иной разъ вызывалось необходимостью, напр. смертною опасностію, но и то мало было оправданій для этого: при соблюденіи 3-хъ лѣтняго искуса всегда можно было бы испросить разрѣшеніе митрополита на постриженіе; а постриженіе безъ указа и до истеченія 3-хъ лѣтняго испытанія подавало поводъ постригаемымъ слишкомъ легко смотрѣть на произнесенный обѣтъ и мало чувствовать зависимости отъ епархіальнаго начальства,—откуда недалеко и до безпечности въ нравственномъ отношеніи. О постриженіи же женщинъ въ мужескихъ

---

[1]) Лишь митрополитъ Гавріилъ Кременецкій велѣлъ представлять ежегодныя обстоятельныя вѣдомости отъ всѣхъ монастырей съ указаніемъ того, сколько всего въ монастырѣ монаховъ, когда, кѣмъ и по чьему разрѣшенію они пострижены, а также обозначать въ вѣдомостяхъ, какого они поведенія. Это было въ 1771 году. До того же времени существовали лишь однѣ вѣдомости о качествахъ монастырскихъ настоятелей, и то лишь съ 1768 годе, когда Св. Синодъ велѣлъ собирать эти вѣдомости и представлять ихъ въ Синодъ. (Рук. Кіево-Софійской Биб., № 604, указ № 92).

монастыряхъ, какъ о причинѣ многихъ безобразій въ монастырской жизни, нечего и говорить. Митрополитъ Арсеній поэтому справедливо требовалъ, чтобы настоятели, прежде постриженія кого-либо, непремѣнно испрашивали разрѣшеніе на это въ каѳедрѣ; что же касается постриженныхъ безъ указа, то Св. Синодъ въ 1770 г. [1]) велѣлъ такихъ изъ нихъ, которые не имѣли увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ помѣщиковъ и своего начальства лишать монашества и священства (если то были іеромонахи и іеродіаконы) и отсылать на прежнія мѣста. Исключеніе допускалось только для монастырскихъ настоятелей: о послѣднихъ требовалось представить на усмотрѣніе Синода. Тогда изъ Кіевской консисторіи былъ разосланъ указъ (20 мая 1770 г.), чтобы впредь никого ни въ какомъ случаѣ не постригать безъ указа, а постриженныхъ безъ увольнительныхъ билетовъ выслать изъ монастырей [2]). Затѣмъ, онъ строго запретилъ постригать женщинъ въ мужескихъ монастыряхъ [3]).

Послѣ постриженія, новопостриженные поручались особому надзору и руководству со стороны „старцевъ“ или особенно опытныхъ изъ братіи. Старцы обязаны были наставлять порученныхъ имъ монаховъ, чтобы они по обѣщанію исполняли всѣ принятыя на себя обязанности, ибо, по взгляду митрополита Арсенія, „монаха не постриженіе и одежда составляютъ, но небесная любовь и законное по обѣщанію жительство, въ сихъ бо житіе изящнѣйшее показуется“ [4]).

Посвященіе монаховъ въ священный санъ (іеродіакона и іеромонаха) происходило по представленію игумена и братіи монастыря. Предназначенному къ посвященію выдавалась обычная заручная подписка“, съ которой представлялись всѣ справки о лѣтахъ, происхожденіи, времени постриженія, качествахъ и образѣ жизни избраннаго къ посвященію. По явкѣ къ митрополиту, въ каѳедрѣ производился допросъ по особой формѣ, составленной м. Арсеніемъ [5]).

---

[1]) А. К. К., ук. Св. Син. 1770 г. 22 февр.

[2]) Рук. К. С. Биб. № 604, ук. № 99.

[3]) Ibidem, ук. № 73.

[4]) Арх. К. Выд. мон., указ. кн. 1757 г., указ. 13-го авг., № 934.

[5]) Вотъ тѣ вопросы, на которые требовались обстоятельныя свѣдѣнія отъ представляемыхъ къ посвященію монаховъ: сколько лѣтъ отъ рожденія; гдѣ они родились; кто и какого званія были родители ихъ? и если заграничные, благочестивые ли родители ихъ? они сами не были-ль когда уніятами или другого какого неправославнаго исповѣданія и какого именно? какими священниками и гдѣ кре

Допросъ особенно былъ строгъ въ отношеніи къ монахамъ заграничныхъ монастырей, такъ какъ важно было удостовѣриться, что вышедшій изъ-за границы именно православный и искренно расположенъ къ православію и ищетъ монашеской жизни не изъ-за какихъ нибудь земныхъ выгодъ, не для того, чтобы укрыться отъ господъ, отъ поляковъ или избавиться отъ преслѣдованій и подозрѣній.

За допросомъ слѣдовало обычное приведеніе къ присягѣ, исповѣдь и затѣмъ посвященіе. Послѣ посвященія выдавалась грамота, которую посвященный обязанъ былъ представить своему настоятелю: послѣдній снималъ съ нея копію, которую и выдавалъ посвященному для постояннаго прочитыванія „къ дѣйствительному по ней исполненію“, а подлинную грамоту хранилъ въ монастырскомъ архивѣ [1]).

Распоряженіе о храненіи подлинной грамоты въ архивѣ монастырскомъ встрѣчается лишь въ половинѣ XVIII вѣка (повидимому, не ранѣе 1759 года); оно, очевидно, было издано съ цѣлью предупредить случаи бѣгства изъ монастыря и бродяжничества монаховъ, которые при уходѣ изъ монастыря захватывали съ собой и имущество и документы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе найти себѣ пріютъ въ другомъ монастырѣ. Не смотря, впрочемъ, на требованіе хранить въ монастырскомъ архивѣ выданные документы о посвященіи въ священный санъ, монахи далеко не вездѣ имѣли необходимые документы. Такъ, напр., въ Лебедин-

---

щены? какое при томъ наречено имя? миропомазаны ли и введены ли по чиноположенію въ православную вѣру? когда, кѣмъ и гдѣ совершено присоединеніе къ православной вѣрѣ? знаютъ ли грамоту, искусны ли въ какомъ другомъ ученіи и знаютъ ли латинскій языкъ, и гдѣ всему этому обучены? и сколько гдѣ лѣтъ они проживали и въ какомъ званіи; не были ль женаты и нѣтъ ли въ живыхъ жены? если жена жива, то зачѣмъ и какъ давно ее оставили и по какому разводу? въ благочестивомъ ли или въ уніатскомъ и въ какомъ именно монастырѣ, въ рясофоръ или въ мантію и въ каковыя лѣта, кѣмъ и по какому указу или позволенію и когда именно пострижены? пробыль-ли въ монастырѣ безвыходно? пребывали ль въ кротостк и трезвости, исповѣдались ли ежегодно и пріобщались ли съ 4 поста Святымъ Тайнамъ? какое несли послушаніе? не было ль какого нибудь подозрѣнія? если исходили изъ монастыря, то куда и зачѣмъ и по чьему дозволенію выходили; и сколько гдѣ пребывали, и какимъ образомъ приняты въ томъ монастырѣ, гдѣ пребываютъ? нѣтъ ли долговъ, не бѣжали ль отъ суда за воровство? нѣтъ ли дѣла Государева? (Рук. К. С. биб. № 604, указ. № 48; А. К. Выд. мон., ук. кн. 1760 г., № 49).

[1]) Рук. К. С. биб. № 604, ордер. № 41.

скомъ монастырѣ одно время проживало 8 іеромонаховъ и 2 іеродіакона совсѣмъ безъ всякихъ документовъ о своемъ рукоположеніи [1]).

IV.

Управленіе монастырями сосредоточивалось въ рукахъ игумена или архимандрита. Игумены управляли меньшими и менѣе видными монастырями, а архимандриты были въ болѣе видныхъ и богатыхъ монастыряхъ. Такъ, архимандриты были въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ, Златоверхо-Михайловскомъ, Кіево-Братскомъ, въ Нѣжинскомъ, Батуринскомъ, Глуховскомъ, Петро-Павловскомъ, Лубенскомъ, Густынскомъ; въ каѳедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ былъ намѣстникъ (иногда въ санѣ игуменскомъ, иногда архимандричьемъ); въ Сокольскомъ былъ строитель монастыря; въ остальныхъ большею частью были игумены; впрочемъ, иногда настоятели изъ архимандритовъ были и въ менѣе важныхъ монастыряхъ, какъ, напр., въ Гамалѣевскомъ (Веніаминъ и Варсонофій), въ Нехворощанскомъ (Гавріилъ) [2]). Но такіе архимандриты проживали въ этихъ монастыряхъ скорѣе случайно, какъ бы на покоѣ.

Назначеніе монастырскихъ настоятелей—игуменовъ и архимандритовъ, „по древнимъ правамъ, вольностямъ и обыклымъ поведеніямъ“, утвержденнымъ монаршими жалованными и патріаршими благословенными грамотами, принадлежало митрополиту. Обыкновенно въ случаѣ необходимости избирали нѣсколько кандидатовъ; къ выборамъ привлекались, кромѣ братіи монастыря, члены консисторіи—отъ присутствующихъ въ ней до послѣднихъ писарей. Каждый избиралъ 2-хъ кандидатовъ; столькихъ же кандидатовъ представляла и братія монастыря.

Выборные листы представлялись, затѣмъ, на усмотрѣніе митрополита, отъ котораго зависѣло утвержденіе того или иного изъ представленныхъ кандидатовъ [3]).

Послѣ утвержденія избранный въ настоятели (если онъ не переводился съ другого настоятельскаго мѣста) приводился къ присягѣ и, затѣмъ, получалъ грамоту на управленіе монастыремъ.

---

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1893 г., стр. 58.

[2]) А. К. К., указ. кн. 1759—1760 г., л. 175.

[3]) А. К. К. 1758 г., д. объ избраніи настоятеля въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь.

Такой порядокъ назначенія настоятелей былъ одной изъ тѣхъ особенностей въ строѣ Кіевской епархіи, которыя отличали ее именно какъ одну изъ малороссійскихъ епархій. Извѣстно, что выборное начало имѣло самое широкое примѣненіе въ Малороссіи: здѣсь выбирали вольными голосами, какъ высшихъ сановниковъ, такъ и низшихъ лицъ служебной лѣстницы въ гражданско-политической и церковной жизни народа: гетманы, полковники, сотники, обозные, старшины съ одной стороны,—митрополитъ, архимандриты, игумены, священники, діаконы и дьячки,—съ другой стороны—были избираемы въ Малороссіи вольными голосами,—по издавна сложившемуся порядку. Отступленія отъ этого порядка были результатомъ объединительной, централизаціонной политики русскаго правительства гражданскаго и духовнаго. Такъ, избраніе митрополитовъ и епископовъ перешло къ Свят. Синоду еще въ началѣ XVIII в. Избраніе же архимандритовъ и другихъ духовныхъ лицъ составляло еще до половины XVIII в привиллегію мѣстнаго духовенства. Избраніе монастырскихъ настоятелей на мѣстѣ, самою братіею монастыря, имѣло свои хорошія стороны: братія избирала себѣ настоятелемъ того, къ кому питала уваженіе, кого въ данное время считала лучшимъ замѣстителемъ важнаго мѣста—настоятеля монастыря; если иногда и случался неудачный выборъ, то причина этого могла быть въ томъ, что некого было выбирать. Во всякомъ случаѣ, выборный настоятель сразу же могъ пользоваться особымъ авторитетомъ среди братіи; братія его принимала какъ своего, извѣстнаго ей, и этимъ могли предупреждаться разныя печальныя недоразумѣнія между братіей и настоятелемъ. Что касается неудачныхъ выборовъ, то ихъ всегда могъ поправить митрополитъ: вѣдь, братія представляла ему 2-хъ кандидатовъ, и онъ могъ утвердить болѣе достойнаго по своему усмотрѣнію. Это могло быть тѣмъ удобнѣе, что, кромѣ братіи, въ выборахъ принимали участіе и члены консисторіи, которые подавали отъ себя мнѣніе, каждый особо.

Этотъ порядокъ въ половинѣ XVIII столѣтія измѣнился такъ: указомъ Св. Синода отъ $\frac{17\text{ февраля}}{1\text{ марта.}}$ 1765 г. велѣно было—какъ въ великороссійскіе монастыри I-го и II-го классовъ, такъ и въ малороссійскіе—архимандритовъ самимъ епископамъ не опредѣлять, а если гдѣ будетъ вакансія, въ такомъ случаѣ представлять Св. Синоду двухъ кандидатовъ [1]).

---

[1]) П. С. З. Р. И., т. VII, № 12,332.

Этотъ указъ былъ очень большимъ ударомъ не для одного только митрополита, но и для монастырей. Митрополитъ въ данномъ случаѣ лишался своей исконной прерогативы,--права по своему усмотрѣнію утверждать избранныхъ въ архимандриты настоятели монастырей. Правда, ему было предоставлено право представлять Св. Синоду, съ своей стороны, 2-хъ кандидатовъ на архимандрію, но на самомъ дѣлѣ случалось нерѣдко такъ, что митрополитъ представлялъ однихъ кандидатовъ, а Св. Синодъ присылалъ другихъ архимандритовъ. Такимъ образомъ, дѣло избранія даже кандидатовъ на архимандрію въ сущности сводилось къ нулю: Кіевскій митрополитъ не могъ быть увѣреннымъ, что его кандидаты будутъ утверждены Св. Синодомъ [1]); ясно, что права и значеніе митрополита были умалены. Съ другой стороны, установленный порядокъ назначенія настоятелей былъ далеко не изъ пріятныхъ для самихъ монастырей. Мы указали выше тѣ преимущества, какія заключались въ выборномъ началѣ при назначеніи настоятелей. Если же въ дѣлѣ назначенія настоятелей устранялась братія, то отсюда вытекало, что настоятель являлся для братіи человѣкомъ чужимъ, нерѣдко даже чуждымъ мѣстному языку и обычаямъ,—а это все служило источникомъ всякихъ недоразумѣній между настоятелемъ и братіею.

Притомъ, назначенные настоятели монастырей, считая себя независимыми отъ братіи, ничѣмъ не связанными съ нею, допускали себѣ произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ, распоряжались—не считаясь съ мнѣніемъ соборной братіи. На такого рода дѣйствія жаловалась, напр., братія Межигорскаго монастыря въ 1743 г. [2]). Если принять еще во вниманіе, что въ половинѣ XVIII в. русское правительство стало оказывать предпочтеніе монахамъ изъ великороссіянъ, то станетъ понятнымъ, съ какимъ неудовольствіе-

---

[1]) По смерти игумена Глуховскаго Петро-Павловскаго монастыря, Сильвестра Добрыни, Арсеній представилъ кандидатами въ настоятели на его мѣсто Сифа, игумена Выдубицкаго, и Тарасія, игумена Кіево-Кирилловскаго. Но Св. Синодъ назначилъ въ Глуховъ іеромонаха изъ шляхетнато сухопутнаго корпуса, Ѳесктиста (А. С. С. д. 1766 г., № 90, л. 4).

[2]) Вотъ что писала братія Межигорскаго монастыря: „...нынѣ отъ Святѣйшества Вашего заслужоные присылаются архимандритами; но оные архимандриты, которій пріѣдетъ въ нашъ убогій монастырь, то по своей похоти поступаетъ, какъ хочетъ, и чина церковнаго, и нашего уставу монастырского, и Регламента Духовнаго не смотритъ, и соборной братіи никогда въ совѣтъ не призываетъ, но самъ собою всякое дѣло затѣваетъ и дѣлаетъ по прихотяхъ своихъ“ („Акты и док.“ т. I, ч. I, проф. Н. И. Петр., стр. 109).

емъ относилась монастырская братія кіевскихъ монастырей къ назначеннымъ или присланнымъ настоятелямъ; станутъ понятны и тѣ натянутыя отношенія, подозрѣнія, которыя устанавливались между братіей и настоятелемъ въ такихъ случаяхъ [1]). Такія печальныя слѣдствія были—при нарушеніи выборнаго начала въ кіевскихъ монастыряхъ въ дѣлахъ назначенія настоятелей.

Тѣмъ не менѣе дѣло было уже рѣшенное: начатое въ 1765 году, въ 1774 г. оно было уже докончено; въ этомъ году къ Св. Синоду перешло право назначать въ монастыри не только архимандритовъ, но и игуменовъ [2]).

Благодаря этому, и та самостоятельность, какою пользовались въ дѣлахъ монастырскаго правленія настоятели монастырей, сокращалась: назначенные Св. Синодомъ настоятели обязаны были подчиняться въ дѣлахъ правленія всѣмъ синодальнымъ указамъ и постановленіямъ,—въ противномъ случаѣ имъ угрожало лишеніе настоятельскаго мѣста, или перемѣщеніе въ худшій монастырь.

Монастырскіе настоятели, игумены и архимандриты, не считались единоличными правителями монастырей; по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ внутренняго управленія и жизни, они должны были совѣщаться съ братіею, которая составляла особую коллегію, подъ именемъ духовнаго собора,—какъ-то было въ Кіево-Софійскомъ, Кіево-Выдубицкомъ, Златоверхо-Михайловскомъ, Пустынно-Медвѣдовскомъ монастырѣ и другихъ [3]). На этихъ совѣщаніяхъ монастырскіе настоятели обыкновенно имѣли рѣшающій голосъ, а иногда и болѣе. Они то утверждали опредѣленія духовнаго собора, то измѣняли ихъ, хотя и не безъ контроля братіи. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій требовалъ, чтобы съ общаго приговора всей братіи, назначались наказанія провинившимся изъ братіи [4]). А митрополитъ Арсеній прямо предписывалъ, чтобы монастырскія власти не дѣйствовали единолично, а чтобы по всѣмъ важнымъ дѣламъ касательно жизни и управленія совѣщались съ братіею и чтобы по каждому дѣлу составленные приговоры и рѣшенія были подписаны всѣми членами совѣщанія [5]).

---

[1]) „Акты и док...“ проф. Н. И. Петрова, отд. II, т. I, ч. 1, стр. 109–110

[2]) А. К. К., указ. кн. 1774 г., № 44.

[3]) Вѣст. З. Р., т. IV, кн. XI; Кіев. Епар. Вѣд. 1870 г., стр. 18—19.

[4]) Такое требованіе было предъявлено настоятелю Братскаго монастыря (А. К. К. 1749, кн. реест.).

[5]) Арх. К. Выд. мон. 1762 г., л. 107, ук. № 35.

Настоятелю монастыря принадлежало право наблюденія за образомъ жизни монаховъ и ихъ поведеніемъ; отъ него исходили распоряженія о времени совершенія церковныхъ службъ. Отъ него исходили распоряженія касательно подчиненныхъ монастырей и приходскихъ церквей, бывшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ. Настоятелю принадлежало также право рекомендаціи кандидатовъ, избранныхъ во священники къ монастырскимъ приходскимъ церквамъ. Посвящавшійся во священника въ какую нибудь вотчину Выдубицкаго монастыря, долженъ былъ предварительно взять одобреніе отъ своихъ будущихъ прихожанъ, условившись о платѣ за требы, и рекомендацію мѣстнаго монастырскаго городничаго, тогда уже обращался съ просьбою къ игумену о назначеніи на мѣсто. Получившему согласіе игумена ничего уже не стоило получить посвященіе во священника, почему рукополагавшій архіерей во согласіи игумена видѣлъ достаточный документъ, нужный для посвященія [1]). Послѣ рукоположенія священникъ также находился подъ наблюденіемъ игумена, въ подчиненіи и зависимости отъ него.

Въ общей системѣ епархіальной администраціи архимандритъ и игуменъ былъ единицей. состоявшей наравнѣ съ протопопами или духовными правленіями; къ нимъ, какъ и къ духовнымъ правленіямъ, писались указы изъ консисторіи,—съ приказаніемъ сдѣлать то или принять къ свѣдѣнію другое; о полученіи этихъ указовъ и исполненіи ихъ онъ доносилъ въ каѳедру или консисторію.

Высшее управленіе монастырями сосредоточивалось въ каѳедрѣ митрополита. Послѣднему архимандриты и игумены должны были представлять чрезъ консисторію о благосостояніи своего монастыря, доносить о появлявшихся бѣглыхъ монахахъ и о бѣжавшихъ изъ монастыря, представлять свѣдѣнія о всѣхъ монахахъ и ихъ поведеніи, испрашивать каждый разъ разрѣшеніе митрополита на постриженіе въ монашество.

Впрочемъ, фактически вліяніе митрополита на дѣла монастырскія было слабѣе, а монастырскіе настоятели пользовались гораздо большими правами. Отношенія митрополита къ монастырю ограничивались больше однимъ посвященіемъ ставленниковъ, или рукоположеніемъ монаховъ, утвержденіемъ настоятеля. Нѣкоторые изъ монастырскихъ настоятелей даже не испрашивали разрѣшенія на постриженіе въ монашество, а самовольно, безъ

---

[1]) В. З. Р. 1866 г., т. VI, кн. XI, 97.

указа митрополита, постригали желавшихъ постричься; случаи безуказнаго постриженія были далеко не рѣдкостью. Настоятели даже не представляли въ каѳедру разныхъ вѣдомостей и репортовъ о состояніи монастыря.

Особенно слабое вліяніе митрополита было въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія монастырями. Даже въ каѳедральномъ монастырѣ, въ которомъ жилъ митрополитъ Арсеній, митрополитъ мало касался хозяйственныхъ дѣлъ этого монастыря. „Власть митрополита не измѣняла и не ограничивала того общаго коллегіальнаго управленія имѣніями, какими пользовались прочіе монастыри, хотя имѣнія здѣсь считались спеціально митрополитанскими; митрополиту принадлежало лишь высшее наблюденіе и санкція постановленій и дѣйствій монастырскаго управленія“ [1].

Такъ же независимо держали себя настоятели и въ отношеніи къ монастырской братіи: самовольно смѣняли намѣстниковъ [2]) и другихъ лицъ служащей братіи, производили расходы, разныя дѣла, починки, не спрашивая совѣта соборной братіи [3]). Такая самостоятельность особенно проявлялась у тѣхъ настоятелей, которыя являлись въ монастырѣ не по избранію, а по назначенію правительства. Впрочемъ, братія далеко не всегда была послушнымъ орудіемъ своего настоятеля, открыто возставала противъ него за его распоряженія, судила своимъ судомъ и даже удаляла изъ монастыря [4]).

Кромѣ настоятеля, среди монастырской братіи были еще слѣдующія должностныя лица: намѣстникъ, духовникъ, экклесіархъ, уставщикъ, городничій, шафаръ. Всѣ эти должностныя

---

[1]) Вѣст. Зап. Рос., т. IV, кн. XI. Арх. К. Выд. мон., указн. кн. 1762 г., указ. № 6 и 7.

[2]) Кіев. Стар. 1884 г., авг. 719 стр.

[3]) Такъ, архимандритъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, Митрофанъ, устранилъ намѣстника Мелетія и назначилъ на его мѣсто іеромонаха Иларіона. А когда братія воспротивилась этому, онъ счелъ это за возмущеніе противъ него, призвалъ эконома, билъ его по щекамъ, тянулъ за волосы и ругалъ (Ар. К. Выд. мон., 1762 г., л. 54—55).

[4]) Братія Выдубицкаго монастыря жаловалась, что игуменъ Антоній Почека самовольно распоряжался всѣмъ имуществомъ и разорилъ чрезъ это монастырь; что низшіе служащіе,—шафари и др., или изъ страха, или по раболѣпству держали сторону игумена Антонія и скрывали истинные доходы и расходы монастыря (А. К. К., 1759 г., д. № 38).

лица были выборными, при чемъ въ дѣлѣ избранія преобладающее значеніе имѣлъ настоятель монастыря [1]).

Намѣстникъ 1-е лицо въ монастырѣ послѣ настоятеля; онъ былъ ближайшимъ помощникомъ настоятелю по управленію монастыремъ и замѣстителемъ настоятеля въ случаѣ отлучки или отсутствія послѣдняго. Однако немирныя отношенія между настоятелемъ и его намѣстникомъ были нерѣдки: настоятели часто самовластно распоряжались дѣлами монастырскими, угнетая братію и намѣстника; въ свою очередь, и намѣстники нерѣдко вели себя высокомѣрно въ отношеніи къ настоятелю, составляли съ единомышленною братіею партію, враждебную настоятелю.

При нормальныхъ отношеніяхъ, если настоятель былъ на лицо, намѣстникъ, повидимому, отправлялъ обязанности благочиннаго въ монастырѣ.

Духовникъ, главнымъ образомъ, избирался для монастырской братіи. Однако онъ въ то же время являлся исповѣдникомъ и всѣхъ другихъ, приходившихъ въ монастырь на исповѣдь и покаяніе. Должность духовника, надо думать, до ½ XVIII вѣка въ кіевскихъ монастыряхъ не была строго установленной; несомнѣнно, духовники были вездѣ, но едва ли это были особо избранныя для сего и утвержденныя въ сей должности лица. Лишь митрополитъ Арсеній, сколько извѣстно, потребовалъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ были избраны въ должность духовника наиболѣе опытные, учительные и достойные изъ братіи [2]), были представлены къ утвержденію въ этой должности. Можно думать, что духовникамъ были вручаемы особыя грамоты или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторыя правила относительно исповѣди.

Экклесіархъ (обыкновенно бывалъ лишь въ значительныхъ монастыряхъ) завѣдывалъ монастырской ризницей и слѣдилъ за своевременностію отправленія церковныхъ службъ.

Уставщикъ имѣлъ наблюденіе за чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, а также подготовлялъ братію и послушниковъ къ клиросанскому послушанію.

Шафаръ завѣдывалъ хозяйственными дѣлами въ монастырѣ: очевидно, должность шафара, соотвѣтствуетъ должности эконома. Шафару подчинялись всѣ тѣ изъ братіи, которымъ было пору-

---

[1]) Арх. К. Выд. мон., указ. кн. 1760 г., указ.. № 19

[2]) Если не было подходящихъ кандидатовъ въ монастырѣ, члены консисторіи сами указывали кандидатовъ на ту или другую должность въ монастырѣ (А. К. К. 1760 г., д. № 1463).

чено завѣдываніе тою или иною частью или отраслью монастырскаго хозяйства.

А такъ какъ въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ монастыряхъ хозяйство бывало обширное, то и штатъ разныхъ служащихъ былъ также значительный; земельныя угодья, бывшія при томъ или иномъ владѣніи, и крестьяне монастырской деревни были въ завѣдываніи особаго городничаго (изъ монашествующихъ); шинки были въ завѣдываніи и подъ наблюденіемъ особаго лица, также изъ монаховъ. Особый монахъ былъ приставленъ къ тому, чтобы ходить во время ярмарки по торговой площади близъ монастыря и собирать плату за занятыя мѣста; онъ такъ и назывался „базарнымъ“ [1]).

Какъ мы видѣли, въ Троицкой Лаврѣ много было начальниковъ изъ монашествующей братіи при всякаго рода „послушаніяхъ“; такіе же начальники были и въ кіевскихъ монастыряхъ, только въ меньшемъ количествѣ, такъ, какъ въ кіевскихъ монастыряхъ было меньшее хозяйство.

Изъ нихъ городничіе и шафары имѣли очень важное значеніе не только въ хозяйственно-экономическомъ, но и въ административномъ и нравственномъ отношеніи. Они не только собирали подати, завѣдывали хозяйствомъ, но въ то же время наблюдали за поведеніемъ и жизнью подвѣдомственныхъ имъ монастырскихъ подданныхъ, слѣдили не только за ихъ матеріальнымъ состояніемъ, но и за нравственностію ихъ. Городничіе наблюдали даже за духовенствомъ монастырскихъ вотчинъ, давали ему аттестацію при исходатайствованіи грамотъ (напр. епитрахильныхъ, постпхарныхъ); словомъ, монастырскіе городничіе и шафары были своего рода административными единицами, мѣстными органами, посредствомъ которыхъ монастырь управлялъ своими подчиненными и наблюдалъ за ихъ жизнью.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе видныхъ монастыряхъ въ половинѣ XVIII в. были еще проповѣдники, на обязанности которыхъ лежало проповѣданіе Слова Божія для богомольцевъ приходившихъ въ монастыри.

Должность проповѣдника учреждена была въ кіевскихъ монастыряхъ, по распоряженію митрополита Арсенія. На эту должность избирались ученые монахи, которые предварительно упраж-

---

[1]) „Оп. Стар. Малорос“., А. Лазаревскаго, т. III, стр. 408.

нялись въ составленіи и произнесеніи проповѣдей въ каѳедральномъ монастырѣ, подъ наблюденіемъ каѳедральныхъ проповѣдниковъ [1]).

V.

Средствами содержанія монастырей служили слѣдующія статьи: жалованье изъ казны или городской ратуши, арендная плата, взимавшаяся по разнымъ статьямъ монастырскаго хозяйства, доходы отъ содержанія шинковъ, вотчины, земельныя угодья, рыбныя ловли, лѣсныя дачи и добровольныя пожертвованія богомольцевъ.

Жалованьемъ пользовались далеко не всѣ, а только нѣкоторые изъ монастырей. Притомъ, выдававшаяся изъ казны или ратуши сумма и не была жалованьемъ въ собственномъ смыслѣ, какъ обыкновенно мы понимаемъ его, или въ томъ видѣ, какъ она стала выдаваться по штатамъ 1786 г. Въ половинѣ XVIII в. монастыри получали небольшую денежную *руту*, которая была назначена императоромъ Петромъ I монастырямъ, при составленіи ружной книги всероссійскому духовенству, въ такомъ размѣрѣ: Кіево-Софійскому монастырю на одежду и на милостыню для братіи по 100 р., 100 пудовъ меду, за 300 пудовъ соли по 10 к. за пудъ и 200 четвертей муки (впослѣдствіи эта руга была увеличена до 250 р. въ годъ); Никольскому монастырю было назначено по 32 р. 50 к., Братскому по 15 р., Выдубицкому по 7 р. 50 к., Кіево-Флоровскому 25 р. [2]). По ходатайству игумена Ксанфіи, въ 1758 г. назначена была государственная руга Кіево-Богословскому монастырю въ такомъ размѣрѣ: 100 р. денегъ и 100 четвертей муки [3]). Кромѣ этой руги, Кіево-Софійскій монастырь имѣлъ право на полученіе денежнаго пособія взамѣнъ по

[1]) М. Арсеній въ 1759 г. назначилъ проповѣдниками въ Полтавскій монастырь—іеромонаха Товію Юскевича, въ Густынскій монастырь—Авксентія Сокологорскаго и въ Нѣжинскій—Веніамина Ясноводскаго, при чемъ распорядился, чтобы имъ выдавали соборную порцію и одежду цѣнностью до 15 руб. („Акты и докум"... проф. Н. И. Петрова, отд. II, т. II, стр. 282—284).

[2]) Оп. К. Соф. Соб., стр 264—265.

[3]) Ар. К. К. 1765 г., № 129.

мѣрнаго [1]), также на полученіе перевозной пошлины [2]) и рыбной десятины [3]); вмѣсто помѣрнаго выдавалось по 80 р.; вмѣсто перевозныхъ пошлинъ также выдавалось по 50 р. Рыбная же десятина выдавалась натурою. При томъ, 80 р. выдавалось изъ Кіевскаго магистрата, а 50 р. изъ Кіевской губернской канцеляріи.

Затѣмъ, какъ Кіево-Софійскій, такъ и другіе монастыри имѣли право на полученіе провозныхъ и мостовыхъ пошлинъ, взимавшихся съ постороннихъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ монастырскія земли, по монастырскимъ мостамъ и дорогамъ (переѣздамъ чрезъ рѣку); въ пользу монастырей поступали и сборы съ торговыхъ площадей и устроенныхъ на нихъ лавочекъ, отдававшихся въ аренду на время торговъ или ярмарокъ, съ монастырскихъ пастбищъ, мельницъ и др. угодій.

Сборы съ монастырскихъ лавочекъ на торговыхъ площадяхъ взимались чрезъ „особыхъ базарныхъ монаховъ“, которые слѣ-

---

[1]) Помѣрная пошлина издавна составляла привиллегію Доминиканскаго Николаевскаго монастыря. Она взималась со всего привозимаго на житній базаръ зернового хлѣба (по 1 грошу отъ воза, по 60 грошей съ большого судна, по 30 грошей съ малаго и по 15 грошей съ наименьшаго; по 12 грошей съ большой и по 6 грошей съ малой лодки. Когда Доминиканскій Николаевскій монастырь, по указу Петра I, былъ передѣланъ въ православный Петро-Павловскій монастырь, то право получать помѣрное не осталось за Петро-Павловскимъ монастыремъ, такъ какъ еще съ 1695 г. гетманскою грамотою Ивана Мазепы это право было даровано Кіево-Софійскому монастырю, что было подтверждено и царской грамотой Петра I въ 1700 г. Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій относительно помѣрнаго вошелъ въ добровольное соглашеніе съ кіевскимъ войтомъ, чтобы, взамѣнъ помѣрнаго натурою. Кіево-Софійскому монастырю было выдаваемо изъ Кіевской ратуши по 400 злотыхъ; зерно же помѣрное стало поступать въ Кіевскую ратушу. Это соглашеніе было утверждено грамотой Петра въ 1710 г., (собран. сочин. Крыжановскаго. т. I, стр. 285—288. „Оп. К. С. С.“ прилож. стр. 148, 188—190).

[2]) Перевозная пошлина, взимавшаяся при перевозѣ чрезъ рѣку Днѣпръ, по жалованной грамотѣ (1663 г.) короля Владислава IV, составляла привиллегію Подольскаго Успенскаго собора. Въ 1706 году она была отдана митрополиту Варлааму Ясинскому. Когда же сборъ сей былъ уступленъ магистрату, то указомъ 29 янв. 1710 г. было предписано выдавать на перевозъ чрезъ рѣку Днѣпръ по 50 р. ежегодно, при чемъ это право было отнято отъ Успенскаго собора и передано Софійскому каѳедральному монастырю. („Оп. К. С. С.“, стр. 264).

[3]) Рыбная десятина издавна составляла привиллегію Доминиканскаго монастыря, а гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ была передана митрополиту Сильвестру Коссову. Петръ I въ 1700 г., 16 апрѣля, также выдалъ митрополиту Варлааму Ясинскому грамоту, которой было предоставлено Кіево-Софійскому монастырю получать рыбную десятину на торгу при Кіевскомъ магистратѣ всякій день, въ какой будетъ рыбная продажа. Эта десятина была назначена Софійскому монастырю взамѣнъ тѣхъ рыбныхъ ловель, какія были въ его пользованіи до 1686 г., а потомъ отошли по трактату, заключенному съ Польшей, къ Польшѣ.

дили за тѣмъ, чтобы всякій останавливающійся на площади, прежде чѣмъ открыть какую нибудь торговлю, уплатилъ сперва пошлину въ пользу монастыря. Эта статья была очень доходная, особенно если ярмарки были замѣчательны и отличались многолюдствомъ; такъ, напр., Густынскій монастырь за 4 ярмарки получалъ въ годъ до 600 руб. [1]—сумму очень значительную для монастырей. Однако эти сборы, какъ и упомянутые выше сборы въ пользу Кіево-Софійскаго монастыря (помѣрное, перевозное и рыбная десятина), въ половинѣ XVIII в. прекратились. Причина заключалась въ томъ, что указомъ Елизаветы Петровны 15 іюля 1754 г. и 2 апрѣля 1755 г. всѣ внутренніе сборы въ Малороссіи были отмѣнены [2]).

Съ отмѣной всѣхъ внутреннихъ сборовъ монастыри уже не имѣли права производить сборы въ своихъ владѣніяхъ за переѣздъ по монастырскимъ мостамъ, дорогамъ, также за остановку и торговлю во время ярмарокъ на монастырскихъ площадяхъ. Взимать же плату за аренду лавокъ на базарныхъ монастырскихъ площадяхъ, монастыри, конечно, могли по прежнему, такъ какъ указанное запрещеніе не касалось арендной платы. Кіевскіе монастыри запрещеніе взимать внутренніе сборы встрѣтили съ большимъ неудовольствіемъ, какъ это видно изъ жалобъ предъ Комиссіею Уложенія [3]). Несомнѣнно, указанное запрещеніе, нанесшее ущербъ монастырскому хозяйству, представляло собою и нарушеніе правъ монастырскихъ, ибо монастыри доселѣ поль-

---

[1]) Ярмарки бывали: на Троицу и Успеніе при Густынскомъ монастырѣ, въ 10-го пятницу и 2-го іюля—при Дейманскомъ скиткѣ. На этихъ ярмаркахъ со всякаго пріѣзжаго воза взималось по 4 коп.; кромѣ того, монастырь еще получалъ доходъ за отдачу въ аренду лавочекъ, за продажу ладану, свѣчъ. Указанная сумма 600 руб., надо думать, нисколько не преувеличена, такъ какъ монастыри обыкновенно любили даже уменьшать цифру своихъ доходовъ („Опис. Стар. Малор." А. Лазаревскаго, т. Ш, стр. 352 и 406).

[2]) Указъ объ отмѣнѣ внутреннихъ пошлинъ съ разныхъ товаровъ, а также сборовъ перевозныхъ и мостовыхъ впервые былъ изданъ 20 декабря 1753 г. и касался Великороссіи (П. С. З. Р. И., т. ХШ, № 10,164). 15-го же іюля 1754 г. былъ отмѣненъ сборъ *индукты и эвекты*, т. е. тотъ, который взимался съ товаровъ провозимыхъ изъ Великороссіи въ Малороссію и обратно; тогда же были установлены новыя пошлины (Ibidem, т. XIV, № 10,258). Наконецъ, 2-го апрѣля 1755 г. и Малороссія была освобождена отъ всѣхъ внутреннихъ пошлинъ и сборовъ, при чемъ на войсковые расходы, которые раньше этого покрывались производимыми въ Малороссіи внутренними сборами, велѣно было отпускать въ войсковой скарбъ необходимую сумму (свыше 58 тыс. руб.) изъ государственной казны (Ibidem, т. XIV, № 10,386).

[3]) Сб. Им. И. Об., т. 43, стр. 501.

зовались своимъ правомъ на сборы на основаніи жалованныхъ царскихъ грамотъ; значитъ, разъ было признано необходимымъ совершенно уничтожить внутренніе сборы, то слѣдовало бы дать монастырямъ соотвѣтствующее вознагражденіе за лишеніе доходныхъ статей; Это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что, взамѣнъ отмѣненныхъ внутреннихъ сборовъ, на войсковые расходы стала отпускаться соотвѣтствующая сумма изъ государственной казны. Даже болѣе: обидно было для монастырей, что нѣкоторыми сборами, какъ, напр. помѣрнымъ, рыбной десятиной. Кіевскій магистратъ продолжалъ пользоваться и въ 60-хъ годахъ XVIII в., уже послѣ отмѣны внутреннихъ сборовъ [1]).

Что касается денежной руги изъ государственной казны, то, надо думать, она выдавалась монастырямъ во время митрополита Арсенія безъ задержекъ,—иначе кіевскіе монастыри не преминули бы занести соотвѣтствующую жалобу въ свои пункты.

Одну изъ доходнѣйшихъ статей для монастырей представляла продажа вина въ шинкахъ. Право винокуренія и свободной продажи вина принадлежало въ 1-й половинѣ XVIII в., по преимуществу, шляхетскому или служилому сословію. При массовомъ потребленіи вина шинкованье вообще было одной изъ самыхъ выгодныхъ и прибыльныхъ доходныхъ статей. Поэтому, кто только имѣлъ возможность, старался устроить шинокъ и даже винокурню, чтобы самому выкуривать вино. По замѣчанію Малороссійской Коллегіи, этотъ промыселъ былъ „генеральнымъ и безпредѣльнымъ“. Какъ велико было количество шинковъ въ Малороссіи, видно изъ того, что въ Глуховѣ, городѣ небольшомъ, въ половинѣ XVIII вѣка было 166 шинковъ [2]). Такъ распространенъ былъ этотъ промыселъ.

Монастыри въ этомъ отношеніи не отставали отъ другихъ. Многіе изъ нихъ пользовались правомъ винокуренія издавна; другіе, хотя не имѣли правъ, но постарались устроить себѣ шинки въ разныхъ мѣстахъ, какъ на своихъ, такъ и на чужихъ земляхъ [3]); при чемъ монастыри устраивали даже нѣчто въ родѣ

---

[1]) Ibidem, стр. 501.

[2]) Ibidem, стр. 288.

[3]) Такъ, Кіево-Кирилловскій монастырь имѣлъ 1 винокурню подлѣ монастыря и содержалъ въ Плоскомъ 3 шинка. Кіевскій магистратъ ходатайствовалъ, чтобы эти шинки были уничтожены; но Малороссійская Коллегія не нашла основаній сдѣлать это, такъ какъ шинки стояли на монастырской землѣ, и монастырь имѣлъ грамоты на ихъ содержаніе („Истор. Маг.“ Андріевскаго, вып. 7, 215, 226 и 227 стр.).

конкурренціи откупщикамъ. Такъ извѣстно, что откупщики жаловались въ Кіевскую губернскую и магистратскую канцеляріи что они не могутъ получить даже уплачиваемой выкупной суммы, такъ какъ монастыри въ своихъ шинкахъ продавали вино по очень низкимъ цѣнамъ [1]). Очевидно, дѣло продажи вина у монастырей было построено на возможно большемъ сбытѣ вина. Имѣя свой запасъ хлѣба, монастыри перегоняли его въ водку и продавали возможно дешевле, чтобы какъ можно больше сбыть ея: выигрышъ для монастырей былъ тотъ, что вмѣсто хлѣба, который при урожаѣ могъ обезцѣниваться и не могъ найти прямого сбыта, продавалась водка, переработанная своими даровыми силами; въ такомъ случаѣ монастыри получали вмѣсто хлѣба деньги, которыя въ то время такъ были дороги. Это такъ было выгодно для монастырей, что они старались какъ можно больше устроить шинковъ, не стѣсняясь никакими формальностями и ограниченіями. При томъ они не упускали никакого удобнаго случая, чтобы продать какъ можно больше вина: въ торговые или ярмарочные дни, во время прохода и постоевъ войскъ, сейчасъ же открывалась въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ было много народа и гдѣ ожидалось большое потребленіе вина, продажа вина изъ монастырскихъ винокуренъ или подъ монастырской вывѣской. Монастыри доходили до того, что желали запрещенія винокуренія всѣмъ казакамъ, исключая производства вина на личныя казачьи надобности. Иной разъ они и добивались такой привиллегіи: такъ, Густынскій монастырь еще у гетмана Самойловича выпросилъ запрещеніе торговли на своихъ ярмаркахъ „привозными горѣлками“, поэтому на ярмаркахъ продавалась только монастырская водка; ею торговали пріѣзжіе мѣщане, но въ особыхъ „будкахъ“, устроенныхъ спеціально для этого монастыремъ [2]).

---

[1]) Откупщики жаловались, прежде всего, на Лавру, что она устроила нѣсколько шинковъ и продавала вино дешевле и тѣмъ подрывала торговлю имъ. откупщикамъ. Когда взяты были справки то оказалось, что Михайловскій Златоверхій монастырь содержалъ 4 шинка (вмѣсто одного), Лавра—17, а Софійскій и Выдубицкій 9 шинковъ,—и это въ г. Кіевѣ. По ходатайству откупщиковъ, было разрѣшено содержать лишь Лаврѣ и Михайловскому монастырю (1) шинокъ, а всѣ другіе шинки велѣно было уничтожить (Ар. К. Выд мон., 1756—1757 года, № 753). Въ 1764 году снова было подверждено, чтобы всѣ монастырскіе шинки были уничтсжены и закрыты (Ibidem, 1764 г., ук. № 32).

[2]) „Опис. Стар. Малор.„, т. III, стр. 408.

Количество незаконно открытыхъ монастырями шинковъ было въ половинѣ XVIII вѣка достаточно. Такъ, между прочимъ, въ Кіевѣ разрѣшено было Златоверхо-Михайловскому монастырю имѣть лишь 1 шинокъ; вмѣсто этого, во владѣніи его было 4 шинка, Выдубицкій—имѣлъ 2 шинка, Кіево-Софійскій—7 [1]) По жалобѣ откупщиковъ, Кіевская губернская канцелярія въ 1757 г. потребовала доказательства правъ на шинкованіе и, затѣмъ запретила монастырямъ винокуреніе и продажу вина, такъ какъ монастыри не могли представить доказательствъ своихъ правъ на это. Въ это же время гетманъ Разумовскій запретилъ вообще духовенству выкуривать вино. Этимъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ монастырскому хозяйству, такъ какъ несомнѣнно и одинъ шинокъ могъ давать для монастыря значительныя средства. Поэтому, естественно, запрещеніе имѣть и открывать шинки вызвало неудовольствіе монастырей: послѣдніе никакъ не хотѣли помириться съ лишеніемъ такой доходной статьи, не смотря на то, что шинкованіе было совсѣмъ несовмѣстимо съ истинно монашескою жизнью (о чемъ еще рѣчь впереди), и продолжали содержать шинки даже въ Кіевѣ, на глазахъ магистрата и губернской канцеляріи.

Такъ, Выдубицкій монастырь, который лишенъ былъ права содержать шинки, въ 1764, и послѣ того продолжалъ содержать 2 шинка на прежнемъ мѣстѣ до 1769 г., пока снова не было запрещено содержать шинки и пока они не были конфискованы [2]).

Какъ велики были доходы отъ продажи вина, видно изъ того что Кіево-Выдубицкій монастырь за сивуху (до 4000 ведеръ), пиво (20 мѣрницъ) и медъ (4 кухи) получилъ въ 1757—1758 г. 2.400 рублей [3]).

Самая важная статья доходовъ заключалось въ земельныхъ надѣлахъ или въ угодьяхъ. Земельныя угодья монастырей были различны въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Нѣкоторые изъ монастырей, кромѣ пахатныхъ полей, имѣли рыбныя ловли (или пользовались извѣстной частью рыбнаго улова), мельницы на рѣкахъ и прудахъ, сѣнокосы, лѣсныя дачи, пасѣки; другіе были бѣднѣе,—имѣли лишь пахатныя поля безъ лѣсныхъ дачъ, безъ мельницъ. Также точно монастыри различались и по количеству тѣхъ угодій и земель, которыя были у нихъ во

---

[1]) Арх. К. Выд. мон., указ. кн. 1757, ук. № 793.

[2]) Ibidem, указ. кн. 1769 г., ук. № 192; Арх. К. К. № 89, Кіев. пов.

[3]) Ibidem, ук. кн. 1759 г., ук. № 38.

владѣніи. У нѣкоторыхъ число земель измѣрялось цѣлыми сотнями десятинъ; другіе имѣли всего нѣсколько десятковъ десятинъ земли, все зависило, съ одной стороны, отъ щедрости фундаторовъ монастырей, съ другой—отъ ловкости и практичности монастырскихъ настоятелей.

При этомъ владѣніе грунтами и землями соединялось съ правомъ на пользованіе руками крестьянъ, поселенныхъ вблизи тѣхъ или иныхъ монастыряхъ угодій: владѣнія были вотчинами съ опредѣленнымъ числомъ дворовъ и, въ крайнемъ случаѣ,—бездворныхъ хатъ, въ которыхъ жили приписные къ вотчинамъ крестьяне и даже казаки. Сколько было дворовъ и вотчинъ у кіевскихъ монастырей, можно видѣть изъ слѣдующаго:

Кіево-Софійскій монастырь имѣлъ 822 двора, Златоверхо-Михайловскій 308 дворовъ, Пустынно-Николаевскій 423 двора Кіево-Братскій 461 дворъ, Выдубицкій 457 дворовъ, Кіево-Петропавловскій 13 дворовъ и 3 бездворныхъ хаты, Кіево-Кирилловскій 38 дворовъ, Кіево-Богословскій 20 дворовъ, Кіево-Флоровскій 602 двора, Нѣжинскій Благовѣщенскій 109 дворовъ, Мгарскій Лубенскій 351 дворъ и 35 хатъ, Густынскій 206 дворовъ, Ладинскій 98 дворовъ, Максаковскій 176 дворовъ и 16 хатъ, Глуховскій 174 двора, Сорочинскій 10 дворовъ, Полтавскій Крестo-Воздвиженскій 209 дворовъ и 60 хатъ. Нехворощанскій 49 дворовъ, Гадяцкій 49 дворовъ и 2 хаты, Козелецкій Георгіевскій 26 хатъ, Гамалѣевскій 538 дворовъ и 29 хатъ, Батуринскій 149 дворовъ [1]). Эти дворы были во многихъ поселеніяхъ. Число послѣднихъ было такъ же различно, какъ различно количество дворовъ, при чемъ вотчины были въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, Софійскій каѳедральный монастырь имѣлъ до 40 вотчинъ въ Бориспольской, Остерской, Моровской, Кіевской и Козелецкой сотнѣ. Вотъ эти вотчины: въ Бориспольской сотнѣ с. Германовки, Деревянная, Козѣевка, Рославичи, Янковичи, Жуковицы, Долина, деревня Малая Бугаевка, деревня Крушники, деревня Мархалевка, мѣстечко Бѣлогородка, Боярка, с. Жиляны, с. Борщаговка; въ Остерской сотнѣ Церковищи; въ Моровской сотнѣ м. Моровскъ, деревни Атрохи, Бондары, Сукачи, Гуты, с. Соколецъ, д. Рудня и Коропы; въ Козелецкой сотнѣ д. Самойловка и с. Вовчикъ; въ 6-ой сотнѣ м. Стайки, м. Триполье, деревня Злодѣевка, с. Халепа, с. Койлово, Витачево, Веремя, Черняховъ и Красное; въ Кіевской сотнѣ с. Зазимъ и с. Погре-

---

[1]) Ibidem, 1765 г., указ. № 55; ук. кн. 1767 г., ук. № 59.

бы всего 36 селъ и деревень. Другіе монастыри имѣли меньшее количество вотчинъ, наприм. Златоверхо-Михайловскій 13, Выдубицкій 6 вотчинъ [1]), а Кіево-Петропавловскій монастырь имѣлъ всего 1 вотчину.

Указывая количество дворовъ и вотчинныхъ владѣній монастырей, мы должны оговориться, что по приведеннымъ нами даннымъ можно судить лишь приблизительно о доходности монастырей съ этой стороны: опредѣленныхъ и точныхъ данныхъ представить трудно, и вотъ почему.

Въ 1-хъ, несомнѣнно количество дворовъ измѣнялось, если не ежегодно, то спустя 3—5 лѣтъ; измѣнялось и количество бездворныхъ хатъ. Такъ, напр. во владѣніи Кіево—Софійскаго монастыря указано въ вѣдомости 1762 г. 898 дворовъ [2]), а въ 1764 г. 1068 хатъ [3]). Такія же разныя цифры показаны и въ отношеніи другихъ монастырей. Спрашивается: отчего такая разница? Надо полагать, что въ данномъ случаѣ происходило смѣшеніе дворовъ и хатъ: при исчисленіи дворовъ принимались въ вниманіе вообще отдѣльныя хаты.

---

[1]) Вотъ перечень вотчинъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря: с. Гневахи, двѣ Даниловки, хуторъ Малютинка, деревня Юрьевка, с. Круковщина, хуторъ Вета, Торновка, деревня Заборье, с. Борщаговка, с. Боденки, с. Крехаево, слобода Старогородская, Остерская (всѣ эти вотчины въ Остерской сотнѣ) и с. Видуровщина (Гоголевской сотни).

Кіево-Выдубицкій монастырь имѣлъ вотчины въ Остерской сотнѣ: м. Лѣтки, с. Рожны, деревню Свиноиды; въ Бобровицкой сотнѣ: с. Ярославку, д. Бервицу, а также с. Звѣринецъ и с. Лѣсники, д. Гуту и Осокорки, гдѣ состояло въ 1767 г. 457 дворовъ (А. К. Выд. мон., указ. кн. 1767 г., ук. № 59.

Кіево-Кириловскій монастырь имѣлъ вотчину въ Остерской сотнѣ с. Плоское.

Кіево-Флоровскому монастырю принадлежали, село Ходосовка, Подгорцы, Великія и Малые Дмитровичи, с. Ханбыковъ и слобода Нижняго Кудрявца, с. Великая Бугаевка, с. Сенковки, д. Плоская, с. Иванково и с. Русановъ.

Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь имѣлъ слѣдующія вотчины: въ Остерской сотнѣ с. Гвоздовку, Гатное, дер.. Борщаговку, Поле Никольское; въ Бориспольской сотнѣ с. Гортничи, с. Княжичи и дер. Тростянки; въ Гоголевской сотнѣ—Никольскую Слободку.

Вотчины Кіево-Братскаго монастыря слѣдующія: въ Остерской сотнѣ с. Карпиловка, д. Лутово, Гута, Виповзово, Упирня, Кой..вецъ, Косачевка, д. Шидловская Гребля, с. Мотовиловка, с. Борщаговка, слоб. Офѣрная, Перевозная, хут. Стрѣтовка, Подгорцы, с. Мостище и Плисецкое. (Ар. К. Выд. мон. Указ. кн. 1760 г., 1761 г., ч. 2-я ук. № 4 и 5; указ. кн. 1763 г.—1764 г. л. 46).

[2]) А К. Выд. мон., указ кн. 1762—1763 г., л. 46.

[3]) Ibidem., указ. кн. 1764 г., № 22.

Гораздо правильнѣе и точнѣе можно было бы судить о богатствѣ монастыря, если бы счетъ производился по количеству душъ, какъ вобще всѣхъ бывшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, такъ въ особенности взрослыхъ, подлежавшихъ несенію разныхъ повинностей. Къ сожалѣнію, намъ не встрѣчалось подобныхъ вѣдомостей. Количество же дворовъ не даетъ прочныхъ основаній для опредѣленія количества душъ. А. М. Лазаревскій считаетъ, что каждый дворъ могъ состоять приблизительно изъ 3-хъ душъ, обязанныхъ нести повинности. Но во дворѣ могло быть такихъ душъ и больше.

Это 2-е.

Въ 3-хъ, съ вѣроятностію можно предполагать, что сами монастыри производили утаиваніе своихъ дворовъ: мы уже видѣли, что подобное утаиваніе допускалось приходскимъ духовенствомъ, съ цѣлью уменьшить сумму налоговъ и сборовъ въ пользу каѳедры. Подобное могло быть и въ монастыряхъ. И вотъ почему: монастырямъ было гораздо выгоднѣе показывать количество дворовъ и душъ меньше дѣйствительнаго, чтобы тѣмъ меньше платить разныхъ сборовъ и нести разныхъ стѣснительныхъ повинностей; съ другой стороны, даже при провѣркѣ числа дворовъ по числу усадебныхъ мѣстъ или строеній, могло оказаться что не всѣ дворы были обитаемы: крестьяне нерѣдко убѣгали съ монастырскихъ дворовъ; тогда монастыри имѣли даже право показать количество обитаемыхъ дворовъ меньше количества бывшихъ въ наличности дворовыхъ строеній.

Нужно прибавить, что было бы цѣннѣе имѣть свѣдѣнія о количествѣ десятинъ, бывшихъ во владѣніи монастырей; но и съ этой стороны не удалось подыскать свѣдѣній. Равнымъ образомъ намъ не встрѣчалось свѣдѣній о добровольныхъ подаяніяхъ благотворителей и богомольцевъ, приходившихъ въ монастыри. Поэтому намъ остается строить приблизительныя соображенія о богатствахъ монастырскихъ. Съ большею вѣроятностью можно предполагать, что владѣніе многими вотчинами съ разными рыбными ловлями, лѣсами, съ сотнями рабочихъ рукъ, дѣйствительно, могло служить источникомъ богатствъ для монастырей, и жаловаться на бѣдность имъ не слѣдовало бы и не приходилось бы: нужно было бы только хорошо управлять своими вотчинами, распоряжаться своимъ хозяйствомъ,— и хватило бы средствъ не только на благоукрашеніе храмовъ обители, на содержаніе братіи, но и на разныя благотворительныя дѣла. Замѣтимъ, что многіе изъ монастырскихъ настоятелей и настоятельницъ, дѣйствительно, были людьми очень опытными, даже ловкими въ веденіи мона-

стырскаго хозяйства: они тщательно охраняли свои владѣнія отъ посягательствъ со стороны другихъ, округляли монастырскія имѣнія занятіемъ сосѣднихъ угодій (иной разъ съ насиліемъ надъ сосѣдними владѣльцами) и, затѣмъ, выпрашивали для утвержденія за монастыремъ фундуши и привиллегіи на всѣ владѣнія. Многіе въ этомъ успѣвали очень хорошо, какъ, напр.. Глуховскій Петро-Павловскій монастырь, о которомъ замѣчается у одного изслѣдователя слѣдующее: „монастырь этотъ при Хмѣльницкомъ былъ настолько незначительнымъ, что не могъ выпросить и одного универсала у этого гетмана, который щедро надѣлялъ монастыри маетностями. Но возникнувъ въ половинѣ XVII вѣка, Петро-Павловскій монастырь къ концу того вѣка сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ по количеству пріобрѣтенныхъ имъ маетностей; этому обстоятельству способствовало изобиліе незанятыхъ вокругъ монастыря земель, на которыхъ монастырь безпрепятственно садилъ слободы, а затѣмъ безъ труда получалъ на нихъ гетманскіе универсалы“ [1]).

Такъ-же поступали и другіе монастыри.

Такъ, Крупицкій Батуринскій монастырь завладѣлъ селомъ Спасскимъ, исключительно благодаря настойчивости и умѣнію вести дѣло по судамъ, проявленному монастырскими властями, но безъ юридическихъ основаній [2]). При томъ монастыри не брезгали никакими средствами для увеличенія своихъ владѣній: гдѣ нельзя было купить или пріобрѣсть за безцѣнокъ, тамъ, какъ видно изъ указанныхъ примѣровъ, брали силою, самовольно, съ насиліемъ надъ дѣйствительными владѣльцами [3]).

Такимъ образомъ, монастыри Кіевской епархіи уже въ 1-ой четверти XVIII вѣка были очень богатыми, владѣли значительными вотчинами и имѣли достаточно средствъ даже для того, чтобы ѣсть рыбку, конечно, не одну вялую, но и свѣжую [4]).

Но къ половинѣ XVIII вѣка многіе изъ монастырей оказались въ тяжеломъ положеніи: по замѣчанію изслѣдователей бы-

---

[1]) А. Лазаревскій „Описан. Старой Малороссіи“, т. II, стр. 467.

[2]) Исторія пріобрѣтенія монастыремъ с. Спасскаго приведена у А. М. Лазаревскаго въ его II т. „Описаніе старой Малороссіи“ (стр. 446—449).

[3]) Примѣръ насилія виденъ въ исторіи пріобрѣтенія маетностей Кербутовскаго монастыря. „Оп. Ст. Малор.“ т. II, 296—297 стр.

[4]) Монахи, правда, жаловались, что „свѣжую рыбку мало и видали“, но жалоба эта преувеличена: даже и такіе малые монастыри, какъ Кербутовскій, имѣли средства для существованія. („Опис. Стар. Мал“. т. II, стр. 403.)

та монастырей. XVШ вѣкъ былъ для малороссійскихъ монастырей вѣкомъ тяжелаго экономическаго кризиса: хозяйство монастырское приходило въ упадокъ; монастыри обременены были многими платежами, постоями и повинностями; монастырская казна была истощена. Улучшить же положеніе было трудно. Спрашивается: гдѣ причина такого тяжелаго положенія монастырей въ половинѣ XVШ вѣка?

Въ отвѣтъ на это нужно сказать слѣдующее:

Во 1-хъ, монастырскому землевладѣнію былъ нанесенъ ударъ запрещеніемъ пріобрѣтать новые грунты и земли. Какъ извѣстно, въ 1728 году гетманъ Даніилъ Апостолъ добился указа изъ Государственной Канцеляріи, которымъ было запрещено духовенству и монастырямъ пріобрѣтать новыя земли и угодья путемъ обмѣна старыхъ, покупки новыхъ и принятія въ даръ на поминъ души. Такимъ образомъ, прекращенъ былъ источникъ и самая возможность увеличенія монастырскихъ грунтовъ; особенно чувствительно для монастырей было запрещеніе даже принимать земли въ даръ, на поминъ души.

Во 2-хъ, многіе монастыри пришли въ разстройство, благодаря насиліямъ со стороны другихъ владѣльцевъ и даже монастырей.—Въ XVШ в. въ Малороссіи сохранялъ силу и значеніе Литовскій Статутъ, который открывалъ возможность владѣльцамъ дѣлать захваты у другихъ владѣльцевъ и отстаивать эти захваты; достаточно было сослаться на показанія нѣсколькихъ старожиловъ, что та или другая земля когда-то была въ пользованіи захватившаго (хотя бы въ дѣйствительности этого и не было), и это давало возможность даже предъ судомъ отстаивать свои права на захваченную землю. Многіе изъ владѣльцевъ пользовались слабостью и бездѣятельностью настоятелей; даже казаки, и тѣ присваивали себѣ монастырскія земли, на которыхъ жили, и отдавали ихъ въ приданое своимъ дѣтямъ [1]).

Не обходилось безъ того, чтобы и сами монастыри не прибѣгали къ такому же способу, и одинъ у другого отнимали грунты и земли. Для примѣра укажемъ на споръ между Софійскимъ и Братскимъ монастыремъ изъ-за владѣнія с. Ходосовкой и др, на споръ Выдубицкаго монастыря съ Лаврой, захваты со стороны Флоровскаго монастыря.

---

1) Сб. И. И. О. т. 43., стр. 561, 484.

Въ 3-хъ, монастырское хозяйство пришло къ половинѣ XVШ вѣка въ упадокъ, вслѣдствіе тѣхъ судебныхъ процессовъ, которые вели монастыри изъ за грунтовъ и своихъ владѣній. Желаніе отстоять владѣнія своего монастыря побуждало настоятелей обращаться даже въ свѣтскіе суды и къ стряпчимъ по судебнымъ дѣламъ, хлопотать о пересмотрѣ дѣла, если оно было рѣшено не въ пользу монастыря, о вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Такія дѣла и хлопоты по нимъ иной разъ тянулись по нѣсколько десятилѣтій. Не обходилось при этомъ безъ подарковъ и посуль судьямъ и всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ прикосновеніе къ дѣлу. Въ другихъ случаяхъ, когда приходилось отстаивать незаконно присвоенныя маетности и грунты, такого рода расходы, конечно, еще болѣе увеличивались, такъ какъ нужно было подыскать свидѣтелей, уговорить ихъ, расположить къ благопріятнымъ показаніямъ угощеніемъ и всякими посулами. Если у монастыря и не было споровъ изъ за грунтовъ, то онъ старался, по крайней мѣрѣ, собрать всѣ необходимые документы на всякій случай, чтобы, когда явится необходимость, сразу можно было отстоять свои права. Это было дѣломъ простой предусмотрительности монастырскихъ властей. Тѣмъ не менѣе собираніе разныхъ копій на выданныя грамоты стоило не мало и обходилось большими расходами на вознагражденіе канцелярістовъ. Нѣкоторые монастыри доходили въ своихъ спорахъ до курьезовъ: архимандритъ, переведенный въ другой монастырь, поднималъ дѣло противъ того монастыря, изъ котораго только что ушелъ. Такъ, гамалѣевскіе монахи, не довольствуясь своими богатыми маетностями, вѣчно спорили съ своими сосѣдями за земли, особенно за лѣсныя дачи, у которыхъ не было точныхъ границъ. Св. Синодъ, указывая на безпорядки въ монастырской жизни въ половинѣ XVШ в., писалъ: „и нынѣ Гамалѣевскаго монастыря архимандритъ Давидъ по одному своему монастырю тяжебныхъ дѣлъ до ста объявляетъ“ [1])

При такихъ спорахъ и тяжебныхъ дѣлахъ какое хозяйство не пришло бы въ упадокъ?!

Наконецъ, въ 4-хъ, хозяйство монастыря приходило въ разстройство отъ безпорядочнаго веденія его настоятелями, даже больше,—отъ растратъ и расточительности настоятелей. Если одни изъ настоятелей собирали богатства для монастыря, то другіе не только не могли сохранять ихъ, но даже расточали ихъ безпут-

[1]) „Опис. стар. Малорос.“, т. II стр. 355.

но, на свои личныя нужды, растрачивали монастырское добро на удовольствія всякаго рода. Такъ бываетъ и съ разными другими имѣніями: кулакъ—предокъ собираетъ богатства, а потомки его, привыкшіе жить въ довольствѣ и роскоши, расточаютъ доставшееся безъ труда богатое наслѣдство. То же случилось и съ кіевскими монастырями. Такъ какъ нравственная жизнь въ малороссійскихъ монастыряхъ въ XVIII в. отодвинута была на задній планъ, первое же мѣсто въ жизни монастырей заняли экономическіе интересы, то это неизбѣжно приводило монастыри къ увлеченію мірскими заботами и интересами, откуда недалеко было и до увлеченія разными удовольствіами міра: пьянство, разгулъ не замедлили поселиться въ монастыряхъ,—и это окончательно подорвало матеріально-экономическое состояніе монастырей. Чтобы не быть голословными, укажемъ на примѣръ въ лицѣ игумена Густынскаго монастыря, Мелхиседека Богдановича, [1] также на упомянутаго выше Давида Нащинскаго, который слишкомъ роскошно жилъ и объѣдалъ монастырь.

Таковы были причины тяжелаго экономическаго положенія монастырей.

Къ этому нужно прибавить еще и то, что монастыри были обременены разными налогами и повинностями, а также сборами на государственныя и епархіальныя нужды.

Налоги эти были значительны, а повинности всякаго рода—тяжелы.

Такъ, монастыри должны были принимать на постой многочисленную армію, проходившую по Малороссіи и остававшуюся здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время. Постои, конечно, были не въ самомъ монастырѣ, а въ монастырскихъ вотчинахъ, во дворахъ крестьянъ; какъ равно и налоги взыскивались по числу хатъ или дворовъ и съ тѣхъ же крестьянъ; но такъ какъ экономическое благополучіе монастырей, какъ и другихъ владѣльцевъ, покоилось преимущественно на благополучіи вотчинныхъ крестьянъ, то, понятно, обремененіе повинностями крестьянъ отзывалось на экономическомъ положеніи монастырей. Для примѣра слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что, съ изданіемъ указа о взиманіи рублеваго подушнаго оклада, многіе изъ крестьянъ стали убѣгать изъ монастырскихъ вотчинъ [2],—такъ

---

[1] Ibidem, т. III. стр. 402

[2] „Сб. И. И. О.“ т. 43 стр. 499.

тяжело было отъ всѣхъ повинностей и налоговъ; если же дворы и хаты стояли пустыми, то какое могло быть благополучіе монастырей?!

Относительно повинностей всякаго рода укажемъ на слѣдующее: была повинность провіантская (доставленіе фуража для солдатъ и для лошадей), пограничная (по устройству засѣкъ и просѣкъ, маяковъ), земская (по устройству дорогъ), мостовая, конская (по доставкѣ лошадей для арміи, для проѣзду разныхъ государственныхъ чиновниковъ) и другія. Вотъ, напр., 24 іюля 1760 г. назначено было доставить „раціи“ на содержаніе московскаго драгунскаго полка [1]); 28 ноября того же года назначено было поставить извѣстное число подводъ на Сорокошицкую дистанцію [2]), 22 сентября 1757 г., по распредѣленію полковой канцеляріи было назначено выставить отъ 58 дворовъ м. Моровска (владѣнія Софійскаго монастыря) 10 пѣшихъ и 5 конныхъ работниковъ, отъ 100 дворовъ м. Лѣтокъ 18 пѣшихъ и 9 конныхъ работниковъ, отъ 28 дворовъ с. Рожекъ 5 пѣшихъ и 2 конныхъ работниковъ [3]).

Такія повинности были почти постоянно и непрерывно. И народъ и монастыри были отягощены ими такъ, что искали всякаго случая уклониться отъ исполненія; на требованія представить туда столькихъ работниковъ или подводъ—монастыри отвѣчали пассивнымъ протестомъ,—не высылали ни тѣхъ, ни другихъ.

Обидно было монастырямъ, что отъ постоевъ не освобождались и дворы, устроенные на случай пріѣзда въ вотчины кого либо изъ монастырскихъ властей; затѣмъ, и то, что разныя власти усиливали тяготу повинностей, т. е. требовали лишняго на свои личныя нужды; за взятое сѣно, дрова, скотъ ничего не платили, все это брали насильно [4]), а также чинили всякія другія насилія и допускали своеволіе, напр. при закрытіи шинковъ и заводовъ, разрушали строенія, портили котлы и т. д.

---

[1]) Согласно расписанію, напр., изъ с. Лѣтокъ Выдубицкаго монастыря надлежало внести 150 п. сѣна, изъ с. Рожановъ 46 п., Свиноидовъ 18 п., Гуты 5 п. сѣна (Ар. К. Выд. мон. указ. кн. 1760 г., ук. № 35).

[2]) Изъ м. Моровска (Софійскаго монастыря) 5 подводъ, м. Лѣтокъ 9 подводъ деревни Рожковъ 2 подводы и т. д. (Ар. К. Выд. мон., указ. кн. 1760 г., ук.№ 77).

[3]) Ар. К. Выд. мон. 1757 г., ук. Полков. Канцел. 22 сент. 1757 г.

[4]) Сб. И. И. Об. т. 43 стр. 482, 483, 496, 497.

Кромѣ государственныхъ повинностей, монастыри были обременены и епархіальными налогами всякаго рода. Такъ, они должны были доставлять съѣстные припасы на содержаніе каѳедральной канцеляріи, доставлять всякіе сборы въ каѳедральную казну, на академію. При этомъ нельзя было отказываться отъ доставки, была ли къ этому какая либо возможность, или нѣтъ. Мы выше приводили, какъ неисправно поступали отъ монастырей сборы на каѳедральную канцелярію, приводили и тѣ основанія, на которыя указывали монастыри, какъ на причину промедленія въ доставкѣ ихъ. Справедливость требуетъ сказать, что основанія были резонны.

Или вотъ примѣръ: изданъ указъ о кошельковомъ сборѣ на заграничные монастыри. Поднялся вопросъ: какъ его взимать? Рѣшено было требовать сборъ по числу дворовъ и, кромѣ того, по особой раскладкѣ. Не справлялись, въ состояніи ли монастырь уплатить сборъ.

А. М. Лазаревскій указываетъ, что монастыри, какъ, напр. Густынскій, всячески старались отказаться отъ всякихъ сборовъ. Это справедливо; но справедливо и то, что въ половинѣ XVIII вѣка монастырское хозяйство было въ большомъ разстройствѣ, а налоги не только не уменьшались, но даже увеличивались.

Все это показываетъ, что матеріально-экономическое положеніе монастырей въ половинѣ XVIII вѣка было значительно подорвано.

IV.

Обращаясь къ нравственной жизни монастырей Кіевской епархіи, мы прежде всего должны сказать, что на первомъ планѣ должно быть поставлено уклоненіе отъ идеала монастырской жизни, какъ главный порокъ монастырскихъ обитателей.

Это уклоненіе вышло непроизвольно, но явилось оно, какъ результатъ того направленія (экономической) жизни, какое оказалось въ монастыряхъ къ началу XVIII вѣка.

Какъ мы выше указали, преобладающее направленіе въ монастыряхъ было хозяйственно-экономическое. Естественно, конечно, было монастырямъ позаботиться о своемъ обезпеченіи и ходатайствовать о дорованіи земель и разныхъ угодій для обезпеченія братіи.

Большинство такихъ фундушей и грамотъ и привиллегій относится къ XVII вѣку и къ первой четверти XVIII вѣка. Но

монастыри не удержались на этомъ пути. Мы выше приводили примѣры, что, желая лучше обезпечить себя, монастыри стали самовольно захватывать прилегающія лѣсныя дачи, озера и поля, что особенно было легко при отсутствіи опредѣленныхъ границъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше монастыри увлекались хозяйственными дѣлами: обширныя владѣнія требовали много труда и многихъ лицъ для веденія хозяйства. Отсюда братія проводитъ время больше внѣ монастыря, при разныхъ „послушаніяхъ“, хотя эти послушанія мало мирятся съ монастырскимъ уставомъ. Недовѣріе къ постороннимъ людямъ, отчасти недостатокъ средствъ на наемъ заставляетъ монастыри назначать на послушанія своихъ же: и монахи являются шафарами, городничими на мельницахъ, въ монастырскихъ шинкахъ, на монастырскихъ базарахъ. Такъ какъ, кромѣ глаза, нуженъ былъ и трудъ, и трудъ не малый, особенно во время полевыхъ работъ, во время продажи водки, во время сборовъ ярмарочныхъ, поведерковыхъ, помѣрочныхъ, то монахи являлись, такимъ образомъ, больше дѣлателями мірскими, чѣмъ подвижниками внутренняго, духовнаго дѣланія. Такое положеніе было, конечно, тяжелымъ для монашествующихъ, искавшихъ въ монастырѣ удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ; но оно было почти неизбѣжно въ тогдашнихъ монастыряхъ; потому тяготившіеся соблазнительными послушаніями являлись въ глазахъ братіи, особенно старшей, людьми задорными, неспокойными. Такъ, одинъ монахъ Кіевской Лавры Іеремія, на котораго воздвигала гоненіе братія, пишетъ о себѣ, что онъ былъ назначенъ сперва къ разнымъ канцелярскимъ дѣламъ, потомъ, удалился отъ этихъ дѣлъ на покой въ Китаевскую пустынь. Здѣсь, однако, онъ не оставался въ покоѣ: „На меня, пишетъ онъ, нашла отъ Лавры неудобоносимая лютость за лаврскіе по Василькову трактирные промыслы, ибо я принужденъ былъ, исполняя лаврское повелѣніе, о тѣхъ новоизобрѣтеныхъ въ Лаврѣ, подъ именемъ святого послушанія, трактирныхъ промыслахъ, дѣлать счеты и забирать съ трактирными кредиторами о долгахъ справки, волочась для того по Кіеву-Подолу и другимъ мѣстамъ, съ чувствительнымъ въ разсужденіи монашества, стыдомъ; и чтосъ не потрафилъ я къ лаврской угоднисты въ сочиненіи трактирнаго Епифаніева ращету, что изъяснилъ въ одномъ тѣ самимъ дѣломъ бывшіе справедливости, коимы за трактиръ и биллярь самими управляемой было и есть отъ честныхъ людей, а паче отъ иностранныхъ удивительное посмѣ-

яніе и поношеніе на Лавру и на монашеской чинъ“ [1]) Въ этихъ словахъ, очевидно, звучитъ душевное смущеніе искавшаго въ монастырѣ чисто духовной жизни и дѣятельности человѣка, который съ первыхъ же дней пребыванія въ монастырѣ увидалъ, что монастыри по преимуществу преслѣдуютъ экономическія выгоды и интересы и даютъ, подъ видомъ „святого послушанія“, разнаго рода работы даже внѣ монастыря, въ шинкахъ и трактирахъ. Понятно, для людей, искавшихъ въ монастырѣ не подвиговъ духовной дѣятельности, а пріюта и обезпеченія, жизнь при такихъ послушаніяхъ была даже привлекательной, такъ какъ очевидно было, что монастырь не разрываетъ связи съ житейскими обычными дѣлами. Но для людей, искавшихъ въ монастырѣ удовлетворенія своимъ высшимъ потребностямъ духа, желавшимъ аскетическихъ подвиговъ, монастырскія послушанія на базарѣ или при шинкѣ и вообще вся суетливость въ монастырскихъ заботахъ о матеріальныхъ выгодахъ казалась неудовлетворительною, даже соблазнительной. Увлеченіе хозяйственными заботами превратило монастыри въ какіе то хозяйственно экономическіе пункты, сосредоточившіе въ себѣ и около себя много вотчинъ, и далеко удаляло отъ назначенія монастырей служить центрами подвижнической и просвѣтительной жизни и дѣятельности.

Естественно, при такомъ направленіи монастырей, трудно было искать въ нихъ проявленія высшихъ подвиговъ человѣческаго духа: если были подвижники въ кіевскихъ монастыряхъ, то имена и подвиги ихъ остались неизвѣстными міру, а вѣдомы Единому Богу. Авторъ описанія Кіево-Кирилловскаго монастыря говоритъ: „Въ XVIII вѣкѣ бытъ монастырей сузился въ тѣсныя рамы собственныхъ частныхъ интересовъ, а эти послѣдніе для посторонняго наблюденія представляются ограниченными только матеріальными потребностями, допускавшими развѣ тѣ внутреннія личные подвиги, которые извѣстны одному Богу“ [2]) „Хозяйственное направленіе“—пишетъ одинъ изъ историковъ Кіево-Флоровскаго монастыря,—„которымъ не въ мѣру увлекались монастыри, чѣмъ дальше, тѣмъ больше входило въ явное противорѣчіе съ истиннымъ характеромъ иноческой жизни. Владѣя многочисленными вотчинами и принужденные неумолимою силою обстоятельствъ вести изъ за нихъ почти вѣковыя тяжбы,

---

[1]) Ар. К. Печ. Лавр. д., № 229.
[2]) Кіев. Еп. В. 1863 г. стр. 682.

монастыри столкнулись съ мірскою суетою... ни избѣжали соблазна, заразились ею" [1]). Это приложимо ко всѣмъ монастырямъ Кіевской епархіи половины XVIII вѣка.

Увлеченіе мірскими заботами приводило монастыри ко многимъ другимъ недостаткамъ нравственной жизни, которыхъ трудно было избѣжать въ созданныхъ самими монастырями обстоятельствахъ. Таковы пороки: страсть къ наживѣ, тяжбы и сутяжничество, обиды и насилія надъ сосѣдними владѣльцами, особенно притѣсненія собственныхъ крестьянъ, желаніе обратить даже казаковъ въ своихъ подданныхъ. Эти пороки, естественно, были въ жизни монастырей прямымъ слѣдствіемъ увлеченія мірскими заботами.

Въ самомъ дѣлѣ, желаніе обезпечить себя при благопріятныхъ обстоятельствахъ (каковы: подходящій случай, недостатокъ нравственнаго развитія) приводитъ къ пристрастію, къ богатству, къ любви къ наживѣ. А монастыри именно видѣли, что присвоеніе лишняго вполнѣ возможно: бывшій въ Малороссіи въ употребленіи Литовскій Статутъ не препятствовалъ разнымъ захватамъ, такъ какъ давалъ большое предпочтеніе показаніямъ старожиловъ; послѣднихъ же всегда легко было подыскать и въ самомъ неправомъ дѣлѣ, для этого достаточно было подкупить водкой нѣсколькихъ людей. Этимъ пользовались многіе владѣльцы, казаки и т. д. Монастыри также пользовались благопріятными обстоятельствами для захватовъ лѣсныхъ дачъ, земель и разныхъ угодій и, при помощи показаній своихъ людей, отстаивали свои права на захваченныя земли.

Такъ какъ въ числѣ захваченныхъ земель оказывались и земли не свободныя, а принадлежавшія владѣльцамъ, то изъ-за захватовъ возникали тяжбы. Монастыри, такимъ образомъ, втягивались въ сутяжничество. Начинались судебныя хлопоты: поѣздки въ судъ, къ повытчикамъ, вызовъ и подкупъ свидѣтелей. Это было почти во всѣхъ монастыряхъ.

Правда, сами монастыри иногда терпѣли обиды и вынуждались начинать дѣло изъ-за своихъ же земель, ибо многіе изъ владѣльцевъ, пользуясь Литовскимъ Статутомъ для своихъ же своекорысныхъ цѣлей, отнимали земли и у монастырей. Отъ нихъ не отставали и казаки, жившіе на монастырской землѣ; они передавали монастырскія земли въ качествѣ наслѣдства сыновьямъ или какъ приданое дочерямъ.

---

[1]) Ibidem, 1895 г., стр. 398.

Тогда благоразумная распорядительность заставляла монастыри отстаивать свои интересы. Но бывало, что монастыри одинъ у другого производили подобныя же насилія. „Хлопоты о грунтахъ, постоянное изъ за нихъ сутяжничество, стремленіе къ обогащенію винной торговлей, наконецъ несимпатичное желаніе обратить казаковъ въ своихъ подданныхъ, или согнать ихъ съ земель,—вотъ черты для характеристики монастырей конца прошлаго XVIII вѣка“,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей быта духовенства предъ Комиссіей Уложенія [1]).

Преувеличеній въ этой характеристикѣ нѣтъ. Консисторскій архивъ XVIII вѣка, а также архивъ Кіевскаго губернскаго правленія представляютъ много документальныхъ данныхъ, что половина XVIII вѣка была въ жизни монастырей временемъ необыкновенной судебной и тяжебной горячки,

Это было время усиленной борьбы монастырей какъ другъ съ другомъ. такъ и съ другими владѣльцами изъ за грунтовъ,—борьба, которая тянулась иногда по нѣсколько лѣтъ, даже десятилѣтій, вплоть до самаго отнятія монастырскихъ земель (въ 1786 г.). Нѣкоторые изъ монастырей вели даже по нѣсколько процессовъ одновременно. Такъ, Кіево-Выдубицкій монастырь велъ дѣло по 23 жалобамъ на захваты его владѣній Кіево-Печерской Лаврой [2]). Кіево-Богословскій монастырь спорилъ съ Флоровскимъ и Златоверхо-Михайловскимъ изъ за Ходосовки и Круковщины; игуменья Богословскаго монастыря обращалась даже въ Св. Синодъ и Сенатъ. Дѣло тянулось 75 лѣтъ, побывало въ Сенатѣ, въ генеральной войсковой канцеляріи и во многихъ другихъ судебныхъ инстанціяхъ, и всетаки не дождалось окончательнаго рѣшенія; только отобраніе монастырскихъ имуществъ прекратило распри [3]). Кіево-Софійскій каѳедральный и Кіево-Братскій училищный монастырь вели между собою тяжбу изъ за грунтовъ около м. Триполья и с. Стаекъ.

Споръ вышелъ вотъ по какому случаю. Софійскій монастырь, имѣя землю въ Трипольѣ, по сосѣдству съ Стайками, вслѣдствіе неправильнаго размежеванія, еще въ 1748 г. захватилъ часть земли, принадлежавшей Братскому монастырю. По жалобѣ архимандрита Братскаго монастыря, Манассіи Максимовича, митрополитомъ Тимоѳеемъ была назначена комиссія для размежеванія спорныхъ земель. Но комиссія Софійскаго монастыря

---

[1]) Кіев. Ст. 1890 г., т. 31, стр. 480.

[2]) А. К. К. 1760 г., д. Кіев. пов. № 158

[3]) „Самуилъ Мислављскій“, Рождественскаго, стр. 78

вела себя противозаконно; она устранила братскихъ старожиловъ и одного изъ нихъ (Якова Яцюку) избила до крови Размежеваніе было произведено въ явный ущербъ Братскому монастырю. Мало того, софійскіе монахи произвели захваты на безспорно принадлежавшихъ Братскому монастырю земляхъ. Такъ, въ 1759 г. Трипольское управленіе захватило Братское сѣно и просо, а въ 1760 г. подданные Софійскаго монастыря присвоили себѣ 100 копенъ гречки, принадлежавшей Братскому монастырю [1]). Жалобы на это своеволіе софійскихъ монаховъ неоднократно были подаваемы Братскимъ монастыремъ, но онѣ оставались безуспѣшными, и софійскіе монахи продолжали притѣснять жителей с. Стаекъ. Такъ тянулось дѣло до конца 1765 г., пока, наконецъ митрополитъ Арсеній не назначилъ особой комиссіи для полюбовной сдѣлки и размежеванія спорныхъ земель [2]).

Но примиреніе состоялось только въ 1768 г. 23 сентября, когда митрополитъ Арсеній самолично разграничилъ спорныя земли [3]).

Въ самомъ Кіевѣ, такъ сказать, на виду у магистрата, кіевскіе монастыри успѣвали производить захваты, строить на чужихъ земляхъ шинки и т. п. Такъ, монахи Братскаго монастыря и Флоровскаго тайно, безъ вѣдома магистрата, присоединили вольныя земли умершаго мѣщанина Ѳеодора Сычевскаго и Маріи Устельчихи; Кіево-Петро-Павловскій монастырь завладѣлъ „мѣстною“ землею и присоединилъ много мѣщанскихъ дворовъ къ своему двору [4]).

Монастырское корыстолюбіе и своеволіе не щадило особенно частныхъ владѣльцевъ. Такъ, напр. выдубицкимъ монахамъ понравилось урочище Звѣринецкое, богатое садами, принадлежав-

---

[1]) „К. Брат. училищный монастырь“, Н. Мухина, К. 1893, стр. 191—192.

[2]) Интересна самая резолюція м. Арсенія, данная въ этомъ случаѣ. Вотъ она: „Наше крайнее намѣреніе и желаніе есть, дабы сіе дѣло разобрано было домовно, безъ корыстолюбія отъ какой либо стороны, по единой истинѣ, не волочась и не убыточась по свѣтскимъ судамъ въ предосужденіе духовному чину, и когда по первымъ нашимъ резолюціямъ сіе разобраніе прописаннымъ въ семъ доношеніи затрудненіямъ подлежитъ, то и тѣхъ затрудненій для скорѣйшаго окончанія дѣла и прекращенія споровъ убѣгать благословно есть. Токмо требуется, чтобъ было отъ обоихъ сторонъ на то согласіе, для того о показанномъ въ семъ доношеніи миролюбовно, о разобраніи имъ объявить и когда обостренное на то согласіе будетъ, то велѣть имъ о томъ намъ доношеніемъ представить“. (А. К. Кон. 1765 г., резол. 17 окт., № 1349).

[3]) „Кіево-Братскій.. Мон.“ Н. Мухина, стр. 193.

[4]) А. К. К. 1765 г., промем. № 392.

шее канцеляристу Общему, и монахи, „выступая изъ благопристойности и порядковъ узаконенныхъ“, „безъ резонной причины“, начали притѣснять этого канцеляриста, насылать на него разныхъ лицъ, съ цѣлію выжить его. Въ такихъ случаяхъ не обходилось безъ насилія и кровавыхъ побоевъ и увѣчій [1]).

Особенною неуживчивостію отличались гамалѣевскіе монахи, которые постоянно спорили съ владѣльцами изъ за грунтовъ [2]). Такую же неуживчивость и корыстолюбіе проявляли монахини женскаго Флоровскаго монастыря [3]).

Чтобы обезпечить себѣ независимость своихъ владѣній отъ разныхъ посягательствъ со стороны другихъ монастырей, нѣкоторые изъ монастырей вступали между собою въ союзы и соглашенія, которыя имѣли значеніе полюбовныхъ сдѣлокъ, а характеръ оборонительный. Такъ архимандритъ Кіево-Межигорскаго монастыря, Никаноръ, въ 1757 г. заключилъ сдѣлки съ Златоверхо-Михайловскимъ монастыремъ: по одной—онъ покончилъ давнее спорное дѣло и учинилъ раздѣлъ лѣсовъ и боровъ между Евменкою и Боденьками, на которые одинаково претендовали оба монастыря, по другой—условился съ тѣмъ же монастыремъ сообща отстаивать эти боры и лѣса отъ притязаній монастыря Братскаго. Эти сдѣлки въ 1759 г., вмѣстѣ съ другими документами были представлены въ Кіевскую губернскую канцелярію для снятія копій и выписей и для предъявленія въ черниговскомъ полковомъ судѣ [4]).

Затѣмъ, въ виду постоянныхъ споровъ какъ съ другими монастырями, такъ и съ другими владѣльцами, нѣкоторые изъ монастырей имѣли у себя особыхъ повѣренныхъ или стряпчихъ, какъ изъ своей братіи, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ, для хожденія по дѣламъ [5]). Напр., въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ было въ числѣ братіи нѣсколько человѣкъ опытныхъ дѣльцовъ.

---

[1]) „Истор. Матер.“ Андріевскаго, вып. 8. стр. 218—219.
[2]) „Исторія Россіи“, Соловьева, т. 27, стр. 28.
[3]) А. С. С., д. 1758, № 73.
[4]) Кіев. Стар. 1885 г., т. 13, стр. 181.
Подобное же д. „Ист. Матер.“ Андріевскаго, вып. 9, стр. 32—34.
[5]) „Истор. Матер.“ Андріевскаго, вып. 1, стр. 60.

Безъ сомнѣнія, въ данномъ обстоятельствѣ проявлялась благоразумная предусмотрительность монастырей. Та же предусмотрительность заставляла монастыри вообще собирать всѣ копіи документовъ на всякій случай [1]), чтобы всегда быть готовыми къ борьбѣ и защитѣ своихъ интересовъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ страшномъ напряженіи, какое переживали монастыри въ половинѣ XVIII в.: по личному опыту монастыри видѣли, какъ важно имѣть всѣ необходимые документы для справокъ и особенно для доказательства своихъ правъ въ тяжебныхъ дѣлахъ.

Указанныя сейчасъ явленія составляли еще болѣе или менѣе свѣтлыя стороны монастырской жизни.

Но возвратимся къ уклоненіямъ отъ нравственной жизни. Если у монастырей документовъ не было на лицо, то для отстаиванія своихъ интересовъ, они старались какъ нибудь оттянуть дѣло, переносили его изъ одной инстанціи въ другую, заявляли разныя подозрѣнія противъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно свидѣтелей. Отсюда *волокита* въ тяжебныхъ дѣлахъ какъ мы упоминали, нѣкоторыя дѣла тянулись по нѣсколько десятилѣтій. „Общею чертою многихъ дѣлъ, вслѣдствіе заявленія кіевскихъ монастырей о захватѣ земельныхъ участковъ,—говоритъ Андріевскій,—является, хотя и безосновательно, возбужденіе „зазрѣнія“ противъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало „произвожденіе дѣла“ [2]).

Затѣмъ, обладаніе многими вотчинами порождало любовь къ роскошной и привольной жизни. Такъ, напр., о Пивогорскомъ монастырѣ изслѣдователь замѣчаетъ: „По мѣрѣ того, какъ монастырь обогащался, онъ невольно свыкался съ удобствами привольной и широкой жизни. Намѣстникъ, напр., проводилъ всегда

---

[1]) „При просмотрѣ вообще монастырскихъ дѣлъ,—говоритъ Андріевскій,—мы не могли не обратить вниманія на то, что именно къ этимъ пятидесятымъ годамъ прошлаго (XVIII) столѣтія относится какая то особенная забота кіевскихъ монастырей о собираніи и тщательномъ приведеніи въ порядокъ всѣхъ письменныхъ документовъ на земельныя владѣнія. Нѣсколько дѣлъ относящихся къ этому времени, представляютъ только лишь рядъ копій съ такого рода документовъ, такъ что изъ дѣлъ даже не видно, по какому поводу эти копіи собраны въ одно „дѣло“; видно документы просто предъявлялись въ кіевской полковой канцеляріи для снятія копій и записанія ихъ въ книги на всякій случай. При постоянныхъ спорахъ это имѣло значеніе“. („Истор. матер“. вып. I, стр. 35).

[2]) „Истор. Матер.“ Андріевскаго, вып. I, стр. 56—58.

время въ Максимовкѣ, гдѣ находился особый для того монастырскій домъ. Живо помня богатства монастыря, народъ также живо представляетъ теперь и ту роскошь, въ которую впослѣдствіи облеклась жизнь его братіи. Но богатство, наконецъ, *стало* причиной того, что къ половинѣ XVIII столѣтія обитель впала въ крайности роскошной жизни. Если вѣрить преданію, обитель сдѣлалась къ этому времени замѣтно распущенною. Неумѣренность и невоздержаніе воцарились будто бы въ ея стѣнахъ, а съ ними и вообще упадокъ строгой монашеской жизни“ [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что самые порядки монастырской жизни въ значительной степени содѣйствовали распущенности монаховъ. Разумѣются тѣ послушанія, которыя возлагались на братію и которыя мало мирились съ духомъ и характеромъ христіанскаго аскетизма. Упомянутый выше монахъ Кіево-Печерской Лавры вотъ что писалъ о монастырскихъ послушаніяхъ: „по пятилѣтномъ моемъ въ той печерской Лаврѣ прожитіи принялъ я монашескій образъ; но скоро по принятіи онаго послѣдовала со мною причина: сверхъ моего чаянія сдѣлали съ меня монаха канцеляриста, изъ отрекшагося міра и безмолвно жить долженствующаго устроили наисуетнѣйшихъ дѣлъ дѣлателя, опредѣлили меня къ умноженнымъ въ той святой обители канцелярскимъ дѣламъ, и къ различнымъ о шинкахъ и трактирахъ и о прочихъ лаврскихъ промыслахъ щетамъ, начали посылать какъ бы адвоката по судебнымъ мѣстамъ за дѣлами“ [2]).

Дѣйствительно, даже служеніе при монастырской канцеляріи было тяжело и мало назидательно: канцеляріи были запяты, главнымъ образомъ, дѣлами исковыми и тяжебными, не говоря уже о другихъ дѣлахъ, чисто экономическихъ. Конечно, могутъ сказать, что если строго судить, то и послушаніе на монастырской кухнѣ или въ хлѣбной требовало больше физической работы, и мало представляло назидательнаго; тѣмъ не менѣе и великіе подвижники проходили такое послушаніе. Но дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли раньше, въ тяжебныхъ и исковыхъ дѣлахъ монастыри выступали далеко не всегда въ безупречномъ видѣ, и этого не могли не замѣчать монашествующіе, бывшіе на послушаніяхъ въ монастырскихъ канцеляріяхъ. Затѣмъ, канцелярская служба въ монастыряхъ въ то время требовала имен-

---

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1877 г., № 1, стр. 14—15.

[2]) Ар. К. Печ. Лавр. д. № 299.

но многихъ занятій внѣ монастыря (какъ то: поѣздокъ въ суды, на мѣста происшествій и т. д.), которыя отвлекали отъ главной цѣли монастырской жизни.

Далѣе, весьма соблазнительнымъ для монастырской братіи было порученіе братіи такихъ дѣлъ, какъ винная продажа, винокуреніе. Мы упомянули выше, что винокуреніе и винная продажа составляли одну изъ доходныхъ статей въ монастырскомъ хозяйствѣ, такъ что, не смотря на притѣсненія со стороны властей, не смотря на прямое запрещеніе гетмана Разумовскаго въ 1757 г. и 1761 г. производить винокуреніе, монастыри всетаки содержали винокурни и шинки. Такъ, напр. Кіево-Флоровскій монастырь имѣлъ 4 большихъ винокурни и болѣе десятка шинковъ [1]). Кіево-Кирилловскій монастырь имѣлъ одну винокурню подлѣ монастырской стѣны и 3 шинка: 1 подъ монастыремъ, 2-ой посреди села Плоскаго, 3-ій въ концѣ села, близъ Іорданскихъ воротъ [2]). То же было и у другихъ монастырей [3]).

Замѣтимъ теперь, что обиліе домашней, своей собственной водки давало монастырямъ возможность широко пользоваться виномъ не только въ дни праздниковъ, но и въ простые дни: братія получала себѣ водку ежедневно къ трапезѣ, что для многихъ служило большимъ соблазномъ и поводомъ къ пьянству. Опасно было также и то, что въ монастырскихъ шинкахъ и винокурняхъ служила та же монастырская братія. Нѣкоторые изъ монастырей даже спеціально отдавали шинки и другое хозяйство на откупъ своимъ же монахамъ. Такъ, напр., шафарню Кіево-Петро-Павловскаго монастыря содержалъ іеромонахъ Гедеонъ. Такой порядокъ былъ весьма соблазнительнымъ и несомнѣнно служилъ источникомъ пьянства среди братіи. Въ подтвержденіе этого укажемъ на слѣдующее: въ одной изъ монастырскихъ вѣдомостей замѣчается: „монахъ Θилофтей къ напилости мало склоненъ“... и далѣе: „былъ при винокурнѣ на послушаніи 4 года“ [4]).— Замѣчаніе очень характерное... Сама консисторія нашла весьма соблазнительнымъ и предосудительнымъ отдавать доходныя статьи монашествующимъ на откупъ и опредѣлила воспретить это [5]).

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1895 г., стр. 399.

[2]) „Истор. Матер.“ Андріевскаго, вып. 7, стр. 215—220.

[3]) О Гамалѣевскомъ см. „Оп. Стар. Малор.“ т. II. стр. 355.

[4]) Арх. документы изъ библ. А. М. Лазаревскаго, вѣд. за 1776 г., № 46?.

[5]) А. К. К. 1772 г., опред. кон. № 497.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе того, что монастырская братія имѣла большую склонность къ пьянству.

О монахахъ Гамалѣевскаго монастыря говорится, что они питали особенную страсть къ вину; напр., монахъ Леонидъ съ виду казался смиреннымъ, но на самомъ дѣлѣ часто тайнымъ образомъ напивался; монахъ Зинонъ жизнь свою проводилъ почти ежедневно въ пьянствѣ. Въ Красногорскомъ монастырѣ къ пьянству были сильно расположены іеродіаконъ Исаакій (за это наказанъ былъ нѣсколько разъ тюрьмою и цѣпью), монахи Домнинъ, Діомидъ, Касьянъ и др. Монахъ Преображенскаго Скельскаго монастыря Макарій также былъ пьяница и наказанъ былъ штрафомъ. Монахъ Кіево-Кирилловскаго монастыря Ѳиловей „къ напилости мало склоненъ“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что пьянство было не только въ мужескихъ, но и въ женскихъ монастыряхъ, напр. Новомлинскомъ Успенскомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, пьянство было больше въ тѣхъ монастыряхъ, вблизи которыхъ находились шинки и свои винокурни. Такъ, напр., пьянство было больше развито въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ, возлѣ котораго было много шинковъ. Затѣмъ, пьянство было больше распространено въ богатыхъ монастыряхъ, напр., въ Гамалѣевскомъ. Это и понятно: скопленіе богатствъ, обиліе матеріальныхъ средствъ порождало, во 1-хъ, безпечность въ дѣлѣ внѣшняго благоустройства, во 2-хъ, страсть къ роскоши, а отсюда уже 1 шагъ до нравственной распущенности. Такъ, напр., далеко не рѣдко дѣти богатыхъ родителей растрачиваютъ богатство, нажитое родителями, и становятся распущенными и безнравственными.

Подобное случилось и съ кіевскими монастырями въ половинѣ XVIII в...

За пьянствомъ слѣдовали и другіе пороки, какъ, напр., бродяжничество, волокитство и полная нравственная распущенность.

Бродяжничество, какъ и пьянство, было однимъ изъ выдающихся недостатковъ монастырской жизни въ XVIII вѣкѣ не въ одной только Кіевской епархіи, даже не въ одной Малороссіи, но и во всей Россіи. Въ XVIII вѣкѣ часто можно было встрѣтить бродячихъ монаховъ безъ всякихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, безъ паспортовъ, но съ сборными книгами, собиравшихъ подаянія на монастырь и нерѣдко обращавшихъ подаянія въ свою личную пользу; иной разъ такіе монахи возили съ собой масло, иконы, выдаваемыя ими за чудотворныя.

Если заглянуть въ архивъ консисторіи или какого либо монастыря, то въ числѣ указовъ можно найти очень много указовъ о сысканіи и поимкѣ бѣглыхъ монаховъ изъ разныхъ монастырей, при чемъ указывались и примѣты бѣжавшихъ монаховъ и нѣкоторые проступки, учиненные ими предъ бѣгствомъ изъ монастыря (присвоеніе монастырскаго добра, денегъ и т. п.). Въ числѣ бѣглыхъ не мало было монаховъ и изъ кіевскихъ монастырей.

Спрашивается: что служило причиной бѣгства изъ монастырей? Въ отвѣтъ на это скажемъ, что среди бѣглыхъ или бродячихъ монаховъ нужно различать нѣсколько типовъ.

Во 1-хъ, были бѣглые по нуждѣ и необходимости. Такъ, нѣкоторые изъ монаховъ сами показывали, что они вынуждены были бѣжать, напр., за рубежъ, за границу, чтобы тамъ получить то постриженіе, котораго жаждала ихъ душа, но котораго они не могли получить дома. Вотъ, напр., монахъ Григорій, сынъ сотника Армашевскаго, показалъ о себѣ, что онъ вынужденъ былъ оставить и академію, чтобы уйти за границу, такъ какъ его родители не соглашались отпустить его въ монашество; за границей онъ постригся въ Жаботинскомъ монастырѣ, послѣ чего снова вернулся въ академію для продолженія образованія [1]). Другіе вынуждены были въ бѣгствѣ искать спасенія отъ непріятелей, отъ враговъ, нападавшихъ на монастыри, разорявшихъ послѣдніе и разгонявшихъ монастырскую братію. Таковы были тѣ несчастные монахи, которые жили въ заграничныхъ кіевскихъ монастыряхъ. Гоненія и преслѣдованія уніатовъ и католиковъ, польскихъ пановъ, оффиціаловъ заставляли ихъ оставлять монастыри и переселяться иногда in corpore въ Кіевъ и кіевскіе монастыри. Среди такихъ бѣглыхъ монаховъ попадались иногда люди честные, почтенные „но несчастные въ своей судьбѣ".

Во 2-хъ, были такіе монахи, которые, хотя имѣли и опредѣленное мѣстопребываніе въ монастырѣ, но ходили по разнымъ городамъ Малороссіи, хаживали въ Запорожскую Сѣчь и на Донъ,—испрашивая милостыню и пожертвованія на монастырь. Такіе монахи бродили не безъ документовъ, но самые документы иногда были выданы свѣтской канцеляріей, иногда сфабрикованы въ монастырской канцеляріи.

Разрѣшенія отъ Кіевскаго митрополита часто они не имѣли. Такіе типы возможны были, вслѣдствіе слабаго надзора епархі-

---

[1]) Акт. К. Брат. мон., т. II, № 18.

альной власти въ отношеніи къ монастырямъ. Но и среди этихъ лицъ могли быть лица болѣе или менѣе лучшіе и достойные—, не напрасно братія избирала ихъ повѣренными для сбора подаяній на монастырь.

Наконецъ, были и такіе монахи, которые по самой натурѣ своей склонны были къ бродяжеству. Это были изъ тѣхъ, которые искали для себя не подвиговъ для умерщвленія плоти, а удобствъ жизни. Мы упоминали уже, что многіе монастыри привлекали своею привольною жизнью: жизнь монастырская для многихъ изъ крестьянъ казалась и легкою и обезпеченною. По этому они и поступали въ монастырь, чтобы найти себѣ пріютъ и обезпеченіе... Но случалось, что настоятель своею строгостію или строптивостью, или братія своею неуживчивостью отталкивали новопоступившихъ послушниковъ и монаховъ; тогда послѣдніе спѣшили уйти въ другой монастырь, отсюда въ третій.

Къ такимъ переходамъ побуждала любовь къ свободѣ, при отсутствіи смиренія и послушанія. Начинались хожденія изъ монастыря въ монастырь. Это хожденіе знакомило монаховъ одного монастыря съ порядками въ другомъ монастырѣ; побывавшіе въ разныхъ монастыряхъ, начинали сравнивать жизнь одного монастыря съ жизнью въ другомъ, выражали то одобреніе, то порицаніе, и, такимъ образомъ, производили смуту среди монастырской братіи.

Многіе изъ братіи, нетвердые въ своихъ обѣтахъ и слабые въ волѣ, послѣ такихъ разговоровъ сами убѣгали изъ монастыря, при чемъ далеко не всегда шли въ другой монастырь, а оставались въ міру, къ соблазну народа.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго бродяжничества. Іеромонахъ Гадяцкаго монастыря Исаія, вступившій въ 1750 г. въ Кіево-Кирилловскій монастырь, въ 1753 г. уже ушелъ изъ монастыря въ Валахію, гдѣ странствовалъ 3 года; въ 1756 году онъ прибылъ съ грамотой и заграничнымъ паспортомъ въ Кіевъ. Іеродіаконъ Амвросій убѣжалъ изъ того же монастыря за границу и былъ въ Медвѣдовскомъ монастырѣ, чрезъ годъ онъ вернулся въ Кіевъ и принятъ былъ въ каѳедральномъ монастырѣ, но чрезъ 4 года снова бѣжалъ въ Польшу и бродилъ по разнымъ монастырямъ; лишь въ 1773 г. онъ вернулся въ Гадяцкій монастырь (за бродяжничество онъ былъ запрещенъ на 3 года въ священнослуженіи [1]).

---

[1]) Кн. арх. докум. изъ библ. А. М. Лазаревскаго, вѣд 1777 г., № 386.

Іеродіаконъ Кіево-Кирилловскаго монастыря, Патермуфтій 3 раза убѣгалъ изъ монастыря [1]). Монахъ Красногорскаго монастыря Домнинъ, постриженный въ каѳедральномъ монастырѣ въ 1755 г., въ 1767 г. тайно ушелъ въ Польшу и Валахію, бродилъ и по Великороссіи безъ всякаго паспорта, въ 1769 г. вернулся въ монастырь, и въ 1770 г. отправленъ „на неисходное пребываніе“ въ Нехворощанскій монастырь; потомъ, въ 1774 г. переведенъ въ Гадяцкій монастырь, гдѣ за тайную отлучку изъ монастыря, наказанъ былъ цѣпью, а за пьянство—плетью [2]).

Бродячіе монахи такого рода были людьми очень невысокаго качества: неповиновеніе старшимъ, произволъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ, пьянство и нравственная распущенность—вотъ тѣ черты, какими отличались подобные монахи. Самое бѣгство изъ монастыря совершалось послѣдними нерѣдко подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, съ другой стороны, для того, чтобы удобнѣе было внѣ монастыря предаться пьянству и распутству. Вотъ примѣры аттестаціи нѣкоторыхъ изъ монаховъ: монахъ Максаковскаго монастыря, Владиміръ—„къ пьянству склонный, изъ монастыря бѣжалъ“; іеродіаконъ Самуилъ „оказался въ пьянствѣ и избѣгалъ изъ монастыря“ [3]); Ѳеофилактъ, монахъ Гамалѣевскаго монастыря, „побѣгъ учинилъ изъ монастиря 1764 г. и бродилъ по разнымъ мѣстамъ до 1775 г.... къ послушаніямъ внутрь монастыря могъ бы годиться, ежелибъ не пьянствовалъ, изъ монастыря не бродилъ по разнымъ шинкамъ и подозрительнымъ избамъ“ [4]).

Для подобныхъ монаховъ никакія, даже суровыя, наказанія (плетьми, цѣпью) не были вразумительны. Іеродіаконъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря Іаковъ за пьянство и разные неприличные поступки былъ наказанъ плетьми, но не исправился и посланъ въ приписной Пивогородицкій монастырь, откуда бѣжалъ 18 іюня 1773 г.; возвратившись въ Пустынно-Николаевскій монастырь, онъ продолжалъ пьянствовать и „безъ вѣдома кого надлежитъ, за монастыръ по шинкамъ какъ въ день, такъ и въ ночи бродилъ, и въ монастырѣ не ночевалъ,

---

[1]) Ibidem, вѣд. 1776 г., № 405.
[2]) Ibidem, вѣд. 1777 г., № 386.
[3]) Ibidem, вѣд. 1777, № 386.
[4]) Ibidem, вѣд 1775, № 955.

такъ въ церквѣ на божественномъ пѣніи часто не бывалъ, а хотя и бывалъ, то по большей части пяной, нежели трезвой и въ кругъ шумы дѣлалъ; 31 авг. 1764 г. безвѣстно куда бѣжалъ" и возвратился въ монастырь 1 февраля 1765 г. Сама братія, въ лицѣ духовнаго собора, просила митрополита Арсенія не дозволять этому іеродіакону жить въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ [1].

О бѣгствѣ монаховъ, въ обществѣ зазорныхъ лицъ, „срамно есть и глаголати" [2]).

Слѣдуетъ только замѣтить, что какъ и пьянство, такъ и бродяжничество было не только среди монаховъ, но и среди монахинь (напр. Флоровскаго, Богословскаго и другихъ монастырей). При томъ бродили не только простые послушники и монахи, но и посвященные въ священный санъ іеродіаконы и іеромонахи. Иногда были даже массовые уходы изъ монастыря. Такъ, напр., ночью 1768 г., съ 13 на 14-е декабря, изъ Кіево-Межигорскаго монастыря учили бывшіе здѣсь на послушаніи и готовившіеся къ постриженію 8 казаковъ [3]). Пожалуй, это не были еще постриженные монахи, но они уже несли послушаніе и, если не выдержали искуса и ушли изъ монастыря, то это указываетъ на то, что у нихъ слишкомъ былъ силенъ духъ свободолюбія, что они поэтому мало склонны были къ монашескому послушанію. Къ нимъ приложимы слова Спасителя: *„никтоже вземь за рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи небесномъ"*.

Относительно этихъ бѣглецовъ изъ Кіево-Межигорскаго монастыря, пожалуй, еще съ большою вѣроятностію можно предполагать, что они ушли изъ монастыря, чтобы пристать къ возставшимъ, подъ начальствомъ Желѣзняка и Гонты, на защиту православія и народа противъ поляковъ.

Было и такъ, что ближайшей причиной бѣгства служила тяжесть назначеннаго послушанія. Такъ, напр., монахъ Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря Нектарій, послѣ постри-

---

[1]) Въ числѣ основаній своей просьбы духовный соборъ указывалъ, что „уже не единъ онъ іеродіаконъ Іяковъ побѣгъ учинилъ, да когда бъ по прежнему жыть ему было и дозволено, но поелику ему іеродіакону, какъ по мѣстечку печерскому и на Подолѣ, такъ и по всемъ Кіевѣ кабаки и шинки и протчіе зазорные домы вѣстими суть, въ которыхъ онъ приобыклъ по бсльшой части жыть, нежели въ монастырѣ, къ тому же что нибудь по своей непорядочной натурѣ преступить, и опасаясь надъ собою истязанія по приобыклости своей и напредки избѣгать не утерпитъ" (А. К. К. 1763 г, д. № 109.).

[2]) Подобные примѣры находятся въ арх. док. изъ биб. А. Лазаревскаго, вѣд. 1777, № 389; „Истор. Матер." Андріевскаго, вып. 9. стр. 235. Ар. К. К. 1766 г., д. № 149 и др.

[3]) Ист. Мат. Андріевскаго, вып. 9, стр. 234.

женія въ монашество, чрезъ три недѣли уже былъ отправленъ на городническое послушаніе; будучи вдали отъ церкви и монастыря, онъ, по его словамъ, „весьма скучалъ, паче же по неимѣнію себѣ ни отъ кого къ монашескому житію наставленія, возъимѣлъ смущеніе такое, что болѣе стерпѣть не могъ“—и ушелъ изъ монастыря [1]). Дѣло вполнѣ вѣроятное: не напрасно новопостриженные поручались особому руководству болѣе опытныхъ изъ старцевъ монаховъ, при чемъ руководство полагалось довольно продолжительное, чтобы удержать отъ смущенія и соблазна духъ постриженнаго. Стало быть, сами монастырскія власти отчасти повинны были въ томъ, что многіе уходили изъ монастырей.

Тѣмъ не менѣе, многіе монахи уходили изъ монастырей на злыя дѣла и не отъ смущенія духа. Нѣкоторые чинили разнаго рода плутовства и безобразія. Такъ, напр въ 1754 г. изъ Межигорскаго монастыря бѣжалъ монахъ Савватій, который бродилъ по разнымъ мѣстамъ Польши, а потомъ, придя въ г. Бердичевъ, сталъ разглашать, что имѣющаяся у него икона Владимірской Божіей Матери—чудотворна, и собиралъ деньги отъ довѣрчивыхъ людей. Однако скоро онъ возвратился въ Кіево-Межигорскій монастырь, былъ здѣсь принятъ архимандритомъ Никаноромъ, который взялъ отъ него и икону, поставилъ ее въ церкви и сталъ служить предъ нею молебны. Савватій пробылъ въ монастырѣ до 1759 г., при чемъ все время притворялся юродивымъ. Потомъ онъ опять убѣжалъ за рубежъ, бродилъ въ Валахіи, Турецкихъ и Польскихъ областяхъ, не имѣя никакого письменнаго свидѣтельства. Въ селѣ Жуленкахъ взялъ у жителя Ивана Рудомы икону Божіей Матери, поставилъ ее въ устроенную имъ часовню и опять сталъ разглашать, что она чудотворная, и собиралъ деньги отъ простодушныхъ поселянъ. Польскіе оффиціалы и инстигаторъ, узнавъ о продѣлкахъ Савватія, отняли у него икону и поставили ее въ церкви въ селѣ Жуленкахъ. Однако Савватій не остановился на этомъ; онъ купилъ у купцовъ икону, подобную отнятой польскими оффиціалами, и сталъ разглашать снова, что у него имѣется чудотворная икона.

Для большей вѣроятности и для подтвержденія своихъ словъ притворялся на ночь больнымъ, а на другой день вставалъ какъ бы исцѣленнымъ, и собиралъ деньги. Указанія на

---

[1]) Ар. К. К. 1764 г., вѣд. № 61.

чудеса, однако, не подтверждались, а оказывались вымышленными и не имѣли достовѣрнаго и даже вѣроятнаго свидѣтельства... Этотъ же Савватій былъ въ общеніи съ раскольниками, прельщалъ народъ предсказаніями будущаго, говорилъ, якобы онъ разговаривалъ съ Божіею Матерью, при чемъ, однако, не признавалъ таинствъ, уничтожалъ иконы и говорилъ, что Іерусалимская церковь имѣетъ явиться подъ землею въ Брацлавскомъ воеводствѣ, на поляхъ Дзюлинскихъ, и назначилъ даже время. Народъ повѣрилъ этому и собрался къ означенному мѣсту, но... церковь не вышла... Савватій и тутъ нашелся, сказавъ, что де кто-то перешелъ дорогу съ курительной трубкой.

Савватія, наконецъ, схватили и представили въ духовную консисторію. Св. Синодъ, по представленію послѣдней, за все это и за то, что выдавалъ себя за священника и игумена, лишилъ Савватія монашества и отослалъ въ губернскую канцелярію для преданія суду [1]). Такого рода явленія были въ половинѣ XVIII вѣка не рѣдко.

Затѣмъ, среди монаховъ было и много другихъ пороковъ, какъ то; неуживчивость, сварливость, драки [2]), грабежъ [3]) и воровство [4]), небрежность въ веденіи порученнаго хозяйства и проч.

Мы не будемъ останавливаться на примѣрахъ этого, а укажемъ на ту сторону монастырской жизни, которая называется „монастырскимъ общежитіемъ“. Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого мы можемъ позаимствовать изъ челобитной лаврскаго монаха, Епифанія, который описываетъ общежительные порядки въ самой Лаврѣ. Братія раздѣлялась на соборную и рядовую (въ Лаврѣ были еще и полусоборные); рядовая братія была въ презрѣніи у первой, порабощена и тѣломъ, унижена и душою, и отправляема была на разныя монастырскія „послушанія“; между тѣмъ соборные были обезпеченнѣе рядовой братіи, требовали отъ прочихъ братій подарковъ; общей трапезы они не признавали, имѣли свою особую экономію, особое хозяйство, пасѣки и т. п.

Порядки, бывшіе въ Лаврѣ, были почти общими съ порядками въ другихъ монастыряхъ, такъ какъ условія жизни тогда были одинаковы во всѣхъ монастыряхъ: то же вездѣ направле-

---

[1]) А. К. К. указ. 1767, № 64.

[2]) Ар. К. К., 1765 г., д. № 17 и 80; 1766, д. №№ 22, 205

[3]) Арх. К. Выд. м. 1758—1759 г., № 985; Ibidem, д. 1768 г., № 98; 176 № 243; 1766 г., № 210 (рес. д. 1760 г., № 158 (Кіев. пов.).

[4]) Ibidem, 1766 г., д. № 209.

ніе, то же настроеніе, тѣ же недостатки жизни, наконецъ, тѣ же монахи—люди.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что при всѣхъ такихъ недостаткахъ монашеской жизни, въ половинѣ XVIII столѣтія были и свѣтлыя стороны въ жизни монастырей. Такъ, въ монастырскихъ вѣдомостяхъ нерѣдко встрѣчаются такія отмѣтки: „тихъ, трезвенъ, до церкви прилеженъ, въ послушаніяхъ не лѣностенъ и трудолюбивъ“, или „кротокъ зѣло, простосердеченъ и къ послушенію нелѣностенъ“ [1]).

Но были и такіе, которые отличались особенно энергичною и поучительною дѣятельностью на пользу монастыря и монастырской братіи. Это—по преимуществу настоятели монастырей, ревностные труженики, рачительные хозяева и опытные руководители монастырской братіи. Объ одномъ игуменѣ Кіево-Кирилловскаго монастыря замѣчено въ вѣдомости: „проходилъ званіе прокураторское и въ судахъ ассесорскихъ варшавскихъ и трибуналахъ главныхъ польскихъ произвелъ комиссію въ пользу благочестивой вѣры, защищалъ болѣе 20 лѣтъ (въ Минскѣ и Пинскѣ) отъ уніатовъ и папистовъ народъ и церкви“,—по этимъ дѣламъ ѣздилъ неоднократно въ Петербургъ, Москву и Кіевъ [2]). Это—былъ Ѳеофанъ.

Игуменъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, Яковъ Воронковскій, по словамъ изслѣдователя этого монастыря, особенно выдается своими работами объ улучшеніи быта монастыря и нравственной жизни монашествующей братіи. Отъ него остались инструкціи эконому и приказчику, свидѣтельствующія о его опытности въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Но особенно важны его работы объ исправленіи монашеской жизни. „Подавая своею жизнью примѣръ благочестивой и разумно-трудолюбивой жизни, онъ часто и словами старался внушать монашествующимъ строгія правила нравственности“. Въ этомъ отношеніи замѣчательна резолюція игумена отъ 14 февраля 1769 г. на доношеніи о холодности братіи къ интересамъ монастырскимъ. „Изъ сего доношенія видно,—писалъ онъ,—что кѣмъ порокъ невѣжества, лѣности и небреженія возобладаетъ, тотъ желаетъ и заохочуетъ и прочихъ, чтобы и они тѣмъ же порокамъ причастны и ему подобны были; а противныхъ порокамъ качествъ людей ненавидитъ и отъ нихъ укло-

---

[1]) А. К. К. Вѣд. 1776 г., № 408 и др.
[2]) Ibidem.

няется, да не обличатся дѣла его. Естлижъ по прописанному кто и между нами таковъ имѣется, онаго вразумлять, наставлять, исправлять, а дѣламъ его не подражать, и благое творя не унывать“ [1]).

Для насъ особенно важны такія письменные памятники: хотя слова учатъ жизни меньше, чѣмъ примѣръ, или образецъ добраго житія, но о живыхъ примѣрахъ мы не имѣемъ свѣдѣній, а потому по необходимости приходится ограничиваться свидѣтельствами словъ, инструкцій, резолюцій, тѣмъ болѣе, что въ нихъ выражается жизненный опытъ и глубокій умъ.

Мы могли бы указать еще на нѣсколько инструкцій, принадлежащихъ Мелхиседеку Значко-Яворскому, знаменитому дѣятелю во время Колиивщины и борьбы съ уніатами, который также былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря; но такъ какъ онъ былъ въ Выдубицкомъ монастырѣ позднѣе разсматриваемаго нами времени, то мы не станемъ указывать всѣхъ его распоряженій и инструкцій.

Затѣмъ, многіе изъ монастырскихъ настоятелей отличались ревностью въ проповѣданіи Слова Божія. Таковы: вышеупомянутый Кіево-Кирилловскій игуменъ Ѳеофанъ, Кіево-Петро-Павловскій игуменъ Рувимъ, архимандритъ Епифаній и др.

Наконецъ, и среди рядовой братіи, несомнѣнно, были люди искренно религіозные, воздержные, подвижники, въ тиши и безмолвіи свершавшіе свое дѣланіе предъ очами Всевидящаго Господа.

VII.

Мы обозрѣли состояніе монастырей въ бытовомъ, матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.

Изъ представленнаго видно, что кіевскіе монастыри въ половинѣ XVIII в. пользовались своего рода автономіей, прежде всего, въ экономическомъ отношеніи. Они распоряжались своими, нерѣдко обширными, имуществами, какъ то; вотчинами, угодьями, рабочими, независимо отъ митрополита. Никакого контроля со стороны епархіальной власти въ дѣлахъ этого рода не было. Въ кіевской консисторіи не всегда были даже свѣдѣнія или вѣдомости объ имуществѣ монастырскомъ. Отношенія консисторіи къ монастырямъ по дѣламъ экономическимъ ограни-

---

[1]) Вѣст. З. Рос. 1866, т. 4, кн. 11, стр. 103—104.

чивались лишь предписаніями выслать *столько то* припасовъ на канцелярію консисторіи, доставить *столько то* взносовъ на академію, на заграничные монастыри.

Бывало, что монастыри не выставляли потребнаго числа припасовъ. Консисторія грозила монастырскимъ властямъ, что на ихъ счетъ пошлетъ канцеляристовъ и другихъ довѣренныхъ лицъ для выправки взносовъ, и подъ угрозою штрафовъ требовала немедленнаго исполненія своихъ указовъ. Иногда съ подобными же побужденіями приходилось обращаться консисторіи и по дѣламъ о взысканіи недоимокъ, о доставленіи подводъ, рабочихъ рукъ—по требованію посторонннихъ (войсковыхъ, губернскихъ) властей [1]). О какомъ либо контролѣ въ хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря со стороны консисторіи не было рѣчи. Только въ 1766 г. было издано распоряженіе Св. Синода, чтобы монастыри вели приходо-расходныя книги и счетоводство согласно съ требованіями Духовнаго Регламента [2]). Но насколько выполнялось это требованіе въ монастыряхъ, консисторія не справлялась.

Монастыри пользовались самостоятельностію и въ дѣлахъ внутренняго устройства и быта своего. Настоятели сами принимали въ монастыри не только послушниковъ, но и монаховъ; сами постригали въ монашество, сами лишали монашества провинившихся; разрѣшенія епархіальнаго начальства далеко не всегда испрашивали какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Вліяніе митрополита распространялось, главнымъ образомъ, на дѣла назначенія монастырскихъ властей. Впрочемъ, хотя въ половинѣ XVIII в. вліяніе митрополита и распространялось на дѣла избранія и назначенія монастырскихъ властей, но оно въ то же время нашло извѣстное ограниченіе со стороны высшей церковной власти. Какъ извѣстно, въ 1765 г. Св. Синодъ велѣлъ, чтобы на свободныя вакансіи настоятелей первокласныхъ монастырей, т. е. архимандритовъ, епархіальные архіереи, въ томъ числѣ и Кіевскій митрополитъ, представляли съ своей стороны 2 кандидатовъ [3]). На дѣлѣ это ограниченіе власти митрополита *сверху* простиралось еще дальше: даже представленные митрополитомъ кандидаты не утверждались Синодомъ [4]). Митрополиту оставалось мириться съ этимъ, а также довольствоваться только утвержденіемъ настоятелей въ игуменскомъ санѣ.

---

[1]) А. К. К., указ. 1763, окт. 27.
[2]) А. К. К. указ. кн. 1769, № 30.
[3]) А. К. К. указ. Св. Син. 1765 г., № 354.
[4]) А. С. С. д. 1766 г., № 90, л. 4.

Что касается пострижения въ монашество, то въ этомъ отношеніи половина XVIII в. была вообще неблагопріятна для монастырей.

Елизавета Петровна еще относилась благосклонно къ монастырямъ и, давая разныя льготы монастырямъ, возвращала [1]) многимъ изъ нихъ вотчины, угодья, отнятыя Петромъ I, Анной Іоанновной, предоставляла право продажи разныхъ напитковъ [2]). Особенными льготами пользовались малороссійскіе монастыри: тогда какъ въ великороссійскихъ монастыряхъ запрещено было постригать безъ указа императрицы,—въ малороссійскихъ монастыряхъ дозволялось постриженіе съ разрѣшенія архіерея [3]).

Петръ III, какъ лютеранинъ, не былъ расположенъ къ монашеству и нашелъ „запотребнымъ“ совершенно воспретить постриженіе, „безъ особливыхъ именныхъ указовъ“, и великороссіянъ и малороссіянъ, съ такимъ еще добавленіемъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не принимать монаховъ, выходящихъ изъ за границы. Затѣмъ, онъ же рѣшилъ окончательно секуляризировать монастырскія имѣнія, оставивъ для пользованія монастырской братіи одни сады, огороды, потребное число сѣнокосовъ и рыбныхъ ловель вблизи самыхъ монастырей; для управленія монастырскими имуществами велѣно было, вмѣсто монаховъ, назначить штабъ и оберъ офицеровъ, а для общаго управленія всѣми монастырскими и церковными вотчинами учредить въ Москвѣ Коллегію Экономію, съ конторой въ Петербургѣ, подъ вѣдѣніемъ Сената [4]).

Но введенное Петромъ III положеніе сохранило силу не дальше; какъ до кончины императора, оно было сдѣлано круто и быстро, а исполненіе его не было ничѣмъ подготовлено.

---

[1]) Такъ въ 1743 г., были возвращены Гамалѣевскому монастырю вотчины, отнятыя у него при гетманѣ Д. Апостолѣ; въ 1744 г.,—Гадяцкому монастырю возвращенъ перевозъ, отобранный при Мазепѣ.

[2]) Такое, напр., право было предоставлено Михайловскому монастырю въ Кіевѣ (П. С. З. Р. И., т. 13, № 9846).

[3]) Странникъ, 1884 г.. т. I, стр, 444. П. С. З. Р. И. т. 14.. № 10665.

[4]) Коллегія Экономіи должна была выдавать хлѣбное и денежное жалованье всѣмъ монастырямъ, по штатамъ 22 мая 1742 г., изъ доходовъ, получаемыхъ съ имѣній. Крестьяне духовнаго вѣдомства должны были вносить въ Коллетію экономіи, вмѣсто 7 гривенъ подушного оклада, по 1 р. съ ревизской души мужескаго пола. Земля, которую крестьяне обрабатывали для монастыря, отдавалась крестьянамъ, а остальная—передавалась на оброкъ желающимъ.

Коллегія Экономіи должна была выдавать деньги и на церковныя потребности, на вино, уголь. починки, на пріѣзжающихъ и проч.

Съ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, начались болѣе систематическія мѣры къ упорядоченію монастырской жизни. Она, впрочемъ, мало заботилась о томъ, худо или хорошо живутъ монахи, нравственно или безнравственно проводятъ они свою жизнь: заботиться объ исправленіи монастырскихъ нравовъ она предоставляла церковной власти. Съ своей стороны, она имѣла въ виду ввести опредѣленные штаты во всѣхъ епархіяхъ и монастыряхъ, а чрезъ это сократить до минимума число монашествующихъ; съ другой стороны, она желала перевести въ собственность государства всѣ монастырскія имущества. Какъ очень опытная и политичная, Екатерина II, на первыхъ порахъ своего царстованія, возвратила было монастырямъ отнятыя ея супругомъ, Петромъ III, помѣстья; но она это сдѣлала, чтобы утишить на время духовенство [1]). А, затѣмъ, постепенно стала подготовлять задуманную реформу и осуществлять свои планы. Была составлена (29 Ноября 1762 г.) комиссія, подъ вѣдѣніемъ самой императрицы, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ [2]), для упорядоченія дѣлъ о церковныхъ имуществахъ. Комиссіи было поручено произвести опись всѣхъ недвижимыхъ имѣній, составить штаты архіерейскихъ домовъ, монастырей и соборовъ, и рѣшить вопросъ о поддержаніи церквей, о заведеніи школъ при архіерейскихъ домахъ, объ устройствѣ богадѣленъ. Вслѣдъ затѣмъ, было велѣно (29 ноября 1762 г.) составить описи. Въ 1763 г. вновь учреждена Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній, въ которую перешло и завѣдываніе вотчинами духовенства. Въ 1764 г. были введены и штаты. Всѣ вотчины передавались въ непосредственное вѣдѣніе Коллегіи экономіи; для содержанія архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей назначалась опредѣленная штатная сумма; число монашествующихъ, также разнаго званія служителей монастырскихъ ограничено и съ точностью опредѣлено. При этомъ запрещено было постригать кого нибудь вновь, впредь до распредѣленія оставшихся за штатомъ монашествующихъ; а самое постриженіе

---

[1]) П. Колотовъ „Дѣянія Екатерины II", С. П. Б. 1811 г., ч. I стр. 23.

[2]) Въ комиссіи были: Димитрій, архіепископъ Новгородскій, Гавріилъ, архіепископъ Петербургскій, Сильвестръ, епископъ Переславскій; сенаторъ гр. Ив. Воронцовъ, кн. Куракинъ, кн. Гагаринъ, оберъ-прокуроръ, Синода кн. Козловскій и Гр. Тепловъ.

вотѣнно было производить при свидѣтеляхъ изъ свѣтскихъ лицъ, со всею осторожностью и съ соблюденіемъ всѣхъ требованій Духовнаго Регламента [1]).

Такъ свершилось великое дѣло: введеніе штатовъ въ монастыряхъ и епархіяхъ и отнятіе церковныхъ имуществъ.

Это величайшее событіе не коснулись въ 1764 г. Малороссіи и Кіевской митрополіи. Екатерина II не рѣшилась сразу и малороссійское духовенство подвергнуть этой рѣшительной мѣрѣ. Быть можетъ, она опасалась взрыва негодованія и рѣшительнаго протеста со стороны не только духовенства, но и другихъ представителей Малороссіи. Вспомнимъ, что въ томъ же 1764 г. было подано прошеніе малороссійскаго шляхетства о возстановленіи разныхъ правъ Малороссіи и въ томъ числѣ, о сохраненіи правъ выбирать самимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ кандидатовъ на Кіевскую каѳедру и въ знатнѣйшіе монастыри, а также о сохраненіи старинныхъ правъ и привиллегій духовенства, исключая лишь права свободнаго пріобрѣтенія земель [2]).

Тѣмъ не менѣе упомянутыя выше мѣропріятія не остались безслѣдными и для малороссійскихъ, кіевскихъ монастырей. Такъ, по 9 п. 12 отд. инструкціи, движимое имущество послѣ умершихъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и монаховъ имѣло поступать въ Коллегію Экономіи, для чего и отбиралось послѣ ихъ смерти. Когда происходило описаніе вотчинъ и церковныхъ имѣній въ 1763 г. кіевскіе монастыри не были описаны и были освобождены отъ подчиненія Коллегіи Экономіи. На этомъ основаніи, а равно на основаніи жалованныхъ грамотъ 7194, 7199, 7267 и 1751 г. 22 мая, коими малороссійскимъ епархіямъ подтверждались ихъ давнія права, Кіевская консисторія находила, что имѣнія монашествующихъ, послѣ ихъ смерти, должны быть освобождены отъ передачи въ Коллегію Экономіи. Было представлено въ такомъ смыслѣ доношеніе въ Синодъ [3]). Но Синодъ повелѣлъ и въ Кіевской епархіи поступать по силѣ инструкціи 1763, п. 9 [4]). Затѣмъ, впослѣдствіи было сдѣлано не-

---

[1]) Рук. К. Печ. Лавр., № 210, ук. 1764 г., 16 сент.

[2]) Кіев. Стар. 1883, іюнь, стр. 329—330

[3]) „Акт. и Докум." проф. Н. И. Петрова отд. II, т. 3, стр. 176.

[4]) А. К. К, указ. кн. 1764 г., ук. № 3. Св. Синодъ при этомъ велѣлъ сдѣлать надлежащее внушеніе консисторіи за то, что она осмѣлилась протестовать противъ подчиненія Коллегіи-Экономіи и писала свой отзывъ, минуя епархіальнаго архіерея („Акт. и Док." т. 3, 179—180).

ключеніе для архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ: имъ разрѣшено было распоряжаться своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію [1]).

Что касается опредѣленія штатовъ, то съ этимъ, какъ сказано, Екатерина еще замедлила. А тѣмъ временемъ и относительно постриженія въ монашество изданы были правила, которыя вводились какъ обязательныя для всѣхъ епархій и отмѣняли мѣстные порядки, напр. правила о постриженіи при свѣтскихъ свидѣтеляхъ и съ соблюденіемъ всѣхъ требованій Духовнаго Регламента. Самое введеніе штатовъ въ Великороссіи должно было произвести надлежащее вліяніе на кіевскіе монастыри; монастыри должны были призадуматься надъ своимъ положеніемъ, надъ своимъ увлеченіемъ матеріальными заботами, и ожидать и для себя часа времени, когда ихъ автономіи, ихъ—скажемъ—своеволію долженъ былъ наступить конецъ. Впрочемъ, монастыри „не познали своего времени"...

Тѣмъ временемъ продолжалась отмѣна многихъ малороссійскихъ обычаевъ въ монастыряхъ. 15 ноября 1767 г, было подтверждено, чтобы въ монастырскихъ вотчинахъ монахи правители, городничіе и шафары были смѣнены свѣтскими правителями [2]).

Это распоряженіе какъ будто стоитъ въ полномъ согласіи съ тѣми пожеланіями, которыя высказаны въ извѣстной запискѣ Малороссійскаго шляхетства объ усмотрѣнныхъ недостаткахъ и неустройствахъ, которая была подана въ томъ же 1767 г. Здѣсь между прочимъ, въ главѣ XI-й, о духовенствѣ и его имѣніяхъ было сказано, что „монастырскія имѣнія управляются безпредѣльно по произволенію властей..., особливо чинъ монашескій, для необходимыхъ экономическихъ правленій удаляясь отъ общежительства и правила своего, обращается прямо по такъ называемымъ городничествамъ въ свѣтскихъ управленіяхъ... вовсе монашескому чину не свойственныхъ" [3]). Эти заявленія о несоотвѣтствіи подобныхъ занятій монашествующихъ ихъ обѣтамъ и званію,—въ существѣ совершенно справедливыя,—были совершенно наруку правительству Екатерины, которая поручала своимъ представителямъ въ Малороссіи склонить къ подачѣ челобитной о введеніи штатовъ въ Малороссіи, если не самого митрополита, то хоть нѣсколькихъ поповъ и помѣщиковъ. Прямой че-

---

[1]) П. С. З. Р. И., т. 17, № 12577, ук. 20 февраля 1766.

[2]) А. К. К. 1767 г., ук. № 502.

[3]) „Малорос въ 1767 г.," прибавл., стр. 144—145.

лобитной о введеніи въ штатъ малороссійскихъ монастырей не было представлено. Тѣмъ не менѣе правительство Екатерины II-й постепенно подготовляло Малороссію, и Кіевскую епархію въ томъ числѣ, къ великой реформѣ и отмѣняло мѣстные обычаи. Св. Синодъ явился исполнителемъ предначертаній правительства, издавая также разные указы, такъ или иначе измѣнявшіе мѣстные порядки и обычаи монастырской жизни и управленія. Такъ, вслѣдъ за изданіемъ указа, ограничившаго право митрополита при назначеніи архимандритовъ, послѣдовалъ указъ о представленіи вѣдомостей о монастырскихъ настоятеляхъ (въ 1766 г.), затѣмъ, о бѣжавшихъ изъ монастырей монахахъ [1]). и вообще о всѣхъ монашествующихъ также указъ, запретившій митрополиту назначать настоятелей и въ менѣе важные монастыри, гдѣ настоятелями были іеромонахи или игумены, указъ запретившій постриженіе въ монашество безъ синодальнаго указа [2]).

Съ своей стороны, и митрополитъ Арсеній также все больше и больше распространялъ свое вліяніе на монастыри и монастырскую жизнь. Видамъ правительства о введеніи штатовъ въ Малороссіи, въ монастыряхъ онъ могъ и не сочувствовать (если бы онъ сочувствовалъ, то, несомнѣнно, могъ склониться на предложеніе императрицы подать прошеніе о назначеніи штатнаго содержанія) но онъ не выражалъ открыто протеста противъ введенія штатовъ. Съ другой стороны, онъ, несомнѣнно, видѣлъ всѣ нестроенія въ монастыряхъ, которыя по его мнѣнію могли происходить отъ слабаго вліянія епархіальной власти, а потому и старался усилить значеніе и вліяніе послѣдней. По этому онъ требовалъ, чтобы постриженіе въ монашество производилось каждый разъ съ надлежащаго разрѣшенія; чтобы о постриженіи своевременно настоятели доносили въ каѳедру; чтобы представлялись вѣдомости и свѣдѣнія о самихъ монастыряхъ, о монастырскихъ церквахъ службахъ и проч.

Еще большему вліянію митрополита подчинялись монастыри въ отношеніи нравственной жизни и порядка, въ отношеніи богослужебныхъ порядковъ. Такъ, митрополитъ Арсеній, прежде всего, обратилъ вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ

---

[1]) П. С. З. Р. И. т. 17, № 12847, ук. 16 марта 1767 г.
[2]) Ibidem, № 13960, ук. 13 Авг. 1767 г. и др.

алтарь входили лица непосвященныя, въ женскихъ—женщины изъ послушницъ, при чемъ тѣ и другія касались престола и жертвенника. Въ виду этого было запрещено входить въ алтарь кому бы то ни было, кромѣ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и престарѣлыхъ монахинь, а къ престолу и жертвеннику дозволялось прикасаться только первымъ и вторымъ [1]). Затѣмъ, велѣно было отправлять богослуженіе по уставу, а всенощныя—и въ установленное время.

Мы упоминали выше, что при нѣкоторыхъ монастыряхъ находились деревни, селенія, составлявшія монастырскіе приходы, въ которыхъ, за неимѣніемъ бѣлаго священника, требы преподавались іеромонахами. Такъ было въ Выдубицкомъ монастырѣ, въ Слѣпородскомъ скиткѣ Мгарскаго Лубенскаго монастыря. При Выдубицкомъ монастырѣ была деревня Звѣринецъ, въ которой числился 21 дворъ и было жителей 112 душъ обоего пола. Вблизи находилась лаврская приходская церковь (въ 300 саж.); но Выдубицкій монастырь ревниво оберегалъ свои владѣнія, опасался притѣсненій своихъ прихожанъ со стороны Лавры (вѣрнѣе—присвоенія прихожанъ Лаврою), и не допускалъ, чтобы Звѣринецкіе жители ходили въ ближайшую приходскую церковь, а посылалъ своихъ іеромонаховъ для совершенія требъ. Также и монахи Слѣпородскаго скитка исполняли требы въ ближайшихъ селахъ Ясковцахъ, Пулинцахъ и Пятигорцахъ. Хожденіе іеромонаховъ по селамъ для совершенія требъ, особенно крещенія, погребенія, подавало имъ поводъ къ соблазнамъ въ міру.

Митрополитъ Арсеній запретилъ іеромонахамъ совершать требы для мірянъ и велѣлъ устраивать особыя церкви въ тѣхъ селахъ, какія были при монастыряхъ [2]). Впрочемъ, исключенія все таки допускались. Такъ, іеромонахамъ Братскаго монастыря разрѣшалось напутствовать больныхъ монахинь Флоровскаго монастыря и совершать надъ ними елеосвященіе.

Митрополитъ Арсеній обратилъ вниманіе и на выдающіеся пороки монастырской жизни. Бродяжничество монаховъ, свободный, неразрѣшенный никѣмъ переходъ изъ монастыря въ монастырь, изъ монастырей по другимъ мѣстамъ, по ярмаркамъ, по селамъ, городамъ, было явленіемъ очень распространеннымъ, впрочемъ, не въ одной Кіевской епархіи, но и вообще въ Россіи. Еще Екатерина I запретила отпускать монаховъ изъ монастырей,

---

[1]) Ар. К. Выд. мон., указн. кн. 1760—1761 г., ч. I, ук. № 4.

[2]) Ар. К. Выд. мон., д. 1765 г., № 35; А. К. Кон. 1770 г., ук. № 74.

а бродячихъ—передерживать и принимать въ монастыри [1]). На этомъ основаніи Св. Синодомъ было велѣно бродячихъ монаховъ отдавать въ духовныя правленія или консисторіи и, по снятіи съ нихъ допроса, отсылать въ гражданскіе суды для публичнаго наказанія [2]). Затѣмъ, синодальнымъ указомъ 1758 г., 21 сентября, было велѣно всѣмъ настоятелямъ монастырей строго смотрѣть за монашествующими и удерживать ихъ отъ самовольныхъ отлучекъ. Указъ былъ распубликованъ въ Кіевской епархіи [3]). При этомъ митрополитъ Арсеній велѣлъ внушить всѣмъ монастырскимъ настоятелямъ, что они будутъ подлежать отвѣтственности и штрафу, если будутъ отпускать монашествующихъ безъ надлежащаго паспорта и разрѣшенія консисторіи и если станутъ передерживать въ монастыряхъ бродячихъ монаховъ [4]). Чтобы пресѣчь бродяжничество и уходъ монаховъ изъ монастыря, митрополитъ Арсеній распорядился, чтобы ставленническія грамоты монаховъ и всѣ другіе ихъ документы въ подлинникахъ хранились въ монастырскомъ архивѣ, за ключемъ настоятеля, а монахамъ выдавалась лишь 1 копія съ грамоты. Если поступали къ митрополиту Арсенію прошенія о перемѣщеніи изъ одного монастыря въ другой, онъ требовалъ достаточныхъ основаній для перемѣщенія и нерѣдко отказывалъ въ просьбѣ о перемѣщеніи [5]).

Наибольшее число бродячихъ монаховъ падало на выходцевъ изъ-за границы, которые нерѣдко сами являлись въ консисторію и просили себѣ грамоту для сбора подаяній, для пріисканія себѣ мѣста въ кіевскихъ монастыряхъ. Снисходя къ убожеству и скудости заграничныхъ монастырей, митрополитъ Арсеній, послѣ допроса въ консисторіи, давалъ выходцамъ изъ за границы разрѣшенія на сборъ подаяній, на поселеніе въ кіевскихъ монастыряхъ. Но среди нихъ нерѣдко попадались плуты, проходимцы. Поэтому Св. Синодъ въ 1768 г. совершенно запретилъ принимать заграничныхъ выходцевъ монаховъ, если они-

---

[1]) Указ. Св. Синода 30 ноября 1725 года.

[2]) А. К. Выд. мон., указ. кн. 1764 г., ук. № 3

[3]) Ibidem.

[4]) А. К. Выд. мон., указ. кн. 1758—1759 г., ук. 29 апр. 1759 г.

[5]) Когда монахъ Досиѳей, вышедшій изъ Жаботинскаго монастыря въ Выдубицкій, опять просилъ разрѣшенія перейти въ Жаботинскій монастырь, м. Арсеній написалъ: „за непостоянство отказать въ прошеніи, не давая воли хотящему волочитися“. (А. К. К. 1762 г., пост. №139).

не имѣли надлежащаго аттестата или вида, и велѣлъ отсылать ихъ въ распоряженіе свѣтскихъ командъ. Митрополитъ Арсеній послѣ этого предписалъ монастырскимъ настоятелямъ провѣрить, на какой срокъ и кому было выдано разрѣшеніе на сборъ подаяній, отобрать грамоты у тѣхъ, коимъ вышли уже сроки, у кого не оказалось бы грамотъ, у тѣхъ отнять собранныя деньги и прислать въ консисторію [1]).

Въ это время въ Кіевской епархіи были случаи, что монахи ходили за сборомъ подаяній съ подлежащими паспортами—не консисторіи, а свѣтскихъ канцелярій. Такъ, іеромонахъ Кіево-Петро-Павловскаго монастыря Аѳанасій ходилъ съ паспортомъ Кіевской губернской канцеляріи.

Митрополитъ Арсеній неодобрительно отнесся къ подобнымъ явленіямъ: монастырскимъ властямъ онъ предписалъ, чтобы онѣ сами и монахи не брали паспортовъ изъ свѣтскихъ канцелярій; затѣмъ, было сообщено и Кіевской губернской канцеляріи, чтобы она не давала паспортовъ безъ сношенія съ консисторіей [2]).

Что касается пьянства, сварливости, непослушанія властямъ и проч., митрополитъ Арсеній не оставлялъ и этихъ пороковъ безъ вниманія: онъ строго наказывалъ тѣхъ изъ монашествующихъ, которые оказывались замѣченными въ указанныхъ порокахъ [3]).

---

[1]) А. К. Выд. мон. ук. кн. 1768, ук. № 61.

[2]) Ibidem, ук. кн. 1767 г., ук. № 67.

[3]) Такъ іеродіаконъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ за пьянство былъ сосланъ въ Харлампіевскій Гамалѣевскій монастырь, къ Д. Нащинскому, который очень строго держалъ монаховъ; іеромонахъ Лубенскаго монастыря Израиль за пьянство былъ лишенъ права священнослуженія и назначенъ былъ въ черную работу. За неповиновеніе настоятелю и за неисполненіе одного указа консисторіи 2 іеромонаха Выдубицкаго монастыря были штрафованы 300 ударами. (А. К. Выд. мон. 1762 г., указ. кн. л. 137, ук. № 29; ук. кн. 1760—1761 г., ч. I, ук. № 6; А. К. К. 1776 г., № 487).

ГЛАВА VI.

Приходское духовенство Кіевской епархіи.

Составъ приходскаго причта. Викаріи. Излишніе священники. Кандидаты на приходскія мѣста. Вдовые священники. Діаконы. Дьячки и низшіе причетники. Назначеніе приходскихъ священниковъ. Выборное начало и наслѣдственное право, и взаимное отношеніе этихъ факторовъ. Отношеніе м. Арсенія къ указаннымъ факторамъ. Контроль надъ выборами; ограниченіе права выборнаго и наслѣдственнаго. Протесты прихожанъ. Требованія учительности кандидатовъ священства. Распоряженія относительно низшихъ членовъ церковнаго причта. Матеріальный бытъ приходскаго духовенства. Налоги и повинности, лежавшія на духовенствѣ. Соціальное положеніе духовенства. Состояніе нравственной жизни духовенства. Распоряженія м. Арсенія о просвѣщеніи духовенства.

I.

Составъ сельскаго причта въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII столѣтія былъ очень разнообразнымъ и сложнымъ: при церквахъ почти всегда было немалое число[1]) священно и церковно-служителей, стоявшихъ въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Во главѣ причта стоялъ священникъ, который назывался настоятелемъ, „цѣлопарохіальнымъ“ настоятелемъ. Большею частію въ приходѣ, имѣвшемъ менѣе 100 дворовъ (дворъ=приблизительно 8 душамъ мужескаго пола[2]) былъ одинъ священникъ—настоятель. Въ приходахъ, съ числомъ дворовъ свыше 100 и до 200, бывало по 2 и по 3 священника, между которыми при-

---

[1]) По донесенію консисторіи, въ 1757 г., при 1149 церквахъ состояло въ наличности: 23 протопопа, 1690 поповъ, 175 діаконовъ, 1257 дьячковъ и 1159 пономарей. Безъ сомнѣнія, это были только тѣ, которые состояли на учетѣ; кромѣ нихъ, въ епархіи, несомнѣнно, были и „праздные“, не причисленные еще ни къ одной церкви.

[2]) Такъ въ с. Ярославкѣ числилось 99 дворовъ при 746 душ. муж. и 737 д. жен. (Арх. К. Выд. мон. 1764, № 31).

ходъ дѣлился поровну (по улицамъ). Если въ приходѣ было только 2 священника, то они назывались „двочастными“ половинными [1]); если же въ приходѣ было 3 священника, получавшихъ равную часть (1/3-ю), то такіе священники назывались „трочастными“ или „третинными“ [2]). Впрочемъ, названія „двочастный“ и „трочастный“ священникъ при митрополитѣ Арсеніи были вытиснуты другими „половинный“ и „третинный“: митрополитъ Арсеній воспретилъ употреблять первыя названія и велѣлъ, чтобы священники назывались половинными или третинными [3]). Что касается взаимныхъ отношеній половинныхъ и третинныхъ священниковъ, то въ различныхъ приходахъ они были различны. Нерѣдко бывало такъ, что всѣ 2 или 3 священники въ приходѣ считались равноправными и назывались настоятелями [4]), что всегда подавало поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, спорамъ, враждѣ и несогласію. Въ иныхъ приходахъ лишь одинъ священникъ считался настоятелемъ, а другіе считались подчиненными ему [5]). Послѣдній порядокъ, конечно, былъ болѣе нормальнымъ: при немъ отношенія были опредѣленнѣе. Поэтому митрополитъ Арсеній и старался установить именно послѣдній порядокъ, и, при назначеніи на приходъ нѣсколькихъ священниковъ, одному предписывалъ быть настоятелемъ, а другимъ подчиненными первому, или викаріями [6]). Объ этомъ же былъ поданъ особый пунктъ въ Комиссію Уложенія, такъ какъ, помимо распоряженій митрополита, продолжалъ оставаться прежній, первый порядокъ: существовало нѣсколько равныхъ или половинныхъ священниковъ въ приходѣ. Такое явленіе, какъ уклоненіе отъ прямыхъ распоряженій митрополита Арсенія, было нерѣдко. Это объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ назначенія священниковъ принималъ очень большое участіе народъ, съ которымъ трудно было справиться митрополиту Арсенію: вѣковыя традиціи не могли быть выведены однимъ митрополитомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. А народъ, дѣйствительно, имѣлъ большое значеніе въ назначеніи

---

[1]) Ар. К. К. 1767 г., № 44. Такъ назывались священники с. Рашекъ.

[2]) Ар. К. К. 1767 г., № 44 и 220.

[3]) Ар. К. К. 1767 г., № 44. Здѣсь говорится, что священникъ с. Рашекъ Павелъ былъ назначенъ настоятелемъ, а викарій Романъ Рудаковскій и о. Романъ—половинными, при чемъ имъ велѣно не называться болѣе двочастными и трочастными.

[4]) Сб. Им. Ист. Об., т. 43, стр. 526.

[5]) Ар. К. К. д. 1760 г., № 38.

[6]) Ibidem.

священниковъ: отъ воли прихожанъ въ значительной степени зависѣло принятіе или непринятіе священника къ церкви. Оттого то иногда—бывало по 2 священника и въ такихъ приходахъ, которые имѣли не болѣе 60 дворовъ, а, съ другой стороны, бывало по одному священнику тамъ, гдѣ число дворовъ значительно превышало 100 дворовъ [1]).

Впрочемъ, митрополитъ Арсеній обыкновенно отказывалъ въ назначеніи лишнихъ священниковъ въ такіе приходы, гдѣ количество дворовъ, соотвѣтственно штатамъ, не допускало этого [2]).

Кромѣ самостоятельныхъ священниковъ, цѣлопарохіальныхъ или половинныхъ, въ составъ приходскаго духовенства входили еще викарные священники. Послѣдніе не вездѣ, конечно, были: но тамъ, гдѣ они находились, они являлись священниками безъ правъ и не смѣли никогда возвышать своего голоса предъ прихожанами. Все завѣдываніе церковью и приходомъ было въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя считались настоятелями и хозяевами въ приходѣ. А хозяиномъ могъ быть не только настоятель—священникъ, но даже и вдова священника. Викарные зависѣли отъ того или другой во всемъ и никогда не должны были что либо дѣлать безъ воли и согласія принявшихъ ихъ въ качествѣ помощниковъ. Викарные въ приходѣ, по вѣрному выраженію митрополита Гавріила Кременецкаго, были наемниками [3]), которые служили при той или другой церкви по вольному найму, за извѣстное вознагражденіе (опредѣленную часть доходовъ) и являлись простыми требоисправителями. Эти викарные напоминаютъ собою крестцовыхъ поповъ, которые имѣли мѣсто въ Московской епархіи, по преимуществу въ XVI и XVII в., съ тѣмъ различіемъ, что викарные священники въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII столѣтія опредѣлялись на сроки болѣе или менѣе продолжительные, до 8—10 лѣтъ [4]), тогда какъ крестцовые попы нанимались иногда на нѣсколько церковныхъ службъ.

---

[1]) Р. д. с. паст. 1861 г., II, 135.

[2]) Такъ, м. Арсеній отказалъ въ назначеніи 2-го настоятеля въ Гапоновскій приходъ, гдѣ не было указныхъ 106 дворовъ (А. К. К., рез. 20 дек. 1761 г.); въ с. Ярославкѣ при Покровской церкви числилось 99 дворовъ и, кромѣ 2-хъ половинныхъ священниковъ, былъ еще 3-й, сынъ одного изъ нихъ, поступившій на приходъ для вспомоществованія своему отцу; онъ имѣлъ получить половинную часть прихода только послѣ выбытія своего отца. Кромѣ этого, митрополиту было представлено ходатайство о назначеніи викарія 1-му половинному священнику, въ виду его слабости. Но Арсеній рѣшительно отказалъ въ этомъ, чтобы не увеличивать и безъ того полный причтъ этой церкви (А. К. Выд. мон. 1768 г., № 32).

[3]) А. К. К. указ. кн. 1771 г., № 48.

[4]) Ар. К. К. 1754 г., № 127.

Викарные священники обыкновенно поступали въ такіе приходы, гдѣ священникъ настоятель былъ или престарѣлый или, слишкомъ за нятый другими служебными дѣлами (напр. въ качествѣ протопопа или намѣстника [1]). Такъ, напр., Кіево-Подольскій протопопъ Романъ имѣлъ за викарія безмѣстнаго священника Моисея Лучѣцкаго, который наблюдалъ за приходомъ [2]). Такжо Воронежскому протопопу былъ данъ особый викарій [3]). Въ такихъ случаяхъ между настоятелемъ и викарнымъ заключался контрактъ или условіе относительно того, что долженъ дѣлать викарій, какія требы отправлять, въ какихъ отношеніяхъ стоять къ настоятелю и, наконецъ, какую часть доходовъ викарій долженъ получать за требоисполненія. Викарій давалъ подписку довольствоваться назначаемыми доходами, „прилежать неусыпно къ церкви и чтенію Слова Божія и Св. Отеческихъ книгъ, повиноваться настоятелю и почитать его, какъ начальника, дѣлать все по его приказу и, безъ вѣдома его и повелѣнія, не только не отлучаться отъ церкви, но безъ его воли и приказу ничего и въ церкви и приходѣ не дѣлать“ [4]); не выступать изъ указанныхъ въ контрактѣ предѣловъ священническихъ обязанностей предъ прихожанами, подъ опасеніемъ штрафа за исполненіе. Вслѣдствіе этого съ викарія слагалась и вся отвѣтственность по приходу и церкви и лежала она исключительно на настоятелѣ. Что касается содержанія, то викаріи обыкновенно поступали на третью, рѣже на четвертую часть доходовъ [5]), причемъ одни изъ викаріевъ получали и роковщины $^1/_3$ часть [6]), а другіе вовсе не должны были касаться роковщины и свѣчной продажи [7]).

---

[1]) Ibidem, 1758 г., № 164.

[2]) Ibidem, 1763 г.. № 231.

[3]) Ibidem, 1760 г., № 129 (Нѣж. пов.).

[4]) Такую подписку далъ 22 марта 1766 года викарій Покров. ц. г. Ворон. В. Драновскій, также свящ. Іаковъ Івяздовскій (А. К. К. 1766 г., отрыв. кн. контракт.; 1762 г., (д. № $^{36}/_{197}$).

[5]) Такъ, викарій Серединобудиновской церкви, Петръ Михайловскій получалъ $^1/_3$-ю ч. (А. К. К. 1759 г., 16 дек., контрактъ данный іер. Ст. Козловскимъ) .Въ Рѣшетиловской намѣстній викарій Стеф. Ильнѣцкій былъ принятъ священникомъ Леонтіемъ Малѣнскимъ на $^1/_4$ часть; въ то же время онъ не допженъ былъ брать совсѣмъ платы за освященіе пасокъ, покрывалъ съ погребеній; половину же хлѣба за молитву давалъ настоятелю (Ар. К. К. 1760 г., 24 января).

[6]) Ар. К. К. 1765 г., 15 декабря.

[7]) Ibidem, 1759 г., 16 декабря.

Викаріи являлись въ приходѣ еще и тогда, когда умиралъ священникъ, оставивъ послѣ себя въ семействѣ сына или дочь. Послѣдніе въ XVIII вѣкѣ считались обыкновенно прямыми наслѣдниками отца по приходу даже въ томъ случаѣ, когда они были малолѣтними. Поэтому, въ случаѣ смерти мужа, вдова священника подыскивала викарія, заключала съ нимъ контрактъ, давала ему, большею частью, половину своихъ доходовъ и держала его у себя въ такомъ же послушаніи, какъ и протопопъ или намѣстникъ; сама вдова, по праву опекунши наслѣдниковъ оставалась распорядительницею и настоятельницею въ приходѣ, а принятый ею викарій обязывался „быть послушнымъ государынѣ (вдовѣ) и дѣткамъ", имѣть ихъ за старшихъ своихъ, „настоятельскую честь имъ отдавать, ничего безъ нихъ не дѣлать", отправлять лишь одни требы и богослуженіе, получая условленную часть церковныхъ доходовъ. Изъ этихъ же доходовъ викарные давали и пропорціональную часть взносовъ въ каѳедру (съ половинной части половину сборовъ [1]).

Въ случаѣ нарушенія заключеннаго условія, викарный священникъ обязывался подлежать „винѣ архіерейской 100 рублей и неослабному на тѣлѣ наказанію барбарами, кіями, батогами" и т. п. [2]),

Викарные оказывались въ зависимости отъ вдовъ и въ томъ случаѣ, если умиралъ протопопъ или священникъ, къ которому они поступили въ помощники. Въ такомъ случаѣ сохранялись тѣ же условія отношеній къ наслѣдникамъ, что были до смерти настоятеля.

Положеніе викарныхъ въ приходѣ было, такимъ образомъ, совершенно случайнымъ: оно зависѣло отъ воли и расположенія настоятеля или настоятельницы. Всякое неудовольствіе того или другой могло печально повліять на судьбу викарія. Послѣдній долженъ былъ во всемъ угождать принявшимъ его и въ то же время, отказавшись рѣшительно отъ всякой личной воли въ исполненіи пастырскихъ обязанностей, каждую минуту дрожать за свое существованіе и пребываніе въ приходѣ. Положеніе викарныхъ было весьма шатко: ихъ принимали даже не изъ милости и снисхожденія къ нимъ,—тогда они могли бы разсчитывать на возможность прожить до конца дней своихъ въ приходѣ,—а по мѣрѣ надобности и выгодности. Нужно было протопо-

---

[1]) Ibidem, 1768 г., № 118.

[2]) Рук. д с. п. 1861, № 49.

ну имѣть помощника для совершенія требъ, напр., по болѣзни онъ принималъ къ себѣ викарія; но болѣзнь проходила, и викарій оказывался безъ мѣста, безъ хлѣба и крова, подъ открытымъ небомъ. И принятіе и увольненіе викарія въ половинѣ XVIII вѣка было дѣломъ произвола священниковъ, которые даже не испрашивали разрѣшенія на это. Такъ, напр., въ самомъ Кіевѣ, Кіево-Подольскій протопопъ Романъ 11 лѣтъ держалъ при себѣ викарія безъ усыновительной грамоты, безъ представленій митрополиту [1]), пока, наконецъ, это не было замѣчено митрополитомъ Арсеніемъ. Послѣдній велѣлъ сдѣлать Роману строгій „репримандъ“ и въ то же время велѣлъ разослать указы, съ запросомъ, нѣтъ ли еще гдѣ нибудь такихъ же безпорядковъ.

Потомъ, по приказу митрополита Арсенія, въ 1764 г., 13 іюля, былъ разосланъ указъ о томъ, чтобы никто изъ священниковъ не дерзалъ принимать къ своимъ церквамъ викаріевъ безъ разрѣшенія митрополита.

Далѣе, священники, присвоивъ себѣ право принятія викаріевъ, въ то же время и самовольно отрѣшали викаріевъ, хотя бы они были присланы и митрополитомъ. Такъ, д. т. с. Иванъ Ивановъ Неплюевъ, владѣлецъ м. Ямполя, письменно сообщилъ митрополиту Арсенію, что тамошніе священники самовластно отрѣшали отъ приходовъ викаріевъ, назначенныхъ митрополитомъ, Вслѣдствіе этого митрополитъ Арсеній велѣлъ разослать указы и строго подтвердить, чтобы никто изъ священниковъ не осмѣливался самовольно принимать викаріевъ и лишать ихъ мѣста [2]).

Самый институтъ викарныхъ былъ явленіемъ безпорядочнымъ и подавалъ поводъ къ разнымъ нестроеніямъ въ жизни приходской: викаріи „назначаемые на время, яко довременніи, о церквахъ небрегутъ, а чрезъ то таковые церкви, при конхъ они, подобающаго своего благолѣпія лишаются, они не заботятся о проповѣди“, о воспитаніи пасомыхъ, ихъ спасеніи [3]). Тамъ, гдѣ были викаріи, нельзя было и спрашивать о какихъ либо мѣрахъ пастырской дѣятельности и нравственнаго воздѣйствія ихъ на приходъ.

---

[1]) А. К. К. 1763 г., № 117. Сколько и гдѣ именно оказались такіе священники, трудно сказать. Извѣстно, что въ вѣдомствѣ Выдубицкаго монастыря оказался 1 священникъ безъ усыновительной грамоты, но это былъ устраненный отъ прихода за проступки (Ар. К. Выд. мон. 1763 г., ук. № 35, л. 139—140).

[2]) Указъ разосланъ 31 октября 1765 г., (А. К. К. 1765 г., № 459 стр. 384 А. К. Выд. мон. 1765, д. № 78).

[3]) Ар. К. К. 1763 г., постан. 24 сентября.

Кромѣ того, викаріи увеличивали общее число священниковъ сверхъ потребы, сверхъ штата, составляли, такъ сказать, духовный пролетаріатъ, требовавшій содержанія и пищи. Между тѣмъ, излишекъ священниковъ приводилъ къ тому, что прихожане смотрѣли на священниковъ, какъ на поденщиковъ, которыхъ сами они могли выбирать себѣ, и съ которыми обращались нерѣдко самовольно, грубо и презрительно. Словомъ, излишекъ освященниковъ былъ причиною упадка нравственной жизни и авторитета самого духовенства и порождалъ очень много ненормальныхъ явленій, какъ при назначеніи священниковъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ прихожанамъ и къ митрополиту.

II.

Въ Кіевской епархіи было немалое число лишнихъ священниковъ. Такъ, по вѣдомости 1770 г. въ Кіевской епархіи числилось 26 протопоповъ, 1825 поповъ, тогда какъ по штату полагалось 23 протопопа и 1605 поповъ [1]). Это объясняется тѣмъ, что въ Кіевской епархіи было много искателей приходовъ, которые скоплялись въ каѳедрѣ и всякими правыми и неправыми путями добивались полученія приходскаго мѣста.

Этими искателями были, прежде всего, выходцы изъ Польши и Украины, православные священники, бѣжавшіе отъ фанатизма уніатовъ. Такихъ выходцевъ изъ Украины и Польши въ предѣлахъ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII вѣка было не мало; особенно число ихъ увеличивалось во время усиленныхъ гоненій уніатовъ и католиковъ на православныхъ, а также во время гайдамацкихъ движеній. Перейдя границу, заграничные священники являлись на форпосты, а то иногда и прямо въ консисторію, давали здѣсь показанія о своемъ рожденіи, образѣ жизни, исповѣданіи, о причинахъ побѣга, и просили у митрополита прихода для пропитанія [2]).

---

[1]) А. К. К. 1770 г., вѣд. о церк. Кіев. еп., л. 137—153; указъ кн. 1757 г. вѣд. о церк.

[2]) Такъ, напр., Петръ Яковлевъ Кольчицкій показалъ о себѣ, что онъ родился въ польскомъ мѣстечкѣ Красномъ и, женившись, отлучился въ волошское село Дубоссары, гдѣ въ 1767 году волошскимъ митрополитомъ, Даніиломъ Ронскимъ, произведенъ въ волошское с. Глинскъ въ священники; въ 1769 году, вслѣдствіе гоненія со стороны татаръ и турокъ, вышелъ въ Россію и приведенъ былъ въ Кіевской губернской канцеляріи къ присягѣ на подданство. Для пріисканія „викарскаго“ мѣста, ему выданъ былъ билетъ, по которому и былъ опредѣленъ въ с. Глибово Кіево-Печерской протопопіи („Истор. Мат.“ Андріевскаго, вып. стр. 220—221).

Митрополитъ Арсеній Могилянскій требовалъ, чтобы эти священники—въ случаѣ, если не имѣли ставленническихъ грамотъ (а такіе случаи бывали нерѣдко),—доказали законность своего посвященія, хотя бы посредствомъ свидѣтелей. Если же ставленническая грамота была на лицо, то митрополитъ Арсеній, послѣ испытанія ихъ совѣсти, обыкновенно утверждалъ ставленническую грамоту своею подписью и, затѣмъ, выдавалъ билетъ „на пріисканіе мѣста“ въ епархіи [1]).

Иногда выходцы изъ-за границы были изъ уніатскихъ священниковъ, желавшіе принять православіе [2]); отъ нихъ требовалось показаніе, что они оставили свою парохію не по иному чему, а „понеже унѣяти усиловали на унію, а они не похотѣли“, что они вели себя „неподозрительно“, о чемъ забирались справки у лицъ, знавшихъ ихъ [3]). Затѣмъ, совершался самый чинъ возсоединенія съ православною церковію: возсоединяемые должны были прочитать исповѣданіе православной вѣры и принести присягу въ томъ, что они оставляютъ „богомерзкую унію ради единаго благочестія“ и „до кончины житія своего пребудутъ во святомъ благочестіи, а на богомерзкую унію никогда не возвратятся“.

Священники, бѣжавшіе изъ-за границы отъ преслѣдованій уніатовъ или турокъ, имѣли большое преимущество предъ всѣми другими выходцами; они считались въ числѣ первыхъ кандидатовъ на мѣста викарныхъ, и митрополитъ ихъ первыхъ назначалъ въ приходы. Даже упомянутый выше указъ отъ 13 іюля 1764 года, запрещавшій принимать викаріевъ безъ разрѣшенія митрополита, имѣлъ въ виду благополучіе этихъ кандидатовъ: онъ былъ изданъ именно съ тою цѣлью, чтобы эти мѣста могли быть предоставляемы бѣжавшимъ изъ Польскаго королевства и Украины православнымъ и уніатскимъ священникамъ [4]).

Эти выходцы не всегда были достойными кандидатами священства. Нерѣдко среди нихъ попадались проходимцы, которые обманомъ получали посвященіе за границей, имѣли сомни-

---

[1]) Ар. К. К. 1767 № 1229. Билетъ обыкновенно выдавался на 1 годъ; не пріискавшіе себѣ мѣста въ теченіе года лишались права на занятіе прихода и не допускались къ священно-дѣйствію (А. К. К. 1763 г., ук. 18 авг. № 1655).

[2]) Такъ, изъ Кіевской губернской канцеляріи уніатъ попъ Емель Высоцкій, который введенъ въ православную вѣру въ Софійскомъ соборѣ и послѣ наученія служенію получилъ грамоту на пріисканіе мѣста. А. К. К. 1759 г., № 440).

[3]) А. К. К. 1758 г., № 9.

[4]) А. К. К. 1764 г., постанов. кон. № 384.

тельные документы, что вызывало отписки (между консисторіей и разными учрежденіями), разныя непріятности и хлопоты. Съ другой стороны, выходцы изъ-за границы, по вступленіи на приходъ, также доставляли не мало хлопотъ и безпорядковъ. Уже одно то, что они были мало знакомы съ порядками Кіевской епархіи и съ разными формальностями при совершеніи, напр., браковъ или другихъ требъ, было причиной безпорядка, оттого то число незаконныхъ браковъ въ половинѣ XVIII вѣка очень сильно увеличивалось [1]). Въ виду этого, 28 октября 1759 года митрополитъ Арсеній предложилъ консисторіи рѣшить вопросъ объ этихъ священникахъ.

Консисторіи было предложено рѣшить, слѣдуетъ ли выходившимъ въ Россію волошскимъ и уніатскимъ священникамъ, получившимъ усыновительныя грамоты, выдавать епитрахильныя грамоты и разрѣшать служеніе. До рѣшенія же этого вопроса и до собранія справокъ митрополитъ Арсеній запретилъ выдавать грамоты, если даже будутъ представлены одобрительныя свидѣтельства отъ прихожанъ. Но справокъ о нихъ консисторія не могла найти и составить [2]), такъ какъ многихъ дѣлъ не было; при предшественникахъ же („антецессорахъ“) митрополита Арсенія обыкновенно бывали разсужденія о достоинствѣ и качествахъ заграничныхъ священниковъ, послѣ чего и выдавались имъ грамоты. Поэтому консисторія и рѣшила, что для выдачи новыхъ епитрахильныхъ и усыновительныхъ грамотъ, если только будутъ представлены одобрительные отзывы отъ прихожанъ и если сами священники найдены будутъ при испытаніи достойными, не должно полагать препятствій [3]).

---

[1]) Такъ, напр., вышедшій въ 1766 году изъ Волошской земли священникъ Іоаннъ Максимовъ, получивъ разрѣшеніе отъ митрополита Арсенія преподавать требы вышедшимъ съ нимъ волохамъ при Кіево-Подольскихъ церквахъ, обвѣнчалъ безъ дозволенія Кіевской губернской канцеляріи иностранца Іосифа съ женой, имѣвшею мужа, Евдокіею Марковою. Хотя онъ и былъ привлеченъ къ суду за это, но былъ освобожденъ отъ епитеміи въ виду того, что „еще указныхъ здѣшнихъ порядковъ и никакихъ обхожденій тогда не обучался“ (А. К. К. 1772 г., постан. кон. № 479).

[2]) Консисторія не могла представить справокъ даже о томъ, сколько находилось въ Кіевской епархіи вышедшихъ изъ Польши священниковъ и получившихъ благословенія на пріисканіе мѣстъ. Въ 1765 г., спустя 6 лѣтъ консисторія еще только посылала въ духовныя правленія указы съ требованіемъ представить вѣдомости о вышедшихъ изъ за-границы священникахъ (Ар. К. Выд. м. 1765 г., ук. № 11).

[3]) А. К. К. 1759 г., № 440.

На это митрополитъ Арсеній написалъ: „Понеже изъ дѣлъ о таковыхъ священникахъ усмотрѣно нами, что нѣкоторые приняти и опредѣлени безъ справокъ съ ними въ указныхъ обстоятельствахъ, того ради теперь, при разсмотрѣніи о дачѣ имъ подтвердительныхъ грамотъ справливатись съ таковыми заграничными священниками въ указныхъ обстоятельствахъ, найпаче же о томъ, имѣются ли при дѣлахъ ставленные грамоти или хотіа достовѣрные свидѣтельства о посвященіи ихъ. Сверхъ же того, бывшіе въ унѣятской вѣри, учинили ли отрицаніе по чиноположенію, съ прописаніемъ, буди по справки за кимъ то явилось, представліать къ потвержденію и грамоты отъ кантори. А ежели таковыхъ обстоятелъствъ, то есть грамотъ, ни достовѣрнихъ свѣдѣтелствъ, тако же отрицаній за кимъ по справкамъ не явится, то о таковихъ консисторіи разсматриваіа представліать съ мнѣніями“ [1]).

Потомъ, по представленію митрополита Арсенія, Св. Синодъ велѣлъ, чтобы всѣхъ выходцевъ изъ Польши, Украины, Валахіи и Греціи, не имѣвшихъ паспортовъ, не опредѣлять къ церквамъ и вовсе не выдавать имъ билетовъ на прішсканіе мѣстъ, а отправлять въ свѣтскія команды [2]).

Кромѣ того, кандидатами на священническія мѣста были лица, получившія посвященіе за границей, въ Молдо-Валахіи, отъ молдавскихъ или греческихъ епископовъ. Число такихъ лицъ заграничнаго посвященія въ Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII вѣка было также значительно. Это были, большею частію, лица изъ простого сословія, крестьянскаго или посполитаго и казачьяго, искавшія въ духовномъ санѣ убѣжища отъ податей и повинностей [3]), люди бѣдные, которые не имѣли достаточно средствъ, какъ на полученіе презенты, такъ и на посвященіе въ Кіевской каѳедрѣ, а между тѣмъ соблазнялись легкостію и сравнительною доходностію жизни приходскаго священника. Къ услугамъ такихъ искателей священства въ XVIII вѣкѣ было не мало архіереевъ въ нынѣшней южной Россіи, въ Валахіи, которые сами не имѣли епархій и готовы были за деньги рукоположить всякаго просителя. „Въ XVIII вѣкѣ юго-западная Русь была наводнена греческими путешественниками митрополитами, епископами“,—говоритъ Крыжановскій,—которые переходили съ мѣста

---

[1])Ibidem, резол. 15 декабря.

[2]) Ibidem, указ. кн. 1768 г., № 70.

[3]) Ар. Кіев. Лав., № 230.

на мѣсто, то за милостынею для свой епархіи, то какъ изгнанники изъ отечества, ищущіе пріюта, раздавали священный санъ всякому, кто бы ни пожелалъ его, считая это для себя однимъ изъ средствъ къ жизни“ [1]). Малосостоятельные искатели священства обыкновенно поджидали такихъ архіереевъ и спѣшили къ нимъ, переходили и русскую границу, чтобы получить у нихъ посвященіе, такъ какъ плата, которую они требовали за посвященіе была гораздо меньше той суммы, которую приходилось, расходовать въ каѳедрѣ митрополита при рукоположеніи. Возвращаясь, потомъ, домой, эти новорукоположенные за деньги священники продолжали свои обычныя занятія: пахали землю, косили и даже отбывали барщину, поджидая, пока не откроется вблизи гдѣ нибудь мѣсто или пока ихъ не наймутъ прихожане. Являясь въ каѳедру за полученіемъ мѣста, такіе священники обыкновенно показывали на допросѣ, что, „желая священнаго сана“ они не могли ѣхать къ своему архіерею, „за неимѣніемъ денегъ на посвященіе“, а отправились за посвященіемъ къ ближайшему епископу въ Молдавію или Валахію и тамъ за нѣсколько турецкихъ левовъ получали посвященіе [2]).

При этомъ, большею частію, молдавскіе и волошскіе епископы посвящали священниковъ „на вакансъ“, т. е. безъ указанія опредѣленнаго прихода, и выдавали послѣ посвященія грамоту на пріисканіе свободнаго мѣста; съ отысканіемъ послѣдняго эта грамота замѣнялась другою, усыновительною грамотой [3]).

По отношенію къ просителямъ этой категоріи м. Арсеній поступалъ строго и рѣшительно: онъ отбиралъ у нихъ грамоты, не допускалъ ихъ въ приходы и запрещалъ имъ богослуженіе [4]).

Количество безприходныхъ священниковъ, искавшихъ мѣстъ священника въ Кіевской епархіи, увеличивалось еще и оттого, что многіе изъ священниковъ оставляли приходы по бѣдности послѣднихъ, доходившей до того, что жившіе въ нихъ священ-

---

[1]) Р. д. с. п. 1860 г., № 12 („Поврежденіе церковной обрядности“) и 1861 г., № 49, стр. 477.

[2]) Ар. К. К. 1757 г., № 87; 1760 г., № 141.

[3]) Такъ, Яковъ Окулевичъ на допросѣ показалъ, что, услыша о томъ, что волошскій епископъ Даніилъ ѣздитъ по церквамъ и былъ недалеко отъ с. Потѣвки онъ поѣхалъ въ с. Палѣево-Озеро, явился къ протопопу и просилъ его „взнести инстанцію“ о посвященіи въ санъ; протопопъ словесно заявилъ епископу Даніилу, и Окулевичу было велѣно явиться къ исповѣди и посвященію, послѣ чего ему и была выдана грамота на вакансъ.

[4]) А. К. К. 1759 г, 23 авг. и 1762 г., 16 декабря, № 381.

ники не имѣли никакихъ средствъ къ пропитанію, другіе же вынуждались оставить приходъ, вслѣдствіе насилій и преслѣдованій со стороны помѣщиковъ [1]). Наконецъ, въ Кіевскую епархію стремились еще многіе священники изъ полковыхъ и изъ сосѣднихъ губерній.

Всѣ указанные нами безприходные священники наводняли собою Кіевскую каѳедру. Они являлись къ митрополиту Арсенію съ просьбой о назначеніи имъ прихода для пропитанія. Одни при этомъ представляли „выборы“ или рекомендацію прихожанъ (заграничнаго посвященія); другіе жаловались на свою бѣдность и безвыходность положенія (выходцы изъ-за границы, бѣжавшіе отъ преслѣдованій уніатовъ, турокъ, а также оставившіе приходы по бѣдности...); третьи имѣли право на приходъ за свою полковую службу. И всѣмъ этимъ искателямъ необходимо было дать священническое мѣсто. Св. Синодъ указывалъ давать мѣсто и пріютъ всѣмъ безприходнымъ священникамъ и не производить священниковъ, сверхъ комплекса. Митрополитъ Арсеній, какъ мы уже упомянули, въ большинствѣ случаевъ давалъ отъ себя билетъ на пріисканіе мѣста, а потомъ, когда они успѣвали найти мѣсто въ приходѣ, утверждалъ ихъ въ должности [2]).

Въ большинствѣ случаевъ эти священники поступали на приходъ викаріями, и лишь немногіе поступали настоятелями на приходъ. Этотъ порядокъ былъ опредѣленъ и указомъ Св. Синода. Еще въ 723 году 13 февраля велѣно было: священниковъ выходцевъ изъ-за границы опредѣлять викарными. Потомъ, при митрополитѣ Арсеніи (1769 года 24 февраля), Св. Синодъ снова подтвердилъ указомъ, чтобы вышедшихъ изъ-за границы м. Арсеній опредѣлялъ къ наличнымъ приходскимъ настоятелямъ „до усмотрѣнія ихъ состоянія“ помощниками, а не настоятелями (а объ ученыхъ велѣно было руководиться Духовнымъ Регламентомъ) [3]). Митрополитъ Арсеній еще до изданія послѣдняго указа нерѣдко опредѣлялъ выходцевъ изъ-за границы ви-

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 1104; 1768 г., № 202; 1086, № 4281.

[2]) Такъ, священникъ Іаковъ Гвяздовскій послѣ допроса получилъ билетъ на пріисканіе мѣста викарія, а послѣ пріисканія его въ с. Лемешахъ (на $^1/_3$ части) получилъ презенту отъ протопопа и явился въ каѳедру для полученія усыновительной грамоты. Она и была ему выдана, при чемъ велѣно было прочитать подлинную грамоту прихожанамъ, а потомъ отдать ему, а копію оставить въ духовномъ правленіи (А. К. К., 1762 г., № $^{236}/_{197}$).

[3]) Рук. К. С. С. № 429, указ. № 44.

каріями на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ, для испытанія [1]), и, лишь по испытаніи и по представленіи одобрительныхъ свидѣтельствъ, утверждалъ ихъ викаріями въ тѣхъ же мѣстахъ. Что же касается настоятельскихъ, самостоятельныхъ мѣстъ въ приходахъ, то м. Арсеній отказывалъ въ предоставленіи этихъ мѣстъ выходцамъ изъ-за границы даже и въ томъ случаѣ, если послѣдніе пробыли викарными нѣсколько лѣтъ и успѣвали выхлопотать у прихожанъ и владѣльца презенту на настоятельство [2]). Къ этому побуждали Арсенія осторожность и боязнь, какъ бы такіе священники не привнесли въ приходъ чего нибудь противнаго законамъ и принятымъ порядкамъ, а съ другой стороны—вполнѣ справедливое желаніе отдавать предпочтеніе ученымъ кандидатамъ изъ обучавшихся въ академіи.

Хотя и много было кандидатовъ и искателей приходскихъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе далеко не во всѣхъ приходахъ было штатное число священниковъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ то время, какъ въ однихъ приходахъ накоплялось очень много священниковъ (по 2 и по 3 викарныхъ, не говоря о самостоятельныхъ), другіе приходы оставались безъ священниковъ, такъ какъ были недостаточны для пропитанія священнической семьи. Затѣмъ, въ то время какъ было много безмѣстныхъ кандидатовъ на приходы, многія изъ вдовъ вовсе не держали у себя викаріевъ [3]), чтобы всѣ доходы получать въ свою пользу.

Въ виду этого м. Арсеній потребовалъ вѣдомости о приходахъ, гдѣ не было викаріевъ при вдовахъ, также о безмѣстныхъ священникахъ [4]), и велѣлъ консисторіи представить мнѣніе о томъ, гдѣ должны быть викаріи [5]). При этомъ онъ имѣлъ въ виду распредѣлить безмѣстныхъ священниковъ по всѣмъ тѣмъ приходамъ, гдѣ чувствовалась скудость священниковъ, и такимъ образомъ, пополнить штаты приходскихъ церквей.

Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній, какъ именно было исполнено это распоряженіе митрополита Арсенія.

---

[1]) А. К. К. 1758 г., № 18.

[2]) Такъ, іерей Бѣдаевскій прослужилъ въ с. Красномъ (вотчинѣ каѳедральнаго монастыря, Трипольской волости) 11 лѣтъ; владѣлецъ и прихожане просили назначить его настоятелемъ въ ихъ приходъ, но митрополитъ Арсеній отказалъ имъ въ этомъ, а лишь велѣлъ ему наблюдать за приходомъ до прибытія священника изъ арміи (А. К. К. 1762 года, № 282.).

[3]) А. К. К. 1762 г., указ. 25 октября.

[4]) Ibidem, 1763 г., указ. 14 августа; арх. К. Выд. мон. 1759 г., ук. № 992 18 іюня.

[5]) Ibidem, 1762 г., 30 октября.

Слѣдуетъ отмѣтить особое положеніе вдовыхъ священниковъ среди прочаго духовенства.

Уже въ первой главѣ мы упомянули, что священники, овдовѣвши, должны были являться въ каѳедру для испытанія своей совѣсти и для полученія архіерейскаго благословенія на продолженіе служенія. Какъ было въ Переславской, такъ же было и въ Кіевской епархіи.

Вдовые священники считались какъ бы зазорными лицами, которыя теряли право на священническое мѣсто со смертью своей жены [1]). Послѣ смерти жены, каждый вдовый священникъ, если только желалъ сохранить за собою право на священнослуженіе, долженъ былъ явиться въ каѳедру и представить рекомендацію отъ духовнаго правленія и одобрительные отзывы („заручныя свидѣтельства“) отъ прихожанъ о своемъ „доброжительствѣ“, незазорной жизни, и объ отсутствіи въ домѣ разныхъ зазорныхъ лицъ, т. е. женщинъ, не исключая и ближайшихъ родственницъ [2]).

Дѣтей требовалось отдавать въ дома родственниковъ для воспитанія и запрещалось принимать кого либо изъ женщинъ для ухода за ними [3]). Въ противномъ случаѣ вдовые священники совершенно теряли право на занимаемое ими мѣсто. Въ каѳедрѣ вдовый священнослужитель исповѣдывался,—подвергался испытанію въ служеніи вечерни, утрени, литургіи, погребенія умершихъ, крещенія, освященія воды, совершеніи молебновъ паннихидъ и т. д.; въ служеніи повседневнаго богослуженія испытывалъ крестовый іеромонахъ, а въ совершеніи требъ—какой нибудь приходскій священникъ. Только послѣ этого испытанія совѣсти и правоспособности къ священнослуженію, вдовый священно-служитель, уплативъ надлежащіе сборы въ каѳедральную казну, получалъ епитрахильную грамоту, при чемъ давалъ под-

---

1) Еще по распоряженію митрополита Рафаила Заборовскаго (28 августа 1738 г,) вдовые священники не должны были приступать къ богослуженію, кромѣ указныхъ церемоній,—царскихъ молебновъ и паннихидъ, а также исключая великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ; запрещалось даже надѣвать фелонь и епитрахиль, пока не будетъ дана епитрахильная грамота изъ каѳедры. (Арх К. Выд. мон. 1760—1761 г., ч. 2, ук. № 42).

2) М. Арсеній велѣлъ строго наблюдать за вдовыми священнослужителями, чтобы у нихъ въ домахъ, кромѣ кровныхъ сестры, матери и тетки, никого изъ женщинъ не жило; объ этомъ необходимо было всегда дѣлать отмѣтки въ отзывахъ представляемыхъ при испрошеніи епитрахильной и постихарной грамоты (Ар. К. Выд. мон. 1763 г., ук. № 50).

3) Ар. К. К. 1763 г., № 226.

писку въ томъ, что будетъ еженедѣльно прочитывать грамоту и исправлять по ней свою жизнь. Эта грамота имѣла значеніе и силу только на одинъ годъ. По истеченіи года снова прихожане давали одобрительные отзывы, что вдовый священникъ „продолжаетъ свое вдовство честно, безъ всякаго и малѣйшаго подозрѣнія и поступаетъ порядочно въ совершеніи требъ“ [1]; снова давалъ одобрительный отзывъ протопопъ съ духовнымъ правленіемъ, и снова вдовый священникъ подвергался испытанію, послѣ котораго митрополитъ подписывалъ прежнюю епитрахильную грамоту въ удостовѣреніе права еще на одинъ годъ проходить священнослуженіе. Такимъ образомъ, на одной грамотѣ оказывалось по нѣсколько подписей митрополита [2]. Нерѣдко, впрочемъ, вдовые священники вовсе не являлись въ каѳедру и жили, по 10 лѣтъ не выѣзжая за епитрахильной грамотой [3], и пользовались покровительствомъ кого либо изъ владѣльцевъ. Нѣкоторые, правда, просили увольненія отъ пріѣзда въ каѳедру,—ссылаясь на свою старость и дряхлость.

Но митрополитъ Арсеній всегда строго относился къ вдовымъ священникамъ. Еще въ 1759 году, по его повелѣнію, былъ разосланъ такой указъ: предписано было всѣмъ духовнымъ властямъ освидѣтельствовать всѣхъ вдовыхъ діаконовъ и священниковъ, особенно тѣхъ, которымъ даны были грамоты на 2 и болѣе годовъ и которые были увольнены отъ явки въ каѳедру. Указъ 18 іюня требовалъ свѣдѣній о томъ, кто изъ вдовыхъ и почему именно уволенъ отъ явки въ каѳедру,—если по причинѣ болѣзни, то кто на такое мѣсто назначенъ для служенія и для совершенія требъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовались одобрительныя отзывы о жизни вдовыхъ священниковъ [4].

Затѣмъ, въ томъ же году былъ разосланъ изъ каѳедральной конторы ордеръ, чтобы всѣ вдовые священники и діаконы непремѣнно являлись въ каѳедру для подтвержденія епитрахильныхъ или постихарныхъ грамотъ и представляли одобрительныя свидѣтельства со стороны прихожанъ и духовныхъ правленій [5].

---

[1]) Ар. К. К., д. 1760 г № 148.
[2]) Ibidem, д. 1763 г., 2 октября.
[3]) Ibidem, 1762 г., постанов. конс. № 255.
[4]) А. К. Выд. м., 1758 г., ук. № 1371.
[5]) А. К. К. 1759 г., указ. 16 сентября.

Этотъ же указъ былъ подтвержденъ въ 1764 году [1]).

Если кто просилъ увольненія отъ пріѣзда по дряхлости и болѣзни, митрополитъ Арсеній вмѣсто этого велѣлъ такимъ пріискать себѣ помощника, самимъ выйти за штатъ, а свое мѣсто отдать избранному изъ учительныхъ людей кандидату священства [2]). За неявку же въ каѳедру за епитрахильной грамотой священники подвергались штрафу [3]). И, дѣйствительно, послѣ этого нѣкоторые изъ священниковъ увольнялись за штатъ по слабости здоровья [4]). Такъ какъ многіе изъ вдовыхъ священниковъ не являлись въ каѳедру, чтобы избѣжать расходовъ на подарки въ каѳедрѣ, то м. Арсеній, издавъ распоряженіе, чтобы никто ни въ каѳедрѣ, ни въ духовныхъ правленіяхъ не бралъ никакихъ денегъ, чтобы вдовые священнослужители не имѣли повода отговариваться въ случаяхъ непріѣзда въ каѳедру. Затѣмъ, митроп. Арсеній требовалъ, чтобы вдовые священники представляли надлежащія одобрительныя свидѣтельства о своей жизни отъ прихожанъ и отъ ближайшаго начальства, духовнаго правленія: для него важно было, чтобы вдовые священники проводили „житіе доброобходительное и благосостоятельное“, что, по его мнѣнію, не только не могло причинять имъ убытка, но даже могло послужить въ пользу душевную. Поэтому онъ всегда требовалъ чтобы свидѣтельства писались безъ всякой фальши, безъ покрывательства [5]).

III.

Діаконы были очень рѣдки въ приходскихъ церквахъ. Такъ въ 1757 году во всей Кіевской епархіи было 175 діаконовъ, (въ томъ числѣ 27 при соборныхъ церквахъ) [6]), между тѣмъ какъ священниковъ было 1690. Такое незначительное количество діаконовъ объясняется тѣмъ положеніемъ, какое занимали діаконы въ составѣ сельскаго причта въ половинѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что діаконы въ приходѣ считались людьми совершенно лишними, своего рода роскошью: священники не видѣли при своемъ служеніи нужды въ пособіи діакона, такъ какъ служба

---

[1]) Idibem, 1764 г., ук. № 1485, 10 декабря.

[2]) Ibidem, 1760 года, д. № 280.

[3]) Такъ, священникъ Елисей Максимовичъ былъ штрафованъ 5 руб. (А. К. К 1763 г., № 159).

[4]) Ibidem, 1763 г., № 206.

[5]) Ibidem, указ. кн. 1757 г., № 492.

[6]) Ар К. Выд. мон. 1764 г., ук. № 47.

послѣдняго вся входитъ въ ихъ обычныя дѣйствія, а между тѣмъ, если бы діаконъ былъ въ составѣ причта, на содержаніе его необходимо было бы отпускать извѣстную часть доходовъ. Поэтому священники обыкновенно не держали діаконовъ, а, въ случаѣ назначенія ихъ въ приходъ, отказывались принимать ихъ [1]). какъ это было, напр., въ г. Кобелякахъ. Да и прихожане не видѣли нужды имѣть въ приходѣ діакона, чтобы платить лишнюю часть. Если же и встрѣчались въ приходскихъ церквахъ діаконы, то они были какъ бы на особомъ положеніи и получали свое содержаніе въ большинствѣ случаевъ не отъ цѣлой приходской общины, а отъ кого либо одного или, пожалуй нѣсколькихъ прихожанъ, особенно ревностныхъ къ благолѣпію церковной службы [2]).

По словамъ Крыжановскаго, съ діаконами не заключались контракты относительно содержанія, а діаконы должны были довольствоваться доброхотными подаяніями со стороны прихожанъ а иногда частицею и со стороны священника. Намъ встрѣчались такія же данныя: діаконъ по договору съ прихожанами долженъ былъ не требовать руги, а довольствоваться отцовскими грунтами и тѣмъ, что ему давали бы прихожане [3]). Но, однако, діаконы имѣли всегда опредѣленную часть доходовъ или точнѣе опредѣленныя статьи даходовъ Такъ, діаконы по давнему обыкновенію собирали добровольныя подаянія при каждой церкви, также за чтеніе молитвъ въ четыредесятницу, и весь кошельковый сборъ въ дни Пасхи и Рождества [4]). Это уже свидѣтельствуетъ о томъ что положеніе діаконовъ не такъ ужъ было случайно и находилось не въ такой уже зависимости отъ произвола нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, или священниковъ. какъ говоритъ авторъ „Малороссійскихъ очерковъ“, Мало того, діаконы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, въ мѣстечкахъ, получали совершенно опредѣленную часть доходовъ по договору. Такъ, въ м. Веприкѣ діаконъ, какъ и священникъ, получалъ за каждую требу опредѣленную плату (2--5 смотря по роду требы); а въ Опошнянскомъ приходѣ діаконы получали $^1/_2$ доходовъ съ половинной части всего прихода [5]).

---

[1]) Ibidem, 1762, постанов. конс. № 370.
[2]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 397—398.
[3]) А. К. К. 1760 г., въ особой книгѣ, догов. 17 фев. 1750 г., № 4.
[4]) Ibidem, Особ. кн, догов., д. 1760 г., 9 марта.
[5]) А. К. К. 1763 г., д. № 357.

Но, безъ сомнѣнія, не вездѣ это могло быть, такъ какъ не вездѣ соглашались давать діакону лишнюю часть. Если а священники и выдѣляли часть для діакона изъ своей части, то эти діаконы бывали въ большинствѣ случаевъ ихъ родственники, если не сыновья, то зятья,—которыхъ они старались пристроить къ церкви и приходу, съ цѣлію выхлопотать и священническое мѣсто. Однихъ къ этому вынуждало то, что сыновья или зятья еще не имѣли законныхъ (30) лѣтъ для посвященія во священники; у другихъ было желаніе передать по наслѣдству приходъ лицамъ, мало имѣвшимъ право на полученіе священническаго мѣста (напр., по недостатку образованія). Въ томъ и другомъ случаѣ діаконы являлись лишь со стороны священника, иногда даже помимо воли и согласія прихожанъ. Поэтому такіе діаконы рѣдко вступали въ договорныя отношенія къ прихожанамъ; они получали себѣ содержаніе со стороны священника и довольствовались участіемъ въ доходахъ съ грунтовъ своего отца священника. [1]). Прихожане же, съ своей стороны, могли, давать діакону что нибудь по своему усмотрѣнію, а не по договору.

Если же гдѣ нибудь діаконы являлись по желанію прихожанъ, то тамъ они состояли въ зависимости отъ послѣднихъ; но тогда, въ свою очередь, они находились въ опасности быть непринятыми или изгнанными священникомъ. Такое то неопредѣленное и измѣнчивое положеніе діаконовъ приводило къ тому, что діаконство считалось крайне тяжелымъ, даже хуже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чѣмъ дьяковство. Оттого · такъ и мало бывало діаконовъ.

Если кто поступалъ въ діаконы, то только тогда, когда онъ разсчитывалъ двинуться дальше на пути къ полученію священства. Діаконство представляло собою ту выгоду, что здѣсь скорѣе и легче можно было заслужить благосклонность громады и получить презенту на священническое мѣсто. Добиться благорасположенія прихожанъ было легче всего именно тому, кто былъ въ полной зависимости отъ прихожанъ, кто всякое доброхотное подаяніе за требу принималъ съ великою благодарностію, какъ великую милость, и кто никогда не осмѣливался поднять голосъ въ защиту своего кармана и не опорочилъ себя поборами и вымогательствами,—кто, затѣмъ, жилъ съ прихожанами, а не являлся изъ чужихъ мѣстъ,— а таковыми и были діаконы, питавшіеся отъ милости („съ ласки“)

---

[1]) А. К. К. 1777 г., д. № 163.

прихожанъ. Это все имѣло большое значеніе для тѣхъ, кто не имѣлъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ на полученіе прихода; для нихъ діаконство являлось подготовительною ступенью къ священническому служенію: въ діаконскомъ санѣ скорѣе и вѣрнѣе можно изучить богослужебный порядокъ и, благодаря этому, сдѣлаться способнымъ къ прохожденію священническаго служенію. Изъ за этого и поступали въ діаконы, какъ все таки діаконство считалось переходною ступенью къ священническому служенію, то въ діаконахъ не много и оставалось лицъ.

IV.

Во главѣ церковнослужителей стоялъ дьячокъ, а за нимъ пономарь.

Дьячокъ былъ главою цѣлаго клироса, который почти всегда (до половины XVIII вѣка) былъ полонъ разными причетниками или церковниками, по стародавнему обычаю собиравшимися около дьячка и составлявшими какъ бы „капеллу“ его. Эта капелла въ которой главнымъ образомъ директоромъ („паномъ дерехторомъ“ и „бакаляромъ“) былъ дьячокъ, наполнялась по преимуществу бѣдными дѣтьми, сиротами, которыхъ отдавали родственники дьячку „въ науку“; эти сироты проходили у дьячка курсъ грамоты въ школѣ, а въ церкви практически пріучались къ порядку богослуженія и помогали дьячку въ клиросномъ пѣніи и чтеніи. Дьячокъ былъ ихъ главою, начальникомъ: но его роль, все его значеніе въ приходѣ почти этимъ только и ограничивалось. Во всемъ остальномъ онъ былъ лицо совершенно зависимое: онъ зависѣлъ и отъ парохіанъ, и отъ священника или пана пароха, для котораго онъ былъ чѣмъ то въ родѣ служителя, работника. Здѣсь же, въ юго-западномъ краѣ, эта зависимость отъ священника развилась до такой степени, какъ нигдѣ въ Великороссіи. По словамъ Крыжановскаго дьячки поступали на приходъ, съ согласія прихожанъ или ктитора, подъ условіемъ принятія священникомъ.

Впрочемъ, иногда дьячки поступали на приходъ по желанію лишь обывателей; тогда священники такихъ дьячковъ непритѣсняли и обижали [1]).

---

[1]) Такъ, свящ. с. Малыхъ Будищъ А. Жилевскій страшно притѣснялъ дьячка Товаришенка, который былъ принятъ обывателями вопреки желанію священника (А. К. К. 1756 г., № 228).

Епархіальная власть, если къ ней обращались, обыкновенно поручала протопопу избрать дьячка сообща съ прихожанами, по усмотрѣнію священника [1]). Очевидно епархіальная власть признавала полное право священника избрать дьячка по своему усмотрѣнію. Это и ставило дѣйствительно, дьячковъ почти въ полную зависимость отъ приходскихъ, священниковъ.

До чего доходила зависимость дьячковъ отъ священниковъ видно изъ слѣдующаго: полковникъ Кулябка доносилъ митрополиту Арсенію, что священники его полка пользовались своею властью для того, чтобы употреблять ихъ на свои частныя поѣздки и посылки [2]); священники распоряжались ими какъ своими подданными, отъ чего происходилъ большой ущербъ не для однихъ дьячковъ, но и для школъ, въ которыхъ послѣдніе обучали дѣтей. Въ другихъ случаяхъ священники удаляли дьячковъ по своему произволу [3]); принимали другихъ изъ тѣхъ же бродягъ [4]), не давали имъ доходовъ по подпискѣ [5]), лишали ихъ или всей или части прихода, чтобы отдать отнятую часть кому либо изъ своихъ родственниковъ [6]).

Не лучше ихъ было положеніе и со стороны отношеній къ нимъ владѣльцевъ. Такъ, по донесенію Ичанскаго протопопа Петра Полянскаго, владѣлица Новицкой церкви какъ дьячковъ, такъ и пономарей „употребляла въ свои услуги, яко то пономаря къ смотрѣнію саду, а дьячковъ въ повѣренные и другія дѣла и поѣздки“ [7]). Мало этого; даже полковая канцелярія притѣсняла дьячковъ, требовала ихъ вопреки Сенатскимъ указамъ къ отбыванію казачьей службы, принуждала къ несенію разныхъ повинностей, записывала дьячковъ въ казачество, безъ всякихъ справокъ объ ихъ родѣ и грунтахъ. Такъ было поступлено съ стихарнымъ дьячкомъ м. Лютенки Гадячской протопопіи, Гавріиломъ Дьяконеномъ, и съ другими дьячками той же протопопіи, при чемъ полковая канцелярія при-

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 427. Такъ, Верхне-Кіевскому протопопу было предписано избрать священника въ с. Рославичи (А. К. К. 1749 г., № 174).

[2]) А. К. К. 1762, постан. кон. № 305; 1765 г., пост. конс. № 24.

[3]) Ibidem. 1769 г., № 10, 8 апрѣля.

[4]) Ibidem, 1763 г., № 251.

[5]) Ibidem, 1764 г. № 1022.

[6]) Ibidem, 1762 г, № 305 постанов. конс.

[7]) Ibidem, 1768, доп. отъ 7 февр.

бѣгала даже къ насильственнымъ мѣрамъ [1]). Въ отношеніи, наконецъ, къ прихожанамъ дьячки поставлены были въ такія условія, что имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только стараться заискивать у прихожанъ, добиваться у нихъ благорасположенности и милости. Въ этомъ отношеніи дьячку приходилось раздѣлять подобную же участь священника и діакона, съ тѣмъ различіемъ, что священникъ все таки имѣлъ больше значенія въ приходѣ, и не такъ легко и скоро можно было выжить его изъ прихода, какъ то дѣлалось обыкновенно съ дьячкомъ. Послѣднему каждую минуту угрожала опасность отказа (со стороны прихожанъ): откажутъ прихожане, и дьячокъ долженъ уходить изъ прихода. Да, наконецъ, и матеріальное положеніе священника было лучше: священникъ получалъ опредѣленную плату, хоть и небольшую; дьячокъ же довольствовался самою незначительною частью: если священнику, напр., за погребеніе давали 5—10 к., то что же доставалось дьячку? Послѣдній лишь могъ своимъ голосомъ „выспѣвать хлѣбъ“ [2]). Притомъ, дьячковъ во всякое время могли потянуть въ войсковую службу. Поэтому неудивительно, что дьяковство никогда не было замкнутымъ, а постоянно обновлялось новыми людьми. Такое обновленіе дьяковства, такой измѣнчивый характеръ послѣдняго оставался при митрополитѣ Арсеніи непоколебленнымъ; лишь преемникъ митрополита Арсенія, Гавріилъ Кременецкій, обратилъ вниманіе на это и постарался прикрѣпить дьячковъ къ приходамъ и прекратить бродяжничество среди дьячковъ.

Въ виду тяжелаго правового и матеріальнаго положенія дьячковъ, въ виду того, что послѣднимъ приходилось терпѣть притѣсненія и обиды со всѣхъ сторонъ, мало бывало охотниковъ изъ духовнаго сословія поступить въ число дьячковъ. Дѣти духовныхъ предпочитали лучше идти въ свѣтскую службу, въ канцеляріи, а то и прямо въ священники или, въ крайнемъ случаѣ, въ діаконы. Ряды же дьячковъ пополнялись пришлымъ народомъ Это были большею частію люди бездомные, сироты мѣщанскаго, казацкаго и крестьянскаго происхожденія, незнавшіе никакого ремесла,—люди, которымъ безъ дьяковства весь вѣкъ свой нужно было бы провести въ состояніи „людскихъ попыхачей“, и которыхъ еще въ дѣтствѣ какой нибудь сострадательный человѣкъ отдавалъ въ школу къ знакомому дьячку. „Порядочный хозяинъ

---

[1]) А. К. К. 1766 г., постан. кон. № 60.
[2]) А. К. К. 1762 г., № 305.

ни самъ не взялъ бы, ни сыну не дозволилъ бы взять дьяковской службы, потому что она считалась во всякомъ случаѣ ниже какъ деревенскаго хозяйства, такъ и городскаго ремесла. Пройдя въ школѣ всѣ степени дьяковской премудрости, изучивъ въ теченіе многихъ лѣтъ церковный кругъ, пѣніе на гласы, на подобны, догматики и проч., кромѣ того, множество духовныхъ кантовъ, псальмъ, пѣсенъ всякихъ и веселыхъ и грустныхъ напѣвовъ, множество рѣчей, виршей, причитаній, вертепныхъ піэсъ и другихъ принадлежностей южно-русскаго колядованья, отъ которыхъ дьякъ и его школа получали главный доходъ, претерпѣвъ многолѣтнія лишенія школьнаго житія и тяжестей дьяковской педагогіи, школяръ обыкновенно дѣлался поддячимъ, а потомъ и дьякомъ, паномъ бакаляромъ и дирехторомъ“ [1]).

Иногда поступали въ дьячки бродяги, вышедшіе изъ заграницы. Такъ, Кіевская губернская канцелярія сообщила консисторіи, что духовенство принимаетъ у себя къ церкви лицъ неизвѣстныхъ, особенно заграничныхъ и держитъ ихъ причетниками [2]).

Такимъ образомъ, въ половинѣ XVIII вѣка едвали не повсюду въ Кіевской епархіи мѣста дьячковъ были заняты наемными разночинцами, казаками, крестьянами [3]), людьми пришлыми, а не изъ духовнаго сословія,—которые, впрочемъ, никогда почти не удерживались на одномъ мѣстѣ, а переходили съ прихода на приходъ [4]),—благо что епархіальная власть,—какъ самъ митрополитъ, такъ и консисторія,—почти не имѣла надъ ними вліянія и власти. Все это приводило къ тому, что дьяковство въ разсматриваемую нами пору занимало исключительное положеніе въ средѣ приходскаго причта. Въ то время, какъ священническія мѣста передавались по праву наслѣдственности, что заключало въ себѣ основы для сословности духовенства,—мѣста дьячковскія не были наслѣдственными, а совершенно свободными отъ всякаго закрѣпленія, отъ чего и самое дьяковство вовсе нельзя считать замкнутымъ сословіемъ.

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. („Очер. Малорос. дух.“) 1861 г., 137—139.

[2]) А. К. К. указ. 1770 г., 28 апрѣля.

[3]) Въ Малороссіи казаки принимались въ дьячки на самые короткіе сроки м-ца на 3, на 2 и даже на 1 м-цъ (П. С. З, Р. И. т. 10, № 7144). Наемные разночинцы удерживались еще и во 2-й половинѣ.

[4]) Протопопъ Ичанскій доносилъ, что при переписи генеральной (по гетманскому универсалу) дьячки и пономари оказались бродячими, не имѣвшими вовсе осѣдлостей. (А. К. К. 1764 г. № 266).

Такой же характеръ носилъ и другой классъ причетниковъ—пономари, которые были въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, что и дьячки, съ тою разницею, что первые, какъ очень рѣдко имѣвшіе голосъ и бывшіе простыми прислужниками въ церкви, меньше могли пользоваться благорасположеніемъ прихожанъ и получали еще меньше содержаніе, чѣмъ дьячки. Пономарство такъ же, какъ и дьяковство, во 1-хъ, не представляло для дѣтей духовенства никакихъ выгодъ и потому никогда не закрѣплялось за дѣтьми или родственниками по праву наслѣдственности: во 2-хъ, оно было пополняемо, большею частію, школярами, для которыхъ являлось переходною ступенью къ дьяковству, потомъ діаконству и, наконецъ, къ священству, составлявшему предметъ завѣтныхъ мечтаній для каждаго церковника. Затѣмъ ряды пономарей пополнялись всякими посторонними, пришлыми или бродячими людьми изъ разночинцевъ (казаковъ, мѣщанъ, крестьянъ), которые занимали эти мѣста, впрочемъ, съ одного согласія приходскаго священника или старосты, помимо вѣдома епархіальной власти.

Стало, быть и пономари, какъ дьячки, были людьми независимыми отъ вліянія епархіальной власти и составляли бродячій, постоянно измѣнявшійся, подвижной элементъ въ средѣ приходскаго духовенства. На послѣднее указываютъ и кіевскіе пункты: „мало не во всѣхъ церквахъ церковническія въ тѣхъ званіяхъ службы отправляются бродящими съ мѣста на мѣсто школьниками, хотя и не безъ опасности и не безъ случаевъ церковной имъ повѣренности“ [1]).

Справедливость требуетъ замѣтить, что эта неприкрѣпленность къ дьяковскому или пономарскому мѣсту и почти постоянное передвиженіе причетниковъ съ одного мѣста на другое, кромѣ скудости вознагражденія, обусловливались еще и тѣмъ положеніемъ, какое доставалось на ихъ долю при малороссійскихъ порядкахъ устройства Кіевской губерніи. Дѣло въ томъ, что хотя сенатскими указами 1746 и 1755 года и велѣно было не налагать на причетниковъ (дьяковъ и пономарей) никакихъ повинностей, но на самомъ дѣлѣ „мірскія команды ихъ привлекали подъ свою власть и употребляли ихъ во всякіе наряды и письменныхъ и другихъ дѣлъ къ исправленіямъ“,—что и было причиною перехода причетниковъ съ мѣста на мѣсто [2]).

---

[1]) Сб. Им. Ист. Об. т. 43. стр. 454.
[2]) Ibidem.

Къ сказанному о дьячкахъ слѣдуетъ добавить, что, хотя и рѣдко, но бывали случаи, когда дьячки опредѣлялись по прошенію, поданному митрополиту Арсенію. Въ такомъ случаѣ имъ выдавалась патентовая грамота на дьяковство [1]) которой внушалось: никакихъ ссоръ съ священниками не заводить, а во всемъ поступать согласно грамотѣ данной на дьяковство [2]), т. е. „вести себя цѣломудренно и трезвенно, не пьянствовать и не предаваться ссорамъ и враждѣ, ходить въ церковь Божію на пѣніе и чтеніе и всякіе въ ней, что къ должности дьяковской, касается, добрые порядки устраивать, настоятелю же должную честь и повиновеніе отдавать".

Въ этихъ грамотахъ было также упомянуто о томъ, что настоятель не долженъ дѣлать ему обидъ, и „въ свои партикулярніе дѣла не долженъ употреблять" [3]).

Это послѣднее не всегда исполнялось. Но грамота давала одно преимущество: имѣвшіе ее,—а такими были посвященные въ чтецы,—были свободны отъ войсковой службы. Нерѣдко даже въ огражденіе отъ этой службы и выдавалась грамота. Чтобы получить грамоту, для этого необходимо было имѣть увольнительное свидѣтельство отъ казачьей службы, также не быть вдовымъ или женатымъ на вдовѣ [4]).

Мы сказали выше, что около дьячка группировался цѣлый кругъ лицъ, пользовавшихся общимъ именемъ церковниковъ, которые не имѣли никакого собственнаго причетническаго служенія, но тѣмъ не менѣе были, по установившемуся издавна обычаю, при церкви и представляли собою помощниковъ дьячка, его капеллу: это были школяры, ряды которыхъ пополнялись по преимуществу изъ бѣдныхъ сиротъ, безпріютныхъ дѣтей, которыхъ отдавали дьячку „въ науку", на пропитаніе. Дьячокъ обыкновенно съ охотою принималъ безпріютныхъ дѣтей, давалъ имъ пріютъ, обучалъ всей той премудрости, которою обладалъ самъ, такъ какъ они, потомъ, являлись его помощниками: читали и пѣли, прислуживали въ алтарѣ, также помогали дьячку въ его домашнихъ работахъ; самому дьячку очень лестно было имѣть такихъ школяровъ, считаться ихъ начальникомъ „дирехторомъ" и распоряжаться по своему произволу. Пріученные ко всѣмъ порядкамъ церковной службы и свыкшіеся съ жизнью при церкви,

---

[1]) Такая грамота была выдана Матвѣю Дмитровецкому въ церковь Грунскую (А. К. К. 1763 г., № 162, такъ-же 1762 г., № 304; 1769 г., указ. конс. № 60).

[2]) А. К. К., 1769 г., № 93.

[3]) Ibidem, 1762 г., № 304.

[4]) Ibidem.

эти школяры очень часто и сами добивались дьяковства, пополняя, такимъ образомъ, классъ дьяковъ и пономарей, и являлись всегда носителями и хранителями старшинныхъ дьяковскихъ традицій.

Слѣдуетъ упомянуть здѣсь о просфорняхъ, которыя, хотя и были рѣдко, но всетаки, какъ выходившія изъ вдовъ священно и церковно-служителей, скорѣе могутъ быть причислены къ духовному сословію. Эти просфорни не составляли въ приходскомъ причтѣ какихъ либо особо назначенныхъ по штатамъ церковнымъ лицъ; это были лишь вдовы изъ духовнаго званія, которымъ, для ихъ пропитанія и поддержки, иногда предоставлялось право продажи просфоръ и свѣчъ [1]).

Наконецъ, къ классу лицъ, группировавшихся около церкви, слѣдуетъ отнести и тѣхъ братчиковъ и „старцевъ“, которые, хотя и не принадлежали собственно къ причетникамъ, но тѣмъ не менѣе были непремѣнными членами клира при каждой церкви.

Въ теченіе почти всего XVIII столѣтія при каждой церкви Кіевской епархіи еще продолжали существовать небольшіе кружки лицъ, представлявшіе собою остатки тѣхъ великихъ братствъ, которыя играли очень видную роль въ дѣлахъ церкви въ XVI и XVII вѣкахъ. Ко 2-й половинѣ XVIII столѣтія эти братства утратили свое значеніе, и дѣятельность ихъ сдѣлалась скромнѣе, невиднѣе, по сравненію съ предшествовавшимъ вѣкомъ, когда они являлись главными оплотами и защитниками православія въ юго-западной Россіи. Эти братства въ XVIII столѣтіи имѣли своею цѣлью поддержаніе храма и заботливость о его благолѣпіи, устроеніе обѣдовъ въ храмовой день, пособіе бѣднымъ и погребеніе ихъ, обученіе грамотѣ [2]). Члены братства обыкновенно являлись представителями громады и распорядителями церковнаго имущества: „въ ихъ завѣдываніи, на ихъ попеченіи,—говоритъ Крыжановскій,—находится все церковное имущество; громада смотритъ на нихъ, какъ на своихъ представителей, которымъ уступаетъ все хозяйничанье въ церковномъ добрѣ, и въ кружку которыхъ охотно вноситъ по временамъ и свою жертву“ [3]).

Для ближайшаго завѣдыванія и распоряженія церковными суммами и для сбора разныхъ пожертвованій на церковь былъ

---

[1]) Арх. Кіев. Лавр. д. № 230.

[2]) К. Е. Вѣд. 1862 г. стр. 270 и 314.

[3]) Р. Д. С. П. 1861 г.. № 39, стр. 141—142.

выбираемъ изъ почетнѣйшихъ прихожанъ особый представитель громады, ктиторъ.

При каждой церкви Кіевской митрополіи на ряду съ школами существовали и „шпитали“, или госпитали, которые были мѣстомъ призрѣнія бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ,—носившихъ одно общее названіе старцевъ, и получавшихъ свое содержаніе отъ причта и громады. Они принимали участіе въ поминальныхъ обѣдахъ, на которыхъ они были такими необходимыми гостями, какъ и церковный причтъ, и, подобно священнику, получали отъ прихожанъ подаянія на молитвы, какъ лица болѣе заслужившія милости у Бога [1]). Но эти „старці“, получая содержаніе при церкви, въ то же время и исполняли нѣкоторую службу при ней: они сторожили церковь, подметали и убирали ее и исполняли всѣ черныя работы при богослуженіи (носили воду, угли и т. под.), сторожили церковную пасѣку, были звонарями, мѣхоношами [2]).

Указанный сейчасъ составъ сельскаго причта сложился такъ издавна и къ половинѣ XVIII вѣка оставался при слабомъ на него воздѣйствіи со стороны епархіальной власти. Митрополитъ Арсеній также не имѣлъ вліянія на *весь* этотъ строй приходскаго причта. Лица, считавшіяся въ числѣ низшихъ членовъ причта, какъ то: „старці“, братчики самимъ обществомъ или громадой причислялись къ причту, митрополитъ на этихъ лицъ не могъ имѣть никакого вліянія. Также помимо вѣдѣнія митрополита и даже помимо вѣдѣнія низшихъ органовъ епархіальнаго управленія, протопоповъ, поступали на приходъ и дьячки съ пономарями; исключенія были рѣдки.

Митрополитъ Арсеній, повидимому, не касался этого класса причетниковъ. Лишь преемникъ митрополита Арсенія, Гавріилъ Кременецкій, впервые издалъ указъ, которымъ нанесъ ударъ строю приходскаго причта. Онъ, между прочимъ, распорядился ввести при церквахъ только штатное число церковниковъ: по 2 на каждаго священника; затѣмъ, запретилъ держать при школахъ школяровъ, кромѣ приходящихъ учиться изъ домовъ родительскихъ; велѣлъ не принимать ихъ къ церквамъ въ приходахъ, а на мѣста дьячковъ и пономарей опредѣлять не разночинцевъ, а дѣтей „отъ отцовъ духовныхъ Кіевской епархіи“; изъ другихъ епархій—только имѣвшихъ увольнительныя свидѣтельства отъ епархіальнаго архіерея. Наконецъ, запретилъ держать дьячковъ

---

[1]) Р. Д. С. П. 1861 г., № 39, стр. 143.

2) Ibidem.

поступавшихъ на службу по найму, а велѣлъ принимать лишь имѣвшихъ указъ изъ каѳедры и грамоту на посвященіе въ стихарь, причемъ велѣлъ всѣмъ этимъ причетникамъ числиться въ духовномъ званіи и не покидать своего мѣста безъ разрѣшенія епархіальной власти [1]). Хотя еще и послѣ этого продолжали существовать старые порядки, хотя вольное дьяковство и школярство продолжало по прежнему еще оставаться по мѣстамъ, но все-таки ударъ былъ нанесенъ, и произвелъ свое дѣйствіе: закрѣпощеніе дьячковъ было совершено, и дьяки и помомари въ 70-хъ годахъ должны были признать власть епархіальнаго начальства и обязаны были являться въ каѳедру для утвержденія. Благодаря этому указу, дьяковство стало терять свой характеръ бродяжничества. Изданіе тѣмъ же митрополитомъ Гавріиломъ распоряженія о томъ, чтобы всѣ желающіе получить мѣсто дьячка являлись въ каѳедру для экзамена [2]), во 1-хъ, отнимало у дьяковства характеръ разношерстности, а во 2-хъ, окончательно подчиняло всѣхъ причетниковъ вліянію и власти митрополичьей, и, наконецъ, даже повышало образовательный уровень причетниковъ: ибо всѣ кандидаты причетниковъ могли получать свои мѣста лишь отъ руки митрополита, а для того, чтобы удостоиться этого, должны были подготовиться лучше, чѣмъ то было раньше, и выдержать испытаніе въ каѳедрѣ.

Но это все, какъ мы сказали произошло лишь въ 70-хъ годахъ; при митрополитѣ же Арсеніи старые порядки и обычаи въ строѣ дьяковства и низшихъ причетниковъ оставались нетронутыми. Митрополитъ Арсеній обратилъ вниманіе на другую часть сельскаго причта, священниковъ, и постарался усилить свое вліяніе ни нихъ. Это вліяніе онъ постарался распространить, какъ на дѣло назначенія, такъ и на дальнѣйшую жизнь приходскаго духовенства.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію факторовъ, имѣвшихъ значеніе при избраніи и назначеніи священника, и укажемъ отношеніе къ нимъ митрополита Арсенія.

V.

Въ дѣлѣ назначенія священниковъ на приходъ въ Малороссіи играли значеніе два главныхъ фактора: выборъ или избраніе прихожанъ и наслѣдственное право.

Избраніе или выборы приходскаго священника были естественнымъ слѣдствіемъ исторически сложившихся условій быта

---

[1]) А. К. К., указ. кн. 1771 г., ук. № 69.
[2]) Ibidem, ук. отъ 7 октября.

приходской общины, какъ церковно-экономической единицы. „Верховнымъ владѣльцемъ (фиктивнымъ) общинной земли считалась церковь. То былъ какъ бы центръ громады, и забота о церкви, ея благоустройствѣ, была однимъ изъ важныхъ дѣлъ общины. Община строила церковь, она же опредѣляла суммы на ея содержаніе, обезпечивала ее землею или доходами съ земель, спеціально указываемыхъ ей и т. д.“ [1]). Если же сельская община считалась распорядительницею всѣхъ дѣлъ, касавшихся церкви, то вполнѣ естественно отсюда вытекало и то, что и священникъ, какъ служитель церкви, также подлежалъ вѣдѣнію и вліянію общины. Это вліяніе общины въ отношеніи къ священнику обнаруживалось, прежде всего, при самомъ вступленіи священника на приходъ: прихожане сами выбирали себѣ священника и опредѣляли путемъ договора содержаніе ему.

Выборное начало въ Малороссіи вообще имѣло широкое примѣненіе въ XVII в. Въ свое время и всѣ высшіе и низшіе представители власти были выборными. Какъ въ свое время гетманъ, полковникъ, сотникъ и т. п. былъ выборнымъ, такъ и представители духовенства, архіереи, монастырскіе настоятели были выборными. Поэтому и приходскій священникъ былъ выборнымъ. Кромѣ того, по словамъ Крыжановскаго, въ избирательности священниковъ внѣшними основами были ихъ значеніе и содержаніе.

Священникъ не былъ представителемъ правительства, проводникомъ его плановъ и цѣлей, а былъ слугою Божіимъ, блюстителемъ совѣсти и религіознаго чувства; онъ *нуженъ* былъ только для прихода; съ другой стороны, не пользуясь никакимъ содержаніемъ отъ правительства, священникъ въ своемъ обезпеченіи всецѣло зависѣлъ отъ прихожанъ. Вотъ почему Крыжановскій и говоритъ, что все существованіе священника въ приходѣ было дѣломъ самихъ же прихожанъ, а потому и опредѣленіе его на приходъ должно было зависѣть, главнымъ образомъ, также отъ прихожанъ [2])

Такимъ образомъ, въ силу установившагося обычая, приходская община, устроившая у себя церковь, сама же подыскивала себѣ священника; она же подыскивала и другихъ членовъ причта къ устроенной церкви. Вопросъ о принятіи того и другихъ рѣшался на сельскихъ сходахъ при выборахъ Обыкновен-

---

[1]) Лучицкій „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ“ (оттискъ изъ газеты „Земскій Обзоръ“), стр. 7—8.

[2]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 42.

но слухъ о выборахъ священника распространялся далеко по окрестнымъ селамъ, и на выборы стекались съ разныхъ сторонъ и сосѣднихъ селъ желавшіе „промоваться“ на праздное священническое мѣсто. Понятно, чѣмъ больше являлось кандидатовъ, тѣмъ меньше каждый изъ нихъ могъ разсчитывать на успѣхъ. Для достиженія послѣдняго необходимо было заручиться благосклонностію и желаніемъ прихожанъ и владѣльцевъ, какъ главныхъ распорядителей на выборахъ. Въ виду этого часто кандидаты прибѣгали къ угощеніямъ, подаркамъ и посуламъ вліятельнымъ лицамъ.

Чѣмъ больше кто успѣвалъ расположить вліятельныхъ прихожанъ въ свою пользу, тѣмъ шансы его на занятіе прихода дѣлались больше. Но это расположеніе прихожанъ въ свою пользу кандидаты снискивали очень часто за деньги или, по крайней мѣрѣ, разными обѣщаніями и уступками съ своей стороны.[1])

Иногда выборъ прихожанъ останавливался на комъ нибудь изъ посвященныхъ уже въ священный санъ,—на сосѣднихъ или безмѣстныхъ священникахъ. Иногда же выбраннымъ оказывался кто либо изъ мѣстныхъ членовъ причта, діаконъ или дьячокъ (если приходъ былъ праздднымъ послѣ смерти священника) и даже лицо простого сословія, казачьяго, посполитаго или крестьянскаго. Особенно часто выставляли свою кандидатуру лица, имѣвшія хоть какое нибудь прикосновеніе къ приходскому мѣсту, напр., имѣвшіе дѣда или дядю въ священникахъ.

Разъ былъ выбранъ кандидатъ на мѣсто священника, прихожане приступали къ ряду другихъ дѣйствій, чтобы поставить себя въ надлежащія отношенія къ будущему пароху или пастырю. Прежде всего, громада старалась установить размѣръ вознагражденія священнику за исполненіе требъ и обыкновенно заключала съ нимъ договоръ, или контрактъ.

Этимъ договоромъ прихожане имѣли въ виду, главнымъ образомъ, оградить себя отъ излишнихъ поборовъ, почему въ самые договорные акты вносилось прямое требованіе прихожанъ, чтобы „попъ ничего не вымогалъ“ отъ прихожанъ, не забиралъ ничего „насильно“, „самъ собою“, а долженъ („контентоваться“ т. е.) довольствоваться лишь назначеннымъ вознагражденіемъ за труды по договору. Эти договоры впрочемъ, имѣли силу только по отношенію къ членамъ того прихода, который избиралъ священника; отъ членовъ же другихъ приходскихъ общинъ свя-

[1]) Мы останавливаемся своимъ вниманіемъ на этихъ подробностяхъ потому что м. Арсеній издавалъ немало соотвѣтствующихъ распоряженій.

щенникъ могъ требовать по своему усмотрѣнію. Эти договоры представляли собою опредѣленіе платы, какъ вознагражденія за совершеніе той или другой требы. Кромѣ того, въ нихъ заключалось еще и условіе относительно земельнаго надѣла священнику и руги. Эти контракты часто заключали не сами прихожане, а ктиторы [1]).

Вслѣдъ за этимъ избранному выдавалась презента или рекомендація отъ прихожанъ. Въ ней обыкновенно писалось, что прихожане избираютъ *такого то* кандидата и просятъ его посвятить. Эта презента выдавалась за деньги [2]). Полученную презенту избранный кандидатъ представлялъ въ духовное правленіе. Послѣднее въ свою очередь давало отъ себя рекомендацію кандидату, и тогда дѣло шло въ каѳедру, къ митрополиту. Послѣдній или посвящалъ ставленника или, если избранный прихожанами уже состоялъ въ священномъ санѣ, выдавалъ ему благословительную ставленническую грамоту.

Нужно отмѣтить еще и ту особенность приходскихъ выборовъ, что при нихъ было мѣсто и вымагательствамъ. Если кандидаты на приходъ прибѣгали къ задабриванію разныхъ лицъ, то отсюда естественно открывалась возможность разныхъ вымагательствъ. Къ послѣднимъ прибѣгали, пользуясь обстоятельствами, самые вліятельные изъ прихожанъ, особенно владѣльцы. Затѣмъ, если не вымагательства, то „подарки въ поклонъ“ были обычными явленіями при всемъ процессѣ утвержденія священника на приходѣ: подарки подносились и въ духовномъ правленіи членамъ, и въ каѳедрѣ.

Кромѣ выборовъ со стороны прихожанъ, въ дѣлѣ опредѣленія на приходъ большое значеніе имѣло и право послѣдственности.

Правомъ наслѣдованія прихода пользовались сироты, оставшіяся послѣ смерти священника. Какъ ни странно, повидимому, обстоятельство, что, при существованіи у приходской общины права на завѣдываніе приходскими и церковными дѣлами, являлись лица, которыя считали приходъ своимъ наслѣдіемъ и не отъемлемымъ достояніемъ,—но это фактъ не подлежащій сомнѣнію; онъ имѣлъ мѣсто во всей Малороссіи въ XVIII вѣкѣ [3]). „Какъ только умиралъ священникъ, сынъ его (если ихъ нѣсколь-

---

[1]) А. К. К. 1769 г., № 13.

[2]) Ibidem, 1759 г., указ. 2 сентября.

[3]) „Приход. дух.“ проф. Знаменскаго, стр. 39.

ко, то старшій), кто бы онъ ни былъ, священникъ ли другого прихода, діаконъ, дьячокъ, ученикъ латинскихъ школъ, ремесленникъ, тотчасъ безпрекословно овладѣвалъ парафіею и, если имѣлъ законныя лѣта (30), отправлялся въ архіерейскую каѳедру за благословеніемъ и рукоположеніемъ; если не имѣлъ полныхъ лѣтъ, то до окончанія ихъ отдавалъ парохію въ аренду другому безмѣстному священнику, который именовался его викаріемъ и, по достиженіи наслѣдникомъ совершеннолѣтія, оставлялъ свое мѣсто" [1]).

Это право наслѣдственности было настолько утверждено обычаемъ, что признавалось почти всѣми. Мало того: наслѣдники прихода, вдовы или родственники, какъ опекуны прямыхъ наслѣдниковъ, даже пользовались правомъ передачи или уступки другимъ лицамъ прихода, доставшагося по наслѣдству [2]).

Замѣчательно, далѣе, что вдовы священниковъ всегда отстаивали свое право на приходъ, если даже не было дѣтей мужеска пола, которыя бы могли сразу наслѣдовать приходъ. Если дѣти были малы и еще не обучались грамотѣ,—все равно, —вдова считала приходъ своимъ, указывая въ прошеніи на необходимость „пропитанія" и себя самой и дѣтей, до ихъ совершеннолѣтія. Если не было мальчиковъ, которые бы по достиженіи опредѣленнаго возраста (30 лѣтъ) могли занять приходъ,

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 422—424.

[2]) Вотъ примѣръ изъ временъ послѣ митрополита Арсенія; вдова Булатецкаго прихода, Анна Іосифова, по смерти своего мужа Алексѣя Палѣевскаго, уступила свое право дьячку Роману Рублевскому. Здѣсь, въ виду интереса приводимъ текстъ самой уступочной подписки. „1776 года Августа 18 іа нижеподписанная даю сію уступную подписку промуючемуся жителю Конотопскому, постихарному дьячку Роману Рублевскому на священство, на всю измершаго моего мужа священника Алексѣя Палѣевскаго выше Булатецкую парохію въ томъ, что дозволяю ему Рублевскому целопарафѣйнимъ священникомъ промоваця, и буди его Всемогущій Богъ священникомъ удостоить, то онъ Рублевскій, по данной отъ себѣ мнѣ надписи со всего прихода третую часть давать, свѣчи пополамъ, а іа нижайшая не должна въ его промоціи нижемалѣйшаго помѣшательства чинить, а будижъ могла я хотя мало что ему Рублевскому въ промоціи его попрепятствовать, то безъ всякаго суда должна увесь урокъ возвратить, въ томъ и дала ему Рублевскому при нижеподписанихъ више Булатецкихъ казакахъ уступную подписку року и дня више писаного, къ сей подписки подписалась удовствующая попадья выше Булатецкая Анна Іосифовна, а вомѣсто ей неграмотной по ей прошенію рукою даному казакъ вишебулатицкій Гаврило Демьяновскій руку приложилъ.

При сей уступленной подписки будучи свѣдами казаки вишебулатицкіе Петро Сало, Леонтій Гаврукъ, Остапъ Воланъ, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію казакъ Выборній Булатецкій Іванъ монастырскій руку приложилъ" (Д. 1776 г., сентября 12 дня о назначеніи Романа Рублевскаго.

вдова считала приходъ принадлежащимъ дочери, лишь подыскивала къ ней жениха, который вмѣстѣ съ рукою дочери получалъ и право на приходъ. Въ случаяхъ, когда не было дѣтей, вдова все-таки считала за собой право на приходъ и уступала это право другимъ по договору.

Вслѣдствіе этого вдова по смерти мужа оставалась хозяйкой и распорядительницей прихода. Она принимала къ себѣ викарія изъ безмѣстныхъ или вышедшихъ изъ-за границы священниковъ и сама заключала съ нимъ условіе. При этомъ викарій обязывался во всемъ повиноваться госпожѣ настоятельницѣ, служить и совершать требы прихожанамъ, не смѣя возвышать своего голоса безъ дозволенія настоятельницы, и изъ всѣхъ доходовъ давать ей половину (въ большинствѣ случаевъ) или $^2/_3$ доходовъ. Прихожане въ этомъ договорѣ не принимали участія. Они обязаны были платить за каждую требу и давать ругу по прежнему договору, заключенному съ умершимъ священникомъ, мужемъ вдовы. Принятому викарію они обязаны были по настоянію вдовы дать презенту, и викарій отправлялся въ каѳедру за полученіемъ благословительной грамоты.

Установленію такого порядка сама приходская община подавала поводъ и основанія: такъ она, между прочимъ, обязывалась доставлять ругу и земельный надѣлъ *избранному* священнику, имѣвшему служить при церкви. Вслѣдствіе этого надѣлъ земли и руга становились принадлежностію не церкви, какъ слѣдовало бы, а тѣхъ или другихъ лицъ, избранныхъ во священники. Отсюда священники считали всю недвижимую имущественность своею полною и неотъемлемою, а не пожизненною, собственностію. Многіе изъ нихъ даже отдавали полученные въ надѣлъ отъ прихожанъ грунты и земли въ приданое за дочерями,—быть можетъ, и не безъ согласія самихъ прихожанъ,—или продавали ихъ въ другія руки. Эти факты засвидѣтельствованы кіевскими пунктами.

Это была крупнѣйшая ошибка приходской общины.

Если руга и грунты считались собственностію священника, то легко уже было перейти и къ тому, чтобы и приходъ считать такою же собственностію. Для этого достаточно было только быть нѣсколько притязательнымъ со стороны священника, а со стороны прихожанъ—нѣсколько ослабить интересъ къ церковнымъ дѣламъ.

А недостатка въ томъ и другомъ не могло быть: священники были притязательны и готовы были взять лишнее у при-

хожанъ. вымагать у нихъ,—о чемъ свидѣтельствуютъ самые договорные акты.

Въ то же время, стараясь какъ можно лучше обезпечить и себя и свое семейство, священники не задумывались присваивать себѣ и грунты. Далеко ли въ этомъ случаѣ до того, чтобы и на прихожанъ смотрѣть, какъ на простой источникъ своего содержанія и, при недостаткѣ нравственнаго и умственнаго развитія, весь приходъ считать не болѣе, какъ однимъ изъ средствъ къ жизни? И достаточно было прихожанамъ поддаться такому домогательству священника, какъ приходъ оказывался, дѣйствительно, закрѣпощеннымъ за священникомъ и его семействомъ. Народъ же легко могъ подчиниться такому порядку: ибо, не смотря даже на контракты, онъ не могъ избѣгнуть насилія и вымогательствъ со стороны священниковъ; тѣмъ болѣе могло произойти признаніе прихода наслѣдственнымъ, разъ самъ народъ давалъ для этого почву и основаніе. По словамъ проф. Н. И. Петрова, передача приходовъ по завѣщанію или обѣщанію отъ отцовъ къ дѣтямъ могла происходить въ иныхъ случаяхъ не безъ согласія прихожанъ [1]). Чтобы понять, какъ возможно было существованіе права наслѣдственности приходовъ, слѣдуетъ припомнить, что въ XVII и XVIII в. наслѣдственность общественныхъ должностей была явленіемъ общимъ. По словамъ Крыжановскаго наслѣдственность была общимъ народнымъ интересомъ, за который стояла громада, дворянство и всѣ классы общества. Право же наслѣдственности приходовъ, кромѣ того, по словамъ того же изслѣдователя, по всей вѣроятности стояло въ связи съ обязанностью священника приготовлять прислугу для церкви и преемника себѣ [2]). А безъ сомнѣнія, наиболѣе естественно было священнику подготовлять себѣ преемника изъ своихъ же дѣтей, внуковъ. Прихожане уважали это право священника.

Итакъ, право свободнаго избранія приходскаго священника и наслѣдственное право—вотъ тѣ факторы, которые имѣли большое значеніе при назначеніи священника въ XVIII вѣкѣ въ Кіевской епархіи.

Указанные факторы неизбѣжно должны были вступить въ борьбу между собою. Почва для этого была, а основанія нашлись. Дѣло въ томъ, что, хотя наслѣдственное право и выродилось изъ

---

[1]) „Акты и Докум....“, т. I, ч. 1, стр. 65 и слѣд.

[2]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 423, 422.

самаго порядка избранія священника и было общепринятымъ, обычнымъ явленіемъ въ порядкѣ полученія приходскаго мѣста, но избирательное право оставалось всетаки живучимъ. Прихожане никакъ не соглашались, чтобы наслѣдственное право получило безусловное значеніе и чтобы оно совершенно вытѣснило ихъ право свободнаго избранія священника. Такъ какъ первое являлось ограниченіемъ послѣдняго и такъ какъ отвергнуть все значеніе его нельзя было, то приходская община старалась добиться, по крайней мѣрѣ, ограниченія безусловнаго значенія наслѣдственнаго права и признанія ея исконнаго права избирать священника. Примиреніе обоихъ началъ, котораго добивалась приходская община, заключалась въ слѣдующемъ: каждый наслѣдникъ, какъ и всякій другой искатель прихода, долженъ былъ получить ихъ согласіе и выборы.

Бывали иногда такіе случаи, что прихожане со всею силою отстаивали свои права и вступали въ споръ съ наслѣдниками. Такъ, прихожане Кіево-Подольскій Васильевской церкви, по случаю смерти одного изъ двухъ священниковъ, Павла Лобка, который весь вѣкъ свой провелъ въ дракахъ, ябедахъ и пьянствѣ и по смери оставилъ такого же сына наслѣдника, кончившаго курсъ философіи въ академіи, подали прошеніе (въ 1768 году) митрополиту Арсенію, чтобы онъ не рукополагалъ къ нимъ этого наслѣдника, какъ пьяницу, постоянно задиравшагося съ прихожанами, буяна и гуляку. Наслѣдникъ также подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ заявлялъ свои права. Завязалось дѣло, тянувшееся 10 лѣтъ (1768—1778 г.г.). Наслѣдникъ посвященъ не былъ, но и безъ посвященія всетаки умѣлъ крѣпко насѣсть на мнимую свою половину парохіи, пользуясь всѣми обычными правами, имѣлъ свою седьмицу, распоряжался дьячками, принималъ прихожанъ съ требами, условливался съ ними о платѣ за требу и т. д., и въ то же время продолжалъ дѣлать новыя обиды и пакости прихожанамъ. Послѣдніе подавали новыя жалобы митрополиту, но безуспѣшно; тѣмъ только и кончилось дѣло, что, не успѣвъ побороть противника, они упросили митрополита совсѣмъ закрыть другое священническое мѣсто въ приходѣ [1]). Это дѣло прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ относились прихожане къ праву наслѣдственному и насколько успѣшно они могли выдерживать борьбу. Наслѣдственное право, очевидно, пріобрѣтало такую силу, что съ нимъ трудно было бороться.

---

[1]) Крыжановскій, цит. соч., т. I, стр. 431—432.

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ наслѣдники прихода брали рекомендаціи отъ прихожанъ. Это и было примиреніе обоихъ факторовъ.

Насколько наслѣдственное право пріобрѣло силу и значеніе, видно не только изъ того, что оно очень успѣшно боролось съ правомъ избирательнымъ; эта была только одна сторона. Полученіе же приходовъ по наслѣдству пріобрѣло къ половинѣ XVIII столѣтія и значеніе обычнаго права (записаннаго): даже въ оффиціальныхъ бумагахъ (постановленіяхъ консисторіи) указывалось на этотъ порядокъ полученія приходовъ, какъ бы на законный [1]).

Первымъ слѣдствіемъ избирательнаго порядка было допущеніе и развитіе симоніи; приходы на сельскихъ выборахъ предоставлялись не достойнѣйшимъ, а тѣмъ, которые успѣвали лучше и больше расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ въ приходѣ [2]). Если же дѣло рѣшалось такимъ именно образомъ, то, конечно, въ среду духовенства могли попадать лица, болѣе имѣвшія средствъ матеріальныхъ, чѣмъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ; могли попадать даже совсѣмъ неподготовленныя лица, что и бывало нерѣдко. Это было вторымъ слѣдствіемъ избирательнаго порядка.

Что касается порядка полученія приходовъ по наслѣдству, то здѣсь послѣдствія были еще хуже Прежде всего, усиленіе власти и вліянія вдовы на счетъ другихъ священниковъ, которые являлись у нея викаріями, совсѣмъ безправными священниками; отсюда пониженіе нравственнаго достоинства священника и всего нравственнаго уровня духовенства. Наконецъ, полученіе прихода по наслѣдству приводило духовенство къ бездѣятельными въ дѣлѣ умственнаго развитія и полному ослабленію и пониженію всякой потребности къ саморазвитію и образованію,—къ разложенію духовенства. Ибо наслѣдники прихода, увѣренные въ томъ, что приходъ ихъ неотъемлемая собственность, считали совершенно излишнимъ проходить тяжелый и трудный путь ученія въ академіи, оставляя это для тѣхъ, которые не имѣли куска хлѣба. Нѣкоторые изъ наслѣдниковъ при этомъ не только не вступали въ священный санъ и не трудились надъ своею паствою, но даже доходили до того, что оставались свѣтскими, получали свою часть съ при-

---

[1]) Ар. К. К. 1762 г., постан. № 150.

[2]) А. К. К., указ. 1759 г., 2 сентября.

хода и, какъ выше упомянутый Лобко, проводили жизнь въ разбояхъ, пьянствѣ и сутяжничествѣ.

Таковы тѣ печальныя слѣдствія, какія вытекали изъ существовавшихъ порядковъ полученія приходовъ.

VI.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію мѣропріятій митрополитъ Арсенія въ отношеніи къ указаннымъ двумъ явленіямъ, игравшимъ такое важное значеніе при назначеніи приходскаго священника, укажемъ, какъ смотрѣла на это дѣло высшая церковная власть и русское правительство.

По Духовному Регламенту архіерей не долженъ былъ назначать въ приходъ людей неученыхъ, и прямо предписывалось посвящать по преимуществу тѣхъ людей, которые имѣли окончить курсъ въ семинаріи или академіи: архіерею же вмѣнялось при своей каѳедрѣ устроить школы для приготовленія священническихъ и другихъ дѣтей къ священству [1]). Такимъ образомъ, въ Духовномъ Регламентѣ ясно и опредѣленно говорится о правѣ самого архіерея назначать священника.

Впрочемъ, въ Духовномъ же Регламентѣ дѣлается уступка и въ пользу прихожанъ или помѣщиковъ, которымъ предоставляется право избирать кандидата во священники къ своей церкви, надѣлять его ругою, обезпечивать доходами и, затѣмъ, представлять епископу для посвященія [2]).

Очевидно, признается значеніе и выборнаго начала. Если же такъ, то естественно было ожидать столкновенія этихъ началъ—права назначенія властью архіерея и выборнаго начала.

Нѣкоторые изъ Кіевскихъ владыкъ въ 1-й половинѣ XVIII в., руководясь соображеніями о лучшемъ устройствѣ приходской жизни и объ устраненіи замѣчаемыхъ нестроеній, главнымъ образомъ, примѣняли требованія Духовнаго Регламента перваго рода. Поэтому они не только принимали къ свѣдѣнію, но и руководились даже такими указами, Св. Синода, которые ближайшимъ образомъ касались сѣверно-русскихъ, велико-русскихъ епархій. Такъ, Варлаамъ Ванатовичъ издалъ указъ объ обязательности для духовенства отдавать своихъ дѣтей въ латинскія школы [3]). Рафаилъ Заборовскій, въ соотвѣтствіе съ синодальными указами,

---

[1]) Дух. Регл., о домахъ училищн., §§ 16 и 26.

[2]) Ibidem. о мірскихъ особахъ, § 8.

[3]) Проф. Н. И. Петровъ „Акты и док.“, т. I, ч. 1, стр 64.

также издавать указы: объ обязательной отдачѣ дѣтей священно-служителей въ академію для приготовленія къ священству, о неуклонномъ обученіи ихъ въ школѣ, о назначеніи въ приходскіе священники обучавшихся въ латинскихъ школахъ [1]).

Очевидно, Кіевскіе владыки старались и дѣятельно стремились къ усиленію своей власти и вліянія въ дѣлѣ назначенія приходскихъ священниковъ.

Но такія стремленія и мѣропріятія епархіальной власти не могли не встрѣтить себѣ противодѣйствія со стороны приходской общины. Міряне, владѣльцы, казацкіе старшины, наперекоръ стремленіямъ епархіальной власти, рѣшительно отстаивали свое право выбирать приходскаго священника, даже независимо отъ учительности кандидата, и выдавать избранному презенту. Поэтому, въ 1735 г., вѣроятно въ виду жалобы казацкой старшины, изданъ былъ именной указъ императрицы о томъ, чтобы Малорусскіе архіереи по силѣ Духовнаго Регламента, подъ образомъ учительныхъ людей, не насылали въ города и села, безъ согласія прихожанъ, поповъ и діаконовъ [2]).

Въ виду этого Рафаилъ Заборовскій старался ограничить, по крайней мѣрѣ, произволъ избирателей: онъ требовалъ, чтобы при выборахъ участвовало нѣсколько сосѣднихъ священниковъ, чтобы избранные кандидаты обучались и подвергались испытаніямъ въ правленіи и въ каѳедрѣ [3]).

Въ 1745 г., при новой императрицѣ (Елизаветѣ Петровнѣ), Св. Синодъ, по представленію Рафаила Заборовскаго, издалъ указъ о томъ, чтобы при назначеніи священниковъ отдавалось рѣшительное предпочтеніе учительнымъ или ученымъ кандидатамъ, которыхъ дозволялось посвящать и безъ презенты отъ прихожанъ, владѣльцевъ и казацкой старшины; неучительныхъ дозволялось посвящать по представленіямъ прихожанъ лишь въ крайнихъ случаяхъ (какъ бы въ видѣ исключенія), когда не было учительныхъ кандидатовъ [4]). Ясно, что и высшая церковная власть и Кіевскіе владыки къ половинѣ XVIII в. склонялись къ усиленію власти епархіальнаго архіерея и къ ограниченію правъ приходскихъ выборовъ.

Что же касается права наслѣдственности приходовъ, то Кіевскіе владыки 1-й половины XVIII в. старались это дѣло нѣ-

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem, стр. 65.
[3]) Ibidem, стр. 66.

сколько урегулировать, именно: они требовали отъ наслѣдниковъ образовательнаго ценза [1]) и запрещали передавать приходы въ качествѣ приданаго за дочерями [2]).

Первымъ дѣломъ митрополита Арсенія въ отношеніи къ выборамъ священника было требованіе контроля надъ ними.

Наблюденіе и контроль надъ приходскими выборами, правда установлены были еще раньше: протопопамъ и намѣстникамъ было вмѣнено въ обязанность „вѣрно дознавать", дѣйствительно ли праздно то мѣсто, котораго просилъ ставленникъ, и достоинъ ли онъ посвященія по своему поведенію.

Если ставленникъ оказывался достойнымъ, протопопъ долженъ былъ дать ему въ этомъ письменное рекомендательное свидѣтельство, которое представлялось епархіальному архіерею, вмѣстѣ съ просьбой объ опредѣленіи на мѣсто [3]).

Затѣмъ, Рафаилъ Заборовскій установилъ, чтобы при выборахъ священника участвовало нѣсколько сосѣднихъ священниковъ (не меньше 3), для правильности выборовъ и для рекомендаціи избраннаго, какъ достойнаго кандидата [4]).

Однако, не смотря на этотъ контроль, иногда бывали случаи, что прихожане просили опредѣлить священника на такое мѣсто, которое не было праздно; бывали также случаи, что являвшіеся къ посвященію представляли подложныя грамоты. Въ виду этого митрополитъ Арсеній велѣлъ всѣмъ протопопскимъ правленіямъ, въ случаѣ, если къ нимъ обратятся „акколѣты" за полученіемъ одобрительнаго свидѣтельства--„первіе, на основаніи височайшихъ указовъ и малороссійскихъ правъ, изслѣдовать о подложно сочиненныхъ якобы отъ парохіянъ ему данныхъ презентахъ" [5]).

Вслѣдствіе этого духовное протопопское правленіе, при выдачѣ рекомендаціи представленному прихожанами кандидату на приходъ, обязано было командировать одного или двухъ членовъ на мѣсто выборовъ, чтобы справиться, 1) сколько дворовъ въ приходѣ, 2) дѣйствительно ли представленый кандидатъ избранъ прихожанами. Затѣмъ, духовное правленіе просматривало свидѣтельство прихожанъ о честномъ житіи и достоинствѣ кан-

---

[1]) Ibidem, стр. 67.

[2]) Ibidem, стр. 89.

[3]) П. С. З. Р. И. IV, №. 23521 (1711 г. 25 апр.).

[4]) „Акт. и докум"... проф. Н. И. Петрова, т. I, ч. I, стр 69—70 (унив. 24 ноября 1731 г.).

[5]) А. К. К. 1759 г., указ. № 541. Такъ же д. объ Из. Гребзновскомъ 1760 г., № 280.

дидата, изслѣдовало, удовлетворяетъ ли онъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, требованіямъ Духовнаго Регламента; просматривало контрактъ, заключенный съ прихожанами о вознагражденіи за требы и содержаніи священника, а также аттестатъ объ ученіи, если представляемый кандидатъ былъ изъ учительныхъ: если же нѣтъ, то испытывало „въ чтеніи книжномъ и въ изученіи должности іерейскія“; справлялось о лѣтахъ его, о томъ, приведенъ ли къ указной присягѣ; а также требовало увольнительнаго свидѣтельства отъ полковой или губернской канцеляріи, если акколѣтъ былъ изъ посполитаго или казачьяго сословія [1]).

Тѣ или другія изъ указанныхъ сейчасъ требованій, за исполненіемъ которыхъ обязаны были слѣдить духовныя правленія, вызывались или указами Св. Синода, или бывшими въ практикѣ злоупотребленіями, которыя м. Арсеній и хотѣлъ устранить.

Такъ, справка о дворахъ приходскихъ необходима была въ виду того, что указами Св. Синода 29 августа и 28 сентября 1755 г. велѣно было посвящать только надлежащее число лицъ священнаго сана и не посвящать сверхъ комплекта, такъ какъ нерѣдко были случаи, что въ приходахъ было излишнее число священно-служителей [2]).

Если гдѣ либо оказывалось много священниковъ и другихъ членовъ причта, митрополитъ Арсеній отказывалъ новымъ просителямъ. Такъ, Осипъ Мирвадовскій просилъ мѣста въ Веркіевской церкви, гдѣ уже было 2 священника и 3-й викарій и 1 діаконъ, а дворовъ было 167 и бездворныхъ хатъ 43. Арсеній отказалъ Мирвадовскому [3]). Если не было указнаго числа дворовъ, митрополитъ Арсеній не допускалъ тамъ 2-хъ настоятелей [4]).

Затѣмъ, справки о числѣ дворовъ необходимы были и потому, что ставленникъ долженъ былъ внести въ архіерейскую казну взносъ отъ каждаго двора; а прихожане и сами ставленники, чтобы меньше платить, очень часто скрывали настоящее число дворовъ. Противъ этихъ злоупотребленій въ показаніяхъ количества дворовъ былъ отправленъ особый указъ митрополита Арсенія.

---

[1]) Ibidem.
[2]) А. К. К. 1762 г., постанов. № 304.
[3]) А. К. К., д. 1762 г., № 100.
[4]) А. К. К. 1761 г., резол. 20 декабря

За утайку дворовъ въ презентахъ митрополитъ Арсеній налагалъ штрафъ на духовныя правленія, взыскивая съ виновныхъ не внесенныя деньги въ двойномъ размѣрѣ [1]. Избраніе прихожанами акколѣта необходимо было провѣрять потому, что нерѣдко бывали случаи, что ставленники пріобрѣтали подложныя презенты или выборы, а прихожане не принимали лицъ, не получившихъ выборовъ. Наконецъ, при выборахъ могли имѣть мѣсто,—какъ мы уже упомянули раньше,—подкупы, взятки. Если открывалось, что при выдачѣ презентъ былъ учиненъ подлогъ, если, стало быть, самые выборы оказывались подложными, то митрополитъ Арсеній прямо и рѣшительно отказывалъ въ посвященіи. Вотъ примѣръ: значковый товарищъ Прилуцкаго полка, Михаилъ Карповичъ, переименовавшись владѣльцемъ с. Сезекъ, выдалъ презенты дьячку Ивану Бяловскому на священническое мѣсто къ устроенной коштомъ владѣлицы Агафіи Будлянской церкви въ с. Сезкахъ, отправилъ его въ каѳедру для полученія священства; здѣсь дьячокъ уже сталъ готовиться къ рукоположенію. Но владѣлица Агафія Будлянская написала митрополиту Арсенію, въ которомъ сообщала, что презенты выданы дьячку Бяловскому неправильно, что церковь устроена, и просила не рукополагать дьячка. Убѣдившись въ справедливости этого заявленія, митрополитъ Арсеній тотчасъ же отказалъ Бяловскому [2]. Также если открывалось, что при выдачѣ („поставa") презенты были произведены вымагательства (или „здирства"), то м. Арсеній опять таки, согласно изданному 2 сентября 1759 года распоряженію, велѣлъ оставлять дѣдо дальнѣйшаго производства въ священный санъ и представлять на усмотрѣніе архіерейское [3].

Что касается испытанія нравственныхъ и умственныхъ качествъ ставленника, то это дѣло было весьма важное, и м. Арсеній придавалъ этому самое серьезное значеніе.

По каноническимъ постановленіямъ, по требованіямъ Духовнаго Регламента, кандидаты священства должны были быть учительными, трезвенными, безпорочными и проч. Каковы всѣ эти качества, въ подробностяхъ, не будемъ говорить, ибо канони-

---

[1]) А. К. К. 1762 г., д. № 118.

[2]) А. К. К., сбор. писем. за 1766 г., письм. № 61. Еще подобный примѣръ: зять одного священника Тимошевскій (изъ неученыхъ) просилъ мѣста своего тестя; но при провѣркѣ презенты было заявлено о нежеланіи его имѣть священникомъ, поэтому митрополитъ Арсеній и отказалъ Тимошевскому (А. К. К. 1769 г. указ. № 120.)

[3]) А. К. К. указ. 2 сентября 1759 г.

ческія требованія и теперь остаются въ силѣ и извѣстны. Не смотря однако на всю обязательность каноническихъ требованій, ставленники не всегда удовлетворяли этимъ требованіямъ. Очень часты были случаи, что прихожане выбирали и представляли къ посвященію людей не только не учительныхъ, но даже малограмотныхъ и неискусныхъ въ чтеніи, да нерѣдко и небезупречныхъ въ нравственномъ отношеніи; выбранными оказывались часто дьячки:—эти бывали хоть искусными въ чтеніи и пѣніи, и даже начитанными, знакомыми съ богослужебнымъ уставомъ: а нерѣдко избирались акколѣты малограмотные, которые не заявляли большихъ требованій на обезпеченіе доходами. Само собою понятно, что лица не высокія въ умственномъ отношеніи, съ неразвитымъ и нравственнымъ чувствомъ, не могли быть достойными пастырями и сколько нибудь значительно вліять на свою паству; они оказывались сами въ подчиненіи и зависимости отъ прихожанъ. Вынужденные бороться за свое существованіе, чтобы поддержать свою, нерѣдко значительную, семью, священники гораздо больше были заинтересованы въ томъ, чтобы собрать больше съ прихожанъ, чѣмъ повліять на свою паству воспитательнымъ образомъ. При этомъ многіе не удерживались даже въ предѣлахъ законности и прибѣгали къ поборамъ и вымогательствамъ со стороны прихожанъ. Это было, конечно, великое зло, вѣками сложившееся, съ которымъ трудно было бороться. Но митрополитъ Арсеній однако понималъ, что одно изъ средствъ къ поднятію положенія духовенства и къ освобожденію отъ зависимости и вліянія прихожанъ, заключалось въ поднятіи общаго уровня умственнаго и нравственнаго развитія. Чтобы освободить священниковъ отъ зависимости прихожанъ, необходимо было, чтобы эти священники сами возвышались въ умственномъ развитіи надъ простымъ народомъ, надъ той средою, которая избрала ихъ. Поэтому м. Арсеній, въ соотвѣтствіе и съ требованіями Духовнаго Регламента и съ синодальными указами, требовалъ отъ протопопскихъ духовныхъ правленій надлежащаго испытанія представляемыхъ кандидатовъ въ чтеніи, пѣніи. Конечно, сами протопопы оказывались подчасъ не неподкупными и не безпристрастными: за деньги, посулы и подарки, они давали „акколѣтамъ“ одобрительные отзывы о подготовленности ставленниковъ къ священству. Въ виду этого м. Арсеній, во 1-хъ, велѣлъ консисторіи и конторѣ имѣть надзоръ надъ самими протопопами и духовными правленіями, и, по явкѣ кандидата въ каѳедрѣ, велѣлъ подвергать его допросу, не было ли, при выдачѣ ему одобрительнаго

свидѣтельства, вымагательства и „здирства“ въ духовномъ правленіи [1]). Во 2-хъ, м. Арсеній самъ непремѣнно подвергалъ въ каѳедрѣ кандидатовъ испытанію въ чтеніи и пѣніи, ибо изъ дѣлъ являлось, что рекомендованные духовными правленіями иногда не только не понимали смысла читаемаго, но были мало свѣдущими и въ чтеніи и письмѣ. Такихъ неучей митрополитъ Арсеній по снисходительности оставлялъ въ каѳедрѣ на время для наученія бѣглому чтенію, катихизису и богослужебному чину. Иногда оказывалось, что при испытаніи даже во 2, 3 и 4-й разъ эти кандидаты оказывались „не совершенными въ чтеніи“, т. е. или „запинающимися“, или „препинающимися“, и въ письмѣ мало искусными [2]). Вслѣдствіе этого митрополитъ Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы являющихся къ рукоположенію акколѣтовъ, присланныхъ прихожанами, не записывать въ книгу, а опредѣлять къ нему, митрополиту, для испытанія въ чтеніи и только тогда, когда ставленникъ явится „въ чтеніи добръ или исправенъ, или средственъ“, записывать въ книгу его презенты и производить дальнѣйшее дѣло о рукоположеніи: въ противномъ случаѣ, т. е. если ставленникъ окажется „неискуснымъ въ чтеніи“—совсѣмъ отсылать его, при ордерѣ въ духовное правленіе, а самое правленіе митрополитъ Арсеній штрафовалъ за выдачу рекомендаціи недостойнымъ ставленникамъ [3]).

Справка о лѣтахъ поднималась на основаніи исповѣдныхъ росписей за нѣсколько лѣтъ, иногда провѣрялась и показаніями нѣкоторыхъ свидѣтелей [4]). Въ этомъ случаѣ имѣлось въ виду точно установить, сколько лѣтъ акколѣту. Согласно съ требованіями Духовнаго Регламента, митрополитъ Арсеній никого не рукополагалъ раньше 25 лѣтъ въ діаконы и раньше 30 лѣтъ во священники. Исключеній м. Арсеній ни допускалъ даже тогда, когда

---

[1]) А. К. К. 1759 г., ук. 2 сент.

[2]) Такъ, Иванъ Щербина, промовавшійся въ викаріи с. Романковъ (Полтавской протопопіи) былъ слушанъ въ чтеніи 19 октября и 8 декабря и найденъ былъ „средственъ“; ему было велѣно еще обучаться; 4 января 1760 г. явился такимъ же, какъ прежде, потому велѣно снова обучаться чтенію; въ тоже время готовиться къ исповѣди. (А. К. К. 1760 г., особ. кн.).

[3]) А. К. К. 1765 г., указ. 11 авг. № 286.

[4]) Такъ о Дембицкомъ, который промовался къ Трипольской Введенской церкви дали письменное свидѣтельство Василій Гирка и Федоръ Яковлевъ, которые были при его крещеніи. (А. К. К. 1760 г., № 132 постан.)

не хватало только полугода [1]), и не склонялся ни на какія хлопотайства [2]).

Что же касается требованія увольнительнаго свидѣтельства отъ казачьяго и посполитаго сословія, то этимъ имѣлось въ виду избавить духовенство отъ всякихъ требованій со стороны свѣтской власти къ отбыванію разныхъ повинностей [3]).

Это требованіе увольнительнаго свидѣтельства опять таки было вызвано неоднократными жалобами на то, что многіе изъ казаковъ и тяглыхъ людей поступаютъ во священники, чтобы избѣжать уплаты податей и повинностей; вслѣдствіе чего и было синодальнымъ и сенатскимъ указомъ подтверждено, чтобы никого не посвящать безъ увольнительнаго свидѣтельства отъ подлежащаго начальства [4]).

За неприсылку же надлежащихъ обстоятельныхъ презентъ митрополитъ Арсеній подвергалъ виновныхъ штрафу. Такъ, по

---

[1]) Объ этомъ изданъ указъ 25 ноября 1762 года, при чемъ было велѣно не присылать къ посвященію лицъ не достигшихъ указныхъ лѣтъ (А. К. К. 1762 г., указ. 25 ноября). Тогда же было издано распоряженіе, чтобы не присылать и безъ руги, какъ и безъ указныхъ лѣтъ (Ibidem. 1762 г., 25 ноября)

[2]) Такъ, напр. Московскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій просилъ митрополита Арсенія посвятить во священника его родственника, Григорія Величковскаго, въ помощь отцу, къ церкви с. Ратевки Гадячской протопопіи. Но такъ какъ Величковскому еще не было „правильныхъ“ (30) лѣтъ, а имѣли они исполниться лишь въ апрѣлѣ 1767 г., то митрополитъ Арсеній посвятилъ его лишь во діаконы (А. К. К., сбор. письм. 1766 г., № 71).

[3]) „1765 г. декабря 16 дня, Ми нижеподписавшіися симъ нашимъ письменнымъ видомъ свидѣтельствуемъ, что родній братъ нашъ Филиппъ Петровичъ Драновскій, хотя и казачого званія сынъ, но на тѣхъ казачихъ отца нашего Петра Драновскаго, імѣючихся въ селѣ Іосковцахъ, грунтахъ не живетъ, и казачой служби какъ съ молодихъ лѣтъ упражняясь въ ученіи, такъ потому обрѣтаясь, въ Москвѣ, и въ Прусскомъ Кролевцѣ въ пѣвчествѣ, не отбувалъ и нінѣ не отбуваетъ, и за нимъ братомъ нашимъ Филиппомъ ни малѣйшой въ службѣ остановси нѣгъ и не было, и къ той козачой службѣ и по днесь отъ команды не требовано никогда, како ми его родние браття на казачихъ грунтахъ отъ отца нашего доставшихся намъ живучи всякими и казачіи служби (какъ вишше значить) отбуваемъ и должни на всегда; а его брата нашего, іако уже нинѣ полку Нѣжинскаго въ мѣстечку Воронѣжи жительствующаго, какой службѣ по елику на помянутыхъ козачихъ грунтахъ нежиючого не привлекаемъ, какъ нынѣ такъ и на предь не станемъ никогда; чего для иска въ томъ ему брату нашему Филиппу отъ насъ ниже подписавшихся росписка дана года, мѣсяца и дня вышеписанный Афанасій Антонъ, Гавріилъ Петрови, сини Драновскіе неграмотные. (Д объ опредѣленіи Драновскаго безъ № въ истлѣвшей кн.).

[4]) „Акт. и докум...“ проф; Н. И. Петрова, т. I, ч. I, стр. 81—82.

дѣлу о ставленникѣ Симеонѣ Волковецкомъ было оштрафовано все духовное правленіе 100 поклонами [1]).

VII.

Контроль надъ приходскими выборами, какъ мы сказали, былъ первою мѣрою митрополита Арсенія, направленною къ ослабленію выборовъ и вліянія приходскаго.

Другою мѣрою въ томъ же направленіи было поставленіе въ противовѣсъ приходскимъ выборамъ наслѣдственнаго права. Такъ какъ избираемые прихожанами кандидаты часто отличались неподготовленностію къ занятію священническаго мѣста, то митрополитъ Арсеній отказывалъ такимъ кандидатамъ въ посвященіи, а приходское мѣсто отдавалъ кому либо изъ сиротъ священническихъ, большею частію дѣтямъ умершаго священника. Такъ, былъ предоставленъ Иларіону Жураковскому приходъ въ с. Кременчахъ [2]). Также въ другой разъ, когда духовное правленіе даже отказало въ выдачѣ одобрительнаго свидѣтельства кандидату, женившемуся на дочери умершаго священника Хорольской Успенской церкви, Григорію Засядкѣ (ибо не было „правильныхъ“ т. е. законныхъ лѣтъ дѣвицѣ), митрополитъ предоставилъ мѣсто Засядкѣ [3]). Правда, здѣсь противопоставлено наслѣдственное право не выбору прихожанъ (ибо послѣдніе дали свое согласіе Засядкѣ), однако фактъ этотъ показываетъ, что митрополитъ Арсеній въ случаѣ нужды отдавалъ предпочтеніе наслѣдственному праву другимъ обстоятельствамъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что такое противопоставленіе приходскимъ выборамъ наслѣдственнаго права и предпочтеніе послѣдняго первому не всегда увѣнчивалось успѣхомъ. Прихожане иногда не принимали священниковъ присланныхъ помимо ихъ воли и согласія. Такъ, жители с. Рабатина подали жалобу, что они не желаютъ священника Лухновскаго, Василія Цѣтовскаго, какъ „недостаточнаго и порочнаго“ [4]). Въ этомъ случаѣ пожалуй, прихожане имѣли еще основаніе въ томъ, что священникъ, по мнѣнію ихъ, не удовлетворялъ необходимымъ условіямъ нравственныхъ качествъ. Въ другихъ случаяхъ прихожане отказывались принимать у себя викарія, ибо желали имѣть половин-

---

[1]) А. К. К. 1763 г., № 44
[2]) А. К. К. 1762 г., д. № 81.
[3]) А. К. К. 1769 г., № 1768.
[4]) А. К. К. 1767 года, № 205.

наго настоятеля изъ учительныхъ людей [1]), или же отказывались принимать священника потому, что съ половинной части содержали воспитанниковъ академіи [2]). Если приходскою церковью завѣдывало какое нибудь учрежденіе, напр. магистратъ, тогда нерѣдко послѣднее отказывалось принимать священниковъ потому, что считало себя обиженнымъ. Такъ, Полтавскій магистратъ отказался принять къ магистратской церкви Демьяна Іосифова, такъ какъ онъ въ магистратъ не являлся и о себѣ не заявлялъ [3]).

Нѣкоторые же изъ прихожанъ съ цѣлію удалить нежелательнаго имъ священника, прибѣгали даже къ клеветѣ и опороченію [4]).

Много нужно было твердости митрополиту Арсенію, чтобы заставить прихожанъ принять священниковъ.

Опороченныхъ, хотя и незаслуженно, митрополитъ Арсеній уже не назначалъ въ тотъ приходъ, гдѣ ихъ не принимали [5]). Въ другихъ случаяхъ приходилось священника перевести въ другое мѣсто, ибо прихожане представляли собою силу, съ которою трудно было бороться: прихожане въ Кіевской епархіи, какъ и во всей юго-западной Россіи, издавна привыкли принимать живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ церкви и получали такое вліяніе на эти дѣла, что вліяніе іерархической власти почти вовсе устранялось [6]). Вліяніе и значеніе приходскихъ выборовъ было такъ сильно, что даже наслѣдники считали нужнымъ и неизбѣжнымъ заручиться одобрительными свидѣтельствами отъ прихожанъ.

Въ виду такого противодѣйствія со стороны прихожанъ, митрополитъ Арсеній прибѣгнулъ къ другой мѣрѣ. Онъ предоставилъ прихожанъ выбирать изъ многихъ лицъ 2—3 кандидатовъ, но окончательное назначеніе на приходъ, утвержденіе одного изъ представленныхъ кандидатовъ оставилъ за собой, какъ архіереемъ [7]). Уже одно это представленіе не одного, а 2 или 3

---

[1]) Такую просьбу подали прихожане Кіево-Подольской Св. Рождественской церкви, когда узнали что священникъ Козловскій желаетъ принять викарія помимо ихъ согласія (А. К. К. 1769 г. № 13).

[2]) Такую просьбу подали прихожане с. Раева (Полтав. протоп. (А. К. К 1752 г. № 75, д. о избраніи викарія).

[3]) А. К. К. 1762 г., № 7. Также Нѣжинскій войтъ и бурмистръ Тарнавіотъ съ прихожанами Введенской церкви подали, что они не желаютъ имѣть за духовнаго отца промовавшагося Ивана Кучерозскаго, а желаютъ презентованнаго ими Стефана Михайлова (А. К. К. 1767 г. № 808. Также 1764 г. № 346).

[4]) Такъ былъ опороченъ (притомъ совершенно напрасно) священникъ Преорской церкви Павелъ Жуковскій (А. К. К 1766 г. № 424)

[5]) Ibidem.

[6]) Знаменскій „Приходское духовенство“, ст. 18—19.

[7]) А. К К 1763 г., № 846.

кандидатовъ ослабляло значеніе приходскихъ выборовъ и возвышало авторитетъ митрополита и увеличивало его вліяніе, ибо прихожане въ этомъ случаѣ не безапелляціонно рѣшали, что они избираютъ и принимаютъ того или другого священника, а лишь давали одобрительные отзывы 2—3 кандидатамъ, изъ коихъ выбиралъ уже самъ митрополитъ. Но кромѣ этого, сфера приходскаго вліянія на выборахъ еще больше понижалась, ибо прихожане должны были выбирать не всякаго, а лишь учительнаго кандидата [1]). И въ этомъ отношеніи свобода, или, лучше сказать, произволъ прихожанскихъ выборовъ ограничивался указомъ и сводился къ выбору лицъ, желательныхъ митрополиту,— лицъ учившихся въ академіи. Указъ этотъ былъ изданъ 15-го октября 1763 года и имѣлъ въ виду слѣдующія цѣли: прихожане подчинялись вліянію митрополита, число учительныхъ людей въ духовенствѣ должно было увеличиваться; умственный и нравственный уровень духовенства долженъ былъ подняться.

Обсуждая значеніе этого указа, проф. Знаменскій справедливо замѣчаетъ, что указъ этотъ давалъ выборамъ приходскимъ не то значеніе, какое они имѣли во времена свободнаго развитія приходской жизни, значеніе не прямо выраженнаго желанія приходской общины имѣть своимъ пастыремъ такого то, а только простого указанія на имѣющагося кандидата и засвидѣтельствованія его добрыхъ качествъ и годности къ священно-служительской должности, съ предоставленіемъ настоящаго выбора самому митрополиту, который лишь принималъ къ свѣдѣнію выборы прихожанъ [2]).

Конечно, указъ этотъ не могъ сразу въ корнѣ поколебать весь институтъ приходскихъ выборовъ. Нажитое вѣками вліяніе не могло уступить мѣсто другому вліянію въ силу одного указа. Митрополитъ Арсеній и въ этомъ случаѣ прибѣгалъ къ соглашенію началъ выборнаго съ наслѣдственнымъ. Такъ, въ числѣ тѣхъ 2—3 кандидатовъ, которыхъ должны были представлять прихожане митрополиту, митрополитъ Арсеній велѣлъ писать кандидатами и родственниковъ умершаго священника, его сыновей или зятя [3]).

---

1) Еще въ 1761 году митрополитъ Арсеній велѣлъ, чтобы прихожане и владѣлецъ представляли съ презентами 1 или 1—3 кандидатовъ (А. К. К. 1761 г. № 207, д. Миргородъ протопопіи).

2) „Приход. духовенство," стр. 46.

3) Ар. К. К. 1763 г., № 846.

Вообще, если открывался какой либо приходъ, то митрополитъ Арсеній, прежде всего, имѣлъ въ виду кандидатовъ изъ наслѣдниковъ. Если сыновей не было въ числѣ наслѣдниковъ, тогда онъ оставлялъ приходъ за дочерями и велѣлъ просителямъ вступать въ бракъ съ послѣдними,—наслѣдницами прихода [1]). Во всякомъ случаѣ и отъ „наслѣдниковъ прихода" требовалось, чтобы они имѣли одобрительное свидѣтельство отъ прихожанъ.

Представленныхъ же прихожанами кандидатовъ, если они по своему уровню не удовлетворяли требованіямъ въ отношеніи нравственномъ и умственномъ, митрополитъ Арсеній отстранялъ.

Эта мѣра, однако, вызывала иногда протесты со стороны прихожанъ и даже очень рѣшительные. Митрополитъ Арсеній въ 1768 году доносилъ Синоду, что прихожане и владѣльцы съ крикомъ и бранью прогоняютъ священниковъ, которыхъ онъ назначаетъ отъ себя въ приходы, минуя кандидатовъ, представленныхъ прихожанами, по ихъ неспособности [2]). Это показываетъ, что митрополитъ Арсеній очень настойчево добивался достигнуть, чтобы духовенство было подготовленнѣе и лучше; но эти желанія и старанія митрополита разбивались о приходскую косность, неподвижность, какъ будто не хотѣвшую совсѣмъ признать цѣлесообразности распоряженій митрополита.

Впрочемъ, не смотря на протесты прихожанъ, вліяніе митрополита постепенно усиливалось: митрополитъ Арсеній чаще и чаще назначалъ по своему усмотрѣнію на приходы, помимо выборовъ прихожанъ. Усиленію этого вліянія способствовало, во 1-хъ, ослабленіе интереса къ выборамъ со стороны самихъ прихожанъ. „Сама громада въ половинѣ XVIII вѣка съ своимъ избирательнымъ началомъ, представлялась уже отжившею свой вѣкъ, разлагающеюся. По мѣрѣ того, какъ развивалось въ казацкихъ селахъ значеніе сотника, въ помѣщичьихъ—владѣльца, громада, меньше упражняясь надъ общественными вопросами, теряла въ нихъ пониманіе, а съ нимъ уваженіе и охоту къ нимъ, молчала, грубѣла, при случаяхъ участія въ обсужденіи общаго интереса, требовала такихъ достоинствъ отъ предмета, которыя ближе подходили къ ея грубой жизни... Выбранный громадою за бочку водки потомъ правилъ какъ хотѣлъ... Такой порядокъ разрушалъ самъ себя" [3]).

---

[1]) Такъ, было велѣно Вас. Куминскому взять въ супруги наслѣдницу прихода с. Держановки Козелецкаго уѣзда (А. К. К, 1761 г, № 275).

[2]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр. 431.

[3]) Крыжановскій, ibidem., стр. 434.

Установленіе, далѣе, опредѣленной таксы за требы (17 февраля 1765 г.) [1], также послужило къ ограниченію вліянія громады при выборахъ священниковъ, такъ какъ этимъ подрывалась одна изъ существенныхъ принадлежностей приходскихъ выборовъ, именно заключеніе контракта между громадою и священникомъ за требы. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался одинъ общій порядокъ вознагражденія для всѣхъ священниковъ, и избираемыхъ громадой, и присылаемыхъ митрополитомъ.

VIII.

Перейдемъ теперь къ другому фактору, имѣвшему значеніе при назначеніи священниковъ, наслѣдственному праву.

Въ отношеніи къ наслѣдникамъ митрополитъ Арсеній старался достигнуть того, чтобы ограничить ихъ права въ видахъ предоставленія приходовъ не тѣмъ, кто считалъ приходъ своимъ, а тѣмъ, кто достоинъ былъ священства. Въ этомъ заключалась цѣль всѣхъ распоряженій и дѣйствій митрополита Арсенія въ отношеніи къ наслѣдникамъ.

Предъявлявшіе свои права на приходъ наслѣдники въ большинствѣ случаевъ были людьми мало подготовленными и почти совсѣмъ неучеными. Вѣдь, изъ общаго числа учащихся въ академіи (до 1000 душъ) едва $^1/_3$-ю часть составляли дѣти духовныхъ. Остальныя дѣти предпочитали лучше оставаться дома чѣмъ проходить трудный путь науки; приходы же, все равно, они считали своимъ достояніемъ и, въ случаѣ смерти отца, являлись въ каѳедру за посвященіемъ совсѣмъ неподготовленными и мало образованными. Митрополитъ Арсеній, поставивъ своею задачею поднять общій уровень образованія и жизни духовенства, конечно, долженъ былъ отнестись построже къ наслѣдникамъ приходовъ. Не желая жертвовать своею цѣлью въ пользу невѣжественныхъ наслѣдниковъ, онъ старался поднять и улучшить качества подготовленности кандидатовъ изъ наслѣдниковъ. Само собою разумѣется, съ усиленіемъ требованій подготовленности отъ кандидатовъ священства, усиливалось и вліяніе митрополита надъ духовенствомъ вообще и наслѣдниками приходовъ въ частности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи цѣлію митрополита Арсенія было достигнуть того, чтобы наслѣдники

---

[1] П. С. З. Р. И. т, XVII, 12,378.

просили (а не требовали утвержденія) прихода, какъ милости архіерейской.

Средствомъ для подчиненія своему вліянію наслѣдниковъ прихода митрополитъ Арсеній выставилъ то же оружіе, которымъ онъ боролся и съ приходскими выборами. Это было требованіе подготовленности къ священническому служенію, или требованіе учительности.

Въ 1760 году митрополитъ Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы священники подыскивали себѣ зятьевъ, для поставленія ихъ въ викарные, изъ ученыхъ, именно: въ приходы, гдѣ 80—100—200 и болѣе дворовъ,—изъ богослововъ; гдѣ 60—80 и немного болѣе дворовъ, если не найдется богослововъ, изъ философовъ; гдѣ менѣе 60 дворовъ,—философовъ или риторовъ, и лишь въ крайнемъ случаѣ выбирать изъ неучительныхъ [1]). Если въ каѳедру являлись къ митрополиту Арсенію старые вдовцы священники для полученія епитрахильной грамоты, то митрополитъ Арсеній вмѣнялъ имъ въ обязанность непремѣнно подыскать себѣ викарія, и при томъ изъ учительныхъ [2]). Въ крайнихъ случаяхъ митрополитъ Арсеній давалъ грамоту на приходъ и самые приходы канцелярскимъ служителямъ [3]). Для послѣднихъ это дѣлалось потому, что они все таки были изъ учившихся въ академіи.

Если послѣ смерти священника вдова просила у митрополита Арсенія утвердить приходъ за ея дочерью (или даже сестрою), то м. Арсеній предлагалъ ей выдать ее въ замужество за кого либо изъ учительныхъ или изъ канцелярскихъ служителей [4]) и тогда хлопотать о посвященіи на приходъ.

Если послѣ этого являлись въ каѳедру за несвященіемъ неучительные наслѣдники прихода,—м. Арсеній отказывалъ имъ. Такъ, было отказано сыну умершаго священника Кресто-Воздвиженской церкви въ г. Нѣжинѣ, а приходъ отданъ слушателю богословія Мирону Неводовскому [5]).

---

[1]) А. К. К. 1760 г., указ. 19 окт., д. 1760 г., № 280.

[2]) А. К. К. 1760 г., № 116. Также было велѣно пріискать учительнаго въ с. Свизидовку. (А. К. К. 1760 г. № 288).

[3]) Указъ кн. 1770 г., 12 февр., № 24.

[4]) Такъ была выдана грамота дочери священника Ѳеодора Засядко для пріисканія какого либо изъ учительныхъ или канцелярскихъ служителей (А. К. К. 1763 года, № 164. Также 1767 г., № 438; 1770 г., д. № 24).

[5]) А. К. К. 1761 г., № 9.

Это предпочтеніе учительныхъ неучительнымъ, въ силу указа 19 октября 1760 года, привело даже къ тому, что многіе изъ студентовъ академіи стали оставлять академію съ философіи и риторики, чтобы поступить на приходъ. Тогда м. Арсеній вынужденъ былъ, въ дополненіе къ этому указу, издать новое распоряженіе о томъ, чтобы ученики академіи не оставляли академіи до окончанія ея, особенно если не было 30 лѣтъ, и чтобы они не были представляемы къ посвященію [1]), ибо,—справедливо находилъ митрополитъ Арсеній,—„отъ недоучекъ нельзя было ожидать и той пастырской зрѣлой опытности, какую могли имѣть пожилые кандидаты изъ неучительныхъ“ [2]). Потомъ, спустя 4 года, снова было подтверждено указомъ [3]), чтобы никто не выдавалъ дочерей своихъ замужъ за неучительныхъ или неокончившихъ ученія, иначе первымъ угрожало полное лишеніе прихода, а вторымъ—лишеніе „знатныхъ парохій“. При этомъ также было вмѣнено духовнымъ правленіямъ при выдачѣ вѣнечныхъ грамотъ наблюдать, выдаютъ ли вдовые священники и вдовицы своихъ дочерей за ученыхъ, а студенты академіи, если они являлись женихами, окончили ль курсъ академіи—по силѣ указа 4 апрѣля 1761 года. Если оказывалось нарушеніе этого указа, то велѣно было не вѣнчать браковъ, не давать вѣнечныхъ памятей, а о нарушителяхъ представлять митрополиту; за нарушеніе этого указа налагался штрафъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Арсеній запретилъ представлять къ посвященію неподготовленныхъ ставленниковъ [5]).

Послѣ этого, если являлись въ каѳедру наслѣдники приходовъ, то м. Арсеній подвергалъ ихъ испытанію и, если они оказывались неучительными, то рѣшительно отказывалъ имъ, а приходъ передавалъ кому либо другому, непремѣнно тому изъ учительныхъ, кто соглашался жениться на дочери-наслѣдницѣ. Такъ, митрополитъ Арсеній отрѣшилъ отъ отцовской парохіи въ с.

---

[1]) А. К. К. 1761 г., указ. 4 апр., № 87.

[2]) Ibidem,

[3]) А. К. К. 1764 г., 18 марта № 413.

[4]) А. К. К. 1765 г. № 163. Акт. Кіево-Братск монастыря, III, № 17. Такъ когда поповичъ Василій Косенскій, ученикъ риторики, получилъ концессъ на отцовскую парохію къ Веркіев. цер. и оставилъ школу, то Арсеній велѣлъ его штрафовать тѣмъ, чтобы концессъ былъ въ своей силѣ, т. е. чтобы онъ кончилъ ученіе дабы прочіе не отваживались дѣлать подобное (А. К. К резол. отъ 25 апрѣля 1765 г.).

[5]) А. К. К. 1764 г., 18 марта, № 413.

Володковой священническихъ сыновей Георгія и Іосифа Логиньковскихъ, а приходъ отдалъ канцеляристу, женатому на дочери [1]). Особенно если дѣло касалось настоятельскаго мѣста или лучшаго мѣста гдѣ нибудь въ городѣ, то ученые кандидаты имѣли всегда преимущество предъ всѣми другими, даже уже состоявшими въ священномъ санѣ. Такъ, было отказано викарію Василію Тимоѳееву въ настоятельскомъ мѣстѣ с. Аврамовки, а мѣсто было отдано ученому богослову Семену Спасовскому [2]).

„Къ приходамъ церквей градскихъ и знатныхъ", при которыхъ бывало и „собраніе народа довольное", назначались священниками непремѣнно обучавшіеся въ академіи, помимо всякихъ другихъ кандидатовъ и наслѣдниковъ,—ибо и „проповѣди Слова Божія быть тамо должно" при чемъ всѣмъ назначаемымъ поставлялось въ обязанность прилежно упражняться въ чтеніи божественныхъ и полезныхъ нравоучительныхъ и святоотеческихъ книгъ [3]).

Такимъ образомъ, учительные кандидаты всегда были опасными соперниками „наслѣдникамъ парохій", и если послѣдніе хотѣли удержать за собой приходъ, то должны были сами быть учительными,—постараться получить образованіе. Но въ такомъ случаѣ право на приходъ они уже получали не по наслѣдству, а, согласно съ требованіями Духовнаго Регламента, по своему образованію. Митрополитъ Арсеній даже оставлялъ приходы за несовершеннолѣтними дѣтьми умершаго священника подъ такимъ условіемъ: дѣти должны были непремѣнно обучаться въ академіи и стараться окончить курсъ. Въ такомъ случаѣ цѣлая половина доходовъ шла въ ихъ пользу или въ пользу ихъ матери, которая до совершеннолѣтія дѣтей могла держать при себѣ викарія. Такимъ образомъ предоставленъ приходъ въ с. Федоркахъ (Полтавской протопопіи) вдовѣ священника Аннѣ Ивановой до совершеннолѣтія дѣтей [4]). Если же приходилось долго ждать совершеннолѣтія, тогда назначался другой священникъ, который обязанъ былъ давать отъ себя часть ($^1/_3$) вдовѣ для пропитанія дѣтей; а послѣ совершеннолѣтія дѣтей, окончившіе ака-

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 473.

[2]) А. К. К. 1767 г., № 14. Тоже д. 1769 г. № 120, о назначеніи священника въ с. Великій Самборъ (Ичанской протопопіи).

[3]) А. К. К. 1762 г., 24 августа, д. о назначеніи Жураковскаго къ Кіево-Притиско-Николаевской церкви.

демію получали приходъ своего отца, а викарный священникъ долженъ былъ получать $^1/_3$ часть и быть у нихъ викарнымъ до пріисканія безспорнаго мѣста [1]).

Митрополитъ Арсеній вообще былъ рѣшительнымъ противникомъ всякаго наслѣдственнаго права. Онъ даже ополчился противъ самаго термина „наслѣдникъ“, который употреблялся обыкновенно и въ оффиціальныхъ документахъ, напр. указахъ консисторіи о назначеніи на приходъ [2]). На докладѣ консисторіи объ опредѣленіи діакона Гояровскаго на мѣсто его родственника священника, противъ словъ: „яко того прихода наслѣднику“, онъ написалъ слѣдующую замѣчательную резолюцію: „сіе совсѣмъ выбросить, сего и въ дѣлѣ не было и ни отъ кого никогда сего въ дѣло не принимать, ибо хотя священническія дѣти или сродники ихъ на ихъ мѣста и опредѣляются, или промоватсіа позволяется имъ, но тое чинится не аки по наслѣдію, какое и правилами отсѣчено, но респектомъ сиротства или ученія или другихъ обстоятельствъ, а не такъ, какъ бы по наслѣдію достается имъ хуторъ или мельница и проч.“ А потомъ онъ велѣлъ консисторіи прописать эту резолюцію въ особомъ указѣ [3]).

Эта резолюція ясно показываетъ, каковы были воззрѣнія митрополита Арсенія на дѣло зачисленія приходовъ за родственниками или дѣтьми умершаго священника. Ни о какомъ наслѣдственномъ правѣ со стороны наслѣдниковъ при полученіи прихода не могло быть и рѣчи, такъ какъ приходъ и приходская церковь не мельница и не какое нибудь другое имущество, которымъ можно было бы распоряжаться, передавать, получать, какъ по духовному завѣщанію. Все дѣло сводилось къ одному милостивому призрѣнію владыки—митрополита; послѣдній могъ дать приходъ сиротамъ для ихъ пропитанія, по своей милости, снисхожденію, при чемъ только подъ условіемъ, чтобы сироты мальчики проходили ученіе въ академіи, а дочери выходили замужъ за учительныхъ.

---

[1]) Такъ было въ с. Заваричахъ, по смерти свящ. Якова Григоровича, когда назначенъ былъ свящ. діаконъ Осипъ Дмитріевичъ. Старшему было еще 10 лѣтъ (А. К. К. 1762 г. № 38).

[2]) А. К К. 1762 г., постанов. конс., № 150.

[3]) Ibidem.

Благодаря этому, полученіе приходовъ по наслѣдству совсѣмъ получало другой смыслъ и значеніе, и кореннымъ образомъ измѣнялся самый порядокъ. Наслѣдственное право должно было отходить въ область преданій; наслѣдники и сироты могли надѣяться удостоиться митрополичьей милости и получить приходъ, если они соглашались подчиниться распоряженію митрополита обучаться въ школахъ. Этого послѣдняго хотѣлось митрополиту Арсенію, ибо главная цѣль его была поднять умственный уровень духовенства.

Въ достиженіи намѣченной цѣли ослабить значеніе наслѣдственнаго права и заставить наслѣдниковъ стараться заслужить право на приходъ (посредствомъ ученія), митрополитъ Арсеній былъ строгъ и настойчивъ. Онъ не совсѣмъ отдалялъ наслѣдниковъ, а оказывалъ имъ предпочтеніе предъ сторонними [2]),—но только тогда, когда они были достойны по своему образованію. Нужно сказать, что для подысканія достойныхъ (учительныхъ) кандидатовъ къ сиротамъ дѣвушкамъ, митрополитъ Арсеній обыкновенно назначалъ опредѣленный срокъ—3 мѣсяца, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сами вдовы жили честно, да и дочери ихъ, дѣвицы были непремѣнно честной непорочной жизни. Только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ тѣ и другія сохраняли право на пользованіе частью доходовъ ($^1/_2$ или $^1/_3$-ю); если же вдовы или дочери сироты выходили за кого либо другого замужъ, онѣ теряли право на пользованіе частью доходовъ [2]).

Получивъ право на пользованіе частью доходовъ, вдовы, какъ мы сказали, пріискивали къ взрослымъ дочерямъ (зятьевъ) и мужьевъ изъ учительныхъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Если же срокъ истекалъ, и кандидата не отыскивалось, тогда уже прихожане, съ своей стороны, должны были представить 2—3 кандидатовъ; срокъ для пріисканія кандидата также былъ трехъмѣсячный. Если же кандидата не отыскивалось, тогда прихожане, съ своей стороны, должны были просить митрополита назначить священника по его усмотрѣнію. Митрополитъ назначалъ съ такимъ лишь условіемъ, чтобы священникъ давалъ половину или $^1/_3$ часть доходовъ сиротамъ и предоставилъ въ ихъ пользу свѣчную продажу [3]).

---

[1]) А. К. К. 1761 г. д., № 9.

[2]) А. К. К. 1762 г., д. № 146 (о выдачѣ права вдовѣ попадьѣ Екатеринѣ с. Хорошаго озера, Нѣжинской протопопіи).

[3]) А. К. К. 1763 г., постанов. консисторіи, 24 сентября.

Если же вдовы отдавали своихъ дочерей за неучительныхъ, то митрополитъ Арсеній прямо и рѣшительно отказывалъ въ посвященіи такимъ акколѣтамъ, вдову лишалъ доходовъ за нарушеніе указа, а намѣстника и духовное правленіе подвергалъ штрафу за принятіе прошенія вопреки указамъ [1]). Если кто либо, получивши концессъ на приходъ подъ условіемъ непремѣнно окончить школу, вдругъ оставлялъ академію, митрополитъ Арсеній такихъ подвергалъ непремѣнно штрафу, въ то же время принуждалъ непремѣнно окончить школу. Такъ, когда сынъ умершаго священника с. Веркіевки Нѣжинской протопопіи, Василій Косѣнскій оставилъ академію (со школы риторики), чтобы поскорѣе вступить на приходъ, то митрополитъ, въ наказаніе за то, что онъ не окончилъ академіи, „ни мало нерадя о томъ, чтобы способность и достоинство возъимѣлъ къ священству, токмо чтобы скорѣе оное какъ ни есть получить“,—рѣшилъ „оштрафовать его не инымъ чимъ, какъ токмо тѣмъ, чтобы концессъ оставленъ былъ въ своей силѣ, а именно: по силѣ того концесса неотмѣнно кончить ученія, дабы чрезъ то какъ онъ Василій за дерзость свою и легкомысленность не оставленъ былъ безъ должнаго наказанія, такъ и прочіи получающіи концессы такихъ продерзостей чинить не отважились“. Это митрополитъ Арсеній дѣлалъ въ видахъ пользы и для самихъ посвящаемыхъ во священство, ибо „по совершеніи ученій совершеннѣйшее познаніе имѣти будутъ должности священнической“ [2]).

Нельзя не отдать справедливости митрополиту Арсенію за указанный способъ наказанія. Заставляя непремѣнно исполнить нарушенное распоряженіе, онъ тѣмъ самымъ отнималъ охоту у другихъ уклоняться отъ исполненія указовъ, ибо они могли быть увѣрены, что митрополитъ Арсеній не потерпитъ уклоненія отъ распоряженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчивость Арсенія въ достиженіи предположенной цѣли заставить духовенство не бѣгать науки, а заниматься ею, не могла оставаться безъ благотворныхъ послѣдствій; всѣми подобными мѣрами духовенство вынуждалось къ тому, чтобы постараться заслужить и право на приходъ и милость владыки—митрополита. Безъ сомнѣнія, трудно сказать, насколько были благотворны по своимъ послѣдствіямъ эти распоряженія и насколько духовенство отзывалось на

---

[1]) Такъ, было отказано вдовѣ Зѣньковской Николаевской церкви. Намѣстникъ и члены Зѣньков. намѣстніи были штрафованы. (А. К. К. 1763 г. 24 сентября, постанов. консисторіи).

[2]) А. К. К., резолюція 1765 г. 25 февр. на д. о Вас. Косѣнскомъ.

нихъ. Но все таки такія рѣшительно-настойчивыя мѣры не могли оставаться совсѣмъ безъ всякаго воздѣйствія.

Скажемъ еще, что митрополитъ Арсеній требовалъ исполненія своихъ распоряженій не потому только, что они изданы имъ; а указывалъ всегда на высшую, идеальную сторону во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ; не одного осуществленія своего плана о поднятіи умственнаго и нравственнаго быта духовенства добивался онъ,—это было лишь средствомъ для достиженія другой, болѣе высокой цѣли: онъ старался достигнуть того, чтобы священства искали не ради пропитанія семьи, или прибытка, а для доблестнаго служенія на пользу церкви,—не изъ матеріальныхъ выгодъ, а изъ за-другихъ, болѣе высокихъ побужденій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія его резолюціи. Приведемъ для образца содержаніе одной, двухъ. Вдова одного священника просила оставить за ней приходъ ея мужа и указывала на свои и своего мужа старанія о благоукрашеніи и устройствѣ церкви. Митрополитъ Арсеній написалъ, „что вдова—попадья не должна искать награды для себя взиманія отъ церкви доходовъ, что и небогоугодно, но желать мздовоздаянія отъ Единаго Бога—по Его божественному смотренію, что есть душеснасительно“ [1]). Діакону Соколовскому, который просилъ священническаго прихода у Поставской церкви—для пропитанія жены и дѣтей, митрополитъ Арсеній сказалъ, что онъ „не долженъ просить себѣ прихода для пропитанія, что есть неправильно, но взирать, что іереи, поставляются для послуженія Господу Богу во спасеніе душъ человѣческихъ“ [2]).

Никакія заслуги предковъ (отца, дѣда, дяди) у митрополита Арсенія не имѣли значенія при опредѣленіи на приходъ, если только самъ „акколѣтъ“ не имѣлъ требуемыхъ качествъ. Когда же указывали на какія нибудь заботы отца или дѣда о церкви о построеніи ея, о благолѣпіи и благоустройствѣ митрополитъ Арсеній, если проситель былъ неучительнымъ, не опредѣлялъ на приходъ [3]), а просителямъ отцовскаго прихода, если они упоминали о своихъ правахъ говорилъ прямо и рѣшительно, что „наслѣдство какъ правилами, такъ и указами отсѣчено“ [4]).

---

[1]) А. К. К. 1762 г., д. № 312.

[2]) Ibidem.

[3]) А. К. К. 1762 г. № 304. Такъ было отказано дьячку Никифору Андрееву въ прих. с. Лазекъ Троицкой церкви.

[4]) А. К. К 1763 года, 24 сентября, постановленіе консисторіи

IX.

Относительно низшихъ членовъ причта извѣстно слѣдующее.

Діаконы, какъ было указано выше, получали назначеніе по рекомендаціи и одобренію, главнымъ образомъ, настоятеля. Главное требованіе, предъявлявшееся къ нимъ, заключалось въ томъ, чтобы они имѣли не меньше указныхъ 25 лѣтъ, чтобы умѣли читать хорошо („съ разумомъ") апостолъ, псалтирь и часословъ [1]). О какихъ нибудь другихъ условіяхъ и требованіяхъ, опредѣленныхъ и изданныхъ при митрополитѣ Арсеніи, намъ неизвѣстно.

Дьячки поступали въ приходъ по избранію и желанію священника и ктитора. Приходская община почти всецѣло полагалась на послѣднихъ и имъ довѣряла выбрать дьячковъ. Громада же или прихожане, съ своей стороны, только одобряли выборы дьячка. Обыкновенно, когда открывалось мѣсто дьячка, являлись претенденты изъ другихъ селъ, изъ козаковъ и посполитыхъ, школяровъ представляли одобрительныя свидѣтельства о прохожденіи службы изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ служили раньше. Священникъ допускалъ намѣченнаго кандидата къ испытанію, и, если обществу онъ успѣвалъ въ теченіе 2—4 недѣль понравиться своимъ голосомъ, обхожденіемъ, священникъ и ктиторъ заключали договоръ или контрактъ. Публичные выборы и контракты, какъ при поступленіи на приходъ священника, бывали рѣдко. Нерѣдко священники назначали въ дьячки своихъ же сыновей, для чего считали нужнымъ только заявить объ этомъ лишь нѣсколькимъ почетнымъ прихожанамъ и ктитору. Если не было подходящихъ кандидатовъ изъ постороннихъ лицъ и изъ дѣтей священника, то священники назначали дьячкомъ кого либо изъ наличныхъ школяровъ [2]).

Какъ зависимо было отъ священника положеніе дьячка при самомъ назначеніи на приходъ, такъ-же зависимо оно было и во время всей службы и при оставленіи службы. Дьячки не составляли чего нибудь замкнутаго, строго привязаннаго къ извѣстному мѣсту, Сегодня дьячокъ принятъ на службу, а завтра священникъ захочетъ—прогонитъ его со службы, и дьячокъ долженъ идти и въ другомъ мѣстѣ искать себѣ пріютъ. Дьячокъ не могъ быть увѣренъ въ спокойствіи завтрашняго дня: настоятель могъ

---

[1]) Ар. К. Выд. мон. 1762 г., № 57, л. 262—263.

[2]) Крыжановскій, цит. соч., 427—428.

во всякую минуту потребовать къ себѣ дьячка, для своихъ личныхъ нуждъ. Откажется дьячокъ, и ему отъ мѣста откажутъ. Таково было положеніе дьячка. Но въ этомъ было что то привлекательное, патріархальное: чувствовалась связь не внѣшняя только, но и нравственная—между членами причта съ одной стороны и между причтомъ и народомъ—съ другой.

Въ половинѣ XVIII в. при м. Арсеніи не было сдѣлано чего нибудь особеннаго для дьячковъ. Лишь было издано одно распоряженіе общаго характера, запрещавшее священникамъ употреблять дьячковъ для своихъ личныхъ посылокъ и услугъ [1]).

Извѣстно, затѣмъ, что гетманъ Разумовскій издалъ универсалъ (15 марта 1763 г.) о томъ, чтобы переписать всѣхъ дьячковъ и пономарей при церквахъ, которые не имѣли грунтовъ и жили въ шпиталяхъ; при этомъ разрѣшалось записывать въ реестръ не больше какъ 3 дьячковъ и 1 пономаря; всѣхъ остальныхъ жившихъ при церквах-ъ школяровъ, молодиковъ велѣно было записывать, безъ всякаго послабленія, въ посполитые [2]).

Была произведена ревизія, и многіе дьячки и пономари попали въ списки казаковъ и посполитыхъ. Полковыя канцеляріи не стѣснялись записывать въ казаки и посполитые даже такихъ дьячковъ, которые никогда не имѣли никакихъ казачьихъ грунтовъ, а пользовались издавна грунтами своихъ отцовъ, дѣдовъ, состоявшихъ въ свящ. санѣ.

Записанные въ ревизскія сказки требовались къ несенію и выполненію общественныхъ работъ, повинностей. Такъ, напр., пономарь м. Лютенки Гадячской протопопіи получилъ предписаніе отъ сотенной канцеляріи, что онъ долженъ нести казачью службу наравнѣ съ другими выборными, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія. Замѣтимъ, что это былъ пономарь изъ стихарныхъ, который, очевидно, имѣлъ у себя и архіерейскую грамоту. Тѣмъ не менѣе и онъ не избѣжалъ принужденія къ несенію общественной, казачьей службы. А сколько могло быть другихъ, которые не имѣли грамотъ и были принуждаемы [3]) къ казачьей службѣ! По донесенію Гадячскаго правленія, консисторія опредѣлила: писать въ полковыя канцеляріи, чтобы полковое начальство не за-

---

[1]) „Акты и докум"... проф. Н. И. Петрова, т. III, стр. 21—24.

[2]) Указ. кн. Ромен. прот. (муз. № 651, т. II).

[3]) Духовное Гадячское правленіе доносило что причетники и изъ духовныхъ „измучительскими пристрастіями изневоляются къ службѣ казачьей въ противность высокомонаршихъ учрежденій" (А. К. К. 1769 г., № 60).

ставляло числившихся на мѣстахъ пономарей и дьячковъ отбывать казачью службу [1]). Такъ какъ для самихъ церквей было очень важно, чтобы дьячки и пономари были свободны отъ несенія общественной службы, отъ выполненія разныхъ повинностей, то объ этомъ было занесено и въ кіевскіе пункты, представленные въ Комиссію Уложенія

Но для того, чтобы, дѣйствительно, дать такую свободу церковнымъ причетникамъ, нужно было причетниковъ прикрѣпить къ опредѣленнымъ церквамъ и дать опредѣленные штаты причетниковъ для церквей, чтобы дарованнымъ правомъ свободы отъ общественныхъ повинностей не могли пользоваться случайныя лица, собиравшіяся возлѣ приходскаго храма и причислявшія себя къ причту.

Въ этомъ отношеніи Кіевская епархія въ данное время была уже наканунѣ этой реформы. Послѣ митрополита Арсенія, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій въ 1771 г. издалъ распоряженіе не держать при церкви бродячихъ дьячковъ, а только такихъ, которые сами происходили изъ духовнаго сословія и которые сами получали посвященіе въ стихарь и грамоту [2]) (А въ 1778 г. окончательно былъ нанесенъ ударъ институту тѣхъ дьячковъ, которыхъ мы видѣли: въ этомъ году изданы были штаты для приходскихъ церквей, а разночинцы, бывшіе въ причетникахъ, оставались за штатомъ и возвращались въ свои сословія, изъ коихъ они вышли [3]).

X.

Средства обезпеченія приходскаго духовенства въ половинѣ XVIII в. состояли изъ слѣдующихъ доходныхъ статей: государственнаго жалованья, платы за требы, руги и земельныхъ надѣловъ.

Государственнымъ жалованьемъ въ разсматриваемую нами пору пользовались всего нѣсколько церквей и монастырей Кіевской епархіи, именно: монастырь Кіево-Софійскій, получавшій до 100 рублей, и церкви: Рождество Богородичная, Десятинная, Троицкая, Георгіевская, Покровская и Нѣжинская Богоявленская. Жалованье, какое получали эти церкви, замѣняло для нихъ ругу, отъ чего и самыя церкви назывались ружными. Эта руга выда-

---

[1]) А. К. К. 1769 г. пост. кон. № 60, 12 февр.

[2]) Указъ кн. 1771 г. № 69.

[3]) Крыжановскій, цит. соч. т. I, стр, 439.

валась со времени составленія ружной книги при Петрѣ I. Выдача руги производилась частію деньгами, частію хлѣбемъ [1]. На счетъ этой государственной руги содержалось духовенство и вмѣстѣ производилась починка церквей и покупка всѣхъ принадлежностей для богослуженія, какъ то: вина, ладану, муки для просфоръ. Размѣръ руги былъ слѣдующій: 1) церкви Рождества Богородицы выдавалось—попу, дьячку и пономарю по 12 четвертей и 4 четверика муки; 2) церкви Живоначальной Троицы—попу, дьячку, пономарю и просфорнѣ 26 четвертей муки и 26 четвертей овса, кромѣ того, на церковныя потребности 1 четверть пшеницы, 3) церкви св. великомученника Георгія—попу, дьячку пономарю и просфорнѣ—11 четвертей муки и 11 четвертей овса; кромѣ того, на церковыя потребности 1 четверть пшеницы [2]. Впрочемъ, эта руга выдавалась лишь до 1765 года, а съ этого времени выдача прекратилась.—За прекращеніемъ выдачи руги церкви стали приходить въ упадокъ: для совершенія богослуженія было немало затрудненій даже въ праздничные, воскресные и торжественные дни, тѣмъ болѣе, что въ виду скудости содержанія при этихъ церквахъ часто смѣнялись дьячки съ пономарями [3]).

Лишь въ 1784 году было выдано все жалованье, удержанное съ 1765 по 1784 годъ, при чемъ по именному указу Екатерины II было велѣно выдавать ругу деньгами и платить за каждую четверть по среднимъ мѣстнымъ цѣнамъ [4])

Главнымъ средствомъ содержанія служили статьи мѣстныхъ доходовъ и между ними плата за требоисправленія. Плата за требы въ различныхъ мѣстахъ была различна. За одну требу платили больше, за другую меньше, смотря по важности и значенію самой требы или по мѣрѣ трудовъ священника, хотя, впрочемъ, не было какого нибудь опредѣленнаго закономъ или обычаемъ строгаго соотвѣтствія между понесеннымъ при требоисправленій трудомъ и платой за требы. Къ половинѣ XVIII в. былъ лишь вполнѣ установленъ порядокъ заключенія договоровъ относительно платы за требы. Обыкновенно при самой выдачѣ презентъ прихожане заключали съ избраннымъ кандидатомъ во священники договоръ или контрактъ, въ которомъ точно обозна-

---

1) Оп. К. С. С. 265.
2) Ук. кн. 1787 № 32.
3) Кіев. п. 70; Сб. И. И. О, т. 43, 556 стр.
4) А. К К. указъ кн. 1787, ук. № 32.

чалось, сколько платить за каждую требу. Впрочемъ, главная цѣль всѣхъ этихъ договоровъ прихожанъ заключалась въ томъ, чтобы оградить себя отъ вымагательствъ или „здирствъ“ со стороны священника.

Во всѣхъ контрактахъ, послѣ указанія размѣра платы за ту или другую требу, непремѣнно заключалось такое условіе: священникъ обязывался „контентоваться“ или довольствоваться *такою то* платою за требы, и больше ничего лишняго не требовать съ прихожанъ. Но такіе договоры имѣли мѣсто и значеніе только для даннаго прихода; что же касается людей другого прихода, то священникъ могъ требовать съ нихъ, помимо принятой въ приходѣ платы, и больше по своему усмотрѣнію.

Изъ сопоставленія нѣсколькихъ контрактовъ видно слѣдующее: настоятелю-самостоятельному („цѣлопарохіальному“) или половинному—большею частію платили одинаково: за похороны великія (безъ службы) 10 или 20 к., съ евангеліемъ [1]), а со службою 30 к., за малыя—5 или 10 коп. за великую паннихиду 10 к., за поминальный обѣдъ со службою 25—30 коп., а безъ службы 10 коп., за заздравный обѣдъ 10 коп., а со службою 15—20 коп., за заупокойную литургію 30 коп., за малую паннихиду 5 коп. За браки взималось въ зависимости отъ того, какимъ бракомъ вѣнчались прихожане: первобрачные платили меньше, второбрачные и третьебрачные больше. Такъ, въ Омельяницкомъ приходѣ, пирятинской протопопіи первобрачные платили по 60 коп., второбрачные 1 р. 50 к., третьебрачные 2 руб. [2]). Это самая высокая плата.

Въ другихъ приходахъ плата была гораздо меньше: за вѣнчанье въ с. Ярославкѣ владѣнія Кіево-Выдубицкаго монастыря давалось даже по 5 коп., а когда священникъ сталъ брать 20 к., то прихожане обратились съ жалобой къ архимандриту Кіево-Выдубицкаго монастыря на „здирства“, и архимандритъ дозволилъ священнику брать съ первобрачныхъ лишь 10 к., а съ второбрачныхъ по 20 к. [3]). По 20 к. за вѣнчаніе взималось и въ другихъ приходахъ, напр. въ с. Коржавкѣ [4]), въ с. Сергіевкѣ [5]). Въ с. Устиновкѣ первобрачные и полувторобрачные платили по

---

[1]) Иногда за чтеніе евангелія полагалась освбая плата, по 5 к. за каждое (А. К. К. 1762 г., № 81, Кіев. пов.)

[2]) А. К. К., 1762 г., пост. кае конт. 2 іюн. л. 53—63.

[3]) А. К. К., 1762 № 81, Кіев. пов.

[4]) Ibidem 1762 г., № 118.

[5]) Ibidem, 14 дек., контр. въ особ. кн.

40 к., второбрачные по 50 к., а третьебрачные по 60 к., [1]). Въ нѣкоторыхъ приходахъ плата за вѣнчаніе совсѣмъ не была установленной, и священникъ имѣлъ право каждый разъ договариваться съ брачущимися и получать плату, смотря по состоянію имущества брачущихся [2]). За крещеніе платили священнику 3—4—5 к.; за молебенъ 10 к., за освященіе воды 10—20 коп.; за освященіе домовъ 10—20 к. За сорокоустъ давалось въ иныхъ мѣстахъ 4 р. [3]), при чемъ иногда давался еще воскъ, ладанъ, вино и пшеница для службъ церковныхъ, и дьячку и пономарю давалась особая плата [4]), въ нѣкотрыхъ же приходахъ давались 2 таляра, 1 четверикъ пшеницы, 1 ф. ладану, 1 ф. воску и 1 кварта вина [5]). За субботины или поминаніе въ субботы давалось 50 к. и половина только что указаннаго приношенія натурою [6]); впрочемъ, приношенія натурою не были вездѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ давалось лишь 50 коп,, а въ иныхъ 1 р.—1 р. 50 к. [7]). Для того, чтобы въ поминальныя субботы священнику можно было поминать умершихъ, нужно было вписать въ общіе диптихи или синодики имена умершихъ, за что взималась особая плата, 50 60 к., 1 р. и больше [8]).

Затѣмъ, за исповѣдь взималось въ нѣкоторыхъ приходахъ по 1 коп. съ каждой души [9]), въ другихъ—лишь со взрослыхъ по 1 коп., а съ дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ по 1/4 и 1/2 коп. [10]).

Что касается остальныхъ требъ, то плата за нихъ не вездѣ внесена въ контракты.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ, напр., вовсе не упоминается о о елеосвященіи (маслосвятіи); въ другихъ мѣстахъ за эту требу

---

1) Ibidem, 1762 г., № 32/25, л. 5—6.

2) А. К. К. 1759, 23 нояб. (м. Колинца); 1759 г., 14 іюня (с. Сергіевки), 1759 г., 28 октяб. (Миргородской Троицкой церкви.)

3) А. К. К., 1762 г., іюня 2, пост. К. конт., и д. № 118 (Омельяницкаго прих. и м. Колинца).

4) Ibidem. 1759 г., 23 нояб. (м. Колинца).

5) Ibidem, 1768 г., 6 мая (прих. Выше-Булатицкаго).

6) Ibidem.

7) А. К. К. 1762 г., постан. кае. конт., л. 53—63 (Омельяницкаго пр.); 1750 г. 14 декаб. (с. Сергіевки).

8) А. К. К, 1759 г., 28 октяб. (Миргород. Троиц. церк.).

9) А, К. К. 1762 г., д. № 81

10) Ibidem, 1759 г., 28 окт. (Миргород. Троиц. церк.)

полагалось 10—20 к).[1])Не вездѣ встрѣчаются упоминанія и о молитвахъ женѣ родильницѣ, предъ Рождествомъ и въ великій постъ, объ освященіи пасокъ въ день Св. Пасхи: но встрѣчаются лишь такія замѣчанія: „въ прочемъ или за прочее, (т. е. посвященіе пасокъ, чтеніе молитвъ въ домахъ предъ Рождествомъ Христовымъ и Воскресеніемъ) по обыкновенію чинить подаяніе“ [2]). Это подаяніе, какъ видно изъ сравненія съ другими контрактами, было таково: за освященіе пасокъ давалась 1 коп., за чтеніе молитвы женѣ родильницѣ 1 коп. и 1 хлѣбъ, за чтеніе молитвы въ постъ—1 хлѣбъ [3]).

Нужно замѣтить, что всѣ эти контракты или договоры относительно платы за требы имѣли мѣсто лишь въ сельскихъ приходахъ. Что же касается городскихъ приходовъ, въ которыхъ не было земледѣльческаго населенія, а по преимуществу людъ мастеровой, мѣщанскій или чиновный, то священники такихъ приходовъ должны были довольствоваться одними добровольными подаяніями прихожанъ; при чемъ эти подаянія бывали различны въ зависимости отъ личнаго каждый разъ договора со священникомъ [4]).

Мы привели таксу, опредѣлявшую вознагражденіе настоятеля. Что же касается викарныхъ священниковъ, то ихъ содержаніе опредѣлялось больше по уговору съ вдовой или настоятелемъ: чѣмъ скупѣе была вдова или настоятель, и чѣмъ больше являлось кандидатовъ въ викаріи, тѣмъ хуже было положеніе викарія, ибо плата для него назначалась меньше: полагалась $^1/_3$ или $^1/_4$ часть всѣхъ доходовъ, которые поступали въ пользу вдовы или настоятеля.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, плата за требы была весьма неопредѣленной и неустановившейся, и зависѣла отъ личнаго договора. Вслѣдствіе этого вознагражденіе за требы не могло быть опредѣленнымъ средствомъ содержанія для приходскаго духовенства. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же неустановленности и неопредѣленности, этого рода содержаніе не исключало разныхъ вымагательствъ или „здирствъ“ со стороны священниковъ. Отъ вымагательствъ не избавляли прихожанъ даже формально заключенные договоры. Въ виду этого необходимо было, съ одной стороны, опредѣленнымъ закономъ урегулировать

---

[1]) А. К. К. 1760 г., 6 мая въ особ. кн. 1765 г., 1 стр. (Нѣжин. Васил. церк.)

[2]) А. К. К. 1759 г. 28 октябр. (Миргород. Троиц. церк.)

[3]) А. К. К. 176? г., л 53—63, постан. каѳ. конт.; 1762 г., № $^{30}/_{25}$, л. 6.

[4]) Сб. И. И. О. т. 43, стр. 448.

самое содержаніе духовенства и установить соотвѣтствіе между платою и понесеннымъ со стороны священника трудомъ, а съ другой—оградить прихожанъ отъ излишнихъ поборовъ и вымагательствъ.

На это было обращено вниманіе еще Петра I-го, который приказывалъ Синоду сообща съ сенаторами „опредѣлить со всякаго приходскаго двора именную священству и причту подать, дабы они совершенное по мѣрѣ своей имѣли довольство, и впредь бы не домагались платежа за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе“ и проч.

Но до царствованія Екатерины II-й не было сдѣлано никакого распоряженія объ этомъ. Послѣдняя, ознакомившись со взглядомъ Петра I-го, въ 1765 году, 17 февраля, издала указъ, который ясно показываетъ, что она усвоила только одну сторону Духовнаго Регламента: она совершенно оставила въ сторонѣ вопросъ объ обезпеченіи духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ и назначила лишь таксу для вознагражденія за требы, таксу, которая имѣла въ виду исключительно предохраненіе прихожанъ отъ излишняго обремененія платежами. По этой таксѣ положено было взимать: за молитву родильницѣ 2 коп., за крещеніе младенца 3 к., за свадьбу 10 коп., за погребеніе взрослаго по 10 коп., за погребеніе младенца 3 коп.; „за исповѣдь же и причастіе Св. Таинъ,—говорилось въ указѣ, отнюдь ничего не брать, а за молебны и поминовеніе родителей давать каждому по сонзволенію и по возможности“. Впрочемъ, тутъ же сдѣлана оговорка, что такое „положеніе опредѣляется въ разсужденіе крестьянства и людей неимущихъ; что же касается до тѣхъ, кои по имуществу и желанію за какія изъ вышеписанныхъ требъ давать что по своему состоянію будутъ, оное имъ не запрещается, точію, чтобъ священно и церковно-служители ни подъ какимъ видомъ большаго себѣ за оныя требы платежа не домагались, а довольны были бы таковыми указными подаяніями“ [1]).

Эта такса была неудачна: плата за требы была уже слишкомъ минимальной. Насколько эта такса не удовлетворяла тогдашнимъ временамъ, это видно изъ свидѣтельства одного анонимнаго современника, который, исчисливъ многотрудныя обязанности священника, говоритъ: „священно-служитель, есть ли въ томъ всемъ исправенъ окажется, то за ту свою довольную службу достоинъ хорошаго вознагражденія, но въ дѣйствительности выходило, что на приходѣ въ 100 дворовъ и съ 1000 д. мужескаго да 1000 женскаго пола, гдѣ всякаго

---

[1]) П. С. З. Р. И. т. 17, № 12.378.

года не меньше, какъ родится младенцевъ 50, умретъ возрастныхъ 30, младенцевъ 20, браковъ будетъ 20, молебновъ 20, да панихидъ 30, и когда весь доходъ чрезъ весь годъ смѣтить, то всей суммы выходитъ только 30 руб. Священнику жъ имѣющему жену, дѣтей, слугу, служанку, тѣхъ тридцати рублей и на одно пропитаніе не станетъ. А должно имѣть ему отличное отъ простаго человѣка одѣяніе, домъ и поведеніе и страннопріятіе, для чего иной священникъ, имѣвши довольное недвижимое имѣніе и людей, изъ того себя по своему характеру содержитъ и службу свою отправлялъ за одну только честь и спасеніе души" [1]).

Объявленная въ 1765 г. такса принесла даже вредъ для кіевскаго духовенства, такъ какъ многіе совсѣмъ прекратили свои подаянія сверхъ таксы; это дѣлали даже владѣльцы, также старшины и всѣ „достаточнѣйшіе люди" [2]).

Не говоримъ уже о томъ, что публичное выставленіе таксы могло ослабить уваженіе прихожанъ къ священникамъ. Поэтому неудивительно, что объявленіе таксы въ приходскихъ церквахъ вызывало даже протесты со стороны духовенства. Правда, и послѣ объявленія таксы заключались контракты съ священниками, но въ этихъ контрактахъ такса за требы болѣе или менѣе приближалась къ объявленной отъ 17 февраля 1765 г. таксѣ. Такъ, напр. по контракту, заключенному 15 декабря 1765 г. между священникомъ Филиппомъ Петровичемъ и прихожанами Воронежской Покровской церкви, назначена такая плата: за сорокоустъ 80 коп. (раньше было 4 р.), освященіе дома или колодца 5 к., молебенъ 5 к., похороны великія 5 к., малыя 3 коп., за великую панихиду 5 коп., малую 3 коп., крещеніе 2 коп., за молитву родильницѣ 1 коп., [3]) годовой акаѳистъ 1 рубль.

Лучшее сравнительно вознагражденіе за требы было въ тѣхъ приходахъ Кіевской епархіи, которые находились подъ владычествомъ Польши или были нѣкоторое время подъ вліяніемъ уніи. Въ этихъ приходахъ плата за требы болѣе или менѣе приближалась къ извѣстной таксѣ, изданной митрополитомъ Іасономъ Смогоржевскимъ, который, повидимому, мѣстному, наиболѣе распространенному обычаю платы за требы придалъ значеніе законнаго, нормальнаго вознагражденія.

---

[1]) К. Е. В. 1874 г., стр. 672—673.
[2]) Сб. И. И. О., т. 43. 449.
[3]) А. К. К., особ. кн. отрывк.,—1765 г. 15 декаб.

Къ вознагражденіямъ за требы относятся и подаянія „натурою“. Касательно этого подаянія не встрѣчается никакихъ постановленій гражданскаго и епархіальнаго начальства; оно всецѣло зависѣло отъ прихожанъ и сохранялось больше въ формѣ простого обычая, чѣмъ закона. Въ архивныхъ документахъ заключаются лишь случайныя указанія насчетъ этого рода подаяній. Такъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ находится замѣчаніе, что за молитву женѣ родильницѣ дается 1 хлѣбъ и 1 копейка. Эти подаянія натурой полагались и при другихъ требахъ и такъ сроднились съ ними, что почти ни одна треба не обходилась безъ нихъ, обычай, который и теперь еще сохраняется въ Малороссіи,—несомнѣнно ведя свое начало съ XVIII вѣка.

Кромѣ хлѣба, къ подаяніямъ натурою принадлежитъ и все другое, что давалось при крещеніи, при бракѣ при погребеніи: водка, полотенце, кусокъ полотна, покрывала и т. д.

Въ одномъ изъ указовъ времени послѣ митрополита Арсенія относительно этого рода подаяній содержится такое указаніе: священникъ долженъ довольствоваться, или „получать натурою обыкновенно бываемые доходы, токмо за что деньгами награждается отъ прихожанъ, за то не брать натурою“ [1]). Этотъ указъ свидѣтельствуетъ о томъ, что плата натурою была однимъ изъ обыкновенныхъ и общихъ доходовъ духовенства. Впрочемъ, въ данномъ указѣ нужно разумѣть всѣ вообще неденежныя пожертвованія въ пользу причта, т. е. вмѣстѣ и роковщину и десятину.

Къ приношеніямъ же натурою въ собственномъ смыслѣ можно причислить и сборы извѣстные подъ названіемъ „Петровщины“, „осенніе сборы“ и другіе, пріурочивавшіеся по времени къ разнымъ частямъ народнаго хозяйства и оплачивавшіеся разными хозяйственными продуктами, рожью, пшеницей, гречихой, овсомъ, ячменемъ, льномъ, ягодами, яйцами, лукомъ, сметаной, сѣномъ, грибами, дровами, лыками и проч. Эти пожертвованія собирались лично священниками, при посѣщеніи ими домовъ своихъ прихожанъ. Пожертвованія натурою въ пользу священника въ видѣ разныхъ хозяйственныхъ издѣлій иногда имѣли мѣсто при вступленіи священника на приходъ, когда прихожане являлись съ поздравленіемъ и приносили священнику разныя издѣлія и продукты своего хозяйства на первоначальное обзаведеніе [2]). Въ другихъ мѣстахъ они носили болѣе или ме-

---

[1]) А. К. К. 1779 г., пост., № 41, 13 мая.

[2]) Рук. для сел. паст., 1860 г., № 10, 232.

нѣе постоянный характеръ и происходили ежегодно въ опредѣленный срокъ. Такъ, жены священника въ началѣ весны сами совершали путешествіе по приходу, угощали прихожанъ и, потомъ, получали отъ нихъ всякую всячину изъ домашняго хозяйства, преимущественно пеньку и ленъ, отъ чего и самый доходъ подобнаго сбора назывался льнованьемъ. Это былъ общій обычай въ XVIII вѣкѣ, и, по словамъ изслѣдователя Ѳ. Лебединцева, прекратился лишь съ развитіемъ образованности въ кругу сельскаго духовенства

Разсмотрѣнные нами доходы были неокладными.

Постоянный окладной сборъ или доходъ въ пользу духовенства заключался въ *руги*, которая составляла очень важное подспорье въ содержаніи духовенства.

Обыкновенно руга выдавалась хлѣбомъ, зерномъ въ извѣстной мѣрѣ или деньгами и, притомъ, на опредѣленный срокъ (ежегодно). Отъ этого она еще называлась *роковщиной*. Руга или роковщина составляла одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ обезпеченія духовенства; ибо размѣръ ея былъ болѣе или менѣе достаточный; притомъ она не ложилась тяжелымъ бременемъ на прихожанъ: взносъ или сборъ былъ распредѣленъ между всѣмъ приходомъ и дворами, и взимался въ одномъ размѣрѣ съ пѣшаго а въ другомъ—съ коннаго прихожанина, въ одномъ—съ дворовой, а въ другомъ—съ бездворной хаты. Говоря о ругѣ или роковщинѣ, мы имѣемъ въ виду не Государственную ругу, о какой сказано раньше, а именно приходскую, народную, сельскую.

Относительно руги были изданы постановленія еще при Петрѣ I, когда было велѣно отмежевать къ церквамъ землю „въ ругу священникамъ“. Но отмежеваніе земель все таки не было произведено; лишь нѣсколько церквей получили царскую ругу. Въ половинѣ XVIII в. правительство обнаружило попытки надѣлить церкви землею. Въ 1754 г., по указу императрицы Елизаветы Петровны, предпринято было общее межеваніе земель по всей имперіи. Но предпріятіе окончилось неудачно. При Екатеринѣ опять началось межеваніе. Лишь въ 1778 г. въ Малороссіи были введены штаты и произведено генеральное отмежеваніе земель. До той же поры священники же получали ругу зерномъ „отъ иного хозяина по четвертинѣ, отъ другаго поменьше, отъ каждаго по его имуществу, отъ неимущихъ хлѣбопашества деньгами по 5 и 2 коп.“ [1]) Въ общемъ количество зерновой

---

[1]) Сб. И. И. О., т. 43, стр. 447—448.

руги зависѣло отъ взаимнаго согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ. Гдѣ духовенства было немного, оно могло выторговать себѣ ругу высокую; напротивъ, гдѣ являлось много кандидатовъ на мѣста, тамъ возникала конкуренція между ними, и одинъ предъ другимъ начиналъ уменьшать размѣръ руги, соглашаясь на самую малую, лишь бы получить мѣсто. Право полученія руги и самый размѣръ ея обыкновенно заносились въ контрактъ. Такъ, прихожане с. Жуковецъ дали такую подписку священнику Стефану Трояновскому... „обязуемся давать роковщины за всякаго пахатнаго поля полчверткы пашнѣ и имѣемъ половину давать житомъ, половину же яриного, отъ пѣшаго человѣка роковщины 5 коп.“ [1]). Жители с. Устимовки дали обязательство давать отъ всякаго пахатнаго человѣка „по указной четвертинѣ пашнѣ“ [2]). Въ однихъ приходахъ пашня выдавалась по 1 мѣрѣ жита или другого какого нибудь зерна [3]); въ другихъ по 1 четверику [4]) или 1-й четвертинѣ; съ пѣшаго же по 5 коп. [5]). Въ с. Вышебулатицкомъ съ вола по 1 коробкѣ и съ пѣшаго по 2 коп. [6]). Въ однихъ ружная четвертина взималась рожью, въ другихъ частью рожью, частью яровымъ хлѣбомъ, иногда—съ каждаго зернового хлѣба.

Въ приходахъ, состоявшихъ во владѣніи помѣщиковъ и монастырей, руга обыкновенно выдавалась не отсыпнымъ зерномъ, а земельными участками. Такъ, владѣлецъ с. Устимовки, значковый товарищъ Василій Устимовичъ, выдалъ Алексѣеву въ ругу „вмѣстѣ съ избой съ пляцомъ, на коемъ ему Алексѣеву и другую хату пристроить свободно было, землю и огородъ, пахатныя поля орать на 85 день [7]) да плушковскую лужу на сто копъ сѣна“ [8]).

Нужно замѣтить, что земельные ружные участки къ половинѣ XVIII вѣка стали встрѣчаться больше въ новооткрываемыхъ приходахъ, ибо, по распоряженію правительства, разрѣшеніе на открытіе новыхъ приходовъ и устройство новыхъ церквей давалось не прежде, чѣмъ было представлено обязательство содер-

---

[1]) А. К. К. 1762 г., д. № 550.

[2]) Ibidem, 1762 г., д. № $^{32}/_{25}$.

[3]) Ibidem, 1760 г., 6 мая (Нѣж. Воскр. ц).

[4]) Ibidem, 1759 г., 14 дек. (с. Сергіевки).

[5]) Ibidem, 1762 г., д. № 118, (с. Коржовъ, с. Свѣтличанки и др.)

[6]) А. К. К. 1758 г., 6 мая; особ. кн. контрак. 1765 г., стр. 1 (с. Слобод. Дукатск.)

[7]) День=3 упругамъ, что составитъ около $^3/_4$ десятины.

[8]) А. К. К. 1762 г., д. № $^{32}/_{25}$, л. 6.

жать духовенство. Еще указомъ 1722 года (о строеніи церквей) велѣно было разрѣшать строеніе не прежде, чѣмъ послѣ удостовѣренія духовнаго начальства въ томъ, что имѣющая строиться церковь будетъ снабжена достаточнымъ количествомъ содержанія, при чемъ обращалось вниманіе на число приходскихъ дворовъ, количество данной руги, приписанной ружной земли. Въ 1756 году именнымъ указомъ Синоду было велѣно подтвердить, чтобы новыя церкви были открываемы только подъ условіемъ указнаго числа дворовъ въ приходѣ, а если явится крайняя необходимость строить новую церковь при недостаточномъ числѣ дворовъ, то дозволять постройку ея подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что прихожане дадутъ обязательство причту содержать при ней причтъ и обезпечатъ ругою [1]). Митрополитъ Арсеній особенно строго относился къ просьбамъ о разрѣшеніи строить новыя церкви и непремѣнно требовалъ подробной описи всѣхъ ружныхъ участковъ, отводимыхъ для содержанія причта, ибо имъ было замѣчено, что многіе изъ владѣльцевъ строили церкви не ради нужды, а изъ единой своей чести, и нерѣдко вовсе не назначали для церкви никакихъ земельныхъ угодій. Конечно, самый размѣръ или величина ружныхъ земель зависѣла отъ доброй воли владѣльцевъ и отъ личнаго расположенія ихъ къ священнику.

Впрочемъ, ружныя земли выдавались не даромъ, а за извѣстную сумму денегъ, смотря по количеству земли и по состоянію священника [2]). При этомъ, ружныя земли были далеко не вездѣ [3]).

По словамъ изслѣдователя Ѳ. Лебединцова, ружныя земли существовали въ началѣ 2-й половинѣ XVIII вѣка при церквахъ въ опредѣленномъ количествѣ въ предѣлахъ нынѣшней Кіевской епархіи, т. е. въ тѣхъ частяхъ митрополіи, которыя находились подъ властію польскаго правительства. Здѣсь онѣ, впрочемъ, не были отведены по распоряженію правительства, не были и подарены помѣщиками, но куплены у нихъ священниками по принужденной цѣнѣ, а многія изъ нихъ оплачены были по 2 и по 3 раза.

---

[1]) Знаменскій „Прих. дух.“, стр. 718—719; П. С. З. Р. И., т. 14 № 10, 780

[2]) „Р. Д С. П “, 1860 г., № 9, стр. 20 ².

[3]) Кіево-Подольское духовенство вовсе не имѣло грунтовъ, ругъ, лѣсовъ, садовъ; здѣсь же дьячки и ктиторы платили подать наравнѣ съ посполитыми. (А. К. К. 1767 г., дон. 8 окт.).

Спрашивается: кто же былъ собственникомъ пріобрѣтенной такимъ образомъ ружной земли?

Уже изъ того, что эрекція давалась священнику подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы полученная земля не была продана священникомъ въ сторонніе руки и не была увеличена, „ни куплею ни надачей отъ подданныхъ“ [1])—видно, что субъектомъ земельнаго права, или лицомъ, имѣвшимъ право на владѣніе,—былъ самъ священникъ и его семья, а не церковь.

Изслѣдователь быта и правъ малороссійской общины, проф. П. Лучицкій, говоритъ, что верховнымъ, но фиктивнымъ владѣльцемъ общинной земли считалась церковь,—а фактически распорядителемъ ея, какъ и всѣхъ церковныхъ дѣлъ, была община, которая избирала священника, завѣдывала благоустройствомъ церкви, заключала съ нимъ договоръ о—вознагражденіи за требы и отводила ему небольшой земельный участокъ въ обезпеченіе его и семьи. „При массѣ общинныхъ земель, которыми владѣла каждая община,—говоритъ онъ, вознагражденіе священника за „службу іерейскую“ землею не могло представлять затрудненій для общинъ“ [2]). Отсюда, по словамъ П. Лучицкаго, собственникомъ земли признавался не данный священникъ, а священникъ вообще, какъ данный, такъ и его преемники. Однажды отведенная земля считалась уже не отчуждаемою, ее давали „въ вѣчность“, ее нельзя было отнимать, такъ какъ то была церковная земля. Община, однако, имѣла право нѣкотораго вмѣшательства въ данную ею землю, но лишь для надобностей церкви“ [3]).

Но такой взглядъ на значеніе приходской общины односторонен и не можетъ быть признанъ правильнымъ. Во 1-хъ мнѣніе о томъ, что верховнымъ распорядителемъ и фактическимъ владѣльцемъ церковной земли была община, неприложимо ко всѣмъ приходамъ, ибо во многихъ селеніяхъ земли были отведены не общиной, а владѣльцами и отведены были въ пользованіе священниковъ по эрекціямъ; а въ нѣкоторыхъ селахъ даже вовсе не было земель, а лишь ружная роковщина. Во 2-хъ, эрекціальныя земли были землями, пріобрѣтенными покупкой: покупали же, конечно, не церкви, а священники, которые успѣвали заручиться расположеніемъ владѣльцевъ, а потому и земли считались собственностію именно даннаго священника, а не свя-

---

[1]) Рук. Ак. биб., № 216. Е. оп., № 51, 1768 г., 6 мая.

[2]) „Малор. сельск. община и сельское духовенство въ XVIII в.“ „(отиск. изъ газеты „Земскій обзор.“ 1883 г., ст. № 6,) стр. 11.

[3]) Ibidem, 12 стр.

щенника вообще. Въ этомъ именно и заключается корень наслѣдственности приходовъ и земель: священникъ, получившій по договору съ владѣльцемъ право на посвященіе, получалъ и землю за деньги, и при своей кончинѣ передавалъ и приходъ и землю своимъ дѣтямъ,—или сыну, или зятю, женатому на его дочери. Послѣдніе, конечно, вступали на приходъ отца, для чего они опять заручались презентами и возобновляли эрекціи. Владѣльцы обыкновенно, съ своей стороны, всегда были болѣе склонны давать приходъ именно наслѣдникамъ. „Зависимость священниковъ отъ державцевъ настолько усилилась во 2-й половинѣ XVIII столѣтія, что державцы могли передавать приходъ не только наличному священнику, но и его потомкамъ. Въ 1760 году священникъ Григорій Свѣнцицкій уступаетъ свои земли державцамъ Алексѣю и Степану Есимонтовскимъ, „за каковую уступку они, Есимонтовскіе, за приходскаго священника при церкви ихъ въ слободѣ Высокой меня и моихъ потомковъ" приняли" [1]). Здѣсь мы видимъ, что священникъ пріобрѣтъ право на приходъ для себя и своихъ потомковъ уступкою своихъ земель; но, конечно, были и обратные случаи; священники могли пріобрѣтать и для себя и для потомства, вмѣстѣ съ приходомъ, и эрекціальныя земли (за деньги). Въ этомъ же порядкѣ владѣнія землями лежитъ корень и того явленія, на которое жаловалось духовенство въ кіевскихъ пунктахъ. Такъ какъ эрекціальныя и по презентамъ выдѣленныя земли были болѣе собственностію лицъ, а не мѣстнаго учрежденія,—церкви, и принадлежали болѣе священникамъ, нежели церкви,—какъ свидѣтельствуетъ авторъ очерковъ матеріальнаго быта духовенства [2]),—каковыя права уважались тогда всѣми, и свѣтскими владѣльцами, и епархіальнымъ начальствомъ, то земли переходили по наслѣдству не только къ дѣтямъ—священникамъ, но даже и къ тѣмъ, которые оставляли священный санъ и приходъ отца; онѣ переходили къ сыновьямъ, поступавшимъ въ свѣтскую или казачью службу и даже передавались замужнимъ дочерямъ въ качествѣ приданаго.

Подобный порядокъ передачи земель по наслѣдству едва ли можно считать одной узурпаціей со стороны священника и его семейства, ибо явленіе это было слишкомъ общее и распространенное и, вѣроятно, покоилось на обычномъ правѣ владѣнія

[1]) Рус. Арх. 1871 г., т. 11, стр. 1892 г.

[2]) Рук. для с. паст. 1860 г., № 9, стр. 201.

землею, ибо земли пріобрѣтались за деньги священника, а не церкви. Это эрекціальное право ослаблялось и нарушалось только уніатами, которые нерѣдко вторгались въ приходъ, изгоняли священника и захватывали его земли.

Нерѣдко сами прихожане давали священнику землю съ правомъ пользоваться ею всецѣло по своему усмотрѣнію и передавать ее и своимъ наслѣдникамъ [1]).

Кромѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, священникамъ по презентамъ и эрекціямъ давались и рыбныя ловли, сады, предоставлялся въѣздъ въ лѣсъ и рубка въ немъ дерева на собственныя надобности, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже было предоставлено духовенству право винокуренія въ опредѣленномъ количествѣ, для своего дома, а не для продажи.

Этими привиллегіями пользовались одни только священники; причетники же, не принадлежавшіе тогда къ духовному званію и состоявшіе на службѣ при церкви по найму прихожанъ не имѣли въ этомъ никакой доли [2]).

Вслѣдствіе такого порядка, положеніе всякаго новаго поступающаго священника на первыхъ порахъ было въ высшей степени неопредѣленно и подвергалось разнымъ неизбѣжнымъ случайностямъ,—въ зависимости отъ расположенія владѣльцевъ и прихожанъ.

Лишь съ отмежеваніемъ земель, при введеніи штатовъ въ 1778 году, былъ положенъ конецъ этимъ случайностямъ. Императрица Екатерина II въ этомъ году издала указъ о томъ, чтобы непремѣнно всѣ церкви были снабжены земельными надѣлами, и издала особую инструкцію объ отмежеваніи въ 3-хъ смѣнахъ указныхъ участковъ пахатнаго и сѣнокоснаго поля, которое осталось, затѣмъ, навсегда за причтомъ, кто бы и какимъ бы путемъ ни вступалъ на приходъ [3]).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о спеціальномъ содержаніи духовенства нѣкоторыхъ церквей. Это спеціальное содержаніе заключалось въ жалованьѣ, которое получали священники Кіево-Печерской и Верхне-Кіевской протопопіи. Это жалованье выдавалось изъ казны полковъ кіевскаго гарнизона. Выдача продолжалась, впрочемъ до тѣхъ поръ, пока не были расформированы полки на баталіоны. Съ этихъ же поръ даже за

---

1) Рук. для с. паст, 1899 г., № 39, стр. 61.
2) Рук. для с. паст., 1860 г., № 9., 203.
3) Рук. для с. паст., 1861 г., № 51, стр. 577.

требоисправленія духовенство, по его словамъ, ничего не получало [1]). Въ кіевскихъ полкахъ сами офицеры и солдаты жертвовали отъ себя по денежкѣ въ мѣсяцъ, изъ своего жалованья, на содержаніе духовенства: но съ расформированіемъ полковъ отмѣнено было это добровольное подаяніе [2]).

X.

Сказанное сейчасъ о доходахъ духовенства имѣетъ ближайшее отношеніе къ священникамъ настоятелямъ. Но извѣстно, что церковный причтъ бывалъ многочисленный. Во многихъ приходахъ было 2 и даже 3 священника, или 1 настоятель и 1 или 2 викарія, затѣмъ, діаконы и дьячки. Естественно спросить: какіе же доходы поступали въ пользу каждаго въ отдѣльности членовъ причта?

Указанная выше плата за требы, роковщина и руга шла въ пользу священника настоятеля. Если гдѣ было 2 священника половинныхъ, то они дѣлили между собою доходы по взаимному соглашенію. Наиболѣе общимъ порядкомъ дѣлежа былъ такой: каждый священникъ получалъ не половину всѣхъ вообще доходовъ, а по улицамъ: одинъ священникъ получалъ доходы съ 1 или 2 улицъ, а 2-й съ остальныхъ [3]). Что же касается доходовъ за службу, то, вѣроятно, священники получали сообразно съ тѣмъ, какъ служили,—по седьмицамъ. Роковщина дѣлилась между половинными настоятелями поровну. Самый договоръ относительно дѣлежа доходовъ до 80-хъ годовъ XVIII столѣтія носилъ домашній характеръ и лишь утверждался митрополитомъ

Если гдѣ въ приходѣ былъ викарій, то, какъ мы сказали, послѣдніе являлись въ полной зависимости отъ настоятеля и, отъ него же они получали по договору извѣстную часть. Наиболѣе общимъ порядомъ былъ такой: викарій получалъ $^1/_3$, рѣже $^1/_4$ часть, еще рѣже $^1/_5$ часть всѣхъ доходовъ [4]). Столько же получали викаріи и тогда, когда они поступали въ приходы, предо-

---

[1]) Сб. И. И О., т. 43, стр. 557.

[2]) Ар. К.-Печ. Лавры, д. № 230.

[3]) Такъ, священники с. Подлипнаго, Конотоп. протопопіи, Григорій и Симеонъ Гандроки сами и „безъ всякаго приказа власти“ раздѣлили между собою приходъ такъ, что 1-й получалъ доходы съ 2-хъ улицъ, а 2-й съ 3-хъ. (Указ. кн. К. К. 1772 г., № 45).

[4]) А. К. К. 1760 г., книг. догов., постан. 24 янв.; 1759 г., постан. 24 окт. и 16 декабря.

ставленные вдовамъ для ихъ „препитанія“. Въ этомъ отношеніи замѣчательно свидѣтельство одной вдовы священника, Феодосіи Полошковской, которая просила Св. Синодъ предоставить ей весь приходъ, кромѣ 1/3 части, которая—„какъ везде въ Малой Россіи водится“, дается викарію. Св. Синодъ велѣлъ такъ и сдѣлать, отдать ей весь доходъ съ прихода [1])—за исключеніемъ 1/3 части въ пользу викарія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ викаріи получали доходы даже съ ограниченіями. Такъ, напр., Рѣшетиловскій намѣстникъ, священникъ Леонтій Мамонскій принялъ викарія Стефана Ильнѣцкаго на 1/4 часть съ такимъ условіемъ, чтобы этому раздѣлу вовсе не подлежалъ доходъ за освященіе насокъ, а равно покрывала на мертвыхъ,—что должно было идти въ пользу настоятеля: изъ хлѣба, собираемаго за молитву, половина должна была идти настоятелю, а другая викарію [2]), Григорій Семеновъ, викарій Роменскаго собора долженъ былъ получать 1/5 часть со всѣхъ доходовъ, кромѣ платы за вписаніе умершихъ въ субботникъ,—что поступало въ пользу дьячка, пономаря и діакона [3]). Въ другихъ случаяхъ заключались особые контракты съ викаріями съ одной—и прихожанами или священниками съ другой стороны, въ которые вносилась болѣе или менѣе подобная плата за требы. Такъ, викарій Серединобудянской церкви, Петръ Михайловскій, принятый на 1/3 часть, долженъ былъ получать за сорокоусть 1 р., за вѣнчаніе чужого 50 коп., а своего—„что пожалуетъ“, за исповѣдь 1/3 часть, за исповѣдь больного все данное ему, за панихиды, похороны и крещеніе 1/3 часть: но онъ не долженъ былъ касаться роковщины и продажи свѣчъ [4]).

Не вездѣ, впрочемъ, викаріи лишены были роковщины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ давалась 1/3 часть роковщины „отъ пахатнаго и непахатнаго датку“ [5]); въ другихъ мѣстахъ давалось по 1/2 четверика какого либо зерна отъ каждаго двора [6]) и даже по 3 четверика государственнаго жита отъ пахатнаго двора [7]).

Изъ платы за требы викаріямъ давалась, по сравненію съ настоя-

---

[1]) Рук К.-Соф. соб. № 427, ук. 1764 г., № 96.

[2]) А. К. К. 1760 г., догов. въ особ. кн. 24 января.

[3]) А. К. К. 1759 г., догов. въ особ. кн. 24 октября.

[4]) А. К. К. 1756 г., контр. 16 декабря.

[5]) А. К. К. 1759 г., контр. 15 іюня.

[6]) А. К. К. 1760 г., контрактъ заключенъ священникомъ Амеловской церкви, Симеономъ Стефановичемъ, съ своимъ зятемъ.

[7]) А. К. К. 1759 г., контр 3 декабря.

телями, небольшая часть [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ викаріи получали особые доходы, которые не дѣлили ни съ кѣмъ. Такъ, напр., викарію Григорію Дловачевскому дано было право получать въ праздники Рождества, Пасхи и въ дни святителя Николая (храмовой день) за всенощную по 10 коп. [2]). Викарій Ичанской Воскресенской церкви, Филиппъ Леневичъ, кромѣ другихъ доходовъ, долженъ былъ получать за освященіе хатъ и колодцевъ, за кропило,—что дано будетъ ему въ руки [3]). Понятно, общая сумма всѣхъ доходовъ викарія не могла быть великой. Такъ, напр., викарій ружной Глуховской церкви получалъ въ годъ жалованья 10 р., и муки „разнаго борошна“ 15 четвертей [4]); если прибавить къ этому еще $^1/_3$ часть доходовъ за требы, по исчисленію анонимнаго автора, то получится цифра очень незначительная.

Что касается діаконовъ, то положеніе ихъ было очень печально. Они рѣдко имѣли опредѣленныя части въ общихъ доходахъ, а больше должны были довольствоваться доброхотными подаяніями прихожанъ и священника. Обыкновенно діаконы и принимались въ приходъ подъ условіемъ „быть на добровольномъ только по гражданскому обычаю подаяніи, безъ всякаго вымагательства“ [5]). Большинство изъ нихъ, если даже не всѣ, не получало никакой руги и роковщины. Лишь при митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ было обращено вниманіе на положеніе діаконовъ [6]), и, вѣроятно, съ введеніемъ въ 1778 г. штатовъ, была выдѣлена для нихъ и ружная земля. Были, конечно, мѣста и случаи, гдѣ діаконамъ назначалась опредѣленная часть со всѣхъ

---

[1]) Вотъ примѣры нѣсколькихъ контрактовъ: викарій Преображенской церкви м. Ивангорода долженъ былъ получать за крещеніе 2 коп., за похороны великія $3^1/_4$ коп., за малыя $1^3/_4$ коп., за великую паннихиду $3^1/_4$ коп., за обѣдъ годовой $3^1/_4$ коп., за субботникъ $16^1/_2$ коп., за сорокоустъ 1 р. 36 к., за вѣнчаніе своего и чужаго $^1/_3$ часть противъ даннаго настоятелю; за освященіе дома $3^1/_4$ коп (А. К. К. 1759 г., догов. 15 іюня). Если допустить, что настоятель получалъ меньшую плату—по 10 коп. за требу (похороны, паннихиду и т. д.), то викарію выходитъ $^1/_3$ часть доходовъ настоятеля. Священникъ Савицкій, викарій Хмѣлов, священника, получилъ, повидимому, $^1/_2$ доходовъ настоятеля: за похороны великія 10 коп., за малыя 5 коп., за вѣнчаніе своего 10 коп., а чужого—по состоянію, за сорокоустъ 2 р., за посвященіе домовъ 20 коп., за здравный обѣдъ, великую паннихиду и молебенъ по 10 коп. (А. К. К. 1760 года).

[2]) А. К. К. 1759 г., догов. 3 декабря.

[3]) А. К. К. 1760 г., опред. Ичан. дух. правл. отъ 4 марта.

[4]) А. К. К. 1762 г., д. № 255, пов. Кіев.

[5]) Ар. К.-Печ. Лавры, д. № 230.

[6]) Ук. кн. К. К. 1771 г., № 124.

доходовъ. Такъ, напр., діаконъ Опошнянской церкви получалъ ½ съ половинной части или ¼ со всего прихода [1]). Но это было тамъ, гдѣ церкви были городскія и важныя, гдѣ полагался по штату діаконъ.

Въ другихъ мѣстахъ діаконы являлись на отцовскомъ мѣстѣ; здѣсь они получали ⅓ часть съ ½ части доходовъ отца, какъ, напр., это было въ с. Тарасовкѣ. Но, сверхъ сего, и прихожане давали имъ отъ своего „доброхотства за священно-служеніе“ [2]). Только иногда діаконы получали плату по особымъ договорамъ съ прихожанами и, кромѣ того, имѣли свои спеціальные доходы.

Такъ, напр., діаконъ Успенской церкви м. Веприка, Тимоѳей Ивановъ, долженъ былъ получать за великія похороны 5 коп., за малыя 2 коп., за службу 2 к., за поминовеніе въ домахъ съ паннихидой 5 коп., за вѣнчаніе своего прихода 5 коп., а чужеприходнаго 10 коп. [3]). Діаконъ Лубенской Рождественской церкви Іоакимъ Евдокимовъ долженъ былъ получать за погребеніе и другія требы добровольныя подаянія; за сорокоусты, вѣнчаніе и годовые поминки безъ вымагательства, по усмотрѣнію дающаго, и потому большею частію изъ рукъ настоятеля; кромѣ этого, онъ получалъ ежегодно, въ 1-хъ числахъ января, по давнему обыкновенію изъ церковныхъ денегъ по два руб., также добровольныя пожертвованія при кажденіи церкви и по субботамъ четыредесятницы за чтеніе молитвъ и въ дни св. Пасхи и Рождества Христова весь кошельковый сборъ [4]).

Положеніе дьячковъ и пономарей въ матеріальномъ отношеніи было обставлено лучше, чѣмъ положеніе діаконовъ. Въ этомъ отношеніи очень характерна жалоба діакона Трофима Терешкевича, Роменской Покровской церкви, который указывалъ на то, что онъ получалъ „по 1 коп. съ гривны противъ дьячка“, т. е. 1/10 долю по сравненію съ доходами дьячка [5]).

Дьячки обыкновенно заключали особые договоры съ ктиторами или священниками относительно вознагражденія за требы. Правда, плата за требы не могла быть достаточной; она была меньше платы священнику,—которая, какъ мы видѣли, также

---

[1]) А. К. К. 1766 г., д. № 357.
[2]) А. К. К 1766 г., д. № 96, 15 авг.
[3]) А. К. К. 1760 г, догов. въ особ. кн., 9 марта.
[4]) А. К. К. 1760 г., контр. въ особ. книгѣ, 17 февр.
[5]) Ук. кн. К Кон. 1771 г., № 124.

была невелика,—и, кромѣ того, зависѣла отъ личнаго произвола помѣщика или ктитора и даже священника, которые принимали ихъ и договаривались съ ними [1]). Однако въ нѣкоторыхъ приходахъ, особенно если дьячокъ происходилъ не изъ податного или казачьяго сословія, но изъ духовныхъ, дьячкамъ была отводима въ ругу, для ежегоднаго пользованія земля и разныя угодья. Такъ, напр., въ лаврскихъ вотчинахъ (вѣдомства Пуховскаго), дьячку с. Пухова было отведено сѣнокоса на 40 копенъ: вѣдомства Сорокошицкаго въ с. Опиткахъ пономарю Ивану Добрицкому въ самомъ селѣ—огородъ „къ священническимъ угодіямъ по подачи отъ громады принадлежащій, криницъ рыболовныхъ небольшихъ отъ громады опредѣленныхъ два; сѣнокосу отъ громады жъ опредѣленной копенъ на 100" [2]). Изъ сравненія количества сѣнокосной земли, отведеннаго священнику (на 300) и дьячку (на 100 копенъ), можно вывести заключеніе, что существовала даже опредѣленная пропорція для того и другого, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ дьячокъ получалъ 1 часть противъ 3 частей священника. Было-ли такое же пропорціональное соотношеніе между доходами дьячка и священника въ другихъ мѣстахъ, къ сожалѣнію трудно сказать, по недостатку фактическихъ данныхъ о томъ, сколько именно отводилось руги дьячкамъ.

Общая сумма всѣхъ доходовъ во всякомъ случаѣ не могла быть достаточной,—ибо дьячки постоянно мѣняли свои мѣста, переходя съ мѣста на мѣсто, и рѣдко гдѣ задерживались болѣе года, а все искали лучшаго.

Говоря о средствахъ содержанія приходскаго духовенства, кстати слѣдуетъ упомянуть и о томъ содержаніи, какое получали вдовы священниковъ.

Мы уже упомянули, что для пропитанія сиротъ часто приходъ оставлялся за вдовой и ея дѣтьми; она обязана была лишь подыскать викарія до той поры, пока ея сынъ не окончитъ ученія, не поступитъ во священники, или дочь не выйдетъ замужъ за учительнаго,—и тогда приходъ передавался имъ. Въ пользу вдовы обыкновенно выдѣлялась и часть прихода, принадлежавшая ея мужу [3]), причемъ она изъ своей части должна была вы-

---

[1]) Ар. К.-Печ. Лавры, д. № 285.

[2]) Арх. К.-Печ. Лавры, д № 285.

[3]) Когда митрополитъ Арсеній отдѣлилъ въ пользу вдовы Евѳ. Полошковской $^1/_4$ часть прихода (а 2-я четвертая викарію, а $^1/_2$ въ консисторію), то Синодъ по жалобѣ вдовы, велѣлъ отдать ей весь приходъ съ тѣмъ, чтобы она отъ себя держала викарія по договору (Рук. К. С. б. № 427, ук. 1764 г., № 96.

дѣлить долю (большею частью $^1/_3$) для викарія. Въ пользу вдовы шли доходы отъ требъ и роковщины [1]), причемъ она съ своей части должна была платить и всѣ взносы въ каѳедру [2]), пополамъ съ викаріемъ. Въ случаѣ вступленія новаго священника—настоятеля на приходъ, вдовѣ все таки выдѣлялся доходъ, по 10 коп. съ каждаго двора и по 5 к. съ бездворной хаты [3]). Кромѣ того, ей же принадлежало право и свѣчной продажи, печенія просфоръ, приготовленія и продажи кануннаго меду [4]). Это право на пользованіе доходами съ прихода давалось только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вдова сохранила свое вдовство. Если же она не сохраняла его въ чистотѣ или выходила замужъ, то теряла право на доходы, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишалась права продавать свѣчи; въ такомъ случаѣ доходы могли еще поступать въ пользу сиротъ, но опять таки подъ условіемъ: сыну давались доходы, въ случаѣ его пребыванія въ академіи и успѣшныхъ занятій, а дочери—до выхода ея замужъ и подъ условіемъ сохраненія дѣвства [5]).

XI.

Отмѣтимъ теперь тѣ ограниченія, какія духовенство встрѣчало въ пользованіи разными доходными статьями.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что матеріально-экономическаго положенія духовенства мы будемъ касаться еще въ VIII-й главѣ.

Кіевское духовенство въ своихъ пунктахъ рисуетъ густыми красками свое печальное матеріально-экономическое положеніе (п. 3, 4, 5, 6, 7, 15 и др.). Если даже допустить, что духовенство слишкомъ преувеличивало густоту красокъ, все таки нужно согласиться съ тѣмъ, что положеніе его было слишкомъ затруднительно. При томъ незначительномъ количествѣ каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ средствъ содержанія, какое мы указали выше, духовенство было обременено разными повинностями, налогами и поборами, и въ то же время не имѣло никакихъ посторонніхъ источниковъ для улучшенія своего положенія.

---

[1]) А. К. К. 1762 г., № 97, кіев. пост.
[2]) А. К. К. 1763 г., № 94.
[3]) А. К. К. 1769 г., № 390; 1766 г., № 726.
[4]) А. К. К. 1764 г., д. № 19, Кіев. пов.; 1769 г. д. № 390.
[5]) А. К. К. Д. 1762 г., д. № 146.

Такъ, несмотря на существованіе льготныхъ Петровскихъ грамотъ отъ 1721 и 1724 г., по которымъ духовенство было освобождено отъ квартирной повинности, оно все таки несло тягости послѣдней. Это происходило оттого, что малороссійскіе старшины, желая какъ нибудь размѣстить великорусскую армію, а полковые командиры желая поудобнѣе устроиться, не обращали вниманія на царскіе указы и преспокойно располагались въ домахъ беззащитныхъ священнослужителей [1]), и, притомъ, причиняли имъ разныя обиды. Для оправданія своихъ дѣйствій они прибѣгали къ произвольному и софистическому толкованію Петровскихъ указовъ, объясняя запрещеніе постоевъ въ смыслѣ запрещенія ихъ лишь въ собственныхъ домахъ священнослужителей, а такъ какъ, за силой указа 1728 года, многіе изъ послѣднихъ не имѣли своихъ грунтовъ и жили въ наемныхъ домахъ, то командиры находили, что въ этихъ случаяхъ не возбраняется ставить постои [2]).

Далѣе. Не менѣе тяжела была и другая повинность, обложеніе (съ 1765 года) рублевымъ окладомъ подсосѣдковъ, работниковъ, дворовыхъ и иныхъ людей, сидѣвшихъ на земляхъ духовенства. Этимъ окладомъ были обложены не только всѣ хаты, находившіяся внѣ дворовъ священническихъ, какъ то: при огородахъ, гумнахъ, садахъ, сѣнокосахъ, „левадахъ“, пасѣкахъ,—но и построенныя во дворахъ хаты, въ которыхъ жила прислуга, разсыльные при духовномъ правленіи и др. [3]). Вслѣдствіе этого населеніе бросало свои жилища и бѣжало въ Польшу, а оставшееся на мѣстахъ разорялось тѣмъ, что уплачивало повинности и за себя, и за сошедшихъ съ земель односельцевъ [4]). Неуплата же повинностей въ срокъ навлекала на селеніе экзекуціи, при чемъ не было рѣдкостію и то, что войты, управители и подданные, безъ разбора заключались въ остроги вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, а село должно было содержать на свой счетъ экзекуторскія команды, доставлять имъ кормъ, фуражъ и все прочее.

Этимъ наносился существенный ущербъ хозяйству приходскаго духовенства: сами священники принуждены были уплачивать рублевый окладъ за пустыя хаты собственными деньгами.

---

[1]) А. К. К., 1766 г., д Кіев. пов. № 160; арх. К. Печ. Лав., д № 556.
[2]) Сб. Им. И. О., т. 43, стр. 444.
[3]) Ibidem, стр. 446.
[4]) Ibidem, стр. 445—447.

А такъ какъ рабочіе, обложенные рублевымъ окладомъ по бѣдности разбѣгались по другимъ мѣстамъ и оставляли свои хаты пустыми, то духовенство оставалось и безъ рабочихъ рукъ и лишалось прибыли отъ самой земли, и вынуждалось бросать занятія земледѣліемъ, которое составляло одно изъ главныхъ подспорій въ матеріальномъ обезпеченіи духовенства.

Собственныхъ земель у духовенства было немного: а земли, отведенныя для содержанія священниковъ, дробились между дѣтьми и даже иногда продавались въ другія руки, а между тѣмъ покупка и пріобрѣтеніе новыхъ земель для духовенства указомъ 1728 года 28 августа были запрещены. Если и удавалось кому нибудь изъ духовенства купить землю у казаковъ, то или отбирали ее безденежно или заставляли священниковъ нести войсковую службу наравнѣ съ казаками [1]).

Кромѣ этихъ притѣсненій и лишеній въ экономическомъ отношеніи, были и другія, которыя въ половинѣ XVIII вѣка были явленіями общими и утвержденными закономъ. Такъ, отъ духовенства было отнято, сперва въ 1757 году, а потомъ вторично въ 1761 году гетманомъ Разумовскимъ, право винокуренія, подъ тѣмъ предлогомъ, что винокуреніе чрезмѣрно увеличилось и чрезъ то происходитъ де хлѣбу и лѣсу потребленіе и умаленіе [2]). Правда, это запрещеніе было издано въ видѣ временной мѣры; но оно такъ и осталось навсегда въ XVIII вѣкѣ. А нѣкоторые изъ усердныхъ исполнителей власти, отстаивая право винокуренія лишь за свѣтскими лицами, по справедливому замѣчанію г. Рождественскаго, были даже слишкомъ строги и пристрастны къ духовенству: „сотенные старшины и рядовые казаки обыкновенно дѣлали наѣзды на священническія винокурни съ своими командами, разоряли ихъ, уничтожали по суду и

---

[1]) Сб. И. И. О., т. 43, стр. 437—439. Когда сынъ умершаго священника с. Хилчей Кролевецкой протопопіи, Димитрій Борсуковъ сталъ хлопотать объ опредѣленіи на мѣсто отца, то полковый есаулъ Ѳеодоръ Черпацкій заявилъ протестъ противъ его опредѣленія на приходъ, и указывая на то, что отецъ Борсукова вышелъ изъ казаковъ, доказывалъ, что послѣднему дано было разрѣшеніе гетмана на посвященіе въ свящ. санъ только лично, что это разрѣшеніе не можетъ простираться на потомство Борсукова, а потому и требовалъ, чтобы Дим. Борсуковъ былъ высланъ въ полковую канцелярію Стародубскаго полка для отбыванія казачьей службы. Само собою разумѣется, консисторія не могла исполнить этого требованія, такъ какъ сына священника, не исключеннаго изъ духовнаго званія, не могла признать родомъ казачьяго сословія. (А. К. К., 1771 г., п. 17 авг. № 154).

[2]) Сб. И. И. О., т. 43, стр. 441.

истребляли скотъ, содержимый здѣсь въ большинствѣ случаевъ въ видахъ экономіи". „Дѣйствуя на матеріальную сторону,—продолжаетъ онъ,—они наносили духовенству самый чувствительный ударъ, потому что оно въ большинствѣ случаевъ не имѣло средствъ снова поднять разоренное на ноги" [1].

Что касается разныхъ цеховыхъ, поведерковыхъ и помѣрныхъ сборовъ, которые также служили подспорьемъ въ содержаніи,—то они къ половинѣ XVIII вѣка уже почти совсѣмъ прекратились: указомъ 1754 и 1755 г. запрещенъ сборъ индукта и звекта (сборъ съ продуктовъ Малороссіи) и поведерковый сборъ. Цеховой сборъ прекращенъ былъ самими цеховиками, которые сочли наиболѣе выгоднымъ употреблять этотъ сборъ въ свою пользу: они брали изъ своей кружки, хранившейся при церкви, деньги заимообразно, но потомъ не возвращали: это для нихъ, какъ распорядителей, сходило съ рукъ [2].

Такимъ образомъ, экономическое положеніе духовенства въ половинѣ XVIII вѣка было въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. „Священническіе грунты,—какъ замѣчаютъ кіевскіе пункты,—перевелись, такъ что назначаемые на приходы священники за неимѣніемъ ни церковныхъ, ни въ ругу опредѣленныхъ къ поселенію, домовъ земель, а купли за запрещеніемъ, такъ бѣдственно многіе жили, что не токмо для прокормленія своего гдѣ хлѣба пахать, но и собственной избы къ прожитью своему гдѣ построить, вовся не имѣютъ; но, затѣмъ, принуждены бываютъ по наемнымъ чужимъ домамъ скитаться и всякія невыгоды и нужды, вмѣстѣ съ хозяйствами проживая претерпѣвать" [3].

Бывало и такъ, что прихожане не отдавали священнику всего положеннаго по контракту. Такъ, напр., священникъ с. Воронково Пирятинской протопопіи Іоаннъ Плѣновскій не получалъ руги, не имѣлъ жилого помѣщенія и двора, не получалъ и другихъ доходовъ по контракту и принужденъ былъ зарабатывать вмѣстѣ съ женою хлѣбъ у мужикомъ—серпомъ [4].

Наконецъ, духовенство было обременено и разными епархіальными сборами. Послѣдніе были окладными и неокладными, а въ общемъ были очень значительны.

Между окладными сборами первое мѣсто занимали сборы солодовые, мировые и столовые. Солодовые взимались по 1/4 коп.,

---

[1]) „Самуилъ Миславскій", стр. 79—80.
[2]) Сб. И. И. О., т. 43, § 16.
[3]) Ibidem, 437—438.
[4]) А. К. К. 1766 г., № 331.

мировые по ½ коп., а столовые по 2 коп. съ каждаго приходскаго двора [1]). Съ бездворной хаты, т. е. съ хаты бобыля безъ поля взималась половина этого. Затѣмъ, со времени митрополита Рафаила Заборовскаго взимался сборъ на канцелярію консисторіи, по ½ коп. съ каждаго двора и по ¼ коп. съ бездворной хаты. На свой счетъ духовенство содержало и духовныя правленія, для чего вносило по 1—3 коп. съ двора.

Съ 1768 года былъ введенъ новый сборъ на постройку новаго зданія консисторіи [2]) и разныя другія нужды. Постройка и поправка зданія академіи, проѣздъ какого либо сановника, отправка депутатовъ въ Комиссію Уложенія и др. вызывали особые, чрезвычайные окладные сборы, которые тяжелымъ бременемъ ложились на духовенство. Даже самая доставка всѣхъ сборовъ въ митрополичью каѳедру и казну была обложена особымъ окладомъ [3]). Затѣмъ, разныя поѣздки по дѣламъ протопоповъ, намѣстниковъ, делегатовъ консисторіи и всякихъ служилыхъ людей оплачивались особой пошлиной, которая взималась съ подчиненнаго духовенства.

Къ неокладнымъ сборамъ принадлежали тѣ, которые взимались при посвященіи въ священный санъ,—постихарные, епитрахильные и ставленническіе налоги, общая сумма которыхъ при посвященіи во священника доходила до 15 рублей.

Само правительство обратило, наконецъ, вниманіе на эти налоги и отмѣнило нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ, были отмѣнены епитрахильные и постихарные сборы; оставленъ былъ только сборъ съ поставляемыхъ въ священный санъ или церковный причтъ, а именно: съ дьячковъ и пономарей по 1 руб., а съ діаконовъ и священниковъ по 2 руб. [4]).

Впрочемъ, и послѣ этого въ Кіевской епархіи сверхъ указанныхъ 2 руб., при рукоположеніи (до 1778 г.) взыскивалось съ каждой души мужскаго пола по 5 коп. и по стольку же кондиціальныхъ и пошлинныхъ денегъ [5]).

Неудивительно, поэтому, что многіе изъ священниковъ оказывались неоплатными должниками и отказывались давать сборы. Такихъ недоимокъ такъ много накопилось за священниками къ 70 годамъ, что и митрополитъ Арсеній и особенно его пре-

---

[1]) Р. Д. С. П. 1862 г., № 27, стр. 309.
[2]) К. Е. В. 1862 г., стр. 20—22.
[3]) Знамен. „Приход. дух.“ 563 стр.
[4]) П. С. З. Р. И., т. 12, № 12.379.
[5]) Указ. кон. 1778 г., № 6.

емникъ, митрополитъ Гавріилъ вынуждены были даже принять противъ этихъ священниковъ строгія мѣры: первый взыскивалъ пеню за несвоевременный взносъ, взимая въ двойномъ размѣрѣ, а послѣдній отрѣшалъ неисправно вносившихъ отъ приходовъ, лишалъ доходовъ, а у намѣстниковъ, за которыми числились недоимки, отнималъ намѣстническія грамоты [1]). Но наложеніе пени (въ двойномъ размѣрѣ) не было дѣйствительной мѣрой, а лишь увеличивало долгъ, лежавшій на духовенствѣ и усугубляло его тяжелое положеніе.

Нѣкоторые изъ священниковъ, желая избѣжать большихъ налоговъ, прибѣгали къ хитростямъ и невѣрно обозначали количество дворовъ въ приходѣ—въ исповѣдныхъ. Такъ, напр., по исповѣднымъ Глуховской протопопіи въ с. Княжичахъ значилось 32 двора, и въ селѣ Кочергахъ 32 двора, между тѣмъ, по выпискамъ съ ревизскихъ книгъ изъ сотенныхъ канцелярій въ с. Княжичахъ оказалось 79, а въ Кочергахъ 46 дворовъ, хатъ владѣльческихъ 72 и казачьихъ 7. Такія неточности и пропуски особенно встрѣчались въ презентахъ и въ прошеніяхъ о руко положеніи ставленниковъ, о постройкѣ церквей и т. п., и въ другихъ случаяхъ, когда былъ интересъ скрыть наличное число дворовъ, чтобы тѣмъ меньше уплатить взносовъ.

Противъ этого принималъ мѣры митрополитъ Арсеній, а равно и преемникъ его Гавріилъ [2]), требуя, чтобы непремѣнно показывалось все наличное число дворовъ и чтобы счетъ дворамъ производился однообразно, по 4 души мужескаго пола на каждый дворъ.

Кромѣ этихъ сборовъ, былъ еще сборъ на богадѣльни. По штатамъ 1764 года были заведены по всѣмъ епархіямъ богадѣльни; въ Кіевской епархіи, какъ епархіи 1-го класса, на содержаніе богадѣленъ отпускалось по 50 руб., а жалованье каждому по 5 руб. Этотъ сборъ лежалъ также на духовенствѣ.

Не менѣе тяжелымъ бременемъ для духовенства были разные подарки и посулы по судамъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. „Кормленіе отъ дѣлъ, по словамъ проф. Знаменскаго, оставалось обычнымъ вознагражденіемъ за службу всѣхъ чиновныхъ и служилыхъ лицъ и въ XVIII столѣтіи, какъ въ старину, развѣ только въ немного слабѣйшей степени“ [3]).

---

[1]) Указ. кон. 1771 г., № 101; А. К. К. 1767 г, № 453—458: 489.

[2]) Указ. кон. 1771 года, № 52, 1778 г., ук. № 927.

[3]) „Приход. дух.“, 578.

Это вполнѣ приложимо и къ Кіевской консисторіи, къ кіевскимъ духовнымъ правленіямъ. При подачѣ всякаго прошенія и апелляціи взималась пошлина въ пользу консисторскихъ чиновниковъ, которая съ теченіемъ времени все больше увеличивалась [1]). Да и всякій вообще приходъ духовнаго лица въ каѳедру по какому нибудь дѣлу сопровождался множествомъ расходовъ на поклоны. Консисторія всегда могла найти у протопопа какую нибудь неисправность во взносѣ сборовъ или при подачѣ книгъ и задержать его. За все это приходилось расплачиваться подарками и поклонами. Нѣкоторые, даже богатые протопопы, попавши подъ такое дѣло, послѣ нѣсколькихъ хожденій слезно умоляли консисторію отпустить ихъ „ради крайняго обнищанія и убожества", потому что „такое произвожденіе слѣдовати будетъ имъ въ немалую волокиту и въ большое затрудненіе" [2]).

Поборы преслѣдовали духовенство и на низшихъ ступеняхъ духовной администраціи. Протопопы и намѣстники, сами расплачивавшіеся съ консисторіей, старались какъ бы наверстать свое и нерѣдко пристрастно относились къ подчиненному имъ духовенству, съ цѣлію получить подарки. Многія неправильныя дѣла духовенства открывались именно изъ-за того, что не былъ удовлетворенъ протопопъ или намѣстникъ.

Матеріальное положеніе приходскаго духовенства стало улучшаться лишь съ 80-хъ годовъ, когда были прекращены многіе сборы, произведенъ надѣлъ церквей землями и обращено было вниманіе на освобожденіе духовенства отъ притѣсненій и вымагательствъ съ разныхъ сторонъ [3]).

XII.

Соціальное положеніе приходскаго духовенства въ XVIII в. было тяжелымъ. Во многихъ случаяхъ духовенство не пользовалось уваженіемъ окружающихъ его лицъ. Уже со времени вступленія на приходъ, священникъ оказывался зависимымъ и подневольнымъ. Эта зависимость была, прежде всего, матеріальная: священники и другіе члены причта вынуждены были больше отправлять службы изъ-за вознагражденія, чѣмъ по долгу священника: самая нужда заставляла дѣлать это. Духовенство, въ

---

[1]) Такъ, напр., при митрополитѣ Гавріилѣ при подачѣ прошенія взималось по 3 руб., а при подачѣ апелляцій—по 6 рублей.

[2]) К. Е. В. 1862 г., стр. 517—518. Кіев. консисторія въ XVIII вѣкѣ.

[3]) „Сам. Мисл." стр. 120 и 166.

лицѣ лучшихъ своихъ представителей, сознавало, что оно несетъ великую и отвѣтственную службу предъ Богомъ и людьми, и въ этомъ отношеніи оно ставило себя наравнѣ съ шляхетствомъ, которое пользовалось всякими правами и привиллегіями. Но въ то же время оно со скорбью видѣло, что далеко ему до равенства со шляхетствомъ: служба его вмѣнялась ни во что, духовенство считалось неспособнымъ къ службѣ, „пуще мужиковъ и пуще самыхъ раскольниковъ“ [1]).

Мало этого, многіе изъ духовенства оказывались въ униженіи и терпѣли тяжелыя оскорбленія со стороны своихъ же прихожанъ,—владѣльцевъ и сотниковъ. Одни изъ господъ насильно, по своему произволу, заставляли священниковъ спѣшить со службою, другіе заставляли ихъ ожидать съ началомъ службы до той поры, пока имъ самимъ не заблагоразсудится пойти въ церковь, причемъ священники иногда до полудня не начинали литургіи. Въ случаѣ священникъ не послушалъ бы ихъ, господа искали всякаго предлога, чтобы отомстить священнику. Нѣкоторые изъ господъ доходили до того, что запирали церкви своими замками, отбирали ключи у священниковъ и не допускали послѣднихъ къ совершенію службы. Иные прямо отрѣшали священниковъ отъ приходовъ [2]). Свѣтскіе и военные начальники дѣлали наѣзды на церковныя земли, причиняли уронъ хозяйству духовенства.

Духовенству тяжело приходилось и въ томъ случаѣ, когда оно думало защищать себя какимъ нибудь закономъ: считая духовенство малоспособнымъ къ пониманію разныхъ тонкостей указа, „власть имущіе“ считали себя въ правѣ вкривь и вкось толковать указы и законы правительства и приневоливать къ таковому же пониманію и духовенство. Такъ, когда духовенство, сознавая несправедливость постановки въ ихъ дворахъ солдатъ и ссылаясь на указъ 1728 г., просило объ освобожденіи отъ постоя войскъ,—свѣтскіе командиры отвѣчали, что этимъ указомъ велѣно освобождать отъ постоевъ лишь собственные дома священнослужителей, а нанятые послѣдними дворы не могутъ де быть освобождены отъ постоевъ [3]). Явно тенденціозное толкованіе, такъ какъ указомъ 1728 г. священникамъ было запрещено пріобрѣтать всякіе грунты, земли, маетности и дома, а потому, оче-

---

[1]) Сб. Им. И. Об., т. 43, стр. 436.

[2]) Ibidem, 450. А. К. К. 1762, д. № 168.

[3]) Ibidem, стр. 444, п. 6.

видно, могла идти рѣчь объ освобожденіи отъ постоевъ именно нанятыхъ домовъ и помѣщеній, а не собственныхъ, которыхъ по закону какъ бы не должно было существовать у духовенства.

Отъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ не отставали и другіе, напр. владѣльцы,—люди, у которыхъ духовенство по неволѣ находилось въ зависимости (матеріальной) и должно было заискивать. Произвольно разширяя указъ о прекращеніи сборовъ за вѣнечныя памяти до полнаго освобожденія отъ всякихъ формальныхъ предбрачныхъ предосторожностей, свѣтскіе господа нагло принуждали священниковъ вѣнчать „безправочно", и заставляли совершать браки, вводя однихъ священниковъ въ обманъ, а другихъ продерзостно насилуя вѣнчать безсквитно" [2]).

Для иллюстраціи указаннаго положенія духовенства приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, войсковой товарищъ Николай Лѣсницкій напалъ на священника Ивана Сычавця, при слѣдованіи его чрезъ Шишацкую Греблю (Миргород. полка), бранилъ его, безчестилъ и схватилъ за волосы, всталъ съ лошади и ударилъ о землю, поднялъ одежду его и, въ заключеніе всего, высѣкъ плетьми [2]).

Нѣкоторые изъ владѣльцевъ врывались даже въ церковь во время совершенія богослуженія, прекращали насиліемъ совершеніе обряда и богослуженія, тутъ же били священника, проливали даже кровь въ церкви. Такъ, атаманъ с. Тростянки Борзенской протопопіи, Авдикъ, ворвался съ сообщниками одинъ разъ въ алтарь, священника, который потреблялъ Дары, вытащилъ за волосы вмѣстѣ съ чашей, пролилъ св. Кровь изъ чаши, въ которой казаки обмарали руки, затѣмъ, избилъ священника до крови, плевалъ на священника, сорвалъ съ него священническія облаченія, вытащилъ изъ церкви и взялъ подъ караулъ. Казаки же при этомъ произвели большой безпорядокъ и безчиніе въ церкви; иконы свалили, поломали ставники [3]).

Помѣщики отрѣшали священниковъ отъ прихода. Такъ, владѣлица с. Короваевки, жена войскового товарища Марковича, удалила отъ церкви священника Демьяна Яковлева и воспретила ему служеніе [4]). Обозный Іеремія и подкоморій Иванъ Родзянко съ прихожанами не допускали священника Луку Мартоса къ церкви, и даже запечатали церковь [5]). Сынъ бунчуковаго то-

---

[1]) Ibidem, стр. 463.

[2]) „Истор. матер." Андріев. вып. 2. стр. 47—48.

[3]) Ук, кн. 1767 г., № 76; тоже ук. кн. 1769 г., № 10

[4]) А. К. К. 1767 г., № 529 и 225.

[5]) А. К. К. 1767 г., № 2420.

варица, Семенъ Васильевичъ Савичъ билъ дьячка, не дозволялъ совершать погребеніе и др. требы, священниковъ же онъ считалъ своими послѣдними слугами: съ своимъ священникомъ онъ продѣлалъ слѣдующее: 15 августа онъ пригласилъ къ себѣ священника на хуторъ, взялъ его лошадей, напалъ, затѣмъ, на него съ 30 мужиками, сорвалъ съ него одежду, разулъ его, велѣлъ отвести на конюшню, повалилъ на землю, билъ его по шеѣ и щекамъ, по плечамъ, толкалъ его въ грудь; избилъ онъ, при этомъ, и дьячка, потомъ давалъ имъ вещи (ленты и матеріи), а затѣмъ, посылалъ въ погоню лошадей [1]). Факты—очень знаменательные, напоминающіе подобныя же явленія, имѣвшія мѣсто въ Польшѣ и Польской Украинѣ; но тамъ были, по крайней мѣрѣ, преслѣдованія со стороны враговъ православія и православнаго духовенства,—польскихъ магнатовъ и оффиціаловъ: здѣсь же гонителями и притѣснителями духовенства были русскіе же господа,—мѣстныя власти и владѣльцы.

Отъ послѣднихъ не отставали казаки и крестьяне. Вотъ примѣры: священники Запорожской волости, с. Камянскаго, Власій и Даміанъ были изгнаны изъ коша Запорожскаго [2]).

Крестьяне владѣнія Кіево-Софійскаго монастыря, с. Бѣлгородки ограбили имущество священника Симеона Левитскаго [3]). Казакъ Мошенскій, Ѳедоръ Зарѣцкій завладѣлъ грунтами священника Ѳедора Засядки (Мошенской церкви Гадячской протопопіи [4]); староста с. Гуховки Нѣжинской протопопіи отобралъ у священника ругу [5]). Особенно много насилій и бѣдъ пришлось потерпѣть духовенству отъ казаковъ въ Запорожской Сѣчи и отъ гайдамакъ. На это жаловался священникъ, жившій въ Запорожской волости, въ с. Ромашковѣ, указывая, что казаки, приходя въ его домъ мѣшали ему даже приготовиться къ службѣ [6]).

Но особенно унизительно къ духовенству относились разныя власти, когда дѣло касалось вызова въ судъ или въ другое присутственное мѣсто. Въ такихъ случаяхъ свѣтскія власти,

---

[1]) А. К. К. 1796 г., № 2, Лубен. пов., донес. отъ 15 янв. 1768 г.: подобное же изгнаніе и въ с. Оржицѣ Прилук. полка, гдѣ былъ изгнанъ Шипевскій (А. К. К. 1769 г., № 418).

[2]) А. К. К. 1762 г., № 153.

[3]) А. Ю. З. Р. т. III, ч. 3, стр. 738

[4]) А. К. К 1767 г., № 915.

[5]) А. К. К. 1763 г., № 120.

[6]) А. К. К. 1762 г., № 2806. Подобныя же жалобы и въ другихъ дѣлахъ, напр. 1769 г. д. № 391. Также А. Ю. З. Р. т. III, ч. 3, стр. 740.

представители войсковаго, сотеннаго, полкового и гродскаго суда забирали духовныхъ лицъ подъ арестъ, безъ всякаго сношенія съ митрополитомъ и духовными властями. На это жаловался и объ этомъ доносилъ митрополитъ Арсеній и Св. Синоду [1]).—До чего доходило грубое отношеніе къ духовенству, видно изъ того, что, по доношенію митрополита Арсенія, Малороссійская Коллегія, требовавшая отъ духовенства составленія вѣдомостей, угрожала даже забрать подъ арестъ тѣхъ священниковъ, которые своевременно не представятъ вѣдомостей.

Затѣмъ, свѣтскія власти относились къ духовенству очень пристрастно,—напр., при распредѣленіи по квартирамъ солдатъ и др. лицъ, пользовавшихся квартирами. Такъ, при назначеніи для обхода особыхъ ночныхъ десятниковъ (въ виду бывшихъ особенно часто пожаровъ на Подолѣ въ Кіевѣ), между прочимъ, къ разночинцамъ были причислены и священники и причетники съ своими дворами, и обязаны были выставлять особыхъ обходныхъ десятниковъ. Это требованіе для духовенства было особенно обиднымъ и обременительнымъ и тяжелымъ потому, что требовалъ этого магистратъ, который не имѣлъ прямой власти надъ ними, а самое духовенство, отвлекаемое разными требами, не могло аккуратно выставлять обходныхъ [2]). Духовенство Кіево-Подольской протопопіи было обременено и постоями [3]). Многіе другіе священники также были обременены постоями и поборами, на что жаловалось духовенство и въ Комиссію Уложенія.

Въ домахъ священниковъ располагались солдаты, по назначенію властей, для постоя и наносили и прямо и косвенно ущербъ хозяйству духовенства [4]). Но мало того, что духовенство было незаконно обременено налогами, постоями и т. д. Духовенство при всемъ своемъ положеніи не могло найти и правды и защиты въ судѣ и у свѣтской власти. Такъ, напр., одинъ житель Преорки, Василій Староселецкій съ товарищами причинилъ обиды священнику Павлу Жуковскому; послѣдній подалъ жалобу въ магистратъ, но магистратъ очень долго не давалъ никакого удовлетворенія просьбѣ священника [5]).

Послѣ сказаннаго невольно является вопросъ: чѣмъ же обусловлено такое тяжелое соціальное положеніе? Вопросъ этотъ

---

[1]) А. К. К. 1769 г., указн. кн., № 53.
[2]) А. К. К. 1766 г., д. 8 мая.
[3]) А. К. К. 1766 г. д. 23 мая. Также 1766 г., № 444.
[4]) Ар. Кіево-Печерской Лавры д., № 556.
[5]) А. К. К. 1767 г., № 1374.

тѣмъ умѣстнѣе, что намъ извѣстно то, какимъ значеніемъ пользовалось духовенство во время гетманскихъ выборовъ.

Безъ сомнѣнія, одной изъ причинъ приниженнаго положенія духовенства было измѣненіе самаго строя Малороссіи, которая къ половинѣ XVIII вѣка совсѣмъ уже теряла свой старинный казачій духъ и характеръ. Въ эпоху самостоятельнаго существованія Малороссіи духовенство играло очень важную роль, прежде всего, какъ особое сословіе, равное съ шляхетскимъ. Извѣстно, что избраніе малороссійскаго гетмана происходило, если не съ благословенія, то при сильномъ вліяніи Кіевскаго митрополита. И сами гетманы поэтому стояли въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту,—если, конечно, послѣдній былъ ихъ сторонникомъ. Въ такомъ случаѣ они находили въ лицѣ главы духовенства очень дѣятельнаго и вліятельнаго помощника.

Это же отношеніе митрополитовъ и гетмановъ отражалось и на отношеніи народа къ приходскому духовенству. Послѣднее являлось выразителемъ отношеній митрополита къ гетманамъ и пользовалось поэтому большимъ уваженіемъ народа.

Со времени же подчиненія Малороссіи Московскому государству, вліяніе митрополита, естественно, должно было падать. Этому способствовало, во 1-хъ, прекращеніе выборовъ малороссійскаго гетмана, въ которыхъ принималъ участіе и митрополитъ а во 2-хъ, прекращеніе выборовъ и самого митрополита, такъ какъ, со времени учрежденія Св. Синода, правительство намѣтило себѣ цѣлью сгладить малороссійскія особенности и, между прочимъ, ограничить право свободнаго избранія высшихъ представителей и въ церковной іерархіи. Вслѣдствіе этого именно и назначеніе митрополитовъ и епископовъ, а съ 1765 года даже архимандритовъ первоклассныхъ монастырей перешло въ вѣдѣніе Св. Синода. Но малороссіяне стали недовѣрчиво относиться къ этимъ присылаемымъ при синодальныхъ указахъ, лицамъ,—не малороссіянамъ, и то же недовѣріе переносили и на низшее духовенство. Такъ и падало уваженіе народа къ духовенству; послѣднее теряло свое вліяніе и все ниже и ниже падало въ глазахъ народа.

Немало содѣйствовало упадку уваженія къ духовенству и матеріальная зависимость духовенства отъ владѣльцевъ и прихожанъ, вынуждавшая его къ ласкательству, угодничеству, по-

корности предъ сильными міра господами, владѣльцами; наконецъ, недостатки нравственной жизни и умственнаго развитія духовенства.

XIII.

Обращаясь къ нравственной жизни приходскаго духовенства, невольно приходимъ въ смущеніе отъ множества недостатковъ въ этой жизни. Надо, впрочемъ, помнить, что, какъ и всегда бываетъ въ жизни, наружу выходитъ и является больше порокъ и недостатокъ, чѣмъ добродѣтель, которая всегда славна своею скромностью.

Въ приложеніи къ приходскому духовенству нужно помнить, что о состояніи нравственной жизни духовенства приходится судить почти исключительно на основаніи того матеріала, который носитъ оффиціальный характеръ, на основаніи документовъ консисторіи. А эти дѣла, по самому характеру консисторіи, какъ судебнаго учрежденія, безъ сомнѣнія, могутъ больше отражать въ себѣ тѣ или другіе пороки и недостатки духовенства, чѣмъ указывать на его достоинства.

Затѣмъ, считаемъ необходимымъ добавить и то, что не одно духовенство Кіевской епархіи, но и другія сословія въ ту пору и въ Малороссіи, и въ другихъ мѣстахъ представляли немало пороковъ и недостатковъ. Продажничество и взяточничество служилаго сословія, развратъ и пьянство помѣщиковъ, невѣжество народа, воровство, бунты, крестьянскія волненія, бѣгство, бродяжничество были явленіями общими въ Россіи въ половинѣ XVIII в.

Духовенство въ этомъ отношеніи было не хуже другихъ. Притомъ, многіе недостатки нравственной жизни духовенства, напр., пьянство, вымагательства, увлеченіе и куплей и продажей и другими матеріальными заботами, въ ущербъ высшимъ духовнымъ стремленіямъ, самое бродяжничество вызывались тяжелыми условіями матеріальнаго и соціальнаго быта духовенства. Вспомнимъ только про бѣдность, необезпеченность приходскаго священника, его зависимость во всемъ отъ прихожанъ, помѣщика, сотника, и мы отчасти поймемъ, почему такъ много было недостатковъ въ нравственной жизни духовенства.

Состояніе нравственности жизни приходскаго духовенства въ половинѣ XVIII вѣка напоминаетъ такое же состояніе монашества Кіевской митрополіи въ то же время. Многіе нравственные недостатки были общими и въ бѣломъ и въ черномъ духо-

венствѣ. Да это и понятно; какъ въ монастыри, главнымъ образомъ, поступали люди, искавшіе свободной и легкой, привольной жизни, такъ и приходское духовенство пополнялось, главнымъ образомъ, лицами, искавшими не дѣятельности на нивѣ Христовой, на пользу паствы, но одного „хлѣба“: приходъ для нихъ былъ важенъ и нуженъ, какъ средство матеріальнаго обезпеченія для нихъ и ихъ семьи. Мы уже упоминали, кто были кандидатами и искателями священства: сюда стремилось и поступало большое число всякихъ разночинцевъ,—крестьянъ, казаковъ, которымъ служба при церкви казалась очень прибыльной и выгодной и въ то же время легкой. Многіе изъ крестьянъ и казаковъ, не разсчитывавшіе на полученіе священства въ каѳедрѣ, отъ митрополита, старались добиться лишь посвященія въ священный санъ, чтобы выступить кандидатами на приходскія мѣста, для чего и отправлялись за границу, гдѣ легко можно было за небольшую сумму денегъ получить посвященіе у какого либо греческаго или волошскаго епископа. Получивъ же посвященіе, они возвращались обратно, отправлялись въ каѳедру и просили концесса на пріисканіе прихода.

Понятно, что всѣ такіе священники не могли быть истинными пастырями стада Христова. Они больше радѣли о томъ, какъ бы повыгоднѣе занять приходъ, чтобы лучше обезпечить свое положеніе. О какихъ нибудь чисто нравственныхъ мотивахъ при исканіи прихода у этихъ лицъ напрасно было бы спрашивать. Правда, на допросѣ въ консисторіи кандидаты священства, въ томъ числѣ и вышедшіе изъ за границы,—показывали, что они ищутъ прихода не ради прибытка или матеріальныхъ выгодъ; но, на самомъ дѣлѣ, ихъ жизнь и поведеніе свидѣтельствуетъ, что матеріальные разсчеты были у нихъ на первомъ планѣ. Такъ, многіе изъ священниковъ, по вступленіи на приходъ, допускали поборы и вымагательства. Отъ этого не спасали прихожанъ даже контракты, заключенные съ священникомъ. Несмотря на данные обязательства не чинить „здиръ“, священники часто вымагали у прихожанъ за вѣнечныя памяти, за вѣнчаніе, за погребеніе и за сорокоусты. На вымагательства священниковъ при бракѣ жаловался полковникъ Кулябка [1]) и писалъ объ этомъ же князю Румянцеву [2]). Казаки жаловались на вымагательства при бракѣ и погребеніи со стороны священника Бор-

[1]) А. К. К. 1764 г., по реес. № 260—261.
[2]) А. К. К. 1765 г., д. № 218.

заковскаго [1]). Вымагали священники отъ своихъ же духовныхъ. Такъ, Ирятинскій протопопъ, Илья Максимовичъ, вымагалъ у вдовы священника за погребеніе мужа и велѣлъ викарію выправить у нея 2 рубля изъ ея доходовъ [2]).

Въ способахъ и средствахъ вымаганія духовенство не разбирало. Упомянутый сейчасъ протопопъ поручалъ викарію удержать часть доходовъ вдовы; другіе лишали прихожанъ исповѣди, пріобщенія Св. Таинъ, отъ чего многіе и умирали безъ исповѣди и причастія [3]). Въ случаѣ несостоятельности и нищеты прихожанина, послѣдній съ женою своею принужденъ былъ остаться въ службѣ въ батракахъ у священника на годъ или болѣе, или отдать свой грунтъ, отъ чего народъ приходилъ въ разореніе, а многіе лишались и брака [4]). Нѣкоторые же прихожане доходили до того, что предпочитали, во избѣжаніе „здирствъ“, сами погребать умершихъ [5]). Прихожане жаловались на „здирства“, но священники продолжали ихъ, не смотря на данныя подписки не дѣлать.

Другіе священники пускались въ разнаго рода предпріятія, нисколько не мирившіяся съ духомъ и характеромъ пастырскаго служенія и имѣвшія одну цѣль—увеличеніе матеріальныхъ средствъ или прибытковъ, допускали разные поступки, предосудительные и для міряпина, какъ то: лихоимство, обманъ и тяжбы, и споры между собою и т. д.

„Иной священникъ,—говоритъ одинъ современникъ о духовенствѣ 2-й полов. XVIII вѣка,—доходы отъ парохіанъ вымогаетъ и съ ними ссорится, за то входитъ, въ рушеніе указа 1743 года декабря 26, изъ Правительствующаго Синода состоявшагося, въ неприличное его званію пріобрѣтеніе, какъ то: въ занмодавство съ лихвой, въ купечество, въ промыслы, въ поручительство, въ подряды, въ опекуны, въ винокуренія, въ шинкованіе, въ подлое ремесло, не только не брегучи, но и упускаючи или жъ сякъ такъ отправляючи свое званіе и самъ не обучаясь и парохіанъ не наставляя добродѣтели, учившися примѣромъ подлеца и грубіянина“ [6]).

---

[1]) А. К. К. 1759 г., д., № 11 пов. Нѣж.

[2]) А. К. К. 1769 г., д., № 15.

[3]) А. К. К. 1759 г., д. № 11.

[4]) Кіев. Стар. 1891 г., т. 35, стр. 493.

[5]) А. К. К. 1759 г., д. № 11.

[6]) К. Е. В. 1874 г., стр. 673—674. Вотъ примѣръ для иллюстраціи. Священникъ Моисей Лучинскій тайно производилъ и продавалъ вино. (А. К. К. 1768 г. № 30).

Одни изъ священниковъ старались скрыть наличное число приходскихъ дворовъ [1]), чтобы меньше вносить въ каѳедральную казну денегъ, утаивали самыя деньги [2]); другіе готовы были за плату дать кому угодно свидѣтельство [3]) о смерти кого либо и т. д.

Многіе же, не довольствуясь своими парохіями совсѣмъ оставляли ихъ, переходили съ мѣста на мѣсто, уходили за границу и, потомъ, снова возвращались въ Кіевскую епархію, нанимались въ викарные къ другимъ священникамъ для совершенія требъ. Это были *бродячіе* священники, которые, переходили съ мѣста на мѣсто, вели разгульную жизнь и тѣмъ самымъ соблазняли и другихъ къ бродяжничеству и къ той же безшабашной жизни. Нѣкоторые же даже ходили къ раскольникамъ и служили у нихъ по старопечатнымъ книгамъ [4]).

Это бродяжничество поповъ было далеко нерѣдкимъ явленіемъ въ половинѣ XVIII вѣка (какъ и бродяжничество монаховъ), и обусловливалось, съ одной стороны, свободолюбивымъ духомъ малороссійскаго духовенства, не прикрѣпленнаго къ опредѣленному мѣсту какими нибудь строгими законами, а съ другой—обѣднѣніемъ приходовъ, о чемъ митрополитъ Арсеній даже вынужденъ былъ доносить Св. Синоду. Число бродячихъ лицъ среди духовенства, впрочемъ, увеличивалось еще послѣ разборовъ духовенства Множество лицъ духовнаго званія, спасаясь отъ народной переписи во время ревизіи, отправлялось бродить по всей Россіи, не имѣя ни законныхъ видовъ, ни опредѣленныхъ занятій. Были и еще причины этого явленія, между которыми 1-е мѣсто занимаетъ невѣжество тогдашняго духовенства, чѣмъ и обусловливался низкій уровень нравственности въ этой средѣ: „разбои, бунты, корчемства и прочее суть ихъ обыкновенныя преступленія“—говоритъ о тогдашнихъ духовныхъ К. Н. Щербатовъ [5]).

Пространствовавъ по разнымъ мѣстамъ, священники еще ниже опускались въ нравственномъ отношеніи и являлись, потомъ, при церквахъ въ качествѣ викаріевъ, только увеличивали пролетаріатъ духовенства, съ самими печальными свойствами и

---

[1]) А. К. К. 1762 г., д. № 118.

[2]) А. К. К. 1767 г., № 24. Объ этомъ писалъ гр. Румянцевъ. Такъ свящ. Ляшовскій, Лука Шукевичъ утаилъ деньги за бракъ и половину другихъ доходовъ, собранныхъ въ отсутствіе другого священника (А. К. К. 1768 г., № 2).

[3]) А. К. К. 1766 г., д. № 197 (о фальш. свидѣт.)

[4]) А. К. К, 1763 г., 396 (Яковлевъ Аѳанасій.).

[5]) Чт. об. люб. д. просв. 1875 г., окт. 271.

качествами, вызывая больше нареканій на все духовенство: изъ за какого нибудь куска хлѣба они совершенно отрекались отъ всѣхъ обязанностей пастырскаго служенія, имѣя въ виду одну цѣль—какъ нибудь добыть себѣ „пропитаніе“. Эти священники нисколько обыкновенно не стѣснялись разными формальностями и порядками и дѣйствовали по личному произволу, напр., вѣнчая кого угодно и когда угодно; никакими формальностями, никакими обязательными предосторожностями они не считали себя связанными. Такъ, напр., выпедшій изъ Волошской земли въ 1766 г., священникъ Іоаннъ Максимовъ обвѣнчалъ иностранца Іосифа съ Евдокіей Макаровой при живомъ мужѣ. Онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, но былъ освобожденъ отъ епитиміи въ виду того, что еще „указныхъ злѣшнихъ порядковъ и никакихъ обхожденій тогда не обучился“ [1]).

Впрочемъ, даже цѣлый институтъ викарныхъ самъ по себѣ уже составлялъ пятно на духовенствѣ Кіевской митрополіи. Всѣ викарные священники совершенно справедливо названы м. Гавріиломъ Кременецкимъ *наемниками*. Они не имѣли никакихъ правъ пастыря, а должны были во всемъ подчиняться настоятелю или,—что еще хуже,—какой нибудь вдовѣ, „наслѣдницѣ прихода“, исполнять безпрекословно волю того или другой; ни о какихъ мѣрахъ личнаго нравственнаго воздѣйствія на пасомыхъ не могло быть и рѣчи. Нерѣдко, впрочемъ, бывали случаи, что викарные вступали въ борьбу съ своими „господами“ настоятелями и настоятельницами, нарушали данныя обязательства, выходили изъ всякаго повиновенія и захватывали приходы въ свою пользу [2]). Но и здѣсь не видно, чтобы это дѣлалось съ благими цѣлями, для блага прихода. Въ большинствѣ же случаевъ такіе захваты порождали еще худшее зло: борьбу, ссору, тяжбы одного священника съ другимъ.

Священники—настоятели также нерѣдко были не лучше викарныхъ: они обсчитывали своихъ сослужителей въ доходахъ притѣсняли ихъ, какъ будто вовсе не хотѣли признать въ ихъ лицѣ братьевъ и сослужителей,—нанимали и распоряжались ими какъ своими слугами, самовольно изгоняли ихъ изъ приходовъ.

Въ отношеніи къ низшимъ членамъ причта, дьячкамъ и причетникамъ, еще меньше можно было видѣть у священниковъ

---

[1]) А. К. К. 1772 г., № 479, постанов. кон.
[2]) А. К. К. 1760 г., № 129 д. Нѣжин. пов.

уваженія къ личности человѣка; они пользовались ими и ихъ услугами для своихъ частныхъ поѣздокъ, для хозяйственныхъ работъ и т. д.

Между равноправными членами причта также очень часто бывали дрязги, споры, взаимныя обиды, доносы. Половинные священники затѣвали между собою споры изъ-за доходовъ, врывались одни на половину или часть другого, затѣвали ссоры, драки, нерѣдко въ самомъ храмѣ Божіемъ, нанося другъ другу кровопролитія [1]); обвиняли другъ друга въ разныхъ преступленіяхъ, подавали доносы, пасквили, [2]) жалобы „на свои команды", т. е. на ближайшихъ начальниковъ [3]). На споры и тяжбы священниковъ, жившихъ въ одномъ и томъ же приходѣ, на споры половинныхъ настоятелей между собою указывало само духовенство въ своихъ пунктахъ [4]).

Нѣкоторые, въ случаѣ вражды и ненависти, прибѣгали къ покушеніямъ на отраву или убійство. Такъ, напр. Глуховской протопопіи, с. Сварковъ, діаконъ Симеонъ Клеониковъ, въ 1766 году 30 іюля, по злобѣ на отца Лукіяна Васильева, положилъ въ приготовленное для служенія вино ядъ; отецъ Васильевъ самъ не служилъ, а вмѣсто него служилъ 2-й священникъ, Петръ Кончиновичъ, который пріобщился Св. Таинъ и послѣ пріобщенія тотчасъ заболѣлъ; самъ же діаконъ подъ предлогомъ неподготовки не пріобщался, чаша же вся позеленѣла „отъ трутизны" [5]).

Въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ причту, священники и др. члены причта проявляли такую же вражду, ссоры, своеволіе, дикое самоправство. Такъ, армейскій протопопъ Іоаннъ Богаевскій билъ казака, стоявшаго на карауллѣ, также вознаго сотника Голванскаго и полкового городничаго, Никифора Ковалевскаго; когда, затѣмъ, были присланы возные для оцѣнки его имущества, онъ велѣлъ викарному прочитать по заамвонной молитвѣ проклятіе на всякаго, кто бы рѣшился оцѣнивать и продавать его имущества. Кромѣ того, тотъ же Богаевскій велѣлъ своему викарію читать разныя оскорбительныя

[1]) А. К. К. 1758 г., № 102.

[2]) А. К. К. 1769 г., № 40.

[3]) Противъ доносовъ былъ даже изданъ особый указъ консисторіи 1759 г., 23 іюня, но, какъ и другіе, онъ былъ безсильнымъ прекратить или уничтожить ало.

[4]) Сб. И. И. О, т. 43, п. 50, стр. 526.

[5]) А. К. К. указ. кн. 1769 г., № 41. Подобное дѣло А. К. К. 1769 г., № 40

письма относительно вдовы Базилевской, которой онъ не отдавалъ денегъ по долговой запискѣ [1]). Другой священникъ с. Бѣлки Конотопской протопопіи, Михаилъ Иллѣнскій, при чтеніи въ церкви атаманомъ Василіемъ Шпачкой указа о прекращеніи взносовъ за *вѣнечныя памяти* и запрещеніи всякихъ вымагательствъ, сталъ бранить атамана разными непотребными словами, велѣлъ дьячку и пономарю вывести Шпачку изъ церкви, и потомъ, самъ, оставивъ раздачу антидора, ударилъ атамана кулакомъ и сталъ бѣгать за нимъ по церкви [2]). Протопопъ Верхне-Кіевскій Іосифъ Княжнѣцкій выбилъ зубы ктитору Ивану Ярощевскому [3]).

Въ отношеніи къ церкви и богослуженію священники допускали очень много своеволія, упущеній, небрежности и нерадѣнія о самыхъ священныхъ предметахъ. Такъ, Трипольскій протопопъ Іоаннъ Велѣчковскій явился въ церковь с. Нещерова (владѣнія сотн. Павла Гудимы) для осмотра церкви, ругалъ при этомъ въ церкви же священника и Гудима, чернилъ иконы въ церкви и алтарѣ, якобы неискусно написанныя, потомъ заперъ церковь и взялъ ключи съ собой; между тѣмъ раньше тотъ же протопопъ хвалилъ живопись [4]).

При небрежности священниковъ, запасные Дары и св. миро хранились небрежно въ неблагообразномъ видѣ, частицы Св. Даровъ были то велики и неудобны для принятія больными, то припалены; на антиминсѣ оставались несобранными всѣ частицы, которыя и превращались въ пыль; св. миро теряло свое благоуханіе отъ небрежнаго храненія [5]).

Въ церковномъ богослуженіи духовенство допускало поспѣшность, неблагоговѣніе, небрежность. Иной священникъ на половинѣ прерывалъ обрядъ богослуженія, чтобы дать распоряженіе по хозяйству, повести посторонній разсказъ, побранить, выместить за провинность, и даже не доканчивалъ обряда [6]).

Для нѣкоторыхъ какъ будто вовсе не существовало церковныхъ каноновъ или обычаевъ; они совершали службу вопреки этимъ канонамъ, по произволу, какъ угодно, не различая литур-

---

[1]) А. К. К. 1765 г., № 40.
[2]) Сбор. пис. къ М. Ар. 1766 г., № 1; 1766 г., № 21.
[3]) А. К. К. 1768 г., № 53. Также под. 1759 г., № 949.
[4]) А. К. К. 1759 г., № 135.
[5]) А. К. К. 1769 г., № 40; 1764 г., № 416 и др.
[6]) Рук. для сельскихъ пастырей 1864 г., т. II, стр. 250.

гіи Василія Великаго отъ литургіи Іоанна Златоустаго, дней поста—отъ обыкновенныхъ дней, служили почти всѣ службы въ одной епитрахили, не исключая даже пасхальной заутрени и службъ во всю свѣтлую седьмицу: къ службѣ Божіей приступали безъ всякаго приготовленія, нерѣдко въ пьяномъ видѣ [1]).

Многіе священники въ высокоторжественные дни не отправляли указныхъ бдѣній и молебновъ или панихидъ, или по отлучкѣ изъ дому, или по забвенію и пьянству [2]). Такихъ, въ виду особеннаго взгляда на этотъ проступокъ, придававшаго ему значеніе государственнаго преступленія, сейчасъ требовали къ допросу въ консисторію [3]).

Бывали также случаи, что церковь вовсе оставалась безъ службы, вслѣдствіе разгула или пьянства священника [4]), а прихожане оставались безъ таинствъ, безъ исповѣди и безъ погребенія [5]), а дѣти безъ крещенія такъ и умирали. Нѣкоторые даже касались церковнаго имущества, присвавали его [6]).

Въ отношеніи къ другимъ служебнымъ обязанностямъ священники позволяли себѣ такой же произволъ, не признавая никакихъ обычаевъ и законовъ, особенно въ брачныхъ дѣлахъ. Особенно со времени прекращенія выдачи изъ духовныхъ правленій разрѣшеній на вступленіе въ бракъ (въ 1765 г.), священники допускали очень много злоупотребленій,—„своеволій и безчиній“ въ брачныхъ дѣлахъ. Многіе изъ нихъ вѣнчали „своихъ и чужихъ приходовъ и иныхъ епархій за единымъ востребованіемъ, безъ всякаго разсмотрѣнія и опыта, не чиня самаго узаконеннаго церковнаго извѣщенія“; иные „презирали и явныя препятствія и рѣшали сумнительства по мнѣнію своему“ [7]). Такъ, священникъ с. Позняковъ Іоаннъ Чжелевскій обвѣнчалъ безъ всякаго вида порутчика Пономарева [8]); другой священникъ совершилъ вѣнчаніе въ простой избѣ [9]). Бывали случаи повѣнчанія и малолѣтнихъ [10]); нѣкоторые же священники вѣнчали при живой

---

[1]) А. К. К. ук., кн. 1767 г., № 66.

[2]) А. К. К. 1767 г.. № 1295.

[3]) Ibidem, 1764 г., Д. № 105. Также 1766 г., № 1262.

[4]) А. К. К. 1769 г., постан. № 40.

[5]) А. К. К. 1759 г., д. 24 авг. Таков. свящ. с. Далины. Триполь. протопопіи; д. 1759 г., № 11 Нѣжин. пов.

[6]) А. К. К. 1766 г., № 126; 1763 г., № 134.

[7]) Сб. Им. Ист. Об., т. 43, стр. 463.

[8]) А. К. К. 1769 г., № 696.

[9]) А. К. К. 1767 г., № 437.

[10]) А. К. К., ук. кн. 1778 г., № 64, ук. кн. 1782 г., № 32.

женѣ. Такъ, Глуховскій протопопъ, Василій Бразулевичъ, повѣнчалъ со 2-ю женою Екатериною, при жизни 1-й жены Анны Семеновой [1]). Опять таки одинъ житель дер. Процева (Кіево-Печерской Лавры) Алексѣй Безсмертный былъ повѣнчанъ 4-мъ бракомъ [2]).

Весьма возможно, что, совершая незаконные браки, священники были вводимы въ обманъ или заблужденіе, но, безъ сомнѣнія, виновато и духовенство, ибо оно не соблюдало, очевидно, всѣхъ предбрачныхъ законныхъ требованій и предосторожностей. О томъ, что виноваты были священники, достаточно говоритъ то, что были, напр., повѣнчаны малолѣтніе (9—10 лѣтъ): развѣ здѣсь могъ быть обманъ?

Такое же, какъ при бракѣ, своеволіе допускалось и совершалось священниками при исполненіи другихъ служебныхъ обязанностей.

Въ частной жизни духовенства также много недостатковъ нравственнаго характера: обманъ или ложь [3]), нарушеніе постовъ, развратъ [4]), кощунство [5]), даже волшебство или чародѣяніе. Такъ, напр., священникъ с. Бабичъ (Лубен. протопопіи) Андрей Козминъ далъ казаку Клименту какое то зѣлье, какъ залогъ его правоты въ судебныхъ дѣлахъ, „волшебства на бумагѣ саморучно выписывалъ и по онымъ уповательно дѣйствовалъ“ [6]) и т. д. Этотъ священникъ представляетъ собою ужасный образецъ нравственнаго паденія духовенства Кіевской епархіи: думается, такихъ было немного; а потому мы и не будемъ приводить его жизни и подвиговъ.

Но особенно главнымъ порокомъ духовенства въ частной жизни было пьянство. По замѣчанію князя Щербатова, пьянство было особенно развито между бродячими попами, дьячками и др., къ чему располагала самая бурлацкая, бродячая жизнь. Впрочемъ пьянство, было распространено не только между бродячими членами духовенства, но и вообще, во всей средѣ бѣлаго духовенства, которое какъ бы спорило въ этомъ отношеніи съ чернымъ духовенствомъ. Такъ, священникъ Сорочинской прото-

---

[1]) А. К. К. 1766 г., пост. кон. 24 марта, № 148.

[2]) А. К. К. 1766 г., № 159.

[3]) Особенно часто священники утаивали количество приходскихъ дворовъ и церковныхъ доходовъ; нерѣдко выдавали подложные документы. (А. К. К., 1767 г., № 24; 1766 г., д. № 1973, 1767 г., ук. № 1542).

[4]) А. К. К. 1759 г., д. Кіев. у. 24 авг.

[5]) А. К. К. 1761 г., № 102.

[6]) А. К. К. 1769 г., № 40.

попіи м. Голтвы предавался пьянству, отъ чего получилъ „трясучую болѣзнь въ рукахъ“ (подагру), а также падучую болѣзнь, дерзнулъ даже совершать литургію въ пьяномъ видѣ, и не разъ валялся пьянымъ [1]); за это онъ былъ опредѣленъ на дьячковское мѣсто.

Въ виду этого порока и для прекращенія его, м. Арсеній сталъ прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ. По указу духовной консисторіи 1762 года, 26 сентября, велѣно было священниковъ и діаконовъ, замѣченныхъ въ пьянствѣ вызывать въ духовное правленіе, увѣщевать ихъ, дѣлать строгія замѣчанія и выговоры и отбирать подписки о прекращеніи пьянства. При этомъ внушалось, что въ случаѣ продолженія пьянства, они будутъ отлучены отъ приходовъ и отправлены въ монастыри на работы [2]). Въ случаѣ неисправленія, виновныхъ даже заключали въ духовныя правленія или въ консисторіи, въ холодной избѣ на цѣпь. Такъ, былъ заключенъ діаконъ Кіево-Подольской Успенской церкви Симеонъ Самойловъ [3]).

И другіе пороки и недостатки нравственной жизни духовенства также обращали на себя вниманіе митрополита Арсенія, который и издавалъ соотвѣтствующія распоряженія. Такъ, онъ, хотя и выдавалъ грамоты выходцамъ изъ-за границы для пріисканія приходскихъ мѣстъ, но дѣлалъ это только изъ снисхожденія и человѣколюбія. Въ то же время онъ требовалъ, чтобы непремѣнно всѣ священники, получившіе концессы, были на учетѣ епархіальнаго начальства, чтобы они не шлялись, не бродили съ мѣста на мѣсто. Онъ же запрещалъ духовенству всякія вымагательства платы за требы и велѣлъ послать указы, чтобы священники довольствовались добровольными подаяніями [4]). Особенно часты были случаи вымагательствъ послѣ изданія высочайшаго указа о таксѣ за требы (1765 г.). Такса, опредѣленная указомъ императрицы, была крайне низкой и обидной для духовенства. Поэтому послѣднее и прибѣгало къ вымагательствамъ. Но митрополитъ опять повторилъ свой указъ о прекращеніи всякихъ вымагательствъ [5]).

---

[1]) А. К. К. 1767 г., указ. кн. № 66.
[2]) А. К. К. 1768 г., пов. Кіев. № 88.
[3]) Ibidem.
[4]) А. К. К. 1764 г., ук. № 260—261.
[5]) Ibidem, 1766, ук. № 1966.

За нарушенія церковныхъ правилъ и каноновъ, уклоненія отъ правительственныхъ и церковныхъ распоряженій митрополитъ наказывалъ виновныхъ то цѣпью, то поклонами, то запрещеніемъ въ служеніи, то ссылкою въ монастырь. Враждующимъ и спорящимъ другъ съ другомъ членамъ причта м. Арсеній внушалъ примириться и жить въ кротости, любви и согласіи.

Охраняя чистоту нравственной жизни духовенства, онъ старался устранять самые поводы къ соблазнамъ ко грѣху,—запрещалъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ держать при себѣ женщинъ, кромѣ самыхъ близкихъ,—матери, сестры и дочери.

Однако было бы несправедливостью думать, что нравственная жизнь духовенства представляла собою одну печальную картину пороковъ и недостатковъ. Въ жизни духовенства было достаточно чертъ и привлекательныхъ. Одна изъ такихъ чертъ проповѣдническая дѣятельность пастырей.

Митрополитъ Арсеній обратилъ вниманіе на эту сторону пастырской дѣятельности и своими распоряженіями старался оживить ее и пробудить въ средѣ духовенства ревность къ проповѣди. Были, правда, люди, которые оставались глухими къ этимъ распоряженіямъ. Но были и такіе, которые, откликнувшись на призывъ митрополита, усердно трудились въ проповѣданіи Слова Божія. При этомъ ревность ихъ не ограничивалась тѣмъ однимъ приходомъ, гдѣ они служили, а распространялась и на другіе приходы. Митрополитъ Арсеній, съ своей стороны, поощрялъ такихъ священниковъ и давалъ имъ благословеніе на проповѣданіе и въ сосѣднихъ церквахъ—въ храмовые дни и другіе торжественные и праздничные дни.

Другіе были самоотверженными пастырями, шли для исповѣди къ самымъ труднымъ больнымъ и несли они слово утѣшенія; съ благоговѣніемъ совершали богослуженіе и церковныя требы; старались жить въ мирѣ съ другими, особенно ближайшими сотрудниками: въ отношеніи къ дьячкамъ, пономарямъ проявлялась священная трогательная простота, патріархальность. Священники принимали участіе въ бѣдствіяхъ и горѣ народа, ласковымъ словомъ, простою бесѣдою привлекали къ себѣ сердца своимъ парафіянъ. Самое иго тяжелой зависимости отъ помѣщиковъ, которое лежало на плечахъ народа, духовенство своимъ теплымъ участіемъ, своими словами утѣшенія смягчали и облегчали.

XIV.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію распоряженій митрополита Арсенія относительно просвѣщенія духовенства, образованія его дѣтей, укажемъ на тѣ мѣропріятія высшей церковной власти, которыя изданы были въ теченіе первой половины XVIII в.

Мы указали выше (въ этой же главѣ), какія требованія относительно образованія кандидатовъ во священники заключались въ Духовномъ Регламентѣ. Указали отчасти и на нѣкоторые указы Св. Синода, изданные въ позднѣйшее время. Послѣдніе имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ то основное требованіе Духовнаго Регламента, чтобы во священники поставлялись епископами люди учительные, и не ставились не ученые.

Въ соотвѣтствіе съ синодальными указами, еще Варлаамъ Ванатовичъ издалъ распоряженіе, чтобы духовенство, послѣ научения дѣтей грамотѣ, отдавало ихъ въ латинскія школы [1]).

Въ царствованіе Анны Іоанновны изданъ былъ цѣлый рядъ синодальныхъ указовъ о повышеніи образовательнаго ценза для духовенства и обязательности для послѣдняго отдавать своихъ дѣтей въ школы [2]).

Рафаилъ Заборовскій съ своей стороны издавалъ распоряженія въ томъ же духѣ, внушая духовенству, т. е. священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ не держать у себя дѣтей дома безъ науки, подъ угрозой неполученія приходскихъ мѣстъ, а высылать ихъ въ Кіевъ, въ Коллегію для обученія [3]). Особенно требованіе высылать дѣтей въ Коллегію касалось протопоповъ и священниковъ [4]). Обучавшимся въ академіи дѣтямъ духовенства строго запрещалось оставлять академію, ученіе въ ней до срока, прежде времени [5]).

Въ 1741 году Рафаилъ Заборовскій велѣлъ всѣмъ духовнымъ властямъ составить вѣдомости о всѣхъ дѣтяхъ мужескаго пола у духовенства, о лѣтахъ ихъ, о томъ, чему они обучаются, и подъ угрозой штрафа велѣлъ всѣмъ священникамъ и діако-

---

[1]) „Акт. и докум.“, проф. Н. И. Петрова т. I, ч. 1, стр. 64.

[2]) П. С. З. Р. И., т. VIII, № 5882, 6066, 6267, „Акт. и док.“ т. 1 ч. 1, стр. 74, 83 и др.

[3]) „Акт. и док.“, т. I, ч. I, стр. 74.

[4]) Ibidem, стр. 76.

[5]) Ibidem, стр. 79.

намъ высылать дѣтей школьнаго возраста въ академію для обученія [1]).

Въ 1744 году, вслѣдствіе послѣдовавшаго синодальнаго указа, онъ издалъ распоряженіе, чтобы всѣ дѣти священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей, изучившіе русскую грамоту и уже исполнявшіе при храмахъ дьячковскую и пономарскую службу, немедленно были высланы въ академію для обученія, чтобы дома не оставались и не бродили безъ школьнаго обученія [2]).

За невысылку дѣтей опредѣлялся штрафъ (2 р. съ протопопа, 1½ въ мѣсяцъ съ священника, 1 р. съ діакона и 50 к. съ дьячка и пономаря). Такъ какъ учительнымъ кандидатамъ предоставлялись всякія льготы при полученіи приходскихъ мѣстъ, то многіе изъ учившихся въ академіи оставляли самое ученіе, выходили изъ школъ, и просили себѣ приходскихъ мѣстъ.

Но прихожане, минуя учительныхъ, сами представляли своихъ кандидатовъ, неучительныхъ. Тогда Рафаилъ Заборовскій просилъ у Синода наставленія, какъ ему быть съ прихожанами и самими учительными кандидатами. Св. Синодъ въ 1745 г. предписалъ Заборовскому посвящать учительныхъ кандидатовъ, если только они будутъ признаны достойными и безъ презентъ прихожанскихъ и старшинскихъ, по одобрительнымъ отзывамъ ректора и учителей; неучительныхъ—допустилъ посвящать въ видѣ исключенія, когда не окажется достойныхъ кандидатовъ изъ учительныхъ, и когда о нихъ будутъ ходатайствовать не протопопы или намѣстники, а старшины или владѣльцы съ прихожанами [3]).

Преемникъ Заборовскаго, Тимоѳей Щербацкій, съ своей стороны, также издалъ распоряженіе, въ основу котораго вошли требованія Духовнаго Регламента и сейчасъ приведенный указъ Св. Синода (26 ноября 1745 г.). Онъ требовалъ, чтобы священники отдавали своихъ дѣтей въ академію для обученія до богословія включительно, и такимъ обѣщалъ, по достиженіи указныхъ лѣтъ, вакантные приходы; если бы кто не сталъ отдавать дѣтей для обученія въ академіи или, отдавши, взять изъ академіи до окончанія полнаго курса, такимъ грозилъ отказомъ въ назначеніи на приходскія священническія мѣста, исключая мѣсть викарія или діакона, но и то подъ условіемъ архіерейскаго усмо-

[1]) Ibidem, 87—88.
[2]) Ibidem, 92.
[3]) Ibidem, стр. 96—97.

трѣнія. Съ другой стороны, м. Тимоѳей запретилъ священникамъ и выдавать своихъ дочерей замужъ за людей неучительныхъ и, потомъ, ходатайствовать о посвященіи этихъ зятьевъ на ихъ мѣста; желавшимъ передать свои приходы за дочерями митрополитъ предлагалъ выдавать замужъ за обучавшихся въ богословіи или, въ крайнемъ случаѣ, въ философіи и получившихъ одобрительные отзывы о поведеніи и ученіи [1]).

Такія распоряженія и мѣропріятія были изданы относительно обученія дѣтей духовенства въ 1-й половинѣ XVIII вѣка, до митрополита Арсенія.

Когда митрополитъ Арсеній вступилъ на каѳедру, образованіе духовенства находилось въ прежнемъ положеніи. Священники, діаконы и церковно-служители дѣтей своихъ неохотно отдавали въ академію для ученія; отданныхъ дѣтей отбирали изъ академіи, не давая имъ возможности окончить школу богословія. Между тѣмъ по прежнему духовенство обращалось съ просьбами о посвященіи своихъ сыновей во священники къ приходскимъ церквамъ. По донесенію ректора Давида Нашинскаго, въ августѣ 1760 года числилось 353 души дѣтей духовенства; въ 1760—1761 учеб. году въ академіи изъ 995 учащихся было 385 дѣтей священниковъ, 13—дѣтей діаконскихъ, 16—дьячковскихъ и 6 пономарскихъ, всего 420 душъ [2]), т. е. немного болѣе 42%. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ числѣ духовныхъ, навѣрное, были и дѣти духовенства другихъ епархій.

Когда было представлено митрополиту Арсенію объ указанномъ выше отношеніи духовенства къ обученію своихъ дѣтей, то онъ велѣлъ консисторіи „послать указы въ силѣ прежнихъ о томъ предложеній“.

Консисторія 10 августа 1759 года и опредѣлила: 1) протопопамъ произвести перепись всѣхъ дѣтей мужескаго пола у священниковъ, діаконовъ и „дѣйствительныхъ,—буди гдѣ имѣются, дьячковъ и пономарей“, съ обозначеніемъ, сколько имъ лѣтъ и гдѣ они обучаются или обучались; 2) всѣхъ дѣтей въ возрастѣ 10—15 лѣтъ, способныхъ къ ученію, въ сентябрѣ высылать для обученія въ академію, и впредь всѣмъ протопопамъ и духовнымъ начальникамъ наблюдать за исполненіемъ этого указа всѣмъ духовенствомъ, а за неисполненіе подвергать штрафу на-

---

[1]) Акт. и док., проф. Н. И. Петрова т. II, отд. II стр. 145.
[2]) А. К. К. 1761 г., дон., 24 февр., № 283.

основаніи синодальныхъ указовъ. Это опредѣленіе было утверждено митрополитомъ Арсеніемъ [1]).

Въ 1760 году послѣдовалъ вторичный указъ по этому предмету; при этомъ было велѣно собрать справки о тѣхъ, кто изъ духовенства не выслалъ своихъ дѣтей въ академію, и о причинахъ невысылки, и въ случаѣ не окажется уважительныхъ причинъ (болѣзни или чего небудь подобнаго) наложить штрафъ за каждый пропущенный мѣсяцъ и собранныя деньги прислать въ каѳедру; своевременно не выславшимъ дѣтей въ академію по уважительной причинѣ внушалось также высылать ихъ, послѣ устраненія „благословныхъ“ причинъ, подъ опасеніемъ двойного штрафа за неисполненіе этого [2]).

Такъ какъ многіе изъ духовенства, представивъ дѣтей въ академію, затѣмъ, отбирали ихъ до окончанія школъ, то митрополитъ Арсеній утвердилъ опредѣленіе консисторіи о томъ, чтобы никто изъ студентовъ не оставлялъ ученія до окончанія курса въ академіи, чтобы священники, съ своей стороны, не выдавали дочери своей замужъ за неокончившихъ богословія или, по меньшей мѣрѣ, философіи, въ противномъ случаѣ, не окончившимъ ученія угрожало лишеніе права на полученіе „знатныхъ парохій“, а священникамъ и діаконамъ, желавшимъ уступить приходы зятьямъ, угрожало лишеніе ихъ приходскихъ мѣстъ [3]). Эти указы были подтверждены, на основаніи резолюціи митрополита Арсенія, особымъ указомъ консисторіи въ 1765 г. 18 іюля, когда было велѣно всѣмъ протопопамъ и другимъ лицамъ, выдающимъ вѣнечные квиты, строго наблюдать, чтобы никто изъ духовенства не выдавалъ замужъ дочерей и не женилъ своихъ сыновей, если они не окончатъ ученія въ академіи, въ школахъ богословіи или философіи [4]).

Указанныя мѣропріятія митрополита Арсенія находили полное оправданіе въ томъ, что отъ неокончившихъ ученія въ академіи мало можно было ожидать пользы для церкви, „ибо они отъ своего ученія, яко не совершеннаго ими, мало трудятся о должностяхъ учительскихъ свойственныхъ“ [5]). Такіе, по взгляду митрополита Арсенія, особенно были непригодны къ проповѣдническому дѣлу.

---

[1]) Акт. и док. проф. Н. И. Петрова т. II, отд. II, стр. 322.
[2]) Ibidem, стр. 323.
[3]) Ibidem, стр. 375 и 362.
[4]) Акт. и док., т. III, отд. II, стр. 323—324.
[5]) Ibidem, т. II, отд. II, стр. 374.

Въ тѣхъ же видахъ и цѣляхъ митрополитъ Арсеній запрещалъ отпускать учащихся изъ академіи до окончанія учебнаго года, т. е. до половины м. іюля [1]).

Митрополитъ Арсеній не ограничивался одними предписаніями и угрозами, но и, дѣйствительно, подвергалъ штрафу нарушителей изданныхъ и приведенныхъ сейчасъ указовъ. Кто не обучался въ академіи и являлся за посвященіемъ, митрополитъ Арсеній штрафовалъ 3—20 руб. въ пользу академіи [2]). Тѣхъ же, которые оставляли ученіе въ академіи и являлись въ каѳедру, митрополитъ Арсеній штрафовалъ именно тѣмъ, что заставлялъ ихъ непремѣнно окончить обученіе въ академіи, и лишь послѣ этого выдавалъ имъ приходскія мѣста.

Въ объясненіе того, почему духовенство такъ холодно и равнодушно относилось къ дѣлу образованія своихъ дѣтей, къ подготовкѣ ихъ къ пастырскому служенію, нужно сказать слѣдующее. Во 1-хъ, кіевское духовенство въ первой половинѣ XVIII в. само было мало развито и поэтому не могло сознавать всей пользы и значенія образованности и просвѣщенія въ латинскихъ школахъ, а считало достаточнымъ научить дѣтей грамотѣ въ приходскихъ школахъ.

Обыкновенно сыновья считались наслѣдниками прихода, и отцы ихъ обыкновенно отдавали ихъ въ науку бакалярамъ—дьячкамъ, подъ руководствомъ которыхъ они сначала обучались грамотѣ, часослову и псалтыри, а потомъ, практически подготовлялись къ изученію церковной службы. И это считалось достаточнымъ и выгоднымъ, тѣмъ болѣе, что, оставаясь дома, сыновья помогали своимъ родителямъ въ веденіи хозяйства. Эта подготовка была для тѣхъ, кто готовился занять отцовскій приходъ. Другія же, меньшія дѣти, обыкновенно не разсчитывали на это и готовились къ занятію ремеслами и чѣмъ нибудь другимъ. Поэтому для нихъ, по мнѣнію духовенства, еще меньше было нужды въ образованіи.

Во 2-хъ, самое обученіе въ академіи, которая носила латинскій характеръ, мало привлекало къ себѣ вниманія со стороны духовенства, такъ какъ мало подготовляло къ дѣятельности въ той средѣ, въ которой жило и дѣйствовало духовенство. „Латинское ученіе не находило себѣ сочувствія въ средѣ

---

[1]) А. К. К. 1760 г., указ. № 2948.

[2]) Такъ Андрей Иллѣнецкій, уплатилъ 20 руб. штрафныхъ, а Леонтій Березовскій 3 руб. (А. К. К. 1760 г., 22 марта; 1765 г., постанов. консисторіи 25. марта).

духовенства и туго прививалось въ нему. Одни изъ священниковъ женили своихъ сыновей, чтобы отвлечь ихъ отъ школы, другіе скрывали ихъ у себя. Если и поступали въ училище, то не заботились объ окончаніи въ ней курса и часто убѣгали" [1]).

Вотъ тѣ причины, по которымъ духовенство такъ равнодушно относилось къ образованію своихъ дѣтей.

Но митрополитъ Арсеній не могъ мириться съ этимъ равнодушіемъ. Онъ, какъ ревнитель образованности духовенства, какъ, ревностный дѣятель-архипастырь о просвѣщеніи своей паствы, не могъ ограничиваться тѣмъ, что видѣлъ, и настойчиво требовалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, чтобы духовенство было болѣе подготовлено къ пастырской проповѣднической, просвѣтительной дѣятельности; онъ настаивалъ, чтобы духовенство отдавало своихъ дѣтей въ академію для обученія.

Требованія и старанія митрополита не оставались безуспѣшными. Если при вступленіи митрополита Арсенія въ академію считалось дѣтей духовенства всего 42% съ небольшимъ, то съ теченіемъ времени число учащихся дѣтей духовенства увеличивалось: въ $176^5/_{66}$ учебномъ году въ числѣ 1150 учащихся было 516 [2]) дѣтей духовенства, т. е. 45%, а въ $176^7/_{68}$ учебномъ году изъ 1034—523 [3]) дѣтей духовенства, т. е. 50%.

Если же увеличивалось общее число учащихся дѣтей духовенства, то чрезъ это увеличивалось и общее число образованныхъ священниковъ. Само кіевское духовенство въ 1767 году писало въ своихъ пунктахъ, что священники, обучавшіеся въ академіи, „почти по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и по другимъ знатнымъ мѣстамъ при храмахъ приходскихъ трудятся по мѣрѣ званія своего". Конечно, общее количество учительныхъ священниковъ (о діаконахъ и дьячкахъ и не говоримъ) всетаки не могло быть значительнымъ, а составляло, быть можетъ около $^1/_2$ всего числа приходскихъ священниковъ. Вѣдь, далеко не всѣ учившіеся въ академіи поступали во священники; многіе уходили въ другія высшія учебныя заведенія, поступали на службу въ свѣтскія канцеляріи, иные уходили въ другія епархіи.

---

[1]) Рук. для сельскихъ пастырей 1880 г., т. II, 372.
[2]) А. К. К., д. 20 февраля 1766 г., № 175.
[3]) Ibidem, донес. въ Св. Синодъ отъ 1 февраля.

ГЛАВА VII.

Школы Кіевской епархіи. Академія.

Приходскія школы Кіевская академія и отношенія къ ней м. Арсенія Назначеніе и выборъ учителей. Выборы ректоровъ академіи. Дѣло Д. Нащинскаго съ учителями. Заботы м. Арсенія о преподаваніи въ академіи новыхъ предметовъ, новыхъ и древнихъ языковъ. Составленіе новой инструкціи для академіи. Содержаніе, характеръ и значеніе инструкціи 1764 г. Характеръ академическаго преподаванія въ половинѣ XVIII в. Проекты о реформѣ Кіевской академіи, представленные (въ 1763—1768 г.) Разумовскимъ и малороссійскимъ шляхетствомъ. Ходатайство г. губернатора Глѣбова объ академіи. Матеріальное положеніе академіи и хозяйственная часть ея. Матеріальный бытъ учениковъ и учителей. Постройка бурсы и починка академическихъ зданій. Порученія, возлагавшіяся м. Арсеніемъ на учителей академіи. Замѣчаніе о числѣ учащихся въ академіи.

I.

Депутаты малороссійскаго шляхетства въ своей запискѣ о состояніи Малороссіи въ 1767 году писали: „Хотя и есть школы и такъ называемая въ Кіевѣ академія, однако жъ онѣ отнюдь не на тѣхъ правилахъ основаны, каковыя ея Императорскому Величеству угодно подавать къ исправленію народа“ [1]. Отсюда видно, что депутаты различаютъ отъ академіи еще другія школы, которыя такъ же, какъ и первая, не соотвѣтствовали взглядамъ императрицы. Спрашивается: что это были за школы?

Можно думать, что депутаты разумѣютъ здѣсь Харьковскій коллегіумъ и Переяславскую семинарію. Это были послѣ академіи наиболѣе значительныя учебныя заведенія въ Малороссіи. Харьковскій коллегіумъ, какъ мы видѣли въ I главѣ, пользовался такою славою, что даже привлекалъ въ свои стѣны многихъ изъ Кіевской академіи. Говорить объ этихъ школахъ намъ

---

[1]) Записка о усмотрѣнныхъ въ Россіи недостаткахъ..., XII („Малороссія въ 1767 г.“ 145—146)

нѣтъ нужды, такъ какъ онѣ были не въ Кіевской епархіи. Если же поближе вникнуть въ замѣчаніе депутатовъ шляхетскихъ, то не безъ основанія можно предполагать, что депутаты разумѣли подъ другими „школами“ по преимуществу тѣ незначительныя и по объему преподаванія и количеству слушателей школки, которыя были во многихъ приходахъ Кіевской митрополіи и существовали при церквахъ наряду съ церковными „шпиталями“. Къ такому предположенію приходимъ, прочитывая дальнѣйшія слова записки: „равнымъ образомъ къ призрѣнію больныхъ и увѣчныхъ, а иногда и поврежденныхъ въ умѣ, хотя, какъ сказываютъ, и есть больницы, однакожъ оныя только въ названіи, а въ построеніи нигдѣ нѣтъ“. Дѣйствительно, почти при каждой приходской церкви существовалъ „шпиталь“, или госпиталь. Это были небольшіе, въ срубъ устроенные домики, въ которыхъ призрѣвались нѣсколько человѣкъ бѣдняковъ, больныхъ, слѣпыхъ, изувѣченныхъ. Все здѣсь было и крайне просто, незатѣйливо, и скромно. Какихъ либо удобствъ, какого либо опредѣленнаго порядка жизни и способовъ лѣченія не было. Не было здѣсь и опредѣленныхъ средствъ содержанія.

Призрѣваемые и самые „шпитали“ содержались подаяніями добрыхъ людей. Народъ любилъ этихъ призрѣваемыхъ старцевъ, особенно за то, что они иногда помогали при уборкѣ церкви, при той и другой требѣ, и, предлагая угощенія причту, считалъ своимъ долгомъ угостить и „старцівъ“. Самыя зданія „шпиталей“ были часто устроены на земляхъ полковниковъ, владѣльцевъ [1]). Потому и лучшее или худшее положеніе ихъ зависѣло отъ воли владѣльцевъ—фундаторовъ этихъ пріютовъ. Въ виду такого крайне неопредѣленнаго и недостаточнаго положенія „шпиталей“, становится понятнымъ сѣтованіе депутатовъ, что больницы существуютъ почти въ одномъ названіи.

Сопоставленіе же такихъ, дѣйствительно, жалкихъ госпиталей съ малороссійскими школами, можно думать, депутаты дѣлали, имѣя въ виду не менѣе жалкія приходскія школы, существовавшія почти совмѣстно съ первыми. Что это были за школы, видно изъ слѣдующаго.

Въ краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, встрѣчаемыхъ въ архивныхъ документахъ, встрѣчаются такія указанія: „школа

---

[1]) Такъ, Прилуцкій Преображенскій шпиталь былъ устроенъ на землѣ войскового товарища Дмитрія Жуковскаго.

Соборно-Успенская“ [1]), и въ ней псаломщикъ Павелъ Брезинскій: при Глинской Успенской церкви „имѣется школа ветхая, рубленая, къ прожитію дячкамъ годная, съ одною клѣтью,—въ сѣняхъ перегороженною: въ ней живутъ дьячки [2])... Школа при церкви Рождества Пресв. Богородицы,—при школѣ живущіе молодики и школьники: Андрей Проценко—30 лѣтъ, Іосифъ Морозовъ лѣтъ 25: Евѳимій Чичикало лѣтъ 39“ [3]). Эти отрывочныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность составить представленіе о приходскихъ школахъ.

Названіе школъ въ XVIII вѣкѣ, очевидно, присвоено было самому помѣщенію, устроенному при церкви и предназначенному для житья въ немъ дьячка или причетника. Впрочемъ, помѣщенія приходскихъ дьячковъ назывались школами, какъ видно, не безъ основанія. Въ этихъ помѣщеніяхъ, кромѣ причетника и дьячка, жили еще „молодики“ и школьники: это тѣ, которые ходили къ дьячку для науки и, подъ руководствомъ его, изучали то, чѣмъ богатъ былъ самъ дьячокъ: грамоту, молитвы, часословъ и псалтырь.

Справедливо говоритъ проф. Н. И. Петровъ: „церковными школами въ XVIII вѣкѣ назывались на югѣ Россіи помѣщенія церковныхъ дьячковъ, которые, дѣйствительно, и занимались обученіемъ приходскаго юношества“ [4]).

Эти школы, существуя почти при каждой церкви, получали отъ послѣдней свое названіе (школа Ильинская, Успенская, Преображенская, Прилуцкая, Нѣжинская, Покровская и др.). Въ административномъ отношеніи эти школы не были подчинены высшему надзору и руководству: завѣдывалъ ими дьячокъ, считавшійся „дерехторомъ“, онъ былъ въ ней и учитель и начальникъ, и полный хозяинъ. Контроль надъ этими школами принадлежалъ самой громадѣ, или приходской общинѣ, и приходскому священнику. „Эти вертограды первоначальнаго просвѣщенія были собственно дѣломъ прихода,—говоритъ Крыжановскій,—и ни въ административномъ, ни въ учебномъ отношеніи не были подчинены высшему надзору и руководству; контролировали ихъ только священники и громады. Ближайшимъ управителемъ и единственнымъ наставникомъ этой школы былъ приходскій дьячокъ [5]).

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 25; Кіев. повыт.

[2]) Архив. отрывк. для истор. Полтав. еп. А. Лазаревскаго, вып. 1, стр. 65.

[3]) Архив. отрывк. для истор. Полтав. еп. А. Лазаревскаго, вып. 1, стр., 65.

[4]) „Кіев. Рождество—Предтеч. Борисоглѣбская церков. К. 1896 г., стр. 57.

[5]) Руков. для сельскихъ паст. 1864 г., т. III, ст. 232.

Такія приходскія школы, по словамъ Крыжановскаго, существовали во всей Малороссіи, при всѣхъ городскихъ и сельскихъ церквахъ А. М. Лазаревскій приводитъ данныя о количествѣ школъ въ нѣсколькихъ сотняхъ: въ 1747 году въ Конотопской сотнѣ 15 школъ, въ Борзенской 14 и въ Нѣжинскомъ полку 217 [1]).

Эти данныя являются подтвержденіемъ взгляда Крыжановскаго. Ибо, напр. въ Борзенской сотнѣ считалось 12 селъ [2]), и если мы примемъ во вниманіе, что въ Борзнѣ было 2 церкви,—соборная Рождество-Богородичная и Воскресенская [3]), то совпаденіе числа школъ съ количествомъ селъ служитъ доказательствомъ того, что школы были при всѣхъ церквахъ [4]). Также точно и въ Конотопской сотнѣ, состоявшей, кромѣ Конотопа, изъ 10 селеній [5]) числится 15 школъ,—такъ какъ извѣстно, что въ Конотопѣ было 5 церквей (соборная Рождество-Богородичная, Успенская, Георгіевская, Николаевская и Сорокасвятская или Вознесенская [6]). Очевидно, что въ половинѣ XVIII в. школы были при каждой приходской церкви.

Подобныя школы были и при монастыряхъ, причемъ здѣсь обученіе преподавалось послушникамъ.

Спрашивается: чему и какъ учили въ приходскихъ школахъ? Кто былъ слушателемъ въ нихъ?

Обученіе шло въ этихъ школахъ подъ руководствомъ дьячка. Что зналъ самъ дьячокъ, тому онъ училъ и своихъ школяровъ [7]) Вся наука была незатѣйлива и проста, какъ просты были дьячки; но она казалась чѣмъ то особенно труднымъ для школяровъ, да и не безъ основанія: какой нибудь разумной методы въ преподаваніи не было. Все обученіе покоилось на одномъ заучиваніи со словъ учителя слоговъ и складовъ. При всемъ томъ ученіе въ этихъ школахъ носило особый, такъ сказать, церковный характеръ. Контингентъ слушателей дьячка обыкновенно

[1]) „Основа“ 1862 г., май, отд. XV, ст. 87—88.

[2]) „Описаніе Старой Малороссіи“ А. Лазаревскаго т. 2, стр. 135.

[3]) Ibidem, стр. 142.

[4]) Замѣтимъ, что количество церквей протопопіи иногда не совпадало съ количествомъ селъ данной сотни: такъ, Борзенская протопопія имѣла 44 прихода а сотня состояла изъ 12 селъ. Но это не мѣшаетъ дѣлать выводы и заключенія.

[5]) Вотъ эти села: Гутъ, Церевка Поповка, Шаповаловка, Сосновка, Подлинная, Семяновка, Старая, Хижки и Озаричи.

[6]) Ibidem, стр. 211.

[7]) Руков. для сельск. паст. 1864 г., т. III, стр. 241.

былъ не многолюдный: онъ состоялъ большею частью изъ бѣдныхъ и безпріютныхъ сиротъ -мальчиковъ, которые были отдаваемы дьячку народомъ „для препитанія при церкви". Эти сироты у дьячка находили пріютъ, были для него помощниками въ его хозяйственныхъ и домашнихъ работахъ: онъ ими пользовался для разныхъ посылокъ по дому, распоряжался ими въ церкви. Они для него были дороги, особенно въ церкви, какъ своего рода капелла, которой онъ могъ управлять и которая могла выручить его не только въ пѣніи, но и въ чтеніи. Но для того, чтобы отданныя дьячку дѣти могли, дѣйствительно, быть помощниками ему, необходимо было научить эту случайную группу читать, главнымъ образомъ, по славянски и пѣть. Вотъ причины, по которымъ помѣщеніе дьячка обращалось въ школу для обученія случайно попавшихъ къ нему мальчиковъ.

И дьячокъ, дѣйствительно, принимался учить... Училъ дьячокъ, чтобы приготовить себѣ помощниковъ. А потому первою книгою для чтенія былъ букварь или „граматка". По старинному методу изучались всѣ буквы, склады или слоги, а затѣмъ слова и отдѣльныя предложенія,—и все по славянскому шрифту, чтобы, потомъ, легко было читать „часословецъ" и „псалтирь",—эти высшія въ школѣ дьячка курсы его элементарнаго ученія. Кто изучивалъ граматку, тотъ принимался читать часословъ, а потомъ переходилъ къ псалтири. При изученіи часослова прежде всего заучивались утреннія и вечернія молитвы. Кто изучилъ часословъ и псалтырь, тотъ уже считался постигшимъ всю школьную мудрость. Конечно, не легко давалась вся эта наука: много времени проходило надъ изученіемъ ключа къ часолову и псалтири,—граматки, и по многу лѣтъ засиживались въ школѣ у дьячка его ученики. Нѣкоторые такъ привыкали къ жизни въ школѣ, что не хотѣли оставлять ее. Ихъ кругозоръ не простирался дальше кругозора, съ которымъ жилъ дьячокъ. На самую науку они смотрѣли какъ на ремесло, посредствомъ котораго можно самимъ сдѣлаться дьячками.

Итакъ, неудивительно, что въ школахъ жили „молодики", которымъ было 25, 30 и 39 лѣтъ.

„Изъясненіе молитвъ, заповѣдей, символа вѣры, входящихъ въ составъ букваря, богослужебныхъ обрядовъ и церковныхъ пѣснопѣній, положенныхъ въ часословѣ, псалмовъ Давидовыхъ, все это совсѣмъ не входило въ программу обученія въ школѣ",—говоритъ г. Булашевъ [1]). Кромѣ чтенія, школяры пріучались практически къ исполненію разныхъ причетническихъ обязанностей,—при-

[1]) Труд. К. Д. А., 1894 г., окт., стр. 210.

служивали въ церкви, подавали кадило, помогали священнику при облаченіи въ ризы, и особенно помогали дьячку на клиросѣ.

Такимъ образомъ, приходская школа была, строго говоря, причетническою элементарною школою.

Въ этой то школѣ получали первоначальное, а нерѣдко и окончательное образованіе и дѣти приходскаго духовенства. Для многихъ академія была слишкомъ далеко и казалась притомъ чѣмъ то недосягаемымъ. Многіе изъ духовенства и по недостатку средствъ и по недостатку собственнаго развитія не могли воспитывать дѣтей своихъ въ Кіевѣ, въ академіи, и предпочитали отдавать дѣтей своихъ „въ науку“ къ дьячку, такъ какъ видѣли, что наука эта приводитъ, повидимому, хоть и медленно, но прямо къ цѣли,—къ служенію при церкви. Нерѣдко громада избирала изъ школяровъ въ дьячки и даже на вакансію священника. „Сельская церковно-приходская школа, говоритъ Крыжановскій, была первоначальнымъ мѣстомъ образованія для всѣхъ грамотѣевъ XVIII вѣка и для всего духовенства, а для значительнаго большинства сельскаго духовенства долго оставалась исключительнымъ и единственнымъ учебнымъ заведеніемъ“ [1]).

Ученіе въ этихъ школахъ, безъ сомнѣнія, не могло идти успѣшно и вотъ почему: учитель и руководитель школы—дьячокъ самъ не обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, чтобы сообщить ихъ своимъ школярамъ, а самъ онъ смотрѣлъ на ученіе, какъ на простое ремесло, какъ на средство добыть какъ либо кусокъ хлѣба. Правда, старинные дьячки, имѣли любовь къ своему дѣлу и къ богослуженію и къ церкви, и все это отражалось и на ихъ школярахъ: послѣдніе также привыкали къ церкви и пріучались къ богослуженію. Но самое богослуженіе оставалось для тѣхъ и другимъ непонятнымъ. Самая любовь къ храму и къ богослуженію уживалась, какъ и у дьячковъ, со многими недостатками нравственной жизни. Склонность къ бездѣятельности, къ пьянству нажпвалась школярами и прививалась къ нимъ вмѣстѣ съ тѣми элементарными свѣдѣніями въ грамотѣ, которыя они пріобрѣтали у дьячка. Ученіе не могло идти успѣшно и по той причинѣ, что самъ дьячокъ не въ ученіи полагалъ главную цѣль: онъ часто отвлекался и требами, и разными хозяйственными заботами; то и другое отражалось и на его школярахъ. Сплошь и рядомъ школяры являлись помощниками дьячку не только при исполненіи причетническихъ обязанностей,

[1]) Руков. для сельск. паст. 1864 г., т. III, 232.

но и въ хозяйственныхъ дѣлахъ; многіе раздѣляли съ дьячкомъ и разныя услуги и „службы“ приходскому духовенству [1]). Такъ „тасканіе школяровъ изъ дьячковскихъ школъ на работу въ винницахъ практиковалось даже въ приходѣ убѣжденнаго православнаго священника, безстрашно отстаивавшаго свою вѣру и бывшаго даже протопопомъ (Василія Зражевскаго), въ семьѣ котораго такъ высоко ставилось воспитаніе въ православномъ духѣ, что отецъ его приглашалъ для дѣтей своихъ студента Кіевской академіи“ [2]). Нѣкоторые изъ прихожанъ, близко заинтересованные въ обученіи въ церковныхъ школахъ, справедливо указывали на нежелательность подобныхъ явленій и просили, чтобы было воспрещено священникамъ отрывать школяровъ отъ занятій [3]). Плохо шло обученіе въ школахъ еще и оттого, что не вездѣ были дьячки любители школы. По многимъ мѣстамъ дьячки были бродячіе, „мандровые“, которые постоянно переходили („мандровали“) съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за лучшимъ приходомъ.

Чтобы защитить школьниковъ отъ эксплоатаціи со стороны причта, митрополитъ Арсеній запретилъ 1) пользоваться ими для разныхъ услугъ и 2) принимать бродячихъ дьячковъ, которые совсѣмъ не интересовались школой [4]).

II.

Высшею школою для образованія и главнымъ центромъ просвѣщенія въ Кіевской епархіи служила Кіевская академія.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію исторіи академіи во время м. Арсенія, отмѣтимъ особенно близкое отношеніе къ послѣдней м. Арсенія.

Еще въ первые дни по прибытіи на митрополичью каѳедру, Арсеній Могилянскій сталъ въ близкія отношенія къ академіи. Если мы вспомнимъ, что академія была первой школой-кормилицей для Арсенія, если припомнимъ, что академія пользовалась славою древнѣйшаго училища въ Южной Россіи и была главнѣйшимъ центромъ просвѣщенія не для Кіевской митрополіи только, но и для всей Малороссіи и Украины, то станетъ понятнымъ особенно близкое и заботливое отношеніе Арсенія къ родной академіи. Всѣ митрополиты считали заботы объ академіи

---

[1]) „Кіев. стар.“ 1891 г., т. 34, Стр. 101.

[2]) Ibidem.

[3]) Ар. К. Консисторіи 1762 г., постанов. 11 декабря.

[4]) Ibidem.

своею священнѣйшею обязанностію. Но особенно она была дорога тѣмъ изъ нихъ, кто въ ней получилъ воспитаніе. Для митрополитовъ Кіевскихъ академія была родной и любимою и матерію и дочерью. Она такъ и называлась „академіею [1]) Его Преосвященства".

Также близка она была и нашему святителю Арсенію. Поэтому замѣчаніе Аскоченскаго о томъ, что сердце митрополита Арсенія обращалось съ ласковостію и вниманіемъ больше другихъ, бывшихъ при встрѣчѣ, къ тѣмъ изъ приносившихъ поздравленіе съ прибытіемъ, которые составляли отдѣльную группу съ именемъ ученыхъ [2]), и были представителями отъ академіи, является вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

Рачительная заботливость объ улучшеніи учебно-воспитательнаго дѣла и хозяйства въ академіи, предусмотрительная распорядительность о выборѣ достойныхъ лицъ на должности въ академіи, о разширеніи просвѣтительной дѣятельности академіи, внимательное и участливое отношеніе къ учителямъ и ученикамъ, служатъ выраженіемъ той близости къ академіи, того вниманія, которыя удѣлялъ ей митрополитъ Арсеній. Онъ выслушивалъ и принималъ жалобы учителей и студентовъ, защищалъ студентовъ отъ обидъ и нападокъ на нихъ свѣтскихъ властей, магистрата, оказывалъ вспомоществованіе учителямъ консоляціей, ученикамъ—подарками, щедрыми жертвами на устройство бурсы, покрытіе школъ на отопленіе и ремонтъ ихъ; онъ улучшилъ правовое положеніе учителей, цѣнилъ ихъ ученые и учительскіе труды; старался оживить и урегулировать учебно-воспи-

---

[1]) По замѣчанію Д. Вишневскаго, названіе „академіи" сдѣлалось собственнымъ именемъ Кіевской Коллегіи именно со 2 половины XVIII столѣтія. Въ 1 половинѣ XVIII вѣка академія обыкновенно называлась Коллегіей. Наименованіе Коллегіи академіей Д. Вишневскій пріурочиваетъ ко времени устройства особой печати съ надписью: „печать академіи Кіевскія" взамѣнъ печати, бывшей въ употребленіи въ 1-й половинѣ XVIII в. и имѣвшей надпись: „Печать собранія по имени Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Коллегіумъ Кіево-Могилеан Братскаго" (Тр. К. Д. Ак. 1902 г., янв.; стр. 20). При этомъ Д Вишневскій указываетъ, что 1-я печать впервые ему встрѣтилась въ дѣлѣ 20 октября 1761 г. Къ сожалѣнію, не указано, что это за дѣло съ новой печатью. Однако намъ думается, что не Коллегія стала называться академіей со времени устройства новой печати, а новая печать потому именно и была заведена, что измѣнилось и самое названіе Кіевской Коллегіи. Когда же именно произошло это измѣненіе наименованія Кіевскихъ школъ, къ сожалѣнію, нельзя сказать, вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ указаній. Дѣла же съ печатями могли встрѣчаться и раньше 20 октября 1761 г.

[2]) Кіевъ, Аскочен. т. II, стр. 220.

тательное дѣло въ академіи. Словомъ, почти ни одна сторона жизни академіи не была оставлена м. Арсеніемъ безъ вниманія.

Уже на первыхъ порахъ по прибытіи въ Кіевъ, м. Арсеній потребовалъ свѣдѣній о состояніи академіи, о числѣ воспитанниковъ, объ учителяхъ, о ходѣ преподаванія, о школахъ и ихъ состояніи.

Въ академіи было много вопіющихъ нуждъ, удовлетворенія которыхъ академія ждала отъ новаго архипастыря: малообезпеченность профессоровъ, скудость содержанія учениковъ, обветшалость академическихъ школъ и бурсы, безправное положеніе профессоровъ. Академія спѣшила воспользоваться случаемъ и заявить о своихъ нуждахъ митрополиту.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію жизни академіи при Арсеніи Могилянскомъ, укажемъ тѣ стороны, съ какихъ мы будемъ разсматривать эту жизнь а именно: состояніе учебнаго дѣла въ академіи, матеріальный бытъ академіи, отношенія митрополита къ служащимъ при академіи лицамъ.

III.

При вступленіи митрополита Арсенія на Кіевскую каѳедру, во главѣ академіи стоялъ ректоръ Манассія Максимовичъ.

Это былъ тотъ самый дѣятель половины XVIII в., которому принадлежитъ извѣстный проектъ объ улучшеніи и упорядоченіи преподаванія въ низшихъ 6 классахъ академіи и приноровленіи преподаванія къ епархіальнымъ нуждамъ. Проектъ Манассіи былъ въ свое время (1751 г.) представленъ на усмотрѣніе митрополита Тимоѳея Щербацкаго и въ общемъ удостоился одобренія. Цѣлью проекта Максимовича было установленіе строго опредѣленнаго и послѣдовательнаго преподаванія наукъ въ низшихъ классахъ академіи. Для достиженія большаго успѣха въ преподаваніи было обращено надлежащее вниманіе на требованіе Духовнаго Регламента о лучшихъ учебникахъ по нѣкоторымъ предметамъ: въ это время были приняты въ руководство печатныя руководства: вокабулы Ам. Коменскаго, разговоры Лангія, отрывки изъ евангелія Кастелліона, Целлярія и др.

Для приноровленія же академіи къ потребностямъ епархіи предлагалось ввести преподаваніе въ низшихъ 4 классахъ катихизиса, въ піитикѣ и риторикѣ объясненіе—евангелія, а въ философіи и богословіи—составленіе проповѣдей [1]).

---

[1]) „Акты и док." проф Н И. Петрова, т. II, № 16.

При Максимовичѣ, такимъ образомъ, въ академіи началось регулированіе преподаванія наукъ. Это регулированіе касалось не только низшихъ, но и высшихъ классовъ, такъ какъ рекомендовалось, вмѣсто писанныхъ руководствъ, пользоваться печатными руководствами и пособіями. Это, несомнѣнно, отражалось на самой свободѣ преподаванія въ академіи и болѣе приближало послѣднюю къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, чѣмъ къ высшимъ.

Этотъ то ректоръ, скоро по прибытіи м. Арсенія въ Кіевъ, скончался (2 іюля 1758 г.).

Митрополитъ Арсеній самъ отпѣвалъ Манассію, при чемъ при отпѣваніи произошло событіе, занесенное въ лѣтописи,— ударъ грома въ церковное паникадило Братской церкви.

Кончина Максимовича выдвинула на 1-й планъ вопросъ о назначеніи новаго ректора.

Предшественникъ м. Арсенія, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій обычно самъ назначалъ всѣхъ профессоровъ и начальниковъ академіи, помимо академической корпораціи и Кіевской консисторіи [1]).

Не такъ относился къ этому дѣлу м. Арсеній. Онъ предоставлялъ самимъ учителямъ избирать кандидатовъ въ учители, при чемъ обыкновенно представлялось 2 кандидата [2]). Иногда, впрочемъ, представлялся 1 кандидатъ [3]). Представленные кандидаты утверждались митрополитомъ.

Такъ, учитель піитики, Порфирій Кованка опредѣленъ учителемъ піитики—по избранію академіи и утвержденъ 29 сент. 1763 [4]), учитель піитики—іеромонахъ Никодимъ, по избранію академіи, утвержденъ 7 января 1764 г. [5]). Нѣкоторые изъ учителей по усмотрѣнію м. Арсенія допускались къ исправленію должности учителя на 1—2 м-ца, и, потомъ, утверждались въ должности. Такъ, Рувимъ Петулинскій былъ назначенъ къ преподаванію философіи и въ должность префекта по словесной

---

[1]) „Кіев. акад. въ гетманство К. Разумовскаго“ Н. И. Петрова стр. 13.

[2]) „Акты и док“, профес. Н. Петрова т. II, стр. 340—343, т. III, стр. 372.

[3]) Ibidem, т. III, стр. 317, 322.

[4]) Ibidem, т. III, стр. 259.

[5]) Ibidem.

резолюціи митрополита, 30-го августа 1764 г.; а утвержденъ 18-го октября 1764 г. [1]). Илія Шумилевичъ, учитель піитики, 30-го августа опредѣленъ въ должность по словесной резолюціи, а 18-го октября утвержденъ письменной резолюціей [2]).

Но иногда митрополитъ Арсеній при опредѣленіи учителей опирался только на мнѣніе ректора академіи. Такъ, учитель Ефремъ Діаковскій опредѣленъ (26 ноября 1764 г.) преподавателемъ великой инструкціи, на основаніи мнѣнія ректора академіи Самуила Миславскаго [3]).

Такимъ образомъ, м. Арсеній вводилъ въ дѣло опредѣленія должностныхъ лицъ въ академіи выборное начало.

Когда возникъ вопросъ объ опредѣленіи новаго ректора на мѣсто Манассіи Максимовича, м. Арсеній потребовалъ, чтобы академія и консисторія представили ему кандидатовъ на ректуру. Съ своей стороны, онъ выразилъ желаніе, чтобы былъ избранъ 1) свѣдущій въ богословіи, который бы могъ преподавать его ученикамъ „истинно и искренно и съ нужною пользою церкви православной, съ надлежащими разъясненіями и наставленіями", 2) опытный въ хозяйственныхъ дѣлахъ и свѣдущій въ дѣлахъ тяжебныхъ. чтобы могъ вести хозяйство и тяжебные иски въ нужныхъ случаяхъ; 3) опытный (администраторъ) въ дѣлахъ управленія монастырскою братіею. Большинствомъ голосовъ, впрочемъ, не учителей академіи, а членовъ консисторіи былъ избранъ [4]) Давидъ Нащинскій. Митрополитъ Арсеній утвердилъ избраннаго Давида Нащинскаго, а на его мѣсто назначилъ Досифея Галяховскаго [5]), избраннаго братствомъ Слуцкимъ. Давидъ Нащинскій незадолго предъ симъ (1747—1755 г.) служилъ въ академіи и проходилъ должности учителя отъ грамма-

---

[1]) Ibidem, т, III, стр. 257.

[2]) Ibidem, т. III, стр. 259. Также стр. 261.

[3]) Ibidem, стр. 264.

[4]) При подачѣ голосовъ Самуилъ Миславскій, префектъ академіи, указывалъ 1-го кандидата въ лицѣ Нащинскаго подъ условіемъ, если будетъ найдено, что ему не далекъ переѣздъ изъ Слуцка въ Кіевъ, и если Нащинскій будетъ прилежно преподавать богословіе; учители подали голосъ за Самуила и за Мелхиседека, архидіакона Софійскаго монастыря; каѳедральный намѣстникъ голосовалъ за Давида и Досифея Галяховскаго; члены консисторіи архимандритъ Никифоръ, игуменъ Антоній Почека и іеромонахъ Іакинѳъ (каѳедральный духовникъ) голосовали за Давида, Досифея и Петра Артовскаго; Петръ Артовскій (каѳедральный писарь), голосовалъ за Давида, Досифея и Мелхиседека; Досифей Галяховскій голосовалъ за Нащинскаго и Петра Артовскаго (Акты Брат. м. и акад., собран. Аскоченск. т. II, № 4).

[5]) Утвержденіе Нащинскаго состоялось 25 іюля 1758 г., (Акт., собр. Аскоченск, т. II, № 4).

тики до философіи включительно и былъ префектомъ академіи (1753—1755 г.). Но онъ отказывался ѣхать изъ Слуцка въ Кіевъ и даже сталъ препятствовать посвященію Галяховскаго въ Слуцкіе архимандриты. Митрополитъ Арсеній потребовалъ, чтобы студенты богословія, съ своей стороны, указали, кого они желаютъ имѣть ректоромъ: случай необыкновенный; видно было, что и къ студентамъ м. Арсеній относился съ большимъ довѣріемъ. Студенты, въ числѣ 16 человѣкъ, подали заявленіе, что они желаютъ имѣть ректоромъ префекта Самуила Мирославскаго [1]).

Тѣмъ не менѣе, согласно съ мнѣніемъ консисторіи, м. Арсеній вызвалъ Нащинскаго въ Кіевъ [2]).

Выборы Нащинскаго оказались неудачными: это былъ человѣкъ властолюбивый и задорный, который больше заботился о сохраненіи своей власти, чѣмъ о благѣ академіи. Сразу же, по вступленіи въ должность ректора, у Нащинскаго начались натянутыя отношенія къ учителямъ, которыя невыгодно отзывались на положеніи академіи вообще и сопровождались неблагопріятными послѣдствіями для учителей. Впрочемъ, борьба кончилась не въ пользу Нащинскаго.

Учители академіи не желали Нащинскаго и боялись встрѣчи съ нимъ, такъ какъ знали его расположеніе къ монастырской братіи и предвидѣли, что онъ будетъ больше блюсти ея интересы, чѣмъ ихъ. Опасенія [3]) учителей оказались ненапрасными.

---

[1]) „Документы"... профес. прот. Ѳ. Титова, л. 1065—1066.

[2]) Ibidem, л. 1067—1068. Постановленіе консисторіи—29 сентября, а мнѣніе студентовъ подано 25 сентября.

[3]) Чтобы понять опасенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Братскій монастырь и академія черпали средства для своего содержанія изъ одного общаго источника. Такимъ источникомъ служили: а) угодья въ пограничныхъ съ Польшею селахъ Плисецкомъ и Мостищахъ, гдѣ были мельницы съ сукновальней, а также очень доходные мосты, б) монастырскіе шинки, расположенные на проѣзжей дорогѣ, в) монастырскія пастбища, г) рыбныя ловли въ с. Стайкахъ, Карпѣловкѣ и Позднякахъ, д) пивоварня въ Кіевѣ, е) царское жалованье въ 200 руб. и 80 руб пособія изъ губернской канцеляріи на непредвидѣнные расходы. Этихъ средствъ при умѣломъ управленіи намѣстника и братіи, бывшей на послушаніи при той или другой отрасли монастырскаго хозяйства, было достаточно на содержаніе монастырской братіи и на „пропитаніе" академической корпораціи („Кіево-Братскій монастырь", проф. Н.Мухина, 178—180). Но содержаніе братіи и учителей академіи изъ указанныхъ средствъ было удовлетворительно и не вызывало жалобъ съ той или другой стороны только въ томъ случаѣ, когда во главѣ академіи и Братскаго монастыря стояло лицо одинаково относившееся и къ монастырской братіи и къ учителямъ академіи: при участливомъ и безпристрастномъ отношеніи начальника,

Давидъ Нащинскій, надо думать, догадывался о нерасположеніи къ себѣ учителей. Потому, вѣроятно, и отказывался отъ ректуры.

По вступленіи въ должность ректора, онъ рѣшилъ оградить себя и свой авторитетъ среди учителей и просилъ у митрополита „инструкціи, которою опредѣлены бы были точнѣе предѣлы начальничеству ректорскому надъ учителями, понеже безъ таковаго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшимъ“ [1]). Правда, въ академіи не было инструкцій, которыя бы точно опредѣляли отношенія ректора къ учителямъ; въ 1758 году были найдены только 1) постановленіе 1735 года, данное, по случаю отлучки ректора, префекту Амвросію Миткевичу, 2) инструкція Георгія Конисскаго и 3) постановленіе о преподаваніи богословія [2]). Тѣмъ не менѣе въ просьбѣ Нащинскаго ясно проглядываетъ властолюбивое желаніе его смирить учителей и оградить себя величіемъ начальника. Неудивительно поэтому, что эта просьба послужила къ усиленію вражды учителей въ отношеніи къ Нащинскому.

Нащинскій скоро открыто перешелъ на сторону братіи монастыря и сталъ обижать учителей: начались сокращенія въ отпускаемомъ учителямъ столѣ.

Учители пожаловались митрополиту, который потребовалъ отъ Нащинскаго объясненія причинъ уменьшенія порцій, отпускаемыхъ учителямъ. Намѣстникъ Варлаамъ, зная симпатіи настоятеля къ братіи и нерасположеніе его къ учителямъ, сократилъ выдачу порцій учителямъ, какъ онъ писалъ, „респектомъ много нужнаго и всескуднаго времени“.

и братія и учители бывали довольны содержаніемъ. Если же архимандритъ Братскій склонялся своими симпатіями на одну какую либо сторону, будь то монастырская братія или академическая корпорація,—то другая сторона являлась обиженной и терпѣла недостатокъ въ средствахъ пропитанія.

Замѣтимъ, что въ половинѣ XVЩ в., по распоряженію м. Тимоѳея, въ пользу академіи назначено было еще пособіе отъ 11 монастырей Кіевской епархіи, въ размѣрѣ 50 руб., 100 ведеръ горѣлки, 10 ведеръ олѣи, 10 четвериковъ крупъ, 10 четвериковъ гречаной муки, 30 пуд. маслъ, 60 пуд. сыру, 10 четверик. муки пшенной, 10 четверик. пшена и 10 сала. Это было установлено какъ бы въ возмѣщеніе того, что изъ 200 руб., выдававшихся изъ казны, выдѣлялась учителямъ ихъ доля; очевидно, имѣлось въ виду, чтобы отъ такого выдѣленія не пострадали интересы Братскаго монастыря.

[1]) Ак. К. Братск. монастыря, собр. Аскоч., т. 2., № 13.

[2]) „Кіев. Акад.“ В. Серебренникова, стр. 145.

Въ объясненіе этого намѣстникъ ссылался на отнятіе у монастыря селъ Бѣльмачевки и Ивангорода, на судебные иски монастыря изъ-за этихъ селъ, на запрещеніе монастырю производить продажу хлѣбнаго вина, на уменьшеніе количества доставляемой изъ монастырскихъ дачъ и прудовъ свѣжей рыбы (вслѣдствіе убыли воды) и другихъ припасовъ. Въ этомъ была своя доля правды.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстникъ проговаривался, что де учители сами виноваты въ уменьшеніи порціи; они по его мнѣнію не заслуживали ея, такъ какъ не помогали братіи въ совершеніи богослуженія по седьмицамъ, въ чтеніи и пѣніи на клиросахъ. Ясно, что причина уменьшенія порцій заключалась въ натянутыхъ отношеніяхъ между братіей и учителями.

Учители вступили въ ссору съ намѣстникомъ, ругали его и грозили даже побоями. Намѣстникъ сталъ просить увольненія отъ должности. Но Давидъ Нащинскій удержалъ его.

Впрочемъ, споры на время затихли. Дѣло въ томъ, что митрополитъ Арсеній указомъ (10 января 1759 г.) [1]) выразилъ свою волю, чтобы профессора „неоскудно противъ прежняго ѣстнымъ и питейнымъ удовольствованы были“.

Спустя полгода, снова вспыхнулъ ропотъ учителей на ректора. На этотъ разъ учители въ поданной митрополиту жалобѣ указывали не только на скудость содержанія, но попутно касались и веденія всей экономіи въ монастырѣ. Они находили необходимымъ, чтобы въ веденіи книгъ и отчетности, а также экономіи участвовали и учители. Затѣмъ, они высказывали желаніе, чтобы ежегодно присылаемые въ монастырь 200 рублей изъ войскового скарбу и 80 руб. изъ губернской канцеляріи были раздѣляемы между ними, чтобы имъ выдавалось изъ монастырскаго приходу на одежду [2]); наконецъ, чтобы вообще учители принимали участіе въ рѣшеніи [3]) важныхъ монастырскихъ дѣлъ. Митрополитъ Арсеній потребовалъ отъ Нащинскаго отвѣта по обвиненіямъ и жалобамъ учителей, а также и приходорасходныя книги монастыря за 1758 и 1759 г. Давидъ Нащинскій предста-

---

[1]) 1-го сентября 1759 г. митрополитъ, по поводу новой жалобы учителей потребовалъ объясненія ректора какъ по той, такъ и по другой жалобѣ. Отсюда мы заключаемъ, что Нащинскій въ началѣ 1759 г., очевидно, не представлялъ объясненій митрополиту.

[2]) К. Брат. Училищ. М., проф. Н. Мухина стр. 186.

[3]) Это требованіе будетъ понятно, если принять во вниманіе, что чуть не всѣ учители академіи были монашествующіе и жили при монастырѣ.

вилъ объясненіе, въ которомъ выставилъ учителей, какъ излишне притязательныхъ и требовательныхъ, какъ въ отношеніи пищи, такъ и вообще всего содержанія. Желаніе учителей, чтобы присылаемые изъ казны (200+80 р.) 280 руб. дѣлились между учителями и чтобы изъ монастырскихъ суммъ выдавалась имъ одежда, представлялось крайне обиднымъ для прочей братіи монастыря, и „требованіе это—весьма дикое". Нащинскій не отрицалъ непорядковъ въ монастырской экономіи; онъ указывалъ на то, что и въ другихъ монастыряхъ нѣтъ способныхъ людей къ экономіи; однако должность экономa была поручена самому свѣдущему изъ братіи; самъ же ректоръ,—повидимому, искренно сознавался Нащинскій,—вслѣдствіе многосложности занятій, не имѣлъ возможности вникать въ веденіе экономіи. Для улучшенія дѣла веденія экономіи, Нащинскій находилъ возможнымъ допустить участіе учителей въ наблюденіи за веденіемъ приходорасходныхъ книгъ и даже признавалъ желательнымъ, чтобы намѣстникъ былъ изъ учителей,—тогда и жалобы сами бы собою прекратились. Что касается допущенія учителей къ участію въ рѣшеніи всѣхъ вообще важныхъ монастырскихъ дѣлъ, то Нащинскій рѣшительно протестовалъ противъ этого, опасаясь „комфузіи и непорядковъ", такъ какъ такое участіе по его словамъ повело бы къ униженію ректорскаго авторитета.

Неизвѣстно, какъ поступилъ митрополитъ Арсеній, получивъ указанный отвѣтъ Нащинскаго. Надо полагать, митрополитъ, по своей добротѣ и миролюбію, помирилъ обѣ партіи,—учительскую и монастырскую во главѣ съ Нащинскимъ: учители, вѣроятно, отказались отъ излишней притязательности какъ относительно стола, такъ и относительно участія въ дѣлахъ монастырскихъ; монастырь же, вѣроятно, улучшилъ пищевое продовольствіе учителей [1]).

Эта борьба между ректоромъ и учителями продолжалась и потомъ. Она повела, прежде всего, къ устраненію Нащинскаго отъ преподаванія богословія [2]), а потомъ и отъ ректорства. 1-го января 1761 г. Нащинскій былъ уволенъ отъ должности ректора, безъ всякаго прошенія съ своей стороны.—Затѣмъ, изъ исторіи этой борьбы ясно стало, какъ то, что должность ректора въ ака-

---

[1]) Проф. Н. Мухинъ, цит. соч. стр. 190—191.

[2]) Акт. собр. Аск., т. II, № 22, л. 357. Нащинскій самъ устно докладывалъ м. Арсенію, что есть другіе, болѣе одаренные и достойные быть преподавателями богословія. Это было 29 іюня 1760 г. 30 августа онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ консисторіи, ibidem.

деміи и настоятеля Братскаго монастыря несовмѣстимы безъ нарушенія интересовъ той или другой должности, такъ и то, что академическія дѣла слѣдовало рѣшать не единолично (ректорской властью) а—коллегіально, при участіи всѣхъ наставниковъ. Впрочемъ, хотя это и стало очевиднымъ, но мы не встрѣтили никакихъ распоряженій по этому дѣлу со стороны митрополита Арсенія.

Когда возникъ вопросъ объ избраніи новаго ректора, м. Арсеній рѣшилъ удовлетворить желаніе учителей академіи: ректоромъ былъ утвержденъ префектъ Самуилъ Мисловскій [1]). Это былъ достойнѣйшій изъ ректоровъ. Еще въ должности префекта онъ проявилъ свою заботливость объ академіи въ ходатайствѣ предъ митрополитомъ о постройкѣ новыхъ зданій и крыши въ академіи. Съ назначеніемъ въ должность ректора онъ явился весьма дѣятельнымъ и усерднымъ помощникомъ митрополиту Арсенію въ дѣлѣ улучшенія не только хозяйственно-экономической, но и учебно-воспитательной части въ академіи.

Какія были измѣненія и улучшенія, мы ниже разсмотримъ. Теперь же укажемъ на слѣдующее: выработанъ проектъ новой инструкціи академіи (1763—1764 г.), которая явилась завершеніемъ и дополненіемъ того, что было сдѣлано раньше, и имѣла служить руководственнымъ уставомъ въ дальнѣйшее время; сдѣланы улучшенія въ матеріальномъ положеніи академіи,—учителей и учениковъ; произведена постройка и бурсы, крыши на школахъ. Жаль только, что ректорство Самуила продолжалось только 7 лѣтъ: 12 августа 1768 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, а, затѣмъ, 28 декабря былъ хиротонисомъ во епископа Бѣлгородскаго.

Преемникомъ Мисловскаго въ должности ректора былъ Тарасій Вербицкій (1768—1773 г.). Предъ его назначеніемъ у него

---

[1]) С. Мисловскій родился 24 мая 1731 г., учился въ академіи и окончилъ курсъ въ 1754 г.; по окончаніи курса принялъ монашество и былъ учителемъ грамматики (съ сент. 1754 г.), піитики (съ ноября 1755 г.), риторики (съ 13 февр. 1756 г.), философіи (съ 7 ноября 1757 г.); префектомъ былъ назначенъ 7 ноября 1757 г.); оставаясь префектомъ, съ 1761 г.) 3 сентября сталъ преподавать богословіе. Онъ издалъ въ 1760 г.: „Догматы православной вѣры", участвовалъ въ составленіи сборника поучительныхъ словъ изъ Златоуста, Ефрема Сирина. Въ 1768 г. назначенъ епископомъ Бѣлгородскимъ;—въ 1771 г. 24 сентября, епископомъ Крутицкимъ, съ 17 марта 1776 г Ростовскимъ и Ярославскимъ; 22 сентября 1783 г, назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ. Скончался 5 мая 1796.

отобрана была подписка въ томъ, что онъ не станетъ отказываться отъ преподаванія богословія [1]).

IV.

Ко времени прибытія м. Арсенія въ Кіевъ академія въ учебно-воспитательномъ отношеніи представляла обширное поле для раскрытія его архипастырской заботливости и просвѣтительной дѣятельности.

М. Арсеній, прежде всего, обратилъ вниманіе на то, чтобы оживить академическое преподаваніе внесеніемъ въ число преподаваемыхъ—новыхъ предметовъ, географіи, исторіи и ариѳметики.

О необходимости преподаванія этихъ предметовъ говорится еще въ Духовномъ Регламентѣ (о школахъ, п. 8). Преподаваніе ихъ впервые началось въ Кіевской академіи въ 1753 г. Но тогда не нашлось опытныхъ преподавателей, и преподаваніе скоро прекратилось. Въ 1754 г. (въ сентябрѣ) свящ. Крыжановскій уже просилъ митр. Тимоѳея дать въ его распоряженіе тѣ часы, которые были назначены на математику и исторію, такъ какъ это время „теперича отъ всѣхъ школъ свободное". М. Тимоѳей разрѣшилъ это [2]).

М. Арсеній въ 1758 г. велѣлъ начать преподаваніе географіи и ариѳметики.

Преподаваніе этихъ предметовъ, начатое въ 1758 г., должно было происходить во всѣхъ классахъ, при чемъ учитель каждой школы долженъ былъ преподавать эти предметы въ своемъ классѣ

Самуилъ Миславскій, занятый преподаваніемъ философіи и великой и малой инструкціи, а также разными хозяйственными дѣлами, мало могъ заниматься преподаваніемъ указанныхъ 2-хъ предметовъ въ философскомъ классѣ. Въ теченіе перваго года онъ прочиталъ по нѣмецкому руководству Huberni только о первой части свѣта, Европѣ. Ариѳметикой онъ совсѣмъ не занимался по той причинѣ, что 1) необходимо было „внушать ученикамъ потребнѣйшія философскія вещи", и 2) многіе изъ учениковъ были знакомы съ элементами ариѳметики. Поэтому въ 1758 г. изученіе ариѳметики было предоставлено добровольному желанію философовъ [3]),

---

[1]) „Акт. и докум...", проф. Н. И. Петрова, т. III, стр., 382,—385.

[2]) А. К. К. 1754 г., ук. № 258.

[3]) Акт. и док. проф. Н. Петрова т. II, стр. 328.

Въ риторикѣ, по требованію каѳедры, были преподаны и объяснены всѣ генеральныя части ариѳметики. Въ синтаксимѣ и грамматикѣ также были преподаны 5 главныхъ дѣйствій ариѳметики (счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе), а изъ географіи въ грамматикѣ—математическая часть, въ синтаксимѣ—о частяхъ свѣта, ихъ названіи и расположеніи, въ риторикѣ русская географія [1]).

Прошелъ 1758—1759 учебный годъ. Наступилъ новый учебный годъ. У митрополита Арсенія явилась мысль основательнѣе и глубже вникнуть въ положеніе учебной части въ академіи, чтобы увидѣть, что нуждается въ поощреніи и что должно быть немедленно исправлено и удалено. Въ виду этого митрополитъ Арсеній потребовалъ отъ академіи отчета о томъ, 1) что въ каждой школѣ было изучено, 2) что каждый изъ учителей преподалъ, 3) выполнилъ ли онъ программу, и если не выполнилъ, то почему, 4) на чемъ пріостановилось обученіе въ каждой школѣ [2]).

Ректоръ академіи Нащинскій представилъ митрополиту отчетъ по учебной части 29 августа 1759 года. Этотъ отчетъ (а также упомянутое выше дѣло между ректоромъ и учителями изъ за припасовъ) открылъ митрополиту тѣ язвы и недостатки, которыми страдала академія. М. Арсеній, узнавъ объ этомъ, сталъ принимать мѣры для устраненія замѣченныхъ недостатковъ. Объ удаленіи отъ ректуры Нащинскаго, своею гордостью и властолюбіемъ сѣявшаго смуту и недовольство среди учителей, мы упоминали.

Затѣмъ, м. Арсеній, обратилъ вниманіе на улучшеніе преподаванія новыхъ языковъ [3]). Изъ отчета учителя іерея Константина Крыжановскаго видно было, что по французскому языку прочитана вся грамматика и малая часть синтаксиса, при чемъ ученики упражнялись въ переводахъ съ русскаго на французскій. Чтеніе же французскихъ книгъ и пространное изученіе синтаксиса было отложено до другого года. Учитель нѣмецкаго языка Ѳома Халчинскій также писалъ, что ученики научились читать и писать, переводить съ русскаго на нѣмецкій по правиламъ грамматическимъ и подавали „оккупаціи“ по сему предмету. Но

---

[1]) Акты и докум... проф Н. Петрова, т. II, стр. 329, 331—332. Акт. К. Брат. мон., собр. Аскоченск., т. II, №. 23, л. 361—366; 372—373.

[2]) Кіевъ, Аскоченскаго ч. II, стр. 228; „Акты и документы...“ проф. Н. И. Петрова, т. II, стр. 324.

[3]) Французскій языкъ былъ введенъ въ академіи въ 1563 г. (Ар. К. консисторіи 1754 г., № 255), нѣмецкій, а также еврейскій еще при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ („Кіев. Ак., В. Серебренникова, стр. 151).

преподаваніе новыхъ языковъ было неудовлетворительное: ученики академіи не считали для себя обязательнымъ изучать новые языки, многіе изъ учениковъ не посѣщали уроковъ,—являлись въ классъ лишь по желанію и охотѣ [1]). Естественно, при такихъ порядкахъ дѣло преподаванія шло не только не блестяще, но даже и нерегулярно. Какъ только учитель начиналъ увѣщевать учениковъ ходить на уроки аккуратно, не лѣнясь, ученики совсѣмъ переставали ходить, „не сказавши учителеви ни дяки (благодарности), ни спаси Богъ".

Въ виду этого митрополитъ Арсеній издалъ распоряженіе объ обязательномъ изученіи новыхъ языковъ всѣми учениками. По этому приказу никто не долженъ былъ уклоняться отъ изученія французскаго и нѣмецкаго языка.

Нельзя не признать въ этомъ распоряженіи глубокаго сочувствія митрополита Арсенія тѣмъ запросамъ, какіе въ то время предъявлялись и правительствомъ и обществомъ къ учащимся. Припомнимъ, что то было время сближенія Россіи съ заграничными, западно-европейскими народами,—время наплыва въ Россію многихъ иностранцевъ, которые оказывали громадное вліяніе на русскихъ и Россію. Не только при дворѣ, но и во многихъ учрежденіяхъ и городахъ много было иностранцевъ (по преимуществу нѣмцевъ), которые занимали многія видныя мѣста и оказывали сильное вліяніе на Россію не только въ правящихъ сферахъ (особенно при Петрѣ III), но и въ наукѣ. Во многихъ семьяхъ наставниками и учителями были иностранцы. Уже для поддержанія престижа русскихъ школъ, особенно же древней Кіевской академіи, которая почти всегда, особенно съ начала XVIII вѣка стояла въ большей или меньшей связи и зависимости отъ западной науки [2]), важно было поставить на надлежащую почву и высоту изученіе новыхъ языковъ. Кромѣ того, въ данное время къ академіи предъявлялся и правительствомъ и обществомъ большой спросъ на знающихъ новые языки [3]).

---

[1]) „Кіев." Аскоческ. т. II, 243.

[2]) О вліяніи западной науки на Ѳ. Прокоповича и Яворскаго и о зависимости послѣдующихъ Кіевскихъ ученыхъ отъ Ѳ. Прокоповича см. у проф. Н. И. Петрова.

[3]) Напр., Св. Синодъ велѣлъ м. Арсенію выслать іеродіакона въ шляхетныи сухопутный корпусъ изъ знающихъ, кромѣ латинскаго еще французскій или нѣмецкой языкъ и указывалъ на то, что этого требовалъ литераторъ Петръ Ѳеодоровичъ („Акт. и документы..." проф. Н. Петрова, т. II, стр. 363.)

Въ половинѣ XVIII столѣтія сплошь и рядомъ присылались въ академію предложенія поступить переводчиками въ правительственныя канцеляріи, а для этой должности необходимо было знаніе новыхъ языковъ. Съ другой стороны, и многіе изъ старшинъ и господъ желали имѣть у себя наставниковъ для дѣтей именно изъ знающихъ новые языки. Понятно, для того, чтобы отвѣчать этимъ запросамъ времени, недостаточно было одного обязательнаго изученія новыхъ языковъ; нужно было самое преподаваніе поставить какъ можно лучше, чтобы ученики читали правильно и выразительно. Митрополитъ Арсеній и внушалъ учителямъ новыхъ языковъ, чтобы они, „обучая языкамъ, всеприлежно старались пристойную пронунціацію, или произношеніе въ оныхъ языкахъ употребляемое, своимъ ученикамъ наипонятнѣйшимъ и наилучшимъ образомъ внушать“ [1]).

Изученіе новыхъ языковъ, дѣйствительно, оживилось: въ непродолжительномъ времени классы новыхъ языковъ наполнились слушателями, которые, заинтересовавшись, со всею любовію отдались изученію языковъ, такъ что академическое начальство даже нашло нужнымъ умѣрять охоту къ изученію новыхъ языковъ, такъ какъ многіе изучали языки только для того, чтобы, потомъ, заняться преподаваніемъ ихъ въ домахъ знатныхъ жителей, что невыгодно отзывалось на другихъ занятіяхъ учениковъ.

Впрочемъ, и послѣ этого были недостатки въ преподаваніи новыхъ языковъ. Они зависѣли, во 1 хъ, отъ недостатка опытныхъ учителей, во 2-хъ, отъ недостатка надлежащихъ руководствъ.

Въ разсматриваемое нами время все вообще преподаваніе шло по преимуществу на языкѣ латинскомъ, такъ что и русскую грамматику учили по латинскимъ грамматикамъ. Подобное же было и въ преподаваніи новыхъ языковъ: французскій языкъ преподавался по нѣмецкой грамматикѣ, а это очень невыгодно отражалось на преподаваніи, особенно на чистотѣ произношенія. Недостатокъ надлежащихъ руководствъ къ изученію новыхъ языковъ, правда, можно было бы ослабить, и самое преподаваніе можно было бы вести лучше при наличности опытныхъ учителей. Но академія и въ этомъ отношеніи терпѣла недостатокъ: преподаватели новыхъ языковъ были изъ своихъ же, не слышавшіе надлежащаго произношенія; природныхъ же французовъ или нѣмцевъ не было среди учителей академіи. Лишь въ 1769 году

---

[1]) Ак. К. Брат. монастыря, т. III, № 12 и 13.

Самуилъ Миславскій, бывшій въ то время уже епископомъ Бѣлгородскимъ, и Амвросій, архіепископъ Московскій, ревнуя о славѣ родной академіи, нашли француза Маргасту-де-Земиляру и на свой счетъ отправили въ Кіевскую академію для преподаванія французскаго языка [1]).

Съ развитіемъ у студентовъ охоты и интереса къ изученію новыхъ языковъ, въ академіи замѣчалось какъ разъ обратное отношеніе къ изученію древнихъ языковъ, греческаго и еврейскаго. Причиной этому было: 1) отсутствіе общеобязательности изученія языковъ, 2) трудность для изученія.

Греческій языкъ изучался въ академіи въ трехъ старшихъ классахъ, при чемъ изученіе его не было обязательнымъ для всѣхъ. Не былъ обязательнымъ для всѣхъ и языкъ еврейскій. Студенты академіи, слыша о трудности ихъ, при томъ дорожа временемъ—въ старшихъ классахъ, избѣгали изученія ихъ, и число изучавшихъ эти языки годъ изъ году становилось все меньше и меньше. Между тѣмъ, языкъ латинскій въ то время былъ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ: онъ былъ языкомъ обязательдля изученія, при томъ однимъ изъ главныхъ предметовъ въ академіи, своего рода оффиціальнымъ языкомъ: на немъ говорились рѣчи; на немъ велось преподаваніе въ академіи многихъ предметовъ, онъ былъ употребителенъ и въ разговорной рѣчи. Несомнѣнно, на ослабленіе интереса къ изученію древнихъ языковъ вліялъ также и практическій взглядъ самихъ студентовъ на изучаемые предметы: для поступавшихъ на кондиціи и на службу въ разныя учрежденія мало имѣло значенія знаніе языковъ древнихъ, и гораздо важнѣе его было знаніе языка латинскаго и польскаго, нѣмецкаго, французскаго.

Но, понятно, охлажденіе студентовъ къ изученію греческаго и еврейскаго языковъ не могло порадовать митрополита Арсенія. Послѣдній, прежде всего, велѣлъ, чтобы „для вящшей пользы учащихся“ изученіе греческаго языка продолжалось не 3, а 2 года [2]) Затѣмъ, узнавъ изъ доклада академіи, что ученики мало интересуются греческимъ языкомъ, въ 1760 г. велѣлъ сдѣлать изученіе греческаго языка обязательнымъ для всѣхъ студентовъ 3-хъ

---

[1]) Ак. К. Братскаго монастыря, т. III, № 34 Маргасту-де Земиляру обязался преподавать языкъ по изданной Московскимъ университетомъ грамматикѣ, и кромѣ того, преподавать исторію и географію: жалованья ему было назначено 200 р (50 р. отъ м. Арсенія, 50 руб. отъ еп. Самуила и 100 руб. отъ архіеп. Амвросія) приходящіе со стороны студенты должны были платить особо (Акт. № 725, п. 8).

[2]) Ук. отъ 28 авг. 1758 г.

старшихъ классовъ, особенно для студентовъ, происходившихъ изъ духовнаго званія. При этомъ было велѣно дѣлать студентамъ отмѣтки по этому предмету въ училищныхъ вѣдомостяхъ и свидѣтельствахъ, имѣвшимъ громадное значеніе при опредѣленіи въ должность [1]).

Что касается еврейскаго языка, то, по представленію Давида Нащинскаго, митрополитомъ Арсеніемъ было издано распоряженіе объ обязательномъ изученіи также и этого предмета, при чемъ изучать его обязаны были ученики 3-хъ старшихъ классовъ. Какъ видно изъ дѣлъ, учитель еврейскаго языка жаловался на равнодушіе учениковъ къ изученію этого языка, и причину этого указывалъ въ томъ, что „свѣдущихъ по еврейски (какъ и по гречески) господа никогда не приглашаютъ на кандиціи“ [2]). Но знаніе еврейскаго языка признавалось очень полезнымъ, а потому и велѣно было считать его обязательнымъ предметомъ для учениковъ старшихъ классовъ [3]). Польза и значеніе древнихъ языковъ заключались въ томъ, что знаніе ихъ давало возможность при изъясненіи Свящ. Писанія обращаться къ первоисточникамъ Библіи и святоотеческимъ твореніямъ [4]).

V.

Докладъ, представленный въ 1759 году, указывалъ на много недостатковъ въ академіи, требовавшихъ коренного пересмотра всѣхъ вообще пунктовъ касательно учебно-воспитательной части.

Въ жизни тогдашней академіи былъ уже тотъ недостатокъ, что академія мало удовлетворяла современнымъ запросамъ жизни; во многихъ частяхъ, напр. относительно преподаванія богословія [5]), философіи, не было опредѣленности и системы. Отъ

---

[1]) Аскоченъ. „Кіевъ“, II, 246.

[2]) Акт., соб. Аскоченъ., т. II, № 23.

[3]) „Акты“ и документы...“ проф. Н. Петрова, т. II, стр. 357. (Рук. б. акад. № 725)

[4]) Ibidem.

[5]) Д. Нащинскій, по вступленіи въ должность ректора, 7 декабря просилъ времени для подготовки къ преподаванію богословія, также программы и руководства, и просилъ разрѣшить ему начать преподаваніе съ января 1759 г. М. Арсеній разрѣшилъ это (Акт. Ак., собр. Д. Вишневскимъ, муз. рук. № 817, № 38). По‘требованы были справки о томъ, какъ раньше шло преподаваніе богословія. Были отысканы инструкціи 4 апр. 1735 г. Рафаила Заборовскаго, 1752 г. Георгія Конисскаго и 31 ав. 1755 г. Манассіи Максимовича. Д. Нащинскій съ своей стороны представилъ программы Ѳеофана Прокоповича, Илларіона Лятошевича, Сильвестар-

предшествовавшаго времени академія не получила надлежащихъ указаній по этимъ предметамъ ни въ инструкціяхъ, ни въ программахъ. Здѣсь не было даже инструкцій о границахъ власти ректора, не было указаній о надлежащихъ отношеніяхъ учителей къ ректору. Все это приводило къ необходимости точно урегулировать, какъ учебную и воспитательную часть, такъ и административную и хозяйственную сторону въ академіи, и установить надлежащій порядокъ, какъ въ преподаваніи и жизни академіи, такъ и въ надлежащихъ отношеніяхъ между служащими въ академіи.

На необходимость составленія инструкціи для урегулированія отношеній между ректоромъ и учителями и для установленія программы по богословію указывалъ еще Д. Нащинскій при самомъ вступленіи въ должность ректора (о чемъ была рѣчь выше). Тогда же и были затребованы свѣдѣнія о порядкахъ, инструкціяхъ и программахъ, бывшихъ ранѣе, и даны были нѣкоторыя указанія (напр. о преподаваніи богословія).

Въ 1763 г. (февраль—апрѣль) произошло, между прочимъ, столкновеніе между префектомъ и студентами, указавшее на ненормальность отношеній между ними. Это столкновеніе окончилось увольненіемъ префекта іеромонаха Мелхиседека Орловскаго.

Это все указывало на необходимость реформы академической жизни.

Но самое главное—требовавшее урегулированія заключалось въ учебномъ дѣлѣ.

Къ учебной реформѣ вынуждали не только всѣ выше указанныя обстоятельства, но и еще одно обстоятельство.

Припомнимъ, что въ 1762 г., 29 ноября, Екатериной II издана была инструкція комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, съ цѣлью урегулировать дѣло обученія въ архіерейскихъ школахъ и устроить въ епархіяхъ школы, согласно съ требованіями Духовнаго Регламента.

Кулябки (1711—1742 г.) и Манассіи и предлагалъ окончить для слушателей 4-го курса богословія систему послѣдняго (своего предшественника), начиная съ отдѣловъ о вѣрѣ во Христа, объ искупленіи, оправданіи, освященіи человѣка, таинствахъ и проч. Какъ на руководство при критикѣ чужихъ исповѣданій, Д. Нащинскій указывалъ на Православное Исповѣданіе Дамаскина. М. Арсеній разрѣшилъ Нащинскому окончить систему Манассіи безъ всякихъ сокращеній, а затѣмъ, велѣлъ преподавать Православное Исповѣданіе во всѣхъ классахъ богословія съ необходимыми разъясненіями и добавленіями (Акт. собран. Аскоч. II, л. 256—257), и спрашивать изъ этой книги по субботамъ по частямъ а—въ цѣломъ (генерально, въ концѣ года, въ маѣ („Акт. и докум...“ проф. Н. И. Петрова, т. II, 280—281).

Эта инструкція въ общемъ намѣчала ту программу обученія, которая указана въ Духовномъ Регламентѣ, и въ то же время вводила нѣчто новое, напр, отдѣльное, самостоятельное преподаваніе такихъ предметовъ, какъ географія, исторія общая и церковная, для которыхъ въ Духовномъ Регламентѣ отводилось второстепенное мѣсто (въ видѣ практическихъ занятій при переводахъ съ нѣмецкаго, французскаго и т. д.).

Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ (сначала въ одномъ составѣ, а потомъ, съ 1766 г. въ другомъ) занялась подробнымъ составленіемъ проектовъ о лучшемъ устройствѣ епархіальныхъ школъ, о составленіи штатовъ для нихъ и т. д.

Эти работы, эти штаты и проекты не имѣли непосредственнаго отношенія къ академіи въ разсматриваемое нами время [1]).

Но реформа сѣверо-русскихъ духовныхъ училищъ, надъ проектомъ которой трудилась комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, по замѣчанію проф. Н. И. Петрова,—не могла не обратить на себя серьезнаго вниманія и Кіевской академіи, такъ какъ она, съ преобразованіемъ другихъ духовно-учебныхъ заведеній, могла оказаться позади ихъ и потерять свое первенствующее значеніе. Поэтому проф. Н. И. Петровъ не безъ основанія замѣчаетъ, что инструкція 1763—1764 г. выработана академіей, вѣроятно, въ виду высочайшей инструкціи 29 ноября 1762 г. [2]).

Первый проектъ инструкціи 1763 г. былъ выработанъ приблизительно лѣтомъ 1764 г. [3]). Надъ выработкой проекта работалъ ректоръ Самуилъ Миславскій. Какое участіе принимала въ выработкѣ 1-й инструкціи академическая корпорація, трудно сказать. Но, видимо, далеко не всѣ преподаватели призваны были къ этой работѣ: нѣкоторые изъ нихъ были недовольны выработаннымъ проектомъ и выразили это въ одной бесѣдѣ [3]).

Митрополитъ Арсеній самъ принималъ въ этомъ живое участіе и руководилъ при составленіи инструкціи. Такъ, когда было составлено предложеніе академіи о программахъ преподаванія, а также о поведеніи учителей въ школѣ и внѣ ея, объ обязанностяхъ ректора и профекта, то этотъ первоначальный проектъ былъ направленъ митрополитомъ Арсеніемъ къ кому то

---

[1]) Выработанные комиссіей проекты имѣли практическое примѣненіе къ Кіевской академіи, по словамъ проф. Н. И. Петрова, при митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ („Труд. К. Д. Акад.“ 1906 г., іюль, стр. 475)

[2]) „Труд. К. Д. Акад.“ 1906 г., іюль, стр, 476, 478.

[3]) „Акты и документы“... проф. Н. И. Петрова т. III, стр. 50.

[4]) Ibidem.

для разсмотрѣнія и отзыва. Въ первомъ проектѣ и были указаны пробѣлы и недостатки: 1) пропуски объ устройствѣ библіотеки и книжной лавки, о конгрегаціонной церкви и ея содержаніи, объ отпускѣ студентовъ на вакаціи, о кондиціяхъ, объ инструкціи для сеніора и префекта, объ отношеніяхъ учителей къ ученикамъ и т. д. 2) указано было на необходимость имѣть вмѣсто писанныхъ и постоянно мѣнявшихся лекцій опредѣленныя учебныя руководства.

Является вопросъ: кто былъ такимъ довѣреннымъ лицомъ, мнѣніе котораго такъ важно было для академіи и принималось въ уваженіе самимъ митрополитомъ Арсеніемъ. Аскоченскій говоритъ [1]), что этотъ отзывъ давалъ Давидъ Нащинскій. Но мнѣніе это не можетъ быть принято по слѣдующимъ основаніямъ: во 1-хъ, Давидъ Нащинскій за 2 года предъ тѣмъ былъ уволенъ изъ академіи самимъ Арсеніемъ безъ прошенія;—причиной увольненія были, какъ мы видѣли, распри между академической корпораціей и Нащинскимъ; извѣстно также, что академическая корпорація вовсе не признавала авторитета Нащинскаго и выражала сомнѣнія въ его преподавательскихъ способностяхъ, при самомъ вступленіи его въ должность ректора. Изъ дальнѣйшей исторіи ректорской дѣятельности Нащинскаго не видно, чтобы это сомнѣніе разсѣялось. Послѣ этого было бы не тактично со стороны митрополита Арсенія отправить академическое мнѣніе на разсмотрѣніе удаленному изъ академіи ректору, затаившему вражду къ корпораціи.

Притомъ удаленіе Нащинскаго вызвало враждебныя отношенія послѣдняго къ митрополиту Арсенію. Извѣстно, что вражда эта перешла даже въ открытую борьбу Нащинскаго, —борьбу, которая дошла даже до Св. Синода. Митрополитъ Арсеній писалъ къ Петербургскому архіепископу Гавріилу и жаловался ему на Нащинскаго. Значитъ, и съ этой стороны невозможно допустить, чтобы Арсеній передавалъ мнѣніе академіи на заключеніе Нащинскаго. Это 2-е.

Въ 3-хъ, если мы обратимся къ самому дѣлу о составленіи проекта инструкціи для академіи, то здѣсь найдемъ слѣдующее. Академія, получивъ отзывъ неизвѣстнаго лица, обсудила его. внимательно и почтительно отнеслась къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ и написала свои объясненія. При этомъ не обошлось безъ ироническихъ замѣчаній по адресу Нащинскаго, относительно

---

[1]) Кіевъ, ч. II, стр. 530—531, примѣч. 277.

[2]) „Акты и докум.“ проф. Н. И. Петрова, т. III стр. 57—58.

переведенной Нащинскимъ латинской грамматики Ландія. Это было бы невозможно, если бы корпорація академіи имѣла предъ собой авторитетнаго критика въ лицѣ Нащинскаго.

Въ 4-хъ, извѣстно, что Нащинскій ввелъ для преподаванія по философіи курсъ Баумейстера. Въ 1-мъ же пунктѣ примѣчаній на мнѣніе академіи сдѣланы возраженія противъ этого курса. И самъ составитель примѣчаній говоритъ о Нащинскомъ въ 3 лицѣ.

Вотъ тѣ основанія, по которымъ Нащинскій не можетъ быть признанъ авторомъ примѣчаній на мнѣніе академіи.

В. Серебренниковъ полагаетъ, что авторомъ замѣчаній на проектъ инструкціи былъ не кто иной, какъ Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій (1755—1795 г.), незадолго передъ тѣмъ бывшій ректоромъ академіи (1752—1755 г.). Это былъ просвѣщенный и весьма образованный архипастырь. Онъ самъ дорожилъ академіей и всѣмъ, что имѣло отношеніе къ ней. Поэтому, съ своей стороны, онъ могъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы помочь улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ академіи.—Но Георгій Конисскій жилъ за предѣлами Кіева. А проф. Н. И. Петровъ указываетъ на то, что авторъ замѣчаній несомнѣнно жилъ въ Кіевѣ, имѣлъ общеніе съ учителями академіи [1]). Поэтому онъ считаетъ, что такимъ авторомъ могъ быть архидіаконъ Сампсонъ Винницкій [2]).

Но, вѣдь, сношенія съ учителями могли быть не только личныя, непосредственныя, а и письменныя (случайныя или нарочитыя, безразлично). Поэтому едвали можно считать опровергнутымъ мнѣніе В. Серебренникова и твердымъ мнѣніе проф. Н. И. Петрова. Несомнѣнно, однако, это было лицо болѣе или менѣе авторитетное для Арсенія и для академіи.

Академія, получивъ отзывъ на проектъ, критически обсудила его и представила обширное „разсужденіе“. Въ общемъ корпорація соглашалось съ сдѣланными въ отзывѣ замѣчаніями; но кое что и не находила возможнымъ принять или признавала излишнимъ. Такъ, напр., корпорація не согласилась съ мнѣніемъ неизвѣстнаго автора относительно учебнаго руководства по философіи и отстаивали пригодность системы философіи Баумейстера, которая введена была въ академіи еще при Тимоѳеѣ Щербацкомъ. Корпорація не соглашалась на увеличеніе уроковъ по нѣ-

---

[1]) „Акты и документы...“, т. III. стр. 50.

[2]) „Труд. К. Д. Акад.“ 1906 г. іюль, стр. 449, прим. 4.

мецкому языку; признавала необходимымъ ввести опредѣленные учебники по пінтикѣ, богословію, по древнимъ и новымъ языкамъ, соглашалась съ мнѣніемъ о введеніи Піарской грамматики и Номенклатора; признавала необходимымъ устройство книжной лавки, составленіе правилъ поступленія на кондиціи, инструкціи сеніору и суперъ-интенденту, правилъ о разборѣ дѣлъ между учителями, учениками и префектомъ [1]).

Указанное „разсужденіе“ было написано отъ имени Самуила Мислáвскаго, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ разбиралъ возраженія критика не безъ рѣзкостей; съ другой стороны, отвергалъ нѣкоторыя предложенія критика, напр. о томъ, чтобы къ рѣшенію общихъ академическихъ дѣлъ были допущены и учители низшихъ классовъ, чтобы спрашивать самихъ учителей новыхъ языковъ объ учебникахъ по этимъ предметамъ [2]).

Представленное академіей разсужденіе было разсмотрѣно митрополитомъ Арсеніемъ [3]) и, затѣмъ, возвращено въ академію для новаго пересмотра.

Академія приступила къ составленію 2-й редакціи инструкціи и внесла въ нее всѣ пропуски и измѣненія, которыя отмѣчены были въ „разсужденіи“, и составленный проектъ [4]) представила на утвержденіе митрополита.

Но и въ этомъ проектѣ были отмѣчены еще нѣкоторые недостатки, напр., относительно грамматики [5]).

Когда были сдѣланы послѣднія измѣненія, то лишь тогда митрополитъ Арсеній утвердилъ проектъ, какъ обязательную инструкцію, и выдалъ 1 мая 1764 г. грамоту, которая и заключаетъ въ себѣ повтореніе всего проекта, выработаннаго академіей.

---

[1]) „Акты и документы“, проф. Н. И. Петрова, т. III, стр. 67—72.

[2]) Ibidem, стр., 70.

[3]) Въ проектѣ между прочимъ было отведено сначала мѣсто нѣмецкому языку на 1 часъ въ воскресные дни. Митрополитъ Арсеній велѣлъ исправить. Дѣйствительно, Самуилъ дополнилъ, что изъ расписанія исключено—время для занятій нѣмецкимъ языкомъ въ воскресеніе и назначено по 2 часа во вторникъ, четвергъ и субботу (письмо С. Мислáвскаго къ каѳедральному писарю).

[4]) Этотъ проектъ напечатанъ проф. С. Т. Голубевымъ въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ за 1893 г. (№ 19 и 20).

[5]) Ibidem, стр. 74—76.

Утвержденный проектъ и получилъ характеръ и силу обязательной инструкціи [1]). Такова внѣшняя исторія составленія инструкціи.

Обращаясь къ ея содержанію, мы видимъ, что въ основу ея положены: 1) Духовный Регламентъ и разныя монаршія грамоты и постановленія высшаго свѣтскаго и духовнаго правительства; 2) инструкція 1752 года ректора Георгія Конисскаго, составленная послѣднимъ, по распоряженію митрополита Тимоѳея Щербацкаго, совмѣстно съ префектомъ, 3) вышеупомянутый проектъ М. Максимовича и распоряженія митрополита Тимоѳея и, наконецъ 4), установившіеся въ академіи обычаи, а также тѣ распоряженія, которыя въ послѣднее время предъ составленіемъ инструкціи были изданы самимъ митрополитомъ Арсеніемъ.

Содержаніе ея таково. Инструкція состоитъ изъ 5 отдѣловъ, изъ коихъ 3 первыхъ касаются учебной части, а 4-й и 5-й административной и воспитательной. Въ первомъ отдѣлѣ довольно подробно излагается программа учебнаго курса всѣхъ классовъ или школъ академіи; во 2-мъ точно означается,—„когда и кому именно изъ учителей ходить въ свою школу, сколько въ оной сидѣть, тако-жъ когда какую школу каждому начинать и кончать“; въ 3-мъ отдѣлѣ содержится „росписаніе, какимъ образомъ часы для ученія въ академіи Кіевской раздѣлены“; въ 4-мъ говорится о томъ „какъ учителямъ и внутрь и внѣ своей школы поступать“, а въ 5-мъ о томъ, „чего именно ректору съ префектомъ наблюдать должно“.

Согласно этой инструкціи, учебный курсъ сохраняется въ общемъ тотъ же, что существовалъ раньше—съ 8 классами, которые слѣдовали въ такомъ восходящемъ порядкѣ: аналогія, ни-

---

[1]) Арсеній Могилянскій писалъ: „понеже представленное намъ о томъ, чего именно въ какой школѣ и какъ обучать должно, академическое мнѣніе по разсмотрѣнію нашему явилось къ приведенію въ лучшій порядокъ ученій, въ академіи нашей Кіевской производимыхъ, быть полезное; для того мы, имѣя пастырское попеченіе о учрежденіи въ той академіи нашей добрыхъ порядковъ, къ утвержденію и разширенію полезныхъ церквѣ святѣй ученій тамо производимыхъ, оное академейское мнѣніе подтверждаемъ, и въ согласіи онаго пастырско приказуемъ академіи нашей Кіевской въ школахъ обучать нынеслѣдующаго и по нынеслѣдующему, а именно“.

Когда академія представила м. Арсенію докладъ и проектъ (18 ноября 1763 г.), то м. Арсеній велѣлъ (30 декабря 1763 г.) изготовить особую грамоту, для подписи, объ обязанностяхъ ректора и префекта по силѣ 15 и 26 п., а также изготовить и разослать всѣмъ протопопамъ указы о высылкѣ дѣтей въ школу къ 1 сентября (Ар. К. Выд. мон. 1764, № 10).

фима, высшій грамматическій классъ, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе. Въ каждомъ классѣ, исключая богословія, былъ курсъ 2-хъ годичный; въ богословіи же положено было обучаться 4 года.

Программа каждаго класса была слѣдующая:

Въ аналогіи положено было, не обременяя новичковъ, какъ, непривыкшихъ еще къ трудамъ и занятіямъ, излишними уроками, показать буквы латинскія, польскія и русскія, изъяснить этимологію, или vocum latinarum naturam, и сообщить предварительныя свѣдѣнія изъ этимологіи о частяхъ рѣчи, грамматическомъ различіи именъ, родъ именъ и т. д., потомъ кратко изучать всѣ правила, особенно о родѣ именъ и словъ, дѣлать краткія экзерциціи на польскомъ и оккупаціи на русскомъ языкѣ пріучать къ твердому и бѣглому чтенію по латински, и постоянно упражнять учениковъ въ переводахъ съ польскаго на русскій, а также заставлять учениковъ, при содѣйствіи calculus'a говорить по польски. Руководство по грамматикѣ указывалось въ Піарской грамматикѣ.

Въ среднемъ (2-мъ) грамматическомъ классѣ, или инфимѣ, положено было обстоятельно изучать орѳографію и этимологію латинскаго языка съ примѣрами и переводомъ польскимъ и латинскимъ, дѣлать экзерциціи на польскомъ и оккупаціи на русскомъ языкѣ, или наоборотъ, „примѣняясь всѣми мѣрами учениковъ слабому понятію и наблюдая ихъ пользу, а не превозносясь своего ума, будто нѣкакимъ остроуміемъ", изучать vocabula по Номенклатору,—по мѣрѣ силъ и способностей; кромѣ того, ученики должны были учиться правописанію и чтенію и писанію [1]). Calculus имѣлъ здѣсь очень важное значеніе при обученіи польскому разговорному языку. Кромѣ того, учителю этой школы вмѣнялось въ обязанность пріучать учениковъ и къ внѣшнему благообразію въ одеждѣ, волосахъ, походкѣ, а также пріучать къ выраженію почтенія къ частнымъ лицамъ [2]).

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ, послѣ повторенія орѳографіи и этимологіи, положено было: 1) изучать правила синтаксиса и изъяснять ихъ, упражняясь въ грамматическомъ разборѣ, 2) читать съ синтаксическимъ и грамматическимъ разборомъ Colloduia Scholastica которыя по субботамъ необходимо было произносить въ присутствіи учителя, 3) дѣлать экзерциціи и окку-

---

[1]) Ibidem, стр. 88.

[2]) Ibidem, стр 89.

паціи, съ строгимъ соблюденіемъ правилъ орѳографіи. За допущенныя грамматическія ошибки въ письмѣ учителю дозволялось прибѣгать къ наказанію лозою (до 3-хъ ударовъ за урокъ [1]). Въ этомъ классѣ также полагалось употреблять calculus—для упражненій въ латинскомъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ классѣ,—синтаксимѣ, положено было: 1) изучать правила 3-й части латинской грамматики, съ приличнымъ разборомъ и изъясненіемъ правилъ на примѣрахъ, 2) изучать синтаксисъ, чтобы ученики могли, какъ слѣдуетъ, читать классическихъ авторовъ. Кромѣ того, ученики обязаны были въ этомъ классѣ изучать Colloqua Scholastica и произносить ихъ по субботамъ предъ учителемъ. Затѣмъ, на каждый день назначались ученикамъ письменныя упражненія (оккупаціи и экзерциціи, попеременно на польскомъ и россійскомъ языкѣ, иногда съ переводомъ съ латинскаго языка на русскій. Послѣ изученія просодіи слѣдовали упражненія въ переводѣ на русскій языкъ отрывковъ изъ евангелія Кастелліона на латинскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ упражненія въ грамматическомъ разборѣ [2]).

Въ пінтическомъ классѣ положено было ученикамъ изучать, прежде всего, просодію изъ грамматики, потомъ сокращенную „Россійскую поэзію“, напечатанную при Императорской Петербургской академіи, упражняться въ чтеніи и переводѣ на русскій языкъ стиховъ, сперва при помощи и указаніяхъ учителя, а потомъ, самостоятельно, безъ указаній учителя; а затѣмъ, переходить къ изученію и толкованію doctrinae de tropis et figuris, такъ какъ безъ знанія послѣдней „невозможно никакимъ образомъ какъ латинскихъ, такъ и россійскихъ стиховъ читать, а паче сочинять“, и послѣ этого уже приступать къ чтенію и разбору по тропамъ и фигурамъ—латинскихъ стиховъ [3]).

Въ теченіе каждой недѣли ученики должны были изучать избранныя сентенціи изъ Фрейера или Лангія и каждую субботу произносить ихъ предъ учителемъ; для разбора по русски назначались стихи и сочиненія петербургскихъ стихотворцевъ [4]).

При этомъ составители инструкціи признавали необходимымъ составленіе новой учебной книги—руководства къ латинской поэзіи, а до составленія признавалось необходимымъ списывать старую [5]).

---

1) Ibidem, стр. 87.—88.
2) Ibidem, стр. 87.
3) Ibidem, стр. 86.
4) Ibidem, п. 9.
5) Ibidem, п. 7.

Въ классѣ риторики положено было преподавать всѣ риторическія правила съ надлежащими примѣрами, сперва простыми, безъ всякаго риторическаго украшенія, а потомъ, съ „подлежащимъ украшеніемъ“. За изученіемъ правилъ слѣдовали оккупаціи и экзерциціи, цѣлью которыхъ поставлялось—провѣрить, насколько ученики усвоили себѣ риторическія правила. Послѣ этого уже слѣдовало чтеніе классиковъ съ переводомъ ихъ „на чистій россійскій языкъ, а не простый и грубый, съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный, каковъ прежде сего (переводъ) бывалъ“.

Задача была не легкая, особенно если принять во вниманіе, что составъ учившихся въ академіи пополнялся больше изъ малороссіянъ, говорившихъ на малорусскомъ и польскомъ языкѣ. Однако необходимость пріучаться къ чисто русскому языку и къ переводу на русскій языкъ была неотложная; чтобы облегчить выполненіе этой задачи, рекомендовалось ученикамъ дома читать переводы и разныя сочиненія Петербургской Императорской академіи или кадетскаго сухопутнаго корпуса.

Затѣмъ, при чтеніи классиковъ необходимо было обращать вниманіе на риторическія особенности орацій (періоды, тропы, фигуры, phrases elegantiores, acumina ratiosa, res notatu digniores и т. д. [1]).

На второмъ году въ этомъ классѣ, послѣ краткаго повторенія пройденнаго курса риторики, слѣдовало изучать 2-ю часть ея de inventione, dispositione et eloquutione съ надлежащими примѣрами на изученныя правила. Затѣмъ, слѣдовало списываніе и разборъ елокуцій на россійскомъ и латинскомъ языкахъ, послѣ чего ученикамъ назначалось дома приготовить небольшія рѣчи (орація) и, по разсмотрѣніи ихъ учителемъ, произнести ихъ въ классѣ съ каѳедры [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ риторическій классъ долженъ былъ подготовить учениковъ къ слушанію курса философіи въ слѣдующемъ классѣ; для сего въ концѣ 2-го года положено было списывать и толковать діалектику того автора, который „въ философіи толкуется“ [3]).

Въ философскомъ классѣ инструкція 1764 года требовала преподаванія философіи по общепринятому во всѣхъ тогдашнихъ западно-европейскихъ школахъ руководству Баумейстера [4]), —

---

[1]) Ibidem, стр. 84—85.

[2]) Ibidem, п. 6.

[3]) Ibidem, п. 9.

[4]) Баумейстеръ принятъ былъ за руководство въ Кіевской академіи еще въ 1755 г. (Ак. Аскоч., т. I, № 50, л. 491).

не пропуская ни одного термина безъ изъясненія, но въ то же время восполнять курсъ философіи тамъ, гдѣ по усмотрѣнію учителя для этого явилась бы нужда. Для сего учитель могъ пользоваться другими новѣйшими и славнѣйщими въ Европѣ авторами [1]). Физику, которой не было въ системѣ Баумейстера и Вольфа, положено было преподавать не по Аристотелю, но по новѣйшимъ руководствамъ, согласнымъ съ Баумейстеромъ. Важное мѣсто и значеніе отводилось здѣсь диспутамъ философскаго характера, въ которыхъ должны были постоянно упражняться ученики, съ цѣлію философскаго развитія. Всѣ эти диспуты должны были вестись съ строгимъ соблюденіемъ силлогической формы [2]).

Программа преподаванія богословія была слѣдующая. Курсъ богословія раздѣлялся 1) на введеніе, 2) на ученіе о вѣруемыхъ и 3) ученіе о творимыхъ. Источникомъ преподаванія должно было служить Священное Писаніе, а также ученіе св. Отцовъ и дѣянія вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ [3]). Руководствомъ къ преподаванію должно было служить „Православное Исповѣданіе“ [4]).

Учителю богословія разрѣшалось искать помощи, или иначе—пользоваться трудами—новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей, но только съ надлежащею критикою какъ излагаемаго у послѣднихъ ученія, такъ и приводимыхъ ими основаній изъ Священнаго Писанія и Отеческихъ книгъ. Все это нужно было провѣрять и сопоставлять съ ученіемъ св. Отцовъ православной церкви.

Указанное Православное Исповѣданіе было признано необходимымъ и полезнымъ и для всѣхъ учениковъ низшихъ классовъ, а потому предписывалось толковать его всѣмъ ученикамъ по субботамъ [5]).

Въ инструкціи было обращено вниманіе на тѣ руководства, которыя выдавались учителями студентамъ. Въ теченіе всей 1-й половины XVIII вѣка, вплоть до митрополита Арсенія Могилянскаго, обыкновенно учители составляли для учениковъ свои руководства, которыя мѣнялись не только еъ перемѣной учителей, но и съ перемѣной каждаго курса учениковъ. Эти руководства отличались отсутствіемъ системы и схоластикой и различались между собою только въ размѣщеніи трактатовъ, ихъ раздѣле-

---

[1]) Ibidem, стр. 83 п. 1, 2 и 3.
[2]) Ibidem, стр. 83—84, п. 6 и 4.
[3]) Ibidem, стр. 79, п. 2, 3 и 4.
[4]) Ibidem, стр. 81, по 9.
[5]) Ibidem, стр. 90

ніемъ, способомъ рѣшенія возраженій и языкомъ. Главнѣйшіе недостатки этихъ записокъ: а) излишняя обширность и растянутость, отъ чего происходило то, что курсъ богословія не успѣвали пройти даже въ 4 года [1]); б) частая смѣна ихъ, обременявшая и наставниковъ и учениковъ,—наставниковъ, такъ какъ они должны были для каждаго курса составлять новыя записки, учениковъ, потому, что они никогда не могли пользоваться готовыми тетрадями своихъ предшественниковъ, а должны были тратить много времени на списываніе ежегодно выдаваемыхъ записокъ [2]).

Для устраненія этихъ недостатковъ, инструкціей требовалось не составлять вновь по богословію записокъ для всякаго новаго курса, а „быть только одной богословіи, но имѣть точію учителю старательство, чтобы оная надлежащимъ толкованіемъ изъяснена была", съ дополненіями въ потребныхъ случаяхъ. При этомъ учителю вмѣнялось въ обязанность соблюдать возможную краткость преподаванія, наблюдать чистый латинскій стиль и избѣгать грубаго и простого нарѣчія; по истеченіи каждыхъ 2-хъ лѣтъ; для вновь поступившихъ въ богословіе начинать курсъ съ начала, а для остальныхъ—продолжать пройденное. И здѣсь, какъ въ низшихъ классахъ, важное значеніе имѣли диспуты, на которыхъ долженъ былъ происходить разборъ мнѣній противниковъ и ученій, противоположныхъ православному ученію.

Кромѣ того, было признано полезнымъ преподавать ученикамъ богословія краткія свѣдѣнія объ Отцахъ церкви и ихъ ученіи, а также о Соборахъ; но сообщеніе этихъ свѣдѣній было предоставлено усмотрѣнію самого учителя [3]).

Что касается языковъ греческаго и новыхъ, то курсъ каждаго изъ нихъ былъ раздѣленъ на 2 года съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе этого времени было изучено чтеніе и письмо буквъ, пройдена была грамматика и синтаксисъ съ переводомъ на русскій и съ русскаго на тотъ или другой языкъ. Въ частности, кромѣ еллинскаго (древняго) языка, ученики обязаны были обучаться и простому греческому, такъ какъ это было очень важно для переводовъ разныхъ писемъ, посланій, которыя часто

---

[1]) Въ 1760 г. было представлено митрополиту Арсенію, что въ теченіе 12 лѣтъ не было окончившихъ курса теологіи, такъ какъ богословскіе трактаты не были окончены (А. К. К. 1760 г., № 1).

[2]) Ист. К. Акад., Мак. Булгакова, 138—139.

[3]) Акт. и док.., проф. Н. И. Петрова, т. III, стр. 82 п. 15.

присылались въ академію митрополитомъ и другими лицами. Инструкціей велѣно было не принимать въ греческую школу учениковъ ниже синтаксимы, такъ какъ греческій языкъ преподавался на латинскомъ языкѣ, что для учениковъ нижнихъ классовъ могло быть не совсѣмъ понятно. Въ виду этого признавалось необходимымъ выписать нѣсколько грамматикъ Tribechovii [1]).

При изученіи французкаго языка главное вниманіе обращалось инструкціей 1) на правильность произношенія и 2) на чистоту перевода на русскій языкъ. Для достиженія послѣдней цѣли рекомендовалось избирать для переводовъ тѣ исторіи, разговоры и епистолы, которыя содержатся въ грамматикѣ Пепліера; для достиженія же чистоты произношенія велѣно было обучать „пронунціаціи“ заблаговременно, при изъясненіи схоластической лекціи [2]).

Нѣмецкій языкъ разрѣшалось проходить съ учениками не ниже риторики. Для чтенія на урокахъ нѣмецкаго языка назначалась сокращенная географія Гибнера. И въ этомъ классѣ главное вниманіе обращалось на чистоту перевода на русскій языкъ. Что же касается произношенія, то рекомендовано было придерживаться саксонскаго нарѣчія. При этомъ рекомендовалось учителю всѣми способами „заохочивать учениковъ“ къ разговорамъ нѣмецкимъ, такъ какъ имѣть навыкъ въ живомъ разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ было очень важно въ виду того, то ученикамъ приходилось встрѣчаться съ говорившими по—нѣмецки [3]).

Учебники по языкамъ были оставлены прежніе; новыхъ руководствъ не назначалось, кромѣ латинскаго языка. Доселѣ по латинскому языку руководствомъ служила грамматика Альвара. Инструкція 1764 года рѣшительно отвергла ее, „такъ какъ она малымъ дѣтямъ крайне темна, невразумительна, непорядочна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточна, а въ иныхъ премного лишняго имѣетъ“.

Какъ видно изъ представленнаго, инструкція 1764 года опредѣляла программы въ томъ же схоластическомъ духѣ, въ какомъ обученіе шло и раньше. Центральное мѣсто въ этой системѣ занимаетъ латинскій языкъ, на которомъ шло почти все тогдашнее преподаваніе; на латинскомъ языкѣ преподавалась и риторика, и поэзія, и грамматика, не говоримъ уже о богословіи:

---

[1]) Ibidem, стр. 92.
[2]) Ibidem, стр. 93.
[3]) Ibidem, втр. 93—94, 95.

на латинскомъ же языкѣ преподавались языки нѣмецкій, греческій.

Въ этой программѣ, повидимому, нѣтъ мѣста нѣкоторымъ новымъ предметамъ, незадолго предъ тѣмъ введеннымъ въ курсъ преподаванія,—исторіи, ариѳметикѣ и географіи. Для сихъ предметовъ не назначено особыхъ классовъ. Спрашивается: чѣмъ это объяснить?

Г. Серебренниковъ полагаетъ, что эти предметы преподавались только по временамъ и поручались тѣмъ изъ учителей, которые способны были преподавать ихъ и имѣли для этого время [1]).

Если и согласиться съ тѣмъ, что предметы эти были необязательны, что въ академіи недостаточно было средствъ для содержанія особыхъ учителей по этимъ предметамъ, что не всегда были и способныя лица для преподаванія географіи, исторіи и математики, все таки останется непонятнымъ, какимъ образомъ могли быть пропущены эти предметы въ программѣ 1764 года, которая, какъ видно, должна была имѣть значеніе не на одинъ годъ, а на нѣсколько учебныхъ курсовъ.

Намъ думается, что предметы эти не могли быть какъ либо пропущены въ инструкціи. При внимательномъ чтеніи послѣдней нельзя не замѣтить, что и для этихъ предметовъ, по крайней мѣрѣ, для исторіи и географіи, нашлось мѣсто въ программѣ академическаго курса.

Такъ, прежде всего, хотя и было предоставлено учителю богословія „на его волю и разсужденіе“, однако было внесено въ программу сообщеніе свѣдѣній по церковной исторіи—объ Отцахъ церкви и о Соборахъ,—о времени жизни и дѣяніяхъ того или другого Отца, того или иного Собора, о сочиненіяхъ и т. д.

Затѣмъ, учителю французскаго языка вмѣнялось: выбирать для перевода по преимуществу матеріалъ историческій изъ грамматики Пепліера [2]); учителю же нѣмецкаго языка назначено было читать съ учениками географію Гибнера [3]). Надо полагать, что исторія и географія и не составляли отдѣльныхъ въ академическомъ курсѣ предметовъ, входили, какъ необходимое добавленіе къ указаннымъ выше предметамъ,—исторія объ Отцахъ церкви и о Соборахъ къ богословію, общая исторія къ французскому языку,

---

[1]) „Кіев. Акад. съ полов. XVIII в.“ стр. 153.

[2]) „Акт. и докум.“ проф. Н И. Петрова, т. III, стр. 93, п. 7.

[3]) Ibidem, стр. 94, п. 10.

географія къ нѣмецкому языку. Такъ было указано Духовнымъ Регламентомъ, и такъ преподавалась при Арсеніи въ предшествующіе годы.

Этотъ планъ и порядокъ остался и въ инструкціи 1764 г. и несомнѣнно, выполнялся въ академіи. Извѣстно, что въ 1765 г. Кіевскій генералъ-губернаторъ Глѣбовъ доносилъ императрицѣ Екатеринѣ II-й, что въ Кіевской академіи, кромѣ разныхъ другихъ предметовъ, преподавалась и исторія, географія и ариѳметика [1]). Не можетъ быть, чтобы въ оффиціально поданномъ докладѣ заключалось невѣрное свѣдѣніе о преподаваніи указанныхъ предметовъ; если такъ, то слѣдуетъ думать, что указанные предметы сами собою разумѣлись въ программѣ 1764 г.

Хотя программы 1764 года и отличаются тѣми же недостатками, что и другія программы схоластической окраски предшествующаго времени, однако было бы несправедливостію отрицать значеніе инструкціи 1764 года. Достоинство этой инструкціи 1) то, что она вносила порядокъ въ преподаваніе, отличавшееся разнообразіемъ и невыдержанностію программъ, что особенно касалось преподаванія языковъ; 2) отводила значительное мѣсто въ курсѣ ученія русскому языку: всѣ учители должны были наблюдать за чистотою русскаго стиля, особенно при переводахъ съ иностраннаго на русскій, для этого рекомендовалось постоянно упражняться въ чтеніи сочиненій и переводовъ по изданіямъ Петербургской академіи или кадетскаго сухопутнаго корпуса; 3) Въ программѣ цѣлаго курса замѣтна постепенность подготовки учениковъ предыдущаго класса къ слѣдующему высшему; здѣсь осуществляется то педагогическое требованіе, по которому слѣдуетъ переходить въ строгой постепенности отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. 4) Отличительная особенность этой программы состоитъ въ томъ, что она удѣляетъ большое значеніе и мѣсто и польскому языку. Это было новинкою по сравненію съ инструкціей 1752 года Георгія Конисскаго. Такое вниманіе, оказываемое польскому языку, объясняется тѣмъ, что составители инструкціи приняли, повидимому, въ соображеніе практическую необходимость знанія польскаго языка, особенно выступавшую въ данное время: въ это время, вслѣдствіе близо-

---

[1]) Глѣбовъ доносилъ такъ... „Въ сей академіи обучаютъ нынѣ богословіи, философіи по системѣ Волфіянской, ораторіи латинской, россійскаго языка по правиламъ напечатаннымъ въ Санктъ Петербургской академіи: катехизису, сознанію глобуса, краткому руководству географіи, ариѳметикѣ и сокращенной унѣверсальной курсовой гисторіи, языкамъ: латинскому, польскому, нѣмецкому, французскому, еллино-греческому, простому греческому и еврейскому.“—

ти Кіева къ Польской границѣ, а также въ виду оживленія сношеній кіевскихъ властей и учрежденій съ заграничными властями и учрежденіями, особенно чувствовалось потребность въ знаніи польскаго языка. Достаточно указать на то, что даже нѣкоторые изъ настоятелей заграничныхъ православныхъ монастырей присылали въ консисторію и митрополиту доношенія на польскомъ языкѣ.

На изученіе послѣдняго отводились часы, начиная съ низшаго класса. При этомъ языкъ этотъ долженъ былъ быть именно живымъ, разговорнымъ языкомъ, для достиженія чего вводился calculus на урокахъ и, внѣ уроковъ.

Впрочемъ, отсюда далеко до вывода, какой дѣлаютъ новѣйшіе польскіе историки, утверждающіе, что Кіевская академія была школой польской и культурной представительницей Польши.

Затѣмъ, обращено серьезное вниманіе на руководства, по которымъ ученики должны были готовиться къ урокамъ. Здѣсь немалая заслуга составителей инструкціи состоитъ въ томъ, что они признали необходимымъ ввести новую грамматику по латинскому языку взамѣнъ грамматики Альвара. До составленія новой грамматики (что вмѣнено было въ обязанность 2-мъ лучшимъ учителямъ) разрѣшалось пользоваться грамматикой Scholarum Piarum ad usum juventutis, напечатанной въ Варшавѣ въ 1760 г. Такая грамматика была составлена архимандритомъ Самуиломъ Мислављскимъ и, по распоряженію митрополита Арсенія, была напечатана (въ 1765 году). Она предназначалась для учениковъ первыхъ 3-хъ классовъ [1]).

Затѣмъ, инструкція одобрила тѣ руководства, которыя были введены въ ближайшее предъ тѣмъ время: книгу Номенклатора, евангеліе Кастелліона и философію Баумейстера, по богословію Православное Исповѣданіе. Какъ извѣстно, книга Номенклатора введена была вмѣсто „orbis pictus“, евангеліе Castellionis было назначено для перевода въ синтаксическомъ классѣ, а не въ грамматическомъ.

Инструкція 1764 года опредѣляла часы занятій по каждому предмету и въ каждомъ классѣ, какъ въ теченіе дня такъ и въ теченіе года [2]).

---

[1]) „Сам. Мислав.“ Рождествен., стр. 25.

[2]) Интересно, что начало и конецъ учебныхъ занятій въ разныхъ классахъ бывали не одновременно: такъ, латинскіе классы аналогіи, инфимы, грамматики, синтаксимы и піитики начинали ученіе 3 сентября, риторическіе 7-го, философскіе въ день св. Софіи—17 сентября, а богословскій въ день Іоанна Богo-

Установивъ опредѣленныя программы и указавъ учебныя пособія для выполненія программъ, эта инструкція, такимъ образомъ, ставила преграду свободѣ и произволу въ преподаваніи, бывшимъ въ прежнее время; въ то же время она служила поддержкой недостаточно способнымъ преподавателямъ, такъ какъ указывала рамки, въ которыхъ послѣдніе должны были держаться и къ выполненію которыхъ должны были стремиться. Начальствующіе въ академіи обязаны были (и по своей обязанности при данныхъ условіяхъ всегда могли) провѣрять, все ли назначенное по программѣ пройдено, не допущено ли учителемъ какихъ либо пробѣловъ.

VI.

Инструкція отмѣчаетъ многія явленія, которымъ не должно было быть мѣста въ школѣ, такъ какъ они происходили отъ произвола учителей. Такъ, нѣкоторые изъ учителей во время уроковъ безполезно тратили время на разные пустые разговоры [1]); другіе учители допускали большой произволъ въ пользованіи карательными мѣрами: наказаніе учениковъ сильными ударами за правое и неправое дѣло, даже за уроки практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; били, не взирая на слабость организма, на малолѣтство учениковъ; нѣкоторые изъ учителей даже выгоняли учениковъ изъ школы [2]),

Мы уже упоминали о томъ, какъ относились учители къ академическому начальству. Они часто вступали въ борьбу съ ректоромъ, оказывали ему неповиновеніе, не являлись по его требованію, уклонялись отъ студенческихъ диспутовъ и даже отъ участія въ богослуженіи.

Въ виду этого инструкція 1764 года поставляла учителямъ въ обязанность: 1) не терять напрасно времени, а по приходѣ въ классъ сразу же начинать дѣло ученія, 2) никого изъ учениковъ ни въ какомъ случаѣ не выгонять изъ школы и не наказывать ихъ свыше 20 ударовъ за проступки, и свыше 3—5 ударовъ за невыученные уроки, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—доносить

слова.—26 сентября; изученіе восточныхъ и новыхъ языковъ начиналось 17-же сентября. Заканчивалось ученіе въ богословскомъ классѣ 23 іюня, въ въ философскомъ и въ школахъ языковъ 28 іюня, въ риторическомъ 7 іюля, а въ прочихъ 14 іюля. (К. В. Е. 1893 г., стр. 551).

[1]) „Акты и документы...“ проф. Н. Петрова, т. III, стр. 98.

[2]) Ibidem, стр. 99.

префекту и ректору [1]); 3) въ высокоторжественные дни непремѣнно участвовать въ богослуженіи въ Братской церкви [2]).

Административная часть по инструкціи получала слѣдующій видъ. Во главѣ академіи является ректоръ и префектъ, какъ ближайшій помощникъ перваго. Учители обязаны были оказывать имъ всякое повиновеніе, являться по ихъ требованіямъ безъ всякихъ отговорокъ и безъ прекословія, приказанія ректора и префекта исполнять безъ отговорокъ, а сами не должны вмѣшиваться въ дѣла и распоряженія префекта и ректора; въ случаяхъ необходимости отлучиться изъ монастыря и изъ школы, учители обязаны были непремѣнно сообщать объ этомъ ректору и префекту. Въ свою очередь ректоръ и префектъ обязаны были наблюдать за учителями, за усернымъ хожденіемъ послѣднихъ въ классъ; посѣщать уроки и провѣрять, знаютъ ли ученики преподаваемое имъ.

Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній между учениками и и учителемъ составлялась конференція префекта и учителей, а въ случаяхъ болѣе важныхъ столкновеній между учителями и префектомъ конференція составлялась изъ учителей съ участіемъ ректора. Словомъ, ректору и префекту отводилось инструкціей важное, центральное мѣсто въ системѣ администраціи; они обязаны были всегда помнить, что если дѣло ученія въ академіи пойдетъ нечинно, безъ должнаго успѣха, то тотъ и другой за это подпадутъ отвѣтственности и суду по закону [3]).

Имъ также вмѣнялось въ обязанность принять всѣ мѣры къ улучшенію учебной части въ академіи, какъ то: подготовить надлежащее руководство по латинскому языку въ замѣнъ отжившей свой вѣкъ грамматики Альвара, пріобрѣтать необходимое число учебныхъ книгъ и руководствъ [4]).

Какъ видно изъ представленнаго, ректоръ академіи являлся съ очень большими правами и полномочіями, а учители академіи лишь обязаны были повиновеніемъ ректору. О правахъ ихъ на участіе въ академическихъ дѣлахъ ничего не говорится, исключая случаевъ недоразумѣній съ учениками и префектомъ, когда должна была дѣйствовать конференція. Такъ инструкція и оставила открытымъ вопросъ о правахъ учителей. Даже объ ихъ пра-

---

[1]) Ibidem, 98 и 99 стр.

[2]) Ibidem, стр. 101.

[3]) Ibidem, стр. 101. При этомъ дѣлается ссылка на Духовный Регламентъ (о дом. училищ.)

[4]) Ibidem, стр. 102—103.

вѣ избирать ректора ничего не говорится. Поэтому дѣла такого рода могли подлежать ихъ вѣдѣнію, очевидно, лишь по усмотрѣнію митрополита. Очевидно, хотя выборное начало и примѣнялось въ академіи при Арсеніи, но это было дѣло доброй воли митрополита. Быть можетъ, инструкція и обошла такіе вопросы, какъ вопросъ о правахъ учителей, о выборахъ ректора, чтобы предоставить епархіальному Владыкѣ право проявленія своей личной власти и усмотрѣнія.

Воспитательная система по инструкціи 1763 г. покоилась на строгихъ религіозныхъ началахъ.

По выходѣ изъ класса, ученики должны были идти въ порядкѣ, по 2 человѣка, тихо и безъ замѣшательства; дойдя до церкви, положить на себя крестъ и, сотворивъ молитву, расходиться по квартирамъ, а въ опредѣленные дни входить и въ церковь. Въ этомъ отношеніи учители обязаны были служить примѣромъ для учениковъ: идти предъ своими учениками до церкви и тамъ молиться [1]). Для наблюденія за тихимъ поведеніемъ учениковъ въ классѣ, за скромнымъ выходомъ изъ класса, благообразнымъ стояніемъ въ церкви, вообще за сохраненіемъ добраго порядка во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ назначены были цензоры изъ самихъ же учениковъ. О всякомъ нарушеніи дисциплины цензоры обязаны были заносить помѣтки въ журналъ, а потомъ, представлять учителямъ для надлежащаго наказанія виновныхъ. Всѣ ученики должны содержаться въ страхѣ, ходить непремѣнно въ церковь безъ опущеній, подъ опасеніемъ наказанія за опущеніе, сидѣть дома и никуда не отлучаться по ночамъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія [2]). Наказанія, согласно съ требованіями Духовнаго Регламента, налагались такія: увѣщанія съ угрозой наказанія, удары розгою, переводъ изъ высшей школы въ низшую, лишеніе права на кондиціи, лишеніе мѣста или званія цензора, инспектора; высшая мѣра наказанія была изгнаніе совсѣмъ изъ училища, примѣнявшаяся къ ученикамъ неспособнымъ, свирѣпымъ и буйнымъ [3]). Изгнаніе изъ академіи примѣнялось также и къ тѣмъ изъ студентовъ, которые по пріѣздѣ въ Кіевъ вовсе не являлись въ академію, а живя на

---

[1]) Ibidem, стр. 99—100; 104.

[2]) Ibidem, стр. 99.

[3]) Ibidem, стр. 104. Кромѣ Духовнаго Регламента, при опредѣленіи изгнанія изъ училища, есть ссылки на грамоты 1701 г., 11 декабря 1742 г.

квартирахъ, шлялись, чинили буйства, вступали въ драки и т. д. [1]).

Не оставлено въ инструкціи безъ вниманія и матеріальное обезпеченіе учениковъ и правовое положеніе ихъ. Въ инструкціи указываются правила относительно предоставленія старшимъ ученикамъ академіи права занимать мѣста инспекторовъ или наставниковъ у разныхъ лицъ, а ученикамъ младшихъ классовъ (начиная съ риторики)—права хожденія за сборомъ милостыннаго подаянія на пропитаніе себя [2]). Отпускъ на вакаціи, согласно съ распоряженіемъ м. Арсенія еще отъ 30 янв. 1760 г. [3]), не допускался раньше окончанія учебнаго года. Лишь бѣднѣйшихъ изъ учениковъ, представившихъ надлежащія удостовѣренія о своей бѣдности, разрѣшалось отпускать для сбора подаяній, начиная съ 9 мая по 1 сентября.

VII.

Мы должны сказать, что инструкція 1764 г. является завершеніемъ предшествовавшаго ей опыта въ учебномъ дѣлѣ и возможнымъ усовершеніемъ его—въ возможныхъ въ то время формахъ и границахъ [4]). Г. Серебренниковъ говоритъ, что общее направленіе наукъ оставлено по прежнему исключительно формальное; порядки академіи тѣ же, съ ея схоластической наукой [5]). Нѣтъ спору, что духъ академической науки былъ по прежнему схоластическій. Но академія въ данную пору, по единогласному замѣчанію историковъ, уже клонилась къ упадку. И не вина академіи въ этомъ.

Многія лучшія силы уплывали изъ нея то въ Московскую академію [6]), то медико-хирургическую академію, то въ новооснованный университетъ. Съ другой стороны, эти заведенія такъ еще были юны, что не могли оказывать вліянія на академію и оживлять ея духъ и направленіе. Нуженъ былъ для академіи какъ бы отдыхъ послѣ ея истощенія. Нуженъ былъ новый притокъ

---

[1]) Ibidem, стр. 109.

[2]) Ibibem, стр. 107, 108, 109.

[3]) „Акты и документы“... проф. Н. Петрова т. II, стр. 375.

[4]) Эта инструкція была принята и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: такъ, когда ректоръ академіи, Самуилъ Миславскій назначенъ былъ епископомъ Бѣлгородскимъ, онъ издалъ въ руководство Харьковскому Коллегіуму инструкцію (1769 г.) которая во многихъ случаяхъ буквально сходна съ инструкціей академіи 1764 г., („Кіев. Стар.“, 1894, авг. 283—286.)

[5]) „Кіев. Ак. цит. соч., стр. 154.

[6]) По словамъ проф. Н. И. Петрова, Московская академія особенно много обезсиливала Кіевскую академію; она была старшею и самою многолюдною колоніею Кіевской академіи, развивавшею свои силы даже „въ ущербъ своей метрополіи. („Значеніе Кіев. академ. въ развитіи духов. школъ...“, (Кіевъ 1904 г., стр. 13.)

свѣжихъ силъ въ академическую корпорацію. Нужно было, чтобы академія приняла участіе въ общерусскомъ просвѣщеніи, чтобы оживить свое собственное преподаваніе.

Не отрицая упадка академической науки, не слѣдуетъ въ то же время забывать, что и здѣсь были проблески, что признаетъ отчасти и г. Серебренниковъ [1]).

Студенты могли получать положительныя свѣдѣнія изъ физики, а особенно изъ тѣхъ книгъ, которыя служили учебными пособіями по предметамъ. Замѣчательно, что именно во время правленія Арсенія Могилянскаго болѣе или менѣе значительно пополнялась академическая библіотека [2]). Это свидѣтельствуетъ не только о томъ, что были благодѣтели—истинные радѣтели просвѣщенія, но и о томъ, что въ академіи были средства для пополненія и разширенія знаній студентовъ.

Митрополитъ Арсеній самъ на свой счетъ выписывалъ книги для академіи, также нѣмецкіе и французскіе журналы и „Трудолюбивую Пчелу“ [3]).

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что самое преподаваніе далеко не было такъ подавлено схоластикой, какъ обычно изображаютъ историки академіи. Вспомнимъ, что еще Давидъ Нащинскій преподавалъ богословіе примѣнительно къ Православному Исповѣданію Іоанна Дамаскина [4]). То же Православное Исповѣданіе оставлено было руководствомъ и по инструкціи 1764 г. Можно ли говорить, что богословіе преподавалось чисто въ схоластическомъ духѣ?

---

[1]) Цит. соч., стр. 153.

[2]) Въ 1758 г, поступило въ академическую библіотеку отъ Илларіона, епископа Сарскаго и Подонск., 454 латинскихъ и 36 русскихъ книгъ. Съ 1768 г., стала заводиться библіотека въ самой бурсѣ. Съ 1768 г., по 1771 г., въ библіотеку поступили книги отъ И. Н. Бантышъ Каменскаго 174, отъ доктора К. Ив Щепина 6, отъ Бибикова 4, отъ Мононисса 17, отъ Козельскаго 2, отъ Раича 1, отъ В. Рубана 10, отъ Сулимы 7, отъ Гр. Козицкаго 38, отъ Амвросія, архіеп. Московскаго 1, отъ В. Крамаренко 9, отъ купца Як. Добрынина 38, отъ другихъ лицъ 49. (Акт. Аскоч. т. Ш, л. 53, № 31.

[3]) „Кіевъ“ Аскоч., т. II, стр. 302. Онъ же прислалъ 26 томовъ изъ своей библіотеки въ томъ числѣ 8 том. Critici Sacri, 14 томовъ Magna Bibliotheca изд. Се. Agrippino (Рукоп. К. С. Б. № 605, л. 105—135).

[4]) „Акт.“ Аскоченскаго, т. II, л. 256—257).

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ академіи, іеромонахъ Тарасій, говоритъ, что малороссійское богословіе (разумѣется— богословіе преподававшееся кіевскими учеными) заимствовано у латинскихъ схоластиковъ, при чемъ заимствованіе коснулось какъ отдѣльныхъ пунктовъ, такъ и самой формы системы [1]). Но, во 1-хъ, указанное замѣчаніе касается богословія XVI и XVII вв., когда, дѣйствительно, было большое вліяніе схоластическихъ латинскихъ системъ на богословскія системы и курсы кіевскихъ ученыхъ. Во 2-ой же половинѣ XVIII в. богословіе стало освобождаться (какъ видно изъ примѣра Д. Нащинскаго) отъ зависимости и вліянія западныхъ, латинскихъ схоластиковъ богослововъ и возвращалось къ святоотеческимъ системамъ греческихъ богослововъ (Іоанна Дамаскина). Во 2-хъ, не отрицая заимствованія внѣшнихъ формъ (дѣленія на части, отдѣлы и проч.) схоластической науки, должны замѣтить, что въ эти формы вливалось новое содержаніе, болѣе живое. Припомнимъ, что та же инструкція внушала учителю богословія разсматривать и разбирать какъ самыя ученія, такъ и основанія, приводимыя въ защиту того или иного ученія западными, латинскими и лютеранскими богословами. Отрицать значеніе схоластической науки во всякомъ случаѣ нельзя. Вѣдь, схоластика оставила по себѣ извѣстнаго рода слѣдъ, какъ извѣстно, систему и стройность цѣльность и законченность, что признаетъ и самъ іеромонахъ Тарасій [2]).

Самая инструкція 1764 г. далеко не совсѣмъ связывала и стѣсняла преподаваніе. Такъ, учителю философіи Рувиму Петуинскому разрѣшено было преподавать философію (съ ноября 1764 г.) не по инструкціи [3]); очевидно, учителямъ давался просторъ въ составленіи лекцій, и открывалась возможность свободнаго, живого преподаванія. Вопросъ, конечно, другой, насколько пользовались учители свободой преподаванія.

Слѣдуетъ также замѣтить, что, по словамъ авторитетныхъ историковъ академіи, въ разсматриваемую пору въ преподаваніи и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ (кромѣ богословія) замѣтно уже нѣчто новое, оживлявшее кіевскую науку и литературу. Проф. Н. И. Петровъ говоритъ, что въ историческомъ развитіи литературы въ академіи съ половины XVIII в. начинается 3-й

---

[1]) „Великороссійское и Малороссійское богословіе...“, изд. „Миссіон. Обозрѣн.“, стр. 37–38.

[2]) Цит. соч., стр. 37.

[3]) Акт. акад., собр. Д. Вишнев., Муз. № 816.

періодъ,—періодъ упадка кіевской литературы и подчиненія новой, сѣверно-русской литературѣ [1]).

Замѣчательный профессоръ академіи половины XVIII в., Георгій Конисскій въ своей піитикѣ, въ отдѣлѣ о польско-русскомъ стихосложеніи больше и подробнѣе говоритъ о русскомъ, чѣмъ о польскомъ стихѣ; примѣровъ польскаго стиха у него только 3 [2]).

Онъ былъ послѣднимъ представителемъ силлабической поэзіи въ Кіевской академіи. Въ сѣверной Россіи въ то время уже входила въ большое употребленіе теорія тоническаго стихосложенія.

Въ академіи Кіевской оно, правда, сначала не обратило на себя вниманія; но и здѣсь незадолго до Конисскаго появились стихотворенія Ломоносова. Въ піитикѣ Г. Конисскаго въ первый разъ произошла встрѣча силлабическаго и тоническаго стихосложенія. Отъ перваго къ послѣднему перешла риѳма мужская и женская, строфа, цезура и проч. Даже въ отношеніи тона стиховъ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія (въ леонинскомъ стихѣ) [3]) Дошедшая до насъ піитика 1767 г. въ отдѣлѣ о русской поэзіи уже говоритъ исключительно о тоническомъ стихосложеніи, а именно: о слогахъ, стопѣ и риѳмѣ. Съ этого времени кіевская поэзія всецѣло подчиняется сѣверной; въ руководство принята піитика Московской академіи Аполлоса [4]). Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Кіевская академія, хотя и продолжала пользоваться схоластикой, однако имѣла нѣчто новое, живое; академическая наука, видимо, усваивала новое содержаніе, черпала живую струю изъ сѣверорусской науки.

VIII.

Одинъ изъ новѣйшихъ заграничныхъ историковъ, г. Яблоновскій, между прочимъ, говоритъ, что Кіевская академія была простою посредницей между западною и восточною культурою, что она по преимуществу служила распространенію польскаго вліянія въ Заднѣпровьи и за границами польской территоріи. Въ доказательство этой мысли (или лучше сказать, идеи, вло-

---

[1]) Труд. К. Д. Ак. 1866, т. Ш. стр. 311—312.

[2]) Ibidem, стр, 327.

[3]) Ibidem, стр. 327—328.

[4]) Ibidem, стр. 330. Упомянутая піитика 1767 г.—въ рукописи К. Соф. Соб., № 488.

женной въ исторію „Akademii Kijowsko-Mohilan'skiej, wydanej w 1900 г.) онъ ссылается на то, что господствующій языкъ, на которомъ писали и говорили воспитанники академіи, былъ языкъ польскій и что порядки въ академіи были приняты тѣ же, что и въ западно-европейскихъ коллегіяхъ [1]).

Уже послѣ вышесказаннаго о характерѣ преподаванія богословія и піитики очевидно, насколько несправедливо утвержденія г. Яблоновскаго—относительно хода преподаванія въ академіи въ указанное нами время. Обращеніе богослововъ преподавателей къ богословію І. Дамаскина, отмѣченное выше и начатое съ половины XVIII в., свидѣтельствуетъ о томъ, что профессора богословія шли своимъ, самостоятельнымъ путемъ и не слѣдовали слѣпо западнымъ, латинскимъ богословамъ. Напротивъ, они совершенно сознательно принимались за изученіе западныхъ системъ богословія, чтобы пользоваться ими для ихъ опроверженія, въ цѣляхъ полемическихъ. Такое отношеніе къ западному богословію инструкцей 1764 г. еще больше опредѣлялось, отмѣнялось и какъ бы узаконялось. Ясно, что нельзя говорить такъ рѣшительно, о подчиненеи кіевскихъ ученыхъ западнымъ латинскимъ богословамъ и отсюда дѣлать выводы, что Кіевская академія была посредницей между западно-европейской и восточной культурой.

Еще больше освобождалась Кіевская академія отъ вліянія западной, въ частности польской культуры въ отношеніи литературнаго языка и литературнаго стиха, литературы вообще. Польскій языкъ, правда, преподавался; но его преподаваніе было признано необходимымъ вообще въ виду широкаго распространенія этого языка въ обществѣ, въ которомъ приходилось вращаться студентамъ академіи, а также въ виду тѣхъ запросовъ, которые предъявлялись къ академіи со стороны иностранной коллегіи [2]). Но отсюда не слѣдуетъ, что академія была поль-

---

[1]) „Къ вопросу о значеніи Кіев. академіи для православія и русской народности...“ свящ. Ѳ. И. Титова, К. 1904, стр. 5—6.

[2]) Самуилъ Мислављскій въ „разсужденіи“ писалъ: „Неоспоримое дѣло, что съ лутшею бы пользою ученики могли обучаться, естли бы всѣ ученія на природномъ, языкѣ предлагались; но понеже чрезъ то не чувствителнимъ образомъ искореняется полскій языкъ... а сверхъ того здѣсь в обычай почти непременный уже вошло предлагать въ низшихъ школахъ ученикамъ на полскомъ діалектѣ, да и самая смежность рубежа съ поляками велитъ польскому языку обучаться непременно, а паче что изъ иностранной... Коллегіи отъ Кіевской академіи переводчиковъ полского языка часто требуется..“ („Акты и докум...“ проф. Н. И. Петрова, т. III, стр. 60).

скою, что она была посредницей между польской и русской культурой. Мы выше отмѣтили, что не послѣднее, а одно изъ почетныхъ, мѣстъ занимало и преподаваніе русскаго языка. На преподаваніе этого предмета было обращено вниманіе м. Арсенія. Въ программѣ 1764 г. нѣтъ, правда, особыхъ часовъ для преподаванія этого предмета.

Тѣмъ не менѣе, обращалось серьезное вниманіе на то, чтобы ученики упражнялись въ переводахъ съ польскаго и латинскаго на чистый россійскій языкъ; указывались и печатныя руководства при усвоеніи чистаго россійскаго языка, въ изданіяхъ кадетскаго сухопутнаго корпуса и С.-Петербургской академіи. По нашему мнѣнію, это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ характеръ преподаванія въ академіи вводился, такъ сказать, русскій колоритъ.

Затѣмъ, въ самомъ руководствѣ піитики въ разсматриваемое нами время, какъ мы видѣли, отводится мѣсто стихосложенію тоническому, больше свойственному русскому языку, чѣмъ силлабическое, и даже отдается предпочтеніе ему предъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, и въ матеріальномъ отношеніи въ половинѣ XVIII в. академія уже освобождалась отъ вліянія польской культуры.

IX.

Въ то время, какъ Кіевская академія занята была выработкой инструкціи для урегулированія своихъ учебныхъ, воспитательныхъ и административныхъ дѣлъ, выработанъ былъ и другой проектъ о преобразованіи академіи. Этотъ проектъ принадлежитъ малороссійскому гетману, Кир. Разумовскому, который въ 1763 году, вмѣстѣ съ казацкой старшиной, подалъ универсалъ императрицѣ о возстановленіи старинныхъ правъ Малороссіи и объ утвержденіи за его домомъ наслѣдственнаго гетманства. Въ этомъ универсалѣ Разумовскій предлагалъ: вывести всѣхъ монаховъ изъ Братскаго монастыря и устроить тамъ университетъ изъ 4-хъ факультетовъ, въ томъ числѣ съ 1-мъ богословскимъ факультетомъ, который долженъ былъ замѣнить тогдашнюю академію, подготовлявшую, главнымъ образомъ, учительныхъ богослововъ. Этотъ проектированный университетъ, по представленію Разумовскаго, имѣлъ быть подъ покровительствомъ императрицы и подъ наблюденіемъ 2-хъ кураторовъ: гетмана—въ цѣломъ составѣ всѣхъ факультетовъ—и Кіевскаго митрополита—по дѣламъ одного богословскаго факультета.

При назначеніи профессоровъ для послѣдняго, Кіевскій митрополитъ имѣлъ дѣйствовать согласно съ гетманомъ. Обязанности митрополита, какъ „куратора", намѣчались такія, чтобы наблюдать за учителями, чтобы они „не вводили никакого ученія противнаго православной вѣрѣ", а также въ томъ, чтобы наблюдать за печатаніемъ книгъ церковныхъ и гражданскихъ [1]).

Подробныхъ программъ не намѣчалось, но, какъ видно, имѣлось въ виду коренным образомъ реформировать академію въ высшее, универсальное, всесословное заведеніе.

Для содержанія этого проектированнаго университета Разумовскій предлагалъ употреблять деньги или подати съ духовныхъ имѣній, изъ таможенныхъ и другихъ сборовъ [2]).

Этотъ проектъ, какъ составлявшій часть грандіознаго проекта о возстановленіи гетманства и старинныхъ правъ Малороссіи, не нашелъ никакого сочувствія у императрицы; мало этого; привелъ къ совершенному упраздненію гетманства и къ увольненію Разумовскаго отъ управленія Малороссіей.

Смѣнившій Разумовскаго, графъ П. А. Румянцевъ также проектировалъ вывести монаховъ изъ Братскаго монастыря и основать здѣсь высшее училище (другое такое же училище проектировалось устроить въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ), подъ надзоромъ Св. Синода, который имѣлъ наблюдать за преподаваніемъ богословскихъ наукъ, и свѣтскаго правительства, въ вѣдѣніи котораго имѣли быть всѣ преподаватели остальныхъ предметовъ [3]).

Сама императрица Екатерина II въ 1765 г. велѣла избрать 10 человѣкъ изъ талантливыхъ духовныхъ воспитанниковъ и отправить ихъ за границу, въ Оксфордскій и Кембриджскій университетъ, для обученія высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. Охотниковъ нашлось 16 человѣкъ, которые и были отправлены въ заграничные университеты [4]).

Извѣстно, какъ императрица Екатерина косилась на малороссіское духовенство и, въ частности, на Кіевскую академію, изъ которой выходило много дѣятелей въ епархіяхъ не только малорусскихъ но и сѣверно-русскихъ, ту академію, изъ которой

---

[1]) „Акты и документы", проф. Н. И. Петрова т. III, стр. 185—186.
[2]) Ibidem.
[3]) „Кіев. Старин." 1896 г., декабр., стр. 389—390.
[4]) „Труд. К. Д. Академ." 1906 г., іюль, стр. 488.

вышелъ и знаменитый по протесту противъ отобранія церковныхъ имѣній митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.

Императрица, при назначеніи Румянцева президентомъ Малороссійской Коллегіи, велѣла ему обратить особенное вниманіе на Кіевскую академію, такъ какъ „обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго честолюбія началами“ [1]).

Не въ соотвѣтствіе ли съ этимъ Румянцевъ и представилъ свой проектъ о преобразованіи академіи въ университетъ и о порученіи ея наблюденію и высшему надзору не митрополита, какъ представителя мѣстной епархіальной власти, поставленнаго императрицей подъ особый надзоръ, а высшаго центральнаго духовнаго правительства, Св. Синода, который въ своихъ дѣйствіяхъ былъ исполнителемъ предначертаній императрицы.

Можно думать, самая посылка студентовъ въ заграничные университеты была предписана Екатериной, съ цѣлью воспитать новыхъ лицъ, не зараженныхъ идеями, какія подозрѣвала императрица у кіевскихъ ученыхъ богослововъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Кіевская академія не могла оставаться въ бездѣйствіи и, видимо, готовилась къ новымъ преобразованіямъ и реформамъ, въ духѣ представленныхъ проектовъ.

Въ началѣ 1766 г. Екатеринѣ былъ представленъ генералъ-губернаторомъ Глѣбовымъ докладъ о состояніи академіи съ ходатайствомъ о подтвержденіи ея старинныхъ правъ и привиллегій, о порученіи ея въ дирекцію Кіевскаго митрополита и Кіевскаго губернатора, объ устройствѣ при ней типографіи для печатанія книгъ на латинскомъ, польскомъ, греческомъ и россійскомъ языкѣ, а также сочиненій и переводовъ учителей.

Въ числѣ основаній для удовлетворенія ходатайства Глѣбовъ указывалъ на то, что въ академіи преподается богословіе, философія по системѣ Вольфа, ораторія, латинская, польская и россійская поэзія, россійскій языкъ по правиламъ напечатаннымъ С.-Петербургской академіей, географія, познаніе глобуса, ариѳметика, краткая общая исторія Курція и языки: латинскій, польскій, нѣмецкій, французскій, греческій и еврейскій. Кромѣ того,

---

[1]) „Истор. Россіи“ Соловьева, изд. „Общ. Польза“, кн. 6, т. 26, стр. 35—36.

указывалось на то, что воспитанники академіи трудились съ немалою пользою на разныхъ поприщахъ, какъ то: въ свящ. санѣ при церквахъ Кіевской епархіи, въ другихъ епархіяхъ при учебныхъ заведеніяхъ, въ переводчикахъ, въ медикохирургической академіи и т. д.

Указывая на несовершенство преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, особенно новыхъ языковъ, и на возможность усовершенствованія общаго академическаго образованія и науки прибавленіемъ двухъ факультетовъ, медицинскаго и математическаго, а — преподаванія новыхъ языковъ приглашеніемъ природныхъ нѣмцевъ и французовъ, Глѣбовъ ходатайствовалъ также о прибавкѣ академіи жалованья, по крайней мѣрѣ, по примѣру Харьковскаго Коллегіума, до 3,000 руб. Такая щедрость и милость императрицы, — представлялъ Глѣбовъ,—побудитъ учителей къ новымъ усиленнымъ трудамъ на пользу академіи и отечеству и дастъ возможность произвести указанныя преобразованія и улучшенія [1]).

Какое участіе въ этомъ ходатайствѣ Глѣбова принимала академія и митрополитъ Арсеній, рѣшительно сказать нельзя: сочувствовалъ ли онъ подчиненію академіи и губернатору, данныхъ для сужденія объ этомъ не имѣется. Но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что митрополитъ Арсеній вполнѣ сочувственно и одобрительно относился къ ходатайству о заведеніи при академіи типографіи, объ ассигнованіи суммы на содержаніе академіи.

Если мы обратимъ вниманіе на ту докладную записку „о всѣхъ обстоятельствахъ, до Кіево-Братскаго училищнаго Богоявленскаго монастыря и до академіи Кіевской касающихся", которая была представлена академіей, по требованію духовной консисторіи отъ 10 января 1765 г., и сопоставимъ ее съ вышеупомянутымъ докладомъ Глѣбова, то, съ вѣроятностью можно предполагать, что Глѣбовъ представлялъ докладъ по соглашенію съ митрополитомъ Арсеніемъ и, вѣроятно, пользовался разными сообщеніями послѣдняго объ академіи.

Ходатайство Глѣбова произвело свое дѣйствіе и вызвало указъ императрицы Екатерины II о ежегодной выдачѣ изъ экономическихъ суммъ, изъ государственной коллегіи по 500 руб. на академію, при чемъ распредѣленіе этой суммы на учащихся и учителей было предоставлено самому Кіевскому митрополиту [2]).

---

[1]) Рук. К. С. Б., № 178, л. 217—220.

[2]) П. С. З. Р. И. т. 17, № 12,604.

Эта сумма была ассигнована „пока впредь особливое разсмотрѣніе учинено будетъ", т. е. впредь до усмотрѣнія. Съ этого времени академія стала получать по 250 руб. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ (первое казенное пособіе) и по 250 руб. на жалованье учителямъ.

Никакихъ другихъ распоряженій,—относительно учебной части, преобразованія въ университетъ,—Екатерина не издала теперь.

Когда поднялся вопросъ о составленіи проекта Новаго Уложенія и когда стали выбирать депутатовъ въ Комиссію Уложенія, малороссійское шляхетство опять повторило высказанное при Разумовскомъ казацкой старшиной желаніе, чтобы въ Кіевѣ былъ основанъ вмѣсто латинской школы (академіи) университетъ.

Въ свою очередь, и Кіевское духовенство представило въ числѣ своихъ пунктовъ заявленія о подтвержденіи старинныхъ правъ и грамотъ, дарованныхъ академіи, объ освобожденіи ея отъ разныхъ повинностей, объ ассигнованіи ей жалованья—примѣнительно къ содержанію, отпускавшему на содержаніе Московской академіи (въ суммѣ 4847 р. 16 к.). Это содержаніе испрашивалось какъ въ виду заслугъ академіи въ прошломъ и въ *то*, разсматриваемое нами, время, такъ и для оживленія и улучшенія дѣла преподаванія, особенно языковъ и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ (ариѳметики, исторіи и географіи). Вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивались и нѣкоторыя другія привилегіи (напр. о предоставленіи ученымъ преимущественныхъ правъ на приходскія мѣста, на настоятельскія мѣста въ монастыряхъ, о заведеніи типографіи при академіи для печатанія переводовъ и сочиненій учителей академіи, о неприкосновенности личности студентовъ и т. д).

Эти пункты были представлены одновременно съ пунктами шляхетства и составляли не только параллель но какъ бы отвѣтъ или отзывъ на представленіе малороссійской шляхты и старшинъ.

Впрочемъ, ни тѣ, ни другіе пункты въ данное время не привели ни къ какимъ результатамъ или послѣдствіямъ. Комиссія Уложенія закрылась, не окончивъ возложенной на нее работы.

Таковы были проекты о преобразованіи академіи и такъ реагировала академія на эти проекты въ разсматриваемое нами время.

X.

Матеріальное положеніе академіи въ половинѣ XVIII вѣка представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Средства содержанія академіи были: а) общія съ средствами содержанія Кіево-Братскаго монастыря и б) нѣкоторыя спеціальныя средства.

Братскій монастырь въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи былъ тѣсно связанъ съ академіею: зданія академіи,—школы и бурса,—расположены были во дворѣ Братскаго монастыря; на счетъ Братскаго монастыря происходила починка или ремонтъ академическихъ зданій. Отъ Братскаго монастыря учители академіи получали квартиры (келліи), а также пищевое довольствіе,—припасы всякаго рода.

На содержаніе академіи шли доходы Братскаго монастыря, а эти доходы составлялись изъ доходовъ, поступавшихъ отъ вотчинъ, земельныхъ и другихъ угодій и изъ пожертвованій. Съ другой стороны, нѣкоторыя спеціальныя суммы (о которыхъ рѣчь впереди) академіи шли также въ общую монастырскую казну и употреблялись на общіе расходы. Отсюда, естественно, вытекало то, что *такое* или *иное* матеріальное состояніе Братскаго монастыря отражалось на состояніи академіи.

Общіе доходы Братскаго монастыря и академіи, поступавшіе въ монастырскую казну, доходили до 1190 слишкомъ руб. [1]). Эта сумма въ разные годы могла быть то большей, то меньшей, смотря по урожаю хлѣба, по выкуркѣ вина и по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ.

Къ половинѣ же XVIII в., средства монастыря значительно истощали, такъ какъ 1) было запрещено Братскому монастырю выкуривать вино, 2) хозяйство монастыря, вслѣдствіе разныхъ судебныхъ исковъ [2]) и захватовъ со стороны другихъ лицъ пришло въ разстройство. Жалобы на плачевное состояніе имущества Братскаго монастыря повторяются въ половинѣ XVIII в. и до конца владѣнія монастырскими угодіями [3]). Правда, по распоряженію митрополита Тимоѳея Щербацкаго, въ 1754 г. велѣно бы-

---

[1]) „Тр. Кіев. Д. Ак." 1896 г., сент., 63 стр.

[2]) Самуилъ Мисласвскій, прося увольненія отъ должности члена консисторіи, указывалъ на то, что Братскій монастырь „въ весьма великихъ спорахъ съ свѣтскими, а паче съ многими духовными по земельнымъ дѣламъ состоитъ". (А. К. К. 1767 г., д. по описи, № 62).

[3]) Ibidem, стр. 65.

ло 11 монастырямъ Кіевской епархіи (Максаковскому, Батуринскому, Гамалѣевскому, Глуховскому, Мгарскому, Густынскому, Полтавскому, Скельскому, Гадяцкому, Великобудицкому и Городищкому) ежегодно вноситъ въ Братскій монастырь опредѣленную ругу хлѣбными припасами и напитками. Такое вспомоществованіе Братскій монастырь получалъ и отъ Софійскаго монастыря [1]).

Содержаніе академіи еще ухудшалось отъ безпорядочнаго управленія монастырскимъ хозяйствомъ и отъ другихъ случайныхъ причинъ [2]). Нужно замѣтить, что соединеніе доходовъ монастыря и доходовъ академіи въ одну общую казну по временамъ очень невыгодно отзывалось на содержаніи академіи. И академія и Братскій монастырь, какъ самостоятельныя учрежденія, естественно, стремились къ тому, чтобы улучшить свое положеніе; но по большей части это улучшеніе для одного изъ нихъ происходило на счетъ другого, въ явный ущербъ содержанію другого. Поэтому разныя недоимки и пререканія между академіей и Братскимъ монастыремъ были почти неизбѣжны. Нужно было много такта и безпристрастія со стороны ректора академіи—настоятеля монастыря, чтобы вести хозяйство и выдавать содержаніе монастырской братіи и академіи безобидно для той и другой.

Въ случаѣ, когда ректоръ академіи болѣе расположенъ былъ къ монастырской братіи, чѣмъ къ учительской корпораціи, содержаніе послѣдней ухудшалось. Такъ именно и было при Давидѣ Нащинскомъ (о чемъ сказано выше). Возможно было, конечно,—и обратное явленіе: улучшеніе положенія академіи на счетъ монастырской братіи. Для избѣжанія подобныхъ явленій необходимо было точное опредѣленіе средствъ содержанія монастыря и академіи и даже раздѣленіе однихъ отъ другихъ. Но это разграниченіе произошло лишь въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, когда указомъ Св. Синода поручено было митрополиту Гавріилу Кременецкому самому распредѣлять доходы между Братскимъ монастыремъ и академіей [3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 67.

[2]) Ibidem, стр. 64. Въ 1759 г., намѣстникъ Братскаго монастыря представлялъ Д. Нащинскому, что, какъ видно было изъ городническихъ и шафарскихъ книгъ, доходовъ въ монастырь почти и $^1/_3$ части прежнихъ доходовъ не поступало (В. Серебренниковъ, цит. соч., стр. 72).

[3]) Рукопис. биб. Кіев. ак. I. 1.26 26. л. 254—255.

Къ спеціальнымъ средствамъ академіи относятся слѣдующія: а) спеціальныя пожалованія изъ казны, б) сборы и пожертвованія, в) штрафныя деньги, г) консоляціи разнаго рода.

Изъ государственной казны на содержаніе академіи въ половинѣ XVIII столѣтія поступало, по пожалованной грамотѣ (1694 г.) царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, 50 р. и 30 рублей (вмѣсто 50 четвертей ржи), итого 80 руб. [1]); затѣмъ, по жалованной грамотѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 31 декабря 1742 г., изъ малороссійскаго скарбу Глуховскаго поступало 200 руб. [2]). Первые (80 р.) расходовались на жалованье ректора и учителей [3]), изъ вторыхъ 35 руб. назначалось на починку школъ, 35 руб. на конгрегаціонную церковь, а 130 руб. на содержаніе учителей (главнымъ образомъ на одежду [4]).

Этихъ казенныхъ суммъ было слишкомъ мало для академіи, особенно если принять во вниманіе ту пользу, какую приносила академія государству, подготовляя дѣятелей и на государственное поприще [5]), давая своихъ лучшихъ питомцевъ въ новоосновавный университетъ, въ медикохирургическую академію.

При митрополитѣ Арсеніи пособіе изъ казны увеличилось до 500 руб. Какъ мы указали выше, это произошло по представленію Кіевскаго генералъ-губернатора Глѣбова и, надо думать,

---

[1]) Тр. К. Д. Ак. 1896 г., сент. стр., 26; В. Серебренниковъ „Кіев академ.", стр. 68.

[2]) Ibidem, стр. 74.

[3]) Сб Им. Ист. Об., т. 43, стр. 528. Послѣдній издатель исторіи Кіевской академіи, во 2-й полов. XVIII в., Г. Серебренниковъ неправильно думаетъ объ этихъ деньгахъ и несправедливо укоряетъ іером. Макарія и Аскоченскаго въ ошибочности мнѣнія объ этихъ деньгахъ, когда говоритъ, что онѣ не шли на жалованье учителей (Тр. К. Д. Ак. 1896 г., сент., 62 стр., примѣч. 4). Взносъ 80 р. предназначался именно на жалованье учителей и выдавался до 1764 г., а съ этого года, когда всѣ пенсіи положено было выдавать не изъ кіевской губернской канцеляріи, а изъ коллегіи экономіи, прекратился: на это жаловался м. Арсеній въ Комиссію Уложенія, прося выдать жалованье, удержанное за 1764—1768 г., а также выдавать его впредь. (Сб. И. И. Об., т. 43, 528 стр., кіев. п. 53).

[4]) Донесеніе г. губернатора Глѣбова Екатеринѣ II-й. (Рук. К. С. биб., № 178, л. 219—220)

[5]) Многіе изъ академіи поступали на службу въ губернскую канцелярію,— другіе въ казачьи, войсковыя канцеляріи, въ казачьи старшины, наконецъ во епископы; о духовенствѣ низшемъ не говоримъ, такъ какъ за послѣдними въ то время не признавалось значенія государственнаго служилаго сословія.

не только при участіи митрополита Арсенія, но и по его ходатайству. Эта сумма стала выдаваться изъ коллегіи экономіи по указу отъ 7 апрѣля 1766 г. Но съ назначеніемъ 500 руб. послѣдовало прекращеніе выдачи 80 руб.

Назначенные изъ коллегіи экономіи [1]) 500 руб. обыкновенно дѣлились на 2 равныя части, изъ коихъ 1 слѣдовала на выдачу жалованья учителямъ, а другая—на бурсу на содержаніе учащихся сиротъ и „лишенныхъ пропитанія".

Казенное жалованье и пособіе, выдававшееся изъ губернской канцеляріи и малороссійскаго скарбу было только подспорьемъ къ тѣмъ средствамъ, которыя имѣла академія, и само по себѣ не могло служить обезпеченіемъ ей [2]).

Постоянныхъ и опредѣленныхъ доходовъ академія почти не имѣла. Въ ея распоряженіи было всего до 300 руб. валоваго дохода отъ книжной лавки [3]).

Капиталовъ въ разсматриваемое время академія не имѣла, исключая незначительной суммы (65 р.), пожертвованной епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ.

За то академія много обязана была именно митрополиту Арсенію увеличеніемъ своихъ спеціальныхъ средствъ.

Таковы сборы разнаго рода штрафныхъ денегъ.

---

[1]) А. К. К. 1767 г., № 17.

Выдача 500 р., назначенныхъ изъ коллегіи экономіи, была передана изъ коллегіи экономіи въ государственную статсъ-контору, изъ которой они должны были поступать въ кіевскую губернскую канцелярію; но кіевская канцелярія, не получивъ никакого извѣщенія объ этомъ, не выдавала ничего въ 1767—1768 г. (А. К. К. 1768 г., № 245). Лишь въ 1768 г. промеморіей кіевской губернской канцеляріи было объявлено, что 500 р. будутъ выдаваться не изъ коллегіи, а изъ губернской канцеляріи. (А. К. К. 1768 г., постан. консисторіи, № 335).

[2]) Интересно, что м. Гавріилъ Кременецкій, желая дать надлежащее употребленіе кошельковымъ деньгамъ, собиравшимся на заграничные монастыри, просилъ Св. Синодъ разрѣшить половину сбора употреблять на заграничные монастыри, а 2-ю на академію—для лучшаго обезпеченія служащихъ и обучающихся въ ней; но Св. Синодъ велѣлъ не касаться кошельковаго сбора, а предоставилъ митрополиту Самуилу распредѣлять хлѣбные и вотчинные доходы монастыря и академіи, при чемъ выражается, что этихъ доходовъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и суммами отпускаемыми по указу 1742 и 1766 г., было не меньше суммъ отпускавшихся тогда на Московскую академію, а потому, при дешевизнѣ хлѣба въ Кіевѣ, ихъ, будетъ вполнѣ достаточно на содержаніе академіи. (Рук. акад. I. 1. 26 26 л. 254—255). Такъ думалъ Св. Синодъ, но не такъ было въ дѣйствительности: еслибы не щедрыя жертвы митрополитовъ, то академія бѣдствовала бы.

[3]) Тр. К. Д. Ак. 1896 г., сент. стр. 86.

По распоряженію митрополита Арсенія, на академію поступали [1]) штрафныя деньги, взимавшіяся за непредставленіе въ академію къ сроку дѣтей, за необученіе послѣднихъ, за укрывательство отъ школы и держаніе у себя бѣжавшихъ изъ школы и за позднюю явку въ академію. Распоряженіе о производствѣ этихъ штрафовъ въ пользу академіи было издано впервые въ 1760 году.

Эти штрафы взимались всякій разъ, какъ только открывалось уклоненіе того или иного изъ дѣтей духовенства отъ обученія въ академіи [2]).

Затѣмъ, разныя другія провинности духовенства, неисправности по службѣ также сопровождались денежными штрафами въ пользу академіи [3]). Иногда штрафы вовсе не взимались деньгами, а провинившіеся изъ духовенства прикомандировывались къ академіи для исполненія обязанностей сторожа [4]).

Наконецъ, въ пользу академіи поступала часть доходовъ, поступавшихъ въ пользу причта въ отсутствіе священника: если священникъ былъ лишаемъ прихода, или запрещаемъ въ служеніи, то половина доходовъ шла въ пользу наблюдавшаго и

---

[1]) Поводомъ къ установленію этого штрафа послужило донесеніе префекта академіи, Самуила Мислaвскаго о томъ, что, не смотря на нѣсколько указовъ, духовенство не высылало дѣтей своихъ въ академію. М. Арсеній велѣлъ консисторіи, „учинивъ достовѣрную справку, отъ кого именно и сколько сыновъ въ академію безъ благословныхъ винъ не выслано“, взимать штрафы со времени полученія прежде посланныхъ указовъ за каждый просроченный м-цъ — съ протопоповъ по 2 руб., съ поповъ по 1½ руб., съ діаконовъ по 1 руб. и съ дьячковъ и пономарей по 50 коп. Эти деньги велѣно было при надлежащихъ вѣдомостяхъ представлять въ консисторію (отсюда уже митрополитъ отпускалъ въ академію на постройку зданій и на другія нужды). За неисполненіе требованій въ 2-хъ недѣльный срокъ назначался двойной штрафъ.

[2]) Такъ, Леонтій Березовскій, посвящавшійся въ викаріи къ Роменской Покров. церкви, былъ отосланъ въ академію „для взятія съ него за то, что онъ, будучи священническій сынъ, по силѣ указовъ въ академіи не обучался, опредѣленныхъ на строеніе бурсы трехъ руб. денегъ“. (А. К. К. 1765 г. 13 іюля). Андрей Иллѣнецкіи за необученіе въ академіи уплатилъ штрафу 20 руб. (А. К. К. 1760 г., 22 марта, постан. консисторіи; А. К. К. 1765 г., постанов. консисторіи 25 августа).

[3]) Акт. К.-Братскаго монастыря, т. II, № 1.

[4]) Тр. К. Д. Ак. 1896 г., сент., стр. 84.

совершавшаго требы священника, а другая назначалась на академію [1]).

Штрафныхъ денегъ поступало въ разное время то большее, то меньшее число. Онѣ шли большею частію на починку и постройку зданій академіи.

Такъ какъ штрафныхъ денегъ поступало въ общемъ немного, было то ихъ недостаточно на такіе чрезвычайные расходы, какъ покрытіе школъ, постройку новой бурсы. Поэтому приходилось обращаться къ сбору доброхотныхъ подаяній; митрополитъ Арсеній выдавалъ грамоту и сборную книгу, писалъ отъ себя письма къ вліятельнымъ лицамъ (напр. къ атаману Запорожской Сѣчи) и просилъ вспомоществованія. Нерѣдко самъ митрополитъ Арсеній подавалъ примѣръ, записывая въ сборную книгу значительныя лепты. По сборнымъ книгамъ поступали иногда значительныя суммы [2]), въ годъ до 800 руб. и болѣе.

Наконецъ, митрополитъ Арсеній съ своей стороны также давалъ щедрыя жертвы въ пользу академіи: онъ жертвовалъ часть сборовъ за вѣнечныя памяти (доколѣ они собирались въ Кіевской епархіи), часть солодовыхъ, мировыхъ и столовыхъ сборовъ. Эти пожертвованія шли на починку церквей, на постройку и возобновленіе зданій—бурсы [3]), а также на „консоляцію“ или поощреніе учителей и проживавшихъ въ бурсѣ бѣдныхъ учениковъ.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ средствахъ содержанія, которые шли на поддержаніе зданій и на учителей.

---

[1]) Сборъ этихъ денегъ былъ впервые установленъ 18 марта 1759 года; подтвержденіе указа объ этомъ состоялось въ 1762 г. (Акт. К.-Брат. монастыря, т. II, № 1; Ар. К. Д. К. 1762 г., д. № 118, ордер. № 515). Всѣ эти сборы были уничтожены вмѣстѣ съ другими каѳедральными сборами при митрополитѣ Самуилѣ.

[2]) Такъ, съ 20 іюля 1761 г. по 13 октября 1764 г. собрано было доброхотныхъ подаяній 2028 р. 63½ к.

По книгѣ учительской было собрано 1822 руб. 70 коп.

[3]) Въ кіевскихъ пунктахъ мы находимъ такое замѣчаніе, что сборъ за вѣнечныя памяти, между прочимъ употреблялся „на возобновленіе въ академіи митрополитантской Кіевской каменныхъ школъ и при нихъ студентской церкви и на кнсоляцію или снабдѣніе учителямъ, а особливо на строеніе и исправленіе для безпомощныхъ студентовъ жилищъ называемыхъ бурса, и на вспомоществованіе тѣмъ студентамъ въ ихъ нуждахъ и на другія богоугодныя дѣла“. Потому то кіевское духовенство и просило о возстановленіи прекращеннаго въ 1765 г. сбора за вѣнечныя памяти (Сб. Им. И. Об., т. 43, стр. 521, п. 47).

Что касается содержанія учениковъ, то мы будемъ говорить только о содержаніи бѣдныхъ учениковъ, такъ какъ дѣти состоятельныхъ родителей изъ духовенства, равно дѣти шляхтичей и казаковъ содержались на собственныя средства родителей: они жили въ наемныхъ квартирахъ за плату, причемъ припасы на пропитаніе ихъ доставлялись изъ дому. Но совсѣмъ въ другомъ положеніи были бѣдныя дѣти, сироты и не имѣвшіе средствъ для своего пропитанія.

Для поддержанія ихъ при академіи состояла бурса, или студенческій домъ.

Въ этомъ домѣ студенты получали только жилище.

О столѣ и пищѣ ученики должны были промышлять сами, Отсюда въ академіи былъ обычай сбора подаяній самими студентами на свое пропитаніе: ежегодно въ 1-хъ числахъ мая ученики риторики, піитики и синтаксимы—дѣти бѣдныхъ родителей, лишившіяся послѣднихъ и вовсе не имѣвшія средствъ для своего пропитанія, испрашивали разрѣшеніе отправиться за сборомъ подаяній: получивъ паспортъ, они отправлялись по городамъ и селамъ (преимущественно въ малороссійскіе и слободскіе полки), нанимались на работы [1]), ходили по домамъ, пѣли вирши подъ окнами и дверьми и выпрашивали подаянія.

Особенно было въ ходу это хожденіе по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ съ пѣніемъ виршей и разныхъ пѣсенъ во время праздниковъ (на Рождество, Новый годъ, Пасху), и такой способъ назывался „спѣваньемъ и миркованіемъ“. Впрочемъ, и въ теченіе цѣлаго года собираніе студентами милостыни было однимъ изъ средствъ для содержаиія въ академіи. При этомъ часть сборовъ шла на содержаніе церкви, часть удѣлялась на содержаніе бурсы, на расходы во время академическихъ праздниковъ, и иногда даже дѣлилась между учителями [2]).

Для старшихъ студентовъ еще былъ одинъ способъ обезпеченія содержаніемъ: кондиціи у знатныхъ господъ, къ которымъ студенты нанимались преподавать языки, подготовлять въ академію и въ другія школы [3]).

---

[1]) Акт. К.-Брат. мон., собр. Аскоченск., т. III, л. 263.

[2]) „Ист. Кіев. Акад.“ Булгакова, стр. 104—105.

[3]) Улучшеніе обезпеченія послѣдовало лишь въ концѣ 70-хъ годовъ: въ 1779 г. м. Гавріилъ обезпечилъ содержаніемъ студентовъ, и то однихъ старшихъ классовъ, богословія, философіи, риторики и піитики; содержаніе же младшихъ учениковъ было обезпечено лишь при м. Самуилѣ въ 1784 г. 10 февраля 1784 г.

именно такимъ образомъ бѣдные студенты и ученики академіи собирали себѣ средства для пропитанія. Никакихъ субсидій отъ правительства или отъ церквей на содержаніе бѣдныхъ студентовъ не было. Лишь въ 1766 г., какъ мы упомянули, была впервые ассигнована штатная сумма въ 500 руб., половина которой и употреблялась на поддержаніе бѣдныхъ учениковъ. Конечно, эта сумма была очень небольшая, особенно если принять во вниманіе, что въ бурсѣ жило до 400 учащихся. Въ виду такой незначительности она могла употребляться только на пособіе нѣкоторымъ ученикамъ. На счетъ этой суммы выдавались только простыя шубки да по парѣ сапоговъ въ зимнее время [1]).

Обычно бѣдные студенты и ученики академіи въ своихъ нуждахъ могли расчитывать только на милость владыкъ и архипастырей. М. Арсеній, съ своей стороны, приходилъ на помощь къ бѣднымъ учащимся: для нихъ онъ выстроилъ новую бурсу (о чемъ будетъ рѣчь ниже), жертвовалъ имъ то на лѣченіе больныхъ учениковъ, то на отопленіе бурсы. Такъ, онъ далъ 100 руб. на больныхъ учениковъ [2]), ежегодно по обыкновенію [3]) жертвовалъ деньги на покупку 4 плотовъ дровъ [4]), также—на обмазку бурсы, выпарку клоповъ и проч. [5]), къ праздникамъ [6]).

Что касается учителей, то ихъ матеріальное положеніе, какъ мы сказали, было въ зависимости отъ средствъ академіи и Братскаго монастыря.

Учители обыкновенно получали отъ монастыря (келлію), квартиру, при квартирѣ—дрова, свѣчи,—если, конечно, были въ монашескомъ санѣ, что и было въ большинствѣ случаевъ. Отъ монастыря же они получали съѣстные припасы, въ среднемъ, по цѣнѣ 40-хъ годовъ XVIII в., на сумму до 80 руб. въ годъ [7]). Изъ припасовъ выдавалось то, что имѣлось въ монастырской „палатѣ", какъ то: хлѣбъ, сыръ, масло, рыба, медъ, водка и пр. Иногда припасы выдавались сырьемъ, но это—для тѣхъ, кто жилъ на квартирахъ внѣ монастыря. Остальные получали

м. Самуилъ приказалъ, чтобы деньги на пищу выдавались для всѣхъ учениковъ, живущихъ въ сиротскомъ домѣ. Тогда же были запрещены указанные выше сборы подаяній (Тр. К. Д. Ак. 1897 года, мартъ, 347).

[1]) В. Серебренниковъ, цит. соч., стр. 122.

[2]) Акт. К.-Брат. мон., собр. Аскочен., т. Ш, л. 13—14.

[3]) А. К. К. д 1759, по опис. № 39.

[4]) Ркп. ц. арх. муз., № 725, № 12.

[5]) Муз., № 817, № 40, л 1—11.

[6]) Въ 1764 г. къ Рождеству было выдано 42½ р (А. К. К., № 43).

[7]) В. Серебренниковъ, цит. соч. стр. 109.

столъ порціями изъ общей монастырской трапезы. Но выдаваемыми порціями учители (какъ видно изъ указаннаго дѣла столкновенія Д. Нащинскаго съ учителями) не всегда были довольны.

Что касается одежды, обуви, книгъ и другихъ принадлежностей, то учители въ этомъ отношеніи терпѣли большое стѣсненіе въ виду того, что имъ не выдавалось опредѣленнаго жалованья. Только „консоляціи“ или подарки митрополитовъ, выдававшіеся 5 разъ въ году изъ личныхъ средствъ послѣднихъ, нѣсколько облегчали нужды учителей.

Такія консоляціи выдавались: ко дню именинъ митрополита, ко дню Рождества Христова и Пасхи, при открытіи учебныхъ занятій и при окончаніи года. Изъ этихъ консоляціонныхъ денегъ учители и имѣли возможность сшить себѣ одежду. Такихъ консоляцій при м. Арсеніи выдано было: въ 1764 г. 130 руб., въ 1765 году 200 руб., въ 1766 г. 196 р., въ 1767 г., 194 р., въ 1768 г. 197 р. и въ 1769 г. 194 руб. [1]) Глѣбовъ доносилъ императрицѣ, что м. Арсеній „по особливой благосклонности“ выдавалъ на одежду учителю богословія по 25 р., учителю философіи 20 руб., риторики 17½ руб.,—піитики 15 руб., а остальнымъ 6 по 12½ руб. [2]).

Если иногда происходила задержка въ выдачѣ консоляціонныхъ денегъ, что, напр., случилось въ 1758 г., до пріѣзда м. Арсенія въ Кіевъ, то положеніе учителей оказывалось „критическимъ“. Неудивительно поэтому, что учители воздыхали и хлопотали, чтобы выдававшаяся изъ Глуховскаго войскового скарбу сумма въ 200 руб. выдавалась имъ на руки. По ихъ ходатайству, дѣйствительно, м. Арсеній велѣлъ выдавать жалованье учителямъ изъ 200 руб. войскового скарбоваго ассигнованія,—на руки. Распредѣленіе этой суммы между учителями митрополитъ дѣлалъ самъ, при чемъ жалованье выдавалось въ такомъ размѣрѣ: ректору и учителю богословія 16 р., префекту и учителю философіи 14 р. 50 к., учителю риторики 12 р. 40 к., остальнымъ отъ 4 р. 20 к. до 10 руб. [3]).

---

[1]) А. К. К. 1770 г., д. № 30.

[2]) Рук. К. С. С № 178, л. 218—219.

[3]) Учитель піитики получалъ 10 руб., учитель синтаксимы 8 р. 40 к., учитель грамматики 8 р. 40 к, учитель аналогіи 8 р. 40 к., учитель польскаго языка и ариѳметики 4 р. 20 к., учитель еврейскаго языка 7 р. 85 к., учитель французскаго языка 8 р. 40 к.; за преподаваніе нѣмецкаго языка 7 р. 75 к., греческаго 8 р. 40 к.,—великой инструкціи 6 р. 50 к., малой 4 р. 60 к. (Ркп. муз. № 725 акт. № 11).

Когда по ходатайству Глѣбова было ассигновано по 500 р. ежегоднаго пособія на академію, тогда и содержаніе учителей улучшилось отъ прибавокъ къ жалованью ихъ. Для этой цѣли изъ 500 руб. удѣлялась половина.

Съ этой поры жалованье ректору увеличилось до 50 руб. въ годъ, префекту до 30 руб., учителю риторики до 20 руб., піитики до 18 руб., учителямъ 4 низшихъ классовъ до 15 руб., учителямъ французскаго, нѣмецкаго, еврейскаго и греческаго до 15 руб.; за преподаваніе инструкціи великой стали получать по 7 руб. и—малой по 5 руб. Съ введеніемъ же въ курсъ преподаванія польскаго языка учителю этого предмета стали выдавать по 7 р. 50 к. изъ половины, назначенной на содержаніе студентовъ [1]).

Такимъ образомъ, при м. Арсеніи на содержаніе учителей выдавалось денегъ: 130 руб. изъ войскового скарбу, 250 руб. изъ кіевской губернской канцеляріи (съ 1766 г.) и по 190 руб. изъ каѳедры митрополита.

Добавимъ еще, что митрополитъ Арсеній, кромѣ обычныхъ консоляцій, выдавалъ учителямъ, въ исключительныхъ случаяхъ, еще подарки въ награду за проповѣдь, произнесенную учителемъ, въ поощреніе за особые труды (напр. Самуилу Миславскому за труды по постройкѣ бурсы было выдано 16 руб.), также на лѣченіе больныхъ [2]).

IX.

Академическія зданія, представляли собою а) помѣщенія для классовъ, съ церковью и залой; и б) бурсу—„студентскій домъ“. Помѣщеніемъ для классовъ служило двухъэтажное каменное зданіе временъ Мазепы.

Въ верхнемъ этажѣ его помѣщались классы философіи и богословіи, церковь и залъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщалиеь остальные классы [3]). Въ студентскомъ домѣ или бурсѣ [4]) помѣщались бѣдные ученики академіи.

---

[1]) Акт. К.-Брат. мон., соб. Аскоченск., т. Ш, № 26.

[2]) Въ 1762 г. было выдано больнымъ учителямъ, отъ ритора до библіотекаря по 10 р., и свѣтскимъ по 5 руб. („Акт. и докум.“ проф. Н. И. Петрова. т. II, стр. 398).

[3]) Ар. Кіево-Братскаго монастыря, т. 4, № 7, л 12.

[4]) Кромѣ академической (великой) бурсы, ученики академіи обыкновенно проживали при церквахъ приходскихъ, въ школахъ, которыя, такимъ образомъ, были какъ бы филіальными отдѣленіями великой бурсы. Тамъ они помѣщались при

Этотъ домъ находился въ южной сторонѣ двора Братскаго монастыря [1]). Учители же помѣщались больше въ келліяхъ Братскаго монастыря [2]), а часть чулановъ для учителей была пристроена къ главному каменному корпусу [3]).

Тѣ и другія зданія ко времени прибытія въ Кіевъ митрополита Арсенія находились одинаково въ плохомъ состояніи.

Еще въ 1755 г. ректоръ Манассія Максимовичъ доносилъ митрополиту Тимоѳею Шербацкому, что школы „требуютъ починки". Такъ какъ денегъ на починку не было, то митрополитъ Тимоѳей разрѣшилъ произвести починку школъ на занятыя въ долгъ 100 руб.

На такую незначительную сумму нельзя было, конечно, произвести значительнаго ремонта. Пришлось ограничиться вставкой стеколъ, починкой ступенекъ и мостковъ, ведшихъ въ зданія. Прошло полгода и ректоръ снова доносилъ, что „школы приходятъ въ крайнюю обветшалость".

Положеніе дѣла было еще тѣмъ печальнѣе, что Кіево-Братскій монастырь, средства котораго употреблялись на академію, не въ состояніи былъ помочь горю академіи: хозяйство Братскаго монастыря былъ во разстройствѣ. Къ этому же времени пришла новая нужда: въ конгрегаціонной церкви подгнилъ полъ. Митрополитъ Тимоѳей разрѣшилъ выдать изъ каѳедральный казны 70 руб.; назначенныхъ на починку кіевскихъ церквей, для починки пола въ церкви, и церковь въ 1757 г. была починена. Относительно же починки школъ рѣшено было обратиться къ гетману съ просьбой о пожалованіи денегъ на это дѣло. Въ такомъ видѣ стояло дѣло о починкѣ школъ ко времени прибытія митрополита Арсенія въ Кіевъ.

Съ назначеніемъ новаго митрополита, префектъ Самуилъ Мисловскій представилъ въ половинѣ 1758 года докладъ о томъ, что крыша на школахъ („покритте школъ") сильно обветшала,

---

дьячкахъ, которымъ въ воскресные и праздничные дни обязаны были помогать на клиросѣ, за что получали часть доходовъ, по милости настоятеля и по усердію прихожанъ, „ради препитанія и снабдѣнія въ нуждныхъ" („Кіев. Рожд. Пред. церк.", проф. Н. И. Петрова, К. 1896 г., стр. 57—59).

[1]) По донесенію префекта академіи Самуила Мисловскаго, представленному м. Арсенію, „бурса" была устроена при м. Іоасафѣ Краковскомъ 1719 г., 1 авг. (Ак. К Братскаго монастыря, т. II, № 1).

[2]) Рук. б. К. Ак. № 725. А. К.-Братскаго монастыря и ак., № 35.

[3]) Ibidem, № 70.

такъ что „надъ богословскими и философскими классами и надъ церковію въ ненастье образуется течь“ [1].

Не лучше, если даже не хуже, было дѣло и въ „бурсѣ“.

„Студентская бурса“ такъ обветшала, что жить въ ней было опасно для здоровья: „въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пушаки поперегнивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ придѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю вошли, что подъ часъ вейсни и другихъ мокротныхъ временъ, нельзя воспятить, дабы въ оніе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, не еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные вапори таковіе болѣзни приключались, что миновавшей зимы выше тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало“ [2]. Доношеніе, съ описанной здѣсь картиной, было представлено м. Арсенію, спустя мѣсяцъ послѣ его прибытія въ Кіевъ.

Та и другая нужда была неотложна. Но м. Арсеній обратилъ первое свое вниманіе на бурсу, такъ какъ послѣдняя была жилымъ помѣщеніемъ, гдѣ ученики проводили большую часть времени. Хотя классы и были плохи, но до поры до времени еще можно было мириться съ ними, тѣмъ болѣе, что течь образовывалась лишь въ 2-хъ классахъ. Когда прошеніе о постройкѣ новой бурсы, надлежаще засвидѣтельствованное префектомъ Самуиломъ Мославскимъ, было подано митрополиту, то послѣдній рѣшилъ приступить къ постройкѣ новаго зданія.

Для постройки, конечно, нужны были средства. Митрополитъ Арсеній потребовалъ справку изъ консисторіи, сколько есть денегъ бурсацкихъ. Но академія, какъ видно изъ предыдущаго, вовсе не располагала никакими средствами для постройки бурсы; въ казнѣ академической находилось всего 65 руб. изъ 100 пожертвованныхъ епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ; но и эти деньги лежали въ запасѣ на случай лѣченія больныхъ и погребенія умершихъ студентовъ. Объ этомъ доносилъ Самуилъ митрополиту. Недостатокъ средствъ, однако, не остановилъ митрополита Арсенія; послѣдній велѣлъ составить смѣту на постройку бурсы. Самуилъ Мославскій представилъ смѣту на 1054 руб. 70 коп., при чемъ въ этотъ счетъ вошла плата за матеріалы и работникамъ.

---

[1]) А. К. Кон., 1757 г., д. № 71.

[2]) А. К.-Бр. мон., собр. Аскоч., т. II, № 1.

Предположено было произвести такую починку старой бурсы: замѣнить въ ней негодные срубы совершенно новыми, мало мальски годные—исправить, вымыть столы, лавки, окна, починить двери, избы снаружи обмазать глиною и, потомъ, побѣлить. Однако митрополитъ Арсеній не удовлетворился этой скромной смѣтой и велѣлъ составить новую. Рѣшено было строить бурсу на пожертвованія благотворителей [1]). Съ своей стороны митрополитъ положилъ доброе начало: подписалъ на постройку бурсы 400 руб. Было составлено воззваніе къ благотворителямъ [2]), которое было приложено къ шнурозапечатанной книгѣ.

Къ пожертвованнымъ митрополитомъ деньгамъ были присоединены 31 р. 36 коп. штрафныхъ денегъ, собранныхъ въ консисторіи. Затѣмъ, приказано было продать немного негоднаго для постройки матеріала изъ лѣса Карпиловскаго и купить годнаго лѣсу. Монастыри Кіевской епархіи, начиная съ каѳедральнаго, также обязаны были принести свою лепту на постройку бурсы, доставить тотъ или другой матеріалъ или дать денегъ [3]).

Затѣмъ, 18 марта 1759 г. постановлено было: половину доходовъ съ приходовъ, въ которыхъ были праздныя мѣста священниковъ, собирать въ консисторію и отсылать въ академію на постройку бурсы.

Нужно было выбрать мѣсто для постройки новой бурсы.

Къ этому времени академія получила, по просьбѣ студентовъ, отъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры Луки Бѣлоусовича дворъ въ приходѣ Набережнаго Николая [4]). Здѣсь же академія пріобрѣла еще три двора у слободскаго полковника Іоаки-

---

[1]) 30 іюля 1759 г. м. Арсеній велѣлъ выдать просительную книгу (Акт. К.-Брат монастыря, II, № 1).

[2]) Въ этомъ воззваніи, изобразивъ бѣдность воспитанниковъ, живущихъ въ бурсѣ, м. Арсеній говоритъ, что они, изучивъ „честныя искусства, разные языки и полезнѣйшіи науки", будутъ приносить пользу церкви, отечеству и своимъ милостынодателямъ, наипаче просвѣщая и обогащая ихъ дѣтей разумы основательными и твердыми ученіями". Потомъ, указываетъ на невозможность жить въ бурсѣ и, съ другой стороны, на необходимость вновь соорудить бурсу для проживанія учащихся людей, и приглашаетъ „любящихъ науки"—къ благопризрѣнію „на учащихся въ нищетѣ" и къ пожертвованіямъ на устройство бурсы (Кіев., ч. II, стр. 224—225).

[3]) Акт. К.-Брат. монастыря, т. II, № 1.

[4]) За пожертвованный дворъ м. Арсеній лично благодарилъ архимандрита Луку съ братіею особымъ письмомъ (А. К. К. письмо отъ 17 мая 1760 г.).

ма Кононовича [1]). Здѣсь то, на берегу Днѣпра, и предположено было строить новую бурсу. Заготовка матеріаловъ начата 5 марта 1760 года.

Въ 1763 г., 8 апрѣля, академія заложила каменный фундаментъ. Постройка деревяннаго зданія на фундаментѣ начата 2 декабря 1764 года, а въ сентябрѣ 1765 г. окончена, и 24 сентября совершено освященіе новой бурсы.

На постройку бурсы употреблено 5523 р. 37 коп., въ томъ числѣ штрафныхъ 799 р. 18 к., изъ личныхъ щедротъ митрополита Арсенія 2238 р. 58 коп., а остальное—пожертвованія другихъ лицъ [2]).

Устроенная бурса была довольно обширна и вмѣщала въ себѣ до 400 учениковъ.

Нѣкоторое время вмѣстѣ съ новой существовала и старая бурса; по всей вѣроятности, и въ ней помѣщалась часть студентовъ. Эта старая бурса скоро прекратила свое существованіе: 14 апрѣля 1766 года она сгорѣла.

Не забыты были Арсеніемъ и „школы“ или зданіе съ классами.

Еще при ректорѣ Георгіи Конисскомъ (въ 1755 г.) заготовлено было для покрытія школъ новой крышей 12 бочекъ бѣлой мѣди. Но указанной мѣдью ректоръ академіи Давидъ Нащинскій воспользовался (правда съ разрѣшенія м. Арсенія) для покрытія Братской колокольни. Вслѣдствіе этого, дѣло покрытія академическихъ школъ затягивалось. Нужна была энергія и настойчивость Самуила Мислављскаго, чтобы добиться возвращенія денегъ за употребленный Братскимъ монастыремъ матеріалъ. Когда въ 1761 г. Братскимъ монастыремъ было возвращено 468 р., дѣло покрытія школъ двинулось впередъ.

Къ указаннымъ деньгамъ было прибавлено 246 руб. 70 к., собранныхъ изъ денегъ выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу. Было дано самимъ митрополитомъ 1404 р. 77 к., да присоединено штрафныхъ 756 р. 88½ коп., добровольныхъ пожертвованій (—по сборной книгѣ) 251 р. 41½ к. и 36 р. 60 к., вырученныхъ за проданный отъ бурсы матеріалъ.

---

[1]) А. К. К. Брат. монастыря, т. Ш, № 41.

[2]) Въ этомъ числѣ 1000 р. отъ епископа Сарскаго и Подонскаго Иларіона Григоровича, 50 р. отъ Тимоѳея Щербацкаго, 100 р., отъ Кирилла Разумовскаго, 20 р. отъ полкового кіев. писаря и т. д. (Ак. К.-Брат. монастыря, т. II, № 1, л. 140.

Этихъ средствъ вполнѣ хватило на перестройку крыши на классахъ.

Заготовка матеріала начата была въ 1761 г., а вся работа окончена въ 1766 г. [1]). 5 лѣтъ—время, правда, продолжительное для устройства крыши, но такая затяжка въ исполненіи важнаго дѣла происходила оттого, что постройка производилась на пожертвованія, а не на авансовыя деньги, а пожертвованія поступали не сразу, тѣмъ болѣе, что одновременно съ покрытіемъ школъ происходила постройка новой бурсы.

Такимъ образомъ, при митрополитѣ Арсеніи, благодаря его личнымъ и щедрымъ пожертвованіямъ (около 4000 р.) и личной энергіи и заботливости, зданія академіи пришли въ благоустроенный видъ.

М. Арсеній обращалъ вниманіе и на другія части академической жизни. Онъ организовалъ устройство академической библіотеки. Указомъ изъ походной конторы (отъ 6 февраля 1758 г.) онъ велѣлъ академіи описать всѣ старыя и новыя книги; внести ихъ въ новые каталоги и представить послѣдніе ему на разсмотрѣніе. При этомъ было запрещено выдавать книги изъ академической библіотеки по старому безъ расписки и безъ вѣдома ректора. Велѣно было при выдачѣ книгъ наблюдать слѣдующій порядокъ: въ распискахъ отмѣчать, на какой срокъ выдана книга, и требовать, чтобы по окончаніи срока непремѣнно возвращались книги въ библіотеку, безъ всякихъ извиненій. Для справокъ о выданныхъ для чтенія и сданныхъ обратно книгахъ требовалось завести справочники [2]).

Описаніе библіотеки было поручено учителю синтаксимы іеромонаху Рувиму.

Указанное распоряженіе, очевидно, касалось учительской (фундаментальной) библіотеки.

Въ эту библіотеку м. Арсеній жертвовалъ съ своей стороны книги и пособія. Такъ, въ 1757 г., по его приказанію, было выписано для академіи 2 глобуса [3]). Изъ его же библіотеки были переданы въ академическую библіотеку 26 томовъ цѣнныхъ изданій книгъ: Critici Sacri—въ 8 томахъ, Theologico-philosophicus и Magna Bibliotheca veterum Patrum—въ 14 том [4]).

---

[1]) Ак. К.-Брат. монастыря, т. II, № 1.
[2]) Ар. К. К. 1758 г., д. № 50.
[3]) Ркп. К. С. С., № 605, л. 325.
[4]) Ркп. К. С. С., № 605, л. 105, письмо 1767 г.

Замѣтимъ, что при м. Арсеніи было положено основаніе (въ 1768 г.) студенческой библіотекѣ, въ которую, по почину И. Бантышъ Каменскаго, было передано немало книгъ различными жертвователями [1]).

XII.

Слѣдуетъ отмѣтить тѣ распоряженія и высокія порученія, какія возлагались м. Арсеніемъ на академію.

На академію м. Арсеній смотрѣлъ, прежде всего, какъ на епархіальную школу, которая должна подготовлять, согласно съ требованіями Духовнаго Регламента, учительныхъ кандидатовъ для поступленія въ приходскія мѣста епархіи. Мы уже указывали (въ главѣ о приходскомъ духовенствѣ) тѣ распоряженія, которыя издавались съ цѣлью побудить духовенство отдавать своихъ дѣтей въ академію для обученія. Главная цѣль и задача этихъ распоряженій заключалась въ томъ, чтобы были достойные пастыри, учительные священники, которые бы трудились надъ проповѣданіемъ Слова Божія, надъ просвѣщеніемъ своей паствы.

Съ этой точки зрѣнія и къ академіи предъявлялись м. Арсеніемъ практическія задачи и требованія.

Прежде всего м. Арсеній обратился къ учителямъ академіи, чтобы они начали проповѣданіе Слова Божія и, такимъ образомъ, показали примѣръ или образецъ служенія Божію Слову.

Въ октябрѣ 1758 г. было предписано, чтобы всѣ учители, исключая іерея Константина Крыжановскаго, назначеннаго каѳедральнымъ проповѣдникомъ, по очереди произносили проповѣди въ Братскомъ монастырѣ [2]).

Для учителей академіи это порученіе показалось тяжелымъ, и они стали отказываться отъ него подъ разными предлогами, иногда наивными и неблаговидными. Одни ссылались на свою неподготовленность къ проповѣдничеству; другіе указывали на множество и сложность своихъ обычныхъ занятій и несовмѣстимость съ ними занятій проповѣдничествомъ. Такъ, учитель инфимы, Сампсонъ Винницкій, ссылался на то, что онъ, хотя и обучался въ академіи, но не успѣлъ пріобрѣсти навыка къ составленію проповѣдей и нуждается, по крайней мѣрѣ, въ 3-хъ недѣ-

---

[1]) „Ак. и документ.“, проф. Н. И. Петрова, т III, стр. 386—399.

[2]) Ак. К.-Брат. мон., собр. Аскоченск., т. II, № 8, л. 220.

ляхъ для подготовки; во всю свою жизнь онъ проповѣдывалъ только одинъ разъ, и то—послѣ продолжительной подготовки [1]).

Но митрополитъ настойчиво требовалъ отъ учителей исполненія даннаго распоряженія. Въ ноябрѣ того же года было снова издано распоряженіе, чтобы учители произносили „предики“ еженедѣльно, при чемъ м. Арсеній указывалъ, что проповѣди должны быть умѣренныя по объему, чтобы тѣмъ лучше заохотить къ слушанію“; что слогъ не долженъ быть высокій, чтобы больше было пользы народу [2]).

Учители вынуждены были исполнить требованіе. По крайней мѣрѣ, ректоръ Д. Нащинскій доложилъ, что „приказаніе Его Преосвященства будетъ исполнено“ [3]).

Затѣмъ, префекту [4]) академіи было вмѣнено въ обязанность преподавать великую и малую инструкцію, т. е. изъясненіе Православнаго Исповѣданія [5]). Преподаваніе велось по субботамъ. М. Арсеній требовалъ, чтобы преподаваніе инструкціи велось согласно съ ученіемъ восточныхъ и западныхъ Отцовъ и Учителей Церкви до раздѣленія Церквей, „не употребляя папистовъ и лютеранъ“ [6]).

Проповѣдь сдѣлалась обязательною и для студентовъ и учениковъ академіи. Во 1-хъ, студенты обязаны были являться въ Церковь, ко времени преподаванія инструкціи, а также присутствовать во время произнесенія проповѣдей учителями, и, такимъ образомъ, подучиваться къ проповѣданію Слова Божія. Во 2-хъ, нѣкоторые изъ студентовъ назначались къ проповѣданію Слова Божія въ приходскихъ церквахъ, что служило для нихъ и практической подготовкой и поощреніемъ къ проповѣдническимъ занятіямъ.

Съ своей стороны, м. Арсеній поощрялъ проповѣдниковъ выдачей имъ денежныхъ наградъ.

Кромѣ того, м. Арсеній возлагалъ на учителей и другія порученія. Такъ, учители составили сборникъ нравоучительныхъ

---

[1]) Ibidem, л. 227.

[2]) Ibidem, № 12, л. 250—251, резол. 5 нояб. 1758 г.

[3]) Ibidem, № 14, л. 264.

[4]) Иногда преподаваніе великой и малой инструкціи поручалось другимъ учителямъ. Такъ, въ 1769 г. великую инструкцію преподавалъ учитель риторики К. Лѣхницкій, а малую учитель инфимы Ир. Базилевичъ (Ар. К. К. 1769 г., расп. № 118).

[5]) Ibidem, № 23.

[6]) „Памятники...“, проф. Ѳ. Титова, л. 1203.

словъ, выбранныхъ изъ твореній І. Златоуста, Ефрема Сирина, изъ Пролога. Этотъ сборникъ былъ составленъ въ цѣляхъ практическихъ, чтобы дать кіевскому духовенству, особенно неучительнымъ священникамъ, готовый сборникъ для чередного чтенія въ приходскихъ храмахъ. Было предположено издать его въ числѣ 1200 экземпляровъ, напечатавъ въ типографіи Кіево-Печерской Лавры. Архимандритъ Лавры, Зосима, представилъ рукописный сборникъ въ Св. Синодъ. Но Св. Синодъ усмотрѣлъ нѣкоторыя неисправности и возвратилъ рукопись м. Арсенію для исправленія и провѣрки по греческимъ подлиннымъ источникамъ. М. Арсеній отослалъ рукописный сборникъ въ академію. Надъ исправленіемъ трудились: учитель инфимы, іеромонахъ Кассіанъ, учитель піитики, іеромонахъ Никодимъ (они исправляли слова Златоуста), учитель аналогіи іеродіаконъ Іеремія (исправлялъ слова Ефрема Сирина) и др, [1]).

Затѣмъ, академіи было поручено и исправленіе службы препод. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ, которая найдена была архимандритомъ Зосимою въ рукописи вмѣстѣ съ ихъ житіемъ. М. Арсеній разсмотрѣлъ книгу вмѣстѣ съ 3 учителями академіи и нашелъ, что 1) предисловіе къ житію написано нескладно и потому негодно къ печатанію; 2) встрѣчаются многія историческія, риторическія и грамматическія ошибки, Признано было возможнымъ напечатать каноны, по надлежащемъ исправленіи замѣченныхъ погрѣшностей [2]).

Академія также занималась просматриваніемъ проповѣдей, и, такимъ образомъ, была своего рода цензурнымъ комитетомъ. Въ нее же присылались отъ митрополита вѣдомости [3]), письма, журналы для переводовъ на россійскій языкъ. Академія, наконецъ, занималась разсмотрѣніемъ и составленіемъ разныхъ учебниковъ, пригодныхъ для печатныхъ руководствъ. Когда было признано необходимымъ напечатать Піарскую грамматику по латинскому языку, книга была отдана на разсмотрѣніе учителя іеромонаха Виктора и игумена Кіево-Кириловскаго монастыря Тарасія; они разсмотрѣли и одобрили ее къ печатанію. Книга и была отпечатана въ Лаврской типографіи.

---

[1]) Исправленіе Пролога было поручено ректору Самуилу Мисловскому, но онъ не успѣлъ исправить и просилъ поручить исправленіе Пролога іеромонаху Сампсону и Виктору, при помощи священника І. Леванды и священника Саввы Помаранскаго.

[2]) Ак. К.-Брат. мон., собр. Аскоченск. т. II, № 1.

[3]) „Акт. и док.“ проф. Н. И. Петрова, т. II, стр. 213—214.

Такія высокія порученія благотворно дѣйствовали на академію: будили въ учителяхъ пытливый умъ къ новымъ трудамъ и усиліямъ, возбуждали въ нихъ энергичную дѣятельность, возвышали въ ихъ глазахъ значеніе и цѣну учительскихъ и академическихъ трудовъ и занятій. Нѣкоторые учители, дѣйствительно, старались и трудились надъ составленіемъ собственныхъ руководствъ, годныхъ для печати [1]).

Въ заключеніе нѣсколько замѣчаній о числѣ учащихся въ академіи:

Въ 1760 г., по донесенію Д. Нащинскаго, числилось учащихся 995 человѣкъ, въ томъ числѣ духовныхъ 353 [2]); въ 1760—1761 г. числилось 1195, въ томъ числѣ изъ разночинцевъ 575 и духовныхъ 420 человѣкъ [3]); въ 1763 г. числилось 514 учениковъ изъ духовныхъ и 657 изъ разночинцевъ, всего 1171 [4]); въ 1764 г.—1093 ученика [5]); въ 1765—1766 г.—634 изъ разночинцевъ и 516—изъ дѣтей духовенства [6]); въ 1766—1767 г.—511 изъ разночинцевъ и 523 изъ дѣтей духовенства [7]); въ 1768—1769 г.—573 изъ разночинцевъ и 501 изъ духовныхъ [8]).

---

[1]) А. К. К. 1767 г., д. № 1802.
[2]) А. К. К. 1764 г., д. № 10, донес. Д. Нащинск. отъ 17 авг.
[3]) А. К. К. 1761 г., донес. 24 февр. № 283.
[4]) А. К. К. 1764 г., № 16.
[5]) Р. К. С. Биб., № 177, отд. VII, л. 33.
[6]) А. К. К. 1766 г., дон. въ Св. Син. 20 февр., № 175.
[7]) А. К. К. 1766 г., донес. въ Св. Син. 1 февр., № 75.
[8]) А. К. К. 1769 г., дон. 14 февр., № 71.

ГЛАВА VIII.

Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь.

Духовный соборъ. Учрежденіе вотчинной канцеляріи. Заботы м. Арсенія о каѳедральномъ монастырѣ. Обновленіе монастырской церкви и ризницы. Постройки въ Софійскомъ дворѣ. Распоряженія м. Арсенія о служащихъ въ архіерейскомъ дворѣ.

I.

Нельзя обойти молчаніемъ важнѣйшаго изъ монастырей Кіевской епархіи, Кіево-Софійскаго. Послѣдній считался *каѳедральнымъ* монастыремъ Кіевскаго митрополита. Поэтому всѣ митрополиты считали заботы объ устроеніи своей каѳедры своимъ долгомъ, столь же священнымъ, какъ и заботы объ академіи.

Не будемъ мы говорить подробно о томъ состояніи, въ какомъ засталъ митрополитъ Арсеній Кіево-Софійскій монастырь, но укажемъ главнѣйшія учрежденія, существовавшія при монастырѣ, и главнѣйшія распоряженія м. Арсенія о благоустройствѣ монастырской церкви, о постройкахъ въ монастырѣ.

Мы указывали (въ III гл.), что при м. Арсеніи существовали такія епархіальныя учрежденія: каѳедральная контора и каѳедральная консисторія. Эти учрежденія помѣщались въ оградѣ Софійскаго каѳедральнаго монастыря и пользовались даже значительными вспомоществованіями со стороны каѳедральнаго монастыря. Это вспомоществованіе оказывалъ Софійскій монастырь и припасами, и деньгами, и строительными матеріалами, при чемъ размѣръ его зависѣлъ отъ состоянія каѳедральной казны и казны манастырской.

Средства содержанія каѳедральнаго монастыря указаны отчасти въ V гл., гдѣ перечислены тѣ села и деревни, которыя были во владѣніи монастыря, а также тѣ доходы, которые полу-

чалъ онъ, какъ жалованье или ругу отъ казны. Значительнѣйшіе доходы, конечно, поступали отъ вотчинъ монастыря.

Во главѣ управленія монастыремъ стоялъ духовный соборъ изъ старшей братіи монастыря, во главѣ съ намѣстникомъ.

Въ составъ собора входили: намѣстникъ, казначей, духовникъ, экономъ, проповѣдникъ, экклисіархъ, экономъ, писарь.

На обязанности собора лежало: завѣдываніе всѣми дѣлами по внутреннему управленію жизнью монастыря, по управленію хозяйствомъ монастырскихъ вотчинъ, по завѣдыванію церквами,—главною монастырскою и находившимися въ вотчинахъ,—а также духовенствомъ и братіею въ приходахъ и въ самомъ монастырѣ. На обязанности духовнаго собора лежало наблюденіе за совершеніемъ церковныхъ службъ, за благолѣпіемъ богослуженія и храма монастырскаго, завѣдываніе архіерейскими пѣвчими, дворомъ митрополита.

Для ближайшаго завѣдыванія вотчинами Кіево-Софійской каѳедры при монастырѣ существовала „Катедральная вотчинная канцелярія“, которая, была учреждена при м. Арсеніи, какъ органъ вспомогательный духовному собору, въ 1765 г. 11 октября [1]). Эта канцелярія, между прочимъ, 31 октября обратила вниманіе на безпорядочность веденія вотчиннаго хозяйства, его безконтрольность, и постановила: 1) для скорѣйшей отправки разныхъ ордеровъ установить постояннаго дежурнаго: 2) выдать прошнурныя книги для записи прихода и расхода суммъ, поступающихъ съ вотчинъ, и велѣть шафарамъ и городничимъ вести ихъ аккуратно и по истеченіи года представлять въ каѳедру для контроля: 3) ежегодно обозрѣвать всѣ вотчины монастыря,—по лѣвую сторону Днѣпра не меньше 3 разъ въ годъ, а правобережныя и почаще,—и о результатахъ ревизіи докладывать митрополиту: 4) о неисправныхъ и нерадивыхъ городничихъ представлять на усмотрѣніе собора. Это опредѣленіе было утверждено м. Арсеніемъ [2]).

Это было одно изъ первыхъ постановленій вотчинной канцеляріи (помѣчено № 5-мъ).

М. Арсеній учредилъ ее спеціально для избѣжанія жалобъ на задержки въ выдачѣ изъ духовнаго собора денегъ. Своей резолюціей отъ 15 октября 1765 г. онъ велѣлъ, чтобы духовный соборъ не вмѣшивался въ дѣла вотчинной канцеляріи, а вотчинная канцелярія—въ дѣла духовнаго собора.

---

[1]) А. К. К. 1765 г., д. №_86.

[2]) А. К. К. 1765 г., постан. вотч. канц. 31 окт., № 5.

Новоучрежденная вотчинная канцелярія, видимо, получила въ свое завѣдываніе дѣла спеціально-экономическаго характера по каѳедральному монастырю.

Своею резолюціею отъ 3 января 1766 г. м. Арсеній, на запросъ вотчинной канцеляріи, опредѣлилъ, чтобы послѣдняя принимала на службу, заключала контракты, выдавала платье, харчи, жалованье всѣмъ наемнымъ лицамъ, поступавшимъ на службу въ вотчины, а также въ Софійскій монастырь, исключая тѣхъ лицъ, которыя поступали въ штатъ собственно архіерейскаго двора (послѣдніе состояли въ вѣдѣніи и получали жалованье и припасы изъ каѳедральной конторы) [1]).

Какъ вотчинная канцелярія, такъ и духовный соборъ Софійскаго монастыря не имѣли права сноситься между собою и съ каѳедральною конторою ордерами, а только письмами, при чемъ вотчинная канцелярія, какъ подчиненная собору, могла сноситься съ каѳедральной конторой только чрезъ духовный соборъ.

Въ виду соприкосновенія дѣлъ одного изъ этихъ учрежденій съ другимъ, м. Арсеній велѣлъ, чтобы тѣ резолюціи, которыя полагались на дѣлахъ одного изъ нихъ, а имѣли исполняться въ другомъ, непремѣнно сообщались въ копіяхъ изъ духовнаго собора въ вотчинную канцелярію или въ каѳедральную контору, изъ конторы въ соборъ или канцелярію [2]).

А такъ какъ это были вспомогательные органы, то имъ было запрещено приводить свои постановленія въ исполненіе безъ резолюціи или утвержденія митрополита.

Въ вотчинной канцеляріи засѣдало: 1 канцелярист и 2 писца (изъ монашествующихъ) [3]).

Такъ какъ въ духовномъ соборѣ дѣлъ оставалось достаточно и по выдѣленіи изъ него вотчинной канцеляріи, то, по постановленію собора, въ составъ его канцеляріи были приглашены 1 писарь канцелярист (изъ монаховъ) и 2 писца. На должность писаря былъ назначенъ монахъ Иларіонъ, съ жалованьемъ 15 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ и за поведеніемъ и работою писцовъ [4]).

Въ 1768 г. былъ установленъ такой порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ духовномъ соборѣ: дѣла раздѣлялись на текущія чередныя, и важнѣйшія. Первыя разсматривалъ бывшій экономъ Ѳеофилактъ съ соборною братіею, а при разсмотрѣніи общихъ, важ-

---

[1]) Ар. К. К. д. 1766 г., 3 янв.

[2]) А. К. К. 1766 г., д. № 74.

[3]) А. К. К. 1765 г., д. № 86.

[4]) А. К. К. 1765 г., д. № 114, 14 іюня.

нѣйшихъ дѣлъ въ засѣданіяхъ присутствовалъ и намѣстникъ, который наблюдалъ, чтобы всѣ изъ членовъ собора подавали свой голосъ по разсматриваемому дѣлу.

Впрочемъ, такой распорядокъ мало содѣйствовалъ ускоренію дѣлопроизводства въ соборѣ. Соборная братія, какъ доносилъ въ 1770 г. намѣстникъ, не аккуратно являлись въ соборъ извиняясь то недосугомъ, то болѣзнью), а являясь—не разсматривала дѣлъ и не подписывалась, прежде разсмотрѣнія ихъ намѣстникомъ [1]).

Въ виду этого, м. Арсеній потребовалъ, чтобы никто изъ соборныхъ не уклонялся отъ посѣщенія засѣданій, отъ разсмотрѣнія тяжебныхъ и другихъ дѣлъ, и не медлилъ съ ихъ рѣшеніемъ, подъ угрозой оштрафованія.

Духовный соборъ имѣлъ у себя печать съ изображеніемъ Св. Софіи или Премудрости Божіей на 7 столбахъ. Подобныя печати было запрещено имѣть еще указомъ Синода 22 іюня 1742 г. во избѣжаніе поруганія свящ. изображеній. Въ виду этого м. Арсеній въ 1760 г. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не печатать пакетовъ снаружи указанною печатью, а вмѣсто нея изготовить особую печать, съ государственнымъ гербомъ. И печать была изготовлена съ такою надписью: „Печать духовнаго собора Кіево-Софійскаго монастыря“ [2]).

II.

Мы упоминали уже о заведеніи при монастырѣ чередного проповѣданія слова Божія. Для этого въ каѳедральномъ монастырѣ были учреждены должности проповѣдниковъ, коихъ было 2—3. Кромѣ того, и другія лица (изъ учителей академіи, настоятелей монастырей) привлекались къ проповѣданію въ Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ. Съ своей стороны, м. Арсеній поощрялъ проповѣдниковъ выдачей наградныхъ консоляцій за каждую проповѣдь.

Затѣмъ, м. Арсеній заботился объ обновленіи Св. Софіи и о приведеніи въ порядокъ каѳедральной ризницы, о постройкахъ въ митрополичьемъ дворѣ.

---

[1]) А. К. К. 1770 г., № 12.

[2]) Подобная печать была и въ консисторіи и конторѣ. По резолюціи м. Арсенія и эти печати были замѣнены новыми, съ государственнымъ гербомъ (А. К. К. 1760 г., пост. № 150 и 151).

Мы уже замѣчали, что крыша на Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ во многихъ мѣстахъ давала течь, отъ чего и появлялась сырость, особенно на хорахъ. Это вредно отзывалось 1) на состояніи архива, который, какъ замѣчено, помѣщался на хорахъ; 2) грозило и всему собору, особенно церковной иконописи. Поэтому необходимо было исправить крышу. Назначена была комиссія для опредѣленія неотложныхъ работъ, и рѣшено было вновь перекрыть всю церковь. Для этого нужны были средства.

М. Арсеній самъ положилъ доброе начало и внесъ лепту [1]). Кромѣ того, обратились за милостыней къ другимъ лицамъ. Было написано воззваніе къ казакамъ запорожскимъ. М. Арсеній писалъ къ атаману Кальнишевскому и, посылая въ благословеніе иконы въ дорогихъ окладахъ, со святыми мощами, просилъ содѣйствія посылаемымъ сборщикамъ при сборѣ пожертвованій [2]).

Посланы были сборщики и по разнымъ городамъ Россіи. Такъ, въ Москву былъ отправленъ экклисіархъ и соборный старецъ іеромонахъ Савва. Митроп. Арсеній въ письмѣ, переданномъ черезъ него м. Тимоѳею, просилъ послѣдняго оказать содѣйствіе сбору подаяній на возобновленіе церкви. М. Тимоѳей отвѣтилъ выраженіемъ своего удовольствія по тому поводу, что м. Арсеній „принялъ достохвальное и богоугодное намѣреніе о исправленіи ветхостей великія соборныя церкви Св. Софіи премудрости Божіея“, и велѣлъ Московской консисторіи выдать

---

[1]) Въ 1759 году 7-го іюня, по распоряженію м. Арсенія, было выдано на покрытіе церкви 200 рублей. (А. К. К., д. 1759, по описи № 39).

[2]) Въ 1762 г. для сбора пожертвованій на покрытіе церкви были посланы іеромонахъ Іустинъ и іеродіаконъ Никита. Спустя годъ, на смѣну имъ были посланы іеромонахи Рафаилъ и Іафетъ, при чемъ митрополитъ Арсеній послалъ атаману икону Св. Апостола Петра. Въ 1764 г. были посланы на смѣну іеромонахи Ѳалалей и Прискъ, при чемъ была дана икона Св. Макарія, а также Св. Николая и Св. Макарія—въ запасъ, на случай поднесенія какимъ-либо именитымъ жертвователямъ. (А. К. К., 1763 г., 2 мая, № 3).

Въ 1765 г. былъ посланъ іеромонахъ Силуанъ для сбора милостыни для той же цѣли, т. е. для покрытія и исправленія крыши, а также и на исправленіе иконописи въ церкви. При этомъ было представлено въ казну монастырскую 150 руб, собранныхъ іеромонахомъ Онисимомъ, вѣроятно, въ теченіи 1764—1765 г.

Въ 1765 г. было испрошено милостыни 303 руб. 72 коп. и 1 червонецъ; въ 1766 г.—163 руб. 80 к., въ 1767 г.—40 руб. (А. К. 1767 г., № 91). Но, конечно, это далеко не все то, что было собрано на возобновленіе крыши Софійской церкви. Въ 1769 г., гетману была поднесена икона Успенія Божіей Матери съ частицами мощей Іоанна Златоустаго, мученика Харлампія и великомученика Пантелеймона. (А. К К. 1769 г., 7 декабря, № 49).

іеромонаху Саввѣ грамоту и книгу для сбора пожертвованій, и обѣщалъ свое содѣйствіе [1]).

Благодаря стараніямъ іеромонаха Саввы, благотворители вносили свои лепты на обновленіе Софійской церкви то вещами, то деньгами. Такимъ образомъ, крыша на церкви была покрыта мѣдью, а маковки ея были вновь вызолочены [2]). Въ виду сказаннаго само собою падаетъ, какъ недостовѣрное, замѣчаніе Сементовскаго, что куполы храма покрыты бѣлою жестью, верхнія главы и кресты позолочены при м. Тимоѳеѣ Щербацкомъ (Кіевъ, стр. 83).

Затѣмъ, было произведено обновленіе и наружныхъ стѣнъ.

Вмѣстѣ съ покрытіемъ церкви Софійскаго монастыря и обновленіемъ ея снаружи (которое было закончено въ 1765 г.) [3]), шло обновленіе церкви и внутри, также на пожертвованія благотворителей и отчасти на средства самой каѳедры. Такъ, нѣкоторыя изъ иконъ великой церкви были украшены цѣнными окладами. Именно: намѣстная икона Спасителя была украшена серебрянымъ вызолоченнымъ окладомъ [4]), намѣстная икона Божіей Матери также была позлащена [5]). Устроена была и новая архіерейская „форма“ или каѳедра и поставлена (24 декабря 1763 г.) у праваго клироса, взамѣнъ старой [6]).

Сдѣланъ былъ окладъ и на чудотворную икону Николая Мокраго [7]), что на хорахъ.

---

[1]) Письмо м. Тимоѳея отъ 27 іюля 1763 г.

[2]) За мѣдь на покрытіе церкви было уплочено (за 759 п.) 6641 р. 25 коп.; пожертвованій же было собрано на покрытіе церкви 3182 р. 95 к. и червонцами 1473 р., или 3314 р. 15 к., всего 6497 р. 10 к (Ар. К. К. 1764 г., № 43).

[3]) А. К. К. 1767 г., № 67.

[4]) Окладъ начатъ былъ постройкой 30 мая 1762 г. и оконченъ въ сентябрѣ 1763 г., а 7 сентября былъ уже прибытъ къ иконѣ; на него пошло 39 ф. 26 лот. серебра и 53 лота 38 карат. золота, на сумму 894 р. 93¼ коп. Шата сдѣлана была 12-й пробы. (Арх. отр. о каѳедральномъ монастырѣ).

[5]) Эта работа была сдѣлана на средства настоятеля Донского Ставропигіальнаго монастыря, Авраамія Лящевскаго, и м. Арсеній послалъ ему въ благословеніе икону Рождества Богородицы. (А. К. К., письмо м. Арсенія 17 сентября 1764 г., № 496)

[6]) Старая каѳедра послѣ сего была перенесена и поставлена въ алтарѣ Трапезной церкви праведнаго Лазаря. (Арх. отр. кн. о намѣстн. Кіево-Софійскаго монастыря).

[7]) Ар. К. К. 1767 г., № 91, л. 24-й.

Затѣмъ, устроенъ былъ новый кіотъ для Купятицкой иконы Божіей Матери, что на хорахъ съ правой стороны [1]), и украшенъ была иконописью и позолотой.

Придѣлъ во имя св. Николая Чудотворца (на хорахъ съ лѣвой стороны) также былъ обновленъ; иконостасъ былъ поновленъ, престолъ и жертвенникъ починены, при чемъ для свѣтлости было придѣлано въ этомъ придѣлѣ большое окно [2]).

Обращено было вниманіе на обновленіе иконописи въ главной церкви, также на починку штукатурки, задѣлку щелей и трещинъ въ послѣдней. Особенно много трещинъ было на хорахъ, а также въ главномъ нефѣ вблизи хоръ и въ притворѣ на стѣнкахъ и потолкѣ; здѣсь „древнее украшеніе совсѣмъ слущилось и едва было видно"; во многихъ мѣстахъ было „большое безобразіе" [3]).

Митр. Арсеніемъ поручено было духовному собору произвести подробное освидѣтельствованіе внутреннихъ стѣнъ и принять мѣры къ ихъ исправленію. Такъ какъ въ казнѣ монастырской денегъ на исправленіе иконописи не было, то было составлено воззваніе къ благотворителямъ и выдана сборная книга для записи пожертвованій. На эти пожертвованія [4]) и была произведена расчистка штукатурки въ разсѣлинахъ, задѣлка трещинъ и произведена раскраска стѣнъ на хорахъ. Въ это именно время былъ выбѣленъ придѣлъ апостола Андрея Первозваннаго (до 1 іюня 1764 г.), нарисовано изображеніе Страшнаго Суда („изобразися иконописнымъ художествомъ") на стѣнахъ и потолкѣ между Страстнымъ и Андреевскимъ придѣломъ [5]), а также—Всемірный Потопъ, Гибель („запаленіе") Содома и Бѣгство Лота съ дочерями въ Сигоръ (въ 1768 г.) и изображено 14 картинъ изъ евангелія и апокалипсиса—въ преддверіи Андреевскаго

---

[1]) Сборн. книга на обновлен. Соф. церкви, заведенная 1766 г.

[2]) 6 декабря 1764 г. этотъ придѣлъ былъ освященъ.

[3]) Ар. К. К. 1767 г., № 91.

[4]) Въ этой сборной книгѣ на первомъ листѣ записано пожертвованій самого м. Арсенія 100 р., г. губернатора Глѣбова 20 р., архимандрита Лавры, Зосимы Валькевича 12 р.; затѣмъ. слѣдуютъ записи пожертвованій, данныхъ приходившими въ Кіевъ богомольцами и разными лицами (сѣчевиками-казаками, монахами, разныхъ кіевскихъ монастырей, выходцами изъ-за границы и т. д.). Всего записано во всей книгѣ пожертвованій за 1766 г. 163 р. 80 к., за 1767 г. 137 р. 62 к. за 1768 г. 160 р. 86 к., за 1769 г. 182 р. 69 к., за 1770 г. 488 р. 46 к.; въ 1771 году вслѣдствіе опасной болѣзни (чумы), въ Кіевѣ было очень мало поклонниковъ, а чрезъ это и мало было собрано пожертвованій, всего 83 р. 77 к.; въ 1772 г.—144 р. 22 к., въ 1773 г. 233 р. 8 к.

[5]) Ар. К. К. 1767 г., № 91, л. 24.

придѣла на стѣнахъ и потолкѣ, близъ картины Страшнаго Суда, а также обновлено 2 иконы святителей на дверяхъ (въ 1769 г.). Въ Николаевскомъ придѣлѣ, на хорахъ съ лѣвой стороны, сдѣлано на полотнѣ изображеніе чуда Св. Николая (до 1-го іюня 1767 [1]).

Нѣкоторые приписывають м. Арсенію Моиглянскому написаніе на стѣнахъ Софійскаго собора иконъ Вселенскихъ Соборовъ. Не отрицая возможности приписать м. Арсенію мысль о написаніи этихъ иконъ, мы должны сказать, на основаніи сейчасъ приведеннаго указанія сборной книги, что Вселенскіе Соборы были написаны лишь въ 1773 году. Тогда же были написаны изображенія 10 князей. Ясно отсюда, что обновленіе иконописи въ Софійскомъ соборѣ, не законченное при м. Арсеніи вслѣдствіе его смерти, продолжалось при его преемникѣ, Гавріилѣ, который на той же сборной книгѣ 1766 года написалъ: „Ревностному ко благолѣпію храма святаго раченію и учрежденію въ Бозѣ почивающаго антецессаря нашего, преосвященнаго Арсенія митрополита, и мы, преемникъ его подражая, и благодѣтельствующимъ въ томъ боголюбцамъ Божіимъ благословенія и его дѣйствіемъ всякаго въ душевныхъ и тѣлесныхъ требованіяхъ поспѣшества и удовольствій всеискренно желая, по предложенію въ началѣ книги сея грамотѣ во всемъ поступать благословляемъ“ (1773 г. 11 августа).

Ко времени м. Гавріила и относится обновленіе собора Св. Отецъ и украшеніе храма Св. Николая Чудотворца, гдѣ было нарисовано изображеніе страданій Господнихъ на полотнѣ, судъ Фарисеевъ и Саддукеевъ.

Затѣмъ, м. Арсеній много сдѣлалъ и для пополненія и обновленія каѳедральной Софійской ризницы.

Еще въ 1758 году, скоро послѣ своего пріѣзда, м. Арсеній пожертвовалъ въ ризницу Софійскаго монастыря нѣкоторыя ризничныя вещи [2]).

---

[1]) Сборн. книга 1766 г. На означенныя работы было употреблено въ 1767 г. 169 р. 70 к., въ 1768 г.—192 р. 71 к., въ 1769 г.—266 р. 46 к., въ 1770 г.—352 р. 98 к., въ 1771 г.—232 р. 9 к., въ 1773 г.—за 5 соборовъ и 10 князей и за устройство Преображенскаго иконостаса 377 р. 90 к.

[2]) Вотъ эти вещи, переданныя въ ризницу 28 августа 1758 г.: 1) янтарная патерица, 2) голубая атласная мантія на вишневой подкладкѣ, 3) голубая аберинная мантія на подкладкѣ желтой тафты, 4) епитрахиль атласная, алая, вышитая серебромъ, 5) епитрахиль парчевая, 6) епитрахиль вишневая глазетовая, 7) тесьма парчевая золотая, 8) орлецовъ 16 штукъ, изъ коихъ замѣчательны орлецы, шитые

Затѣмъ, при осмотрѣ ризницы м. Арсеній обратилъ вниманіе на недостатокъ благолѣпныхъ священныхъ облаченій и церковной утвари. Посему онъ велѣлъ 1) произвести возможную починку ризничныхъ вещей, 2) устроить новыя облаченія „по знатности мѣста“ возможно благолѣпнѣе, 3) по возможности украсить придѣльные престолы въ придѣльныхъ церквахъ. Починку и пополненіе ризницы м. Арсеній поручилъ экклисіарху-іеромонаху Саввѣ, а духовному собору при этомъ предписалъ оказывать экклисіарху всякое содѣйствіе „дабы въ церкви Божіей чистота и благолѣпіе и порядокъ былъ“ [1]).

Обратились и къ благотворителямъ.

На пожертвованія благотворителей, а отчасти на средства каѳедральнаго монастыря ризница обновилась и пополнилась. Благотворители жертвовали большею частію вещами—то лично м. Арсенію, то спеціально въ пользу монастыря Св. Софіи [2]). М. Арсеній и на свои личныя средства устраивалъ тѣ или другія ризничныя вещи, а потомъ онъ отдавалъ въ Софійскую ризницу

по красному (4 шт.) и зеленому (5 шт.) бархату, съ выщитыми вокругъ словами указывающими на принадлежность послѣднихъ патріарху Никону; 9) нарукавники атласные, алаго цвѣта, вышитые серебромъ и обложенные золотымъ газомъ. (Опись 1773 г., л. 130, № 12; л. 128, № 2 и 4; л. 57, № 20, 21 и 22; л. 54, № 2; л. 121, № 1; л. 61, № 32).

[1]) Ар. К. К. 1761 г., резол. 25 сентября.

[2]) Такъ, м. Тимоѳей прислалъ Софійскому монастырю серебряное паникадило, которое и было повѣшено въ главномъ алтарѣ за престоломъ, вмѣсто серебряной лампады („лямпы“) (Арх. отр. о К.-Софійскомъ монастырѣ, безъ номера), и евангеліе Московской печати, изд. 1759 г. (л. 18, № 10). На счетъ м. Арсенія и казны его были устроены, а потомъ переданы имъ въ ризницу: 12 орлецовъ на красномъ, а вокругъ на голубомъ сукнѣ, шитыхъ шелкомъ (опись 1773 г., л. 121); палица съ изображеніемъ Арсенія еп. Тверскаго (л. 42. № 23). Г. губернаторша Параскева Глѣбова пожертвовала въ ризницу утиральникъ полотна голландскаго (опись 1773 г., л. 103, № 1), омофоръ красный атласный (Ibidem, л. 38, № 32), среброглавный съ шелковыми цвѣтами (Ibidem, № 33), матеріи на епитрахиль саккосъ среброглавую, блакитную съ разными цвѣтами (л, 58, № 25). Княгиня Александра Яковлевна Грузинская подарила м. Арсенію палицу съ изображеніемъ св. Арсенія Тверскаго въ золотыхъ цвѣтахъ на серебряномъ полѣ (л. 42, № 20), кн. Анна Егоровна Грузинская подарила палицу изъ блакитнаго бархата съ крестомъ золота суканнаго (л. 42, № 19), скрижали съ изображеніемъ І. Христа и Б. Матери (л. 129, № 10), крестъ клобучный, въ которомъ посрединѣ красный яхонтъ и 4 смарагда а по угламъ 1 яхонтъ и 2 смарагда (л. 100, № 3). Подобный же крестъ клобучный былъ присланъ изъ Москвы въ 1765 г. (л. 100, № 4).

ризничныя вещи, какъ устроенныя на его личный счетъ, такъ и поднесенныя ему благодѣтелями и его почитателями.

На средства каѳедры было устроено въ 1760—1761 году нѣсколько облаченій [1]).

М. Арсеній передалъ въ ризницу и другіе драгоцѣнные подарки, пожертвованные ему императрицей Елизаветой Петровной [2]).

Кн. Мавра Алексѣевна Голицына подарила м. Арсенію палицу изъ табену, золотомъ насыпного, съ вышитымъ изображеніемъ Спасителя благословляющаго (л. 39, № 2), и нарукавники изъ канауса малиноваго цвѣта съ вышитыми крестами. Гетманша Скоропадская подарила омофоръ среброглавый бѣлый (л. 35, № 11) и саккосъ златоглавый, съ золотыми и серебряными цвѣтами на атласномъ вишневомъ полѣ (л. 47, № 16). Вдова бунчуковаго товарища, Екатерина Борковская подарила омофоръ парчи золотой, съ шелковыми мелкими цвѣтами, на подкладкѣ зеленой тафты (л. 38, № 31) и саккосъ парчевый (л. 50, № 37) и панагію съ изображеніемъ Пр. Богородицы (л. 28). Еп. Бѣлгородскій Іосифъ Миткевичъ пожертвовалъ саккосъ парчи золотой „съ битью“ золотой, съ лентой отъ пазухи до подола изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ бархатныхъ цвѣтовъ съ серебромъ (л. 50, № 36). Архим. Ростовскаго монастыря Іаковъ, постриженецъ Софійскаго монастыря, далъ въ ризницу серебряную гробницу, вызолоченную, вѣсомъ въ 22 фунта. Эта гробница на 4 ножкахъ; внизу ея по угламъ 4 евангелиста; во 2-й части ея гробъ Господень съ предстоящими и съ 2 ангелами; въ верхней части изображеніе съ 1-й стороны Бога Отца, а съ другой Св. Духа (л. 6, № 1). Сѣчевые казаки Платуновскаго куреня пожертвовали потиръ серебряный, вызолоченный съ 3 изображеніями, въ круглыхъ медальонахъ вверху и съ 3 ангелами на седесѣ (подставкѣ) (л. 7, № 6). Вѣсу въ немъ 1 фунт. 6 лотовъ. Пожертвовавъ въ 1768 г.).

[1]) Таковы: саккосъ бѣлой парчи, съ битью серебряной, съ разноцвѣтными шелковыми цвѣтами (л. 50, № 34), саккосъ золотой съ битью золотой и разными шелковыми цвѣтами (л. 50, № 35), мантія свѣтлоголубая, атласная (л. 127, № 2), епитрахиль (л. 57, № 23), омофоръ, шитый золотомъ и серебромъ (л. 38, № 29), омофоръ парчевый, съ кустодіей съ изображеніемъ Спасителя, осыпанной жемчугомъ (л. 38, № 30), подризникъ желтый глазетовый, обложенный золотою парчою (л. 64, № 16).

[2]) Таковы: 1) крестъ съ вензелемъ императрицы, пожалованный въ 1744 г.; на этомъ крестѣ между вензелемъ въ 4-хъ угольной пластинкѣ изображеніе съ одной стороны распятія, на лазуревомъ полѣ, а съ другой на желтомъ полѣ—Божіей Матери съ держимымъ Младенцемъ, на вензелѣ въ серебряной оправѣ 15 большихъ брилліантовъ и мелкихъ 109, а также брилліантовыхъ искръ 10, рубиновъ въ золотой оправѣ 152; внизу креста серебряныя подвѣски съ брилліантомъ, а вверху корона съ крестомъ, въ коронѣ большой брилліантъ, 4 меньшихъ и 28 мелкихъ; въ крестикѣ 2 большихъ и 12 мелкихъ рубиновъ и 5 мелкихъ брилліантовъ: цѣпка при крестѣ плоская съ 2 рубинами (л. 27, № 22)

2) Панагія брилліантовая съ изображеніемъ Воскресенія, пожалованная 1 сентября 1744 г.; 3) панагія алмазная—на подобіе звѣзды съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго (л. 26, № 18), 4) стаканъ золотой съ золотой крышкой; 5) золотая чарка съ ушкомъ и 6) серебряный вызолоченный подносъ. На стаканѣ 3 персоны между тремя чеканными рѣшетками; крышка къ стакану—съ короной, увѣнчанной крестикомъ, на подобіе коронъ на портретахъ россійскихъ короно-

Затѣмъ, престолъ въ главномъ алтарѣ былъ обложенъ мѣдными вызолоченными досками съ серебряными подкладками [1].

Не ускользнуло отъ вниманія м. Арсенія самое веденіе описей ризницы. Эти книги велись непорядочно; встрѣчалось много подчистокъ, помарокъ, приписокъ, при чемъ трудно было видѣть, какія именно вещи изъ ризницы исключены или употреблены для передѣлки, какія вновь устроены и т. д.

М. Арсеній велѣлъ поэтому завести двѣ особыхъ книги: въ одну записать всѣ существовавшія въ то время въ соборѣ ризничныя вещи и, потомъ, приписывать вновь имѣвшія поступать, съ указаніемъ, отъ кого и откуда поступила та или другая вещь; другая книга назначалась для записи въ ней всѣхъ отмѣтокъ объ измѣненіяхъ въ ризницѣ, о передѣлкѣ вещей, о перестройкѣ ихъ на другія, объ исключеніи [2]. Къ сожалѣнію, ни въ ризницѣ Софійскаго собора, ни въ архивѣ намъ не встрѣчалось этихъ книгъ.

Строительная дѣятельность м. Арсенія въ Софійскомъ монастырѣ заключалась въ слѣдующемъ.

Въ 1761 году было устроено деревянное зданіе между архіерейскими каменными палатами и деревянной избой, въ кото-

---

ванныхъ особъ; вѣсу въ стаканѣ 21 лотъ $2^1/_2$ золотника, а въ крышкѣ 10 лот, $2^1/_2$ золот. Чарка съ вензелемъ Елизаветы Петровны и съ двуглавымъ государственнымъ россійскимъ орломъ. Между орломъ и вензелемъ поле гладкое; надъ нимъ 4 человѣческихъ лица съ крыльями. Вѣсу въ чаркѣ 7 лот. Подносъ продолговатой формы съ малыми углами, украшенный кругомъ чеканными цвѣтами и 4 фигурами; вѣсу въ немъ 1 ф. 2 лота. Чарка назначалась для вливанія теплоты, стаканъ для запивки послѣ пріобщенія, а подносъ для поднесенія на немъ чарки и стакана (л. 85). Стаканъ переданъ въ ризницу 5 окт. 1764 г., 7) блюдо серебряное, вызолоченное внутри и снаружи, продолговатое, съ изображеніемъ на днѣ въ кружкахъ головки человѣка и двухъ латинскихъ буквъ В: К:; вѣсомъ $3^1/_2$ ф.; къ блюду „наливка"—чашка вѣсомъ $2^1/_2$ ф., съ выбитой фигурой человѣка (л. 87, № 8). Передана въ ризницу 20 окт. 1764 года, 8) икона Владимірской Божіей Матери въ деревянной позлащенной рѣзьбѣ, въ золотомъ окладѣ и вѣнцѣ. (Опис. К.-Софійскаго соб. П. Л., стр. 91).

Кромѣ этихъ царскихъ подарковъ м. Арсеній передалъ въ ризницу Софійской церкви и другіе: митру, подаренную схимонахиней Нектаріей Долгоруковой, сребропозлащенную, съ изображеніями Воскресенія, Пр. Богородицы, Арсенія Тверскаго и Іоанна Предтечи (л. 17, № 9), стаканъ серебряный съ небольшимъ носкомъ, вызолоченный, 12-й пробы, вѣсомъ 10 лотовъ 2 золотника, и панагію финифтяную, устроенную въ формѣ птицы пеликана съ распростертыми крыльями, съ изображеніемъ Богородицы, осыпанную алмазами, яхонтами, сапфирами и изумрудами (л. 28, № 23).

[1]) Лѣт. К. Соф. соб. (Оп. К. С. С. П. Л. стр. 90).

[2]) Ар. К. К. 1764 г., предложеніе м. Арсенія 6 сент. № 401.

рой помѣщалась консисторія. Зданіе было выстроено въ два этажа, вышиной въ одинъ уровень съ каменными аппартаментами [1]).

Въ 1763 г. была предпринята постройка каменныхъ келлій. Мѣсто для нихъ было избрано тамъ же, гдѣ были старыя каменныя келліи. Закладка была сдѣлана 18 мая 1763 года, и строеніе продолжалось до 1767 года [2]).

Затѣмъ, при м. Арсеніи были разведены сады въ митрополичьихъ дворахъ на Кудрявцѣ и на Шулявщинѣ (въ 1763 г.) [3]).

М. Арсеній обратилъ вниманіе и вообще на приведеніе въ благоустройство хозяйства Софійскаго монастыря. Еще въ 1760 г. были потребованы м. Арсеніемъ свѣдѣнія о томъ, кто состоялъ надзирателемъ надъ экономическими дѣлами монастыря, кто завѣдывалъ пріемомъ и расходованіемъ хлѣба, собиравшагося съ вотчинъ, существуютъ ли инструкціи для городничихъ и шафарей и провѣряетъ ли кто ихъ дѣйствія въ вотчинахъ: какія выдаются порціи для братіи [4]). Неизвѣстно, какой въ то время былъ представленъ докладъ. Но мы уже упоминали объ учрежденіи вотчинной канцеляріи, которая была выдѣлена для ближайшаго веденія и наблюденія за вотчиннымъ хозяйствомъ. Когда былъ прекращенъ сборъ за вѣнечныя памяти (1765 г.), и тѣмъ былъ нанесенъ ущербъ каѳедральной казнѣ, то м. Арсеній велѣлъ сейчасъ же сократить, какъ штатъ монаховъ и послушниковъ въ каѳедральномъ монастырѣ и въ каѳедральныхъ вотчинахъ, такъ и всѣхъ вообще служителей при архіерейскомъ домѣ, и убавить количество расходовъ по дому [5]). Въ это время однихъ іеромонаховъ оказалось излишними 19 человѣкъ, которые и были распредѣлены по сосѣднимъ монастырямъ [6]).

Штатъ архіерейскаго двора былъ слѣдующій: въ штатѣ состояло 2 дворецкихъ, 2 келейника, 4 лакея, кафейникъ, поваръ, 3 конюха и пѣвчіе. Свое содержаніе они получали изъ ка-

---

[1]) А. К. К. 1761 г., № 43.

[2]) А. К. К. Свѣдѣнія о постройкѣ зданій въ Софійскомъ монастырѣ. Также д. 1764 г., №№ 42, 43, 44.

[3]) Любоп. Мѣсяцесловъ—1776 г., стр. 106—107. Рук. Син. Архив. Списки архіер по 1800 г, л. 372—373.

[4]) А. К. К. 1760 г. д. по опис. № 38.

[5]) А. К. К. 1765 г., резол. 15 окт. № 881.

[6]) Арх. К.-Выд. мон, ук. 1766 г., № 10.

ѳедральной казны митрополита [1]). При этомъ въ великіе праздники и ко дню именинъ митрополита всѣмъ служащимъ выдавались особыя „консоляціи“ отъ митрополита [2]).

Слѣдуетъ также замѣтить, что служба въ митрополичьемъ дворѣ была своего рода привиллегированной службой, такъ какъ близость къ м. Арсенію и знакомство съ имѣвшими власть и значеніе лицами, состоявшими при немъ, вселяли въ служащихъ надежду на возможность получить болѣе выгодное мѣсто. Такъ, напр., пѣвчіе и лакеи жили съ надеждой получить приходъ, и, дѣйствительно, получали его. Другіе поступали въ канцелярію, въ консисторію, переходили въ губернскія канцеляріи. Интересно, что посвящавшіеся во священники ставленники изъ лакеевъ и служащихъ при митрополитѣ освобождались отъ уплаты „кондиціальныхъ взносовъ“ [3]).

---

[1]) Старшій дворецкій получалъ столовыхъ по 3 к, въ день, младшій дворецкій. келейники и лакеи—по 1 коп.; жалованье получали: дворецкій по 40 р. въ годъ, лакеи и кофейникъ—20 р., конюхи по 7 р.

Митрополичьи пѣвчіе получали жалованья—2 тенора по 12—15 р. въ годъ; и 2 баса по 15 р. въ годъ; остальные пѣвчіе жалованья не получали, а жили на полномъ содержаніи казны митрополита, при чемъ имъ выдавалось въ мѣсяцъ отъ 6 р.—7 р. 50 к. до 11 р. (А. К. К., д. 1759 г. по описи № 69; 1763 г. № 16; 1764 г. № 48). Кормовой порціи въ день выдавалось пѣвчимъ по 20 коп. (Ibidem).

[2]) А. К. К. 1764 г., № 48

[3]) Ар. К. К. 1749 г., № 43. Книга кондиціальныхъ сборовъ.

ГЛАВА IX.

Кіевское духовенство и Комиссія Уложенія.

Созваніе Комиссіи Уложенія и причины закрытія ея. Призваніе малороссійскаго духовенства къ заявленію о своихъ нуждахъ. Изготовленіе пунктовъ отъ малороссійскаго духовенства. Составленіе, числа и общая характеристика кіевскихъ пунктовъ. Пункты о персонѣ Кіевскаго митрополита, о предѣлахъ митрополіи. Вопросъ о титулѣ Кіевскаго іерарха. Пункты о преимуществахъ Кіевской каѳедры: независимость митрополичьяго суда, право избранія и назначенія іерархическихъ лицъ въ митрополичьей епархіи. Главнѣйшія историческія основанія, приводимыя духовенствомъ при ходатайствѣ о сохраненіи правъ и привиллегій Кіевской каѳедры. Пункты о судахъ духовенства Кіевской епархіи. Положеніе духовныхъ судовъ въ епархіи въ половинѣ XVIII в. Вопросъ о присягѣ духовенства. Пункты о составѣ приходскаго причта, о правовомъ, соціальномъ и матеріальномъ положеніи приходскаго духовенства. Пункты о приходскихъ церквахъ, о монастыряхъ. Пункты объ академіи, объ учрежденіи типографіи. Пункты относительно духовныхъ канцелярій, о кошельковомъ сборѣ и сборѣ за вѣнечныя памяти. Вопросъ о сношеніи духовныхъ канцелярій съ разными учрежденіями. Вопросъ объ отношеніи м. Арсенія къ кіевскимъ пунктамъ. Судьба кіевскихъ пунктовъ, представленныхъ въ Св. Синодъ.

I.

14 декабря 1766 г. императрица Екатерина II обратилась къ народу съ манифестомъ о созывѣ депутатовъ въ Москвѣ въ 1767 г. Въ манифестѣ, данномъ императрицей, указывалось, что въ созываемую Комиссію должны быть избраны депутаты отъ Сената, Синода, Коллегій и всѣхъ канцелярій кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также отъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи. Депутаты созывались 1) для того, чтобы отъ нихъ можно было узнать правительству о нуждахъ и недостаткахъ каждаго мѣста, 2) для участія въ изготовленіи проекта Новаго Уложенія. Каждый депутатъ долженъ былъ имѣть съ собою наказъ, въ которомъ были бы изложены „всѣ нужды сословныя, общественныя, никакъ не партикулярныя“.

Это было событіе чрезвычайное и сильно поразило тогдашнее русское общество.

Причинами, побудившими императрицу созвать эту Комиссію, послужили слѣдующія обстоятельства: разстройство государственнаго организма, крестьянскія волненія и другія печальныя явленія, невольно обращавшія на себя вниманіе императрицы.

Реформы Петра Великаго, произведеныя желѣзною рукою преобразователя, потрясли основы древне-русскаго строя, но не могли сразу измѣнить весь бытъ русскаго общества и государства. Заведенныя Петромъ новыя учрежденія или коллегіи существовали наравнѣ съ старыми учрежденіями; функціи ихъ не были достаточно точно опредѣлены. Поэтому, послѣ смерти преобразователя, когда не стало желѣзной руки, старое и новое въ жизни государства настолько перемѣшивались, что вездѣ почти чувствовался безпорядокъ, разстройство. Самые законы не были приведены въ порядокъ и систему и представляли нѣчто хаотическое. Такъ, продолжало дѣйствовать старое московское Уложеніе Алексѣя Михайловича, а на ряду съ нимъ множество новыхъ законовъ, указовъ, нерѣдко стоявшихъ одинъ съ другимъ въ противорѣчіи. Въ массѣ общество всецѣло еще жило по прежнему и хранило старинный укладъ жизни. Высшее общество представляло изъ себя нѣчто неопредѣленное и лишь съ внѣшней стороны представляло собою нѣчто новое, съ виду похожее на иноземный ладъ. Въ какомъ положеніи находилось государственное устройство и дѣла ко времени вступленія на престолъ Екатерины II-й, видно изъ словъ самой императрицы. „Сенатъ,—этотъ хранитель законовъ,—по словамъ императрицы,—часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинство, деньги, деревни, однимъ словомъ почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста и учрежденія въ ихъ законахъ и преимуществахъ. Чрезъ такія гоненія низшихъ мѣстъ они пришли въ столь великій упадокъ, что и Регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ... Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется“.

Въ Сенатѣ оставалось много дѣлъ, которыя десятки лѣтъ ожидали своей очереди. Указы сенатскіе не исполнялись; для побужденія къ ихъ исполненію нужно было посылать вторичные и третичные указы, такъ что вошло въ пословицу: „Ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли“. Сенатъ, завѣдуя государственными доходами, не зналъ ихъ размѣра; на-

значая воеводъ по городамъ, не зналъ ни ихъ числа, ни мѣстоположенія. То же, если не хуже, было и въ низшихъ коллегіяхъ. Въ юстицъ-коллегіи больше 6 тыс. дѣлъ ожидало своей очереди еще за полъстолѣтія.

Къ этой волокитѣ, которою отличались государственныя коллегіи, нужно добавить еще взяточничество чиновниковъ, которое было сильно развито, деморализовало общество и, по словамъ историка Соловьева, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ разстройства „Государственной машины". Взяточничество, какъ бы страшная язва, поражала весь чиновный людъ и разъѣдала государственный организмъ, начиная съ низшихъ слоевъ администраціи и кончая высшими. Въ первые же годы царствованія Екатерины II нѣсколько губернаторовъ и воеводъ было отдано подъ судъ за административныя злоупотребленія, взяточничество и всякаго рода поборы. На подобныя же злоупотребленія встрѣчается не мало указаній въ наказахъ депутатовъ.

Положеніе народа, особенно крѣпостныхъ крестьянъ, отношеніе къ нимъ господъ, помѣщиковъ также не могло не обратить на себя вниманія императрицы.

Какъ въ предшествующія царствованія, такъ и въ первые же годы царствованія Екатерины II не мало происходило волненій крѣпостныхъ крестьянъ, вызывавшихся къ этому сильнымъ угнетеніемъ ихъ со стороны помѣщиковъ, безправностью и беззащитностью одной и безнаказанностью другой стороны (помѣщиковъ). Въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, во многихъ заводахъ рабочіе крестьяне совсѣмъ бросили работы и ушли съ заводовъ. На мѣсто ушедшихъ нельзя было найти другихъ рабочихъ. Многіе монастырскіе крестьяне перестали повиноваться своимъ духовнымъ властямъ.

Въ 1762 г., по словамъ самой Екатерины, забастовавшихъ рабочихъ въ явномъ возмущеніи было до 50 тыс. заводскихъ и до 150 тыс. монастырскихъ и помѣщичьихъ. Для усмиренія ихъ посылались войска, подъ начальствомъ Вяземскаго, Бибикова, которые прибѣгали къ плетямъ, ссылкамъ въ Нерчинскіе рудники, даже къ пушкамъ.

Сама императрица, какъ очень умная, понимала, что однихъ такихъ мѣръ недостаточно для пресѣченія крестьянскихъ волненій, что причины ихъ очень и очень серьезны, и бороться съ ними нужно совсѣмъ другими средствами.

Другіе слои общества,—духовенство, городское населеніе, дворянство,—также не мало заключали въ себѣ нестроеній, лишнихъ наслоеній, свидѣтельствовавшихъ объ уклоненіи отъ обще-

человѣческихъ добродѣтелей, возвышающихъ значеніе человѣка, какъ личности и какъ члена извѣстнаго общества. Невѣжество, пьянство, бродяжничество низшаго духовенства, раболѣпство высшаго, мотовство и плутовство горожанъ, деспотизмъ, разгулъ, бездѣльничество дворянъ были слишкомъ замѣтны, чтобы умная императрица могла не обратить на нихъ своего вниманія.

Таковы были внѣшнія причины, вынуждавшія императрицу Екатерину II-ю подумать объ усовершенствованіи законовъ, объ удовлетвореніи нуждъ и уничтоженіи недостатковъ государственной жизни Россіи.

Въ настроеніи самой императрицы также заключались основанія (внутреннія причины), почему она обратилась къ созванію Комиссіи. Припомнимъ, что Екатерина II была подъ сильнымъ вліяніемъ Вольтера, Монтескье и другихъ французскихъ философовъ энциклопедистовъ. Книга Монтескье d' Esprit des lois была настольной книгой у нея. Сама она была глубоко просвѣщенной, высоко гуманной въ своихъ воззрѣніяхъ; рабство или крѣпостное право она считала противнымъ Закону Божію, христіанской религіи и правосудію; политическую свободу считала душою, безъ которой „все мертво“ въ жизни. Неудивительно поэтому, что при такихъ качествахъ своего ума и сердца, при такомъ блестящемъ гуманномъ образованіи, императрица Екатерина II съ такимъ увлеченіемъ отдалась законодательной дѣятельности.

Что касается того, почему Екатерина, при осуществленіи законодательныхъ проектовъ, обратилась къ народнымъ представителямъ, то нѣкоторые считаютъ, что въ этомъ случаѣ она шла по пути своихъ царственныхъ предшественниковъ XVII в., созывавшихъ земскіе соборы.

Нѣтъ спору, что эти примѣры могли содѣйствовать, такъ сказать, зарожденію самой идеи созванія народныхъ представителей. Но несомнѣнно, съ другой стороны, и то, что на развитіе и осуществленіе идеи вліяли французскіе писатели энциклопедисты,—какъ признаютъ другіе изслѣдователи [1]),—предъ которыми преклонялась императрица Екатерина. Только изъ французской философіи она узнала, что любимымъ и знатнымъ можно сдѣлаться, лишь имѣя въ виду благо народное.

---

[1]) И. И. Дитятинъ „Екатерининская комиссія 1767 г.“; изд. „Донской Рѣчи“ стр. 48.

Разъ Екатерина признала эту мысль, она логически пришла къ тому заключенію, что о благѣ народномъ, о томъ, въ чемъ послѣднее заключается, можно узнать—лишь ознакомившись съ мнѣніемъ народа по этому вопросу.

Прійдя къ мысли созвать представителей народа, Екатерина опредѣленно намѣтила себѣ и цѣли, къ которымъ должна была прійти, которая должна была осуществить Комиссія изъ представителей народа. Эти цѣли, по словамъ манифеста 14 декабря 1766 г., заключались въ томъ, чтобы „укрѣпить и защитить отечество..., соблюсти законы..., узаконить такія государственныя учрежденія, кои вели бы къ соблюденію добраго во всемъ порядка“... Болѣе подробно, широко и обстоятельно выражены эти цѣли въ Наказѣ, данномъ императрицей депутатамъ. Изъ этого Наказа видно, какъ гуманно и широко смотрѣла императрица на важные вопросы государственнаго и общественнаго быта. Она—врагъ смертной казни, тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній, она считала ихъ палліативомъ для исправленія общества и признавала необходимымъ предупреждать преступленія воспитаніемъ добрыхъ нравовъ. Она—за выборныхъ судей, за равенство всѣхъ предъ закономъ, за свободу вѣроисповѣданія. Не будемъ говорить о другихъ идеяхъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ Наказѣ императрицы. Отмѣтимъ только, что 522 ст. Наказа Комиссіи предоставлялось „подробности каждыя части законовъ сравнять съ правилами сего Наказа“, т. е. свои сужденія и постановленія сообразовать съ положеніями, указаніями, данными въ Наказѣ.

Такимъ образомъ, созываемой Комиссіи Уложенія предстояла чрезвычайно важная задача и серьезная и трудная работа. Эта задача требовала отъ членовъ Комиссіи значительнаго ума, опытнаго знанія жизни, серьезнаго развитія и образованія и, конечно, не мало времени. Вѣдь, въ программѣ, намѣченной въ Наказѣ, были указаны пункты „о законахъ вообще и подробно“, „о хранилищѣ законовъ“, „о производствѣ суда вообще“, „о расходахъ и доходахъ и о государственномъ оныхъ управленіи“, „о торговлѣ и промышленности“, „о подданныхъ вообще и каждомъ сословіи въ отдѣльности“, „о воспитаніи“ и много другихъ.

Возлагая такую важную задачу на Комиссію, Екатерина II-я, безъ сомнѣнія, была увѣрена, что депутаты, выбранные въ Комиссію, отнесутся къ возложенной на нихъ задачѣ серьезно, что они, если не всѣ, то въ большинствѣ, не будутъ лишены указанныхъ выше качествъ и, какъ говорится, будутъ на высотѣ

своего призванія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что она желала стѣснять своихъ депутатовъ во времени.

II Комиссія начала свою работу.

II.

Открытіе Комиссіи состоялось 30 іюля 1767 г. Засѣданія открылись въ Москвѣ и продолжались до декабря 1767 г.; въ началѣ 1768 г. были перенесены въ Петербургъ, а затѣмъ, въ декабрѣ 1768 г. были прерваны императрицей, и Комиссія была распущена. 18 декабря маршалъ Комиссіи объявилъ, что собраніе депутатовъ распускается „до тѣхъ поръ, пока вновь будетъ созвано",—распускается потому, что „по случаю нарушенія мира (наступила война съ Турціей) многіе депутаты, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ".

Но Комиссія вновь не созывалась, а, по выраженію проф. Сергѣевича, была забыта.

Дѣятельность Комиссіи, такимъ образомъ, была слишкомъ кратковременной и, повидимому, безрезультатной, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ времени. Оказалось, что Екатерина II, которая возлагала на комиссію столько надеждъ, скоро забыла о ней.

Вопросъ о причинахъ этого чрезвычайно интересный. Никто изъ серьезныхъ изслѣдователей не останавливался, конечно, на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны въ указѣ о закрытіи Комиссіи, а старались подыскать другія, болѣе вѣскія основанія. Для рѣшенія указаннаго вопроса и представлено нѣсколько объясненій. Одни считаютъ, что Екатерина съ Комиссіей просто сыграла комедію. Другіе (проф. Сергѣевичъ) считаютъ, что причина неудачи Комиссіи заключается въ полномъ неумѣньѣ руководящихъ людей воспользоваться народнымъ голосомъ, и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ, а главнымъ образомъ—въ неудачномъ выборѣ маршала Комиссіи, Бибикова.

Первое мнѣніе едвали заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ сильно унижаетъ умную и просвѣщенную императрицу: быть не можетъ, чтобы воспитанная подъ вліяніемъ лучшихъ идей энциклопедистовъ, императрица Екатерина II рѣшилась созывомъ Комиссіи народныхъ представителей сыграть какую то комедію.

Второе мнѣніе можетъ быть признано справедливымъ только отчасти, въ отношеніи къ маршалу Бибикову. Но и этотъ взглядъ не можетъ быть принятъ всецѣло, такъ какъ невѣроятно, чтобы умная и просвѣщенная Екатерина могла обмануться, остановившись своимъ вниманіемъ на Бибиковѣ, и затѣмъ, исключительно по неудачному выбору маршала, закрыть Комиссію и—совсѣмъ забыть о послѣдней.

Нужно помнить, что самъ Бибиковъ далеко не былъ такимъ бездарнымъ, карьеристомъ, какъ изображаетъ его проф. Сергѣевичъ; вѣдь, Екатерина находилась съ нимъ въ личной перепискѣ, цѣнила и уважала его, нерѣдко поручала ему очень щекотливыя дѣла: не говоримъ объ усмиреніи рабочихъ,—для чего достаточно было бы храбрости военачальника, разумѣемъ—изслѣдованіе причинъ волненій заводскихъ рабочихъ, изслѣдованіе границъ Россіи съ Польшей съ политической точки зрѣнія и др. Нѣсомнѣнно, Бибиковъ въ глазахъ Екатерины былъ способнымъ руководителемъ и Комиссіи. Если бы она и ошиблась, избравъ его въ маршалы, она могла бы смѣнить его кѣмъ нибудь другимъ. А—главное—едвали изъ-за неудачнаго выбора маршала и и изъ-за неудачныхъ дѣйствій его въ Комиссіи Екатерина могла бы забыть навсегда о Комиссіи. „Обвинять Бибикова и вообще руководившихъ комиссіей людей въ ея неудачахъ можно только отчасти,—справедливо замѣчаетъ И. И. Дитятинъ.—Коренныхъ причинъ во всякомъ случаѣ приходится искать не здѣсь“ [1]). По мнѣнію И. Дитятина, причины неудачи Комиссіи—забвенія о ней императрицы—заключались въ отсутствіи общаго плана законодательныхъ работъ, въ плохой организаціи дѣятельности Комиссіи, въ потерѣ довѣрія самой императрицы къ дѣятельности Комиссіи. Странно во всякомъ случаѣ, что императрица,—которая возлагала столько надеждъ на Комиссію, ожидала, что Комиссія непремѣнно должна въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій рѣшить поставленную ей трудную задачу,—чрезъ полгода послѣ дѣйствительной всетаки работы, хотя и безсистемной,—уже писала „начертаніе“ объ окончаніи работъ въ Комиссіи. Несомнѣнно и то, что ближайшіе руководители, приближенные къ императрицѣ лица, не стояли на надлежащей высотѣ образованности и просвѣщенія. Состояніе литературы и образованности въ Россіи того времени не представляло условій, благопріятныхъ для плодотворной дѣятельности Комиссіи. Несомнѣнно также, что не столько война съ Турціей, сколько начавшійся Пугачевскій бунтъ

[1]) И. Дитятинъ. цит. соч. стр. 91.

отвлекали вниманіе императрицы въ ближайшее время послѣ роспуска Комиссіи. Съ другой стороны, и поднявшаяся революція во Франціи, несомнѣнно, могла повліять на ослабленіе либеральныхъ стремленій императрицы.

Въ самыхъ наказахъ депутатовъ и въ протоколахъ Комиссіи, наряду съ узкосословными интересами, можно найти много очень высокихъ идей и взглядовъ. Такъ, рѣшительно было высказано мнѣніе объ уничтоженіи крѣпостного права, причемъ это мнѣніе было высказано не только депутатами отъ государственныхъ крестьянъ, но и дворянскими депутатами (депутатомъ Коробьинымъ); о необходимости открытія университетовъ, академій и другихъ школъ [1]) и—обученіи въ нихъ дѣтей и сиротъ разнымъ языкамъ; объ уничтоженіи подушной подати съ крестьянъ; объ уничтоженіи взяточничества, волокитъ въ судахъ и администраціи; о введеніи выборныхъ мировыхъ судей; объ уничтоженіи произвола въ дѣятельности администраціи путемъ введенія въ администрацію выборнаго элемента и проч. Словомъ, не смотря на многое несогласное съ общими государственными интересами, въ наказахъ депутатовъ проявляется многое такое, что свидѣтельствуетъ о сознательномъ и разумномъ отношеніи извѣстныхъ группъ русскаго народа къ призыву императрицы заявить о нуждахъ и помочь въ составленіи проекта Новаго Уложенія; въ протоколахъ же Комиссіи нельзя не видѣть серьезнаго отношенія къ дѣлу, солидныхъ знаній и просвѣщеннаго ума по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ депутатовъ [2]).

Сама императрица писала о дѣятельности Комиссіи такъ: „Комиссія Уложенія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась". Это слова указа о роспускѣ Комиссіи. Замѣтимъ, что эти слова нисколько не преувеличивали дѣйствительнаго положенія. Наоборотъ, многое высказанное депутатами въ засѣданіяхъ Комиссіи и внесенное въ наказы, вошло въ такіе законодательные акты Екатерины II, какъ „учрежденіе о губерніяхъ", „жалованная грамота россійскому дворянству", „жалованная грамота городамъ". Затѣмъ, многое изъ заявленнаго въ Комиссіи осуществлено въ законодательныхъ актахъ XIX вѣка и въ наши дни [3]).

[1]) Глуховское шляхетство просило объ учрежденіи университета для необходимыхъ свободныхъ наукъ; Кіевское шляхетство просило учредить университетъ, Батуринское—кадетскій корпусъ (Сб. И. И О., т. 68, стр. 130, 137 и 177).

[2]) Дитятинъ, цит. соч. стр. 64, 65, 66.

[3]) Дитятинъ, цит. соч., стр. 82.

Поэтому дѣятельность Комиссіи Уложенія нельзя признать совершенно безрезультатной. А при болѣе довѣрчивомъ отношеніи къ ней императрицы она могла бы сдѣлать еще больше.

Посмотримъ теперь, какое отношеніе къ Комиссіи Уложенія имѣла Кіевская епархія.

III.

Въ Комиссію, по указу 14 декабря 1766 г., вызывались депутаты отъ горожанъ, дворянъ, однодворцевъ, земледѣльцевъ, государственныхъ крестьянъ, сосѣднихъ инородцевъ, казаковъ, также депутаты отъ Синода, Сената и разныхъ государственныхъ коллегій. Крѣпостные крестьяне, какъ не пользовавшіеся правами, лишены были права избрать депутата въ Комиссію. Причиной послѣдняго обстоятельства, по мнѣнію проф. Сергѣевича, служило извѣстное уваженіе Екатерины II къ мнѣнію Вольтера.

Когда стали производиться выборы, то Малороссія, по свидѣтельству генералъ-губернатора Румянцева, отнеслась къ выборамъ враждебно: многіе въ желаніи императрицы имѣть депутатовъ и изъ Малороссіи видѣли нарушеніе правъ и вольностей малороссійскихъ. Они, если и согласились избрать депутатовъ, то лишь потому, что желали этимъ путемъ „искать старыхъ правъ и привиллегій подтвержденія“ [1]).

Малороссійское духовенство также не было приглашено императрицей къ избранію депутата. Указомъ императрицы 14 декабря 1766 г., какъ сказано, лишь Св. Синодъ имѣлъ избрать съ своей стороны депутатовъ въ Комиссію Уложенія.

По смыслу указа 1766 г., депутатъ Синода долженъ былъ, явиться представителемъ не духовенства, какъ сословія, а Синода, какъ высшей церковной Коллегіи или государственнаго учрежденія [2]).

Но Синодъ не такъ взглянулъ на дѣло. Сознавая всю важность созываемой Комиссіи, члены Синода пришли къ мысли, что синодальный депутатъ долженъ быть выразителемъ нуждъ и интересовъ не Синода, какъ высшаго церковнаго учрежденія, а—всего духовенства, а потому и приступилъ къ составленію наказа, который имѣлъ въ виду нужды всего духовенства. Въ наказахъ Синода мы видимъ 3 главы: „о епископахъ“, „о священно и церковно-служителяхъ“ и „о выгодностяхъ принадлежащихъ священно-служителямъ [3]).

---

[1]) Дитя инъ, цит. соч. стр. 20.

[2]) А. Діанинъ „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII в.“, Кіевъ 1904 г., стр. 2.

[3]) Сбор. И. Ист. Об., т. 43, стр. 46—49.

Въ то же время Св. Синодъ призналъ необходимымъ обратиться къ нѣкоторымъ епископамъ съ указами представить письменныя заявленія о нуждахъ церквей и духовенства. Такія заявленія были потребованы отъ великорусскихъ епископовъ: Гавріила, архіепископа Петербургскаго, Аѳанасія, епископа Ростовскаго, Сильвестра, епископа Переславскаго, Порфирія, епископа Бѣлгородскаго. Обращеніе Св. Синода только къ этимъ епископамъ понятно: это были члены Св. Синода, находившіеся въ то время въ своихъ епархіяхъ.

Странно однако, что Св. Синодъ не хотѣлъ выслушать голоса остальныхъ епископовъ.

Исключеніе составляли малороссійскіе епископы. 1-го сентября 1767 г. Синодъ обратился къ Кіевскому митрополиту Арсенію съ указомъ, чтобы „о принадлежащихъ тамошнему малороссійскому духовенству, какъ о владѣніи грунтовъ и маетностей, такъ и прочихъ имъ выгодностяхъ, сочиня обстоятельные пункты", онъ представилъ ихъ къ разсмотрѣнію Синода [1]).

Такіе же указы были посланы Черниговскому епископу Кириллу, Переяславскому Гервасію и въ ставропигіальные монастыри Кіево-Печерскій и Кіево-Межигорскій.

Принимая во вниманіе, что указъ о сочиненіи и представленіи пунктовъ о своихъ нуждахъ былъ разосланъ малороссійскимъ преосвященнымъ, спустя 8 мѣсяцевъ послѣ изданія указа императрицы о созывѣ Комиссіи Уложенія, можно думать, что указъ Синода былъ вызванъ замѣченною неподатливостью малороссійскаго духовенства тѣмъ распоряженіемъ правительства, которыя касались и ограничивали привиллегіи малороссійскаго духовенства.

Какъ отзывалось малороссійское духовенство на призывъ заявить о своихъ нуждахъ и выгодностяхъ?

Когда былъ полученъ синодальный указъ, началась кипучая и оживленная дѣятельность. Малороссійскіе преосвященные вступили въ оживленную переписку между собою относительно привиллегій и нуждъ своихъ епархій и духовенства. Цѣлью этихъ сношеній было—достигнуть единодушія и согласія въ заявленіи своихъ нуждъ и желаній. Тѣмъ временемъ шла и подготовка самыхъ пунктовъ, формулированіе заявленій о нуждахъ духовенства, о возстановленіи и сохраненіи древнихъ „обыклыхъ правъ и преимуществъ", обоснованіе этихъ заявленій доказа-

[1]) Указъ 1 сентября 1767 г. былъ полученъ въ Кіевѣ 12 сентября.

тельствами въ видѣ ссылокъ на древнія царскія, патріаршія и синодальная грамоты.

16 сентября 1767 г. Гервасій, епископъ Переяславскій, уже писалъ митрополиту Арсенію Могилянскому, что онъ послалъ въ Кіевъ для предварительнаго объясненія по вопросамъ касательно Комиссіи Уложенія Золотоношскаго игумена Іоиля [1]).

Митрополитъ Арсеній, съ своей стороны, обратился съ письмами къ Гервасію, епископу Переяславскому, къ Кириллу, епископу Черниговскому, къ архимандритамъ Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря и просилъ ихъ сообщить, „для лучшаго усмотрѣнія и согласнаго представленія“, какіе составлены пункты, а также о томъ, чрезъ кого и какъ указанныя лица думали послать пункты,—почтой или съ нарочнымъ повѣреннымъ [2]).

Въ отвѣтъ на эти письма архимандритъ Кіево-Печерскій, Зосима сообщилъ, сколько составлено отъ Лавры пунктовъ, и, въ свою очередь, просилъ прислать ему пункты изъ Кіевской консисторіи—„для пополненія и уравненія обоюдныхъ пунктовъ [3]).

Сообщилъ свои 11 пунктовъ и Кіево Межигорскій архимандритъ [4]). Гервасій Переяславскій также прислалъ составленные отъ епархіи пункты (чрезъ нарочно посланнаго Басанскаго протопопа, Андрея Туманскаго, просилъ прислать кіевскіе пункты „для вѣдѣнія и единогласія“ и сообщалъ, что, согласно съ желаніемъ своего духовенства, онъ пошлетъ переяславскіе пункты въ Св. Синодъ—чрезъ кіевскаго нарочнаго [5]).

Черниговскій епископъ Кириллъ переслалъ Арсенію черниговскіе пункты чрезъ Березинскаго протопопа, Іакова Скабичевскаго, и просилъ присылки кіевскихъ и переяславскихъ пунктовъ для просмотра; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что духовенство (архимандриты и протопопы черниговскіе) рѣшило послать свои пункты въ Св. Синодъ чрезъ Почеповскаго протопопа, Михаила Телѣсницкаго [6]).

---

[1]) Сбор. пис. въ арх. К. Д. Кон. 1767 г., № 106.

[2]) Сборн. пис. къ м. Арсен. за 1767 г., л. 390

[3]) Ibidem, № 107, письм. отъ 23 сент. 1767 г.

[4]) Биб. Кіев. Лавр., рук. № 209, от. IX.

[5]) Сб. пис. 1767 г., л. 389.

[6]) Ibidem, л. 390. Кириллъ, епископъ Черниговскій, для обсужденія вопросовъ о пунктахъ созывалъ на 10-е октября настоятелей монастырей и протопоповъ Но многіе изъ нихъ не успѣли явиться къ этому времени въ Черниговъ.

До чего быстро и оживленно работало малороссійское духовенство надъ составленіемъ пунктовъ, видно изъ слѣдующаго: 1-го сентября былъ разосланъ синодальный указъ о представленіи пунктовъ, а 8 октября Гервасій Переяславскій уже сообщалъ ихъ Арсенію [1]); черниговскіе пункты также обсуждались на совѣтѣ духовенства 10 октября [2]).

Немного сохранилось свѣдѣній о томъ, какими замѣчаніями и мыслями дѣлились между собою по поводу пунктовъ указанныя выше лица. Извѣстно лишь одно письмо Кирилла, епископа Черниговскаго, писанное имъ по поводу составлявшихся пунктовъ къ Зосимѣ, архимандриту Лавры. Въ этомъ письмѣ Кириллъ писалъ такъ: „сами изволите знать, что въ общемъ совѣтѣ спасеніе, а я предъ вами безъ пристрастно изясняюсь; что въ вашихъ пунктахъ вторый многимъ покажется партикулярный, а *я* его за общеполезный почитаю, потому что сохранить такой монументъ каковы Кіевскіе пещеры не только для отечества, но и для христіанства славное и всякой похвалы достойное дѣло; четвертій и пятый для того въ Черниговскіе пункта не вънесены, понеже здѣсь въ томъ нікакой не состоитъ нужды, да и по высочайшему Ея Императорскаго величества благоволенію всякой провѣнціи и народу доносить о своихъ нуждахъ дозволено“ [3])... Ясно отсюда, что представители малороссійской іерархіи сознавали необходимость общаго согласія и единодушія въ выраженіи своихъ нуждъ и заявленій ихъ предъ Комиссіей Уложенія. Съ другой стороны, эти взаимныя сношенія и обмѣнъ замѣчаніями по поводу составляемыхъ пунктовъ содѣйствовали такому, а не иному формулированію пунктовъ и самому расположенію ихъ въ порядкѣ наряду съ другими. Что это было такъ, доказывается слѣдующимъ: въ редакціи лаврскихъ пунктовъ, представленныхъ въ Комиссію, пунктъ объ укрѣпленіи печерскихъ горъ [4]), тотъ, о которомъ преосвященный Кириллъ далъ отзывъ, какъ о наиболѣе важномъ и имѣющемъ значеніе не для одной Лавры, но и для всего русскаго отечества,—поставленъ именно на первомъ мѣстѣ, хотя этотъ пунктъ въ редакціи, сообщенной преосвященному Кириллу, занималъ 2-е мѣсто.

Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о томъ, какими замѣчаніями обмѣнивались представители іерархіи и монастырей по поводу

---

[1]) Ibidem. л. 389.

[2]) Ibidem, л 390.

[3]) Биб. Кіев. Лавр., № 209, письмо отъ 20 октября 1767 г.

[4]) Сб. Им. Об, т. 43, стр. 578—580.

тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ шла рѣчь о предметахъ, касавшихся интересовъ одного и другого представителя: таковъ былъ, напр., вопросъ о бѣломъ духовенствѣ въ лаврскихъ вотчинахъ,— вопросъ, какъ мы видѣли, интересный и важный для архимандрита Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря съ одной стороны и Кіевскаго митрополита—съ другой. Въ самыхъ же пунктахъ эти вопросы формулировались съ возможною осторожностью,— очевидно, для того, чтобы не возбудить неудовольствія въ заинтересованной сторонѣ и не показать предъ членами Синода, что среди самихъ малороссіянъ,—ихъ представителей—существуетъ несогласіе. Для примѣра слѣдуетъ указать на слѣдующее. Кіево-Печерскій архимандритъ указывалъ на то, что духовенство въ лаврскихъ вотчинахъ по древнимъ жаловапнымъ грамотамъ должно состоять въ вѣдѣніи протопопа, поставленнаго архимандритомъ, и, будучи утверждено въ такомъ состояніи и императрицей въ 1763 году 8 мая,—„все во всемъ вѣдомо въ Лаврѣ, и оному священству довольство всякое, такъ какъ и принадлежащія благолѣпія церковнаго надобности, во всѣхъ лаврскихъ отчинахъ единственно и безнужно отъ Лавры исправляются“ [1]).

Кіевскій же митрополитъ Арсеній, въ 41 пунктѣ указавъ на то, что по древней жалованной грамотѣ иногда посвящались въ Лавру іеромонахи и іеродіаконы, а также священники въ вотчины, добавляетъ: „вотчинныхъ той Лавры священниковъ съ причетниками и прочихъ свѣтскихъ обывателей въ духовныхъ дѣлахъ преосвященный митрополитъ Кіевскій не вѣдаетъ и сіе онъ предаетъ въ благоразсмотрѣніе“ [2]). Желанія того и другого по поводу указаннаго, хотя и не высказаны, однако съ очевидностію выражены: архимандритъ желалъ удержать за собою вотчинное духовенство и указывалъ, что оно „во всемъ довольно“, а митрополитъ Арсеній желалъ, чтобы Комиссія Уложенія передала вотчинное лаврское духовенство въ его вѣдѣніе.

Подобное же отношеніе къ вопросамъ, близкимъ для духовенства заинтересованныхъ сторонъ (напр. Кіевскаго и Черниговскаго іерарха), видно и въ другихъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ духовенство Кіевское и сосѣднихъ монастырей и епархій Малой Россіи сносилось между собою и сообща обсуждало многіе вопросы, и это служило къ объединенію многихъ пунктовъ о нуждахъ и выгодностяхъ малороссійскаго духовенства.

---

[1]) Сб. Им. И. Сб., т. 43, стр. 582.

[2]) Ibidem, стр. 511.

Но духовенство касалось въ своихъ пунктахъ и такихъ сторонъ, которыя были близки духовенству съ одной стороны и разнымъ учрежденіямъ и коллегіямъ малороссійскимъ—съ другой. Таковъ, напр., былъ вопросъ объ улучшеніи суда надъ духовными и ихъ подданными, о сношеніи духовныхъ коллегій съ свѣтскими и друг. По такимъ вопросамъ кіевское духовенство, конечно, и не думало сноситься съ другими учрежденіями и само намѣчало путь къ рѣшенію ихъ. Ясно, что при такой постановкѣ духовенство, какъ и другія сословія, отстаивало только свои сословные интересы и привиллегіи и вовсе не хотѣло знать, что было желательно другой сторонѣ. Вслѣдствіе этого кіевское и вообще малороссійское духовенство ослабляло силу своихъ заявленій и, конечно, само приводило къ нежеланному концу—ограниченію малороссійскихъ особенностей духовенства. На это отсутствіе солидарности депутатовъ духовенства съ другими малороссійскими депутатами указывалъ и повѣренный Лавры, жившій въ Москвѣ. Онъ писалъ архимандриту Зосимѣ: „преосвященный Тферскій (Гавріилъ Петровъ) говоритъ мнѣ изволитъ, вамъ и больше всегда надобно согласіе имѣть съ малороссійскими депутатами и твердить имъ, чтобъ они всевозможно стояли при томъ, даби малороссійскіе привилегіи и вольности по прежнему утверждени были, а когда тое будетъ сдѣлано, то и монастыри малороссійскіе при всѣхъ своихъ привиллегіяхъ и вольностяхъ остатся могуть, а якъ де примѣчать можно, то малороссійскіе депутати о томъ мало думаютъ и нѣсколько по комиссіи промалчиваютъ, а не такъ стараются якъ Лифляндци“... Этотъ совѣтъ Тверскаго архіепископа, близко стоявшаго къ Комиссіи Уложенія (—онъ былъ депутатомъ отъ Св. Синода,)—авторитетенъ и справедливъ.

Правда, лаврскій повѣренный указывалъ, что между малороссійскими депутатами не было согласія—въ Москвѣ, куда они уѣхали для присутствія въ Комиссіи. Но согласія не было между депутатами духовенства и другихъ сословій Малороссіи и во время составленія пунктовъ на мѣстѣ, что видно изъ сопоставленія однихъ пунктовъ съ другими.

Для примѣра слѣдуетъ указать на заявленія духовенства—съ одной стороны и Малороссійской Коллегіи—съ другой—относительно судовъ или владѣнія вотчинами.

Такъ, духовенство, отмѣчая въ своихъ пунктахъ нестроенія въ своемъ же, духовномъ судѣ, высказывало одно желаніе, чтобы за духовенствомъ были признаны всѣ его судебныя привиллегіи и чтобы велѣно свѣтскимъ командамъ не нарушать ни въ

чемъ судебныхъ правъ и привиллегій духовенства. Другихъ какихъ либо мѣръ къ улучшенію судопроизводства и особенно своего суда духовенство не представляло. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство просило для себя особыхъ привиллегій,—предоставленія ему права давать всякія показанія въ судѣ по одной священнической или монашеской совѣсти, безъ присяги, а также не являться въ суды для устныхъ показаній, а давать вмѣсто этого письменныя показанія.

Въ то же время Малороссійская Коллегія, отмѣчая нестроенія въ судѣ—и указывая причины ихъ въ отсутствіи опредѣленнаго судебнаго устава и несовершенствѣ бывшихъ въ употребленіи судебныхъ законовъ [1],—представляла (правда, не развитой) проектъ къ улучшенію судовъ,—съ краткимъ указаніемъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію той или другой судебной инстанціи. При этомъ Коллегія представляла о необходимости „приводить къ присягѣ всѣхъ и всякаго званія въ свидѣтельствахъ", значитъ—и духовныхъ лицъ [2]).

Также несогласными оказались и заявленія относительно земельныхъ владѣній: въ то время какъ духовенство просило о подтвержденіи и расширеніи его правъ на владѣніе вотчинами и грунтами, Малороссійская Коллегія справедливо указывала на необходимость освободить духовенство отъ „свѣтскихъ упражненій"—по управленію вотчинами, а также предлагало запретить указами—духовенству дѣлать земельныя пріобрѣтенія [3]).

Такое разногласіе существовало между малороссійскими духовными и свѣтскими депутатами.

Но духовенство, какъ видно, вовсе не интересовалось этимъ. Напротивъ, оно было радо случаю пожаловаться на свѣтскихъ лицъ и разныхъ начальниковъ и заявить о своихъ обидахъ.

Оно желало указать Комиссіи Уложенія на ненормальность своего положенія и выхлопотать себѣ подтвержденіе старыхъ и дарованіе новыхъ правъ и привиллегій и не жалѣло красокъ для изображенія своего тяжелаго соціальнаго, матеріальнаго и экономическаго положенія.

---

[1]) Въ судахъ употреблялся 1) Статутъ Литовскаго Княжества, 2) Магдебургское право, 3) Россійское Соборное Уложеніе, а часто личное разсмотрѣніе судей. Правильному же веденію судебнаго процесса мѣшали и ябедники, вкривь и вкось толковавшіе статьи того или другого судебника. (Сб. Им. И. О. т. 43, стр. 219).

[2]) Ibidem, стр. 219—222.

[3]) Сб. Им. И. Об т. 43, стр. 230.

Таковъ былъ характеръ дѣятельности малороссійскаго духовенства предъ Комиссіей Уложенія.

IV.

Составленіе кіевскихъ пунктовъ было поручено архимандриту Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря Модесту и игуману Кіево-Выдубицкаго монастыря Іакову. Первый изъ нихъ былъ избранъ и для изъясненія пунктовъ въ Св. Синодѣ и предъ Комиссіей Уложенія [1].

Необходимый матеріалъ для этой комиссіи, образованной при консисторіи для составленія пунктовъ, должно было доставить все кіевское духовенство. 17 сентября 1767 года былъ разосланъ ко всѣмъ духовнымъ властямъ Кіевской епархіи,—къ протопопамъ и къ монастырскимъ настоятелямъ,—указъ о томъ, чтобы сочинить обстоятельные пункты о своихъ нуждахъ и въ теченіе 1-й недѣли по полученіи этого указа выслать ихъ въ консисторію. Вмѣстѣ съ тѣмъ было велѣно собрать и выслать деньги на проѣздъ депутата въ Москву. Для этого монастыри должны были внести по 3 коп. отъ каждаго двора [2], а каждая приходская церковь въ общемъ $26^1/_2$ к.; но при взысканіи сбора протопопы должны были не исключать и себя и принимать во вниманіе скудость однихъ и обезпеченность другихъ церквей [3].

Духовенство поспѣшило съ своими заявленіями; комиссія также работала успѣшно. 8 октября архимандритъ Модестъ заявилъ, что пункты почти составлены [4]. Нужно было ихъ заслушать еще въ консисторіи, на что требовалось время. Между тѣмъ наступала осенняя распутица; потому архимандритъ Модестъ и

---

[1]) А. К. К. 1767 г., кн. реестр. № 394.

[2]) По раскладочной вѣдомости должны были внести монастыри: Кіево-Софійскій 28 р. 77 к., Кіево-Пустынно-Николаевскій 14 р. $80^2/_4$ к., Златоверхо-Михайловскій 10 р. 78 к., Кіево-Братскій 16 р. $13^2/_4$ коп., Нѣжинскій 3 р. $81^2/_4$ к., Батуринскій 5 р $21^2/_4$ к., Гамалѣевскій 18 р. 83 к., Глуховскій 6 р. 9 к., Лубенскій 12 р. $28^2/_4$ к., Кіево-Выдубицкій 8 р. $99^2/_4$ к., Кіево-Кирилловскій 1 р. 33 к., Кіево-Петропавловскій $45^2/_4$ коп., Полтавскій 7 р. $31^2/_4$к., Гадяцкій 1 р. $71^2/_4$ коп., Максаковскій 6 р. 16 к., Нехворощанскій 1 р. $71^2/_4$ к., Густынскій 7 р. 21 к., Скельскій 2 р. $90^2/_4$ коп., Кіево-Флоровскій 21 р. 7 к., Кіево-Богословскій 70 к., Велико-Будицкій 5 р. $82^2/_4$ коп., Быстрицкій 25 к., Ладинскій 3 р. 43 к., Глуховскій 4 р. $72^2/_4$к. и Новомлинскій 36 коп., всего 194 руб. $21^2/_4$ коп.

[3]) Д. по опис. 1767 г. 17 сентября № 409.

[4]) Реестр. 1767 г., № 1663.

представлялъ о необходимости немедленно выѣхать въ Москву, а потомъ—дослать пункты [1]).

Но это представленіе не было принято. 25, 27, 29 и 30 октября консисторія заслушала составленные пункты и занималась исправленіемъ ихъ [2]).

Въ началѣ ноября, дѣйствительно, уже было отправлено въ Москву по почтѣ 18 пунктовъ. Это были пункты о выгодностяхъ кіевскаго духовенства. Кромѣ нихъ, было составлено еще 11 пунктовъ о персонѣ митрополита, его правахъ и преимуществахъ. Но они не были посланы въ этотъ разъ.

Комиссія кіевскаго духовенства продолжала сочиненіе остальныхъ пунктовъ и занималась въ ноябрѣ и декабрѣ [3]).

Когда митрополитъ Арсеній узналъ, что императрица Екатерина II уѣхала изъ Москвы въ Петербургъ, онъ объявилъ, что не намѣренъ посылать депутата въ Петербургъ [4]). Быть можетъ, отдаленность пути до Петербурга, требовавшая и большихъ путевыхъ издержекъ, удерживала Арсенія отъ посылки депутата. Тогда консисторія опредѣлила послать остальные пункты по почтѣ—въ Св. Синода, а избраннаго депутата Модеста уволить, собранныя же ему на жалованье деньги зачислить вмѣсто столовыхъ и солодовыхъ сборовъ съ приходскихъ церквей, которыя не выслали денегъ за 1767 и 1766 годъ), и вмѣсто кошельковаго сбора (съ монастырей) на заграничные монастыри [5]).

Составленные пункты въ половинѣ января 1768 года были представлены комиссіей, въ количествѣ 75 пунктовъ, въ консисторію [6]).

Въ теченіе февраля 21, 22 и 23 чиселъ происходило разсмотрѣніе составленныхъ пунктовъ членами консисторіи. При этомъ нѣкоторые изъ пунктовъ были исключены въ силу указа Св. Синодъ, отъ 10 сентября 1767 г., такъ, что общее число всѣхъ пунктовъ Кіевской епархіи представленныхъ въ Св. Синодъ, не превышаетъ 74.

Послѣ разсмотрѣнія и одобренія, пункты были подписаны митрополитомъ и депутатами отъ каждаго духовнаго правленія

---

[1]) Ibidem.
[2]) А. К. К. 1767 г., реестр. кн. № 1827, 1851, 1860 и др.
[3]) Ibidem, № 2276.
[4]) Ibidem, № 2280.
[5]) Ibidem, № 2288.
[6]) Указ. кн. 1767 г., № 56.

и монастырскими настоятелями [1]), и 4 марта, чрезъ іеромонаха Кіево-Печерскія Лавры Каллиста, были отправлены въ Св. Синодъ для разсмотрѣнія [2]). Потомъ, для объясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, по требованію Св. Синода, были отправлены изъ Кіевской епархіи Глуховскій протопопъ, Корнилій Юзефовичъ и Ичанскій, протопопъ, Петръ Полянскій.

Кіевскіе пункты, прежде всего, по своему числу и внѣшней сторонѣ поражаютъ своею обширностью. Общее число ихъ доходитъ до 75 и значительно превосходитъ пункты сосѣднихъ епархій, Переяславской и Черниговской, а также Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря. По своей обработкѣ и обоснованности кіевскіе пункты также, безъ сомнѣнія, занимаютъ первое мѣсто въ ряду другихъ пунктовъ малороссійскаго духовенства. Каждое заявленіе о желательности той или другой привиллегіи, о необходимости сохраненія и примѣненія того или иного порядка, имѣвшаго мѣсто въ кіевской епархіи предъ Комиссіей Уложенія, основано на историческихъ справкахъ или данныхъ, подтверждается ссылками на данныя духовенству грамоты и привиллегіи, или иллюстрируется картинами современной жизни духовенства—съ его неурядицами, безправіемъ и крайней бѣдностью и приниженностью. Въ Кіевскихъ пунктахъ нѣтъ ни одного положенія, не обоснованнаго доказательствами, претендующими на полную удѣдительность, хотя многія основанія и доказательства вытекаютъ изъ одной общей цѣли и завѣтной мечты тогдашняго малороссійскаго духовенства, думавшаго, что настало время для возстановленія всѣхъ древнихъ, „обыклыхъ“ правъ и привиллегій его и для отмѣны всѣхъ, казавшихся стѣснительными для него, указовъ, законовъ и порядковъ. Справедливо замѣчаетъ г. Теличенко, что кіевскіе пункты—не простое заявленіе о нуждахъ духовенства, а обширная диссертація на тему о выгодностяхъ и нуждахъ малороссійской іерархіи и ду-

---

[1]) Изъ подписей видно, что пункты Кіевской епархіи одобрены лучшими представителями кіевскаго духовенства, съ одной стороны, ректоромъ академіи и бывшими профессорами и учителями: Гедеономъ Слонимскимъ, Викторомъ Ладыжинскимъ, Тарасіемъ Вербицкимъ, Рувимомъ Петулинскимъ, Іереміей Бѣлецкимъ, съ другой стороны—бывшими воспитанниками академіи.

[2]) Въ этотъ разъ были отправлены всѣ пункты Кіевской епархіи, въ числѣ 74. Всѣ эти пункты хранятся въ архивѣ Св. Синода. Они напечатаны въ 43 т. „Сборн. Имп. Истор. Общ.“. Копія ихъ хранится въ рукописи Кіево-Печерской Лавры № 209, но съ пропускомъ напечатанныхъ пунктовъ подъ №№ 26, 36, 37 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 49. Общій указатель къ пунктамъ напечатанъ въ „Тр. К. Д. Акад. 1894 г., октябр., стр. 316—321“.)

ховенства. Въ то же время кіевскіе пункты написаны съ замѣчательною дипломатичностью; нѣкоторые пункты, какъ напр. о предѣлахъ Кіевской митрополіи (о желательности для Кіевскаго митрополита разширенія предѣловъ митрополіи на счетъ сосѣднихъ епархій, Черниговской, Переяславской и другихъ, издавна входившихъ въ составъ ея) изложены и выражены съ замѣчательною тонкостью дипломата: указывая, напр., что Черниговская епархія издавна входила въ составъ кіевской митрополіи и была подвластна Кіевскому митрополиту, Кіевское духовенство замѣчаетъ, что „все сіе представляетъ въ благоразсмотрѣніе“ Комиссіи;—выраженіе, повидимому, скромное, но сквозь строки его ясно читается желаніе Кіевской іерархіи, чтобы Черниговская епархія снова была подъ властію Кіевскаго митрополита. То же замѣтно и въ другихъ случаяхъ.

Съ внутренней стороны,—по богатству своего содержанія и по обилію заявленій о нуждахъ, по самой основательности заявленій,—кіевскіе пункты также далеко оставляютъ за собою остальные пункты малороссійскаго духовенства, а тѣмъ болѣе пункты великорусскихъ епархій. Въ кіевскихъ пунктахъ есть пункты, касающіеся интересовъ собственно Кіевской іерархіи; есть пункты, касающіеся приходскаго духовенства, сиротъ,—монастырей, церквей, духовныхъ канцелярій, академіи; есть пункты, касающіеся суда надъ духовными, изображающіе матеріальное и соціальное положеніе духовенства. Словомъ, кіевское духовенство не оставило почти ни одной стороны своей жизни и быта, не прошло молчаніемъ ни одной своей нужды, желанія и мечты,—чтобы не коснуться ихъ въ своихъ пунктахъ.

Конечно, въ кіевскихъ пунктахъ отразились черты изъ быта собственно кіевскаго духовенства. Но на ряду съ послѣдними въ кіевскихъ пунктахъ отразились и типическія черты, общія всему малороссійскому духовенству означенной эпохи,—съ его нуждами и желаніями,—только въ кіевскихъ пунктахъ эти типическія черты малороссійскаго духовенства ярче выражены, чѣмъ въ лаврскихъ, черниговскихъ или межигорскихъ пунктахъ. Кіевскіе пункты это какъ бы цѣлая и громадная картина, написанная сочными красками, отражающая жизнь и бытъ духовенства, рисующая всѣ его воззрѣнія и идеалы, особенно оживившіеся въ сознаніи кіевскаго духовенства въ виду созванной Комиссіи Уложенія, на которую, какъ видно, оно много уповало. Правда, предъ симъ временемъ и Кіевскій митрополитъ, и Кіевское духовенство—видѣло (и чувствовало) что правительство ограничивало его права и привилегіи, отмѣняло издавна существовавшіе порядки и обычаи,

а на ходатайство о сохраненіи прежнихъ порядковъ (напр. древняго титула митрополита) отвѣчало отказомъ. Но слишкомъ уже дороги были для духовенства его исконныя права и привиллегіи и слишкомъ оно чувствовало только свою обиду отъ ограниченія своихъ правъ, преимуществъ, и не хотѣло сознавать того, что и другіе (напр. владѣльцы) имѣютъ право на полученіе тѣхъ же привиллегій; что въ благоустроенномъ государствѣ должно быть цѣлесообразное и справедливое распредѣленіе привиллегій и ограниченіе нѣкоторыхъ правъ—въ видахъ единства и прочности организаціи такого общества. А потому оно и не могло помириться съ мыслью о своемъ положеніи, не могло примириться съ ограниченіемъ своихъ древнихъ правъ и преимуществъ, и—выступило съ заявленіями о необходимости возвращенія ихъ.

Такимъ образомъ, кіевскіе пункты по своему направленію представляютъ параллель прошенію гетмана Разумовскаго 1763—1764 г. и казацкихъ старшинъ о возстановленіи всѣхъ правъ малороссійскаго казачества и объ учрежденіи наслѣдственнаго гетманства. Здѣсь та же тенденція возвратить и отстоять всѣ прежнія права и привиллегіи, хотя нѣкоторыя изъ утраченныхъ правъ уже были щедро вознаграждены, напр., ассигновано было 500 р. академіи вмѣсто прежнихъ 80 руб., выдававшихся изъ Коллегіи Экономіи.

V.

На первомъ мѣстѣ въ кіевскихъ пунктахъ, по значенію для тогдашняго духовенства и по сравнительной важности съ другими пунктами, должны быть поставлены пункты о привиллегіяхъ, правахъ, власти и судѣ Кіевскаго іерарха, а именно пункты: 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 66. Это, очевидно, тѣ самые 11 пунктовъ о персонѣ митрополита, которые были составлены въ числѣ первыхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не были отправлены въ Св. Синодъ вмѣстѣ съ 18 пунктами о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства. Можно предполагать, что они не были найдены въ то время надлежаще обоснованными или, быть можетъ, митрополитъ Арсеній не желалъ возбудить неудовольствіе Св. Синода противъ себя рѣзкостью и большою притязательностію этихъ пунктовъ: обычно такъ бываетъ, что когда есть нѣсколько просьбъ, то сначала излагаютъ менѣе важныя и менѣе рѣзкія, чтобы не вооружить противъ себя того, у кого просятъ, а потомъ, какъ бы заручившись снисходительностію, излагаютъ просьбы и болѣе существенныя и съ большими притязаніями.

Въ числѣ указанныхъ 11 пунктовъ самый важный пунктъ 36,– содержащій сущность всѣхъ желаній Кіевскаго митрополита;

остальные 10 указанныхъ пунктовъ представляютъ какъ бы частнѣйшее развитіе 36 пункта.

Въ этомъ пунктѣ кіевское духовенство указываетъ, прежде всего, на то, что Кіевскій митрополитъ издавна—отъ дней просвѣщенія Руси святымъ крещеніемъ—былъ поставленъ въ опредѣленныя условія, съ извѣстными правами властью и привилегіями, коры сохранялись въ неприкосновенности. По дѣламъ назначенія и посвященія на Кіевскую каѳедру, митрополитъ находился въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, экзархомъ котораго онъ считался.

При своемъ посвященіи онъ получалъ отъ патріарха, кромѣ епископскихъ правъ въ предѣлахъ своей епархіи, право посвященія, высшаго руководства и наблюденія и суда надъ всѣми епископами русскаго экзархата. Поэтому Кіевскій митрополитъ и именовался митрополитомъ *Кіевскимъ Галицкимъ, и всея Россіи.* Со времени раздѣленія русской церкви на 2 митрополіи, Сѣверо-восточную и Западно-русскую, вліяніе митрополита Кіевскаго ограничилось предѣлами Западно-руской церкви. При корояхъ Польскихъ и великихъ князьяхъ Литовскихъ. Кіевскіе митрополиты со всѣмъ духовенствомъ пользовалось, наравнѣ съ шляхетствомъ, во всемъ равными правами, привиллегіями, вольностями и преимуществами.

Эти права и привиллегіи Кіевскаго митрополита и духовенства, признаваемыя Польскими королями и Литовскими князьями, были признаны и Московскимъ царемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, при соединеніи Малой Россіи съ Москвою, и потомъ, были подтверждены Московскими царями и признаны Московскими патріархами. Такъ, при посвященіи въ Кіевскіе митрополиты Гедеона Святополка, князя Четвертинскаго (въ 1685 г., Московскими царями, Іоанномъ и Петромъ, Кіевскому митрополиту дана грамота, что всѣ „прежнія духовнаго чина права и вольности" будутъ сохранены Кіевскаго митрополита въ его епархіи будутъ сохранены, въ силѣ и могутъ отправляться по прежнимъ обычаямъ,—безъ вмѣшательства Московскаго патріарха; что Кіевскій митрополитъ будетъ избираться „вольною элекціею" изъ природныхъ обывателей Малой Россіи, лишь по указу царскому и съ благословенія Московскаго патріарха: что вообще Кіевская епархія „какъ въ митрополичьей чести, такъ и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала и въ сохраненіи правъ и вольностей обыклыхъ",—въ сохраненіи вліянія и власти надъ другими малороссійскими епископіями, также архимандріями, игуменствами и братствами,—пребудетъ „въ такомъ же соблюденіи, въ какомъ она была до того времени подъ бла-

гословеніемъ Константинопольскаго патріарха". Сохраненіе этихъ привиллегій, правъ и преимуществъ было обнадежено указанною царскою грамотою, а также подтверждено царскими грамотами въ 1689 и 1708 году [1]). О сохраненіи этихъ преимуществъ Кіевскаго митрополита какъ по отношенію къ высшей церковной власти Русской церкви, такъ и по отношенію къ другимъ малороссійскимъ епископамъ, архимандритамъ, и о подтвержденіи исконныхъ правъ и привиллегій Кіевской каѳедры выдачей новой жалованной грамоты и просило кіевское духовенство.

Остальные пункты о персонѣ Кіевскаго митрополита и о привиллегіяхъ Кіевской каѳедры представляютъ собою развитіе высказанныхъ въ 36 пунктѣ желаній. Это пункты: о предѣлахъ митрополичьей области, о митрополичьемъ титулѣ, о правахъ митрополита на избраніе и утвержденіе іерархическихъ лицъ, о независимости митрополичьяго суда, наконецъ, объ избраніи самого митрополита.

Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ пунктовъ.

Кіевское духовенство, коснувшись вопроса о древнихъ правахъ и привиллегіяхъ Кіевской каѳедры и Кіевскаго іерарха, прежде всего, не могло обойти молчаніемъ самыхъ предѣловъ митрополичьей области. На это указывали духовенству тѣ сокращенія предѣловъ Кіевской епархіи, которыя случились въ концѣ XVII в. и въ 1-й половинѣ XVIII в. и были еще въ памяти нѣкоторыхъ старожиловъ духовенства. Такъ, въ 1733 г., по докладу преосвященнаго Арсенія Берло, Св. Синодомъ было опредѣлено: Переяславскую епархію, въ которую былъ переведенъ А. Берло, подчинить по всѣмъ дѣламъ „главному и верховному правительству Св. Синода" и совсѣмъ исключить ее изъ вѣдомства Кіевскаго архіепископа, которому до тѣхъ поръ подчинялись Переяславскіе епископы, какъ его коадъюторы [2]). Въ 1756—1757 г. къ той же Переяславской епархіи были отдѣлены изъ Кіевской епархіи 2 протопопіи, Крыловская и Новомиргородская. Такимъ образомъ, Кіевская епархія въ половинѣ XVIII в. оказалась урѣзанной въ своихъ предѣлахъ съ южной стороны.

Въ концѣ же XVII в. такая же урѣзка Кіевской епархіи произошла на сѣверѣ: изъ вѣдѣнія Кіевскаго іерарха былъ изъятъ Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, съ Черниговской епархіей; послѣдняя сдѣлана самостоятельной епархіей и даже получила грамоту на то, чтобы считаться „первоначальною ме-

---

[1]) Сб. И. И. О., т. 43, стр. 504—505.

[2]) Сб. И. И., т. 43, стр. 509, п. 39.

жду великороссійскими архіепископіами", и чтобы „не отлучаться ей подъ благословеніе и разсужденіе къ инымъ епархіямъ и къ Кіевской митрополіи". [1])

Между тѣмъ, еще въ концѣ XVII в., при подчиненіи Кіевской каѳедры Московскому патріарху, Кіевскому митрополиту было дано право надзора и попечительства надъ указанными областями.

Въ 7194 г. (1686 г.), по жалованной грамотѣ, данной Гедеону Четвертинскому, Черниговская епархія была отдѣлена отъ Московскаго патріархата и „написана въ присутствіи митрополіи Кіевской". Переяславской же епархіи еще въ началѣ XVIII в., по жалованной грамотѣ 1708 г., было велѣно „быть въ въ присутствіи Кіевской митрополіи"; а въ 1728 г. Св. Синодъ велѣлъ Переяславскому епископу Іоакиму „о случающихся въ духовныхъ, въ Кіевской епархіи, дѣлахъ имѣть братолюбное согласіе съ Кіевскимъ архіепископомъ" [2])

Указывая, такимъ образомъ, на древнія жалованныя грамоты, по которымъ Кіевскій іерархъ имѣлъ право юрисдикціи и наблюденія надъ указанными областями, кіевское духовенство, очевидно, выражало свое мнѣніе, что позднѣйшія распоряженія высшей церковной власти стоятъ въ противорѣчіи съ указанными грамотами; что бывшія въ половинѣ XVIII в. обстоятельства составляютъ нарушеніе тѣхъ исконныхъ правъ и привиллегій Кіевскаго іерарха, которыя опредѣлялись приведенными жалованными грамотами. Впрочемъ, кіевское духовенство это мнѣніе не высказываетъ такъ прямо и откровенно, а только приводитъ грамоты, ссылается на существовавшій порядокъ и—это „предаетъ въ благоразсмотрѣніе". [3]).

Что же касается вышеупомянутыхъ 2 протопопій, Крыловской и Новомиргородской, то относительно нихъ прямо высказывается желаніе объ отчисленіи ихъ отъ Переяславской епархіи и причисленіи ихъ по прежнему къ Кіевской епархіи. Въ числѣ основаній для этого указывается и то, что и самъ народъ и командиръ полковъ Новосербскаго корпуса, генералъ Хорватъ также больше тяготѣлъ къ Кіеву и находилъ для себя болѣе удобнымъ обращаться по духовнымъ нуждамъ именно въ Кіевскую каѳедру [4]).

Кіево-Печерская Лавра и Кіево-Межигорскій монастырь также представляли для Кіевскаго духовенства камень претыканія

---

[1]) Ibidem, стр. 508.
[2]) Ibidem, 509.
[3]) Ibidem, стр. 508—509.
[4]) Ibidem, стр. 520.

и соблазна. Они издавна подлежали вѣдѣнію Кіевскихъ іерарховъ. Нѣкоторые митрополиты (какъ напр. Петръ Могила) были вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритами Лавры. Въ 1686 г. Гедеону Четвертинскому была выдана царская грамота, по которой и Лавра была подчинена ему.

Въ 1688 г. Лаврѣ дано было право ставропигіона и независимости ея и архимандрита отъ Кіевскаго митрополита. Послѣ этого, въ 1722 г. Св. Синодъ предоставилъ Кіевскому іерарху посвящать іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ лаврскіе монастыри и приходскихъ священниковъ въ лаврскія вотчины; а приходское духовенство съ причетниками и мірскими обывателями лаврскихъ вотчинъ по духовнымъ дѣламъ обязано были подлежать вѣдѣнію митрополита (если не было для этого какихъ либо ограничительныхъ грамотъ) [1])

Въ подобномъ же положеніи былъ и Межигорскій монастырь, который получилъ въ 1710 г. право ставропигіона Московскаго патріарха. По указу Св. Синода (1722 г.), Кіевскому іерарху Варлааму Ванатовичу было велѣно посвящать іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а также священниковъ въ вотчины Межигорскаго монастыря; вотчиннымъ священникамъ и причетникамъ и мірскимъ обывателямъ велѣно было—по духовнымъ дѣламъ состоять въ вѣдѣніи Кіевскаго владыки [2]), если не найдется у монастыря какихъ нибудь ограничительныхъ грамотъ.

Уже это выдѣленіе указанныхъ монастырей, которые считались и знаменитыми, и великими, и богатыми, и освобожденіе ихъ отъ зависимости и вліянія Кіевскаго іерарха было, по воззрѣнію кіевскаго духовенства, ограниченіемъ исконныхъ правъ и привиллегій Кіевской каѳедры, которыя еще въ 1686 г. были признаны за нею.

Но тутъ было еще одно обстоятельство, которое служило къ умаленію чести и достоинства Кіевской каѳедры: Кіевскій митрополитъ только *иногда посвящалъ* іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ указанные монастыри и приходскихъ священниковъ въ ихъ вотчины, а „вотчинныхъ священниковъ съ причетниками и прочихъ свѣтскихъ обывателей въ духовныхъ дѣлахъ“,— Кіевскій митрополитъ не вѣдалъ.

Указывая на все это, духовенство „предаетъ такожъ въ благоразсмотрѣніе [3])“, намекая, очевидно, на нарушеніе дарован-

---

[1]) Ibidem, стр. 511.
[2]) Ibidem, 512.
[3]) Ibidem, 511—512

ными правами ставропигіи исконныхъ правъ митрополита, а также на нарушеніе даже тѣхъ правъ, которыя были обусловлены даже позднѣйшими указами Св. Синода.

Не трудно, конечно, понять смысла этихъ заявленій и существенныхъ завѣтныхъ желаній духовенства.

Затѣмъ, Кіевское духовенство указывало и на то, что нѣкогда въ составъ митрополичьей области входили и другія епархіи, кромѣ Черниговской и Переяславской. То были епархіи: Владимирская и Берестейская, Луцкая и Острожская, Полоцкая и Витебская, Туровская и Пинская, Бѣльская, Холмская, Галицкая Львовская и Каменецкая, Брестская, Могилевская, Оршанская и Бѣлорусская, Перемышльская, Подольская и Самборская. Епископы этихъ епархій издавна подчинялись Кіевскому митрополиту по дѣламъ посвященія и суда. Они же пользовались покровительствомъ Кіевскаго митрополита и обращались къ нему въ недоумѣнныхъ случаяхъ по дѣламъ духовнымъ. Къ половинѣ XVIII в. почти всѣ указанныя епархіи перешли въ унію; оставалась одна Могилевская епархія, епископъ которой, согласно трактату вѣчнаго мира (1686 г.), долженъ былъ принимать посвященіе (и утвержденіе) отъ Кіевскаго митрополита. Но и эта епархія въ разсматриваемое время, по заявленію кіевскаго духовенства, „не стала надлежать вѣдомствомъ до Кіевскаго митрополита“. Объ этомъ духовенство также представляло „въ благоразсмотрѣніе“.

Нечего и говорить, что указанные трактаты о предѣлахъ митрополичьей власти не могли имѣть серьезнаго практическаго значенія. Даже вопросъ объ указанныхъ 2-хъ протопопіяхъ, отдѣленныхъ къ Переяславской епархіи, не могъ встрѣтить себѣ сочувствія и поддержки въ Св. Синодѣ: здѣсь шла рѣчь объ уравненіи епархій, а не о разширеніи одной какой нибудь, на счетъ другихъ, не о возстановленіи древнихъ предѣловъ митрополичьей области. Извѣстно, что Св. Синодъ въ XVIII в. стремился къ централизаціи управленія, къ преобразованію епархій и къ уничтоженію древнихъ особенностей нѣкоторыхъ важнѣйшихъ епархій.

Одинъ только пунктъ кіевскаго духовенства о вотчинномъ духовенствѣ ставропигіальныхъ малороссійскихъ монастырей, Кіево-Печерской Лавры и К.-Межигорскаго, встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ Св. Синодѣ. Но и это не только не было въ противорѣчіи, но даже вполнѣ согласовалось съ централизаціонными стремленіями высшаго духовнаго правительства.

---

[1]) Ibidem, стр. 510.

Какъ извѣстно, въ 1769 г. все вотчинное приходское духовенство, бывшее въ вѣдѣніи Лавры и Межигорскаго монастыря, было передано въ вѣдѣніе Кіевскаго митрополита (объ этомъ была рѣчь во II гл.).

VI.

Привиллегію Кіевской каѳедры составлялъ тотъ почетный титулъ, который носили Кіевскіе іерархи.

Кіевскіе іерархи издавна, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, носили титулъ „митрополита Кіевскаго, Галицкаго и *всея Россіи*". Этотъ титулъ усвоивался имъ потому, что имъ принадлежало не только право посвященія въ священный санъ и суда надъ Кіевскою областью, но и право руководства и надзора надъ другими епархіями русской церкви, входившими въ составъ митрополіи. Этотъ титулъ удерживался митрополитами даже въ то время, когда русская церковь была раздѣлена на 2 митрополіи: Московскую, или Сѣверно-русскую, и Кіевскую, или Западно-русскую, хотя очевидно было для всякаго, что не было соотвѣтствія между предѣлами полномочій и власти Кіевскаго митрополита и его титуломъ, такъ какъ Западно-русская церковь не составляла всей Россіи.

Когда послѣ смутъ, наступившихъ въ юго-западной Россіи и приведшихъ даже къ уничтоженію Кіевской и многихъ другихъ православныхъ каѳедръ, была возстановлена православная каѳедра въ Кіевѣ (1620), тогда Кіевскому іерарху возвращенъ былъ и прежній титулъ „митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Россіи". Этотъ титулъ носилъ м. Петръ Могила и Сильвестръ Коссовъ [1]) и бывшіе послѣ нихъ митрополиты, вплоть до м. Гедеона Святополкъ Четвертинскаго.

Въ 1686 г., при выдачѣ царской грамоты Гедеону Четвертинскому, Кіевскій митрополитъ былъ названъ „митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея *Малыя Россія*" [2]); въ патріаршей

---

[1]) Оп. К. С. С. стр. 185.

[2]) Впервые митрополитъ Кіевскій именованъ митрополитомъ Малыя Россіи при Богданѣ Хмѣльницкомъ, по соединеніи Малороссіи съ Москвою, въ грамотѣ, писанной Хмѣльницкимъ въ защиту м. Сильвестра Коссова.

Въ этой грамотѣ Хмѣльницкій оправдывалъ м. Сильвестра въ томъ, что отказался принести присягу на подданство Московскому Государю, и просилъ простить его. (Оп. К. С. С., прилож. № 17). Но эта грамота болѣе или менѣе частнаго характера, и наименованіе въ ней Кіевскаго митрополита митрополитомъ Малыя Россіи, надо полагать, проскользнуло, какъ личное воззрѣніе Б. Хмѣльницкаго.

грамотѣ прямо было указано, да именуется отселѣ боголюбезнѣйшій Владыка Гедеонъ *Малыя Россіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій*“ [1]). Это было сдѣлано, очевидно, для приведенія въ соотвѣтствіе титула съ предѣлами той области, на которую могъ имѣть вліяніе Кіевскій митрополитъ.

Впослѣдствіи, и по выдѣленіи изъ Кіевской митрополичьей области Черниговской епархіи, также Переяславской епархіи, когда предѣлы митрополичьей области сузились до тѣхъ предѣловъ, съ какими мы ее видѣли при вступленіи на Кіевскую каѳедру митрополита Арсенія Могилянскаго, продолжали выдаваться грамоты съ упоминаніемъ о томъ, что Кіевскій митрополитъ вмѣстѣ съ тѣмъ „и Галицкій и Малыя Россіи“. Такія грамоты были выданы въ 1690 г. м. Варлааму Ясинскому [2]), въ 1709 г. Іоасафу Кроковскому [3]). При Петрѣ I Кіевскій іерархъ лишенъ названія „*митрополита*“, и для него былъ оставленъ только титулъ: „архіепископъ Кіевскій и Галицкій“ [4]). Послѣдній титулъ оставался у Кіевскаго владыки до временъ императрицы Елизаветы Петровны, которая велѣла „быть въ Кіевѣ митрополитамъ по прежнему“ и пожаловала въ этотъ санъ тогдашняго архіепископа Рафаила Заборовскаго [5]). Что касается опущенныхъ въ титулѣ по указу Петра I словъ „и Малыя Россіи“, то они снова встрѣчаются въ царской грамотѣ (о короновании) отъ 22 апрѣля 1730 г. [6]). Затѣмъ, тѣ же слова встрѣчаются и въ синодальной грамотѣ, данной въ 1748 г., при назначеніи въ Кіевскіе митрополиты Рафаила Заборовскаго [7]).

Въ виду этого и м. Арсеній Могилянскій, хотя и не получилъ грамоты съ добавленіемъ въ титулѣ словъ „и Малыя Россіи“ [8]), однако продолжалъ подписываться такъ же, какъ и его предшественники: „Митрополитъ Кіевскій и... Малыя Россіи“. Въ свою

---

[1]) Оп. К. С. С., стр. 99.

[2]) Ibidem, прил. стр. 137.

[3]) Ibidem, стр. 176—179.

[4]) Ibidem, стр. 191, ук. Св. Синод. 15 іюня 1722 г.

[5]) Ibidem, стр. 223—224.

[6]) Сб. И. И. Об., т. 43, стр. 507.

[7]) Оп. К. С. С., прилож., стр. 193.

[8]) Если бы была подобная грамота, кіевское духовенство не преминуло бы указать на это въ своихъ пунктахъ.

очередь, о всѣхъ доношеніяхъ и духовенство и консисторія писали: „Митрополиту Кіевскому и... Малыя Россіи“ [1].

Съ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II-й, Св. Синодъ сталъ болѣе послѣдовательно относиться къ своимъ распоряженіямъ, являясь въ это время исполнителемъ монаршей воли. Эта императрица, какъ извѣстно, во многихъ дѣлахъ сходилась съ взглядами Великаго Преобразователя, Петра I. Это слѣдуетъ сказать особенно о взглядахъ императрицы на управленіе епархіями, на духовенство. Извѣстно, что даже относительно самаго титула „*митрополитъ*“ она придерживалась воззрѣній Петра I, и потому отняла его у всѣхъ великороссійскихъ іерарховъ [2]. Въ виду этого Св. Синодъ при Екатеринѣ болѣе или менѣе послѣдовательно старался распространить на всѣ епархіи силу и дѣйствіе Духовнаго Регламента, а также сгладить тѣ особенныя черты, которыя оставались у нѣкоторыхъ каѳедръ.

И вотъ, по самому незначительному поводу, Св. Синодъ издалъ распоряженіе, чтобы митрополитъ Кіевскій пересталъ ти-

---

[1]) Полный титулъ митрополита обычно писался въ такой формѣ: „Ясне въ Богу Преосвященному Киръ Арсенію Могилянскому, Православному Архіепископу, Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи“. Также въ общемъ, только въ формѣ обращенія отъ 1-го лица, писалъ и самъ митрополитъ.

Прибавка въ титулѣ слова „Православный“ понятна сама собою; она была необходима въ виду того, что уніатскіе митрополиты также величали себя митрополитами Кіевскими, Галицкими и всея Россіи. Надо полагать она и была введена, со времени возстановленія православной каѳедры въ Кіевѣ.

Что касается наименованія Кіевскаго іерарха „архіепископомъ“, то это наименованіе указывало на особыя права его въ отношеніи ко всей митрополіи. Какъ экзархъ Константинопольскаго патріарха, онъ имѣлъ право наблюденія и руководства надъ всѣми епископами, архимандритами, игуменами и церквами въ Западнорусской церкви и потому считался архіепископомъ-митрополитомъ.

Когда императоръ Петръ I захотѣлъ уравнять всѣхъ архіереевъ, то онъ не задумался уничтожить всѣ старинныя привиллегіи отдѣльныхъ каѳедръ и лишилъ званія митрополита всѣхъ архіереевъ, имѣвшихъ этотъ почетный титулъ и названіе. Тогда же и Кіевская каѳедра была низведена на степень обыкновенной епархіи, а Варлаамъ Ванатовичъ посвященъ только въ архіепископы. Такой „уронъ чести Кіевскаго іерарха“ не могъ быть встрѣченъ Кіевскимъ духовенствомъ примирительно. При первомъ, ближайшемъ случаѣ, духовенство просило о возстановленіи митрополіи въ Кіевѣ на мѣсто архіепископства. Это было при Петрѣ II (въ 1727 г.). Но ходатайство осталось безъ удовлетворенія. При Елизаветѣ духовенство повторило ходатайство. Императрица держала докладъ 8 мѣсяцевъ, и лишь 25 октября 1742 г. утвердила его. Съ этого года Кіевскій іерархъ снова сталъ именоваться „Кіевскимъ Архіепископомъ Митрополитомъ“.

[2]) „Прав. Собес.“ 1875 г., ч. II, стр. 5.

туловаться „митрополитомъ... и Малыя Россіи“ [1]. Въ числѣ основаній, которыми было мотивировано указанное опредѣленіе Св. Синода, указывалось то, что „Малороссія не въ единой Кіевской епархіи, но еще у двухъ преосвященныхъ состоитъ“ (разумѣется Черниговскій и Переяславскій), а потому и велѣно было Арсенію именоваться и подписываться „Кіевскимъ и Галицкимъ, какъ и прочіе епархіальные преосвященные титулуются“.

Послѣднее свидѣтельствуетъ, что одна изъ причинъ отнятія древняго титула Кіевскаго іерарха заключалась въ необходимости привести Кіевскую епархію къ положенію другихъ русскихъ епархій.

Когда синодальный указъ былъ полученъ въ Кіевѣ, кіевское высшее духовенство было непріятно этимъ поражено и рѣшило отстаивать право Кіевской каѳедры на сохраненіе прежняго титула. Собраны были старинныя патріаршія и царскія грамоты, также синодальныя грамоты, въ которыхъ упоминался титулъ Кіевскаго іерарха со словами, „и Малыя Россіи“. При этомъ вниманіе духовенства останавливалось по преимуществу на грамотахъ не позднѣе 1685 г., именно: 15 декабря 7124 г., 27 сентября 7199 г., 14 сентября 7212 г, 3 декабря 1685 г., 22 сентября 1690 г., царской грамотѣ 22 апр. 1736 г. и синодальной грамотѣ о посвященіи Тимоѳея Щербацкаго. На основаніи собранныхъ грамотъ составлено было доношеніе и послано м. Арсеніемъ въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ разрѣшить ему по прежнему сохранять титулъ со словами „и Малыя Россіи“.

Но, конечно, ходатайство не могло встрѣтить сочувствія въ Св. Синодѣ, который рѣшилъ уравнивать всѣ каѳедры и епархіи.

Такова исторія митрополичьяго титула до Комиссіи Уложенія.

Когда же Кіевское духовенство было призвано заявить въ Комиссію Уложенія о всѣхъ правахъ и нуждахъ и выгодностяхъ, тогда и о титулѣ было снова повторено ходатайство. На этотъ разъ ходатайство не только опиралось на историческія основанія въ пользу сохраненія титула съ добавленіемъ указанныхъ словъ, но и вполнѣ логично было связано съ общимъ, указаннымъ

---

[1]) Это распоряженіе состоялось 29 апр. 1767 г. Оно было издано по слѣдующему поводу: въ Св. Синодъ было представлено ходатайство полковника Крыжановскаго о выдачѣ заграничнаго паспорта его брату, протопопу Роменскому. Къ ходатайству былъ приложенъ указъ Кіевской консисторіи, въ которомъ упоминался титулъ митрополита съ добавленіемъ словъ „и Малыя Россіи“ (К. Еп. Вѣд. 1894, стр. 547).

выше, пунктомъ о сохраненіи всѣхъ правъ, преимуществъ и привиллегій Кіевскаго іерарха. Кромѣ того, указывалось и на то, что уніатскіе митрополиты, кромѣ титула „Кіевскій и Галицкій", писались и титуловались „митрополитами всея Россіи", а если не дать православному митрополиту права титуловаться митрополитомъ и *Малыя Россіи*, то они еще больше станутъ присваивать себѣ указанный титулъ [1]).

Мы знаемъ, что и на этотъ разъ не было уважено ходатайство о сохраненіи прежняго титула [2]). Конечно, для этого оставались у Синода тѣ же, указанныя нами, причины. А основанія, представленныя въ кіевскихъ пунктахъ, казались, очевидно, мало убѣдительными.

Конечно, исторія съ титуломъ съ добавленіемъ указанныхъ словъ „и Малыя Россіи" сильно была раздута: Св. Синодъ, очевидно, усматривалъ не только несоотвѣтствіе титула съ предѣлами епархіи, но и поползновеніе Кіевскаго іерарха на разширеніе своей власти и вліянія; и, указывая митрополиту, что слѣдуетъ титуловаться только *Кіевскимъ и Галицкимъ* очевидно, опустилъ изъ виду, что *„Галицкій"* въ титулѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію Кіевскаго іерарха, только составляетъ историческое воспоминаніе.

По нашему мнѣнію въ такомъ же смыслѣ и значеніи можно было бы оставить и добавку въ титулѣ—словъ „и Малыя Россіи", для историческаго напоминанія о бывшихъ правахъ и вліяніи Кіевскихъ владыкъ.

VII.

Привиллегіи Кіевской каѳедры заключались и въ томъ, что Кіевскій іерархъ пользовался большими судебными правами и правами избранія и утвержденія высшихъ іерархическихъ лицъ.

Кіевское духовенство указывало, что еще во время зависимости отъ Константинопольскаго патріарха Кіевскому іерарху предоставлено было право имѣть свой особый, безапеляціонный судъ для рѣшенія подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ въ предѣ-

---

[1]) Сб. И. И. О., т. 43, стр. 508.

[2]) Хотя и было запрещено титуловать митрополитомъ...„и Малыя Россіи", но многіе продолжали писать доношенія, репорты и въ 70-хъ и даже 80-хъ г.г. XVIII в. См. А. К. К. 1775 г., донес. Гадяч. прот. № 74; 1778 г., № 190; 1783 г., № 187; также пись. м. кошев. атамана къ м. Гавріилу 1777 г., № 10.

лахъ Кіевской епархіи; Константинопольскій патріархъ не вмѣшивался въ судебныя дѣла Кіевскаго митрополита и не принималъ ни отъ кого челобитныхъ на рѣшенія послѣдняго. Это право имѣть свой безапеляціонный судъ было признано за Кіевскимъ митрополитомъ, Гедеономъ Четвертинскимъ, при подчиненіи митрополіи Московскому патріарху и было подтверждено въ выданной Четвертинскому грамотѣ 1685 г.

Тогда было прямо сказано: „судамъ митрополита Кіевскаго въ его епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ, и никому отъ тѣхъ судовъ въ Москву съ челобитьемъ не приходити, и Іоакиму патріарху Московскому и по немъ впредь будущимъ патріархамъ... въ тѣ суды не вступатись и челобитенъ ни у кого не принимать“ [1]). Эта же привиллегія была подтверждена грамотами 1690 г., 28 сентября, и 14 сентября 1710 г.

Равнымъ образомъ Кіевскому митрополиту издавна принадлежало право избирать и производить на свободныя мѣста не только архимандритовъ въ монастыри, но и епископовъ въ причисленные къ митрополіи епархіи.

Это право, принадлежавшее митрополитамъ въ пору зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, было утверждено за ними и жалованною грамотою 1685 г., а также 1690 г. Выданными Московскимъ патріархомъ грамотами Кіевскимъ митрополитамъ предоставлялось: „власть имѣти хиротонисати во свою епархію епископы, архимандриты, игумены, пресвитеры, діаконы, иподіаконы, пѣвцы и чтецы, и все.... церковное потребство ко благохвальному изрядству въ епископіяхъ, архимандріяхъ, братствахъ же и училищахъ творити“ [2]).

Такъ опредѣлялись указаныя права и привиллегіи Кіевской каѳедры.

Духовенство и хотѣло сохраненія этихъ правъ въ разсматриваемое нами время.

О независмости митрополичьяго суда отъ высшей власти, о безапелляціонности рѣшеній митрополита духовенство не высказывалось открыто. Оно только и представляло „въ благоразсмотрѣніе“ то, какія были даны преимущества митрополиту въ дѣлахъ, поступавшихъ на архіерейскій судъ, и указывало на то что ненарушимость этихъ правъ была обнадежена жалованными грамотами. Но сокрытый смыслъ этихъ заявленій сквозитъ до-

---

[1]) Ibidem, стр. 514.

[2]) стр. 514.

вольно прозрачно. Духовенство, видимо, только стѣснялось явно выразить свой протестъ противъ подсудности Кіевскаго митрополита, подчиненія его общему контролю высшей русской церковной власти.

Что же касается правъ избранія и посвященія лицъ въ свою епархію, въ знатнѣйшіе монастыри, на мѣста вышедшихъ или умершихъ архимандритовъ, то духовенство заявляло свое желаніе, чтобы отмѣненъ былъ изданный въ 1765 г., 17 февраля, указъ, о назначеніи архимандритовъ въ знатнѣйшіе монастыри.

Духовенство указывало, что означенный указъ Св. Синода, кромѣ того, что явился отмѣной исконныхъ правъ митрополита, на дѣлѣ приводилъ къ обидамъ и униженію и самого митрополита, и знатнаго, заслуженнаго ученаго малороссійскаго монашества. Такъ, хотя указомъ и было предоставлено епархіальнымъ преосвященнымъ представлять своихъ кандидатовъ, но „токмо мимо тѣхъ, отъ митрополита Кіевскаго представляемыхъ кандидатовъ (избранныхъ изъ заслуженыхъ и способныхъ къ знатной службѣ), другіе тамошніе на упалыя въ епархіи Кіевской вакансіи отъ Св. Синода въ архимандриты опредѣляются и присылаются, и потому оные, въ епархіи Кіевской по добропорядочнымъ своимъ обращеніямъ заслуженные, остаются“ [1]).

Подобныя желанія, конечно, не согласовались съ намѣченною программою дѣятельности Св. Синода. Поэтому они и не могли встрѣтить не только поддержки, но и сочувствія. Удовлетворить эти заявленія—значило совсѣмъ отказаться отъ поставленной задачи ввести Кіевскую епархію въ общее русло жизни другихъ русскихъ епархій.

VIII.

Уже изъ приведеннаго сейчасъ видно, куда, къ какому времени направлялись взоры Кіевскаго духовенства предъ Комиссіей Уложенія.

Для него исходнымъ пунктомъ служили грамоты, выданныя въ 1685 г. и въ послѣдующіе годы.

Обратимъ же вниманіе на тѣ обстоятельства, при какихъ были выданы указываемыя духовенствомъ грамоты, и посмотримъ, какими правами и привиллегіями въ то время пользовался Кіевскій митрополитъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 515.

Въ древнее время, даже въ то время, когда Кіевская митрополія находилась въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства, Кіевскій митрополитъ пользовался огромными правами и привиллегіями въ отношеніи къ другимъ епископамъ Западно-русской Церкви: ему принадлежало право посвященія, руководства, попечительнаго надзора и суда надъ ними, а также надъ архимандритами, игуменами, исключая тѣхъ, которые имѣли право ставропигіона отъ Константинопольскаго патріарха. Если припомнить что зависимость Кіев. митрополита отъ Константинопольскаго патріарха была болѣе или менѣе номинальной, что послѣдній почти совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣла внутренняго устройства и управленія Кіевской митрополіи, то мы поймемъ какое огромное значеніе имѣли эти права.

Съ переходомъ же Кіевскаго митрополита и всѣхъ малороссійскихъ епархій въ вѣдѣніе Московскаго патріарха, конечно, эти права и привиллегіи должны были подвергнуться сокращенію. Уже одна близость Москвы давала возможность контролировать дѣйствія Кіевскаго митрополита, видѣть поведеніе его и духовенства, и вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Кіевской митрополіи, направлять ее по усмотрѣнію всероссійскаго патріарха.

Кіевское духовенство предвидѣло это. Оно опасалось, что съ подчиненіемъ Московскому патріарху, произойдетъ ограниченіе его правъ и привиллегій, отмѣна многихъ малороссійскихъ обычаевъ, особенно въ богослужебной практикѣ. Вотъ почему Кіевская іерархія избѣгала сближенія съ Московской іерархіей. Вотъ почему Кіевское духовенство встрѣтило съ неудовольствіемъ сближеніе гетмана съ Москвой и подчиненіе Малороссіи Москвѣ [1]).

Но духовенство не въ силахъ было остановить историческаго процесса. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ кончилось

---

[1]) Когда случилось присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, то Кіевскій митрополитъ, Сильвестръ Коссовъ, долго не хотѣлъ приносить присяги, и отъ лица всего малороссійскаго духовенства просилъ, чтобы имъ оставаться подъ властію Константинопольскаго патріарха. А духовенство такъ было недовольно подчиненіемъ Москвѣ, что, по замѣчанію одного современника, „отъ жалости всѣ глаза себѣ выплакало". Также относились къ вопросу о подчиненіи Московскому патріарху и преемники С. Коссова, Діонисій Балабанъ, Антоній Винницкій, Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій („Кіев. Стар." 1890 г., кн. II, ст. 261; Русск. Правосл. Церк." проф. Ѳ. Титова, т. II, ч. 1, стр. 11—13).

чрезъ 30 лѣтъ подчиненіемъ Кіевской митрополіи Московскому патріарху.

Къ этому послѣднему дѣятельно подготовлялась работа въ Москвѣ со времени присоединенія Малороссіи. Эта работа и окончилась въ 1685 г. полученіемъ Гедеономъ Четвертинскимъ посвященія въ Кіевскіе митрополиты и грамоты на митрополію отъ Московскаго патріарха.

Замѣчательно при этомъ, что посвященіе Гедеона совершилось помимо вѣдѣнія Константинопольскаго патріарха, и Московскому правительству стоило не мало усилій получить согласіе Константинопальскаго патріарха на подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху [1].

Съ этого времени Кіевскій митрополитъ потерялъ свою фактическую независимость.

Такое событіе, конечно, не могло не вызвать недовольства въ кіевскомъ духовенствѣ.

Что духовенство было недовольно и даже сильно протестовало противъ подчиненія Московскому патріарху, это, по словамъ Костомарова, не подлежитъ сомнѣнію. Самъ гетманъ Самойловичъ не радъ былъ этому подчиненію и просилъ даровать Кіевскому митрополиту первенство среди другихъ архіереевъ, а также выдать грамоту въ подтвержденіе для сохраненія ненарушимо „всѣхъ давныхъ церковныхъ обыкновеній и духовныхъ правъ“ митрополита [2].

И, дѣйствительно, русское правительство и патріархъ поспѣшили выдать Гедеону Четвертинскому жалованныя грамоты на привиллегіи.

Какъ извѣстно, митрополиту Гедеону была дарована епархія, обнимавшая значительную часть нынѣшней Полтавской и Черниговской епархіи, а также Кіевскую Украину, находившуюся подъ властью Польскаго правительства. Въ Польскомъ государствѣ Кіевскому митрополиту въ это время принадлежали только тѣ монастыри и церкви, которыя оставались вѣрными православію [3].

---

[1]) „Русс. Прав. Церк.“, проф. Ѳ Титова, т. II, ч. 1, стр. 39—41.

[2]) Ibidem, стр. 31; „Кіев. Стар.“, 1890 г., кн. 11, стр. 261.

[3]) По словамъ проф. Ѳ. И. Титова, митрополиту Гедеону подчинялась и часть Луцкой епархіи, бывшей въ его власти раньше, до бѣгства его въ Россію (1684 г.), которая продолжала и теперь, въ бытность Гедеона митрополитомъ Кіевскимъ, обращаться къ нему за удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ нуждъ („Рус Прав. Церк.“, т. II, ч. 1, стр. 282).

Тогда же, какъ бы въ награду за содѣйствіе подчиненію Кіевской митрополіи Московскому патріарху, митрополиту Гедеону было предоставлено право покровительства надъ всѣми церквами въ Малороссіи: ему была подчинена Черниговская архіепископія со всѣми ея монастырями и архимандріями, Кіево-Печерская Лавра, которая до того времени, въ теченіе многихъ вѣковъ (за рѣдкими исключеніями,) была независимою отъ Кіевскаго митрополита. Это дѣлало Кіевскаго митрополита, какъ бы архипастыремъ всей Малороссіи (рѣчь идетъ о іерархическихъ преимуществахъ: о матеріальныхъ доходахъ не говоримъ, такъ какъ трудно сказать, пользовался ли Кіевскій митрополитъ такими доходами). Поэтому тогда же былъ дарованъ Кіевскому преосвященному титулъ: „Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи“ [1]).

Затѣмъ Кіевская митрополія сдѣлана „первоначальною“ епархію, т. е. поставлена на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ русскихъ епархій; митрополиту предоставлено право независимости его суда отъ Московскаго патріарха, который не долженъ былъ принимать апелляціи на судъ митрополита;—право не являться въ Москву для чередного служенія, также право ношенія бѣлаго клобука, креста на митрѣ, 2-хъ панагій, служенія даже въ Москвѣ, въ присутствіи патріарха, на коврахъ, предношенія креста во всѣхъ выходахъ и выѣздахъ въ своей епархіи [2]). Все это предоставлялось какъ бы въ поощреніе и въ видѣ вознагражденія за подчиненіе Московскому патріарху.

Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ указанныхъ привиллегій были отняты у Кіевскаго митрополита. Такъ, прежде всего митрополиту Гедеону было запрещено именоваться митрополитомъ *всея Россіи*, при чемъ это было сдѣлано при ближайшемъ удобномъ случаѣ, по самому ничтожному поводу, когда въ малороссійскій приказъ случайно попала грамота митрополита Гедеона съ указанною подписью. Очевидно, давно уже было желаніе умалить преимущество чести митрополита Гедеона [3]).

Со смертью гетмана Ивана Самойловича, принимавшаго дѣятельное участіе въ подчиненіи митрополіи Московскому патрі-

---

[1]) Впрочемъ, митрополитъ Гедеонъ, вопреки данной грамотѣ, позволялъ себѣ подписываться „митрополитъ... всея Россіи“... Основаніемъ для него служило то, что на митрѣ, пожалованной ему, на оборотѣ была надпись (сдѣланная, вѣроятно, по ошибкѣ) въ такой формѣ: „митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи“.

[2]) Оп. К. С. Соб., стр. 91—94; 101—102.

[3]) Проф. Ѳ. Титовъ, „Правосл. русск. церк.“, т. II ч. I, стр. 285.

арху, отношенія Москвы къ Кіевскому митрополиту измѣнились, и умаленіе чести, правъ и привиллегій послѣдняго пошло дальше.

По ходатайству архимандрита Кіево Печерской Лавры, Варлаама Ясинскаго (въ свое время стоявшаго въ оппозиціи и протестовавшаго противъ подчиненія Лавры Кіевской митрополіи), воспользовавшагося паденіемъ гетмана Самойловича, и представившаго каноническія основанія въ пользу независимости Лавры, Кіево-Печерской Лаврѣ было предоставлено право, по древнему обычаю, быть независимою отъ Кіевскаго митрополита, право ставропигіона (11 мая 1688 г. была подписана царская грамота) [1]). Кіевскій митрополитъ, на основаніи патріаршей грамоты, не долженъ былъ вмѣшиваться въ дѣла посвященія архимандрита Лавры, въ дѣла управленія послѣдняго въ самой Лаврѣ и въ лаврскихъ вотчинахъ. Митрополиту дозволялось лишь посвящать въ Лавру іеромонаховъ—по представленію и просьбѣ архимандрита; кромѣ того, дозволялось при богослуженіи возносить имя митрополита непосредственно послѣ имени патріарха.

Вслѣдъ за Лаврою изъ-подъ вѣдѣнія и власти Кіевскаго митрополита была изъята Черниговская архіепископія. 8 іюня 1688 г. послѣдняя была поставлена „подъ благословеніе“ патріарха, который долженъ былъ посвящать Черниговскихъ архіепископовъ: а Кіевскому митрополиту и его преемникамъ было велѣно не имѣть никакой власти надъ Черниговскими архіепископами и ихъ епархіей [2]).

Послѣ смерти митрополита Гедеона, избранный въ преемники ему Варлаамъ Ясинскій, при посвященіи въ Москвѣ, ходатайствовалъ, чтобы ему 1) былъ присвоенъ титулъ экзарха Московскаго патріарха, 2) было предоставлено право посвященія іеромонаховъ и іеродіаконовъ Лавры, а также просилъ о перечисленіи нѣкоторыхъ протопопій изъ Черниговской епархіи въ Кіевскую епархію и о приписке нѣкоторыхъ обителей и свободныхъ земельныхъ участковъ въ Кіевѣ къ Кіево-Софійской митрополичьей каѳедрѣ.

Эти ходатайства въ общемъ были удовлетворены, исключая титула *экзарха* [3]). Между тѣмъ дарованіе этого титула могло уси-

---

[1]) Проф. Титовъ, цит. соч. стр. 287.
[2]) Ibidem, стр. 291.
[3]) Ibidem, стр. 346—347.

лить вліяніе и значеніе митрополита въ Малороссіи, въ особенности въ отношеніи ко всѣмъ епископамъ, архимандритамъ Малороссіи. Въ Москвѣ это отлично понимали, а потому и не дали Кіевскому митрополиту титула экзарха.

По ходатайству митрополита Варлаама Ясинскаго, въ 1691 года сдѣлано еще одно постановленіе, благопріятствовавшее возвышенію вліянія и значенія Кіевскаго митрополита. Русское правительство рѣшило настаивать на томъ, чтобы, согласно 9 ст. договора о вѣчномъ мирѣ, всѣ православные епископы въ Польшѣ посвящались въ Кіевѣ, у Кіевскаго митрополита, и чтобы православные жители Польши обращались къ Кіевскому митрополиту [1]).

И дѣйствительно, Кіевскіе митрополиты принимали живѣйшее участіе въ судьбахъ заграничныхъ епархій, посвящали туда епископовъ, поддерживали ихъ матеріально и нравственно. Такъ, Варлаамъ Ясинскій содѣйствовалъ самому возстановленію Бѣлорусской архіепископіи (1698 г.), а Іоасафъ Кроковскій призывалъ въ Кіевъ для посвященія избраннаго Луцкимъ епископомъ Кирилла Шумлянскаго и, затѣмъ, поддерживалъ своими наставленіями и письмами [2]).

Такимъ образомъ, къ началу XVIII в. значеніе и вліяніе Кіевскаго митрополита въ Малой Россіи было очень важное, хотя предѣлы вліянія митрополичьей власти, со времени выдачи жалованной грамоты 1686, и сократились дарованіемъ ставропигіона Кіево-Печерской Лаврѣ, а также дарованіемъ Черниговскому архіепископу права независимости отъ митрополита. Еще въ самомъ началѣ XVIII в., по ходатайству малороссійскаго гетмана, было подтверждено грамотою, чтобы всѣ епископы получали посвященіе именно отъ престола митрополіи Кіевской и всего освященнаго собора, и чтобы всѣ епископы повиновались Кіевскимъ митрополитамъ и „послушаніе имъ отдавали“ [3]). Здѣсь важно именно сохраненіе за митрополитомъ права посвященія епископовъ въ Малороссіи и права первенства среди нихъ и руководства ими.

Замѣтимъ, впрочемъ, что посвященіе епископовъ Кіевскій митрополитъ могъ производить не самъ собою, а „съ повелѣнія великихъ государей и съ благословенія патріарха Московскаго“,

---

[1]) Ibidem, стр. 349.
[2]) Ibidem стр. 464.
[3]) „Оп. К. С. Соб.“ прилож. стр. 159.

какъ опредѣлялось грамотой при подчиненіи митрополіи патріарху [1]). Очевидно, въ это время уже не могло быть рѣчи о томъ, что митрополитъ,—посвящая во епископы избраннаго въ ту или другую епархію,—тѣмъ самымъ какъ бы утверждалъ выборы и давалъ свое согласіе и передавалъ, какъ митрополитъ, іерархическія полномочія посвященному. Право утвержденія избраннаго кандидата, очевидно, къ началу XVIII в. было всецѣло дѣломъ Московскаго патріарха и царя. Тотъ же порядокъ сохранялъ свою силу и значеніе и въ XVIII в., съ учрежденіемъ Св. Синода.

О сохраненіи за Кіевскимъ іерархомъ отношеній, какъ митрополита Малой Россіи, къ другимъ епископамъ Малой Россіи не было и рѣчи. Кіевскій митрополитъ оставался съ полнотою своихъ іерархическихъ правъ избранія, посвященія, руководства, управленія и суда въ отношеніи къ архимандритамъ, игуменамъ, іеромонахамъ и приходскому духовенству, и то въ предѣлахъ собственно митрополіи—епархіи. Онъ посвящалъ, избиралъ, утверждалъ священниковъ и настоятелей собственно Кіевскихъ монастырей (т. е. бывшихъ въ предѣлахъ Кіевской епархіи), а также тѣхъ изъ заграничныхъ монастырей, которые были приписаны къ Кіевской каѳедрѣ. Избраніе же, утвержденіе епископовъ (и даже самого митрополита), со времени учрежденія Св. Синода во всей русской церкви, въ томъ числѣ и въ Малой Россіи (и въ Польшѣ) перешло къ Св. Синоду и высшему русскому правительству, чѣмъ и нарушались права и привиллегіи, дарованныя Кіевскому митрополиту при подчиненіи его Московскому патріарху.

Объ этихъ то правахъ Кіевскаго митрополита въ отношеніи къ епископамъ Малой Россіи и говорило Кіевское духовенство, представляя „въ благоразсмотрѣніе“ о Черниговской епархіи, Кіево-Печерской Лаврѣ и о другихъ епископахъ и монастыряхъ.

Затѣмъ, духовенство въ своихъ пунктахъ о правахъ и преимуществахъ Кіевскаго митрополита отмѣтило дальнѣйшее ограниченіе въ 1765 г. митрополичьихъ правъ и привиллегій,—въ отношеніи къ архимандритамъ монастырей, ихъ избранію и посвященію.

IX.

Съ вопросомъ о правахъ и привиллегіяхъ Кіевской митрополіи стоитъ въ связи вопросъ объ избраніи самаго митрополита.

---

[1]) Ibidem, стр. 93.

По древнему малороссійскому обычаю, всѣ вообще власти свѣтскія и духовныя были избираемы вольными голосами. Вольными голосами избирались казацкія, войсковыя старшины, а также малороссійскій гетманъ, при чемъ въ избраніи принимало участіе и духовенство. Вольными голосами избиралось и приходское духовенство; священники, діаконы, дьячки, также настоятели монастырей, протопопы и проч.

Въ свою очередь вольными голосами избирался и митрополитъ. Такой же порядокъ избранія митрополита оставался въ силѣ и послѣ подчиненія Кіевскаго митрополита Московскому патріарху. Послѣ смерти митрополита Гедеона Четвертинскаго, царскою грамотою 30 апрѣля 1690 г. предписывалось всему духовенству, во главѣ съ Черниговскимъ архіепископомъ и съ архимандритомъ Кіево-Печерскія Лавры, избрать кандидата и прислать его въ Москву для посвященія [1]). Выборы должны были происходить подъ наблюденіемъ боярина и воеводы Кіевскаго, кн. Ромодановскаго [2]).

По этому же обычаю былъ избранъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій и Іоасафъ Кроковскій (1707 г.).

Съ учрежденіемъ Св. Синода, избраніе митрополита вольными голосами малороссійскаго духовенства прекратилось и перешло въ вѣдѣніе Св. Синода.

Такъ, въ 1722 г. былъ утвержденъ Петромъ I избранный въ митрополиты Св. Синодомъ Варлаамъ Ванатовичъ [3]).

Съ того же времени пересталъ соблюдаться другой, принятый въ Малороссіи, порядокъ избранія въ митрополиты изъ природныхъ малороссіянъ и изъ архимандритовъ или епископовъ, служившихъ въ Малороссіи. Такъ, Варлаамъ Ванатовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ изъ архимандритовъ Новгородскаго Тихвинскаго монастыря. Слѣдующій за нимъ архіепископъ, Рафаилъ Заборовскій былъ переведенъ въ Кіевъ изъ Псковской епархіи [4]).

Преемникъ его, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, правда, былъ малороссъ по происхожденію, и посвященъ былъ въ митрополиты изъ архимандритовъ Кіево-Печерской Лавры; но Арсеній Могилянскій, какъ мы видѣли, свое служеніе, до назначенія въ Кіевъ, проходилъ въ Великороссіи.

---

[1]) Проф. Титовъ, „Русск. Прав. Церк.“, т. II, ч. I, стр. 334—335.
[2]) Оп. К. С. С. стр. 208—209.
[3]) Оп. К. С. С. стр. 218.
[4]) Ibidem, стр. 222.

Видя такое отступленіе и нарушеніе древнихъ малороссійскихъ обычаевъ и порядковъ въ дѣлахъ назначенія Кіевскихъ владыкъ, малороссійское духовенство было недовольно этимъ и заявило о желаніи возстановленія прежняго порядка, въ случаѣ смерти митрополита, избирать новаго вольными голосами и общимъ совѣтомъ и при томъ выбирать изъ природныхъ малороссіянъ. Въ подтвержденіе своихъ правъ на это Кіевское духовенство ссылалось на грамоту императрицы Анны Іоановны, которою велѣно было Кіевскому архіерею и Печерской обители „быть по ихъ древнимъ правамъ и грамотамъ въ вѣдѣніи Коллегіи Иностран-Дѣлъ, какъ то было при Московскихъ патріархахъ“ [1]). Это указаніе особенно характерно; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что кіевское духовенство очень недовольно было мѣрами Св. Синода касательно Кіевской каѳедры.

Желаніе кіевскаго духовенства имѣть выборнаго митрополита, и притомъ изъ природныхъ малороссіянъ, было вполнѣ естественно. Само духовенство было выборнымъ и пользовалось выборнымъ началомъ при избраніи своихъ ближайшихъ властей, протопоповъ, намѣстниковъ. Въ духовенствѣ живо хранилась память и о томъ, какъ оно выбирало вольными голосами митрополита. Въ эпоху составленія пунктовъ еще могли быть старожилы, которые помнили выборы митрополита. Забыть объ этой традиціи, забыть о правѣ имѣть выборнаго владыку трудно было духовенству. Вѣдь, память о приходскихъ выборахъ священника живетъ въ народѣ въ той или иной формѣ и доселѣ, хотя свыше ста лѣтъ прошло со времени упраздненія приходскихъ выборовъ.

Тѣмъ болѣе нежелательна была для кіевскаго духовенства присылка архипастыря помимо его избранія, что при вольномъ избраніи всегда можно было узнать о складѣ и характерѣ избираемаго; при выборахъ возможны были и нѣкоторыя уступки, соглашенія. По крайней мѣрѣ, духовенство, избирая изъ своихъ же малороссіянъ, изъ служившихъ въ Малороссіи, могло надѣяться, что избранный владыка будетъ болѣе вникать въ его нужды, положеніе, будетъ щадить самые обычаи малороссійскіе и не станетъ нарушать исконныхъ традицій духовенства и каѳедры, которыя частью отмѣнялись, частью умалялись со времени назначенія митрополитовъ Синодомъ. Духовенство не могло не видѣть того, что даже избранные іерархи, но не изъ лицъ, служив-

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 550.

шихъ въ Малой Россіи, (а тѣмъ болѣе назначенные Синодомъ) дѣйствовали не согласно съ интересами мѣстной церкви. Дѣятельность такихъ лицъ, по взгляду духовенства, не сопровождалась благопріятными послѣдствіями. Исторія свидѣтельствуетъ, что кіевское духовенство, съ своей стороны, было право.

Достаточно вспомнить о томъ, что, послѣ смерти Гедеона Четвертинскаго, его преемнику Варлааму Ясинскому пришлось исправлять много нестроеній и безпорядковъ, которыхъ въ свое время не только исправить, но даже замѣтить не могъ м. Гедеонъ. Послѣдній, хотя былъ выбраннымъ митрополитомъ, но въ Кіевской епархіи былъ совершенно новымъ человѣкомъ, такъ что для него многое было мало знакомо, или даже совсѣмъ незнакомо [1]). Такимъ образомъ, желаніе духовенства имѣть выборныхъ митрополитовъ и изъ лицъ служившихъ въ Малороссіи нужно признать справедливымъ и естественнымъ.

Здѣсь естественно припоминаются тѣ жалобы на присланныхъ великороссіянъ, которыя были указаны нами въ 5 гл. и касались архимандритовъ—настоятелей монастырскихъ. То была жалоба Межигорскихъ монаховъ въ 1743 г. Что дѣлали архимандриты, то (и еще въ большой степени) могли дѣлать и митрополиты. Укажемъ—для примѣра на Гавріила Кременецкаго, который дѣйствовалъ въ духѣ великоросса—обрусителя.

X.

Одна изъ привиллегій Кіевскаго митрополита заключалась въ правѣ имѣть свои собственные суды по духовнымъ и другимъ дѣламъ, относящимся „до разсужденія духовнаго“.

И Кіевское духовенство не могло обойти окончаніемъ этой привиллегіи, такъ какъ обстоятельства жизни въ XVIII в. подрывали значенія этой привиллегіи. Въ своихъ пунктахъ оно изобразило положеніе своихъ судовъ довольно яркими чертами, при чемъ и въ этомъ отношеніи желанія духовенства сводятся въ общемъ къ возвращенію къ прежнимъ порядкамъ, какъ они опредѣлены были въ концѣ XVII в., при подчиненій Кіевской митрополіи Московскому Патріарху.

Обратимъ вниманіе на положеніе судовъ, какъ они изображены въ Кіевскихъ пунктахъ.

По Литовскому Статуту въ основаніи судопроизводства лежалъ сословный принципъ. Духовенство, какъ особое сословіе,

---

[1]) Проф. Титовъ. „Прав. Рус. Церк.“, т III, ч. I, стр. 390.

имѣло свои духовные суды, сфера дѣятельности которыхъ была гораздо шире, чѣмъ—теперешнихъ духовныхъ судовъ. Прежде всего, духовному суду подлежали преступленія противъ вѣры и церковной дисциплины, затѣмъ, дѣла гражданскія и уголовныя, возникавшія между лицами, принадлежащими къ бѣлому и черному духовенству, а также между архіерейскими и монастырскими поддачными и служителями; наконецъ, дѣла, въ которыхъ въ качествѣ отвѣтчиковъ или обвиняемыхъ со стороны свѣтскихъ лицъ, мѣщанъ, казаковъ и другихъ выступали духовныя лица. Лишь дѣла по искамъ и жалобамъ духовенства на свѣтскихъ лицъ производились въ общихъ, городскихъ и земскихъ судахъ, правда, съ правомъ участія депутатовъ духовенства [1]).

Этотъ сословной принципъ, насколько было возможно, поддерживался и Св. Синодомъ въ XVIII в. Всѣ дѣла по жалобамъ на духовныхъ лицъ (исключая тяжкихъ государственныхъ преступленій), также на монастырскихъ и архіерейскихъ слугъ и подданныхъ, по резолюціи Петра I, имѣли разбираться „въ духовномъ правительствѣ“, исключая „криминальныхъ дѣлъ“; никто изъ свѣтскихъ чиновъ и гражданскихъ лицъ не имѣлъ права забирать указанныхъ лицъ въ свѣтскія коллегіи и канцеляріи [2]). Указанная резолюція Петра I 1721 г. нашла себѣ подтвержденіе и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ 1722, 1729, 1742 г. [3]).

Затѣмъ, въ 1759 г. было подтверждено, чтобы для разсмотрѣнія дѣлъ между духовными лицами съ одной стороны и свѣтскими—съ другой, по жалобамъ первыхъ на послѣднихъ, въ случаяхъ частныхъ обидъ и притѣсненій, составлялись смѣшанныя комиссіи изъ свѣтскихъ судей съ депутатами духовенства [4]).

Такимъ образомъ, въ XVIII в. компетенція судовъ духовенства Кіевской епархіи была подтверждаема правительствомъ.— Такъ обстояло дѣло de jure.

De facto однако было далеко не такъ.

Свѣтскія власти нерѣдко вмѣшивались въ дѣла подлежавшія разсмотрѣнію духовнаго суда. Такое вмѣшательство находило для себя даже юридическое обоснованіе въ нѣкоторыхъ ограничительныхъ распоряженіяхъ. По ходатайству гетмана Даніила Апостола, въ 1728 г. было издано распоряженіе, чтобы дѣла о

---

[1]) Сб. И. И. О. т. 43, стр. 536—540.

[2]) Ibidem, стр. 540.

[3]) Ibidem, стр. 541—537.

[4]) Ibidem, стр. 536—537.

грунтахъ, лѣсахъ и мельницахъ и другихъ угодьяхъ, возникавшія по искамъ малороссійскихъ обывателей, разсматривались не въ духовныхъ, а—общихъ малороссійскихъ судахъ [1]).

Само духовенство въ то же время теряло уваженіе къ своимъ же судамъ и нерѣдко предпочитало обращаться къ общимъ судамъ за рѣшеніемъ тяжбъ и споровъ, возникавшихъ даже между самими духовными лицами. Тѣмъ чаще обращались къ свѣтскимъ судамъ монастырскіе и архіерейскіе служители и подданные. Также и въ случаѣ уголовныхъ дѣлъ свѣтскія власти забирали духовныхъ лицъ или бывшихъ въ вѣдѣніи духовенства лицъ, допрашивали ихъ, держали подъ арестомъ, не объявляя объ этомъ духовнымъ властямъ [2]).

При производствѣ дѣлъ въ общихъ свѣтскихъ судахъ, даже въ томъ случаѣ, когда разбирались тяжебныя дѣла самихъ же духовныхъ лицъ между собою, свѣтскія власти въ нарушеніе правъ духовенства, также не приглашали депутатовъ отъ духовенства. Также точно при выработкѣ какихъ либо общихъ постановленій и опредѣленій, касавшихся и духовенства, свѣтскіе судьи не приглашали депутатовъ духовенства. Лишь рѣшительная настойчивость духовенства въ тѣхъ случаяхъ, когда оно могло проявить ее, вынуждала свѣтскія власти принимать въ свои комиссіи депутатовъ духовенства [3]).

Наконецъ, свѣтскія власти позволяли себѣ вмѣшиваться въ разсмотрѣніе дѣлъ спеціально духовнаго характера, какъ то: преступленій противъ Закона Божія,—за которыя полагались по духовному суду епитеміи; рѣшали эти дѣла, присуждали къ церковному покаянію, потомъ лишь отсылали присужденныхъ лицъ въ монастыри для отбытія присужденнаго наказанія [4]).

Такое ограниченіе компетенціи духовнаго суда выдвигалось самою жизнью.

Само духовенство, какъ выше сказано, теряло уваженіе къ своимъ судамъ и по тяжебнымъ дѣламъ обращалось къ свѣтскимъ судамъ. Съ другой стороны, малороссійское духовенство не могло остаться безъ вліянія на него со стороны общества и тѣхъ учрежденій, которыя получали развитіе въ жизни Малороссіи. Въ Малороссіи, по словамъ изслѣдователей, составный прин-

---

[1]) Ibidem, стр. 538.
[2]) Ibidem, стр. 538, 542.
[3]) Ibidem, 539.
[4]) Ibidem, стр. 558.

ципъ въ XVIII в. сталъ уступать свое мѣсто и значеніе другому принципу. Это былъ принципъ аристократизма, привиллегированности служилаго сословія. Съ развитіемъ привиллегированности служилаго класса, стали входить въ употребленіе и формы привиллегированнаго суда.

Прежніе мѣщанскіе, ратушные и магистратскіе суды стали терять свое значеніе и подчиняться вліянію войсковыхъ судовъ. Все это отражалось и на положеніи духовнаго суда. Духовенство, какъ извѣстно, приравнивалось къ шляхетству. Такимъ считали его составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". Такъ же смотрѣло на себя и духовенство [1]). Естественно поэтому, что въ судебныхъ уставахъ XVIII в. на ряду съ шляхетствомъ поставлено и духовенство: въ числѣ дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію сотенныхъ канцелярій, народу съ дѣлами тяжебными, уголовными поставлены и духовныя дѣла. Съ 30-хъ г. XVIII в. однимъ и тѣмъ же правомъ пользовались и урожденный шляхтичъ, и казацкій старшина, и простой казакъ, и попъ, и поповскій сынъ [2]). Въ 1763 г., при рѣшеніи въ Глуховѣ вопросовъ о реформѣ суда, было выражено, что вновь учрежденнымъ судамъ городскимъ и земскимъ подлежитъ, наравнѣ съ другими сословіями, и духовенство [3]). Очевидно,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Діанинъ,—упадокъ духовныхъ судовъ стоялъ въ связи съ общимъ измѣненіемъ въ Малороссіи судопроизводства Литовскаго Статута [4]).

Кіевское духовенство, конечно, сильно огорчалось тѣмъ, что компетенція его судовъ умалялась, что взамѣнъ этого развивалась—на счетъ духовныхъ судовъ—компетенція свѣтскихъ судовъ. Тяжесть такого положенія чувствовалась тѣхъ сильнѣе что свѣтскія власти и разные командиры, управители нерѣдко забирали подъ арестъ, въ судебныя мѣста не только монастырскихъ слугъ, но и самихъ священно и церковно-служителей, забирали безъ предъявленія имъ прямыхъ обвиненій при арестѣ, грабили имѣнія, дома и проч. имущество.

Духовенство Кіевской епархіи не вникало въ причины такихъ обстоятельствъ, и въ своихъ пунктахъ ходатайствовало о сохраненіи въ силѣ своихъ правъ на сословные суды, а также объ учреж-

---

[1]) Миллеръ „Очерки изъ исторіи юридическаго быта Старой Малоро (Кіев. Стар. 1897 г., янв., стр. 9).

[2]) А. Діанинъ „Малорос. духовенство въ XVIII" в. стр. 60.

[3]) Ibidem, стр. 61.

[4]) Ibidem, стр. 61.

деніи смѣшанныхъ судовъ для рѣшенія дѣлъ по искамъ духовныхъ лицъ на свѣтскихъ.

Замѣчательно, что кіевское духовенство совершенно не думало о томъ, насколько судъ по прежнимъ правамъ, судъ сословный не согласовался съ потребностями времени. Оно не возвышалось до признанія бывшаго еще въ употребленіи малороссійскаго кодекса устарѣлымъ, обветшалымъ.

Въ половинѣ XVIII в. судъ производился и въ духовныхъ коллегіяхъ по Литовскому Статуту, также на основаніи Духовнаго Регламента, мѣстныхъ малороссійскихъ обычаевъ и многихъ позднѣйшихъ указовъ и узаконеній. Свода законовъ не существовало. Не было и согласованности однихъ указовъ съ другими, принятыхъ обычаевъ съ правительственными узаконеніями. Уже это непріятно отзывалось на судопроизводствѣ вообще и духовномъ—въ частности. Тѣмъ не менѣе духовенство по своему смотрѣло и видѣло спасеніе въ одномъ: въ возвращеніи къ прежнимъ судамъ и къ прежнему отживавшему кодексу. Такое желаніе въ половинѣ XVIII в. является крайне отсталымъ неумѣстнымъ.

XI.

Другія желанія духовенства въ области судопроизводства касались упраздненія волокиты въ судахъ, дачи свидѣтельскихъ показаній въ судахъ, явки въ суды для устныхъ показаній, замѣны послѣднихъ письменными показаніями.

Волокита въ малороссійскихъ духовныхъ судахъ въ XVIII вѣкѣ была явленіемъ самымъ заурядным и составляла вопіющее зло. Какъ въ консисторіи, такъ и въ низшихъ духовныхъ канцеляріяхъ дѣла очень и очень долго ожидали своей очереди и нерѣдко приводили этимъ отвѣтчиковъ и истцовъ къ разоренію.

Духовенство, съ своей стороны, указывало такія причины волокиты: отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ для явки сторонъ въ судъ, вслѣдствіе чего „доносители мірскіе, по многократнымъ требованіямъ и перепискамъ къ доказательству въ духовныя правленія не являются и дѣлаютъ многія затрудненія, а чрезъ то оговореннымъ, наипаче духовнымъ, причиняютъ напрасную волокиту и убытки“ [1]). Также и свидѣтели изъ мірянъ, не смотря на неоднократныя требованія, отказывались являться въ духовныя правленія. Свѣтскія власти, къ которымъ обращалось ду-

---

[1]) Сб. И. И. О. т. 43, стр.

ховенство за содѣйствіемъ, также отказывались выслать требуемыхъ лицъ для производства слѣдствія, и нерѣдко совсѣмъ не отвѣчали на сообщенія духовныхъ правленій. Въ виду этого духовенство ходатайствовало, 1) чтобы, по примѣру свѣтскихъ судовъ, были установлены опредѣленные сроки для явки сторонъ въ судъ; 2) чтобы всѣ требуемыя лица непремѣнно высылались изъ свѣтскихъ командъ въ духовныя правленія. Желаніе—вполнѣ естественное и законное.

Относительно дачи показаній въ судѣ духовенство справедливо указывало на то, что оно имѣло право на освобожденіе отъ присяги при подачѣ показаній.

Не только по каноническимъ правиламъ (кіевскіе пункты дѣлаютъ ссылку на правила Карѳагенскаго собора, 4 вселенскаго и на Кармчую), но и на основаніи Магдебурскаго права, Соборнаго Уложенія [1]), малороссійское духовенство было свободно отъ присяги и давало свои показанія по іерейской совѣсти или монашескому обѣщанію. Такой порядокъ былъ утвержденъ указомъ Петра I. въ 1714 г., а также признанъ Сенатомъ въ 1753 году. Однако Малороссійская Коллегія, на основаніи воинскаго устава, требовала, чтобы и всѣ духовныя лица приносили присягу при судебномъ разбирательствѣ въ полковыхъ судахъ не только „криминальныхъ (уголовныхъ), но и партикулярныхъ дѣлъ“.

Кіевскій митрополитъ Арсеній протестовалъ противъ такого требованія и, на основаніи Соборнаго Уложенія, запретилъ духовенству принимать крестное цѣлованіе [2]). Тогда Малороссійская Коллегія обратилась съ жалобой въ Сенатъ, который на этотъ разъ, вопреки своему же опредѣленію 1753 г., разсудилъ, что и „священные чины отъ присяги исключены не могутъ быть“. О такомъ постановленіи было сообщено и Св. Синоду. Но Св. Синодъ, усмотрѣвъ противорѣчіе въ постановленіяхъ Сената, представилъ объ этомъ мнѣніе на усмотрѣніе императрицы и сообщилъ о томъ же Сенату. Императрица не обратила вниманія на статьи Соборнаго Уложенія и рѣшила, что никто изъ свѣтскихъ и духовныхъ начальниковъ не въ правѣ отмѣнять принятый обычай (разумѣется воинскій уставъ), и утвердила мнѣніе Сената о приводѣ священно и церковно-служителей къ присягѣ [3]).

---

[1]) По Соборному Уложенію велѣно: „архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ во свидѣтельство принимать по иноческому обѣщанію, а протопоповъ, поповъ, діаконовъ—по священству, а крестному цѣловать не быть“. Гл X, ст. 161; XIII ст. 4.

[2]) Ар. К. К. 1765 г., пост. конс. № 412, утверж. м. Арсен.

[3]) П. С. З. Р. И. 13.031.

Такимъ образомъ, распоряженіе митрополита Арсенія, вполнѣ согласное съ Соборнымъ Уложеніемъ, а также съ достоинствомъ свящ. сана, осталось безъ уваженія.

Но малороссійское духовенство не мирилось съ этимъ; оно высоко смотрѣло на свое служеніе, цѣнило достоинство своего сана, а потому и просило о снятіи съ него обязательства принимать крестное цѣлованіе при дачѣ свидѣтельскихъ показаній: за честность и правдивость показаній, по взгляду духовенства, могли ручаться принятое посвященіе въ свящ. санъ или монашескіе обѣты [1]).

Сюда же, къ категоріи справедливыхъ желаній духовенства въ области судебныхъ преимуществъ, относится желаніе, чтобы за преступленія, наказуемыя лишеніемъ свящ. или монашескаго сана, бѣлое и черное духовенство свободно было отъ другихъ наказаній по усмотрѣнію свѣтскаго суда. По синодальнымъ указамъ 1723 и 1737 г. въ практикѣ былъ такой обычай: изверженные изъ сана за преступленія еще отсылались въ свѣтскіе суды, гдѣ судились наравнѣ съ мірянами. Такая практика, по мнѣнію духовенства, не согласовалась съ каноническими правилами, подвергала виновныхъ духовныхъ лицъ двойному наказанію, по сравненію съ свѣтскими лицами, и являлась „нечеловѣколюбнымъ“ дѣломъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что указываемая духовенствомъ мѣра не могла быть примѣнима ко всѣмъ случаямъ. Вѣдь и свѣтскія лица занимающія какія либо должности, кромѣ лишенія чиновъ и устраненія отъ должности, въ важныхъ случаяхъ предаются суду и несутъ общія наказанія.

Что касается желанія духовенства подавать показанія письменно, а не устно, то духовенство вынуждалось къ этому тѣми обстоятельствами, которыя сопровождали явку въ дальніе суды для свидѣтельскихъ показаній; отъ этого происходили матеріальныя потери для самого духовенства и ущербъ для пастырской дѣятельности [2]). Желаніе духовенства вполнѣ естественное. Но съ равнымъ правомъ могли пользоваться такимъ порядкомъ и свѣтскія лица.

---

[1]) Освобожденіе духовенства отъ дачи показаній подъ присягой осуществилось значительно позже: этому освобожденію предшествовали еще другія мѣры содѣйствовавшія возвышенію духовенства въ глазахъ правительства, какъ то: освобожденіе отъ тѣлесныхъ показаній, предоставленіе духовнымъ лицамъ правъ на почетныя награды.

[2]) Сб. И. И. О. т. 43, стр. 545.

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ желаніе духовенства, чтобы для него, въ случаѣ какихъ либо исковъ, не существовало никакихъ ограниченій въ срокахъ при подачѣ апелляцій. Въ числѣ основаній оно указывало на то, что существовавшіе сроки иногда пропускались духовенствомъ, отъ чего ему приходилось терпѣть убытки, лишаться правъ на пользованіе спорными землями. Замѣтимъ, что духовенство вело эту рѣчь собственно въ интересахъ монастырей, настоятели которыхъ часто вели хозяйство безтолково и неумѣло (духовенство указывало, что настоятели часто смѣнялись и что въ монастыряхъ не было повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ). Очевидно, духовенство не хотѣло знать для себя какихъ бы то ни было стѣсненій и ограниченій. Поддерживая свои сословные интересы, оно не хотѣло признавать такихъ же правъ за другими.

XIII.

Остальные пункты касались приходскаго духовенства, монастырей, приходскихъ церквей, академіи съ ея бурсой.

Кіевскіе пункты касаются, прежде всего, положенія приходскаго духовенства въ церковномъ причтѣ, и въ нихъ высказывается желаніе, чтобы церковный причтъ былъ больше организованъ, чтобы въ отношенія священниковъ между собою было внесено больше порядка.

Желанія духовенства сводятся къ слѣдующему: во 1-хъ, въ каждомъ приходѣ должно быть достаточное число причетниковъ, (дьячковъ, пономарей), діаконовъ и священниковъ; во 2-хъ, въ приходѣ не должно быть 2—3 равныхъ священниковъ или настоятелей, такъ какъ между ними, какъ равными, всегда бывали и умножались „распри и ссоры за первенство, за доходы, за приходскіе дворы“; одинъ настоятель прихода на другого возлагалъ заботы о строеніи, о благолѣпіи церквей, и ни тотъ, ни другой ничего не дѣлалъ для благоустройства церковнаго; постоянно возникали жалобы, доносы, разныя дѣла. Чтобы избѣжать этого, Кіевское духовенство и просило, чтобы въ приходы назначался лишь одинъ настоятель, а другой и третій священникъ были лишь викаріями, а не настоятелями [1]).

Справедливо, конечно, желаніе духовенства, чтобы вездѣ въ приходахъ было достаточное число причетниковъ и священ-

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 526—527.

никовъ. Въ отношеніи къ приходскимъ церквамъ Кіевской епархіи половины XVIII в. едвали можно было говорить о недостаткѣ священно и церковно служителей въ приходахъ. Мы выше упоминали, что въ большинствѣ случаевъ въ приходахъ было превышеніе, избытокъ членовъ причта, чѣмъ ихъ недостатокъ. Штаты приходскіе были утверждены еще въ 1-й четверти XVIII в., а въ половинѣ XVIII в. оказывалось, что на штатномъ мѣстѣ одного священника бывало и по 2 и по 3 „половинныхъ" и „третинныхъ" священника; нерѣдко было, что настоятель половинной части прихода еще принималъ къ себѣ викарія и считалъ его въ своей полной зависимости. Поэтому гораздо умѣстнѣе было бы хлопотать о пересмотрѣ всѣхъ приходовъ, о новомъ распредѣленіи ихъ по штатамъ и о назначеніи приходскаго причта сообразно съ штатами.

Что касается споровъ, тяжбъ и всякихъ недоразумѣній среди настоятелей приходскихъ, то несомнѣнно все это отзывалось на положеніи церквей и непріятно вліяло на приходъ. Но желаніе духовенства обратить 2-хъ и 3-хъ священниковъ въ простыхъ викаріевъ едвали могло помочь дѣлу. Мы видѣли, каковы были викаріи въ Кіевской епархіи: безъ правъ, безъ личности, безъ образованія, обиженные и матеріально и нравственно со стороны настоятелей, настоятельницъ (вдовъ), они были наемниками, а не истинными пастырями и не могли оказывать благотворнаго вліянія на приходъ (впрочемъ, о послѣднемъ настоятели не думали). Институтъ викарныхъ священниковъ составлялъ одно изъ самыхъ непригляднѣйшихъ явленій въ жизни приходскаго духовенства половины XVIII в. Поэтому справедливѣе и лучше было бы желать упраздненія этого института, а не сохраненія и распространенія его. По меньшей мѣрѣ, нужно было бы оградить положеніе викарныхъ священниковъ, предоставить имъ извѣстныя права въ приходѣ, оградить ихъ отъ угнетенія и произвола со стороны настоятелей. Еще лучше было бы стараться о раздѣленіи прихода на 2 самостоятельныхъ части. Самому же духовенству необходимо было бы позаботиться объ искорененіи страсти къ разнымъ ссорамъ и тяжбамъ.

Затѣмъ, духовенство коснулось соціальнаго и экономическаго своего положенія.

Желанія духовенства сводились къ тому, чтобы добиться правъ и привиллегій, равныхъ съ правами шляхетства, чтобы „всѣмъ малороссійскаго духовнаго чина людямъ и ихъ женамъ

и дѣтямъ ихъ считатися и быть въ равенствѣ во всемъ съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми“ [1]).

Вопросъ о правовомъ положеніи духовенства для послѣдняго имѣлъ громадное принципіальное значеніе: рѣшеніе его въ такомъ или иномъ направленіи сопровождалось чрезвычайно важными послѣдствіями для него въ бытовомъ, матеріальномъ и соціальномъ отношеніи. Духовенство поэтому и ставитъ краеугольнымъ камнемъ своихъ желаній вопросъ о правахъ, какими оно пользовалось по малороссійскому законодательству.

По дѣйствующему, законадательству духовенство со всѣми женами и дѣтьми,—по заявленію кіевскаго духовенства,—всегда пользовалось правами равными съ шляхетствомъ [2]). Какъ на основаніе для этого духовенство указывало 1) на Литовскій Статутъ, 2) на жалованную грамоту, выданную Московскимъ правительствомъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ [3]).

Заявивши объ этихъ основаніяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, духовенство, затѣмъ, приводитъ и другія основанія, указывая на самый характеръ своей службы.

Оно справедливо указывало, что несло службу царскую не только въ приходѣ, но и въ арміи, при полкахъ, что оно отправляло указныя церемоніи, занималось проповѣдью слова Божія и наконецъ, исполняло разныя обязанности по званію членовъ духовныхъ протопопскихъ и намѣстничьихъ правленій. Все это,—полагало духовенство,—указываетъ на то, что оно по существу своего чина и по исполняемымъ обязанностямъ не можетъ и не должно занимать послѣдняго мѣста въ государствѣ, вмѣстѣ съ „худородными и посполитыми“, а заслуживаетъ привиллегій наравнѣ съ другими чиновниками, пользующимися правами шляхетства. Поэтому духовенство и просило, чтобы, при составленіи новаго уложенія, были утверждены [4]) права его на шляхетскія привиллегіи [5]).

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 436.

[2]) Ibidem. стр. 434.

[3]) Ibidem, стр. 435.

[4]) Ibidem, стр. 576, 572, 587.

[5]) Укажемъ на тѣ права шляхетства, которыя составляли для духовенства завѣтную цѣль его стремленій. Права эти перечисляются въ засѣданіи Комиссіи для составленія проэкта новаго Уложенія. Это слѣдующія: 1) правленіе дѣлъ въ Малой Россіи должно зависѣть отъ шляхетства; 2) шляхетство имѣетъ право отмѣнять, установлять и примѣнять законы съ утвержденія государя; 3) право положенія и снятія податей и вести дѣла внутреннія; 4) право избранія изъ природныхъ малороссіянъ въ гражданскіе и воинскіе чины; 5) неприкосновенность,

Если мы обратимся къ другимъ сословіямъ, то увидимъ, что они, повидимому, признавали полное право духовенства на равенство съ шляхетствомъ въ пользованіи правами, привиллегіями и преимуществами. Такъ, когда въ 30—40-хъ годахъ XVIII в. въ Малороссіи комиссія занималась кодификаціей малороссійскихъ правъ, при разсужденіи о томъ, кто долженъ считаться въ числѣ лицъ шляхетскаго званія, имѣющихъ право на извѣстныя привиллегіи, то она имѣла въ виду и духовенство,— „духовнаго чина персонъ, также бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ, съ ихъ потомствомъ“ [1]). Въ 1764 г. малороссійское шляхетство въ прошеніи, поданномъ императрицѣ Екатеринѣ II, свидѣтельствуетъ, что „духовный чинъ во всемъ равными правами, привиллегіями и преимуществами пользуется, что шляхетство, которое предоставлено ему какъ договорными статьями, такъ и особыми грамотами“ [2]). Также и въ 1767 г., когда шляхетство просило императрицу о подтвержденіи малорусскому народу всѣхъ его правъ и вольностей, тогда имѣлось въ виду и духовенство, тѣмъ болѣе, что шляхетство ни словомъ не обмолвилось, что оно имѣетъ что либо противъ подтвержденія правъ духовенства на привиллегіи шляхетства.

Самый способъ формулированія духовенствомъ основаній въ пользу предоставленія ему шляхетскихъ правъ имѣлъ для себя оправданіе въ такихъ же дѣйствіяхъ самого шляхетства. Послѣднее въ своихъ наказахъ говоритъ о томъ, что права на шляхетство признаются за тѣми, кто несетъ почетную службу, въ гражданскихъ, земскихъ или военныхъ чинахъ [3]).

личности шляхтича отъ всякихъ арестовъ, кромѣ судебныхъ приговоровъ; 6) право суда и расправы надъ своими подданными; 7) свобода выѣзда (—передвиженія) и передачи имѣній; 8) право распоряжаться своимъ имуществомъ родовымъ и пріобрѣтеннымъ и передавать его даже чужимъ; 9) право владѣнія всѣми выгодами въ имѣніяхъ; 10) свобода отъ налоговъ и податей, кромѣ подачи 2 грош. съ населенной волоки; 11) право переработки произведеній земли, торговли скотомъ безпошлиннаго вывоза изъ другихъ земель, 12) право на всѣ пожитки умершаго въ Малороссіи безъ наслѣдниковъ иностранца; 13) свобода отъ постоевъ и квартированія войскъ; 14) неприкосновенность жилищъ (даже разбойники не могли быть взяты изъ дома безъ суда при несогласіи хозяина); 15) право свободной рыбной ловли и звѣриной охоты въ рѣкахъ и озерахъ государевыхъ („Кіев. ст.“ 1897, янв 13—14 стр.)

[1]) А. Діанинъ „Малор. духов...“ „стр. 12.

[2]) „Кіев. Стар.“, 1883 г., іюнь, 329—330 стр.

[3]) А. Діанинъ, цит. соч. стр. 12—13.

Такимъ образомъ духовенство имѣло право на шляхетскія права и привиллегіи.

Однако на дѣлѣ было далеко не такъ. Духовенство во многихъ случаяхъ не только не пользовалось шляхетскими правами и преимуществами,—не по своей, конечно, винѣ,—но и терпѣло прямыя нарушенія своихъ правъ, оскорбленія разнаго рода и обиды. И въ самыхъ пунктахъ и въ архивахъ разныхъ канцелярій—(консисторіи, губернскаго правленія) находится не мало данныхъ; подтверждающихъ, что духовенство не пользовалось правами равными съ шляхетствомъ.

Такъ, право духовенства на свободное пріобрѣтеніе земель было ограничено по представленію гетмана Д. Апостола въ 1728 г. Оно также не имѣло права свободнаго винокуренія.

Въ своей частной жизни духовенство терпѣло еще больше всякаго рода стѣсненій, происходившихъ не отъ закона, а отъ произвола разныхъ лицъ и потому болѣе чувствительныхъ. Духовенство терпѣло обиды и притѣсненія отъ владѣльцевъ и при совершеніи богослуженія. Дома духовенства занимались для постоевъ войскъ, облагались податями. Многіе владѣльцы отбирали у духовенства ихъ земли, разоряли ихъ хутора, угодья. По заявленію Кіевскаго духовенства, самое служеніе священника ставилось ни во что, и „не только многія отъ многихъ всякія наруганія и озлобленія претерпѣвали“, но духовные люди считались и неспособными ни къ какой службѣ, лишались бывшихъ свободъ, вольностей и правъ и привиллегій; положеніе духовныхъ было „пуще мужиковъ и пуще самыхъ раскольниковъ“ [1]).

Такое положеніе было порожденіемъ самой жизни, допускавшей ограниченіе правъ и привиллегій вопреки прямымъ узаконеніямъ. Прежній строй жизни, опредѣлявшійся Литовскимъ Статутомъ, пришелъ въ разстройство, что и отражалось на положеніи духовенства. Но духовенство этого не видѣло. Да если бы и видѣло, отъ этого ему было бы не легче.

Духовенству тѣмъ больше казались обидными стѣсненія, ограниченія ихъ правъ, что оно считало себя въ правѣ свободно владѣть грунтами, землями, заниматься винокуреніемъ и проч. Ограниченіе права покупки и пріема по завѣщаніямъ новыхъ земель, права винокуренія было обиднымъ для духовенства, потому что служили для него однимъ изъ средствъ матеріальнаго обезпеченія.

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. 43. стр. 436.

Въ воздѣлываніи земли, въ куреніи вина никто въ то время не видѣлъ чего нибудь предосудительнаго для духовенства. А, между тѣмъ, то и другое значительно поддерживало скудныя средства содержанія духовенства. Вообще въ Малороссіи земля служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для пропитанія. Поэтому всякое стѣсненіе или ограниченіе въ пользованіи землей является очень чувствительнымъ. Духовенство и жаловалось на эти ограниченія. Оно указывало, что указомъ 1728 г. многіе поставлены въ такое затрудненіе, что не въ состояніи были содержать себя въ дневномъ пропитаніи; за неимѣніемъ наслѣдственной осѣдлости, также за недостаткомъ церковныхъ ружныхъ земель, многія такъ бѣдно жили, что вовсе не имѣли „не токмо гдѣ хлѣба пахать для своего прокормленія, но и гдѣ построить избы къ своему прожитію“, и должны были скитаться по чужимъ избамъ и претерпѣвать всякія невзгоды [1]). Особенно тяжело было положеніе семей, вдовъ и сиротъ священниковъ. Ограниченіе въ правѣ покупки земель ставило духовенство въ зависимость отъ господъ, владѣльцевъ, удѣлявшихъ духовенству отъ своихъ щедротъ.

Такое стѣсненное матеріальное положеніе духовенства отзывалось на положеніи самыхъ церквей, приходовъ. Послѣдніе лишались просвѣщенныхъ пастырей, словомъ и жизнью подававшихъ добрый примѣръ паствѣ [2]).

Ограниченіе права винокуренія было тѣмъ обиднѣе для духовенства, что приравнивало послѣднее къ посполитымъ и разночинцамъ (а это было совершено вопреки желаніямъ духовенства) и давало поводъ къ крайнему посмѣянію и укоризнамъ со стороны постороннихъ владѣльцевъ, которые „возъимѣли полномощную надъ духовнаго чина людьми злость“ и „съ боемъ, ломкою котловъ и трубъ и взятьемъ тѣхъ котловъ подъ арестъ „причиняли не мало убытковъ [3]).

Въ виду этого кіевское духовенство въ частности хлопотало о возвращеніи ему права свободнаго винокуренія, отнятаго въ гетманство Разумовскаго, о снятіи ограниченій въ пріобрѣтеніи земель.

Затѣмъ, оно просило объ освобожденіи своихъ домовъ и домовъ подсосѣдковъ отъ податей (особенно рублеваго оклада,

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. стр. 437—438.
[2]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 438, 443.
[3]) Ibidem, стр. 440—441.

введеннаго въ 60-хъ год. [1]), и налоговъ, отъ постоевъ войскъ, отъ порабощенія владѣльцами.

Затѣмъ, духовенство высказывало желаніе, чтобы всѣ дѣти его, даже не поступившія на службу при церкви, оставались въ духовномъ же сословіи, и просило объ отмѣнѣ законовъ, по которымъ дѣти духовныхъ послѣ разборовъ причислялись къ казачьему или податному сословію; чтобы дѣти были свободны отъ всякихъ податей, повинностей и отъ военной службы [2]).

Это желаніе свидѣтельствуетъ объ узкосословныхъ интересахъ духовенства.

Впрочемъ, въ параллель этому желанію слѣдуетъ указать на то, что шляхетство, повидимому, признавало за духовенствомъ право на поддержаніе кастовыхъ, сословныхъ интересовъ. Указывая на то, что духовенство пользуется шляхетскими правами, шляхетство находило справедливымъ, чтобы оно платило не выставленіемъ лицъ, для военной службы (въ чемъ нужды не было), а сборами на содержаніе училищъ [3]).

Желая обезпечить своей семьѣ пріютъ для проживанія послѣ смерти священника, духовенство просило о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выстроенные на церковной землѣ дома оставались въ пользованіи семьи и не переходили въ другія руки [4]).

Затѣмъ, духовенство просило объ отмѣнѣ таксы за требы, установленной указомъ 26 февр. 1765 г. Эта такса была гораздо ниже существовавшей въ епархіи таксы, или принятой въ епархіи нормы платы за требы. Изданіе таксы въ 1765 г. поставило приходское духовенство въ тяжелое экономическое положеніе [5]).

Таксой была уничтожена роковщина; прихожане переставали отводить причту въ пользованіе земельные участки; всѣ доходы духовенства (т. е. поручная плата) были „отсѣчены“; владѣльцы и другіе достаточные люди перестали давать доходы, и духовенство осталось при случайныхъ“ и притомъ „весьма скудныхъ“ доходахъ за требы [1]).

Все это совершенно справедливо вынуждало духовенство просить объ отмѣнѣ таксы. Но разъ изданный указъ о таксѣ произвелъ такія послѣдствія, что многіе богатые перестали платить духовенству за требы, то очень сомнительно, чтобы простая

---

[1]) Ibidem, стр. 571, 586, 446.

[2]) Ibidem, стр. 443.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1883 г., іюнь, стр. 330.

[4]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 443.

[5]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 449, 569—570.

отмѣна указа 1765 г. могла поправить дѣло. Отмѣнить гораздо легче, а предписать уплачивать за требы *такъ*, чтобы духовенство было довольно, едвали возможно.

Два пункта (17 и 18) заключаютъ просьбу о выдачѣ Кіевскому духовенству жалованья за служеніе царскихъ молебновъ безъ задержекъ и о возвращеніи нѣкоторымъ священникамъ наслѣдственныхъ грунтовъ; одинъ касается вопроса объ оскорбленіяхъ духовенства словами, ругательствами, побоями (п. 64), а одинъ говоритъ о томъ, чтобы при писаніи духовныхъ завѣщаній присутствовали духовныя лица (п. 69). Если 2 первыхъ упомянутыхъ пункта можно считать частными, то 2 послѣднихъ слѣдуетъ признать болѣе важными, особенно послѣдній (69). Говорить о возвышеніи нравственнаго авторитета священника (чтобы онъ былъ свидѣтелемъ при духовныхъ завѣщаніяхъ), его личности и ея неприкосновенности, въ ту пору, когда въ ходу были тѣлесныя наказанія даже для духовенства, было для кіевскаго духовенства—очень почетною заслугою.

Отмѣтимъ еще одну подробность касательно матеріальнаго быта приходскаго духовенства. По изображенію кіевскихъ пунктовъ матеріальный бытъ протопоповъ, намѣстниковъ былъ гораздо хуже, чѣмъ рядовыхъ священниковъ, такъ какъ первые, по сложности своихъ обязанностей, не могли сами управиться со всѣми требами въ приходѣ, а потому вынуждены были держать при себѣ викаріевъ на своемъ содержаніи. Желанія духовенства сводятся къ тому, чтобы улучшить бытъ протопоповъ и намѣстниковъ [1]).

XII.

Положеніе церквей по кіевскимъ пунктамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Церкви Кіевской епархіи въ разсматриваемую пору терпѣли много стѣсненій и ограниченій въ пользованіи разными доходными статьями.

Такъ, онѣ не пользовались поддержкою со стороны цеховъ. Цеховыя общества въ эпоху напряженной борьбы Православной Церкви съ уніей и католичествомъ оказывали значительную матеріальную помощь церквамъ,—они жертвовали въ пользу церквей деньги при вступленіи въ цехъ, дѣлали особые сборы въ

---

1) Сб. И. И. Об. т. 43, п. 13.

нарочитые господскіе праздники, вносили въ церковную кружку штрафныя, взысканныя съ виновныхъ, и другіе сборы. Но къ половинѣ XVIII вѣка усердіе цеховыхъ обществъ къ церкви ослабѣло до того, что члены цеховыхъ обществъ, ремесленники почти ничего не жертвовали въ пользу церкви, кромѣ ставниковъ, т. е. большихъ свѣчъ,—къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи; деньги же изъ цеховаго скарбца разбирались въ долгъ самими цеховиками [1]). Затѣмъ, церкви не пользовались и другими сборами, раньше поступавшими въ ихъ скарбцы,—т. е. помѣрнымъ, поведерковымъ сборомъ, взимавшимся съ торговцевъ, такъ какъ эти сборы были отмѣнены по указу императрицы Елизаветы въ 1755 г. Кромѣ того, церкви терпѣли тѣ же обиды въ пользованіи своими домами, дворами, что и монастыри: церковные дома занимались разными властями—подъ постой; церковное право сытить и продавать въ храмовые праздники канунный медъ не признавалось за церквами; власти, шинкары и владѣльцы запрещали варить медъ. Церковные дома, въ которыхъ помѣщались школьники и призрѣваемые церковью больные, немощные, облагались рублевымъ окладомъ, который выплачивался изъ церковнаго скарбца. Командиры своевольно распоряжались и прибылью съ церковныхъ деревень, слободъ.

Поэтому кіевское духовенство ходатайствовало, чтобы велѣно было цехамъ въ доходахъ и расходахъ своего скарбца отдавать отчетъ церковнымъ властямъ [2]), что было равносильно требованію заставить цеховиковъ по прежнему жертвовать своими доходами въ пользу церквей. Затѣмъ, духовенство просило о томъ, чтобы церковные и братскіе дома, особенно школы и шпитали были освобождены отъ всякихъ постоевъ и податей, чтобы церквамъ было предоставлено право свободно сытить и продавать канунный медъ, и, такимъ образомъ, дать возможность церквамъ самимъ поддерживать церковное благолѣпіе и содержать богадѣльни и школы; духовенство просило и о возвращеніи церквамъ прежнихъ сборовъ, поведерковаго и помѣрнаго; или по крайней мѣрѣ, о назначеніи вмѣсто нихъ содержанія для церквей отъ казны [3]).

Кіевское духовенство понимало, что недостаточно одной казны для благолѣпія церковнаго, что для этого необходимо усердіе и служащихъ при церкви, которые бы ревностно служи-

---

[1]) Сб. Им. Ист. Об. т. 43 стр. 467—460.

[2]) Ibidem, п. 16.

[3]) Ibidem, стр. 466—467. п. 15,

ли при храмѣ, слѣдили за благолѣпіемъ св. иконъ и богослуженія, и жертвовали для этого и своимъ досугомъ и посильными средствами. Въ такихъ людяхъ кіевскія церкви терпѣли недостатокъ. При кіевскихъ церквахъ не было надежныхъ и постоянныхъ причетниковъ, ктиторовъ, пономарей и дьячковъ. Обязанности дьячковъ и пономарей исполнялись бродячими школьниками, постоянно переходившими съ мѣста на мѣсто,—что было и небезопасно для церковнаго добра и „не безъ случаевъ въ церковной имъ повѣренности". Но эти бродячіе дьячки и пономари постоянно забирались мірскими властями и владѣльцами къ исправленію разныхъ общенародныхъ повинностей (къ исправленію дорогъ, мощенію мостовъ, вырубкѣ лѣсныхъ просѣкъ), отъ чего происходили нерѣдко остановки въ совершеніи богослуженія не только въ будни, но и въ нарочитые торжественные праздники. Ктиторы церковные въ данную пору также не были тѣми, по воззрѣніямъ духовенства, идеальными ктиторами, которые, какъ настоящіе церковные хозяева, всякими способами заботились бы о сохраненіи въ цѣлости церковнаго имущества и о поддержаніи подобающаго благолѣпія церковнаго, смотрѣли за церковною пасѣкою, сытили канунный медъ, а кое гдѣ держали церковные шинки и чрезъ это увеличивали церковную казну, производили необходимыя починки въ церкви, и, если въ церковной казнѣ не хватало денегъ на починку, то дополняли изъ собственнаго кошелька.

Благосостояніе приходскихъ церквей въ разсматриваемую пору много страдало, по заявленію духовенства, отъ сложившихся обстоятельствъ служенія ктиторовъ. Въ данную пору происходила довольно часто смѣна ктиторовъ, такъ какъ обыватели, изъ коихъ они выбирались, обязаны были нести и службу казачью, или исполнять приказы и службу у своихъ владѣльцевъ: отъ такихъ ктиторовъ ничего, кромѣ одного хожденія по церкви въ праздники съ кошелькомъ, не видѣли церкви; выбранные въ ктиторы люди,—„крайне нищетные", по бѣдности не только не могли прилагать попеченія о церквахъ, но и сами съ трудомъ могли снискивать себѣ пропитаніе. Оттого то церкви оставались безъ починокъ, и благолѣпіе ихъ клонилось къ упадку [1]). Въ виду этого кіевское духовенство и просило о томъ, чтобы къ церквамъ было опредѣлено необходимое число „искусныхъ"

[1]) Ibidem, п. 10.

дьячковъ и „вѣжливыхъ“ пономарей—не изъ бродячихъ, а изъ надежныхъ людей. Чтобы привлечь на службу въ причетники надежныхъ людей, чтобы и ктиторы могли усерднѣе и ревностнѣе относиться къ службѣ церковной, духовенство считало справедливымъ ходатайствовать объ освобожденіи тѣхъ и другихъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей и тягостей, отъ казачьей службы, постоевъ, и о предоставленіи имъ правъ шляхетскихъ [1]).

Много справедливаго сказано духовенствомъ относительно церквей, ихъ скудости и бѣдности, особенно въ отношеніи къ богослуженію. Справедливо то, что самое богослуженіе и церкви много имѣли недостатковъ, именно вслѣдствіе неприкрѣпленности причетниковъ къ церквамъ и вслѣдствіе притѣсненій и насилій надъ причетниками со стороны владѣльцевъ. Но ожидать, что, съ освобожденіемъ отъ общественныхъ повинностей, ктиторы больше приложатъ усердія къ своей службѣ и больше будутъ жертвовать изъ своихъ средствъ въ пользу церковнаго благолѣпія, едвали было возможно, такъ какъ, по свидѣтельству пунктовъ 1) вообще въ данную пору было замѣтно ослабленіе интереса къ церковному благосостоянію; 2) ктиторами въ большинствѣ случаевъ были бобыли—крайне бѣдные люди. Гораздо болѣе могло бы содѣйствовать поднятію благосостоянія церквей 1) возбужденіе интереса къ церковному благоустройству какъ всего прихода, такъ въ особенности—владѣльцевъ и людей состоятельныхъ; 2) поднятіе общенароднаго благосостоянія. Что-же касается прикрѣпленія къ церквамъ дьячковъ и пономарей, то въ этомъ, дѣйствительно, была настоятельная необходимость въ цѣляхъ охраненія церковнаго имущества отъ расхищенія его бродячими причетниками, а также—для того, чтобы богослуженіе въ храмахъ не прерывалось въ теченіе года.

Прикрѣпленіе причетниковъ къ церквамъ случилось при преемникѣ м. Арсенія, Гавріилѣ Кременецкомъ, и по стараніямъ послѣдняго.

XIII.

Монастыри, съ своей стороны, представили наибольшее число жалобъ и требованій. Пункты ихъ касались стѣсненія въ матеріально-экономическомъ отношеніи, указывали на тѣ обиды, при-

[1]) Ibidem, стр. 453—457.

тѣсненія и ограниченія въ пользованіи разными угодьями, доходными статьями, съ давнихъ поръ принадлежавшими имъ, которыя въ разсматриваемую нами пору терпѣли монастыри.

Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ были вполнѣ справедливы. Таковы жалобы на притѣсненія со стороны проѣзжихъ людей, чиновниковъ, властей, которые, повидимому, безнаказанно допускали своеволіе, разоряли монастырское хозяйство, требовали и брали подводы безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ, ничего не платили за взятый фуражъ, били и увѣчили многихъ монастырскихъ людей, отнимали хутора, рыбныя ловли, мельницы, вылавливали рыбу, опустошали монастырскіе луга, самовольно, насильно занимали монастырскіе дома, приезжали земли и отдавали ихъ въ приданое за дочерями.

Такіе пункты были признаны вполнѣ уважительными и внесены были Св. Синодомъ въ добавленіе къ наказу депутату Комиссіи Уложенія, чтобы устраненіе такихъ безпорядковъ могло быть сдѣлано законодательнымъ путемъ.

Другіе пункты монастырей говорили о желаніи монастырей избавиться отъ всякихъ податей и повинностей, о снятіи ограниченій въ пользованіи доходными статьями, объ освобожденіи отъ пошлинъ всякаго рода.

Одно изъ важнѣйшихъ для монастырей ограниченій касалось права свободнаго пріобрѣтенія грунтовъ и земель и права винокуренія. Указомъ 1728 г., по представленію гетмана Д. Апостола, монастырямъ было запрещено пріобрѣтать новыя земли покупкой и принимать разныя угодья, земельные грунты, пруды, лѣсныя дачи по дарственной записи или по духовному завѣщанію. Этотъ указъ былъ изданъ съ цѣлью уменьшить раздробленіе и сократить уменьшеніе казачьихъ земель. Онъ былъ несправедливъ, такъ какъ поддерживалъ только интересы казачества въ то же время нарушалъ интересы духовенства и монастырей; онъ нисколько не ограждалъ монастырскихъ земель отъ расхищенія казаками. Поэтому еще при Аннѣ Іоанновнѣ было возбуждено ходатайство объ отмѣнѣ этого указа. Но за это былъ сдѣланъ строгій выговоръ духовенству, чтобы оно впредь въ своихъ прошеніяхъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ не включало [1]). Въ 1767 г. для духовенства, при возбужденіи ходатайства, основаніемъ служила грамота, данная Елизаветой Петровной въ 1749 г., которой мало-

---

1) Соловьевъ „Истор. Россіи", кн. XX, стр. 320.

россійскому народу подтверждались всѣ права, вольности и привиллегіи [1]). Затѣмъ, монастыри вообще хлопотали объ утвержденіи за ними права владѣть землями и другими недвижимыми имѣніями. Ходатайство это, безъ сомнѣнія, было возбуждено въ виду явной опасности подвергнуться секуляризаціи по примѣру Великороссіи. Съ своей стороны, для прекращенія всякихъ земельныхъ споровъ, которые служили соблазномъ для другихъ, вызывали справедливыя укоризны и въ Св. Синодѣ, монастыри предлагали произвести обмежевку всѣхъ границъ, дать выписки монастырямъ изъ межевыхъ книгъ и впредь провѣрять межевые знаки, а на обмежеванныя земли и владѣнія выдать подтвердительныя грамоты [2]).

Этотъ вопросъ объ укрѣпленіи владѣній занималъ въ то время не одно духовенство; объ этомъ же былъ поднятъ вопросъ и въ наказахъ другихъ сословій Малороссіи, которыя надѣялись достигнуть положительныхъ правооснованій своей собственности [3]).

По дѣйствующему праву имѣнія и владѣнія монастырей должны были оставаться цѣлыми, ненарушимыми. Никто не имѣлъ права отчуждать земель безъ воли владѣльцевъ, также удерживать за собою земельные надѣлы, въ случаѣ поступленія на государственную службу или перехода къ другимъ владѣльцамъ. Владѣльцы были въ правѣ отыскивать всѣ свои земельные участки, захваченные или проданные крестьянами, жившими на нихъ. Но на дѣлѣ было не такъ. Прежде всего, само правительство отняло у монастырей безъ всякаго вознагражденія грунты и угодья въ Новосербіи, для поселенія войска (1752 г.). Затѣмъ, и казаки, селившіеся по монастырскихъ земляхъ, присваивали себѣ земли, угодья монастырей, владѣли ими и послѣ записи въ казачье сословіе, продавали, отдавали въ приданое, какъ свою полную собственность. Отъ этого монастыри бѣднѣли, монастырское хозяйство разстраивалось. Монастырскіе подданные, не имѣя грунтовъ, разбѣгались по другимъ мѣстамъ, и монастыри оставались и безъ грунтовъ, и безъ рабочихъ рукъ [4]).

Естественно поэтому, что монастыри ходатайствовали объ отмѣнѣ указа 1728 г.

---

[1]) Сб. И. И. О. т. 43, стр. 439, 478.
[2]) Сб. И. И. Об. т 43, ст. 562, 489.
[3]) Діанинъ „Малор. духовен. .“, цит. соч. стр. 30.
[4]) Сб. И И. Об. т. 43, стр. 484—486.

Другая наиболѣе доходная статья въ монастырскомъ хозяйствѣ была винная продажа и винокуреніе. Винокуреніе составляло одну изъ отраслей монастырскаго хозяйства и было тѣсно связано съ нимъ въ Малороссіи, какъ странѣ земледѣльческой. Для винокуренія употреблялись тѣ же продукты, которые добывались при занятіяхъ земледѣліемъ, которыхъ всегда былъ избытокъ и которые очень важно было переработать въ болѣе цѣнный продуктъ. Дешевизна хлѣба по необходимости заставляла монастыри перегонять его въ вино, которое было очень выгоднымъ продуктомъ для продажи: оно давало монастырямъ, какъ и другимъ владѣльцамъ, возможность копить денежныя средства, чтобы на нихъ производить расходы по содержанію монастырской церкви, братіи, монастырскихъ зданій и проч.

По малороссійскимъ тогдашнимъ обычаямъ и рѣчи не было о предосудительности или непредосудительности, о приличіи или неприличіи духовенству заниматься такими промыслами, какъ винокуреніе. И монастыри широко развивали этотъ промыслъ: имѣли свои винокурни, устраивали шинки для продажи выкуреннаго вина, въ которыхъ продавцами были сами монахи.

Однако въ половинѣ XVIII в. эта отрасль монастырскаго хозяйства встрѣтила значительный подрывъ. Когда гетманъ Разумовскій запретилъ въ 1761 г. винокуреніе всѣмъ лицамъ, кромѣ казаковъ и шляхетства, то многіе свѣтскіе командиры стали врываться въ монастырскія винокурни, вырывали котлы забирали ихъ, и прямо запрещали производить винокуреніе, дѣлали грабежи, насилія, портили приспособленія. [1]).

Въ виду этого монастыри и хлопотали о предоставленіи имъ права свободнаго винокуренія, а также о снятіи ограниченій въ покупкѣ и заготовкѣ хлѣба. [2]).

Затѣмъ, монастыри просили предоставить имъ право получать доходы такъ называемые „индукта“ и „эвекта“, хлопотали, чтобы имущество умершихъ монашествующихъ шло въ пользу монастырей, а не переходило къ родственникамъ умершихъ [3]). Также хлопотали вообще объ отмѣнѣ въ отношеніи къ нимъ закона о срокахъ для подачи апелляцій по дѣламъ о грунтахъ. При этомъ, они указывали на то, что отъ частой смѣны настоятелей, за неимѣніемъ повѣренныхъ, они терпѣли отъ про-

---

1) Сб. И. И. Об., п. 43, стр. 494.
2) Ibidem, п. 72.
3) Ibidem, п. 35.

пуска сроковъ апелляціи на неправильныя рѣшенія. Какъ на основаніе для отмѣны, монастыри ссылались на привиллегіи 1588 г. и указы 1748 и 1749 г., по которымъ истеченіе давности срока не должно служить препятствіемъ къ искамъ по дѣламъ отстаиванія монастырскихъ и церковныхъ земель, попавшихъ во владѣніе сторонннхъ лицъ. [1]).

Всматриваясь ближе въ эти пункты, нельзя не видѣть, что монастыри слишкомъ заняты были матеріальными интересами. Главная ихъ забота была о томъ, чтобы побольше пріобрѣтать угодій, грунтовъ, чтобы свободно курить вино, чтобы въ пользованіи владѣніями и имуществомъ занимать исключительное, привиллегированное положеніе. Все это свидѣтельствуетъ объ увлеченіи монастырей матеріальными заботами, о развитіи у нихъ страсти къ наживѣ.

Но какъ все это мало мирилось съ назначеніемъ монастырей служить для ищущихъ и желающихъ подвижничества мѣстами для удовлетворенія лучшихъ стремленій христіанской души, быть свѣточами жизни и для прочихъ христіанъ! Сколько эгоизма въ монастырскихъ пунктахъ! Сколько увлеченій мірскими заботами, разными промыслами! Правда, какъ мы упоминали, по тогдашнимъ обычаямъ не различалось, что прилично или неприлично духовенству. Но это еще больше деморализовало монастыри и способствовало пониженію нравственнаго значенія и жизни ихъ. Мы видѣли, какіе пороки развивались въ монастыряхъ и въ какой связи они стояли съ тѣми промыслами, какими занимались монастыри. Винокуреніе, обиліе своего вина порождало пьянство, буйство, побѣги и проч. Увлеченіе земельными дѣлами порождало иски, споры, сутяжничество, подкупы и проч.

Не говоримъ о томъ, что предоставленіе монастырямъ разныхъ привиллегій по владѣнію грунтами и вотчинами было-бы явною несправедливостью по сравненію съ другими лицами. Вполнѣ справедливо монастыри возбуждали нареканія на себя со стороны другихъ людей, особенно имѣвшихъ соприкосновеніе съ ними. Поэтому слѣдуетъ поставить въ заслугу императрицѣ Екатеринѣ II, что она постаралась освободить монастыри (1786 г.) отъ несвойственныхъ имъ занятій по владѣнію и управленію вотчинами. Жаль только, что обѣщанія императрицы о лучшемъ употребленіи секвестрованныхъ земель (на школы, больницы,

---

[1]) Сб. И. И. Об. п. 43, стр. 476.

пріюты) остались больше обѣщаніями. Нѣкоторымъ извиненіемъ для монастырей можетъ служить то, что они унаслѣдовали указанныя привычки отъ предшествующихъ поколѣній. Что касается притязательности монастырскихъ пунктовъ, то, надо думать, кіевское духовенство было слишкомъ оптимистично настроено относительно Комиссіи Уложенія и, вѣроятно, надѣялось найти въ депутатахъ себѣ поддержку. Но напрасны были такія надежды. Извѣстно, что малороссійскіе депутаты сами указывали на безпорядки, происходившія отъ владѣнія монастырей вотчинами, на униженіе духовнаго сана, и высказывались въ пользу освобожденія духовенства, особенно монастырей „отъ сихъ свѣтскихъ упражненій“ и отъ владѣнія имѣніями [1]). О планахъ и намѣреніяхъ самой императрицы едвали могло сомнѣваться и само духовенство, такъ какъ видѣло ея руку и на великороссійскомъ духовенствѣ и на себѣ.

Есть еще пункты монастырей о выдачѣ безъ задержекъ руги, назначенной имъ (п. 70), о прекращеніи присылки въ монастыри со стороны свѣтскихъ властей разныхъ лицъ на покаяніе, на жительство (п. 72). Эти пункты по своему характеру приближаются къ тѣмъ, которые внесены св. Синодомъ въ добавленіе къ наказу.

XIV.

Заботы объ академіи, ея благоустройствѣ, также покровительство учащимъ и учащимся въ ней были въ числѣ главныхъ дѣлъ и заботъ митрополита Арсенія, который много сдѣлалъ для академіи и для ея питомцевъ и наставниковъ; интересы академіи были дороги ему, какъ самые важные и близкіе. Поэтому и при заявленіи нуждъ предъ Комиссіей Уложенія не могли быть забыты и интересы академіи. Въ одномъ изъ пунктовъ (51) сказано, что „кіевскій митрополитъ между прочими дѣлами имѣетъ промышленіе и попеченіе и о содержаніи полезныхъ училищъ въ Кіевѣ“ [2]). Въ то же время заботы о Кіевской академіи были въ числѣ заботъ самого кіевскаго духовенства, отмѣченныхъ въ кіевскихъ пунктахъ. Послѣдніе говорятъ о слѣдующихъ нуждахъ академіи: во 1-хъ, о необходимости выхлопотать жалованную грамоту въ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ грамотъ и съ сохране-

---

[1]) Сб. И. И. Об. т. 43, стр. 230.
[2]) Сб. Им. И. Об., т. 43 стр. 527.

ніемъ именованія „академіей“ [1]), во 2-хъ, для обезпеченія академіи въ видахъ успѣшности занятій и ученія въ ней, необходимо назначить на ея содержаніе ежегодную, денежную сумму, [2]), которая давала бы возможность приглашать достаточно способныхъ и опытныхъ учителей.

Въ 3-хъ, назначенное содержаніе въ пользу учителей, въ количествѣ 50 руб. и 50 четвертей ржи изъ царской казны, необходимо выдавать безъ задержки и выдать его еще за 1764—1767 годы, такъ какъ въ эти годы выдача жалованья не производилась [3]).

Въ 4-хъ, необходимо оградить неприкосновенность личности студентовъ и, подчинивъ ихъ власти и вліянію ректора и префекта, избавить отъ посягательствъ на нихъ всякихъ другихъ властей и лицъ [4]).

Въ 5-хъ, необходимо выдать грамоту на „бурсу“, въ которой находили пріютъ неимущіе и сироты изъ учившихся въ академіи, и велѣть присутственнымъ мѣстамъ оказывать всякое защищеніе и вспомоществованіе „бурсѣ“, оградить неприкосновенность живущихъ въ ней и свободу ея отъ всякихъ повинностей и налоговъ. [5]).

Затѣмъ, чтобы возбудить соревнованіе и поощрить трудолюбіе студентовъ, кіевское духовенство просило предоставить первенство отличавшимся трудолюбіемъ, особенно при замѣщеніи приходовъ, чтобы вообще студенты академіи могли поступать на приходы безъ презентъ и выборовъ со стороны прихожанъ безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ, по однимъ отзывамъ ректора и учителей академіи [6]).

Наконецъ, было высказано желаніе о томъ, чтобы учившіеся въ академіи изъ казачьихъ дѣтей могли посвящаться въ священный санъ, безъ требованія отъ нихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, и постригаться въ монашество, безъ прохожденія 3-хъ лѣтняго искуса [7]), чтобы вообще всѣ студенты, отличавшіеся трудолюбіемъ, успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, имѣли преимущество и первенство предъ всѣми другими лица-

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem, п. 54, стр. 530.
[3]) Ibidem, п. 53, стр. 528.
[4]) Ibidem, п. 52, стр. 528.
[5]) Ibidem, п. 56, стр. 532.
[6]) Ibidem, п. 58, стр. 536.
[7]) Ibidem, п. 57, стр. 533.

ми, при полученіи мѣстъ „какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ“ [1]).

Указанные пункты, дѣйствительно, были вполнѣ умѣстны и справедливы. Академія Кіевская, какъ древній разсадникъ просвѣщенія, имѣвшій за собою полутора вѣковую давность, вполнѣ заслуженно могла просить о цодтвержденіи ея грамотъ, о выдачѣ новой жалованной грамоты, ограждавшей ея право на неподсудность другимъ лицамъ, кромѣ своихъ собственныхъ начальниковъ. Заслуги академіи въ прошломъ, какъ по отношенію ко всей вообще Россіи, такъ и по отношенію къ другимъ выступавшимъ значительно позже ея учебнымъ заведеніямъ, Московскому университету и Московской славяно-греколатинской академіи, разнымъ епархіальнымъ семинаріямъ, были таковы, что давали ей полное право на полученіе пособія отъ казны если не въ большей степени, то, по крайней, мѣрѣ наравнѣ съ ними; ибо Кіевская академія давала для нихъ не только служателей, но главное—и учителей и профессоровъ. Назначеніе опредѣленнаго содержанія для академіи оказало бы большое вліяніе на нее и содѣйствовало бы процвѣтанію ея, такъ какъ дало бы ей возможность пригласить необходимое число способныхъ людей для преподаванія наукъ, въ чемъ она терпѣла недостатокъ; она была вынуждена довольствоваться всего нѣсколькими лицами для преподаванія многихъ предметовъ. Не меньшія, если не большія, заслуги Кіевской академіи были для Кіевской епархіи: изъ академіи выходило много священниковъ, которые служили въ разныхъ мѣстахъ при знатныхъ церквахъ, учили народъ и отличались проповѣдью Слова Божія. Въ самомъ Кіевѣ студенты и профессора трудились въ проповѣди Слова Божія, удовлетворяя той великой жаждѣ духовной, которая заставляла многихъ богомольцевъ и жителей не одного Кіева, но и разныхъ городовъ и селъ Россіи стремиться въ Кіевъ, въ Братскій монастырь [2]). Поэтому было вполнѣ справедливо просить, по крайней мѣрѣ, о выдачѣ изъ казны безъ всякихъ задержекъ небольшой руги.

Не просто дѣломъ справедливости, но даже дѣломъ христіанскаго человѣколюбія было бы оказаніе вспомоществованія и „бурсѣ“ академической, въ которой находили пріютъ и воспитаніе многіе бѣдные и сироты, особенно изъ духовныхъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 529—530.

[2]) Ibibem, п. 55, стр. 531.

Конечно, было бы справедливымъ и предоставить трудолюбивымъ и способнымъ студентамъ академіи преимущества при занятіи разныхъ мѣстъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ духовныхъ чинахъ, облегчить занятіе приходскихъ мѣстъ. Но предоставленіе этихъ преимуществъ, особенно при занятіи приходовъ, въ то время едвали могло имѣть мѣсто, такъ какъ еще недавно предъ тѣмъ, лѣтъ за 30 до Комиссіи Уложенія (въ 1734 г.), былъ изданъ Св. Синодомъ указъ о томъ, чтобы архіереи не назначали священниковъ помимо выборовъ прихожанъ. Сами владѣльцы и прихожане въ разсматриваемое время ревниво отстаивали свои права при выборѣ священниковъ, такъ что не принимали присланныхъ митрополитомъ священниковъ. Ходатайство о подтвержденіи прежнихъ грамотъ и о выдачѣ академіи новой подтвердительной грамоты на ея древнія права и привиллегіи, относительно преподаванія, содержанія учителей и учениковъ становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что правительство, видимо, косилось на академію, подозрѣвая ее въ распространеніи зловреднаго направленія. Вспомнимъ инстукцію Екатерины II Румянцеву: „не безъ извѣстно“,—писала она,—что обучающіеся богословію и опредѣлящіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства заражаются многими ненасытнаго честолюбія началами“ [1]).

Извѣстно и то, что Екатерина II поручала Румянцеву склонить малороссійскихъ пановъ къ подачѣ челобитной о лучшемъ учрежденіи у нихъ школъ и семинарій [2]). Поэтому стараніе духовенства обезпечить существованіе академіи выдачей новой подтвердительной грамоты является дѣломъ благоразумной предусмотрительности.

Въ близкой связи съ этими нуждами академіи стоитъ пунктъ объ учрежденіи типографіи при Кіевской каѳедрѣ (45).

Право на учрежденіе типографіи было утверждено за митрополитомъ издревле, „аки собственно до должности, дѣла же и чина архіерейскаго принадлежащее“. Но по разнымъ случайнымъ причинамъ учрежденіе типографіи не состоялось. Между тѣмъ, въ данную пору нужда въ типографіи чувствовалась сильнѣе, чѣмъ когда либо.

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. 26, стр. 46.

[2]) Ibidem, стр. 152.

Во 1-хъ, типографія была необходима для самой академіи, для процвѣтанія въ ней наукъ, ибо нужно было печатать много переводовъ съ иностранныхъ языковъ и разныхъ другихъ сочиненій, важныхъ для студентовъ и профессоровъ, такъ какъ недостатокъ въ книгахъ затруднялъ обученіе въ академіи; доставать же книги въ Малороссіи было очень трудно. Во 2-хъ, къ Кіевской каѳедрѣ предъявлялись большія требованія на богослужебныя книги. Требованія шли не только отъ церквей Кіевской епархіи, но и отъ церквей и монастырей заграничныхъ, изъ далекой Палестины. Въ Кіевѣ, правда, была одна типографія при Кіевской Лаврѣ, которая и печатала богослужебныя книги; но она не могла удовлетворить указанныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что необходимо было печатать и ставленныя грамоты. Вотъ тѣ основанія, по которымъ необходимо было учрежденіе типографіи при Кіевской каѳедрѣ.

Относительно низшихъ приходскихъ школъ въ Кіевскихъ пунктахъ отмѣчены тѣ обстоятельства, которыя неблагопріятно вліяли на ихъ положеніе: взиманіе рублеваго оклада со школъ (помѣщеній), отводъ ихъ подъ постои для солдатъ, причисленіе къ податному сословію дьячковъ—этихъ учителей приходскихъ школъ и уходъ ихъ изъ школъ [1]), и выражено желаніе, чтобы школы были освобождены отъ рублеваго оклада, а дьячки—освобождены отъ обязательства отбывать казачью службу и нести общественныя повинности.

XVI.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ о канцелярскихъ служителяхъ и предоставленіи имъ права на поступленіе во священники [2]), о назначеніи пособія отъ казны на канцелярскіе расходы духовныхъ правленій [3]), о назначеніи содержанія взамѣнъ сбора за вѣнечныя памяти [4]), объ освобожденіи кіевскихъ монастырей и церквей отъ сбора на заграничные (состоявшіе въ польской области) монастыри [5]), затѣмъ, о сношеніяхъ разныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій съ духовными присутственными мѣстами [6]) и о прекраще-

---

[1]) Сб. И. И. Об., т. 43, стр. 464,—466. 453—454.
[2]) П. 48.
[3]) П. 12.
[4]) П. 47.
[5]) П. 67.
[6]) П. 49.

ніи случаевъ незаконныхъ браковъ [1]). Относительно означенныхъ пунктовъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Духовныя канцеляріи,—консисторская и каѳедральная,—дѣйствительно, слишкомъ часто обновлялись въ своемъ составѣ. Не смотря на запрещенія преждевременно оставлять службу и не смотря на подписки служить нѣсколько лѣтъ при канцеляріи, канцеляристы не долго оставались на службѣ въ духовной канцеляріи, а спѣшили поскорѣе перейти на службу въ свѣтскія канцеляріи, гдѣ содержаніе было лучше. Духовенство же ничѣмъ, кромѣ требованія подписокъ, не могло заставить канцеляристовъ служить при канцеляріи; самыя подписки такъ и оставались одними бумажными обязательствами, безсильными принудить канцеляристовъ къ исполненію ихъ. Поэтому духовенство и просило предоставить и неученымъ канцеляристамъ служить съ надеждой на полученіе въ награду за службу священническаго мѣста.

Если канцеляріи консисторіи и каѳедральной конторы нуждались въ канцелярскихъ служителяхъ и терпѣли отъ недостатка ихъ, то тѣмъ болѣе нуждались въ добрыхъ канцелярскихъ служителяхъ духовныя правленія. Здѣсь нужда вообще была еще сильнѣе и ощутительнѣе, такъ какъ все содержаніе, всѣ канцелярскіе расходы ложились тяжестью на карманъ присутствовавшихъ въ канцеляріи членовъ правленія. Потому то и просило духовенство о назначеніи содержанія канцеляріямъ и объ освобожденіи канцелярскихъ служителей отъ исполненія разныхъ другихъ повинностей.

Просьба духовенства о прекращеніи кошельковаго сбора на заграничные монастыри была поднята духовенствомъ потому, что этотъ сборъ былъ тяжелымъ бременемъ для него. О томъ, что, дѣйствительно, сборъ этотъ былъ обременительнымъ для церквей и монастырей, свидѣтельствуетъ фактъ весьма неисправнаго поступленія въ каѳедру какъ этого, такъ и другихъ обязательныхъ сборовъ на канцелярію консисторіи, на академію и др. Монастырское хозяйство было въ то время ослаблено и находилось въ упадкѣ отъ безпорядочнаго веденія его, а также вслѣдствіе нескончаемыхъ судебныхъ процессовъ. О церковномъ же убожествѣ мы уже упоминали выше, когда говорили о равнодушіи къ церковному благоустройству цеховиковъ и ктиторовъ.

Чувствительно было для каѳедры Кіевской и не имѣть никакого сбора взамѣнъ сбора за вѣнечныя памяти, такъ какъ

---

[1]) П. 14.

послѣдній сборъ въ лучшіе годы доходилъ до 4700 руб. и болѣе [1]). Этотъ сборъ давалъ каѳедрѣ возможность производить обновленіе каѳедральной Софійской церкви, пріобрѣтать необходимую ризницу и утварь, содержать проповѣдниковъ, также канцелярію и, наконецъ, оказывать вспомоществованіе академіи и ея бурсѣ. Поэтому съ прекращеніемъ сбора за вѣнечныя памяти средства каѳедры обѣднѣли, и митрополитъ Кіевскій не имѣлъ возможности производить необходимыя дѣла по благоустройству своей каѳедры и оказывать вспомоществованіе близкимъ для него учрежденіямъ. Вопросъ о сборѣ за вѣнечныя памяти былъ важенъ для духовенства и въ томъ отношеніи, что въ связи съ нимъ стоялъ другой, не менѣе важный, вопросъ о предупрежденіи незаконныхъ браковъ. По свидѣтельству кіевскаго духовенства, прекращеніе выдачи изъ духовныхъ правленій вѣнечныхъ памятей повело за собою увеличеніе числа незаконныхъ браковъ, такъ какъ „между священниками и народомъ начали входить такія своевольства и безчинія, что во многихъ приходахъ мужья отъ женъ, а жены отъ жилыхъ мужей, а иные и въ сумнительныхъ по родству плотскому и духовному степеняхъ, иные безъ воли родителей, иные въ неправильныхъ лѣтахъ, иные въ чужихъ приходахъ и четвертымъ бракомъ пообвѣнчаны". Кромѣ того многіе изъ мірянъ поняли прекращеніе выдачи вѣнечныхъ памятей, какъ дозволеніе вѣнчать „безквитно", и стали принуждать священниковъ вѣнчать безъ всякихъ справокъ, даже безъ церковнаго оповѣщенія [2]).

Потому то духовенство и просило о возстановленіи прежняго порядка контролировать дѣйствія священниковъ при вѣнчаніи браковъ—или выдачей вѣнечныхъ памятей изъ духовныхъ правленій или другимъ какимъ либо способомъ.

Что касается вопроса о сношеніяхъ съ разными учрежденіями, то въ то время это былъ вопросъ большой важности. Въ архивѣ консисторіи есть не мало документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что нерѣдко по самымъ важнымъ и не терпящимъ отлагательства дѣламъ поднималась длинная переписка изъ за бумаги, присланной не по титулу или не по порядку. Не только консисторія, но и самъ митрополитъ Арсеній не принималъ никакихъ бумагъ отъ Кіевской губернской канцеляріи или магистрата и не разсматривалъ ихъ, если въ заглавіи или въ бумагѣ

---

1) Сб. И. Ист. Об. т. 43 стр. 520. п 47.
2) Ibidem, стр. 463.

было какое нибудь слово, казавшееся унизительнымъ для него. Такъ, консисторія не хотѣла принимать „указовъ“ изъ генеральной канцеляріи, малороссійской коллегіи, такъ какъ считала себя наравнѣ съ послѣднимъ учрежденіемъ. Что обижало высшія коллегіальныя учрежденія Кіевской епархіи, то же казалось обиднымъ и для низшихъ учрежденій, духовныхъ правленій; послѣднія также не принимали указовъ отъ равныхъ съ ними городскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ.

Конечно, при тогдашнемъ „презрѣніи духовенства въ глазахъ свѣтскихъ и мірскихъ властей“, и при сознаніи духовенства, что оно несетъ не менѣе важную службу государственную, чѣмъ другія власти,- -гражданскія или военныя,—вопросъ о сношеніяхъ пріобрѣталъ сугубую важность, и потому кіевское духовенство просило издать особый законъ съ точнымъ указаніемъ, какъ и съ какими коллегіями сноситься духовнымъ властямъ и присутственнымъ учрежденіяхъ.

XVII.

Таковы знаменитые пункты Кіевской епархіи—въ своемъ содержаніи и значеніи. Въ настоящее время они представляютъ собою историческій документъ, свидѣтельствующій о настроеніи, мысляхъ и желаніяхъ кіевскаго духовенства предъ Комиссіей Уложенія. Кромѣ того, въ нихъ, какъ мы видѣли, есть масса разныхъ историческихъ свѣдѣній относительно прошлаго и быта епархіи, каѳедры, монастырей, церквей, приходскаго духовенства и т. д. Но въ ту пору, когда пункты составлялись, они являлись въ глазахъ кіевскаго духовенства чѣмъ то весьма важнымъ; многіе изъ вопросовъ въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ являлись животрепещущими для кіевскаго духовенства. Послѣднее поняло призывъ императрицы Екатерины II заявить о своихъ нуждахъ, какъ видимъ, слишкомъ широко, и, можно сказать, не оставило ни одного случая, ни одного вопроса, имѣвшаго какое либо соотношеніе къ его (духовенства) нуждамъ, интересамъ и положенію.

Духовенство въ общемъ высказало желаніе вернуться къ тѣмъ порядкамъ, какіе были признаны во время подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, а также просило о предоставленіи ему правъ равныхъ со шляхетствомъ—какъ вообще, такъ въ особенности относительно земельнаго владѣнія. Къ распоряженіямъ же и узаконеніямъ правительственной власти XVIII вѣка оно въ большинствѣ случаевъ

отнеслось отрицательно, выразивъ желаніе, чтобы многія изъ нихъ были совсѣмъ отмѣнены или замѣнены другими.

Но исторія первой половины XVIII вѣка и особенно политика Екатерины II съ самаго начала ея царствованія, (—ея, напр., рѣшительное дѣйствіе въ отношеніи къ великороссійскимъ монастырямъ) должны были, повидимому, говорить духовенству, что напрасны его мечты о возвращеніи къ прежнему порядку. Историческая задача уравнять Кіевскую епархію съ другими епархіями русскими двинулась впередъ къ половинѣ XVIII вѣка, и не для того, конечно, Екатерина II созвала Комиссію Уложенія, чтобы повернуть намѣченную исторіею задачу къ прошлому.

Кіевское духовенство своими пунктами лишь могло подтвердить въ глазахъ Екатерины тѣ ея мысли о своемъ закоснѣніи, властолюбіи и притязательности, какія она высказывала еще раньше въ отношеніи къ малороссійскому духовенству.

Г. Теличенко говоритъ, что въ заявленіяхъ кіевскихъ пунктовъ, сейчасъ разобранныхъ нами, проявилось именно властолюбіе митрополита Арсенія и его кіевскаго духовенства, хотя они, заявляя свои желанія, не дѣлали чего либо большаго, чѣмъ ихъ предшественники; они продолжали только традиціи стараго времени [1]).

Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ изъ писемъ, или личныхъ замѣтокъ самого митрополита Арсенія, на основаніи которыхъ съ положительностію можно было бы рѣшать вопросъ о личномъ отношеніи его къ затронутымъ вопросамъ о прерогативахъ и привиллегіяхъ Кіевскаго митрополита. Несомнѣнно, митрополитъ Арсеній, вступивъ на Кіевскую каѳедру, охранялъ привиллегіи и преимущества ея. Это видно, напр., по дѣлу о митрополичьемъ титулѣ. Въ данномъ случаѣ совершенно справедливо замѣчаніе г. Теличенко, что митрополитъ Арсеній продолжалъ традиціи стараго времени. Но онъ по своему личному характеру едвали заслуживалъ такого обвиненія, какое выноситъ ему г. Теличенко, называя его властолюбивымъ. Если онъ и представилъ въ Комиссію Уложенія кіевскіе пункты съ большими притязаніями, то вѣдь, потому, главнымъ образомъ, что былъ по своему положенію оффиціальнымъ представителемъ кіевскаго духовенства и выразителемъ его нуждъ. Само духовенство кіевское, заявляя о своихъ нуждахъ предъ Комиссіей Уложенія, едвали надѣялось

[1]) „Кіев. Стар.“ 1890 г., кн. 11, стр. 260.

на возвращеніе ему всѣхъ прежнихъ привиллегій; но все таки вѣрило, какъ, и другіе депутаты, въ плодотворность Комиссіи.

Въ Кіевской епархіи, почти наканунѣ введенія въ ней штатовъ, вполнѣ естественно появленіе кіевскихъ пунктовъ съ такими широкими замыслами, разъ данъ поводъ для открытаго заявленія о своихъ нуждахъ. Но и само духовенство, а тѣмъ болѣе митрополитъ Арсеній не можетъ быть обвиняемо въ большомъ властолюбіи. Самъ митрополитъ Арсеній до вступленія въ Кіевъ былъ членомъ Св. Синода и, безъ сомнѣнія, привыкъ свою волю сообразовать съ волею императрицы Елизаветы и свои воззрѣнія и желанія согласовать или сопоставлять со взглядами другихъ лицъ. Не даромъ профессоръ Н. И. Петровъ характеризуетъ митрополита Арсенія, какъ человѣка съ административнымъ тактомъ. А жизнь на покоѣ, вдали отъ всякихъ дѣлъ правленія, должна была научить Арсенія смиренію и смягчить его властолюбіе, еслибы оно у него было. Г. Теличенко говоритъ, что митрополитъ Арсеній съ своимъ духовенствомъ своими пунктами доказали свое властолюбіе въ глазахъ Екатерины II. Но права ли была Екатерина II-я въ такомъ выводѣ? Почему она все малороссійское духовенство поставила подъ особый тайный надзоръ и почему она поручила надзирать и за самимъ Арсеніемъ? Она подозрительно отнеслась вообще ко всему малороссійскому духовенству и скоро, послѣ восшествія на престолъ, постаралась смѣнить членовъ Синода архіереевъ—малороссовъ великоросами, какъ людьми болѣе подходящими и нужными для нея, для проведенія въ жизнь идеи о подчиненіи власти церковной—власти свѣтской. Изъ архіереевъ малороссовъ видныя мѣста занимали: Тимоѳей Щербацкій въ Москвѣ, но онъ уже доживалъ дни свои, Гавріилъ Кременецкій въ Казани,—это былъ человѣкъ совершенно мягкій и податливый, но и онъ въ первые годы царствованія Екатерины, какъ и Амвросій Зертисъ Каменскій, не пользовался особымъ довѣріемъ императрицы. Лишь впослѣдствіи императрица видвинула Гавріила Кременецкаго, вызвавъ его въ С. Петербургъ, а потомъ назначивъ въ Кіевъ (послѣ смерти Арсенія Могилянскаго) съ тѣмъ, чтобы больше подготовить Кіевскую епархію къ введенію въ ней штатовъ. Послѣ извѣстнаго протеста митр. Ростовскаго Арсенія Мацѣевича, подозрительность Екатерины еще больше увеличилась. Екатерина II подозрѣвала всѣхъ малороссійскихъ архіереевъ въ невѣжественномъ властолюбіи и считала ихъ, въ томъ числѣ и Арсенія Могилянскаго, способными на сѣяніе въ простомъ и суевѣрномъ народѣ разныхъ „предосудительныхъ плевелъ“—подъ видомъ

Закона Божія и благочестія. Обвиненіе слишкомъ тяжелое и не справедливое, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Арсенію Могилянскому. Нѣтъ никакихъ основаній для подобнаго обвиненія Арсенія. Если митрополитъ Арсеній не отвѣтилъ согласіемъ на предложеніе Екатерины II ввести въ штатное содержаніе Кіевскую каѳедру, то это могло произойти отъ такихъ причинъ: съ одной стороны, лично для Арсенія было достаточно и того содержанія, какое онъ получалъ отъ каѳедры, другую половину онъ жертвовалъ (на бурсу, академію и консисторію), а это содержаніе, между тѣмъ, составляло одну изъ традицій стараго времени, нарушать которую Арсеній не рѣшался, чтобы не возбудить недовольства среди духовенства; съ другой стороны, Арсенію могло казаться подозрительнымъ именно не прямое, не непосредственное предложеніе императрицы. Быть можетъ, онъ подозрѣвалъ или догадывался о тайномъ надзорѣ за нимъ. Наконецъ, митрополитъ Арсеній могъ видѣть, что тѣ штаты, какіе введены были въ Великороссіи, не соотвѣтствовали прежней доходности каѳедръ и что обѣщанія Императрицы относительно устройства школъ оставались невыполненными. Все это могло заставлять Арсенія относиться отрицательно къ предложеніямъ императрицы, клонившимся къ измѣненію старыхъ порядковъ епархіи, а это то и могло казаться императрицѣ признакомъ властолюбія, и. повидимому, подтверждало ея подозрѣнія. Но не будь у Екатерины II подозрительнаго отношенія къ малороссамъ архіереямъ, быть можетъ, и Арсеній оказался бы въ ея глазахъ другимъ человѣкомъ, заслуживающимъ и ея милостей, какъ онъ заслуживалъ ихъ у императрицы Елизаветы Петровны. Наконецъ, можно еще спросить: почему на приглашеніе открыто заявить о своихъ нуждахъ, обращенное ко всѣмъ сословіямъ и учрежденіямъ, кіевское духовенство и митрополитъ должны были отвѣчать только въ духѣ Регламента и согласно со взглядами императрицы Екатерины II? Для того, вѣдь, и Комиссія была созвана, чтобы узнать о дѣйствительныхъ нуждахъ и желаніяхъ народа, и, конечно, не одно Кіевское духовенство, а и другія сословія и учрежденія откровенно говорили о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, которыя во многомъ отрицательно относились къ тогдашнимъ порядкамъ и условіямъ жизни.

Въ виду этого думается, что тяжесть обвиненія митрополита Арсенія и всего Кіевскаго духовенства во властолюбіи, основанная на содержаніи кіевскихъ пунктовъ, преувеличена и должна быть смягчена.

XVIII.

Дальнѣйшая судьба Кіевскихъ пунктовъ была такова: полученные въ Св. Синодѣ пункты были разсмотрѣны въ Синодѣ и распредѣленны по слѣдующимъ 3 группамъ: 1) пункты, копіи которыхъ должно препроводить къ преосвященному Гавріилу, Синодальному депутату въ Комиссіи Уложенія,—какъ добавленіе къ наказу Св. Синода; 2) пункты, которые надлежало препроводить къ тому же депутату, но не въ прибавленіе, а къ свѣдѣнію; и 3) пункты, которые опредѣлено было „отставить". Въ январѣ 1769 года послѣдовало распредѣленіе и остальныхъ малороссійскихъ пунктовъ по этимъ тремъ разрядамъ. Потомъ, было еще нѣсколько засѣданій Св. Синода, въ которыхъ происходило перечисленіе пунктовъ изъ одного разряда въ другой.

Въ заключеніе всего въ Комиссію Уложенія въ дополненіе въ наказу изъ кіевскихъ пунктовъ были представлены слѣдующіе: а) общій пунктъ о сохраненіи малороссійскаго народа при его правахъ и вольностяхъ (п. 1-й); б) объ уравненіи бѣлаго малороссійскаго духовенства „съ свѣтскими чиновниками шляхетнаго чина людьми" (п. 2); в) о предоставленіи бѣлому духовенству съ его семействомъ права на свободное пріобрѣтеніе земель и грунтовъ (п. 3), г) а также права свободнаго винокуренія (п. 4); д) объ освобожденіи домовъ духовенства отъ военныхъ постоевъ (п. 6); е) о оставленіи въ силѣ прежнихъ договоровъ духовенства съ прихожанами о вознагражденіи за требы и объ исправномъ подаяніи за требы (п. 8); ж) объ опредѣленіи къ церквамъ причетниковъ и ктиторовъ, съ причисленіемъ ихъ къ духовному званію, и объ освобожденіи ихъ отъ податей, и повинностей (п. 10); з) объ освобожденіи отъ податей, и повинностей причетниковъ соборныхъ церквей (п. 11); и) объ отпускѣ суммъ на содержаніе канцелярій при духовныхъ протопопскихъ и намѣстническихъ правленіяхъ (п. 12); і) объ избавленіи отъ постоевъ монастырскихъ подворьевъ (п. 29); к) о подтвержденіи жалованныхъ грамотъ Кіевской академіи (п. 51); л) объ огражденіи студентовъ академіи отъ вмѣшательства и суда посторонихъ свѣтскихъ властей (п. 52); м) о назначеніи штатной суммы на содержаніе академіи (п. 54); н) о дарованіи по службѣ привиллегій студентамъ академіи (п. 55); о) объ утвержденіи академической бурсы (п. 56); п) о предоставленіи духовенству давать свидѣтельскія показанія по священству или по иноческому обѣщанію (п. 61); р) о прекращеніи назначенія свѣтскими властями—церковнаго покаянія для непроизвольныхъ виновниковъ пре-

ступленія—помимо духовной власти и запрещеніи присылки въ монастыри разныхъ лицъ, помимо вѣдѣнія монастырскихъ властей (п. 72); и с) о подтвержденіи всѣхъ привиллегій, правъ и преимуществъ, предоставленныхъ малороссійскому духовенству при польскихъ короляхъ и прежнихъ императорахъ, и о дарованіи грамоты на всѣ привиллегіи (п. 74).

Другіе пункты, какъ то: о запрещеніи прихожанамъ понуждать священниковъ къ безвременному отправленію литургіи, о пресѣченіи безпорядковъ и безчинній при вѣнчаніи браковъ безъ вѣнечныхъ памятей, о посвященіи ученыхъ во священство, о непричиненіи духовнымъ обидъ—со стороны свѣтскихъ и др. были оставлены Св. Синодомъ, такъ какъ о всемъ этомъ было писано имъ раньше и подобные пункты вошли въ наказъ Синодальному депутату [1]). Что касается пунктовъ о возвращеніи духовенству отнятыхъ грунтовъ, земель и о защитѣ отъ обидъ [2]), то Св. Синодъ, находя эти пункты подлежащими вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, также оставилъ ихъ, предоставивъ духовенству обратиться къ суду по этимъ жалобамъ. Нѣкоторые пункты, какъ напр., объ освобожденіи податныхъ духовенства отъ сборовъ, о сравненіи малороссійскихъ писарей по рангу съ великороссійскими чинами—были найдены неосновательными. О нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, напр. о кошельковомъ сборѣ (п. 67), о бывшей для монастырей и церквей ругѣ (п. 70), о вотчинномъ лаврскомъ и межигорскомъ духовенствѣ, Св. Синодъ рѣшилъ собрать справки и разсмотрѣть особые доклады. Остальные пункты найдены были къ сочиненію проэкта Новаго Уложенія „ни почему не принадлежащими“,—вовсе не относящимися, а подлежащими—вѣдѣнію Св. Синода, а потому и были исключены изъ пунктовъ, предназначенныхъ для отсылки въ Комиссію Уложенія [3]). Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ п. 36—о правахъ и преимуществахъ Кіевскаго митрополита (п. 37), о его титулѣ, о бывшихъ издарна въ Кіевской митрополіи Черниговской и Переяславской епархіяхъ и другихъ, о Лаврѣ и о Кіево-Межигорскомъ монастырѣ и передачѣ ихъ въ вѣдѣніе Кіевскаго митрополита (п. 38—43), о судѣ и власти митрополита (п. 43—44) надъ епископами и архимандритами; о 2-хъ протопопіяхъ, отдѣленныхъ къ Переяславской епархіи (п. 46), объ измѣненіи штатовъ

---

[1]) П. 32, 30.
[2]) П. 18, 22, 23, 24, 26 и др.
[3]) Сб. Им. Истор. Об., т. 43, стр. V—VI.

въ приходахъ и отношеній между членами причта (п. 50), объ избраніи митрополита (п. 66). Все это пункты самые главные, составлявшіе центръ, силу всѣхъ кіевскихъ пунктовъ и представлявшіе собою очень важное значеніе для представителей кіевскаго духовенства именно въ то время, — предъ Комиссіей Уложенія.

Мы уже упоминали, что по свидѣтельству лаврскаго повѣреннаго, іеромонаха Іова, въ Москвѣ и Петербургѣ не было никакого согласія между малороссійскими депутатами при отстаиваніи своихъ нуждъ и заявленій; они даже не просили, чтобы ихъ пункты были читаны [1]).

О дальнѣйшей судьбѣ кіевскихъ пунктовъ нечего говорить. Извѣстно, что Комиссія Уложенія въ 1769 г. была закрыта. Извѣстно также, что по нѣкоторымъ пунктамъ уже были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія Св. Синода. Многіе же изъ намѣченныхъ духовенствомъ пунктовъ только впослѣдствіи, въ концѣ XVIII и въ XIX вв., нашли себѣ оправданіе въ соотвѣтствующихъ правительствующихъ распоряженіяхъ.

А нѣкоторые изъ поднятыхъ въ 1767 г. пунктовъ даже доселѣ не нашли для себя оправданія и не встрѣтили надлежащихъ условій для осуществленія.

Нѣкоторымъ и совсѣмъ не придется когда бы то ни было найти себѣ осуществленіе,—въ виду ихъ несбыточности, отсталости.

Во всякомъ случаѣ, кіевскіе пункты, повторимъ опять, въ цѣломъ представляютъ собою нѣчто грандіозное, достойное изученія историка.

---

[1]) Арх. Кіев. Лавр. д. № 230. II ч.

ГЛАВА X-я.

Заграничные монастыри Кіевской митрополіи.

Общій взглядъ на положеніе заграничной части Кіевской митрополіи. Образованіе института заграничныхъ монастырей. Предѣлы заграничной части Кіевской митрополіи. Споры изъ-за кіевскихъ заграничныхъ монастырей между Кіевской и сосѣдними каѳедрами, Бѣлорусской и Переяславской; отношеніе этихъ монастырей къ Бѣлорусскому и Переяславскому епископу. Протопопіи и приходы въ заграничной части Кіевской митрополіи; отношеніе къ нимъ митрополичьихъ намѣстниковъ. Варшавская капелланія. Организація заграничныхъ монастырей. Школы и братства при заграничныхъ монастыряхъ. Положеніе православныхъ монастырей, духовенства и народа въ Польшѣ въ половинѣ XVIII в. Преслѣдованія и гоненія православныхъ со стороны уніатовъ и поляковъ. Мѣры русскаго правительства въ защиту православнаго населенія въ Польшѣ. Дѣятельность архіеп. Георгія Конисскаго и кн. Репнина въ 1766—1768 г. Обстоятельства, слѣдовавшія за сеймами 1767—1768 г. Дѣло Слуцкаго монастыря съ Радзивиломъ. Виленскій монастырь и его бѣдствія. Ревизіи заграничныхъ монастырей. Установленіе кошельковаго сбора для вспомоществованія заграничнымъ монастырямъ. Свѣдѣнія о кошельковомъ сборѣ. Проектъ старшаго Азаріи Ясноводскаго. Положеніе украинскихъ монастырей при м. Арсеніи. Дѣятельность оффиціала Мокрицкаго. Народное движеніе въ 1768—1769 г. Матеріальное положеніе заграничныхъ монастырей; убожество ихъ и церквей. Скудость и недостатокъ монастырской братіи. Отношеніе къ заграничнымъ церквамъ Малороссійской Коллегіи. Вспомоществованіе, оказываемое Кіевскою каѳедрой заграничнымъ монастырямъ.

I.

Особенность заграничной половины Кіевской епархіи (со стороны внѣшнихъ границъ ея)—черезполосность. „Трудно даже и приблизительно опредѣлить границы этой заграничной половины Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.“,—совершенно справедливо замѣчаетъ проф. прот. Титовъ.

„Эта часть Кіевской епархіи представляла собою малые остатки той обширной территоріи, которую занимала епархія Кіевскаго митрополита въ XVI и въ XVII вв. до присоединенія Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату. Уже въ то время епархія Кіевскаго митрополита была чрезвычайно черезполосна,

такъ что не представляется никакой возможности провести опредѣленную линію, которая бы обозначала внѣшнія границы этой епархіи. Въ концѣ же XVII и въ началѣ XVIII вв. заграничная часть Кіевской епархіи сдѣлалась еще болѣе черезполосною, потому что многіе монастыри и церкви (приходскія) заграничной епархіи были отобраны на унію". [1]) Православные монастыри и небольшое количество православныхъ церквей и приходовъ, принадлежавшіе Кіевской митрополичьей каѳедрѣ, въ обширномъ пространствѣ Польскаго королевства къ половинѣ XVIII в. являлись, какъ отдѣльные острова на бурномъ морѣ, подвергавшіеся всякимъ внѣшнимъ, или бурнымъ нападеніемъ со стороны католиковъ, уніатовъ, со стороны пановъ и шляхты, базильянъ и іезуитовъ.

Вотъ тѣ крайніе пункты, въ которыхъ еще горѣло пламя „благочестія", или православія, и сохранялась связь (хотя и не прочная) съ Кіевской каѳедрой: Заблудовъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Яблочинъ, Брестъ, Пинскъ, Слуцкъ, Минскъ, Вильно, Троки, Витебскъ, а на Украинѣ—Чигиринъ, Медвѣдовъ, Жаботинъ и Лебединъ.

Въ центрѣ этой заграничной православной области находился Слуцкъ съ своей знаменитой архимандріей, гдѣ жилъ намѣстникъ Кіевскаго митрополита; къ западу отъ Слуцка были: Пинскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Яблочинъ и Брестъ; къ сѣверу—Вильно, Евье (Вевье), Кронъ, Сурдеги, Друя, Марково; къ востоку—Буйники, Борколабовъ, Мстиславъ, а къ югу украинскіе монастыри.

Черезполосность заграничной половины Кіевской епархіи зависѣла не только отъ того, что многія церкви были отняты на унію,—но и отъ того, что въ предѣлы Кіевской епархіи врѣзывались клиномъ монастыри и церкви сосѣднихъ епархій, Бѣлорусской и Переяславской.

Чтобы понять, какимъ образомъ образовалась заграничная половина Кіевской епархіи, слѣдуетъ припомнить, что Кіевская епархія выродилась изъ Западно-русской митрополіи.

Какъ извѣстно, Кіевская митрополія, со времени своего учрежденія, была епархіей не только Кіевскаго іерарха, но и—русскаго, всероссійскаго первоіерарха. Кіевскій митрополитъ былъ іерархомъ всея Руси и, въ зависимости отъ Константинополь-

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1904 г. стр. 574.

скаго патріарха, управлялъ, какъ экзархъ послѣдняго, всею русскою церковью. Съ перенесеніемъ каѳедры русскаго первоіерарха на сѣверъ, началось на югѣ Руси движеніе къ образованію отдѣльной, независимой отъ Москвы, епархіи. Это движеніе окончилось въ половинѣ XV в. отдѣленіемъ отъ Сѣверо-восточной русской церкви—Западно-русской. Тогда на югѣ, въ Кіевѣ, опять явился митрополитъ, который управлялъ лишь Западной русской церковью, но носилъ прежній титулъ „митрополита Кіевскаго и всея Россіи". Это была митрополія въ предѣлахъ Польско-Литовскаго королевства. Ея образованіе было вызвано, главнымъ образомъ, политическими соображеніями,—нежеланіемъ подчиняться по дѣламъ церкви сѣверо-восточному, Московскому іерарху.

Въ половинѣ XVII в. Кіевъ,—эта каѳедра Кіевскаго митрополита,—отошелъ къ Россіи, сперва по Андрусовскому, потомъ по Вѣчному миру между Россіей и Польшей. Это обстоятельство, чисто политическаго характера, отразилось и на положеніи западно-русскаго (Кіевскаго) первоіерарха. Поднятъ былъ вопросъ о подчиненіи послѣдняго Московскому патріарху. Кіевское высшее духовенство протестовало, хотя и не вполнѣ открыто, противъ такого подчиненія. Тѣмъ не менѣе глухая борьба кончилась (въ 1685—1686 г.) подчиненіемъ Кіевскаго первоіерарха и всего духовенства Московскому патріарху. Съ того же времени Кіевская митрополія явилась въ исторіи, какъ епархія въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Когда случилось подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху, то самъ собою поднялся вопросъ объ отношеніи перваго къ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши.

Въ то время, когда Кіевскій митрополитъ былъ въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, Польское королевское правительство признавало за Кіевскимъ митрополитомъ его права, авторитетъ и власть въ дѣлахъ церковныхъ въ отношеніи къ православнымъ подданнымъ королевства. Зависимость Кіевскаго митрополита отъ Константинопольскаго патріарха признавалась Польшей не только de jure, но и de facto: по ходатайству Литовскихъ князей въ свое время была учреждена Западно-русская митрополія; въ послѣдующее же время, до конца XVII в., зависимость митрополита отъ Константинопольскаго патріарха ничѣмъ не угрожала Польскому правительству, такъ какъ эта зависимость была почти номинальной.

Не такъ обстояло дѣло ко времени Вѣчнаго мира Польши съ Россіей. Іерархъ православныхъ подданныхъ Польши жилъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ (съ 1664 г.) въ Кіевѣ, но за предѣлами Польши. Съ этимъ Польское правительство еще мирилось, такъ какъ надѣялось обратно вернуть Кіевъ. Но въ 1685—1686 г. Московское правительство стало настаивать, чтобы Кіевъ навсегда остался за Москвою. Совершилось и подчиненіе Кіевскаго іерарха Московскому патріарху... Польское правительство могло ожидать вмѣшательства Московскаго правительства во внутреннія дѣла королевства... Тѣмъ не менѣе оно было вынуждено уступить: Кіевъ навсегда остался за Россіей; вмѣстѣ съ Кіевомъ къ Россіи обошла небольшая полоса въ бассейнахъ рр. Ирпеня (на сѣверѣ) и Стугны (на югѣ) съ Трипольемъ, Стайками и въ глубъ отъ Кіева до Василькова. [1]) Тѣмъ же Вѣчнымъ миромъ признано было за Кіевскимъ митрополитомъ, который въ это время жилъ внѣ предѣловъ Польши, право управленія всѣми православными монастырями, братствами и церквами, находившимися въ Польскомъ королевствѣ и составлявшими Западно-русскую митрополичью епархію; всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія. [2])

Такъ Кіевскій митрополитъ, ставъ въ зависимость отъ Московскаго патріарха, въ то же время оставался не только іерархомъ Кіевщины, но и главнымъ іерархомъ всей православной церкви въ Польшѣ и блюстителемъ православія въ заграничныхъ — по отношенію къ Кіеву—областяхъ.

Такъ образовалась „заграничная“ часть Кіевской епархіи, носившая въ своихъ внѣшнихъ судьбахъ и внутреннихъ чертахъ своей жизни особый отличительный характеръ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ составъ заграничной части Кіевской митрополіи къ половинѣ XVIII в. входили: 1) тѣ монастыри, которые до начала уніи были въ составѣ тогдашней митрополичьей епархіи и остались вѣрными православію; это были монастыри (и церкви) въ воеводствѣ кіевскомъ, виленскомъ, минскомъ и новогрудскомъ т. е. Виленскій монастырь съ подчиненными ему и Слуцкая архимандрія); 2) тѣ, которые остались отъ бывшихъ въ православіи, а потомъ перешедшихъ въ унію епархій; таковы: монастыри Пинскій (съ приходскими церквами), Брестскій, Яблочинскій, Бѣльскій, монастыри подлясскіе. Эти монастыри остались

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1904. 380,—382.

[2]) Ibidem, 383—384.

отъ Пинской и Луцкой епархіи. Кіевскій митрополитъ получилъ право завѣдыванія ими, вѣроятнѣе всего, какъ экзархъ Константинопольскаго патріарха.

Слѣдуетъ замѣтить, что со времени Петра Могилы никто безъ разрѣшенія Кіевскаго іерарха не могъ обращаться къ вселенскому патріарху по дѣламъ церковнымъ: всѣ братства, всѣ епископы обязаны были предварительно обращаться къ экзарху патріаршему—Кіевскому митрополиту, тогда какъ раньше епископы и ставропигіальные монастыри могли сноситься съ патріархомъ непосредственно. Само собою разумѣется, что Кіевскій митрополитъ, какъ экзархъ вселенскаго патріарха, получалъ очень важное значеніе въ дѣлахъ церковныхъ, не только въ своей епархіи, но и въ другихъ южныхъ и западныхъ епархіяхъ. Онъ считался какъ бы покровителемъ, патрономъ всѣхъ епархій. Отсюда его вліяніе распространялось и далѣе: когда тотъ или другой епископъ (напр. Луцкій, Перемышльскій) переходилъ въ унію, Кіевскій іерархъ являлся покровителемъ и защитникомъ оставшихся въ православіи монастырей и приходовъ.

Такъ и оказались подъ вѣдѣніемъ Кіевскаго митрополита монастыри отнятыхъ уніатами епархій.

Заграничные монастыри Кіевской епархіи по своему географическому положенію, а отчасти по взаимному отношенію между собою, объединялись въ нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Первую группу составляли монастыри въ Литвѣ. Выдающееся положеніе среди нихъ занималъ Виленскій Св. Духовскій монастырь, основанный и патронируемый виленскимъ братствомъ. Онъ пользовался правомъ патріаршей ставропигіи.

Во главѣ его до начала XVIII в. стоялъ архимандритъ; крайняя бѣдность и скудость матеріальныхъ средствъ и братіи сего монастыря привели къ тому, что въ 1-й четверти XVIII в. братія просила прислать кого либо изъ іеромонаховъ малороссійскихъ монастырей въ старшіе. Такимъ образомъ, съ 1-й четверти XVIII в. во главѣ монастыря оказались лишь *старшіе*, бывшіе въ санѣ іеромонаха.

Этому монастырю были подчинены монастыри: Кронскій, Кейданскій, Сурдецкій, Друйскій, Минскій мужескій и Минскій женскій, Гродовскій, Богословскій, Евейскій и Виленскій женскій.

Вторую группу составляли монастыри на Слуцчизнѣ. Во главѣ ихъ стояла Слуцкая архимандрія при Троицкомъ монастырѣ. Настоятель Слуцкаго монастыря былъ всегда въ санѣ архимандрита, съ нѣкоторыми особенностями при отправленіи богослуженія, и считался *намѣстникомъ* Кіевской митрополіи. Это-

му монастырю были подчинены монастыри: Слуцкій Преображенскій, Братскій, Старчицкій. Мороцкій скитъ, Грозовскій Николаевскій и Слуцкій женскій.

Что касается другихъ монастырей, то,—справедливо замѣчаетъ проф. прот. Титовъ,—они рѣдко представляли изъ себя сплоченную группу. Иногда только, по требованію обстоятельствъ или по указаніямъ Кіевской епархіальной власти, подлясскіе монастыри группировались около Брестскаго Замухавецкаго монастыря; игуменъ послѣдняго считался, если не начальникомъ, то руководителемъ другихъ монастырей. Точно также къ половинѣ XVIII в. не было сплоченности и тѣсной связи и между Бѣлорусскими монастырями, среди коихъ иногда выдавался своими притязаніями на вліяніе въ дѣлахъ другихъ монастырей Оршанскій Кутейнскій монастырь. Пинскій же и Витебскій Марковскій монастырь жили отдѣльною жизнью [1]).

Украинскіе монастыри въ половинѣ XVIII в. часто были въ наблюденіи игумена Пустынно-Медвѣдовскаго монастыря. Но это происходило просто потому, что Кіевскій митрополитъ при тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не могъ непосредственно получать донесенія отъ каждаго изъ украинскихъ монастырей. Такимъ образомъ, между послѣдними была связь чисто случайная, временная и пространственная, и справедливо поэтому замѣчаніе проф. О. Титова, что украинскіе монастыри объединялись чисто внѣшнимъ способомъ,—близостію расположенія и общею принадлежностью въ Кіевской каѳедрѣ [2]).

Изъ украинскихъ монастырей лишь Чигиринскій женскій монастырь былъ подчиненнымъ другому: онъ состоялъ въ завѣдываніи игумена П. Медвѣдовскаго монастыря.

II.

Черезполосность заграничной половины Кіевской епархіи и въ частности расположеніе нѣкоторыхъ кіевскихъ монастырей въ полосѣ сосѣдней епархіи, Бѣлорусской, служило, между прочимъ, источникомъ нѣкіихъ притязаній на Кіевскіе монастыри со стороны сосѣдняго епископа. Дѣло въ томъ, что кіевскіе заграничные монастыри, расположеные по сосѣдству и даже какъ бы въ полосѣ Бѣлорусской епархіи, пользуясь слабымъ надзоромъ со стороны Кіевскаго епархіальнаго начальства (что зависѣло

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1904, 600—661.
[2]) Ibidem, 602.

отъ нихъ 1) заграничнаго и 2) отдаленнаго положенія отъ Кіева, вели жизнь болѣе или менѣе свободную, независимую, а нерѣдко и соблазнительную: затѣмъ, они свободно принимали къ себѣ и прихожанъ и монаховъ изъ Бѣлорусской епархіи, не боясь, конечно, угрозъ Бѣлорусскаго епископа. Поэтому справедливо было со стороны Бѣлорусскихъ епископовъ желать ограниченія свободы и обузданія своеволія Кіевскихъ монаховъ. Но нѣкоторые изъ епископовъ шли и далѣе,—желали для округленія своей епархіи совершенно подчинить себѣ нѣкоторые изъ заграничныхъ кіевскихъ монастырей.

Этому отчасти благопріятствовало то, что Польское правительство въ выдававшихся епископамъ привиллегіямъ употребляло нѣкоторыя выраженія, повидимому, указывавшія на подчиненіе Бѣлорусскому епископу всѣхъ православныхъ заграничныхъ монастырей. Въ этихъ привиллегіяхъ упоминалось, что всѣ православные жители великаго Литовскаго княжества по духовнымъ дѣламъ должны подчиняться Бѣлорусскому епископу, на котораго Польша, повидимому, смотрѣла, какъ на представителя православныхъ въ Польшѣ. Почему выдавались привиллегіи съ *такими* выраженіями, когда извѣстно, что по трактату 1685—1686 г. покровителемъ православныхъ въ Польшѣ считался Кіевскій митрополитъ, — это вопросъ другой. Но важно то, что такія выраженія подавали Бѣлорусскимъ епископамъ какъ бы юридическое основаніе для притязаній на нѣкоторые Кіевскіе монастыри.

Борьба за кіевскіе заграничные монастыри (не всѣ, а по преимуществу—бѣлорусскіе) шла съ начала XVIII в. Такъ, Сильвестръ Четвертинскій обнаружилъ желаніе подчинить себѣ наиболѣе многолюдный и обезпеченный монастырь,—Слуцкую архимандрію, а затѣмъ и другіе монастыри. Но его властолюбивыя притязанія вызвали рѣшительный протестъ со стороны и братіи Слуцкаго и Куртейскаго монастыря, и—Кіевскихъ митрополитовъ, Варлаама Ясинскаго и Іоасафа Кроковскаго. Сильвестръ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній съ своей стороны на кіевскіе монастыри. [1])

Послѣ смерти Четвертинскаго, вопросъ о подчиненіи заграничныхъ кіевскихъ монастырей Бѣлорусской каѳедрѣ продолжалъ служить предметомъ обсужденія и переговоровъ между Кіевскими митрополитами и Бѣлорусскими епископами. Іосифъ Волчанскій,

---

[1]) Кіев. Еп Вѣд. 1904, 755—757.

епископъ Бѣлорусскій, радѣя объ интересахъ православія,—объ улучшеніи жизни въ заграничныхъ монастыряхъ,—перенесъ дѣло на другую почву: онъ предлагалъ, чтобы кіевскіе монастыри, оставаясь въ Кіевской епархіи, переданы были въ наблюденіе Бѣлорусскаго епископа. При этомъ вопросъ шелъ не о всѣхъ, а лишь о нѣкоторыхъ монастыряхъ (исключалась, напр., Слуцкая архимандрія). Это дѣло окончилось благопріятно для Бѣлорусской каѳедры—при Іеронимѣ Волчанскомъ, преемникѣ Іосифа Волчанскаго: митрополитъ Тимоѳей Щербацкій передалъ въ завѣдываніе и наблюденіе Бѣлорусскаго епископа, сперва Іеронима Волчанскаго, а потомъ и его преемника Г. Конисскаго, монастыри Буйницкій св. Духовскій и Мстиславскій Тупичевскій. [1]) Передавая монастыри Георгію Конисскому, Т. Щербацкій просилъ его [2]) устранить нестроенія въ этихъ монастыряхъ (въ частности избрать достойнаго игумена и рѣшить спорное дѣло Буйницкаго и Борколабовскаго женскаго монастыря изъ за нѣкоторыхъ грунтовъ) и 2) принять въ свою юрисдикцію и правленіе. [3]) Если посмотрѣть, какъ было написано объ этомъ актѣ передачи въ указѣ, напр., Буйницкому монастырю, то можно замѣтить, что, по видимому, подъ юрисдикціей разумѣлась полная передача, съ отказомъ митрополита отъ участія въ дѣлахъ сихъ монастырей: намѣстнику Буйницкаго монастыря предписывалось быть „въ полной юрисдикціи“ у Бѣлорусскаго епископа, „какъ предъ тѣмъ у Кіевскаго митрополита“ [4]).

Архіепископъ Г. Конисскій дотолѣ по своей осторожности и политичности отказывался даже посвящать кого либо въ священныя степени для кіевскихъ заграничныхъ монастырей. Получивъ же отъ м-та Тимоѳея просьбу принять въ завѣдываніе 2 монастыря, онъ съ готовностью принялся дѣлать распоряженія для благоустройства ихъ.

Когда на Кіевскую каѳедру вступилъ митрополитъ Арсеній, Георгій Конисскій счелъ необходимымъ обратиться къ нему съ запросомъ: какъ ему быть съ указанными монастырями,—содержать ли ихъ въ своемъ завѣдываніи, или нѣтъ. Въ своемъ письмѣ архіепископъ Георгій сообщалъ, по какому случаю указанные

---

[1]) Памятники... проф. Титова т. I, стр. XCVIII и С.

[2]) Поводомъ къ передачѣ послужило слѣдующее обстоятельство: братія Буйницкаго монастыря не приняла присланнаго изъ Кіевской каѳедры, игумена Иларіона и съ побоями выгнала его и рейтора, съ которымъ онъ пріѣхалъ.

[3]) Ар. К. К. 1756 г., № 40.

[4]) Памятники... проф. Титова, т. I, 946.

2 монастыря оказались въ его вѣдѣніи; при этомъ онъ возбудилъ и болѣе общій вопросъ,—какъ быть съ другими заграничными монастырями,—Кутейнскими, Тупичевскимъ и Витебскимъ. Коннсскій указывалъ на безстраніе кіевскихъ монаховъ въ заграничныхъ монастыряхъ, ихъ распущенную жизнь,—какъ на слѣдствіе слабаго надзора за ними со стороны Кіевской каѳедры; указывалъ также, что, въ случаѣ объединенія въ однихъ рукахъ дѣлъ правленія всѣми заграничными монастырями, можетъ выиграть дѣло защиты ихъ отъ насилій и гоненій, а также дѣло приведенія ихъ въ болѣе благоустроенный видъ.—Во всемъ письмѣ архіепископа Георгія говорило одно желаніе блага православнымъ монастырямъ и не было замѣтно никакихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ или властолюбивыхъ интересовъ.

Митрополитъ Арсеній отнесся къ этому вопросу сочувственно и передалъ присланное письмо на разсмотрѣніе консисторіи. Послѣдняя, разсмотрѣвъ дѣла, признала крайне неудобнымъ по всѣмъ дѣламъ бѣлорусскихъ и литовскихъ монастырей производить разборъ и судъ въ Кіевской каѳедрѣ, а также нашла затруднительнымъ вызывать въ Кіевскую каѳедру всѣхъ избранныхъ въ должности при заграничныхъ монастыряхъ лицъ. Поэтому консисторія и высказалась, что слѣдовало бы передать юрисдикціи архіепископа Бѣлорусскаго не только Буйницкій и Борколабовскій, но и Тупичевскій, и Витебскій и Кутейнскіе монастыри.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что изъ этихъ монастырей (какъ Кутейнскаго уже и раньше обращались настоятели къ архіепископу Бѣлорусскому — „по давнему обычаю [1]), такъ какъ архіепископъ былъ ближе всего. Поэтому даже Кутейнскій монастырь особо просилъ Кіевскаго митрополита поручить разборъ дѣлъ его архіепископу Георгію [2]).

Докладъ консисторіи былъ утвержденъ митрополитомъ Арсеніемъ 14 мая 1759 г. Митрополитъ Арсеній въ особомъ письмѣ просилъ архіепископа Георгія принять въ свое „вѣдѣніе и смотрѣніе“ монастыри Кіевской епархіи, находившіеся въ предѣлахъ Бѣлорусской епархіи, такъ какъ самъ онъ, по отдаленности разстоянія и вслѣдствіе нахожденія въ другомъ государствѣ, не можетъ, какъ слѣдуетъ, смотрѣть за указанными монастырями.

---

[1]) „Памятники“... проф. Титова, т. I, 1072.
[2]) Ibidem, 1092,

Условія, на которыхъ состоялась передача нѣкоторыхъ Кіевскихъ заграничныхъ монастырей Бѣлорусскому архіепископу, были слѣдующія: архіепископъ Георгій долженъ былъ содержать монастыри въ своемъ вѣдѣніи, наблюдать за жизнью братіи, чинить судъ и расправу по возникающимъ дѣламъ, рукополагать представляемыхъ изъ монастырей лицъ; но избранные въ игумены или игуменьи этихъ монастырей должны были являться въ Кіевскую каѳедру за полученіемъ настоятельской грамоты. Послѣднее было очень важно для соблюденія въ ненарушимости фундушей и королевскихъ привиллегій монастырскихъ [1]).

Такимъ образомъ, монастыри: Буйницкій, Тупичевскій, Витебскій, Борколабовскій и Кутейнскій стали въ ближайшую зависимость отъ архіепископа Георгія, чѣмъ значительно облегчалась задача послѣдняго по приведенію въ благоустроенный видъ Бѣлорусской епархіи: кіевскіе монастыри, своимъ свеволіемъ и почти безнаказаннымъ безстрашіемъ, вносившіе дисгармонію въ распоряженія архіепископа Георгія, должны были подчиниться послѣднему и быть въ послушаніи у него.

Слѣдуетъ замѣтить, что митрополитъ Арсеній поручалъ архіепископу Георгію наблюденіе и надъ другими заграничными кіевскими монастырями. Такъ, въ 1766 г. онъ просилъ Коннисскаго посвятить въ игумены Бѣльскаго монастыря Варшавскаго капеллана, Спиридона Гриневецкаго, и при этомъ писалъ: „Прошу Вашего Преосвященства и надъ прочими тамошними благочестивыми епархіи моея монастырями и церквами въ таковыхъ и подобныхъ случаяхъ пастирское свое призрѣніе и о благосостояніи ихъ попеченіе имѣть“ [2]).

Но порученіе наблюденію архіепископа Бѣлорусскаго не могло нравиться заграничнымъ кіевскимъ монахамъ, которые привыкли жить вдали отъ начальственнаго присмотра и вести жизнь свободнѣе: съ подчиненіемъ Бѣлорусскому, епископу, который былъ недалеко, нужно было ограничить свою свободу дѣйствій и жизни и быть подъ страхомъ взысканія за нарушеніе правилъ.

Кромѣ того, нѣкоторые изъ православныхъ боялись, какъ бы, съ передачей кіевскихъ монастырей Бѣлорусскому епископу, уніаты и католики не стали причинять имъ еще больше обидъ и притѣсненій. Это опасеніе было тѣмъ справедливѣе, что, по

---

[1]) Ар. К. К. 1759 г., постан. № 138.

[2]) Ар. К., сборн. писемъ за 1766 г., пис., № 114.

замѣчанію Пѣлкинскаго (игумена Витебскаго монастыря), авторитетъ Кіевскаго митрополита, его имя и заступничество въ дѣлахъ высоко цѣнилось и признавалось въ Польшѣ,—по крайней мѣрѣ, гораздо выше, чѣмъ авторитетъ Бѣлорусскаго архіепископа: поляки знали, что Кіевскій митрополитъ, въ случаѣ нужды, можетъ протестовать противъ насилій чрезъ посредство русскаго посла при королевскомъ дворѣ. Въ виду этого нѣкоторые изъ кіевскихъ монастырей возстали противъ подчиненія ихъ архіепископу Бѣлорусскому. Такой протестъ выразилъ игуменъ Витебскаго монастыря, Іакинѳъ Пѣлкинскій.

Слѣдуетъ замѣтить, что это былъ человѣкъ въ высшей степени упрямый, гордый и непослушный. Онъ не признавалъ и авторитета Кіевскаго митрополита: на его непослушность и упрямство жаловался и митрополитъ Арсеній и митрополитъ Гавріилъ. О его своеволіи писалъ и архіепископъ Георгій. Послѣдній много претерпѣлъ обидъ отъ Пѣлкинскаго, жаловался и митрополиту Арсенію, но, для пользы горячо любимаго дѣла защиты интересовъ православія, онъ все прощалъ Пѣлкинскому.— Пѣлкинскій представилъ митрополиту Арсенію, что архіепископъ Георгій обидѣлся тѣмъ, что братія Марковскаго Витебскаго монастыря не называетъ его въ доношеніяхъ „своимъ архипастыремъ“, что имя его, Георгія, не возносится при богослуженіи въ подчиненныхъ ему монастыряхъ. Было ли это справедливо, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ письмо І. Пѣлкинскаго произвело непріятное впечатлѣніе въ Кіевской каѳедрѣ. Въ консисторіи было постановлено писать отъ имени митрополита, чтобы архіепископъ Георгій не запрещалъ въ порученныхъ ему кіевскихъ монастыряхъ поминать на богослуженіи имя Кіевскаго митрополита. Что касается имени Бѣлорусскаго архіепископа, то о немъ ничего не было сказано въ письмѣ,—очевидно, допускалась возможность возношенія имени и его.

М. Арсеній писалъ, дѣйствительно письмо, архіепископу Георгію, и миръ не былъ нарушенъ. Мало того. Митрополитъ Арсеній просилъ архіепископа Георгія оказать содѣйствіе въ защитѣ интересовъ и другихъ заграничныхъ монастырей,—Пинскаго, Слуцкаго и Виленскаго. Въ свою очередь и архіепископъ Георгій также оказывалъ доброе расположеніе къ митрополиту Арсенію и вниманіе къ судьбамъ кіевскихъ заграничныхъ монастырей, являлся ихъ защитникомъ и ходатаемъ, хотя ему приходилось терпѣть не мало огорченій отъ подобныхъ Пѣлкинскому лицъ.

Однако Г. Конисскій повидимому тяготился своимъ отношеніемъ къ митрополиту Арсенію, у котораго онъ оказывался какъ бы въ роли коадъютора...

Къ концу 60-хъ годовъ XVIII в. снова поднялся вопросъ о завѣдываніи Бѣлорусскими монастырями.—Въ 1768 г. Г. Конисскій обратился прямо въ Синодъ съ просьбой перевести настоятелемъ въ Мстиславскій Тупичевскій монастырь строителя Рославльскаго заштатнаго монастыря Смоленской епархіи, іеромонаха Иларіона. Почему Георгій обратился въ Синодъ помимо митрополита Арсенія, трудно сказать: быть можетъ, этому препятствовала затруднительность сношеній съ Кіевомъ; быть можетъ, у архіепископа Георгія было желаніе ускорить дѣло назначенія подходящаго человѣка въ Мстиславскій монастырь. Во всякомъ случаѣ архіепископъ Георгій поступилъ очень рѣшительно.

Но Св. Синодъ обратилъ вниманіе на то, что Тупичевскій монастырь принадлежитъ Кіевскому митрополиту, а потому и предложилъ самому митрополиту Арсенію назначить игумена.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы запросы и Кіевскому митрополиту и Бѣлорусскому архіепископу, почему Тупичевскій монастырь состоитъ въ вѣдѣніи Бѣлорусскаго архіепископа [1]).

Архіепископъ Георгій въ своемъ доношеніи представилъ Синоду то же, что представляли и его предшественники: 1) Буйницкій, Тупичевскій и Кутейнскій монастыри были вблизи городовъ Бѣлорусской епархіи, Могилева, Орши и Мстислава; 2) монахи этихъ монастырей принимали къ себѣ на исповѣдь обитателей сосѣднихъ городовъ Бѣлорусской епархіи и совершали для нихъ другія требы, и, такимъ образомъ, эти монастыри являлись какъ бы приходами Бѣлорусской епархіи; 3) игумены заграничныхъ кіевскихъ монастырей, находясь вдали отъ Кіевскаго епархіальнаго начальства, принимали къ себѣ въ монастыри безъ разбору всякихъ бродячихъ и бѣглыхъ монаховъ, въ томъ числѣ и изъ Бѣлорусской епархіи, и безъ справокъ и безъ разбору дозволяли имъ священнослуженіе; 4) наконецъ, монахи этихъ монастырей вели жизнь безнравственную,—бродили, пьянствовали, безчинствовали въ городахъ и въ селахъ совершенно безъ всякаго страха и безъ боязни, къ большому соблазну окружающихъ.

Безъ сомнѣнія, основанья были очень важныя и вѣскія для передачи кіевскихъ монастырей Бѣлорусскому епископу. Но воз-

---

[1]) Ар. К. К., реест. кн. 1769 г. № 17.

никалъ вопросъ: какъ же быть съ фундушами, данными монастырямъ? Отчисленіе монастырей, по фундушевымъ записямъ причисленныхъ къ Кіевской епархіи, было бы нарушеніемъ фундушей, что могло грозить очень плохими послѣдствіями для православія и православныхъ монастырей.—Архіепископъ Георгій не могъ не знать этого. Поэтому, представляя Синоду о необходимости подчинить кіевскіе монастыри Бѣлорусскому епископу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на слѣдующее: фундуши были даны въ то время, когда Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза былъ уніатомъ—и когда православной оставалось одна Полоцкая епархія; въ виду этого правильнѣе было бы и по фундушевымъ записямъ считать кіевскіе монастыри принадлежащими къ Бѣлорусской, а не къ Кіевской, епархіи.—Впрочемъ, архіепископъ Георгій не высказывалъ, съ своей стороны, властолюбивыхъ притязаній на подчиненіе ему всѣхъ заграничныхъ монастырей. Для себя онъ просилъ одного Буйницкаго монастыря, расположеннаго вблизи Могилева, и единственно для того, чтобы въ немъ имѣть помѣщеніе на случай пріѣзда въ Могилевъ. На этотъ монастырь Г. Конисскій уже испросилъ себѣ и королевскую привиллегію [1]). Что касается другихъ заграничныхъ монастырей, то архіепископъ Георгій рѣшеніе вопроса о нихъ представилъ на усмотрѣніе Синода; съ своей стороны, онъ добавлялъ, что лучше всего слѣдовало бы или совсѣмъ причислить ихъ Бѣлорусской епархіи или освободить Бѣлорусскаго архіепископа отъ завѣдыванія ими.

Съ своей стороны, митрополитъ Арсеній представилъ Синоду, что выше упомянутые кіевскіе монастыри были поручены архіепископу Георгію во временное наблюденіе, но что всѣ они по фундушевымъ записямъ состоятъ въ Кіевской епархіи.

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ представленія архіепископа Георгія и митрополита Арсенія, рѣшилъ дѣло на основаніи фундушевыхъ записей: всѣ монастыри, въ томъ числѣ и Буйницкій, о которомъ было особое ходатайство Г. Конисскаго, должны оставаться въ Кіевской епархіи.

Безъ сомнѣнія, сохраненіе фундушевыхъ записей было очень важно; но не менѣе важно было установить и лучшій порядокъ въ дѣлѣ надзора за заграничными монастырями. Св. Синодъ не рѣшилъ этого вопроса, но только разрѣшилъ митрополиту Арсенію

---

[1]) А. С. С. 1768, № 286.

по прежнему обращаться къ Георгію Конисскому съ просьбой о присмотрѣ за кіевскими монастырями, [1]) а это было похоже на обходъ въ рѣшеніи столь важнаго вопроса.

Дѣло въ томъ, что непосредственный надзоръ за всѣми заграничными монастырями для митрополита Арсенія былъ немыслимъ; надзоръ же за ними со стороны архіепископа Георгія былъ и обременительнымъ и неблагодарнымъ: монахи кіевскихъ монастырей мало уважали его авторитетъ и причиняли ему немало огорченій. Когда же архіепископъ Георгій получилъ указъ синодальный о рѣшеніи спорнаго дѣла о монастыряхъ, онъ поспѣшилъ сообщить въ монастыри Буйницкій, Мстиславскій, Тупичевскій и Кутейнскій, чтобы они не обращались къ нему, а вѣдали одну власть Кіевскаго митрополита.

Въ письмѣ къ митрополиту Арсенію Г. Конисскій выражалъ свою радость, что избавлялся отъ непріятностей по завѣдыванію кіевскими монастырями, которые (какъ Кутейнскій) причиняли ему огорченія и даже совсѣмъ не хотѣли (какъ Марковскій) подчиняться ему. [2])

Такъ кончилось при митрополитѣ Арсеніи дѣло о нѣкоторыхъ заграничныхъ монастыряхъ въ Бѣлоруссіи.

Дальнѣйшая судьба бѣлорусскихъ и другихъ монастырей Кіевской епархіи была такова. Послѣ перваго раздѣла Польши, заграничные монастыри и церкви, отошедшіе въ предѣлы Россіи, перестали быть и называться заграничными и были распредѣлены между Псковской и Могилевской епархіями: Витебскій отошелъ къ Псковской, а Буйницкіе, Оршанскіе, Тупичевскій и Борколабовскій къ Могилевской.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ и объ остальныхъ заграничныхъ монастыряхъ. Св. Синодъ хотѣлъ раздѣлить оставшіеся монастыри между сосѣдними епархіями Кіевской, Переяславской и Могилевской. Но противъ такого проекта возсталъ архіепископъ Георгій, который высказывалъ, что необходимо учредить особую епархію для заграничныхъ монастырей и назначить епископа коадъюторомъ Кіевскаго митрополита для приданія первому большаго значенія въ глазахъ поляковъ и для сохраненія монастырскихъ фундушей. [3]) Такимъ епископомъ, по мнѣнію архіепископа Георгія, могъ быть Слуцкій архимандритъ, который на

---

[1]) Ар. К. К. указ. кн. 1769, № 77.

[2]) Ар. К. К., письмо архіеп. Георгія отъ 5 дек. 1769 г.

[3]) Кіев. Еп. Вѣд. 1904 г., 855

первыхъ порахъ могъ бы получить епископскій санъ и безъ королевской привиллегіи (по примѣру суффрагановъ католическихъ).

Этотъ проэктъ [1]) архіепископа Георгія получилъ осуществленіе лишь въ 1785 г.

III.

На югѣ, въ Украинѣ предметомъ недоразумѣній служилъ Виноградскій Ирдынскій монастырь.—Этотъ монастырь былъ во владѣніи кн. Любомірскаго, въ Смѣлянской области. Онъ издавна принадлежалъ къ Кіевской митрополіи. Послѣ эпохи *руины*, въ началѣ XVIII в. монахи бѣжали отсюда въ Золотоношскій монастырь, а монастыремъ завладѣли уніаты—базильяне. Впрочемъ, послѣдніе не долго держались здѣсь; крайняя бѣдность монастыря заставила ихъ уйти отсюда. Возвратившіеся православные монахи стали по прежнему тяготѣть къ Золотоношскому монастырю. А такъ какъ послѣдній со 2-й четверти XVIII в. вошелъ въ составъ Переяславской епархіи, то и Виноградскій монастырь оказался въ той же епархіи, какъ подчиненный Золотоношскому. Переяславскіе епископы назначали игуменовъ въ Золотоношскій монастырь и давали имъ инструкціи для завѣдыванія и Виноградскимъ монастыремъ.

Однако при митрополитѣ Арсеніи поднялся вопросъ, почему Виноградскій монастырь оказался въ вѣдѣніи Золотоношскаго игумена, внѣ вліянія Кіевскаго митрополита. Поводомъ къ этому дѣлу послужило слѣдующее.

Игуменъ Пустынно-Медвѣдовскаго монастыря Виссаріонъ просилъ митрополита поручить ему въ завѣдываніе Виноградскій монастырь.

Тогда митрополитъ Арсеній послалъ Лебединскаго игумена, Филоѳея Контаровскаго, для разслѣдованія на мѣстѣ, почему Виноградскій монастырь вышелъ изъ-подъ власти митрополита. При этомъ ему было поручено „постараться опять привернуть его къ Кіевской епархіи“ [2]).

Контаровскій очень добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе. По прибытіи въ монастырь, онъ осмотрѣлъ всѣ зданія

---

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ проэктъ былъ высказанъ архіепископомъ Георгіемъ князю Репнину еще до 1768 г.—Кн. Репнинъ предлагалъ Георгію Конисскому взять всѣ кіевскіе монастыри въ свое полное завѣдываніе, чтобы устранить всѣ нестроенія въ этихъ монастыряхъ. Но архіеп. Георгій высказалъ, что для управленія всѣми заграничными монастырями лучше всего учредить особую каѳедру.

2) Ар. К. К. 1766 г., д. пов. генер., № 1, указъ № 321.

и угодья, нашелъ на престолѣ антиминсъ за подписью Кіевскаго митрополита, выданный въ 1724 г., прочиталъ надпись на антиминсѣ вслухъ всей братіи и велѣлъ братіи признать надъ собою власть Кіевскаго митрополита.

Надо полагать, братіи было безразлично, въ чьемъ бы вѣдомствѣ имъ ни быть: по крайней мѣрѣ, братія охотно согласилась признавать своимъ іерархомъ Кіевскаго митрополита. Можетъ быть, этому содѣйствовало и то, что начальникъ Виноградскаго монастыря, Гавріилъ былъ изъ постриженцовъ Лебединскаго монастыря.

По вліянію и совѣту Контаровскаго, братія написала митрополиту прошеніе о томъ, чтобы, для поднятія значенія монастыря въ глазахъ простого народа, настоятелю монастыря былъ данъ санъ игумена. Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства, для братіи открывалась перспектива выйти изъ подчиненнаго отношенія къ игумену Золотоношскаго монастыря.

Контаровскій, съ своей стороны, указывалъ братіи, что, если въ монастырѣ будетъ игуменъ, то монастырь поднимется въ глазахъ народа: послѣдній увидитъ, что это не уніатскій, а православный монастырь, и тогда народъ пойдетъ сюда широкою волною и понесетъ свои трудовыя лепты, что подниметъ и матеріальное положеніе монастыря.

Въ Кіевъ и было отправлено ходатайство объ игуменѣ, а также прошеніе истребовать изъ Золотоношскаго монастыря крѣпости и другіе документы Виноградскаго монастыря [1]).

Въ Кіевской каѳедрѣ съ большою готовностью была удовлетворена эта просьба: Гавріилъ былъ возведенъ въ санъ игумена, а въ Переяславскую консисторію послали за документами Виноградскаго монастыря, хранившимися въ Золотоношскомъ монастырѣ. Самый монастырь былъ вновь причисленъ къ Кіевской епархіи, и ему былъ выданъ антиминсъ изъ Кіева [2]).

Но почти одновременно съ этимъ былъ выданъ новый антиминсъ и изъ Переяславской каѳедры (въ маѣ 1766 г.). Дѣло въ томъ, что Переяславская каѳедра считала за собою 1) право давности владѣнія Виноградскимъ монастыремъ, 2) право высшаго наблюденія за тѣмъ монастыремъ, который состоялъ въ ближайшемъ завѣдываніи игумена епархіальнаго Золотоношскаго монастыря.

---

[1]) А. К. К. д. 1766 г., донош. № 208.

[2]) А. К. К. д. 1766 г., пов. генер. № 1.

Когда въ Переяславской Консисторіи было получено отношеніе Кіевской консисторіи о передачѣ изъ Золотоношскаго монастыря документовъ Виноградскаго монастыря, то оно произвело непріятное впечатлѣніе. Послѣднее было тѣмъ непріятнѣе и тѣмъ сильнѣе, что вблизи Виноградскаго монастыря въ то время (это былъ 1766 г.) разыгрывались событія величайшей исторической важности, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ знаменитый Мелхиседекъ Яворскій.—Поднялась оживленная переписка между Кіевской и Переяславской консисторіями. Въ Переяславѣ указывали на то, что, съ уходомъ братіи изъ Виноградскаго монастыря въ Золотоношскій, всегда назначался 1 игуменъ изъ Переяслава для завѣдыванія Золотоношскимъ и подчиненнымъ ему Виноградскимъ монастыремъ, при чемъ въ выдававшихся ему инструкціяхъ точно опредѣлялись его права и обязанности по завѣдыванію Виноградскимъ монастыремъ.

Но Кіевская каѳедра не хотѣла уступить; самыя прометоріи Переяславской консисторіи въ Кіевѣ считали обидными и отсылали ихъ обратно. Контаровскому было поручено собрать показанія старожиловъ о Виноградскомъ Ирдынскомъ монастырѣ и о томъ, кому принадлежалъ тотъ и другой. Разслѣдованіемъ Контаровскаго было представлено, что древнѣйшій монастырь—Ирдынскій получилъ свое названіе отъ р. Ирдыни; онъ то и былъ разрушенъ татарами; возстановленъ же былъ монастырь не на томъ же мѣстѣ, а въ разстояніи отъ него на полъ мили, причемъ и названіе онъ получилъ Виноградскаго монастыря.—Ясно, что дѣло шло объ одномъ и томъ же монастырѣ (а не о 2-хъ различныхъ какъ, указывала Переяславская консисторія).

Такъ какъ ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить, то дѣло взошло на судъ Синода. Въ Синодъ явился изъ Золотоноши игуменъ Іоиль съ ходатайствомъ, чтобы Виноградскій монастырь по прежнему оставался въ Переяславской епархіи и въ завѣдываніи и подчиненіи золотоношскому игумену.

По собраннымъ къ Синодѣ справкамъ, оказалось, что свѣдѣнія о Виноградскомъ монастырѣ поступали только изъ Переяславской епархіи, а изъ Кіева о немъ не поступало свѣдѣній. Былъ потребованъ отзывъ объ этомъ епископа Переяславскаго и Кіевскаго митрополита. Въ то же время было спрошено и мнѣніе Георгія Конисскаго. Послѣдній въ своемъ отзывѣ сообщилъ что Виноградскій монастырь ближе къ Переяславу, чѣмъ къ Кіеву. Въ виду этого Св. Синодъ велѣлъ причислить Виноград-

скій монастырь къ Переяславской епархіи. Это рѣшеніе было уже въ 1775 г.[1])

IV.

Кромѣ монастырей, въ составъ Кіевской епархіи въ ея заграничной половинѣ входили и православные приходы. Это были жалкіе остатки нѣкогда цѣлыхъ православныхъ епархій,— Пинской, Туровской и другихъ. Число этихъ приходовъ было не велико, такъ какъ уніаты захватили много православныхъ церквей, и цѣлыя тысячи православныхъ обратили въ унію. Съ другой стороны много православныхъ приходовъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отошло къ Бѣлорусской епархіи, а на Украинѣ—къ Переяславской

Приходы православной заграничной кіевской половины, главнымъ образомъ, группировались около провославныхъ монастырей. Мало того, Даже сами монастыри являлись приходскими. Впрочемъ, приходы были далеко не при всѣхъ монастыряхъ. Такъ, напр., при Виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ въ половинѣ XVIII в. не было парохіи, но считалось всего до 70 человѣкъ православныхъ обитателей.[2]) По донесенію виленскаго старшаго „исповѣдники православной вѣры порознь живутъ въ околичныхъ селахъ и городахъ, съ числомъ ихъ справиться трудно“. Ясно, что православныхъ слѣдовало бы считать не приходами, а единицами...

Эти жалкіе остатки православныхъ приходовъ тяготѣли къ монастырямъ шли туда на исповѣдь, несли свое горе, свои лепты, алкали удовлетворенія своей душѣ и утѣшенія въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ свою очередь и монастыри принимали ихъ къ себѣ, а нерѣдко посылали по окрестнымъ селамъ своихъ іеромонаховъ для преподанія утѣшенія, для совершенія требъ.

Вотъ нѣкоторыя данныя о парохіяхъ при монастыряхъ въ половинѣ XVIII в. При Друйскомъ монастырѣ была „весьма довольная парохія“; при Минскомъ Петро Павловскомъ монастырѣ оставалось 20 дворовъ, а при Грозовскомъ—12 дворовъ, при чемъ парохіи эти считались „довольными“ [3]); при Дрогичинскомъ мона-

---

[1]) А. К. К. 1766. д. № 13 генер. пов., указъ 1775 г., 9 іюля.

[2]) Азарія, виленскій старшій, доносилъ въ 1765 г., что мужчинъ всего 40 и женщинъ 27.

[3]) Голубевъ проф. „Матеріалы...“, стр. 25—27.

стырѣ Троицкомъ—прихожанъ 85 душъ (41 мужчина и 44 женщинъ), а при Дрогичинскомъ Преображенскомъ 54 души (25 мужчинъ и 29 женщинъ) [1]). При Лебединскомъ монастырѣ (въ с. Лебединѣ) считалось православныхъ свыше 1000 душъ [2]). Изъ Вевейскаго монастыря монахи расходились по окрестнымъ городамъ за нѣсколько миль отъ монастыря для преподанія требъ [3]). Но сколько тамъ считлось благочестивыхъ прихожанъ неизвѣстно.

Болѣе или менѣе цѣльные, отдѣльные приходы были близъ Слуцкаго и Пинскаго монастыря, при чемъ они составляли нѣсколько протопопій. Такъ, въ Слуцкой архимандріи было три протопопіи: Слуцкая, Мозырская и Петриковская. Въ 1-й числились церкви г. Слуцка Андреевская и Никольская, церкви с. Порѣча, Голчицъ, Сологъ, Копыловская, Чапличская, Церушковская, Яремичская, Миловичская, Глусская и др., которыхъ въ 1767 насчитывалось до 50 [4]). Всѣхъ православныхъ при этихъ церквахъ въ 1767 г. числилось 7118 душъ. Въ Мозырской протопопіи въ 1756 г. было еще до 53 православныхъ церквей [5]); въ Петриковской въ 1757 г. оставалось 7 православныхъ церквей: въ с. Скриголовѣ, Копаткевичахъ, Челѣшевичахъ, Лесковичахъ, Загаліи и 2 въ Петриковѣ [6]). Близъ Пинскаго монастыря также было три протопопіи: Пинская, Туровская и Давидгородская. Въ 1-й числилось въ 1771 г. 7 церквей, во 2-й 7 и въ 3-й 13 [7]).

Затѣмъ, въ Чигиринскомъ старостве было въ половинѣ XVIII в. до 30 церквей, которыя не составляли протопопіи и не состояли въ чьемъ либо вѣдѣніи. Антиминсы въ нихъ были за подписью Кіевскаго митрополита Варлаама Ванатовича и архіепископа Рафаила Заборовскаго. Впрочемъ, въ 60-хъ годахъ XVIII в. эти церкви отошли къ Переяславской епархіи [8]).

Что касается вопроса о томъ, съ какого времени и въ какомъ отношеніи приходскія общины стояли въ вѣдѣніи монастырскихъ властей, то на это слѣдуетъ замѣтить вотъ что.

---

1) Проф. Титовъ „Памятники...“, т. I, 1536—1537.
2) Кіев. Еп. Вѣд. 1893, стр. 58.
3) Проф. Голубевъ „Матеріалы...“ 27.
4) А. К. К. 1767., № 1918.
5) А. К. К. 1756 г., д. № 65.
6) А. К. К. 1763 г., д. № 328.
7) Кіев. Еп. Вѣд. 1904 г., стр. 794.
8) А. К. К. 1766 г., № 71 и 850.

Слуцкій архимандритъ, по своему званію намѣстника Кіевской митрополіи, еще со времени образованія института заграничныхъ монастырей, считался ближайшимъ начальникомъ приходскаго духовенства Слуцкой протопопіи и управлялъ послѣднею. Мозырская же протопопія лишь при митрополитѣ Арсеніи была подчинена Слуцкому архимандриту, для болѣе удобнаго надзора за нею со стороны митрополичьяго намѣстника и для приведенія ея въ порядокъ и благоустройство. Поводомъ къ этому послужила жалоба мозырскихъ старшинъ и просьба генеральнаго комиссара, Каменецкаго подстолія Михаила Ловцевича, которые указывали на безчинія среди духовенства [1]). А до чего доходило своеволіе и безпорядочность мозырскаго духовенства видно изъ того, что распоряженіе митрополита Тимоѳея (1754) объ избраніи протопопа оставалось неисполненнымъ въ теченіи 10 лѣтъ.

Что касается протопопій пинской, Туровской и Давидгородской, то онѣ были подчинены пинскому игумену при Рафаилѣ Заборовскомъ, съ одной стороны—для лучшаго защищенія ихъ отъ уніатовъ, а съ-другой для матеріальной поддержки Пинскаго монастыря: деньги, подлежавшія взносу въ каѳедральную казну за лицо, были переданы монастырю на его нужды [2]).

Слуцкій архимандритъ и пинскій игуменъ въ отношеніи къ приходскому духовенству подчиненныхъ протопопій имѣли особыя права и полномочія, которыя опредѣлялись грамотами при ихъ назначеніи и особыми инструкціями.

Такъ, Слуцкій архимандритъ обязанъ былъ: 1) „визитовать“, или объѣзжать всѣ церкви Слуцкой архимандріи, наблюдать за благочиніемъ церковнымъ при богослуженіи; 2) слѣдить за добрымъ поведеніемъ приходскаго духовенства и разбирать мелкія, неважныя тяжбы и споры между членами причта; 3) въ случаѣ смерти священника избирать кандидата во священники и представлять его въ каѳедру къ посвященію, а нерѣдко еще и надлежащимъ образомъ подготовить къ прохожденію священническаго служенія; 4) собирать приходское духовенство на соборы для обсужденія церковныхъ дѣлъ,—и 5) употреблять всѣ мѣры къ защитѣ приходскихъ церквей и духовенства отъ насилій уніатскихъ, а также стараться о возвращеніи отнятыхъ уніатами церквей.

---

[1]) „Памятники...“ проф. Титова стр. 1317.

[2]) Ibidem, стр. 352—353. Такихъ денегъ въ 1757 г., (за 3 года) оказалось въ сборѣ 428 злот. (А. К. К. 1759 г., № 633.)

Кромѣ того, слуцкому архимандриту предоставлено было право посвящать въ своей архимандріи чтецовъ и выдавать разрѣшеніе на браки въ дозволенныхъ канонами степеняхъ и творить духовный судъ по дѣламъ противъ нравственности. Нѣкоторые же изъ слуцкихъ архимандритовъ еще получали нѣкоторыя чрезвычайныя полномочія: напр., Досиѳей Галяховскій имѣлъ полномочіе освидѣтельствовать всѣ заграничные православные приходы [1]).

Подобными же правами, исключая права посвященія чтецовъ и ревизіи другихъ церквей, пользовался и пинскій игуменъ въ отношеніи къ приходскому духовенству ближайшихъ къ монастырю протопопій.

Слѣдуетъ замѣтить, что и слуцкій архимандритъ и пинскій игуменъ были какъ бы на средней ступени административной лѣстницы между приходскимъ духовенствомъ и каѳедральною епархіальною властью. Ближайшее же управленіе духовенствомъ, какъ въ епархіи, такъ и здѣсь, въ заграничныхъ протопопіяхъ, принадлежало протопопамъ и протопопскимъ правленіямъ.

Извѣстны даже особыя инструкціи, выдававшіяся протопопамъ. И въ этихъ инструкціяхъ, и въ протопопскихъ грамотахъ точно опредѣлялись права и обязанности протопоповъ [2]) въ отношеніи къ духовенству, братствамъ, а также указывалось на ихъ зависимость отъ архимандрита слуцкаго или пинскаго игумена. Духовенство же Слуцкой протопопіи, кромѣ протопопа, еще имѣло особый „капитулъ“, —учрежденіе административно-

---

[1]) „Памятники“... проф. Титова, т. I, стр. 1127—1128. Слуцкій архимандритъ имѣлъ и внѣшнія преимущества своего служенія: онъ служилъ на коврахъ, съ рипидами и осіяльниками и принималъ Св. Дары на великомъ выходѣ ихъ царскихъ вратъ.

[2]) Такъ, напр., слуцкому протопопу была выдана инструкція въ 1748 г. Ею было велѣно протопопу: 1) строго слѣдить за всѣмъ духовенствомъ, его поведеніемъ и благочиніемъ, не допускать дракъ, ссоръ и пьянства; а замѣченнымъ въ сихъ проступкахъ запрещать священнослуженіе, съ представленіемъ объ этомъ архимандриту и въ каѳедру; 2) дѣла надлежащей коптетенціи разсматривать съ капитульными священниками, въ сомнительныхъ же случаяхъ обращаться къ архимандриту; 3) собирать взносы или сборы въ казну; 4) представлять, съ вѣдома архимандрита презенты избранныхъ къ посвященію во священники; 5) по дѣламъ съ братчиками и членами духовенства обращаться къ суду намѣстника. („Памятники...“ проф. Титова, т. I, стр. 501—532).

судейскаго характера высшей инстанціи. Оно же имѣло право собираться на соборы по духовнымъ дѣламъ [1]).

Но слуцкіе архимандриты неравнодушно относились къ этимъ небольшимъ привиллегіямъ приходскаго духовенства и обнаруживали желаніе ограничить власть и права протопоповъ, а особенно капитула. Правда, приходское духовенство, особенно во главѣ протопопа, также ревниво отстаивало свои права, не подчинялось распоряженіямъ архимандритовъ, вело съ ними борьбу, прибѣгало къ покровительству владѣтельныхъ князей, посылало свои жалобы и разныя донесенія въ Кіевскую каѳедру. Такая борьба тянулась иной разъ по нѣсколько лѣтъ, съ временнымъ успѣхомъ для той или другой стороны. Тѣмъ не менѣе она кончилась благополучно для архимандритовъ. Вотъ краткіе отдѣльные эпизоды этой борьбы.

Архимандритъ Іоасафъ Лапѣцкій отнялъ (въ началѣ XVIII в.) право духовенства собираться въ капитулъ и самъ разсматривалъ всѣ дѣла. Духовенство, однако, продолжало попрежнему собираться въ капитулъ по 3 раза въ недѣлю для рѣшенія мелкихъ судебныхъ дѣлъ. По ходатайству духовенства, Тимоѳей Щербацкій въ 1748 г. возвратилъ духовенству право составлять капитулъ. Но архимандриты не мирились съ существованіемъ капитула. Такъ, Давидъ Нащинскій обнаруживалъ притязанія всю власть, и административную и судебную, сосредоточить въ своихъ рукахъ.

А Досиѳей Галяховскій поступилъ еще рѣшительнѣе: онъ отнялъ у Слуцкаго протопопа протопопскую грамоту (въ которой, какъ мы видѣли указывались его права управленія и суда), отставилъ его и 2 священниковъ отъ капитульнаго суда, и взялъ въ свое вѣдѣніе всѣ дѣла по избранію и рекомендаціи ставленниковъ, по надзору за духовенствомъ, а для разсмотрѣнія тяжебныхъ и судебныхъ дѣлъ среди духовенства учредилъ внутри монастыря Слуцкую консисторію [2]). Болѣе точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этой послѣдней намъ не встрѣча-

---

[1]) Эти сборы обыкновенно бывали въ м. маѣ—іюнѣ, въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Во время соборовъ духовенство получало отъ архимандрита миро и вносило сборы въ митрополичью (а со времени митрополита Т. Щербацкаго архимандричью) казну („Памятники..." проф. Титова т. I, 1459).

Въ капитулахъ же, кромѣ разсмотрѣнія и составленія презентъ для ставленниковъ и сбора взносовъ въ казну, разбирались дѣла „удоборазсудительныя, къ важности не касающіяся".

[2]) А. К. К. 1762 г., донош. № 1523.

лось. Но извѣстно, что архимандритъ Павелъ Волчанскій такъ же, какъ и Досиѳей Галяховскій, самостоятельно распоряжался въ протопопіяхъ, отрѣшалъ отъ приходовъ священниковъ и отнималъ у нихъ грамоты. Протопопъ слуцкій, конечно протестовалъ, но борьба кончилась побѣдой Волчанскаго и отставкой слуцкаго протопопа Маньковскаго.

V.

Нѣсколько исключительное положеніе среди заграничныхъ церквей занимала церковь при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, извѣстная подъ именемъ Варшавской капелланіи. Она представляла собою какъ бы небольшой монастырь, по типу приближавшійся къ другимъ заграничнымъ монастырямъ. Вначалѣ это была обыкновенная посольская церковь, въ которой богослуженіе совершалось іеромонахомъ, прикомандированнымъ къ послу изъ числа московскихъ монаховъ [1]).

Въ первой же четверти XVIII в. священно-служители посольской церкви въ Варшавѣ получили наименованіе *капелановъ*, и стали назначаться изъ кіевскихъ іеромонаховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ капелланы, какъ близко поставленные къ русскому послу, стали пріобрѣтать особое значеніе лицъ, могущихъ отстоять интересы православныхъ.

Въ 1733 г. Синодъ прямо возложивъ на варшавскаго капеллана обязанность представлять полномочному русскому послу о нуждахъ православныхъ и, такимъ образомъ, быть заступникомъ и ходатаемъ за нихъ [2]). Съ этого времени варшавскій капелланъ получилъ очень важное значеніе, какъ представитель интересовъ православныхъ монастырей при русскомъ послѣ, и могъ оказывать значительныя услуги православнымъ дѣятелямъ и радѣтелямъ о благѣ и помощи православнымъ въ Польшѣ.

Къ нему стали направлять жалобы и экстракты объ обидахъ православнымъ, а онъ представлялъ—русскому послу; онъ же могъ познакомить и самого посла съ истиннымъ положеніемъ гонимыхъ монастырей и лицъ. Это было особенно важно, потому что русскіе посланники при Польскомъ Дворѣ нерѣдко бывали не изъ православныхъ (напр. Кейзерлингъ).

---

1) Кіев. Еп. Вѣд. 1904, стр. 919 и 921.

2) „Памятники...“ Титова, стр. 281, 297—299.

Такое значеніе варшавскаго капеллана придавало ему вѣсъ даже въ глазахъ самихъ поляковъ. Съ другой стороны, это значеніе требовало отъ капелланов и высокаго ценза. Дѣйствительно, въ половинѣ XVIII в. на эту должность стали назначать не простыхъ іеромонаховъ, а лицъ ученыхъ, знатоковъ польскаго языка, опытныхъ въ законовѣдѣніи и знающихъ тонкое обхожденіе съ людьми различныхъ воззрѣній. Все это было очень важно для существенной поддержки православныхъ интересовъ.

Среди такихъ лицъ мы видимъ: Антонія Почеку, который велъ защиту интересовъ монастырей Дрогичинскихъ, Бѣльскаго и Брестскаго [1]); онъ же присутствовавъ на Гродненскомъ сеймѣ (1759 г.) и слѣдилъ за ходомъ возбужденныхъ православнымъ духовенствомъ дѣлъ; преемникъ Почеки, Петръ Артовскій въ 1763 г. представилъ въ русское посольство въ Варшаву извѣстную памятную записку объ обидахъ и притѣсненіяхъ Бѣльскаго монастыря. Капелланъ Спиридонъ Гриневецкій въ 1764 г. подалъ русскому послу меморіалъ объ исходатайствованіи у польскаго правительства особой конституціи въ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ, давнихъ правъ православныхъ жителей Польши.

Изъ этого видно, что варшавскіе капелланы являлись какъ бы въ роли стряпчихъ по дѣламъ православныхъ въ Польшѣ.

Кромѣ того, въ половинѣ XVIII в. варшавскіе капелланы являлись и съ чрезвычайными полномочіями: митрополиты Тимоѳей Щербацкій и Арсеній Могилянскій поручали имъ ревизію православныхъ монастырей, смѣну настоятелей и избраніе вмѣсто нихъ—новыхъ, устраненіе безпорядковъ въ монастыряхъ. Такія полномочія имѣли при Арсеніи Антоній Почека и Спиридонъ Гриневецкій [2]).

---

[1]) „Памятники..“ проф. Титова, т. I; 801.

[2]) О матеріальномъ содержаніи Варшавской капелланіи слѣдуетъ сказать слѣдующее.

На первыхъ порахъ это содержаніе было очень скудное и всецѣло относилось на средства русскаго резидента при Польскомъ Дворѣ. Къ половинѣ XVIII в. на жалованье капеллану стали выдавать изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по 300 р. въ годъ, при чемъ онъ обязанъ былъ содержать на свой счетъ и церковниковъ. Какъ видно это, содержаніе было очень недостаточно, особенно если принять во вниманіе, что капеллану волей-неволей приходилось содержать у себя тѣхъ, кто пріѣзжалъ въ Варшаву по дѣламъ защиты монастырей. Стѣсненія были и съ той стороны, что назначенное жалованье неаккуратно выдавалось. Лишь въ 1755 г. было постановлено выдавать изъ казны, сверхъ 300 руб., еще по 200 руб. на содержаніе церковниковъ. Впрочемъ, и въ выдачѣ этихъ денегъ, по проискамъ секретаря русскаго посольства Ржичевскаго, не одинъ разъ дѣлались задержки („Кіев. Еп. Вѣд.“ 1904 г., стр. 950—951).

VI.

Внутренняя организація заграничныхъ монастырей была такова:

Во главѣ монастыря стоялъ настоятель; въ Слуцкомъ монастырѣ онъ назывался намѣстникомъ митрополита и состоялъ въ санѣ архимандрита; въ Виленскомъ—назывался старшимъ и въ данное время состоялъ лишь въ санѣ игумена. Игуменъ же былъ и въ Пинскомъ монастырѣ. Настоятели другихъ монастырей, подчиненныхъ Слуцкому или Виленскому, были іеромонахи, которые считались какъ бы намѣстниками: обязанности же и званіе игуменовъ этихъ монастырей удерживали за собою настоятели главныхъ монастырей, слуцкій, виленскій.

Послѣ настоятеля въ монастырѣ имѣли значеніе намѣстникъ, духовникъ, экклесіархъ, уставщикъ, проповѣдникъ и экономъ. Впрочемъ, всѣ эти лица были въ разсматриваемое нами время далеко не вездѣ, а лишь въ нѣсколькихъ многолюдныхъ монастыряхъ. Даже не вездѣ были и намѣстники.

На обязанности намѣстниковъ было участіе въ распоряженіяхъ монастырскимъ имуществомъ, пріемъ послѣдняго отъ уходившаго или смѣнявшагося настоятеля и передача всего имущества новому настоятелю; управленіе монастыремъ въ отсутствіе настоятеля по случаю смерти, или отъѣзда изъ монастыря.

Духовникъ избирался изъ почтенныхъ и болѣе опытныхъ братій. На его обязанности лежало не только руководить младшей братіей въ духовной жизни, но и принимать на исповѣдь приходившихъ въ монастыри благочестивыхъ христіанъ. Духовники обыкновенно по избраніи получали утвержденіе въ своемъ званіи, а также особую грамоту—отъ митрополита. Духовники же принимали участіе и въ управленіи монастыремъ при отсутствіи игумена или его намѣстника.

Отъ экклесіархѣ и экономѣ, а равно о низшихъ служащихъ—трапезномъ, палатномъ, кухарѣ говорить нечего: ихъ обязанности и функціи были тѣ же, что въ кіевскихъ (незаграничныхъ) монастыряхъ.

А что касается проповѣдника, то его значеніе въ исторіи заграничныхъ монастырей было чрезвычайно важно. Достаточно припомнить, что монастыри служили для оставшихся вѣрными православію тѣми центрами, куда стремился народъ для ободренія и утѣшенія въ своихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, для просвѣщенія своего ума и для назиданія въ Словѣ Божіемъ.

Слуцкій архимандритъ, Досиѳей Галяховскій свидѣтельствуетъ, что народъ, собравшійся въ день преподоб. Онуфрія въ Яблочинскій монастырь, слушалъ поученіе съ величайшимъ вниманіемъ: „когда стать поучать ихъ, то слѣдомъ тіи якъ слова въ голосъ промовляютъ“ [1]). А это былъ народъ весьма убогій и „зѣло простій“, собравшійся изъ окрестныхъ мѣстъ миль за восемьдесятъ и болѣе... Если вспомнить, сколько притѣсненій въ отправленіи богослуженія въ приходскихъ храмахъ приходилось терпѣть народу православному въ Польшѣ, сколько было принужденій къ посѣщенію косціола или уніатскихъ церквей, то понятной станетъ та великая жажда народа, съ какой стремился онъ въ монастыри, не смотря на дальность разстояній, и съ какой онъ внималъ поученію въ храмахъ монастырскихъ. Послѣ этого понятно и то великое дѣло, какое свершали проповѣдники въ заграничныхъ монастыряхъ. Заграничные настоятели православныхъ монастырей въ половинѣ XVIII в. понимали это и, съ своей стороны, прилагали всѣ заботы, чтобы имѣть въ монастырѣ способныхъ и опытныхъ монаховъ—проповѣдниковъ. Слуцкіе архимандриты и виленскіе старшіе при отправленіи изъ Кіева къ мѣсту служенія подыскивали себѣ іеромонаховъ среди кіевскихъ ученыхъ монаховъ; да и потомъ неоднократно просили митрополита Арсенія о присылкѣ монаховъ, способныхъ къ проповѣданію Слова Божія.

Но, къ сожалѣнію, далеко не всегда эти старанія увѣнчивались, а просьбы—сопровождались замѣтнымъ успѣхомъ. Охотниковъ ѣхать въ заграничные монастыри было мало, вслѣдствіе крайне тяжелыхъ условій жизни въ заграничныхъ монастыряхъ (о чемъ и будетъ рѣчь ниже).

VII.

Существовали-ль при заграничныхъ монастыряхъ школы и какія онѣ были?

Указанный вопросъ проф. прот. Ѳ. И. Титовъ рѣшаетъ такъ: хотя положительныхъ данныхъ или свидѣтельствъ о существованіи школъ не имѣется, но необходимо думать, что при заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII в. и при томъ при всѣхъ существовали начальныя школы грамоты, въ ко-

[1]) „Документы...“ проф. Титова, т. I, стр. 1187—1188.

торыхъ получали первоначальное наставленіе и обученіе монастырскіе послушники, монахи [1]). Главное основаніе для такого предположенія, по мнѣнію проф. Титова, заключается въ томъ, что въ монастыряхъ было много грамотныхъ монаховъ и даже простыхъ послушниковъ, которые только при монастырѣ и могли научиться грамотѣ.

Дѣйствительно, свѣдѣнія о монастырскихъ школахъ слишкомъ скудны. Нужно добавить, что въ разсматриваемое нами время даже въ Кіевской каѳедрѣ не имѣлось свѣдѣній о томъ, есть ли гдѣ либо школы, или нѣтъ (разумѣется при заграничныхъ монастыряхъ). Извѣстно, что митрополитъ Арсеній въ донесеніи Св. Синоду даже о Виленскомъ монастырѣ писалъ, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли этотъ монастырь грамоту на учрежденіе какой нибудь школы при монастырѣ (—вопросъ шелъ объ открытіи школы—по проэкту старшаго Авраамія для образованія дѣтей духовенства). Поэтому, за недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ, нужно обращаться къ побочнымъ указаніямъ. Но думается, едвали предположеніе проф. Ѳ. М. Титова можетъ быть принято безъ ограниченій. Дѣло въ томъ, что есть свѣдѣнія о томъ, что братія въ монастыряхъ далеко не всегда была грамотной. Такъ въ Медвѣдовскомъ монастырѣ въ 1750 г. изъ 30 монаховъ 18 было неграмотныхъ [2]), что составитъ до 60%. Правда, проф. Титовъ указываетъ на то, что неграмотныхъ было много именно въ Украинскихъ монастыряхъ, вслѣдствіе исключительной изолированности этихъ монастырей отъ Кіева [3]). Но дѣло въ томъ, что эта изолированность не мѣшала бы все таки существовать школамъ при украинскихъ монастыряхъ служить дѣлу обученія монаховъ грамотѣ. Замѣтимъ, что при Медвѣдовскомъ монастырѣ именно была школа [4]). Въ ней и могли обучаться грамотѣ желающіе изъ братіи. Только не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этихъ школъ; равно не слѣдуетъ всѣхъ грамотныхъ въ монастыряхъ считать именно получившими свои знанія и изучившими грамоту въ данныхъ монастырскихъ школахъ. Вѣдь, извѣстно, что братія въ заграничныхъ монастыряхъ представляла изъ себя слишкомъ перемѣнчивый элементъ: монахи и послушники постоянно переходили изъ монастыря въ монастырь, приходили изъ деревни, жили въ монастырѣ мѣсяцъ—другой,

---

1) „Памятники...“ т. I. L—LI.
2) „Памятники...“ проф. Титова, т. I стр. 593.
3) Ibidem, 41.
4) Ар. К. К. 1769 № 3341.

уходили въ другой монастырь, за рубежъ, въ Россію, Валахію; были выходцы и отсюда изъ Валахіи, Украйны. Они могли и дома, въ приходскихъ, школахъ обучаться грамотѣ, могли и по пути, въ одномъ какомъ нибудь монастырѣ, гдѣ была сносная школа, выучиться грамотѣ [1]).

Далѣе. Едва ли можно согласиться,—что школы существовали при всѣхъ монастыряхъ,—еще и потому, что многіе заграничные монастыри были слишкомъ захудалые, безлюдные: во многихъ было по 1 іеромонаху, который долженъ былъ и совершать богослуженіе, и нести хозяйственныя хлопоты, быть и пономаремъ, и дьячкомъ и священникомъ въ одно и то же время (замѣчательно, что при подобныхъ заявленіяхъ нигдѣ не встрѣчается указаній, что тому же іеромонаху нужно обучать и грамотѣ).

Въ виду этого мы думаемъ, что, за неимѣніемъ фактическихъ данныхъ, лучше допускать существованіе школъ лишь при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Спрашивается: при какихъ же?

Уже упомянуто выше, что школа существовала при Медвѣдовскомъ монастырѣ,—одномъ изъ многолюдныхъ на Украинѣ,—но она не процвѣтала.

Была школа и при Виленскомъ монастырѣ.—Здѣсь братство проявляло свои заботы о школѣ: оно просило учителя для школы [2]), въ которой, видимо, обучались дѣти братчиковъ. Здѣсь было и особое школьное зданіе, но оно сгорѣло во время пожара 1749 г.

Указанная школа, видимо, чувствовала сильную нужду, особенно въ учителяхъ. Одинъ изъ старшихъ Виленскаго монастыря, Авраамій Фліоринскій, сознавая недостаточность этой школы для образованія дѣтей духовенства, задумалъ открыть при Виленскомъ монастырѣ гимназію для образованія духовенства. Свой проэктъ онъ представилъ на усмотрѣніе Синода, прося исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе гимназіи [3]) или семинаріи.

---

[1]) Въ Виленскомъ монастырѣ въ 1764—1765 г. изъ 12 постриженныхъ въ монашество Азаріей—3 были изъ духовныхъ (1 сынъ священникъ, а 2 другихъ вдовые священникъ и діаконъ), 6 были изъ посполитыхъ г. Стародуба, Борзны, Полтавы, Нѣжина, 1 былъ изъ дьячковъ г. Бахмута, и лишь 1—былъ родомъ изъ Волынск. повѣта, а 2-й выходецъ изъ Грозовскаго монастыря (А. К. К. вѣдом. о постриж. 1764—1765 безъ №).

[2]) „Памятники...“ проф. Титова, т. I, стр. 526.

[3]) А. С. С. д. 1760 г. № 212, л. 41—43.

Св. Синодъ поручилъ самому митрополиту Арсенію разсмотрѣть этотъ проэктъ и дать свой отзывъ.

М. Арсеній отнесся къ дѣлу крайне осторожно: онъ опасался, что при открытіи школы латиняне и уніаты начнутъ протестовать и еще сильнѣе станутъ притѣснять православныхъ. Онъ былъ въ невѣдѣніи о томъ, имѣетъ ли Виленскій монастырь какую нибудь грамоту на содержаніе школъ: онъ сомнѣвался даже и въ томъ, будутъ ли ученики въ этой школѣ. Послѣднее было не безосновательно: въ то время даже въ Кіевской академіи изъ дѣтей духовенства обучалось никакъ не больше половины всего числа учащихся; въ заграничной же части Кіевской епархіи, вѣдь, не много было и православныхъ приходовъ въ половинѣ XVIII в., не много, значитъ, могло быть и дѣтей школьнаго возраста. Что касается другихъ дѣтей,—братчиковъ, дворянъ, то почему то они не имѣлись въ виду.

Изъ дѣлъ не видно, какое заключеніе и отзывъ по вопросу о гимназіи при Виленскомъ монастырѣ далъ митрополитъ Арсеній. Но видно, что проэктъ не получилъ въ то время своего осуществленія.

Не больше свѣдѣній имѣется и о школѣ при Слуцкомъ монастырѣ. Извѣстно только, что архимандритъ Досиѳей Галяховскій устроилъ здѣсь школу выше начальной; онъ предназначилъ ее для обученія дѣтей духовенства и назвалъ ее семинаріей.

Можно думать, что обученіе здѣсь велось (въ миніатюрѣ) по образцу Кіевской академіи. Дѣйствительно, здѣсь обучались, главнымъ образомъ, дѣти духовенства [1]). Вѣроятно, здѣсь же подготовлялись къ чтенію тѣ, которые просили себѣ приходовъ, и тѣ, которыхъ нерѣдко митрополитъ Арсеній по рукоположеніи отсылалъ къ Слуцкому архимандриту еще для обученія церковному чтенію [2]).

Итакъ, просвѣтительныхъ средствъ въ видѣ школъ у заграничныхъ монастырей въ разсматриваемое нами время было не много.

VIII.

Слѣдуетъ сказать о братствахъ, которыя существовали почти при всѣхъ монастыряхъ и при многихъ приходскихъ церквахъ.

---

[1]) „Памятники...“ проф. Титова, т. I, л. 1596.

[2]) А. К. К. д. 1763, безъ №, генер. пов.

Это были изъ тѣхъ братствъ, которыя возникали почти повсюду въ Западной Руси въ XVI—XVII в. и служили главными оплотами православія и русской народности противъ католичества и уніи, имѣвшихъ цѣлію все русское, православное населеніе какъ бы поглотить, обративъ его въ польско-католическое.— Ближайшая задача этихъ братствъ опредѣлялась, согласно уставу Виленскаго Св. Духовскаго братства (слѣдуетъ замѣтить, что этотъ уставъ, по изслѣдованію проф. Чистовича, принимался въ руководство вновь образовывавшимися братствами [1]), такъ: оказывать другъ другу взаимную помощь, и сохранять братское единеніе на основѣ христіанской любви, это цѣль идеалъ братства; обязанности же братчиковъ заключались въ заботахъ о церкви Божіей, о содержаніи церковнаго причта, о братской школѣ, о призрѣніи нищихъ и убогихъ. Члены братства обязаны были, по самому званію своему, быть „зерцаломъ“ всему христіанству, т. е. служить для другихъ христіанъ образцомъ вѣры и жизни христіанской; они обязаны были свято исполнять обязанности религіозно-нравственнаго характера, какъ то: участвовать въ торжественныхъ акаѳистахъ, въ поминальныхъ богослуженіяхъ, во всенощныхъ, заботиться о впавшихъ въ нищету и бѣдность братчикахъ.

Главное вниманіе братчиковъ обращалось уставомъ на дѣла благотворенія неимущихъ по умершимъ, на дѣла школьныя. Хотя въ уставѣ и не говорится о задачахъ общества служить дѣлу защиты православной церкви отъ притѣсненій и гоненій со стороны уніатовъ и католиковъ, но, несомнѣнно, эта почтенная задача входила въ дѣятельность западно-русскихъ братствъ изначала [2]).

Въ теченіе своей полуторавѣковой исторіи (до половины XVIII в.) братства болѣе или менѣе удачно справлялись съ тѣми задачами и цѣлями, которыя начертаны были въ уставѣ: они, дѣйствительно, объединяли исповѣдниковъ православной вѣры; по выраженію проф. Ѳ. Титова, они служили живою связію, живымъ и прочнымъ цементомъ, который соединялъ духовенство и, въ частности, монашество съ народомъ; они служили и живыми проводниками истинной православной церковности въ массу русскаго народа [3]). Средствами для достиженія этихъ задачъ

---

[1]) „Истор. З—Рус. Церк“, Чистовича, т. II, 154.
[2]) „Труд. Кіев. Д. Акад“. 1899, т. II, стр. 232.
[3]) „Памятники...“, проф. Титова, I, стр. 55.

служили: матеріальныя жертвы, просвѣтительныя учрежденія (типографіи, школы) и личные труды и усилія братчиковъ.

Нельзя, конечно, сказать, что до половины XVIII в. западнорусскія братства всецѣло осуществляли въ своей жизни идеалъ, начертанный въ уставѣ: недочеты, нестроенія были и въ періодъ напряженной и усиленной дѣятельности братствъ,—въ XVII в.

Къ половинѣ же XVIII в. дѣятельность братствъ становилась менѣе полезною, а самая жизнь братствъ менѣе дѣятельною. По крайней мѣрѣ, дѣятельность братства мало соотвѣтствовала задачамъ братства и запросамъ времени. Среди братствъ замѣтно стало ихъ оскудѣніе. И прежде всего оскудѣніе было въ членахъ братствъ. Тогда какъ въ XVI—XVII в. среди членовъ много было князей, дворянъ и вообще лицъ образованныхъ и просвѣщенныхъ, къ половинѣ XVIII в. ряды братчиковъ значительно порѣдѣли: православные дворяне промѣняли къ этому времени свою вѣру на титулы и разныя матеріальныя выгоды [1], даже становились въ разрядъ враговъ и гонителей православія.

Оставался простой народъ,—ремесленники, цеховики, которые съ великимъ трудомъ должны были противостоять напору и насиліямъ со стороны враждебныхъ православію уніи и католичества.

Но число и этихъ значительно порѣдѣло: напр., въ Виленскомъ монастырѣ въ 1767 г. было всего до 70 человѣкъ православныхъ. Притомъ все это было населеніе убогое и бѣдное. такъ, въ Минскомъ монастырѣ братство, по донесенію Іеронима Волчанскаго, представляло изъ себя одну голь („убожество и опарнанство"), притомъ совершенно неграмотную: здѣсь многіе братчики были въ это время женаты на католичкахъ и своихъ дѣтей крестили въ костёлахъ, да и сами ходили въ костёлы: не даромъ писалъ І. Волчанскій, что монастырь, „въ небезпечности" [2]), т. е. въ небезопасности.

Въ Пинскомъ братствѣ братчики также были неграмотны, „холопи"; въ 1755 г. ихъ считалось всего 23 человѣка; они рѣдко бывали при богослуженіи, по 2—5 лѣтъ не говѣли, жили во враждѣ съ настоятелелемъ, часто пьянствовали [3]), мало заботились о храмѣ Божіемъ, такъ что даже престолы колебались отъ порчи столбовъ; вели между собою ссоры и дрязги [4]). Болѣе дѣ-

---

[1]) Рункевичъ „Исторія Минск. Архіеписк." стр. 8 и 47.

[2]) „Памятники"... проф. Титова, т. I, 333—335.

[3]) А. К. К. 1755 г., д. № 55.

[4]) А. К. К. 1757 д. № 35.

ятельныя братства,--по донесенію ревизора Досиѳея Галяховскаго,—были при Дрогичинскихъ и Брестскомъ монастыряхъ: при Дрогичинскомъ Спасскомъ монастырѣ,— писалъ Галяховскій,— братство и сестренничество (это то же братство, но состоящее изъ женщинъ), хотя убогое, но многочисленное и „зѣло къ благочестію горливое"; при Троицкомъ—„братство и сестренничество равно горливое, но можнѣйшее"; при Брестскомъ монастырѣ „братство и сестренничество знатное и горливое" [1]).

Но въ общемъ братства къ половинѣ XVIII в. потеряли свой боевой характеръ, какой они имѣли въ XVII в. Чувство забитости, угнетенности и подавленности, чувство страха за свою собственную жизнь, за православную вѣру—наполняли души братчиковъ. И нужно удивляться живучести, какая еще таилась въ братствахъ въ половинѣ XVIII в. Слѣдуетъ помнить, что къ данному времени унія достигла весьма значительнаго успѣха: даже съ 40-хъ годовъ весьма значительное количество православныхъ церквей было отнято уніатами. Католичество и унія дѣйствовали въ половинѣ XVIII в. съ энергіею и ревностью, чтобы до конца нанести ударъ православію въ Польшѣ.

Къ сожалѣнію, въ это время дѣятельность братствъ совсѣмъ направилась въ другую сторону,—противоположную той задачѣ, какая начертана была въ ихъ уставѣ и указывалась самыми обстоятельствами жизни. Братчики болѣе были заняты личными интересами; у нихъ, вмѣсто умноженія любви, замѣтно было умноженіе распрей и несогласій, какъ между собою, такъ и между ними и монастырскими настоятелями. Во взаимныхъ отношеніяхъ братчиковъ не было единодушія, взаимной уступчивости и снисходительности; этихъ же качествъ не было и во взаимныхъ отношеніяхъ братчиковъ и настоятелей. Въ дѣятельности братчиковъ не было того воодушевленія, того огня, который воспламенялъ умы и сердца многихъ знаменитыхъ борцовъ первыхъ временъ существованія братствъ [2]).

У братствъ ослабѣлъ интересъ къ благолѣпію церковныхъ храмовъ. Въ Виленскомъ братствѣ, по словамъ историка его, даже сталъ забываться уставъ братства [3]). Въ дѣятельности братствъ половины XVIII в. больше проглядывали личные интересы; борьба, которая шла между братствами и монастырскими настоятелями,—какъ, напр., то было въ Виленскомъ и Слуцкомъ мона-

---

[1]) „Памятники."—проф. Титова, т. I, стр. 1188—1189.
[2]) Чистовичъ „Исторія З. Рус. Церк.", т. II, 155.
[3]) „Труд. К. Д. Акад." 1899, т. III, 39, 43.

стырѣ,—также носила больше личный и своекорыстный, чѣмъ идейный характеръ. Борьба велась больше изъ-за церковныхъ имуществъ, которыми братство хотѣло распоряжаться самостоятельно, независимо отъ монастырскаго настоятеля. Такъ, напр., въ Пинскомъ монастырѣ братство не хотѣло сдавать новому игумену монастырскаго имущества, самовольно распоряжалось монастырскими суммами, полями и грунтами; присланнаго игумена Аппія Левитскаго оно совершенно не признавало [1]).

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить и то, что къ половинѣ XVIII в. и Кіевскіе митрополиты своими распоряженіями, и присылавшіеся изъ Кіева монастырскіе настоятели своими притязаніями также вносили дисгармонію въ нормальную жизнь и дѣятельность братствъ. Такъ, напр., братства имѣли право широкой автономіи въ дѣлахъ распоряженія церковнымъ имуществомъ; а митрополитъ Тимовей, напр., пишетъ виленскимъ братчикамъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла монастырскаго имущества, но „точію единаго звона набожеству" прислушивались [2]); очевидно, митрополитъ совершенно ограничивалъ интересы и дѣятельность братствъ. Также и по вопросу объ избраніи монастырскихъ настоятелей Кіевскіе митрополиты нерѣдко игнорировали всякія права братствъ на участіе въ выборахъ настоятеля. Такъ дѣлалъ и Щербацкій и Арсеній Могилянскій. Въ свою очередь и присланные изъ Кіева монастырскіе настоятели часто не хотѣли знать братчиковъ, гордо и самоувѣренно относились къ нимъ и хотѣли самостоятельно распоряжаться монастырскимъ имуществомъ. Такъ было и въ Слуцкомъ и Виленскомъ и въ другихъ монастыряхъ.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что и братчики нерѣдко отстаивали свои права. Такъ, Пинское братство, какъ мы упоминали, не принимало игумена, присланнаго изъ каѳедры помимо избранія братчиковъ; Бѣльское братство не приняло игумена Іосію Леоновича.

Минское братство само избрало игумена въ Минскій монастырь; оно не хотѣло знать ни виленскаго старшаго, ни Кіевскаго владыку [3]).

---

[1]) А. К. К. 1755 г., д № 55; „Памятники..." проф. Титова, т. I. 982—983.
[2]) „Памятники"... проф. Титова, т. I, 492.
[3]) „Памятники"... проф Титова, т. I. 404.

IX.

Посмотримъ, какое положеніе занимали въ Польскомъ королевствѣ православные монастыри, духовенство и православный народъ.

При взглядѣ на отношенія Польскаго правительства, представителей польскаго народа, пановъ, духовенства—къ православно-русскому духовенству и населенію въ польскихъ областяхъ, поражаешься той несправедливостью, фанатической ненавистью, своеволіемъ и угнетеніемъ, какія проявлялись въ отношеніи къ православно-русскому населенію: народъ православно-русскій подвергался стѣсненіямъ, притѣсненіямъ, обидамъ и въ личной, и въ общественной жизни; далѣе, въ удовлетвореніи своихъ религіозныхъ потребностей онъ не имѣлъ для себя не только поддержки, но даже свободы и охраны.

Преслѣдованія иконіи православнаго населенія въ западно-русскихъ областяхъ начались со времени отдѣленія этихъ областей отъ Москвы и подчиненія ихъ власти польскаго короля. По стараніямъ католическаго духовенства и польскихъ заправилъ, православнорусское населеніе въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и на Украинѣ подвергалось, съ одной стороны, стѣсненіямъ въ гражданскихъ правахъ, а съ другой—религіознымъ притѣсненіямъ то явнымъ, то тайнымъ, при чемъ тѣ и другія имѣли цѣлью уничтоженіе православія и распространеніе уніи и ассимиляцію западно-русскаго населенія польско-католическому. Лучшимъ средствомъ для такой ассимиляціи была унія, а лучшими слугами для уніи были сами уніаты, которые становились злѣе и фанатичнѣе самихъ католиковъ.

Польско-католическая и уніатская пропаганда мало-по-малу уничтожала всякій церковный порядокъ въ западно-русскихъ православныхъ областяхъ, уничтожала всякую православную церковную іерархію, и тѣмъ открывался широкій просторъ уніи [1]). На мѣстѣ православныхъ епархій утверждались уніатскіе епископы, а православныя епархіи закрывались; православныя церкви закрывались одна за другою и переходили въ руки уніатовъ; та же участь постигала и многіе монастыри.

Пропаганда уніи особенно усилилась съ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Съ этого времени дѣйствія приверженцевъ уніи не ограничивались одними частными случаями насилія или совра-

---

[1]) А. Ю. З. Рос. ч. I, т. II, LII.

щенія: но видимо и систематически клонились къ совершенному подавленію православія. Уніатскіе оффиціаны стали разъѣзжать повсюду въ Литвѣ и Украинѣ, при чемъ дѣйствовали обманомъ насиліемъ, угрозами, чтобы привлечь на свою сторону. Они смотрѣли на эти области, какъ на свое достояніе: собирали православныхъ протопоповъ и священниковъ, испытывали ихъ „по книжицѣ, въ ихъ называющейся экзаменъ", учили ихъ особенностямъ своей вѣры (особенно символу вѣры съ добавленіемъ словъ Filiodue), принужали къ присягѣ на унію; отбирали православные антиминсы и книги и давали свои, уніатскіе антиминсы, миро, богослужебныя книги; брали особыя деньги, такъ называемые сборы „мировые", „столовые", „визитаторскіе" и „экспенсовые", требовали, чтобы богослуженіе отправлялось въ церкви по уніатскимъ обрядамъ, чтобы священники повиновались только уніатскому бискупу, чтобы блюли прибавленія въ символѣ вѣрѣ Filiodue—въ силу опредѣленія Тридентскаго собора, а не соблюдавшихъ этого наказывали собственноручно, причемъ наказанія производились въ самой церкви; въ заключеніе еще взимался особый денежный штрафъ [1]).

Отъ оффиціаловъ не отставали польскіе комиссары, паны, шляхтичи, и разными стѣсненіями, ругательствами, проклятіями, запретами свободно отправлять богослуженіе, принуждали народъ къ переходу въ унію.

Вслѣдствіе этого къ половинѣ XVIII в. унія сильно развилась во всей Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ. Рѣдкій приходъ оставался православнымъ. Въ 1743 г. въ одной Бѣлорусской епархіи было отнято на унію 3 монастыря и 61 приходская церковь, а православныхъ церквей оставалось не больше 25. [2]). То же было и въ другихъ мѣстахъ. Отъ православныхъ епархій Туровской, Могилевской оставалось всего нѣсколько десятковъ церквей въ протопопіяхъ Слуцкой, Мозырской, Туровской, Давидгородской и др.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Чигиринскомъ старостве оставалось до 30 церквей, которыя были лишены всякой организаціи и не были подчинены никому [3]). Только православные монастыри, числомъ до 30, въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и на Украинѣ, какъ оазы въ пустынѣ оставались центрами православія и были на стражѣ вѣры православной и русской народности.

---

[1]) Ар. Ю. З. Р., ч. I, т. II, LV—LVI.

[2]) Бантышъ—Каменскій „Истор. объ уніи.", стр. 303.

[3]) Ар. К. Кон. 1766 г., № 71.

Насилія и притѣсненія продолжались и въ половинѣ XVIII вѣка. Способы принужденія къ уніи оставались всѣ тѣ же,— стѣсненія въ религіозномъ, правовомъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

Самое важное для уніатовъ заключалось въ томъ, чтобы получить въ свое завѣдываніе церковь. Для этого они прибѣгали или къ обману, или къ явному насилію.

Въ однихъ случаяхъ уніаты, явившись въ село, запечатывали церкви, разгоняли народъ, не допускали его и священника къ приходскому храму. Но такъ какъ народъ бдительно оберегалъ свои храмы, то уніатамъ нужно было обставить дѣло захвата церкви какимъ нибудь болѣе легальнымъ способомъ. Для этого уніаты старались или въ данной церкви совершить богослуженіе по уніатскому обряду, или доказать, что она издавна принадлежитъ имъ.

И вотъ, уніатскій священникъ, взявъ съ собою въ одну руку келихъ (чашу), мшалъ (или служебникъ) и сосудъ съ виномъ, а въ другую свой камень (антиминсъ), старался какъ нибудь пробраться въ православную церковь, совершить тихо гдѣ нибудь въ углу „мшу“ на принесенномъ камнѣ [1]); если трудно было сдѣлать это,—онъ старался проникнуть въ церковь даже чрезъ окно или выломанныя двери [2]). Послѣ этого уніаты считали церковь своею и уже ни за что не уступали ее православнымъ.

Наиболѣе благопріятными моментами для захвата православныхъ церквей были тѣ случаи, когда послѣднія приходили въ ветхость или опустошались пожаромъ и когда православные, по недостатку средствъ, затруднялись возобновить ихъ сейчасъ же послѣ разрушенія. Тогда уніаты, подъ видомъ ревности къ прославленію имени Божія, захватывали церкви для починки или возобновленія ихъ, и оставляли ихъ за собою навсегда. Православные, по своей бѣдности и малочисленности, часто не въ силахъ были заявить протестъ на такія насилія. Найти защиту у польскаго суда православнымъ было трудно: тамъ засѣдали тѣ же враги православія, люди своенравные, уважавшіе только право сильнаго, не хотѣвшіе признавать даже королевской власти. Если иногда судъ и давалъ удовлетвореніе православнымъ по ихъ жалобамъ, то это еще мало помогало право-

---

[1]) „Матеріалы“... проф. Голубева, XXVII, 68—69.

[2]) Ibidem. XXVIII, стр. 102. „Истор. объ уніи“ Б. Каменскаго.

славнымъ: тѣ, кому нужно было исполнять приказаніе высшей власти, не исполняли его. Достаточно указать, что когда архимандритъ Павелъ Слуцкій искалъ защиты въ судахъ и даже опирался на покровительство коллятора слуцкихъ монастырей князя Радзивилла (во время дарованія послѣднему амнистіи), то секретари князя никакъ не хотѣли исполнить законной просьбы слуцкаго архимандрита.

Кромѣ церквей, уніаты направляли всѣ свои замыслы на православные монастыри и старались и здѣсь всячески захватить въ свои руки монастырскіе храмы. Такъ, Жмудскій бискупъ Тышкевичъ 1-го іюня 1751 г. sine ulla pretensione Троицкій Селецкій монастырь въ Минскомъ воеводствѣ,—только на томъ основаніи, что монастырь былъ не далеко отъ его владѣній [1]). Православнымъ настоятелямъ и инокамъ стоило необыкновенныхъ усилій отстоять свои храмы отъ насилій со стороны уніатовъ и католиковъ. Достаточно вспомнить, какихъ усилій стоило виленскимъ св. духовскимъ монахамъ отстоять монастырь отъ насилій и притѣсненій при виленскомъ старшемъ, Ѳеофанѣ Леонтовичѣ и его преемникахъ.

Затѣмъ, уніаты и католики систематически стѣсняли православное духовенство въ свободномъ отправленіи богослуженія и полученіи священнаго сана. Такъ, напр., въ 1747 г. уніаты добились у короля универсала, которымъ запрещалось посвящать православныхъ священниковъ, на мѣста выбывшихъ въ королевскихъ экономіяхъ безъ сношенія съ королевской комиссіей [2]). До той поры дѣти духовенства свободно посвящались на мѣста своихъ родителей. Съ изданіемъ же этого универсала, на посвященіе необходимо было получить королевское согласіе, а это давалось очень трудно. Конечная цѣль этого указа заключалась въ томъ, чтобы всѣ православныя церкви истребить и передать ихъ, яко бы за отсутствіемъ православныхъ священниковъ, уніатамъ.

Правда, по настоянію графа Кейзерлинга, король велѣлъ Виленскому бискупу, чтобы онъ не притѣснялъ православныхъ и не дѣлалъ имъ никакихъ препятствій при возобновленіи православныхъ церквей [3]). Но голосъ короля былъ безсильный и не приносилъ православнымъ никакого улучшенія. Мало того,

---

[1]) „Матеріалы...“ проф. С. Голубева, стр. 40.
[2]) „Истор. объ уніи“ Б. Каменскаго, стр. 315.
[3]) Ibidem, стр. 320.

король (въ 1751 г.) подтвердилъ привиллегіи, данныя уніатамъ, чѣмъ воспользовались многіе изъ нихъ и стали отнимать православныя церкви въ окрестностяхъ города Крычева.

Съ цѣлію принудить духовенство къ принятію уніи, уніаты допускали надъ нимъ самыя тяжкія насилія: нападали на нихъ во время богослуженія; отнимали у нихъ богослужебныя книги, антиминсы и все, что попадалось подъ руку; запрещали совершать богослуженіе и требы, взимали особую дань за право совершить требу или богослуженіе; называли православную вѣру схизмой, ставили ее ниже еврейской, магометанской, проповѣдывали въ то же время, что римская и греческая вѣра—все одно и то же [1]), чтобы тѣмъ легче соблазнить духовенство и народъ къ переходу въ унію. Православныя церкви отдавались жидамъ на откупъ, и безъ позволенія послѣднихъ (а позволеніе давалось за плату) нельзя было войти въ церковь для совершенія богослуженія.

Такъ, во время погребенія мѣщанина Самуила Журобюнскаго, іезуитскіе студенты вышли, окружили игумена Леонтовича и братію, ругались, смѣялись, бросали кирпичемъ, камнями и грязью; одинъ изъ студентовъ даже ворвался въ средину толпы православныхъ, билъ плетью іеромонаха и разгонялъ народъ. Когда была заявлена жалоба на такое насиліе надъ православными, то Виленскій бископъ сказалъ, что православные могутъ погребать умершихъ безъ всякихъ церемоній, ночью, тайно, такъ какъ имъ не позволено содержать ни одной церкви.

Уніаты и католики старались нанести ударъ православному духовенству по самымъ чувствительнымъ для него сторонамъ, по его имуществу. Они нападали на дома священниковъ, разоряли и грабили ихъ, держали ихъ въ засадахъ, налагали дань, также издѣвались надъ ними, обрѣзывали волосы и проч. [2]).

Если, не смотря на принужденія къ уніи, священники оставались православными, то по стараніямъ уніатовъ управляющіе, владѣльцы, которые обыкновенно содержали духовенство въ своемъ вѣдѣніи, подъ своимъ покровительствомъ, прямо лишали священниковъ презенты, отрѣшали отъ приходовъ.

Духовенство прибѣгало къ разнымъ уловкамъ и пользовалось разными наивными обстоятельствами, чтобы скрыть свою привязанность къ православію: иной скажетъ, что не готовъ къ слу-

---

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1864 г., стр. 683—684.

[2]) Вѣст. Зап. Рос. 1865 г., т. I, отд. I, стр. 7—9.

женію, другой скажетъ дьячку тянуть подольше херувимскую пѣснь, чтобы незамѣтно было, какъ при перенесеніи Св. Даровъ пропускаетъ имя папы и пр. Иные, наконецъ, въ виду требованій польской и уніатской власти, дѣйствительно измѣняли православію, одни до рукоположенія, другіе по рукоположеніи, кто изъ страха преслѣдованій, кто по простымъ житейскимъ расчетамъ, особенно подъ вліяніемъ оффиціаловъ и инструкторовъ, всюду проповѣдывавшихъ, что римская и греческая вѣра—все одно [1]).

Такія же мѣры насилія примѣнялись и къ монастырямъ: уніаты, католики, съ помощію польскихъ войскъ нападали на монастыри, грабили ихъ имущество, били и разгоняли монаховъ, при этомъ особенно старались захватить монастырскіе документы (фундуши, привиллегіи) на пользованіе угодьями и землями, чтобы тѣмъ лишить монастыри самой возможности защищать свои права на свои владѣнія Такія нападенія повторялись систематически и клонились къ совершенному разоренію монастырей. Такъ, (1758 г.) комиссаръ Матеей Троицкій отнялъ всѣ поля и сѣножати на жаботинскомъ фольваркѣ, принадлежавшія Онуфріевскому Жаботинскому монастырю; чрезъ годъ онъ снова явился въ монастырскій дворъ съ казаками и драгунами, билъ и мучилъ монаховъ и послушниковъ, забралъ ихъ подъ арестъ въ Медвѣдовку, захватилъ все монастырское и игуменское имущество [2]).

Въ 1762 г. комиссаръ владѣній князя Яблоновскаго, Леонъ Самборецкій отнялъ мельницу (млинъ) со всѣми угодьями того же монастыря при с. Куликовкѣ [3]). Въ слѣдующемъ году диспозиторъ Казиміръ Скалмовскій отобралъ хуторъ надъ рѣчкою Тясминымъ съ пахатнымъ полемъ и сѣножатью; въ томъ же году ротмистръ Городецкій отнялъ поля и сѣножати надъ рѣчкою Осотою. Въ слѣдующемъ году тотъ же Казиміръ Скалмовскій отнялъ хуторъ на рѣчкѣ Тясминѣ, сжегъ монастырскія кельи, всѣхъ монаховъ забралъ въ г. Жаботинъ къ панскому двору, билъ и мучилъ, содержалъ ихъ подъ арестомъ, отнялъ все монастырское имущество, причинилъ монастырю убытку больше, чѣмъ на 500 руб., разогналъ людей изъ монастырской слободы, оставшихся обратилъ въ панскія работы и наложилъ на нихъ

---

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1864 г., стр. 683—684.

[2]) Ар. Ю. З. Р. ч. I, т. 3.

[3]) Ibidem, стр. 306.

подати, забиралъ десятину съ пасѣки въ теченіе 3-хъ лѣтъ, на умму свыше 400 руб., и даже не позволялъ нигдѣ ставить спасѣки [1]). Особенною ревностію въ разграбленіи монастырей отличался уніатъ, оффиціалъ Григорій Мокрицкій, который разъѣзжалъ съ своими попами, нападалъ на православныхъ священниковъ и монаховъ, издѣвался надъ ними, мучилъ ихъ, отнималъ имущество, грабилъ дома и монашескія кельи, принуждая къ уніи [2]).

Въ 1766 году онъ напалъ на Чигиринскій женскій монастырь, окружилъ всѣхъ монахинь своими казаками, стращалъ ихъ оружіемъ, отобралъ церковные ключи, также отобралъ св. антиминсъ и положилъ свой уніатскій, опредѣлилъ сюда уніатскаго попа Яна и уніатскую монахиню Ястрембскую, которая также стращала монахинь, грозила имъ, и побоями принуждала къ уніи; когда монахини бѣжали изъ монастыря, она вынула всѣ окна, разрушила всѣ печки въ кельяхъ, забрала всю посуду и хлѣбъ, и стала пьянствовать; когда въ монастырь вернулись нѣкоторыя монахини, ходившія за сборомъ подаяній, она отняла у нихъ всѣ собранныя деньги [3]). Въ 1768 г. этотъ же монастырь снова подвергся нападенію уніатовъ (около праздника Троицы), причемъ не была пощажена и честь монахинь [4]).

Вслѣдствіе такихъ нападеній, монастыри приходили въ разореніе, впадали въ долги и не въ состояніи были содержать себя, братію, чинить свои церкви; священники также разорялись и волей не волей бѣжали изъ приходовъ или принимали унію.

Такъ, въ Пинскомъ монастырѣ никто изъ монаховъ не хотѣлъ жить, такъ какъ онъ былъ разоренъ, въ долгахъ, а денегъ на пропитаніе братіи не поступало [5]). Минскій монастырь былъ „въ крайнемъ убожествѣ“: церковь въ немъ послѣ пожара 1742 г. стояла безъ починки, безъ сводовъ и крыши; долговъ было на нѣсколько сотъ таляровъ; въ Грозовскомъ монастырѣ долговъ было 1½ сотни таляровъ.

Все вообще „благочестивое духовенство и народъ въ польскихъ владѣніяхъ было въ великомъ гоненіи отъ уніатовъ за нежеланіе ихъ содержать унѣи, и за тѣмъ какъ монастырямъ

---

[1]) Ibidem, стр. 306.
[2]) Ibidem, стр. 311.
[3]) Ibidem, стр. 222—224.
[4]) Рук. К. С. Биб. № 604, указ. № 101.
[5]) А. К. К. Указ. кн. 1760 г. № 34.

благочестивымъ и церквамъ, такъ и монашествующимъ жить тамо крайне не можно“[1]).

Православное духовенство и народъ, оставшіеся вѣрными православію, тщетно искали защиты въ польскихъ судахъ. Послѣдніе отличались пристрастіемъ въ отношеніи къ православнымъ: и въ низшихъ, и высшихъ инстанціяхъ засѣдали поляки, католики, враги православія, которые оказывали поддержку своимъ же. Если же иногда и удавалось православнымъ достичь чего нибудь въ одной инстанціи, это еще не улучшало положенія ихъ, такъ какъ произволъ разныхъ чиновниковъ и пановъ не хотѣлъ знать самыхъ справедливыхъ рѣшеній въ дѣлахъ православныхъ.

Все было противъ православныхъ и ихъ дѣла: и слабость власти короля, который, даже при поддержкѣ русскаго двора, не имѣлъ достаточно силы заставить пановъ уважать его, и безсиліе польскихъ законовъ, и безпорядочность сеймовъ, и исконная вражда католическаго народа, и своеволіе пановъ.

Какъ извѣстно, Польша въ XVIII вѣкѣ клонилась къ упадку. Политическое состояніе ея къ 50-мъ годамъ этого столѣтія принимало характеръ зловѣщій, явно указывавшій на ея разложеніе. По мѣткой характеристикѣ г. Рункевича, состояніе Польши въ данное время представляется вотъ въ какомъ видѣ:

„Законы безъ силы, король безъ власти, сеймъ безъ порядка, войско безъ дисциплины, казна безъ денегъ, народъ безъ правъ, дворянство безъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ и—въ довершеніе всего—религіозная борьба 2-хъ половинъ государства“ [2]).

Виленскій старшій, Мелхиседекъ Богдановичъ, доносилъ резиденту въ Варшаву, что даже королевской привиллегіи было недостаточно для того, чтобы можно было ремонтировать виленскую монастырскую церковь: польскія власти требовали подтвержденія привиллегіи сеймовой конституціи [3]).

На польскомъ королевскомъ тронѣ въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія сидѣлъ Августъ III, возведенный на королевскій престолъ съ помощію вооруженной русской силы [4]). Этотъ король былъ настолько слабъ, что не имѣлъ никакого вліянія на народъ и на польскихъ сановниковъ. Самъ онъ проживалъ больше въ

---

1) Рук. К. С. Биб. № 604, ук. № 90 (изъ указа К. консисторіи игумену Виссаріону).

2) „Истор. Мин. Архіеп,“ стр. 3—4.

3) „Памятники“... проф. Титова т. I, стр. 469—470.

4) „Послѣдніе годы Рѣчи Поспол.“, т. I, стр. 17.

Дрезденѣ, а Польша оставлена была на произволъ судьбы; всюду, и въ судахъ, и въ администраціи царилъ произволъ и безпорядокъ; законы не составлялись, чиновники администраціи не контролировались, такъ какъ ни одинъ сеймъ, который имѣлъ право контролировать сановниковъ, не доводился до конца; своеволіе и буйство пановъ,—вотъ что господствовало въ Польшѣ въ 50-хъ годахъ. А право сильнаго, повидимому, было единственнымъ правомъ, на какое могъ опираться гражданинъ польскаго королевства. По замѣчанію историка Костомарова, голосъ русскаго посланника при польскомъ дворѣ въ это царствованіе былъ всемогущъ, тѣмъ болѣе, что онъ опирался на силу русскихъ войскъ, квартировавшихъ въ Польшѣ [1]). Въ виду послѣдняго можно было бы ожидать, что положеніе православныхъ западно-руссовъ должно бы хоть не ухудшаться

Если бы представленія русскаго правительства польскому двору были настойчивѣе, то это такъ и было бы. Но въ томъ и дѣло, что до царствованія Екатерины II представленія русскаго двора польскому правительству объ улучшеніи положенія православныхъ не были рѣшительны. Правда, въ царствованіе Елизаветы Петровны, какъ и при ея предшественникахъ дѣлались сильныя представленія польскому двору, съ представленіями соединялись и угрозы.

Но дальше угрозъ на словахъ не шли. У русскаго двора не было рѣшимости заставить Польшу уважать его представленія и слушать резидента. А польскіе магнаты и фанатичное латинское духовенство дѣлали свое. Ежегодно шли представленія русскаго двора польскому правительству о православныхъ, ихъ защитѣ, но вслѣдъ за ними снова поступали въ Синодъ жалобы православныхъ на притѣсненія со стороны поляковъ. Поляки, видимо, только еще больше раздражались отъ этого, не уважали представленій русскихъ царей и явно нарушали права православныхъ, предоставленныя имъ въ силу заключенныхъ съ Россіей договоровъ.

Такъ, напр., по Андрусовскому миру (1686 г.) православные въ польскомъ королевствѣ имѣли право на свободное исповѣданіе своей вѣры и сохраненіе всѣхъ древнихъ привиллегій, дарованныхъ имъ королями; духовенство имѣло право обращаться за посвященіемъ къ Кіевскому митрополиту.

---

[1]) Ibidem, стр. 18.

Однако эти статьи не соблюдались поляками, которые, какъ мы упоминали выше, не позволяли имъ публичныхъ процессій, похоронъ и т. д.: церкви православныхъ насильно отбирались; народъ угнетался, духовенство изгонялось: въ раздраженіи отъ сознанія могущества русскаго двора, который вмѣшивался во внутреннія дѣла Польши, польскіе магнаты, сановники, паны, оффиціалы, іезуиты и уніаты становились еще рѣзче и еще фанатичнѣе обрушивались на православное населеніе.

X.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II-й, наступило, по ея настоянію, измѣненіе въ участи православнаго западно-русскаго населенія. Своимъ умомъ и энергіей эта императрица заставила Польшу даровать православнымъ права, равныя съ правами католиковъ и уніатовъ, и постепенно добилась возвращенія въ православіе многихъ уніатовъ, насиліемъ отторгнутыхъ отъ православной русской церкви.

Мы не будемъ указывать всѣхъ мѣропріятій Екатерины II на пользу православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. Лишь укажемъ на ея дѣятельность наканунѣ 1-го раздѣла Польши.

Къ началу царствованія Екатерины II польскій король Августъ III, послѣ 30-лѣтняго царствованія умеръ (1763 г.). По желанію и давленію Екатерины II-й, на польскій престолъ возведенъ былъ Станиславъ Понятовскій (7 сентября 1764 г.), человѣкъ непостоянный, недовѣрчивый и двоедушный, слабодушный и поверхностный. Екатерина знала, каковъ былъ ея ставленникъ, и даже предупреждала своихъ министровъ, чтобы не слишкомъ довѣряли королю [1]).

Умная и энергичная, въ то же время очень предусмотрительная въ своихъ поступкахъ, Екатерина повела дѣло защиты заграничныхъ православныхъ христіанъ рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ.

Скоро, послѣ вступленія на престолъ, императрица ознакомилась съ положеніемъ православныхъ и диссидентовъ въ Польшѣ. Вопли православнаго населенія и другихъ диссидентовъ, страдавшихъ подъ гнетомъ Польши, достигли до нея.

Въ то же время она увидѣла, что представленія русскаго посла въ Варшавѣ мало пользуются уваженіемъ со стороны

---

1) Н. Костомаровъ цит. соч. т. I, 93.

польскаго правительства. Нужно было заставить поляковъ уважать представленія русскаго двора.

Ко дню коронаціи въ Москвѣ, для принесенія поздравленія, находился архіепископъ Бѣлорусскій, Георгій Конисскій [1]).

Представившись императрицѣ, онъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой излилъ скорбь угнетенной православно-русской души, изстрадавшейся подъ гнетомъ Польши, и выразилъ одну надежду на заступничество императрицы [2]).

Императрица вняла голосу православнаго населенія, и чрезъ своихъ полномочныхъ пословъ передала королю желаніе, чтобы диссидентамъ были возвращены всѣ древнія права и вольности. Архіепископу Георгію также было дано (29 ноября 1764 г.) рекомендательное письмо къ новому королю.

Въ этомъ письмѣ императрица выражала увѣренность, что новый король не только подтвердитъ привиллегіи архіепископа Бѣлорусскаго, но и вообще возобновитъ привиллегіи всѣхъ „исповѣдующихъ греческій законъ духовнаго и мірскаго чина людей“ [3]).

Оправдалъ ли новый король ожиданія Екатерины II, увидимъ изъ послѣдующей исторіи.

По случаю избранія короля, созванъ былъ сеймъ, который занялся вопросами о реформахъ въ Польшѣ. Родственникъ короля Чарторыжскій составилъ проектъ такихъ реформъ: увеличеніе войска, доходовъ, образованіе комиссій судопроизводства, полиціи, войсковой и скарбовой, а также установленіе пошлинъ и введеніе на сеймѣ рѣшенія по большинству голосовъ. Король былъ на сторонѣ поляковъ. Когда проектъ этихъ реформъ былъ предъявленъ русскому двору, императрица въ интересахъ отечества потребовала, чтобы, увеличивая войска, Польша вошла въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіей. Поляки не соглашались. Тогда русскій посолъ по приказанію императрицы объявилъ, что онъ не станетъ входить ни въ какія сношенія по вопросу о реформахъ, пока не будетъ заключенъ союзъ. Въ то же время прямо было потребовано, чтобы всѣмъ диссидентамъ и некатоликамъ были дарованы права гражданства.

---

[1]) Конисскій представлялся Екатеринѣ II-й, скоро послѣ ея вступленія на престолъ (въ 1763), при чемъ былъ принятъ весьма милостиво; тогда онъ впервые подалъ жалобу на притѣсненія со стороны поляковъ (Соловьевъ „Истор. Рос.“ т. XXVI, 53 „Истор. паден. Польши“, стр. 13.).

[2]) „Истор. об. ун...“ стр. 373—374.

[3]) Ibidem, стр. 378.

Понятно, такія требованія вызвали большое недовольство при польскомъ дворѣ и раздраженіе.

Еще предъ избраніемъ короля польскіе послы взяли съ Понятовскаго слово, что онъ не станетъ поддерживать интересы диссидентовъ. На избирательномъ сеймѣ, когда зашла рѣчь о диссидентахъ, польскіе послы пришли въ ярость, подняли шумъ и энергично протестовали противъ требованій Репнина даровать права диссидентамъ.

Тогда русскія войска, по распоряженію императрицы, расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Это вызвало безпокойство среди поляковъ. Чтобы не показать себя малодушнымъ и зависимымъ отъ русской императрицы, король въ угоду полякамъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Турціей и жаловался ей на оскорбительные постои русскихъ войскъ. Екатерина скоро узнала объ этихъ сношеніяхъ. Но она была не изъ такихъ, чтобы отступать назадъ въ виду коварства людей, которые ей должны были быть преданными.

Въ искренность поставленнаго короля она не вѣрила. Потомъ Екатерина настойчивѣе стала требовать дарованія правъ диссидентамъ, тѣмъ болѣе, что Турція, къ которой обратился король, ничѣмъ не могла помочь Польшѣ.

Архіепископъ Георгій Конисскій явился въ Варшаву въ половинѣ іюля и, представившись королю 27 іюля 1765 года, подалъ вышеупомянутое рекомендательное письмо отъ императрицы, а также произнесъ въ присутствіи короля рѣчь (на латинскомъ языкѣ) о своемъ званіи и о своей угнетенной паствѣ. Эта рѣчь, въ свое время переведенная на 4 языка (русскій, польскій, нѣмецкій и французскій), въ трогательныхъ словахъ изображаетъ, съ одной стороны, угнетеніе вѣры православной и православныхъ исповѣдниковъ ея, а съ другой стороны—всю несправедливость угнетенія православной вѣры. Несправедливо, говоритъ Г. Конисскій, преслѣдовать православныхъ, во 1-хъ, потому, что православная вѣра близка къ католичеству, она вѣра христіанская и безъ всякаго сравненія превосходитъ вѣру еврейскую, которая, однако, пользовалаеь свободою въ Польшѣ; во 2-хъ, несправедливо и потому, что предки польскихъ королей, какъ Казиміръ Великій и др., обѣщали православнымъ тѣ же права и преимущества, что были дарованы и католикамъ.

Но эта рѣчь осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не смотря на видимое сочувствіе православнымъ со стороны короля, не смотря на рѣшительное представленіе русскаго посла, полу-

чившаго особыя инструкціи,—дѣло, за которое ратовалъ архіепископъ Георгій, нарочно затягивалось поляками. Архіепископъ Георгій вынужденъ былъ томиться въ Варшавѣ очень долго, въ ожиданіи пересмотра дѣла о притѣсненіи православныхъ и дарованіи имъ правъ свободы вѣроисповѣданія. Началось долгое собираніе всякихъ справокъ. Отъ архіепископа Георгія потребовали доказательствъ того, что отнятыя у православныхъ церкви были издавна православными; нужны были оригиналы королевскихъ привиллегій, или урядовыя выписки изъ нихъ, данныя съ 1500 года и ниже по времени, а также списки и печатныя тетради о дѣйствіяхъ большихъ православныхъ соборовъ въ Вильнѣ, Брестѣ-Литовскомъ, особенно о дѣйствіяхъ православно-виленскаго собора 25 декабря 7017 г. при Кіевскомъ митрополитѣ Іосифѣ, православіе котораго необходимо было доказать на сеймѣ.

Только и была надежда на сеймъ, имѣвшій собраться въ 1766 году.

Требуемые документы, по распоряженію митрополита Арсенія, стали искать въ кіевскихъ монастыряхъ, библіотекахъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ; также было написано и въ Черниговскую и Переяславскую епархіи, съ просьбой подыскать требуемые документы. Найденные документы въ подлинникѣ или въ выпискахъ были отправлены архіепископу Георгію [1]).

Наконецъ, 24 сентября 1766 г. открылся давно ожидавшійся сеймъ въ Варшавѣ.

Екатерина II-я приказала своему послу, князю Репнину непремѣнно добиться, чтобы на сеймѣ дѣло о диссидентахъ было рѣшено въ пользу православныхъ. Она не велѣла домогаться предоставленія православнымъ мѣстъ въ сенатѣ и въ другихъ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ; но желала, чтобы православные могли быть избираемы въ трибуналы, могли получать провинціальныя должности и чтобы въ числѣ членовъ сейма при 2 католикахъ былъ одинъ некатоликъ.

Но поляки издавна были воспитаны въ такомъ представленіи, что только одна католическая вѣра даетъ право гражданства и право выбора и доступа ко всѣмъ высшимъ должностямъ, учрежденіямъ и судамъ; допущеніе некатоликовъ въ суды и

---

[1]) Такія выписи и докумены изъ Кіева были отправлены при письмѣ митрополита Арсенія 8 апрѣля и 25 мая 1766 г. (Сбор. писемъ къ митр. Арсенію 1766 г., № 39.)

сеймы наравнѣ съ католиками представлялось униженіемъ и оскорбленіемъ самой вѣры католической. Поэтому трудно было ожидать согласія католиковъ—на уступку въ пользу диссидентовъ. Когда король узналъ о требованіяхъ императрицы, онъ былъ страшно пораженъ и умолялъ русскую императрицу отложить диссидентское дѣло.

Екатерина предвидѣла возможность протестовъ со стороны поляковъ и на сей случай дала князю Репнину инструкцію устроить конфедерацію, которая бы просила Россію о помощи въ дѣлѣ защиты православныхъ диссидентовъ.

Князь Репнинъ, опасаясь возмущенія фанатичнаго польскаго народа, пытался отклонить императрицу отъ ея рѣшительнаго шага. Но не такова была русская императрица, чтобы отложить вопіющее и требовавшее удовлетворенія и помощи дѣло о диссидентахъ.

И русская императрица одержала побѣду.

Князъ Репнинъ объявилъ предъ наступленіемъ сейма, что,—если не будутъ дарованы права диссидентамъ,—40 тысячъ русскаго войска войдетъ въ Польшу. Это еще больше озлобляло фанатиковъ поляковъ. Начались воззванія, призывавшія народъ къ защитѣ католической вѣры. Самъ король обѣщалъ умереть за вѣру и свободу. Но настойчивость русской императрицы находила себѣ поддержку и въ сосѣднихъ дворахъ, англійскомъ и датскомъ.

Когда открылся сеймъ, обнаружилось теченіе благопріятное Россіи. Король, желавшій возрожденія Польши, предложилъ было ввести законъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ (объ увеличеніи войска и о казнѣ) по большинству голосовъ. Но это вызвало протесты со стороны нѣкоторыхъ пословъ, которые заявили, что король желаетъ противнаго польской націи. Князь Репнинъ воспользовался этимъ и, вмѣшавшись въ дѣло, заявилъ королю, что не допуститъ противнаго желаніямъ націи. Тогда и Чарторыйскіе и нѣкоторые другіе оставили короля, стали сближаться съ Репнинымъ, съ цѣлію заискивать у русской императрицы. По видимому, дѣло клонилось къ желательному концу,—принятію предложеній императрицы.

Но едва заговорили о диссидентахъ (въ засѣданіи 11 ноября), поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ кричало, что ни за что не позволятъ нарушить права католической религіи. Кричали и на однаго посла, который возвысилъ было голосъ въ пользу диссидентовъ; кричали и противъ короля за то, что онъ хотѣлъ ввести рѣшеніе по большинству голосовъ,

такъ какъ подозрѣвали, что тогда будетъ допущено участіе въ сеймѣ и мѣщанъ и хлоповъ [1]).

При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о рѣшеніи частныхъ вопросовъ, за которые ратовалъ архіепископъ Георгій, о причиненныхъ разнымъ монастырямъ и церквамъ обидахъ. Сеймъ такъ и закрылся 24 ноября 1766 года, не удовлетворивъ ходатайствъ печальника за православную вѣру и церковь. Объ этомъ архіепископъ Георгій такъ писалъ митрополиту Арсенію: „Хотя и можно было представить жалобы и просить покровительства и защиты отъ уніатовъ, но на сеймѣ генеральнымъ прошеніямъ и претензіямъ въ подтвержденіе древнихъ правъ и вольностей отказано. Впрочемъ, хотя генеральныя прошенія и претензіи наши на сеймѣ прошедшемъ безъ всякаго дѣйствія остались, но надобно ожидать другихъ къ тому средствъ, которые вскорѣ, какъ обнадеживается, высочайшими дворами приняты будутъ“ [2]).

Эта надежда, дѣйствительно, какъ увидимъ, была небезосновательна.

Екатерина прибѣгла къ рѣшительной мѣрѣ. Князю Репнину было поручено составить отдѣльную конфедерецію въ пользу диссидентовъ. Задача была чрезвычайно трудная, но все таки она была выполнена.

Пособникомъ князя Репнина явился референдарій Подосскій, которому было обѣщано мѣсто примаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ свыше 30 тысячъ русскаго войска вошло въ предѣлы Польши. Екатерина постаралась даровать амнистію и бѣжавшему изъ Польши Радзивиллу, владѣтельному князю многихъ имѣній на Слутчизнѣ, стоявшему въ оппозиціи при избраніи короля Понятовскаго. Отъ Радзивилла требовалось, чтобы онъ принялъ на себя званіе маршалка общей конфедераціи, которая должна была объединить всѣ уже составленныя въ разныхъ мѣстахъ Волыни, Подоліи, Польши и Литвы конфедераціи; чтобы онъ объявилъ себя защитникомъ свободы совѣсти, возвратилъ православнымъ и диссидентамъ отнятыя у нихъ церкви и имущество; не притѣснялъ православныхъ; дѣлая все это, Радзивиллъ, какъ ему внушили, нисколько не нарушалъ бы правъ господствующей католической вѣры.

---

[1]) „Послѣдніе рѣчи поспол“... т. I, стр. 104.

[2]) Труд. К. Д. Акад. 1894 г. іюнь, 307 стр.

Дѣйствительно, князь Радзивиллъ возвратился. Онъ приложилъ свою руку къ актамъ составленной общей конфедераціи.

Въ Радомѣ, гдѣ было назначено мѣсто для общаго объединенія всѣхъ составившихся конфедерацій, въ присутствіи князя Радзивилла, подъ угрозами русскихъ войскъ, было принято предложеніе князя Репнина потребовать созыва чрезвычайнаго сейма для предоставленія диссидентамъ правъ и привиллегій, а также для принятія гарантіи русскаго двора на поддержаніе порядка въ Польшѣ [1]). Подъ давленіемъ же русскихъ войскъ была принята и предложенная Репнинымъ инструкція делегатамъ на сеймѣ о дорованіи правъ православнымъ [2]).

23 сентября 1767 года открылся и сеймъ. Было много криковъ и протестовъ. Но Репнинъ однихъ арестовалъ, другихъ усмирялъ, какъ малыхъ дѣтей, и въ результатѣ оказалось, что, согласно желанію императрицы, въ особо избранной делегаціи изъ 14 человѣкъ было рѣшено (большинствомъ голосовъ) даровать православнымъ и диссидентамъ права, равныя съ католиками, допустить ихъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства. Трактатъ обезпечивалъ православнымъ, а равно и протестантамъ свободу совѣсти, предоставлялъ имъ право строить церкви, школы, больницы, церковные дома, дозволялъ свободно напутствовать больныхъ, погребать умершихъ, совершать крестные ходы; православные освобождались отъ зависимости католическихъ ксендзовъ и отъ даней послѣднимъ; освобождались отъ обязательнаго присутствованія при католическихъ крестныхъ ходахъ. Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ имѣли право слѣдовать вѣрѣ своихъ родителей,—мальчики—вѣрѣ отцовъ,—дѣвочки—вѣрѣ матери. Для разбора дѣлъ между православными и католиками былъ образованъ смѣшанный судъ изъ 17 католиковъ и 8 протестантовъ и православныхъ. Затѣмъ, король обѣщалъ равноправность при раздачѣ должностей [3]). Главное же—Россія принимала на себя гарантію сохраненія въ силѣ постановленныхъ законовъ.

Этотъ трактатъ, безъ сомнѣнія, документъ очень высокой цѣны и значенія.

Здѣсь было выражено то, что для православныхъ было всего нужнѣе,—свобода исповѣданія, свобода отъ угнетенія и при-

---

[1]) Послѣдніе дни рѣчи Поспол... 110—111 стр.

[2]) Ibidem, стр. 114.

[3]) Volumina legum, т. VII, стр. 258—272. Ар. Ю. З. Р. ч. I, т. IV стр. 607.

пудительнаго присутствія при совершеніи инославнаго богослуженія и обрядовъ, свобода отъ ограниченій въ разныхъ другихъ правахъ (какъ устройство школъ), наконецъ, покровительство суда (смѣшанный судъ могъ быть именно такою гарантіею) и свобода отъ притѣсненій и насилій, особенно пановъ. Словомъ, трактатомъ 1768 года давалось православному населенію Польши именно то, на что имѣло оно полное право, какъ нація, наравнѣ съ поляками, вошедшая въ составъ польскаго королевства.

Дарованіе трактатомъ 1768 года свободы вѣроисповѣданія, конечно, не могло не отразиться на положеніи уніи. Послѣ сего многіе уніаты священники на Украинѣ стали возвращаться въ лоно православной Церкви, свергая съ себя унію, принятую подъ вліяніемъ насилій и гоненій.

Съ другой стороны, дарованіе правъ трактатомъ 1768 года не могло не возбудить дѣйствій противоположныхъ среди фанатичнаго католичества и уніи.

И, дѣйствительно, фанатичная шляхта никакъ не могла помириться съ дарованіемъ православнымъ льготъ въ отношеніи доступа къ службѣ; возбуждаемые іезуитами и другими латинскими патерами, поляки составили свою конфедерацію къ Барѣ и рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ заставить уважать свои якобы нарушенныя и попранныя права. Въ Барѣ поляки поклялись возстановить свои права, добиться отмѣны трактата 1768 года, особенно отвергнуть русскую гарантію и права, предоставленныя некатоликамъ.

Барская конфедерація послужила образцомъ для подобныхъ же конфедерацій въ другихъ мѣстахъ. Поднялась партизанская война: конфедераты нападали на русскія войска, которыя стали преслѣдовать поляковъ и усмирять ихъ. Тогда конфедераты направили свои силы противъ православныхъ жителей. Злоба противъ нихъ усиливалась и подогрѣвалась отъ сознанія, что они обратились къ заступничеству Екатерины, постоянно жаловались русской императрицѣ на свое положеніе и вынудили ее наложить руку на независимость Польши. На Украинѣ и въ другихъ мѣстахъ стали особенно учащаться гоненія и преслѣдованія православнаго населенія. Особеннымъ фанатизмомъ отличались уніатскіе священники оффиціалы. Они нападали на православные монастыри, селенія, изгоняли монаховъ и священниковъ, истязали ихъ, отнимали и разоряли монастыри, церковное и личное имущество православныхъ священниковъ, оставившихъ унію или не хотѣвшихъ принять ее, не щадили и чести монахинь, и жизни православныхъ.

Но усиливавшіяся гоненія переполняли чашу терпѣнія. Православное населеніе, хранившее память о Хмѣльницикомъ, твердо вѣрило, что не вѣчно будетъ продолжаться угнетеніе его поляками; оно всегда обращало свои взоры къ единовѣрной Россіи и отъ нея ждало помощи и защиты.

Теперь, когда чаша терпѣнія народнаго уже переполнялась, а злоба и фанатизмъ поляковъ еще больше усиливались,—заволновался православный малорусскій народъ и рѣшилъ отомстить полякамъ.

Началось страшное кровопролитіе на Украинѣ. Народъ поднялся на защиту своихъ правъ, своей личности, вѣры, націи, угнетенной поляками.

Во главѣ одной, наиболѣе значительной ватаги стоялъ казакъ запорожскій, Максимъ Залізнякъ. Вокругъ него сплотилось множество казаковъ, священниковъ, монаховъ; пановъ, жидовъ рѣзали, глумились надъ ними и ихъ вѣрой, какъ раньше тѣ же паны глумились надъ вѣрой православной. Въ Умани, гдѣ скопилось много поляковъ, произошла знаменитая Уманская рѣзня: здѣсь отличался полковникъ Гонта. Расправа за вѣковыя страданія была жестокая.

Много было здѣсь замучено, зарѣзано, заколото: ксендзамъ, монахамъ досталось особенно много; много было здѣсь и издѣвательствъ не только надъ лицами, но и надъ вѣрою католиковъ. Подобныя же гайдамацкія движенія были и въ другихъ мѣстахъ,—въ Грановѣ, Гайсинѣ, Монастырище, Босовкѣ, Ладыжинѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Успѣхъ гайдамацкаго движенія объясняется тѣмъ, что руководители его говорили народу, что у нихъ есть грамота самой русской царицы.

Но когда русскія войска, подъ начальствомъ генерала Кречетникова, стали преслѣдовать гайдамакъ и успѣли схватить Залізняка и Гонту, народъ увидѣлъ, что русская императрица не благословляетъ гайдамакъ, и смирился. Этимъ воспользовались поляки, чтобы устроить судъ и расправу надъ возмутившимся народомъ. Такой судъ производился въ м. Коднѣ, которая сдѣлалось съ тѣхъ поръ особенно памятной по ужасамъ пытокъ и казней народа русскаго.

Между тѣмъ конфедераты дѣйствовали по прежнему. Польскій же король оставался въ нерѣшительности: принимать ли мѣры противъ нихъ, или нѣтъ; онъ выжидалъ, кто побѣдитъ,—русскія ли войска или конфедераты, чтобы стать на сторону побѣдителей.

Въ то же время произошла и смѣна русскаго посла: вмѣсто Репнина былъ назначенъ князь Волконскій, человѣкъ умный, но мягкій и кроткій. Этимъ воспользовались поляки, чтобы отправить въ Петербургъ требованіе объ отмѣнѣ трактата 1768 г. Россія, по словамъ Волконскаго, не прочь была смягчить отчасти трактатъ, но подъ условіемъ, чтобы отъ лица самихъ диссидентовъ были поданы такія заявленія; конечно, едва-ли это было допустимо.

Во всякомъ случаѣ требованіе польскаго королевскаго правительства, а также тайныя сношенія и заискиванія его у другихъ дворовъ произвели непріятное впечатлѣніе и вынуждали Россію напомнить королю, кѣмъ онъ былъ поставленъ.

По требованію русскаго двора, Волконскій сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ сталъ требовать отъ короля удалить нѣкоторыхъ совѣтниковъ; затѣмъ, онъ поддерживалъ реконфедераціи, составленныя виленскимъ епископомъ.

Впрочемъ, Волконскій скоро былъ смѣненъ Сальдерномъ, который повелъ дѣло энергичнѣе: онъ объявилъ, что всѣ конфедераты—разбойники и что всѣхъ схваченныхъ онъ будетъ вѣшать. Русскимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ Суворовъ. Въ 1772 году наступилъ и 1-й раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи отошла вся Бѣлоруссія. Вслѣдъ затѣмъ начался сеймъ, окончившійся лишь въ мартѣ 1775 года. На этомъ сеймѣ сдѣланы были уступки общественному мнѣнію польской шляхты по вопросу о диссидентахъ; въ особомъ приложеніи къ трактату было сказано, что православные исключаются изъ состава Сената и министерствъ; что права дворянства, равныя съ католиками, не распространяются на вновь принимающихъ (послѣ заключенія трактата) православіе; что упраздняется смѣшанный судъ, а дѣла, подлежащія его вѣдѣнію, передаются вѣдѣнію, ассессорскаго королевскаго суда; что въ числѣ членовъ сейма можетъ быть не больше 3 депутатовъ некатоликовъ. Таковы ограниченія соціальнаго положенія православныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сдѣланъ шагъ назадъ и въ отношеніи религіозноправовомъ: воспрещены публичныя похороны и употребленіе колоколовъ [1]).

Такъ опять было отнято у православныхъ то, что даровано имъ было въ 1768 году. Отселѣ судьба православныхъ становилась по прежнему тяжелой и печальной; отселѣ православные

---

[1]) Uoulm legum, т. VIII стр. 47—49.

снова становились въ зависимость по дѣламъ вѣры отъ католиковъ. Положеніе было тѣмъ печальнѣе, что, съ отходомъ Бѣлоруссіи къ Россіи, православные лишались и живщаго среди нихъ православнаго епископа (Георгія Конисскаго).—Очевидно, еще не настало время для освобожденія отъ ига католической шляхты, отъ ига уніи; очевидно, еще нужны были искупительныя жертвы православнаго русскаго населенія, чтобы выйти ему съ чистою вѣрою, съ твердою любовію къ православной Церкви и къ единовѣрной Россіи. Только послѣ окончательнаго паденія Польши, что случилось въ концѣ парствованія Екатерины, „отторгнутые насиліемъ возсоединены были“ съ Россіей и освобождены отъ ига уніи и католичества, отъ своеволія и насилія поляковъ. Екатеринѣ II-й принадлежитъ честь не только перваго почина въ облегченіи участи православныхъ (на сеймѣ 1768 г.), но и вообще—честь осуществленія великой исторической задачи—защиты православныхъ отъ угнетеній въ Польшѣ.

XI.

Мы представили сейчасъ краткій обзоръ положенія православно-русскаго населенія въ Польшѣ до 1-го раздѣла Польши.

Для восполненія обзора и для иллюстраціи изображеннаго положенія приведемъ вкратцѣ указаніе на судьбы главнѣйшихъ православныхъ монастырей—Виленскаго и Слуцкаго въ это же время.

Начнемъ съ послѣдняго монастыря. Слуцкій монастырь былъ во владѣніяхъ князей Радзивилловъ, которые считались колляторами слуцкихъ монастырей и церквей и оказывали большое вліяніе на дѣла православнаго народа въ Слуцкой архимандріи. Одинъ изъ Радзивилловъ, Карлъ, былъ тотъ самый, который явился противникомъ Станислава Понятовскаго при избраніи его въ короли и вынужденъ былъ спасаться въ Венгрію. Карлъ Радзивиллъ принадлежалъ къ той части польскаго шляхетства, главными чертами которой были: пьянство, разгулъ и въ то же время любовь къ скандаламъ, которые такъ часты были на сеймахъ и сеймикахъ польской шляхты. Почти всегда пьяный, расточительный до безпредѣльности, онъ кормилъ и поилъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго изъ шляхетскаго званія, а въ случаѣ, когда кто нибудь не потакалъ его пьяному капризу, тотчасъ выпускалъ тигровыя когти [1]). Въ отношеніи своихъ колляторскихъ

[1]) „Послѣдніе дни Рѣчи посполит.“, т. I, стр. 851.

правъ онъ былъ слишкомъ ревнивъ и своеволенъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось сталкиваться съ Кіевскимъ митрополитомъ. Такъ, когда архимандритъ слуцкій, Досиѳей Галяховскій обратился къ нему за покровительствомъ, онъ всецѣло принялъ его сторону и не хотѣлъ знать никакихъ резоновъ, никакихъ другихъ основаній для рѣшенія вопроса о Галяховскомъ. Даже указанія митрополита Арсенія, что Галяховскій заслуживаетъ порицанія, не убѣдили Радзивилла: онъ, какъ родовитый шляхтичъ, конечно, считалъ для себя оскорбительнымъ слушать кого либо, хотя бы то былъ и Кіевскій митрополитъ.

Онъ не принималъ во вниманіе правоту или виновность тѣхъ или другихъ лицъ: онъ руководился личными симпатіями и сочувствіями къ тѣмъ, которые обращались къ нему и искали у него защиты. Принявъ опредѣленное рѣшеніе въ отношеніи къ какому либо лицу, онъ не хотѣлъ ни за что уступить, чтобы не потерять, повидимому, своего достоинства. А между тѣмъ часто его обѣщанія такъ и оставались лишь на словахъ и мало приносили пользы православнымъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ положеніе православныхъ въ Слуцкой архимандріи было особенно тяжелымъ.

Прежде всего на судьбѣ православнаго слуцкаго духовенства отразилось самое участіе Радзивилла въ оппозиціи противъ Понятовскаго. Какъ извѣстно, Радзивиллъ вынужденъ былъ спасаться. Тогда православное духовенство было предоставлено произволу управляющихъ князя.

Послѣ бѣгства Радзивилла надъ его имѣніями была назначена опека; всѣмъ обиженнымъ княземъ было велѣно приносить свои жалобы въ конфедерацкіе суды. Тогда слуцкій архимандритъ, Павелъ Волчанскій, рѣшилъ возбудить дѣло о возвратѣ нѣкоторымъ церквамъ денегъ, причитавшихся съ княжеской казны. Это были: деньги, взятыя взаймы княгиней Людовикой Каролиной, деньги, данныя на процентъ на Слуцкую синагогу, и, наконецъ деньги за воскъ, который должны были получать,—но не получали,—церкви слуцкія Преображенская, Успенская и Косьмо-Демьяновская [1]).

Судъ, бывшій въ Брестѣ (1764 года), присудилъ отдать слуцкому монастырю и церквамъ 12,000 злотыхъ, взятыхъ Каролин-

---

[1]) Преображенской церкви полагалось 1 пудъ, Успенской—3 пуда и Косьмо-Демьяновской—1½ пуда ежегодно.

ной, 7000—данныхъ на синагогу, 2220 злотыхъ—для Слуцкой Преображенской, 6660 злотыхъ для Успенской и 3330 злотыхъ для Косьмо-Демьяновской церкви, и другихъ суммъ, всего свыше 50000 злотыхъ.

Но опекуны и надзиратели Радзивилловскихъ имѣній, нафанатизированные латинскими патерами, не выплатили суммы, присужденной въ конфедерацкихъ судахъ; они также не возвратили и отнятыхъ и присужденныхъ къ возврату монастырскихъ грунтовъ, лѣсовъ, озеръ, селъ, деревень и сѣнокосовъ; лишь въ теченіе одного года выдали провизію Слуцкому монастырю [1]).

Тогда Волчанскому пришлось обратиться къ князю Репнину и къ другимъ сильнымъ міра, чтобы получить присужденную плату. Присужденная сумма была уплачена сполна лишь въ 1766 г. [2]) въ чемъ и выдана росписка.

Когда Радзивиллу была дарована амнистія и когда стали ожидать его возвращенія въ Несвижъ, возникала опасность, какъ бы Радзивиллъ не сталъ мстить православнымъ монастырямъ и особенно Слуцкому архимандриту за его настойчивость въ возвращеніи долга. Предусмотрительный Волчанскій обратился къ Репнину и просилъ его ходатайства и поддержки, чтобы монастыри не были обижены Радзивилломъ, чтобы послѣдній не лишилъ монастыри и церкви ихъ фундушей. Просьба Волчанскаго, поддержанная ходатайствомъ митрополита Арсенія (о чемъ особенно просилъ митрополита Павелъ Волчанскій), была уважена Репнинымъ. По возвращеніи Радзивилла, Волчанскій лично представился ему и представилъ письмо митрополита Арсенія, съ ходатайствомъ о покровительствѣ. Радзивиллъ принялъ Волчанскаго ласково и обѣщалъ оказывать всякую справедливость.

Но спустя всего мѣсяцъ по возвращеніи въ Несвижъ, Радзивиллъ далъ приказъ слуцкому архимандриту представить въ виленскіе конфедерацкіе суды всѣ крѣпости слуцкихъ монастырей, а также декретъ конфедерацкаго суда 1764 г. [3]).

По полученіи „позва“ въ судъ, Волчанскій представилъ

---

[1]) При выдачѣ денегъ, на выправку декрета было израсходовано 8160 злот и осталось всего 48.258 злот. затѣмъ, при „редакціи“ 1766 г., оказалось убытку свыше $9^1/_2$ тысячъ, осталось 38600 злотыхъ. Изъ этой суммы Павелъ Волчанскій израсходовалъ на поѣздки въ Варшаву, Брестъ, Гродно, Вильно, Минскъ —1764—1770 до 12 тысячъ злотыхъ („Памятники“ т. I, стр. 1584—1588. Ср. К К. 1769 дѣл. № 328).

[2]) Ар. К. Кон. 1768 г. д. № 241.

[3]) Ibidem,

Радзивиллу обстоятельную записку о положеніи православныхъ монастырей и просилъ освободить его отъ явки въ судъ. Радзивиллъ, прочитавъ донесеніе, и, вѣроятно, по ходатайству Репнина, написалъ своему пленипотенту въ Вильно, чтобы дѣло съ слуцкими монастырями въ конфедерацкихъ судахъ было пріостановлено до времени [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбѣ Волчанскаго, Радзивиллъ велѣлъ своему управляющему въ слуцкомъ княжествѣ выдавать слуцкимъ церквамъ ругу, издавна опредѣленную для нихъ его предками, а именно: Слуцкой каѳедральной соборной церкви по 16 бочекъ ржи, по 12 камней прѣснаго меду и 20 злотыхъ деньгами, въ Никольскую церковь по 1 камню меду, Слуцкому греко-русскому женскому монастырю по 2 бочки ржи [2]). Онъ же позволилъ православному слуцкому духовенству брать изъ слуцкихъ лѣсовъ на свои нужды валежникъ, а причту Слуцкой Никольской церкви далъ въ пользованіе д. Поповцы [3]). Было приказано также, чтобы была выдана вся недоимка въ ругѣ за предыдущіе годы.

Затѣмъ, Радзивиллъ обѣщалъ вступить въ полюбовную сдѣлку съ слуцкимъ архимандритомъ по всѣмъ дѣламъ и оказать справедливое удовлетвореніе въ монастырскихъ нуждахъ.

Волчанскій отправился въ сентябрѣ въ Варшаву и представилъ Радзивиллу записку о всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ. Объ этомъ же Волчанскій сообщилъ и князю Репнину, который назначилъ, съ своей стороны, полковника Каря депутатомъ по дѣлу Радзивилла съ слуцкимъ архимандритомъ. Василій Каря почти ежедневно являлся къ Радзивиллу и добился того, что Радзивиллъ согласился созвать комиссію для разбора дѣла съ Слуцкимъ монастыремъ. Въ эту комиссію со стороны Радзивилла былъ назначенъ полковникъ Фричинскій и секретарь Бернатовичъ; со стороны православныхъ представителемъ и защитникомъ ихъ интересовъ былъ самъ архимандритъ Павелъ Волчанскій; полковникъ же Каря также засѣдалъ въ комиссіи, въ роли прокурора, наблюдающаго за правильностію судебнаго производства.

Комиссары обстоятельно разсмотрѣли все дѣло, провѣрили всѣ крѣпости монастырскія и нашли владѣнія Слуцкой архимандріи безспорными. Тогда Радзивиллъ долженъ былъ подтвердить всѣ монастырскія крѣпости и удовлетворить просьбу слуцкаго

---

[1]) Ар. К. Кон. 1768 г., д. № 241

[2]) Ак. В. Ар. Ком. т. XII, 226—227.

[3]) Ibidem, стр. 229—230.

архимандрита. Онъ даже велѣлъ разсмотрѣть дѣло о спорныхъ земляхъ Слуцкой архимандріи и Слуцкаго женскаго монастыря.

Послѣ разсмотрѣнія слуцкій староста рѣшилъ возвратить архимандріи спорныя земли, отнятыя у нея и присоединенныя къ Бажантарнѣ, цѣликомъ, такъ какъ онѣ не были замѣнены другими землями.

Но не долго слуцкіе монастыри и духовенство оставались въ покоѣ. Во 1-хъ, приказчики Радзивилла стали изгонять священниковъ и давать презенты по своему усмотрѣнію. Такъ, княжескій приказчикъ Гурскій изгналъ священника Никольско-Урвязской церкви Емельяна, при чемъ въ церкви произвелъ шумъ, крикъ; на мѣсто же изгнаннаго опредѣлилъ отрѣшеннаго митрополитомъ отъ прихода священника Андрея Плишевскаго [1]).

Во 2-хъ, арендаторы жиды продолжали всякія насилія надъ священниками; безцеремонно осматривали ихъ, шарили по карманамъ даже въ такихъ случаяхъ, когда священники возвращались со св. Дарами отъ напутствованныхъ больныхъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, бывшіе опекуны и приказчики имѣній Радзивилла прислали новый „позовъ“ въ судъ комиссіи, которая имѣла быть, по опредѣленію экстраординарнаго сейма, въ Вильно въ 1768 г.

Ѣхать въ судъ—значило нести новые расходы за правое дѣло, при чемъ нельзя было поручиться, что и послѣ этого не позовутъ на судъ, ибо, при тогдашнемъ состояніи польскаго судопроизводства, при упадкѣ польскихъ судовъ и правосудія, рѣшенія судовъ нельзя было считать окончательными, а тѣмъ болѣе обязательными, особенно если дѣло касалось православныхъ: поляки, сильнѣйшая сторона, не хотѣли знать справедливыхъ рѣшеній суда въ пользу православныхъ. Не ѣхать въ судъ также нельзя было, такъ какъ заочное рѣшеніе скорѣе всего было бы не въ пользу православныхъ; по рѣшенію суда, приверженцы князя Радзивилла могли сдѣлать „заѣздъ“ на монастырь.

Въ виду этого Павелъ Волчанскій отправилъ своего намѣстника къ Радзивиллу, съ прошеніемъ освободить монастырь отъ явки въ судъ и избавить отъ лишнихъ издержекъ, такъ какъ дѣло было раньше рѣшено, при чемъ монастырь давалъ уже объясненія самому князю. Но князь не далъ никакого отвѣта.

Тогда Волчанскій лично отправился въ Несвижъ и просилъ у Радзивилла резолюціи на свое прошеніе. Князь выслушалъ

---

[1]) Ар. К. К. дон. Павла Волчанскаго 1768 г., № 24.

Волчанскаго и обѣщалъ дать справедливую резолюцію. Было ли это искренно, трудно сказать. Когда же Волчанскій обратился за письменной резолюціей къ секретарю княжескому Бернатовичу, то послѣдній отвѣтилъ: „nicz tego nie będzie“ и отказалъ въ выдачѣ резолюціи. Присутствовавшій же здѣсь пленипотентъ князя, Езерскій сказалъ, что если бы даже Радзивиллъ и велѣлъ дѣлать что либо доброе для архимандрита, то онъ самъ (Езерскій) не позволитъ. 23 апрѣля 1768 г. Радзивиллъ выѣхалъ въ Варшаву, и Волчанскій поэтому возвратился домой ни съ чѣмъ. Оставалось искать покровительства и защиты у русскаго посланника, который предъ симъ не разъ оказывалъ вліяніе на Радзивилла и располагалъ его въ пользу православныхъ.

Такъ и сдѣлалъ Волчанскій. Обратившись къ Репнину, онъ представилъ ему „меморіалъ“, или кратчайшую выписку изъ дѣлъ 1764—1768 г., съ указаніемъ обидъ и притѣсненій отъ Радзивилловскихъ приставниковъ, и просилъ ходатайства предъ Радзивилломъ, чтобы Слуцкая архимандрія съ своимъ духовенствомъ оставалась при своихъ фундушахъ. Слуцкое духовенство въ представленной Радзивиллу запискѣ просило о сохраненіи „фундушей“, о возвращеніи грунтовъ и др. угодій, освобожденія духовенства отъ повинностей съ церковныхъ земель, о защитѣ Грозовскаго монастыря отъ Незабытовскаго, о канунномъ медѣ, о воспрещеніи взимать 2-е подымное съ приходскаго духовенства, о воспрещеніи жидамъ осматривать духовенство, о неподсудности свѣтскому суду. Зная по опыту, какъ мало значатъ и декреты конфедерацкихъ судовъ и личныя обѣщанія Радзивилла, и какъ, наоборотъ, много имѣетъ значенія произволъ самого владѣтельнаго князя и его управителей, Волчанскій напрягалъ всѣ усилія съ своей стороны, чтобы получить подтвержденіе фундушей на монастырскія и церковныя имѣнія.

Для этого очень важно было получить отъ князя разрѣшеніе на доступъ къ Бѣльскому Радзивилловскому архиву, въ которомъ хранились со времени шведскаго нашествія документы, взятые управляющими для сохраненія ихъ въ цѣлости.

Безъ особаго ходатайства трудно было получить такое разрѣшеніе. Поэтому Волчанскій и просилъ Репнина, а также митрополита Арсенія ходатайствовать предъ Радзивилломъ за Слуцкую архимандрію. Митрополитъ Арсеній, дѣйствительно, просилъ Радзивилла, чтобы онъ разъ навсегда запретилъ своимъ пленипотентамъ притѣснять благочестивое духовенство на Слуцчизнѣ и чинить посягательство на отторженіе монастырскихъ и

церковныхъ фундушей [1]). Съ своей стороны и Репнинъ представлялъ Радзивиллу о нуждахъ и бѣдствіяхъ Слуцкой архимандріи.

Какъ мы уже упоминали выше, разрѣшенію диссидентскаго вопроса въ 1768 г. много содѣйствовали русскія войска и угроза князя Репнина. Подъ давленіемъ этой грозной силы, Радзивиллъ положилъ релолюцію на запискѣ (или „меморіалѣ“) слуцкаго духовенства. Онъ обѣщалъ возстановить силу первоначальныхъ фундушовыхъ записей (п. 1,), разрѣшилъ пользоваться Бѣльскимъ архивомъ для снятія необходимыхъ копій съ фундушовыхъ записей или для полученія подлинныхъ фундушей (п. 23), обѣщалъ составить особую комиссію для разрѣшенія разныхъ спорныхъ вопросовъ касательно монастырскихъ и церковныхъ владѣній (п. 18, 22, 25), разрѣшилъ пользованіе рыбными ловлями въ озерахъ Жидѣ, Вечерѣ (п. 17, 8), мельницами, входомъ въ лѣсную пущу, разрѣшилъ безпошлинное вареніе кануннаго меда (п. 16), винокуреніе для личной пользы (п. 5) и предоставилъ разныя другія выгоды, а многое обѣщалъ разсмотрѣть и исполнить [2]).

IX.

Виленскій монастырь Св. Духа занималъ такое же видное положеніе въ Литвѣ, какъ Слуцкій въ Бѣлоруссіи. Онъ пользовался правомъ ставропигіи и завѣдывалъ многими другими монастырями. Виленскій старшій считался по рангу ниже слуцкаго архимандрита и при встрѣчѣ съ послѣднимъ долженъ былъ оказывать ему почтеніе [3]).

Служеніе въ Виленскомъ монастырѣ въ качествѣ старшаго было не менѣе тяжелымъ, чѣмъ служеніе слуцкаго архимандрита. Скудость монастырской казны, неурядицы внутри монастыря, борьба съ виленскимъ братствомъ, имѣвшимъ большія притязанія, насилія со стороны іезуитовъ, уніатовъ дѣлали особенно затруднительнымъ служеніе виленскихъ старшихъ. Многіе отказывались отъ этой чести „виленскаго старшаго“ (напр. Сильвестръ Добрыня) [4]) и не хотѣли ѣхать сюда или, прослуживъ 1—2 года, просили отставки.

---

1) Труд. К. Д. Акад. 1894 г., іюнь стр. 301.
2) Ак. В. Ар. Ком. XII, стр. 258—259.
3) „Памятники проф. Титов., I, 865
4) „Матеріалы“ проф. Голубева № 1 стр. 73.

Оттого то здѣсь часты были смѣны старшихъ [1]). Митрополиты Кіевскіе понимали эту трудность и обыкновенно назначали старшихъ, съ обѣщаніемъ, по истеченіи 3-хъ лѣтъ, дать гдѣ либо въ епархіи архимандрію.

Въ половинѣ XVIII вѣка Виленскій Свят.-Духовскій монастырь постигло великое бѣдствіе: въ 1749 году сгорѣлъ весь монастырь съ главной церковью, съ кельями и со всѣми службами, сгорѣло и все монастырское имущество [2]). Наступило критическое положеніе: въ монастырской казнѣ денегъ не было, собрать милостыннаго подаянія было трудно въ такой суммѣ, какая была необходима. А враги православія съ злорадствомъ смотрѣли, что монастырь не можетъ возстановить монастырскія зданія, и... предлагали свои услуги взять монастырь и починить на свой счетъ съ тѣмъ, конечно, чтобы онъ навсегда остался въ ихъ рукахъ. Къ счастью, императрица Елизавета Петровна пожертвовала (19 янв. 1752 г.) 6000 руб. на возобновленіе монастыря. Сильвестръ Добрыня сдѣлалъ необходимый ремонтъ, но далеко не все было приведено въ порядокъ. Когда прибылъ новый старшій, Ѳеофанъ Леонтовичъ, онъ узналъ о происках поляковъ, ихъ замыслахъ захватить монастырь, и сразу же далъ понять Виленскому епископу, что онъ не отдастъ монастыря. Когда, при первомъ представленіи Виленскому бископу, Леонтовичъ былъ спрошенъ, есть ли у монастыря деньги на возобновленіе монастырской церкви и школъ, то онъ отвѣтилъ, что у него денегъ хватитъ на возобновленіе не только монастырской церкви, но и другихъ [3]).

Затѣмъ, Леонтовичъ рѣшилъ дѣйствовать, ни въ чемъ не уступая католикамъ. Въ монастырской казнѣ ко времени прибытія было всего около 80 червонцевъ. Субсидіи изъ государственной казны по высочайшей грамотѣ не выдавали съ 1754 г. (было назначено по 100 р.) [4]). За полученіемъ ея нужно было ѣздить въ Москву, да и то лишь чрезъ 2 года. Для возобновленія церкви и школъ онъ, по совѣту съ братіей, продалъ разныя золотыя и серебряныя вещи и драгоцѣнные камни и кораллы, бывшіе въ монастырской ризницѣ, выручилъ за это 655 талярей,

---

[1]) Напр. Ѳеофанъ Леонтовичъ былъ 1755—1757 г., Авраамій Флоринскій 1757—1760 г., Сиѳъ Гамалѣя 1760—1764 г., Азарія 1764—1767 г.

[2]) „Матеріалы" проф. С. Т. Голубева, стр. 10—11, № VII.

[3]) Ibidem, стр. 68.

[4]) Ibidem, 121,

и 25 августа 1756 года уже освятилъ церковь [1]). Не были забыты и подчиненные монастыри, куда Леонтовичъ передалъ кое что изъ ризницы и церковной утвари [2]). Богослуженіе и въ Виленскомъ и въ подчиненныхъ монастыряхъ совершалось безъ остановокъ [3]). Разными операціями съ хлѣбомъ Леонтовичъ сумѣлъ прокормить братію, снабдить ее одеждою, произвести починку школъ, хотя эти операціи и привели монастырь къ долгамъ.

Латинское духовенство, конечно, не оставляло своихъ замысловъ захватить монастырь. Въ первые же дни, по пріѣздѣ Леонтовича, нѣсколько римскихъ ксендзовъ ворвались въ новопочиненную церковь Виленскаго монастыря, привѣсили къ стѣнѣ свой образъ, зажгли свѣчи и стали служить свою лекту.

Леонтовичъ, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же прибѣжалъ съ слугами въ церковь, велѣлъ вытолкать доминиканцевъ, забить всѣ церковныя двери, запереть монастырскія ворота и приставить стражу [4]). Поступивъ такъ рѣшительно, Леонтовичъ на этомъ не остановился: не даромъ онъ говорилъ епископу Виленскому: „я не стану по примѣру моихъ антецессоровъ въ неправедныхъ польскихъ судахъ напрасною и всеубыточною волокитою крайне убогихъ своихъ монастырей разорять, а ни генеральныхъ согласныхъ сеймовъ т. е. конца безъ конца дожидаться“.

Въ ближайшее вербное воскресеніе онъ съ 2-мя іеромонахами и іеродіакономъ совершилъ крестный ходъ изъ монастыря къ Воскресенской приходской церкви.

Эта церковь по древнимъ правамъ и привилеіямъ принадлежала православнымъ, но пришла въ ветхость и сдѣлалась предметомъ поползновеній (ad majorem gloriam) католиковъ и уніатовъ, которые стали мѣшать возобновлять ее. Пустой она стояла до 1757 года и дошла до того, что даже упалъ куполъ. Уніатскій митрополитъ, Флоріанъ Гребницкій, уже велѣлъ архимандриту приступить къ исправленію церкви.—Леонтовичъ и рѣшилъ совершить крестный ходъ къ этой церкви, чтобы показать, что это церковь православныхъ.

Эффектъ процессіи былъ чрезвычайный: по пути къ крестному ходу пристало много народа, даже изъ уніатовъ; народъ шелъ съ вербами въ рукахъ. По прибытіи къ церкви, торжественно была освящена верба [5]).

---

[1]) Ibidem, стр. 70.
[2]) Ibidem, 85—87.
[3]) Ibidem, 174.
[4]) Ibidem, стр. 118.
[5]) Ibidem, 226, 228—229.

Безъ сомнѣнія, такія рѣшительныя дѣйствія виленскаго старшаго латинскія власти считали вызовомъ, нарушеніемъ правъ господствующей римско-католической вѣры. Леонтовичъ для латино-уніатскихъ властей былъ человѣкъ очень опасный; его нужно было какъ нибудь выжить изъ Вильно.

Тутъ подвернулся еще одинъ случай. Когда нѣкій Доманскій, взявшій на откупъ въ аренду каменныя лавки монастыря, пересталъ платить арендныя деньги, Леонтовичъ просто велѣлъ своимъ монастырскимъ служителямъ положить Доманскаго и дать ему 100 плетей, потомъ, запечаталъ лавки монастырскими печатями и приставилъ стражу. Доманскій, дѣйствительно вынужденъ былъ уплатить долгъ. Такой поступокъ, конечно, былъ возможенъ при условіи сознанія не только своей правоты, но и сильной поддержки (въ русскомъ войскѣ) [1].

Старанія католиковъ удалить Леонтовича изъ Вильно направились къ тому, чтобы оклеветать его предъ русскими властями. Это былъ обычный способъ у католиковъ вредить православнымъ. Римско-католическая партія нашла себѣ поддержку въ секретарѣ посольства Ржичевскомъ,—заядломъ полякѣ и искусномъ дипломатѣ.

Виленскій епископъ просилъ его сдѣлать русскому двору представленіе о необходимости смѣнить Леонтовича.

Дѣйствительно, 10 сентября 1757 г. Леонтовичъ былъ устраненъ отъ должности старшаго и вызванъ въ Петербургъ для объясненія, по обвиненіемъ на него со стороны католическаго епископа, а также и по другимъ дѣламъ [2]. На его мѣсто былъ назначенъ (5 ноября 1757 г.) Авраамій Флоринскій. Но Леонтовичъ не хотѣлъ оставить старшинства. Не сдавъ монастырскаго имущества, а еще захвативъ ключи, документы и грамоты монастыря, Леонтовичъ уѣхалъ сперва въ Варшаву, и лишь въ августѣ 1758 года прибылъ въ Петербургъ, чтобы 1) оправдать образъ своихъ дѣйствій и 2) указать на необходимость поддержки и

---

[1]) Виленскій бископъ говорилъ, что Лентовичъ былъ отважнымъ, въ надеждѣ на русское войско; и самъ Лентовичъ не отрицалъ, что онъ совѣтовался съ русскимъ генераломъ Даревскимъ и получилъ совѣтъ поступить „съ шельмою“ какъ онъ заслужилъ, и обѣщалъ содѣйствовать (Пр. Голубевъ, 236).

[2]) Между прочимъ Леонтовичъ устранилъ отъ должности игумена Минскаго монастыря, Ѳеофана Яворскаго за его нерадѣніе о Соломерецкомъ монастырѣ и его расточительную жизнь въ Минскомъ монастырѣ, выселилъ монахинь и игуменію Минскаго монастыря и отнялъ у Минскаго монастыря деревню Жабовщизну; Яворскаго же велѣлъ своимъ слугамъ захватить въ монастырѣ и привезти въ Вильно (Пр. Голубевъ, „Матеріал.“, 125).

помощи со стороны русскихъ властей виленскому братству и всему православному населенію [1]).

Новому старшему, Флоринскому, пришлось вступать въ управленіе монастырями при крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ. Въ Виленскомъ монастырѣ экономы Огинскаго забирали изъ монастыря скошенную траву и сжатый хлѣбъ; владѣлецъ Незабытовскій грозилъ отдать Грозовскій монастырь іезуитамъ; кредиторы Виленскаго и Грозовскаго монастыря требовали уплаты денегъ, въ противномъ случаѣ грозили отнять все монастырское имущество [2]). При томъ монастырская казна была заперта, а монастырь не сданъ по описи. Флоринскій написалъ жалобу въ Синодъ. Св. Синодъ, по настоянію Петербургскаго архіепископа Сильвестра (Кулябки), рѣшилъ отправить Леонтовича подъ стражу за самовольную отлучку изъ епархіи и отослать его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Коллегія, получивъ отъ Леонтовича записку о притѣсненіяхъ православныхъ въ Польшѣ, медлила рѣшеніемъ о немъ дѣла. Когда же былъ полученъ указъ Синода, у Леонтовича были отняты ключи и документы и отосланы въ Кіевъ; Леонтовичъ также былъ отправленъ въ Кіевъ на судъ митрополита Арсенія. Послѣднему были пересланы и жалобы Флоринскаго на Леонтовича.

Когда Леонтовичъ прибылъ въ Кіевъ, онъ занялся составленіемъ записки о защитѣ православныхъ монастырей въ Польшѣ, и въ іюнѣ 1759 г. преподнесъ ее митрополиту Арсенію. Послѣдній прочиталъ записку и остался недоволенъ, такъ какъ нашелъ, что она составлена 1) слишкомъ кратко 2) рѣзко, „неполитично“ и 3)—рекомендуетъ неумѣренныя средства.

Леонтовичъ о своей запискѣ былъ совсѣмъ особаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе онъ сталъ просить себѣ помощниковъ и денежнаго пособія (до 300 р.) для составленія болѣе обширной записки.

М. Арсеній представилъ и Синоду свой отзывъ въ томъ смыслѣ, что составленная записка написана „въ сильныхъ терминахъ“ и заключаетъ въ себѣ поношенія и порицанія синодальныхъ членовъ, особенно—архіепископа Сильвестра и секретаря русскаго посольства въ Варшавѣ. Леонтовичу грозило великое наказаніе. Къ счастью для него, архіепископъ Сильвестръ умеръ, а затѣмъ, 22 сентября 1762 г., изданъ былъ милостивый манифестъ. Потому Леонтовичу была прощена вина, и только ему

---

1) Ibidem, 175.

2) Ibibem, 127—128 стр.

было велѣно впредь не допускать ничего дерзкаго [1]). Дѣло Леонтовича кончилось, а начиналась дѣло Флоринскаго.

Флоринскому было отпущено, по его ходатайству, денежное пособіе на уплату долга Мицевичу: для этого Синодъ разрѣшилъ Флоринскому получить авансомъ за 10 лѣтъ (съ 1759 по 1769 г.) деньги, выдававшіяся ежегодно изъ государственной казны по 100 руб. [2]). Но Флоринскій, получивъ деньги, не отдалъ долга Мицевичу: послѣдній требовалъ возвращенія долга не русскою, а польскою монетою, а, кромѣ того, прибавилъ еще требованіе уплаты процентовъ на деньги, полученныя въ долгъ. Полученная тысяча рублей была истрачена Флоринскимъ на покрытіе новой крышей сгорѣвшихъ келлій, на уплату долговъ мелкимъ кредиторамъ.

Кромѣ этихъ, были истрачены Флоринскимъ и другія суммы, напр., вырученныя отъ продажи монастырскаго добра. Въ виду настойчивыхъ требованій Мицевича, Флоринскій обратился съ ходатайствомъ о пособіи сначала къ митрополиту Арсенію, а когда не получилъ отвѣта (что произошло отъ задержки при переходѣ русской границы), то снова сталъ просить денегъ у Синода, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшенія на сборъ подаяній для Кронскаго и Минскаго монастырей, также обезпеченія содержанія морастырской братіи—жалованьемъ и снабженія монастырей ризничными и церковными вещами и богослужебными книгами. Указавъ на недостатокъ способныхъ, учительныхъ монаховъ, Флоринскій просилъ у Синода ходатайствовать объ открытіи въ Вильно гимназіи для образованія духовенства. Въ своемъ донесеніи Синоду Флоринскій указывалъ также на безотрадное положеніе монастырей съ матеріальной стороны и представлялъ о необходимости назначить ревизію, чтобы опредѣлить, какъ быть въ дальнѣйшее время.

Синодъ уважилъ просьбу Флоринскаго, и снова выдалъ 100 руб.+400 руб. на уплату Мицевичу долга вмѣстѣ съ процентами; также разрѣшилъ сборъ милостыни; снабженіе же мона-

---

[1]) Дальнѣйшая судьба этого человѣка такова 28 апрѣля 1763 г., Екатерина II велѣла комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ разсмотрѣть дѣло по челобитной Леонтовича съ жалобой на членовъ Синода. Дѣло было разсмотрѣно, и Леонтовичъ былъ сосланъ за безпокойный характеръ въ Тобольскую губернію, въ Далматовскій монастырь; въ 1766 г. онъ переведенъ въ Туруханскій монастырь; въ 1780 г., по доброму отзыву Тобольскаго епископа Варлаама, былъ снова переведенъ въ 1-й монастырь, при чемъ въ 1783 г. ему было дозволено и священнослуженіе (А. С. С. д. 1764 г., № 213, л. 5 и 74.)

[2]) А. С. С. д, 1756 г., № 279.

стырей разными церковными вещами и книгами, а также разсмотрѣніе вопроса объ открытіи гимназіи, объ освидѣтельствованіи заграничныхъ монастырей предоставилъ митрополиту Арсенію [1].

Митрополитъ Арсеній, съ своей стороны, оказалъ помощь Виленскимъ монастырямъ: высланы были богослужебныя книги, облаченія, антиминсы. Для пополненія монашествующей братіи митрополитъ распорядился избрать честныхъ и добрыхъ монаховъ изъ Златоверхо-Михайловскаго, Пустынно-Николаевскаго, Братскаго, Густынскаго, Полтавскаго, Гамалѣевскаго и другихъ многолюдныхъ монастырей [2]). Впрочемъ, изъ высланныхъ въ каѳедру монаховъ Густынскаго и Лубенскаго монастырей ни одинъ не былъ признанъ достойнымъ и надежнымъ, и они были возвращены обратно. Достойныхъ было найдено лишь 2 монаха изъ Братскаго и Пустынно-Николаевскаго монастырей: къ нимъ было присоединено 7 монаховъ изъ каѳедральнаго монастыря, и, затѣмъ, они были отправлены въ Вильно въ октябрѣ 1760 г. Такимъ образомъ, главнѣйшія нужды были удовлетворены.

Что касается вопроса объ открытіи гимназіи, то митрополитъ Арсеній отнесся къ этому дѣлу отрицательно. Въ своемъ донесеніи Св. Синоду онъ представлялъ, что 1) онъ не знаетъ, есть ли въ Виленскомъ монастырѣ грамота на содержаніе училища, 2) что устройству школы будутъ противодѣйствовать латиняне; 3) въ виду числа скудости православныхъ въ заграничныхъ областяхъ —сомнительно, чтобы явились охотники къ ученію. Опасенія митрополита имѣли свои основанія: несомнѣнно, при незначительномъ количествѣ православныхъ, мало могло быть учениковъ въ гимназіи, тѣмъ болѣе что бѣлое духовенство въ заграничныхъ областяхъ исчислялось единицами; несомнѣнно, и латиняне могли противодѣйствовать устройству гимназіи, особенно при отсутствіи грамоты на устройство училища. Но, по жалованной грамотѣ 1744 г., Виленскій монастырь имѣлъ право содержать типографію для печатанія книгъ и *школы* для обученія христіанскихъ дѣтей и для наставленія ихъ [3]). Были здѣсь при церкви и старинныя зданія „школы“, стоявшія послѣ пожара 1749 пустыми и неисправленными [4]).

Нужно было только похлопотать о возобновленіи этихъ школъ. Въ Слуцкомъ монастырѣ около этого же времени при

---

[1]) А. С. С. 1760 г., д. № 212, л. 41—44; 6.

[2]) Ар. К. К. указъ 22 августа 1760 г.

[3]) „Матеріалы...“ проф. Голубева, стр. 9.

[4]) Ibidem, стр. 100.

подобныхъ же тяжелыхъ обстоятельствахъ была же открыта слуцкая семинарія. Откройся гимназія въ Вильно,—тамъ могли бы быть слушатели вначалѣ немногочисленные, а, потомъ, число ихъ могло бы увеличиваться.. Но вопросъ объ открытіи гимназіи такъ и остался открытымъ.

Для освидѣтельствованія заграничныхъ монастырей была назначена митрополитомъ особая комиссія, которой было велѣно описать церкви, утварь, ризницу, собрать свѣдѣнія о совершающихся службахъ, о монастырскихъ братствахъ, о земляхъ, о нуждахъ монастырскихъ, и собранныя свѣдѣнія представить въ каѳедру. Въ эту комиссію были назначены: игуменъ Брестскаго монастыря, Спиридонъ Гриневецкій, и игуменъ Яблочинскаго монастыря, Кассіанъ Аравскій [1]). Въ это время виленскій старшій, Авраамій Флоринскій, уже былъ по прошенію освобожденъ отъ должности старшаго: 19 августа онъ былъ назначенъ архимандритомъ въ Царе-Константиновскій монастырь Владимірской епархіи [2]). Виленскій же монастырь въ этомъ году постигло новое несчастіе: 18 мая пожаръ уничтожилъ монастырскія зданія, исключая одной главной церкви [3]).

При Флоринскомъ былъ благопріятно разрѣшенъ лишь вопросъ о постройкѣ новой церкви въ Друйскомъ монастырѣ. Послѣдняя была уничтожена пожаромъ, и сначала вмѣсто нея была устроена (временно) каплица. Когда же каплица обветшала, друйское братство рѣшило строить новую церковь. Воевода полоцкій, кн. Сапѣга выдалъ по просьбѣ позволеніе.

Флоринскій уже думалъ приступить къ постройкѣ; но Виленскій бископъ вмѣшался въ дѣло и прислалъ запрещеніе строить церковь на томъ основаніи, что не было де испрошено разрѣшеніе Рѣчи Посполитой. Придирка была явная: за нею скрывалось желаніе совершенно воспрепятствовать постройкѣ православной церкви. Въ то же время жившій по близости (въ Леонтополѣ) инстигаторъ Лопатинскій, который обязанъ былъ слѣдить за исполненіемъ правъ Литовскаго княжества, сталъ порочить православныхъ, публично называлъ нѣкоторыхъ дѣятелей „ехиднами“, „ящерками“. Флоринскій былъ смущенъ не мало и долженъ былъ защищать права и званіе православныхъ.

Онъ обратился въ Св. Синодъ и просилъ защиты. Изъ Синода было написано въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобы

---

[1]) А. С. С. д. 1760 г., № 212, л. 87—88, указъ 19 октября.
[2]) Ibidem, л. 76.
[3]) Ibidem. л. 92 и 63.

она добилась отъ кн. Сапѣги позволенія на постройку церкви въ Друйскомъ монастырѣ. Въ то же время Синодъ предлагалъ добиться у польскаго двора, по силѣ польско-русскаго трактата, права свободно производить починку и возобновленіе обветшавшихъ или сгорѣвшихъ православныхъ церквей, безъ всякихъ притѣсненій и препятствій [1]). Коллегія писала къ полномочному послу Воейкову.

Воейковъ обратился къ канцлеру Чарторыжскому, который обѣщалъ повліять на Сапѣгу.

Но дѣло тормозилось. Потребовались вторичныя представленія польскому двору [2]), пока, наконецъ, не было выдано позволеніе на устройство Друйской церкви.

По увольненіи Флоринскаго, виленскимъ старшимъ былъ назначенъ (16 окт. 1760 г.) Сифъ Гамалѣя, уставщикъ каѳедральнаго монастыря. При отправленіи изъ Кіева онъ получилъ въ помощь 2 іеромонаховъ изъ каѳедральнаго монастыря, которые высылались на служеніе въ заграничныхъ виленскихъ монастыряхъ.

Предъ отправленіемъ Сифа Кіевская консисторія серьезно занялась вопросомъ объ организаціи матеріальной помощи заграничнымъ монастырямъ. Къ этому вынуждали: 1) полученіе Мицевичемъ декрета на заѣздъ монастыря и 2) упомянутый выше пожаръ 1760 г.

Консисторія постановила выдать Сифу заимообразно 272 червонца на указанныя неотложныя нужды. Кромѣ того, игуменъ Сифъ и іеромонахъ Мануилъ успѣли собрать милостыни свыше 300 руб. [3]). Съ своей стороны, Флоринскій обѣщалъ—„не по какой своей должности, но по единой бѣдности Виленскаго монастыря“,— высылать на нужды Виленскаго монастыря половину своего жалованья. Такимъ образомъ, Сифъ могъ ѣхать въ Вильно съ надеждами на лучшее будущее: у него было кое что въ запасѣ на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ монастырскихъ.

Но по пріѣздѣ въ монастырь, игуменъ Сифъ Гамалѣя увидѣлъ, что печальная дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Въ монастырѣ крайнее запустѣніе: келлій не было, братія жила въ погребахъ, терпѣла крайнюю нужду и въ самой необходимой пищѣ; наемные монастырскіе люди не получали жалованья (всего имъ слѣдовало больше 1000 злот.); являлись кредиторы и

---

[1]) А. К К., указ. кн. 1759—1760 № 45.
[2]) Ар. Св. С. д. 1760 г., № 212, л. 71.
[3]) А. Св. С. д. 1763 № 269, л. 1—4.

требовали уплаты денегъ. „Отъ думокъ и умъ ослабѣваетъ“,— писалъ Гамалѣя. Тутъ и въ Благовѣщенскомъ Виленскомъ монастырѣ случился пожаръ: церковь, и кельи, и всѣ постройки были уничтожены; монахини поселились въ каменныхъ лавкахъ главнаго монастыря. Въ 1762 г. сгорѣлъ и Вевейскій монастырь.

Въ подчиненныхъ Виленскому монастыряхъ также было запущеніе: монашествующей братіи было очень мало; бывшая на лицо была невѣжественная; начальники монастырей (какъ напр., въ Сурдецкомъ) тратили монастырское добро на личныя нужды и вели безнравственную жизнь [1]) Латиняне зорко слѣдили за всѣми бѣдствіями православныхъ монастырей и готовы были всякую минуту вмѣшаться, чтобы захватить монастыри въ свои руки, По мѣстамъ уже это переходило въ дѣло. Такъ, въ Минскѣ плебанъ Вонковичъ запретилъ поправку церкви; въ Друѣ латиняне грозили сбросить крестъ и главу на трапезной церкви; въ Вевейскомъ монастырѣ доминиканскій плебанъ хитростью отнялъ чудотворную икону Божіей Матери. Къ тому же и пресловутый Доманскій подалъ искъ въ судъ и одержалъ декретъ на отнятіе монастырскихъ лавокъ и каменнаго дома. „Мала гелда“ въ отмщеніе за побои, нанесенные ему и сыну, также въ возмѣщеніе убытковъ,—и отнялъ ихъ [2]). Уніаты также дѣйствовали насиліемъ и угрозами. 2 дочери виленскаго благочестиваго жителя, Ив. Олфировича были совращены въ унію; уніатскіе священники не допускали православныхъ священниковъ напутствовать Св. Тайнами православнаго, служившаго у Соллогубовой, и потомъ похоронили его по своему обряду. Православнымъ священникамъ запрещалось въ священническомъ облаченіи провожать покойниковъ, и православные должны были тайно привозить покойниковъ въ монастырь [3]).

Гамалѣя обратился въ Синодъ съ просьбой разрѣшить пріѣхать въ Москву за жалованьемъ (въ январѣ 1763 г.). Затѣмъ, онъ представилъ Синоду доношеніе о притѣсненіяхъ виленскихъ монастырей и о разныхъ нуждахъ монастырскихъ, и просилъ оказать вспомоществованіе. Къ доношенію было приложено и ходатайство виленскаго братства о выдачѣ денегъ на починку колокольни, на вылитіе колокола, ходатайство минскаго братства и Виленскаго Благовѣщенскаго монастыря. Кромѣ того, было

---

[1]) Ар. К. К. 1762 д.. № 384, 7 іюля.
[2]) А. С. С. д. 1756 г., № 355 № 387.
[3]) А. С С. д. 1763 г., № 269, л. 3—4.

ходатайство виленскаго братства о предоставленіи православнымъ свободы исповѣданія вѣры.

Представленныя жалобы были направлены изъ Синода въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но послѣдняя отвѣтила, что въ наступившее время междуцарствія неудобно посылать представленія польскому двору, и совѣтовала послать жалобы къ Виленскому епископу Масальскому и потребовать отъ него удовлетворенія по дѣламъ притѣсненія православныхъ. Что касается принципіальнаго вопроса о положеніи православныхъ въ Польшѣ, то Коллегія признавала необходимымъ поручить графу Кейзерлингу и князю Репнину дѣло защиты интересовъ православнаго населенія и предписать имъ оказать свое вліяніе при избраніи короля, чтобы православнымъ были дарованы гарантіи свободы исповѣданія своей вѣры [1]).

Съ своей стороны, Св. Синодъ рѣшилъ вопросъ о матеріальномъ вспомоществованіи заграничнымъ монастырямъ такъ: было установлено производить кошельковый сборъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ Кіевской епархіи въ пользу заграничныхъ кіевскихъ монастырей; а въ Черниговской, Переяславской и Бѣлгородской епархіяхъ производить сборъ въ пользу заграничныхъ монастырей Бѣлорусской епархіи. Что касается распредѣленія кошельковаго сбора между заграничными кіевскими монастырями, то Синодъ это дѣло предоставлялъ усмотрѣнію Кіевскаго митрополита. Усмотрѣнію послѣдняго было предоставлено и изысканіе другихъ средствъ для вспомоществованія заграничнымъ монастырямъ, и, такимъ образомъ, Синодъ какъ бы умывалъ свои руки отъ дѣла вспомоществованія нуждающимся монастырямъ.

XII.

Съ учрежденіемъ кошельковаго сбора въ пользу заграничныхъ монастырей, дѣло матеріальнаго вспомоществованія Виленскому и другимъ заграничнымъ монастырямъ получало болѣе или менѣе устойчивый характеръ. По крайней мѣрѣ, въ Кіевской каѳедрѣ составлялся фондъ для всякаго рода матеріальныхъ вспомоществованій заграничнымъ монастырямъ, для выдачи подъемныхъ новымъ старшимъ, настоятелямъ, іеромонахамъ, отправлявшимся въ заграничные монастыри, для выдачи пособій

---

1) А. С. С. д. 1763 № 269. л. 31, 41.

на веденіе исковъ, на устроеніе монастырскаго хозяйства, на починку и ремонтъ монастырскихъ зданій, церквей.

По синодальному опредѣленію,—если бы въ какой либо приходской церкви кошельковаго сбора оказалось меньше рубля, то недостающую сумму нужно было пополнить изъ собственныхъ церковныхъ суммъ; монастыри должны были взносить кошельковый сборъ по особой раскладочной вѣдомости, пропорціонально доходности.

По полученіи синодальнаго указа, Кіевская консисторія по предложенію митрополита Арсенія, установила, чтобы кошельковый сборъ собирался не конторой, а консисторіей. Это было сдѣлано въ виду того, что при посылкѣ кошельковаго сбора въ заграничные монастыри, а также при взысканіи недоимокъ нужно было посылать указы, чего не имѣла права дѣлать контора [1]). Одинъ изъ членовъ консисторіи, архимандритъ Самуилъ Мисловскій, кромѣ того, высказалъ мнѣніе, чтобы, по примѣру предшествовавшихъ годовъ, на возобновленіе и исправленіе сгорѣвшихъ заграничныхъ церквей, кромѣ кошельковаго сбора, употреблять и деньги изъ имѣній, остававшихся послѣ смерти монастырскихъ настоятелей [2]). Но митрополитъ Арсеній утвердилъ лишь постановленіе консисторіи, а мнѣніе Мисловскаго осталось не утвержденнымъ. Монастыри должны были, не увеличивая налога на монастырскихъ подданныхъ, представлять изъ своей казны по 5 к. отъ каждаго двора и по 2 к. отъ бездворной хаты. Всего, по предположенію консисторіи, должно было поступать отъ монастырей 287 руб. 9 коп., а отъ церквей 1182 руб. [3]).

Въ дѣйствительности, кошельковаго сбора поступало меньше. Такъ, въ 1764 г. отъ церквей поступило всего 388 р. 95 к., а отъ монастырей 282 руб. 71 к.; въ 1765 г. поступило еще меньше, отъ церквей 288 руб. 47¾ к. и отъ монастырей 222 р. 71 к., въ 1766 г. отъ церквей 244 руб. 98 к. и отъ монастырей 296 руб. 26¼ коп.; въ 1767 г. отъ церквей 141 руб. 97 коп. и отъ монастырей 174 руб. 10¾ к. Недоимки за 1764 и 1765 г. числилось 1815 руб. 33¼ к., за 1766—1767 г. 2080 руб. 85 коп. Словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше поступало сбору, и все больше съ каждымъ годомъ накоплялось недоимокъ.

---

[1]) А. К. К. пост. 1764 г., № 70, 31 март.
[2]) А. К. К. пост. 13 февр.
[3]) А. К. К. пост. 1764 г. № 70.

Львинная доля кошельковаго сбора стала поступать Виленскому монастырю, вѣроятнѣе всего, оттого, что этотъ послѣдній былъ освѣдомленъ о существованіи кошельковаго сбора.

Что касается другихъ заграничныхъ монастырей, то Кіевская консисторія въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ (1765—1766 г.) не выдавала имъ никакого пособія изъ кошельковой суммы, такъ какъ, повидимому, не имѣла свѣдѣній о положеніи ихъ, а лучше—потому, что другіе монастыри не подозрѣвали о существованіи кошельковаго сбора [2]) и не просили пособія изъ этихъ суммъ.

Однако такъ не могло продолжаться долгое время. Уже въ 1766 г. Св. Синодъ велѣлъ митрополиту Арсенію собрать свѣдѣнія о матеріальномъ состояніи заграничныхъ монастырей и выдавать послѣднимъ пособіе сообразно съ собранными свѣдѣніями. Митрополитъ Арсеній, дѣйствительно, сдѣлалъ распоряженіе о составленіи описей заграничныхъ монастырей.

Но это дѣло затянулось на долгое время. Прот. П. Орловскій говоритъ, что распоряженіе митрополита Арсенія было исполнено своевременно [2]). Но это нельзя признать правильнымъ: вслѣдствіе гоненій и притѣсненій, особенно вслѣдствіе затрудненій на пограничной линіи, нѣкоторые монастыри не представили описей даже въ 1770 г. [3]).

Кошельковый соборъ послѣ этого стали получать и другіе заграничные монастыри, хотя нѣкоторые изъ нихъ получили пособіе даже не при м. Арсеніи [4]). Пособіемъ изъ этихъ суммъ стали пользоваться, прежде всего, игумены, вновь назначавшіеся въ заграничные монастыри: Св. Синодъ указомъ 5 ноября 1767 г. разрѣшилъ эти выдачи. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ выдачъ. Игуменъ пинскій, Владиміръ Жураковскій, получилъ 20 руб. на переѣздъ въ Пинскъ и 100 руб. на поѣздку въ Варшаву на сеймъ; игуменъ Марковскаго монастыря, Сильвестръ получилъ 60 руб. на проѣздъ въ монастырь; новый игуменъ того же монастыря, Іосифъ Блажевскій, получилъ 80 руб. Игуменъ Яблочинскаго монастыря, Моисей Несторовичъ, получилъ 40 руб. на путевые расходы и 60 руб. на нужды монастыря.

---

[1]) „Труд. К. Д. Ак." 1894 іюнь,

[2]) Ар. К. К. указ. 1770 г., № 489, генер. пов.

[3]) Ibidem, ук. 5 ноябр. 1767, № 2556.

[4]) Напр., Дрогичинскіе монастыри впервые получили пособіе лишь въ 1778 г. (А. К. К. 1778, прот. 25 янв.)

Виленскій же монастырь получилъ въ 1764 г. 211 руб. 75¾ к., въ 1765 г. 70 руб., въ 1766 г. 211 р. 75 к., въ 1767 г.—481 руб. и въ 1768 г. 100 руб. [1]).

Конечно, кошельковый сборъ давалъ значительные подспорье заграничнымъ монастырямъ. Пособія изъ кошельковыхъ суммъ были бы тѣмъ важнѣе, чѣмъ они были бы постояннѣе. Другими словами: для заграничныхъ монастырей было бы очень важно если бы этотъ источникъ вспомоществованій не истощался и не оскудѣвалъ. Но—чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше накоплялось недоимокъ. Монастыри Скельскій, Глуховскій совсѣмъ не представили кошелькового сбора съ 1764—1766 г. [2]) Духовенство Кіевской епархіи тяготилось этимъ сборомъ и внесло въ Комиссію Уложенія ходатайство о томъ, чтобы онъ былъ совершенно отмѣненъ. Затѣмъ, въ 1769 г., въ виду жалобъ и ропота народа, а также въ виду скудости церквей, митрополитъ Арсеній снова ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ отмѣнѣ кошелькового сбора или, по крайней мѣрѣ, объ освобожденіи отъ обязанности дѣлать дополненія къ собраннымъ деньгамъ изъ церковныхъ суммъ [3]). Но эти ходатайства не были уважены. Извѣстно, что митрополитъ Гавріилъ Кременецкій возбуждалъ ходатайство о томъ, чтобы кошельковый сборъ можно было употребить на академію; но и это ходатайство не было уважено. Самый сборъ былъ отмѣненъ лишь въ 1783 г.

XIV.

Въ то время какъ рѣшенъ былъ вопросъ о матеріальномъ вспомоществованіи заграничнымъ монастырямъ, поляки, конечно, не дремали: они старились какъ можно больше стѣснить православныхъ въ ихъ религіозныхъ и имущественныхъ правахъ. Церкви отнимались; дома и владѣнія захватывались и разграблялись. Польскимъ посламъ внушалось, чтобы на сеймѣ они ни въ какомъ случаѣ не соглашались дать православнымъ право голоса въ сенатѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить еще о нескончаемыхъ „позвахъ“ въ судъ, какіе предъявляли поляки къ православнымъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ единственное утѣшеніе для православныхъ было въ крѣпкой вѣрѣ въ Бога и въ надеждѣ

---

[1]) А. К. К. 1767 № 1277; реест. кн. 1767, № 158; 1769 г., № 17; вѣдом. о кошел. сборѣ 1768, № 29; реес. 1766 г., № 2024.

[2]) А. К. К. 1767 г. № 453—456.

[3]) „Памятники...“ проф. Титова, I. л. 1474.

на Его всесильную помощь и заступленіе. Съ такою глубокою вѣрою въ силу молитвъ церкви предъ Господомъ виленскій старшій, Азарія Ясноводскій представилъ митрополиту Арсенію особый докладъ, который навсегда останется памятникомъ лучшихъ чувствъ, одушевлявшихъ православный русскій народъ, страдавшій подъ гнетомъ католицизма и полонизма. Азарія подалъ мнѣніе предложить всѣмъ священникамъ Кіевской епархіи, „дабы они въ церквахъ на святыхъ литургіяхъ положеннаго въ книгу служебнику правила подъ сими названіями: „о призываніи помощи Св. Духа во время всякаго добраго дѣла“, „о умиреніи церкви во время гоненія“, „о искорененіи и истребленіи ересей и отступствъ, утишеніи же раздираній церковныхъ и о обращеніи заблудшихъ отъ истины“, „о умноженіи любве и искорененіи ненависти и всякія злобы“, „о врагѣхъ ненавидящихъ и обидящихъ насъ“,—не оставляли, прочитывая ихъ поперемѣнно, по одному или двѣ, съ положенными въ ономъ правилѣ моленіями или эктеніями и проч., на единой литургіи съ единаго, на другой—съ другого заглавія и т. д.“ [1])—Только на небѣ,—вѣрили лучшіе русскіе люди,—вѣчная правда, только у Господа—всесильная помощь и защита „озлобленнымъ“ православнымъ; а на землѣ въ Польшѣ—притѣсненія и обиды.

Высказывая, что необходимо призывать помощь и благодать Св. Духа—на страждущихъ въ Польшѣ православныхъ для успѣха въ дѣлѣ вспомоществованія послѣднимъ, Азарія въ своемъ докладѣ изображалъ то тяжелое положеніе, какое испытывали православные,—тѣ способы притѣсненій, какіе примѣнялись поляками, и указывалъ на необходимость всѣмъ православнымъ объединиться и изыскать способы къ возвращенію отнятыхъ на унію церквей и монастырей и къ защитѣ православныхъ. Каковы были способы притѣсненій,—мы знаемъ; Азарія, какъ очевидецъ, свидѣтельствуетъ, что всѣ хитрости поляковъ,—духовенства и шляхты,—клонились къ совершенному искорененію православія и „къ истребленію до остатка благочестивыхъ церквей и людей“; одинъ изъ главныхъ такихъ способовъ—позвы въ судъ,—„отъемлющіе всю мощь монастырей и послѣднюю каплю крови высасывающіе“. Что касается способа содѣйствія улучшенію участи православныхъ, то и Азарія (какъ и другіе лучшіе люди того времени) совершенно справедливо указывалъ на необходимость образованія смѣшанной комиссіи для разбора дѣлъ

---

1) Фл. Смирновъ, „Вилен. Св.-Дух. мон.“ стр. 188.

православныхъ; въ ней должны были засѣдать и православные и католики; „безъ этой же комиссіи,—говорилъ Азарія,—никакого успѣха и никакова по тѣмъ позвамъ добра быть не можетъ, развѣ послѣдняя мѣдь потеряется на позвы“ [1]).

Митрополитъ Арсеній вполнѣ сочуственно отнесся къ этому проекту и представилъ Св Синоду, что, въ видахъ пользы для Виленскаго и другихъ заграничныхъ монастырей, слѣдуетъ учредить такое присутственное мѣсто, въ которомъ не одни католики, но вмѣстѣ съ ними и православные рѣшали бы дѣла и чинили расправу [2]). При этомъ Арсеній послалъ и донесеніе Азаріи объ обидахъ Виленскому монастырю. Послѣднее было передано въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а оттуда—кн. Репнину, который долженъ былъ потребовать королевскаго указа для защиты Виленскаго монастыря. По вопросу же о смѣшанной комиссіи Коллегія высказалась, что требованіе ея 1) противно польскимъ законамъ, 2) неумѣстно, такъ какъ могло только вызвать отказъ, и 3) излишне, такъ какъ можно де искать защиты въ польскихъ судахъ. Съ своей стороны, Коллегія нашла нужнымъ преподать наставленіе, какъ вести себя заграничнымъ монастырямъ: Виленскій монастырь долженъ охранять себя отъ позвовъ скромностію и неподаваніемъ повода къ жалобамъ; всѣ же вообще настоятели заграничныхъ монастырей должны вести себя такъ, чтобы никто не могъ ихъ упрекнуть въ чемъ нибудь и имѣть поводъ къ вызову въ судъ [3])—Хорошій былъ бы совѣтъ, если бы Польша не имѣла въ виду совершенно уничтожить коренное русское, православное населеніе въ своихъ предѣлахъ. Такъ Коллегія вмѣсто дѣйствительной помощи расточала красныя слова прописной морали.

Мысль о смѣшанной комиссіи не заглохла. Ее поддерживалъ и отстаивалъ Георгій Конисскій; она же нашла себѣ осуществленіе въ трактатѣ 1768 г.

Азарія, не проживъ въ Вильно и 3-хъ лѣтъ, сталъ просить увольненія отъ должности старшаго. Онъ и былъ уволенъ 4 іюля 1766 г. [4]). На его мѣсто былъ назначенъ Св. Синодомъ (дѣло назначенія настоятелей въ первоклассные монастыри перешло къ Св. Синоду) игуменъ Марковскаго монастыря, Іакинѳъ Пѣлкинскій,—котораго избрало Виленское братство, какъ твердаго въ

---

[1]) А. С. С. д. 1763 г. № 269, л. 56, донес. Азаріи отъ 15 сен. 1765.
[2]) Ibidem, л. 53—54, донес. отъ 10 нояб. 1765 г.
[3]) А. К. К. 1765 г., д. генер. пов. № 21.
[4]) А. К. К. 1766 д. № 1514.

благочестіи, привыкшаго къ тамошнимъ дѣламъ и тонко понимавшаго отношенія польскія [1]) Онъ оставался старшимъ свыше 20 лѣтъ (1766—1787) и былъ очень дѣятельнымъ игуменомъ,— ревностно отстаивалъ интересы православныхъ и своего монастыря на сеймахъ и въ судахъ отъ ухищреній римско-католиковъ; онъ же былъ дѣятельнымъ помощникомъ Георгію Конисскому при защитѣ интересовъ православной церкви въ Польшѣ въ 1767—1768 г.

XV.

Украинскіе монастыри (Пустынно-Медвѣдовскій, Жаботинскій, Лебединскій и Виноградскій) также, какъ и Слуцкіе и Виленскіе монастыри, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка подвергались гоненіямъ и притѣсненіямъ. На ихъ судьбѣ отражались всѣ обстоятельства политической, общественной и народной жизни на Украинѣ. Турецкія орды, фанатическіе приверженцы уніи во главѣ съ оффиціаломъ Мокрицкимъ, помѣщики и губернаторы ближайшихъ городовъ, затѣмъ, гайдамаки, коліи, возставшіе на борьбу съ уніатами и панами, конфедераты польскіе, русскіе усмирители конфедератовъ, опять новые гонители православныхъ изъ пановъ и уніатовъ, всѣ эти лица врывались въ украинскіе монастыри, нарушали въ нихъ теченіе монастырской жизни, производили безпокойства, волненія и грабежи, насилія, заставляли дрожать не только за имущество, но и за самую жизнь. Это и понятно. Въ глазахъ украинскаго народа монастыри не были отшельническими келліями, чуждыми общенародной жизни. Напротивъ, въ монастыряхъ православный украинскій народъ искалъ и находилъ себѣ утѣшеніе и ободреніе среди скорбей и бѣдъ и гоненій отъ враждебныхъ уніатовъ и поляковъ; въ монастыряхъ была та нравственная сила, которая собирала во едино украинскій народъ.

Нерѣдко здѣсь, вблизи монастырей, объединялись, скрывались народныя ватажки, формировавшіяся для защиты своихъ правъ и своей вѣры. Естественно, что враги православныхъ,— уніаты, паны, конфедераты, главнымъ образомъ, и устремлялись сюда, въ монастыри, на эти оплоты вѣры и объединявшагося народа.

---

[1]) А. С. С. д. 1763 г., № 269, л. 74.

Главными мотивами гоненій на православный украинскій народъ служило: 1) тяготѣніе народа и особенно монастырей къ Россіи, которую Польша ненавидѣла всѣми силами своей души за ея силу и за ея вмѣшательство во внутреннія ея дѣла; 2) вѣрность народа православію и желаніе уніатовъ распространить для большей славы унію повсюду. „Въ польской области живутъ,—говорили уніаты о православныхъ,—а вѣрность и ревность свою къ Россійской имперіи оказываютъ". „Не ходите до проклятыхъ безбожныхъ схизматиковъ, которые души ваши на вѣчную погибель во адъ отсылаютъ" [1]).

Кромѣ того, украинскіе монастыри въ глазахъ уніатовъ и поляковъ являлись чѣмъ то въ родѣ главныхъ заговорщиковъ, центровъ враждебнаго народа и духовенства. Не малую роль среди причинъ бѣдствій украинскихъ монастырей занимало и безправное положеніе монастырей и своеволіе поляковъ.

Польскіе паны не стѣснялись производить явныя насилія надъ монастырями. Такъ, въ 1758 г. комиссаръ Матѳей Троцкій отнялъ въ Жаботинскомъ монастырѣ всѣ поля и сѣножати на Жаботинскомъ фольваркѣ; въ слѣдующемъ году тотъ же комиссаръ ворвался въ монастырь, произвелъ насиліе надъ монахами, билъ ихъ, мучилъ, ругалъ, отнималъ имущество, сажалъ подъ арестъ. Въ 1762 г. комиссаръ владѣній кн. Яблоновскаго отнялъ монастырскую мельницу со всѣми угодьями монастыря при с. Куликовкѣ; чрезъ годъ та же исторія повторилась въ другомъ мѣстѣ, надъ р. Тясминымъ и надъ р. Осотой. Диспозиторъ Сколмовскій не только лишилъ монастырь мельницы и многихъ угодій, но и посягнулъ на личныя права монаховъ; онъ хваталъ монаховъ, сажалъ ихъ подъ арестъ, мучилъ, билъ, отнялъ имущество, разогналъ монаховъ изъ монастыря; жившихъ на монастырской землѣ подданныхъ частью разогналъ, частью заставилъ работать панскія работы; отнялъ монастырскую пасѣку.

Когда Мелхиседекъ Яворскій, матронинскій настоятель, привезъ копію подтвердительной грамоты (привиллегіи) короля Станислава Понятовскаго, тогда народъ на Украинѣ хлынулъ въ открытыя объятія православной церкви въ Переяславской епархіи. Это сильно смутило уніатовъ. Послѣдніе выслали на Украину оффиціала Григорія Мокрицкаго. Это былъ человѣкъ страшно фанатичный и жестокій, причинившій много зла православнымъ монастырямъ и народу на Украинѣ. Онъ былъ посланъ сюда,

[1]) А. К. К. 1752 г., № 6; 1753—1754 г., донесен. Кассіана, игум. яблоч.

чтобы притушить народное движеніе къ православной церкви и къ сверженію съ себя уніи. Для уніатовъ былъ вопросъ жизни и смерти, быть имъ или не быть, такъ какъ народъ украинскій увидѣлъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, въ грамотахъ [1]), привезенныхъ Мелхиседекомъ, своего рода освободительные документы и—сталъ открыто заявлять протестъ противъ насильно навязанной ему уніи; уніатскимъ священникамъ доставалось прежде всего: ихъ или принуждали къ отреченію отъ уніи, или изгоняли изъ прихода [2]). По мѣстамъ происходили насилія и безчинства народа.

Мокрицкій, посланный для усмиренія народа, принялся тушить пожаръ народнаго движенія и предпринялъ (въ 1766 г.) своего рода крестовый походъ противъ православныхъ. Въ январѣ 1766 г. онъ еще изъ Радомысля послалъ какъ бы авангардъ,—цѣлый отрядъ уніатскихъ священниковъ и дьячковъ для захвата нѣкоторыхъ православныхъ церквей.

Весной Мокрицкій переѣхалъ изъ Радомысля въ Корсунь и отсюда началъ развивать свою дѣятельность. Его армія состояла не изъ одного духовенства и причетниковъ: въ ней были и правительственныя войска и панскія команды. Въ резервѣ у Мокрицкаго были цѣлыя арміи (до 30 тысячъ войска) въ Смѣлянской губерніи.

Поднялось гоненіе на православныхъ. Дворовая команда стала слѣдить за ними, чтобы они не смѣли обращаться къ православному духовенству, особенно въ монастыри; встрѣчавшихся на пути въ монастыри, на перевозахъ, на границѣ, задерживала, отнимала документы и деньги, истязала и, потомъ, лишь отпускала домой. Схваченныхъ православныхъ священниковъ уніаты и панскія команды отсылали въ Корсунь, гдѣ имъ предстояли страшныя издѣвательства: присланнымъ въ Корсунь обрѣзывали волосы, забивали ихъ въ колодки, истязали, запирали подъ стражу. Въ апрѣлѣ всѣмъ украинскимъ монастырямъ посланъ былъ указъ явиться въ Корсунь на судъ [3]).

---

[1]) Это были: 1) подтвердительная грамота короля на давнія привиллегіи, 2) копіи сихъ послѣднихъ, 3) письма короля и министровъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ попамъ и епископамъ на Украинѣ. При этомъ подтвердительная грамота и письма были частнаго хараркера. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ народа это были достаточные мотивы и благопріятная почва для протестовъ.

[2]) С. Иваницкій „Гервасій Линчевскій"—стр. 94.

[3]) Кіев. Еп. Вѣд. 1891, стр. 407.

На судъ никто изъ монастырскихъ властей, однако, не явился. Тогда Мокрицкій составилъ заочное обвиненіе противъ монастырей и объявилъ такое заочное рѣшеніе: всѣ монастыри облагались высокою платою въ пользу Радомыслъской консисторіи и уніатской миссіи; всѣ монахи и священники объявлены отступниками отъ вѣры и противниками законной власти; нѣкоторые изъ нихъ были даже преданы проклятію. Этотъ декретъ былъ распространенъ среди народа.

Придавъ этому декрету якобы законный видъ, Мокрицкій сталъ приводить его въ исполненіе. Вся его злоба направилась, главнымъ образомъ, на духовенство и монастыри. По свидѣтельству даже уніатскихъ источниковъ, которые менѣе всего могутъ быть заподозрены въ преувеличеніяхъ, Мокрицкій, особенно же его ближайшіе пособники, стали со всею жестокостію притѣснять духовенство: грабили скотъ, лошадей, хлѣбъ, сѣно, пасѣки, разоряли дома, сараи, портили даже печи, били окна, миски, горшки, награбленное дарили встрѣчнымъ-поперечнымъ людямъ. Пощады не было никому. Доставалось и виновнымъ и невиннымъ. Насильственныя дѣйствія Мокрицкаго особенно усилились подъ прикрытіемъ вызваннаго польскаго войска. На всѣхъ перекресткахъ и дорогахъ слѣдили за намѣченными жертвами—эти ревнители уніи, хватали всякаго попавшагося священника или монаха, приводили въ станъ, потомъ, отсылали въ консисторію, гдѣ начинали истязать ихъ, заковывали въ кандалы, забивали въ колодки, остригали бороды и волосы, наказывали „дисципли-нами“ (ремневыми плетями съ проволокой), сѣкли розгами, одѣвали въ лохмотья. Все дѣлалось съ цѣлью принудить къ принятію уніи.

Затѣмъ, инстигаторы и инструкторы обращались и къ православному населенію и принуждали его къ отреченію отъ православія, насильно читали надъ нимъ проклятія православію и присягу на вѣрность уніи. Въ своемъ фанатизмѣ приверженцы Мокрицкаго не щадили и православныхъ храмовъ; они силою врывались въ нихъ, уничтожали характерные признаки православныхъ храмовъ, запечатывали ихъ, при чемъ не обходилось дѣло и безъ глумленія надъ св. иконами [1]).

Православные монастыри, конечно, не избѣжали нападеній. 21 сентября Мокрицкій съ вооруженной командой напалъ на Чигиринскій женскій монастырь, собралъ монахинь, велѣлъ ка-

---

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1891, стр. 492.

закамъ окружить ихъ, стращать оружіемъ, отнялъ у нихъ церковные ключи, переписалъ все монастырское и церковное имущество, снялъ въ главной церкви антиминсъ съ престола и положилъ свой, уніатскій. Затѣмъ, онъ опредѣлилъ сюда уніатскаго попа Яна и назначилъ игуменьей уніатку—монахиню Ястрембскую („прегоркую пьяницу") [1]). Послѣдняя ревностно принялась насаждать унію: то побоями, то угрозами, она принуждала монахинь къ принятію уніи, а непокорнымъ грозила ссылкою въ Радомысль.

Православной игуменьѣ Аполлинаріи, конечно, не оставалось больше ничего, какъ собрать вещи и пожитки и вмѣстѣ съ вѣрными сестрами уѣхать изъ монастыря въ Россію. Она выѣхала въ с. Несторовку и оставила тамъ добро у сербскаго майора. Ястрембская, оставшись въ монастырѣ, совсѣмъ разорила его; окна были вынуты, печки разрушены, посуда и хлѣбъ были забраны и пропиты. Въ монастырь возвратились было 2 монахини, которыя случайно не знали, что въ монастырѣ уніатка игуменья; Ястремская стала бить и мучить ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не отдали собранныхъ денегъ [2]). Такъ насаждалась унія въ монастырѣ... На мѣстѣ монастыря оказалась полная мерзость запустѣнія.

Когда Чигиринскій монастырь былъ захваченъ уніатами, Мокрицкій объявилъ, чтобы никто изъ братіи Медвѣдовскаго монастыря, которому былъ подчиненъ Чигиринскій монастырь, не смѣлъ ѣздить въ послѣдній.

Игумену Виссаріону, дѣйствительно пришлось прекратить связь съ Чигиринскимъ монастыремъ [3]).

Тѣмъ временемъ Мокрицкій продолжалъ свой крестовый походъ. Онъ напалъ на хуторъ Матронинскаго монастыря, захватилъ 150 шт. рогатаго скота и 600 шт. мелкаго: въ Мошногорскомъ монастырѣ, гдѣ 12 человѣкъ монаховъ молотили хлѣбъ, уніаты захватили весь хлѣбъ, забрали его на возы и увезли... Ястрембская, жившая въ Чигиринскомъ монастырѣ, пожаловалась Мокрицкому, что изъ Чигиринскаго монастыря добро было увезено монахинями и указала, что будто игуменъ Виссаріонъ внушилъ монахинямъ мысль о бѣгствѣ. Тогда Мокрицкій сталъ угрожать и самому Виссаріону: онъ отдалъ приказъ схватить послѣдняго и отправить въ Житоміръ. Уніаты стали шататься вбли-

---

1) А. К. К 1766 г., д. загр. № 16.
2) Ар. Ю. З. Р. 1864, ч. I, т. III, стр. 222—224.

зи монастыря, нѣсколько разъ навѣдывались въ самый монастырь, наконецъ, заперли монастырь, такъ что никто не могъ выйти изъ монастыря. Всякій, кто направлялся сюда, попадалъ въ руки уніатовъ и подвергался истязаніямъ. Такъ, инстигаторъ Глѣнскій схватилъ медвѣдовскаго монаха Неофита,—который былъ посланъ изъ монастыря въ село на послушаніе,—остригъ ему бороду и усы, повалилъ на землю; 4 козака стали его держать, а инстигаторъ сталъ наносить ему удары, нѣсколько разъ передыхалъ и опять билъ, пока совершенно не изувѣчилъ его.

Подобныя насилія творились и въ другихъ мѣстахъ. Жаботинскій монастырь, подобно Медвѣдовскому, подвергся нападенію, лишился имущества и братіи, которая разбѣжалась отъ уніатовъ. По донесенію игумена Жаботинскаго, Ефрема Быковскаго, уніаты причинили этому монастырю убытковъ на 22 слишкомъ тысячи [1]). Послѣ разоренія монастыря, положеніе братіи сдѣлалось крайне тяжелымъ: большая половина грунтовъ была отнята; съ остававшихся грунтовъ хлѣба едва хватало на полгода, и братіи нужно было ходить по селамъ за сборомъ милостыни; съ наѣздомъ же Мокрицкаго прекратился и этотъ способъ содержанія братіи. Трудно было не только ходить за милостынею, не даже послать кого нибудь съ письмомъ или порученіемъ; всякаго пѣшаго монаха поляки и уніаты хватали и истязали. Въ виду этого, напр., чтобы послать какое нибудь сообщеніе о дѣлахъ монастырскихъ, приходилось писать нѣсколько экземпляровъ и разсылать ихъ по различнымъ направленіямъ. Съ другой стороны, жить въ монастырѣ было опасно и потому, что грозила—по меньшей мѣрѣ—голодная смерть; кромѣ того, нужно было ожидать новаго нападенія и гоненія со стороны уніатовъ.

Лебединскаго монастыря игуменъ—Іосифъ вмѣстѣ съ послушниками былъ схваченъ близъ Сѣкирны и отправленъ въ Корсунь, къ Мокрицкому, гдѣ былъ посаженъ въ тюрьму; тамъ онъ получилъ до 500 ударовъ палками. Мокрицкій грозилъ заѣхать въ Лебединскій монастырь и превратить его въ уніатскій, а также—захватить Филовея Контаровскаго; онъ посылалъ нѣсколькихъ человѣкъ къ Контаровскому, чтобы они привезли его въ Корсунь.

---

[1]) А. С. С. д. 1766 г., № 219.

[2]) Ар. Ю. З. Р. ч. I, т. III. стр. 311.

Уніатскіе попы, приверженцы Мокрицкаго, также работали и старались въ пользу уніи, склоняя народъ къ принятію уніи. Но народъ—оставался вѣрнымъ православію и по прежнему стремился въ монастыри для исповѣди и причастія, для наставленія и утѣшенія.

Гоненію подвергался и Плескачевскій скитокъ, въ которомъ было десятка два монахинь; здѣсь уніаты произвели опустошенія, разогнали монахинь, не пощадивъ даже престарѣлыхъ изъ нихъ.

Помощникомъ и главною опорою Мокрицкому былъ региментарь Вороничъ, который много разгонялъ непокорныхъ священниковъ, сгонялъ народъ и принуждалъ къ уніи. Однако народъ не хотѣлъ знать—и не принималъ—уніатскихъ поповъ, оставаясь безъ службъ, безъ таинствъ: дѣти оставались некрещенными, умершіе погребались безъ отпѣванія. Удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей народъ могъ находить и находилъ въ монастыряхъ. Но инстигаторы навѣдывались часто и въ монастыри, грозили, стращали, разгоняли монаховъ, чтобы они не смѣли преподавать требы народу. О приходскихъ церквахъ нечего и говорить. Почти всѣ онѣ подвергались нападеніяхъ; до 1½ сотни было совсѣмъ отнято на унію [1]).

Положеніе православныхъ въ это время буйныхъ дѣйствій Мокрицкаго было затруднительно еще и потому, что народъ оставался безъ руководителей, безъ поддержки. Правда, на Украинѣ въ это время былъ знаменитый Мелхиседекъ Значко-Яворскій, который привезъ изъ Варшавы нѣкоторыя письма къ владыкамъ польскимъ; онъ увѣщевалъ народъ, стараясь поддержать его духъ, вселить въ него бодрость; онъ же писалъ и самому Воронычу и именемъ Христа просилъ успокоить угнетенный народъ; писалъ и къ русскимъ властямъ о гоненіяхъ со стороны уніатовъ и просилъ защиты и покровительства. Но его письма не встрѣчали сочувственнаго отзвука. Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ, напр. отвѣчалъ, что—это дѣло слишкомъ деликатнаго свойства и поэтому, не находя возможности самому вмѣшаться, предлагалъ совѣтъ писать жалобы въ Синодъ или въ Малороссійскую Коллегію. Вороничъ отвѣчалъ, что—его прямой долгъ заботиться о безопасности жителей и предупреждать волненія народныя.

Самъ Мелхиседекъ былъ схваченъ уніатами (23 іюля 1766 г.) и задержанъ былъ до 31 октября 1766 г. Въ это время онъ под-

---

1) С. Иваницкій, цит. соч., прилож. № XVI.

вергся страшнымъ насиліямъ, допросамъ со стороны уніатовъ, которые хотѣли вынудить у него признаніе, кто подстрекалъ народъ противъ уніи.

Въ такихъ обстоятельствахъ очень важно было народу и братіи услышать слово защиты. Народъ съ надеждой взиралъ на русскую царицу. Но уніаты всячески затрудняли православнымъ въ сношеніяхъ съ зарубежной единовѣрной Россіей, перехватывали и письма и посланцевъ изъ Украины. Доношенія Медвѣдовскаго и Жаботинскаго монастырей съ большими затрудненіями были получены въ Кіевѣ. Митрополитъ Арсеній одну копію послалъ въ Синодъ, а другую—архіепископу Георгію, который имѣлъ защищать дѣла православныхъ на сеймѣ 1766—1767 года.

Синодъ въ отвѣтъ на донесеніе митрополита сообщилъ, что подобныя донесенія лучше всего направлять въ Варшаву, къ чрезвычайному полномочному послу, помимо Малороссійской Коллегіи.

XVI.

Мы уже упоминали о томъ, какъ обстояло дѣло православныхъ на сеймахъ 1766—1767 г.

Замѣтимъ теперь, что въ началѣ 1767 г. на Украинѣ наступило время какъ бы затишья и успокоенія для православныхъ. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе рѣзкости и рѣшительности дѣйствій Гр. Мокрицкаго и его сподвижниковъ, даже среди поляковъ наступало реакціонное направленіе; многіе изъ пановъ прониклись сочувствіемъ къ гонимымъ православнымъ и оказывали имъ поддержку, покровительство. Такъ, Чигиринскій управитель, кн. Сангушко объявилъ изгнаннымъ уніатами священникамъ, чтобы они безбоязненно возвращались въ свои приходы и отправляли богослуженіе по православному обряду [1]).

Даже среди членовъ комиссіи, производившей разслѣдованія по дѣламъ православныхъ и уніатовъ, слышалось сочувственное отношеніе къ православнымъ, хотя въ этой комиссіи членами были уніатскія власти и довѣренные отъ пановъ [2]).

Несомнѣнно, на облегченіе положенія православныхъ въ 1767 г. вліяло и присутствіе русскихъ войскъ въ Польшѣ и настойчивыя представленія русскаго двора. Изданное въ мартѣ

---

[1]) А. Ю. З. Р. ч. I, т. III. № XXI

[2]) С. Иваницкій, цит. соч., стр. 135—136.

1767 г. распоряженіе Св. Синода представлять жалобы на гоненія и притѣсненія со стороны уніатовъ—непосредственно въ Варшаву,—чрезвычайному послу,—тоже оставалось не безъ вліянія на народъ. По справедливому замѣчанію С. Иваницкаго, объявленіе этого указа равносильно было призыву отъ имени русскаго правительства ко всѣмъ обиженнымъ поляками и уніатами украинцамъ поспѣшить съ заявленіемъ своихъ обидъ [1]), и, такимъ образомъ, какъ бы окрыляло вѣру и надежду на лучшее будущее: здѣсь чуялась настойчивость русскаго правительства и желаніе довести дѣло защиты православныхъ до конца.

На Украинѣ началось движеніе народа къ сверженію уніи и возвращенію къ православію, и продолжалось въ теченіе 1767 и 1768 г. При этомъ возвращавшіеся въ православную церковь обращались въ Переяславскую каѳедру, такъ какъ отсюда разсылалось воззваніе преосвященнаго Гервасія; здѣсь подготовлялось это движеніе давно, и здѣсь съ величайшею радостью принимали всѣхъ возвращавшихся. Сюда спѣшилъ народъ съ своими заявленіями о желаніи возвратиться къ древней отеческой вѣрѣ православной и съ просьбой прислать православныхъ священниковъ; сюда стекались уніаты священники, спѣшившіе принести раскаяніе въ принятіи уніи и обѣщавшіе вѣрность православію.

Встревоженные народнымъ движеніемъ къ православію, уніаты, придя въ себя послѣ испуга, вызваннаго приходомъ русскихъ войскъ, стали прибѣгать къ разнымъ интригамъ, уловкамъ, чтобы задержать народное движеніе; распространяли лживые слухи, особенно относительно русскаго правительства, сѣяли смуты среди православныхъ и старались поселить подозрѣнія и недовѣріе къ защитникамъ народа.

Когда на сеймѣ 1767 г. былъ рѣшенъ диссидентскій вопросъ, архіепископъ Г. Конисскій возбудилъ ходатайство предъ императрицей, чтобы въ трактатъ, при его ратификаціи, была включена статья—очень важная для православныхъ—о свободномъ возвращеніи уніатовъ къ православію, что было пропущено въ трактатѣ къ невыгодѣ для православной церкви. До утвержденія же трактата можно было воспользоваться лишь тѣмъ, что трактатомъ освобождались отъ наказаній присоединившіеся къ православію до утвержденія его. Въ виду этого Г. Конисскій и предложилъ всѣмъ подать формальныя заявленія о возвращеніи изъ уніи, лишь бы такія заявленія были представлены до утвер-

---

[1]) Ibidem, стр. 139

жденія трактата, что могло послѣдовать въ началѣ 1768 г. (трактатъ утвержденъ въ концѣ февраля).

По полученіи такого предложенія на Украинѣ, движеніе народа къ возвращенію въ православную Церковь еще болѣе усилилось.

Какъ извѣстно, трактатъ 1767—1768 г. вызвалъ протестъ со стороны конфедератовъ, поднявшихъ въ Барѣ знамя возстанія на защиту національной свободы и вѣры. Конфедераты появились и на Украинѣ, посѣщали и украинскіе монастыри. Шелъ среди народа слухъ, что конфедераты намѣрены совершенно разорить благочестивыя (православныя) церкви, священство и мірскихъ людей [1]). Дѣйствительно, конфедараты съ наступленіемъ весны стали нападать на монастыри (Матронинскій и др.), селенія, грабили, стращали народъ, ругались, разоряли церковное и народное имущество, убивали людей.

Тогда то возстали коліи на защиту попираемой и гонимой православной вѣры. Тогда началось сильное народное движеніе, во главѣ съ пребывавшимъ на послушаніи въ Жаботинскомъ монастырѣ Залізнякомъ, съ Неживымъ, Бондаренко, Швачкой и др. По народному преданію и по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, въ Лебединскомъ монастырѣ въ престольный праздникъ (23 апрѣля) произошло торжественное освященіе ножей для коліевъ [2]). Гайдамацкія ватаги шли по слѣдамъ за конфедерами, расходились по нѣсколькимъ направленіямъ на Украинѣ и несли мщеніе полякамъ, уніатамъ, панамъ и жидамъ за угнетеніе православной вѣры и народа.

Среди разгара этой народной расправы многіе уніатскіе священники спѣшили отречься отъ уніи и заявить свою солидарность съ народомъ въ возвращеніи къ православной церкви. Среди нихъ мы видимъ даже такихъ приверженцевъ уніи, какъ Григорій Мокрицкій. Для всѣхъ возвращавшихся были открыты распростертыя объятія въ Переяславской каѳедрѣ, гдѣ ограничивались краткимъ исповѣданіемъ грѣха пребыванія въ уніи и письменной клятвой держаться православія.

Какъ извѣстно, гайдамацкое движеніе было пріостановлено дѣйствіемъ русскихъ войскъ. Главные руководители были разсѣяны. Русскія войска въ свою очередь не оставили безъ осмотровъ и угрозъ и украинскіе монастыри, считая, что въ нихъ

---

[1]) Ар. Ю З. Р. ч. I, т. III, стр. 646—646.; „Кіев. Стар“. 1882 г. IX, 533.
[2]) Мордовцевъ „Гайдамачина“, 1884 г, стр. 169.

групировались, около нихъ скрывались гайдамацкія ватаги. Такимъ образомъ, въ этотъ злосчастный годъ украинскимъ монастырямъ пришлось видѣть въ своихъ стѣнахъ поочередно, сперва, конфедератовъ, затѣмъ, гайдамакъ и, наконецъ, русскихъ гусаръ, причемъ тѣ и другіе, и третьи грозили монахамъ, разоряли монастырское добро, приводили въ сильной страхъ всѣхъ обитателей монастыря. Въ сентябрѣ 1768 г. шайка гайдамакъ, подъ руководствомъ іеромонаха Медвѣдовскаго монастыря Іеракса, снова напала на монастырь, съ цѣлію убить игумена Виссаріона, ненавистнаго Іераксу, и завладѣть монастырскимъ имуществомъ. Игумена не оказалось въ монастырѣ, и онъ остался живъ, а имущество монастырское и близкихъ къ монастырю лицъ, сложенное здѣсь, было разграблено [1]). Русскіе отряды войскъ обратились на эту шайку и наказали ее. Монастырь, повидимому, на этотъ разъ не потерпѣлъ отъ русскихъ войскъ.

Но скоро опасность надвинулась съ другой стороны. Съ юга двигался крымскій ханъ, Крымъ-Гирей, во главѣ 70-тысячнаго войска. Въ январѣ 1769 г. онъ перешелъ Днѣстръ и изъ Молдавіи двинулся къ предѣламъ Новой Сербіи. Въ ночь на 19 января татарская орда напала на новороссійскія слободы близъ крѣпости св. Елизаветы, потомъ, двинулась далѣе, по пути разоряя церкви и селенія, и остановилась въ 10 верстахъ отъ Медвѣдовскаго монастыря. Народъ и братія монастырская пришли въ ужасъ и стали спасаться бѣгствомъ, едва захвативъ съ собою кое-что изъ движимаго имущества. Впрочемъ, орда, постоявъ нѣсколько дней, удалилась отъ Медвѣдовскаго монастыря далѣе, къ Лебедину, не причинивъ ни Медвѣдовскому, ни Чигиринскому, ни Жаботинскому монастырю съ Матронинскимъ никакого вреда. 29 января игуменъ Виссаріонъ уже служилъ благодарственный молебенъ [2]).

Положеніе православныхъ на Украинѣ ухудшалось по мѣрѣ того, какъ поляки и уніаты, послѣ усмиренія коліевъ приходили въ себя. Тогда снова уніатскіе оффиціалы стали поднимать свою голову, начинали притѣснять православныхъ, силою, всякими насиліями принуждая послѣднихъ опять вернуться къ уніи. Нѣкоторые изъ священниковъ, во время движенія къ возсоединенію съ православной церковію присоединившіеся къ православнымъ, теперь становились уніатами. Впрочемъ, усиленныя нападенія

---

[1]) А. К. К. 1766 г., № 262 и 276.

[2]) А К. К. 1769 г, 11 февр. № 67, донес. иг. Виссаріона

и гоненія на православныхъ въ 1768—1769 г. были по преимуществу въ западной и юго-западной мѣстности (близъ Бѣлой-Церкви, Умани, Конелой), а въ Чигиринщинѣ—нападенія были слабѣе, такъ какъ уніаты боялись сюда заглядывать: здѣсь продолжали дѣйствовать гайдамаки [1]). Движеніе къ православію, поднятое предъ симъ, не заглохло, хотя уніаты и старались заглушить народное возстаніе; такъ же трудно было затушить и движеніе народа къ православію. Успѣхи уніи были здѣсь подорваны и сравнительно непрочны. Къ счастью для православнаго народа, и русскія войска мало по малу проникались сочувствіемъ и начинали покровительствовать православному народу, и защищали отъ нападокъ уніатовъ, пановъ.

Украинскіе монастыри въ это врема выносили всѣ тягости народныхъ бѣдствій и оставались на стражѣ православія и русской народности. Народъ въ монастыряхъ находилъ себѣ и ободреніе и утѣшеніе.

XVII.

Тяжелыя гоненія, угнетенія и притѣсненія со стороны уніатовъ и ихъ оффиціаловъ а также притѣсненія со стороны поляковъ и польскихъ властей приводили заграничные монастыри къ оскудѣнію и убожеству, даже къ разоренію. Это оскудѣніе касалось какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ силъ и средствъ.

Матеріальное положеніе заграничныхъ монастырей было слѣдующее.

Монастыри, хотя и были надѣлены угодьями, но эти угодья были у многихъ разграблены. Монастырское имущество разорено. Казна была пустая. За многими монастырями числились долги, за которые угрожали новыя разоренія, нападенія со стороны кредиторовъ. Количество оброчныхъ статей сократилось.

Такъ, въ вѣдѣніи Св. Духовскаго Виленскаго монастыря было всего 6 оброчныхъ дворовъ и крестьянъ, нѣсколько лавокъ, доходъ съ которыхъ былъ очень скудный. Въ довершеніе всего монастырь пострадалъ отъ пожара. Кронскій монастырь имѣлъ церковь, крытую гонтою, 2 деревянныхъ, весьма ветхихъ, келліи съ чуланами, конюшню и „шпиталь“; вблизи монастыря находился фольварокъ („Жейдекишки“), съ пекарней и 2 небольшими

[1]) С. Иваницкій, цит. соч., стр. 249.

хлѣвами, огородъ и 5 человѣкъ подданныхъ [1]). Жителей православнаго или католическаго исповѣданія вблизи не было; не было также и парохіи [2]). При Кейданскомъ монастырѣ находились старыя избушки и 2 парохіальныхъ двора; монастырь угодій не имѣлъ и содержался отъ милостынныхъ подаяній. При Сурдецкомъ монастырѣ парохіи не было; оброчныхъ крестьянъ было 8 дворовъ. Въ Грозовскомъ монастырѣ былъ небольшой фольварокъ, съ броваромъ, солодовницей, 3 гумнами и сырницей; подданныхъ въ с. Слободкѣ было 9 дворовъ [3]). Въ Вевейскомъ монастырѣ церковь была крытая гонтой, весьма ветхая, съ подгнившими стѣнами и подвалинами; на колокольнѣ всего 4 малыхъ колокола; кромѣ 2 новыхъ келлій, остальныя постройки были ветхи, особенно—броваръ; подданныхъ было 6 человѣкъ и 5 чиншевиковъ, которые платили по 12 злот.; жита собиралось 29 копенъ, ячменя 20, овса 6, гречихи 10 возовъ, гороха 20 и сѣна 10 возовъ [4]). Этого хлѣба было *только* съ „*потребу*“ [5]), значитъ, только хватало для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ нуждъ. Парохіи здѣсь не было. Впрочемъ, братія преподавала требы православнымъ (благочестиваго исповѣданія) жителямъ, жившимъ въ окрестностяхъ города за нѣсколько миль.

Въ Соломерецкомъ и Друйскомъ монастырѣ матеріальное положеніе было нѣсколько лучше: здѣсь было достаточное количество земли и сѣнокосовъ и „весьма довольная“ парохія [6]). Также и въ Лебединскомъ монастырѣ была парохія, въ которой числилось 228 дворовъ и свыше 1,000 душъ. Здѣсь же были 2 пасѣки, 2 хутора, сѣнокосы, мельницы, грунты [7]). Въ Медвѣдовскомъ монастырѣ былъ сѣнокосъ на 3 скирды сѣна, байракъ, хуторъ для скота, пасѣка свыше 100 ульевъ, 2 мельницы на Медвѣдовкѣ и Тясминѣ. Болѣе другихъ былъ обезпеченъ Слуцкій монастырь, который получалъ подымное съ вотчинъ Тройчанской, Морочьской, Окончинской, Шипиловичской, Пасѣчанской, Синяговской, Яминской, Терешковской, Пуховичской, Быбацковской, Оксамитовской—около 2500 злот.; также отъ аренды лавокъ 3990 злот., въ общемъ до 1000 руб. Этотъ же монастырь

---

[1]) А. К. К. 1766 г., д. генер. пов. № I, л. 39.
[2]) „Матеріалы“... проф. Голубева, стр. 25—27.
[3]) А. К. К. 1766, д. генер. пов. № I, л. 21.
[4]) Ар. К. К., 1766 г., д. генер. пов. № I, л. 42—43.
[5]) Матеріалы...“ проф. Голубева, стр. 25—27.
[6]) Ibidem, стр. 27.
[7]) А. К. К. 1766 г., д. № 71, 29 мая.

имѣлъ 2 доходныхъ часовни въ Сороговѣ и Лютовичахъ, откуда получалось отъ богомольцевъ: ленъ, холстъ, воскъ и деньги [1]). Минскій Петро-Павловскій монастырь былъ значительно бѣднѣе. Здѣсь въ 1766 г. было въ хозяйствѣ: 3 вола, 2 коровы, 1 свинья, 2 поросенка и 2 подсвинка, 3 гуся, 4 курицы; грунты и поля были частью отняты, частью въ заставѣ. Со всѣхъ 30 „пляцовъ“ (съ постройками обывателей) чиншеваго сбору поступало 157 злот. и 25 грош. въ годъ, что и расходовалось на нужды только церкви [2]). Церковь, хотя и была каменная, но пришла въ ветхость отъ пожара: стѣны покололись, своды въ склепѣ завалились; иконостаса въ Предтеченскомъ придѣлѣ совсѣмъ не было. Въ Буйницкомъ монастырѣ было во владѣніи пахатной земли 1 десятина, а фундушовыхъ подсосѣдковъ 4 дома; половина подсосѣдковъ и сѣнокосъ съ лѣсомъ и грунтомъ были отняты кн. Сапѣгой; содержался, главнымъ образомъ, отъ подаяній, но и это запрещали католики. Борколабовскій монастырь имѣлъ лишь 1 десятину пахатной земли и 5 пустырей; у монастырскихъ подсосѣдковъ, которые пахали на монастырь, было 4 дома; содержался, главнымъ образомъ, отъ милостыннаго подаянія и отъ церковныхъ доходовъ; но милостыня была запрещена уніатами, а церковные доходы панами были отданы въ аренду жидамъ [3]).

Въ свое время эти монастыри имѣли достаточно земель, угодій и другихъ доходныхъ статей. Но всѣ эти доходы къ половинѣ XVIII в. значительно уменьшились и сократились, вслѣдствіе тѣхъ страшныхъ стѣсненій и притѣсненій въ матеріальномъ и правовомъ отношеніи, какія приходилось терпѣть православнымъ монастырямъ отъ уніатовъ и католиковъ, отъ поляковъ и жидовъ. Монастыри приходили къ разоренію и опустошенію: не въ силахъ были содержать въ порядкѣ свое хозяйство, возстановлять и приводить въ благолѣпный видъ храмы.

Нѣтъ спору, и сами монастырскіе настоятели нерѣдко были причиною разстройства монастырскаго хозяйства: они растрачивали монастырское добро на свое личное удовольствіе, на безпутную жизнь. Но больше всего урона терпѣли монастыри отъ своихъ враговъ, уніатовъ и католиковъ, отъ ихъ нападеній, захватовъ.

---

[1]) „Памятники“. проф. Титова, л. 1681.
[2]) А. К. К. 1766 г., генер. пов. № I, л. 15.
[3]) Ibidem, л. 56.

Притомъ, процессы, которые приходилось вести монастырскимъ властямъ для защиты своихъ владѣній и правъ, также истощали монастырскія средства. Процессы требовали средствъ на поѣздки въ судъ, на наемъ повѣренныхъ или стряпчихъ, на снятіе необходимыхъ копій съ документовъ. Не даромъ старшій Азарія писалъ, что „чрезъ позви (въ судъ) монастыри разорены и многіе отняты“: что это—способъ, „отъемлющій всю мочь монастырей и послѣднюю каплю крови висисающій“, что многіе православные этимъ способомъ были „доведены до крайней нищеты и отпали отъ вѣры“.

Неудивительны послѣ этого тѣ постоянныя жалобы на скудость монастырской казны, на недостатокъ средствъ для самыхъ необходимыхъ починокъ обветшавшихъ церковныхъ и монастырскихъ строеній; неудивительны тѣ частыя просьбы о вспомоществованіи, о разрѣшеніи собрать милостыню въ Малой Россіи, въ Запорожьѣ, въ Великороссіи.

При такой скудости матеріальныхъ средствъ, состояніе церквей было крайне убогое. Какъ мы видѣли, церкви были крыты больше гонтой; при нихъ рѣдко была каменная колокольня. Иногда колокола помѣщались просто подъ навѣсомъ, на 4-хъ столбахъ; колоколовъ было немного,--2, много 4, и то—небольшихъ. Ограда была деревянная, изрѣдка каменная. Крыша во многихъ мѣстахъ протекала, стѣны даже въ алтарѣ были изъ ветхихъ. Въ церкви не было достаточно богослужебныхъ книгъ [1]), а имѣвшіяся въ монастыряхъ книги были весьма старинныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полуистлѣвшія. Апостолы и евангелія были безъ началъ. Учительныхъ книгъ было очень мало, исключая одного Слуцкаго монастыря, гдѣ было въ библіотекѣ до 6,000 экземпляровъ.

Еще хуже было въ приходскихъ церквахъ.

По донесенію Досиѳея Галяховскаго, приходскія церкви были въ лѣсахъ, среди болотъ, въ самомъ крайнемъ убожествѣ; многія изъ нихъ послѣ пожаровъ и разрушенія стояли не возобновленными, не чинились. Престолы и жертвенники „на четырехъ дручкахъ“ съ одними досками, обложены были весьма старымъ и самымъ простымъ полотномъ или свитянымъ ношеннымъ сукномъ; на престолѣ не было печатныхъ евангелій, кромѣ писанныхъ „старинными характерами старосвѣцкими“; евангелія и апостолы были „безъ початковъ и зачалъ“, часословъ одинъ,

---

1) А. С. С. 1757 г., д, № 289, л. 6—7.

весьма старинный. Другихъ книгъ не было. Сосудохранительницы лубяныя; кадильницы—черепки на веревочкахъ; кадили при богослуженіи „яловымъ листомъ". Сосуды оловянные. Служить было не на чемъ и некому, а потому служба отправлялась лишь въ храмовые дни, на Пасху и Благовѣщеніе [1]).

XVII.

Не меньшая скудость была въ заграничныхъ монастыряхъ въ монашествующей братіи.

По донесенію Досиѳея Галяховскаго, ревизовавшаго Слуцкую архимандрію при вступленіи въ должность архимандрита (въ 1759 г.), братіи было очень мало. Монастыри похожи были на пустыни.

Одинъ и тотъ же іеромонахъ долженъ былъ быть и настоятелемъ и экономомъ; совершать требы для прихожанъ ближайшихъ городовъ и поселеній. Въ Слуцкомъ Преображенскомъ монастырѣ былъ всего 1 іеромонахъ; въ Дрогичинскомъ Преображенскомъ монастырѣ 1 іеромонахъ, въ Дрогичинскомъ Троицкомъ 1 іеромонахъ, въ Грозовскомъ Іоанновскомъ 1 іеромонахъ. Въ Кронскомъ, Вевейскомъ, Кейданскомъ, Сурдецкомъ, по донесенію Ѳ. Леонтовича, въ 1756 г. былъ 1 іеромонахъ—самъ священникъ, самъ пѣвецъ, самъ чтецъ, пономарь чуть, не прихожанинъ [2]). Духовниковъ, въ монастыряхъ не было; не было и іеродіаконовъ ни въ Слуцкомъ Троицкомъ, ни въ Слуцкомъ Братскомъ монастырѣ [3]). Въ другихъ монастыряхъ было немногимъ больше братіи. Такъ, въ Виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ былъ 1 игуменъ, 3 іеромонаха, 3 монаха, 4 послушника изъ оброчныхъ крестьянъ [4]). Въ Яблочинскомъ монастырѣ было 6 іеромонаховъ, въ Брестскомъ 12 человѣкъ братіи, въ Бѣльскомъ 3 человѣка [5]). Большее количество братіи замѣчается въ Бѣлорусскихъ, также въ Украинскихъ монастыряхъ. Такъ, въ Буйницкомъ монастырѣ въ 1767 г. было: 1 игуменъ, 6 іеромонаховъ, 6 іеродіаконовъ, 3 монаха; въ Тупичевскомъ—8 іеромонаховъ, 2 іеродіакона, 7 монаховъ; въ Борколабовскомъ Вознесенскомъ было 33 монахини;

---

[1]) А. С. С. 1763–1764, д. № 347, л. 40—41.

[2]) „Памятники..." проф. Ѳ. Титова, т. I, стр. 961.

[3]) А. К. К. 1759 г., д. № 165.

[4]) „Матеріалы..." проф. С. Голубева, стр. II—III.

[5]) „Памятники.." проф. Ѳ. Титова, т. 1, л. 1188—1189.

въ Кутейнскомъ мужескомъ 12 монаховъ, а въ женскомъ 46 монахинь [1]). Въ Лебединскомъ—1 игуменъ, 8 іеромонаховъ, 2 іеродіакона и 9 монаховъ [2]).

Медвѣдовскій монастырь былъ однимъ изъ многолюдныхъ. Въ 1764 г. въ немъ было 46 монаховъ: 1 игуменъ, 2 отшельника, 7 іеромонаховъ, 4 іеродіакона, 1 схимникъ и 31 монахъ [3]). Въ 1767 г. здѣсь было 42 монаха, въ 1768—32, въ 1769—33, въ 1770 г. 47 [4]). Также и въ Жаботинскомъ монастырѣ было значительное число братіи: 4 служащихъ и 3 престарѣлыхъ іеромонаха, 2 служащихъ и 2 неслужащихъ іеродіакона, 32 мантійныхъ и 5 рясофорныхъ [5]).

Сравнительная скудость братіи въ заграничныхъ монастыряхъ зависѣла, прежде всего, отъ бѣдности и убожества послѣднихъ. Извѣстно, что наиболѣе богатыя обители привлекали всегда наибольшее число желающихъ постричься въ монашество и жить здѣсь. Съ другой стороны, жизнь въ заграничныхъ монастыряхъ была далеко не безопасной: мало того, что монастыри были бѣдны и не давали обезпеченія братія, они еще подвергались нападеніямъ со стороны уніатовъ и католиковъ. Поэтому нерѣдко цѣлый монастырь in corpore выселялся въ другія, болѣе безопасныя мѣста. Требовался своего рода подвигъ и твердость духа, чтобы не бояться жить въ заграничныхъ монастыряхъ. Извѣстно, что не смотря на почетность службы въ должности игумена одного изъ видныхъ мѣстъ монастырей, Виленскаго, старшіе—игумены отказывались отъ этой чести и, не проживъ 2—3 лѣтъ, просили увольненія и освобожденія отъ этой чести [6]).

Количество наличной братіи было незначительно и потому, что „отъ монастыря въ монастырь монахамъ вольный переходъ“ [7]); другими словами: многіе какъ легко принимались въ монастыряхъ, такъ легко и быстро оставляли монастыри. По донесенію Филоѳея Контаровскаго, „кто было наречетъ себе быти іеромонахомъ или іеродіакономъ, тому прежніе игумены безъ разбору дозволяли священнодѣйствовати“ [8]). Конечно, бывали случаи

---

[1]) Ibidem, стр. 1337—1338.
[2]) Ibidem, стр. 1389
[3]) А. К. К. 1766 г., вѣд. № 71.
[4]) А. К. К., вѣдом. о Медвѣдов. м-рѣ за 1768 г. 9 январ., 1766 г., 14 мая.
[5]) „Памятники.“—проф. прот. Ѳ. Титова, т. 1, стр. 1359.
[6]) Сильвестръ Добрыня просилъ увольненія отъ должности старшаго.
[7]) „Матеріалы“. проф. Голубева, стр. 22—24.
[8]) К. Е. Вѣд. 1893, стр. 58.

принятія и допущенія къ совершенію богослуженія и запрещенныхъ въ служеніи. Такія лица были очень не надежны: они оставались въ монастырѣ до той поры, пока имъ пріятно и удобно жить. Но при первой же опасности отъ уніатовъ, при первомъ же столкновеніи съ настоятелемъ они уходили изъ монастыря.

Сравнительно большее количество братіи было въ Украинскихъ монастыряхъ. Это объясняется тѣмъ, что сюда приходили выходцы и постриженцы изъ Валахіи и Молдавіи, а также тѣмъ, что жизнь братіи здѣсь была свободнѣе. Здѣсь братія пользовалась очень большимъ вліяніемъ и значеніемъ въ монастырскихъ дѣлахъ. Это видно изъ того, что игуменъ безъ дозволенія братіи не могъ даже отлучиться изъ монастыря [1]). Но и здѣсь въ годины бѣдствій православной русской церкви количество братіи уменьшалось.

Если въ заграничныхъ монастыряхъ чувствовался недостатокъ въ количествѣ монастырской братіи, то еще больше чувствовался этотъ недостатокъ въ качественномъ отношеніи.

Георгій Конисскій писалъ м. Арсенію, что „добрыхъ монаховъ весьма мало, а пьяницъ и бродягъ весьма большое число“, почему онъ и прибѣгалъ къ частымъ смѣнамъ и перемѣщеніямъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой [2]).

Не только меньшая, подначальная, но и старшая братія, въ лицѣ игуменовъ была далеко не безупречна въ нравственномъ отношеніи [3]). Вдали отъ архипастырскаго взора монашествующая братія чувствовала себя свободнѣе и вела жизнь свободную, нерѣдко и зазорную.

Монахи волочились, пьянствовали, бродили по сосѣднимъ селамъ и монастырямъ, дѣлали вооруженныя нападенія на крестьянскія семьи (особенно это случалось на Украинѣ), таскались по женскимъ монастырямъ [4]). Игумены также вели жизнь разгульную, сами тратили попусту монастырское добро, безъ разбору принимали монаховъ. Старанія нѣкоторыхъ изъ настоятелей (напр. Галяховскаго, П. Волчанскаго), такъ сказать, подтянуть братію вызывали не только глухіе, но и явные протесты со стороны братіи. Послѣдняя старалась опорочить своего настояте-

---

[1]) К. Е. В. 1870 г., стр. 18—19.

[2]) „Памятники...“, проф. Ѳ. Титова, т. I, 1173—1174.

[3]) А. К. К. 1765 г., дол. генер. пов., № 1.

[4]) Игуменья Чигиринскаго монастыря жаловалась, что монахи не давали покоя монахинямъ.

ля и даже изгнать его изъ монастыря. Борьба между братіей и настоятелями въ Слуцкомъ и Виленскомъ монастыряхъ въ разсматриваемое нами время, къ соблазну православныхъ и на радость уніатовъ, велась почти непрерывно. Досиѳей Галяховскій (1759—1763 г.) вышелъ изъ Слуцкаго монастыря съ великимъ позоромъ: онъ былъ запрещенъ въ священнослуженіи, и далеко не безъ основанія; растратилъ монастырское добро и велъ жизнь не безупречную.

Скудость монастырской братіи, безъ сомнѣнія, невыгодно отражалось на положеніи заграничныхъ монастырей и вообще на положеніи православія и русской народности въ западномъ краѣ. При значительномъ числѣ братіи въ монастыряхъ, могло быть и большее число нравственныхъ и умственныхъ силъ для возвышенія и защиты православной церкви и русской народности. Наоборотъ, при недостаткѣ братіи меньше было и нравственныхъ и умственныхъ силъ для защиты православно-русскаго дѣла въ Польскомъ государствѣ. Недостатокъ же высоко нравственныхъ и просвѣщенныхъ братій и взаимныя несогласія и тяжбы однихъ изъ братій съ другими, также легкая, небезупречная жизнь служили и къ униженію православной церкви, и къ соблазну народа православнаго, на радость враговъ православія и русской народности. Старшій игуменъ Азарія писалъ м. Арсенію: „монаховъ добрыхъ нѣтъ, и сіе зѣло вредительно для благочестивой вѣры“ [1]).

XVIII.

Для защиты дѣла православныхъ русскихъ обитателей предъ Польскимъ правительствомъ, какъ извѣстно, были при королевскомъ дворѣ резиденты. послѣднимъ онъ въ разсматриваемое нами время былъ князь Репнинъ. по отзывамъ Костомарова, хотя и былъ православнымъ, но безъ сердечности относился къ православному народу; по его личному воззрѣнію, вовсе не стоило хлопотать о привиллегіяхъ для православной вѣры,— которая была, повидимому, вѣрою черни, народа. Какъ баринъ по воспитанію и образу мыслей, какъ большой любитель женскаго общества, онъ легко уживался съ поляками и усваивалъ ихъ взгляды на человѣческія отношенія.

---

[1]) А. К. К. 1765 г., д. генер. пов. № 1, дон. 31 авг. 1764 г.

Нужно, конечно, отдать справедливость Репнину въ томъ, что онъ, какъ вѣрный слуга своего отечества и своей императрицы, съ энергіею и настойчивостію исполнялъ распоряженія изъ Петербурга, даже такія, которымъ онъ мало сочувствовалъ. Тѣмъ не менѣе онъ понималъ интересы русскаго населенія въ предоставленіи привиллегій не православному, а уніатскому духовенству и предъ Россіей ходатайствовалъ о послѣднемъ [1]).

Извѣстно, что когда на сеймѣ 1768 года было дано право составлять и смѣшанныя комиссіи для разбора дѣлъ православныхъ католиковъ (jus mixti judicii), то поднялся вопросъ о возвращеніи православнымъ церквей, отнятыхъ на унію. Дѣло было очень важное и трудное. Тогда Георгій Конисскій обратился къ Репнину съ просьбой оказать содѣйствіе. Но Репнинъ сказалъ на это: „васъ никто не будитъ отыскивать, но то въ вашей волѣ“ [2]). Это достаточно характеризуетъ отношеніе Репнина къ дѣлу православныхъ. Впрочемъ, онъ все таки былъ вѣрнымъ слугой своей царицы и исполнялъ ея велѣнія.

Въ Россіи, при дворѣ, дѣлами заграничныхъ христіанъ завѣдывала Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣдняя къ дѣлу защиты православнаго народа относилась слишкомъ осторожно (если не равнодушно), боясь всякаго обостренія вопросовъ, касавшихся польскихъ отношеній къ Россіи.

Когда въ 1766 г. Георгій Конисскій представилъ, что слѣдовало бы добиться отъ Польши учрежденія смѣшанной комиссіи для рѣшенія дѣлъ между православными и католиками, то Коллегія (князь Голицынъ и Панинъ) высказала, что учрежденіе такой комиссіи будетъ не кстати, такъ какъ никто не воспрещаетъ обиженному искать суда на обидчика; учрежденіе ея противно и польскимъ правамъ и законамъ, такъ какъ тамъ есть высшія учрежденія; требованіе комиссіи вызоветъ отказъ со стороны Польши, подтвергаться которому неудобно для русскаго двора, а потому совѣтывала всѣмъ виленскимъ монастырскимъ властямъ вести себя мирно, скромно, не вызывать несправедливыхъ приговоровъ, не подавать и повода къ судебнымъ искамъ, а въ случаяхъ дѣйствительныхъ обидъ обращаться къ суду по законамъ, чего никто не можетъ запретить—православнымъ [3]).

---

[1]) „Посл. дни Рѣч. Поспол.“ т. I, 112–113.
[2]) „Памятники“... проф. Титова т. I, 1428—1429.
[3]) Ibibem, 1334—1335.

Но справедливо указывалъ архіепископъ Георгій, что 1) въ дѣлахъ церковныхъ судьи римскаго закона не могутъ быть справедливыми, такъ какъ, при самой невинности православныхъ, они считаютъ за грѣхъ защищать послѣднихъ. Каковы были польскіе суды, извѣстно: кто былъ посильнѣе, того и дѣло было правое; а въ дѣлахъ съ католиками, конечно, судьи католики были на сторонѣ не православныхъ, а католиковъ. При томъ архіепископъ Георгій указывалъ и на то, что при Петрѣ I весьма успѣшно было требованіе смѣшанной комиссіи, посланное королю съ графомъ Рудаковскимъ. „Безъ этой же комиссіи лучше и руки умыть,—писалъ архіепископъ Георгій,—и совсѣмъ отказаться отъ защиты монастырей“ [1]).

Какъ извѣстно, на сеймѣ 1768 г., дѣйствительно, несмотря на протесты католиковъ, вопросъ о смѣшанной комиссіи рѣшенъ былъ положительно—по настоянію императрицы. Нужно добавить еще о Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что съ началомъ 1767 года, когда дѣло защиты православныхъ интересовъ перешло въ руки полномочнаго посла, князя Репнина, она оказалась въ сторонѣ отъ дѣла защиты православныхъ: всѣ дѣла направлялись непосредственно къ Репнину, минуя Коллегію [2]).

Еще виленскій старшій, Ѳеофанъ Леонтовичъ, высказывался (1759 г.), что умѣренный образъ дѣйствій Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ былъ безплоднымъ и безполезнымъ. Выраженіе сильное, тѣмъ не менѣе правдивое: въ теченіе 70 лѣтъ,—писалъ Ѳеофанъ Леонтовичъ,—усилія Коллегіи не возвратили православнымъ ни одного захваченнаго монастыря.

Такое явленіе происходило оттого, что Коллегія больше всего смотрѣла на дѣла православныхъ сквозь очки польскаго министерства: она руководилась представленіями, которыя поступали изъ Польши, а тамъ, въ русскомъ посольствѣ, дѣйствовалъ секретарь Ржичевскій,—„римской своей церкви истинный сынъ и защитникъ, а православной и восточной присяжный врагъ и разоритель“, 3)—какъ его характеризовалъ Леонтовичъ. Несмотря на рѣзкость выраженій, и въ этихъ словахъ Леонтовича много правды: дѣйствительно, Коллегія слишкомъ играла въ политику, была противъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны русскаго правительства, и даже отвергала возможность представленія жалобъ со стороны монастырей посланнику, съ просьбой защиты и

---

1) „Памятники...,“ проф. Ѳ. Титова т. I, стр. 1345.

2) О такомъ порядкѣ въ направленіи дѣлъ былъ посланъ указъ Св. Синода 1767 г., 1 марта (Ар. К. Выд. монастыря 1767 г., № 28).

3) „Матеріалы“, проф. С. Голубева, стр. 149.

покровительства, особенно возможность какой нибудь угрозы со стороны посланника, считая все это неумѣстнымъ и несогласнымъ съ польскими обычаями [1]). А это и служило въ руку польскому двору.

XIX.

Значеніе Кіевскаго митрополита въ глазахъ православнаго населенія Польши было весьма велико. Православный русскій народъ, страдавшій подъ гнетомъ Польши, смотрѣлъ на митрополита Кіевскаго, какъ на своего родного ахрипастыря, какъ на „особливѣйшаго патрона“, у котораго всегда можно искать „особливаго защищенія въ благочестивей вѣрѣ“ и покровительства въ дѣлахъ отстаиванія своихъ правъ, своей вѣры [2]).

Такое значеніе въ глазахъ православнаго населенія налагало на Кіевскихъ іерарховъ обязанность прилагать, съ своей стороны, всѣ усилія оказать помощь православному населенію, стонавшему подъ игомъ уніи и полонизма. Но какъ было подать помощь,—вотъ вопросъ. Для личныхъ ходатайствъ не было у митрополита и средствъ и возможности. Доступъ не только ко двору польскому, но даже и къ польской границѣ былъ прегражденъ. Оставалось просить ходатайства у другихъ лицъ или дѣлать представленія высшимъ властямъ.

И, дѣйствительно, м. Арсеній сочувствуя бѣдствіямъ православныхъ въ Польшѣ, прежде всего, обращался съ письмами къ польскимъ магнатамъ, какъ Радзивиллу, просилъ о справедливомъ отношеніи къ православнымъ, затѣмъ, писалъ русскому посланнику, князю Репнину, и др. и у него просилъ покровительства православнымъ и заступничества предъ польскимъ дворомъ и магнатами. Въ случаяхъ вопіющихъ несправедливостей и притѣсненій, что бывало въ эту пору далеко не рѣдкостью, м. Арсеній представлялъ жалобы православныхъ при своемъ доношеніи въ Св. Синодъ и просилъ защиты и покровительства высшихъ властей.

Такъ какъ митрополитъ Арсеній лично не могъ являться защитникомъ и ходатаемъ во время реляційныхъ, конфедерацкихъ судовъ, то онъ прибѣгалъ къ содѣйствію архіепископа Георгія Конисскаго, великаго печальника за православіе и народъ русскій, выносившаго на себѣ всю тяжесть защиты православныхъ, также гоненій и преслѣдованій со стороны поляковъ.

---

[1]) Ар. Св. Синода 1764 г., л. 68—69.

[2]) Ар. К. Кон., 1762 г., № 257, донес. братчиковъ Дрогичинскихъ и Бѣльскаго монастырей.

Митрополитъ Арсеній поручилъ ему не только внутренній надзоръ за православными монастырями [1]), но и внѣшнюю защиту интересовъ ихъ предъ польскими судами. Если по дѣламъ внутренняго устройства и управленія заграничными монастырями иногда выходили недоразумѣнія между Кіевскимъ митрополитомъ и архіепископомъ Георгіемъ, то, къ счастью для православія, русской церкви, русскаго народа, такихъ недоразумѣній не бывало, когда дѣло касалось внѣшней судьбы православныхъ монастырей, защиты ихъ отъ насилій со стороны поляковъ и уніатовъ. Въ данное время м. Арсеній оказывалъ особую помощь архіепископу Георгію въ дѣлѣ отстаиванія фундушей слуцкихъ монастырей.

Какъ извѣстно, преслѣдованія со стороны поляковъ и уніатовъ направлялись не только на отдѣльныхъ лицъ, но касались всего православнаго населенія, его правъ и привиллегій. Чтобы подорвать православіе и заставить православныхъ перейти въ унію, поляки посягали и на личность и на права монастырей, на церковное имущество, насильно захватывали церковныя и монастырскія земли, грунты, а потомъ, и самые храмы, монастыри. Въ судахъ, къ которымъ нужно было обращаться, очень важно было для православныхъ имѣть доказательства своихъ правъ на тѣ или и другія имѣнія, угодья, храмы, монастыри: а все это опредѣлялось фундушовыми записями, данными православнымъ церквамъ и монастырямъ. Поляки понимали это и старались отнять у православныхъ и ихъ фундуши [2]).

Но и православные берегли ихъ, какъ самое драгоцѣнное наслѣдіе; если же начинались судебные проценты, они напрягали всѣ усилія, съ своей стороны, чтобы отыскать гдѣ нибудь копіи фундушовыхъ записей. Затѣмъ, когда въ 1766 г. поднялся принципіальный вопросъ о дарованіи правъ диссидентамъ, потребовались доказательства отъ древнихъ временъ (съ XVI в.) правъ православныхъ на свободное исповѣдываніе своей вѣры въ Польшѣ. Архіепископъ Георгій не одинъ разъ обращался къ митрополиту Арсенію съ просьбой оказать содѣйствіе,—отыскать древніе письменные доку-

---

[1]) Въ 1766 г., м. Арсеній просилъ Георгія Конисскаго посвятить въ игумены Бѣльскаго монастыря, кого изберетъ братія и братство, а также имѣть наблюденіе и надъ прочими монастырями и церквами въ подобныхъ случаяхъ („Памятники...“ проф. Титова т. I, 1368).

[2]) Латинскіе и уніатскіе патеры „не только лишеніемъ благословенія, но и угрозой клятвы церковной и кары Божіей“ побуждали поляковъ отнимать фундуши и земли у православныхъ церквей и монастырей. (А. К. Кон, 1752 г., д. № 61.

менты на свободное исповѣданіе въ Польскомъ королевствѣ греческой вѣры, оригиналы королевскихъ привиллегій или выписи съ нихъ, данныя съ 1500 года, а также печатныя тетради о дѣйствіяхъ православныхъ соборовъ въ Вильнѣ, Брестѣ и другихъ городахъ.

Митрополитъ Арсеній распорядился, чтобы во всѣхъ монастыряхъ и монастырскихъ библіотекахъ, начиная съ Кіево Софійскаго, былъ произведенъ осмотръ документовъ, не найдется ли чего нибудь подходящаго къ необходимымъ для Георгія Конисскаго документамъ. Были посланы соотвѣтствующія промеморіи и къ архимандритамъ Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Межигорскаго монастыря, а также въ Черниговскую и Переяславскую консисторію и въ Кіевскій магистратъ. Полученные подлинные документы, грамоты и книги, или заурядовыя копіи были посланы чрезъ слуцкаго архимандрита архіепископу Георгію [1]).

Затѣмъ, съ открытіемъ сейма въ сентябрѣ 1766 г., оказалось, что необходимо было представить подлинныя жалобы о притѣсненіи православныхъ. Архіепископъ Георгій обратился къ м. Арсенію и просилъ его распорядиться, чтобы настоятели монастырей, страдавшихъ отъ поляковъ и уніатовъ, особенно Слуцкаго и Пинскаго, поспѣшили явиться на сеймъ съ жалобами [2]).

Митрополитъ Арсеній велѣлъ послать нарочныхъ къ настоятелямъ заграничныхъ монастырей, чтобы они (настоятели) представили доклады сейму объ обидахъ и притѣсненіяхъ или лично, или чрезъ особенныхъ довѣренныхъ лицъ, при чемъ рекомендовалъ всѣмъ обращаться за наставленіями къ архіепископу Георгію [3]). Конечно, всѣ настоятели не могли лично явиться въ Варшаву; туда прибыли настоятели Слуцкаго (Павелъ Волчанскій), Пинскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Настоятели же Жаботинскаго Онуфріевскаго и Медвѣдовскаго Николаевскаго монастыря не могли прибыть своевременно и потому прислали свои жалобы въ Кіевъ митрополиту Арсенію; Чигиринскій монастырь не имѣлъ средствъ, а потому также присылалъ въ Кіевъ [4]); Жаботинскій и боялся посылать кого нибудь, чтобы поляки не

[1]) Такія посылки были отправлены 8 апрѣля 1766 г.. 25 мая 1766 г. („Труд. К. Д. Акад." 1894 г., іюнь 303—304).

[2]) Ibidem, стр. 305.

[3]) Подлинное письмо м. Арсенія къ архіепископу Георгію въ сборн. пис. за 1766 г., № 115.

[4]) Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. III, 217—219.

убили [1]). Изъ Кіева жалобы въ особыхъ экстрактахъ были пересланы архіепископу Георгію. При этомъ митрополитъ Арсеній просилъ его изыскать всѣ возможныя средства къ защищенію Жаботинскаго Онуфріевскаго и Медвѣдовскаго Николаевскаго монастырей и православныхъ обитателей вблизи этихъ монастырей.

Когда послѣ неудачи на сеймѣ 1766 года, архіепископъ Георгій просилъ митрополита Арсенія ходатайствовать предъ Св. Синодомъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Варшавѣ о скорой и сильной помощи „озлобляемымъ благочестивымъ монастырямъ и церквамъ“,—митрополитъ Арсеній исполнилъ его просьбу и послалъ ходатайство въ Свят. Синодъ.

Затѣмъ, изъ Кіевской каѳедры шла помощь и матеріальными и духовными силами. Какъ извѣстно изъ донесеній Галяховскаго и другихъ, заграничные монастыри, прежде всего, нуждались въ самомъ необходимымъ для совершенія богослуженія, въ богослужебныхъ книгахъ, церковной утвари, церковныхъ облаченіяхъ. Кромѣ того, самые храмы были, за рѣдкими исключеніями, въ нищетѣ и убожествѣ. Таковы были сгорѣвшія церкви въ Вильно, въ Пинскѣ (Св. Ѳеодора) и въ другихъ мѣстахъ: многія изъ церквей стояли безъ крышъ, безъ колоколовъ.

Въ убожество приходскихъ церквей съ трудомъ вѣриться... Вмѣсто кадилъ черепки на веревочкахъ; одежды на престолѣ были убогія до nec plus ultra.

Въ виленскихъ монастыряхъ, исключая Минскаго, сосуды были оловянные; плащаницъ и облаченій не было.

Богослужебныхъ книгъ было недостаточно; такъ, въ Марковскомъ монастырѣ былъ крайній недостатокъ печатныхъ книгъ, такъ какъ въ 1749 г. витебская шляхта совсѣмъ разорила монастырскую библіотеку [2]).

Въ Кронскомъ монастырѣ—книги печати Львовской, а больше писанныя, учительныхъ не было, въ Кейданскомъ—ветхія и писанныя [3]). Въ Польшѣ печатали ихъ съ добавленіемъ въ символѣ вѣра Filiodue; о пресуществленіи Даровъ писалось, что оно совершается во время произнесенія словъ Спасителя; службы препод. Антонію и Ѳеодосію были выброшены изъ мѣсяцеслова [4]).

---

1) А. К. К. 1767 г., донес. № 301.
2) А. С. С. д. 1760 г., 213, л. 30.
3) „Матеріалы...“ проф С. Голубева, стр. 120.
4) „Памятники,“ проф. Титова, т. I, 767.

Митрополитъ Арсеній, узнавъ объ этихъ нуждахъ, распорядился, чтобы изъ монастырей собрали лишніе экземпляры богослужебныхъ книгъ и прислали ихъ въ каѳедру. Объ этомъ же писалъ онъ и къ архимандриту Кіево-Печерской Лавры и просилъ его содѣйствія [1]).

Собранными книгами снабжали заграничные монастыри.

Затѣмъ митрополитъ Арсеній выдавалъ сборныя книги и грамоты, на сборъ подаяній въ Малороссіи, въ Запорожьѣ, въ Великороссіи—для пополненія ризницы, особенно же для возобновленія монастырскихъ и приходскихъ церквей. Такъ, напр., была выдана грамота на сборъ милостыни въ теченіе 1½ года на устройство храма въ с. Жидозерахъ Слуцкой архимандріи [2]), Виленскому, Пинскому [3]), Яблочинскому [4]), Бѣльскому [5]) и др. монастырямъ.

Церкви получали отъ митрополита Арсенія антиминсы, также Св. миро, при чемъ освобождались отъ уплаты всякихъ сборовъ въ каѳедральную казну.

Когда, наконецъ, поступали ходатайства о высылкѣ въ заграничные монастыри монашествующихъ изъ Кіева, митрополитъ Арсеній также, по мѣрѣ возможности, удовлетворялъ эти ходатайства.

Такія ходатайства поступали отъ Ѳ. Леонтовича, Авраамія Флоринскаго [6]). и др. Игуменъ Азарія, указывая въ донесеніи отъ 31 августа 1764 г. на недостатокъ добрыхъ монаховъ, просилъ выслать изъ каѳедры монаховъ честныхъ и трезвыхъ [7]). 17 октября онъ снова просилъ выслать изъ каѳедры 7 іеромонаховъ и іеродіаконовъ и 1 послушника для служенія въ Виленскомъ монастырѣ. Іакинѳъ Пѣлкинскій снова просилъ въ 1766 г. прислать 3 человѣкъ, въ 1767—5 человѣкъ монаховъ [8]).

Архимандритъ слуцкій просилъ прислать ученыхъ іеромонаховъ для проповѣданія Слова Божія и для преподаванія въ семинаріи [9]). Подобныя требованія поступали и изъ другихъ монастырей. Конечно удовлетворить всѣ эти требованія было очень трудно, такъ какъ въ самой каѳедрѣ не было подходящихъ мо-

---

[1]) Ibidem, л. 1164.
[2]) Ibidem, л. 1105.
[3]) А. К. К. 1764 г., № 1918, кн. реестр. 1758 г., № 21, 23.
[4]) Ibidem. № 32.
[5]) „Памятники“, проф. Титова т. I, л. 1151.
[6]) А. К. К., кн. реес. 1758. № 19; 1759 г., № 20.
[7]) А. К. К. 1765 д. генер. пов. о пер. монах., № 1.
[8]) А. К. К. 1767, пост. кон. № 384.
[9]) А. К. К. 1765 г., № 11;.

наховъ. Когда по требованію консисторіи высылались монахи изъ другихъ епархіальныхъ монастырей, то въ каѳедрѣ далеко не всегда находили возможнымъ отправить ихъ въ заграничные монастыри. Съ другой стороны, многіе предназначенные къ отправленію заграницу, отказывались отъ этой службы то по молодости, то по неопытности, а въ сущности—и зъ боязни ѣхать въ эти монастыри [1]).

Въ виду этого нѣкоторые изъ заграничныхъ игуменовъ (Спиридонъ Гриневецкій, Кассіанъ Аравскій) даже ходатайствовали объ отмѣнѣ указа о непостриженіи въ монашество до истеченія 3 лѣтъ, чтобы дать возможность заграничнымъ монастырямъ принимать больше братіи и подготовлять къ служенію [2]).

Кіевская каѳедра и митрополитъ Арсеній не могли, конечно, удовлетворить послѣдней просьбы,—это выходило изъ предѣловъ ихъ полномочій и правъ; ходатайства же о высылкѣ монаховъ удовлетворяли [3]), высылая послѣднихъ то въ духовники, то для череднаго служенія въ заграничныхъ монастыряхъ.

---

1) А. К. К. 1753 г., № 14.

2) „Памятники...“ проф. Ѳ. Титова, т. I, стр. 1020.

3) А. К. К. 1758 г., реес. кн., № 19; 1763 г., д. № 1; 1764, д. 17 окт., 1767 г № 384.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Болѣзнь, кончина и погребеніе м. Арсенія Могилянскаго. Отличительныя черты личнаго характера его. Литературные труды Арсенія Могилянскаго.

I.

М. Арсеній Могилянскій, уволенный на покой по болѣзни (въ 1752 г.), хотя и окрѣпъ въ теченіе 5 лѣтъ предъ назначеніемъ на Кіевскую каѳедру, однако и потомъ подвергался болѣзни. Видимо, тяжелые труды и многочисленныя, сложныя занятія по управленію обширной Кіевской епархіей тяготили его и отражались на его здоровьѣ. Еще въ половинѣ апрѣля 1764 г. митрополитъ Арсеній занемогъ, такъ что не могъ служить. Потомъ, онъ немного оправился и сталъ служить и посвящать ставленниковъ, хотя это стоило ему многихъ трудовъ. Поэтому 20 іюня м. Арсеній уже писалъ Гервасію Переяславскому и просилъ его посвятить 12 человѣкъ въ священники и освятить 30 антиминсовъ, отпечатанныхъ и присланныхъ изъ Москвы [1]).

Въ августѣ 1764 г. Арсеній серьезно заболѣлъ, такъ что вынужденъ былъ прекратить занятія дѣлами. 4 августа онъ объявилъ чрезъ каѳедральнаго писаря, іеромонаха Іакова, что не можетъ подписывать дѣлъ.

Тогда консисторія представила мнѣніе: 1) вмѣсто грамотъ на заложеніе и освященіе храмовъ, на выдачу антиминсовъ, на сборъ милостыни давать указы; 2) по ставленническимъ дѣламъ предварительно дѣлать разсмотрѣніе въ конторѣ, достойныхъ посвященія отправлять къ Черниговскому и Переяславскому преосвященнымъ для посвященія; затѣмъ, по возвращеніи ставленниковъ изъ Переяслава и Чернигова, оканчивать дѣлопроиз-

---

[1]) А. К. К. 1764 г. д. (по опис. 1786 г.) № 133.

водство въ Кіевской конторѣ и отпускать священниковъ безъ грамотъ, при указахъ или при ордерахъ конторы, а грамоты представлять къ подписи послѣ выздоровленія митрополита; 3) такъ же поступать и съ вдовыми священниками; 4) репорты и доношенія Св. Синоду посылать изъ консисторіи: 5) изъ той же консистріи посылать отвѣты на письма изъ генеральной канцеляріи; 6) по дѣламъ челобитнымъ принимать пакеты и, не распечатывая, представлять митрополиту, а, потомъ, передавать въ консисторію на разсмотрѣніе; апелляціи подавать митрополиту послѣ его выздоровленія.

М. Арсеній въ общемъ согласился съ представленнымъ мнѣніемъ, исключая 2 и 4 п. По 1-му п. велѣлъ предварительно собирать справки, не имѣется ли въ тѣхъ приходахъ другихъ священниковъ, а по 4-му велѣлъ—представлять доношенія для его личной подписи [1]).

Дѣйствительно, въ это время м. Арсеній пользовался услугами и помощію сосѣднихъ епископовъ, Иларіона Черниговскаго и Гервасія Переяславскаго: къ нимъ онъ отправлялъ ставленниковъ для посвященія.

Другія неотложныя дѣла онъ рѣшалъ и исполнялъ при содѣйствіи каѳедральной конторы и консисторіи.

Болѣзнь длилась почти до апрѣля 1765 г.; по крайней мѣрѣ, преосвященный Гервасій посвящалъ ставленниковъ, отправленныхъ изъ Кіева при письмахъ отъ 28 марта [2]).

Въ декабрѣ 1768 г. опять занемогъ м. Арсеній. У него началась боль въ поясницѣ, тяжесть и опухоль въ ногахъ. Въ началѣ 1769 г. болѣзненные припадки стали усиливаться. М. Арсеній обратился къ доктору Горголину (изъ Кременчуга) съ письмомъ, полнымъ безпокойства и страха. Горголинъ старался успокоить его и указывалъ средства для содержанія въ порядкѣ геморроидальныхъ кровотеченій; даже совѣтовалъ, въ случаѣ задержки кровотеченія, прибѣгать къ пьявкамъ [3]). Однако м. Арсеній скоро снова обратился къ доктору и жаловался, что у него появляется кровотеченіе изъ горла. Горголинъ всячески успокаивалъ м. Арсенія; впрочемъ, далъ 2 рецепта и совѣтовалъ придерживаться

---

1) А. К. К. 1764 д. № 212.
2) А. К. К. письмо Горголина отъ 24 янв 1769 г.
3) А. К. К. д. по опис. 1786 г., № 122.

данныхъ указаній, а въ случаѣ возможножности—пригласить для совѣта еще какого нибудь врача [1]).

Прошло недѣли три. Въ это время у митрополита случилось нѣсколько припадковъ, а также явилась опухоль въ ногахъ. Горголинъ заочно опредѣлилъ, что припадки происходили отчасти отъ закрытія геморроидъ, а отчасти отъ несоблюденія діэты. Появленіе опухоли приписывалъ или застою крови отъ геморроидальныхъ шишекъ, или долгому стоянію на ногахъ (во время молитвы) и отсутствію движенія. Поэтому онъ совѣтывалъ продолжать употребленіе слабительнаго вина, не опасаясь поносовъ, потому что отъ этого „спасеніе здоровья зависѣло". Въ крайнемъ случаѣ,—совѣтовалъ докторъ,—слѣдовало принимать вино за недѣлю до открытія кровотеченія, или, вмѣсто него, особыя „бальсамическіе Шталѣевы пилюли". Для уменьшенія опухоли въ ногахъ совѣтовалъ употреблять особыя капли, а также же компрессъ (изъ уксуса съ турецкимъ мыломъ).

Кромѣ того, была предписана частая прогулка („проѣздъ") въ веселомъ и покойномъ духѣ для моціона, а также соблюденіи строгой діэты. Въ крайнихъ случаяхъ совѣтовалось пустить кровь (чашки 3) [2]).—Получилъ ли м. Арсеній ослабленіе припадковъ, неизвѣстно. Но такое лѣченіе, какъ пусканіе крови, которая и безъ того текла, даже изъ горла, несомнѣнно, ослабляло организмъ и истощало силы м. Арсенія. При этомъ митрополитъ не оставлялъ своихъ занятій, издавалъ приказы и распоряженія.

Наступила весна 1770 г. 8 іюня митрополита Арсенія не стало: въ 8 ч. 45 м. вечера онъ скончался. Онъ умеръ въ загородномъ митрополитанскомъ домѣ на шулявскомъ плацу.

По кончинѣ м. Арсенія консисторія занялась надлежащими распоряженіями о его погребеніи. Былъ посланъ репортъ въ Св. Синодъ. Затѣмъ, было постановлено совершить перенесеніе тѣла почившаго архипастыря изъ шулявскаго дворца въ Софійскую церковь.

Для этого были посланы указы всѣмъ Кіевскимъ монастырскимъ настоятелямъ и протопопамъ, чтобы они со всѣми священниками, діаконами и дьячками, съ облаченіями, свѣчами и кадильницами явились въ шулявскій домъ къ 8 ч. утра 10 чи-

---

[1]) Горголинъ назначилъ: 1) принимать порошокъ послѣ открытія кровотеченія; 2) въ случаѣ порошки не подѣйствуютъ, пустить кровь изъ вены ноги, потомъ принять порошки отъ жару. При этомъ совѣтовалъ соблюдать полный покой,—ни ходить, ни разговаривать (Ibidem,)

[2]) А. К. К. письм. Горголина № 165, отъ 8 апр. 1769 г.

сла для участія въ церемоніи [1]). Были также посланы указы ко всѣмъ присутствующимъ въ духовныхъ и монастырскихъ правленіяхъ епархіи, чтобы немедленно по полученіи указовъ во всѣхъ церквахъ были отправлены панихиды; чтобы продолжался колокольный звонъ каждый день въ теченіе седьмицы; чтобы творилось поминаніе во всѣхъ церквахъ епархіи въ теченіе цѣлаго года [2]).

Указъ Св. Синода о погребеніи м. Арсенія былъ полученъ не скоро: онъ состоялся только 23 іюня, и могъ быть полученъ въ Кіевѣ не раньше 2 недѣль [3]), т. е. приблизительно въ 1-хъ числахъ іюля. Въ виду этого невѣрно сообщеніе Аскоченскаго, что м. Арсеній погребенъ 21 іюня [4]).

По указу Св. Синода для погребенія митрополита Арсенія былъ назначенъ Бѣлгородскій архіепископъ, Самуилъ Миславскій; погребеніе велѣно было совершить по чину священническаго погребенія, въ каѳедральномъ соборѣ [5]).

Согласно церемоніалу, изданному консисторіей, погребеніе имѣло происходить въ слѣдующемъ порядкѣ: шествіе открывалось 4 монахами въ мантіяхъ, которые несли большой крестъ, 2 хоругви и коливо; за ними шли 3 „поддьяка“ въ стихаряхъ и несли посрединѣ архіерейскій крестъ, а по сторонамъ патерицу и лампаду; за ними 1 діаконъ несъ архіерейскій клобукъ на блюдѣ. Далѣе, 4 діакона несли крышку съ гроба. За ними шли студенты академіи съ своимъ хоромъ, по 2 въ рядъ, съ пѣніемъ „Св. Боже“. Затѣмъ, діаконы несли саккосъ, омофоръ и палицу; за ними шло бѣлое духовенство, по 2 въ рядъ, въ ризахъ, и со свѣчами, тихо и безъ пѣнія. За духовенствомъ слѣдовалъ 2-й хоръ, хоръ дьячковъ, съ пѣніемъ „Св. Боже“. Затѣмъ, опять шли діаконы, которые несли митру и панагію, а по срединѣ ручной крестъ митрополита; затѣмъ—іеромонахи, власти и архіерей. Дальше—опять хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ съ пѣніемъ „Св. Боже“; 4 іеродіакона несли 4 архіерейскихъ осіяльника и, наконецъ, несли гробъ съ тѣломъ усопшаго митрополита. Для несенія гроба было назначено 40 человѣкъ бѣлаго духовенства, которые по очереди смѣняли другъ друга. При гробѣ 4

---

1) А. К. К., ук. К. Печ. Правл. 1770 г., № 832.

2) А. К. К. 1770 г., ук. № 66.

3) Донесеніе консисторіи было послано въ Св. Синодъ 9-го іюня, а синодальный указъ состоялся 23, т. е. какъ разъ чрезъ 12—14 дней.

4) „Кіевъ“, II, стр. 258.

5) А. К. К., ук. 23 іюня, по реес. № 11.

діакона несли 4 рипиды. За гробомъ шли архіерейскіе слуги и канцелярскіе служители.

При перенесеніи тѣла въ Софійскій монастырь были остановки: 1) предъ Золотыми Воротами, 2) противъ Георгіевской церкви и 3) предъ Св. воротами, при входѣ въ монастырь. При остановкахъ совершалась литія.

Для наблюденія за порядкомъ были назначены: сеньоръ бурсы (при студентахъ академіи), Ѳеодоръ Леонтовичъ (при бѣломъ духовенствѣ), іеромонахъ Кириллъ (при іеромонахахъ) и Василій Самойловичъ (при канцелярскихъ служителяхъ) [1]).

Тѣло преосвященнаго Арсенія поставлено въ склепу близъ гроба преосв. Рафаила.

При погребеніи было сказано 2 проповѣди [2]): 1—по литургіи іеромонахомъ Лукою Коржевичемъ [3]), 2-я—по погребеніи проповѣдникомъ Иліей Шумилевичемъ [4]).

Съ кончиной м. Арсенія завѣдываніе дѣлами о пѣвчихъ и архіерейскихъ служителяхъ перешло къ каѳедральной конторѣ, а ставленническія и другія дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію митрополита, перешли въ вѣдѣніе консисторіи, которая стала управлять епархіею впредь до назначенія новаго митрополита [5]),

На мѣсто м. Арсенія императрица Екатерина II, помимо представленныхъ Св. Синодомъ кандидатовъ (Георгія Конисскаго и Аѳанасія Ростовскаго), сама назначила [6]) Гавріила Кременецкаго, архіепископа Петербургскаго, который и былъ строгимъ исполнителемъ всѣхъ предначертаній русскаго правительства относительно Кіевской епархіи и малороссійскаго духовенства и своею дѣятельностью вполнѣ подготовилъ почву для радикальныхъ реформъ въ Кіевской епархіи.

II.

Личныя качества м. Арсенія: его строгое уваженіе къ закону, справедливость доброта и искренность въ отношеніи къ бли-

---

[1]) Рук. К. С. С. № 603.

[2]) Моск. Любопыт. м-ц-слов. 1776, стр. 106—107.

[3]) Коржевичъ былъ учителемъ академіи 1759—1761 г., („Акты и докум." проф. Н. Петров., т. II, 416; III. 498).

[4]) И. Шумилевичъ былъ учителемъ съ 1764—1765, потомъ проповѣдникомъ, а затѣмъ, ректоромъ Тобольской семинаріи („Акты и докум.." проф. Петрова, т. III. стр. 484; Любоп. м-словъ, 1776 г., стр 107).

[5]) А. К. К. 1770 г., по реес. № 61 и 68.

[6]) „Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи въ XVIII стол.", Терновскаго. стр 22.

жайшимъ сотрудникамъ и подчиненнымъ, желаніе примирить враждующихъ и повліять на совѣсть провинившихся.

М. Арсеній всюду и всѣмъ старался внушить, что уваженіе къ закону и порядку должно быть прежде всего. Онъ и самъ старался больше всего о соблюденіи закона и порядка. Такъ, онъ требовалъ, чтобы изданные имъ самимъ или Св. Синодомъ распоряженія соблюдались во всей силѣ.

Онъ старался установить и соблюдать строго порядокъ, напр., при назначеніи священниковъ, постриженіи въ монашество. Когда къ нему обращались *сильные міра* съ ходатайствомъ о комъ нибудь, онъ обѣщалъ исполнить просьбу только въ строгомъ согласіи съ указами. Когда, напр., Самуилъ, епископъ Бѣлгородскій обратился къ м. Арсенію съ ходатайствомъ о принятіи въ Кіевскую епархію священника Бѣлгородской епархіи, Андрея Андрузкаго, м. Арсеній обѣщалъ, что все по его просьбѣ будетъ сдѣлано, „когда токмо съ указами согласно будетъ", при чемъ въ поясненіе добавилъ: „яко по симъ оное почитаю въ семъ случаи за первое" [1]). При томъ уваженіе къ закону было не на словахъ, а на дѣлѣ: священнику Андрузкому было отказано въ пріемѣ въ Кіевскую епархію, такъ какъ въ приходѣ с. Остановки были сироты, которыя по указу Св. Синода имѣли право на пріисканіе достойнаго кандидата изъ учительныхъ [2]).

М. Арсеній былъ врагъ безпорядка и требовалъ, чтобы священники въ случаяхъ жалобъ не обращались къ нему,—минуя ближайшихъ своихъ начальниковъ. Онъ требовалъ, чтобы всякій проситель представлялъ свои жалобы въ порядкѣ постепенности, своему ближайшему начальству, духовному правленію, чтобы при прошеніи былъ приложенъ отзывъ правленія; исключенія допускались только въ томъ случаѣ, когда кто имѣлъ жалобу на своихъ ближайшихъ начальниковъ [3]).

За нарушеніе изданныхъ указовъ и распоряженій м. Арсеній подвергалъ виновныхъ наказанію (то штрафомъ въ пользу академіи, то отрѣшеніемъ отъ мѣста, то поклонами и т. д. [4]), стараясь при этомъ заставить непремѣнно выполнить нарушенный законъ или порядокъ.

Трудящихся м. Арсеній награждалъ по своей добротѣ и снисхожденію. Его милостями пользовалась академія,—учители и

---

[1]) А. К. К., пис. отъ 8 февр. 1770 г., № 59.
[2]) Ibidem, пис. отъ 19 март., № 115.
[3]) А. К. К. 1758 г., ук. 24 дек.; 1759 г., ук. 30 апр.; 1770 г., № 59.
[4]) Ibidem, 1761 г., д. 18 декабр.

ученики, а также его ближайшіе слуги. Онъ выдавалъ имъ и наградныя „консоляціи", отличалъ и другими наградами, предоставленіемъ знатныхъ мѣстъ въ епархіи, въ монастыряхъ, въ приходахъ, въ канцеляріи [1]),

Сердце м. Арсенія было полно любви къ бѣднымъ, нуждающимся. Онъ и самъ заботился, и на духовныя протопопскія правленія [2]) возлагалъ заботы о сиротахъ и вдовахъ, ихъ защитѣ и охранѣ; оказывалъ имъ вспомоществованіе предоставленіемъ права пріискать къ дочери зятя изъ учительныхъ кандидатовъ.

Только при этомъ имѣлъ въ виду соблюденіе указовъ синодальныхъ и своихъ требованій объ учительности кандидатовъ.

Нищіе и бѣдные получали отъ щедротъ митрополита опредѣленную сумму каждый мѣсяцъ [3]).

Къ вдовымъ священникамъ, даже къ запрещеннымъ въ служеніи м. Арсеній также былъ снисходителенъ и участливъ. По распоряженію м. Рафаила Заборовскаго (28 авг. 1738 г.) никто изъ вдовыхъ священниковъ не имѣлъ права служить, безъ епитрахильной грамоты, и возлагать на себя фелонь и епитрахиль [4]).

Митрополитъ Арсеній также велѣлъ исполнять этотъ указъ. Но въ то же время онъ позволялъ, чтобы и вдовые и запрещенные священники,—если разрѣшитъ имъ духовникъ,—пріобщались по желанію Св. Таинъ въ алтарѣ, въ фелони и епитрахили, но безъ служенія [5]).

Къ самымъ виновнымъ священникамъ Арсеній относился снисходительно и предоставлялъ находившемуся подъ слѣдствіемъ *служить* въ церкви, если совѣсть не зазирала его въ взводимыхъ на него порокахъ [6]). Въ случаѣ исправленія виновныхъ, митрополитъ ослаблялъ самое наказаніе. Такъ, напр., когда было донесено, что викарій Роменской Никольской церкви, Вас. Кирилловскій, замѣченный въ пьянствѣ, по наблюденіямъ протопо-

---

[1]) Такъ, напр., было предписано архимандриту Самуилу выдавать за его труды по 16 руб. изъ денегъ на починку школъ (А. К. К. 1766 г., по реес. № 798, 799),; онъ долженъ былъ занимать мѣсто выше Кіево-Кирилловскаго игумена, Виктора Ладыжинскаго, назначеннаго преподавателемъ богословія (А. К. К. 1764 г. рез. 25 августа)

[2]) А. К. К. 1762 г., рез. № 162.

[3]) На бѣдныхъ въ 1759—1765 выдавалось каждый мѣсяцъ по 20 руб. (А. К. К., д. по оп. № 66, 1759 г., 28 март. 763 г., № 16—1763 г.)

[4]) А. К. Выд. м-ря, ук. кн. 1760—1761 г., ч. 2, № 42.

[5]) Ibidem, ук. кн. 1762 г., л. 84; А. К. К. 1761 г., резол. 21 декаб.

[6]) А. К. К. 1762, 19 сент., № 266.

па, сталъ исправляться, м. Арсеній велѣлъ не посылать его въ монастырь, а оставаться на должности, только подъ наблюденіемъ протопопа [1]).

Къ враждующимъ сторонамъ митрополитъ Арсеній относился отечески, внушая имъ любовь и примиреніе. Такъ, по дѣлу о спорѣ между Братскимъ и Софійскимъ монастыремъ изъ за грунтовъ, какъ мы знаемъ, онъ писалъ: „наше крайнее намѣреніе и желаніе есть, дабы сіе дѣло разобрано было домовню, безъ корыстолюбія отъ какой либо стороны"... [2]) Онъ же, дѣйствительно самъ примирилъ враждующихъ. По дѣлу объ одномъ спорномъ приходѣ онъ писалъ: „Срамно брату съ братомъ судиться, а еще болѣе того духовнымъ, кои и другимъ должны быть образомъ миролюбнаго житія". Желая, чтобы эти священники (Пирятинской Успенской церкви) примирились, митрополитъ Арсеній обоихъ подвергъ отеческой мѣрѣ: запретилъ имъ обоимъ служенія—„по то время, пока не примирятся въ правленіи и не дадутъ подписки жить миролюбиво и въ согласіи. Отъ этого и слѣдствіе имѣетъ прекратиться, и труды судебнымъ мѣстамъ умалятся, а бумаги и чернилы,—не безъ юмора пишетъ митрополитъ Арсеній,—на лучшую потребу сохранятся" [3]).

Въ заключеніе приведемъ отрывокъ изъ рѣчи, присланной митрополиту Арсенію архимандритомъ Глуховскаго монастыря Сильвестромъ, ко дню ангела митрополита: „Арсенія празднуемъ въ тебѣ, писалъ Сильвестръ, и дѣлы и честію подобнаго тебѣ, рожденіе твое, второе тебѣ возродившаго; Арсенія празднуемъ и въ имени премудраго, и въ дѣлахъ крѣпкаго, и юность твою возмужавшаго, и крѣпость, старостію исчезающую, и утверждающаго и утверждавшаго" [4]).

III.

Укажемъ, наконецъ, на литературную дѣятельность митрополита Арсенія Мигилянскаго.

Арсенію Могилянскому принадлежитъ слова, поученія и рѣчи, сказанныя имъ въ первый періодъ его дѣтельности, до назначенія на митроплою. Эти слова слѣдующія: 1) „Слово въ недѣлю XVI по сошествіи Св. Духа, проповѣданное въ придворной церкви въ Москвѣ іеродіакономъ Арсеніемъ Могилеанскимъ"

---

[1]) Ibidem, 1762 г., резол. 2 ав. № 217.
[2]) См. резолюлію на стр. 371, примѣч. 2.
[3]) А. К. К. 1764, резол. 7 іюля.
[4]) А. К. К. сб. пис. за 1766 г., № 20.

(М. 1742, 4-о); 2) „Слово въ недѣлю XI по сошествіи Св. Духа, проповѣданное въ Московской придворной церкви іеродіакономъ Арсеніемъ Могилеанскимъ," (М. 1742, 4-о); 3) „Слово въ день Срѣтенія иконы Владимірской Божіей Матери, проповѣданное іеродіакономъ Арсеніемъ Могилеанскомъ" (М. 1742, 4-о); 4) „Слово въ недѣлю IV великаго поста, проповѣданное въ придворной церкви іеромонахомъ Арсеніемъ Могилеанскимъ, 13 марта" (СПБ. 1743, 4-о); 5) „Слово въ похвалу св. угодниковъ Божіихъ, проповѣданное въ трапезной церкви Препод. Сергія, въ высочайшемъ вторичномъ пришествіи императрицы Елизаветы Петровны, 8 декабря 1742 г." (СПБ. 1743 г., 4-о), 6) „Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы" (М. 1743, 4-о); 7) „Слово въ недѣлю мясопустную, проповѣданное въ придворной церкви іеромонахомъ Арсеніемъ Могилеанскимъ, 6 декабря" (СПБ. 1743, 4-о); 8) „Рѣчь императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, къ Троице Сергіевой Лаврѣ пѣшей приближавшейся, говоренная при встрѣтеніи у святыхъ вратъ той же Лавры Архимандритомъ Арсеніемъ Могилеанскимъ, 6 іюня 1744 г." (СПБ. 1744, 4-о); 9) „Слово въ недѣлю двадесять четвертую по Пасхѣ, проповѣданное преподобнымъ архимандритомъ Арсеніемъ Могилеанскимъ въ С.-Петербургѣ, въ придворной церкви, въ 1743 г." (Моск. 1744, 4-о). [1]). 10) „Слово на миръ со шведами" (М. 1744) [2])

Затѣмъ, Арсенію Могилянскому приписывается, (преосв. Филаретомъ) „Предписаніе" 2 проповѣдникамъ Сергіевой Лавры, [3]) а также составленіе службы и акаѳиста въ честь Св. Димитрія Ростовскаго [4]).

Но по изслѣдованію Ал. Попова, составленіе службы Св. Димитрію принадлежитъ другому лицу. Когда обрѣтены были (въ 1752 г.) св. мощи Св. Димитрія Ростовскаго, то Св. Синодъ указомъ отъ 9 апр. 1757 г. велѣлъ составить ему службу митрополиту Арсенію Ростовскому, Мацѣевичу. Послѣдній самъ уклонился отъ составленія службы и предложилъ ее составить архимандриту Толгскаго монастыря, Вонифатію. Арсеній Мацѣевичъ остался недоволенъ составленной службой, и служба была составлена вновь Переславскимъ епископомъ, Амвросіемъ Зертисъ

---

[1]) № 1, 2, 3, 4, 8 и 9 упомянуты у Сопикова „Опис. Истор. библіот.", т. IV, 338; 401—402; т. V, стр. 207.

[2]) Это слово, а также слово въ недѣлю XXIV указываются архіеп. Филаретомъ („Справоч. слов. о рус. писат. и учен. умершихъ въ XVII и XIX стол.," Геннади, т. 1 (Берлинъ), стр. 45—46)

[3]) Обз. рус дух. лит., кн. II, стр. 341—342,

[4]) Ibidem,

Каменскимъ. Однако 1-е и 2-е изданіе службы было сдѣлано (въ 1758 г. и 1759 г.) съ рукописи архимандрита Вонифатія [1]). По этому мы полагаемъ, что преосв. архіепископъ Филаретъ по недоразумѣнію (вм. Арсенія, м. Ростовскаго) приписалъ Арсенію Могилянскому составленіе службы Св. Димитрію Ростовскому.

Подъ руководствомъ Арсенія Могилянскаго происходило составленіе сборника нравоучительныхъ словъ, выбранныхъ изъ твореній І. Златоуста, Ефрема Сирина и др., а также исправленіе службы Преподобнымъ Печерскимъ.

Составленіе сборника нравоучительныхъ словъ было предпринято митрополитомъ Арсеніемъ по его почину, чтобы дать возможность и неученымъ священникамъ поучать народъ,—не отъ себя, а по руководству Св. Отцовъ.

Исправленіе службы Преподобнымъ Печерскимъ было произведено по порученію Св. Синода, который передалъ на разсмотрѣніе митрополита Арсенія рукопись, представленную архимандритомъ Лавры. Митрополитъ Арсеній передалъ дѣло въ академію. Надъ исправленіемъ трудились слѣдующія лица: Самуилъ Миславскій, учитель іеромонахъ Викторинъ, іеромонахъ Никодимъ, монахъ Кассіанъ, проповѣдникъ Ефремъ [2]).

При разсмотрѣніи рукописи было усмотрѣно много ошибокъ, для исправленія которыхъ митрополитъ Арсеній потребовалъ отъ архимандрита Лавры дополнительныхъ историческихъ свѣдѣній объ Угодникахъ Дальнихъ, Ѳеодосіевскихъ Пещеръ, такъ какъ о нихъ не было достаточныхъ данныхъ въ Патерикѣ.

Требуемыя свѣдѣнія были представлены митрополиту Арсенію и переданы имъ въ академію, съ порученіемъ имѣть ихъ въ виду при составленіи общаго канона Преподобнымъ Печерскимъ. При исправленіи службы оказалось, что стихиры сходны съ свѣдѣніями о Преподобныхъ, а печатный канонъ былъ слово въ слово списанъ съ рукописи, исключая молитвы, пропущенной въ печатной службѣ. Тогда былъ исправленъ и канонъ по рукописи [3]).

Также подъ руководствомъ митрополита Арсенія была исправлена служба препод. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ [4]), а также напечатана славянская грамматика іеромонаха Іакова Блонницкаго [4]).

---

[1]) „Православные русскіе акаѳисты“, Ал. Попова, Казань, 1903 г., стр. 110—111.

[2]) А. К. К. 1762, д. по оп. № 63.

[3]) А. К. К. 1762 г., указ. кн., л. 177—179; 186—189.

[4]) А. К. К. указ. кн. 1768 г., ук. № 29.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

Указъ Императрицы Елизаветы Петровны, данный изъ Свят. Синода синодальному члену Арсенію Могилянскому, священноархимандриту Троице-Сергіевой Лавры, о привиллегіяхъ, данныхъ Лаврѣ.

....„Имяннымъ Ея Імператорскаго Величества, за собственноручнымъ Ея Імператорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Святѣйшему Синоду сего іюля 8 дня, Высочайшимъ указомъ повелѣно: когда отъ оной Троицкой Сергіевой Лавры требовано будетъ о монашествующихъ изъ коихъ бы ни было епархій, также и Кіевопечерской Лавры, кого имянно или числомъ, тогда потому требованію оныхъ Святѣйшему Синоду велѣть во оную Троицкую Сергіеву Лавру отвсюду отпускать, не отписываяся къ Ея Императорскому Величеству, и, во исполненіе онаго Ея Імператорскаго Величества Высочайшаго указа, Святѣйшій Правительствующій Сунодъ приказали учинить слѣдующее: (1) когда о чемъ извышепоказанного Святѣйшему Суноду отъ оной Троицкой Сергіевой Лавры представлено будетъ, исполненіе въ Святѣйшемъ Сунодѣ чинить, какъ онымъ Ея Імператорскаго Величества указомъ повелѣвается непремѣнно. (2) впосылаемыхъ изъ Святѣйшаго Суноду во оной по прежнему титлу Троицкой Сергіевъ монастырь о всякихъ дѣлахъ, указехъ оной монастырь отнынѣ всилу онаго Ея Імператорскаго Величества указа имяновать и писать Троицкою Сергіевой Лаврою, а дабы и вподчиненныхъ Святѣйшему Суноду мѣстахъ, когда и кому о чемъ либо случится со оною Лаврою имѣть сношенія, отъ нынѣ потомужъ поступаемо было, о томъ синодальнымъ членомъ, въ епархіи, къ архіереомъ и впротчіе подчиненныя Святѣйшему Синоду мѣста, куда подлежитъ, послать указы, и посланы, и о томъ же для вѣдома къ Правительствующему Сенату сообщено вѣденіе. Къ синодальному члену Троицкія Сергіевы Лавры архимандриту Арсенію о томъ вѣдать и чинить по сему Ея Імператорскаго Величества указу. Іюня 22 дня 1744 г.“

(изъ арх. Троиц. Серг. Лавры. д. № 186).

II.

Письмо м. Арсенія Могилянскаго къ графу N. N.

Высокосіятельнѣйшій Графъ.

За всемилостивѣйшое Ея Імп. В-ва мене Кіевской епархіи въ митрополита пожалованіе для поднесенія Ея Імп. В-ву моего всераболѣпнѣйшого благодаренія отправилъ я той Кіевской епархіи архимандрита Модеста, при якомъ благовременномъ случаи за долгъ себѣ признаю адресоватись к' вашему высокосіятельству з засвидѣтельствованіемъ къ высокографскому сіятельству моего высокопочитанія; іа той милости вашего высокографскаго сіят:, которую мнѣ чрезъ всю мою бытность в' С:П:бургѣ, а особливо при моемъ отъѣздѣ въ Украину оказать соизволили, незабвенную имѣю, іакой милости вашего выс: сіят: впредь мя вовѣраіа, іа есмъ и пребуду".—

Къ кому писано это письмо, не видно; можно думать, что оно было адресовано графу Разумовскому, извѣстному фавориту императрицы Елизаветы Петровны.

Это письмо, какъ видно, было писано въ ближайшіе дни по полученіи извѣстія о назначеніи Арсенія на Кіевскую Митрополію.

Одновременно было написано и нѣсколько другихъ писемъ: къ оберъ прокурору св. Синода, къ Тверскому епископу (Гавріилу), къ Переяславскому епископу, а также къ духовнику императрицы, протоіерею Московскаго Благовѣщенскаго Собора, О. Ѳеодору, и др. Въ письмахъ къ указаннымъ лицамъ м. Арсеній благодаритъ за поздравленія съ назначеніемъ его въ Кіевъ.

Въ письмѣ же къ царскому духовнику м. Арсеній между прочимъ писалъ:

„.... О себѣ доношу, что я изъ Новгородского монастыря в Кіевъ не выехалъ до сего дни, за продолжающимися здѣсь великими стужами, хотѣлъ было еще в' прошломъ декабрѣ виѣхать, но когда почалъ токмо того жъ мѣсяця с' моего жилища виходя, къ холоду привикать, то скоро себѣ повредилъ, и занемогъ было, для чего и опасался в' дорогу отправиться. Намѣреваю же за помощію Божіею, какъ токмо возможно мнѣ будетъ, ожидая прекращенія несносной мнѣ стужи... 1758 года, генваря—дня. Изъ Спаскаго монастыря Новгородка Сѣверскаго".

III.

Письмо м. Арсенія къ архимандриту Кіево Печерской Лавры, Лукѣ, съ сообщеніемъ, по какому направленію м. Арсеній рѣшилъ ѣхать въ Кіевъ.

Ясне в' Богу высокопреподобнѣйшій Господинъ, Кіево-Печерскія Лавры Отецъ Архимандритъ.

Іскренность вашего Ясне в‘ Богу высокопреподобія в‘ писаніи, отпущенномъ от‘ 31 генвара, доволно ко мнѣ из‘ясненная, утверждаетъ во мнѣ надежду будущого доброго сосѣдства моего и дружби з‘ вашимъ ясне въ Богу высокопреподобіемъ, когда Господь Богъ благоволитъ преселити мене в‘ Кіевъ, с‘ чего іа сердечно радуюсь. Совѣтованіе слѣдовать мнѣ в‘ Кіевъ чрезъ Чернѣговъ, а оттуду чрезъ вотчини Лавры святой Кіевопечерской, гдѣ и всякою дорожною вигодою угощать соизволите ваше ясне в‘ Богу высокопреподобіе мене обнадеживать, за особенную ко мнѣ вашего ясне в‘ Богу высокопреподобія приятность признаю и приемлю, и какъ за сію, такъ и за всю, в‘ писаніи вашего ясне в‘ Богу высокопреподобія изображенную ко мнѣ усердность покорно благодару вашему ясне в‘ Богу высокопреподобію. Но притомъ доношу, что я прежде сего намѣреніе положилъ отсюду в‘ Кіевъ, благоизволившу Господу Богу, ехать Кіевскою епархіею, и теперь того намѣренія моего отмѣнить не могу, дабы я, ежели инако учиню, не возмнѣлся какъ епархіи моей акі обходя оную, и аки бы неусерднимъ до ней; в,протчем желая лицезрително видѣть ваше ясне в‘ Богу высокопреподобіе в‘ добромъ здравіи и благополучіи, и усти ко устомъ бесѣдовати с почтеніемъ моимъ пребываю вашего ясне в‘ Богу высокопреподобія.

М: А:

1758 года февраля
изъ Спасскаго монастыря.

IV.

Письмо м. Арсенія къ Черниговскому епископу Кириллу съ сообщеніемъ, кому онъ поручилъ наблюденіе за монастыремъ Спасскимъ, въ которомъ жилъ съ 1752 г.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владико!

Я сприбытія моего въ Новгородскій Сѣверскій монастырь чрезъ всю мою внемъ бытность вашего преосвященства пріязнь и братерскую любовь ко мнѣ, различными опытами оказаннія, доволно чувствую, и взнакъ моей благодарности вашему преосвященству чрезъ сіе покорное мое восписую благодареніе. А притомъ во извѣстіе вашему преосвященству доношу, что по полученіи мною изъ святѣйшого правителствующаго Сунода указа о бытіи мнѣ въ Кіевской Епархіи митрополитомъ, управленіе того Сѣверскаго монастыра имѣть поручено было словесно от‘ мене собору, и я с‘ того времени до правленія монастырскаго не касалсіа, кромѣ толко что с‘ указовъ Ея І М В-а изъ св: пр: Сунода ко мнѣ присланныхъ, едного о дарованіи отъ Господа Бога ихъ Імператорскимъ Высочествомъ дщери благовѣрной Государы-

ні великой княжни Анни Петровни, а другого о отправленіи молебствія о покореніи столичного города и всего королевства пруского, да третого о празднованіи высокаго рожденія и тезоименитства Ея ІМ: высочества благовѣрной Государыни великой княжны Анны Петровны, а именно 1. рожденія декабра 9. отправляя всенощное того дневной зачатія святія Анны бдѣніе съ дополненіемъ по уставу изъ общей минеи, а в настоящое 9-е число по литургіи благодарное молебствіе с' звономъ. 2. тезоименитства февраля 3 вдень святыхъ праведныхъ Симеона Богопріимца и Анни пророчицы отправляяжъ всенощное по уставу настоящему празднику и по литургіи молебень з' звоном же неотмѣнно. Копіи для вѣдома и исполненія по приказанію моему изъ находячейся при мнѣ духовной кантори въ тотъ соборъ при извѣстіяхъ сообщени. А яко по намѣренію моему и за способность нынѣшного по состоянію здравія моего времени скорій мой отъездъ отселѣ слѣдуетъ, намѣстникъ же того Новгородскаго Сѣверскаго монастыра іеромонахъ Кyриллъ съ прочими монашествующими, кои при отбытіи моемъ изъ Свято-Троецкія Сергіевы Лаври по именному Ея Імвва повеленію, в' святѣйшемъ правителствующемъ Сунодѣ, прошлого 1752 года мая 30, состоявшемуся указу, изъ той Свято Троицкой Сергіевой Лаври мнѣ взять дозволено, со мною изъ того Новгор: Сѣверского монастыра во вся отлучатся, для того сего априля 26, по согласному того Новгородскаго с: монастыра соборной і прочей братіи желанію и избранію дліа доброго строенія в' монастырѣ порядковъ намѣстническое правленія до волѣ и разсмотренія вашего преосвященства, тамошнему экономy честному іеромонаху Ѳеодосію мною поручено. Впрочемъ же препоручая мя вашего преосвященства навсегда неотмѣнной любвѣ и святителскимъ молитвамъ пребуду вашего преосвященства усердный богомолецъ М: А:

1758 года
1 мая.

V.

Письмо м. Арсенія къ гр. Румянцеву съ просьбой защитить священника м. Коропа отъ притѣсненій мѣстнаго ктитора и прихожанъ.

Высокосіательній Графъ,
Милостивый мнѣ Благодѣтель.

Епархіи моей Кіевскія, протопопіи Борзенской, мѣстечка Коропа, іерей Стефанъ Павловъ, находившійся при церквѣ Покровской, который, по уволненіи его отъ того прихода по его прошенію, минувшого 1767 года, мною опредѣленъ былъ къ церквѣ Кресто-Воздвиженской Короповской-же на половинную часть парохіи, по умершемъ тамошнемъ

священникѣ Алексѣи оставшейся въ вакансѣ, съ тѣмъ чтобы по выбытіи съ прихода тамошняго священника половинного настоятеля Василія, вдовою и дѣтей къ священству достойныхъ не имѣющою, быть ему на всей парохіи настоятелемъ. Сего 1768 года, февраля „28 д.“ поданнымъ мнѣ доношеніемъ представлялъ, что тоей церкви нѣкоторые прихожаны яко то: ктиторъ значковый товарищъ Никита Сидорскій,.... Павелъ Савѣцкій, Ѳедоръ Тетеря, бурмистръ Яковъ Скаредной, Климъ Левоненко, съ товарищи согласясь, его іерея Стефана къ тому приходу Кресто-Воздвиженскому не допущаютъ, и въ церковь ходить запрещаютъ, чиня похвалки: если впредъ къ той церквѣ дерзнетъ онъ іерей приходить, убить его въ смерть, и причиня ему іерею Стефану наругательство. Съ тѣхъ прихожанъ Тихоній Усатенко, слѣпивъ крѣпко снѣгу грудку, бросилъ на его іерея Стефана и вдарилъ въ голову, чрезъ что ему іерею Стефану отъ оныхъ прихожанъ причинена обида. Того ради я вашего высокографского Сіательства прошу кому надлежитъ приказать, съ оными прихожанами за ихъ его іерея Стефана къ церквѣ недопущеніе и произведенные похвалки убить его іерея въ смерть и грудою снѣгу за ударъ, выизслѣдовавъ о томъ при депутатахъ духовныхъ, коими къ тому опредѣлить двух же священниковъ указомъ изъ духовной моей консисторіи духовному протопопіи Конотопской правленію велѣно. Поступить по указамъ и малороссійскимъ правамъ безъ послабленія и его іерея Стефана въ его обидѣ удоволствовать, да и впредъ чтобъ оные прихожане ему іерею Стефану никакихъ обыдъ не причинили, о томъ имъ скорое притвержденіе учинить и мене увѣдомленіемъ не оставить; въ протчемъ же я съ достодолжнымъ моимъ къ вашему высокографскому сіателству высокопочитаніемъ пребываю,

вашего высокографскаго сіателства, милостиваго мнѣ благодѣтеля, вседоброжелательной богомолецъ и слуга Арсеній, митрополитъ Кіевскій.

1768 года
апрѣля.

Изъ письма къ гр. Румянцеву видно, сколько огорченій и оскорбленій приходилось терпѣть приходскимъ священникамъ отъ своихъ прихожанъ, особенно отъ казацкой старшины.

На эти же обиды была занесена жалоба духовенства и въ пункты, составленные для Комиссіи Уложенія.

Ниже мы приводимъ еще письма а) Гавріила, епископа Тверского и б) Кирилла, епископа Черниговскаго, которыя касаются того же тяжелаго положенія приходскаго духовенства. Гавріилъ, епископъ Тверской, получивъ письмо Черниговскаго епископа съ просьбой ходатайствовать о защитѣ беззащитнаго

духовенства отъ обидъ и притѣсненій и о надѣленіи приходскихъ священниковъ землею и усадьбами, обѣщалъ свое ходатайство. При этомъ въ виду того, что нельзя было ожидать скораго окончанія Комиссіи Уложенія, преосв. Гавріилъ предлагалъ составить особое представленіе Свят. Синоду объ отмежеваніи земель духовенству, не имѣвшему никакихъ угодій, и надѣялся, что это ходатайство можетъ быть уважено. Преосв. Кириллъ сообщилъ объ этомъ и м. Арсенію и предлагалъ послать одного общаго делегата „для лучшаго въ дѣлѣ благоуспѣшества", т. е. для совмѣстной поддержки представленія объ отмежеваніи земель бѣднымъ священникамъ.

VI.

Письмо Гавріила, епископа Тверскаго, къ Черниговскому епископу Кириллу по дѣлу объ отмежеваніи земель бѣднѣйшему приходскому духовенству.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый мой Отецъ и Благодѣтель.

Писаніе вашего Преосвященства отъ 15 іюня имѣлъ я честь вчера получить. Удивляюсь и сожалѣю, что я изъ трехъ писемъ, посланныхъ ко мнѣ, получилъ только послѣднее. Требованіе вашего преосвященства долгъ мой велитъ мнѣ исполнить; я сколько могу, старатся буду, чтоб священно и церковно служители имѣя довольство съ *радостію дѣло свое исполняли, а не воздихающе.* Прошу ваше преосвященство пособствовать мнѣ вашими молитвами. Но какъ Уложеніе нескоро можетъ быть окончено, то не благоволитель Святѣйшему Суноду представить доношеніемъ, приобщивъ къ нему реэстръ тѣхъ толко священно и церковнослужителей, которые не имѣютъ для дворовъ, для сѣву и сѣнокосу земель, и какое при которой изъ тѣхъ церквей число душъ или дворовъ въ приходѣ. Естли угодно, изволте оное прислать въ мои руки. Святѣйшій Сунодъ можетъ представить о томъ Правителствующему Сенату, я могу попросить Господина генералъ прокурора. Думаю, что прикажутъ прихожанамъ отмѣритъ от своихъ дачъ каждой церкви извѣстное число десятинъ и усадьбу подъ дворы, толко чтобъ покупать священникамъ и церковникамъ дозволили земли. сіе сумнительно, однако что можно, о томъ старатся не оставлю.—Извините меня, ваше преосвященство, что я давно не писалъ: ибо и от васъ болше дву лѣтъ писемъ не получалъ. Я обыкновенно на письма отвѣтствую скоро, развѣ случая къ пересылкѣ не сыщу. Я рекомендую себя вашему преосвященству, съ истиннымъ и отмѣннымъ моимъ квамъ почтеніемъ и усердіемъ пребываю навсегда.

Вашего преосвященства...

Гавріилъ епископъ Тферскій.

1769 года
іюля 23 дня
С:П:Б;

Преосвящ. Кириллъ передалъ письмо преосв. Гавріила на заключеніе консисторіи. Консисторія отвѣтила, что у нея не имѣется свѣдѣній о количествѣ отведенныхъ для священниковъ и дьячковъ каждаго прихода пахатныхъ и сѣнокосныхъ участковъ, а также усадебныхъ дворовъ для проживанія священниковъ. Поэтому предлагала обратиться за свѣдѣніями непосредственно ко всѣмъ священникамъ, и имъ представить эти свѣдѣнія, а также о томъ, гдѣ отняты земли самими владѣльцами фундаторами или ихъ преемниками, или гдѣ онѣ отошли по наслѣдству къ дѣтямъ, не получившимъ священства. При этомъ консисторія писала, что хорошо было бы теперь же представить Св. Синоду „и о взимаемомъ съ священства съ жилыхъ ихъ дворовъ, такожъ и изъ монастирскихъ пріезжихъ дворовъ съ хатъ рублевомъ окладѣ, до сего никогда не взимаемомъ, не соблаговолено было и онаго окладу до сочиненія Новаго Уложенія отставить и священство и причетниковъ, такожъ и приказныхъ духовной команды, оттого исключить и уволить, о чемъ такожъ,... собрать справки по протопопіямъ,... въ кого именно съ священниковъ и церковниковъ оный взимается, и сколько уже онаго взискано, и въ кого именно секвестровано или граблено имѣнія, и какое именно, и кому въ томъ случаи боль, или безчестіе и протчіе обиды приключено, и комужъ въ великопостное время литургисать недопущено“.

Для собранія свѣдѣній, по мнѣнію консисторіи, слѣдовало бы отправить изъ села въ село особаго надежнаго нарочнаго, съ надлежащею довѣренностью, или, по крайней мѣрѣ, составить на мѣстахъ, въ правленіяхъ, надлежащіе реестры, „собравъ тихимъ образомъ и порядкомъ безъ разглашенія“ справки, и прислать въ консисторію, для отсылки въ Синодъ.

Означенное опредѣленіе, а также приведенное выше письмо Гавріила Тверского было сообщено м. Арсенію, при письмѣ Кирилла Черниговскаго; приводимаго ниже.

VII.

Письмо преосвященнаго Кирилла къ Арсенію Могилянскому по дѣлу объ отмежеваніи земель бѣднѣйшему приходскому духовенству.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владыко

Милосердый Отецъ Мой!

Писалъ я от себе Святѣйшаго Правителствующаго Сунода, къ члену, всего россійскаго духовенства депутату, преосвященнѣйшему Гавріилу, Епископу Тферскому и Кашинскому, представляя о чинимыхъ от здешней старшины священству утѣсненіяхъ и несносныхъ разныхъ обидахъ, съ прошеніемъ въ томъ защищенія. Въ отвѣтъ на кое его преосвященство ко мнѣ прошедшаго іюля от 23 отписалъ, увѣряя онимъ, что его преосвященство не оставитъ в том о ползѣ священства, сколко возможно старатся; получа оное его преосвященства

писаніе, когда отдано отъ мене въ консисторію мою—для учиненія по тому совѣта и согласія, то какъ отъ консисторіи моей, такъ и ближайшихъ мѣстъ нарочно къ тому призиванныя протопопы и намѣстники не толко на оное согласились, но и нарочнаго з между себѣ выбрать и отправить въ Санктпетербургъ для дохожденія по той резолюціи согласились, и мнѣ о томъ отъ консисторіи моей докладомъ, а от протопоповъ и намѣстниковъ доношеніемъ подтверждено, съ которыхъ вышеприписанныхъ писанія его преосвященства, такожъ и съ доклада консисторіи моей прилагаю при семъ ко увидѣнію вашего преосвященства копіи, милостиво отеческаго вашего преосвященства прошу совѣта. Къ ползѣль начинаемое будетъ наше предпріятіе, и ежели къ ползѣ, то не согласится лѣ къ тому и священство епархіи вашего преосвященства з между себе кого выбрать и послать какъ для лучшаго в томъ дѣлѣ благо успѣшества, такъ и для меншихъ со обоихъ сторонъ издержекъ. Въ протчемъ вовѣряя мене неотемлемымъ вашего преосвященства ласкамъ, съ всеусердѣйшею моею преданностію и высокопочитаніемъ есмъ и пребуду навсегда.

Ясне въ Богу преосвященства вашего
Милосердого Отца моего, вѣрно усерднѣйшій
Богомолецъ и всепокорнѣйшій слуга, смиренный
Кириллъ, епископъ Черниговскій.

Дек. 15 дня
1769 года
Черниговъ.

VIII.

Епитрахильная грамота вдовому священнику.

Божію милостію,

Арсеній Могилянскій, православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій, и Малыя Россіи.

По благодати, дару, и власти всесвятаго и животворящаго Духа, отъ самаго великаго Архіереа, прошедшаго небеса, Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ святыя и священныя его апостолы, и ихъ намѣстники, и преемники, смиренію нашему даннѣй, благословихомъ вдового сею *іерея Василія Занковского* вечерни,—утрени, часы, молебны пѣти, божественная литургисанія совершати, и вся церковная послѣдованія дѣйствовати по преданію священныхъ апосголъ, и святыхъ и богоносныхъ отецъ а яко онъ достойно произведеся на степень іерейства *Преосвященнымъ Рафаиломъ Архіепископомъ Митрополи-*

томъ Кіевскимъ до престола церкве святаго великомученика Георгія протопопіи Полтавской въ село Жуки за настоятеля, о томъ во свидѣтельство ставленную граммату въ 1732 году октября 28 дня ему данную, антецессору нашему Преосвященному Архіепископу Митрополиту Тимовею Щербацкому представилъ, а 1752 года мѣсяца мая „3“ дня овдовѣлъ: Якая его ставленная грамата Ея Преосвященствомъ тогда свидѣтельствована, какъ все оное изображено въданной отъ его Преосвященного ему іерею овдовѣвшему обыкновенной грамматѣ. Наша же мѣрность, освидѣтельствовавъ оную по овдовѣніи его данную ему граммату, благословихомъ и повелѣхомъ ему іерею Василію Занковскому дати сію нашу граммату, отъ настоящаго до предь будущаго 1760 года, мѣсяца и числа нижепоказанныхъ, до престола вышсреченнаго, да онъ іерей Василій Занковскій по нашему благословенію, и по сей грамматѣ, ься іерейская священнослуженія чрезъ означенное время дѣйствуетъ во святомъ божіемъ храмѣ, по правиломъ невозбранно. Въ домѣхъ же мирскихъ людей, кромѣ опредѣленныя церкве, вечерень, утреней, и часовъ отънюдъ пѣти но дерзать: такожде и въ своемъ дому ему іерею никакоже смѣти каковыхъ зазорныхъ держати лицъ, якоже священная правила повелѣваютъ, кромѣ матери, сестры, тетки, и то единокровныхъ. И въ пиршествѣ ему не упиватися, ни танцовъ строити, ни въ корчмы входити, кощунствъ, и смѣхотвореній не дѣлати, и иныхъ праздныхъ и не пристойныхъ словесъ не вѣщати, ниже пѣсней срамословныхъ, или игръ каковыхъ сквернихъ слышати, или смотрѣти, аще же начнетъ въ пиршествахъ упиватися, или въ корчмы входити, или въ дому своемъ зазорныя лица (кромѣ единокровныхъ) держати, или иная вышереченная дѣлати, яже не приличная іерею и соблазнителная мірови суть, и онъ да не дѣйствуетъ вышеписанныхъ служеній. Внегда же пріидетъ уреченное время, по которое повелѣся ему отъ нашея мѣрности церковныя службы исправляти, и ему по томъ безъ нашего благословенія отънюдъ ничтоже дѣйствовати, ниже въ фелонъ облачатися, ниже епитрахиль на ся возлагати: но явитися съ сею нашею благословительною грамматою долженъ будетъ онъ іерей въ каѳедру нашу: и совѣсть свою предъ духовнымъ отцемъ каѳедры нашея очистити генерално, а предъ уставленнымъ духовнымъ общимъ тоей протопопіи, всегда, и часто исповѣдывати грѣхи своя да потщится непремѣнно, и тако да приступаетъ чистою совѣстію къ божественному літургісанію. Извѣстнаго же рады утвержденія, дана сія наша граммата благословительная въ Каѳедрѣ нашей Кіевософійской, 1759 года, мѣсяца Августа 31 дня.

Вышеименованный Митрополитъ Смиренный Арсеній 1760 года сентября 1, по сей грамматѣ дѣйствовать ему жъ Іерею Ва-

сію впредь чрезъ одинъ годъ и по прошествіи оного паки явится: Арсеній митрополитъ К. 1761 года сентября 3-го по сей граммать дѣйствовать ему іерею Василію впредь чрезъ одинъ годъ и по прошествіи оного паки явится. Арсеній митрополитъ К. 1762 года августа 31-го по сей граммать дѣйствовать ему же іерею Василію впредь чрезъ одинъ годъ, по прошествіи оного паки явится. Арсеній митрополитъ Кіевскій.

Сію граммату отъ Архіерея божія мнѣ данную, долженъ буду на всякую седмицу прочитывати, и по оной в' званіи моемъ іерейском исправлятися, въ томъ за неисполненіе, подъ лишеніемъ священства, своеручно подписуюся Іерей Василій Занковскій.

IX.

Письмо м. Арсенія къ атаману Запорожскаго войска, Петру Кальнишевскому, съ просьбой оказать содѣйствіе при сборѣ пожертвованій на возобновленіе Каѳедральной церкви Софійскаго монастыря.

Высокородній Господинъ, войска Низоваго Запорожского атаманъ Кошовій, нашъ зичливій пріятель.

Съ писанія вашего высокородія, отпущенного генваря 22 дн. сего 1769 года, съ сожалѣніемъ мы увѣдомились, что, при выраженныхъ вамъ последовавшихъ вашему высокородію от азартниковъ неспокойствахъ, по безстрашію ихъ же причинено ими и поруганіе святымъ иконамъ; мы усердно желая, чтобы Господь Богъ вашему высокородію даровалъ впредь благополучнѣйшую и спокойную жизнь, въ знакъ свегдашней нашей къ вашему высокородію благосклонности для многолѣтняго охраненія жизни вашей посилаемъ при семъ икону Успенія Пресвятыя Богородицы такову, какова и прежде от нас была дана, в сребранной шатѣ, съ вложенными в нея святыми мощами, о коихъ и регестръ при семъ включается. Какъ же нынѣ катедралного нашего монастыря іеросхимонахъ Онисимъ и монахъ Іонафанъ на мѣсто находячогося въ Сѣчи Запорожской іеромонаха Макарія отправлени туда для испрошенія от доброхотныхъ дателей на возобновленіе катедральной нашей обители первопрестолной каменной церквы, которая вспомоществованіемъ доброхотныхъ дателей, а особливо милостиннымъ войска низового Запорожского подаяніемъ нѣсколко уже и возобновлена, токмо по пространству тоя церкви и по надобному до ея благолѣпію в приведеніи того начатого церковнаго дѣла къ окончанію оной обитель наша узнаетъ недостатокъ; для того полагаясь на обикновенную вашего висикородія и всего войска Запорожского въ таковихъ случаяхъ благочинность и на оказанное уже са-

мимъ дѣломъ катедрѣ нашей доброхотство и усердіе, Вашего высокородія просимъ какъ онимъ тоя нашея обители монашествующимъ іеросхимонаху Онисиму и монаху Іонафану для испрошенія означенного от доброхотных дателей милостинного подаянія вспомоществованія во ономъ начатомъ церковномъ дѣлѣ милостивое свое благопризрительство оказивать, такъ и благодѣтелское пособіе къ ползѣ онія обители нашия являть. Богъ же богатъ сый в милости да воздастъ за то вашему высокородію и всему войску Запорожскому сторицею и въ будущемъ вѣкѣ нетлѣнными благими. Оная наша обитель благость Его молить навсегда одолжена пребудетъ, о чемъ и мы усердніе ко Господу Богу молитвы всегда возсилать не преминемъ, пребывая

вашего высокородія, зичливого намъ пріателя, вседоброжелательный богомолецъ смиренный митрополитъ Кіевскій Арсеній.

1769 г. 3 іюня № 287.

X.

Постановленіе о составленіи сборника нравоучительныхъ словъ въ пособіе священникамъ для проповѣданія въ приходскихъ церквахъ.

Понеже преосвященній Арсеній, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Россіи, Усмотря въ епархіи своей по большой части священниковъ неучительныхъ и не могущихъ наизустъ проповѣдывать, и слова къ наставленію народа сложитъ, при томъ разсуждая, что священники и неучительніе хотябъ и раченіе имѣли по долгу своемъ съ напечатанныхъ книгъ нравоучительніе слова въ наставленіе народа в церквахъ прочитиватъ, но къ тому богоугодному и душеспасительному дѣлу таковыхъ книгъ не имѣютъ, такожъ и народъ хотяб и желалъ отъ священниковъ полезное наставленіе слышати, но того, завише прописанимъ недостаткомъ получатъ немогутъ, а сверхъ того и учительные священники по вся воскреснія и праздничные дни множайшыхъ проповѣдей от себе слогать и говорить не могутъ же, и чаятельно, что многіе изъ простолюдинъ между и зломъ, между добродѣтелію и грѣхомъ различія и средства какъ удалитися отъ грѣха, и чемъ Богу угодить, не знаютъ. І для того, имѣя о паствѣ своей архипастырское попеченіе, за благо приказать изволитъ слѣдующое в пользу какъ священного, такъи мірского чина епархіи своей людей: собрать съ разныхъ святыхъ отецъ, кои предъ тѣмъ въ разныхъ же книгахъ в московской типографіи напечатанни, а именно: съ бесѣдъ святаго Іоанна Златоустаго, святыхъЕфрема Сирина Дорофея, и с Пролога и другихъ книгъ нравоучительніе кратчайшіе и врозумительные простому народу слова и оніе выпечатавъ въ особливую книгу

разослать во всѣ епархіи своей церквы, какъ священникомъ для всегдашнаго оныхъ словъ чтенія народу во всѣ воскресныя и праздничныя, а кто и въ прочіе дни пожелаетъ, неотмѣнно по вся годы, кромѣ кто изъ учителныхъ священниковъ отъ себе свою собственную проповѣдь сказать когда пожелаетъ и ктому тѣхъ словъ собранію и списанію опредѣлить достаточныхъ духовныхъ персонъ, а именно: академіи Кіевской, префекта іеромонаха Самуила, да катедральныхъ проповѣдниковъ іеромонаховъ же Павла, Тарасія и іерея Константина, коимъ тѣ слова порядочно собравъ и точно съ заглавіями, какіе гдѣ надъ тѣми словами напечатани, переписавъ тако и сочинивъ въ особливій всѣмъ тѣмъ собранимъ словамъ реестръ, въ коемъ реестрѣ означить именно какого святого и о чемъ именно: какъ въ заглавіи надъ тѣмъ написано будетъ слово, и въ какой книги и на какомъ листу напечатано. Представить Его Преосвященству для разсмотрѣнія, духовной же консисторіи, разсмотра о всемъ томъ, что касается къ порядочному тому сочиненію дѣйствіи и окончанію, со всякимъ обстоятельствомъ представитъ же Его Преосвященству.

И во исполненіе онаго Его Преосвященства приказанія духовная консисторія приложили мнѣніе: что выше прописанимъ духовнымъ персонамъ слѣдуетъ въ то дѣло вступить немедленно и, собравъ тѣ нравоучительніе слова изъ показанныхъ книгъ и высмотривъ обще ясніе и простому народу вразумительніе и не продолжительніе нравоучительніе слова, велѣтъ переписать точно, какъ выше показано на двое. а ежели какіе термѣни въ тѣхъ словахъ древніе, темніе, и не вразумительніе окажутся, оніе изъяснивъ нынѣ употребляемими термѣнами, противо тѣхъ отмѣчать на маринесѣхъ, токмо притомъ смотрѣть, чтобъ не загустить тѣми отмѣтками маринесовъ, а для высмотрѣнія тѣхъ словъ имѣть или собраніе въ Братскомъ монастырѣ, въ келіи префектовской и давать оніе переписивать студентамъ, кои имѣютъ чистій и читкій характеръ, бумаги же на то требовать изъ катедри его преосвященства, какую имъ и выдавать съ запискою, а свѣчи потребное число когда надобно будетъ, давать изъ Братскаго монастыра. Когда же тѣ слова переписани будуть, то имъ прилѣжно высмотрѣть, дабы ни въ чемъ описокъ не было и во всемъ сходно, что касается до оксіи и точекъ съ подлинними свестъ и исправить, и закрепивъ по листамъ представить Его Преосвященству при доношеніи для разсмотрѣнія съ особливымъ о всѣхъ тѣхъ словахъ порядочнимъ реестромъ, какъ выше прописано. По разсмотрѣніи же и утвержденіи Его Преосвященствомъ и завипечатаніемъ въ Кіевопечерской Лаврѣ тѣхъ словъ особливими книгами с вышепрописаннимъ реестромъ числомъ такихъ книгъ тисяча двѣсти, и по переплѣтѣ оныхъ въ кожу простую и цѣна когда будетъ онимъ книгамъ отъ той Лавры обявлена, послать во всю Его

Преосвященства епархію изъ духовной консисторіи к‘ духовнимъ властямъ укази, съ прописаніемъ тѣмъ книгамъ цѣни, прибавивъ к тому, что и на бумагу переписки тѣхъ словъ издержано будетъ, дабы они собравъ надлежащіе ис церквей вѣдомства своего денги немедленно присилали съ вѣрующими въ духовную консисторію доношеніями, означая именно: чрезъ кого и сколко денегъ и наколикое число книгъ послано какія денги въ духовной консисторіи писару судовому іеромонаху Іякову принимать и, купивъ книги, отдавать тѣмъ повѣреннимъ за росписками, о чемъ тогда при отдачи книгъ и укази изъ духовной консисторіи духовнимъ властемъ посилать, съ тѣмъ притвержденіемъ, дабы они тѣ книги в‘ заглавіи на особенномъ лісту на имя всякой вѣдомства своего церквы подписавъ, тое, чтобъ книги отдани в‘ тѣ церквы для того, дабы в‘ онихъ нипечатаніе слова во вся воскресные и празничніе дни в‘ церквѣ на литургіяхъ или на заутреняхъ читани были ними священникакъ по едному и по два, или сколко можно будетъ, по усмотренію времени, кромѣ кто изъ учителнихъ священниковъ от себе сложенную проповѣдь сказать когда пожелаетъ, ктомужъ не вибырая, кто какое слово читать схощетъ, но порядочно какъ въ книги положено. И заручивъ тую подпись, тѣм же властямъ въ тѣхъ же книгахъ отдавали священникамъ за росписками, и тѣ книги вписали б в реестръ между протчими церковными книгами, чтоб иногда кто присвоевать онихъ не могъ, и всѣмъ вѣдомства своего священникамъ о вишеписанномъ притвердили съ подписками, чего имъ духовнимъ властямъ надъ священниками и наблюдать.... 1758 года Декабря 19 д. Резолюція м Арсенія: 1758 года, декабря 19 д. „Учинить по сему“.

XI.

Свѣдѣнія о Виноградскомъ Ирдѣнскомъ монастырѣ.

Общежителной Ирдѣнской, нынѣ ж Виноградскій благочестивый Успенія Пресвятыя Б—цы Монастырь, Полской области во владѣніи князя Любамирскаго состоитъ. Фундованъ коштомъ и наданіемъ славной и достохвалной памяти Горливого защитителя вѣры православновосточной отважнаго гетмана войскъ его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскихъ Зѣновія Богдана Хмелницкаго, отъ каторого тому Ирдѣнскому монастырю наданы отъ Балаклія почавши лѣсомъ, отъ Будища маетности тоей же обители изъ за Громовой до Гребли Медяниковой, а по другой сторонѣ Гребли поля и лѣса къ Старосѣлью отъ Орловця, початокъ отъ монастырской купленной прозываемой Козелковой Гребли, поля пахатніе, по надъ Марковскимъ берегомъ лежачіе до самыхъ великихъ Будищъ футори Бакиньскіе и Орловскіе зъ належитостями ихъ до Старосѣлья и осаженными на нихъ селами Будищами, Смажинцями и другими Будищами, въ бору отъ Бѣлозорья, по старинному окопу противъ Ирдѣнской гати с Гайдуковой пасѣки, а

изъ другой стороны Имглѣевского бору по оконъ старинный до потоку Юхнового, змѣряючаго отъ Имглѣева по Плоскій яръ, надъ которымъ наданыи отъ нѣякогось Галичи и Безмозкого суть пасѣки. Сего Ирдѣнского монастыря законники по Руинѣ тамошней преселилися до обители Золотоношской.

Намѣстникъ общежительныхъ Золотоношского Спаского Преображенского и Ирдѣнского Успенского монастырей Іовъ Микитницкій, былъ 1709.

Игуменъ общежителныхъ Золотоношского и Ирдѣнского монастырей Ѳеофанъ Денисовичъ, былъ 1710.

За сего игумена Ѳеофана войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра отъ гетмана Іоанна Скоропадского универсаломъ, въ Глуховѣ марта 27 дня, року 1710, даннымъ, вышеозначенные от Богдана Хмелницкого наданные грунта подтверждены, и тѣмъ же универсаломъ велѣно, чтобъ якъ тогда, такъ и въ потомные часы братія обоихъ Золотоношской и Ирдѣнской обителей подъ онымъ игуменомъ зоставали и грунта обополные ихъ въ едно—были вовся заживаны и пожиткованы.

Игуменъ общежителныхъ Золотоношского и запустѣлого Ирдѣнского мон—рей Рафаилъ Яковлевичъ, бывшій епископіи Переяловской архидіаконъ, былъ 1715 и 1717.

Потомъ базиліане тѣмъ монастыремъ завладѣли были и, не могши содержать, въ пустѣ оставили, и такъ онъ въ пустѣ былъ до 1762 года. Этого года по прошенію губернатора смѣлянского, Григорія Добряцского, отъ игумена Лебединского монастыря, іеромонаха Иларіона, т гожъ Лебединского мон—ря іеромонахъ Гавріилъ въ тотъ монтырь опредѣленъ начальникомъ. Якій Гавріилъ, въ томъ же скиту или мон—рѣ былъ начальникомъ до 1766 года, а того 766 года іюня 28 дн по прошенію Лебединского мон—ря игумена, іеромонаха Филоѳея Контаровского, и братіи Виноградского мон—ря преосвященнымъ Арсеніемъ, митрополитомъ Кіевскимъ, онъ Гавріилъ въ тотъ Виноградскій мон—рь во игумена въ Кіево Пустынно Николаевскомъ мн—ри въ церкви всѣхъ Скорбящихъ Радости домовой, посвященъ. И іюля 8 того жъ 1766 года грамматою утвержденъ, и ему игумену Гавріилу вновь антиминсъ выданъ.

1766 года
іюня 28 дн.

Игуменъ Виноградского мон—ря, іеромонахъ Гавріилъ Петрицкій. Онъ уроженецъ Полского города Вишневца, постриженъ 1751 года въ Лебединскомъ мон—рѣ, рукоположенъ 1758 года во іеродіакона и во іеромонаха Томарскимъ и Хотинскимъ митрополитомъ Даніиломъ. А 1766 года іюня 28 дн. посвященъ по вышпоказанному въ Виноградскій монастырь во игумена.

		напечатано.	слѣдуетъ читать.
10	6 сн.	переводитъ	переводить
11	2 св.	франпузскаго	французскаго
12	8 св.	по всей вѣроятности въ ретторику гдѣ	по всей вѣроятности, въ реторику, гдѣ
—	10 св.	перподовалось	преподавалось
	12 св.	1725	1727
13	2 сн.	XVШ." Н. А. Криницкаго Тверь	XVШв.", Н. А. Криницкаго, Тверь
20	8 сн.	Спаскаго	Спасскаго
22	4 сн.	принадлежитъ	приписывается
23	14 св.	промышляюще	помышляюще
25	15 св.	откровенію	объ откровеніи
27	5 сн.	мздовоздмятельныхъ	мздовоздаятельныхъ
31	12 св.	Переславѣ	Переславлѣ
40	22 св.	По видимому	Повидимому
41	11 св.	числомъ дворовъ и лицъ	числомъ дворовъ, и лицъ
—	18 св.	дьячекъ	дьячокъ
—	22 св.	дьячекъ	дьячокъ
42	11 сн.	постояной	постоянной
56	7 сн.	житенной	жительной
57	20 св.	и впрочемъ	и проч.
69	1 св.	по долгу	подолгу
74	3 св.	въ отношеніи учебномъ, матеріальномъ и другихъ.	въ отношеніи учебномъ и матеріальномъ.
75	7 сн.	отвернуто	отвергнуто
76	11 сн.	докладо	докладъ,
77	1 св.	чтобы онъ нелѣностно обучалъ	чтобы онъ „нелѣностно обучалъ"
81	21 св.	никакого	приходскаго
—	11 сн.	соединившіяся	соединявшіяся
82	3 св.	индефферентизма	индифферентизма
	16 св.	были, содержимы,	были содержимы.
85	10 св.	разпоряженіе	распоряженіе
90	2 сн.	1767	1757
92	17 св.	Такъ осторожно относился митрополитъ Арсеній къ своему поведенію въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ:	Такъ остороженъ былъ митрополитъ Арсеній въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ.
93	10 св.	Впрочемъ торжественный, въѣздъ	Впрочемъ, торжественный въѣздъ
94	3 сн.	сохранилась	сохранилось
100	18 св.	1 соборъ 48, приходскихъ	1 соборъ, 48 приходскихъ
101	14 сн.	1767 и было	1767 г. было
103	6 сн.	церквей: уменьшалось было и наоборотъ	церквей уменьшалось; было и наоборотъ
105	6 сн.	въ Синодѣ	въ Синодъ
110	8 сн.	дѣвичій Покровскій	дѣвичій, Покровскій
111	4 св.	его	ею
112	5 сн.	и придѣлахъ	предѣлахъ
121	8 сн.	эклесіарха	экклисіарха
123	1 св.	епархіяе	епархіей
124	13 сн.	пры подачѣ аппеляцій	при подачѣ апелляцій
125	2 св.	4/3	1/3
126	1 сн.	1852	1862
—	3 сн.	1764	1784
130	12 сн.	получили	получали
140	4 св.	привилегіи	привиллегіи
141	13 сн.	3)	5)
—	10 сн.	П. Сб. Им.	Сб. Им.
142	8 св.	прокэты	проекты
147	14 сн.	находились бы	находились
148	1 сн.	Троеручницы	Троеручицы
154	14 св.	соборъ	монастырь
155	24 св.	когда ръ Малороссіи	когда въ Малороссіи

		напечатано.	слѣдуетъ читать.
156	11 сн.	сбора	сборы
159	2 сн.	[2]	[3]
—	3 сн.	[3]	[2]
162	19 сн.	[6]	[7]
164	7 сн.	лишнихъ	мѣстныхъ
179	19 св.	именоватъся	именоваться
189	2 сн	1775	1755
194	7 сн.	вдовыми	вдовами
214	8 сн.	На сколько	Насколько
217	21 св.	будетъ человѣкъ.	будетъ человѣкъ".
220	17 сн.	сбъязанностями	сбязанностями
230	19 св.	Мошиногорскаго	Мошногорскаго
232	10 сн.	монастыря	монастыряхъ
—	12 сн.	монастырхъ	монастырь
234	3 сн.	правленіе: донесло	правленіе донесло
236	7 св.	о неприсылкѣ, въ монастыри	о неприсылкѣ въ монастыри
245	1 сн.	VII	XII
246	5 св	настоятели	настоятелей
248	14 сн	почему	потому что
—	20 св.	состоявшей	стоявшей
249	20 св.	которыя	которые
249	13 сн.	Вѣст. Зап. Рос. т. IV, кн. XI.	Въ какомъ отношеніи стоялъ Кіево-Выдубицкій монастырь къ Кіевскому митрополиту см. Вѣст. Зап. Рос., т. IV. кн. XI, стр. 95—96.
251	16 св.	такъ, какъ	такъ какъ
255	6 св.	статей:	статей
	7 сн.	288	228
257	22 св.	1764.	1764 г.
258	8 св.	монастыряхъ	монастырскихъ
269	1 св.	ни избѣжали	не избѣжали
272	20 св.	въ 1759 г.,	въ 1759 г.
273	18 св.	въ тяжебныхъ дѣлахъ	въ тяжебныхъ дѣлахъ:
279	8 сн.	1773	1763
280	16 св.	учили	ушли
282	18 св.	не рѣдко	нерѣдко
284	13 св.	Колиівщины	Коліивщины
286	27 св.	не дальше; какъ до кончины императора,	не дальше, какъ до кончины императора;
290	11 св.	монахахъ и вообще о всѣхъ монашествующихъ также указъ	монахахъ и вообще о всѣхъ монашествующихъ, также указъ
295	2 св.	„двочастными" половинными	„двочастными", „половинными"
296	24 св.	извѣтнное	извѣстное
297	3 св	за нятый	занятый
301	5 сн.	канцеляріи уніатъ попъ	канцеляріи былъ присланъ уніат. попъ
308	13 сн.	одобрительныя	одобрительные
	17 сн.	увольнены	уволены
311	2 св	Если а	Если же
312	7 св.	служенію. Изъ за этого и поступали въ діаконы, какъ все таки	служенія. Изъ за этого и поступали въ діаконы, а такъ какъ все таки
	5 сн.	не притѣсняли	нерѣдко притѣсняли
313	6 св.	Это и ставило дѣйствительно, дьячковъ почти въ полную зависимость отъ приходскихъ, священниковъ.	Это и ставило, дѣйствительно, дьячковъ почти въ полную зависимость отъ приходскихъ священниковъ.
316	6 св.	содержаніе	содержанія
317	2 св.	по бывали	но бывали
318	3 св.	старшинныхъ	старинныхъ

		напечатано.	слѣдуетъ читать.
319	17 сн.	вчдѣнія	вѣдѣнія
323	15 св.	свющенномъ	священномъ
—	27 св.	прцхожанъ, въ дѣлѣ опредѣленія на приходъ большое значеніе имѣло и право послѣдственности	прихожанъ въ дѣлѣ опредѣленія на приходъ большое значеніе имѣло и право наслѣдственности
329	8 сн.	указами, Св. Синода	указами Св. Синода
331	5 сн.	№ 235 21	№ 2352
333	20 св.	церковь устроена, и просила не рукополагать	церковь устроена ея иждивеніемъ, и просила не рукополагать
338	10 св.	спороченню	опороченію
—	15 св.	перевести	переводить
343	3 сн.	чтобы концессъ былъ въ силѣ, т. е. чтобы онъ кончилъ ученіе дабы прочіе не отваживались дѣлать подобное	чтобы „концессъ былъ въ силѣ, т. е. чтобы онъ кончилъ ученіе, дабы и прочіе не отваживались дѣлать подобное“
348	20 св.	душеснасительно	душеспасительно
350	16 св.	было азписывать	было записывать
	20	ъ даже таких	даже такихъ
352	9 сн.	исправленій	исправленіи
362	3 сн.	(„отиск.	(оттискъ
365	12 св.	членовъ	члена
367	7 сн.	за здравный	за заздравный
368	17 св.	Іокимъ	Іоакимъ
370	22 св.	VIII	IX
375	11 св.	а жалованье	на жалованье
378	12 св.	безсквитно	безквитно
383	4 сн.	князю	графу
386	10 св.	обвѣнчалъ	повѣнчалъ
396	18 св.	дочери своей	дочерей своихъ
402	4 сн.	Подлинная	Подлипная
414	13 сн.	хиротонисомъ	хиротонисанъ
416	3 сн.	1563	1753
422	23 св.	1763	1764
—	24 св.	1764	1763
417	2 сн.	литераторъ	императоръ
419	18 св.	обязатель	обязательнымъ
420	1 сн.	Сильвестар	Сильвестра
424	5 сн.	отстаивали	отстаивала
	9 сн	соглашалось	соглашалась
425	6 сн.	дополнилъ	доносилъ
427	2 сн.	Ibidem	„Акт. и докум.“, проф. Н. И Петрова, т. III.
	4 сн.	Colloduia	Colloquia
428	11 св.	Collodua	Colloquia
430	10 св.	диступы	диспуты
434	7 сн.	близоти	близости
435	11 св.	и, внѣ уроковъ	и внѣ уроковъ
437	17 св.	конференція префекта и учителей	конференція изъ префекта и учителей
443	17 св.	инструкцей	инструкціей
	19 св.	подчиненеи	подчиненіи
	7 сн.	россіское	россійское
453	7 св.	1760 г.	1744 г., при м. Рафаилѣ Заборовскомъ, а въ 1760 г. подтверждено особымъ указомъ митрополита Арсенія.
454	6 св.	было то ихъ недостаточно	то ихъ было недостаточно
457	11 св.	имянинъ	именинъ
460	11 св.	не еше	но еще
466	9 сн.	Кириловскаго	Кирилловскаго
471	16 св.	Синола	Синода

		напечатано.	слѣдуетъ читать.
473	11 сн.	прибытъ	прибитъ
475	6 св.	Моиглянскому	Могилянскому
477	24 сн.	пожертвоѣавъ	пожертвованъ
479	10 сн.	кафейникъ	кофейникъ
481	5 св.	числа	число
483	20 св	предшествущія	предшествующія
495	23 св.	предлагало	предлагала
496	5 св.	игуману	игумену
497	11 сн.	Синодъ	Синода
501	7 св.	корыя	которыя
—	31 св.	вольности будутъ сохранены Кіевскаго митрополита въ его епархіи будутъ сохранены, въ силѣ	вольности Кіевскаго митрополита въ его епархіи будутъ сохранены въ силѣ,
504	22 св.	найд—ется	най··дется
505	4 св.	смысла	смыслъ
510	1 сн.	пись. м. кошев.	письм. кошев.
	6 сн.	его	его
	7 сн.	безапеляціонный	безапелляціонный
511	4 св.	безапеляціонный	безапелляціонный
	17 св.	причисленные	причисленныя
518	3 сн.	самаго	самого
520	10 св.	Иностраво	Иностранныхъ
	21 св.	сторожилы	старожилы
521	11 сн.	значенія	значеніе
523	5 сн.	составный	сословный
524	8 сн.	епрхіи	епархіи
	14 сн.	тѣхъ	тѣмъ
526	14 св.	Кармчую	Кормчую
527	3 сн.	показаній	наказаній
530	10 св.	По дѣйствующему, законодательству	По дѣйствующему законодательству
534	2 сн.	443	449
—	19 сн.	26 февр.	17 февраля
540	13 сн.	по монастырскихъ земляхъ	на монастырскихъ земляхъ
545	16 св.	служателей	слушателей
563	9 сн.	Куртейскаго	Кутейнскаго
564	3 сн.	рейтора	рейтара
565	13 сн.	„по давнему обычаю	„по давнему обычаю“
566	22 св.	Коннисскаго	Конисскаго
	5 сн.	кісвскихъ	кіевскихъ
	10 сн.	привыки	привыкли
567	10 сн.	дѣйствительно письмо,	дѣйствительно, письмо
573	1 св.	Консисторіи	консисторіи
	11 св.	назначавля	назначался
577	13 св.	провославныхъ	православныхъ
575	7 св.	считтлось	считалось
576	15 св.	пинской	Пинской
—	20 св.	лицо	м·ро
577	3 ев.	канноами	канонами
578	1 св.	судейскаго	судебнаго
580	11 св.	Бресткаго	Брестскаго
581	13 св.	экклесіархъ	экклиciархъ
	10 сн.	экклесіархъ	эклиciархъ
582	1 св.	Документы	„Памятники...“
583	18 св.	Ѳ. М.	Ѳ. И.
591	9 св.	Filiodue	Filioque
	16 св.	Fillodue	Filioque
597	11 сн.	конституціи	конституціей
604	2 сн.	Послѣдніе рѣчи посиол.	Послѣдніе дни Рѣчи Поспол.
605	11 св.	дороваиіи	дароваиіи
607	7 сн.	сдѣлалось	сдѣлалась

		напечатано.	слѣдуетъ читать.
608	1 сн.	Voulm	Volum.
621	23 св.	въ виду числа скудости	въ виду скудости числа.
622	13 сн.	Речи	Рѣчи
627	4 сн.	Ар. К. К. указ. 1770 г. № 489, генер. пов.	Труд. К. Д. Ак. 1894, іюль, стр. 480
	5 сн.	Труд К. Д. Ак. 1894. іюнь	А. К. К. 1770 г., № 489, ген. пов.
637	18 сн.	руководтеилей	руководителей
	9 св.	книгу	книгѣ
640	17 сн.	конфедерами	конфедератами
641	1 св.	групировались	группировались
	6 св.	сильной	сильный
665	97 сн.	митроплою	митрополію